

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ СXLIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХLIV.

1916

ПЕТРОГРАДЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

1916

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

АПРѢЛЬ, 1916 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

АПРѢЛЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая летопись V—XXXII

Иллюстраціи: Генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантеріи А. Н. Куропаткинъ, главнокомандующій арміи Сѣвернаго фронта.

I. Торговый домъ Блхвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XI—XV. (Продолженіе). Марка Басанина.	1
II. Послѣ Санъ-Стефано. VII—VIII. (Продолженіе). Записки графа Н. П. Игнатъева.	32
III. Живая-мертвая. (Быль времени крѣпостного права). Е. С. Витковича.	55
IV. Изъ записокъ за 47 лѣтъ. I—VII. Е. К. Андреевскаго.	77
V. Изъ дневника погибшаго героя.	112
VI. Силуэты прошлаго. (Изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щетинина.	122
VII. Гаршины. I—V. В. П. Соколова.	130
VIII. Первый царскій поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. А. А. Танкова.	159
IX. Сорокалѣтіе газеты «Новое Время» (1876—1916 г.г.). Д. М.	166
Иллюстраціи: 1) Редакторы газеты: Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.—2) Владимиръ Ивановичъ Лихачевъ.—3) Викторъ Петровичъ Буренинъ.—4) Богданъ Веніаминовичъ Рей.—5) Михаилъ Павловичъ Федоровъ.—6) Федоръ Ильичъ Булаковъ.—7) Михаилъ Николаевичъ Мазеевъ.—8) Борисъ Алексѣевичъ Суворинъ.	
X. Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньи. М. П. Ватаци.	194
XI. Въ прошлыхъ вѣкахъ. (Поѣздка по Польшѣ). XI—XVIII. (Окончаніе). С. Р. Минцлова.	214
Иллюстраціи: 1) Сандоміръ. Опатовскія ворота.—2) Сандомірская ратуша.—3) Развалины замка Оградзинска.—4) Развалины замка Уяздъ.—5) Древній костель въ Климентовѣ.—6) Олькушъ.—7) Замокъ Казимира въ Ойцовѣ.	
XII. Критика и библиографія	240
1) Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Выпускъ II. Подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1915. А. О.—2) А. Кизеветтеръ. Историческіе отклики. Москва. 1915. и. в.—3) Массонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. Соколовской.—4) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 32-й. Саратовъ. 1915. М.—5) The Tale of the armament of Igor. A Rus-ian historical Epic. Edited and translated by Leonard A. Magnus. Oxford University Press. 1914. А. Б.—6) Памятники мировъй литературы. Твореніе славянъ. Серб.	
(См. слѣд. стран.).	

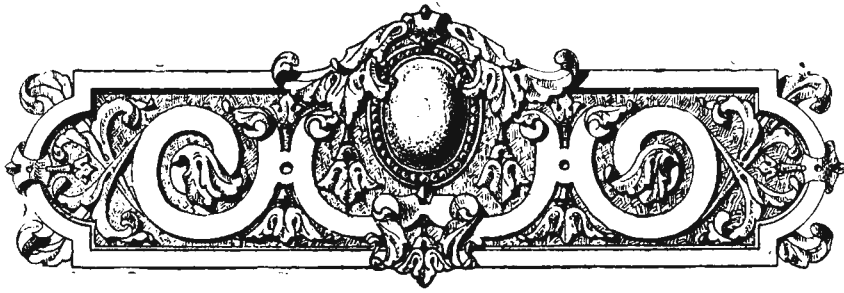
скій народный эпосъ. Пер. Н. М. Гальковского. М. 1916. А. Налимова.—
7) М. Жерлцынь. Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса. 1916.
А. Р. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изученію
памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной
характеристики. Изданъ подъ редакціей и наблюдениемъ профессора А. В.
Михайлова. Варшава. 1916. Влад. «вняннма».—8) Д. Н. Егоровъ. Славяно-
германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ
XIII в. Т. I. Матеріалъ и методъ. Москва. 1916. Томъ II. Процессъ коло-
низации. Москва. 1916. А. Захарова.—9) С. Любимовъ. Опытъ историче-
скихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе, Зотовы
и Остерманы. Пгр. 1916. Б. Модзалевскаго.—10) Парижскія письма про-
тоіеря І. сифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святыя-
шаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 г.г., изданныя съ био-
графическими свѣдѣніями и пояснительными прилѣчаніями Л. К. Брод-
скимъ. Петроградъ. 1916. н. г. р.—11) Алексѣй Ксюнинъ. Народъ на
войнѣ. (Изъ записокъ военного корреспондента). Библиотека «Вечернаго
Времени». Пгр. 1916. Д. М.—12) Начальный курсъ исторіи русскаго
языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Учебникъ по русскому
языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. И. Со-
ловьевъ, преподаватель Морского корпуса и Александровской женской
гимназіи въ Пгр. Пгр. 1916. л. л.—13) Борисъ Садовскій. Лебединые
кляки. Петроградъ. 1916. вл. кн.—14) А. Коллонтай. Общество и мате-
риальство. I. Государственное страхование материнства. Пгр. 1916. т. м.—
15) А. А. Феть. (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. В. С. Федина.
Пгр. 1916. т. м.

- XIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго
Вѣстника» 261
- XIV. Новости исторіи. (Историческій Ставрогинъ и русская мо-
лодежь второй половины XIX вѣка). Е. Шумигорскаго. . . 265
- XV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 273
1) Трагическая ночь бельгійскаго правительства.—2) Австрійскій
дворъ наканунѣ войны.—3) Новая біографія Марш-Антуанетты.—4) Вос-
питаніе австрійскаго принца.
- XVI. Смѣсь 290
1) Въ обществѣ русскихъ писателей.—2) Годовое собраніе петроград-
ской губернской ученой архивной комиссіи.—3) Исключеніе изъ акаде-
деміи иностранныхъ подданныхъ.—4) 35-лѣтіе музыкально-критической
дѣятельности В. С. Баскина.—5) 35-лѣтній юбилей К. В. Лукашевичъ.—
6) Отъ организаторовъ общественныхъ заводовъ.—7) Памятникъ князю
М. И. Кутузову-Смоленскому.—8) Памяти Ѳ. В. Дубасова.—9) Отъ правле-
нія драматическихъ и музыкальныхъ писателей.—10) Конкурсъ на со-
снаніе премій имени М. И. Михелсона.
- XVII. Некрологи 298
1) Алексѣевъ, А. С., проф.—2) Гахрушинъ, А. А.—3) Сабуровъ, А. А.—
4) Саккетти, Л. А.—5) Суриковъ, В. И.—6) Томашевскій, С. П.
- XVIII. Замятки и поправки. 302
Къ статьѣ А. Фрейганга «Въ защиту славнаго прошлаго». А. Радецаго.

Приложенія: 1) Портретъ Михаила Алексѣевича Суворина.—2) Въ бархат-
ныхъ когтяхъ. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англій-
скаго. А. Б. Михайлова. XVIII—XXIII. (Продолженіе).

МИХАИЛЪ АЛЕКСѢВИЧЪ СУВОРИНЪ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РИНАДЦАТАГО декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что въ районѣ Цмины, къ юго-востоку отъ ст. Чарторійскъ, нами было сбито охраненіе германцевъ и успѣшно атакована во флангъ ихъ часть, спѣшившая на выручку. Въ районѣ Пугачевки, къ сѣверу отъ дер. Муравицы на р. Иквѣ, нами была окружена и захвачена въ плѣнъ партія непріятельскихъ развѣдчиковъ. Къ сѣверу отъ Бучача одна изъ нашихъ партій внезапно ворвалась въ дер. Петликовце, гдѣ находилась застава австрійцевъ. Въ происшедшей схваткѣ часть австрійцевъ была переколота, остальные бѣжали.

На кавказскомъ фронтѣ въ долинѣ рѣки Севри-чая, юго-восточнѣе озера Тортумъ-Гель, нашимъ огнемъ прекращены работы турокъ по возведенію укрѣпленій. Нашими войсками былъ отгѣсненъ къ западу отъ Мелазгерта значительный конный отрядъ противника.

Черногорскія войска въ Санджакѣ продолжали наступленіе, причемъ имъ удалось занять нѣсколько деревень, находившихся въ рукахъ непріятели. Австрійцы понесли большія потери. На остальныхъ фронтахъ продолжалась артиллерійская перестрѣлка.

На фронтѣ Изера обѣ стороны проявили 13-го декабря лишь слабую дѣятельность. Бельгійская артиллерія успѣшно боролась съ нѣсколькими германскими батареями, открывшими огонь по Ламперниссъ, Удекапелле и по бельгійскимъ позиціямъ первой линіи въ секторѣ Диксмюде.

12-го декабря англійскія войска вступили въ бой съ непріателемъ, скрывавшимся въ числѣ 3000 человекъ въ долину къ западу отъ Марсаматру, и причинили ему значительныя потери: 200 человекъ убито, остальные отогнаны на западъ отъ Вади-Маджидъ. Артиллерійскій огонь съ англійскихъ судовъ содѣйствовалъ результату сраженія; потери англичанъ были незначительны.

Въ Артуа французская артиллерія развила большую дѣятельность къ югу отъ Байель, въ районѣ Блервиль, и къ югу отъ Арраса. Въ Шампани, въ районѣ фермы Наваренъ, французскія батареи успѣшно обстрѣляли группы непріятельскихъ рабочихъ. Въ Веврѣ огнемъ французской артиллеріи взорванъ складъ боевыхъ припасовъ непріятеля къ сѣверо-востоку отъ Реньевилль. Въ Вогезахъ одной изъ французскихъ батарей удалось обстрѣлять стоявшій на станціи Гашиметтъ, къ юго-востоку отъ Бономъ, непріятельскій поѣздъ, груженный боевыми снарядами; французскими наблюдателями былъ установленъ вызванный ея огнемъ сильный взрывъ.

Во время развѣдки, произведенной въ Солунской бухтѣ, одинъ изъ французскихъ крейсеровъ бомбардировалъ и уничтожилъ турецкую батарею. Тралеръ «Рагіс» обстрѣливалъ турецкое побережье, а также двѣ крупныя непріятельскія подводныя лодки.

14-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

На приморскомъ направленіи, въ районѣ Шмардена, было организовано нападеніе партизанскимъ отрядомъ. Около четырехъ часовъ утра партія подошла незамѣтно къ нѣмецкой заставѣ, которая находилась въ землянкахъ за окопомъ въ видѣ подковы, перерѣзала въ нѣсколькихъ мѣстахъ проволоку и стремительно бросилась къ землянкамъ, бросая въ окна ручныя гранаты. Успѣвшихъ выскочить нѣмцевъ кололи штыками и послѣ короткой рукопашной схватки уничтожили всю заставу, взявъ въ плѣнъ шесть человекъ нижнихъ чиновъ. Небольшая часть успѣла разбѣжаться въ разныя стороны. Несмотря на сильный обстрѣлъ съ юга партизаны благополучно отошли. Наши потери ничтожны. Въ районѣ станціи Чарторійскъ, у кладбища дер. Н. Подчеревичи, нами также была уничтожена германская застава, причемъ 16 человекъ взято въ плѣнъ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы уничтожили вблизи болгарскихъ береговъ два парусныхъ судна и обстрѣляли береговые посты. Атаки непріятельскихъ подводныхъ лодокъ на миноносецъ «Громкій» были отбиты артиллерійскимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Хамадана нашими войсками занятъ городъ Асадъ-Абадъ. Въ бою у селенія Рабатъ-Керима (въ сорока верстахъ къ юго-западу отъ Тегерана) съ персидскими жандармами и шайками эмира Хишмета нами взято въ плѣнъ 71 человекъ мятежниковъ.

13-го декабря въ долину Джудикарія итальянская артиллерія бомбардировала непріятельскія позиціи въ окрестностяхъ Колонья, на которыхъ были обнаружены непріятельскія батареи, и своимъ удачнымъ огнемъ вызвала большіе взрывы и пожаръ. Въ результатъ дѣятельности итальянскихъ мелкихъ отрядовъ въ долинахъ Дуріо и Камера (притоки рѣки Эчъ) и горнаго ручья Маджіо (притокъ рѣки Бренты) итальянцы имѣли нѣсколько удачныхъ столкнове

ній съ непріятелемъ, у котораго взяли нѣсколько плѣнныхъ. На Карсо попытка непріятели атаковать 13-го декабря позиціи итальянскихъ войскъ на горѣ Себузи была немедленно остановлена ружейнымъ огнемъ итальянцевъ.

Въ Бельгіи французы успѣшно обстрѣляли непріятельскія позиціи между Большой Дюной и Веромъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ были разрушены парпеты непріятельскихъ окоповъ и, кромѣ того, былъ взорванъ одинъ блокгаузъ первой непріятельской линіи. Въ Артуа французами была 13-го декабря вечеромъ взорвана мина къ сѣверо-западу отъ возвышенности «140», причемъ французы не дали возможности непріятелю занять образовавшуюся воронку. Между рѣками Соммой и Уазой огнемъ французской артиллеріи былъ разсѣянъ непріятельскій отрядъ въ сѣверо-востоку отъ Шилли. Между Соммой и Реймсомъ французскія батареи нанесли поврежденія полевому германскому укрѣпленію къ сѣверу отъ Мусси. Въ Шампани, близъ возвышенности «193», непріятель послѣ предварительной бомбардировки повелъ противъ французскихъ линій атаку, легко отбитую нами. Въ Вогезахъ, къ сѣверу отъ Ленжа, французской артиллеріи удалось разрушить казематы непріятельской батареи и пулеметныя прикрытія. Кромѣ того, французы съ успѣхомъ обстрѣляли непріятельскія траншеи у Шраценелле.

На всемъ фронтѣ Бельгіи происходила упорная артиллерійская борьба. Бельгійцы успѣшно обстрѣляли нѣсколько непріятельскихъ батарей въ окрестностяхъ Схооръ, Воумень. Непріятельская пѣхота, сосредоточившаяся въ траншеяхъ, была разсѣяна огнемъ бельгійской артиллеріи близъ Воумена и дома паромщика.

14-го декабря официальное черногорское сообщеніе гласило:

«Непріятель подвергъ сильному, но безрезультатному артиллерійскому обстрѣлу наши позиціи на рѣкѣ Тарѣ и, кромѣ того, повелъ противъ насъ энергичную атаку близъ Любови, но былъ отброшенъ съ большими для него потерями. Нами вновь занято нѣсколько деревень, вплоть до Кариты, причемъ нами взято въ плѣнъ 40 человекъ. На фронтѣ Ловчена австрійцы открыли огонь со своихъ фортовъ и съ нѣкоторыхъ своихъ судовъ противъ Расшкова-Гора, на которой мы, однако, удержались. За пятнадцатичасовой обстрѣлъ ими выпущено около 2.000 снарядовъ изъ крупныхъ орудій. Одновременно съ этимъ австрійцы произвели пѣхотныя атаки, которыя всѣ были нами отбиты. Несмотря на ожесточенность огня австрійской артиллеріи, мы потеряли всего двухъ убитыми и двухъ ранеными, что свидѣтельствуетъ о посредственности стрѣльбы австрійскихъ артиллеристовъ. Успѣхъ, достигнутый нами 10-го декабря у Лепанаца, былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ ранѣе представлялось. Дѣйствительно, на правомъ флангѣ отряда, дѣйствовавшего противъ насъ, нами было найдено 500 непріятельскихъ труповъ. Зато общее число потерь австрійцевъ въ бою превышаетъ 2.000 убитыхъ и раненыхъ. Король Николай поздравилъ командующаго бригадой генерала Васоевича съ успѣхомъ. Австрійскій аэропланъ 14-го декабря сбросилъ надъ Подгорицей нѣсколько бомбъ, которыми было убито двое австрійскихъ плѣнныхъ».

15-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ рижскомъ районѣ, южнѣе озера Бабить, нѣмцы пытались наступать на

наши окопы, но были отражены огнем; часть немцев, однако, залегла около проволочных заграждений; высланными нашими партиями они отогнаны в свои окопы. На остальном фронте до района реки Припяти происходила обычная ружейная и артиллерийская перестрелка.

На фронте к югу от Припяти и в Галиции повсеместные столкновения продолжались, принимая местами ожесточенный характер.

На всем фронте черноморской санджакской армии 15-го декабря происходил ожесточенный артиллерийский бой. На ловченском фронте неприятель вновь атаковал Рашкову гору. После трехдневных ожесточенных боев, во время которых австрийцами были произведены тысячи орудийных выстрелов с фортов и военных судов, неприятель вынужден был отступить, преследуемый черноморскими войсками.

15-го декабря перед центром бельгийского фронта происходил довольно ожесточенный артиллерийский бой. Бельгийскими батареями были разрушены около Диксмуде неприятельское прикрытие и блокгауз. В Бельгии французская артиллерия взорвала неприятельский склад снарядов, расположенный против Стеенстрате.

В Артуа французы подвергли сильной бомбардировке вокзал в Лансе, а также ангорский сектор. В реймском районе огнем французских батарей, направленных против неприятельских полевых укреплений в лесу, расположенном к западу от Прюне, вызван был большой пожар. В Лотарингии французская артиллерия успешно бомбардировала неприятельские укрепления в районе Домевра и Премениля. В Вогезах происходил сильный артиллерийский бой между Лаплань и Ле-Бонем. На Гартмансвейлеркопфе французы завладели несколькими траншеями, которые еще занимались неприятелем между вершинами Ребфельзен и Гиршштейн. При этом французами было взято около 100 пленных, в том числе один офицер.

На итальянском фронте деятельность итальянских отрядов, заставивших неприятеля обнаружить свои позиции, дала возможность артиллерии итальянской подвергнуть эти позиции обстрелу. В свою очередь, неприятельская артиллерия обстреливала населенные места, в особенности против Нижнего Изонцо. Вдоль всего фронта продолжались работы по усилению укреплений, которым неприятель часто пытался препятствовать своим огнем и в особенности бросанием больших бомб, содержащих удушливые газы и вызывающих слезотечение.

16-го декабря штаб Верховного Главнокомандующего уведомил:

«На левом берегу реки Аа партия латышской части, встретившись с партией противника, бросилась на нее в штыки. Немцы бежали, оставив на месте убитых и раненых. На остальных частях фронта до района реки Припяти местами происходила артиллерийская и ружейная перестрелка. На фронте к югу от реки Припяти и в Галиции велись бои.

В Бельгии и в Артуа 16-го декабря артиллерия обеих сторон проявляла значительную деятельность. К северу от реки Эна своим огнем французы разрушили пулеметные прикрывания неприятеля и разбьили его рабочих в окрестностях Виллобуа. В Аргонах французами были взорваны две мины

у возвышенности «285» къ сѣверу отъ Фильморть, причемъ уничтоженъ небольшой германскій постъ. На правомъ берегу Мааса обстрѣлъ французской артиллеріей германской батареи, обнаруженной въ Вармонскомъ лѣсу, къ сѣверовостоку отъ Сень-Міэля, даль, по полученнымъ отъ летчиковъ-наблюдателей

Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи А. Н. Куропаткинъ,
главнокомандующій арміи сѣвернаго фронта.

свѣдѣніямъ, самые лучшіе результаты. Въ Вогезахъ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка въ различныхъ пунктахъ сектора, главнымъ же образомъ между Фехтъ и Тюрь; особенно напряженнаго характера артиллерійскій огонь достигъ въ районѣ Гартмансвейлеркопфа. Несмотря на ожесточенную контръ-атаку непріятели, начатый французами 15-го декабря бой къ концу дня привелъ къ занятію непріятельскихъ укрѣпленій, располо-

женныхъ между Ребфельзеномъ и Гирцштейномъ, что довершило успѣхъ французовъ, достигнутый уже ранѣе занятыми ими непріятельскими траншеями. Число взятыхъ ими въ плѣнъ съ 15-го декабря германцевъ достигаетъ 300 человекъ. Общее же число здоровыхъ плѣнныхъ, взятыхъ французами съ начала упомянутыхъ операций, опредѣляется въ настоящій моментъ въ 1.668 человекъ.

Австрійская морская дивизія, вышедшая изъ Катарро для обстрѣла Дураццо, была встрѣчена небольшими морскими отрядами союзниковъ. Австрійскій миноносецъ «Lika» былъ взорванъ миной, а миноносецъ «Triglav» того же типа уничтоженъ союзными судами. Остальные непріятельскія суда, преслѣдуемые союзниками, бѣжали по направленію къ своей базѣ.

На санджакскомъ фронтѣ черногорцы 16-го декабря уничтожили непріятельскій отрядъ и взяли 15 человекъ въ плѣнъ. На южномъ фронтѣ черногорцы отразили непріятельскую атаку противъ Бучида. Австрійцы овладѣли и укрѣпили Рашкову гору. На ловченскомъ фронтѣ черногорцы отразили непріятелей, нанеся ему значительныя потери и взявъ плѣнныхъ.

16-го декабря англійская главная квартира во Франціи извѣстила:

«15-го непріятельскіе аэропланы атаковали одинъ изъ нашихъ аэродромовъ. Однако изъ четырехъ аппаратовъ лишь два достигли невредимыми своей цѣли. Одинъ изъ нашихъ аэроплановъ былъ сбитъ непріятелемъ. Ночью мы имѣли удачное дѣло близъ Армантьера. Здѣсь мы ворвались въ непріятельскія траншеи и, пользуясь ручными бомбами, причинили германцамъ значительныя потери. Съ нашей же стороны уронъ былъ ничтоженъ. 16-го декабря наша артиллерія снова подвергла удачному обстрѣлу траншеи въ Билета и многіе пункты между Манецъ и Монши. Непріятелемъ были взорваны двѣ мины въ Гвенши, не причинившія, однако, никакого вреда. Къ югу отъ канала Лабассэ день прошелъ спокойно. Близъ Ипра происходила артиллерійская перестрѣлка».

16-го декабря генераль Таусендъ доноситъ о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Месопотаміи:

«Турки въ теченіе двухъ ночей подвергали сильному ружейному обстрѣлу отдѣльный постъ на правомъ берегу Тигра, противъ города Кута. Другихъ военныхъ дѣйствій не происходило. Непріятель просилъ о четырехчасовомъ перемиріи для удаленія многочисленныхъ убитыхъ и раненыхъ, лежавшихъ передъ фортомъ, который они атаковали въ день Рождества. Подтверждаются извѣстія о тяжелыхъ потеряхъ турокъ въ сраженіи у Ктесифона. Общія потери британскихъ войскъ въ сраженіи, происходившемъ въ день Рождества, выражаются въ цифрѣ 71 убитыхъ и 309 раненыхъ. Подкрѣпленія, посланныя на помощь колоннѣ, быстро приближаются».

На итальянскомъ фронтѣ въ долинѣ Джудикарія итальянская артиллерія продолжала обстрѣлъ форта Поръ и открыла также огонь по деревнѣ Поръ, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, происходило передвиженіе войскъ и обозовъ съ провіантомъ. Непріятель былъ разсѣянъ. Дѣятельность итальянскихъ небольшихъ отрядовъ позволила итальянцамъ нѣсколько продвинуться впередъ въ мѣстности при впаденіи потока Лено-ди-Валларса въ Адиджъ. Въ долинѣ Сутана непріятельская артиллерія выпустила нѣсколько снарядовъ по Борго,

Кастельнуово и Стриньо, не причинив, однако, никаких повреждений. На возвышенностях къ западу отъ Горицы и на Карсо непріятель тщетно пытался путемъ метанія бомбъ помѣшать работамъ итальянцевъ по сооруженію оборонительныхъ укрѣпленій. Тѣмъ не менѣе, работы успѣшно продолжались.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое декабря передъ боемъ, когда были уничтожены два австрійскихъ миноносца, французская подводная лодка «Monge» была потоплена непріятельскимъ крейсеромъ на высотѣ Каттаро. Плѣнные, взятые съ австрійскаго миноносца «Lika», заявляютъ, что значительная часть экипажа «Monge» была спасена. Во время бомбардировки Дураццо, происходившей 16-го декабря, непріятель пользовался гидропланами, причемъ одинъ изъ этихъ аппаратовъ былъ уничтоженъ итальянскимъ крейсеромъ. Французская подводная лодка потопила въ Адриатическомъ порѣ транспортъ съ военными припасами.

17-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Попытка бронированнаго автомобиля противника подойти къ нашимъ окопамъ по Баусскому шоссе была легко отражена нашимъ огнемъ. На всемъ фронтѣ рижскаго района перестрѣлка, особенно сильная у икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія. Во многихъ мѣстахъ отмѣчены удачныя дѣйствія нашей артиллеріи. На остальномъ фронтѣ до района рѣки Припяти происходила обычная артиллерійская и ружейная перестрѣлка. На фронтѣ къ югу отъ рѣки Припяти бои продолжаются.

На кавказскомъ фронтѣ въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря и юго-западнѣе горы Ахъ-Дагъ (въ районѣ озера Тортумъ-Гель) нашимъ огнемъ прекращены работы турокъ по укрѣпленію позицій.

17-го декабря французское официальное сообщеніе гласило:

«Въ Артуа огнемъ нашей артиллеріи взорванъ складъ боевыхъ припасовъ къ западу отъ Борена. На пространствѣ между рѣками Авромъ и Уазой наши траншейныя орудія успѣшно обстрѣляли непріятельскія укрѣпленія и разрушили складъ боевыхъ припасовъ въ секторѣ Бевренъ. Между рѣками Уазой и Эномъ наши батареи уничтожили пулеметное прикрытіе у Байи. Къ сѣверу отъ Суассона огнемъ нашей артиллеріи, корректируемымъ летчиками-наблюдателями, приведена къ молчанію германская батарея. Въ Вогезахъ въ теченіе дня 17-го декабря происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка, а именно въ районахъ Гартмансвейлеркопфа, Мецераля и Ленжа, причемъ однимъ изъ изъ нашихъ снарядовъ въ лѣсу къ сѣверо-западу отъ Мюльбаха, въ долину Фехта, было вызвано пять сильныхъ послѣдовательныхъ взрывовъ. Въ районѣ Ребфельзена атака германцевъ была нами легко отбита.

«На восточномъ фронтѣ въ теченіе дня 16-го декабря наши аэропланы бомбардировали лагерныя расположенія болгаръ у Петрика, къ востоку отъ Дойранскаго озера. Кромѣ того, по эту сторону границы Греціи не произошло ничего существеннаго.

«У Дарданеллъ въ теченіе 15-го и 16-го декабря артиллерія обѣихъ сторонъ проявляла напряженную дѣятельность, причемъ непріателемъ обстрѣливались преимущественно траншеи Седиль-бахра. Утромъ 15-го декабря французскій крейсеръ подвергъ ожесточенной бомбардировкѣ турецкія батареи на азіат-

скомъ берегу. Послѣ полудня непріятельскій аэропланъ, пытавшійся пролетѣть надъ нашими линіями, былъ обращенъ въ бѣгство аэропланами союзниковъ».

17-го декабря 16 англійскихъ аэроплановъ успѣшно атаковали бомбами станцію Коминь, желѣзную дорогу и прилегающія къ ней мастерскія. 10 англійскихъ аэроплановъ атаковали аэродромъ въ Гервили и причинили значительныя поврежденія. Въ обоихъ случаяхъ аппараты вернулись невредимыми. Въ теченіе ночи съ 16-го на 17-ое декабря непріятель подвергъ сильному обстрѣлу англійскія траншеи къ югу отъ Фрикура. Нѣсколько германцевъ ворвались въ передовыя траншеи англичанъ, но немедленно были оттуда выбиты.

18-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Къ юго-востоку отъ Залая ночью нами были заброшены ручными гранатами окопы противника. Нападавшіе возвратились утромъ обратно безъ потерь. На фронтѣ двинскаго района, на участкѣ, примыкающемъ къ Поневѣжской желѣзной дорогѣ, мелкія стычки. Далѣе на югъ до района рѣки Припяти безъ перемѣнъ. На фронтѣ къ югу отъ рѣки Припяти мѣстами идетъ ожесточенный бой.

На кавказскомъ фронтѣ попытки турокъ перейти рѣку Архаве южнѣе м. Хопы съ легкостью были прекращены. Въ районѣ сел. Ардоста нашимъ огнемъ останвлены работы турокъ по укрѣпленію позицій. Въ Персіи, въ районѣ къ востоку отъ Ушнуэ (южнѣе Урміи), столкновенія съ курдами, поддержанными турецкой пѣхотой. Въ районѣ сел. Сиркана, къ югу отъ Хамадана, перестрѣлка съ персидскими жандармами, перешедшими на сторону нашихъ враговъ.

Въ Бельгіи французскія батареи успѣшно бомбардировали непріятельскія траншеи первой и второй линіи, а также желѣзнодорожный путь противъ Бусинге. Въ районѣ Руа успѣшнымъ огнемъ французской артиллеріи былъ сильно поврежденъ складъ военного снаряженія въ Верпильерѣ. Къ сѣверу отъ рѣки Эна французы разрушили непріятельское укрѣпленіе, расположенное къ западу отъ Супирь. На правомъ берегу рѣки Мааса французы подвергли дѣятельному обстрѣлу непріятельское укрѣпленіе и блокгаузъ у лѣса Шевалье. Въ Вогезахъ непріятель, послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки, произвелъ пѣхотную атаку противъ французскихъ позицій въ районѣ Гирцштейна, которая была совершенно отражена.

На восточномъ фронтѣ непріятельскіе летчики днемъ 17-го декабря бросали бомбы надъ Солунью. Однимъ изъ этихъ снарядовъ, брошеннымъ въ эскадронъ греческихъ войскъ, маневрировавшій на глазахъ королевича Андрея, былъ убитъ пастухъ, въ 50 метрахъ отъ мѣста, гдѣ находился эскадронъ. Матеріальный ущербъ незначительный.

У Дарданеллъ вслѣдствіе ожесточеннаго огня французскихъ тяжелыхъ орудій турецкія батареи, расположенныя на азіатскомъ берегу, 17-го декабря значительно ослабили свой огонь. Повреждено было нѣсколько непріятельскихъ орудій и взорванъ складъ снарядовъ.

19-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Къ югу отъ Припяти бои продолжаются съ прежнимъ упорствомъ. На участкѣ рѣки Стыри, между желѣзной дорогой Ковель—Сарны и м. Чарторійскъ,

мы переправились на лѣвый берегъ Стыри и овладѣли с. Хряскъ. Ожесточенныя контръ-атаки противника, имѣвшія цѣлью отбросить насъ обратно на правый берегъ Стыри, успѣха не имѣли. Также не имѣла успѣха попытка противника сбить насъ въ районѣ кол. Милашева къ юго-востоку отъ м. Колки. Къ сѣверу отъ ст. Олыка мы продвинулись впередъ и закрѣпили за собой занятое пространство. На фронтѣ рѣки Стрыпы мы заняли двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ. Въ районѣ Усѣчко мы отбросили противника на правый берегъ Днѣстра. Между Днѣстромъ и румынской границей мы дошли до проволочныхъ загражденій противника, преодолевая ихъ и закрѣпляя за собой занятое пространство.

На кавказскомъ фронтѣ въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря нашими развѣдчиками было произведено нападеніе на сторожевое охраненіе турокъ, находившихся на отрогѣ горы Кара-Ташъ (къ югу отъ Хоросана). Развѣдчики, переколовъ часть часовыхъ, достигли землянки, гдѣ находилась поддержка турецкаго сторожевого охраненія, и бросили въ дымовое отверстіе бомбу: оставшіеся въ живыхъ турки пытались бѣжать изъ землянки, но были переколоты. Въ районѣ къ югу отъ Урмійскаго озера одинъ изъ нашихъ отрядовъ 16-го декабря подъ давленіемъ сильнаго противника на перевалѣ у сел. Индеркашъ (полпути между Соуджи-Булагомъ и Міандоабомъ) отошелъ къ сѣверо-востоку въ Міандоаба.

Въ ночь съ 18-го на 19-ое декабря непріателемъ были взорваны пять минъ къ сѣверу отъ Лооса; при этомъ нѣсколько человекъ вышло изъ строя; причинены незначительныя поврежденія траншеямъ. Атаки произведено не было. Послѣ того, какъ поврежденія были исправлены, произошла артиллерійская перестрѣлка въ окрестностяхъ Гюллуха, Живанши и Армантѣра. Французскія тяжелыя гаубицы причинили значительныя поврежденія въ различныхъ пунктахъ непріятельскихъ линій. Между рѣками Авромъ и Узой наша артиллерія заставила замолчать непріятельскія батареи въ районѣ Ами, къ югу отъ Руа. На пространствѣ между Суассономъ и Реймсомъ происходила минная борьба. Французы успѣшно взорвали два горна въ районѣ Труайона, третій же у Помпелль, къ югу отъ Реймса. Въ Вогезахъ французская артиллерія поддерживала напряженный огонь въ районѣ Мюльбаха. Утромъ 19-го декабря дальнобойное орудіе непріятеля выпустило около десяти снарядовъ по городу Нанси и его окрестностямъ, при чемъ два человекъ были убиты и семь человекъ легко ранены. Матеріальныя поврежденія незначительны. Французскія батареи немедленно открыли огонь по стрѣлявшему орудію.

20-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

На рижскомъ фронтѣ, въ районѣ Бальдонскаго шоссе, велась оживленная перестрѣлка съ участіемъ нѣмецкаго бронированнаго автомобиля. Въ южной части яacobштатскаго района и у мызы Подунай оживленная перестрѣлка. Въ районѣ Поневѣжской желѣзной дороги нѣмцы бросали въ наши окопы ручныя гранаты и ракеты съ ѣдимымъ дымомъ. Къ сѣверу отъ м. Чарторійска противникъ дважды атаковалъ наши укрѣпленія, но съ большими для него потерями былъ отброшенъ въ свои окопы; при этомъ нами взято въ плѣнъ одинъ офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ. На фронтѣ рѣки Стрыпы противникъ, подъ натискомъ нашихъ войскъ, отошелъ на новую укрѣпленную позицію. Особенно

упорный бой разгорѣлся въ районѣ сѣверо-восточнѣ Черновицъ, гдѣ мы овладѣли нѣсколькими командующими высотами, захвативъ въ плѣнъ 15 офицеровъ и 855 нижнихъ чиновъ, три пулемета и одинъ бомбометъ.

На кавказскомъ фронтѣ наша конница, внезапно атаковавъ курдскій отрядъ въ нѣсколько сотъ человекъ, занимавшій городъ Копъ, изрубила и разсѣяла ихъ. Въ Персіи, кромѣ занятія нашими войсками на хамаданскомъ направленіи селенія Зере, отмѣтить нечего.

На всемъ итальянскомъ фронтѣ продолжалась упорная артиллерійская борьба. Въ долину Лагирина, въ результатъ произведенной итальянскими войсками смѣлой развѣдки на Мальга Зурець, къ сѣверу отъ Доссо Казина, итальянцы взяли нѣсколько человекъ въ плѣнъ. Непріятель, въ свою очередь, атаковалъ итальянскія позиціи на Корна-Кальда, къ югу отъ Роверетто, но былъ отброшенъ.

19-го декабря вечеромъ къ юго-востоку отъ Армантьера небольшой отрядъ англійскихъ войскъ занялъ участокъ германскаго фронта и нанесъ неприятели небольшой уронъ. Исполнивъ заданіе, отрядъ отошелъ. Потери англичанъ выразились въ незначительномъ количествѣ раненыхъ. 20-го декабря утромъ неприятели взорвали мину близъ Гогенцоллернскаго редута, но не причинили англичанамъ вреда. 20-го декабря артиллерійская перестрѣлка носила менѣе упорный характеръ.

Черногорскія войска отражали въ теченіе всего дня 20-го декабря атаки неприятели въ направленіи Мотковаца и снова завладѣли позиціей Богичевичи, обративъ неприятели въ бѣгство и нанеся ему серьезныя потери,

19-го декабря британскія силы заняли Джаунди въ Камерунѣ. Непріятель отступилъ къ юго-востоку. Великобританскія войска находятся въ соприкосновеніи съ неприятелискимъ арьсгардомъ. Германскія власти бѣжали изъ Джаунди.

На Карсо 20-го декабря неприятели произвелъ атаку на итальянскія позиціи на горѣ Санъ-Микеле, но былъ отброшенъ съ крупными для него потерями.

Въ ночь съ 20-го на 21-ое декабря и днемъ 21-го декабря происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка на фронтѣ Изера. Непріятель нѣсколько разъ подвергалъ обстрѣлу группу солдатъ, находившихся позади великобританскихъ линій, и пытался, но безуспѣшно, заставить замолчать великобританскія батареи, которыя открыли огонь по неприятелискимъ лагернымъ расположеніямъ и группамъ.

21-го декабря на бельгійскомъ фронтѣ дѣятельность французской артиллеріи продолжала быть оживленной. Французскія батареи вмѣстѣ съ бельгійской артиллеріею открыли успѣшный огонь по неприятелиской батарее. Къ востоку отъ Бусинге и въ районѣ Стеенстрате французы съ успѣхомъ подвергли обстрѣлу неприятелискія сооруженія. Къ югу отъ Соммы французы обстрѣляли первыя линіи германскихъ траншей близъ Домпьера. Обозъ съ продовольствіемъ, попавшій въ сферу нашего огня въ районѣ Галлю, къ югу отъ Шона, былъ разсѣянъ. Въ Шампани новая неприятелиская атака съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ была направлена на французскія позиціи къ западу

отъ Тагюра, но не удалась. Въ Вогезахъ происходила довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка въ секторѣ Гирцштейна.

22-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Нѣмцы пытались перейти черезъ рѣку Двину въ районѣ Элизенгофа, но были отброшены нашимъ огнемъ; также были обращены въ бѣгство нѣмцы, одѣтые въ бѣлые плащи, при ихъ попыткѣ приблизиться къ нашимъ окопамъ въ районѣ ст. Царьградъ. Въ районѣ Чарторійска противникъ былъ вытѣсненъ изъ роши между Костюхновкой и ст. Подчеревичи. Въ районѣ средняго теченія рѣки Стрыпы наши войска, преодолевъ рядъ проволочныхъ загражденій, заняли часть окоповъ противника, а къ востоку отъ дер. Вѣлавинце штурмомъ овладѣли сильнымъ сомкнутымъ укрѣпленіемъ. Къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ мы овладѣли рядомъ непріятельскихъ окоповъ, причемъ произведенныя здѣсь противникомъ контръ-атаки были отбиты сосредоточеннымъ огнемъ нашей артиллеріи, нанесшей врагу большія потери.

На итальянскомъ фронтѣ 22 декабря въ зонѣ Рива послѣ тщательной подготовки итальянскія войска заняли новыя позиціи на возвышенностяхъ по крутымъ скаламъ, которыя отъ Біалеза поднимаются къ Рошета. Послѣ оживленнаго, но кратковременнаго сраженія итальянцы заняли также двѣ траншеи по склонамъ горы Спероне. Въ зонѣ Карсо, въ Монфальконе, одинъ изъ итальянскихъ отрядовъ вышелъ изъ окоповъ и быстро занялъ новую, болѣе выдвинутую впередъ позицію и укрѣпился на ней.

Французское официальное сообщеніе отъ 22 декабря извѣщало о томъ, что въ Артуа артиллерія французовъ нанесла чувствительныя потери группамъ непріятельскихъ рабочихъ въ секторѣ Теллюсъ къ сѣверу отъ Арраса. Французскія батареи подвергли ожесточенному обстрѣлу германскія войска, замѣченныя въ предмѣстьяхъ Руа. Въ Вогезахъ французы подвергли сильному обстрѣлу непріятельскія полевыя укрѣпленія въ районѣ Бальшвиллеръ, къ сѣверо-западу отъ Альткирха. Непріятельскія траншеи разметаны; взорванъ складъ снарядовъ.

На восточномъ фронтѣ. Болгарскіе отряды произвели грабежи въ нѣсколькихъ деревняхъ на греческой границѣ.

У Дарданеллъ, артиллерійскій огонь имѣлъ интенсивный характеръ въ теченіе 20 и 21 декабря.

23 декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доноситъ, что къ югу отъ Припяти, въ районѣ Кухоцка-Воля, мы потѣснили германцевъ. Въ районѣ средняго теченія р. Стрыпы наши части закрѣпляли за собою захваченное пространство. Попытки противника вернуть потерянные укрѣпленія были нами отражены съ большими для него потерями. Къ сѣверу-востоку отъ Черновицъ ожесточенный бой продолжается, причемъ наши части овладѣли новыми участками непріятельской позиціи; контръ-атаки противника отбиты огнемъ, причинившимъ врагу большія потери. Въ этомъ районѣ одной изъ нашихъ частей было взято въ плѣнъ 18 офицеровъ и 1043 нижнихъ чина и захвачено 4 пулемета.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ, на р. Архаве, нашимъ огнемъ были разсѣяны части Турокъ, сосредоточившіяся вблизи с. Патаджура, а также разрушены на многихъ участкахъ турецкіе блиндажи и землянки.

23 декабря английская главная квартира во Франціи увѣдомила: «Во время артиллерійскаго боя, происходившаго съ перерывами, мы заставили замолчать двѣ германскія гаубицы въ районѣ Армантьера и разсѣяли отряды германскихъ саперъ къ сѣверо-востоку отъ Ипра. Къ сѣверу отъ Альбера непріятель послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся нѣсколько часовъ, открылъ огонь изъ траншей. Встрѣчнымъ огнемъ мы помѣшали развитію атаки. Кромѣ воздушнаго рейда на Дуэ, 23 декабря тринадцать нашихъ аэроплановъ совершили набѣгъ и бросали бомбы въ склады припасовъ въ Лезарѣ. Къ сѣверу отъ р. Соммы мы разсѣяли германскій разъѣздъ. Артиллерійскій огонь ограничивался областью къ востоку отъ Армантьера и Ипра».

4 декабря черногорское правительство сообщило:

«18 декабря на всемъ восточномъ фронтѣ происходили оживленные артиллерійскіе и пѣхотные бои. Всѣ непріятельскія атаки были нами отражены.

«22 декабря артиллерійскій бой происходилъ на всемъ сѣверномъ фронтѣ. На фронтѣ нашей санджакской арміи австрійцы атаковали насъ по всемъ направленіямъ, но были повсюду отброшены.

«На сѣверномъ фронтѣ 23 декабря происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой. На восточномъ фронтѣ въ направленіи Бераны и Рожай мы отбили стремительныя атаки австрійцевъ. На западѣ происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ направленіи Билэ и Требинья обнаружены передвиженія большихъ непріятельскихъ силъ. Близъ Дульциньо упалъ австрійскій аэропланъ, причемъ находившіеся на немъ взяты въ плѣнъ.

«Австрійскіе аэропланы проявили 24 декабря особенную дѣятельность, сбросивъ на наши ловченскія позиціи многочисленныя бомбы и три бомбы въ Цетинье, безъ всякаго, однако, результата. 24 декабря итальянскій пароходъ, шедшій изъ Бриндизи съ грузомъ въ нѣсколько сотъ тоннъ жизненныхъ припасовъ и съ 425 черногорцами изъ Америки, наткнулся на мину и тотчасъ же пошелъ ко дну; 200 пассажировъ погибло».

24 декабря въ Бельгіи французская артиллерія успѣшно обстрѣляла непріятельскія оборонительныя работы, главнымъ образомъ въ районахъ Стеенстрате, Гетзасъ и Безинье. Въ Артуа французскія батареи выпустили нѣсколько снарядовъ по станціи Буалье-о-Монъ, къ югу отъ Арраса, попавъ въ проходившій мимо станціи поѣздъ. Въ Шампани во время сильной бомбардировки французской артиллеріей германскихъ траншей къ сѣверу отъ Наваренской фермы французы уничтожили весь матеріалъ, приготовленный непріятелемъ для производства атаки при помощи газовъ, взорвавъ нѣсколько приемниковъ съ душливыми газами.

24 декабря итальянскіе патрули, взобравшись на крутые склоны, тянувшіеся отъ долины Астикко къ Люцерну, сильно повредили непріятельскіе редуты и прикрытія, находящіеся въ этой мѣстности. Въ долину Фелла, въ районѣ Мальборгетто, итальянскія тяжелыя орудія уничтожили плоды непріятельскихъ работъ, предпринятыхъ для возстановленія разрушенныхъ итальянцами траншей и установки артиллеріи. Въ котловинѣ Тольмино всѣ упорныя попытки непріятеля продвинуться къ линіямъ итальянскихъ войскъ были быстро ликвидированы. На фронтѣ отъ Плавы до морского берега происходилъ оживленный

артиллерійскій бой. Непріятельскіе аэропланы продолжали свои частые налеты на долины Лагарина, Бугана и Донья и на Верхній Изонцо. Непріятельскіе авіаторы вездѣ бросали бомбы, не причиняя итальянцамъ, однако, никакого вреда. Въ зонѣ Рива 23 декабря итальянскія войска одержали новый успѣхъ неожиданнымъ и смѣлымъ набѣгомъ, занявъ позицію Санъ-Джованни, на южныхъ склонахъ горы Спероле. Въ районѣ Коль-ди-Лана непріятель атаковалъ линіи расположенія итальянскихъ войскъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, но былъ повсюду отброшенъ. Вдоль остального фронта происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка, во время которой непріятель пользовался также снарядами съ удушливыми газами.

25 декабря сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Въ рижскомъ районѣ, у Олая и Заалая, нѣмцы пускали удушливые газы въ наши окопы. Въ якобштадтскомъ районѣ, вблизи Дукерна, 30 нашихъ развѣдчиковъ отважно бросились въ рукопашную на выслѣженную роту германскихъ развѣдчиковъ, причемъ многихъ перекололи и захватили въ плѣнъ 36 нѣмцевъ, изъ нихъ 1 офицера. Наши части овладѣли м. Чарторійскомъ и высотой въ 2 верстахъ къ западу отъ него, при этомъ было взято въ плѣнъ 3 офицера и 75 нижнихъ чиновъ и захваченъ запасъ проволоки. Контръ-атаки противника, имѣвшія цѣлью выбить насъ изъ Чарторійска, успѣха не имѣли. Къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ австрійцы, выпустивъ удушливые газы, пытались перейти въ контръ-атаку, но наши части огнемъ загнали противника обратно въ его окопы.

На Кавказскомъ фронтѣ вечеромъ 22 декабря турки, пользуясь туманомъ, повели наступленіе въ районѣ селенія Аха и Вильдасоръ (къ юго-востоку отъ Тортумъ-Гельскаго озера), остановленное огнемъ, открытымъ до достиженія противникомъ нашихъ искусственныхъ препятствій, отъ которыхъ затѣмъ турки, неся большія потери, отхлынули въ свои окопы. Въ Персіи нѣсколько пѣшихъ и конныхъ сотенъ противника пытались наступать отъ города Довлетъ-Абада (къ юго-востоку отъ гор. Хамадана) на селеніе Кямары, но были оттѣснены за переваль Кенделянь.

На французскомъ фронтѣ, въ Артуа французы въ теченіе дня 25 декабря вновь обстрѣляли станцію Буалье-о-Монъ, къ югу отъ Арраса, и прервали движеніе на линіи. Французы удачно обстрѣляли непріятельскія позиціи на возвышенности Нувронъ, къ сѣверо-западу отъ Суассона: огнемъ французской артиллеріи были уничтожены два германскихъ поста. Въ Шампани французская артиллерія продолжала проявлять энергичную дѣятельность; ея огнемъ разсѣяны группа рабочихъ къ сѣверу отъ Сомпи и обозная колонна близъ Сень-Суплэ. Французы обстрѣляли непріятельскія траншеи въ направленіи Мезонъ-де-Шампанъ и въ районѣ Менъ и Массижъ. Въ Аргоннахъ французы взорвали мину, которой уничтоженъ небольшой германскій сторожевой постъ въ секторѣ Вокюа. Къ востоку отъ Мааса одно изъ французскихъ дальнобойныхъ орудій обстрѣляло непріятельскую колонну у Бильи-су-Манжъенъ, къ сѣверу отъ Этена; мѣткимъ огнемъ французовъ вызванъ беспорядокъ въ непріятельской колоннѣ и пожаръ въ селеніи. Въ Бушо, къ сѣверу отъ Сень-Міэля, огнемъ французскихъ батарей вызваны три взрыва въ непріятельскихъ окопахъ. 25 де-

кабря къ сѣверу отъ Диксмюде бельгійская артиллерія успѣшно обстрѣляла занятая непріятелемъ ферма на лѣвомъ берегу Изера. Бельгійцами отражена была въ окрестностяхъ желѣзной дороги Армантьеръ—Лилль непріятельская атака съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ, поддержанная артиллеріей. Англійская артиллерія подвергла обстрѣлу различные пункты непріятельскихъ линій.

26 декабря Штабъ Верх. Глав. сообщилъ: Въ рижскомъ районѣ, вблизи Митавскаго шоссе, нѣмцами вновь были пущены въ наши окопы удушливые газы. Противникъ въ значительныхъ силахъ, перейдя въ контръ-атаку, потѣснилъ наши части изъ м. Чарторійска, но затѣмъ былъ выбитъ изъ этого пункта, оставивъ намъ плѣнными 3 офицера и 50 нижнихъ чиновъ. Дальнѣйшія попытки противника выбить насъ изъ Чарторійска успѣха не имѣли.

Въ районѣ средняго течения рѣки Стрыпы наши части мѣстами овладѣли нѣкоторыми участками непріятельской позиціи, мѣстами же закрѣпляютъ среди проволочныхъ загражденій въ непосредственномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Въ этомъ районѣ нами захвачено въ плѣнъ 17 офицеровъ и болѣе 1000 нижнихъ чиновъ и взято нѣсколько пулеметовъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ противникъ отчаянными контръ-атаками, веденными большими силами, пытался задержать наше наступленіе, но всѣ эти контръ-атаки были отбиты съ громадными для врага потерями, причемъ наши войска захватили въ плѣнъ 14 офицеровъ, свыше 300 нижнихъ чиновъ и 2 пулемета.

На Кавказскомъ фронтѣ въ Персіи, къ югу отъ Урмійскаго озера, курдскія скопища дѣлали попытки переправиться на правый берегъ р. Джегату, но всѣ онѣ съ легкостью были прекращаемы. Въ районѣ города Асадъ-Абада столкновенія съ отрядомъ персидскихъ мятежниковъ.

Въ ночь съ 26 на 27 декабря состоялась полная эвакуація Галлипольскаго полуострова, тщательно подготовлявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней и въ точности регулированная англійскимъ и французскимъ штабами. Эвакуація экспедиціоннаго корпуса была произведена безъ всякихъ потерь. Вывезено было все военное снаряженіе французскихъ войскъ, за исключеніемъ шести морскихъ орудій, уничтоженныхъ въ виду того, что они были признаны непримѣнимыми въ другомъ мѣстѣ. Непріятель открылъ огонь въ 4 час. утра, когда посадка войскъ на суда была уже закончена.

27 декабря французское правительственное сообщеніе гласило: Въ Бельгійи огнемъ нашей артиллеріи внезапно застигнуты и разбѣяны два отряда непріятельской пѣхоты въ востокъ отъ Ломбартзиде. Въ Шампани германцами взорвана мина къ югу отъ Менильскаго холма, вслѣдъ за чѣмъ завязался бой ручными гранатами вокругъ образовавшейся воронки, которую мы удержали за собой. Наша артиллерія успѣшно отвѣчала на огонь непріятельской артиллеріи, обстрѣливая наши линіи между Сентъ-Илеръ-ле-Грандъ и Вилль-сюръ-Турбъ; несмотря на сдѣланныя имъ приготовленія къ атакѣ, замѣченныя нашими наблюдателями, непріятель не былъ въ состояніи выйти изъ своихъ траншей. Въ Аргоннахъ огнемъ нашихъ траншейныхъ орудій взорванъ въ непріятельскихъ линіяхъ складъ боевыхъ припасовъ у Филь-Мортъ. Въ Вогезахъ мы успѣшно бомбардировали селеніе Стока, къ сѣверу отъ Мецераля, и обстрѣляли на-

шими орудіями 75-мил. калибра германскія войска, эвакуировавшія селеніе. Къ сѣверо-западу отъ Мюнстера, близъ Штосвейера, мы своимъ огнемъ вызвали нѣсколько пожаровъ въ германскихъ линіяхъ. Къ югу отъ Гартмансвейлеркофа германцамъ, послѣ цѣлаго ряда тщетныхъ атакъ и жестокой бомбардировки, удалось занять незначительный перевалъ къ сѣверу отъ вершины Гирцштейна. Вслѣдствіе этого наши войска, занимавшія эту вершину, были отодвинуты. Плѣнные свидѣлствуютъ, что нашъ огонь отличался большой мѣткостью и нанесъ непріятелю значительныя потери. Артиллерійская борьба продолжается».

Вечеромъ 26 декабря непріятель сдѣлалъ попытку пѣхотной атаки противъ итальянскихъ позицій на Монте-Сіефъ, близъ Коль-ди-Лана, но былъ немедленно же отраженъ итальянскими бдительными войсками.

На протяженіи западнаго фронта, занятаго англійскими и бельгійскими войсками, велась усиленная артиллерійская перестрѣлка. Огонь англійской артиллеріи былъ вызванъ большой пожаръ въ линіяхъ непріятеля къ югу отъ Трилингіена.

28 декабря черногорское официальное сообщеніе увѣдомило: «Наступленіе австрійцевъ съ большою яростью продолжается противъ всего нашего фронта, въ особенности на сѣверѣ и востокѣ, гдѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ жестокие бои. Непріятель, превосходящій насъ численностью, бѣшено атакуетъ насъ въ теченіе уже нѣсколькихъ дней на восточномъ фронтѣ, начиная отъ Ипека. Мы его нѣсколько разъ отражали, нанося ему такія потери, что наши войска, чтобы снова занять потерянную позицію, должны были переступать черезъ груды труповъ. Однако мы были вынуждены эвакуировать Берану. У Лукова и Майковаца австрійцы потерпѣли неудачу. Контръ-атака дала намъ возможность снова занять Турякъ, однако, послѣ подхода подкрѣпленій къ непріятелю, мы отступили на лѣвый берегъ Лима. Противъ фронта горы Ловченъ австрійцы ведутъ жестокий бой, который продолжается уже 4 дня. Подъ ураганнымъ и непрерывнымъ огнемъ съ военныхъ судовъ и фортвовъ Каттаро непріятель дошелъ до нашей первой оборонительной линіи на Ловченѣ. Наши войска неоднократно отражали его, нанося ему огромныя потери, однако вечеромъ, послѣ жестокой борьбы, въ теченіе которой непріятель примѣнялъ удушливые газы, австрійцамъ удалось занять наши позиціи у Кука и Рстаца. Настроеніе нашихъ солдатъ отличное, несмотря на всякаго рода лишенія. Бои продолжаются».

28 декабря артиллерійская перестрѣлка продолжалась на всемъ итальянскомъ фронтѣ. Непріятель широко пользовался орудіями крупнаго калибра противъ Цунья-Торта и Монте-Спиль, къ юго-востоку отъ Роверето, а также противъ Монфальконе, причемъ ему, однако, удалось причинить только незначительныя поврежденія.

28 декабря французское правительство сообщило: «День 28 декабря былъ отмѣченъ на фронтѣ дѣятельностью артиллеріи. На правомъ берегу Мааса мы подвергли сильному артиллерійскому огню непріятельскія позиціи въ лѣсу Шевалье, причемъ пробиты широкія бреши въ германскихъ траншеяхъ и вызвали въ различныхъ мѣстахъ обвалы. Въ Шампани бой продолжается

въ теченіе всего дня; въ результатѣ нѣсколькихъ контръ-атакъ намъ удалось занять послѣдовательно почти всѣ утерянныя нами участки траншей. Какъ по внушительности выдвинутыхъ силъ, такъ и по приѣмамъ нападенія произведенная германцами атака была задумана въ широкихъ размѣрахъ и должна была привести къ весьма серьезнымъ результатамъ; однако она окончилась полной неудачей. Изъ достовѣрнаго источника мы узнали, что германцы бросили цѣлую бригаду на одинъ лишь пунктъ широкаго фронта атаки. Огонь нашей артиллеріи для защиты траншей, вмѣстѣ съ контръ-атакой, привели къ полной неудачѣ значительную атаку непріятеля, въ которой принимали участіе три германскихъ дивизіи. Наши контръ-атаки и бои ручными гранатами вытѣснили этой ночью непріятеля изъ наблюдательнаго поста, который онъ занималъ, за исключеніемъ небольшого прямоугольника къ востоку отъ Мезонъ-де-Шампань, гдѣ его части слабо держатся. Нашъ огонь, въ особенности артиллерійскій, причинилъ германцамъ весьма тяжелыя потери.

29 декабря Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На приморской линіи кавказскаго фронта новая попытка турокъ перейти на правый берегъ р. Архаве въ ночь на 27 декабря была отражена огнемъ. На разсвѣтъ 28 декабря наши части ворвались въ селеніе Тевъ (къ сѣверу отъ озера Торгумъ-Гель) и овладѣли сѣверо-восточной его окраиной. Къ юго-востоку отъ Торгумъ-Гельскаго озера наши развѣдчики, подъ командой прапорщикова Соколова и Меликъ-Осипова, въ ночь на 27 декабря напали на турецкую часть, находившуюся въ районѣ селенія Ардостъ, и, забросавъ ее ручными гранатами, бросились въ штыки; непріятель, безуспѣшно пытавшійся отрѣзать развѣдчиковъ, былъ разбѣянъ и потерялъ много убитыми: наши развѣдчики, захвативъ плѣнныхъ, возвратились безъ потерь. Въ районѣ Севри-Чайской и Ольты-Чайской долинъ идетъ бой. Въ Персіи, на юго-западномъ берегу Урмійскаго озера, молодая армянская часть произвела удачный поискъ къ югу отъ селенія Самурге.

29 декабря итальянская главная квартира доносила: «Вечеромъ 27 декабря непріятель сбрасывалъ зажигательныя бомбы на наши позиціи съ вершины Гелло, къ сѣверо-востоку отъ Роверето. На слѣдующую ночь передовыми нашими постами былъ замѣченъ большой пожаръ въ Роверето. Въ верхней части Кордеволе и на Лагазо наши войска, смѣло продвинувшись до непріятельскихъ траншей, бросаніемъ ручныхъ бомбъ произвели въ нихъ смятеніе. Въ верхнемъ и среднемъ теченіи Изонцо непріятельскія батареи при содѣйствіи аэроплановъ пытались атаковать наши линіи, но были успѣшно приведены къ молчанію нашей артиллеріей, при чемъ непріятельскіе аэропланы принуждены были держаться на большой высотѣ. Въ долинѣ Нижняго Изонцо непріятельская артиллерія при помощи дальнобойныхъ орудій подвергла обстрѣлу населенныя мѣстности, причѣмъ среди населенія оказалось нѣсколько жертвъ. Въ Романсунѣ въ небольшихъ походныхъ госпиталяхъ изъ находящихся въ нихъ военныхъ 4 было убито и 8 ранено.

29 декабря на французскомъ и бельгійскомъ фронтѣ главнымъ образомъ велась артиллерійская перестрѣлка.

30-го декабря, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго,

между Олаемъ и Вейкомъ небольшая партія иѣмцевъ пыталась перейти на правый берегъ р. Миссе, но огнемъ нашихъ сторожевыхъ частей была разогнана. Нашими развѣдчиками вблизи озера Кангернъ, не доходя Чаука, и восточнѣ Плаканена, произведены лихіе поиски, причемъ дѣло доходило до рукопашныхъ схватокъ съ превосходнымъ по числу противникомъ, неизмѣнно оканчивавшихся въ нашу пользу; наши развѣдчики въ районѣ Поневѣжской желѣзной дороги перерѣзали два ряда проводочныхъ загражденій и, дѣйствуя ручными гранатами, выбили германцевъ изъ окопа.

30-го декабря вдоль всего итальянскаго фронта продолжалась дѣятельность артиллеріи, поддержанная дѣйствіями летчиковъ. Непріятель направлялъ снаряды, преимущественно зажигательные, на позиціи итальянцевъ на Альтиссимо (между озеромъ Гарда и рѣкой Адиджъ), въ долину Терраноло (Адиджъ) и на Борго (Валь-Сутана), не причинивъ никакого вреда. Артиллерійскій огонь итальянцевъ уничтожилъ неприяТЕЛЬскія прикрытія къ востоку отъ Коль-Орегона (на горномъ потокѣ Кордеволе) и на Висденде (Пиаве) и разбѣжалъ войсковыя колонны и обозы неприяТЕЛЯ, передвигавшіеся въ долину Родеръ (Гайль) и Зебахъ (Гайлицъ). Въ секторѣ Яворчекъ (бассейнъ Плеццо) и на Санъ-Мартино-дель-Карсо итальянцы отразили незначительныя атаки неприяТЕЛЯ. На Нижнемъ Изонцо неприяТЕЛЬСКАЯ артиллерія направляла огонь на Градиску, Саградо и Монфальконе. Итальянскіе летчики отвѣчали на это бомбардировкою Деветаки и неприяТЕЛЬСКИХЪ лагерей между Тіоне и Брегучцо въ долину Джудикарія.

31-го декабря Государь Императоръ обратился къ арміи и флоту со слѣдующимъ Высочайшимъ приказомъ:

«Минулъ 1915 годъ, полный самоотверженныхъ подвиговъ Моихъ славныхъ войскъ. Въ тяжелой борьбѣ съ врагомъ, сильнымъ числомъ и богатымъ всѣми средствами, они истомили его и своею грудью, какъ непреодолимымъ щитомъ Родины, остановили вражеское нашествіе.

«Въ преддверіи Новаго 1916 года Я шлю Мой привѣтъ вамъ, Мои доблестные воины. Сердцемъ и мыслью Я съ вами въ бояхъ и окопахъ, призывая помощь Всевышняго на ваши труды, доблесть и мужество. Помните, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ Наша дорогая Россія не можетъ обезпечить себѣ самостоятельной жизни и права на пользованіе своимъ трудомъ, на развитіе своихъ богатствъ. Проникнитесь поэтому сознаніемъ, что безъ побѣды не можетъ быть и не будетъ мира. Какихъ бы трудовъ и жертвъ Намъ ни стоило это, Мы должны дать Родинѣ побѣду.

«Въ недавніе дни Я привѣтствовалъ нѣкоторые полки на прославленныхъ сентябрьскими боями поляхъ Молодечно и Видейки. Я сердцемъ чувствовалъ горячее стремленіе и готовность всѣхъ и каждаго до конца исполнить свой святой долгъ защиты Родины.

«Я вступаю въ Новый годъ съ твердою вѣрою въ милость Божию, въ духовную мощь и непоколебимую твердость и вѣрность всего русскаго народа и въ военную доблесть Моихъ арміи и флота,

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Французскія войска въ Шампани отразили двѣ атаки нѣмцевъ къ сѣверу у Менильскаго холма и у Мэзонъ-де-Шампань.

Англо-французскія войска взорвали мосты по желѣзной дорогѣ Солунь—Царьградъ, отрѣзавъ Восточную Македонію отъ Греціи въ виду необычайныхъ приготовленій непріятели на восточной границѣ. Французскія войска взорвали мосты въ Демиръ-Гиссаръ, разобщивъ болгарскія войска на греческой границѣ съ Македоніей.

Черногорцы послѣ доблестной защиты горы Ловченъ отъ австрійскихъ полчищъ принуждены были отступить.

Англичане удержали острова Имбросъ и Лемносъ и продолжали блокировать Дарданеллы.

1-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ происходившихъ на Кавказскомъ фронтѣ бояхъ было нами взято въ плѣнъ свыше 3000 турецкихъ аскеровъ и захвачены 4 непріятельскихъ орудія съ большимъ числомъ зарядныхъ ящиковъ и боевыхъ припасовъ. Курдскій отрядъ, наступавшій въ районъ сѣверо-западнѣе гор. Арджиша, былъ отброшенъ нами къ западу.

Продолжалась главнымъ образомъ артиллерійская борьба на бельгійскомъ и французскомъ фронтахъ. У Катарро французская подводная лодка потопила австрійскій крейсеръ.

На итальянскомъ фронтѣ въ зонѣ между Сарка и Адиджемъ итальянскія войска заняли подъ прикрытіемъ Лоппио позиціи при выходѣ изъ долины Креста и укрѣпили ихъ. Въ долинѣ Терраньоло непріятельская артиллерія продолжала обстрѣлъ зажигательными бомбами, не причинившій итальянцамъ никакого вреда. Въ гористой зонѣ къ сѣверу отъ долины Сугана было нѣсколько столкновеній итальянскихъ отрядовъ съ непріятельскими отрядами, закончившихся въ нашу пользу. Въ Верхнемъ Кордеволе итальянская артиллерія, замѣтивъ присутствіе непріятели въ Зорцѣ, подвергла обстрѣлу деревню, вызвала въ ней пожаръ и обратила въ бѣгство войска, которыя ее занимали. Съ тѣмъ же удачнымъ результатомъ итальянцы обстрѣляли военныя зданія въ Предильскомъ ущельѣ. На Карсо итальянская артиллерія систематически приводила къ молчанію непріятельскую артиллерію, которая вчера оказалась менѣе дѣятельной. Итальянцы продолжали свои оборонительныя работы.

Официальное сообщеніе британской главной квартиры въ Месопотаміи гласитъ, что генераль Эльмерсъ далъ сраженіе туркамъ, которые отступили на позиціи, расположенныя по обоимъ берегамъ Тигра, въ 25 миляхъ на востокъ отъ Куть-эль-Амары. Ожесточенная борьба, завязавшаяся 31-го декабря, продолжалась до наступленія ночи, когда турки начали отступать; ихъ отступление продолжалось всю ночь на 1-е января. Англичане энергично тѣснятъ непріятели.

2-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ Персіи, на пути къ Керманшаху, наши войска заняли городъ Кянгаверъ.

Итальянская воздушная эскадра произвела крупную развѣдку къ востоку отъ Изонцо, бомбардировала Айсовицу и войсковые бараки и крупныя желѣзнодорожныя станціи, включая Люблянну.

Отбылъ первый балканскій поѣздъ изъ Берлина въ Царьградъ.

Согласно сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 3-го января, въ происходившихъ на фронтѣ 1-го января бояхъ нами взято въ плѣнъ до 20 турецкихъ офицеровъ, болѣе 400 нижнихъ чиновъ, 6 орудій, изъ нихъ одно тяжелое, 8 пулеметовъ, много артиллерійскихъ и продовольственныхъ припасовъ и запасы инженернаго имущества. Въ Персіи въ бою у Кянгавера— на полпути между Хамаданомъ и Керманшахомъ нами захвачены у противника плѣнные. Кромѣ того, противникомъ оставлено на полѣ сраженія много убитыхъ. Наши потери ничтожны. Къ юго-востоку отъ Хамадана отрядъ, навербованный нѣмцами и турками, отброшенъ нами къ Довлетъ-Абаду.

3-го января черногорское правительственное извѣщеніе гласило:

«Непріятель съ Рождества производитъ энергичныя атаки большими силами на всѣхъ черногорскихъ фронтахъ. Подъ ураганнымъ огнемъ непріятеля и подъ давленіемъ большихъ силъ наши войска послѣ ожесточеннаго боя отгѣснены отъ передовыхъ позицій на горѣ Ловченъ. Послѣдствіемъ этого явилась эвакуація Цетинья. Непріятель непрерывно наступаетъ на территоріи старой Черногоріи. Наши войска оказываютъ упорное сопротивление и наносятъ ему большой уронъ. Черногорская армія была окружена со всѣхъ сторонъ подавляющимъ количествомъ непріятельскихъ войскъ и уже продолжительное время лишена хлѣба. Армія исполняетъ свой долгъ и до своего уничтоженія будетъ защищать свободу и честь своей героической родины».

Сербскій король прибылъ на островъ Эвбею. Французскими властями арестованы въ Корфу австрійскій консулъ и агентъ австрійскаго Ллойда. На островѣ будетъ сосредоточена сербская армія, находящаяся въ Южной Албаніи.

Къ сѣверо-западу отъ Горицы итальянцы отбили атаки непріятеля, который, при возобновленіи атаки, проникъ въ нѣкоторыя изъ траншей, откуда утромъ итальянцы вновь отбросили непріятеля.

4-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

«Нѣмецкіе аэропланы совершили налеты на Шлокъ, Куртенгофъ и Двинскъ. Въ районѣ Плаканена къ югу отъ Риги, Коккенкузена (восточнѣе Фридрихштадта) и Иллукста артиллерійская перестрѣлка. Отмѣчены удачныя дѣйствія нашей артиллеріи противъ дер. Лавренской и по району Дубелишекъ (сѣверо-западнѣе Двинска). На Кавказскомъ фронтѣ турки дважды пытались перебраться на правый берегъ рѣки Архаве, но оба раза были отбиты. Въ бояхъ 2-го января нашими войсками взято въ плѣнъ 167 нижнихъ чиновъ и захвачено въ турецкомъ артиллерійскомъ складѣ въ Ситоутъ, сѣверо-западнѣе гор. Хоросана, около одного милліона ружейныхъ патроновъ и нѣсколько тысячъ орудійныхъ снарядовъ».

4-го января были получены извѣстія о томъ, что британскія войска въ Месопотаміи отразили наступленіе турокъ на позиціи у Вадди; вся позиція у Вадди была взята англичанами.

На бельгійскомъ и французскомъ фронтахъ происходила артиллерійская перестрѣлка, мѣстами стихавшая на время, мѣстами доходившая до большого напряженія.

Послѣ того, какъ германцы бросали бомбы въ Живанши, англійскими войсками была произведена при помощи бомбъ и траншейныхъ орудій атака, увѣщавшаяся прекрасными результатами. Англичане также успѣшно обстрѣливали мѣстности къ сѣверу отъ Ипра и вызвали большой пожаръ.

5-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ бояхъ на [кавказскомъ фронтѣ] 3-го января нами взято въ плѣнъ 24 турецкихъ офицера и болѣе 200 нижнихъ чиновъ, а также захвачено одно орудіе, много винтовокъ, артиллерійскихъ запасовъ, палаточный лагерь, хлѣбопекарня и большіе запасы сухарей и муки.

Въ виду согласія Черногоріи на мирные переговоры Австрія потребовала капитуляціи черногорской арміи. Король Николай, найдя условія для себя унижительными, отказался ихъ подписать, доставивъ, такимъ образомъ, своимъ утомленнымъ войскамъ возможность нѣсколько оправиться и благополучно произвести нужный стратегическій отходъ.

5-го января итальянская главная квартира такъ обрисовала положеніе дѣлъ на итальянскомъ фронтѣ:

«По всему нашему фронту отъ Стельвіо до морского берега непріятельская артиллерія проявляла усиленную дѣятельность, пытаясь помѣшать нашимъ оборонительнымъ работамъ. Наши батареи энергично отвѣчали на огонь противника. На высотахъ къ сѣверо-западу отъ Горицы наша рѣшительная контръ-атака, предпринятая утромъ 2-го января, закончилась полнымъ успѣхомъ нашихъ войскъ. Несмотря на сопротивление непріятеля, поддержаннаго сильнымъ огнемъ артиллеріи, наши доблестныя войска вернули всѣ траншеи, которыя они были вынуждены оставить въ ночь на 2-е января. Такимъ образомъ, наша первоначальная оборонительная линія въ настоящее время совершенно возстановлена».

6-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

«На фронтѣ Рига—Двинскъ германскіе авіаторы предпринимали частые полеты. Ихъ аэропланы появлялись въ районѣ нижняго теченія р. Аа Курляндской, у Скотеля (западнѣе Фридрихштадта) и надъ Двинскомъ, гдѣ германцами было сброшено нѣсколько бомбъ. Попытка нѣмцевъ спуститься къ берегу рѣки Двины противъ Ленневадена, ниже Фридрихштадта, была отбита огнемъ. Къ юго-востоку отъ Фридрихштадта, около Самена, нѣмцами были пущены душливые газы въ нашу сторону. На двинскихъ позиціяхъ усилился артиллерійскій огонь въ районѣ Тенненфельда, послѣ чего нѣмцы два раза переходили здѣсь въ атаку, но оба раза были отражены нашимъ огнемъ.

«На кавказскомъ фронтѣ въ результатъ нашего стремительнаго и неожиданнаго удара разстроенный центръ турецкой арміи былъ сбитъ съ сильныхъ заблаговременно укрѣпленныхъ позицій на фронтѣ отъ района озера Тортумъ-Геля до района рѣки Шаріанъ-Су (къ сѣверу отъ Мелазгерта), т.е. на протяженіи болѣе 100 верстъ, и отступаетъ въ направленіи къ эзерумской укрѣпленной равнинѣ. Мѣстами это отступление носить характеръ паническаго бѣгства. Нѣкоторыя турецкія части нами почти совершенно уничтожены, причемъ по пути нашего наступленія трупы турецкихъ аскеровъ лежатъ сот-

пами. Нашим войскамъ мѣстами приходится наступать по заоблачнымъ высотамъ, съ прокладкой траншей въ глубокомъ снѣгу, при сильномъ снѣжномъ буранѣ. Нами занято селеніе Кепри-Кей (на р. Араксъ—въ 50 верстахъ къ востоку отъ Эрзерума). Въ бояхъ за 4-е января нами взято въ плѣнъ 5 офицеровъ, 208 нижнихъ чина и захвачено много оружія, пулеметовъ, патроновъ, снаряженія и артиллерійскихъ ящиковъ со снарядами. Въ районѣ р. Шаріанъ-Су, въ сел. Турнагель, нами захваченъ турецкій складъ патроновъ и ручныхъ бомбъ.

«Въ Персіи, у юго-западной оконечности Урмійскаго озера, происходили столкновения съ курдами, которые отброшены къ югу».

Наступившая исключительно благоприятная погода вызвала на всемъ бельгійскомъ фронтѣ артиллерійскіе бои большого напряженія, а также перестрѣлку бомбометовъ.

Въ Шампани французской артиллеріей разсѣянъ непріятельскій обозъ на дорогѣ изъ Вилль-сюръ-Турбъ въ Вузьеръ.

Непріятельскій аппаратъ вынужденъ былъ спуститься около Флена. Два офицера взяты въ плѣнъ.

Съ обычнымъ напряженіемъ на остальномъ протяженіи продолжалась артиллерійская дуэль.

На итальянскомъ фронтѣ также главнымъ образомъ все сводилось къ артиллерійскимъ боямъ; на участкѣ между возвышенностью «188» и Ославіей непріятельскіе отряды пытались подойти къ итальянскимъ позиціямъ; однако, благодаря бдительности итальянскихъ войскъ, не давшихъ ввести себя въ заблужденіе обманными кликами непріятеля, итальянцамъ удалось легко отбить эту атаку.

7-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ районѣ Двинска наша артиллерія удачно обстрѣляла колонну противника, подходившую съ запада къ Шлосбергу. Въ Галиціи, на Средней Стыпѣ, отражены попытки небольшихъ частей противника приблизиться къ нашимъ окопамъ. Къ сѣверо-востоку отъ Черновиць, въ районѣ Раранче, мы овладѣли участкомъ непріятельской позиціи. Съ цѣлью возвратить обратно этотъ участокъ противникъ произвелъ 5 ожесточенныхъ контръ-атакъ, но всѣ онѣ были отбиты съ громадными для врага потерями.

«На Черномъ моря 4-го января наши миноносцы сдѣлали набѣгъ на восточное побережье Анатоліи, причемъ уничтожено 163 парусныхъ судна, изъ коихъ 73 груженныхъ провіантомъ, 31 человекъ взято въ плѣнъ, остальные при приближеніи нашихъ миноносцевъ бѣжали на берегъ.

«На кавказскомъ фронтѣ преслѣдованіе центра разстроеной турецкой арміи нашими кавказскими войсками продолжается. Несмотря на большія турецкія силы и на чрезвычайно тяжелыя мѣстныя условія, наши войска сумѣли развить первоначальный ударъ свой въ значительный успѣхъ. Сбитый со своихъ позицій и отступающій непріятель понесъ тяжкія потери какъ людьми, такъ и всякаго рода боевыми средствами. По только что полученнымъ свѣдѣніямъ, на эрзерумскомъ направленіи нами взята укрѣпленная Кепри-Кейская позиція турокъ, причемъ захвачены орудія, артиллерійскіе припасы и плѣнные.

«Государь Императоръ, получивъ донесеніе о нанесенномъ туркамъ ударѣ, повелѣлъ передать доблестнымъ войскамъ кавказской арміи сердечную Его Высочайшую благодарность за самоотверженную службу и совершенные подвиги, выразивъ увѣренность, что эти испытанныя войска съ тою же настойчивостью доведутъ дѣло до конца».

7-го января было получено слѣдующее извѣстіе объ отказѣ короля Николая Черногорскаго отъ австрійскаго предложенія капитулировать:

«Министръ-президентъ Миушковичъ вмѣстѣ съ королевой Миленой и принцессами прибылъ 6-го января вечеромъ въ Бриндизи, на пути во Францію. Миушковичъ телеграфировалъ черногорскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, что король и правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергли австрійскія предложенія. Черногорія будетъ продолжать борьбу до послѣдней крайности. Король Николай со своими двумя сыновьями остался среди войскъ для организаціи послѣдняго сопротивленія и для облегченія, въ случаѣ необходимости, отступленія арміи, при помощи союзниковъ. Миушковичъ ожидаетъ сегодня прибытія въ Бриндизи дипломатическаго корпуса, съ которымъ выѣзжаетъ въ Ліонъ».

8-го января, согласно донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ двинскомъ районѣ отмѣчается удачное дѣйствіе нашей артиллеріи. Въ районѣ станціи Вилейка захваченъ германскій аэропланъ. Къ сѣверу отъ Чарторійска противникъ пытался овладѣть занятой нами высотой, но былъ отбитъ. Въ районѣ сѣверо-западанѣ Збаржа сорвавшійся воздушный шаръ непріятели сгорѣлъ въ воздухѣ. Его корзина упала въ расположеніе нашихъ войскъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ турки на широкомъ фронтѣ пытались потѣснить наши войска, но съ большими потерями были отброшены назадъ. Наши части, преслѣдуя противника, заняли съ боя городъ Гассанъ-Калу и гнали затѣмъ бѣгущаго врага до фортвъ Эрзерумской крѣпости, изрубивъ при этомъ и захвативъ въ плѣнъ болѣе 1.500 нижнихъ чиновъ и взявъ орудія, много боевыхъ припасовъ и большой палаточный лагерь. По всѣмъ направленіямъ турки поспѣшно отходятъ подъ защиту Эрзерумской крѣпости, оставляя въ нашихъ рукахъ артиллерійскіе и продовольственные склады и большіе запасы топлива. Повсюду брошены патроны, снаряженіе и бродятъ отсталые. На южномъ берегу Ванскаго озера наши войска потѣснили турокъ къ западу отъ Вастана. Къ югу отъ Урмійскаго озера мы вновь отбросили курдскій отрядъ за рѣку Джагату.

Англійская подводная лодка сѣла на камни на побережьи Голландіи; команда спасена.

Болгарія потребовала отъ Черногоріи обязательства уплатить два съ половиной милліона долга. Въ случаѣ невозможности уплаты Болгарія займетъ нѣкоторыя мѣстности Черногоріи.

Въ Австро-Венгріи предѣльный возрастъ для отбыванія воинской повинности продолженъ съ 50 до 55 лѣтъ.

Англо-французскій флотъ постоянно возвращается къ турецкимъ проливамъ и бомбардируетъ турецкія позиціи.

9-го января, согласно извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ районѣ Тенненфельда нѣмцы обстрѣливали наши окопы бомбами съ газомъ.

Къ сѣверу отъ Чарторійска противникъ вновь тщетно пытался овладѣть занятой нами высотой.

Въ Галиціи, на фронтѣ средняго теченія рѣки Стрыпы, отражены попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ. На нижнемъ теченіи Стрыпы и на Днѣстрѣ мы атаковали противника, занимавшаго высоту къ сѣверо-востоку отъ Язловець и с. Даброва, къ юго-востоку отъ Гатачь. Селеніе Даброва нами уже занято. Къ сѣверо-востоку отъ Черновиць противникъ у нашихъ окоповъ взорвалъ четыре горна, у которыхъ завязался упорный бой.

На Черномъ морѣ 8-го января наши миноносцы уничтожили у береговъ Анатоліи 40 парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ преслѣдованіе центра турецкой арміи, послѣдно отступающаго изъ района озера Тортумъ-Гель, продолжается; нами захватываются плѣнные, оружіе, патроны, снаряженіе и различнаго рода запасы. Наши казаки, атаковавъ въ конномъ строю вблизи фортовъ Эрзерумской крѣпости турецкій аррьергардъ, изрубили нѣсколько сотъ турокъ и захватили въ плѣнъ болѣе 1.000 аскеровъ, остатки же аррьергарда бѣжали въ Эрзерумъ. Наша артиллерія обстрѣливала форты Эрзерума.

Генераль Жилинскій прибылъ на французскій фронтъ для передачи знаковъ отличія солдатамъ чешской національности.

Въ зонѣ Тифана одинъ изъ итальянскихъ отрядовъ заставилъ отступить части непріятельскихъ войскъ, понесшихъ большія потери. На остальномъ протяженіи итальянскаго фронта велась артиллерійская перестрѣлка.

Англійская артиллерія успѣшно бомбардировала германскія позиціи и траншеи къ востоку отъ Флербэ.

Турецкія войска сосредоточились въ болгарской Фракіи между Суфлу и Гюмюльджиной.

Австрія съ согласія своихъ союзниковъ обѣщала Черногоріи нѣкоторыя части Сербіи послѣ раздѣла ея между Австріей и Болгаріей. Въ Ліонѣ прибыла королева черногорская съ королевнами.

9-го января черногорское генеральное консульство въ Парижѣ официально сообщило:

«Король черногорскій прибылъ 8-го января въ Бриндизи въ сопровожденіи королевича Петра. Король и королевичъ выѣдутъ оттуда въ Ліонъ, гдѣ встрѣтятся съ королевой Миленой и королевнами Ксеніей и Вѣрой. Королевичъ Марко останется въ Черногоріи съ тремя членами правительства для организациі обороны и, если понадобится, для эвакуациі арміи. Послѣдняя находится подъ начальствомъ генерала Вукотича, бывшаго министра-президента, и продолжаетъ бороться, дабы соединиться съ сербскими войсками, оставшимися въ Албаніи. Черногорская армія надѣется, при поддержкѣ союзниковъ, принять дѣятельное участіе въ защитѣ Албаніи, опираясь при этомъ на Скадръ».

10-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ рижскомъ участкѣ, около митавскаго шоссе нѣмцы обстрѣливали наши

окопы снарядами съ удушливыми газами. Около Пулкарнъ на Баускомъ шоссе происходили стычки нѣмецкихъ частей съ нашими частями.

На кавказскомъ фронтѣ поспѣшное отступление турокъ въ эзерумскомъ районѣ продолжается. Во многихъ мѣстахъ мы продолжаемъ захватывать артиллерійскіе и продовольственные запасы и телефонное имущество. Наши части, преслѣдуя врага, двигаются по путямъ, отмѣченнымъ многочисленными трупами замерзшихъ аскеровъ. Значительныя партіи плѣнныхъ берутся въ каждомъ населенномъ пунктѣ. Одна изъ нашихъ сотенъ, прибывшая на кавказскій фронтъ изъ Манчжурии, въ конномъ строю атаковала полуэскадронъ сувари и три роты аскеровъ, оборонявшихъ селеніе, причемъ турки частью были изрублены, а частью взяты въ плѣнъ. Къ югу отъ рѣки Шаріанъ-Су нами совершенно уничтоженъ значительный курдскій отрядъ. Въ мелазгертскомъ районѣ наша конница, ведя бой съ большими силами курдовъ, отбила у нихъ 600 головъ скота.

Въ Персіи, къ юго-востоку отъ Хамадана, противникъ дѣлалъ попытки продвинуться къ перевалу Канделяну, но былъ отброшенъ. Нашими войсками занятъ городъ Султанъ-Абадъ; находившійся въ этомъ пунктѣ германскій консулъ и наwerbованный имъ отрядъ изъ персидскаго населенія бѣжали.

На западномъ театрѣ происходила обычная артиллерійская перестрѣлка, принимавшая мѣстами напряженный характеръ. На итальянскомъ театрѣ также велась артиллерійская перестрѣлка.

Притязанія Болгаріи на Старую Сербію (долина Тимока съ городами Пирошъ, Вранья, Зайчаръ и Неготинъ, долина Нишавы съ гор. Нишъ и территория до Дуная съ городами Кладово, Куршумля, Пожаревацъ и Крушевацъ признаны Австріей подлежащими удовлетворенію.

11-го января, согласно донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, у Иллукста нашей артиллеріей были удачно обстрѣляны партіи нѣмцевъ, производившихъ окопныя работы. На Средней Стрыпѣ, въ районѣ Бурканува, огнемъ нашей артиллеріи также были разсѣяны партіи противника. Въ районѣ Нижней Стрыпы артиллерійская перестрѣлка. Въ бою за воронки, образовавшіяся отъ взрыва горновъ сѣверо-восточнѣ Черновицъ, неприятель примѣнялъ бомбочки съ удушливыми газами.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи противника нами взято въ плѣнъ болѣе 700 аскеровъ и захваченъ артиллерійскій транспортъ. Наша артиллерія вновь обстрѣливала форты Эзерумской крѣпости. Въ мелазгертскомъ районѣ нами разбиты въ различныхъ мѣстахъ отряды курдовъ, поддержанные пѣхотой.

На западно-европейскомъ театрѣ къ западу отъ дороги Аррасъ—Лансъ въ районѣ Невиль—Сень-Вааста французы контръ-атаками одержали верхъ надъ противникомъ и выбили его изъ занятого имъ было пространства. Два отряда французскихъ аэроплановъ бомбардировали станцію и казармы гор. Меца, сбросивъ 50 бомбъ, и возвратились невредимыми, за исключеніемъ одного, спустившагося къ юго-востоку отъ Меца. Въ Ліонѣ прибылъ министръ Дени Кошенъ, дабы отъ имени правительства привѣтствовать черногорскую королеву.

Великобританскій генералъ Эльмеръ атаковалъ турецкую позицію у Эссина въ Месопотаміи; вслѣдствіе паводненія атака не могла быть возобновлена на

другой день, и Эльмеръ занялъ позицію въ 1.300 ярдахъ отъ непріятельскихъ траншей.

Два германскихъ гидроаэроплана вновь атаковали восточное побережье графства Кентъ, но, подвергшись сильному огню, скрылись, преслѣдуемые англійскими аэропланами.

12-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Наша артиллерія съ успѣхомъ обстрѣляла расположеніе германцевъ въ районѣ рѣки Двины ниже Фридрихштата. 11-го января непріятельскій аэропланъ сбросилъ надъ городомъ Двинскомъ двѣ бомбы. Убита одна женщина. Въ районѣ дер. Смильнишки, западнѣе озера Богиньскаго, атака нѣмцевъ на наше сторожевое охраненіе была отбита.

Въ Галиціи, на фронтѣ рѣки Стрыпы, артиллерійская перестрѣлка. Замѣчено, что непріятель вновь прибѣгаетъ къ бросанію въ наше расположеніе прокламацій при помощи воздушныхъ шаровъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ рядахъ противниковъ въ одной германской дивизіи большое число обмороженныхъ, причѣмъ многіе настолько сильно, что ихъ пришлось окончательно уволить со службы и отправить на родину.

На кавказскомъ фронтѣ въ эрзерумскомъ районѣ мы продолжаемъ тѣснить турокъ, захватывая въ каждомъ населенномъ пунктѣ плѣнныхъ аскеровъ. Въ мелагертскомъ районѣ успѣшныя для насъ столкновенія съ конными и пѣхотными частями противника.

Въ Бельгіи, у устья Изера, нѣмцы выпустили не менѣе 20.000 снарядовъ, однако попытки пѣхоты двинуться въ атаку были остановлены французами. Французская воздушная флотилія летала надъ Монастыремъ и сбросила около 200 бомбъ. Городъ Намси подвергся бомбардировкѣ непріятеля, причѣмъ ранены двое.

Въ виду поднятія воды въ рѣкѣ Тигрѣ на семь футовъ, препятствующаго движенію войскъ, между англичанами и турками было заключено перемиріе на нѣсколько часовъ для уборки раненыхъ. Колонна генерала Уоллеса атаковала лагерь Сенусси въ Африкѣ, сожгла его и разсѣяла непріятеля. Въ Египтѣ колонна англійскихъ войскъ атаковала скопища бедуиновъ, разсѣяла ихъ и сожгла непріятельскій лагерь.

Въ Лионѣ прибылъ король черногорскій съ королевичами Данилой и Петромъ.

Билль о военной службѣ въ Англии былъ принятъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 383 противъ 36.

13-го января на фронтѣ бельгійской и англійской арміи велась обычная перестрѣлка. Въ Аргуа французы выбили германцевъ изъ воронокъ, которыя они занимали по сосѣдству съ дорогой изъ Невиля въ Телюсъ. Къ западу отъ Локура французами уничтожено полевое укрѣпленіе непріятеля. Германскій цепелинъ сбросилъ надъ селеніями района Эперси нѣсколько бомбъ.

На нашемъ западномъ фронтѣ, по донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 14-го января, продолжаются частые полеты нѣмецкихъ аэроплановъ, бросающихъ бомбы надъ рижскимъ и двинскимъ районами. Юго-западнѣе озера Нарочь удачныя для насъ столкновенія развѣдывательныхъ

частей. Одна наша партія развѣдчиковъ внезапнымъ ударомъ въ штыки обратила въ бѣгство партію нѣмцевъ, нанесла ей значительныя потери и захватила плѣнныхъ. Къ юго-востоку отъ Козки наши развѣдчики пробрались къ заставѣ противника и забросали ее гранатами.

Въ Галиціи, на Средней Стрыпѣ, артиллерійскій огонь противника продолжается. На Днѣстрѣ, въ районѣ Усѣчко, у непріятельскаго предмостнаго укрѣпленія происходилъ бой ручными гранатами. Къ сѣверу отъ Боянъ противникъ, взорвавъ передъ нашими окопами три горна, пытался нѣсколько разъ атаковать наши окопы, но былъ отбитъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Эрзерума нами были остановлены наступательныя попытки турокъ, причѣмъ захвачены плѣнные аскеры. Въ районѣ Мелазгерта удачныя столкновения съ турецкими отрядами.

Французская артиллерія между Уазой и Энномъ взорвала складъ снарядовъ близъ Пюкзаленъ. На всемъ остальномъ протяженіи этого фронта продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка. Отрядъ французской пѣхоты совмѣстно съ добровольцами занялъ островъ по соседству съ Кастеллорицо. Пассажирскій пароходъ «La Plata», встрѣтивъ въ Средиземномъ морѣ большую германскую подводную лодку, обстрѣлялъ и потопилъ ее.

Наступленіе непріятеля въ зонѣ Горицы было остановлено итальянцами. Вдоль всего фронта происходили оживленные артиллерійскіе бои при участіи аэроплановъ.

Въ Месопотаміи непріятель эвакуировалъ траншеи съ сухопутной стороны Кута и отошелъ на одну милю отъ англійскихъ окоповъ.

15-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ происходила артиллерійская стрѣльба. При обстрѣливании Шлока нѣмецкіе аэропланы, корректировавшіе стрѣльбу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сбрасывали бомбы. Въ районѣ Плаканенъ отмѣчены удачныя попаданія нашей артиллеріи. Въ двинскомъ районѣ нѣсколько германскихъ цеппелиновъ бросали бомбы. Въ районѣ озера Свентенъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ разогнана значительная часть нѣмцевъ и повреждены ихъ окопы. Южнѣе и въ боевыхъ линіяхъ генерала Эверта—спокойно.

Нѣмцы праздновали день рожденія императора Вильгельма, но особаго оживленія въ ихъ линіяхъ въ общемъ не было замѣчено.

На Средней Стрыпѣ наблюдались частыя столкновения развѣдчиковъ. Вѣ ночь на 9-ое января нашъ блиндированный автомобиль, подѣхавъ къ проволочнымъ загражденіямъ противника по шоссе на Бучачъ и открывъ огонь по заставѣ и по большой партіи рабочихъ, нанесъ имъ потери и обратился въ бѣгство. Въ районѣ къ сѣверу отъ Боянъ наши развѣдчики ручными гранатами выбили противника изъ занятыхъ имъ трехъ воронокъ, образовавшихся отъ взрыва горновъ. Въ томъ же районѣ мелкія партіи противника пытались вести наступленіе, но были отброшены нашимъ огнемъ. Послѣ отхода своихъ партій противникъ выпустилъ газы.

На кавказскомъ фронтѣ въ бою въ районѣ къ западу отъ Мелазгерта нашими войсками была разгромлена значительная колонна турокъ, при чемъ нами взято въ плѣнъ 17 офицеровъ и 274 аскера, а также захвачено много оружія

зарядных и патронных ящиковъ и десятки тысячъ патроновъ. Наши части, преслѣдуя бѣгущаго врага, ворвались на его плечахъ въ городъ Хнысь-Калу (на дорогѣ между Эрзерумомъ и Мушемъ), гдѣ захватили плѣнныхъ и заготовленные для турецкой арміи большіе запасы огнестрѣльныхъ припасовъ и продовольствія. Турки бѣгутъ на Мушь.

Въ Персіи, къ югу отъ Урмійскаго озера, нами разбиты большія силы турокъ; при преслѣдованіи послѣдующаго отступающаго противника нами захвачено въ плѣнъ много аскеровъ и курдовъ, много оружія, боевыхъ припасовъ и санитарный транспортъ, а также отбито нѣсколько тысячъ головъ скота. Къ юго-востоку отъ Хамадана, въ районѣ Канделянскаго перевала, мы потѣснили противника къ югу.

15-го января французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Артуа артиллерійская борьба приняла особенно напряженный характеръ: здѣсь непріятель производилъ послѣдовательно нѣсколько атакъ противъ различныхъ пунктовъ нашего фронта.

«Къ западу отъ возвышенности «140», къ югу отъ Живанши, непріятелю, взорвавшему предварительно цѣлый рядъ минъ, удалось утвердиться на нѣсколькихъ участкахъ нашихъ передовыхъ траншей. Другая атака, направленная непріятелемъ въ тотъ же моментъ на наши позиціи по сосѣдству съ дорогой изъ Невилля въ Лафоли, была рѣшительно отбита. Третья атака, которую въ то же время непріятель намѣревался произвести на наши укрѣпленія къ сѣверу отъ Рокленкура, была немедленно остановлена нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, причѣмъ непріятелю не удалось даже выйти изъ траншей. Наконецъ четвертая атака непріятеля на дорогѣ изъ Сень-Лорана къ Сень-Никола, къ сѣверо-востоку отъ Арраса, потерпѣла полную неудачу. Къ югу отъ дороги изъ Невилля въ Лафоли мы утромъ послѣ упорнаго боя отбили у непріятеля еще одну воронку и отразили ожесточенныя контръ-атаки непріятеля. Подтверждается, что въ этомъ же районѣ во время предшествовавшихъ боевъ непріятель понесъ большія потери; въ одной изъ отбитыхъ нами воронокъ мы насчитали 150 труповъ. Непріятель подвергъ ожесточенной бомбардировкѣ городъ Аррасъ и наши позиціи къ югу отъ него, но не производилъ пѣхотныхъ атакъ.

«На пространствѣ между рѣками Соммой и Уазой огнемъ нашихъ траншейныхъ орудій были разрушены полевые укрѣпленія непріятеля и уничтоженъ наблюдательный пунктъ къ юго-востоку отъ Лассиньи. На пространствѣ между рѣками Соммой и Уазой огнемъ нашихъ траншейныхъ орудій были разрушены полевые укрѣпленія непріятеля и уничтоженъ наблюдательный пунктъ къ юго-востоку отъ Лассиньи. Въ Вогезахъ наша артиллерія успѣшно обстрѣливала Штоссвейеръ.

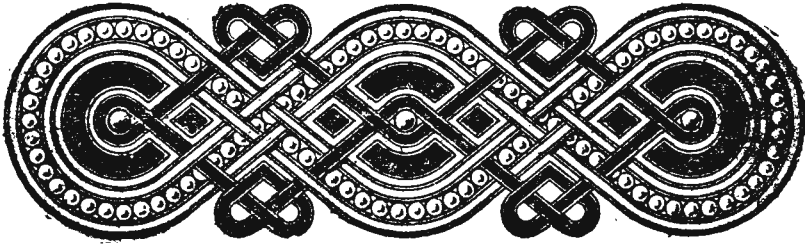
«Въ отвѣтъ на бомбардировку цеппелиномъ 12-го января селеній района Эпернэ одинъ изъ нашихъ дирижаблей въ ночь съ 14-го на 15-ое января обстрѣлялъ Фрейбургъ (въ Брейзгау), причѣмъ сбросилъ 18 снарядовъ 155-миллиметроваго калибра и 20 снарядовъ 90-миллиметроваго калибра надъ желѣзнодорожной станціей и зданіями военнаго вѣдомства, каковыми причинены серьезныя поврежденія.

«На восточномъ фронтѣ отступленіе сербскихъ войскъ, оставшихся въ Албаніи, происходитъ въ полномъ порядкѣ безъ всякихъ серьезныхъ инцидентовъ, причемъ ему исключительнымъ образомъ благоприятствуетъ повысившаяся температура и постройка англичанами мостовъ черезъ главныя рѣки. На путяхъ отступленія сербовъ были организованы склады съѣстныхъ припасовъ. Орудія и запасы снарядовъ, оставленные сербской арміей въ Санъ-Джіованни-ди-Медуа, были увезены французскими рыболовными судами и доставлены въ Бриндизи. Посадка сербовъ на суда протекаетъ непрерывно и въ полномъ порядкѣ. Австрійцы, главныя силы которыхъ занимаютъ Скутари въ Албаніи и Бояну, выдвинули свои передовые отряды вплоть до Санъ-Джіованни-ди-Медуа. На востокъ, въ районъ дѣйствій болгарской арміи, положеніе остается безъ перемѣнъ уже цѣлый мѣсяцъ. Болгарскій отрядъ занимаетъ Дибру, резервная же бригада болгаръ находится въ Стругъ, къ сѣверу отъ Охридскаго озера».

Атака нѣмцевъ къ сѣверо-востоку отъ Лооса была отражена огнемъ британцевъ.

Дессанты съ британскихъ, французскихъ, русскихъ и итальянскихъ военныхъ судовъ высадились на полуостровъ Кара-Бурунъ и заняли греческій фортъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ ¹⁾.

(Романъ изъ купеческой жизни).

ХІ.

КОГДА Ипполиту Викуловичу, вернувшемуся изъ города, лакей его Игнатій доложилъ, что приходила какая-то барышня и желала его видѣть, онъ очень удивился.

— Это, можетъ быть, въ большой домъ, къ Лидіи Ипполитовнѣ,—предположилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, именно васъ желали видѣть.

— Фамилію сказала?

— Спрашивалъ я, отвѣтили, что вы ихъ не знаете, но что видѣть непременно нужно, и хотѣли опять прійти.

— Когда же?—спросилъ Ипполитъ Викуловичъ и самъ нѣсколько удивился тому, что этотъ визитъ возбудилъ его любопытство.

— Говорили, что сегодня вечеромъ зайдутъ, часамъ такъ къ девяти, раньше, говорятъ, не могутъ, на занятіяхъ, и утромъ, говорятъ, тоже неспособно, учатся, что ли, гдѣ-то.

— Ну, ладно. Прикажи мнѣ подать чаю да приготовь одѣваться для клуба. Барышню я подожду. Если придетъ, предложи раздѣться и проведи сюда въ кабинетъ.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. схлш, стр. 625.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1916 г., т. схлш.

Лакей ушелъ, а Ипполитъ Викуловичъ взялъ со стола книжку толстаго журнала и началъ просматривать оглавленіе, но ничто не остановило его вниманія. Онъ положилъ книжку на колѣни, а самъ подумалъ:

— Странная барышня. Въ девять часовъ вечера придетъ. Смѣлая, должно быть.

Но тутъ же онъ одернулъ себя, устыдившись, что его такъ заинтриговала неизвѣстная посѣтительница, и сказалъ себѣ:

— Какая-нибудь просительница.

Просителей онъ никогда не принималъ и терпѣть ихъ не могъ. Извѣстная сумма отчислялась конторой на дѣла благотворенія. Въ коммерческомъ училищѣ было двѣ стипендіи, учрежденныя еще Провомъ Сидоровичемъ. Дѣлались пожертвованія въ общества, пріюты и тому подобныя учрежденія. И всегда кто-нибудь изъ Бахваловыхъ числился почетнымъ попечителемъ одного изъ нихъ и непремѣнно старостой какой-нибудь церкви. вмѣстѣ съ раздачей милостыни по двѣ копейки на брата по большимъ праздникамъ на паперти и на Бахваловскомъ дворѣ и съ кормленіемъ нищихъ по два, по три раза въ годъ, въ ознаменованіе какого-нибудь событія, этого было достаточно, чтобы Бахваловы считали себя исполнившими по отношенію къ неимущимъ всѣ обязательства, которыя налагало на нихъ ихъ огромное богатство. Людей, протягивающихъ руку за помощью, Ипполитъ Викуловичъ просто презиралъ.

«Дармоѣды, вотъ и просятъ,—говорилъ онъ про себя.—Сами бы наживали, чѣмъ на чужія деньги зариться».

Да просители рѣдко и попадали въ Бахваловскій домъ. Трудно было чего-нибудь добиться. Еще просительницы иногда могли проникнуть къ бабинькѣ или къ Маринѣ Викуловнѣ, благодаря ходатайству кого-нибудь изъ приживалокъ или заступничеству Ѳедорушки, Секлетей или монашенокъ. Но всѣ такого рода просительницы были свои, имѣвшія хоть отдаленную связь съ бахваловскими насельниками, а чужія, съ воли, ими не допускались.

Ипполитъ Викуловичъ это зналъ и находилъ, что это и хорошо.

«Начни всѣхъ одѣлать,—думалъ онъ:—такъ и отбою не будетъ. Кому и не нужно, лапу протянетъ».

Человѣкъ внесъ подносъ со стаканомъ чаю и, ставя его передъ Ипполитомъ Викуловичемъ, сказалъ:

— Барышня-то пришла.

— Ну, пусть войдетъ,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ.

Онъ уже чувствовалъ себя раздосадованнымъ появленіемъ этой незнакомки.

«Надо бы было просто отказать ей. Не сказать ли человѣку, чтобы онъ выпроводилъ ее».

Но въ это время дверь отворилась, и человѣкъ пропустилъ въ комнату посѣтительницу.

Ипполитъ Викуловичъ увидѣлъ почти дѣвочку, тоненькую, хрупкую, съ блѣднымъ, скорѣе некрасивымъ лицомъ, въ бѣлой вязаной шапочкѣ на темноволосой, гладко причесанной головѣ и въ темномъ короткомъ платьѣ.

Безцеремонно оглядѣлъ онъ ее съ головы до ногъ и сухо сказалъ:

— Садитесь пожалуйста.

Привычнымъ жестомъ указалъ на стулъ напротивъ.

Но она не сѣла, и когда Ипполитъ Викуловичъ, подумавъ, что она стѣсняется, повторилъ свое приглашеніе, она сказала:

— Благодарю васъ. Это вы и есть Бахваловъ?

Голосъ ея, тихій и низкій, показался Ипполиту Викуловичу красивымъ и звучнымъ, а тошъ ея полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ.

«Да она и не думаетъ робѣть», мелькнуло у него въ головѣ.

И, движимый смутнымъ желаніемъ поставить ее на мѣсто, онъ высокомерно сказалъ:

— Бахваловыхъ много. Вамъ, можетъ быть, даже не меня и нужно?

— Нѣтъ, я думаю, что васъ,—просто отвѣтила она и наивно пояснила:—мнѣ нужно видѣть главнаго изъ Бахваловыхъ, извѣстнаго богача Бахвалова.

— Это, должно быть, я,—неволью улыбнулся онъ:—глава фирмы—я, Ипполитъ Бахваловъ.

— Кажется, его зовутъ Ипполитомъ,—согласилась она.—Это вы и есть Ипполитъ Бахваловъ?

— Говорю вамъ, я.

Она отошла отъ стола, оглядѣлась и опустилась въ кресло.

«Какой гостей разсѣлась, скажите, пожалуйста,—подумалъ Ипполитъ Викуловичъ и тотчасъ пояснилъ себѣ: «Смѣлая особа, изъ нынѣшнихъ, должно быть, курсистка, книжекъ, навѣрно, прочла цѣлую уйму, но въ жизни ничего не смыслить. Однако Бахвалова подай ей самаго богатаго»,—усмѣхнулся онъ про себя.

И уже хотѣлъ задать ей обычный вопросъ: чѣмъ могу служить?—но она заговорила сама.

— У васъ въ Плетешкахъ,—сказала она,—есть домъ.

— Дѣйствительно, есть,—съ усмѣшкой вставилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Большой, очень доходный, но очень грязный и запущенный,—продолжала она, кажется, даже не замѣтивъ ни его словъ, ни усмѣшки. Тамъ живутъ все бѣдные жильцы, а одну квартиру тамъ занимаетъ большая семья. Они совсѣмъ бѣдные, отецъ у нихъ умеръ, а мать больная, тихая помѣшанная. Отъ нужды и горя. Прежде была очень здорова. А самый старшій сынъ, онъ еще студентъ на второмъ курсѣ въ техническомъ, даетъ уроки, а по но-

чамъ держать корректуру, но зарабатываетъ все-таки очень мало. Теперь ихъ гонять съ квартиры. Куда же они пойдутъ?

— Вы о чемъ же просите?—сказалъ Бахваловъ, которому вдругъ показалась ужасно скучной вся эта исторія:—это ваши родные или хорошіе знакомые?

— Знакомые? Да, пожалуй. Очень недавно. При чемъ же родство или знакомство? Люди гибнутъ, долгъ всякаго человѣка прійти къ нимъ на помощь, чѣмъ кто можетъ.

— Вотъ вы и рѣшили итти просить за нихъ,—опять усмѣхнулся Бахваловъ.

— Какъ вы привыкли злоупотреблять словомъ просить,—возразила она, и лицо ея вспыхнуло.—Я ничего не прошу у васъ. Лично мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Я пришла только указать вамъ возможность помѣшать величайшей несправедливости, помѣшать преступленію, которое не можетъ не бросить тѣни на васъ.

— Вотъ какъ!—вырвалось у Бахвалова.

— Да, конечно,—горячо продолжала она:—я понимаю, вы никогда объ этомъ не думали, но подумайте хоть разъ. Этотъ вашъ домъ ужасенъ, это не домъ, это—смердная клоака, о немъ даже писали въ газетахъ, квартиры тамъ холодныя, сырыя конуры, изъ такой-то квартиры выгоняютъ на улицу большую сумасшедшую съ кучей дѣтей, и кто же?—Бахваловъ. Но вѣдь они платятъ восемнадцать рублей въ мѣсяцъ, развѣ это деньги для Бахвалова?

— У меня тамъ не одна квартира,—солидно и наставительно возразилъ Ипполитъ Викуловичъ, нѣсколько изумленный ея горячностью:—и всѣ платятъ скверно. Что же мнѣ прикажете даромъ жильцовъ держать?

Она опять вспыхнула.

— Въ такомъ домѣ совсѣмъ нельзя держать жильцовъ, но, если бы вы захотѣли серьезно подумать о томъ, къ чему васъ обязываетъ ваше исключительное богатство, вы бы не задали мнѣ такого вопроса и не могли бы быть владѣльцемъ такого дома. Вы бы выстроили прекрасный, свѣтлый, просторный домъ съ удобными, сухими, теплыми и свѣтлыми квартирами и сдавали бы его только бѣднякамъ за самую дешевую плату; я нахожу, что было бы лучше, если бы вы представили его въ бесплатное пользованіе бѣднякамъ, но я понимаю, что для Бахваловыхъ это уже слишкомъ, даромъ держать жильцовъ они не станутъ.

— Позвольте,—хмуро возразилъ Ипполитъ Викуловичъ:—выходитъ, по-вашему, что Бахваловы для того и существуютъ, чтобы благодѣтельствовать нищимъ?

— А то для чего же?—спросила она.

Взглядъ Бахвалова впервые встрѣтился съ ея взглядомъ, яснымъ, наивнымъ, но до такой степени прямымъ и настойчивымъ, что Ба-

хваловъ опустилъ глаза и тутъ же, ощутивъ досаду и на себя, и на свою посѣтительницу, высокомерно сказалъ, рѣшивъ сразу поставить ее на мѣсто:

— Ну, у Бахваловыхъ можетъ быть на этотъ счетъ свое, особое мнѣніе, а вотъ вы, милая барышня, еще очень молоды и неопытны и поэтому вы хотите учить людей, которые старше васъ, а самое главное, являясь просительницей, вы позволяете себѣ тонъ, какимъ можете только повредить дѣлу, не говоря уже о самой ребяческой наивности вашей мысли, будто богатые...

Она вдругъ поднялась со своего мѣста.

— Извините меня,—сказала она:—я совѣмъ не имѣю времени для бесѣды на отвлеченныя темы, точно такъ же вторично прошу васъ не глядѣть на меня, какъ на просительницу. Я пришла вамъ сказать, что въ вашемъ домѣ не по собственной винѣ, а въ силу сложившихся условій, въ которыхъ повинны и вы, гибнутъ люди, цѣлая семья, вы могли не знать этого, и въ этомъ незнаніи ваше единственное оправданіе, но теперь вы знаете.

Бахваловъ тоже поднялся съ кресла.

Сказать ей до свиданья, позвонить лакею и велѣть проводить ее было нѣчто ему свойственное и привычное, и машинальнымъ жестомъ онъ уже потянулся къ фарфоровой пуговицѣ электрическаго звонка, но вдругъ отдернулъ руку, вдругъ сознавъ, что эта дѣвушка, невидная, бѣдно одѣтая и по натурѣ ему враждебная,—это онъ чувствовалъ всею существомъ своимъ,—сумѣла заинтересовать его, разбудила въ немъ давно уснувшее любопытство къ женщиѣ, къ ея душѣ и къ ея міру. Даже какъ-то жуткой и неприятной явилась мысль, что вотъ сейчасъ она уйдетъ такъ же внезапно и смѣло и рѣшительно, какъ вошла, и, можетъ быть, никогда уже больше онъ не увидитъ этихъ большихъ наивныхъ глазъ, не услышитъ этого низкаго, нѣсколько глухого голоса и этихъ рѣчей, такихъ странныхъ, такихъ неслыханныхъ въ его домѣ.

— Пожалуйста, присядьте еще,—сказалъ онъ:—я задержу васъ еще минутку.

Теперь слова его звучали вѣжливо и любезно и, когда онъ подвинулъ кресло, приглашая ее сѣсть, она какъ будто немножко смутилась, чуть-чуть покраснѣла и сказала:

— Право, у меня нѣтъ времени.

Тѣмъ не менѣе она сѣла, уступая его настойчивой волѣ. Онъ прошелся по комнатѣ, чувствуя, что ея взоръ не отрываясь слѣдитъ за нимъ, и ища такихъ словъ, которыя бы примирили его съ ней. Наконецъ онъ сказалъ:

— Вѣдь вы даже не получили моего отвѣта. Конечно, ваше обращеніе ко мнѣ меня нѣсколько удивило, но я очень радъ исполнить желаніе такой милой и энергичной барышни. Будьте лю-

безны сказать мнѣ фамилію вашихъ протеже, завтра же я распоряжусь, чтобы съ нихъ не взыскивали за квартиру, пока ихъ обстоятельства не поправятся.

Онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ все лицо ея озарилось радостью. Присѣвъ къ столу, онъ взялъ карандашъ.

— Это Жуковы,—сказала она:—мать вдова, Елена Васильевна Жукова. Вы дѣйствительно не велите брать съ нихъ денегъ?

— Я не имѣю привычки обѣщать и не исполнять,—отвѣтилъ Бахваловъ.

— Ахъ, спасибо. Боже мой, какъ я рада, я шла сюда, исполняя свой долгъ, но я никакъ не ожидала, что въ васъ встрѣчу добраго человѣка. Вѣдь они просто воскреснутъ! До свиданья, я уже побѣгу поскорѣе.

И, ласково улыбувшись ему, она стремительно направилась къ двери.

И опять ему захотѣлось остановить ее, удержать ее, поговорить съ ней и получше разглядѣть ее. Почти съ чувствомъ сожалѣнія онъ провожалъ ее взглядомъ.

— Куда же вы? Одна вы у меня не найдете и дороги.

Но у самой двери она вдругъ обернулась.

— Послушайте,—сказала она, и такимъ милымъ показалось ему ея смущенное лицо:—вы, пожалуйста, простите, но вѣдь въ другой разъ мнѣ, пожалуй, не удастся васъ видѣть, если бы вы захотѣли сдѣлать еще одно доброе дѣло.

Даже Ипполитъ Викуловичъ улыбнулся.

— Извольте,—съ готовностью сказалъ онъ:—если это только въ моихъ средствахъ.

— О, для васъ это такіе пустяки. Видите ли, въ нашихъ меблirашкахъ живутъ все бѣдняки, и вотъ какъ разъ одинъ товарищъ исключается за невзносъ платы, дайте ему стипендію.

Непріятно рѣзнули слухъ Ипполита Викуловича слова: «меблirашки» и «товарищъ», и уже съ недовѣрчивостью и подозрительностью онъ спросилъ:

— А вы развѣ живете не съ родителями?

Ее какъ будто немного удивилъ вопросъ, но она сдержанно отвѣтила:

— Я сирота, пріѣхала сюда на курсы.

— А гдѣ же вы воспитывались?—спросилъ Ипполитъ Викуловичъ.

— Въ харьковскомъ институтѣ,—и тотчасъ же смущенно прибавила:—вамъ, кажется, непріятно, что я заговорила о стипендіи. Дѣйствительно, я, кажется, злоупотребляю вашимъ временемъ и вашей снисходительностью.

— Нѣтъ, отчего же,—сказалъ Ипполитъ Викуловичъ:—вы мнѣ оставьте вашъ адресъ, я, можетъ быть, увѣдомлю васъ. Но все-

таки скажите мнѣ, почему вамъ не пришло въ голову обратиться съ просьбой о стипендіи къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ, ну, хоть къ Пятирикову?

— Къ Пятирикову?—ни за что!—воскликнула она, и глаза ея блеснули.

— Почему же?—очень удивленно спросилъ Бахваловъ.

— Потому что Пятирикова я знаю, мнѣ его показывали, это жестокой и сухой человѣкъ, я не рѣшилась бы ни съ чѣмъ обратиться къ нему.

— А, однако, онъ дѣлаетъ много добра,—сказалъ Бахваловъ:—и я знаю, что для просителей онъ гораздо доступнѣе меня; откуда же у васъ сложилось о немъ такое мнѣніе?

— Я видѣла его, и этого довольно. Достаточно взглянуть на его лицо, чтобы понять всю холодность, все высокомеріе этого человѣка.

— Значить, это ваше личное впечатлѣніе,—сказалъ Бахваловъ:—но оно можетъ легко ввести васъ въ заблужденіе.

— Меня оно никогда не обманываетъ,—сказала она:—я не ошибаюсь въ людяхъ, я прирожденная фізіономистка.

— Это замѣчательный даръ,—сказалъ Бахваловъ:—и разъ ужъ это такъ, мнѣ хочется спросить васъ, какое впечатлѣніе произвель на васъ я?

— Очень хорошее,—искренно отвѣтила она:—конечно, ваше богатство, какъ стѣна, отгородило васъ отъ жизни и мѣшаетъ вамъ ясно видѣть ея явленія. Вы тоже холодны и равнодушны къ чужому горю, но сердце у васъ доброе, и вы могли бы быть совѣмъ другимъ, а, кромѣ того, вы очень несчастны, вы глубоко и одиноко несчастный человѣкъ, и мнѣ ужасно жаль васъ.

Эти слова поразили Бахвалова, и нѣкоторое время онъ молчалъ, не находя словъ, погруженный въ свои мысли.

— До свиданья,—сказала она и протянула ему руку.

Онъ пожалъ ея руку съ новымъ, удивившимъ его чувствомъ.

— Я сдѣлаю все, что вы захотите,—сказалъ онъ.

— Я прошу немногаго,—отвѣтила она.—Вотъ моя карточка и на ней мой адресъ.

Ему хотѣлось еще что-то сказать ей, но уже явился лакей и остановился въ ожидательной позѣ.

— Проводи барышню,—сказалъ Бахваловъ,—и знай, что, если онѣ опять пожалуютъ, для нихъ я всегда дома.

Онъ еще постоялъ у дверей кабинета, потомъ затворилъ дверь, напелъ на столѣ оставленную ею карточку и на ней прочелъ: Анна Петровна Степанова.

«Не изъ важныхъ,—мелькнуло у него въ головѣ:—въ институтѣ, однако, воспитывалась, какая-нибудь мелкая дворяночка или дочь офицера».

Но тотчасъ же мысли его приняли другое направление. Вспомнились большіе, наивные глаза, вся фигура, стройная и хрупкая, и то неясное и смутное, что поднялось къ глубинѣ его существа, нашло себѣ выходъ въ такой мысли:

«А эта барышня мнѣ понравилась. Какая-то совсѣмъ особенная, на другихъ непохожая».

XII.

Въ этотъ вечеръ Ипполитъ Викуловичъ никуда не поѣхалъ.

Страхъ остаться наединѣ съ самимъ собой, особенно угнетавшій его по вечерамъ, обыкновенно гналъ его изъ дому. И возвращался онъ очень поздно, иногда только подъ утро, усталый, измученный, и былъ счастливъ, если могъ тотчасъ же заснуть.

Но сегодня этого страха не было, и его не тянуло изъ дому, хотѣлось побыть одному, въ полной тишинѣ и отдаться своимъ мыслямъ, не тѣмъ обычнымъ, тяжелымъ и мрачнымъ, отъ которыхъ онъ готовъ былъ бѣжать куда глаза глядятъ, а какимъ-то другимъ, полнымъ тихой печали и кроткой надежды.

Человѣкъ подаль ему стаканъ чаю и спросилъ, что приготовить одѣваться. Бахваловъ сказалъ ему, что никуда не поѣдетъ, и отпустилъ его.

Какъ часто, поздно возвратясь домой, иной разъ уже на разсвѣтѣ, онъ нарочно какъ можно медленнѣе раздѣвался, чтобы подольше не отпускать слугу. И потомъ уже, раздѣтый, уложенный въ постель, онъ придумывалъ то то, то другое, приказывалъ затопить каминъ, требовалъ коньяку или краснаго вина, заставлялъ отыскивать неизвѣстно куда сунутую имъ газету, а за всѣми этими капризами, требованіями и мелочными придирками скрывался страхъ одиночества, ужасъ передъ мыслью остаться одному прежде, чѣмъ имъ овладѣетъ сонъ. А какъ часто сонъ не приходилъ совсѣмъ и, отославъ наконецъ измученнаго слугу, онъ вскакивалъ съ постели, накидывалъ на плечи стеганный на пуху, подбитый бѣлымъ шелкомъ, малиновый бархатный халатъ и нетерпѣливыми шагами принимался мѣрить комнату въ тоскливомъ, мучительномъ ожиданіи дня, или, раздернувъ тяжелую, пунцовую, плюшевую портьеру, долго стоялъ у окна, вперяя напряженно взглядъ усталыхъ глазъ въ бѣлесоватую сумрачность нарождающагося дня.

Ничего такого не испытывалъ онъ сейчасъ. Въ этомъ отсутствіи привычныхъ гнетущихъ и страшныхъ впечатлѣній было какое-то новое и неожиданное блаженство, и только одна тревога, какъ бы не спугнуть его, какъ бы не ушло оно, нѣсколько омрачало это настроеніе.

Онъ оглядѣлъ комнату и въ первый разъ обратилъ вниманіе на множество мелочей и подробностей, на которыхъ никогда не останавливался раньше. Онъ любилъ ее, а главное находилъ достаточно богатой и стильно мебелированной для главы дома Бахваловыхъ, но только сейчасъ замѣтилъ онъ все благородство и изящную простоту бѣлыхъ мраморныхъ бюстовъ великихъ людей: Пушкина, Шекспира, Екатерины Великой, Жоржъ-Занда, и другихъ, и серьезную прелесть старинныхъ гравюръ въ темныхъ дубовыхъ рамахъ съ едва замѣтной бронзовой орнаментовкой. Совсѣмъ иными показались ему невысокіе, краснаго дерева книжные шкапы, полные книгъ, красивые корешки которыхъ блестѣли позолотой изъ-за толстыхъ, зеркальныхъ стеколъ и которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ поставлены были при Провѣ Сидоровичѣ, никто никогда не читалъ и не трогалъ. Впервые ощутилъ онъ въ этой комнатѣ присутствіе какой-то посторонней воли и мысли, враждебной бахваловскому укладу, но мощной и прекрасной. Это поразило его сознаніе настолько сильно, что онъ задумался, нѣсколько удивленный новизной впечатлѣній, и наконецъ понялъ.

Понялъ, что здѣсь работалъ не только обойщикъ-декораторъ, мебельщикъ, но и художникъ, и художникъ внесъ отъ себя все то, что облагородило и возвысило обстановку его жилища.

И весь бѣлый домъ предсталъ ему въ иномъ свѣтѣ, и иначе— по новому, изящному и прекрасному—проплывали предъ его глазами всѣ картины, статуи, однѣ блестящія красками, другія бѣло-мраморныя, полотна и скульптуры великихъ искусниковъ, и роскошные гобелены, украшавшіе стѣны, и старинныя, рѣдкой чеканки серебро и бронза,—все вдругъ получило значеніе и вкусъ, которыхъ онъ не подозрѣвалъ раньше. Бѣлый домъ ему, какъ и всѣмъ Бахваловымъ, рисовали, какъ затѣя самодура-дѣдиньки, фантазіей разбогатѣвшаго, ощутившаго жажду развернуться и показать себя мужика, кратковременнымъ пріютомъ предмета его увлеченія—хористки изъ венгерскаго хора.

Никто не заглядывалъ въ бѣлый домъ, и никто изъ Бахваловыхъ не собирался жить въ немъ. Самого Ипполита Викуловича загнала его смертная тоска, безумная жажда покоя, отдохновенія, возможности уйти отъ призраковъ, сторожившихъ его въ каждой комнатѣ, въ каждомъ углу большого дома.

Онъ замѣтилъ, что въ каминѣ погасъ огонь, и по привычкѣ направился къ звонку. Но вдругъ раздумалъ, испугался, что, если позоветъ слугу, исчезнетъ это новое и такое неожиданное и теперь такое желанное настроеніе. Онъ отыскалъ спички, самъ подложилъ дровъ и довольно долго возился, пока не запылало пламя. Электричество онъ потушилъ и, движимый все той же жаждой уюта, покоя, опустился въ глубокое кресло у камина. Тихо потрескивали дрова, нѣжные, розоватыя, дрожащія блики трепетали на

пушистомъ пестромъ коврѣ, топули углы въ темнотѣ и таинственно, какъ живыя, бѣлѣли мраморныя лица. «Какъ это странно,—думалось Ипполиту Викуловичу:—почему такое спокойствіе и такъ легко на душѣ? Неужели только оттого, что здѣсь провела какихъ-нибудь двадцать минутъ эта барышня? Или то, что она говорила, было такъ значительно?».

Потомъ онъ спросилъ себя: хороша она или дурна собой? И отвѣтилъ, что скорѣе дурна. Во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не въ бахваловскомъ вкусѣ. Въ Бахваловскомъ домѣ про такую сказали бы, что у ней ни кожи, ни рожи. Еще дѣдушка Провъ Сидоровичъ бывало говорилъ, что у хорошаго хозяина «лошади въ мылѣ, жена въ тѣлѣ», и женщинъ въ бахваловскомъ домѣ любили видныхъ, дородныхъ, бѣлотѣлыхъ и сдобныхъ, съ румянцемъ во всю щеку, съ темными, подернутыми влагой глазами, съ крѣпкими, бѣлыми, какъ сахаръ, зубами, лѣнивыхъ, неторопливыхъ, съ пѣвучей рѣчью, съ неспѣшными движеніями, полногрудыхъ и широкобедрыхъ, однимъ словомъ, статныхъ.

И самъ Ипполитъ Викуловичъ цѣнилъ именно такую красоту всѣхъ своихъ сестеръ, а въ короткій періодъ своего кутежа, которыми онъ удивилъ даже издавшую виды купеческую Москву, больше всѣхъ поживилась отъ него пѣвчанка русскаго хора Варька-Сажень, прозванная такъ за свой дѣйствительно гренадерскій ростъ. И людей въ Бахваловскомъ домѣ держали только рослыхъ, которые бы за себя и за хозяина постоять сумѣли, а ежели какъ-нибудь ненарокомъ и попадалъ малорослый и невидный человѣкъ-замухрышка, какъ выражались въ Бахваловскомъ домѣ, или пигмей, какъ выражались по благородному въ бабьемъ царствѣ, то уже мѣсто ему давалось не изъ важныхъ, для посылокъ, для побѣгушекъ, а уже о мѣстѣ кучера, конюха, лакея, а еще того больше дворника, нечего было ему и думать, этотъ народъ весь былъ какъ на подборъ, по выраженію Прова Сидоровича, рожа, что твой самоваръ, и кулакъ другу недругу закажу.

Потомъ Ипполитъ Викуловичъ остановился на мысли: чѣмъ же она могла такъ подѣйствовать на его воображеніе? Ни роста, ни фигуры, ни красоты, такъ дѣвочка, еще не сложившаяся, и рѣчь у нея простая, пожалуй, смѣлая, но и смѣлость какая-то дѣтская, жизни и людей, очевидно, совсѣмъ не знаетъ, фізіономисткой себя называетъ. Бахваловъ чуть-чуть усмѣхнулся, но тутъ же одернулъ себя. А кто ее знаетъ, можетъ быть, и, правда, обладаетъ такимъ даромъ: есть же прозорливцы; конечно, на первый взглядъ это только смѣшно, но вотъ Пятирикова она хорошо знаетъ, и вѣдь это правда, что онъ тупой и жестокій человѣкъ. А про него, про Бахвалова, она сказала, что онъ глубоко несчастливъ и глубоко одинокъ. А развѣ это неправда? Она видѣла его въ первый разъ, и очень недолго. Бѣдная дѣвочка, она пришла къ нему, какъ къ бо-

гачу, и встрѣчена была имъ холодно и высокомерно, но почему-то она не сказала ничего другого, а угадала истину.

Да, онъ глубоко несчастный и глубоко одинокій человѣкъ. Ы еще новое замѣтилъ онъ въ себѣ: ему не хотѣлось шевелиться и подольше хотѣлось остановиться на своихъ мысляхъ. Обыкновенно онъ метался, ища, куда уйти отъ самого себя, и гналъ свои мысли. Это давно уже такъ. И онъ привыкъ уже къ этому, какъ привыкаютъ колодники къ своимъ оковамъ. А вотъ сегодня пришла она, невѣдомая и скромная, и совершилось чудо. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не чудо? какъ много денегъ бросалъ и бросаетъ онъ, чтобы заглушить тоску свою, развлечься, вызвать другое настроеніе, и нѣтъ, это не покупается деньгами, надо что-то другое, и вотъ это другое она принесла съ собой, вошла на минуту и ушла. Идутъ часы, проходитъ ночь, и какъ будто частица ея, что-то присущее ей, осталось здѣсь, и можно жпть, дышать и не мучиться и хочется только одного: чтобы душа такъ же отдыхала, какъ вотъ сейчасъ, и, пожалуй, ничего другого не надо. Среди всѣхъ этихъ размышлений вдругъ ярко и съ изумившей его внезапно энергіей вспыхнула въ мозгу его мысль, что онъ не сумѣлъ быть достаточно почтителенъ съ ней, кажется, даже былъ невѣжливъ. А когда она ушла, онъ даже не догадался предложить ей экипажа.

Онъ самъ тотчасъ же понялъ, какъ дика эта мысль для Бахвалова, но тутъ же почти съ болью въ душѣ подумалъ о томъ, что одѣта она была очень бѣдно и что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что до дому она дойдетъ пѣшкомъ. Онъ мысленно прикинулъ разстояніе, и оно показалось ему чудовищно-длиннымъ.

«Значить, она сильнѣе меня,—подумалъ онъ:—не физически, конечно, но ея жизнь не легка, она проходитъ ее мужественно и у нея смѣлый взоръ, ясная улыбка, и, не имѣя ничего сама, она идетъ просить для другихъ».

Про себя Бахваловъ уже давно рѣшилъ, что сдѣластъ все, о чемъ просила его нежданная гостья, но по мѣрѣ того, какъ онъ думалъ о ней, онъ, еще робко, нерѣшительно и смутно, но настойчиво, возвращался все къ одной и той же мысли, такой манящей и вмѣстѣ пугавшей его. Сразу онъ не находилъ ей выраженія, но несвязно и путаясь толкались въ его головѣ какіе-то обрывки ощущеній, впечатлѣній, пока наконецъ онъ не остановился на такомъ предположеніи: вѣдь, если эта дѣвушка, только на минуту, войдя въ его жизнь, сумѣла такъ скрасить и облегчить ее, то вѣдь ясно, что судьба посылаетъ ему въ лицѣ ея избавленіе отъ преслѣдующихъ его ужасовъ. Было бы безуміемъ отказываться отъ возможности спастись. Значить, нужно взять эту дѣвушку, посадить ее вотъ здѣсь, около себя, жить съ ней въ одномъ домѣ, знать, что она вотъ тутъ за стѣной, за дверью, что только позвать ее, и она придетъ. Надо будетъ жениться на ней. Это не партія для

Бахвалова, но это и не жертва съ его стороны, вѣдь женать же онъ былъ на Разживиной, на истеричкѣ и больной падучею, не любилъ онъ ее никогда. Но жилъ съ ней дружно, не обижалъ ее и, правду сказать, не тяготился ею, жить она ему не мѣшала, а какая же печаль ему была въ томъ, что въ то время, какъ онъ бросалъ деньги на другихъ женщинъ и весело проводилъ время въ компаніи собутыльниковъ, гдѣ-то въ другомъ углу Москвы сидѣла женщина, называвшаяся его женой. Онъ о ней даже никогда и не думалъ, а все-таки она была его женой и матерью его дѣтей, а когда умерла, онъ только подумалъ, что теперь у него развязаны руки, и если женится вторично, то не по приказу отца, а по доброй волѣ. Но не очень соблазнила женитьба. Да и какъ жениться? Бахвалову надо себѣ пару по плечу искать, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ до сихъ поръ думалъ. А вотъ сейчасъ онъ думаетъ другое, думаетъ онъ, что кому и жениться, какъ вздумается, какъ не Бахвалову. Никто ему не указъ, старшихъ надъ нимъ нѣтъ, а о приданомъ Бахвалову смѣшно и думать. Да, конечно, надо жениться, сама судьба посылаетъ ему счастье, онъ не знаетъ этой дѣвушки, но развѣ это не все равно, важно не то, кто она, что она, важно, что съ собой она вноситъ въ его домъ свѣтъ и покой, что около него будетъ человѣкъ, съ которымъ ему легко и который его пожалѣетъ. Вѣдь это она сказала, что ей ужасно жалко его, а ему именно нужно, чтобы кто-нибудь жалѣлъ его.

И тутъ же вставали возраженія: а все-таки она тебя не любить и никогда не полюбитъ, и молода очень, сначала вѣдь только будетъ робка, а осмѣлѣетъ, оглядится, какъ разъ влюбится, еще на всю Москву, пожалуй, осрамить, да еще какова-то потомъ окажется? Но да и то сказать, не по праву придется или надоѣсть, или поведетъ себя дурно, такъ и изъ дому вонъ, даль разводъ и отступного—скатертью дорога. Не съ бахваловскими деньгами надъ такими пустяками голову ломать!

Не видѣлъ Ипполитъ Викуловичъ, какъ пролетѣла ночь. А когда отошелъ отъ давно потухшаго камина, отдернулъ драпри, прямо въ лицо ему глянулъ свѣтлый, погожий день и засталъ его уже съ готовымъ и твердымъ рѣшеніемъ. Все смѣрилъ, все взвѣсилъ, все высчиталъ Бахваловъ, какъ осторожный, расчетливый и ни въ чемъ не забывающій выгоды купецъ, и только одно соображеніе совсѣмъ ни на одну секунду не пришло ему въ голову: захочетъ ли намѣченная невѣста пойти за него? Да еще одного не принялъ во вниманіе Ипполитъ Викуловичъ. Не узналъ онъ и не понялъ, что неожиданно-негаданно подошла къ нему прекрасная лучезарная гостыя волшебница-любовь и властно постучалась въ наглухо закрытыя двери его суроваго, угрюмаго и старѣющаго сердца.

XIII

Новое, неожиданное, его самого изумлявшее своей властной силой и невѣдомымъ и плѣнительнымъ, робкимъ и нѣжнымъ очарованіемъ чувство всецѣло покорило себѣ Бахвалова.

Точно какая-то мощная и вмѣстѣ ласковая и теплая волна захлестнула его и влекла за собою.

И уже давно смирилось его самодовольное высокомеріе, и онъ твердо сказалъ себѣ, что только женитьба на ней можетъ спасти его. И уже самому ему странными и дикими казались его прежнія мысли, когда онъ, покорный своимъ врожденнымъ навыкамъ, въ полномъ преклоненіи передъ деньгами и пренебреженіи къ человѣку вообще и къ женщинѣ въ особенности, строилъ въ мечтахъ своихъ свое благополучіе, рисуя себѣ свою избранницу скромной и непритязательной подругой, которой, казалось ему, и не къ лицу было разсчитывать стать женой Бахвалова, и надо было радоваться, что удалось попасть къ нему на содержаніе.

Смутное, еще только пробуждавшееся чувство смиренно и еще нерѣшительно заявляло о себѣ, а Бахваловъ отмахивался отъ него, какъ отъ докучной мухи, и, борясь съ непонятной для него настойчивостью овладѣвшаго имъ каприза, цинически говорилъ про себя:

— Вѣдь озолочу дѣвчонку. И во снѣ ей не снилось такой жизни. И безъ женитьбы хорошо, радоваться должна, коли не дура. Живетъ и такъ.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ ближе знакомился съ Анной Петровой, яснѣе становилось ему и шире раскрывалось передъ нимъ новое, не похожее на бахваловское, какъ будто наивное и смѣшное, но вмѣстѣ и величавое, красивое и строгое мировоззрѣніе.

Ни въ самой Аннѣ Петровнѣ, ни въ той средѣ, гдѣ она вращалась, не встрѣтилъ Бахваловъ уваженія къ богатству, какъ къ таковому, и, что особенно было удивительно для него, здѣсь все были бѣдняки, все люди, которые, по мнѣнію Бахвалова, должны были завидовать богатству, жаждалъ его и преклоняться передъ нимъ.

«Ужъ коли богатаго человѣка и того купить можно, то ужъ нишаго и со всеми потрохами», крѣпко сидѣло у него въ головѣ. Не сразу, но постепенно, послѣ многихъ отпугиваній, щелчковъ и мелкихъ уколовъ, онъ понялъ, что въ этомъ кружкѣ молодежи никого купить нельзя.

Тогда же впервые ему сталъ нѣсколько понятенъ Иванъ, его младшій сынъ, тоже не хотѣвшій и не искавшій его богатства, и ясно стало ему, что Анна Петровна не годится для той роли, какую онъ предназначалъ ей.

Онъ рѣшился и сдѣлалъ предложеніе. Ему казалось, что онъ приноситъ величайшую жертву, какой только отъ него можно

требовать, и онъ твердо былъ убѣжденъ, что оказывать огромную честь дѣвушкѣ бѣдной, безвѣстной и не блестящей, предлагая ей стать его женой.

И тѣмъ болѣе поразилъ ея рѣшительный отказъ.

Развѣ можно отказать такому жениху, какъ Бахваловъ? Надо быть безъ царя въ головѣ.

Вся гордость возмущилась въ немъ: онъ уѣхалъ разсерженный, почти злой, и съ омерзѣніемъ глядѣлъ на стѣны и на ступеньки застѣженной лѣстницы, по которой спускался, выходя изъ студенческихъ меблирашекъ.

Онъ былъ увѣренъ, что получилъ хорошій урокъ, который излечитъ его отъ странной блажи.

Почти недѣлю выдерживалъ онъ характеръ.

Объѣдиль фабрики, зачастилъ въ амбары, пытаясь найти въ дѣлѣ и въ хлопотахъ замѣщеніе той пустоты, которую онъ неизмѣнно и тяжело чувствовалъ вокругъ себя.

Почти обрадовался, когда на улицѣ у московскаго трактира поймалъ его веселый, жизнерадостный, съ лукавыми масляными глазами и хитрой усмѣшкой въ углахъ сочныхъ малиновыхъ губъ и розовыхъ, полныхъ щекъ Карманъ-Лелѣевъ, свѣтило московской адвокатуры и повѣренный Сосипатра.

— Те-те-те, батенька!—своимъ полновзвучнымъ, бархатнымъ баритономъ запѣлъ еще издали Карманъ-Лелѣевъ:—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я вѣдь у васъ два раза былъ, все, говорятъ, дома нѣтъ. И продекламировалъ:

— Эта пѣсня всѣмъ знакома.
Такъ ужъ, видно, созданъ свѣтъ:
Для однихъ всегда мы дома,
Для другихъ насъ дома нѣтъ.
Дома нѣтъ, дома нѣтъ,
Мы уѣхали чѣмъ свѣтъ.

Онъ хохоталъ громко и весело, а маленькія сильныя руки его, пухлыя и теплыя, крѣпко сжимали большую и холодную руку Бахвалова, и тому казалось, что Карманъ-Лелѣевъ вотъ-вотъ раскроетъ объятія и полѣзетъ цѣловаться, такъ близко надвинулась на него крупная, приземистая фигура въ распахнутой хорьковой шубѣ, въ съѣхавшей на затылокъ бобровой шапкѣ.

— Меня дѣйствительно, должно быть, не было дома,—попробовалъ оправдаться Бахваловъ.

— Плевать!—отозвался Карманъ-Лелѣевъ:—вѣдь и сейчасъ васъ нѣтъ дома, но для меня вы какъ бы дома. Зайдемте-ка вмѣстѣ въ сіе мѣсто злачное и прохладное, позавтракаемъ по-пріятельски, да кстати потолкуемъ о дѣлѣ. Идетъ, что ли?

— Ладно,—отозвался Бахваловъ:—только, чуръ, я угощаю.

— Кто же спорить. Это ужъ само собою разумѣется,—говорилъ уже въ просторной передней Карманъ-Лелѣевъ, сбрасывая съ плечъ шубу на руки почтительно кланявшемуся лакею.—Меня всё толстосумы московскіе поить, кормить и всячески ублажать по гробъ жизни должны.

— Даже и тѣ, которые, благодаря вамъ, просудились и терпятъ убытки?—усмѣхнулся Бахваловъ, слѣдя за Карманъ-Лелѣевымъ, который увѣренно и быстро переходилъ большой, заставленный столами залъ.

— Красный кабинетъ свободенъ? Подайте-ка намъ туда по моему. И Бахваловъ со мной старшій. Да Васю пошлите намъ, онъ ужъ самъ знаетъ.

За завтракомъ Ипполитъ Вилуловичъ развеселился. О дѣлѣ много и не говорили, въ двухъ словахъ кончили. Всѣ требованія Сосипатра Бахваловъ соглашался удовлетворить.

И, надо признаться, требованія эти были умѣренны.

Сосипатръ торопился съ разводомъ Ртищевой. Съ женою онъ уже былъ разведенъ, причемъ урожденная Салотопова узнала это тогда, когда все уже было кончено. Торопился и съ свадьбой. И вообще чувствовалъ огромную нужду въ деньгахъ, стограла отъ жажды развернуться во-всю, тряпнуть мошной и со всѣми расплатиться полнымъ рублемъ и особенно выкинуть обѣщанныя въ таборъ нѣсколько десятковъ тысячъ за Степу, для которой въ Сокольникахъ онъ уже присмотрѣлъ особнячокъ, гдѣ и собирался поселить ее, какъ только его денежные дѣла поправятся.

Его широкой натурѣ несвойственно было задумываться надъ пустяками, и женитьба на Ртищевой нисколько не мѣшала ему продолжать романъ со Степю, которая привлекала его своею дикостью и непосредственностью, пожалуй, не меньше, чѣмъ полковница Ртищева своей воспитанностью, нѣжной красотой и свѣтскостью.

Кромѣ того, ни для кого не было тайной, что уже много лѣтъ жилъ онъ съ молоденькой французенкой, бывшей гувернанткой Расторгуевыхъ, и имѣлъ отъ нея дочь.

— Ну, вотъ и отлично,—говорилъ Карманъ-Лелѣевъ, плотоядно жуя и проглатывая жирные и сочные куски:—самое это разлюбезное дѣло. Тихо, скромно, благородно, по-семейному, тишкомъ да ладкомъ да миркомъ, безъ шума, безъ скандала.

И, постепенно приходя въ экспансивное настроеніе послѣ выпитыхъ старой мадеры и стакановъ трехъ Понте-Канэ, онъ разглагольствовалъ:

— Я, вѣдь, судиться терпѣть не могу. Довести до суда это ужъ послѣднее дѣло. Какъ судъ—конченъ балъ! Пошла сушь, мертвечина. Хозяева ужъ не мы съ вами, а статья такая-то, сенатское разъясненіе такое-то, словомъ, жалкая проза. А я, кра-

савецъ мой, поэтъ. У меня полеты фантазіи, широта взгляда, остроумнѣйшая комбинаціи. И мертвая хватка. Для упрямецевъ, разумѣется. А кто со мной хорошъ,—того я не забуду. У меня всѣ большія дѣла миромъ кончались, полюбовной сдѣлкой.

И Карманъ-Лелѣевъ сыпалъ примѣрами.

Мелькали знакомыя, вѣскія имена, скатывались съ его языка, точно золотыя глыбы, крупные денежные куши, и тѣ, что онъ оттягаль, и тѣ, что ему заплатили, и въ живой и образной, помосковски бойкой и яркой рѣчи его проплывали передъ Бахваловымъ и знакомыя и незнакомыя ему, но всѣ такія интересныя, всѣ такія типичныя фигуры.

Только подъ самый конецъ Карманъ-Лелѣевъ какъ будто усталъ, размякъ и началъ затихать, но веселье такъ и брызгало изъ его лучистыхъ глазъ, и лукавая усмѣшка все еще змѣилась въ складкахъ губъ.

Бахваловъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на него.

«Вотъ это человѣкъ,—думалось ему:—вѣдь ужъ не молодежь, а весь такъ и кипитъ, умѣетъ жить, умѣетъ нажить деньги, умѣетъ и бросить».

А когда они выходили и Бахваловъ уже собирался сѣсть въ подкатившій автомобиль, Карманъ-Лелѣевъ вдругъ широко улыбнулся, точно все лицо его раздвинулось и загорѣлось свѣтомъ, и сказалъ:

— А, вѣдь, я васъ, почтеннѣйшій Ипполитъ Викуловичъ, еще на полмилліончика нагрѣю.

Бахваловъ сразу съежился и нахмурился и вопросительно взглянулъ на адвоката.

— Сосипатръ Викуловичъ оторвалъ у васъ хорошій кусъ,—засмѣялся Карманъ-Лелѣевъ:—а про Николая Викуловича мы съ вами еще и не говорили.

— Братъ тяжело боленъ,—сказалъ Бахваловъ:—и мы съ нимъ не ссорились, онъ во всемъ полагается на меня.

— Человѣкъ онъ больной, слабый, малоумный,—сказалъ Карманъ-Лелѣевъ:—гдѣ жъ ему съ такимъ козыремъ, какъ вы, бороться. А вотъ супруга его имѣетъ къ вамъ претензію. Притомъ же есть дѣти, и если бы даже Серафима Ивановна и пожелаала отъ своихъ интересовъ отказаться, то пренебречь интересами дѣтей своихъ она никакъ не имѣетъ права, это и закономъ воспрещается.

— Ну, хорошо,—уже устало отмахнулся Бахваловъ:—я подумаю.

— Думайте, Ипполитъ Викуловичъ, да поскорѣе, да въ разныя стороны не раскидывайтесь. Помните сказку про лису? Умное животное, что и говорить, а какъ стала долго думать, да завелось у нея думъ до тысячи, такъ и попала мужику на воротникъ къ шубѣ. Хе-хе-хе-хе! А, впрочемъ, я къ вамъ завтра часикамъ къ десяти утра навѣдаюсь. До пріятнѣйшаго свиданія.

И опять скучно стало Бахвалову.

А въ домѣ каждый разъ его непріятно поражала пустынность, тишина красиво убранныхъ нежилыхъ покоевъ.

И вдругъ однажды вечеромъ, когда онъ поздно вернулся изъ клуба и, раздѣтый соннымъ лакеемъ, пріотворилъ дверь въ полутемный кабинетъ, гдѣ въ каминѣ чуть-чуть поблескивали догоравшіе, уже покрытые голубоватымъ налетомъ золы угли, съ кресла у письменнаго стола, съ его кресла, поднялась высокая, костлявая фигура. Страшныя руки скелета придерживали на высохшей груди полы коричневаго халата.

Бахваловъ прикрылъ глаза, чтобы не видѣть лица, отступилъ назадъ и тихо затворилъ дверь.

Въ первый разъ видѣлъ онъ въ бѣломъ домѣ призракъ отца, такъ... близко, такъ ясно.

Лечь спать онъ не рѣшился.

Одѣтый, какъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ пластронѣ, онъ всю ночь бродилъ по пустымъ комнатамъ, то заставляя быстро вспыхивать электрическія люстры подъ потолокомъ, то гася ихъ, время отъ времени присаживаясь отъ утомленія на первый попавшійся стулъ и вновь подымаясь, толкаемый невыносимой мукой тревоги и страха.

А въ восемь часовъ утра онъ уже летѣлъ въ знакомыя мебели-рашки и тамъ узналъ отъ хозяйки, что Анны Петровны уже нѣтъ, что у нея сыпной тифъ и что уже нѣсколько дней тому назадъ ее свезли въ больницу.

Для Бахвалова началась новая жизнь.

Все ушло изъ нея, все потонуло въ одномъ страстномъ и мощномъ желаніи вырвать изъ пасти смерти вдругъ ставшее ему безконечно дорогимъ, незамѣнимымъ, единственнымъ существо.

Сначала онъ хотѣлъ перевести Анну Петровну въ частную лечебницу, но, когда доктора отсовѣтовали ему, оставилъ ее въ больницѣ, но самъ каждый день часами сидѣлъ около ея койки, привозилъ на консилиумъ московскихъ знаменитостей, засыпалъ золотомъ докторовъ, сидѣлокъ и фельдшеровъ.

Три недѣли ходилъ, какъ пьяный, жилъ въ какомъ-то угарномъ и безумномъ чаду, то падая въ бездну глубочайшаго отчаянія, то взлетая на высоту самыхъ лучезарныхъ надеждъ.

А когда въ одно утро Анна Петровна очнулась отъ забытья и, широко раскрывъ глаза, устремила впередъ проясненный сознаниемъ, только что проснувшійся взглядъ, глаза ея встрѣтились съ глазами Бахвалова, горѣвшими огнемъ глубокаго и упорнаго чувства. Затѣмъ все совершилось въ нѣсколько дней.

Слабость ли послѣ болѣзни парализовала волю Анны Петровны, и она, не пробую сопротивляться, подчинилась другой, мощной и упрямой волѣ, заговорило ли въ ней чувство признательности за

попеченія и заботы, расточаемыя ей, одинокой и заброшенной дѣвушкѣ, въ чужомъ огромномъ безучастномъ городѣ, а, можетъ быть, напѣлись у Бахвалова слова, которыми онъ сумѣлъ убѣдить ее, что она нужна для него, нужна, чтобъ спасти его душу, и онъ успѣлъ вызвать въ душѣ ея жалость къ себѣ.

Вѣнчались въ скромной домашней церкви. Были только свидѣтели. Тотчасъ послѣ вѣнца Бахваловъ привезъ молодую жену въ бѣлый домъ, а самъ поднялся въ бабье царство, къ бабинкѣ, которой и объявилъ о своей женитьбѣ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, уступку традиціямъ Бахваловскаго дома.

Изъ прочихъ обитательницъ бабьяго дома нашель онъ у себя только генеральшу, которая со свойственнымъ ей величавымъ спокойствіемъ выслушала своего брата и, не показавъ и тѣни изумленія, съ обычной своей ласковой, съ оттѣнкомъ задушевности повадкой, сказала:

— Но я, право, очень рада за тебя, Ипполитъ. Я увѣрена, что ты нашель свое счастье. Ты уже человѣкъ зрѣлый, въ твои годы не ошибаются, конечно, ты сдѣлалъ достойный тебя выборъ. А проросъ кто она?

Ипполитъ Викуловичъ кратко рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ Анной Петровной.

Ему было пріятно, что старшая сестра встрѣтила это извѣстіе такъ благосклонно, даже сердечно, и онъ почувствовалъ къ ней нѣчто вродѣ благодарности.

— Mais c'est sublime!—говорила Марина Викуловна:—я увѣрена, что твоя жена премилый человѣкъ. А главное—твой бракъ вполне современенъ. Онъ—несомнѣнная уступка вѣяніямъ времени. Когда же мы будемъ имѣть счастье видѣть твою жену?

— Когда угодно,—отвѣтилъ Бахваловъ, поднимаясь:—никакихъ визитовъ мы не собираемся дѣлать. Аня еще не совсѣмъ поправилась и должна беречь свои силы. Но двери нашего дома открыты, тѣмъ болѣе для васъ, для близкихъ родственниковъ.

— Но я первая навѣщу твою жену,—говорила Марина Викуловна, обмѣниваясь послѣднимъ рукопожатіемъ:—я очень рада, что мнѣ пришлось почти первой узнать о твоёмъ счастьѣ.

А по закоулкамъ бабьяго царства въ шелестахъ и шопотахъ распространялась неслыханная, сносшибательная для Бахваловскаго дома вѣсть:

— Самъ женился. Да какъ: тихомъ да молчкомъ, невѣдомо на комъ. Свадьбу точно увозомъ справили: ни тебѣ пѣвчихъ, ни тебѣ краснаго сукна, ни тебѣ поѣзжанъ. Неужто ни параднаго обѣда, ни свадебнаго ужина не будетъ? Ну, и времена! До чего только дожилъ Бахваловскій домъ?

Къ вечеру уже на всѣ лады обсуждался поступокъ Ипполита Викуловича. Радоваться вѣдь особенно было нечему.

Викуловны не скрывали своего недовольства.

Только генеральша была, какъ всегда, сдержанна и исполнена какого-то царственного благоволенія, да Аграфена Асафовна ничѣмъ не выказала ни порицанія, ни одобренія, только чуть-чуть пожала плечами и шопоткомъ, какъ будто про себя, проговорила:

— *Après tout chacun veut avoir sa part du bonheur* (каждому хочется имѣть свою долю счастья).

Но когда вечеромъ обѣ эти дамы остались вдвоемъ, Аграфена Асафовна обняла Марину Викуловну и воскликнула:

— *Quelle algarade, ma chérie, et de quel acabet* (что за выходка и какого дурного пошиба).

А Марина Викуловна покачала головой и брезгливо отозвалась:

— *Inouï!* (неслыханно).

И если что нѣсколько ослабило сенсацію, произведенную этимъ бракомъ, то развѣ только приѣздъ молодыхъ братьевъ Бахваловыхъ сыновей Ипполита, который тоже возбудилъ не малые толки.

Начать съ того, что братья остановились въ гостиницѣ, а не въ домѣ отца, и сразу себя повели въ высшей степени независимо. Правда, у бабиньки были, но посидѣли у нея всего какихъ-нибудь пять минутъ и особой почтительности не выказали.

Да и бабинька все время путала правнуковъ съ внуками, кажется, такъ и не уяснивъ себѣ, кто же они и какъ ей доводятся.

Въ бабьемъ царствѣ, гдѣ братья провели цѣлый вечеръ, ихъ привяли прекрасно и нашли, что они интересны, но едва ли не большій успѣхъ выпалъ на долю только что появившагося въ Бахваловскомъ домѣ молодого помощника присяжнаго повѣреннаго, нѣкоего Гиршфельда, ставшаго недавно своимъ человѣкомъ въ домѣ.

Этотъ Гиршфельдъ устраивалъ свадьбу Ипполита Викуловича и былъ рекомендованъ Карманъ-Лелѣевымъ. Гиршфельдъ подыскивалъ шаферовъ и самъ былъ однимъ изъ нихъ, сумѣлъ оказать множество мелкихъ, но очень существенныхъ услугъ, и уже было извѣстно, что Ипполитъ Викуловичъ поручилъ ему контору и съ нимъ же совѣтовался по поводу денежныхъ операцій и расчетовъ съ банками.

Имѣлъ онъ и частную довѣренность отъ Бахвалова, на веденіе кое-какихъ, пока не крупныхъ дѣлъ и уже расписывался на документахъ мелкимъ, старательнымъ почеркомъ:

«Повѣренный торговаго дома Бахвалова сыновья, Михаилъ Яковлевичъ Гиршфельдъ (православный)».

Въ бабьемъ царствѣ онъ скоро сумѣлъ сдѣлаться незамѣнимымъ. Онъ такъ рассказывалъ еврейскіе анекдоты, что всѣ слушатели хохотали «впекатышку», какъ говорилось въ Бахваловскомъ домѣ. Онъ игралъ на мандолинѣ и жиденькимъ, но пріят-

нымъ теноркомъ пѣлъ романсы. Онъ декламировалъ стихи, плясалъ казачка. Но въ глазахъ дамъ бабьяго царства самымъ драгоценнымъ, кажется, было то, что онъ былъ искусный хиромантъ и замѣчательно гадалъ на картахъ.

Въ то время еще никто не подозрѣвалъ въ Михаилѣ Яковлевичѣ иныхъ, кромѣ этихъ мелкихъ, талантовъ.

И, кажется, одинъ только Ипполитъ Бахваловъ учуялъ его финансовый геній, который развернулся пышнымъ цвѣтомъ на тучныхъ пажитяхъ бахваловскихъ миллионовъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

XIV.

Въ чувствѣ, такъ властно покорившемъ себѣ Бахвалова, не было бури и огня страсти.

Мира и тишины жаждала его истерзанная душа, и, казалось, дѣйствительно миръ и тишина вошли съ его молодой женой въ бѣлый домъ.

Около этой молоденькой женщины не было мѣста призракамъ, не было мѣста страху, и первое время Бахваловъ испытывалъ глубокое наслажденіе покоя, отдыха.

Но тогда же, съ самыхъ первыхъ шаговъ, онъ понялъ, какъ глубоко чужды другъ другу ихъ натуры и какъ закрыта для него ея душа, точно лежала передъ нимъ большая и интересная книга, которую еще надо было научиться читать.

Почасту и подолгу вглядывался онъ въ это, такое, казалось бы, обыкновенное, такое не яркое лицо, и хотѣлось ему что-то уловить, постичь какой-то тайный смыслъ въ тонкихъ чертахъ блѣднаго облика, такъ непохожаго на обычныя, здоровыя, мощныя, ухарски самодовольныя, смахивающія на послѣднюю модную картинку фигуры хозяекъ въ Бахваловскомъ домѣ.

И теперь, поставленная уже въ условія широкаго бахваловскаго обихода, окруженная роскошью, осыпаемая золотомъ и драгоценностями, она продолжала и по внѣшности оставаться той же скромной и простенькой. И въ этой простотѣ и скромности, въ этихъ темныхъ платьицахъ, въ которыхъ она походила на дѣвочку, заключалось для Бахвалова какое-то новое очарованіе, передъ которымъ онъ останавливался въ сладкомъ и почтительномъ недоумѣніи.

На ея рукахъ онъ никогда не видѣлъ колець, даже обручальнаго. И онъ съ удивленіемъ сказалъ себѣ, что эта женщина не любитъ драгоценностей, и пересталъ ихъ дарить ей, но все-таки ему хотѣлось видѣть ее такъ же роскошно и блестяще одѣтой, какъ его сестры, какъ жены Полупудовыхъ и Расторгуевыхъ.

И онъ самъ заказалъ ей платье и убѣдилъ ее надѣть его въ оперу.

Было взято подъ рядъ три ложи бельэтажа, и бахваловскія дамы и ихъ знакомыя съ своими кавалерами демонстрировали въ нихъ пышную выставку роскошныхъ туалетовъ и брильянтовъ.

На Аннѣ Петровнѣ тоже были брильянты, и великолѣпные, хотя и въ очень умѣренномъ количествѣ.

Бахваловъ самъ вдѣлъ ей въ уши огромные, чистѣйшей воды камни.

Въ театрѣ она развеселилась, хотя не переставала чувствовать себя неловкой среди всѣхъ этихъ большихъ, жирныхъ и сытыхъ, разряженныхъ и самодовольныхъ женщинъ, съ такими розовыми щеками, съ такими яркими, почти кровавыми губами, съ этими манящими, подведенными и подрисованными, сладострастными въ своей бездонной чернотѣ глазами.

Но сцена ее привлекала, музыка восхищала, и она постепенно освобождалась отъ оковъ окружающаго, уходила изъ условій обстановки, но вдругъ была вырвана изъ самозабвенія, почти испугана.

Аграфена Асафовна, низко наклонившись къ ея уху, шептала: — Дорогая моя Анна Петровна, вы прямо поражаете своей блѣдностью. Вы плохо себя чувствуете?

— Нисколько. Я совсѣмъ здорова.

— Вамъ необходимо румяниться. Это вамъ мой добрый совѣтъ. А послѣ театра всей компаніей поѣхали ужинать.

Заняли въ ресторанѣ цѣлый залъ, вызвали русскій и цыганскій хоры, сами пѣли, плясали, и пили, пили...

Отъ выпитаго вина порозовѣла и Анна Петровна и даже стала смѣяться.

Бахваловъ раньше всѣхъ покинулъ компанію и увезъ жену.

А дня черезъ два подали Аннѣ Петровнѣ счетъ отъ портнихи и, не вѣря своимъ глазамъ, она узнала, что платье ея стоитъ три тысячи.

Вышедшій къ завтраку Бахваловъ засталъ ее въ слезахъ.

— Три тысячи одно только платье. Это ужасъ, ужасъ,—говорила она.

Бахваловъ пробовалъ ее утѣшить:

— Но вѣдь и на всѣхъ были такія же платья,—говорилъ онъ:— всѣ такъ одѣваются.

— Кто всѣ? Кто всѣ?—съ запальчивостью вскричала она.

И блѣдное лицо ея вспыхнуло и оживилось, и глаза загорѣлись.

— Вы такъ одѣваетесь. Вы—богачи. Ваши дворцы стоятъ на костяхъ нищихъ, а большинство едва имѣетъ крышу надъ головой и ходитъ въ лохмотьяхъ.

Непримиримая ненависть къ богатству, къ деньгамъ почувствовалась Бахвалову въ ея тонѣ.

«А, можетъ быть, эту ненависть питаетъ она и къ нему?»

Но это было такъ страшно, что хотѣлось объ этомъ не думать.

— Я вѣдь не виновать,—сказаль онъ.—Одинъ я не могу ничего измѣнить въ мірѣ.

Она вся вспыхнула.

— Вѣчная отговорка!—съ негодованіемъ воскликнула она.— Кто говоритъ объ этомъ? Развѣ такіе, какъ вы, могутъ что-нибудь измѣнить? Вы всегда только брали и брали. Ну, такъ сознайте это, скажите себѣ, что довольно брать, что пора давать.

Бахваловъ вздрогнулъ.

Что-то въ этихъ словахъ отвѣчало его внутреннему сознанию, какъ бы подчеркивало и выясняло какую-то медленно и туго формировавшуюся въ немъ, тяжелую и упрямую мысль, давно мучившую и не находившую себѣ выхода.

Но привычное высокомеріе, самоувѣренность, стремленіе подчинять себѣ и поработать толкало на отпоръ, и почти грубо, впрочемъ, не придавая большого значенія своимъ словамъ, онъ сказалъ:

— Это все утопіи. Студенческія бредни. И мадамъ Бахваловой онѣ не къ лицу.

Анна Петровна вспыхнула, даже встала со своего мѣста.

— Мнѣ не къ лицу быть Бахваловой,—горячо заговорила она:— и мнѣ дико и странно, что я Бахвалова.

— Я не понимаю,—уже растерянно прервалъ ее Бахваловъ, недовольный тѣмъ, что разыгралась такая сцена между нимъ и женой, всегда такой кроткой и тихой.

— Да, вы не понимаете,—подхватила она:—и въ этомъ ваше оправданіе. Единственное. Такова ваша психологія. Но я-то, вѣдь, не вы. Я-то понимаю, и такого оправданія для меня быть не можетъ.

— Для тебя есть другое оправданіе,—заговорилъ Бахваловъ:— ты можешь научить Бахвалова дѣлать добро.

И, подмѣтивъ на лицѣ жены горькую усмѣшку, онъ поспѣшилъ добавить:

— Знаю, что ты думаешь. Ну, хорошо. Не научить. Трудно чему-либо научить Бахваловыхъ, это правда. Толстокожи мы, упрямы и покрыты густымъ слоемъ золота. Но сама ты можешь дѣлать добро. Сама ты можешь швырять деньги, какъ тебѣ угодно и на что тебѣ угодно. И я тебя прошу, я тебя серьезно прошу объ этомъ, не жалѣй ихъ. Ты говоришь, давать, ну, такъ давай. И Бахваловы давали, да, видно, не такъ и не на то, на что слѣдовало. А жертвовали много, всегда жертвовали.

— Жертвовали,—повторила Анна Петровна.—Вотъ именно вы всегда жертвовали. Просто дѣлиться вы никогда не хотѣли, просто давать вы никогда не умѣли. Вы всегда воображали, что совершаете не вѣсть какое благодѣяніе, отчисляя грошъ изъ награбленной тысячи. И такой грошъ вы называли всегда жертвой. И этотъ грошъ,

кусочъ чернаго хлѣба, брошенный вами нищетѣ, вы соглашались давать уже послѣ того, какъ удовлетворены были всѣ ваши нужды, всѣ ваши насущныя потребности, когда сундуки ваши ломжились отъ золота и всякаго добра, жены ваши не знали счету своимъ драгоценностямъ и сами вы уже настолько были подавлены вашими деньгами, что, задыхаясь подъ ихъ тяжестью, вы ихъ уже не просто тратили, вы ихъ швыряли, вы ими сыпали на своемъ пути. И никого не обогащали, потому что и пути ваши проложены не тамъ, гдѣ есть настоящая нужда. И обогащать вы могли только тунеядцевъ и негодяевъ.

Бахваловъ не разсердился и не обидѣлся, но онъ живо почувствовалъ, что разговоръ принялъ опасное направленіе, что отношенія съ женой грозятъ обостриться, и что надо что-то сдѣлать, чтобы помѣшать этому.

— Я ничего не имѣю противъ благотворительности,—стараясь быть возможно мягкимъ, проговорилъ онъ:—конечно, противъ разумной благотворительности,—поправился онъ.

— Боже мой, опять благотворительность,—презрительно отозвалась Анна Петровна.—Да поймите, что благотворительность выдумана вами, что есть только долгъ, огромный и неоплатный, и что вы не имѣете права пользоваться всей этой роскошью, которая васъ окружаетъ, пока она не доступна всѣмъ.

— Да этого никогда не будетъ,—засмѣялся Бахваловъ.—Ему даже стало весело.

Жена показалась такой маленькой неопытной дѣвочкой, а все то, что она говоритъ, такой милой и наивной дѣтской болтовней.

И пришла она въ Бахваловскій домъ совѣмъ изъ другого міра, точно свалилась съ луны, и вѣдь это-то больше всего и цѣнно въ его глазахъ.

— Да, этого не будетъ,—сказала Анна Петровна:—не будетъ, пока хозяева міра вы—мужчины.

— Ну, воображаю, какъ стали бы хозяйничать женщины,—опять усмѣхнулся Бахваловъ.

— О женщинахъ вы не имѣете права ничего говорить,—пылко возразила Анна Петровна.—Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ опыта, но по отношенію къ мужчинамъ опытъ есть, и міръ уже давно созерцаетъ вашу плодотворную работу. Тысячелѣтія въ вашихъ рукахъ сосредоточивалась огромная власть, все золото міра, матеріальное и духовное господство, отъ васъ зависѣло воспитать людей такими, какіе вамъ были нужны. Вы создавали человѣчество и строили его благополучіе. Ну, и полюбуйтесь, что вы сдѣлали. Вы насадили рабство, грабительство и убійство. На ряду съ успѣхами культуры, завоеваніями техники и въ обстановкѣ вѣншей цивилизаціи вы сохранили звѣриную натуру. Вы дикари, хищники и воры.

Вошелъ лакей, неся горячее блюдо, и, ставя его на столъ, сказалъ:

— Изъ большого дома приходилъ сейчасъ человѣкъ. Тамъ Арсеній и Сергѣй Ипполитовичи и съ ними господинъ Гиршфельдъ. Такъ спрашиваютъ, можете ли принять.

— Да, да, съ удовольствіемъ,—сказалъ Бахваловъ.—И сейчасъ велите просить къ завтраку.

И обернулся къ женѣ:

— Мы подождемъ ихъ, Аня.

XV.

Бахваловъ уже нѣсколько разъ видѣлся съ сыновьями, всегда на короткое время и урывками.

Въ бѣломъ домѣ они еще ни разу не были.

Заѣзжали оба, то врозь, то вмѣстѣ, въ амбары на Ильинку, и всегда и тотъ, и другой торопились, и видъ у обоихъ былъ какъ у людей занятыхъ и не располагающихъ временемъ.

Бахваловъ даже еще не успѣлъ приглядѣться къ нимъ и съ первой же встрѣчи онъ, къ своему изумленію, не почувствовалъ въ своемъ сердцѣ ни особенной теплоты, ни расположенія къ нимъ.

Сразу ощутилась большая рознь и отчужденность. Даже Иванъ былъ гораздо ближе. Въ немъ еще чуялось бахваловское упорство, и его настойчивое желаніе жить по-своему и особнякомъ, что въ глазахъ отца являлось родственнымъ бахваловскому самодурству, и съ этой точки зрѣнія было ему понятно.

Да и по внѣшности своей, по своей рѣчи, по своей манерѣ держаться Иванъ былъ истый москвичъ, свой человѣкъ.

Про Арсенія и Сергѣя Бахваловъ уже давно рѣшилъ, что они люди иной складки, что бахваловскаго въ нихъ немного, да и это немного такъ глубоко спрятано, что не скоро доищешься.

Заграница наложила на нихъ свой отпечатокъ, особенно на Сергѣя, котораго легко было принять за иностранца, скорѣе всего за американца.

Онъ былъ высокаго роста, плотенъ и русоволосъ.

Обликомъ своимъ и видной фигурой очень напоминалъ Прова Сидоровича, но лицо брилъ начисто, волосы коротко стригъ, и вся повадка у него была не русская.

Арсеній былъ средняго роста, коренастъ, нѣсколько медвѣжевать, носилъ коротко подстриженную круглую бородку и усы и чесался на косой проборъ, былъ смугль, черноволосъ, подвиженъ и рѣчистъ, и, когда братья бывали вмѣстѣ, можно было замѣтить, что Сергѣй привыкъ больше слушать, а Арсеній болѣе любилъ и умѣлъ поговорить. Была еще одна черта въ сыновьяхъ, вызывавшая въ Бахваловѣ смѣшанное чувство и отцовской гордости и удовлетво-

ренія и рядомъ нѣкотораго недовольства и даже, какъ будто смутной обиды: оба крѣпко стояли на собственныхъ ногахъ, и у того и другого была хорошая частная служба, а Арсеній, еще такъ недавно появившійся въ Москвѣ, уже избранъ былъ директоромъ правленія одного изъ видныхъ предпріятій.

Оба держали себя независимо, какъ люди самостоятельные и обеспеченные,—въ умѣ Ипполита Викуловича это характеризовалось фразой: «денегъ не попросить».

Съ отцомъ держали себя на равной ногѣ, не выказывая ни почтительности, ни предупредительности, что даже коробило Бахвалова. Та тоска, то болѣзненное нетерпѣніе, съ которыми онъ ждалъ свиданія съ дѣтьми, давно уже улеглись. Ихъ смяла и заглушила такъ внезапно и такъ ярко вспыхнувшая въ немъ любовь къ Аннѣ Петровнѣ.

Но въ немъ уже создалась увѣренность, что и тотъ и другой—люди сильные и знающіе себѣ и другимъ цѣну, которые себя въ обиду не дадутъ и выгоду своихъ не упустятъ.

Льстило Бахвалову и то, что оба съ высшимъ образованіемъ, инженеры и техники, и было немножко досадно, что и образованіе, и таланты, и способности—все идетъ куда-то на сторону.

По этому поводу онъ уже говорилъ съ дѣтьми, зная, что они ѣздили на фабрики, осматривали ихъ, бесѣдовали и съ администраціей, и съ рабочими,—обо всемъ этомъ доложилъ ему Гиршфельдъ, съ которымъ они ѣздили,—и теперь ему хотѣлось услышать, что скажутъ сыновья. Самъ онъ, вкладывавшій когда-то всю душу въ дѣло, дрожа за каждый лишній грошъ и жадно накапливая прибыли, теперь почти не входилъ ни во что.

Параллельно съ той душевной драмой, которая отвлекала его вниманіе, онъ охладѣлъ къ дѣлу еще и потому, что постепенно пришелъ къ убѣжденію, что не надо уже никакихъ усилій, никакихъ стараній для того, чтобы приумножались капиталы Бахваловыхъ.

Деньги росли сами, и ростъ этотъ былъ чудовищный.

Все дѣлалось само собой. Безчисленными, издавна налаженными, на мало опытный глазъ неуловимыми, вѣками изученными способами каждая копейка обращалась въ рубль, и было что-то стихійное, что-то пугающее даже самого Бахвалова въ этомъ непрестанномъ обильномъ и мощномъ притокаѣ золота.

Онъ зналъ, что давно уже одряхлѣвшій Веденеичъ выпустилъ изъ слабѣющихъ рукъ бразды правленія, что съ книгами и счетами давно уже съ трудомъ справляются многочисленные служащіе фабричной конторы. Зналъ, что на фабрикахъ крадутъ всѣ, начиная отъ послѣдняго рабочаго и кончая управляющимъ, и въ былые времена боролся съ этимъ, а теперь махнулъ на это рукой, въ твердомъ убѣжденіи, что въ Бахваловскомъ дѣлѣ, сколько ни воруй, бары-

шей не будетъ меньше, и, хотя по логикѣ выходила нелѣпость, факты подтверждали это.

Когда сыновья вошли, Бахваловъ весь устремился имъ навстрѣчу и радушно привѣтствовалъ ихъ:

— Милости просимъ,—сказалъ онъ.

Гиршфельдъ не далъ ему продолжать, онъ уже успѣлъ поцѣловать руку у Анны Петровны, горячо жаль руку Бахвалову и говорилъ:

— По-русской пословицѣ: милости прошу къ нашему грошу съ вашимъ пятакомъ.

Всѣ засмѣялись, даже Анна Петровна.

У нея съ Гиршфельдомъ съ самаго дня свадьбы установились простыя и пріятельскія отношенія.

Она всегда радовалась его приходу.

Въ цѣломъ Бахваловскомъ домѣ онъ одинъ казался ей живымъ человекомъ.

Бахваловъ замѣтилъ, что Арсеній тоже поцѣловалъ руку у Анны Петровны и какъ-то особенно почтительно склонился передъ ней, Сергѣй ограничился рукопожатіемъ.

И тутъ же Бахваловъ подумалъ, что очень хорошо, что пришелъ Гиршфельдъ, который вездѣ умѣлъ найтись и при которомъ исчезала всякая неловкость.

А Гиршфельдъ уже подвинулъ себѣ блюдо съ котлетами, уже хозяйски раскладывалъ ихъ на тарелки всѣмъ окружающимъ, начиная съ Анны Петровны, и болталъ, болталъ первое, что попадало ему на языкъ, отлично зная, что худшій врагъ всякой компаніи церемонность и молчаніе.

— Знаю я одного молодого человѣка,—говорилъ онъ, громко и весело, отправляя въ ротъ куски мяса и успѣвая время отъ времени глотнуть вина:—да, что бишь, про кого это я? про одного молодого человѣка... Да, такъ вотъ этотъ молодой человѣкъ носитъ иностранную фамилію и увѣряетъ, что онъ нѣмецъ, а я сильно подозреваю, что онъ испанецъ, и чортъ его знаетъ, почему онъ скрываетъ, что онъ испанецъ. Я говорю ему, что у него иностранное произношеніе, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: увѣренъ, что отлично говорю по-русску. Никто, какъ я.

Гиршфельдъ расхохотался.

— И особенно это; никто, какъ я,—просто великолѣпно. Вамъ налить вина, Ипполитъ Викуловичъ?

Бахваловъ подвинулъ ему стаканъ.

— Ну, такъ что же вашъ молодой человѣкъ?—спросилъ Арсеній.

— Да, ничего,—пожалъ плечами Гиршфельдъ.—Я вѣдь о немъ только такъ, къ слову, а самъ по себѣ онъ полное ничтожество и недостойнъ нашего просвѣщеннаго вниманія. Лучше я вамъ

разскажу новость, которую слышалъ отъ Карманъ-Делъсеа. Онъ разводитъ молодыхъ Разживинныхъ.

— Это которая Разживина? — заинтересовался Ипполитъ Викуловичъ.—Рожденная Четверикова или рожденная Тысячникова?

— Разумѣется, Тысячникова,—сказалъ Гиршфельдъ.—Эта вся семья такая. Отъ нихъ всегда можно ждать чего-нибудь спогшибательнаго.

— А развѣ есть и спогшибательное?—спросилъ Арсеній.

— Ну, еще же бы нѣтъ! За кого вы насъ принимаете? Мы, москвичи, безъ спогшибательнаго жить не можемъ. Да, о чемъ, бишь, я? Исторія, господа, препикантная, и началась она не сегодня. Вы помните костюмированный вечеръ у Полупудовыхъ? Ахъ, я забылъ. Вы, Арсеній Ипполитовичъ, и вы тоже, Сергѣй Ипполитовичъ, и не можете помнить. Но вечеръ былъ прелестный, и идея была преостроумная. И названіе ему придумали преинтересное: «передъ изгнаніемъ изъ рая». Всѣ были костюмированы различными звѣрями. А сами Полупудовы изображали Адама и Еву.

— Какъ? *au naturel*?—заинтересовался молчавшій до сихъ поръ Сергѣй Ипполитовичъ.

— Почти. Или даже полупочти,—ломался Гиршфельдъ.—Ради соблюденія приличій сооружено было какое-то маленькое прикрытие. При чемъ принесена была въ жертву истина. Вѣдь, извѣстно, что Адамъ и Ева жили въ раю, совсѣмъ не помышляя о прикрытіи.

— Да. Но въ чемъ же дѣло?—спросилъ Арсеній Ипполитовичъ.— Вы-то были тамъ?

— Разумѣется. Какъ же я могъ не быть? Во-первыхъ, я истый москвичъ и страстно люблю все московское. А гдѣ же, кромѣ Москвы, можно увидать въ порядочномъ семейномъ домѣ живыхъ неподдѣльныхъ Адама и Еву до или послѣ грѣхопаденія. Нигдѣ, ни въ одной стѣлицѣ міра. Это во-первыхъ. А притомъ я сопровождалъ Раису Викуловну.

— И тоже были въ звѣриномъ образѣ?—спросилъ Арсеній.

— Ну, а какъ же иначе? Раиса Викуловна изображала лисичку. Тысячи на три, я думаю, было на ней лисьихъ шкуръ. А я былъ волкомъ. Но вся штука не въ насъ, а вотъ въ чемъ. Полупудовы для оживленія вечера приготовили нѣсколькихъ своихъ звѣрей для рая. Звѣри эти были прямо идеальны, не отличишь отъ настоящихъ, и нарядили ими нѣсколькихъ лакеевъ. А извѣстнаго вамъ негра,—не можетъ быть, господа, чтобъ даже вы ничего не слышали о полупудовскомъ негрѣ?—обратился Гиршфельдъ къ сыновьямъ Бахвалова.

— Говорите такъ, какъ если бъ мы не слышали,—сказалъ Арсеній.

— Не могу. Это отвлекло бы меня въ сторону. И въ двухъ словахъ о негрѣ не скажешь. Но буде вамъ извѣстно, что въ данный

моментъ въ Москвѣ три достопримѣчательности: Царь-колоколь, Царь-пушка и полупудовскій негръ. Тоже, говорятъ, царекъ какого-то племени. Негръ былъ наряженъ тигромъ. И тигръ вышелъ великолѣпный. Настоящему бенгальскому носъ утреть. Дамы прямо съ ума сошли. Одна моя знакомая лисичка и та на него все время облизывалась. А послѣ вечера тигръ исчезъ. Думали, что онъ сбѣжалъ въ свои джунгли. Но дѣло оказалось проще. Его увезла съ собой урожденная Тысячникова. Прямо съ вечера къ себѣ... въ спальню. Извиняюсь, Анна Петровна. Изъ пѣсни, вѣдь, слова не выкинешь.

— Ну, это ужъ, кажется, вы того,—сказалъ Бахваловъ и поморщился.

— За что купилъ, за то и продаю, Ипполитъ Викуловичъ. Люди ложь, и я тожь. Но только лжи нѣтъ. Говорю вамъ. Карманъ-Лелѣевъ ужъ началъ дѣло. Но суть-то не въ этомъ, а въ томъ, что при этомъ Тысячникова уѣзжаетъ со своимъ негромъ въ Америку и тамъ будетъ выступать въ какомъ-то казино.

Даже Анна Петровна улыбнулась, такъ ужъ все это казалось нелѣпо.

Бахвалова обрадовала эта улыбка. Онъ уже давно наблюдалъ жену, и ему было неприятно, что она сидитъ нахмуренная, сосредоточенная и молчаливая, не принимая участія въ разговорѣ. И, желая втянуть ее въ общую бесѣду, онъ сказалъ:

— А мы до васъ вели съ женой разговоръ о томъ, кто лучше могъ бы править міромъ—мужчины или женщины? Я, конечно, стоялъ за мужчинъ. И я очень благодаренъ Михаилу Яковлевичу за его рассказы. По крайней мѣрѣ видно, на что могутъ быть способны женщины, когда у нихъ деньги и свобода. Предѣлъ ихъ желаній: бенгальскій тигръ и казино

— Зачѣмъ же обобщать всѣхъ женщинъ?—вступилась Анна Петровна.—Женщины, о которыхъ рассказываетъ Михаилъ Яковлевичъ, рѣдкое исключеніе.

— Совершенно вѣрно,—неожиданно поддержалъ Сергѣй Ипполитовичъ:—эти ваши московскія богачихи съ полетами фантазіи увлеченіями и экстравагантностями, совершенно особый фруктъ, выращенный на московскихъ золотыхъ тукахъ и, я долженъ сказать, совершенно нежелательный.

— На кого какъ,—сказалъ Гиршфельдъ.—И ужъ если фруктъ, какъ вы выражаетесь, Сергѣй Ипполитовичъ, то и тонкій и вкусный. Конечно, на любителя. А еще я вамъ собирался сватать какъ разъ такую невѣсту. Младшая, вѣдь, Тысячникова еще не замужемъ.

— Благодарю васъ,—пресерьезно отвѣтилъ Сергѣй Ипполитовичъ:—но я уже женатъ или почти уже женатъ. То-есть пока я въ гражданскомъ бракѣ, и ни я, ни жена мы не торопились связывать

себя формальностями церковнаго брака. Но вотъ недавно, передъ моимъ отъѣздомъ сюда, у насъ родился мальчикъ, и мы, обсудивъ положеніе, рѣшили вѣнчаться. И отложили только потому, что жена прежде желаетъ креститься.

— Такъ она еврейка?—неудержимо вырвалось у Иполита Викуловича.

— Да. Она американская гражданка,—спокойно удовлетворилъ любопытство отца Сергѣй.

Гиршфельдъ весело разсмѣялся.

— Умѣете вы дѣлать сюрпризы, Сергѣй Иполитовичъ.—А ваша карта бита, Иполитъ Викуловичъ. Выходятъ, что женщины-то не зѣваютъ и охотятся не только на бенгальскихъ тигровъ, а и на Бахваловыхъ.

И вдругъ прикусилъ языкъ и искоса поглядѣлъ на Анну Петровну. Но та не замѣтила наглаго намека и, видя, что Иполитъ Викуловичъ нахмурился и кругомъ сразу какъ-то всё притихли и насторожились, сказала:

— Когда ваша жена пріѣдетъ въ Москву—привезите ее къ намъ.

— Непремѣнно привезу,—отвѣтилъ Сергѣй.—Съ вами она будетъ рада познакомиться. Она, какъ и вы, убѣжденная феминистка, и я вполне сочувствую ея взглядамъ.

— То есть какъ это сочувствуешь?—живо отозвался Арсеній.— Не допускаешь же ты серьезно, что власть, и политическая, и капиталистическая, должна находиться въ рукахъ женщинъ?

— А почему бы нѣтъ?—возразилъ Сергѣй, и какъ будто чуть-чуть оттаялъ и оживился.—За женщинами есть одно преимущество, но зато огромное: имъ чужды всѣ преступленія олигарховъ. Они никогда не были ни правителями, ни попами, ни полководцами. Онѣ живое отрицаніе теперь уже до очевидности негодной и вредной рутины, на которой держится міръ.

— Вотъ какъ?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ отозвался Иполитъ Викуловичъ.

Ему всегда казалось, что съ женщинами и о женщинахъ очень серьезно, «по-всамдѣлишному», какъ говорили въ Бахваловскомъ домѣ, говорить не требуется, а разсужденія Сергѣя повергли его въ нѣкоторое недоумѣніе.

И была непріятна, какъ-то скучна и тупо-наянлива мысль о томъ, что сынъ женится на еврейкѣ.

На одно мгновеніе представилось въ воображеніи, какъ бы могли встрѣтить подобное извѣстіе дѣдъ Провъ и отецъ Викула? Но тотчасъ же онъ отвернулся отъ выплывшихъ въ памяти властныхъ фигуръ. И не нашелъ въ себѣ ни охоты, ни средствъ къ подражанію имъ.

Другія были времена, другіе были люди передъ нимъ.

Онъ только слабо улыбнулся и сказалъ:

— Ну, вотъ, Аня, у тебя явился союзникъ.

А Арсеній Викуловичъ аккуратно доѣлъ свою котлету, вытеръ кускомъ хлѣба тарелку, такъ чисто, будто вымылъ ее, и вѣско, съ сознаніемъ важности того, что онъ говоритъ, съ тѣмъ уваженіемъ къ каждому своему слову, какое ощущалось въ его рѣчахъ, заговорилъ:

— Жизнь имѣетъ свои насущныя потребности. Строить всевозможныя планы на будущее, витать въ облакахъ и мечтать, конечно, никому не возбраняется. Но дѣло не ждетъ. И дѣлать его всегда будутъ сильнѣйшіе и умнѣйшіе.

— Къ которымъ ты и причисляешь себя,—вставилъ Сергѣй.

— Къ которымъ я себя справедливо причисляю,—сказалъ Арсеній.

— А я?—спросилъ Гиршфельдъ и сдѣлалъ обиженное и грустное лицо.

— Вы, Михаилъ Яковлевичъ, не огорчайтесь,—сказалъ Сергѣй:— безъ такихъ, какъ вы, сильнѣйшіе и умнѣйшіе не обходятся. Такъ что въ концѣ концовъ вы въ проигрышѣ не останетесь.

— Пить чай перейдемъ въ гостиную,—сказала, подымаясь, Анна Петровна.

— Я не имѣю больше времени сидѣть,—сказалъ Сергѣй.—До свиданія, отецъ.

И широкимъ жестомъ всей развернутой, крупной ладонью кверху протянулъ отцу руку, какъ никогда не протягивали руки Бахваловы. Всегда они подавали руку ребромъ, крѣпко сжавъ четыре пальца и слѣша взять ее назадъ, какъ бы боясь, что къ чужой рукѣ прилипнетъ ихъ золото.

— Что ты какъ торопишься?—сказалъ Бахваловъ:—вѣдь мы еще совсѣмъ не переговорили о самомъ главномъ. Что же вы видѣли хорошаго на фабрикахъ?

— Хорошаго мы видѣли такъ мало,—сказалъ Сергѣй:—что говорить объ этомъ не приходится, а дурного слишкомъ много. У васъ тутъ, я вижу, по отношенію къ рабочимъ широко использована система accelerating window, хотя самого этого window и не видать.

— Что это такое?—спросилъ Бахваловъ:—я вѣдь по-англійски не говорю.

— Некогда. Прощайте, Анна Петровна. Вы очень хорошая. Я радъ, что узналъ васъ. А всѣ объясненія, отецъ, тебѣ дастъ Михаилъ Яковлевичъ. Этотъ человѣкъ рѣшительно все на свѣтѣ знаетъ.

И онъ вышелъ изъ комнаты.

— А это очень остроумная штука accelerating window,—заговорилъ Гиршфельдъ:—это, вотъ видите, такое маленькое окошечко, фортка, которая автоматически открывается нагнетающимъ паромъ и, какъ откроется, струя горячаго пара вырывается и обжигаетъ.

гаеть рабочаго. Конечно, если онъ замѣшкается. А если онъ работаетъ въ точномъ соотвѣтствіи съ машиной, то этого не случается. Вотъ эта фортка и есть accelerating window. По-нашему, по-русски: ускоряющее окно.

— Это чортъ знаетъ, что такое,—сказаль Бахваловъ.

— Не скажите,—возразиль Гиршфельдъ:—и у насъ хорошо. Вотъ Арсеній Ипполитовичъ тоже многое не одобряеть.

— Мы это все сейчасъ обсудимъ,—сказаль Бахваловъ, идя за женой въ гостиную.

— Обсудить это сейчасъ нельзя,—сказаль Арсеній Ипполитовичъ.—Да и мнѣ тоже время дорого. Я попрошу позволенія откланяться. И я, и братъ, мы достаточно высказались, и Михаилъ Яковлевичъ можетъ все передать. Мы съ братомъ вполне солидарны. У насъ разныя политическія платформы, но что касается нашихъ фабрикъ, нашего дѣла, администраціи, быта рабочихъ, условій труда и тому подобнаго мы стоимъ на одной точкѣ зрѣнія. Все должно подвергнуться радикальной перемѣнѣ. Михаилъ Яковлевичъ,—обратился онъ къ Гиршфельду:—вы ѣдете со мной или остаетесь?

— Ёду, ёду. Разумѣется,—откликнулся Гиршфельдъ.

— Какъ? И вы такъ торопитесь, Михаилъ Яковлевичъ?—удивился Бахваловъ.

— Простите, Ипполитъ Викуловичъ. Пропастъ дѣла.

Онъ провелъ пальцемъ по горлу.

— Одну минуту. Я не долго задержу васъ, —сказаль Бахваловъ.—У меня есть, вамъ порученіе. Аннѣ Петровнѣ угодно пожертвовать на благотворительную цѣль,—не знаю, на какую,—такъ вы, пожалуйста, передайте въ ея распоряженіе сто тысячъ, и, если понадобится, помогите ей распорядиться деньгами. Вообще возьмите на себя дѣловую часть.

Гиршфельдъ низко поклонился и заторопился за Арсеніемъ Ипполитовичемъ.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

VII.

ВЪНАДЦАТАГО апрѣля баронъ Жомини написалъ мнѣ слѣдующее официальное письмо:

«Князь канцлеръ поручаетъ мнѣ передать вамъ, что такъ какъ ему предстоитъ высказать свое мнѣніе въ виду переговоровъ, начатыхъ съ Вѣною и имѣющихъ, можетъ быть, начаться съ Лондономъ, то ему необходимо всесторонне изучить вопросъ, чтобы выйти изъ неопредѣленности²⁾, въ которой мы до сихъ поръ находимся. Вслѣдствіе сего онъ проситъ васъ:

«I. Представить письменное ясное и отчетливое мнѣніе ваше относительно уступокъ (съ обозначеніемъ максимума и минимума), которыя мы могли бы сдѣлать Австріи въ настоящемъ фазисѣ переговоровъ, или вполнѣ отказавшись отъ приобрѣтеннаго, или условно, или же при обмѣнѣ на соответствующее условіе.

«2. Подобнымъ же образомъ въ особой запискѣ изложить тѣ измѣненія, которыя мы могли бы допустить въ Санъ-Стефанскомъ

¹⁾ Продолженіе. «Историческій Вѣстникъ», т. СХLIII, стр. 654.

²⁾ Сознаніе, что министерство иностранныхъ дѣлъ, во главѣ съ канцлеромъ, не составило себѣ до апрѣля 1878 года яснаго и опредѣленнаго понятія объ условіяхъ мира съ Турціею и способа разрѣшенія европейскихъ затрудненій, приводитъ въ недоумѣніе всякаго здравомыслящаго человѣка. Непонятныя легкомысліе, невѣжество и недобросовѣстность.

А в т.

договорѣ, точно также указавъ на наибольшія и наименьшія уступки безусловныя, условныя, или съ замѣною на другія условія.

«Мы просимъ васъ ускорить по возможности этотъ трудъ въ виду положенія, вамъ извѣстнаго, и желанія избѣгнуть войны, если возможно этого достигнуть безъ потери существенныхъ интересовъ или нашего достоинства».

Князь Горчаковъ былъ въ то время боленъ и принималъ лишь барона Жомини, лежа въ постели. Даже родственникъ его и товарищъ по министерству Гирсъ не всегда успѣвалъ съ нимъ переговорить, на что онъ мнѣ и жаловался, выставляя затруднительность личнаго своего положенія въ отношеніи къ дипломатическому корпусу, при приѣмѣ пословъ и посланниковъ, обращавшихся къ нему.

Въ отвѣтъ на письмо барона Жомини я ему тотчасъ же (14-го апрѣля) отвѣтилъ:

«Благоволите сказать князю канцлеру отъ моего имени, что я никогда не отказывался высказать свое мнѣніе ясно и опредѣлительно, въ чемъ онъ имѣлъ неоднократно случай убѣдиться, но мнѣ претитъ приняться нынѣ за эту работу, которой отъ меня его свѣтлость требуетъ. Вотъ причины, заставляющія меня уклониться на этотъ разъ:

«1. Будучи лицомъ, подписавшимъ Санъ-Стефанскій договоръ, я призванъ скорѣе защищать постановленія онаго, но не считаю приличнымъ заниматься указаніемъ средствъ разорвать его въ клочки. Было бы недостойно съ моей стороны дѣлать предложенія въ этомъ смыслѣ.

«2. Мнѣ противно видѣть, что, испросивъ высочайшую ратификацію договора, мы даже въ Константинополѣ не настаиваемъ на приведеніи его въ исполненіе. Заставивъ меня пѣшкомъ перейти Балканы въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, чтобы заключить мирныя условія съ турками, меня какъ будто упрекаютъ въ томъ, что я слишкомъ добросовѣстно выполнилъ инструкціи, мнѣ данныя, и достигнулъ блестящаго договора¹⁾.

«3. Я прошу лишь одной милости: избавить меня совершенно отъ всякаго участія въ иностранныхъ дѣлахъ при такомъ веденіи ихъ и дать мнѣ двухмѣсячный отпускъ, необходимый мнѣ для того, чтобы вылечить мои глаза.

«4. Мое письменное и подробное мнѣніе касательно уступокъ (меньшихъ и большихъ), которыя мы могли бы сдѣлать Австро-Венгріи, чтобы избѣгнуть войны, было представлено канцлеру. Было бы бесполезно къ этому возвращаться, тѣмъ болѣе, что Ан-

¹⁾ Выраженіе Бисмарка, помѣщенное въ донесеніи Убри и сообщенное мнѣ княземъ Горчаковымъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1916 г., т. схлѣв.

драши намъ ничего не уступаетъ и что Новиковъ еще не исчерпалъ данныя ему инструкціи въ переговорахъ своихъ съ Андраши.

«5. Чтобы дать ясное и опредѣлительное мнѣніе объ уступкахъ, которыя можно сдѣлать Англій, надо начать съ того, чтобы узнать въ точности,—какъ я это сдѣлалъ въ трое сутокъ въ Вѣнѣ,—чего именно добиваются отъ насъ Биконсфильдъ и Салисбюри (т.-е. наибольшія и наименьшія ихъ требованія). Шуваловъ долженъ доставить намъ положительныя свѣдѣнія по этому предмету. Мы уже намѣтили въ приложеніи къ отвѣту князя Горчакова на циркуляръ Салисбюри облегченія, могущія быть допущенными. Прежде всего слѣдовало бы удостовѣриться: дѣйствительно ли Англія непремѣнно желаетъ и готова воевать съ нами, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ—чѣмъ болѣе мы будемъ отступаться отъ Санъ-Стефанскаго договора, тѣмъ настойчивѣе и требовательнѣе относительно насъ будутъ въ Лондонѣ. Согласитесь, любезный баронъ, что я не могъ быть довольнымъ поведеніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ отношеніи ко мнѣ въ различныхъ случаяхъ. Мнѣ предоставляли лишь выносить трудности, непріятности и опасности, стараясь въ то же время возлагать на меня отвѣтственность за дѣйствія, предпринятые совсѣмъ не по моей инициативѣ и тогда, когда я выдерживалъ враждебный натискъ, оставаясь на своемъ посту лишь изъ чистаго патріотическаго самопожертвованія. Такіе поступки въ отношеніи ко мнѣ не поощряютъ меня предаться несомнѣнно неблагодарному труду и допустить, чтобы со мною продолжали прежнюю игру. Мы съ вами переговоримъ объ этомъ при первомъ свиданіи».

Когда мы свидѣлись на другой день, я повторилъ, что остаюсь при прежнемъ мнѣніи, а именно, что если государь рѣшился итти на уступки и измѣнить выговоренныя отъ турокъ условія Санъ-Стефанскаго договора для избѣжанія войны, то слѣдуетъ избрать одинъ изъ слѣдующихъ двухъ путей, не принимая на себя инициативы унизительныхъ, по моему мнѣнію, предложеній, тѣмъ болѣе, что я не вѣрю въ готовность Англій начать съ нами войну, ни въ способность разноплеменной Австро-Венгріи вступить съ нами въ серьезную борьбу, иначе какъ посредствомъ интриги и дипломатическихъ подвоховъ:

1) Послать довѣренное лицо въ Берлинъ съ письмомъ государя къ императору Вильгельму, въ которомъ, взывая къ его родственнымъ чувствамъ, напомнить, что онъ ручался за честность отношеній къ Россіи Австро-Венгріи въ союзѣ трехъ императоровъ, и просить его посредничества въ возникшихъ между Вѣною и Петербургомъ недоразумѣніяхъ, произнеся третейскій судъ на основаніи условій конвенціи, заключенной въ Вѣнѣ 3-го января 1877 года, по которой мы были совершенно правы въ выговоренныхъ отъ Турціи уступкахъ въ пользу христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Разъ что соглашеніе между тремя имперіями будетъ установлено, не обращать вниманія на притязанія Великобританіи и, вступивъ въ дружественныя объясненія съ Италіею и Франціею, предложить имъ присоединиться на конгрессѣ къ мнѣнію континентальныхъ державъ. Затѣмъ уже вести переговоры съ англійскимъ правительствомъ, приготовившись въ случаѣ его упорства и продолженія воинственнаго расположенія, угрожать индійскимъ владѣніямъ со стороны Туркестана, въ отвѣтъ на босфорскую демонстрацію англійскаго флота.

Или же: 2) Воспользоваться личными пріятельскими отношеніями, существующими между Салисбюри и графомъ Корти ¹⁾, вновь назначеннымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Италіи, и желаніемъ послѣдняго обновить свою политическую дѣятельность блестящимъ выступленіемъ въ роли министра иностранныхъ дѣлъ, давъ ему возможность быть посредствующимъ звеномъ въ соглашеніи между Англіею и Россіею. Для этого намъ не слѣдуетъ выступать съ непосредственными предложеніями, а предоставить мнѣ вызвать графа Корти, пользуясь моими прежними дружескими съ нимъ отношеніями въ Константинополѣ, на то, чтобы онъ предложилъ намъ свои услуги и, вступивъ въ довѣрительныя сношенія съ Салисбюри, постарался вывѣдать дѣйствительныя намѣренія Биконсфильда, минимальныя требованія англійскаго правительства и подготовить почву къ благопріятному соглашенію. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ пренебрегать такимъ способомъ дипломатическаго воздѣйствія, не нарушающимъ достоинства Россіи въ той мѣрѣ, какъ непосредственные переговоры, преждевременныя отступленія отъ условій Санъ-Стефанскаго договора безъ соответствующихъ вознагражденій и двойныя уступки Австро-Венгріи и Великобританіи, способствующія образованію противъ насъ европейской коалиціи».

Князь Горчаковъ, которому вторично доложены были мои предложенія, отвергъ оба способа. Къ посредничеству императора Вильгельма онъ не хотѣлъ обратиться по чувству зависти къ Бисмарку, отозвавшись, что онъ не желаетъ предстать предъ нимъ въ качествѣ подсудимаго ²⁾, «тѣмъ болѣе, что можно рассчитывать на дружественное отношеніе графа Андраши, съ которымъ я легче

¹⁾ Графъ Корти, итальянскій дипломатъ, родился въ Пьемонтѣ въ 1823 году, состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Туринѣ съ 1846 по 1848 годъ; былъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ въ 1850 г.; полномочнымъ министромъ въ Стокгольмѣ въ 1866 г., затѣмъ—въ Мадридѣ, Гаагѣ, Вашингтонѣ, Константинополѣ (1875 годъ). Въ 1878 году графъ Корти былъ назначенъ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; въ 1886 году былъ посланъ въ Лондонъ; скончался въ Римѣ въ 1888 году.

А. Б.

²⁾ Третейскій судъ дружественный не могъ сравниться съ рискомъ осужденія на конгрессѣ, предпочтеннымъ канцлеромъ.

А в т.

полажу непосредственно при личномъ свиданіи, нежели при посредствѣ Бисмарка, возмечтавшаго быть рѣшителемъ судьбы Европы».

Вслѣдствіе разговора съ княземъ Горчаковымъ и барономъ Жомини, когда сей послѣдній увѣдомилъ меня, что канцлеръ раздѣляетъ мнѣніе графа Шувалова о необходимости удовлетворить Англію, отступившись отъ многихъ условій Санъ-Стефанскаго договора, и сдѣлать всевозможныя уступки для избѣжанія войны, которую нашъ посоль считалъ неминуемою, я согласился составить записку. Предложенія, шедшія изъ Лондона, пашель я чрезмѣрными, унижительными для Россіи и въ своей запискѣ старался лишь умалить тѣ уступки, которыя предвидѣлъ князь Горчаковъ, равно какъ и выгоды, получаемыя нашими противниками. Вотъ она:

«Возможныя уступки Англіи.

«(16-го апрѣля 1878 года).

«1) Граничная черта новыхъ нашихъ пріобрѣтеній въ Азій, опредѣленная въ 19 статьѣ (§ в) Санъ-Стефанскаго договора, могла быть измѣнена такъ, чтобы оставить въ предѣлахъ Турціи городъ Баязеть и Алашкертскую долину. Такимъ образомъ, Великобританія получила бы полное удовлетвореніе уступкою Россіею торговаго пути въ Персію, проходящаго чрезъ Баязеть. Но такъ какъ лѣвый флангъ нашей новой границы былъ бы совершенно открытъ, то было бы справедливо взаимно обязать Порту срыть всѣ укрѣпленія въ Баязетѣ и Эрзерумѣ.

«2) Если бы не представилось никакой возможности сохранить въ нынѣшней формѣ полное возвращеніе намъ южной части Бессарабіи, оговоренное въ той же 19-ой статьѣ договора (§ а), мы могли бы ограничиться возвращеніемъ намъ Болграда, Килии и Измаила съ прилежащею и прибрежною мѣстностью Килийскаго дунайскаго рукава, оставивъ Румыніи остальную часть территоріи, отторгнутой у насъ въ 1856 году. Но въ такомъ случаѣ Добруджу не слѣдуетъ уже отдавать Румыніи, но передать Болгаріи, которая обязалась бы, съ своей стороны, выплатить Румыніи денежное вознагражденіе за убытки, опредѣленные ежегодными взносами ¹⁾. Такой исходъ согласовался бы съ заявленіемъ румынскаго правительства, предпочитающаго денежное вознагражденіе земельнымъ пріобрѣтеніямъ.

«3) Въ крайности мы могли бы согласиться на раздѣленіе Болгаріи, по мысли, проведенной константинопольскою конференціею въ 1877 году, сохраняя въ то же время неизмѣнною внѣшнюю

¹⁾ Согласно моему предложенію, неизмѣнно выставлявшемуся вмѣсто простого обмѣна Бессарабіи и Добруджи, заявленнаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,

границную черту, опредѣленную въ Санъ-Стефано. Болгарія раздѣлилась бы на двѣ части—западную и восточную, но при непремѣнномъ условіи, чтобы были приняты въ расчетъ совершившіяся въ ней факты и чтобы туземное населеніе сохранило бы право создать себѣ самостоятельное управленіе, наиболѣе соотвѣтствующее мѣстнымъ интересамъ.

«4) Державы будутъ, вѣроятно, домогаться участія европейскихъ комиссаровъ въ трудахъ по устройству Болгаріи, которые, по договору нашему, предоставлены русскому комиссару. Желательно, по возможности, отклонить это предложеніе, такъ какъ принятіе онаго неизбѣжно породило бы затрудненія и препирательства между кабинетами. Но, по всей вѣроятности, намъ придется въ концѣ концовъ согласиться на слѣдующее: а) чтобы очищеніе Болгаріи нашими войсками и отозваніе русскихъ чиновниковъ послѣдовали тотчасъ послѣ водворенія новыхъ властей и учрежденій, сформированія народныхъ милиціи и полиціи и проч., б) чтобы послѣ выхода русскаго войска изъ Болгаріи европейская комиссія пользовалась правами, предоставленными седьмою статьею договора императорскому комиссару.

«5) Придется замѣнить европейскою комиссіею ту русско-турецкую комиссію, которая обязана была на основаніи шестой статьи нашего договора опредѣлить окончательныя границы Болгаріи.

«6) Новое разграниченіе Сербіи, которое, по Санъ-Стефанскому договору, должно было быть произведено турецко-сербскою комиссіею, при содѣйствіи русскаго комиссара, можетъ быть также предоставлено европейской комиссіи, подобно тому, какъ это оговорено въ договорѣ касательно Черногоріи.

«7) Коллективная гарантія великихъ державъ, установленная для Молдо-Валахіи и Сербіи Парижскимъ договоромъ 1856 года, могла бы быть замѣнена, послѣ признанія ихъ независимости, примѣненіемъ къ нимъ постановленій, заключающихся въ седьмой и восьмой статьяхъ Парижскаго договора въ пользу Турціи, а именно: оба княжества были бы допущены пользоваться выгодами общаго государственнаго международнаго права и европейскаго концерта, а державы обязались бы «признать ихъ независимость и цѣлость территоріи», сообщая гарантируя точное соблюденіе этого обязательства, и, въ случаѣ надобности, предоставили бы имъ свое посредничество при столкновеніи съ Портою или какою-либо другою державою ¹⁾).

¹⁾ Эти постановленія созданы въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія для огражденія Румыніи и Сербіи отъ посягательствъ Россіи, но въ сущности были бы не вредны намъ, предохраняя княжества и въ особенности Сербію отъ непріязненныхъ поплзновеній Австро-Венгріи и обезпечивая независимость нашихъ единовѣрцевъ.

А в т.

«8) Съ другой стороны, права и преимущества, предоставляемые Болгаріи, могли бы быть поставлены подъ коллективную гарантію всѣхъ державъ,—подобно тому, какъ статьи 22-я и 28-я Парижскаго договора постановили въ пользу Молдо-Валахіи и Сербіи, и, примѣнительно къ статьямъ 27-ой и 29-ой того же договора, если внутреннее спокойствіе было бы нарушено въ одномъ изъ двухъ болгарскихъ княжествъ, Порты обязана была бы войти въ соглашеніе съ другими державами насчетъ мѣръ для поддержанія или возстановленія законнаго порядка, но военное вмѣшательство не могло бы имѣть мѣста безъ предварительнаго согласія державъ.

«9) Постановленія 15-ой статьи Санъ-Стефанскаго договора относительно учрежденій, которыя слѣдуетъ предоставить областямъ Европейской Турціи, оставшимся въ непосредственномъ вѣдѣніи Порты, могли бы быть измѣнены въ томъ смыслѣ, что выработка новыхъ уставовъ будетъ произведена подъ надзоромъ европейскихъ комиссаровъ, наподобіе того, что было опредѣлено въ конференціи 1877 года для выполненія реформы въ Босніи и Герцеговинѣ. Результатъ этихъ работъ могъ бы быть предоставленъ усмотрѣнію представителей державъ въ Константинополѣ, которые собрались бы для окончательнаго рѣшенія въ составѣ конференціи.

«10) Если бы присоединеніе о. Крита, Эпира и Фессаліи къ Греческому королевству было потребовано державами, мы бы могли исполнѣ съ этимъ согласиться, но съ условіемъ, что въ такомъ случаѣ державы откажутся отъ мысли о раздѣленіи Болгаріи на двѣ части.

«11) Уплата должнаго намъ Портою денежнаго военнаго вознагражденія сверхъ того, что возмѣщено территоріальными уступками, могла бы быть намъ произведена европейскимъ синдикатомъ, въ которомъ участвовали бы, разумѣется, русскіе делегаты. Синдикату этому было бы предоставлено взимать и распределять тѣ доходы Оттоманской имперіи, которые были бы опредѣлены на уплату какъ старыхъ долговъ Порты, уменьшенныхъ въ соотвѣтствующемъ финансовому состоянію Турціи размѣрѣ, такъ и процентовъ на облигаціи займа, имѣющаго быть заключеннымъ синдикатомъ для уплаты денежной контрибуціи, слѣдующей Россіи по Санъ-Стефанскому договору.

«12) Если бы Великобританія, не удовольствовавшись вышеизложеннымъ, потребовала, въ воздаяніе за наши земельныя приобрѣтенія, уступки себѣ Митилены или Хиоса¹⁾, мы не должны бы этому безусловно противиться. Но занятія англичанами пункта въ Дар-

¹⁾ О чемъ упоминалъ Биконсфильдъ въ разговорѣ со мною въ мартѣ 1877 года, въ Лондонѣ. Авт.

данельскомъ проливѣ могло бы быть допущено нами лишь въ такомъ случаѣ, если мы бы одновременно получили право занять позиціи на обоихъ берегахъ Босфорскаго пролива, на которыхъ могли бы быть сооружены русскія укрѣпленія».

Баронъ Жомини мнѣ отвѣтилъ на другой день:

«Я прочелъ князю вашу работу относительно возможныхъ для насъ уступокъ Англій. Онъ нашелъ вашу записку весьма замѣчательною и желаетъ, при первомъ случаѣ, представить ее государю императору. Этотъ вопросъ требуетъ тщательнаго изученія, но въ запискѣ вашей заключаются практическія основанія для соглашенія. Что же касается Корти ¹⁾, то князь проситъ васъ ничего не предпринимать, въ особенности чрезъ Нигру ²⁾, который любитъ придавать себѣ важность. Такъ какъ Салисбюри, повидимому, расположенъ къ непосредственнымъ переговорамъ ³⁾, то надо прежде всего посмотреть, какой оборотъ примутъ они безъ вмѣшательства иностранцевъ».

Что уплата нами сполна выговореннаго въ Санъ-Стефано денежнаго вознагражденія посредствомъ синдиката европейскаго была возможна и способствовала бы умиротворенію западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, лучше всего доказываютъ сообщенія, которыя я получилъ изъ Франціи отъ герцога Деказа (бывшаго министромъ иностранныхъ дѣлъ) ⁴⁾ и финансистовъ маркиза де-Плека (бывшаго директора Оттоманскаго банка и директора Французскаго банка во время коммуны) и банкира Броэ, вліявшаго на капиталы Орлеанскаго дома. Основная мысль была: связать интересы всѣхъ кредиторовъ Турецкой имперіи (большинство во Франціи и Англій, но есть и въ Германіи) съ новымъ кредиторомъ Россіею, предоставивъ ей и соответственное вліяніе и право вмѣшательства

¹⁾ Итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

А в т.

²⁾ Константинъ Нигра—итальянскій дипломатъ, родился въ 1827 году и выдвинулся на сардинской службѣ при Кавурѣ, который взялъ его съ собою на Парижскій конгрессъ 1856 года. Въ 1860 году онъ былъ итальянскимъ полномочнымъ министромъ въ Парижѣ; затѣмъ посломъ въ Петроградѣ (съ 1876 года), въ Лондонѣ (1882 г.), наконецъ въ Вѣнѣ (1886 г.).

А. Б.

³⁾ Ни канцлеръ, ни баронъ Жомини не хотѣли понять, что попытка, косвенно проведенная чрезъ Корти, какъ личнаго пріятеля Салисбюри, насъ ни къ чему не обязывала и не компрометировала достоинства Россіи, тогда какъ дѣло представлялось совершенно иначе, разъ что русскій посолъ сталъ вести переговоры съ англійскимъ министромъ о радикальномъ измѣненіи Санъ-Стефанскаго договора.

А в т.

⁴⁾ Герцогъ Деказъ, сынъ бывшаго министра Людовика XVIII, родился въ Парижѣ въ 1819 году и былъ во время царствованія Людовика-Филиппа французскимъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ франко-прусской войны онъ былъ короткое время народнымъ представителемъ въ національномъ собраніи Жиронды (1871 г.); затѣмъ послѣдовали его назначенія: сначала посломъ въ Лондонѣ (1873 г.), затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (съ 1873 г. по 1877 г.). Онъ умеръ въ 1886 году.

А. Б.

въ финансы Турціи. По расчету банкировъ, Россія дѣлалась обладательницею, на основаніи Санъ-Стефанскаго договора, $\frac{4}{5}$ оттоманскаго государственнаго долга и ей причиталось ежегоднаго платежа 84 милліона франковъ изъ турецкихъ доходовъ, которыми бы завѣдывалъ финансовый синдикатъ. Оттоманскій банкъ былъ убѣжденъ, что эти суммы придется Турціи намъ выплачивать и что мы предпочтемъ обезпечить себѣ ихъ полученіе, согласившись на заключеніе въ Европѣ особаго турецкаго займа для этой цѣли и на назначеніе особаго русскаго представителя въ дирекцію Оттоманскаго банка и въ синдикатъ. Мнѣ эта мысль улыбалась по тому несомнѣнному преобладающему вліянію, которое Россія себѣ обезпечитъ на прочной экономической почвѣ на весь ходъ дѣлъ въ Турціи. До сихъ поръ этой именно почвы матеріальныхъ интересовъ, которою обладали Франція и Англія и отчасти Германія и Австро-Венгрія, даже Италія и Греція, недоставало у русскаго посольства въ Турціи. Сверхъ того, мнѣ хотѣлось непременно обезпечить русской казнѣ полученіе опредѣленнаго ежегоднаго дохода въ Турціи для вѣрнаго покрытія части понесенныхъ нами военныхъ расходовъ, а въ Оттоманскомъ банкѣ принимали участіе все выдающіяся финансовыя силы Франціи и Англіи. Герцогъ Деказъ, ссылаясь на прежнія личныя сношенія свои со мною, напиралъ въ особенности на то, что денежный интересъ сблизитъ финансовую сферу Франціи и Англіи съ русскою политикою въ Турціи и будетъ содѣйствовать прекращенію недовѣрія къ ней и раздраженія по случаю достигнутаго нами успѣха въ Санъ-Стефано. По расчету банкировъ, слѣдовало для уплаты военнаго вознагражденія Россіи выпустить заемъ въ формѣ пятипроцентныхъ облигацій, гарантированныхъ Россіею, но взимаемыхъ съ доходовъ Турціи по надписи, которая будетъ на этихъ облигаціяхъ и въ условіяхъ займа. Сумма займа предполагалась въ два милліарда четыреста милліоновъ франковъ (2.400.000.000 франковъ). Прежніе кредиторы турокъ обязывались подписаться на 1.200 милліоновъ золотомъ, а остальная половина займа вышускалась въ видѣ пятипроцентной ренты или облигацій шестипроцентныхъ по курсу 33 франка за 100. Предполагалось, что такимъ образомъ Россія получитъ золотомъ, въ счетъ долга съ Турціи, въ теченіе года или самое позднее 18 мѣсяцевъ, одинъ милліардъ двѣсти милліоновъ, что покрыло бы расходы наши, произведенные до 19-го февраля.

Нѣкоторые христіане (преимущественно армяне) адресовались ко мнѣ въ теченіе марта изъ Константинополя съ просьбами убѣдить императорское правительство, по поводу предстоящей уплаты военной контрибуціи, согласиться принять отъ турецкаго правительства часть фондовъ отъ прежнихъ займовъ, оставшихся въ распоряженіи турецкаго казначейства, и, по тому поводу, взять въ руки турецкіе финансы, выставляя на видъ, что долгъ Россіи можетъ быть выпла-

чень при введеніи порядка въ управленіи и правильномъ взиманіи податей и налоговъ. Послѣдній проектъ, присланный мнѣ изъ Франціи, выставялъ на видъ выгоду для Россіи получить сразу милліардъ франковъ на покрытіе своихъ военныхъ расходовъ заключеніемъ турецко-болгарскаго шестипроцентнаго займа, названнаго займомъ освобожденія, который взялись бы провести крупные банкиры вмѣстѣ съ Оттоманскимъ банкомъ и по которому платежъ процентовъ падалъ бы исключительно на Турцію, Болгарію и Египеть.

Наконецъ, проживавшій въ Парижѣ бывшій посланникъ нашъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки Катакази ¹⁾, знакомый съ восточными дѣлами, написалъ мнѣ два письма. Въ первомъ онъ развивалъ ту же мысль, что французскіе финансисты и герцогъ Деказъ объ образованіи европейскаго синдиката, въ которомъ Россія приняла бы участіе для полученія съ Турціи военной контрибуціи. Содержаніе втораго письма касалось того же проекта. Катакази выставялъ на видъ, что это единственное средство отвратить передачу «половины славянъ» Балканскаго полуострова во враждебныя и корыстныя руки Австро-Венгрии и предупредить затрудненія со стороны Греціи. Финансовое соглашеніе со старыми кредиторами Турціи «было бы, несомнѣнно, менѣе тя-

1) Константинъ Гавриловичъ Катакази былъ императорскимъ російскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ съ 9-го іюня 1869 г. по 18-ое января 1872 года. А. Б.

2) Вѣрная мысль, высказанная въ письмѣ Катакази въ 1878 году, оказалась пророческой. Въ послѣдующія десятилѣтія австро-венгерскій нажимъ на балканскихъ славянъ выразился главнымъ образомъ въ экономической формѣ. Относящаяся къ этому вопросу настоящія страницы игнатьевскихъ записокъ заслуживаютъ поэтому полного вниманія. За время своего долгаго пребыванія на константинопольскомъ посту (1864—1877 гг.) графъ Н. П. Игнатьевъ могъ убѣдиться въ томъ, что финансовая сила, примѣняемая къ захвату всѣхъ жизненныхъ соковъ государства восточнаго типа, каковымъ была Турція, представляла изъ себя самый могучій видъ политическаго вліянія, использование котораго могло дать значительные плоды даже внѣ области денежной наживы, т. е., другими словами, въ области тѣхъ національно-религіозныхъ интересовъ, которые всегда были на первомъ планѣ въ исторіи русско-турецкихъ отношеній. Самое назрѣваніе вопроса о необходимости поставить Турцію подъ финансовый контроль ея европейскихъ кредиторовъ происходило при Н. П. Игнатьевѣ и не безъ его косвеннаго вліянія, когда постъ великаго визиря занималъ чуть ли не его ставленникъ Махмудъ-паша (1875 г.). Естественно, должна была сложиться у графа Игнатьева мысль о необходимости отвести Россіи подобающее мѣсто въ рядахъ государственныхъ кредиторовъ Турціи. Въ «Запискахъ» сказано, что эта мысль была отвергнута Рейтерномъ и княземъ Горчаковымъ даже безъ разсмотрѣнія. Едва ли, однако, историческая отвѣтственность за столь легкомысленное отношеніе къ важному проекту должна пасть на Рейтерна. Онъ могъ подойти къ вопросу съ узкой точки зрѣнія чиновника и главы финансоваго вѣдомства и, подъ этимъ угломъ зрѣнія, дозволено было ему не понять глубокаго значенія этой идеи. Но съ точки зрѣнія общей политики и цѣлей русскаго народа и государства на Ближнемъ Востоку такая слѣпота была непростительна. И въ этой долѣ вся отвѣтственность падаетъ на князя Горчакова. А. Б.

гостно, нежели подчиненіе австро-англійскимъ требованіямъ. Франція нынѣшняя дурно расположена. Италія колеблется. Учрежденіе финансоваго синдиката съ участіемъ Россіи могло бы измѣнить ихъ воззрѣнія и приблизить къ намъ ¹⁾). Даже Англія, хотя сбита

¹⁾ Весною 1878 года, когда французскіе государственные дѣятели и финансисты совѣтовали графу Игнатьеву учредить финансовый контроль надъ Турціею не только при участіи Россіи, но даже съ предоставленіемъ ей четырехъ пятыхъ всей суммы оттоманскаго государственнаго долга, обстоятельства въ высшей степени благоприятствовали осуществленію этого плана. Организациія контроля кредиторовъ только еще намѣчалась; она осуществилась лишь три года спустя. Для ясности въ пониманіи того плана, который былъ предложенъ графомъ Игнатьевымъ, необходимо дать краткій очеркъ развитія и упорядоченія этого вопроса.

Государственные займы Оттоманской Порты, начавшіеся послѣ крымской кампаніи, достигли въ царствованіе Абдуль-Азиса характера безумнаго мотовства, результатомъ коего явилось государственное банкротство, открыто признанное турецкимъ правительствомъ черезъ декларацію, опубликованную 7-го октября 1875 года. Сумма иностранныхъ займовъ достигла къ тому времени почти пяти миллиардовъ франковъ. Въ упомянутой правительственной деклараціи говорилось, что: «Блистательная Порта, изъ соображеній самой щепетильной честности, желая предоставить своимъ кредиторамъ настоящее и солидное обезпеченіе, уступаетъ отнынѣ синдикатамъ доходы съ таможенъ, съ соли, съ табака, съ египетской дани и, въ случаѣ надобности, съ налога на овецъ. А для возстановленія равновѣсія бюджета Порта объявляетъ, что въ теченіе пяти лѣтъ она будетъ уплачивать только половину слѣдующихъ по займамъ купоновъ. (См. книгу Charles Morawitz «Les Finances de la Turquie», Paris, 1902», стр. 50).

Отдача Турціею ряда перечисленныхъ государственныхъ доходовъ какъ бы подъ залогъ ея кредиторовъ («бондгольдеровъ») не могло никого успокоить, пока самое управленіе турецкимъ податнымъ дѣломъ не было взято подъ европейскую опеку. Въ этомъ направленіи заинтересованные круги населенія въ Англіи (черезъ посредство совѣта «Council of foreign Bondholders» въ Лондонѣ), во Франціи, въ Италіи и въ Австріи (черезъ англо-австрійскій банкъ въ Вѣнѣ) произвели давленіе на политическія сферы. Результатомъ получилась декларація, прочтенная 11-го іюля 1878 года на Берлинскомъ конгрессѣ, въ которой высказывалось пожеланіе, «чтобы Блистательная Порта согласилась на учрежденіе въ Константинополѣ финансовою комиссіи, въ составѣ специалистовъ по назначенію отъ каждаго правительства, каковая комиссія была бы уполномочена къ разсмотрѣнію всѣхъ требованій государственныхъ кредиторовъ Турціи и къ указанію необходимыхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію». Предложеніе это, внесенное на конгрессъ отъ имени Франціи, Англіи и Италіи, было единогласно одобрено всѣми уполномоченными, кромѣ турецкаго, который ограничился общими фразами о добрыхъ намѣреніяхъ Блистательной Порты. (См. протоколъ № 18 въ актахъ Берлинскаго конгресса: «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie» 1878, стр. 557 и 558).

Хотя единодушная эта декларація не шла дальше платоническаго пожеланія, однако предлагаемая система была сама по себѣ государственною опекою европейскаго концерта надъ финансами Турціи. Этого было достаточно, чтобы Порта, въ страхѣ передъ такою перспективою, поспѣшила войти въ договорныя отношенія съ «бондгольдерами», т. е. съ держателями титуловъ государственныхъ займовъ. Эти система была мягче и ближе всего подходила къ режиму такъ называемой «торговой администраціи». Она и объявлена была въ султанскомъ указѣ отъ 28-го мухаррема 1299 г. (т. е. 8—20 декабря 1881 года).

Подъ исключительное распоряженіе особаго совѣта делегатовъ отъ кредиторовъ, именуемаго «Administration de la Dette Publique» (управленіе государственнымъ долгомъ) отдавалось впредь взиманіе слѣдующихъ налоговъ: соляного, табачнаго, гер-

съ пути и напуганная Биконсфильдомъ, находится въ нерѣшительности и недоумѣваетъ. Проектъ учрежденія европейскаго синдиката въ Турціи, пущенный въ ходъ въ эту психологическую минуту, могъ бы быть благопріятно принятъ въ Англіи. Предложеніе это могло быть основано на единственной общей почвѣ, существующей между нами и лондонскимъ кабинетомъ, а именно на отрицательномъ выводѣ изъ происшедшихъ событій, что возвращеніе къ старому порядку въ христіанскихъ областяхъ Турціи невозможно,

боваго, питейнаго, съ рыбныхъ промысловъ, съ шелководства, избытокъ свыше опредѣленной нормы съ таможенъ и нѣкоторые другіе. (Ср. Morawitz, стр. 59—61, 230—233 и 272—339).

Этому особому управленію, стоящему внѣ всякой зависимости отъ турецкаго министерства финансовъ, подчинено 720 агенто́въ, въ составѣ 5.000 служащихъ (ср. Morawitz, стр. 235).

Въ этой организаціи имѣются представители всѣхъ интересовъ европейскихъ кредиторовъ: французскихъ, англійскихъ, голландскихъ, бельгійскихъ, германскихъ, австро-венгерскихъ, итальянскихъ и оттоманскихъ (частныхъ). Только нѣтъ представительства и защиты русскихъ интересовъ, несмотря на то, что уже въ 1878 году русскія претензіи составляли три четверти общей суммы долговыхъ требованій.

По этому поводу специальный изслѣдователь турецкихъ финансовъ Шарль Моравицъ говоритъ, что «исключеніе Россіи изъ представительства въ совѣтѣ государственнаго долга («Conseil de la Dette»), естественно вытекаетъ изъ того, что не было турецкихъ заграничныхъ займовъ, которые были бы выпущены въ Россіи». По его же свѣдѣніямъ, «оттоманское правительство желало включенія въ совѣтъ русскаго делегата; это желаніе было высказано передъ изданіемъ султанскаго указа 8-го декабря 1881 года; но европейскіе делегаты высказались тогда передъ Портой противъ допущенія Россіи къ этому участію». Сопоставляя эти свѣдѣнія съ тѣмъ, что мы теперь узнаемъ изъ записокъ графа Игнатъева, мы видимъ, что, съ одной стороны: а) по недалекости князя Горчакова, идея Игнатъева объ участіи Россіи въ совѣтѣ Турецкаго Государственнаго Долга—была въ самомъ вародышѣ уничтожена и не дошла даже до свѣдѣнія ни Блистательной Порты, ни европейскихъ «бондгольдеровъ»; б) тѣмъ не менѣе, турецкіе государственные люди до такой степени были проникнуты сознаніемъ, что въ этомъ дѣлѣ была солидарность интересовъ между Россією и Турцією, что они даже безъ вѣдома Россіи возбуждали вопросъ о допущеніи русскаго делегата; в) но это предложеніе было отклонено европейскими финансистами подъ тѣмъ весьма сомнительнымъ предлогомъ, что титулъ русскихъ претенцій основанъ на военной контрибуціи, а не на финансовомъ займѣ.

Однако въ этомъ дѣлѣ наступилъ весьма пикантный поворотъ въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Большой страхъ обуялъ представителей европейскихъ синдикатовъ, когда вспыхнула греко-турецкая война и оказалось, что въ распоряженіи управленія Оттоманскаго Долга были значительныя сбереженія, тогда какъ турецкая казна была совершенно пуста. Возникли опасенія, какъ бы Турція не рѣшалась объявить захватъ всѣхъ сбереженій «Dette Publique», и тогда европейскіе делегаты стали горько раскаиваться и находить, что было бы хорошо, если бы русскій престижъ стоялъ гарантіей на ихъ сторонѣ. Не слѣдуетъ забывать, что тогда вліяніе Россіи на Ближнемъ Востокѣ стояло еще высоко. Желанія европейскихъ делегатовъ «Dette Publique» были поддержаны нами; благодаря посредничеству нашей союзницы Франціи. 23-го декабря 1896 года русскій посоль въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ предъявилъ Турціи ноту, въ которой онъ предупредилъ Блистательную Портю о томъ, что «нарушеніе съ ея стороны правъ европейскихъ бондгольдеровъ естественно выдвинетъ необходимость той международной финансовой комиссіи для опеки надъ турецкими финансами, о которой была рѣчь въ протоколѣ № 18 Берлинскаго кон-

что признавалъ Салисбюри въ своемъ циркулярѣ и что допускаетъ даже самъ Биконсфильдъ».

«... Инициативу этого предложенія должна бы, по моему убѣжденію, принять на себя Италия».

Ни князь Горчаковъ, ни министръ финансовъ Рейтернъ не захотѣли даже войти въ разсмотрѣніе этого предложенія, которое было ими безусловно отвергнуто, какъ не соответствующее «достоинству Россіи».

VIII.

Предполагалось первоначально назначить меня вторымъ уполномоченнымъ на конгрессъ и послать, прежде созыва, въ Берлинъ, чтобы сговориться по возможности съ княземъ Бисмаркомъ. Канцлеръ бесѣдовалъ, ровно какъ отчасти и государь, о томъ, что предстоитъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессъ. Лишь во второй половинѣ апрѣля, вслѣдствіе письма графа Шувалова о нерасположеніи ко мнѣ Биконсфильда и объ опасеніи нашего посла столкновенія между мною и англійскимъ уполномоченнымъ, а также указаніе на то, что Бисмаркъ, пріятельски расположенный къ графу Шувалову, приглашаетъ его къ себѣ въ Фридрихсруэ, побудили государя предпочесть назначеніе нашего посла въ Лондонъ вторымъ уполномоченнымъ, въ надеждѣ, что ему удастся скорѣе, нежели мнѣ, достигнуть снисходительной сговорчивости нашихъ противниковъ. Когда еще не было рѣчи въ Петербургѣ о замѣнѣ меня графомъ Шуваловымъ, то я высказалъ князю Горчакову, что не намѣренъ поступиться границами Болгаріи, ни уступать Боснію и Герцеговину во владѣніе Австро-Венгріи, допуская лишь временную оккупацию, долженствующую прекратиться съ выходомъ нашихъ войскъ изъ Болгаріи. вмѣстѣ съ тѣмъ я ему представилъ краткую программу того, что наши уполномоченные должны имѣть въ виду на конгрессъ:

1) Касательно Румыніи была приготовлена особая записка для доказательства правъ Россіи на возвращеніе части Бессарабіи, отторгнутой въ 1856 году не въ пользу Румыніи, а въ пользу Турецкой имперіи, въ составъ которой входило нынѣ уже не существующее княжество Молдавіи. Можно предъявить собранныя мною

гресса». Турція приняла совѣтъ къ исполненію и не посмѣла обидѣть европейскихъ финансистовъ (Ср. Morawitz, стр. 227). Логически, конечно, разсужденіе нашего посла было совершенно безупречно и вытекало изъ смысла протокола № 18. Но все несчастіе въ томъ, что наша дипломатія, стремясь къ стройности въ изложеніи своихъ нотъ, совершенно не считается съ реальнымъ міромъ русскихъ интересовъ. Въ общемъ выводѣ получилось только: выгребаніе русскими руками жара для тѣхъ самыхъ европейскихъ синдикатовъ, которые не захотѣли даже видѣть въ своихъ рядахъ делегата отъ Россіи, несмотря на то, что ей принадлежали три четверти всего оттоманскаго долга.

А. Б.

жалобы бессарабцевъ и румынъ и прошения населенія о возвращеніи въ составъ Россійской имперіи.

2) Отдѣленіе Западной Болгаріи безсмысленно. Слѣдуетъ потребовать, чтобы Австро-Венгрія высказала достаточныя основанія для такого раздѣла, и необходимо ввести делегатовъ болгаръ въ засѣданія конгресса, чтобы они могли защищать права своей народности на существованіе. Если сами болгары не хотятъ этого раздѣленія (можно допустить опросъ населенія, какъ въ Ниццѣ и Савойѣ), то вынудить у нихъ согласіе, пользуясь русскою силою, мы не согласны. Милиція болгарская нами сформирована и она будетъ защищаться отъ насилія иностранцевъ.

3) Если нельзя будетъ предупредить раздѣленіе Болгаріи на двѣ части, то надо отстоять непременно единство учреждений, правъ и въ особенности духовнаго управленія экзарха, чтобы впоследствии достигнуть примиренія болгаръ съ патріархатомъ. При раздѣленіи Болгаріи слѣдуетъ измѣнить статью о военномъ пути сообщенія для турокъ чрезъ Болгарію, для сохраненія сообщенія съ Босніею и Герцеговиною.

4) Уполномоченнымъ слѣдуетъ имѣть при себѣ, для соображенія, при защитѣ статей Санъ-Стефанскаго договора и для правильной мотивировки ихъ, подробную объяснительную записку, представленную мною канцлеру одновременно съ текстомъ договора.

5) Надо дополнить статью XV, согласивъ редакцію съ послѣдними требованіями, формулированными критянами (опредѣленная дань, выборный князь и т. д.). Для Эпира и Фессаліи учредить европейскую комиссію для выработки реформы управленія.

6) При разсмотрѣніи статьи XVI потребовать отъ Порты указа на тѣ реформы, которыя она введетъ въ Азіи для огражденія армянскаго населенія отъ неистовствъ курдовъ, черкесовъ и проч. и для доставленія личной безопасности христіанскому населенію.

7) При разсмотрѣніи статьи XIX заявить, что, въ виду уклоненія Румыніи отъ предложеннаго обмѣна, мы присоединяемъ Добруджу къ Болгаріи, которая обяжется выплатить Румыніи условленное денежное вознагражденіе.

8) Если и измѣнить, согласно требованію Австро-Венгріи, редакцію статьи о Босніи и Герцеговинѣ, то ни въ какомъ случаѣ не соглашаться на уменьшеніе доли Черногоріи и на отдачу Австро-Венгріи юго-восточной части Герцеговины и сѣверной части Старой Сербіи.

Для облегченія нашимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ переговоровъ по вопросу о Бессарабіи я вручилъ канцлеру слѣдующую записку:

«При переговорахъ касательно заключенія Санъ-Стефанскаго договора русскіе уполномоченные приняли въ серьезное сообра-

женіе просьбы, которыя заявило румынское правительство, и старались ихъ, по возможности, удовлетворить

«Румынское правительство желало:

«1) Занятія румынскими войсками до заключенія окончательнаго мира крѣпостей: Никополя, Рахова, Ломъ-Паланки и Виддина и всего дунайскаго берега между этими укрѣпленными пунктами ¹⁾).

«Ничто не оправдывало бы включенія подобной статьи въ мирный нашъ договоръ съ Турціею. Дѣйствительно, на основаніи этого договора русская армія сохраняетъ всѣ завоеванныя позиціи до заключенія окончательнаго мира и сверхъ того постановлено, что корпусъ русскихъ войскъ останется въ Болгаріи въ теченіе двухъ лѣтъ. А такъ какъ румынскія войска дѣйствовали во время войны по высшимъ распоряженіямъ его высочества главнокомандующаго, занятіе ими вышеупомянутыхъ укрѣпленій могло быть лишь вопросомъ военнаго расквартированія, зависящаго отъ воли великаго князя, и не представлялось никакой надобности входить въ соглашеніе по этому предмету съ Портою. Его императорское высочество при заключеніи перемирія объявилъ, чтобы Виддинъ былъ отданъ румынамъ, и, продолживъ занятіе княжескими войсками Никополя, Рахова и Ломъ-Паланки, пригласилъ ихъ вступить въ Виддинъ, предназначивъ имъ обширную полосу земли для продовольствія. Но такъ какъ румынское правительство находило расходы военнаго занятія слишкомъ обременительными, великій князь согласился отмѣнить свое распоряженіе касательно четырехъ крѣпостей и приказалъ румынскимъ войскамъ возвратиться въ Румынію.

«2) Формальнаго и полнаго признанія Портою независимости Румыніи. Это признаніе обезпечило бы за Румыніею какъ относительно Оттоманской имперіи, такъ и въ отношеніи къ державамъ положеніе самостоятельнаго государства. До заключенія спеціальныхъ договоровъ румынскіе подданные должны пользоваться въ Турціи всѣми правами подданныхъ другихъ государствъ.

«Независимость Румыніи признана самымъ положительнымъ образомъ V статью Санъ-Стефанскаго договора. Редакція обязательствъ касательно новыхъ правъ румынскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Турціи, буквально воспроизведена въ договорѣ.

«3) Скрытія всѣхъ крѣпостей на Дунаѣ, начиная съ Ада-Кале.

«Статья XII постановляетъ, что всѣ дунайскія крѣпости будутъ скрыты и что отнынѣ не будетъ укрѣпленныхъ пунктовъ на берегахъ этой рѣки.

¹⁾ Надо предполагать, что такого рода притязаніе было внушено Австро-Венгріею, желавшею поставить нашу армію на Балканскомъ полуостровѣ въ опасное положеніе, т. е. въ зависимость отъ Румыніи, которую поддерживали бы въ случаѣ надобности австро-венгерскія войска.

«4) Возвращенія Румыніи устьевъ Дуная до Георгіевскаго канала включительно, согласно съ старыми правами принадлежности этой мѣстности Румыніи.

«Порта не признаетъ никому неизвѣстныхъ старыхъ правъ собственности, на которыя ссылается Румынія. Дунайская дельта, равно какъ и вся Тульчинская область, уступлена Россіи взамѣнъ части военной контрибуціи. Намѣреніе Россіи обмѣнять часть этихъ земель на часть Бессарабіи, отнятой у насъ въ 1856 году, упомянуто въ договорѣ, и будетъ зависѣть отъ княжества вступить по этому предмету въ соглашеніе съ императорскимъ правительствомъ.

«5) Уплаты Портою Румыніи суммы въ сто милліоновъ франковъ вознагражденія.

«Румынскому правительству слѣдовало бы болѣе основательно и ясно формулировать свое притязаніе. Ни Братіано, ни Когальничано ничего не заявляли относительно денежнаго вознагражденія. Одинъ только военный агентъ Румыніи при главной квартирѣ, который при самомъ началѣ адрианопольскихъ мирныхъ переговоровъ былъ отозванъ въ Бухарестъ, оставилъ при отъѣздѣ записку, въ которой, перечисляя предметы вознагражденія, выразился самымъ смутнымъ образомъ, не выставляя цифръ и не подкрѣпляя своего заявленія никакими документами. Такъ какъ румынское правительство не имѣло въ главной квартирѣ своего представителя, у котораго можно было бы освѣдомиться, и такъ какъ, съ другой стороны, правительство показывало видъ, что желаетъ вести переговоры непосредственно съ Портою, безъ вмѣшательства Россіи, то уполномоченные русскіе не считали себя въ правѣ сдѣлать больше, чѣмъ было достигнуто, а именно заставить Турцію признать въ договорѣ принципъ денежнаго вознагражденія, предоставляя обѣимъ сторонамъ условиться непосредственно впослѣдствіи въ размѣрѣ слѣдуемой суммы. Будетъ зависѣть отъ румынскаго правительства прибѣгнуть во время этихъ переговоровъ къ содѣйствію Россіи, чтобы основательныя требованія его были приняты оттоманскимъ правительствомъ. Румынское правительство протестуетъ нынѣ противъ выраженія, употребленнаго въ восьмой статьѣ договора, въ которой постановлено, что русскія войска, занимающія Болгарію, сохранять свои сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, но и чрезъ черноморскіе порты и проч.

«О Румыніи тутъ упоминается лишь мимоходомъ, исключительно для того, чтобы оговорить, что право пользоваться черноморскими портами не лишаетъ насъ права сохранить сухопутныя сообщенія чрезъ Дунай. Очевидно, что императорское правительство имѣло намѣреніе заключить съ Румыніею конвенцію для пропуска войскъ, предполагая въ то же время вести переговоры объ

обмѣнѣ южной Бессарабіи на Добруджу, съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы ограничиться установленіемъ права на военное сообщеніе чрезъ эту область, безъ пользованія остальною частью Румыніи послѣ возвращенія въ Россію главныхъ силъ, а также когда склады продовольствія и военныхъ припасовъ, находящіеся въ княжествѣ, будутъ вывезены или употреблены.

«Въ теченіе переговоровъ въ Санъ-Стефано оттоманскіе уполномоченные возбудили вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ, преклоненныхъ Святымъ мѣстамъ и принадлежащихъ церковнымъ приходамъ въ оттоманскихъ владѣніяхъ, и предложили договорную статью, въ которой оговорено было, что при переговорахъ о денежныхъ притязаніяхъ Румыніи Порты будетъ имѣть право предъявить свои требованія относительно вознагражденія за эти имущества. Большіхъ усилій стоило русскимъ уполномоченнымъ, чтобы отклонить помѣщеніе этой статьи въ договорѣ. Но послѣ подписанія онаго турецкіе уполномоченные адресовали ноту, заключающую признаніе и сохраненіе правъ православныхъ общинъ въ Турціи на монастырскія имѣнія, о коихъ права предъявить Порты, при разсмотрѣніи притязаній княжества къ оттоманскому правительству».

Въ бытность мою въ Вѣнѣ я освѣдомился, что передъ тѣмъ были въ Вѣнѣ и Пештѣ румыны Іонъ Гика и Димитрій Стурдза ¹⁾, стремясь воспользоваться ненавистью къ Россіи венгровъ, чтобы произвести враждебныя намъ демонстраціи и повліять на австро-венгерское правительство въ Пештѣ; отвѣчая на привѣтъ венгерской депутаціи, Гика публично произнесъ зажигательную рѣчь, преисполненную ругательствъ и лживыхъ обвиненій на Россію, заявивъ, что румыны готовы съ оружіемъ въ рукахъ защищать неприкосновенность ихъ территоріи и не уступать Бессарабію. Я не преминулъ обратить вниманіе графа Андраши на опасность для Австріи подобныхъ венгро-румынскихъ демонстрацій, замѣтивъ, что славяне могли бы воспользоваться этимъ примѣромъ въ другихъ областяхъ Австріи для возбужденія умовъ противъ вѣнскаго правительства. Графъ Андраши призналъ основательность моего замѣчанія и на другой день сдѣлалъ замѣчаніе Тиссъ (венгерскому министру), но оказалось, что Гика и Стурдза уже уѣхали изъ Пешта. Донося канцлеру о выходкѣ румынъ (23-го марта), я выразилъ мнѣніе, что въ виду находженія враждебной Россіи партіи въ Румыніи, слѣдовало бы послать въ Бухарестъ, подъ предлогомъ отвращенія неизбѣжныхъ недоразумѣній при прохожденіи возвра-

¹⁾ Бывшій впоследствии неоднократно министромъ въ Бухарестѣ, а Іонъ Гика всегдашній противникъ Россіи и предашній Англіи агитаторъ. Оба сдѣлались орудіями иностранныхъ, враждебныхъ намъ интригъ, А в т.

щающихся въ Россію чрезъ княжество войскъ и ликвидаціи военныхъ принадлежностей, довѣренное лицо, могущее повліять на правительство и на различныя партіи въ странѣ и настоятельными усиліями стараться отвратить Румынію отъ пагубнаго пути, на который она вступаетъ. Канцлеръ не нашелъ надобности послѣдовать этому совѣту, и послѣдствія бездѣйствія министерства иностранныхъ дѣлъ были весьма прискорбны.

«Изъ послѣднихъ донесеній нашего посла въ Вѣннѣ оказывалось, что графъ Андраши уже не довольствуется даже тѣми уступками, которыя императорскій кабинетъ готовъ былъ сдѣлать, а именно:

«1) Занятіемъ Австро-Венгріею Босніи и Герцеговины до Вышеграда.

«2) Улаженіемъ въ пользу Австро-Венгріи вопросовъ экономическихъ и желѣзнодорожныхъ въ Сербіи.

«3) Передачею Австро-Венгріи острова и крѣпостцы Ада-Кале.

«4) Отреченіемъ отъ граничной линіи по р. Лиму для Черногоріи и значительнымъ уменьшеніемъ уступленной по Санъ-Стефанскому договору княжеству территоріи въ этомъ направленіи.

«5) Уменьшеніемъ герцеговинской территоріи, присоединенія которой давно желала Черногорія.

«6) Принятіемъ въ принципѣ пересмотра южной турецко-сербской границы.

«Графъ Андраши сверхъ всего этого требуетъ:

«1) Образованія македонской области, выдѣленной изъ Болгаріи, но при этомъ не представляетъ никакого ручательства, что Македонія будутъ дарованы тѣ же права и преимущества, что Болгарскому княжеству.

«2) Не довольствуясь желаніемъ присоединить къ Австро-Венгріи мѣстность, раздѣляющую Сербію отъ Черногоріи, онъ стремится пріобрѣсти еще все пространство до Новаго Базара и Митровицы.

«3) Отнимая у Черногоріи большую часть пріобрѣтеннаго ею морского побережья, онъ соглашается уступить княжеству лишь городъ Антивари; предоставляя, такимъ образомъ, морской портъ онъ обусловливаетъ пріобрѣтеніе онаго такими ограниченіями, которыя лишаютъ обладаніе портомъ существеннаго значенія.

«Касательно послѣдняго пункта мы должны настаивать безусловно на пріобрѣтеніи Черногоріею морского побережья по причинамъ, которыя были уже мною прежде изложены. Все, что мы могли бы уступить изъ предназначавшагося нами для Черногоріи морского побережья, это портъ Дульциньо, если князь Николай согласится.

«Что же касается промежуточной между Сербіею и Черногоріею мѣстности, то хотя она не обширна, но представляетъ очень значительное пріобрѣтеніе въ нравственномъ отношеніи; пока этотъ участокъ оставался въ рукахъ турокъ, оба княжества могли терпѣливо выждать благопріятной минуты, не теряя надежды въ будущемъ, въ увѣренности, что имъ удастся овладѣть имъ и соединиться на р. Лимъ. Эта мѣстность была оставлена, впрочемъ, Портъ, по Санъ-Стефанскому договору, единственно потому, что Боснія и Герцеговина продолжали принадлежать Турціи. Но какъ только эта мѣстность сдѣлается принадлежностью Австро-Венгрии, такъ тотчасъ оба княжества будутъ ею замкнуты со всѣхъ сторонъ. Не входя въ разбирательство, до какихъ предѣловъ должны простираться тѣ уступки, которыя императорскій кабинетъ можетъ сдѣлать для избѣжанія войны, я вынужденъ заявить, что съ пріобрѣтеніемъ означенной территоріи Австро-Венгрія достигаетъ не только непосредственнаго доступа къ Эгейскому морю посредствомъ желѣзной дороги, которою она будетъ вполне располагать, но будетъ прикасаться къ Македоніи, которую предстоитъ организовать; это значить, что означенная часть Болгаріи будетъ находиться подъ исключительнымъ и господствующимъ вліяніемъ Австро-Венгрии, настоятельное воздѣйствіе которой, несомнѣнно, совладаетъ съ попытками независимости автономной области со смѣшаннымъ населеніемъ.

«Что касается перваго пункта—раздѣленія Болгаріи на два княжества—мы не можемъ пройти молчаніемъ неудобства и невыгоды подобнаго мѣропріятія. Уже на константинопольской конференціи мы доказали необходимость образованія единой области, несравненно болѣе соответствующей интересамъ и желаніямъ населенія, равно какъ географическимъ и этнографическимъ условіямъ края. Тогда встрѣтились затрудненія установить двойную администрацію при недостаткѣ образованныхъ и подготовленныхъ начальниковъ областей, чиновниковъ и проч.; отсутствіе ихъ еще болѣе будетъ ощутительно, когда рѣчь будетъ о сформированіи двухъ княжествъ вмѣсто двухъ генераль-губернаторствъ, предполагавшихся конференціею. Наконецъ, послѣднія событія въ краѣ объединили Болгарію, и разъединеніе нынѣ было бы гораздо чувствительнѣе для жителей и зародило бы въ нихъ, съ первыхъ дней существованія Болгаріи, желаніе измѣнить созданный строй для объединенія народа, т.-е. создало бы источникъ смуты и безпорядковъ.

«Впрочемъ, если бы силою обстоятельствъ явилась совершенная невозможность отстоять существованіе Болгаріи въ тѣхъ предѣлахъ, которые назначены въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, слѣдовало бы подвергнуть тщательному обсужденію вопросъ, что было бы выгоднѣе: принять ли проектъ, предложенный княземъ

Бисмаркомъ нашему послу въ Берлинѣ, т.-е. созданіе отдѣльной Македоніи, ограниченной долиною Вардара, или же вернуться къ образованію двухъ областей, предложенныхъ конференціею? Въ первомъ случаѣ въ ограниченной Македоніи болгарское населеніе, хотя самое многочисленное, было бы вскорѣ нравственно подавлено интригами и настойчивыми усиліями безпокойнаго греческаго элемента, тамъ находящагося. А если бы присоединить къ созданной Македоніи часть Старой Сербіи, то къ этому источнику внутреннихъ смуть и раздоровъ присоединилось бы еще противодѣйствіе сербскаго элемента, дѣятельность агентовъ изъ Сербіи сверхъ пропаганды католической, стремящейся совратить православныхъ. Внутреннія смуты, поддержанныя австро-венгерскими агентами, подготовятъ установленіе фактическаго господства Австро-Венгріи, и македонскіе болгары будутъ потеряны для княжества Болгарскаго. Единственная выгода этого проекта заключается въ томъ, что княжество Болгарское будетъ избавлено отъ присутствія разлагающихъ иноплеменныхъ элементовъ; борьба съ греками будетъ предотвращена, ибо существующее греческое населеніе въ санджакахъ Сересскомъ и Филиппопольскомъ будетъ легко подавлено громаднымъ большинствомъ болгарскимъ.

«Второе предположеніе—раздѣленіе Болгаріи на двое, по мысли конференціи,—представляетъ то значительное преимущество, что ничего не предрѣшаетъ въ будущемъ: внѣшняя граничная черта, опредѣленная Санъ-Стефанскимъ договоромъ, осталась бы неизмѣнною цѣною внутренняго раздѣленія, которое не ослабило бы существованіе болгарскаго народа. Сверхъ того, возможность соединенія въ будущемъ разрозненныхъ двухъ областей въ концѣ концовъ зависѣла бы отъ самихъ болгаръ. Правда, что отдѣленная Западная Болгарія доставитъ Австро-Венгріи болѣе обширное поприще для ея тайнаго воздѣйствія, но эти интриги встрѣтятся уже не съ смѣшаннымъ разнороднымъ населеніемъ, не имѣющимъ ни внутренней связи, ни историческаго прошлаго, но съ сильнымъ болгарскимъ элементомъ, опирающимся на софійскій центръ и одареннымъ достаточными матеріальною и нравственною силами, чтобы претворить въ себѣ иноплеменниковъ или же, по крайней мѣрѣ, бороться, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ на успѣхъ, съ чужимъ вліяніемъ.

«На случай, что мы вынуждены будемъ уступить требованію всей Европы, согласившись на раздвоеніе Болгаріи, границы, опредѣленныя константинопольскою конференціею, должны быть измѣнены, въ частности, чтобы согласить ихъ съ границами Санъ-Стефанскаго договора, а равно и съ произведенными перемѣнами: потерю Болгаріею, съ одной стороны, Ниша, Лесковаца и проч., съ другой же—Добруджи, что значительно умалило размѣры Болгаріи, опредѣленной конференціею. Столицею Восточной Болга-

ри, вѣроятно, была бы Филиппополь (Пловдивъ), и западная ея граница проведена была бы отъ горы Св. Николая, по Балканскому хребту, до окрестностей Слатицы, гдѣ она совпала бы съ прежнею граничною чертою Софійской губерніи (санджака), слѣдуя которой, она бы достигла граничной черты Сересскаго санджака, по продолженію которой дошла бы до р. Кара-су и затѣмъ вдоль этой рѣки до моря. Такимъ образомъ, потеря Добруджи была бы отчасти вознаграждена присоединеніемъ Драмскаго и Сересскаго санджаковъ. Западная Болгарія, съ столицею въ Софій, заключала бы всю остальную часть Санъ-Стефанской Болгаріи, съ присоединеніемъ города Салоникъ. Населеніе обѣихъ областей пользовалось бы одинаковыми правами, преимуществами и управленіемъ. Съ точки зрѣнія исключительно болгарскихъ интересовъ, такому разрѣшенію вопроса, кажется, надо оказать предпочтеніе въ сравненіи съ созданіемъ самостоятельной Македоніи. Съ нашей точки зрѣнія, единственною опасностью такого исхода представляется, что Западная Болгарія можетъ подпасть подъ исключительное вліяніе Австро-Венгріи, но мы имѣемъ возможность этому противодействовать. Нѣтъ сомнѣнія, что оба способа разрѣшенія возникшихъ затрудненій касательно образованія Болгарскаго княжества возбуждаютъ неудовольствіе болгаръ, которые непрестанно стремились бы къ единству своей народности, цѣною даже пожертвованія нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ политическихъ».

Записки эти, представленныя мною князю Горчакову до 15-го апрѣля, были послѣдними трудами моими по министерству иностранныхъ дѣлъ. Уже съ 15-го апрѣля наши болѣе удобнымъ не только не совѣтоваться со мною, но и не показывать мнѣ дипломатической переписки, хотя эта эпоха была самою важною для осмысленнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, затронутаго въ корень переговорами, которые тогда велись въ Вѣнѣ и Лондонѣ въ виду предстоявшаго конгресса. По ходу событій и вслѣдствіе желанія сохранить миръ во что бы то ни стало, нѣкоторыя уступки сдѣлались, къ сожалѣнію, необходимыми, но надо было итти по этому пути съ величайшею осторожностью, осмотрительностью, разборчивостью и твердою выдержкою, постепенно оставляя за собою въ запасъ достаточно простора для отступленія и не уступая ни малѣйшаго шага, ни строки Санъ-Стефанскаго договора безъ неуклонной надобности, не убѣдившись въ томъ, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства нашего, новая война сдѣлается неизбежною. Вотъ этой обязанности своей не сумѣли выполнить наши дипломаты, имѣвшіе дѣло съ ловкими игроками, которымъ они съ изумительною безпечностью, непредусмотрительностью и незнаніемъ восточныхъ дѣлъ показывали заранѣе всѣ свои карты.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе князя Лобанова посломъ въ Константинополь.

Вслѣдъ за тѣмъ выяснилось, что графу Шувалову, Новикову и министерству иностранныхъ дѣлъ удалось уговорить государя идти на уступки не только Англій, но и Австро-Венгріи и согласиться на существенное измѣненіе ратификованнаго его величествомъ Санъ-Стефанскаго договора, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было назначить графа Шувалова въ число уполномоченныхъ на Берлинскій конгрессъ вмѣсто меня; «на податливость Игнатьева нельзя было рассчитывать», какъ выразился баронъ Жюмнини.

26-го апрѣля я заболѣлъ возвратомъ сильной лихорадки, захваченной мною въ Болгаріи и преслѣдовавшей меня почти цѣлый годъ. Я просился въ отпускъ до излеченія болѣзни и, какъ только приступы лихорадки меня оставили, поѣхалъ во дворецъ 11-го мая откланяться государю. Наканунѣ, 10-го мая, въ отвѣтъ на мое письмо къ графу Адлербергу съ просьбою объ отпускѣ, я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Поспѣшаю увѣдомить васъ, что государь разрѣшаетъ вамъ, согласно выраженному вашему желанію, отправиться къ вашему семейству въ Кіевъ, чтобы возстановитъ ваше здоровье, столь сильно поколебленное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лучший климатъ и нѣкоторое время отдыха, вполне и тяжкимъ трудомъ заслуженнаго, вамъ необходимы. Я надѣюсь, что послѣдствія не замедлятъ сказаться. Прошу васъ сообщить мнѣ, могу ли я васъ навѣстить. Я бы давно это сдѣлалъ, если бы мнѣ не передали, что доктора это безусловно запрещаютъ».

«Искренно преданный вамъ графъ Адлербергъ».

Министерство иностранныхъ дѣлъ тщательно избѣгало сообщать мнѣ какіе-либо документы или свѣдѣнія, игнорировало мое существованіе ¹⁾ и ревниво запрещало всѣмъ своимъ подчиненнымъ, моимъ старымъ сослуживцамъ и сотрудникамъ, имѣть со мною общеніе, даже преслѣдуя тѣхъ изъ нихъ, которые, не опасаясь опалы, продолжали оставаться въ личныхъ пріязненныхъ со мною сношеніяхъ.

4-го мая я получилъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса слѣдующее письмо:

«Дай Богъ вамъ скорѣе поправиться ²⁾. О состояніи здоровья

¹⁾ Хотя, по высочайшему повелѣнію, при назначеніи меня членомъ государственнаго совѣта я оставленъ по генеральному штабу и по министерству иностранныхъ дѣлъ, какъ было мнѣ сообщено графомъ Адлербергомъ. А вт.

²⁾ Игнатъевъ, подъ вліяніемъ неприяностей и простуды на варшавской станціи желѣзной дороги, заболѣлъ 26-го апрѣля возвратною лихорадкою и долженъ былъ лечь въ постель въ самое то время, когда ему нужно было бы бороться съ вреднымъ вліяніемъ прибывшаго изъ Лондона на пятый день послѣ того, т.-е. 30-го апрѣля, графа Шувалова, требовавшаго полномочія для уступокъ Англій и Австро-Венгріи, подъ угрозою войны съ Великобританіею, съ перспективою коалиціи; военный министръ Милютинъ очень желалъ присутствія Игнатьева на совѣтѣ, подъ предсѣдатель-

канцлера не знаю, право, что и сказать. Онъ все въ постели.

«...Положеніе наше не измѣнилось за послѣдніе дни. Посмотримъ, что скажутъ донесенія Новикова, ожидаемая, если не ошибаюсь, завтра. Шуваловъ ¹⁾ полагаетъ пуститься въ обратный путь послѣзавтра. Изъ сообщеній его, которыя держатся въ большомъ секретѣ ²⁾, нельзя вывести положительнаго заключенія. Я вижу, что всѣ военные здѣсь надѣли большіе сапоги, изъ чего заключаю, что всѣ войска мобилизованы. Дай Богъ, чтобы лихорадка васъ скорѣе покинула... Самъ я продолжаю страдать гриппомъ. Канцлеру, кажется, лучше, но онъ все еще въ постели».

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

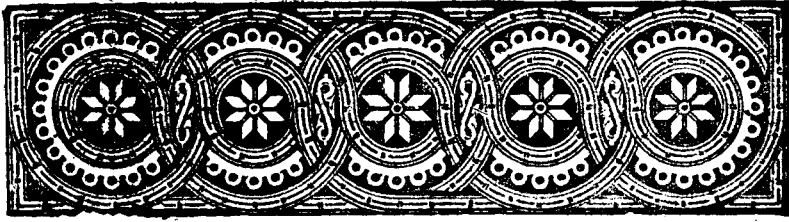

ствомъ государя, собранномъ по приѣздѣ Шувалова, и приѣзжалъ навѣстить Игнатьева въ постели и лично удостовѣриться въ невозможности призванія его въ совѣтъ.

Авт.

¹⁾ Шуваловъ въ союзѣ съ министромъ финансовъ и высшимъ петербургскимъ обществомъ такъ напугалъ государя и министра послѣдствіями отстаиванія Санъ-Стефанскаго договора, негоднаго Биконсфильду, Андраши и Бисмарку, что получилъ желаемое разрѣшеніе сдѣлать уступки англійскому правительству. Авт.

²⁾ Держали въ секретѣ замышляемое искалѣченіе Санъ-Стефанскаго договора отъ автора его и отъ русскихъ патріотовъ, опасаясь опроверженій доводовъ иностранныхъ и нашихъ обьностранившихся дипломатовъ, могущихъ помѣшать мирному обобранію славянъ и Россіи. Авт.

ЖИВАЯ - МЕРТВАЯ.

(Быль времянь крѣпостного права).

I.

В АГЛЯДЫВАЯ въ далекое прошлое и разбираясь въ воспоминаніяхъ, иногда совершенно случайно находишь промелькнувшіе въ воображеніи цѣлые ряды картинъ изъ времянь минувшихъ, давно позабытыхъ, и при ихъ представленіи сами собой возникаютъ въ памяти связанные съ ними старые рассказы о событіяхъ, хотя и отошедшихъ въ область преданій, но тѣмъ не менѣе продолжающихся и до настоящаго времени все еще представлять достаточно обширный и благодарный матеріалъ, позволяющій почерпнуть изъ него интересные образчики различныхъ и своеобразныхъ исторій, случайныхъ эпизодовъ, всевозможныхъ романическихъ и другого рода приключеній и, наконецъ, судебныхъ дѣлъ дореформеннаго періода, рисующихъ и характеризующихъ сопровождавшую ихъ и столь богатую ими эпоху крѣпостного права.

Мнѣ приходитъ на память одна изъ такихъ исторій, имѣвшая мѣсто въ исходѣ первой половины прошлаго столѣтія. Исторія эта—одна изъ многихъ, хотя не лишена своего рода оригинальности.

При изложеніи ея прежде всего какъ-то невольно приходитъ въ голову напрашивающаяся на сравненіе мысль о... «Мертвыхъ душахъ», причемъ постепенно слагающіяся происходившія въ ней

обстоятельства заставляють убѣдиться въ справедливости такого сравненія, подтверждая тождественность происходившаго по самому существу сюжета, съ тою только разницею (конечно, сравненіе касается лишь вопроса о значеніи словъ: «мертвая душа», а не произведенія), что если героемъ великой поэмы пріобрѣтеніе мертвыхъ душъ дѣлалось съ цѣлью считать ихъ живыми, то бывали въ дѣйствительной жизни случаи, совершенно тому обратные, случаи, когда живая душа становилась мертвою, оставаясь на самомъ дѣлѣ живою, но вмѣстѣ съ тѣмъ, исключаясь изъ числа живыхъ, продолжала оставаться внесенной въ списокъ по ревизіямъ, или такъ называемымъ «ревизскимъ сказкамъ». Этихъ ревизій, сколько могу упомянуть, для другихъ, неподатныхъ сословій не существовало, вѣроятно, въ предположеніи, что остальные души—души людей свободныхъ—не нуждались состоять въ... сказкахъ... по ревизіи...

Исторія, въ которыхъ на долю нѣкоторыхъ крѣпостныхъ людей выпадали роли мертвыхъ душъ, случались далеко нерѣдко и были фактами, проходившими по большей части не замѣченными, возникавшими при условіяхъ свободно располагавшей къ ихъ зарожденію возможности, развиваясь и процвѣтая на почвѣ всякаго рода авантюръ, повторяясь и пріумножаясь во всѣхъ видахъ и формахъ, и, кажется, не будетъ ошибкой сказать, что не мало ихъ происходило на эту однородную съ ними тему и съ различными, неподражаемыми варіаціями.

Исторія живой-мертвой, прекрасно сохранившаяся у меня въ памяти по разсказу моей покойной матери, мнѣ кажется, заслуживаетъ своего описанія, и, припоминая ее теперь со всѣми подробностями, фактически вѣрными отъ начала до конца, я постараюсь здѣсь передать ея содержаніе, ничего не пропуская и нигдѣ и ни въ чемъ не уклоняясь отъ истины, группируя событія въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ.

Самая исторія эта, извѣстная въ уѣздѣ подъ названіемъ «дѣла объ Анѳисѣ мертвой душѣ», умершей въ дѣйствительности очень недавно и въ преклонной уже старости, происходила и тянулась съ начала сороковыхъ до половины пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній, въ своемъ родовомъ имѣніи проживалъ богатый помѣщикъ, отставной ротмистръ Иларіонъ Сергѣевичъ Бѣлевичъ. Владѣлецъ безъ малаго 600—700 душъ и благоустроеннаго имѣнія, онъ по выходѣ въ отставку въ этомъ имѣніи и поселился. Господская усадьба, въ которой онъ жилъ, была красивая и живописная, какими, впрочемъ, и было большинство барскихъ усадебъ того времени. Расположенная на горѣ, съ огибавшей ее рѣкой, съ спускавшимися по склону горы

столѣтними деревьями и со старымъ дѣдовскимъ домомъ, открытая въ сторону, выходившую на обширный дворъ и закрытая по нагорной сторонѣ тянувшимся садомъ, съ проложенной по подолу горы проѣзжей дорогой, она доходила до мѣста, гдѣ гора заканчивалась подъ угломъ. Здѣсь рѣка измѣняла направленіе, и дорога уже проходила по болотистому берегу и, теряясь въ волнахъ аира, выходила на открытое мѣсто, откуда на далекомъ разстояніи виднѣлся какъ бы обнаженный и выступавшій впередъ уголъ горы, на самой вершинѣ котораго бросалась въ глаза площадка со стоявшей на ней и рельефно обрисовывающейся на общемъ фонѣ пейзажа высокой, двухэтажной бесѣдкой, обнесенной по лицевымъ частямъ балконами въ обоихъ этажахъ, съ готическими окнами и куполомъ съ высокимъ шпилемъ. Объ этой бесѣдкѣ ходило много легендъ. Говорили о появляющихся въ ней призракахъ и выходящихъ по ночамъ, закутанныхъ въ бѣлое привидѣніяхъ, прогуливавшихся на балконахъ и будто бы звавшихъ и манившихъ къ себѣ запоздавшихъ проѣзжавшихъ и проходившихъ мимо нея по дорогѣ людей, послѣ чего видѣвшіе ихъ люди въ скорости умирали.

Но она не походила на жилище тѣней, эта будто бы роковая бесѣдка! Со стерегущими ея входъ двумя пирамидальными тополями, окутанная кустами розъ и жасминовъ, она скорѣй напоминала уединенный уголокъ, предназначенный для нѣжныхъ свиданій и любовныхъ объясненій.

Позади нея начинался правильно распланированный, въ родѣ англійскаго парка, садъ изъ однѣхъ только липовыхъ аллей. Но что это были за чудныя, плѣнительныя аллеи! Перекрещивавшіяся между собой и прямыя, какъ стрѣла, онѣ казались безконечными, уходя въ даль. Темныя и таинственныя, словно крытыя своими сплетающимися вершинами, заманчивыя и загадочныя, переносили онѣ вступающаго въ нихъ въ фантастическій міръ грезъ и видѣній! И всегда въ нихъ царили сумракъ и тишина, не проникали солнечныя лучи, не росла трава, не было видно неба! Въ ночное же время ихъ таинственность и загадочность становилась уже мрачною и зловѣщею, въ особенности при крикахъ филиновъ, называемыхъ въ Малороссіи «пугалами» и свободно проживавшихъ въ глубинѣ и непроницаемой гущинѣ деревьевъ, наводившихъ своимъ хохотомъ на душу страхъ и тоску, точно заставляя чувствовать въ окружающей природѣ присутствіе какой-то незримой, подавляющей и жестокой силы, вызывавшей появленіе скрывающихся кругомъ невидимыхъ еще, но уже приближающихся грозныхъ призраковъ, и представляя разстроеному воображенію толпы бѣлыхъ привидѣній, бродящихъ и скользящихъ по балконамъ бесѣдки, зовущихъ и манящихъ въ свои ледяныя объятія.

Самая большая изъ аллей подходила къ бесѣдкѣ, продолжаясь во всю длину сада, и концомъ своимъ упиралась въ кирпичную садо-

вую ограду, за которой находился конопляникъ, а за нимъ гумно, съ прилежавшими къ нему «хлѣбными ямами», другая же изъ большихъ аллей заканчивалась дорожкой, приводившей къ задней террасѣ дома.

Рядъ «хлѣбныхъ ямъ» начинался со стороны двора за амбарами, все продолжаясь по направленію къ гумну и оканчиваясь у конопляника, примыкавшаго къ садовой оградѣ. Мнѣ пришлось два раза упомянуть о «хлѣбныхъ ямахъ», имѣвшихъ непосредственное отношеніе и, какъ будетъ видно далѣе, немаловажное значеніе при производствѣ самаго дѣла о «мертвой душѣ». Вѣроятно, не многимъ извѣстно, что такое представляетъ собой «хлѣбная яма»? Ею обыкновенно называется родъ временнаго погреба для храненія запасовъ зерна. Разнится она отъ погреба только тѣмъ, что не имѣетъ ни дверей, ни лѣстницы. Устраивается она въ крѣпкомъ грунтѣ и имѣетъ форму груши. Дно ея и стѣнки обставляются соломой, а поверхъ послѣдней дранью и затѣмъ уже въ защищенную этимъ способомъ отъ сырости яму сыпается предназначенное для храненія зерно, послѣ чего отверстіе закладывается досками и засыпается землей, а наверху устанавливается подвижная крыша.

Такое примитивное храненіе запасовъ, достигавшихъ стоимости иногда цѣлыхъ тысячъ рублей, возможно было только въ тѣ блаженныя времена, когда господская собственность была неприкосновенна и считалась святыней, позднѣе «ямы» стали выводиться изъ употребленія. Въ началѣ лѣта сохранившіеся такимъ образомъ запасы вынимались и просушивались. Много изъ нихъ раздавалось въ ссуду крестьянамъ за установленные проценты. Сохраняясь иногда по два и три года въ землѣ, зерно становилось плохимъ по качеству; однакоже, несмотря на порчу товара, имъ ссужали нуждающихся людей, наживая проценты и выгодно обмѣнивая бракъ на свѣжій товаръ. Опустошенныя ямы оставались открытыми въ теченіе всего лѣтняго времени, а чтобы онѣ не засорились, ихъ прикрывали рѣшеткой или проволоочной сѣткой для доступа воздуха, и никогда никому не могла прийти въ голову мысль, чтобы въ «хлѣбныхъ ямахъ» могли проживать живыя существа!

II.

Чудный воздухъ, милая, симпатичная малороссійская природа, ея не поражающая, но проникающая въ сердце, нѣжно задумчивая прелесть! Тихо колышутся волны аира по краямъ дороги вдоль берега рѣки и наполняютъ вечерній воздухъ своеобразнымъ ароматомъ. Въ разбросанныхъ тамъ же сажанкахъ начинаютъ свой вечерній концертъ неугомонныя лягушки, а притаившаяся въ кустахъ лозы болотная птица аккомпанируетъ имъ своимъ «э!.. э!». Солнце уже отбрасываетъ за рѣкой свои послѣдніе лучи

а за вечернимъ сумракомъ быстро наступитъ темная, южная ночь и покроетъ собой всё тайны нашей старой усадьбы. Только въ ней еще не собираются спать, а ожидаютъ прїѣзда гостя изъ губернскаго города. Наконецъ раздается звонъ колокольчика, и къ подъѣзду барскаго дома подкатываетъ бричка, изъ которой прежде всего выскакиваетъ пара лягавыхъ щенковъ, а затѣмъ уже вылѣзаетъ и самъ хозяинъ брички. Владѣлецъ усадьбы любезно встрѣчаетъ своего гостя и подъ видомъ прогулки, главное—во избѣжаніе лишннихъ ушей, они идутъ въ садъ, направляясь къ бесѣдкѣ, гдѣ въ нижнемъ ея этажѣ уже сервированъ столъ, весь уставленный винами и закусками. Послѣ ужина между хозяиномъ дома и прїѣзжимъ гостемъ завязался оживленный разговоръ. Но необходимо немного коснуться внѣшности и нѣкоторыхъ свойствъ характера самого владѣльца усадьбы.

Высокій, стройный, съ длинными рыжими усами и постоянно потупленными въ землю глазами онъ не могъ казаться симпатичнымъ, несмотря на красивую фигуру и правильныя черты лица. Что-то жестокое во взглядѣ исподлбья дѣлало его наружность непривлекательною. Засѣвши у себя въ деревнѣ и ведя все время беспорядочную жизнь, онъ совсѣмъ опустился, не занимался собой и окончательно забылъ свою любимую прежде манеру слегка порисоваться. Про него говорили, что когда онъ еще служилъ въ Н—скомъ гусарскомъ полку, то имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, привлекая умѣньемъ какъ-то особенно картинно опираться на саблю. Не даромъ, видно, тогда былъ въ модѣ романсъ: «Гусарь, на саблю опираясь...».

Человѣкъ дикихъ страстей и неукротимаго нрава, отличавшійся безумными выходками, жестокій, безпутный и злой, онъ не пользовался ничьими симпатіями, но его широкой образъ жизни, мотовство, роскошныя пиры, карты, охота и крѣпостныя красавицы привлекали и собирали у него большое общество. Жениться онъ еще не успѣлъ, хотя какъ будто и собирался сдѣлать предложеніе одной мѣстной красавицѣ—дочери сосѣдняго помѣщика. Ведя расточительную жизнь и прожигая состояніе, онъ очень скоро надѣлалъ кучу долговъ, заложивъ и перезаложивъ всѣхъ своихъ крестьянъ. Въ тѣ достопамятныя времена, когда крестьянскія души закладывались и перезаклаивались, и на нихъ совершались акты купли, продажи и даренія,—никого не могло удивить, если человѣка и промѣнивали на... пару собакъ. Все это было въ порядкѣ вещей.

Возвращаясь къ характеристикѣ бывшаго гусара, придется еще добавить, что деньги, не безъ хлопотъ получавшіяся изъ кредитныхъ установленій за всѣ эти заложенные и перезаложенные души, очень быстро исчезали, а рядомъ съ безумными тратами шли всевозможныя возмутительныя дѣла: жестокости и насилія

надъ все тѣми же заложеными и перезаложеными душами. Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ дѣяній являлась уголовщина. Чтобы изъ нея выпутаться, приходилось подкупать уѣздныя власти, а затѣмъ кого слѣдовало и изъ лицъ «губерніи», вѣдаясь съ палатою уголовного суда. Взятки, какъ извѣстно, во всѣхъ инстанціяхъ брались одинаково. При палатахъ главными воротилами и кляузныхъ дѣлъ мастерами, насколько могу упомнить, были такъ называемые совѣтники палатъ. Весь механизмъ тогдашняго судопроизводства непосредственно находился въ ихъ рукахъ, и честь представлять бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ исключительно принадлежала этимъ иекусившимся въ крючкотворствѣ и всякой уголовщинѣ совѣтникамъ.

Пріѣзжій гость былъ однимъ изъ такихъ совѣтниковъ. На рукахъ у него находилось поступившее на палату уголовного суда дѣло по обвиненію И. С. Бѣлевича въ какомъ-то незаконномъ дѣяніи, положенное имъ пока подъ сукно. За благополучный исходъ этого дѣла совѣтникъ надѣялся получить приличное вознагражденіе. На этотъ разъ взятку ему хотѣлось получить натурою. Онъ выдавалъ замужъ дочку и за ней надо было дать въ приданое «дворовую дѣвку». По происхожденію изъ разночинцевъ, онъ не владѣлъ ни одной крѣпостной душой; будущій его зять также не имѣлъ крѣпостныхъ, а между тѣмъ имъ обѣимъ очень хотѣлось имѣть хотя бы одну душу при устройствѣ хозяйства будущихъ супруговъ.

На семейномъ совѣтѣ было рѣшено пріобрѣсти душу во образѣ дворовой дѣвки если уже не совсемъ даромъ, то по крайней мѣрѣ по самой низкой цѣнѣ. Душа дворовой дѣвки стоила недорого и ее легко было найти по случаю. Послѣдній не заставилъ себя долго ждать. Имъ удалось какъ-то узнать, что помѣщикъ Иларіонъ Сергѣевичъ Бѣлевичъ, страстный любитель охоты, нуждается въ пріобрѣтеніи недостающихъ ему лягавыхъ собакъ и готовъ за нихъ заплатить хорошую цѣну. Недолго думая, будущіе зять и тестъ пустились на розыски охотничьихъ собакъ и, раздобывъ гдѣ-то пару чистокровныхъ лягавыхъ песиковъ-щенковъ, порѣшили, что совѣтникъ, отправляясь по дѣламъ къ Иларіону Сергѣевичу, захватить этихъ щенковъ съ собой и предложить ихъ послѣднему, но только съ условіемъ: обмѣнять пару щенковъ на... дворовую дѣвку.

До поздней ночи просидѣли въ бесѣдкѣ хозяинъ дома и совѣтникъ. Долго толковали они о дѣлѣ, лежавшемъ подъ зеленымъ сукномъ въ палатѣ уголовного суда, послѣ чего уже перешли къ вопросу о лягавыхъ щенкахъ и... дворовой дѣвкѣ.

Перетолковавъ обстоятельно о способностяхъ и талантахъ щенковъ, а затѣмъ и о качествахъ и свойствахъ дворовой дѣвки, они порѣшили: помѣщику пара лягавыхъ щенковъ, а совѣтнику—

дворовая дѣвка Анеиса Соловьева, по фамиліи Мѣдная, шестнадцати лѣтъ. Помѣнялись, и на другой же день Анеиса была увезена совѣтникомъ къ себѣ въ губернской городъ.

III.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Удачно вымѣненная такимъ образомъ на щенковъ, Анеиса продолжала жить у совѣтника и его зятя, обслуживая, въ качествѣ единственной крѣпостной души, своихъ господъ. Никакой перемѣны въ ея жизни не предвидѣлось и приходилось тянуть все одну и ту же лямку.

Наступило время дворянскихъ выборовъ. Всѣ помѣщики, желавшіе принять въ нихъ участіе, начинали съѣзжаться въ губернской городъ. Пріѣхавшіе изъ того уѣзда, который былъ родиной Анеисы, сообщили непріятно взволновавшую всѣхъ новость. Новостью этой оказалось извѣстіе объ убійствѣ бывшаго барина Анеисы—Иларіона Сергѣевича Бѣлевича, задушеннаго въ постели своими крестьянами и дворовыми людьми. За послѣднее время его жестокости дошли до высочайшей степени. Дикія сцены и невозможныя безумства чередовались однѣ за другими. Не довольствуясь обыкновеннымъ развратомъ, онъ приказывалъ приводить къ себѣ женщинъ и дѣвушекъ, раздѣвалъ ихъ донага и въ такомъ видѣ выстраивалъ по комнатамъ рядами, въ цѣляхъ, извѣстныхъ только ему одному. Иногда ему приходила въ голову фантазія заставлятъ присутствовать при этихъ зрѣлищахъ ихъ мужей и отцовъ. Когда же послѣдніе, видя обезчещеніе и поруганіе, надъ своими женами и дочерьми, возмущались, онъ за всякую такую попытку къ возмущенію подвергалъ ихъ всевозможнымъ наказаніямъ: засѣкалъ до полусмерти, морилъ голодомъ, заставлялъ ночевать на морозѣ въ одномъ бѣльѣ, придумывалъ устройство какихъ-то адскихъ машинъ, подобныхъ орудіямъ пытки, и не было той муки, какой бы онъ не подвергалъ подвластныхъ ему людей. Это былъ извергъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣкоторымъ оправданіемъ его звѣрскихъ поступковъ могло послужить развѣ то обстоятельство, что при медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи тѣла онъ былъ признавъ врачами ненормальнымъ и, судя по всѣмъ признакамъ, страдалъ разстройствомъ мозга и позвоночника.

Въ скорости послѣ преступленія виновники убійства были найдены, жестоко наказаны плетью на мѣстѣ преступленія (барскомъ дворѣ) нарочно привезеннымъ для совершения казни изъ острога палачомъ, въ присутствіи всего собраннаго для зрѣлища наказанія села, здѣсь же клеймены и закованы въ кандалы.

Убійство это возбудило цѣлую сенсацію во всей губерніи, заставивъ много говорить о немъ. Дошло извѣстіе о смерти ея ба-

рина и до ушей Анюсы и, произведя на нее сильное впечатлѣніе, одновременно привело ее къ мысли уйти отъ своихъ господъ и возвратиться въ родную деревню.

Пока она ломала себѣ голову, придумывая, какъ убѣжать, ей удалось узнать, что на выборы пріѣхалъ старшій изъ наслѣдниковъ послѣ убитаго — родной его братъ Павелъ Сергѣевичъ Бѣлевичъ. Едва только она услышала это, какъ въ головѣ у нея мелькнула мысль: а не пойти ли ей къ новому барину, броситься ему въ ноги и умолить его взять ее къ себѣ и отправить на деревню. Долго придумывала она, какъ бы ей увидать барина, и наконецъ, выбравъ часъ, когда въ домѣ совѣтника всѣ уже спали, она рѣшилась отправиться въ ту гостиницу, гдѣ стоялъ новый баринъ, и, увидя его, — бухъ ему въ ноги:

— Батюшка баринъ, помилосердствуйте! Вы мой законный *владѣлецъ*, я ваша крѣпостная раба, смилуйте, прикажите меня отправить домой на деревню!

— Да что ты, голубушка, какой же я твой баринъ, когда покойный мой братъ тебя подарилъ... промѣнялъ... совѣтнику, которому ты теперь принадлежишь. Какъ же я могу тебя взять, когда ты и не моя вовсе, а совѣтникова, — отвѣчала ей новый баринъ.

Но, несмотря на такой отвѣтъ и всѣ приводимые барининомъ доводы, Анюса за все время пребыванія новаго помѣщика въ губернскомъ городѣ продолжала ему надѣдаться просьбами объ отправленіи ее въ деревню. Выборы уже близились къ концу, и многіе изъ помѣщиковъ начинали разѣзжаться по домамъ, не дожидаясь ихъ окончанія. Новый баринъ Анюсы продолжалъ оставаться въ городѣ, знакомясь съ губернскимъ обществомъ, посѣщалъ собраніе и клубъ, гдѣ почти постоянно проводилъ вечера, возвращаясь въ свою гостиницу всегда очень поздно; но, какъ это ни странно, несмотря на поздніе ночные часы, онъ каждый разъ по возвращеніи находилъ у себя ожидавшую его и падавшую ему въ ноги при его приближеніи Анюсу.

Такая настойчивость стала наконецъ ему надѣдаться, и онъ уже собирался принять какія-нибудь мѣры, чтобы положить всему этому конецъ, но вдругъ какъ-то такъ случилось, что послѣ вечера, проведеннаго въ холостой компаніи, и возвратясь домой позднѣе обыкновеннаго, увидя поджидавшую его Анюсу, онъ вздумалъ съ ней... «пошалить».

Дѣло было сдѣлано. Анюса приглянулась барину, и онъ согласился наконецъ уступить ея просьбамъ, только никакъ не могъ придумать, какъ устроить ея возвращеніе въ деревню. Вывелъ его изъ затрудненія простой случай. Встрѣтившись гдѣ-то на обѣдѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей по гимназіи, помѣщикомъ одного съ нимъ уѣзда, и узнавъ изъ разговора съ нимъ, что тотъ отсылаетъ домой въ имѣніе своего кучера, экипажъ и лошадей, ему показалось

удобнымъ предложить Анѣисѣ рублей десять денегъ и посовѣтовать ей уговориться съ отъѣзжавшимъ кучеромъ, чтобы тотъ (конечно, безъ вѣдома своего барина) взялъ ее съ собой и отвезъ до мѣста, откуда она могла бы отправиться къ своимъ роднымъ. Разстояніе отъ губернскаго города до родины Анѣисы было болѣе двухсотъ верстъ и скрыться при такихъ условіяхъ было легко.

Узнавъ о бѣгствѣ Анѣисы, совѣтникъ и его зять принялись за розыски убѣжавшей, обратившись къ содѣйствию полиціи. Начавшееся разслѣдованіе, однако, не давало никакихъ свѣдѣній, и, куда скрылась бѣжавшая, никто ничего не могъ сказать. Въ городѣ ходили разныя догадки и предположенія, не безъ ядовитости направленные въ сторону новаго помѣщика. Это маленькое приключеніе успѣло обратить на себя вниманіе скучающаго провинціального общества, послуживъ на нѣкоторое время небезынтересной темой разговоръ, но въ скорости же было и позабыто.

IV.

Послѣ исчезновенія Анѣисы прошло два года. Губернская полиція все еще продолжала сноситься съ уѣздной, ведя розыски по обычаямъ того времени исключительно на бумагѣ. Между тѣмъ за время не двигавшейся съ мѣста судебно-полицейской волокиты на противоположномъ берегу отъ старой усадьбы выстроилась новая, принадлежавшая Павлу Сергѣевичу. Былъ въ общемъ имѣніи еще и другой наслѣдникъ, младшій изъ братьевъ; но тотъ, оставаясь на службѣ въ Петербургѣ, причитавшуюся ему часть наслѣдства предоставилъ въ распоряженіе Павла Сергѣевича, который, такимъ образомъ, являлся полновластнымъ хозяиномъ всего имѣнія.

Не пожелавъ жить въ дѣдовскомъ домѣ послѣ совершенія въ немъ преступленія, онъ устроился въ деревнѣ на другой сторонѣ рѣки. Здѣсь, уже по выѣздѣ изъ господскаго двора и входя въ черту деревенской улицы, пріютился флигелекъ, во всемъ схожій съ остальными деревенскими хатами, и въ немъ поселилась разыскиваемая полиціей Анѣиса.

Занимая пока лишь скромную должность между экономкой и кухаркой у холостого барина, но уже пользуясь всѣми привилегіями независимаго положенія, она наслаждалась бы полнымъ блаженствомъ, если бы ей не грозила опасность быть разысканной полиціей съ водвореніемъ на старое мѣсто къ своимъ господамъ. Знала она также, что ее еще и ожидаетъ жестокое наказаніе за побѣгъ. Какъ никакъ, а страхъ за будущее постепенно ослабѣвалъ съ теченіемъ времени, съ упроченіемъ положенія и въ надеждѣ на заступничество барина. Ей было хорошо извѣстно, что исправникъ и становой приставъ, подкупленные бариномъ, не выдадутъ ея мѣстопробыванія губернской полиціи. Не знала и не понимала

она только душевнаго состоянія своего барина, на котораго этотъ пошлый романъ дѣйствовалъ, можно сказать, удручающе, заставляя иногда серьезно призадумываться. Казалось непріятнымъ задаривать полицію и вообще имѣть съ нею какія-либо дѣла. Получивъ въ наслѣдство отъ брата вмѣстѣ съ имѣніемъ и кучу долговъ и будучи отъ природы человѣкомъ расчетливымъ, даже скупымъ, онъ не любилъ бросать деньги, тѣмъ болѣе, что, хорошо зная полицейскіе нравы, былъ увѣренъ въ бесполезности разныхъ усилій съ этой стороны. Больше всего пугала его и страшила мысль попасть въ исторію. Боязнь огласки и сплетенъ страшно его мучила. Для исправника же и становаго пристава всѣ испытываемыя Павломъ Сергѣевичемъ затрудненія, наоборотъ, были весьма пріятны, представляя нѣкоторый источникъ безгрѣшныхъ доходовъ. Надо, однако, отдать имъ справедливость: они отлично понимали, что дѣло прежде всего необходимо было поставить такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы, почему между ними было установлено: въ случаѣ полученія тревожныхъ извѣстій изъ «губерніи» они немедленно и заблаговременно должны увѣдомить объ этомъ Павла Сергѣевича. Увѣдомленіе лежало на обязанности становаго пристава.

V.

Была, кажется, половина іюля. Въ домѣ Павла Сергѣевича всѣ, начиная съ его вѣрной Анѣисы, были заняты сельско-хозяйственными хлопотами. Тому, кто жила въ деревнѣ, хорошо извѣстно время, справедливо называемое въ народѣ страдною порой, почему и неудивительно, что о существованіи мѣстнаго исправника со становымъ приставомъ въ уѣздѣ и жандармскимъ полковникомъ въ губернскомъ городѣ почти позабыли. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день раздается звонъ колокольчика приближающейся тройки несущагося вихремъ становаго. (Послѣ того въ теченіе всей своей жизни Павелъ Сергѣевичъ не переносилъ звука колокольчика). Становой привезъ извѣстіе, что въ губернскомъ городѣ наконецъ дознались о мѣстопробываніи бѣжавшей принадлежащей г-ну Рудашевскому (фамилія зятя совѣтника) дворовой дѣвки Анѣисы Савельевой Мѣдной и что для поимки ея на мѣсто придутъ изъ губернскаго города самъ господинъ жандармскій полковникъ въ сопровожденіи ея владѣльца и мѣстныхъ властей. Будетъ произведенъ обыскъ не только въ деревнѣ, но и въ усадьбѣ помѣщика. Извѣстіе, привезенное становымъ, какъ громомъ, поразило Анѣису и взволновало ея барина.

Завыла, запричитала кандидатка въ барскія барыни, призадумался и растерялся и самъ ея баринъ. Какъ вывернуться изъ такого сквернаго положенія и избавить себя отъ подозрѣній—

думалъ онъ. А вывернуться было необходимо, чтобы не быть запутаннымъ во всей этой нелѣпой исторіи; необходимо было куда-нибудь и убрать эту дѣвку. Но куда?—вотъ вопросъ! Если ее найдутъ у него, тогда что же?! Позоръ, скандалъ, уголовное преслѣдованіе!

Мучимый овладѣвшимъ имъ безпокойствомъ и не зная, что ему предпринять, провелъ нашъ баринъ безсонную ночь. Разстроенный, онъ рано всталъ и, весь подъ вліяніемъ тяготившихъ его мыслей, сталъ безцѣльно глядѣть въ окно, выходившее на дворъ. Тамъ онъ увидаль стоявшихъ и разговаривавшихъ между собой своего ключника и приходскаго дьячка. Въ головѣ у него вдругъ блеснула одна мысль. Быстро растворивъ окно, онъ закричалъ, обращаясь къ дьячку:

— А, долгогривый, зачѣмъ пожаловалъ?—(къ слову сказать, дьячекъ обладалъ такой роскошной косой, что въ пору любой сельской красавицѣ).

— Да къ вашей милости,—отвѣчалъ вмѣсто растерявагося отъ неожиданности дьячка ключникъ:—извѣстно, за поборами, значить.

— А ну, выдать ему, что слѣдуетъ, но ты мнѣ скажи,—продолжалъ онъ, обращаясь къ дьячку:—гдѣ твой попъ?

— Батюшка гдѣ? Да на деревнѣ остались, у старосты.

— У старосты? Вѣрно, вмѣстѣ выпиваютъ и закусываютъ? Что же, дѣло житейское.. отчего это онъ, твой попъ, ко мнѣ, къ помѣщику, не заглянетъ?

— Не посмѣютъ безъ приглашенія вашей милости,—отвѣчалъ дьячокъ.

— Ну, такъ иди и скажи ему, пускай ко мнѣ придетъ. У меня постройка новаго флигеля затѣвается, надо закладку сдѣлать и молебень отслужить. Зови попа!

Черезъ какихъ-нибудь полчаса явился и приходскій священникъ, отецъ Ильѣя, жившій въ селѣ, гдѣ была старая усадьба съ находившейся въ этомъ селѣ церковью. Отецъ Ильѣя былъ еще сравнительно молодой священникъ, не старше тридцати пяти лѣтъ. Бѣдный, какъ и все почти сельское духовенство въ тѣ далекія отъ насъ времена, и, что представляло рѣдкое исключеніе въ духовной средѣ, не обремененный семьей, онъ не особенно грустилъ о своей бѣдности, имѣлъ нѣкоторое пристрастіе къ хорошей выпивкѣ, любилъ компанію, и иногда въ присутствіи знакомаго ему общества, сидя за столомъ и наливая себѣ рюмку водки, сосредоточенно глядя на послѣднюю, имѣлъ обыкновеніе приговаривать:

— Мученица горѣлка! прошла ты черезъ огонь и воду и мѣдныя трубы... черезъ руки жида проклятаго, а мы тебя пьемъ!— и при послѣднихъ словахъ лихо опрокидывалъ въ ротъ рюмку. Вообще былъ человѣкъ веселый и скорѣй нрава свѣтскаго, чѣмъ поповскаго. Немного образованный, неглупый и, какъ говорится—себѣ на умѣ.

Послѣ прихода батюшки приступили къ молебну, по окончаніи котораго хозяинъ дома и священникъ прошли въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, стояла приготовленная закуска и красовалась въ хрустальномъ графинчикѣ «мученица горѣлка», окруженная бутылками съ виномъ, разными настойками и наливками домашняго приготовления. Вышли какъ слѣдуетъ и закусили; потомъ покушали малороссійскихъ колбасъ и карасей въ сметанѣ и, перепробовавъ настоекъ и наливокъ, «прошлись по хересамъ», послѣ чего батюшка окончательно повеселѣлъ и, исключительно по поповскому обычаю, сталъ жаловаться на плохіе недостатки.

— А хорошо бы было, батюшка, вамъ заработать между прочимъ такъ рубликовъ сто, сто пятьдесятъ... А? какъ вы думаете?—спросилъ священника Павелъ Сергѣевичъ, полушутя, полусерьезно,

— Да кто же себѣ врагъ, помилуйте, отчего не хотѣть... да вы шутить изволите, гдѣ же мнѣ достать такой заработокъ?!—недовѣрчиво возразилъ священникъ.

— И вовсе даже не шучу, а самымъ серьезнѣйшимъ образомъ говорю. Вѣдь хотѣлось бы? Не правда ли? Не откажетесь отъ удовольствія осязатъ у себя въ карманѣ такую радужную бумажку, съ прибавочкой какого-нибудь пяточка красненькихъ? А?

— Да какъ же это, будьте добры, объясните!..—недоумѣвалъ отецъ Илья, вытаращивъ глаза на собесѣдника и, хотя у него и шумѣло въ головѣ отъ выпитыхъ наливокъ и хересовъ, начиная понимать, что тотъ дѣйствительно не шутить.

— Извольте, объясню. Все это очень просто. Нужно составить одну бумажку... да и не бумажку собственно, а такъ... отмѣточку одну... въ книгѣ... сущіе пустяки... а заработать можете, въ нѣкоторомъ родѣ, шутя,—отвѣчалъ Павелъ Сергѣевичъ.

Задумавшіися надъ такимъ предложеніемъ и сильно заинтересованный, сельскій батюшка не скоро могъ сообразить, какимъ это образомъ онъ легко можетъ заработать сто, сто пятьдесятъ рублей... пока слово «отмѣтка въ книгѣ», произнесенное хозяиномъ дома съ особеннымъ удареніемъ, не навело его на мысль, что, съ одной стороны, видно, дѣло дѣйствительно не шуточное, хотя и вовсе не пустяки, какъ тотъ говорилъ, а наоборотъ—очень серьезное; а съ другой—онъ отлично понималъ, что на подобномъ дѣлѣ, можно не сто пятьдесятъ рублей, а и цѣлыхъ триста заработать.

— Ну, такъ что же? Согласны? Хотите?—продолжалъ Павелъ Сергѣевичъ.—Мнѣ нужно знать вашъ отвѣтъ!

— Отчего же не согласиться и не хотѣть?—отвѣчалъ ему отецъ Илья.—Да только потрудитесь мнѣ объяснить доподлинно самую суть дѣла: это первое, а второе... если въ чемъ-либо придется рисковать, то сто, сто пятьдесятъ рублей—не деньги... а вы вотъ что, положите еще столько же, и дѣло съ концомъ, а то, воля ваша, какъ хотите, а я за рискъ менѣе взять не могу: всяко можетъ случиться,

въ случаѣ дѣло можетъ сорваться,—за все буду отвѣчать я, а не вы!

— Ну, такъ и быть, хорошо!—потолкуемъ обо всемъ по порядку,—рѣшилъ Павелъ Сергѣевичъ:—пойдемте въ кабинетъ, тамъ интимно все и обсудимъ,—заклучилъ онъ, вставая изъ-за стола.

Спустя немного времени, оба вышли изъ кабинета, видимо, довольные результатомъ переговоровъ.

— Помните же, батюшка, я надѣюсь, что завтра же все у васъ будетъ готово,—говорилъ Павелъ Сергѣевичъ, провожая священника.

— Будьте увѣрены, не сомнѣвайтесь—сдѣлаю и приготовлю завтра же,—отвѣчалъ отецъ Илья, откланиваясь.

— Прекрасно, тогда я заѣду къ вамъ, часика въ три-четыре.

— Милости просимъ, пожалуйста, будемъ съ матушкой васъ ожидать!—еще разъ снимая шляпу, сказалъ священникъ.

Проводивъ батюшку, баринъ позвалъ своего довѣреннаго крѣпостного приказчика, что-то ему приказалъ, и черезъ какіе-нибудь два-три часа по отъѣздѣ священника неизвѣстно куда удалась Анеиса. Въ господскомъ домѣ ея уже не было, и флигель, въ которомъ она жила, былъ запертъ на замокъ.

VI.

На слѣдующій день, ровно въ три часа были заложены бѣговья дрожки, и баринъ отправился на село, заѣхалъ на пути въ старую усадьбу и, поговоривъ съ жившимъ въ ней приказчикомъ о хозяйственныхъ дѣлахъ, освѣдомился, между прочимъ, сколько есть налицо свободныхъ и пустующихъ «хлѣбныхъ ямъ», и отправился къ священнику.

Радушно встрѣченный батюшкой и матушкой и посидѣвъ у нихъ, онъ ласково съ ними попрощался и, провожаемый почтительными поклонами батюшки и матушки, спокойный и довольный, отправился къ себѣ домой.

Послѣ молебна и визита барина къ священнику прошло съ недѣлю. Въ господскомъ домѣ все шло попрежнему,—недоставало только Анеисы, и вмѣсто нея на кухнѣ хозяйничала наемная кухарка. Повара въ домѣ не держали. Послѣ убійства Иларіона Сергѣевича, гдѣ главнымъ зачинщикомъ преступленія былъ поваръ, приготовленіе кушаній лежало на обязанности женской прислуги, находясь въ умѣлыхъ рукахъ Анеисы, готовившей не хуже любого повара. За время ея отсутствія преднамѣренно или нѣтъ,—но она была позабыта. Заставилъ и на этотъ разъ вспомнить о ней все тотъ же ненавистный слуху ея барина звукъ колокольчика и прибытіе хотя и неожиданныхъ, но весьма непріятныхъ.

гостей: жандармскаго полковника, мѣстнаго исправника, становаго пристава, письмоводителя и владѣльца Аноисы Рудашевскаго.

— Что прикажете? Чѣмъ могу служить?—обратился Павелъ Сергѣевичъ къ входившему въ гостиную жандармскому полковнику.

— По дѣлу-съ,—отвѣчалъ ему полковникъ:—у васъ въ имѣніи скрывается бѣглая дворовая дѣвка, принадлежащая г. Рудашевскому, подаренная вашимъ покойнымъ братомъ Иларіономъ Сергѣевичемъ его тестю, по имени Аноиса Савельева Мѣдная, и...

— Позвольте васъ перебить, господинъ полковникъ,—вѣжливо-холодно произнесъ помѣщикъ:—она не была подарена господину совѣтнику... мнѣ хорошо извѣстно,—продолжалъ онъ, немного смущаясь и неувѣреннымъ голосомъ:—что покойнымъ братомъ не было совершено необходимой въ такомъ случаѣ формальной дарственной записи... она... просто на слово была... промѣнена... на... пару лягавыхъ щенковъ, и... собачки,—произнесъ онъ, уже улыбаясь,—кажется, еще живы, а она... она... насколько мнѣ извѣстно... умерла!..

— Умерла? Какъ умерла?—воскликнулъ жандармскій полковникъ.

— Да такъ, какъ всѣ люди умираютъ,—не измѣняя тона, продолжалъ Павелъ Сергѣевичъ.

— Да когда же?—удивился полковникъ.

— Когда? А почему же это я могу знать! Она жила въ деревнѣ, и если и скрывалась, какъ вы говорите, то мнѣ до этого не было и нѣтъ никакого дѣла. Считаю необходимымъ повторить вамъ,—сказалъ онъ, пристально всматриваясь въ нѣсколько смущенное лицо Рудашевскаго и принимая со своей стороны болѣе увѣренный тонъ,—что дарственной записи на нее выдано не было и... хотя это для меня совершенно и безразлично, гдѣ она находилась до настоящаго времени, во всякомъ случаѣ теперь—важно только то, что она уже умерла,—заклучилъ онъ свои слова.

— А когда умерла?—задалъ тотъ же вопросъ жандармскій полковникъ,—на этотъ разъ уже совершенно машинально.

— Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?—съ легкимъ раздраженіемъ отвѣтилъ ему Павелъ Сергѣевичъ:—обратитесь лучше всего съ этимъ вопросомъ къ тому, кому все въ такихъ случаяхъ знать и вѣдать надлежитъ... спросите объ этомъ... здѣшняго попа,—отъ него, по всей вѣроятности, и узнаете о днѣ и часѣ ея кончины.. А то обращаетесь ко мнѣ!.. какъ будто я могу вамъ указать, куда скрылась мертвая душа!.. Если она и сейчасъ скрывается,—продолжалъ онъ уже съ иронической улыбкой:—то думаю, что, вѣроятно, въ землѣ,—окончательно прекратилъ онъ разговоръ.

Какъ ни былъ подготовленъ ко всякимъ въ подобныхъ случаяхъ уверткамъ жандармскій полковникъ, такой развязки онъ все-таки не ожидалъ.

«Скверное и запутанное дѣло,—подумаль онъ про себя.—Рудашевскій утверждаетъ, что она скрывается и именно у него, у своего барина... а и такъ сказать... могла скрываться, но могла и умереть... въ жизни и смерти человѣка Богъ воленъ. Во всякомъ случаѣ, все-таки необходимо соблюсти форму и обыскать господскую усадьбу... и если ее, эту якобы мертвую душу, не удастся нигдѣ найти, тогда, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ придется обратиться за справками къ попу».

— Вы меня извините,—уже мягче обратился онъ къ Павлу Сергѣевичу:—по долгу службы я обязанъ обыскать ваши владѣнія... знаетел и, необходимыя формальности... требованія закона... я долженъ подчиниться...

— Сдѣлайте одолженіе, приступайте къ вашимъ обязанностямъ; мнѣ хорошо извѣстно, что вы имѣете право требовать соблюденія всѣхъ формальностей именемъ закона, и я всецѣло повинуюсь закону,—сказаль Павелъ Сергѣевичъ. — Спрашивайте у людей ключи, осматривайте мой домъ, и все, что вамъ угодно, я—въ нашемъ распоряженіи,—заключилъ онъ свои слова.

Насколько могу теперь припомнить, при обыскѣ въ имѣніи Павла Сергѣевича къ допросу принадлежавшихъ ему дворовыхъ людей и крестьянъ не приступали, судя по законамъ того времени, не допускавшимъ послѣднихъ быть свидѣтелями противъ своего владѣльца. Постороннихъ же лицъ Рудашевскимъ указано не было. Да и не на кого ему было сослаться. Онъ никого не зналъ въ этихъ мѣстахъ, совершенно ему незнакомыхъ, а если бы и указаль на кого-либо изъ сосѣдей, то послѣдніе наврядъ согласились бы что-либо доказывать, сами ровно ничего въ этой исторіи не зная. Допустивъ же возможность, что кто-нибудь изъ нихъ и зналъ приблизительно хотя немного, все равно наѣхавшимъ властямъ не у кого было бы и спрашивать, въ виду абсолютнаго отсутствія налицо всѣхъ сосѣдей, уходившихъ, отъ зари до поздней ночи изъ домовъ по работамъ. Изъ дворянъ, считавшихся въ числѣ сосѣдей, былъ только одинъ, служившій гдѣ-то посланникомъ и никогда не заглядывавшій въ свое имѣніе, остальные же всѣ, хотя и назывались дворянами и, слѣдовательно, по званію своему и могли быть выставляемы какъ свидѣтели (такъ называемые однодворцы); но что же могли бы сказать эти дворяне, жалкіе, забитые и боявшіеся богатаго помѣщика, разнившіеся отъ крестьянъ развѣ только тѣмъ, что не состояли въ «сказкахъ» и не могли быть кому-нибудь проданы, подарены или промѣнены на какихъ-либо полезныхъ домашнихъ животныхъ и что могли въ праздничный день смѣнить лапти на сапоги да носить свиту особаго покроя, называемую «кобенякомъ»,—во всемъ остальномъ это были такіе же безотвѣтные люди, какъ и жившіе съ ними бокъ-о-бокъ крестьяне; и скажи имъ кто-нибудь, что ихъ призы-

ваеть къ себѣ жандармскій полковникъ,—они изъ одного только страха къ такому начальству, какъ тайная полиція, забились бы въ свои овины или убѣжали куда-нибудь въ лѣсъ. При такихъ условіяхъ, само собой разумѣется, допрашивать было некого, и никакихъ свидѣтелей при производствѣ дѣла быть не могло. Да и рассчитано было все только на тщательный обыскъ, въ увѣренности, что бѣглая не рискнетъ убѣжать далеко отъ хорошей жизни у своего возлюбленнаго барина. Рудашевскій очень хорошо зналъ, что Анюса фаворитка своего барина и никуда отъ него не уйдетъ, развѣ только куда-нибудь спрячется, отчего такъ и настаивалъ на возможно строгомъ обыскѣ.

Искали весь день и всюду, гдѣ только было можно. Въ господскомъ домѣ шарили по всемъ угламъ, надѣясь найти какіе-нибудь слѣды или вещи, принадлежавшія разыскиваемой; но при всемъ стараніи ничего подозрительнаго найти не могли.

— Вѣрно, и въ самомъ дѣлѣ умерла,—произнесъ уставшій и, видимо, сконфуженный неудавшимися результатами розыска жандармскій полковникъ, смотря на переглядывавшихся между собой и, очевидно, изумленныхъ исправника и станового.—Пишите протоколь,—обратился онъ къ письмоводителю,—а завтра намъ, господа, надо будетъ обратиться за справками къ здѣшнему приходскому священнику; и если по метрическимъ книгамъ объ умершихъ будетъ видно, что разыскиваемая нами бѣглая дворовая дѣвка Анюса Мѣдная дѣйствительно умерла, то тогда слѣдствіе, розыскъ и самое дѣло прекращаются.

По удаленіи представителей закона изъ помѣщичьей усадьбы озлобленный ея владѣлецъ выходилъ изъ себя отъ досады.

— Главное то,—говорилъ онъ самъ себѣ,—что я, дуракъ, до сихъ поръ не зналъ, была ли выдана покойнымъ Иларіономъ дарственная на Анюсу; и то, что съ моей стороны являлось только предположеніемъ, въ настоящее время переходитъ въ увѣренность. Теперь я окончательно убѣжденъ, что никакого акта на законную передачу этой дѣвки въ собственность совѣтника не существовало. Ахъ кабы знать да вѣдать—незачѣмъ было бы и огородъ городить! Жаль брошенныхъ понапрасну денегъ, да что дѣлать—пролитаго не подберешь!

VII.

На слѣдующій день, въ десять часовъ утра жандармскій полковникъ, исправникъ, становой, письмоводитель и Рудашевскій прибыли въ село и отправились въ домъ священника. Батюшка вмѣстѣ съ дьячкомъ были гдѣ-то на покосѣ, и матушкѣ-попадѣ пришлось немедленно послать ихъ разыскивать. Возвратившійся съ сѣнокоса и смѣнившій свой рабочій балахонъ на приличную

его сану рясу отецъ Илья, повидимому, недоумѣвая, предсталъ предъ лицомъ полицейскаго синедріона и на предложенный ему вопросъ объ Анѳисѣ отвѣтилъ короткимъ: «умерла!». Потомъ, подозвавъ къ себѣ дьячка, онъ приказалъ ему принести изъ церкви хранившуюся въ ней метрическую книгу о умершихъ и, развернувъ ее, указалъ на одну изъ страницъ съ внесенной въ нее записью, изъ которой было видно, что крестьянская дѣвица изъ дворовыхъ Анѳиса Савельева Мѣдная такого-то года и числа мѣсяца волею Божіею помере.

— *Finita la comedia!*—воскликнулъ изящный и хорошо образованный жандармскій полковникъ и затѣмъ, обращаясь къ присутствовавшимъ, произнесъ:

— Намъ, господа, здѣсь больше дѣлать нечего! Остается только скрѣпить актъ производившагося нами разслѣдованія нашими подписями и затѣмъ возвратиться къ мѣсту нашего служенія.

Обрадованный окончаніемъ дѣла и томившійся его продолженіемъ, толстый исправникъ, слывшій почему-то у уѣздныхъ дамъ «бельмомъ» и обладавшій огромными, какъ у большого животнаго, глазами закатилъ подъ лобъ эти круглые, ничего не выражавшіе глаза и, видимо, желая щегольнуть фразою, съ чувствомъ произнесъ:

— Увы, на свѣтѣ нѣтъ ничего безпредѣльнаго!

Становой почелъ своею прямою обязанностью пріятно улыбнуться.

Просмотрѣвъ написанный актъ и пробѣжавъ глазами все «дѣло», полковникъ его подписалъ, затѣмъ, пригласивъ остальныхъ сдѣлать то же самое, обратился къ сильно опечаленному исходомъ дѣла Рудашевскому, высказывая ему свое удивленіе по поводу такого важнаго упущенія, какъ непредставленіе необходимаго и главнаго, служащаго безспорнымъ доказательствомъ акта на укрѣпленіе, дарственной записи или купчей крѣпости.

— Знаете ли,—прибавилъ онъ въ заключеніе:—что, поступая такимъ образомъ, вы этимъ вводили въ заблужденіе исполнителей правосудія. И воскресни она сейчасъ изъ мертвыхъ, вы все-таки потеряли на нее право собственности навсегда!

Такъ и окончилось это утомительно-долго тянувшееся дѣло на бумагѣ: «объ Анѳисѣ Мѣдной—мертвой душѣ», преданное окончательному забвенію похороненное и погребенное на . . . полкахъ губернскаго архива.

Теперь придется вернуться немного назадъ. Въ скорости послѣ удаленія Анѳисы изъ ея флигеля на селѣ, гдѣ была старая усадьба, стали ходить нѣсколько странные слухи. Рассказывали, какъ одинъ однодворецъ, возвращаясь откуда-то поздней ночью и пробѣгая мимо бесѣдки, совершенно ясно увидаль на балконѣ закутанное въ бѣлый саванъ привидѣніе съ протянутыми по на-

правленію къ нему руками, какъ бы зовущее и манящее его къ себѣ. Испуганный до полусмерти этимъ видѣніемъ, онъ по возвращеніи къ себѣ въ домъ опасно заболѣлъ и въ скорости послѣ того умеръ. Этимъ, однакоже, дѣло не ограничилось. Тотчасъ же послѣдовали новые и странные рассказы многихъ изъ жителей села, жившихъ неподалеку отъ сада и господской усадьбы, которымъ будто бы удалось слышать, какъ по ночамъ, начиная съ ближайшихъ, прилежавшихъ къ господскимъ амбарамъ «хлѣбныхъ ямъ» и постепенно каждую слѣдующую ночь переходя въ продолжавшіяся далѣе по направленію къ конопляннику, мѣняя мѣсто и все удаляясь, происходило что-то непонятное и внушавшее суевѣрный ужасъ. Тамъ, подъ землею, на днѣ этихъ «ямъ» что-то шуршало, шелестѣло, глухо стонало и стучало. Сторожевыя собаки отчаянно лаяли, стоя возлѣ которой-нибудь изъ «ямъ», заставляя господскаго приказчика Савву подниматься по ночамъ, чтобы ихъ разгонять, и хотя, увѣряя всѣхъ, что собаки брешутъ понапрасну, онъ сталъ ихъ на ночь запираетъ въ сарай, все-таки таинственныя явленія по «ямамъ» не прекращались. Кому-то удалось даже видѣть внезапно появившуюся изъ «ямы» тѣнь или призракъ, закутанный, подобно появившимся изъ бесѣдки привидѣніямъ, во все бѣлое и направлявшійся къ разломанной кирпичной садовой оградѣ у конца большой аллеи, ведущей къ бесѣдкѣ, исчезнувшій и пропавшій въ глубинѣ и гущинѣ сада. Наконецъ, какая-то влюбленная парочка, забравшаяся на свиданіе въ одинъ изъ угловъ опустѣлаго барскаго сада и съ храбростью юныхъ сердецъ желавшая поближе подобраться къ таинственной и пугавшей всѣхъ бесѣдкѣ, клялась и божилась, что своими глазами видѣла, какъ изъ большой аллеи прямо въ бесѣдку прошло бѣлое привидѣніе и проскользнуло точно въ отворенную кѣмъ-то изнутри дверь, послѣ чего на балконѣ появились уже цѣлыхъ два привидѣнія съ протянутыми къ нимъ и на этотъ разъ грозящими имъ кулаками, и, увидѣвъ, ихъ они пустились бѣжать, куда глаза глядятъ.

Всѣ эти разговоры и рассказы, ходившіе между жителями села, совершенно замолкли съ пріѣздомъ официальныхъ лицъ, производившихъ розыскъ Анюсы, и не повторялись болѣе до ночи, послѣдовавшей за днемъ отъѣзда властей, въ которую произошло явленіе, изложенное въ слѣдующей главѣ, послѣ чего всѣ эти слухи и толки окончательно прекратились.

VIII.

Глубокимъ сномъ спала старая, опустѣлая и заброшенная усадьба! Заснули, какъ бы завороченныя непроницаемой темнотой, густолиственные аллеи! Ни звука, ни малѣйшаго движенія воздуха Изрѣдка заплачетъ «пугачъ» въ глубинѣ безмолвнаго сада, и оныя наступаетъ непрерываемая тишина темной, южной ночи.

Приближалась полночь. Далеко на селѣ прокричалъ первый пѣтухъ, за нимъ откликнулись другіе, потомъ на минуту опять водворилась прежняя тишина. Вдругъ... гдѣ-то очень далеко, приблизительно около гумна раздался какой-то неопредѣленный шумъ, шорохъ, затѣмъ почти явственно послышалось что-то похожее на стукъ приближавшихся осторожныхъ шаговъ, послѣ чего можно было слышать шуршанье раздвигаемой конопки, и наконецъ изъ-за разломаннаго въ концѣ большой аллеи кирпичнаго забора показалась... тѣнь. Потомъ тѣнь... нѣтъ, это уже была не тѣнь, а призракъ, весь съ головы до ногъ закутаный въ бѣлое и медленно скользившій по направленію къ бесѣдкѣ. Дошедши до половины аллеи, гдѣ ее пересѣкала другая, ведшая къ террасѣ дома, онъ былъ грубо остановленъ появившейся на перекресткѣ огромной фигурой приказчика Саввы, самымъ фамиллярнѣйшимъ образомъ сдернувшего съ призрака окутывавшее его бѣлое покрывало.

— И годі тобі, Савельевна, уже людей пужать!—началъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ безцеремонно разоблаченному имъ призраку, оказавшемуся Аноисой. Далѣе онъ объяснилъ, что позабылъ предупредить ее о полной ненужности на этотъ разъ того маскарада, въ которомъ уже миновала надобность, и сообщил о благополучномъ окончаніи производившагося объ ней судебного слѣдствія, послѣ чего уже сталъ рассказывать о надобнейшей ему обязанности перемѣщать ее съ фатеры на фатеру, разгонять и запирать лаявшихъ собакъ и, наконецъ, о томъ, какъ ему удалось спасти ее отъ опасности быть «похованной»... свиньями.

Павель Сергѣевичъ не ошибался, говоря жандармскому полковнику, что мертвая душа находится, вѣроятно, въ землѣ. Было неоспоримой истиной, что глубокія нѣдра «хлѣбныхъ ямъ» служили надежнымъ убѣжищемъ для сокрытія живой-мертвой, и, только освобождаясь изъ нихъ по ночамъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, она вновь спускалась въ добровольно избранную ею темницу. Иногда, въ часы ночного отдыха, ей приходилось ходить въ бесѣдку на свиданіе со своимъ бариномъ, и тогда она, закутанная въ бѣлую простыню и стараясь походить на привидѣніе, вытягивая впередъ руки, проскользывала по аллеямъ, направляясь къ бесѣдкѣ, дверь которой отворялась изнутри находившимся въ ней ея бариномъ, пріѣзжавшимъ на эти свиданія для сообщенія свѣдѣній о ходѣ ея дѣла. Во избѣжаніе начинавшихъ возникать, несмотря на суевѣрный страхъ, отважныхъ намѣреній со стороны жителей села, желавшихъ поближе ознакомиться съ причинами чего-то неладнаго, творившагося въ полночные часы въ «ямахъ», ей приходилось спускаться каждую ночь въ новую и, мѣняя ямы, удаляться все далѣе отъ жилыхъ мѣстъ. Разъ, по неосторожности Саввы, онъ спустилъ свою узницу въ одну изъ такихъ ямъ, гдѣ долго залежавшееся зерно, обратившееся въ солодъ, было тамъ оставлено за

негодностью. При тяжести спустившагося на дно человѣка мягкая масса стала поддаваться, заставляя ступавшую по ней Анеису разгребать ее для очистки себѣ мѣста. При переворачиванія эта масса стала издавать крѣпкій хлѣбный запахъ, привлекшій почувявшихъ его свиней, начавшихъ разрывать землю кругомъ рѣшетки, закрывавшей отверстіе ямы, засыпая землей самую рѣшетку. Къ счастью, это случилось въ такую пору, когда Савва могъ замѣтить сдѣланную имъ ошибку; а иначе мертвая душа на этотъ разъ могла бы дѣйствительно стать мертвой и быть похороненной свиньями.

Время ея заключенія продолжалось около двухъ недѣль, считая со дня разговора ея барина со священникомъ послѣ молебна, когда она по своему собственному выбору избрала себѣ мѣстопребываніе подъ землей. Скрываясь на днѣ подземелья, въ гнилой атмосферѣ, она дышала скудно проходившимъ черезъ рѣшетку воздухомъ и питалась пищею, приносившейся ей по ночамъ.

По окончаніи дѣла возвратясь въ свой флигель, она попрежнему занялась веденіемъ хозяйства у своего барина, постепенно переходя съ роли кухарки на роль экономки и съ теченіемъ времени достигнувъ положенія барской фаворитки.

Когда такое положеніе было окончательно упрочено, она изъ скромной хатки на деревнѣ перешла въ выстроенный на господскомъ дворѣ просторный флигель, при закладкѣ котораго служилъ отцомъ Ильей хорошо памятный молебенъ и... зажила въ немъ полной и настоящей хозяйкой у своего барина...

Въ скорости послѣ ея переселенія въ новое помѣщеніе подошла ревизія. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній пришла Павлу Сергѣевичу фантазія внести ее «по сказкамъ» въ списокъ крестьянокъ, принадлежавшихъ его брату Сергѣю Сергѣевичу.

Юридически мертвая по метрическимъ книгамъ о умершихъ и фактически живая и внесенная въ списокъ по ревизской сказкѣ, Анеиса, похороненная по одной бумагѣ и живая по другой, осталась навсегда—живой-мертвой!

Спустя два или три года послѣ записи ее въ «сказки», умеръ служившій въ Петербургѣ Сергѣй Сергѣевичъ, именовавшійся законнымъ ея владѣльцемъ со дня ревизіи, и, по праву законнаго наслѣдованія, она переходила въ собственность его вдовы и дѣтей. Хотя это обстоятельство о ту пору, за малолѣтствомъ его дѣтей и назначеніемъ надъ ними опекуномъ Павла Сергѣевича, и не могло быть важнымъ, все-таки... въ будущемъ положеніе фаворитки могло сдѣлаться вновь подневольнымъ. Приходилось пожалѣть о скороспѣломъ ревизско-сказочномъ воскресеніи... но и на этотъ разъ благосклонная судьба оказалась милостивой къ пѣкогда промѣненной на пару собакъ, умершей, воскресшей и ставшей въ будущемъ изъ барскихъ барынь настоящей барыней Анеисѣ Мѣдной.

Пріѣхавшая изъ Петербурга вдова Сергѣя Сергѣевича, поселив-

шаяся въ своей части имѣнія, возвращаясь одинъ разъ изъ дома Павла Сергѣевича къ себѣ домой, была выброшена вмѣстѣ съ дѣтьми изъ кареты, опрокинутой по слабости зрѣнія старика-кучера. При свиданіи съ Павломъ Сергѣевичемъ она потребовала отъ него, какъ отъ опекуна, дать ей хорошаго и здороваго кучера.

Такое требованіе для придумывавшаго новый выходъ изъ затруднительнаго положенія своей возлюбленной пришлось весьма кстати для Павла Сергѣевича, и онъ, предоставляя вдовѣ своего превосходно обученнаго кучера, предложилъ ей промѣнять послѣдняго на совершенно ей ненужную и мало стоящую въ сравненіи съ кучеромъ дѣвку Анонсу Мѣдную, подписавъ таковой вольную.

Вдова охотно согласилась, и вторично состоялся обмѣнъ... все той же живой-мертвой Анонсы—только на этотъ разъ уже какъ человѣка на человѣка.

Получивъ вольную и затѣмъ приписанная къ мѣщанству, она, спустя нѣсколько лѣтъ и имѣя уже отъ своего барина троихъ дѣтей, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ вышла за него замужъ.

Вѣнчалась она въ званіи мѣщанки городка Т. въ той же самой сельской церкви, гдѣ по метрическимъ книгамъ о умершихъ была внесена въ списокъ мертвыхъ.

Ставши барыней и женой богатаго помѣщика, она очень зазналась; но, не принятая ни въ одномъ изъ дворянскихъ домовъ, гдѣ ея мужъ попрежнему бывалъ одинъ, она всю накопившуюся въ своей душѣ злобу вымещала на окружавшихъ и ставшихъ ей подвластными бывшихъ крѣпостныхъ людяхъ, раздавая имъ подъ лихіе проценты изъ «ямъ» гнилой хлѣбъ и ссужая деньгами подъ закладъ ихъ шубъ и свить.

Подъ конецъ жизни своего барина-мужа она начала предаваться пьянству и стала съ нимъ дерзка и груба; наконецъ измѣнила ему, вступивъ въ связь съ жидомъ-шинкаремъ. Переживъ на много лѣтъ своего мужа, при жизни своей усыновившаго всѣхъ прижитыхъ съ нею незаконныхъ дѣтей и достигнувъ глубокой старости, она умерла дѣйствительной смертью не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ тому назадъ.

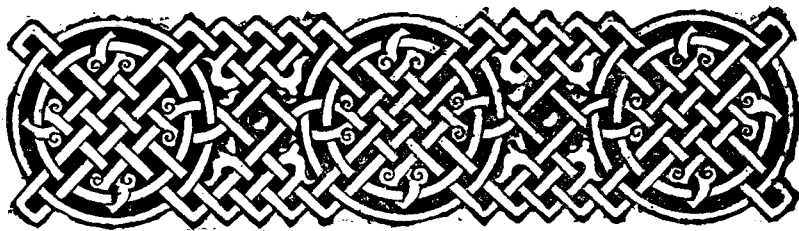
Изъ остальныхъ лицъ этой исторіи придется вспомнить объ отцѣ Ильѣ, года черезъ три послѣ производившагося дѣла о мертвой душѣ потерявшаго свою жену. Оставшись одинокимъ, онъ сталъ сильно пить и наконецъ, по доносу на него преосвященному (говорили, что доносъ былъ сдѣланъ самимъ Павломъ Сергѣевичемъ), за пьянство и произнесеніе спичей въ честь «мученицы горѣлки», оскорблявшихъ религіозное чувство, былъ сосланъ въ монастырь. Вѣнчаніе Анонсы съ ея барининомъ совершалъ уже другой, назначенный на его мѣсто старичокъ-священникъ, переведенный въ этотъ приходъ откуда-то издалека, не знавшій и не хотѣвшій знать какія-либо прежнія исторіи.

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, послѣ смерти старичка-священника мѣсто его заступилъ молодой, только что окончившій семинарію священникъ. Заинтересованный исторіей живой-мертвой и подозрѣвая, что ходившіе о ней рассказы могли быть и вымышленными, онъ сталъ перебирать все метрическія книги о умершихъ, близкія къ годамъ, въ какихъ, судя по рассказамъ, производилось дѣло и слѣдствіе о розыскѣ дворовой дѣвки Анеисы Мѣдной. Въ одной изъ книгъ онъ нашелъ отмѣтку, сдѣланную отцомъ Ильей о ея смерти. Поискавъ затѣмъ въ книгахъ о брачащихся, онъ прочелъ внесенную въ книгу и сдѣланную старикомъ-священникомъ запись о вступленіи въ бракъ дворянина Павла Сергѣевича Бѣлевича съ приписанной въ мѣщанство все той же Анеисой Савельевной Мѣдной спустя лѣтъ пятнадцать или шестнадцать послѣ ея... смерти... Убѣдившись тогда въ правдивости слышанной имъ исторіи, молодой батюшка могъ только воскликнуть:

— Къ сожалѣнію, эта исторія время давно минувшихъ заставляеть повѣрить въ возможность существованія тогда «живыхъ-мертвыхъ!»

Е. С. Витковичъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА 47 ЛѢТЪ ¹⁾,

I.

Еще о А. С. Суворинѣ.—П. В. Малыхинѣ, М. Ѳ. Децуле.—Объ Э. К. Ватсонѣ.—Два слова о самомъ А. С. Суворинѣ.—Моя просьба къ читателямъ.

ВЕРЕЧИТЫВАЯ въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» истекшаго года свою статью, я нашель въ ней пропуски, которые мнѣ хотѣлось бы при помѣщеніи новаго извлеченія изъ моихъ «Записокъ за 47 лѣтъ» вставить дополнительно: одно изъ лицъ, хорошо знавшихъ воронежскую жизнь тѣхъ лѣтъ, которыхъ я въ своихъ извлеченіяхъ коснулся, напомнило мнѣ, что, кромѣ учителя русскаго языка воронежскаго кадетскаго корпуса Михаила Ѳеодоровича Децуле, съ покойнымъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ находился въ очень добрыхъ отношеніяхъ, покровительствовалъ ему всегда при всякихъ бѣдахъ, въ которыя Алексѣю Сергѣевичу, въ бытность его кадетомъ, случалось попадать, а также считалъ своимъ долгомъ заступиться за него своимъ мощнымъ словомъ еще другой учитель русскаго же языка, почтенный Петръ Васильевичъ Малыхинъ. Онъ скончался въ 1867 году; объ немъ покойный Алексѣй Сергѣевичъ всегда вспоминалъ добрымъ словомъ, при чемъ признавалъ, что и отъ этого умнаго, хорошо образованнаго учителя ему доводилось немало позаимствовать. Это былъ литераторъ, всегда занимавшійся и до

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», сентябрь 1916 г.

конца дней своихъ не кончившій учиться, какъ онъ и самъ про себя говорилъ.

Во время похоронъ Алексѣя Сергѣевича мнѣ въ церкви Александро-Невской лавры у гроба его довелось немало выслушать разсказовъ о Воронежѣ и о воронежскомъ корпусѣ, какъ бы въ дополненіе ко всему тому, что мнѣ случалось узнавать объ этомъ еще на школьной скамьѣ въ Александровскомъ военномъ училищѣ отъ товарищей, среди которыхъ изъ трехсотъ человѣкъ пятую часть, можно считать, составляли бывшіе питомцы того славнаго Михайловскаго воронежскаго «Винтуловскаго» кадетскаго корпуса. Бывшіе воронежцы-кадеты, уже нынѣ старые генералы, вспоминая многое изъ жизни Суворина-кадета, не забыли и бывшаго директора Винтулова и инспектора Глотова, учителей М. О. Депенле, П. В. Малыхина, репетиторовъ—конногренадера А. Г. Бринкмана и гусара Капкашикова, а также отношенія ихъ всѣхъ вообще къ кадетамъ и вліяніе на развитіе юношества.

Среди воспитателей того времени П. В. Малыхинъ считался выходящимъ изъ ряду; онъ пользовался большимъ вліяніемъ на воспитанниковъ и громаднымъ авторитетомъ среди такихъ же, какъ онъ, воспитателей и учителей; память о немъ сохранилась въ педагогическомъ мірѣ рѣдкая и завидная; кромѣ заботъ о воспитаніи и направленіи умовъ кадетъ, онъ прилагалъ всю силу своихъ стараній къ тому, чтобы дать, въ самомъ высокомъ значеніи этихъ словъ, то и другое дѣтямъ своимъ; сыновья его среди кадетъ воронежскаго корпуса, затѣмъ юнкеровъ военнаго училища, а наконецъ и офицеровъ выдѣлялись своею воспитанностью, развитіемъ и высокою степенью порядочности; служили они въ инженерныхъ войскахъ и въ саперныхъ частяхъ; нельзя было не жалѣть о томъ, что Петру Васильевичу не довелось полюбоваться на нихъ: онъ умеръ черезъ два года послѣ производства старшаго сына—Николая Петровича—изъ Александровскаго военнаго училища въ 6-й саперный батальонъ, второй же сынъ его, Владимиръ Петровичъ, проведшій почти всю свою службу въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ, врядъ ли успѣлъ при жизни Петра Васильевича облечься въ офицерскій мундиръ.

Петръ Васильевичъ Малыхинъ въ Воронежѣ руководилъ издательствомъ и редактированіемъ губернскихъ вѣдомостей, а затѣмъ, кромѣ печатанія массы своихъ педагогическаго и историческаго содержанія произведеній, а также своихъ стихотвореній, славится тѣмъ, что основалъ въ Воронежѣ въ 1860 году первую частную газету «Воронежскій Листокъ»; въ кадетяхъ и другихъ своихъ питомцахъ онъ старался развивать любовь къ печати. Это всегда хорошо помнилъ Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, какъ и то, что П. В. Малыхинъ поставилъ себѣ задачей довести его непременно до благополучнаго окончанія курса кадетскаго корпуса и довелъ.

Другой пропускъ, о которомъ я тоже получилъ напоминаніе, это присланное мнѣ очень близкимъ къ покойному Э. К. Ватсону лицомъ свѣдѣніе о томъ, что онъ, будучи арестованъ за участіе въ студенческихъ бунтахъ въ Москвѣ, воспользовался временемъ содержанія въ мѣстахъ заключенія и въ короткій сравнительно промежутокъ времени основательно изучилъ англійскій языкъ, знаніе котораго ему такъ помогло впоследствии въ его литературныхъ работахъ, давъ возможность снабдить нашу печать переводными съ языка просвѣщенныхъ мореплавателей статьями разнообразнѣйшаго содержанія.

II.

Возвращеніе въ 1867 году изъ Румыніи въ Варшаву.—Покупка тамъ съ братьями-славянами книгъ.—Книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова.—Какъ онъ устроился въ Варшавѣ и когда именно.

Возвратясь послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Румыніи въ Варшаву, мы на вокзалѣ разъѣхались съ Э. К. Ватсономъ и съ новыми нашими знакомыми-чехами—Палацкимъ и Ригеромъ, имѣя въ виду воспользоваться трехдневнымъ пребываніемъ въ столицѣ царства Польскаго для совершенія кое-какихъ необходимыхъ каждому изъ насъ покупокъ, больше по части книгъ.

Я все время въ теченіе пребыванія своего за границей помнилъ, что долженъ обзавестись книгами, въ которыхъ нуждался для приготовленія къ экзамену въ артиллерійскую академію.

Ко дню моего возвращенія въ Варшаву, съ 8-го августа 1866 г., дня моего производства изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища въ подпоручики третьей конно-артиллерійской бригады, прошло пятнадцать мѣсяцевъ; прослужить же въ строю обязательно полагалось до поступленія въ академію два года.

Прежде всего мнѣ нужно было, между прочимъ, получить тѣ руководства, относительно которыхъ я сдѣлалъ передъ отъѣздомъ за границу заказы въ имѣвшемся тогда въ Варшавѣ прекрасномъ книжномъ магазинѣ Дм. Еоим. Кожанчикова. Условившись съ братомъ пройти къ нему, мы черезъ день по пріѣздѣ вышли часовъ въ десять утра изъ номера, который занимали въ недорогой «Саксонской гостиницѣ» на Краковскомъ предмѣстьѣ, и направились пѣшкомъ въ магазинъ, находившійся на улицѣ Новый Свѣтъ, въ большомъ домѣ, носившемъ тогда названіе «дома военнаго вѣдомства». Этотъ домъ, года за три передъ тѣмъ годомъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ конфискованъ распоряженіемъ мѣстныхъ властей за покушеніе, которое изъ него было произведено 7 сент. 1863 г. метапіемъ разрывныхъ бомбъ въ проѣзжавшаго мимо со свитой намѣстника царства Польскаго генераль-адъютанта графа Фёдора Фёдо-

ровича Берга. Раньше домъ принадлежалъ графу Замоискому, отъ него онъ и былъ отобранъ въ казну.

Когда мы вышли изъ-подъ арки дома «Саксонской гостиницы», то увидѣли входившихъ во дворъ намъ навстрѣчу Палацкаго и Ригера. Только что мы приготовились съ ними поздороваться, какъ съ удивленіемъ замѣтили, что оба они, встрѣтившись съ нами взглядами, отвернулись и стали какъ бы тщательно разсматривать портреты, группы и разный мелкій товаръ, выставленный, очевидно, сосѣднимъ магазиномъ въ витринѣ подворотни отеля. Мнѣ пришелъ на умъ происшедшій у насъ еще въ вагонѣ во время нашего совмѣстнаго переѣзда разговоръ, въ которомъ чехи высказали, насколько имъ нравится чисто-русскій обычай, установленный между знакомыми относительно взаимнаго именования другъ друга по имени и отчеству, причемъ съ той минуты они стали Ватсона называть Эрнестомъ Карловичемъ, онъ же ихъ называлъ и того и другого «Францъ Владиславовичъ», такъ какъ совершенно случайно имена ихъ обоихъ оказались совпавшими.

Вспомнивъ это, братъ мой рѣшился назвать ихъ и громко произнесъ:

— А! Имѣю честь кланяться, здравствуйте, господа Францы Владиславовичи.

Они оба повернулись въ нашу сторону и, видимо, съ нѣкоторымъ удивленіемъ стали присматриваться къ намъ.

— Что же это?—сказалъ братъ:—не надолго же вы сохранили добрую память о вашихъ новыхъ дорожныхъ знакомцахъ.

Тогда только выяснилось, что причиной этого страннаго недоразумѣнія явилась перемѣна одежды,—изъ штатскихъ дорожныхъ костюмовъ мы оба были переодѣты офицерами,—братъ оказался одѣтымъ въ форму Самогитскаго гренадерскаго эрцгерцога Франца-Карла полка, а я предсталъ предъ очи иностранцевъ въ формѣ полевой конной артиллеріи съ цифрой 3 на погонахъ. Вышитыя канителью на золотыхъ погонахъ брата моего буквы F.-K. съ короной привлекли вниманіе вообще крайне наблюдательнаго и ко всему внимательнаго относившагося Палацкаго, и онъ спросилъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, что означаютъ эти буквы. На разъясненіе же, данное братомъ, сказалъ: «Я догадался, что тутъ изображены инициалы нашего, т.-е. австрійскаго эрцгерцога Франца-Карла—отца нашего императора Франца-Иосифа» ¹⁾.

Разговорившись съ ними, мы сообщили, что идемъ въ лучший русскій книжный магазинъ, и предложили имъ, не захотятъ ли они держать путь вмѣстѣ. По дорогѣ къ намъ присоединился Ватсонъ.

¹⁾ Эрцгерцогъ Францъ-Карлъ былъ родной братъ императора Фердинанда I, который вынужденъ былъ отказаться въ 1848 году отъ престола, при чемъ уступилъ таковой родному племяннику своему семнадцатилѣтнему эрцгерцогу Францу-Иосифу—сыну Франца-Карла.

Конца не было начавшемуся въ магазинѣ Кожанчикова разговору о различныхъ изданіяхъ и о книгахъ, занимавшихъ нашихъ новыхъ знакомыхъ.

Д. Е. Кожанчиковъ былъ вообще самъ по себѣ очень бойкій книготорговецъ. Начавъ свою книжную торговлю въ Петербургѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, онъ не задумался вскорѣ, почти въ самый разгаръ острой вражды между поляками и русскими, перебраться со своимъ магазиномъ въ Варшаву, гдѣ занятіе такимъ дѣломъ въ то время должно было явиться крайне рискованнымъ. Но онъ выказалъ столько умѣнья и знанія, что дѣло его пошло блестяще,—магазинъ процвѣталъ, и поляки, казалось, начали привыкать къ пользованію русскими изданіями. Несомнѣнно, Д. Е. Кожанчиковъ, какъ отмѣнный книговѣдъ и рѣдкій книголюбъ, много содѣйствовалъ такой, въ сущности, чудотворной перемѣнѣ, а больше всего ему повезло въ этомъ съ той стороны, что какъ разъ въ ту пору приблизилось время преобразования «польской варшавской главной школы» въ «русскій варшавскій университетъ».

Въ такое время, если бы въ стѣнахъ городъ Варшавы не было и намекъ на существованіе русскаго книжнаго магазина, то такой долженъ былъ бы обязательно народиться; при такихъ условіяхъ хозяину готоваго склада русскихъ изданій надлежало только воспользоваться благопріятнымъ, счастливымъ случаемъ; это Кожанчиковъ сдѣлалъ съ большимъ искусствомъ, а поэтому торговля его сразу пошла очень успѣшно.

Палацкій и Ригеръ, порывшись въ изданіяхъ, выбрали себѣ массу книгъ и, оставшись въ полномъ восторгѣ отъ видѣннаго ими, говорили, что только представляютъ себѣ, какія богатства придется имъ найти въ Москвѣ, куда они съ большой стремительностью подвигались на славянскій съѣздъ; если здѣсь, на окраинѣ, почти враждебной, довелось имъ увидѣть такое роскошное разнообразіе произведеній русской печати, начало развитія которой ими уже было отмѣчено и такъ ясно подчеркнуто раньше, то что же ихъ по этой части ожидаетъ въ Бѣлокаменной, говорили они, не разъ повторяя это.

III.

Этнографъ Сергій Васильевичъ Максимовъ.—Отношеніе великаго князя Константина Николаевича къ нему, а также великихъ князей наслѣдника Николая Александровича и наслѣдника Александра Александровича къ Павлу Ивановичу Мельникову (Андрею Печерскому).

Между прочими приобрѣтеніями, сдѣланными этими любителями Россіи и ея печати, они съ особымъ удовольствіемъ набрали себѣ разнообразныхъ изданій книгъ бойко подвизавшагося въ тѣ «истор. вѣсти.», апрѣль 1916 г., т. схliv,

времена на поприщѣ этнографіи и беллетристики молодого, крайне способнаго писателя, воспроизводившаго народный бытъ, извѣстнаго Сергѣя Васильевича Максимова, талантливо воспроизводившаго результаты своего пѣшеходнаго странствованія, совершеннаго имъ по Россіи въ предпринятой литературно-этнографической экскурсіи,—собственно говоря, по программѣ, начертанной для него принимавшимъ въ немъ и въ его способностяхъ громадное участіе Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ.

Д. Е. Кожанчиковъ былъ издателемъ большей части этихъ произведеній.

И Палацкій, и Ригеръ имѣли очень мало понятія о сочиненіяхъ С. В. Максимова, но услышанное ими отъ владѣльца магазина сообщеніе о близкомъ вниманіи къ трудамъ автора такого хорошо знакомаго имъ и чехамъ вообще, выходящаго изъ ряда писателя, какъ Иванъ Сергѣевичъ, обратило ихъ вниманіе на этого беллетриста-этнографа.

Они взяли по нѣсколько экземпляровъ его книгъ: «На Востокъ», «Годъ на Сѣверѣ», «Поѣздка на Амуръ», «Дорожныя замѣтки и воспоминанія», «Тюрьмы и ссылки», «Сибирь и каторга», «Ураль и Уральскъ», «Соловецкій монастырь». Кромѣ того, они рѣшили набрать массу произведеній, редактированныхъ и особо изданныхъ самимъ С. В. Максимовымъ: «О русской землѣ», «О донскихъ, уральскихъ, черноморскихъ казакахъ» и т. д.

Особенное, крайне пріятное впечатлѣніе на братьевъ-славянъ произвело сообщеніе Кожанчикова о томъ, что царевъ братъ, генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, самолично принималъ большое и дѣятельное участіе въ организаціи этнографическихъ экспедицій, въ которыхъ между прочими писателями много трудился С. В. Максимовъ. По распоряженію великаго князя работы этихъ писателей не только облегчались всевозможными способами вообще, но труды ихъ очень часто печатались и издавались на средства морского вѣдомства.

Далѣе Д. Е. Кожанчиковъ тутъ же разсказалъ, что другой этнографъ, Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ ¹⁾, не разъ удаивался такого же къ своимъ трудамъ и произведеніямъ участія и покровительства со стороны государевыхъ сыновей—покойнаго наслѣдника Николая Александровича и тогдашняго наслѣдника цесаревныа Александра Александровича.

— Однажды покойный наслѣдникъ Николай Александровичъ, отправляясь въ долгое путешествіе по Волгѣ, велѣлъ приписать къ числу своихъ спутниковъ Мельникова, котораго рекомендовалъ извѣстный славистъ-писатель Владимиръ Ивановичъ Даль.

¹⁾ Въ тѣ времена онъ печаталъ свои произведенія за псевдонимною подписью «Андрей Печерскій».

Что ни новое мѣсто въ пути, то, глядишь, Мельниковъ поднесетъ его высочеству повѣй, обстоятельный и интересный разсказъ о чемъ-либо вынесенномъ имъ раньше и пережитомъ здѣсь среди населенія; цесаревичъ съ особымъ интересомъ слушалъ этого занятнаго, бывалаго разсказчика, а подѣ конецъ путешествія, наслушавшись вдоволь, уже подѣ зиму, при разставаньи, сказалъ ему: «Все это такъ интересно и любопытно; вы, Павелъ Ивановичъ, собрали бы все по порядку въ одно цѣлое да описали бы; какъ пріятно было бы все это перечитать въ печати!»

А онъ, видишь, этотъ Мельниковъ, вмѣсто того, чтобы все принять съ радостью, сталъ отговариваться: пѣтъ, говорить, ваше императорское высочество, у меня за моею службой времени очень мало. Но цесаревичъ свое: «Да какъ времени не найти вамъ, при вашихъ талантахъ; напишите, дайте мнѣ обѣщаніе, а очерки эти свои такъ и озаглавьте: «Въ лѣсахъ». Конечно, отъ добраго вниманія цесаревича нельзя было зря ускользнуть; подался Мельниковъ, пообѣщавъ. Тогда же его высочество келейно отдалъ совершенно негласное распоряженіе о назначеніи довольно большой суммы на изданіе его сочиненій. Случилось все это обѣ осени; а когда пришла у Мельникова встрѣча съ его высочествомъ на слѣдующее лѣто, «простите,—говорить,—ваше императорское высочество, такъ и такъ, не управился», молъ. «Ну, что же дѣлать, во-первыхъ, надо же вамъ, Павелъ Ивановичъ, именно управиться; тогда и напишете, а, во-вторыхъ, обѣщаннаго вѣдь три года ждутъ; дождемся, еще начитаемся съ удовольствіемъ», ласково ободривъ его великій князь, блаженной памяти. Дальше, смотримъ, не довелось ему три года-то прожить и дождаться: въ позапрошломъ годѣ, о веснѣ какъ ужъ онъ, сердешный, угорестилъ и царя-батюшку, и всю Россію-матушку кончиной своею; въ Ниццѣ на чужбинѣ Богу душу свою святую отдалъ, проболѣвши крѣпко и много-много.

— Вотъ какія дѣла-то бываютъ,—продолжалъ Кожанчиковъ:— а я, какъ вспомню, такъ слеза меня бьетъ.

— Очень любопытно, но откуда вы все это взяли?—спросилъ мой братъ.

— Слышалъ я обѣ этой всей исторіи изъ вѣрныхъ устъ: отъ генерала Краснокутскаго, Николая Александровича, изволите ли его знать? Ему самъ цесаревичъ, въ простотѣ душевной, разсказывалъ; въ тѣ поры генералъ-то командовалъ здѣсь же въ Варшавѣ лейбъ-гвардіи Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ, а шефомъ полка до гробовой доски состоялъ цесаревичъ; такъ онъ, бывало, принимаетъ своего командира, рапорты отъ него, бывало, изволить выслушивать про полкъ, всего и поразскажетъ самаго занятнаго; чудный и простой былъ въ бесѣдѣ-то великій князь. Нынѣшній цесаревичъ не менѣе того близко къ сердцу принимаетъ мельни-

ковскіе писательскіе рассказы; бывало, выслушаетъ его, да шутя и спроситъ; «А нынче гдѣ лѣто будете проводить, Павелъ Ивановичъ, «Въ лѣсахъ»? А тотъ, вишь, отшучивается: «Нѣтъ, говорить, ваше высочество, нонѣ чередъ наступилъ пожить «На горахъ»¹⁾. Смѣлый былъ такой; и пойдетъ цесаревичъ разбирать все, что самага интереснаго доводилось ему начитать изъ писаній Павла Ивановича. Это вѣдь все куда какъ ободряло и писателя, и нашего брата-издателя.

IV.

Сравненіе отношеній нашихъ великихъ князей къ русской народной жизни и Габсбурговъ къ австрійской.—Проѣздъ греческаго короля Георга I и греческой королевы Ольги Константиновны черезъ Вѣну изъ Петрограда со своей свадьбы.—Эрцгерцогъ Францъ-Карлъ въ Пратерѣ въ Вѣнѣ и въ вѣнскомъ соборѣ св. Стефана въ формѣ своего русскаго шефскаго полка (Самогитскаго гренадерскаго).

Наслушавшись всего такого, братья славяне пришли въ большое умиленіе и восторгались. Среди этого Палацкій приглядѣлся къ моему брату и обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Вы извините меня, Николай Константиновичъ, но то, что вамъ придется отъ меня сейчасъ услышать о своемъ шефѣ, не должно васъ тревожить и смущать, оно должно лишь задѣть и, безъ сомнѣнія, крѣпко задѣнетъ мою родину, причѣмъ можно только сказать: и по дѣломъ, совершенно по дѣломъ. Я хочу сказать, что, конечно, ни вашъ шефъ, отецъ нашего императора, ни другіе эрцгерцоги, братья и дяди Франца-Иосифа, не могутъ быть и нисколько не будутъ никогда заподозрѣны въ малѣйшемъ стремленіи къ проведенію или оказанію чего-либо подобнаго тому, относительно чего вы, господа, имѣете полное право гордиться, вспоминая здѣсь съ громаднымъ удовольствіемъ о результатахъ крайне внимательной дѣятельности вашихъ великихъ князей, всегда близко входящихъ въ воспроизводимую русскими талантливыми изслѣдователями и наблюдателями жизнь населенія дорогой родины своей—обширной земли великаго царя Россіи. Разговоръ, который мы позволимъ себѣ далѣе вести съ вами здѣсь въ магазинѣ любезнаго,—попрошу позволенія узнать, по чудному русскіи обычаю, ваше имя и отчество,—Дмитрія Егоровича Кожанчикова, для насъ, чеховъ, если бы мы очутились за линіей города Границы²⁾ ближе къ Кракову,—оказался бы за претнымъ плодомъ.

¹⁾ Одно произведеніе Мельникова носило заглавіе «Въ лѣсахъ», другое было выпущено подъ заглавіемъ «На горахъ»,—цесаревичъ по этому предмету подшучивалъ.

²⁾ Пограничный городъ на большой желѣзнодорожной линіи изъ Варшавы въ Вѣну. Много мы всѣ, вѣдившіе въ свое время за границу, переживали на станціи этого города долгихъ остановокъ и австрійскихъ, да и своихъ скучнѣйшихъ таможенныхъ досмотровъ.

Такого отношенія, говорю я, и участія къ нашему отечествовъ-дѣнію, какое великіе князья показывають къ своему, ни одинъ изъ эрцгерцоговъ еще не проявилъ и, разумѣется, не проявитъ. Честь и слава вашимъ великимъ князьямъ; какъ много они показываютъ самой горячей любви къ своему отечеству, изучая его, какимъ чуднымъ примѣромъ они являются для подданныхъ царя, взявшагося,—кстати и въ добрый часъ будь сказано,—съ такой похвальной и завидной энергіей за обновленіе своей имперіи самими гуманными, освѣжающими ея быть реформами.

Посмотрите на нашихъ эрцгерцоговъ: всѣ эти Альбрехты и другіе, если чѣмъ и заняты, то больше всего преумноженіемъ и округленіемъ границъ своихъ собственныхъ земель.

Самъ императоръ Францъ-Іосифъ какъ старается лично для себя, какъ заботится объ устройствѣ своихъ собственныхъ дѣлъ и какъ равнодушенъ къ дѣламъ и нуждамъ народовъ, населяющихъ его имперію.

Не трудно понять, почему онъ брату своему родному, эрцгерцогу Максимилиану, вдругъ надумалъ дать разрѣшеніе отправиться въ чужія, заморскія страны искать счастья, набирая его въ постыдныхъ приключеніяхъ, и какъ могъ онъ позволить этому брату плясать по дудкѣ Наполеона, который, точно на посмѣшище всему цивилизованному міру, сдѣлалъ изъ него шутовского мексиканскаго императора, а затѣмъ безсовѣстно предалъ его, попросту подведя подъ разстрѣлъ, никогда не получивъ за это должнаго возмездія со стороны Франца-Іосифа, несомнѣнно имѣвшаго долгъ и обязанность заступиться и крѣпко отомстить за пролитую кровь обманутаго и осрамленнаго эрцгерцога—своего родного брата.

Выходитъ такъ, какъ будто бы у этого эрцгерцога не могло найтись ни дѣла, ни работы внутри страны на пользу народу, неустанно требующему всесторонней заботы о себѣ и постоянно нуждающемуся въ поддержкѣ. Могъ бы этотъ эрцгерцогъ себѣ жить и трудиться въ прекрасномъ и уютномъ своемъ замкѣ Мирамаре ¹⁾; нѣтъ, видите ли, камертонъ свѣше указывалъ иное,—онъ неизмѣнно направлялъ все къ пагубной, алчной наживѣ; и вотъ къ чему все это повело!

Изъ всѣхъ этихъ бездушныхъ эрцгерцоговъ можно воздать по-

¹⁾ Мирамаре—прекрасный дворецъ, находящійся на берегу Адриатическаго моря около Триеста; онъ принадлежалъ эрцгерцогу Максимилиану, который съ семействомъ спокойно въ немъ жилъ, а въ 1864 году принялъ предложенную ему по ип-тригамъ Наполеона III мексиканскую императорскую корону; съ нею онъ отправился въ столицу Мексики—Вера-Круцъ, гдѣ замѣстилъ президента Мексиканской республики Хуареца. Но года черезъ два былъ взятъ Хуарецемъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Кверетаро, чѣмъ европейское исканіе приключеній въ Мексикѣ тогда завершилось.

А в т.

хвалу и отдать справедливость лишь отцу императора Франца-Иосифа, вашему шефу Францу-Карлу. Онь, можно смѣло сказать, хоть душой-то чистъ; довольно того, что онъ уже годами состоитъ въ ссорѣ съ Францемъ-Иосифомъ изъ-за того, что не разъ позволилъ себѣ благородно высказать массу рѣзкихъ сужденій и укоровъ по адресу императора, своего сына, за его прямо безчестный поступокъ и постыдно-гнусное поведеніе по отношенію къ императору Николаю Павловичу, оказавшему ему въ тяжелую минуту мощную и великодушную поддержку своей арміей.

Молва народная твердитъ въ Австріи, будто бы у Франца-Карла навсегда осталось особое чувство расположенія, любви и уваженія къ памяти вашего покойнаго императора, столь благородно и благодарительно поддерживавшаго его сына, когда тотъ долженъ былъ чувствовать себя уже на краю гроби, — рассказывалъ далѣе Палацкій, а затѣмъ добавилъ, продолжая обращаться больше къ брату моему:

— Мнѣ случилось нѣсколько разъ въ Вѣнѣ встрѣтить его проѣзжавшимъ по Пратеру въ этой вотъ самой русской формѣ, какую я вижу сейчасъ на васъ. Думается мнѣ и хочется быть убѣжденнымъ въ томъ, что это, несомнѣнно, должно указывать на связь съ чувствами его сердца къ Россіи и къ памяти покойнаго сѣвернаго сосѣда своего императора, пожаловавшаго ему своего славнаго боевого гренадерскаго полка шефство, которымъ эрцгерцогъ не можетъ не гордиться, особенно въ то время, когда видитъ больше и больше дрянненькихъ поступковъ со стороны своего коронованнаго дѣтища.

Выслушавъ эти слова почтеннаго Палацкаго, братъ мой обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Помнишь, я тебѣ въ церкви св. Стефана въ Вѣнѣ указалъ на какого-то пожилого господина, стоявшаго въ сторонкѣ, въ русскомъ генеральскомъ пальто, съ вензелями Франца-Карла на генеральскихъ погонахъ? Намъ съ тобой не могло прійти въ голову, что это былъ самъ мой шеф...

Не далѣе, какъ за мѣсяць или полтора до этой нашей бесѣды съ чехами у Д. Е. Кожанчикова, мы съ братомъ, находясь проѣздомъ въ Вѣнѣ, случайно узнали, что въ тотъ день, проѣзжая черезъ австрійскую столицу изъ Петербурга со своей свадьбы, греческій король Георгъ и великая княгиня Ольга Константиновна, ставшая греческой королевой, заѣдутъ въ русскую посольскую церковь для выслушанія молебствія; мы тогда съ братомъ тотчасъ же проѣхали въ ту церковь, но около самага входа въ нее встрѣтили хорошаго знакомаго своего — драгомана русскаго консульства въ Бухарестѣ — Дмитрія Андреевича Кира Дынжана, который намъ объяснилъ, что католическій вѣнскій епископъ-примасъ просилъ Георга и Ольгу заѣхать въ церковь св. Стефана,

гдѣ онъ съ особымъ горячимъ усердіемъ отслужить молебствіе объ ихъ здравіи и о дарованіи имъ счастья въ совместной жизни; они изъявили согласіе и сказали, что послѣ богослуженія здѣсь въ посольской церкви проѣдутъ въ соборъ св. Стефана.

— Пойдемъ туда,—сказалъ Кира Дыджанъ,—нашъ храмъ полонъ, въ немъ не найдете мѣста, а тамъ посмотримъ молодыхъ на просторѣ.

Мы было стали отговариваться тѣмъ, что гораздо охотнѣе помолимся въ своемъ православномъ храмѣ, но, заглянувъ въ церковь, увидѣли, что она дѣйствительно биткомъ наполнена, какъ говорится, негдѣ яблоку упасть,—негдѣ будетъ даже перекреститься.

Дѣло было въ субботу, мы и рѣшили на греческую королевскую чету посмотрѣть въ церкви св. Стефана, а на другой день пойти къ обѣднѣ въ свой храмъ. Такъ и сдѣлали. Вотъ тогда братъ мой обратилъ вниманіе и указалъ мнѣ на пожилого господина, стоявшаго въ правой сторонѣ стефанскаго храма въ самогитской русской формѣ, причемъ я тогда было сказалъ, что въ этомъ кроется какое-нибудь недоразумѣніе. Однако я ошибся. Услышавъ родъ нашихъ пререканій, Кира Дыджанъ, вообще мало знакомый съ военными формами, на вопросъ, обращенный къ нему братомъ моимъ, сказалъ:

— Ну, братъ Николай, откуда мнѣ знать; я еще на дняхъ этого самаго «воина» видѣлъ проѣзжавшимъ по улицѣ и сейчасъ вотъ гляжу, форма, ни дать, ни взять, такая, въ какой ты обыкновенно щеголяешь въ Бухарестѣ ¹⁾—самогитская, что ли, да смотрю, ты не раскланиваешься съ нимъ, значить, онъ тебѣ не однополчанинъ; Франца же Карла я въ лицо не знаю и съ нимъ не знакомъ, а потому не могу тебѣ дать на этотъ счетъ объясненіе.

Такъ отшутился нашъ давній пріятель, знавшій насъ еще маленькими дѣтьми; онъ вообще былъ шутникъ и большой руки острякъ, при всемъ томъ, что чудный, незамѣнимый дѣлецъ. Выяснить вопросъ «о самогитскомъ генералѣ» какими-либо разспросами мы не догадались или, вѣрнѣе, просто каждый изъ насъ въ отдѣльности считалъ это неловкимъ, а потому неудобнымъ. Я, признаться сказать, объ этомъ совсѣмъ тогда же и забылъ, а братъ вспомнилъ только при вышедшемъ совершенно случайно и неожиданно разговорѣ съ Палацкимъ.

Можно считать, что этимъ разговоромъ личность самогитскаго шефа въ достаточной степени выяснилась.

¹⁾ До войны 1877—78 гг. мы, военные русскіе, наѣзжавшіе въ Румынію по своимъ дѣламъ, ходили тамъ въ своей военной формѣ и передѣвались въ партикулярное платье, лишь выѣзжая оттуда за границу княжества Румынскаго въ поѣздѣ или на пароходѣ.

— Жалко, что нельзя было въ Вѣнѣ быть въ военной формѣ,—сказалъ мнѣ братъ послѣ бесѣды съ Палацкимъ,—я могъ бы тамъ же представиться своему шефу,—добавилъ онъ, полушутя.—Тотъ былъ бы пораженъ Францъ-Карлъ такою изъ ряду вонъ выходящею случайностью!

Не разъ, видѣвши впоследствии портретъ эрцгерцога, братъ мой вполне убѣдился въ томъ, что въ церкви св. Стефана намъ довелось видѣть именно его. Ему тогда было шестьдесятъ семь лѣтъ; въ 1878 году онъ умеръ на семьдесятъ девятомъ году.

— Въ этомъ отношеніи,—закончилъ въ тотъ день свою бесѣду Палацкій,—я вижу нѣкоторую фатальность въ нашей съ вами случайной, очень пріятной встрѣчѣ, я ее не забуду.

V

Чехи вспоминаютъ гнусное поведеніе Франца-Иосифа противъ императора Николая Павловича, противъ брата своего Максимилиана и противъ народовъ своего государства.—Замѣчаніе чеховъ о нашемъ писателѣ П. И. Мельниковѣ.—Сочиненія С. Н. Шубинскаго и отзывы Кожанчикова о немъ.

Палацкій и Ригеръ, будто все время, какъ бы наперебой другъ передъ другомъ, старались всячески осудить Франца-Иосифа. Слушая ихъ рѣчи, нельзя было не понимать, откуда бралась у нихъ такая явная ненависть. Шелъ тогда 1867 годъ; едва промелькнулъ годъ времени съ той поры, какъ Австрія была подъ Кенигрецемъ въ пухъ и прахъ разбита пруссаками; ей надо было, еле живой, уносить свои кости; Францъ-Иосифъ торопится устроить свои внутреннія—австрійскія и габсбургскія—дѣла, а о томъ, какой націи воздать при переустройствѣ имперіи, онъ думаетъ мало; всѣ предположенія объ этомъ рѣшительно не удовлетворяютъ никого въ государствѣ и всѣхъ рѣшительно раздражаютъ и озлобляютъ.

Прежде всего Францу-Иосифу надо было расчитаться съ Венгріей, которая только что передъ тѣмъ, лѣтъ за восемь, была разбита и придавлена. Францу-Иосифу предстояло обставить себя такъ, чтобы одинъ-другой изъ народовъ, составлявшихъ его государство, поступился своими интересами, правами и богатствами въ угоду Габсбургскому дому, возрождавшемуся на потеряхъ Венгріи. Весь міръ это видѣлъ, какъ видѣлъ и то, что изъ тѣхъ народовъ чехи въ этотъ историческій моментъ теряли больше другихъ и теряли, очевидно, безъ всякой надежды на возвратъ чего-либо изъ терявшагося ими, т. е. теряли все навсегда.

Чувствовалось, какая драма разыгрывалась въ сердцахъ этихъ злосчастныхъ братьевъ-славянъ, забравшихся не во-время вглубь Россіи, къ которой они, правда, питали дружеское расположеніе и искреннія чувства братской любви.

Главнѣйшая изъ австрійскихъ націй послѣ Венгріи—Чехія—остается въ полной безнадежности. Отзывы нашихъ знакомцевъ, конечно, прежде и больше всего являлись откликомъ ихъ народа. Въ народѣ же еще съ самаго момента усмирения венгерскаго мятежа кипитъ такая же на Франца-Иосифа злоба, какую отецъ Франца-Иосифа проявляетъ отъ всего сердца противъ сына. Народу важно было бы знать и имѣть право свидѣтельствовать о благородствѣ его монарха; но, видя безсовѣстность во всѣхъ его іезуитскихъ обманныхъ поступкахъ, онъ стыдится за него, не вѣритъ ни одному его слову и чувствуетъ, что можетъ на каждомъ шагу быть обманутъ этимъ своимъ монархомъ такъ же, какъ легко былъ имъ обманутъ сосѣдь-императоръ, которому должно было быть дано, помимо возданія обязательной и честной благородной признательности, еще формально произнесенное императорское клятвенное обѣщаніе сохранить жизнь понавшихся мятежниковъ; а между тѣмъ всѣ они были тотчасъ же злодѣйски казнены: сосѣду же императору за все то, что онъ сдѣлалъ доброе, было во всѣ послѣдовавшіе годы отплачено рядомъ низкихъ предательскихъ дѣйствій въ политикѣ. Развѣ не это преждевременно свело могучаго царя въ могилу!

Народъ нашъ все это видѣлъ и отражаетъ въ себѣ къ Францу-Иосифу тѣ же злобныя чувства, какими былъ полонъ Францъ-Карль, т. е. отецъ, по отношенію къ сыну!

А судьба Максимилиана! Если Францъ-Иосифъ способенъ былъ снести спокойно такую ужасную, позорную смерть брата, то Францъ-Карль этому бывшему эрцгерцогу, брату императора, вѣдь былъ тоже отцемъ; что онъ чувствовалъ, узнавъ о такомъ ужасномъ концѣ своего второго сына.

Всѣ, и самые близкіе люди, и магнаты, и народъ въ унисонъ, по словамъ высказывавшихся передъ нами братьевъ славянъ, чувствовали еще въ послѣднія минуты несуразность взятаго на себя австрійскимъ монархомъ обязательства торопиться торжествовать свое коронованіе венгерской короной, какъ будто въ желаніи соединить моментъ гибели Максимилиана съ этимъ личнымъ торжествомъ эгоиста, взобравшагося на второй тронъ для украшенія себя второй короной, взамѣнъ той, которая отлетѣла по мановенію правителя Мексики Хуареца.

Видно было, какъ противъ Франца-Иосифа, за всѣ его продѣлки, кипѣло повсюду и какая кипѣла въ сердцахъ подданныхъ его ненависть къ нему.

Народъ былъ убѣжденъ въ томъ, что неосторожно высказывавшееся Максимилианомъ убѣжденіе, будто бы судьба уже предназначила переходъ австрійскаго престола къ нему, дошло съ превеличеніями и съ прикрасами до Франца-Иосифа, который, разбираясь въ этомъ, очень обозлился, а потому въ его проступкѣ противъ брата надо видѣть не только простое равнодушіе, а стремленіе

отомстить за его дерзкія мысли, всецѣло и безъ скрытности горячо поддерживавшіяся и повторявшіяся женой Максимилиана Шарлоттой (по происхожденію бельгійкой), страстно желавшей послѣ короны мексиканской получить корону австрійскую.

И Шарлотта и Максимилианъ открыто высказывали, что Францъ-Иосифъ недостойно править своими подданными, такъ какъ не придерживается въ правленіи желаній народа.

Весь этотъ максимиліановскій либерализмъ вооружилъ не только Франца-Иосифа, но и всю придворную знать; она все время усматривала въ убѣжденіяхъ Максимилиана опасность для себя и для своего монарха, а чѣмъ больше такими ея возбужденіями этотъ монархъ разжигалъ въ себѣ чувство непріязни противъ своего брата и въ этихъ чувствахъ доходилъ до чудовищности, тѣмъ болѣе народъ вообще наполнялся чувствами злобы противъ него и, въ свою очередь, разжигавшей его императрицы Елизаветы—жены его, происходившей изъ Баварскаго дома, вообще давшаго немалый процентъ лицъ, обладавшихъ малою силою здоровья мозговъ и отличавшихся отсутствіемъ душевнаго равновѣсія.

Елизавета, хорошо зная чувства народа, или, вѣрнѣе, народовъ, Австріи къ ея мужу, всегда болѣзненно относилась къ его судьбѣ и поддерживала въ немъ озлобленность противъ всѣхъ; всѣ привыкли къ тому, что ему никогда въ голову не приходило даже задуматься надъ желаніемъ смягчить когда-нибудь какой бы то ни было жестокой судебный приговоръ.

Народъ считалъ ее виновницей злостности, присущей Францу-Иосифу, и привыкъ въ ней видѣть источникъ всѣхъ золъ, сыпавшихся обильно на подданныхъ ея мужа, ее знали за слабоумную и ей многое прощалось. «Надо удивляться тому, что самому Францу-Иосифу все сходить и что онъ до сихъ поръ такъ благополучно проводитъ дни своего управленія Австріей, сдѣлавшейся отнынѣ Австро-Венгеріей,— говорилъ Палацкій.— Но Богъ не безъ милости: пошлетъ онъ и на голову притаптываемыхъ народовъ звѣзду счастья, дождемся мы этого, лишь бы глубокая вѣра въ это насъ не покинула и продолжала бы ободрять».

Среди этихъ и подобныхъ разсказовъ, въ которые наши новые знакомые углубились, видно было, до какой степени они были привычны къ тому, чтобы разбираться въ книжномъ дѣлѣ; въ эти нѣсколько дней они, разсматривая большую массу сочиненій этнографическаго содержанія, какъ истые знатоки дѣла, быстро отличили въ нашихъ этнографахъ—Максимовѣ, Далѣ и другихъ—большую разницу между ними и Мельниковымъ: въ тѣхъ они видѣли среди этнографіи массу беллетристики, а у Мельникова сразу замѣтили черту работы наблюдательно-разслѣдательной, какъ выразился Ригеръ.

— Работа прекраснаго вашего и разнообразнаго писателя Мель-

никова много напоминаетъ,—сказалъ Ригерь,—разборъ нашими австрійскими властями дѣлъ, коими они у насъ преслѣдуютъ разныхъ дѣятелей, признаваемыхъ ими за преступныхъ и именуемыхъ антиправительственными; разница состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь нѣтъ массы того отборнаго іезуитства, которымъ отличаются наши преслѣдователи.

— Все это, однако, очень интересно, крайне поучительно,—закончилъ свой отзывъ Ригерь,—и ничуть не отнимаетъ талантливости у произведеній Павла Ивановича, хотя въ немъ бросается въ глаза писатель-чиновникъ.

Въ австрійскихъ земляхъ жители съ малолѣтства, вѣрнѣе, съ самаго рожденія, привыкли и въ государственной и народной жизни видѣть густо въ ней ко всему примѣшанный сыскъ; отъ этого нашимъ знакомымъ, сынамъ доскутной монархіи, не могло не почувствоваться сразу въ писаніяхъ «Павла Ивановича» наполнявшее ихъ «что-то», отдающее слѣдственнымъ элементомъ.

— Мы читаемъ прекрасное, чуднымъ языкомъ написанное,—опять заговаривалъ Ригерь,—описаніе быта извѣстной части Россіи, оно носитъ бытовое заглавіе «Въ лѣсахъ» или «На горахъ», имѣетъ названіе «романа», но наше искусившееся во всемъ неизмѣнною австро-венгерскою подозрительностью чутье даетъ намъ въ этихъ чудныхъ наброскахъ усмотрѣть «явные слѣды слѣдственного производства», изложеннаго для доклада высшему начальству, несомнѣнно, давшему о семъ властное порученіе «къ исполненію.»

Выписываю я изъ своихъ записокъ за 47 лѣтъ эти свои старинныя воспоминація и кажется мнѣ, что покойный Пав. Ив. Мельниковъ, судя по его характеру и убѣжденіямъ, несомнѣнно, согласился бы съ этимъ отзывомъ промелькнувшихъ черезъ матушку-Русь, уже отошедшихъ въ вѣчность братьевъ-славянъ и, конечно, въ этомъ ихъ отзывѣ не нашелъ бы для себя ничего ни обиднаго, ни предосудительнаго.

Когда пришла пора прощаться, тотъ же Ригерь, не пожелавъ упустить моментъ, перемѣнилъ разговоръ и обратился къ хозяину магазина съ просьбой дополнить продажную выдачу имъ книгъ этнографическаго содержанія какими-либо новыми изданіями по части исторической, бытописательной.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Д. Е. Кожанчиковъ, какъ бы оживившись:—сейчасъ же могу вамъ предложить книги, которыхъ вы въ Москвѣ не найдете, это будутъ сочиненія молодого писателя, скромно предавагося изученію исторіи нашего отечества преимущественно и даже почти специально за XVIII вѣкъ, сочиненія Шубинскаго, Сергѣя Николаевича, они представляютъ собою нѣчто изъ новаго новѣйшее; мы съ нимъ почти одновременно въ Петроградѣ стали предпріятелями по части книжнаго издательства, и я съ особою увѣренностью принципиально

могу рекомендовать вамъ его изданія, всегда содержательныя, полныя разнообразнаго интереса, серьезныя и очень умныя.

Братъ мой въ шутку поправилъ слова хозяина, имѣвшаго вообще привычку выражаясь нѣсколько своеобразно и при томъ вычурно:

— Вы стали, Дмитрій Еонимовичъ,—сказалъ онъ смѣясь,—одновременно «предпринимателями», а говорите «предпріятелями»...

— Да, Николай Константиновичъ, вѣрно; вишь, вы какъ уловили мой обычай выражаться, я думаю, рѣдко кому это такъ просто, легко бросится въ глаза, съ вами надо на сторожѣ быть...

— Вы не обижайтесь, Дмитрій Еонимовичъ, я именно просто легко посмѣялся, не обращайтесь на это вниманіе, самая что ни на есть легкая шутка, не давайте ей никакого значенія...

— Значности въ томъ, изволите видѣть, я самъ понимаю, ровно никакой нѣтъ и быть не можетъ, да и толку намъ никакого не сварить бы, если бы мы пошли въ томъ на какія-либо значности или стали бы, тамъ, обижаться... А вы вѣрно, совершенно вѣрно меня въ этомъ подхватили, потому я могу сказать, что дѣйствительно мы съ этимъ самымъ Шубинскимъ, Сергѣемъ Николаевичемъ, были до сихъ поръ всю жизнь и предпринимателями, и предпріятелями, и пріятелями,—засмѣялся онъ въ свою очередь

Внимательно пересмотрѣвъ нѣсколько книгъ изданія Шубинскаго, и Палацкій, и Ригеръ нашли ихъ совершенно подходящими къ тому, что имъ желательно было набрать для перевозки къ распространенію у себя въ Чехіи, въ дополненіе къ тому, что ими было уже взято подобнаго въ прежніе годы въ Воронежѣ и другихъ мѣстахъ. Тутъ были отобраны небольшіе, живо написанные историческіе рассказы, воспоминанія и иные матеріалы, а также анекдоты изъ русской исторіи XVIII столѣтія.

VI.

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій среди своихъ сослуживцевъ лейбъ-гренадеръ.—Классный учитель рисованія Шмельковъ изъ крѣпостныхъ. Государь Александръ Николаевичъ награждаетъ его.—Вел. кн. Николай Николаевичъ Старшій въ первые годы командованія войсками петербургскаго округа.—Исторія на гауптвахтѣ Сѣнной площади.—Какъ С. Н. Шубинскій умѣлъ оказать покровительство тѣмъ, въ комъ хотѣлъ принять участіе.—Подарокъ, поднесенный ему его питомцемъ.—«Историческій Вѣстникъ» въ Чехіи.

Мнѣ особенно было пріятно услышать рѣчь о Сергѣѣ Николаевичѣ Шубинскомъ.

Въ Петербургѣ, въ бытность мою въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, мы, одноклассники-юнкера, собирались иногда вмѣстѣ и ходили по вечерамъ на Выборгскую сторону въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ къ товарищамъ, только что передъ тѣмъ за полгода произведеннымъ изъ Александровскаго военнаго учи-

лица въ армейскую пѣхоту съ прикомандированіемъ къ этому гвардейскому полку; то были Казанскій, Сильницкій, Сахаровъ ¹⁾; они жили тамъ, на Выборгской сторонѣ, въ деревянныхъ домикахъ, частью въ одной квартирѣ, а частью одинъ возлѣ другого въ близкомъ сосѣдствѣ. Возлѣ нихъ, по близости, жили также поручикъ Шестаковъ выпуска 1862 года, изъ 1-го московскаго корпуса, изъ котораго мы собственно были переведены въ слѣдующемъ затѣмъ году въ Александровское училище, въ то время, когда онъ выходилъ въ офицеры.

Очень серьезный человекъ, вятскій уроженецъ, не отстававшій ни на минуту отъ книгъ, Шестаковъ очень сошелся и дружилъ съ бывшимъ офицеромъ полка С. Н. Шубинскимъ, который въ то время уже перешелъ изъ полка на службу въ комиссаріатскій департаментъ, очень много занимался, читалъ и въ то же время готовился сдѣлаться историкомъ; онъ въ этомъ отношеніи усиливалъ въ Шестаковѣ любовь къ книгамъ, а навѣщая вообще лейбъ-гренадерскую молодежь, къ которой показывалъ большое расположеніе и на которую оказывалъ въ отношеніи любви къ книгамъ и наукѣ самое благотворное вліяніе, пользовался общимъ нашимъ большимъ уваженіемъ. Помню, онъ, бывало, офицерамъ, бывшимъ однополчанами своимъ, непрестанно давалъ благой совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не останавливаться на полпути, а непремѣнно сейчасъ же взяться за продолженіе ученія съ тѣмъ, чтобы къ окончанію обязательнаго четырехлѣтняго прослуженія въ строю ити продолжать курсъ военныхъ наукъ въ академіи генеральнаго штаба; намъ же, гостямъ лейбъ-гренадеровъ—юнкерамъ артиллерійскаго училища — онъ рекомендовалъ неупустительно готовиться въ «свою академію» и постараться кончить въ ней курсъ.

— Нечего дѣлать, вы попали на артиллерійскую стезю, идите по ней; но только, Боже сохрани, не дайте себѣ заглохнуть; всѣмъ вамъ предстоитъ попасть въ артиллерійскія батареи; хотя и будете служить «въ ученомъ родѣ войскъ», а все отъ пагубной стоянки не уйдете, можете такъ же просто заглохнуть, какъ и въ любой пѣхотной части, если попадете въ глушь, да не подумаете въ дальнѣйшемъ о книгѣ.

Для Шестакова, который твердо задался задачей не пропустить срока поступленія въ академію, кончался къ тому времени четвертый годъ службы; мы этому какъ будто завидовали. На безповоротность его рѣшенія больше всего вліяли рѣдко серьезныя черты его нрава; но не безъ того, что дружба и постоянныя бесѣды съ такимъ не менѣе серьезнымъ человекомъ, какимъ являлся С. Н.

¹⁾ Впослѣдствіи бывший военнымъ министромъ (1904—6 гг.), генераль-адъютантъ, замѣнилъ А. П. Куропаткина по отъѣздѣ его въ Японію главнокомандующимъ.

Шубинскій, еще болѣе подталкивали его и укрѣпляли въ предпринятомъ рѣшеніи.

Мы всегда съ большимъ удовольствіемъ участвовали въ долгихъ бесѣдахъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ; особая его мягкость характера и обращенія привлекали насъ; слушая его, мы всѣ прямо душой располагались къ тому, чтобы его совѣты не оставить безъ исполненія. Онъ казался намъ крайне искреннимъ человѣкомъ, для котораго стремленіе къ исполненію его добрыхъ совѣтовъ съ нашей стороны, видимо, являлось особою радостью.

Всѣ мы долго помнили и, думается, мало кто забылъ исторію, которая случилась съ однимъ изъ поименованныхъ выше, состоявшихъ въ прикомандированіи къ полку, довольно способнымъ малымъ, нашимъ товарищемъ, беззаботно слѣжившимъ и мало заглядывавшимъ въ будущее—Казанскимъ.

Его С. Н. Шубинскій особо выдѣлялъ, показывая къ нему особое расположеніе; какъ-то, при всей изумительной ровности своего характера, онъ не могъ удержаться и иногда показывалъ Казанскому больше ласки и больше добраго отношенія ко всему, его касавшемуся.

Въ Александровскомъ училищѣ служилъ этого Казанскаго родной братъ, читавшій намъ тактику, капитанъ генеральнаго штаба, Павелъ Казанскій, который своею выдержанностью, отменной солидностью приобрѣлъ къ себѣ общее вниманіе, уваженіе и пользовался большимъ авторитетомъ среди сослуживцевъ. Намъ казалось, что братъ его, нашъ товарищъ-юнкеръ, какъ будто бы старался пользоваться этимъ и, отчасти злоупотребляя, кичился передъ нами. Это намъ очень не нравилось; такъ мы со школьной скамьи съ этимъ и прошли въ жизнь, перенеся нѣкоторую предвзятость чувствъ съ Казанскаго-юнкера на Казанскаго, ставшаго офицеромъ. Помнится, что наша нѣкоторая нелюбовь къ нему нѣсколько сгладилась только тогда, когда довелось намъ досмотрѣть особое къ нему расположеніе С. Н. Шубинскаго, который всецѣло завладѣлъ нашимъ сердцемъ; мы какъ будто преклонились передъ его чувствами къ нашему нелюбимому товарищу, отъ этого нелюбовь къ нему если и не исчезла, то въ большой степени смягчилось.

До поступленія въ академію генеральнаго штаба нашъ преподаватель тактики служилъ тоже въ л.-гв. Гренадерскомъ полку и такимъ образомъ одинъ или два года былъ съ С. Н. Шубинскимъ сослуживцемъ. Хорошія ли, добрыя отношенія къ старшему брату вызвали расположеніе къ младшему, или что-либо другое играло въ этомъ роль, но мы не пропустили и не оставили безъ вниманія этого расположенія Сергѣя Николаевича, такъ же, какъ сильно чувствовали его доброжелательство и къ намъ.

Съ нами вмѣстѣ бывалъ въ этой лейбъ-гренадерской средѣ еще одинъ изъ нашихъ товарищей-александровцевъ, нѣкій Быстровъ.

Онъ проживалъ у отца своего въ Кронштадтѣ, куда года за два передъ тѣмъ былъ отвезенъ и сданъ за какую-то провинность, учиненную имъ вскорѣ послѣ поступленія въ Александровское военное училище. Онъ однажды совершенно случайно и во всякомъ случаѣ неожиданно прибудилъ въ лейбъ-гренадерскую квартиру, собственно къ Сильницкому, съ которымъ былъ еще съ 1-го московскаго корпуса въ дружбѣ, какъ они сами выражались, «по кисти», т. е. они вмѣстѣ занимались живописью, причемъ относительно недурно рисовали, приобрѣтя въ томъ немалый успѣхъ, благодаря выходящему изъ ряда вонъ хорошему корпусному учителю рисованія, Петру Михайловичу Шмелькову.

Сильницкій былъ хорошій ученикъ, Быстровъ же учился плохо и мало; онъ лишь слегка отдался живописи и, если бы дѣло было только въ этомъ,—бѣда была бы небольшая, но онъ гдѣ-то, еще не покидая школьной скамьи, пристрастился или приучился къ выпивкѣ и, сколько всѣ окружавшіе ни старались его уговорить бросить это дѣло, онъ отвыкнуть или не хотѣлъ, или—что гораздо страшнѣе,—не могъ. Славный, добрый былъ онъ малый, пресимпатично отзывчивый; въ особенности, боясь за будущее этого добряка, его жалѣлъ и часто велъ съ нимъ добрыя бесѣды объ этомъ С. Н. Шубинскій, какъ будто бы задавшій себѣ задачу спасти его.

Рисованіе въ корпусѣ являлось предметомъ необязательнымъ, а потому шло кое-какъ; но случайно попавшій въ корпусъ учитель изъ бѣдной крестьянской семьи, такъ умѣлъ привлечь кадетъ къ своему «предмету», что очень многіе особо приохочивались къ занятіямъ живописью. Это дѣло, какъ оно ни было мелочно, обратило на себя вниманіе высшаго начальства, въ особенности генералъ-адъютанта Як. Ив. Ростовцева, который, познакомившись по наслышкѣ съ учителемъ и увидѣвъ большой наплывъ учениковъ въ его необязательный классъ рисованія, оцѣнили въ учителѣ какъ это, такъ и то, что онъ, выйдя изъ небогатаго крестьянскаго семейства, самъ добился для себя поступленія въ Москвѣ въ училище рисованія и ваянія. Въ 1847 году, по окончаніи курса, онъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, опредѣлился въ корпусъ учителемъ и приобрѣлъ затѣмъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ, въ Москвѣ до нѣкоторой степени славу «жанриста», каковому роду искусства, тогда модному,—отдавалъ свои способности и свой досугъ, трудясь съ большимъ рвеніемъ на пользу молодежи, къ которой случилось ему быть приставленнымъ въ качествѣ класснаго учителя. Не мало оказалось у него за сорокъ лѣтъ его службы успѣшно подвизавшихся учениковъ, а оставшія послѣ нихъ, какъ и послѣ ихъ учителя очень недурно набросанныя жанровыя картинки, богатые содержаніемъ сюжетовъ, крайне жизненно подобранныя и прекрасно представленныя, сохранялись очень долго въ музеѣ корпуса,

какъ образецъ того, какихъ, при усиленномъ рвеніи даже простаго учителя, можно достигъ успѣховъ.

Генералъ-адъютантъ Як. Ив. Ростовцевъ, посѣщая корпусъ и видя, какая масса учениковъ заполняетъ классъ рисованія Шмелькова, говорилъ ему шутя: «Я и государю доложилъ, что есть у насъ кадетскій корпусъ, отъ котораго мы, на ряду съ выпускомъ и производствомъ офицеровъ, будемъ получать окончившихъ курсъ живописцевъ,—до такой степени вы, Петръ Михайловичъ, умѣя поощрить и привлечь къ себѣ учениковъ, уподобляете кадетскій корпусъ спеціальной и очень хорошей школѣ рисованія. Ни въ одномъ корпусѣ я ничего подобнаго не встрѣчаю; вотъ подождите, государь самъ хочетъ пріѣхать посмотрѣть, какихъ чудесъ вы тутъ натворили и какъ кадеты отдаются дѣлу ученія въ классѣ вовсе необязательнаго для нихъ предмета».

Государь императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно скоро нарочно посѣтилъ корпусъ и, присмотрѣвшись къ тому, какъ успѣшно идутъ занятія рисованіемъ, удостоилъ вниманіемъ небогатаго учителя П. М. Шмелькова, причемъ, милостиво обратившись къ нему, сказалъ: «Я очень радъ полюбоваться учителемъ, который изъ бѣдной крестьянской семьи сумѣлъ выйти на дорогу и, трудясь на новомъ поприщѣ, гордится своимъ сельскимъ происхожденіемъ; вотъ тебѣ за твои труды и за твое особое стараніе»,—добавилъ, подавъ ему руку, государь, причемъ вручилъ ему золотые, украшенные брильянтами часы со своимъ портретомъ. Случилось это въ самый разгаръ времени, приближавшагося къ моменту освобожденія крестьянъ; государю, очевидно, доставила особое удовольствіе возможность наградить человѣка, продвинувшаго себя именно изъ крѣпостной крестьянской среды. Всѣ были довольны тѣмъ, что случай выставилъ государю необыкновенно скромнаго труженика и вполне достойнаго, деликатнаго человѣка.

Къ числу старательныхъ и успѣшно трудившихся учениковъ П. М. Шмелькова принадлежали, между прочимъ, Сильницкій и Быстровъ; послѣдній, имѣя отъ родителей своихъ очень скудныя средства, съ особымъ стараніемъ сталъ пользоваться своимъ умѣніемъ, и искусство, внѣдренное въ него трудами Шмелькова, стало давать ему хотя небольшой заработокъ. Этимъ прежде всѣхъ поторопился воспользоваться С. Н. Шубинскій: онъ тотчасъ же началъ усиленно уговаривать Быстрова скопить сколько возможно своимъ трудомъ средствъ и пробить себѣ дальнѣйшую дорогу, пойдя непремѣнно въ школу живописи.

— Вы все вотъ обижаетесь на то, что я васъ и Сильницкаго шутя называю «мазилками». Возьмите себя въ руки и исполните мой благой совѣтъ; учились вы въ корпусѣ и въ училищѣ мало и плохо, а человѣкъ вы неглупый, поймете, что, доучившись такъ

или иначе, вы не только обезпечите себя средствами къ жизни, но достигнете того, что, во-первыхъ, будете помогать достигшимъ старости почтеннымъ родителямъ а, во-вторыхъ, никто тогда не посмѣетъ позволить себѣ названіе «мазилки» вамъ даже въ шутку преподнести. Дайте мнѣ руку,—при этомъ Сергѣй Николаевичъ протянулъ ему свою руку,—забудьте, что я васъ такъ называлъ, укрѣпите себя общаніемъ и мнѣ, и себѣ въ томъ, что, исполняя мое пожеланіе, теперь же начнете серьезно заниматься живописью, будете учиться и приложите все свое стараніе къ тому, чтобы серьезно пробить себѣ дорогу; безъ этого невозможно, безъ этого вѣдь жизнь не въ жизнь.

Дѣло какъ будто бы сладилось, и Сергѣй Николаевичъ былъ необыкновенно счастливъ. Послѣ этого разговора онъ, желая подержать молодого человѣка, предложилъ ему, безъ церемоніи, взять денегъ у него взаймы, сколько нужно для того, чтобы съ Богомъ начать свой новый путь. Когда тотъ, прослезившись отъ умиленія, отказался взять деньги, Сергѣй Николаевичъ, однако, не отсталъ отъ него и настоялъ на томъ, чтобы онъ къ данному общанію присоединилъ еще и другое,—давъ слово непременно обратиться къ нему съ просьбой, въ случаѣ, если, по ходу дѣла его дальнѣйшаго ученія, встрѣтится надобность въ денежныхъ средствахъ.

Самъ Быстровъ, давши этотъ обѣтъ, видимо, ободрился, повеселѣлъ и говорилъ, что добрый человѣкъ, С. Н. Шубинскій, неожиданно встрѣтившійся ему на счастье, можно сказать, воскресилъ его. А какъ этимъ были обрадованы родители почти уже погибавшаго молодого человѣка—это невозможно и передать.

Молодой человѣкъ не дремалъ и скоро пристроился въ школу рисованія въ Кронштадтѣ же, гдѣ и было для него вполнѣ удобно проживать при родителяхъ. Занятія начались у него съ середины сентября 1865 года; онъ ежедневно посѣщалъ школу, свободными отъ ученія у него оставались только воскресенья и дни праздничные. Въ Петербургѣ ему ѣздить доводилось рѣдко,—какъ онъ говорилъ, только тогда, когда являлась потребность въ покупкѣ чего-либо необходимаго для школьнаго обихода: полотна, красокъ, кистей, бумаги, карандашей, туши и т. п.

С. Н. Шубинскій видѣлся съ нимъ по временамъ и, бывало, не нарадуется, слушая рассказы его о пребываніи въ школѣ и объ успѣшномъ ходѣ занятій въ ней.

То было время преобразования военнаго управления Россіи. Образовавшееся за годъ передъ тѣмъ дѣленіе имперіи на военные округа явилось новинкой; послѣдствіемъ этого дѣленія оказалось вступленіе великаго князя Николая Николаевича Старшаго въ должность сначала командующаго, а вслѣдъ за тѣмъ главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа.

Говорили, что великій князь находилъ постановку дѣла управленія войсками недостаточно совершенною; добавляли, будто бы государь, передавая ему войска, сказалъ: «Поручаю тебѣ поднять въ нихъ дисциплину, войска требуютъ подтяжки, я въ нихъ замѣчаю какую-то непонятную для меня расшатанность».

Мы тогда только что прибыли изъ Александровскаго военнаго училища въ Михайловское артиллерійское изъ Москвы, гдѣ за два года существованія военно-окружнаго управленія все успѣло улечься: командующій войсками округа, генераль-адъютантъ Гильденштуббе, принявшій округъ послѣ командованія въ Петербургѣ первой гвардейской пѣхотной дивизіей, уже успѣлъ оглядѣться и успокоиться, — все у него наладилось, но въ Петербургѣ это оказалось труднѣе, и великій князь, видимо, былъ не всѣмъ вполне доволенъ; говорили также, будто бы состоявшій при немъ въ должности начальника штаба округа, генераль-адъютантъ графъ Александръ Ивановичъ Бревернъ-Делатарди, суровый и очень строгій человекъ, безпокойствомъ характера своего и разными докладами тревожилъ великаго князя¹⁾, который изъ-за этого показывалъ, по временамъ, нѣкоторую, несвойственную ему суровую суетливость въ дѣлѣ командованія войсками; слышно было, что то въ одной, то въ другой части войскъ главнокомандующій, наѣзжая въ нее совершенно внезапно и неожиданно для наблюденія за порядкомъ, наводилъ на чиновъ тѣхъ частей страхъ и безпокойство, такъ какъ результатомъ его наѣздовъ всегда оказывалось наложеніе тѣхъ или иныхъ взысканій на лицъ, у которыхъ была обнаруживаема какая-либо, хотя бы малѣйшая, неисправность. Попадались подъ строгость главнокомандующаго и пѣхотные и кавалерійскіе полки, и артиллерійскія бригады, и военно-учебныя заведенія, доставалось, что называется, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ; старослуживые говорили, что пошла опять та линія, которую уже довелось забыть съ 1849 года—со временъ кончины блаженной памяти великаго князя Михаила Павловича, когда нахожденіе въ столицѣ или пребываніе его среди войскъ всегда было замѣтно по наводившимся имъ строгостямъ.

Въ одинъ изъ суровыхъ зимнихъ дней къ С. Н. Шубинскому на квартиру совершенно неожиданно, послѣ сравнительно долгаго промежутка времени, рано утромъ явился Быстровъ и, за-

¹⁾ Недаромъ императоръ Николай Павловичъ, усмотрѣвъ въ немъ, какъ въ командирѣ батареинной батареи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, строгаго начальника, призвалъ его къ командованію Кавалергардскимъ полкомъ, причѣмъ сказавъ ему: «Я тебѣ поручаю этотъ славный полкъ; не затрагивая и не нарушая чертъ его отмѣннаго и примѣрнаго благородства, возьми за исправленіе его въ мелочахъ несенія повседневной службы; со свойственною тебѣ строгостью, я увѣренъ, ты сумѣешь это сдѣлать безъ труда и безъ особыхъ усилій».

Авт.

ставъ его еще спавшимъ, очень сѣтоваль, хлопоча, какъ бы непременно скорѣй его повидать.

— Въ чемъ дѣло? Отчего вы будите народъ Божій въ такой ранній часъ? Какъ и зачѣмъ вы попали въ Петербургъ въ будній день? И что привело васъ къ мнѣ?—забросалъ его вопросами вообще спокойный Сергѣй Николаевичъ.

— Простите, большое несчастье, Сергѣй Николаевичъ; слышали вы о грозѣ, грянувшей на Сѣнной гауптвахтѣ?

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Какая гроза? Говорите толкомъ.

Едва смогъ Быстровъ совѣмъ безсвязно рассказать, что великій князь Николай Николаевичъ, ночью съ воскресенья на понедѣльникъ посѣтивъ Сѣнную гауптвахту, нашель въ ней караульнаго офицера спавшимъ, причемъ онъ оказался совершенно раздѣтымъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ офицеры проводятъ ночь только дома, будучи свободными отъ службы; разумѣется, великій князь разсердился, страшно распекъ офицера, взыскалъ съ него и съ начальника караула, а затѣмъ, пригрозивъ уволить офицера отъ службы, уѣхалъ совершенно сердитый.

— Хорошо, да вы-то при чемъ?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ.—Я ровно ничего въ этомъ не понимаю, какъ и зачѣмъ вы попали въ Петербургъ въ будній день въ такой ранній часъ? А главное отчего и зачѣмъ такъ суетитесь?—продолжалъ онъ свои разспросы.

— Какъ же не суетиться, Сергѣй Николаевичъ, я вѣдь во всемъ кругомъ виноватъ, не кто другой; я зашелъ вчера днемъ на гауптвахту къ Казанскому, принесъ ему туда вина, водки, закуски, и мы почти весь день просидѣли за этимъ, да такъ къ вечеру и заснули въ караульной комнатѣ, позабывши все; ночью, я только что проснулся, всталъ и хотѣлъ будить Казанскаго, какъ услышалъ возгласъ караульнаго унтеръ-офицера: «Уходи, баринъ, скорѣй съ глазъ долой, не до тебя, главнокомандующій великій князь пріѣхалъ, бѣда те будетъ, да и всѣмъ намъ попадетъ,—уйди». Я ушелъ.

Дѣйствительно, случилась большая исторія, въ которой все оказалось такъ, какъ въ нескладной рѣчи описалъ это случайный протезе С. Н. Шубинскаго. Караулы въ то воскресенье занималъ въ городѣ лейбъ-гренадерскій полкъ, причемъ караульнымъ офицеромъ на Сѣнной площади ¹⁾ оказался Казанскій. Какимъ-то обра-

¹⁾ Въ тѣ времена небольшой домъ, находящійся и понынѣ на Сѣнной площади противъ церкви Спаса, исполнялъ роль гауптвахты; лишь лѣтъ двадцать пять тому назадъ онъ былъ переданъ отъ военнаго вѣдомства городу и обращенъ въ лабораторію для производства изслѣдованія продуктовъ, поступающихъ на Сѣнной рынокъ; къ этому онъ остается и понынѣ приспособленнымъ. Домъ этотъ до сихъ поръ представляетъ собой нѣмого свидѣтеля извѣстнаго всему міру событія, при которомъ императоръ Николай I, извѣщенный о волненіяхъ, начавшихся среди черни, прибывъ

зомъ Быстровъ изъ Кронштадта подвернулся, попалъ въ гости къ товарищу и смутилъ его, вовсе не кстати доставленнымъ завтракомъ, которымъ молодые люди занялись на цѣлый день и такимъ образомъ впали въ ужасную бѣду.

Исторія эта въ то время ураганно шумѣла въ столицѣ, а главное, конечно, въ военной средѣ.

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій со дня своей недавней кончины уже много разъ былъ описанъ своими друзьями и сотрудниками. Небольшая исторія, представляемая здѣсь моими записками, ярко характеризуетъ въ подробностяхъ его совершенно съ новыхъ сторонъ, оставляя, однако, переданный до сихъ поръ потомству описаніями всѣхъ писавшихъ о немъ лицъ его обликъ тѣмъ же симпатичнымъ, разумнымъ, рѣдко честнымъ человѣкомъ ровнаго, спокойнаго характера, хорошаго тона, всегда находчиваго и всегда готоваго всюду серьезно прійти на помощь ближнему именно своимъ неисчерпаемымъ самообладаніемъ, а также обычною разумностью и ни при какихъ обстоятельствахъ не покидавшею его находчивостью.

Въ то время, когда произошло описываемое событіе, онъ находился на службѣ въ комиссаріатскомъ вѣдомствѣ и былъ всецѣло погруженъ въ свои занятія русской исторіей XVIII, а отчасти XIX столѣтій. Состоя въ чинѣ майора, онъ уже тогда имѣлъ въ военной средѣ кое-какія связи, которыя давали ему возможность знать то, въ чемъ для него являлась, съ той или съ другой стороны, надобность.

Услышавъ прежде всего изъ устъ участника Быстрова описаніе исторіи, происшедшей на Сѣнной площади, онъ, безъ сомнѣнія, былъ прежде всего обезпокоенъ ею за судьбу Казанскаго и не мало былъ встревоженъ тѣмъ, какая участь должна была постигнуть впаваго въ полное малодушіе легкомысленнаго Быстрова. Прежде всего онъ бросился разузнавать въ подробностяхъ обо всемъ, что должно было и могло въ дальнѣйшемъ произойти.

Послѣ того, встрѣтившись съ Казанскимъ и увидавши его нѣсколько обезкураженныхъ, онъ сказалъ ему съ тѣмъ спокойствіемъ, которое его всегда и во всемъ неизмѣнно отличало:

— Исторія, конечно, тяжелая, но преступно ей предаваться; вѣдь мы съ вами не малые ребята, знали, что дѣлали и чѣмъ это могло отозваться. Спасибо великому князю, — не взыскать съ васъ онъ не могъ, а казнить у него вовсе нѣтъ и не было намѣренія: вызвавъ

на площадь и заставъ на ней массы взволнованнаго бѣдами холеры шумѣвшаго народа, готоваго разбушеваться, въ одну секунду усмирилъ толпы громовымъ окликомъ, обращеннымъ къ нимъ: «На колѣни. Молитесь Богу». Народъ моментально подчинился грозному царскому зову и, какъ одинъ, покорно, безмолвно опустился для принесенія молитвы.

А в т.

къ себѣ Шильдеръ-Шульднера¹⁾, онъ его изрядно распекъ, а затѣмъ сказалъ ему, что офицеръ, которому не внушена вся серьезность понятія о службѣ,—не столько и виноватъ, сколько его начальство; офицеръ попался—въ этомъ его несчастье, и онъ долженъ понести кару; нельзя ему давать преимуществъ, которыя даются службой въ гвардіи, поэтому, я приказываю его сейчасъ же откомандировать въ его армейскій полкъ; пусть тамъ послужитъ, на его мѣсто здѣсь найдется другой, болѣе достойный,—это несомнѣнно.

«Когда Шильдеръ-Шульднеръ тутъ же началъ просить за васъ, какъ за неопытнаго молодого человѣка, великій князь, совершенно справедливо, сказалъ ему, нѣсколько нахмурившись: «Не проси за него, доброта твоя тутъ неумѣстна; надо было дѣлать раньше внушенія, которыя отняли бы у молодого офицера повадку пойти на то, въ чемъ онъ попался, давъ совершенно неумѣстный примѣръ занимавшимъ съ нимъ караулъ нижнимъ чинамъ. Не проси, я не хочу его казнить и не казню, а оставить его совсѣмъ безнаказаннымъ было бы преступленіемъ съ моей стороны; вѣдь, это и есть та распущенность, на которую въ правѣ указать всякій, замѣчающій, что творится въ службѣ нашихъ войскъ за послѣднее время. Неопытный! На тебѣ лежала обязанность вселить въ него необходимую опытность. Пусть проѣдется и послужитъ въ арміи; я слышалъ, что онъ намѣтилъ себѣ итти въ академію, вотъ это отъ него не должно быть отнято никоимъ образомъ; правъ его не должно лишать, напротивъ, надо ему внушить, что только этимъ путемъ онъ можетъ свое служебное положеніе поправить и случившійся грѣхъ загладить.

«Вотъ главное, что должно васъ не только успокоить, но даже обрадовать въ этой печальной исторіи,—сказалъ Шубинскій, заканчивая свою бесѣду:—дайте себѣ твердо задачу исполнить это указаніе великаго князя и, повѣрьте, вы, серьезно продолжая свое ученіе, не потеряете ничего; повторяю, спасибо великому князю за то, что такъ отнесся къ вашему проступку, который можно назвать преступленіемъ; въ военной службѣ строгія требованія порядка, а особенно въ караульной службѣ, не терпятъ такихъ своеволій.

«Я радъ за васъ, а съ другой стороны радъ, что могу успокоиться за Быстрова; онъ перепугался и расклеился до малодушія; но, слава Богу, великій князь даже не нашелъ нужнымъ доискиваться причинъ вашего проступка; поставилъ крестъ на томъ, что вашъ командиръ плохо вамъ внушалъ, и дѣлу конецъ; а что васъ

¹⁾ Тогда командиръ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, генераль-майоръ. Во время войны 1877—1888 гг. въ чинѣ генераль-лейтенанта, командовалъ пятой пѣхотной дивизіей; вызвалъ противъ себя массу неудовольствій въ арміи послѣ первой и второй Плевны (Гривица, Бресляница и т. д.).

сбилъ Быстровъ или соблазнило что-либо иное,—этому онъ даже вниманія не пожелалъ удѣлить; такимъ образомъ, вашъ малодушный, легкомысленный, блудливый и оказавшійся нѣсколько трусливымъ другъ можетъ смѣло продолжать свой путь выкарабкиванья изъ мазилокъ въ живописцы и даже въ художники; никто ему не помѣшаетъ, а я отъ души, вмѣстѣ со всѣми вами, могу порадоваться, что его ребяческая продѣлка кутежнаго характера на этотъ разъ пройдетъ безслѣдно для него; онъ же хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ себя въ руки теперь, когда громъ грянулъ и когда ему довелось перекреститься.

«Какъ видите, великій князь главнокомандующій, государевъ братъ,—умѣетъ быть, съ одной стороны, строгимъ и суровымъ, а съ другой—онъ добръ и въ высокой степени снисходителенъ; благодаря этому, и только этому, вы уцѣлѣли настолько, что дорога къ дальнѣйшему остается для васъ совершенно открытою. Перекреститесь, помолитесь о здравіи великаго князя и о томъ, чтобы Господь помогъ вамъ не попадать впредь въ такія бѣды; приложите стараніе къ тому, чтобы получить какъ можно больше «благодати ученія», это самое главное вообще, а для васъ теперь въ особенности; выйдеть изъ васъ прекрасный офицеръ генеральнаго штаба, остальное, увидите, какъ былью порастетъ».

Очень много смѣялся Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, а съ нимъ и всѣ мы, когда увидѣли и стали разсматривать присланную или привезенную ему Быстровымъ вскорѣ послѣ этой нагнавшей страху исторіи картинку собственнаго произведенія.

На холстѣ въ величину обыкновеннаго листа писчей бумаги въ каждомъ изъ четырехъ угловъ яркими цвѣтами нарисовалъ онъ по одной картинкѣ и подъ каждой изъ нихъ тончайшей кистью очень искусно написалъ, точно перомъ, одинъ куплетъ извѣстной, ходившей тогда въ народѣ пѣсни; содержаніе каждой картинки отвѣчало содержацію куплета:

1) По улицѣ Кронштадтской грязной
Однажды шель себѣ Иванъ,
Немножко пьянъ,
— Немножко пьянъ (*нарисованъ былъ поспѣвшій типичный николаевскій солдатъ, у котораго красный воротничекъ преобразенскаго мундира отъ носа не отличался*).

2) Навстрѣчу шла ему Евсевна,—
Шатаясь также и пьяна,
Вотъ те и па,
— Вотъ те и па... (*изобразена солидная городская баба, не безъ важности*).

3) Евсевна, другъ ты мой Евсевна,
Онъ молвилъ, прислонясь къ стѣнѣ,—

— Пойдемъ ко мнѣ,
 — Пойдемъ ко мнѣ *(кавалеръ закурилъ трубку, живая улыбка не сходитъ съ его ставшей игривою физиономіи).*

4) Тамъ угощу тебя я чаемъ
 Солянкой изъ живыхъ ершей
 На пять грошей,
 — На пять грошей... *(въ простой комнатѣ кавалеръ суетится около самовара; въ небольшой русской красной съ золотомъ мискѣ плаваютъ живые ерши; баба взяла въ руки колоду засаленныхъ картъ)...*

С. Н. Шубинскій очень благодарилъ своего «протезе», причемъ сказалъ ему: «Вотъ видите, времени, въ сущности, съ тѣхъ поръ, какъ вы стали учиться въ вашей школѣ, прошло немного, а успѣхъ въ вашей кисти виденъ немалый; успѣхъ такой, что вы можете теперь же взять ту же кисть, которою такъ искусно выписали эти неоконченные стишки, а затѣмъ подпишите: «рисовалъ Быстровъ». Теперь смѣло можете дать такую подпись; никто не рѣшится сказать, что «мазалъ» или «малевалъ» Быстровъ. Я буду беречь это ваше произведеніе на память, спасибо большое вамъ за этотъ эскизъ, — хотя онъ и не мудреный, а видно, что написапъ вами отъ чистаго сердца; только пожалуйста не упрямятвуйте, идите въ академію, не отстану я отъ васъ съ этой просьбой, авось послушаетесь на счастье».

Всѣ эти мелочи очень характеризуютъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго, а также личныя отношенія его къ заримавшей его и начивавшей жизнь молодежи, относительно которой въ каждомъ его шагѣ проглядывало желаніе быть ей полезнымъ.

Я тогда же, въ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова уже кое-что изъ этихъ оставшихся для меня навсегда дорогими воспоминаній о С. Н. Шубинскомъ успѣлъ поразсказать съ тѣмъ, чтобы наши гости болѣе ознакомились съ личностью историка, котораго произведенія они впервые взяли везти тогда къ себѣ на родину въ назиданіе чешской молодежи.

Она уже, правда, нѣсколько раньше приучилась цѣнить все привозимое изъ Россіи и дорожить каждой книжкой, написанной вообще чисто-русскимъ человѣкомъ; особенно же ей подобало цѣнить все выходившее изъ-подъ пера С. Н. Шубинскаго, живо написанныя произведенія котораго достались въ тотъ разъ ей черезъ нашихъ гостей, благодаря самой простой и неожиданной случайности.

Впослѣдствіи не разъ случалось вообще слышать, что Палацкій и Ригеръ перѣдко обращались за книгами прямо къ Сергѣю Николаевичу, въ особенности послѣ того, когда до нихъ дошло печальное извѣстіе о послѣдовавшей въ 1878 году, почти одновременно со смертію эрцгерцога Франца-Карла, смерти Кожанчикова.

Слышно было также о томъ, какъ цѣнили эти наши знакомые, а черезъ нихъ и чешская учащаяся молодежь ставшій для нихъ очень дорогимъ «Историческій Вѣстникъ»—этотъ Шубинско-Суворинскій органъ нашей чисто-русской печати.

Ригеру довелось пользоваться этимъ изданіемъ довольно долго, Палацкій же увидѣлъ на своемъ вѣку лишь нѣсколько нумеровъ его, такъ какъ, вскорѣ послѣ начала изданія этого журнала, скончался восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ рожденія, успѣвъ, однако, достаточно оцѣнить его значеніе и начавъ съ первыхъ дней прилагать стараніе къ тому, чтобы распространить его въ своей при-вязанной къ Россіи странѣ.

VII.

Составъ батареи третьей конно-артиллерійской бригады въ 1866 году.—Старшій офицеръ Петръ Николаевичъ Шишкинъ.—Его служебныя неудачи.—Выписка на службѣ черезъ Д. Е. Кожанчикова книгъ для библіотеки.—Знакомство съ этнографомъ С. В. Максимовымъ.

Лично мнѣ случилось познакомиться съ Д. Е. Кожанчиковымъ и съ его магазиномъ почти тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ царство Польское; присмотрѣвшись къ нашей стоянкѣ и обстановкѣ на ней, я увидѣлъ, что уѣздный городъ съ 5.370 жителями, изъ коихъ болѣе половины евреи, не общаетъ большихъ разнообразій въ предстоявшей намъ жизни; войскъ въ городѣ не было, кромѣ конной батареи съ наличнымъ составомъ офицеровъ изъ шести-семи человекъ; а затѣмъ уѣздная администрація, кое-какіе окрестные помѣщики въ очень ограниченномъ числѣ и больше никого; незнаніе польскаго языка оставалось главнымъ тормозомъ въ дѣлѣ сношеній съ мѣстнымъ обществомъ, помимо того, что оно было совершенно незначительно числомъ своихъ членовъ.

Пораздумавши надъ этимъ коротко, я надумалъ прежде всего обзавестись хотя бы какой-нибудь небольшой библіотекой, которая могла бы служить кое-какимъ подспорьемъ къ крайне ограниченному числу журналовъ, выписывавшихся составомъ офицеровъ какъ бы для своей батарейной библіотеки.

Въ ближайшій изъ вечеровъ, когда мы собрались, по заведенному обычаю, къ батарейному командиру подполковнику Николаю Ивановичу Штоссу, я тогда же возбудилъ разговоръ о своей мысли, какъ о дѣлѣ, лично для меня рѣшенномъ, и былъ крайне счастливъ встрѣтить большую и вѣскую поддержку въ старшемъ батарейномъ офицерѣ, каковымъ у насъ состоялъ тогда поручикъ Петръ Николаевичъ Шишкинъ, человекъ живой, крайне развитой, начитанный и очень энергичный.

— Самое лучшее,—сказалъ онъ:—не теряйте дни златые; посмотрите, что намъ здѣсь предстоитъ: насъ такъ немного, не только

въ батареѣ, а и во всемъ городѣ; въ батарейномъ кружкѣ будемъ собираться, какъ видите, каждый день въ прекрасную семью командира на обѣдъ, послѣ обѣда—чтеніе журналовъ, а по воскресеньямъ вечеромъ неизмѣнная картежная игра въ ландскнехтъ, въ ералашь, а то и въ штоссъ, какъ смѣется нашъ добрѣйшій Николай Ивановичъ: у Штосса на квартирѣ процвѣтаетъ штоссъ...

П. Н. Шишкинъ, выпущенный въ офицеры изъ перваго московскаго корпуса, служилъ или, какъ онъ выражался, тянулъ конноартиллерійскую служебную лямку съ 1847 года.

Онъ былъ человѣкъ веселый, балагуръ и острякъ, несмотря на то, что судьба вообще не очень его баловала. Молодежь онъ очень любилъ, охотно съ нею бесѣдовалъ и дружилъ; она тоже, въ свою очередь, его любила и съ большимъ удовольствіемъ слушала его рассказы, въ которыхъ за истекшія къ тому времени двадцать лѣтъ его службы набралось много очень интереснаго и поучительнаго.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ батареѣ, кромѣ Шишкина, собрались погодки двухъ выпусковъ изъ артиллерійскаго училища—Забусовъ, Ангуфьевъ, Кайгородовъ¹⁾, Воротниковъ и я. Кромѣ насъ, въ батареѣ состояли докторъ Каличицкій и берейторъ Ивановъ.

Петръ Николаевичъ Шишкинъ твердо зналъ и помнилъ характеръ и прошлое cadaго изъ насъ, старался съ нами дружить, а главное думалъ о томъ, чтобы никого изъ насъ не обидѣть; онъ держалъ себя съ нами ровно и, въ чемъ можно, помогалъ, доброжелательно направляя своимъ опытомъ нашу службу.

Принявъ съ видимой радостью заявленіе мое о назрѣвшей во мнѣ затѣѣ предпринять покупку книгъ, онъ особенно обрадовался тому, что увидѣлъ, какъ сочувственно отнеслись къ моей мысли всѣ офицеры и съ какою готовностью они взялись помочь своимъ трудомъ дѣлу, представлявшемуся довольно сложнымъ въ виду необходимости выѣзжать за покупкой книгъ въ Варшаву, а на мѣстѣ оставлять товарищей въ уменьшенномъ числѣ нести службу. При ограниченномъ числѣ насъ, каждый человѣкъ былъ на счету, а у cadaго были свои отдѣльныя обязанности и могло иногда показаться неудобнымъ увольненіе въ поѣздку за книгами того, кому приходила очередь исполнять дома въ батареѣ болѣе или менѣе сложныя служебныя дѣла. Это соображеніе могло со стороны показаться мелочью, но только со стороны, наличному же составу служащихъ было вполне понятно, что безъ осложненій въ служебномъ отношеніи все такое могло пройти вполне гладко

¹⁾ Дмитрій Никифоровичъ, нынѣ лѣснаго института профессоръ, занимающій всю русскую читающую публику своими научными замѣтками о петроградскомъ климатѣ (см. газету «Новое Время» за много лѣтъ).

только тамъ, гдѣ добрыя отношенія между товарищами уже установлены, а больше всего тамъ, гдѣ они руководятся добрыми совѣтами старшаго офицера и его полною опытностью. Все это я разъясню ниже.

Въ этотъ разъ, какъ всегда, П. Н. Шишкинъ, на ряду съ соображеніями о возбужденномъ предметѣ, принялся за новые рассказы о своемъ прошломъ.

«Вотъ вы, почти всё здѣсь собравшіеся,—говорилъ онъ:—какъ мнѣ извѣстно, состоите на бѣломъ свѣтѣ, можно сказать, съ того года, въ которомъ я былъ произведенъ въ прапорщики этой самой нашей батареи. Служба въ конной артиллеріи чудесная, лучшаго и желать нельзя. Но вѣдь за то время, пока вы всё произрастали, бѣгали въ рубашонкахъ да въ кадетскихъ курткахъ, учились и шалили,—я, тѣмъ временемъ, уже успѣлъ «сбѣгать» въ 49-мъ году военнымъ походомъ въ Венгрію, въ 53-мъ отбылъ почти годовой походъ, пройдя всю Молдо-Валахію, въ 54-мъ и 55-мъ насидѣлся въ Севастополѣ и закончилъ все это тѣмъ, что въ 63-мъ году прогулялся по Царству въ легкихъ погоняхъ за повстанцами.

«Продѣлалъ я все это какъ будто въ полномъ, а въ сущности лишь въ кажущемся благополучіи,—говорю въ кажущемся потому, что походами нажилъ различные катары, и въ дѣлѣ подъ Дебречиномъ ¹⁾ былъ изрядно контужень; и катары и контузія должны итти въ счетъ,—вѣдь здоровье этими благопріобрѣтеніями порядочно надсадилось.

«А между тѣмъ я, благодаря своему не измѣняющемуся счастью, до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе двадцати лѣтъ службы своей, выше чина поручика не поднялся. Вы вотъ двое произведены изъ училища въ офицеры въ 66-мъ году и состоите подпоручиками, значить, я теперь старше васъ однимъ чиномъ,—вы догоняете меня; а вы трое производства 65-го года состоите со мной въ томъ же чинѣ,—догнали, несмотря на разницу между нами въ 18—20 лѣтъ; словомъ, мое дѣло какъ будто бы совершенно безнадежно, остановилось,—и я не знаю, когда мнѣ будетъ суждено продвинуться дальше въ чинахъ, а если дѣло пойдетъ такъ же, какъ шло посейчасъ, то, пожалуй, никогда.

¹⁾ Однимъ изъ главныхъ боевыхъ дѣятелей въ ту кампанію былъ командиръ пятаго армейскаго корпуса знаменитый генералъ Николаевичъ Лидерсъ, впоследствии графъ. Начальникомъ штаба у него состоялъ генералъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій—въ войну 1877—1878 гг. начальникъ штаба дѣйствующей арміи. Въ началѣ августа 49-го года подъ венгерскимъ городомъ Дебречиномъ произошло значительное сраженіе; городъ былъ нами взятъ, венгерцы потеряли половину своей арміи и чуть не погибли всё, а подъ начальствомъ Гергеа ушли на югъ къ городу Гроссвардейну, только благодаря нами сдѣланной ошибкѣ, состоявшей въ томъ, что мы прозѣвали ихъ преслѣдовать. Дебречинъ находится въ 250 верстахъ къ югу отъ Перемышля и въ такомъ же разстояніи къ юго-западу отъ Черновца, а отъ столицы Венгріи Будапешта въ 180 верстахъ на востокъ. А в т.

За чинами гоняться и думать объ нихъ я всегда считалъ и считаю дѣломъ неподходящимъ, но вѣдь сидѣть въ каждомъ чинѣ восемь, десять и больше лѣтъ, признаюсь, тоже не могу считать очень подходящимъ,—всякій застои и скучень и вредень. А вотъ послушайте, какъ у меня дѣло моего чиновпроизводства вообще до сихъ поръ шло; кто пойдетъ нужнымъ, пусть позавидуетъ, я же не побоюсь занять васъ этимъ скучнѣйшимъ рассказомъ, такъ какъ въ моихъ глазахъ онъ представляется очень поучительнымъ.

«Выйдя въ офицеры изъ родного перваго московскаго кадетскаго корпуса въ 45-мъ году прапорщикомъ восемнадцати лѣтъ отъ роду, я въ 49-мъ году, почти въ первые дни венгерской кампаніи,— за особую исправность, выказанную мною въ военномъ походѣ и въ дѣлахъ съ непріятелемъ, былъ произведенъ въ подпоручики. Трудно себѣ представить, какого это тогда надѣлало шуму! Въ чинѣ прапорщика въ конной артиллеріи каждый сидитъ годами, а иной просидитъ и десять лѣтъ нипочемъ, и вдругъ,—на, поди, человекъ не успѣлъ оглянуться, въ подпоручики на первомъ году службы за отличіе попалъ! Да это будущій Паскевичъ Эриванскій ¹⁾—кричали съ азартомъ и малые и большіе про меня.

«Тотчасъ по окончаніи венгерской кампаніи я былъ произведенъ въ поручики на вакансію, а во время севастопольскаго сидѣнія за отличіе въ дѣлѣхъ подъ Евпаторіей былъ генераломъ Хрулевымъ представленъ въ штабъ-капитаны. Не мало былъ я пораженъ, узнавъ, что ходатайство это не было уважено и что въ штабѣ просто совершенно случайно вычеркнуты были изъ списковъ награды тѣ, на кого въ спискахъ попалъ карандашъ начальника штаба; въ числѣ такихъ оказался я, и вотъ послѣ этой случайности просидѣлъ въ чинѣ поручика до сихъ поръ еще двѣнадцать лѣтъ, т.-е. всего ровно четырнадцать лѣтъ.

«Обо всемъ этомъ я говорю и рассказываю лишь ради того, чтобы вмѣстѣ съ вами вспомнить, какъ виноватъ я былъ самъ передъ собой: въ свое время полѣнился, не нашелъ нужнымъ доучиться и не пошелъ въ академію, а между тѣмъ дѣло это было у меня въ рукахъ, потому, что въ корпусѣ я учился прекрасно и изъ десяти балловъ въ среднемъ не выходилъ. Теперь, черезъ двадцать лѣтъ, ужъ поздно не только за это хвататься, но и думать объ этомъ.

«Что касается васъ всѣхъ, то не пропусайте этого, господа; учитесь, развивайтесь и идите непременно въ академію. Изъ моихъ товарищей Эгерштромъ, пройдя черезъ артиллерійскую ака-

¹⁾ Князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій во время той, т.-е. венгерской, кампаніи былъ нашимъ главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ венгерцевъ въ помощь растерявшейся арміи австрійскаго императора Франца-Иосифа. Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ особенно славился своей крайне быстрой карьерой и своимъ быстрымъ движеніемъ въ чинахъ съ молодыхъ и даже юныхъ лѣтъ вошелъ въ поговорку.

демію, а Масловъ черезъ академію генеральнаго штаба, уже давно оба полковники, затѣмъ есть генераль—болѣе молодой по производству въ офицеры, чѣмъ я,—правда не моего корпуса—перваго кадетскаго, а все-таки 1849 года выпуска—Роппъ¹⁾; онъ счастливо прошелъ черезъ академію генеральнаго штаба, и вотъ теперь, т.-е. на восемнадцатомъ году службы, уже генераль—начальникъ штаба округа въ Москвѣ,—все это иллюстрируется къ тому, что я заработалъ своею лѣнью,—развѣ это не смѣшно: остаюсь поручикомъ, когда товарищи, прошедшіе черезъ академію, уже давно состоятъ полковниками и выше. Учатся не для чиновъ, но отчего же, набирая знаній, не подвигаться и въ чинахъ.

«Переходя къ вашей благой мысли обзавестись библіотекой, могу сказать только, что привѣтствую эту вашу мечту. Составимъ сейчасъ же списокъ книгъ, которыя будутъ вами намѣчены къ приобрѣтенію, и закажете ихъ въ Варшавѣ, въ магазинѣ Кожанчикова; нечего вамъ искать черезъ Павленкова. Ничего нельзя сказать противъ его петербургскаго «магазина для иногородныхъ», но я вамъ прямо говорю, что Кожанчиковъ идеально аккуратенъ и исполнительенъ; я его нѣсколько разъ испыталъ, лучшаго нельзя и требовать,—все исполняетъ вѣрнѣе вѣрнаго. Какъ-то онъ мнѣ рассказывалъ, что у него есть въ Петербургѣ другъ, у котораго онъ, какъ ребенокъ, учился и научился точности, необходимой для веденія всякой торговли,—въ особенности книжной и издательской; другъ этотъ—самъ писатель и издатель—бывшій офицеръ лейбъ-гренадерскаго полка, фамилія его Шубинскій; къ нему онъ и обращается за помощью, когда получаетъ очень большіе или сложные заказы».

Мы составили списокъ книгъ, я съѣздилъ въ Варшаву, все поручилъ Кожанчикову, причемъ онъ, обѣщая мнѣ все изъ моихъ порученій исполнить точно и скоро, сообщилъ, что хотя «магазинъ для иногородныхъ» продолжаетъ дѣйствовать, но что самъ хозяинъ того магазина Флорентій Ѳедоровичъ Павленковъ, взявшись недавно за изданіе сочиненій Писарева, попалъ теперь на какое-то замѣчаніе и въ настоящее время сосланъ. Долго ли эта ссылка продлится—неизвѣстно, но вѣрнѣе будетъ, если вы отъ дачи порученій теперь въ тотъ магазинъ на нѣкоторое время придержитесь.

Двухъ словъ было достаточно для того, чтобы Кожанчиковъ принялъ отъ меня заказъ и чтобы мы съ тѣмъ заказомъ покончили.

Въ списокъ вошло немало книгъ; туда было внесено все, что въ тѣ времена было болѣе значительнаго: полныя собранія сочиненій

¹⁾ Роппъ, Христофоръ Христофоровичъ, въ 1849 г. произведенъ въ офицеры прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ; въ томъ же году былъ произведенъ во время венгерскаго похода въ поручики.

Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гончарова, Кольцова, Тургенева, Помяловскаго, Гоголя, Григоровича, Марка Вовчка, Бѣлинскаго, Данилевскаго, Островскаго, Писемскаго, Писарева, Алексѣя Толстого, кое-что изъ Льва Толстого, Евгени Туръ, переводные Шекспира, Шиллера, Байрона, Гейне, Льюиса, Бокля, Спенсера, Дарвина, Виктора Гюго, Мольера, Брема, Самуила Смайльса, словари Рейфа, множество отдѣльных повѣстей, романовъ и другихъ произведеній тѣхъ нашихъ писателей, которые больше всего тогда занимали читающую публику, а также сочиненія тогдашнихъ наиболѣе видныхъ военныхъ писателей,—всего, конечно, не перечестъ.

Очень я удивился и обрадовался, когда вскорѣ въ одинъ изъ зимнихъ дней, довольно рано утромъ, увидѣлъ въ городѣ самого Кожанчикова, привезшаго возъ книгъ. Такой массы ихъ, въ сущности, и не было, чтобы самому тревожиться проѣздомъ за двѣсти верстъ, но такое исполненіе заказа меня подкупило и всѣхъ насъ очень пріятно поразило. Пріѣздомъ своимъ онъ избавилъ насъ отъ лишнихъ поѣздокъ и тѣмъ намъ дѣло совершенно упростилъ.

— Такъ-то вѣрнѣе,—твердилъ Кожанчиковъ, сдавая мнѣ эту массу книгъ.

Вотъ почему я, въ сущности, такъ смѣло привелъ въ слѣдующемъ году новыхъ знакомцевъ нашихъ чеховъ въ этотъ магазинъ къ прекрасному и въ высокой степени аккуратному хозяину.

Ко времени кампаніи 1887—1888 гг. Петръ Николаевичъ Шишкинъ былъ только только что произведенъ въ подполковники и двинулся въ походъ командиромъ одной изъ батарей 16-ой артиллерійской бригады четвертаго армейскаго, впоследствии Скобелевскаго корпуса. Многимъ изъ участниковъ той турецкой кампаніи осталось въ памяти проявленное этимъ скромнымъ штаб-офицеромъ совершенно особое отличіе, о которомъ Михаилъ Дмитриевичъ счелъ долгомъ тогда же отдѣльно сообщить начальнику артиллеріи дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту князю Н. О. Масальскому, и доложить великому князю главнокомандующему Николаю Николаевичу Старшему; при этомъ Бѣлый генералъ добавилъ, что считалъ бы наиболѣе справедливымъ и правильнымъ награждать подполковника Шишкина золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», что и было исполнено—по отдѣльному представленію великаго князя.

Этотъ бывшій мой старшій офицеръ Петръ Николаевичъ Шишкинъ дожилъ до глубокой старости; онъ скончался въ 1912 году 8-го марта на восемьдесятъ четвертомъ году жизни. При этомъ командовавшій въ тѣ дни войсками кievскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Николай Гудовичъ Ивановъ ¹⁾, знавшій

¹⁾ Нынѣ главнокомандующій юго-западнаго фронта нашей арміи.

Петра Николаевича много лѣтъ, вспомнивъ случай особаго отличія этого достойнѣйшаго штабъ-офицера, призналъ необходимымъ и справедливымъ распорядиться устройствомъ особо торжественныхъ похоронъ его такъ, что весь Кіевъ увидѣлъ въ этомъ оказаніе совершенно особыхъ почестей и почувствовалъ, что предають погребенію тѣло полковника особенно заслуженнаго въ боевыхъ отличіяхъ своихъ.

Въ тѣ дни я въ Варшавѣ немного прихворнулъ и изъ предосторожности оставался дома, хотя болѣзнь оказалась простой лихорадкой.

Зайдя однажды, уже вскорѣ по моемъ выздоровленіи, къ Кожанчикову, мы съ братомъ застали у него какого-то господина, съ которымъ онъ почти спорилъ, увѣряя его честнымъ словомъ, что господа славяне дѣйствительно заходили въ магазинъ, приобрѣли въ немъ массу книгъ и заказали ихъ упаковать для личной передачи имъ при обратномъ проѣздѣ ихъ черезъ Варшаву, когда они тотчасъ послѣ окончанія славянскаго съѣзда въ Москвѣ будутъ держать направленіе на Прагу.

— Да что вы, Дмитрій Ефимовичъ, стараетесь меня увѣрить, точно я вамъ не вѣрю, я смѣюсь не потому, что могъ бы вамъ не вѣрить; нѣтъ ничего мудренаго въ посѣщеніи вашего магазина такими гостями, каковы Палацкій и Ригеръ, я смѣюсь тому, что вижу васъ тѣмъ же въ высшей степени разсѣяннымъ человѣкомъ, какимъ знавалъ васъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мы были помоложе и когда всякая разсѣянность могла быть намъ обонимъ болѣе къ лицу, чѣмъ теперь. Ну, какъ же вы, напримѣръ, цѣлыхъ полчаса увѣряете меня, что видѣли обоихъ славянъ у себя въ магазинѣ «собственноручно»; вѣдь это жъ, согласитесь, очень смѣшно.

— Извините, простите, Сергѣй Васильевичъ, — возражалъ суетливо Кожанчиковъ:—я хотѣлъ сказать, что видѣлъ ихъ у себя въ магазинѣ... ахъ, вотъ кстати, господа, добро пожаловать,—произнесъ онъ, увидѣвъ насъ вошедшими къ нему,—вотъ они были свидѣтелями того, что я видѣлъ Палацкаго и Ригера въ магазинѣ и «собственноручно» отпускалъ имъ кучу книгъ, по преимуществу вашего сочиненія.

— Это другое дѣло,—отвѣтилъ гость, оказавшійся только что прибывшимъ въ Варшаву авторомъ книги «Годъ на Сѣверѣ» Максимовымъ.

Мы съ нимъ тутъ же и познакомились, причемъ онъ показался намъ крайне любезнымъ и чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ.

Ко мнѣ лично онъ обратился и сказалъ: «А вы, молодой человѣкъ, мнѣ не нравитесь,—вы или больны, или только что были больны; посидите еще дня два-три дома, не выѣзжайте».

— Дѣйствительно, я-таки прохворалъ, но, видно, недостаточно отлежался,—отвѣтилъ я ему.

Туть я узналъ, что С. В. въ молодости окончилъ курсъ медико-хирургической академіи, и хотя практики не держался, но свѣдѣнія свои медицинскія далеко не забылъ, тѣмъ болѣе, что ими приходилось ему пользоваться въ то время, когда доводилось вращаться въ народѣ при этнографическихъ странствованіяхъ по Россіи.

Я, конечно, выслушалъ его и тутъ же, по свойственному молодости легкомыслію, собирался забыть его наставленіе, но у меня врѣзалась въ память навсегда та добрая настойчивость, съ которою онъ велѣлъ за тѣмъ упрощивалъ меня дать ему слово въ точности исполнить его два совѣта: первый не выходить дня три изъ дому, а второй—непремѣнно посоветоваться съ докторомъ прежде, чѣмъ рѣшиться предпринять путешествіе въ Сѣдлецкую губернію.

— Иначе,—сказалъ онъ,—вы можете очень серьезно осложнить свою болѣзнь; къ чему рисковать и зачѣмъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, оно дорого, повѣрьте, дорого, и это вы можете не цѣнить только до тѣхъ поръ, пока не разстроили его, пока оно васъ не покинуло,—говорилъ онъ съ крайнею озабоченностью.

Много разъ въ жизни вспоминалъ я отеческій совѣтъ этого добраго человѣка, въ особенности съ удовольствіемъ представляя себѣ его добрую фигуру при чтеніи доставлявшихъ мнѣ впоследствии массу удовольствія строкъ, выходившихъ изъ-подъ его симпатичнаго пера.

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОГИБШАГО ГЕРОЯ.

«Я тяжело раненъ... Рота впередъ...»
(Последнія слова).

I.

ЯЖЕЛА служба офицера на войнѣ!

Какъ много приходилось переживать, перенося холодъ, голодь и прочія нужды солдатскія... Сколько разъ угрожала опасность жизни, когда пули падали и зарывались въ землю въ трехъ шагахъ, или ранили недалеко стоявшаго, или когда во время ложной тревоги я бѣгалъ подь пулями и приказывалъ своимъ людямъ спрятаться и не стрѣлять, а между тѣмъ при ночной нервозности стрѣляли даже пулеметы...

А сколько надо было проявлять силы характера и твердости духа, чтобы быть на высотѣ своего положенія и подбадривать въ трудныя минуты людей личнымъ примѣромъ... Лежимъ весь день въ отдѣльныхъ ямкахъ на огородѣ на днѣ оврага, вдоль котораго огонь. При выстрѣлѣ нашихъ гаубицъ земля дрожитъ, — ужасно онѣ ноютъ въ воздухѣ. Пули свистятъ во всю, такъ что высовывать голову надъ поверхностью земли не рекомендуется... Читаю письма, старыя газеты... хожу отъ времени до времени подь пулями, чтобы посмотрѣть, хорошо ли притаились люди. Одинъ не утерпѣлъ, вышелъ покурить, и пуля пронизала ему ногу навзлетъ... Съ наступленіемъ темноты послали насъ на земляныя работы; только что мы тронулись, какъ попали подь картечный огонь, все пали ницъ, и никто не пострадалъ.

За день три пули ударили въ стѣнку моего ровика, около моихъ ногъ, но ихъ не задѣли.

Приходилось наступать; окапываясь; все время мы были подъ огнемъ.

Уставали сильно, однако натура брала свое и объ опасности забывали. Несмотря на начавшуюся стрѣльбу, улегся спать и не скоро проснулся... Говорять, во время моего сна по насъ былъ открытъ страшнѣйшій пулеметный огонь... но онъ меня не разбудилъ, хотя нѣсколько пуль попало въ мой окопъ, въ противоположную стѣнку...

...Позже въ сосѣдней ротѣ случилось несчастье: въ нее попалъ снарядъ тяжелой артиллеріи и вывелъ изъ строя 22 человѣка, изъ нихъ 4 было убито.

2.

Подъ гор. К. наша рота наступала по болоту; приходилось ложиться въ воду, находясь все время подъ шрапнельнымъ и гранатнымъ огнемъ.

Видѣлъ, какъ граната попала въ солдатака сосѣдней роты... Онъ перевернулся въ воздухъ и былъ на мѣстѣ убитъ. Много было раненыхъ... Санитарамъ пришлось работать въ водѣ подъ сильнымъ обстрѣломъ.

Первое время вопросъ о жизни меня совершенно не интересовалъ, но теперь, когда я кое-что увидѣлъ и пережилъ, ужасно хочется остаться въ живыхъ и вернуться домой. Поэтому итти при данныхъ условіяхъ противъ пруссаковъ на «убой» особеннаго желанія у меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ... Мое желаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ фантазія слѣдующія: принять участіе въ большомъ, славномъ дѣлѣ, въ которомъ австрійская армія была бы уничтожена, а потомъ обратиться противъ ослабленныхъ уже пруссаковъ и ихъ тоже разбить...

3.

...Безконечныя передвиженія по ужаснымъ дорогамъ, при отвратительной погодѣ... Близость противника уже сказывается... Настроеніе какое-то мрачное, что-то въ родѣ предчувствія, будто надвигается катастрофа, не то на наши войска, не то на меня одного... Неужели боюсь нѣмцевъ? Теперь, когда я кое-что повидалъ, какъ-то не хочется выбывать изъ строя, а, разбивъ австрійцевъ, хочется и нѣмцевъ сразу побѣдить; въ окончательной же побѣдѣ я не сомнѣваюсь.

4.

...Пріѣзжало ближайшее начальство... но въ это время нѣмцы открыли огонь изъ тяжелыхъ орудій, и снаряды съ жужжающимъ шумомъ вѣдали, апрѣль 1916 г., т. схиу.

ніемъ начали перелетать черезъ нашу избу...

Вернулись съ сторожевой службы на отдыхъ съ провожатымъ; шесть веретъ шли четыре часа, такъ какъ дорога—адъ, проваливались иногда по поясъ, а вообще шли все время по колѣно въ водѣ и грязи и тогда говорилось, что «здѣсь сухо», но вернулись на старую квартиру и все забыли!

5.

Разно дѣйствуетъ на людей опасность и страхъ смерти: попали подъ артиллерійскій огонь.

Въ деревнѣ П., обстрѣливавшея тяжелой артиллеріей противника, вблизи офицерскаго собранія упаль одинъ спарядъ...

Мы остались, конечно, стоять на своихъ старыхъ мѣстахъ,

Возвратившись на позицію, наблюдалъ ложную тревогу у противника, получилось впечатлѣніе грозы: пулеметы и ружейный огонь трещали, какъ крупныя капли дождя по крышѣ, а огонь орудійныхъ выстрѣловъ и раскаты отъ разрывовъ уподоблялись грому и молніи!

Все-таки улеглись нормально спать...

6.

... До вечера насъ засыпала легкая, гаубичная и тяжелая артиллерія противника. Наша отвѣчала, канонада была очень сильная .. Достигли посада Х., а потомъ скрылись за его домами и въ до-

махъ, прямо чудомъ не понесъ потерь... Впереди сильный ружейный и пулеметный огонь, въ посадъ тоже залетали отдѣльные пули... Бой разгорался... Ночевали въ домахъ, причемъ двери нашего дома на нашихъ же глазахъ пробилъ осколокъ снаряда... Не разорвавшіеся стаканы шестидюймовыхъ снарядовъ валялись то тамъ, то сямъ; вѣсятъ они около двухъ пудовъ. Прибыль самогарь-буфетъ, немного закусили.

Слѣдующій день прошелъ томительно скучно, обстрѣлъ не прекращался; Наконецъ двинули насъ впередъ, чтобы заполнить прорывъ; шли подъ обстрѣломъ, пули свистѣли вокругъ... Огонь сталъ усиливаться и съ нашей стороны, потери увеличивались. Настроеніе становилось нервнымъ, При дальнѣйшемъ наступленіи многія части нѣсколько измѣнили направленіи атаки подъ дѣйствіемъ непріятельскаго огня, однако появленіе ихъ на флангѣ заставило противника бѣжать вразбродъ изъ окоповъ... Тутъ началось преслѣдованіе...

Во время перебѣжки въ деревню Х. я разъ упалъ передохнуть. Полевая сумка легла мнѣ на спину, и въ ту же минуту въ нее попала пуля; она пробила четыре кожаныхъ перегородки, шпифаксъ, шоколадъ, развернула записную книжку и исковеркала еще металлическое кольцо, оторвавшееся отъ револьвера...

Не могу описать чувства радости при ощущеніи, что пуля попала въ меня, но я остался невредимъ!

Перебѣгать было трудно, было жарко и не хватало дыханія. Поведеніе людей было выше всякихъ похвалъ... Противникъ сопротивлялся упорно. У насъ въ ротѣ убитъ 1, ранено 5; полкъ за послѣдніе четыре дня потерялъ до 700 нижнихъ чиновъ.

7.

... Пошли поддерживать лѣвый флангъ батальона... Пули свистѣли надъ головами, снаряды рвались больше вправо... Открыли огонь изъ своего пулемета; дѣйствіе его было удачно. У противника оказались тяжелыя шестидюймовыя гаубицы; одинъ изъ снарядовъ попалъ въ нашъ окопъ, но точно чудомъ лишь одинъ человекъ оказался контуженнымъ, пулеметъ же остался невредимъ.

Два снаряда попали въ господскій домъ, одинъ около нашей роты... Ночь прошла послѣ жаркаго боя благополучно, однако отдѣльные пули все время летали... Была какъ-то ложная тревога... Утомленные люди спали въ окопахъ, и я ихъ будилъ, проходя съ лѣваго фланга направо; на все это ушло очень много вре-

мени; между прочимъ, одинъ молодецъ зарылся въ соломѣ, я его оттуда вытащилъ пашкой и, чтобы его привести въ себя, началъ трясти за башлыкъ: онъ спросонья разревѣлся...

8.

...Двинули на подкрѣпленіе къ сосѣднему полку,
 Пробирались съ провожатымъ окраиной лѣса...
 Пролетаютъ пули; около опушки много труновъ и всякаго снаряженія. Заняли окопы. Шальные пули свистятъ во всю...
 День и ночь провели въ полусонномъ состояніи и, конечно, нервномъ. Присылали намъ ѣду, ночью подѣзжала кухня.

Артиллерійская стрѣльба была уже не очень сильна, но вся опушка лѣса сильно обстрѣливалась въ предшествующіе дни, и потому ни одно дерево, кажется, не уцѣлѣло.

Непріятно было ходить оправляться на глазахъ у роты, подѣ пулями

9.

Вечеромъ была страшная стрѣльба, и вотъ что она намъ говорила: погода туманная, луна плохо освѣщаетъ (было около десяти часовъ вечера). Вялая перестрѣлка идетъ по всему фронту, и мы и противникъ занимаемъ свои окопы. Вдругъ ружейная стрѣльба участилась; у противника передвиженіе... Затрещали часто пулеметы... Колонны противника наступаютъ на нашъ центръ... Прибавился еще огонь австрійскаго пулемета, принадлежащаго одной изъ нашихъ ротъ. Наступленіе обнаружено по всему фронту... Загрохотала наша артиллерія; къ противнику подходятъ резервы... Слышны взрывы ручныхъ гранатъ... Противникъ подошелъ на 35 шаговъ... Затихло, штыковой ударъ! Опять страшная стрѣльба, мы преслѣдуемъ противника... Заговорила артиллерія австрійцевъ, они, видно, выручаютъ своихъ и хотятъ задержать наше наступленіе... Снова вялая перестрѣлка, и все входитъ въ норму... и на все это потребовалось ровно полчаса... Все же былъ вызванъ другой нашъ батальонъ по тревогѣ, но за ненадобностью вскорѣ вернулся обратно въ свою деревню. Мы тоже спокойно улеглись спать...

Иаложенная картинка—плодъ воображенія, была лишь ложная тревога въ сосѣдномъ полку.

10.

...Смѣнили другую часть. Въ деревнѣ С. есть дома, совершенно разрушенные тяжелой артиллеріей противника. На позиціи все пространство ея, занимаемое нашимъ батальономъ, обстрѣли-

вается снарядами и пулями, окопы прицѣльными, резервы шальными... Ночь прошла спокойно. Весь слѣдующій день перестрѣлка, вражескія укрѣпленія въ восьмистахъ шагахъ. Сидя у себя въ блиндажѣ, слушалъ такіе разговоры: «Вонъ, вонъ... вонъ бѣжить... Скорѣй цѣлься. Бацъ! прилетѣть... Ура! Ха-ха-ха! Опять дальше побѣжалъ. Ну-ка. Взводъ—пли! Бацъ!..» Такъ люди забавлялись весь день...

Смѣна на другой день задержалась изъ-за ложной тревоги... Одному взводу показалось, что противникъ пошелъ въ штыки на ихъ сосѣдей; они открыли огонь, который распространился по всему фронту... Насъ буквально засыпали артиллерійскимъ огнемъ, но пострадало лишь трое... Скоро все улеглось... Собрались наконецъ уходить, но въ это время недалеко разорвались два снаряда...

. Вдругъ въ это же самое время раздался выстрѣлъ, и слышенъ былъ все усиливающийся звукъ полета приближающагося къ намъ «чемодана». Я почувствовалъ, что люди затаили дыханіе...

Самому мнѣ стоило большого усилія продолжать спокойнымъ тономъ говорить... Къ счастью, снарядъ не долетѣлъ и, ударивъ въ землю, гулко разорвался.

11.

... Смѣна товарищей въ окопахъ прошла благополучно, послѣ чего я взялъ двухъ человекъ и пошелъ знакомиться съ лѣвымъ участкомъ позиціи... Осмотрѣлъ каждый кустикъ, каждую складку мѣстности...

Вся гора за головнымъ окопомъ была изрыта снарядами, и потому резервы тамъ пройти ни въ коемъ случаѣ не могли; придется ихъ высылать изъ окопа. Въ одномъ мѣстѣ насъ замѣтили и обстрѣляли разрывными пулями.

Черезъ нѣсколько дней снова пришлось итти на смѣну. Я задержался, а взводы уже шли. Въ это время у противника поднялась тревога. Несмотря на стрѣльбу, я со связью побѣжалъ въ окопъ; надо было пробѣгать лѣсъ, а его какъ разъ очень удачно поражала шрапнель противника... все-таки благополучно добрался до своихъ... Тревога скоро прекратилась.

12.

... Нашимъ батальономъ временно командовалъ П., онъ страшно волновался и всю ночь не спалъ; одинъ изъ товарищей тоже... На другой день, когда стемнѣло, нервное состояніе еще болѣе усилилось, такъ что оно и мнѣ передалось... Съ трудомъ съ помощью

самаго празднаго разговора съ К. я возстановилъ нарушенное душевное равновѣсіе.

Среди дня приходилъ саперный прапорщикъ Ш. Я съ нимъ прогулялся въ окопы, и даже мы пробрались въ правый лѣсокъ, чтобы выбрать мѣсто для новаго окопа, съ цѣлью противодѣйствовать непріятельской сапѣ.

13.

Неожиданно пришло по телефону приказаніе ночью отступать. На всѣхъ это страшно подѣйствовало, но вѣрю, что это отступление вызвано, какъ сказано, маневрированіемъ, а не неудачею на какомъ-нибудь фронтѣ.

Въ десять часовъ вечера я ушелъ съ батальоннымъ командиромъ однимъ изъ послѣднихъ. Въ окопахъ остались 48 охотниковъ подъ начальствомъ прапорщика К. Возбуждался вопросъ: кого съ нимъ оставить? Я чувствовалъ, что командиръ батальона намѣтилъ меня, но я самъ не напрашивался; въ послѣднюю минуту назначили К. Миссія очень не легкая, а главное нужны нервы... Всю ночь продолжалась перестрѣлка, замѣчалась нервность и у противника, видимо, онъ боялся ночной атаки, все время гулялъ прожекторъ, пускались свѣтящаяся ракеты; нѣсколько разъ у него происходили ложныя тревоги, и тогда открывался страшнѣйшій пулеметный и ружейный огонь. А когда подъ утро наши охотники отошли и оставили только тыльный дозоръ въ семь человѣкъ и, слѣдовательно, нашъ огонь совсѣмъ ослабѣлъ, непріятеля охватила паника... все пространство засыпалось не только пулями, но и снарядами... Съ восьми часовъ утра нашъ участокъ былъ уже совершенно пустъ, а стрѣльба все время не прекращалась, и брошенные нами окопы были заняты противникомъ лишь послѣ двѣнадцати часовъ дня.

14.

...Наступаемъ уступами справа... Все время сильный огонь Т. и я перебѣжали въ деревню С. и расположились въ уцѣлѣвшемъ каменномъ домѣ; деревня еще догорала, осталось дома три.. Потери значительныя, уже вышло изъ строя нѣсколько офицеровъ.

По приказанію батальоннаго командира, я собралъ людей роты которые накопились въ деревнѣ, и обратился къ нимъ съ словомъ, а затѣмъ отвелъ на ихъ позицію; потомъ зашелъ въ сосѣднюю роту и провѣрилъ связь между этими частями.

Сотались совсѣмъ близко... мѣстами въ семидесяти шагахъ отъ противника.

Много было раненыхъ... не хватало перевязочныхъ средствъ... Весь полъ нашей комнаты былъ залитъ кровью, а отъ стоновъ трудно было говорить по телефону. Всю ночь работаль около раненыхъ, говорилъ по телефону, писалъ приказанія, разсылалъ связь, самъ бѣгалъ... Разъ, перебѣгая въ сосѣднюю деревню, провалился по поясъ въ болото, сопровождавшій меня раненый вытащилъ меня при помощи здоровой руки...

15.

... День провели въ полуснѣ, при моихъ обязанностяхъ спать не даютъ. Кое-чѣмъ питались. Артиллерія обстрѣливала наши окопы, и связь съ ротами въ виду сильнаго огня была до темноты нарушена. Ночью опять пришлось мало спать... Слѣдующій день начался нормально, но артиллерія противника, повидимому, задалась цѣлью снести нашъ уцѣлѣвшій домъ. Подъ звуки выстрѣловъ мы какъ разъ собирались писать письма, но выдержалъ одинъ я. Т. забѣгалъ изъ угла въ уголъ, а М. выскочилъ на улицу... Одно стекло лопнуло... Я видѣлъ, какъ шрапнельныя пули попадали въ рамы, крыша въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вся стѣна пострадали отъ нихъ... Написалъ два письма...

16.

... Артиллерія противника открыла огонь по нашей деревнѣ, и одинъ изъ снарядовъ угодилъ въ домъ, занятый офицерами; все перепортилъ, но никого не ранилъ. Л., сидѣвшій въ окопѣ, замѣтилъ непріятельскую батарею по выстрѣламъ и взялся корректировать стрѣльбу; наблюденія пришлось передавать черезъ пять инстанцій... Все же первый выстрѣлъ былъ удачный, и противникъ замолчалъ, но второй выстрѣлъ упалъ почти въ наши окопы.

Когда стемнѣло, заварили чай... Артиллерія по насъ стрѣляла оттого, что, несмотря на запрещеніе, днемъ дымилось нѣсколько трубъ... Съ утра опять затопили печи, пошелъ дымъ и насъ жестоко обстрѣляли: попали въ нѣсколько домовъ, пробили лаваретъ, но никого въ немъ не ранили. Снарядами пробили проходы телефона... Пострадало лишь три человекъ резервной роты.

17.

... Въ деревнѣ В. стояли резервныя роты, и нѣмцы окончателно рѣшили спалить эту деревню, для чего въ теченіе дня два раза обстрѣливали ее, выпустивъ до пятидесяти снарядовъ.

Одинъ изъ нихъ выбилъ всѣ окна въ офицерскомъ домѣ, а когда штабъ батальона перешелъ въ другое зданіе, тутъ повторилось то же самое... Тогда укрылись въ блиндажѣ, но снарядъ и туда угодилъ, вызвавъ пожаръ... Деревня въ другихъ мѣстахъ уже раньше горѣла... Еле-еле спаслись офицеры, но часть снаряженія и одежды сгорѣли. Я заранѣе пришелъ въ пылавшую деревню и отвелъ для чиновъ своего штаба домъ бывшаго нашего перевязочнаго пункта... Въ немъ стѣна чердачнаго помѣщенія была уже пробита снарядомъ, окна выбиты. Холодъ ужасный: около 0 градусовъ, но при сильномъ вѣтрѣ.

Несмотря на фонъ пожара, смѣна частей прошла благополучно. Во время обстрѣла снарядъ попалъ въ избу, гдѣ спало много людей, они чуть было не сгорѣли; аммуниція же, винтовки, запасы патроновъ и земляныхъ мѣшковъ, все сгорѣло.

Въ этой деревнѣ мы еще пережили нѣсколько неприятныхъ минутъ,

18.

... Весь день ждали серьезнаго обстрѣла, но нѣмцы только немного стрѣляли изъ полевыхъ орудій, не причинивъ вреда...

Подготавливались къ наступленію... Ждали приказанія по телефону: «Начинайте наступать». Ночью валилъ снѣгъ, опять настоящая зима. День прошелъ монотонно: писалъ, читалъ, ѣлъ, валялся...

Тяжелая артиллерія противника сильно обстрѣливала всѣ наши окопы; много снарядовъ-гранатъ попало въ окопъ одной изъ ротъ, но ротный командиръ перевелъ людей въ передовой окопъ, который былъ расположенъ въ 120 шагахъ отъ окоповъ противника и по которому изъ-за близости его отъ своихъ нѣмцы побоялись стрѣлять...

Послѣднія строки дневника были написаны за два дня до смерти на полѣ брани, при атакѣ нѣмецкихъ окоповъ... Уста юнаго героя, смертельно раненаго, успѣли еще прошептать знаменательныя слова подхватившимъ его подъ руки нижнимъ чинамъ: «Я тяжело раненъ... Рота впередъ!»

Такъ умираютъ доблестные офицеры, вѣрные своему долгу!

Авторъ дневника не дожидъ до счастливаго дня, о которомъ мечталъ, до полной побѣды, въ которую онъ такъ твердо вѣрилъ, надъ сильнымъ, но жаднымъ и безчестнымъ врагомъ. Онъ палъ истиннымъ героемъ въ честномъ бою, отдавъ сознательно свою молодую и многообѣщавшую жизнь ради счастья родины, величія своего Государя и славы русскихъ знаменъ. Будучи военнымъ

по призванію, знающимъ и любящимъ свое дѣло, онъ, по свидѣтельству сослуживцевъ, выказывалъ особую вдохновенность войною и являлся образцомъ боевого офицера, безстрашнаго, спокойнаго, распорядительнаго и не теряющаго присутствія духа въ самыя тяжелыя минуты кроваваго боя.

Смертью храбрыхъ онъ запечатлѣлъ вѣрность долгу и страстную любовь къ своей великой родинѣ!

Такими убѣжденными, самоотверженными и мужественными сынами всегда жива будетъ русская земля!

На ихъ костяхъ, на землѣ, столь обильно орошенной ихъ святою кровью, возродится новая, свѣтлая и счастливая жизнь на Руси!

Беззавѣтная преданность родинѣ, горячая любовь къ арміи, доброжелательное и сердечное отношеніе къ товарищамъ, заботливость о нижнихъ чинахъ; твердость характера, сила воли и постоянная мысль о наилучшемъ выполненіи своего долга, въ связи съ яснымъ пониманіемъ военнаго дѣла, наблюдательностью, душевною чуткостью, прямою и рѣдкою правдивостью, таковы характерныя черты погибшаго героя, отдавшаго жизнь свою, по завѣту евангельскому, за други своя...

Высказанныя имъ искреннія, нерѣдко вдохновенныя мысли должны быть особенно цѣнными для русскаго юношества и молодыхъ офицеровъ: это завѣтъ изъ загробнаго міра, племенно указывающій, какъ нужно служить своей родинѣ, чтобы русское имя вѣчно было окружено немеркнущимъ ореоломъ.

СИЛУЭТЫ ПРОШЛАГО.

(Изъ воспоминаній).

АННЕЙ весной 1886 года въ Москвѣ пронесся слухъ, что ко дню коронаванія ихъ величествъ, т.-е. къ 15-му мая, царская семья будетъ въ Бѣлокаменной, а въ началѣ мая уже стало официально извѣстно, что государь императоръ намѣренъ посѣтить въ этотъ день московскій университетъ. Университетское начальство, разумѣется, страшно переполошилось. Начались лихорадочно снѣшныя приготовленія къ торжественной встрѣчѣ высокихъ гостей, которыхъ старѣйшій разсадникъ русскаго просвѣщенія еще ни разу не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ.

Тогда былъ только что введенъ въ дѣйствіе новый университетскій уставъ, превратившій «свободныхъ слушателей» въ самыхъ обыкновенныхъ «учениковъ высшаго учебнаго заведенія». Студенты стали неузнаваемы. вмѣсто прежнихъ «неблагонадежныхъ» косоворотокъ среди нихъ появились новенькіе, сшитые съ иголочки двубортные виць-мундарты, въ которые обязаны были облечься первокурсники въ отличіе отъ своихъ старшихъ товарищей, получившихъ разрѣшеніе донашивать партикулярное платье. Весь внутренній строй университета радикально измѣнился, при этомъ особое, исключительное значеніе получила инспекція, недавно еще не игравшая здѣсь почти никакой роли. «Знаменитый» инспекторъ Брызгаловъ, вскорѣ сдѣлавшійся виновникомъ крупныхъ студенческихъ беспорядковъ, подробно мною

описанных лѣтъ десять тому назадъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», изъ безобиднаго чиновника, когда-то учителя географіи, неожиданно превратился въ настоящее пугало по отношенію къ студентамъ. Последніе, особенно бѣднѣйшіе изъ нихъ, стали подвергаться всевозможнымъ стѣсненіямъ, ихъ третировали, сажали въ карцеръ за малѣйшее нарушеніе университетскихъ правилъ, лишали стипендій и т. д. Гнетъ Брызгаловскаго режима не распространялся лишь на привилегированную часть студенчества: на маменькиныхъ сынковъ изъ аристократіи, носившихъ вицъ-мундиры на бѣлыхъ, шелковыхъ подкладкахъ и получившихъ отсюда названіе «бѣлоподкладочниковъ», и вообще на всякаго рода богатенькихъ жуировъ, дни и ночи проводившихъ въ увеселительныхъ мѣстахъ и откупавшихся отъ обязательнаго посѣщенія лекцій взятками, которыя они щедро раздавали низшимъ служителямъ инспекціи, такъ называемымъ педелямъ.

Я не знаю ничего возмутительнѣе этого института педелей описываемой мною эпохи, когда интеллигентные молодые люди со среднимъ образованіемъ ставились подъ унижительный контроль бывшихъ ефрейторовъ или, въ лучшемъ случаѣ, унтеръ-офицеровъ, полуграмотныхъ, грубыхъ, разыгрывавшихъ изъ себя «начальство». Живю помню одного изъ такихъ педелей, нѣкоего К—ва. Коренастый и толстопузый, съ жирнымъ, лунообразнымъ лицомъ, съ ухарски закрученными кверху колючими, рыжими усами, онъ каждое утро стоялъ около раздѣвальной юридическаго факультета, зорко всматриваясь въ дефилирующихъ мимо него студентовъ и отмѣчая ихъ въ особомъ спискѣ карандашомъ или, вѣрнѣе, огрызкомъ карандаша, который онъ всякій разъ прежде, чѣмъ написать что-либо, усердно мусолил въ рту. Если появлялось неизвѣстное ему лицо, то онъ немедленно требовалъ отъ него входной билетъ. Къ «бѣлоподкладочникамъ» К—въ относился чрезвычайно почтительно, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ даже подобострастно, всячески старался имъ угодить и еще издали раскланивался съ ними съ преувеличенной вѣжливостью; бѣдняковъ же онъ самымъ откровеннымъ образомъ презиралъ: онъ даже не кланялся имъ, а лишь отвѣчалъ на ихъ поклоны надменнымъ кивкомъ головы; въ разговорѣ съ ними часто позволялъ себѣ грубый, высокомерный тонъ. Студенты терпѣть не могли его и даже слегка побаивались, такъ какъ, будучи прирожденнымъ шпиономъ и желая отличиться по службѣ, онъ иногда дѣлалъ на нихъ ложные доносы. Таковъ былъ этотъ К—въ, одинъ изъ любимѣйшихъ педелей Брызгалова. Большимъ фаворомъ со стороны послѣдняго пользовался и педель физико-математическаго факультета Б—скій, маленькій человѣчекъ съ препротивной сладенькой улыбкой, точно навѣкъ застывшей на его плоскомъ лицѣ, которое абсолютно ничего не выражало, кромѣ безпредѣльной угодливости передъ

начальствомъ. Брызгаловъ давалъ этому педелю самыя разнообразныя «секретныя порученія», требовавшія иной разъ искуснаго переодѣванія и даже грима, и тотъ всегда исполнялъ ихъ съ ловкостью и «чистотой» профессиональнаго сыщика. Б—скій былъ музыкантъ, онъ игралъ на кларнетѣ, и это обстоятельство придавало ему въ глазахъ университетскаго начальства еще болѣе вѣсу по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Послѣ того, какъ новый университетскій уставъ «облагодразилъ» студентовъ, сдѣлалъ ихъ, такъ сказать, «приличными молодыми людьми», вполне послѣдовательно было позаботиться и о предоставленіи имъ какихъ-нибудь разумныхъ и полезныхъ развлеченій, подобающихъ «благовоспитанной молодежи». Вѣроятно, съ этой цѣлью и были организованы въ московскомъ университетѣ студенческіе оркестръ и хоръ, которые Брызгаловъ счелъ нужнымъ сразу принять подъ свое покровительство. Такъ, въ его квартирѣ происходили обыкновенно всѣ музыкальныя репетиціи, причѣмъ онъ обязательно на нихъ присутствовалъ, хотя и ровнѣо ничего не понималъ въ музыкѣ. Но онъ исполнялъ роль любезнаго хозяина, угощалъ студентовъ чаемъ съ буттербродами, занималъ ихъ разговоромъ и вообще относился къ нимъ, какъ къ своимъ хорошимъ гостямъ. Тутъ ужъ и рѣчи не было ни о какой субординаціи: студенты видѣли передъ собой не «пугало» въ образѣ строгаго, придирчиваго инспектора, а добродушнѣйшаго Алексѣя Александровича, который шутилъ съ ними, смѣялся и даже разсказывалъ имъ скабрзные анекдоты. Тутъ же за чайнымъ столомъ присутствовала и его экономка, простая, не очень молодая, но довольно миловидная женщина, весьма непринужденно державшая себя въ студенческой компаніи. Она участвовала въ общей бесѣдѣ, какъ полноправная хозяйка, разливала чай и благосклонно позволяла за собой ухаживать безусымъ юнцамъ.

Дирижировать студенческимъ оркестромъ былъ приглашенъ знаменитый Максъ Эрдманнсдерферъ, руководившій въ то время симфоническими концертами русскаго музыкальнаго общества въ Благородномъ собраніи. Эрдманнсдерферъ не получалъ отъ университета никакой платы, но зато онъ имѣлъ возможность считать себя профессоромъ, не будучи имъ въ дѣйствительности, и получать изъ Германіи письма, адресованныя «an den Herrn Professor»: для честолюбиваго нѣмца и этого было достаточно. Когда кто-нибудь изъ студентовъ, обращаясь къ нему, называлъ его «господинъ профессоръ», то онъ весь расцвѣталъ отъ удовольствія. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, блондинъ, съ короткими, обстриженными бобрикомъ волосами, съ небольшими усами и бородой и съ чрезвычайно энергичнымъ, подвижнымъ лицомъ. Дирижеръ онъ былъ дѣйствительно выдающійся, первоклассный, тонко чувствующій, понимавшій и знавшій въ совершенствѣ музыку. Онъ

властно всходилъ на эстраду, быстрымъ взглядомъ окидывалъ публику, оркестръ и черезъ двѣ-три секунды поднималъ палочку. Въ огромномъ, переполненномъ многотысячной толпой залѣ собранія обыкновенно сразу наступала мертвая тишина: такъ велика была покоряющая сила таланта этого выдающагося артиста-дирижера, что онъ буквально держалъ въ рукахъ не только оркестръ, но и публику, которая по одному мановенію его «волшебной палочки» вся замирала и сидѣла потомъ, точно зачарованная. Съ внѣшней стороны въ дирижерствѣ Эрдманнсдерфера было удивительно много благородства и изящества. Онъ не дѣлалъ ни одного рѣзкаго движенія, не прибѣгалъ ни къ какимъ грубымъ эффектамъ, но каждый взмахъ его руки со сверкавшимъ на мизинцѣ крупнымъ брильянтомъ былъ полонъ экспрессіи, огня, былъ неподражаемо пластиченъ. Какъ не похожъ онъ былъ на другого извѣстнаго нѣмецкаго дирижера Рудольфа Буллеріана, который щеголялъ тѣмъ, что дирижировалъ всегда безъ партитуры, на память, но зато, красный и толстый, какъ мясникъ, съ включенными желтыми волосами, онъ весь ходуномъ ходилъ на эстрадѣ и вообще являлъ собою зрѣлище весьма не эстетическое. Полной противоположностью былъ онъ и по отношенію къ другой знаменитости того времени, прославленному П. А. Шостаковскому, кумиру московскихъ дамъ восьмидесятихъ годовъ и довольно топорному пианисту, про котораго кто-то обмолвился остроумнымъ четверостишіемъ:

Борода твоя мочалочкой,
Музыкантъ ты жалкій...
Не тебѣ махать бы палочкой,
А тебя бы палкой.

Смѣло можно утверждать, что на тогдашнемъ музыкально-артистическомъ небосклонѣ Эрдманнсдерферъ блисталъ, какъ звѣзда первой величины, и не было ему равныхъ. Такъ что, если онъ и гордился «профессорскимъ званіемъ», то въ такой же мѣрѣ должны были гордиться имъ самимъ и мы, студенты московскаго университета.

Помнится, наши оркестровыя репетиціи происходили въ квартирѣ Брызгалова раза два въ недѣлю, а въ день публичнаго концерта, каковыя давались обыкновенно въ началѣ и въ концѣ зимняго сезона, послѣдняя, генеральная репетиція переносилась уже въ дольшой залъ Благороднаго собранія. Какъ аккуратный нѣмецъ, Эрдманнсдерферъ, конечно, не пропускалъ ни одной репетиціи, хотя при немъ всегда состоялъ какой-нибудь помощникъ изъ опытныхъ музыкантовъ, съ которымъ мы обыкновенно разучивали всѣ пьесы «начерно» еще задолго до прибытія самого маэстро. Наконецъ появлялся и онъ. Такъ какъ онъ почти ни слова не говорилъ по-русски, то помощникъ его, тоже какой-нибудь «не со-

всѣмъ русскій человѣкъ», былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и переводчикомъ. До сихъ поръ у меня въ ушахъ эрдманнсдерферское: «*leise, ganz leise!*»

— Слабже, слабже!—громко, во всеуслышаніе всякій разъ повторялъ за нимъ переводчикъ, относившійся къ русской грамматикѣ, повидимому, съ большимъ пренебреженіемъ.

Надо отдать справедливость Эрдманнсдерферу: занимался онъ съ нами весьма усердно. Чуть не каждую музыкальную фразу онъ предварительно разыгрывалъ на піанино, игралъ ее до тѣхъ поръ, пока она не завязнетъ у насъ въ ушахъ. Вообще упорство, съ которымъ онъ стремился добиться отъ обыкновенныхъ любителей-музыкантовъ болѣе или менѣе совершеннаго исполненія музыкальнаго произведенія, было прямо изумительно. Случалось, что онъ десятки разъ подъ рядъ заставлялъ насъ повторять одинъ и тотъ же трудный пассажъ, иногда всего лишь два-три такта, и въ концѣ концовъ достигалъ цѣли, сохраняя при этомъ все время невозмутимое спокойствіе.

Студенческій оркестръ почти сплошь состоялъ изъ первокурсниковъ, блиставшихъ своими новенькими виць-мундирами, такъ что небольшая группа «штатскихъ студентовъ», какихъ-нибудь пять или шесть человѣкъ, невольно среди нихъ терялась. Между прочимъ, преважно возсѣдалъ въ оркестрѣ и педель Б—скій, игравшій, какъ я сказалъ выше, на кларнетѣ: Брызгаловъ и тутъ не могъ обойтись безъ своего любимца, фонды котораго, разумѣется, еще болѣе поднялись съ того момента, какъ на него возложена была эта новая миссія. Неизмѣнно присутствовавшій на репетиціяхъ Брызгаловъ съ умиленіемъ поглядывалъ издали на Б—скаго, а иногда подходилъ къ нему совсѣмъ близко и, одобрительно хлопывая его по плечу, произносилъ:

— Ишь вѣдь какъ зажариваетъ, подлець!

А «подлець» таялъ отъ восторга, и еще слаще становилась его улыбка: будь у него хвостъ, онъ непременно завилалъ бы имъ въ порывѣ собачьей преданности своему господину.

15-го мая, въ день посѣщенія ихъ величествами московскаго университета, рѣшено было устроить въ его стѣнахъ концертъ студенческихъ оркестра и хора, причемъ этотъ концертъ долженъ былъ явиться повтореніемъ того, какой уже имѣлъ мѣсто въ послѣдній разъ зимою въ залѣ Благороднаго собранія. Быстрымъ темпомъ шли приготовленія къ высокаторжественному дню. Инспекція во главѣ съ Брызгаловымъ сбилась съ ногъ. Профессора слѣшили съ зачетами весеннихъ семестровъ. Ежедневно пріѣзжалъ въ университетъ попечитель учебнаго округа графъ Капнистъ и подолгу совѣщался о чемъ-то съ ректоромъ Боголѣповымъ. Расхаживая по актовому залу, они вдругъ исчезали въ сосѣднемъ съ

нимъ залъ минералогическаго кабинета, потомъ черезъ нѣкоторое время выходили оттуда, ни на секунду не прерывая горячей, оживленной бесѣды. Повидимому, у нихъ происходилъ споръ, потому что грузная фигура графа Капниста вся какъ-то взволнованно колыхалась, одутловатое, красное лицо его еще болѣе покраснѣло, сдѣлалось какимъ-то изсиня-багровымъ, и онъ энергично жестикулировалъ передъ самымъ носомъ Боголѣпова, который съ обычной своей невозмутимостью, высокій, худой и неподвижный, какъ мраморное изваяніе, что-то возражалъ ему своимъ монотоннымъ голосомъ. Повидимому, они спѣлись въ концѣ концовъ, потому что я видѣлъ, какъ лицо графа Капниста не разъ расцвѣтало улыбкой и какъ, разставаясь съ Боголѣповымъ, онъ горячо пожималъ ему руку на прощанье.

Великолѣпно убранъ былъ актовый залъ и въ особенности прилегающій къ нему залъ минералогическаго кабинета, гдѣ противъ входной двери у противоположной стѣны воздвигнута была концертная эстрада, буквально вся утонувшая въ пышной, яркой зелени дорогихъ экзотическихъ растений, привезенныхъ изъ университетскаго ботаническаго сада. Передъ эстрадой устроено было особое возвышеніе, предназначенное для высокихъ гостей: оно осѣнено было рѣдкостными, драгоценными пальмами и покрыто коврами. Остальная часть зала была занята рядами стульевъ для множества почетныхъ лицъ, приглашенныхъ на царскій концертъ. Послѣдній назначенъ былъ въ два часа дня, но уже съ двѣнадцати часовъ стали съѣзжаться гости, встрѣчаемые университетскою администраціей и молоденькими студентами-распорядителями, которые, щегольски одѣтые въ свои парадные однобортные мундирчики съ раззолоченными эфѣсами «игрушечныхъ» шпагъ, страшно суетились, бѣгали по залу съ раскраснѣвшимися, возбужденными лицами, и съ сознаниемъ огромной важности возложенной на нихъ задачи указывали посѣтителямъ ихъ мѣста. Произшелъ, между прочимъ, курьезный инцидентъ. Незначительный съ виду старичекъ, хотя и украшенный двумя звѣздами, какъ бы въ раздумьи, слегка потоптавшись въ дверяхъ и пошаривъ у себя въ карманахъ, собирается пройти въ залъ.

— Виновать!—обращается къ нему юный распорядитель.—Позвольте вашъ билетъ!

Старичокъ останавливается и беспомощно разводитъ руками.

— Забылъ... Ужъ вы меня пропустите, молодой человекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу безъ билета,—запротестовалъ студентикъ и властно загородилъ старичку дорогу своей собственной персоной.

Тотъ улыбнулся и кротко сказалъ:

— Позвольте въ такомъ случаѣ откомендоваться: я бывшій вашъ министръ графъ Толстой!

Студентикъ поклонился ему, но остался неумолимъ.

— Все равно, никакъ не могу пропустить, не имѣю права,— настойчиво твердилъ онъ, продолжая загораживать путь. Вѣроятно, «бывшему министру народнаго просвѣщенія» пришлось бы вернуться домой за позабытымъ имъ билетомъ, если бъ на помощь ему не подоспѣлъ въ это время одинъ изъ субъ-инспекторовъ, который и выручилъ его изъ затруднительнаго положенія, давъ при этомъ нагоняй черезчуръ рьяному распорядителю.

Быль уже второй часъ на исходѣ. Переполнившая залъ избранная московская публика томилась нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Взоры всѣхъ невольно были обращены въ ту сторону, гдѣ каждую минуту могъ показаться государь. Все время доносившіеся съ эстрады звуки настраиваемыхъ инструментовъ замолкли. Торжественный моментъ приближался...

Дирижеры оркестра и хора давно были на своихъ мѣстахъ. Эрманнсдерферъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ, но все же замѣтно волнуясь, стоялъ вполборота къ публикѣ, облокотившись лѣвой рукой на пультъ, а правой слегка подбоченясь. Его взглядъ разсѣянно скользилъ по рядамъ стульевъ, тонкія губы были плотно сжаты. Вотъ онъ кивнулъ кому-то головою, можетъ быть, женѣ своей, сидѣвшей рядомъ съ профессоромъ консерваторіи Танѣевымъ, чрезвычайно худошавой женщиной, по внѣшнему виду нѣсколько напоминавшей Сарру Бернаръ. Какой-то генералъ съ длинными сѣдыми бакенами и широкой грудью, сплошь увѣшанной орденами, сдѣлалъ ему издали привѣтливый знакъ рукой. Эрманнсдерферъ улыбнулся и низко склонилъ голову: среди высшего московскаго общества онъ имѣлъ множество поклонниковъ и поклонницъ. Но вдругъ онъ выпрямился во весь ростъ и насторожился: далекій, неясный гулъ донесся до его чуткаго слуха. Еще нѣсколько секундъ, и волна общаго движенія всколыхнула всѣхъ сидящихъ отъ перваго и до послѣдняго ряда. «Идутъ!» пронеслось въ залѣ, точно электрическая искра. Задвигались стулья, зашелестѣли дамскія платья, и вся публика, какъ одинъ человекъ, поднялась съ своихъ мѣстъ, увидѣвъ приближающуюся царскую семью. Въ это время торжественные звуки народнаго гимна, исполняемаго хоромъ и оркестромъ студентовъ, стройно полились съ эстрады...

Когда ихъ величества и другіе члены царской семьи размѣстились на воздвигнутомъ для нихъ возвышеніи, то немедленно начался концертъ. Первымъ выступилъ студенческій хоръ подъ управленіемъ синодальнаго регента Орлова. Исполнены были: «Христосъ воскресе», «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Ангель вопіаше». Хоровые нумера смѣнились оркестровыми, послѣ чего оркестръ

снова уступилъ мѣсто хору, спѣвшему подъ управленіемъ Лакіера уже нѣсколько свѣтскихъ произведеній, изъ которыхъ, помнится, особенно удались «Сѣверная звѣзда» Глинки и «Два великана» Направника. Окончился концертъ исполненіемъ двухъ прелестныхъ оркестровыхъ вещей: красивой, полной элегическаго настроенія прелюдіи Баха «Méditation» и эффектнѣйшаго менуэта Боккерини, имѣвшаго еще такъ недавно, зимой, огромный успѣхъ у публики Благороднаго собранія, гдѣ данъ былъ, по обыкновенію, очередной студенческой концертъ. На эту изящную, граціозную пьеску Эрдманнсдерферъ, повидимому, возлагалъ особенныя надежды: не даромъ онъ включилъ ее въ программу концерта послѣднимъ нумеромъ. И вотъ, лишь только замерла, растаявъ въ воздухѣ, заключительная фѣрмата «Méditation», какъ его дирижерская палочка снова взвилась кверху. Секунда—и чарующіе звуки менуэта Боккерини полились и рассыпались игривымъ, сверкающимъ каскадомъ... Но что это? Эрдманнсдерферъ продирижировалъ всего лишь два-три такта и вдругъ опустилъ палочку: можно было подумать, что случилось что-то неладное... Однако нѣтъ: оркестръ продолжаетъ играть, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ играетъ точно подъ гипнозомъ, подчиняясь сильному внушенію все время неподвижно стоящаго дирижера. Такъ проходитъ нѣсколько минутъ, и вотъ раздается наконецъ послѣдній аккордъ: пьеса благополучно окончена. Это былъ ловкій «трюкъ», который знаменитый маэстро отважился сдѣлать въ присутствіи высочайшихъ особъ и который удался ему вполне.

По окончаніи концерта государь приблизился къ эстрадѣ, подалъ руку Эрдманнсдерферу и что-то тихо сказалъ ему по-нѣмецки. Потомъ онъ обратился къ намъ, студентамъ, и, привѣтливо улыбаясь, произнесъ громко и отчетливо:

— Спасибо, господа, за доставленное мнѣ удовольствіе, отъ души желаю вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ музыкѣ, до свиданья!

Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я, какъ живого, вижу передъ собой императора Александра III съ его царственно-мощной фигурой, съ его голубыми, ясными глазами и доброй, немного застѣнчивой улыбкой, которая такъ красиво озаряла его открытое, чисто-русское лицо.

Князь Б. А. Щетининъ.

ГАРШИНЫ.

I.

Громкая популярность Вс. М. Гаршина по напечатаніи его перваго разсказа.—Дѣтство Гаршина среди взрослыхъ людей и книгъ.—Трагизмъ двойного воспитанія: вліяніе дѣйствительности и идеализмъ литературы.—Гимназія и безсистемное чтеніе книгъ.—Студентъ горнаго института.—Доброволецъ турецкой войны.—Возвращеніе съ войны и общее поклоненіе «Всеволоду».—Нервное разстройство и отъѣздъ къ дядюшкѣ въ деревню на поправку.—Вліяніе политическихъ событій на заболѣваніе Гаршина.

ВЪ 1877 ГОДУ никому невѣдомый юноша за разсказъ въ нѣсколько страничекъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ», былъ признанъ замѣчательнымъ русскимъ писателемъ. Мало того, въ нищущія сферы и въ публику проникли свѣдѣнія о необыкновенномъ добродушіи, о необычайной симпатичности юнаго автора, который и продолжалъ потомъ свои литературныя занятія въ благопріятной атмосферѣ общаго къ нему благоволенія, любви и участія.

Впослѣдствіи, къ одной небольшой книгѣ оставшихся послѣ автора сочиненій присоединились цѣлые томы хвалебныхъ о немъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ, цѣлые томы восторговъ передъ красотой духовной личности безвременно погибшаго таланта.

То былъ Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.

Въ первомъ знаменитомъ своемъ разсказѣ трогательно изобразилъ онъ, съ чужихъ словъ, весьма нерѣдкій въ военное время случай, какъ одинъ раненый солдатъ пролежалъ четыре дня среди тру-

повъ на полѣ сраженія. Затѣмъ послѣдовали другіе рассказы изъ военнаго же быта, написанные старательно, литературно, въ хороше изученной авторомъ манерѣ великихъ мастеровъ русскаго слова. Солдаты выходили въ этихъ рассказахъ солдатиками, сильно идеализированными, выходили аркадскими пастушками... Идеализация вполнѣ естественная, правильная, тѣмъ болѣе при тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени.

Выпавшій на долю юноши-Гаршина успѣхъ тѣмъ болѣе его радовалъ, что онъ еще со временъ младенчества былъ страстнымъ любителемъ литературы и званіе писателя цѣнилъ превыше всего на свѣтѣ.

Съ четырехъ до восьми лѣтъ, живя съ добрымъ больнымъ отцомъ, кавалерійскимъ офицеромъ, онъ читалъ по цѣлымъ днямъ все, что попадало ему на глаза, читалъ «Современникъ», «Русское Слово», «Время», «Что дѣлать?», «Соборъ Парижской Богоматери», «Міръ Божій», Разина... Восемилѣтняго ребенка матушка увозитъ въ Петербургъ. Малаго роста, полная, плотная, съ тяжелымъ взглядомъ, Екатерина Степановна къ воспитанію дѣтей прилагала большія старанія, и въ чемъ другомъ, а въ хорошихъ книгахъ никогда не было у дѣтей недостатка, и маленькій Всеволодъ отдавалъ книгамъ все свободное отъ учебныхъ занятій время.

На долю Екатерины Степановны выпало—безвременная кончина любимаго отца; мужъ, симпатичный, образованный, но взбалмошный изобрѣтатель, закончившій полнымъ психическимъ разстройствомъ; исключительно болѣзненные, нервныя сыновья, съ которыми ей было много заботъ и огорченій. Она много читала, хороше знала русскую легкую литературу, писала занимательныя письма, могла переводить съ французскаго, шить на машинкѣ и дѣлать всякое домашнее дѣло; но главная ея отрада была говорить, рассказывать кому-нибудь о прочитанномъ, о литераторахъ, о своихъ знакомыхъ, о какихъ-нибудь литературныхъ или житейскихъ курьезахъ. У ней каждый день гости и немолкаемые литературно-житейскіе разговоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то нервный гнетъ, такъ что никому изъ гостей не приходило охоты весело, отъ души разсмѣяться. То и дѣло новые знакомые; участливое любопытство къ мало знакомымъ даже людямъ, возня съ ними, хлопоты о нихъ. Умѣла она хвалить людей въ глаза и за глаза съ чувствомъ, съ увлеченіемъ! Гости таяли иногда отъ незаслуженныхъ похвалъ, отъ комплиментовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ при нихъ же раздавались слова негодованія, горячаго осужденія и насмѣшки по адресу отсутствующихъ и бывшихъ знакомыхъ, относительно которыхъ наступило у Екатерины Степановны полное разочарованіе.

Маленькій Всеволодъ жилъ на книгахъ и на людяхъ. Тогдашняя «реальная» литература и критическіе отзывы матушки и ея друзей о жизни давали ему не мало печальныхъ и тяжелыхъ предста-

вленій о людяхъ. Между тѣмъ его исключительно симпатичная натура требовала мягкаго и любовнаго отношенія къ людямъ. Такимъ образомъ, съ ранняго дѣтства онъ велъ двойственное существованіе: добродушный, милый, обаятельно жизнерадостный на людяхъ, наединѣ самъ съ собою онъ часто былъ полонъ тоски и отчаянія.

Во время своего гимназическаго ученія онъ проживалъ и гостилъ чуть ли не въ двадцати мѣстахъ, и вездѣ онъ былъ учтивъ, услужливъ, интересенъ; но окружающая среда, встрѣчающіеся люди причиняли нерѣдко невыносимыя страданія его большому и нѣжному сердцу.

Въ гостяхъ и дома, среди безпорядочной обстановки родной семьи, среди постоянныхъ гостей и вѣчной литературной болтовни, отъ которой временами можно было возненавидѣть и литературу и литераторовъ, трудно было сосредоточиться даже для приготовления уроковъ; этому сильно мѣшали также врожденная нервность, вѣчно безпокойное состояніе духа ребенка. Учился Всеволодъ неважно, приходилось ему оставаться на второй годъ въ классахъ и при возвращеніи съ вакацій въ гимназію испытывать непріятное ощущеніе какъ бы нѣкотораго униженія. Свой классъ уже не свой классъ и приходится пребывать не въ своей обычной классной семьѣ, а среди незнакомыхъ мальчиковъ, младшихъ лѣтами, и являться среди нихъ «старичкомъ». Отъ этого сильно страдало самолюбіе начитаннаго, развитого мальчика.

Постоянное чтеніе давало Всеволоду массу всевозможныхъ свѣдѣній: «Міръ Божій», Разина и тогдашніе журналы: «Современникъ» и «Русское Слово», потомъ «Отечественныя Записки» и «Дѣло», Добролюбовъ, Писаревъ, Шелгуновъ, Щаповъ, Шашковъ—какія это все богатія энциклопедія!

Всегда въ общеніи съ людьми, унаслѣдовавъ даръ слова отъ матери, Гаршинъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ кругу молодежи, да и зрѣлымъ людямъ могъ сообщить многое для нихъ интересное и новое въ почтительной формѣ. Ему была свойственна почтительность къ старшимъ, чуждая какого-либо искательства, и въ этомъ отношеніи онъ былъ воспитаннымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Болѣзненность отца рано и печально сказала на старшихъ дѣтяхъ, а, можетъ быть, сказались тутъ также и недостатки первоначальнаго воспитанія. Дѣло въ томъ, что женщинѣ одной можно, пожалуй, справиться съ однимъ сыномъ и сдѣлать изъ него уравновѣшеннаго, образованнаго человѣка; но одной женщинѣ едва ли подъ силу одновременное воспитаніе нѣсколькихъ сыновей, тѣмъ болѣе сыновей исключительно нервной организаціи. Старшій братъ, не окончивъ средняго курса, поступилъ въ писаря къ прокурору; второй братъ застрѣлился, едва достигнувъ семнадцати лѣтъ,

и Всеволодъ передъ самымъ окончаніемъ гимназіи перенесъ серьезное нервное разстройство. Младшій, Евгений, былъ здоровъ и настолько самостоятеленъ, что съ самой ранней юности сдѣлался опорой семьи.

За время долговременнаго ученія Всеволода въ гимназіи это заведеніе превратилось изъ сына въ пасынка министерства народнаго просвѣщенія, въ реальное училище! Реалистамъ были строжайше запрещены высшія гуманитарныя знанія, запрещенъ доступъ въ университетъ, и предоставлены имъ были лишь высшія техническія училища. Всеволодъ Михайловичъ былъ уже въ душѣ литераторъ, ему нужна была серьезная гуманитарная дисциплина, которая привела бы въ систему массу полученныхъ имъ свѣдѣній отъ обильнаго и беспорядочнаго чтенія. Но въ сферѣ интересовъ будущаго писателя, вмѣстѣ съ литературой, исторіей и прикосновенными къ нимъ отраслями знанія, была также «природа»: жуки, бабочки, растенія, минералы. Не допуская въ себѣ мысли остаться безъ высшаго образованія, онъ избралъ наиболѣе близкое будто бы къ природѣ учебное заведеніе—горный институтъ. Одинъ изъ самыхъ популярныхъ тогдашнихъ писателей, философъ-критикъ «Отечественныхъ Записокъ», почти окончилъ курсъ въ бывшемъ горномъ корпусѣ.

Ставъ студентомъ и внѣ семьи, которая жила въ это время въ провинціи, Всеволодъ Михайловичъ погрузился въ беспорядочную російскую студенческую жизнь: житье съ товарищемъ въ маленькой и сырой комнатѣ съ отвратительной квартирной хозяйкой за стѣною; безконечные разговоры и споры съ пріятелями,—а пріятелей у Всеволода Михайловича было не мало: онъ имѣлъ въ душѣ магнитъ, притягивавшій сердца, и все хорошія сердца,—плохой обѣдъ и кресло въ театрѣ за два рубля; дорогая книга, которая въ трудную минуту сбывается букинисту за двадцать копеекъ, не разрѣзанная.

Окруженный милыми, занимательными товарищами, съ постоянной охотой принять къ себѣ гостей и самому куда-нибудь зайти, побесѣдовать по душѣ, съ охотой просто пофланировать по Петербургу безъ всякой цѣли, удивительно, какъ могъ пройти Всеволодъ Михайловичъ два курса! Съ его литературными, художественными, общественными наклонностями, съ его политическими интересами, какъ могъ онъ осилить сухія, неинтересныя для него науки, и зачѣмъ ему была кристаллографія, гексаксисъ-октаэдры, гексагональные гранатоздры? Начертательная геометрія, легкая элементарная наука, требующая лишь нѣкотораго зрительнаго воображенія, особенно почему-то трудно давалась будущему писателю-художнику. Весною 1877 года, во время подготовки къ экзамену изъ химіи весьма кстати подоспѣло объявленіе войны Турціи. Химія была тотчасъ же послана къ чорту, и Всеволодъ Михайловичъ укатилъ на войну добровольцемъ. Безъ сомнѣнія, при исполненіи

сего поступка одушевляли его самыя возвышенныя чувства и соображенія; но, съ другой стороны, химія п тому подобное представляли для будущаго беллетриста мало удовольствія. Впослѣдствіи лицо близкое къ Гаршинымъ говорило мнѣ, что, не отправясь Всеволодь Михайловичъ на войну, онъ бы, пожалуй, провалился на экзаменахъ... Отецъ его также безъ видимаго къ тому повода со втораго курса университета удалился въ клясиры.

Молодцомъ перенесъ Всеволодь Михайловичъ всѣ тягости военнаго похода; во время войны былъ совершенно здоровъ и жилъ въ большой дружбѣ съ офицерами и съ солдатами, особенно съ солдатами, которыхъ душевно полюбилъ, которыми восхищался и умилялся. За время войны имѣніе Гаршиныхъ было продано, и семья должна была добывать себѣ средства къ жизни собственнымъ трудомъ.

Послѣ недолгаго пребыванія на полѣ брани, съ легкой раной, съ триумфомъ, возвратился Всеволодь Михайловичъ на лоно родной семьи въ Харьковъ, къ матушкѣ; и во все время выздоровленія былъ окруженъ тамъ нѣжными заботами родныхъ и харьковской интеллигентной молодежи обоаго пола. Имя «Всеволодь» то и дѣло вылетало изъ юныхъ устъ: «Что Всеволодь?» «Какъ Всеволодь?» «Лучше ли Всеволоду?» Гости чуть ли не съ раннаго утра наполняли маленькую квартирку; одни уходили, другіе приходили. Екатерина Степановна не уставала разливать чай и рассказывать о Всеволодѣ, и восхищаться Всеволодомъ.

А послѣ выздоровленія Всеволодь—знаменитый писатель.... Неожиданно, легко, блестяще исполнились его давнія мечты объ авторствѣ. Онъ сотрудникъ самаго «радикальнаго», самаго лучшаго, по его мнѣнію, журнала, являвшагося продолженіемъ знаменитаго «Современника»; засѣдаетъ въ редакціонномъ собраніи въ средѣ писателей, которыхъ привыкъ уважать съ дѣтства, и личное съ ними знакомство нисколько не затемнило его возвышеннаго о нихъ представленія. Къ рассказамъ Гаршина знаменитый сатирикъ прикладываетъ свою талантливую, опытную руку; однако вознаграждаетъ популярнаго юнаго автора весьма скромнымъ гонораромъ. Семьдесятъ рублей за листъ плата небольшая; матушка сердится и даже, кажется, заявляетъ объ этомъ въ редакціи; для самого же Всеволода вопросъ этотъ совершенно не стоящій никакого вниманія. Впослѣдствіи онъ сѣтовалъ на Салтыкова лишь за то, что тотъ не даетъ Надсону опредѣленнаго жалованія и тѣмъ не избавляетъ его отъ хожденія по «Иллюстраціямъ».

Матушка съ восторгомъ рассказываетъ всѣмъ о Всеволодѣ. «Всеволодь написалъ колоссальную вещь!» раздается вокругъ него.

Какъ будто человѣческой организмъ болѣе приспособленъ для печалей, чѣмъ для радостей; по крайней мѣрѣ, обиліе радостныхъ

ощущеній не слишкомъ легко переносится нервными людьми. Не выдержалъ Всеволодъ Михайловичъ напора радостныхъ ощущеній и заболѣлъ тяжелымъ нервнымъ разстройствомъ, отъ котораго избавился лишь благодаря продолжительному пребыванію въ деревенской глуши, въ семействѣ сердобольнаго дядюшки.

Существуетъ мнѣніе, что нервному разстройству Гаршина не мало содѣйствовали и тогдашнія наши печальныя внутреннія политическія обстоятельства. Въ ту эпоху челоуѣку, врацавшемуся въ интеллигентныхъ кругахъ, затруднительно было избѣжать встрѣчъ и знакомствъ съ людьми и кружками политическими. Какъ быть? Примкнуть ли къ этимъ людямъ и кружкамъ, или же совсѣмъ отъ нихъ отстраниться?—вотъ нелегкая задача, которую приходилось рѣшать каждому вступающему въ жизнь интеллигенту.

У Гаршина были усвоенныя имъ съ ранняго дѣтства, освѣженныя войною, горячія патріотическія чувства... но особенно развита была въ немъ чувствительность къ страданіямъ меньшей братіи, бѣднаго обездоленнаго рабочаго люда. Находясь подъ вліяніемъ политической литературы и статей «Современника», не желалъ онъ отстать отъ гуманитарныхъ движеній вѣка, желалъ быть въ первыхъ рядахъ оппозиціи, въ рядахъ борцовъ за свободу.

Грубому матеріализму шестидесятыхъ годовъ, отрицательному отношенію къ Пушкину и Лермонтову и презрѣнію къ искусству вообще поколѣніе 70—80 годовъ противопоставило горячее увлеченіе искусствомъ—поэзіей, живописью, музыкой; тогда-то именно и возникъ у насъ культъ великихъ писателей и художниковъ. Интеллигенція какъ будто обрадовалась тому, что ея вожаки, руководители наконецъ допустили ее къ искусству, дозволили ей наслаждаться художественными произведеніями... Она читала, перечитывала появившіяся наконецъ полныя собранія Пушкина и Лермонтова, изумлялась тому, какіе это были великіе поэты, чувствовала Тургенева восторженными и продолжительными оваціями; ходила на поклонъ къ Гончарову, высказывала ему свое восхищеніе его языкомъ, его образами; наполняла картинныя выставки, концерты, оперные спектакли. Но тутъ безъ церемоніи хватили публику за воротъ, заставляли оглянуться въ сторону на пребывающій въ трудахъ и невѣжествѣ простой народъ, на несправедливости и злонравіе начальства, звали къ активной борьбѣ. Среди сладкихъ художественныхъ ощущеній, поэтическаго восторга, изъ-за обаятельно милыхъ образовъ художественнаго творчества вдругъ выступали политическіе заговорщики и манили въ политическую преисподнюю жаждущія жизни, обвѣяныя поэзіей юныя души и мигомъ омрачали всѣ ихъ радости, разрушали гармонию ихъ существованія.

Молодежь была на распутьи: она хотѣла жить и наслаждаться; ей доказывали, что нужно страдать за то, что не все человѣчество можетъ пользоваться нормальными условіями своего существованія.

Одинъ изъ наиболѣе типичныхъ, наиболѣе одаренныхъ и чувствительныхъ сыновъ своего поколѣнія, Всеволодъ Михайловичъ не могъ переварить противорѣчій своего времени и страдалъ ими всю свою недолгую жизнь. Въ своихъ небольшихъ, незатѣйливыхъ, мило исполненныхъ произведеніяхъ симпатично изобразилъ онъ болную, раздвоенную душу дѣтей своего поколѣнія и тѣмъ сразу открылъ себѣ путь въ сердца современной ему молодежи.

Ясною холодною ночью ранней весны скакалъ Всеволодъ Михайловичъ на лошади, цѣликомъ по полямъ Тульской губерніи, направляясь зачѣмъ-то въ имѣніе къ В. Писаревой, матери извѣстнаго критика. Тутъ больной писатель воспользовался своимъ основательнымъ знаніемъ средняго курса астрономіи, направлялъ свой путь по звѣздамъ... Мерцавшія на снѣгѣ небѣ свѣтила служили ему путеводителями. Объ этомъ спокойно и съ юморомъ вспоминалъ онъ потомъ въ здоровомъ состояніи, сидя у письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ на Пескахъ, набивая папирсы.

II.

Возвращеніе Гаршина въ Петербургъ.—Популярность писателя растетъ.—Семейное благополучіе.—Увлеченіе переплетнымъ дѣломъ.

Сердобольный дядя сожалѣлъ потомъ, что племянникъ уѣхалъ изъ усадьбы раньше времени, не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни. Дѣло въ томъ, что живой человѣкъ хотѣлъ жить, и, пожалуй, дальнѣйшее пребываніе писателя въ скучной пустынной мѣстности, на берегу скучнаго лимана и со скучными людьми, ввергло бы его въ тоску и возвратило бы ему недавнюю болѣзнь.

Всеволодъ Михайловичъ въ Петроградѣ. Полный возвратъ умственныхъ и физическихъ силъ; печатаетъ новые рассказы, которые возбуждаютъ еще большее вниманіе, еще большій интересъ, чѣмъ прежніе. Опять редакція «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ писатель снова принять съ прежнимъ радушіемъ, какъ только что выздоровѣвшій нѣжно любимый сынъ. Общее уваженіе и слава, и вниманіе, и любовь, и любопытство, и любезности, и приглашенія отовсюду. Не обходится ни одной студенческой вечеринки безъ того, чтобы Всеволоду Михайловичу не привезли почетныхъ билетовъ, чтобы не пригласили прочесть что-нибудь свое съ эстрады. А когда молодой, красивый, интересный лекторъ появится на возвышеніи съ книжкой въ рукахъ, большой залъ гремитъ отъ рукоплесканій и тысячи дамскихъ и дѣвчечьихъ ручекъ машутъ платочками. Тутъ всѣхъ позабываютъ: и массивную, совсѣмъ уже бѣлую, представи-

тельную фигуру Плещеева, и рано облысѣвшаго Шеллера-Михайлова, и небольшого, но солиднаго, внушительнаго Николая Константиновича, который философствуетъ уже одинъ, заложивъ руки въ карманы и въ немного уже возбужденномъ состояніи; забываютъ высокую и солидную Цебрикову и крупнаго, рыжеватого-бѣлаго, типичнаго вологжанина Засодимскаго, длиннаго, исхудалаго, мощеобразнаго Лесевича, забываютъ всѣхъ столь симпатичныхъ для молодежи литературныхъ завсегдаево студентскихъ вечеринокъ.

Опять съ восторгомъ рассказываетъ матушка всѣмъ о своемъ знаменитомъ Всеволодѣ и очень радуется тому, что онъ женится. «Дѣвушка здоровая, съ крѣпкими нервами! именно такую Всеволоду и нужно!» Хотя у самостоятельныхъ и бойкихъ на видъ особъ зачастую нервы бываютъ слабые и здоровье плохое, но Надежда Михайловна была временами дѣйствительно очень мужественная и рѣшительная. Разъ начала командовать изъ окна прѣбывшими тушить пожаръ пожарными; тѣ сначала было и послушались, да во-время спохватились и обозлились. Однажды довольно рѣшительно увлекла она съ собой супруга отъ овацій молодежи, сказавъ: «До свиданія! Я не хочу, чтобы моего мужа такъ же куда-нибудь услали, какъ Шелгунова и Михайловскаго!» Въ пику ей, Всеволодъ Михайловичъ купилъ улож. о наказ., налаг. мировыми судьями, и съ увлеченіемъ читаетъ передъ обѣдомъ собравшимся гостямъ выдержки изъ сего закона. «Всеволодъ Михайловичъ, да зачѣмъ же вамъ эта книжка?»—«Нужна!—съ лукавой улыбкой мигаетъ писатель въ сторону супруги, которая, молча улыбаясь, хлопочетъ у обѣденнаго стола:—очень рѣшительны... могутъ быть столкновения съ дворниками, съ сосѣдями!» А для мягкаго, деликатнаго Всеволода Михайловича было такъ важно, чтобы кто-нибудь около него принималъ на свои плечи все непріятное, мелко-житейское, неизбѣжное при бѣдной жизни.

Къ счастью литературному прибавилось счастье семейное: а Всеволоду Михайловичу нужна любящая, заботящаяся о немъ, простая и добрая супруга. Она оканчиваетъ медицинскіе курсы; познакомилась Надежда Михайловна съ Всеволодомъ Михайловичемъ въ военномъ госпиталѣ, гдѣ случайно пришлось ей ухаживать за больнымъ писателемъ.

Приличная свѣтлая квартирка въ среднемъ этажѣ, съ окнами на улицу, на углу какой-то улицы Песковъ и Дегтярной, съ очень простой, но вполне достаточной обстановкой. Изъ темной маленькой передней—гостиная-зала-столовая, съ двумя окнами; здѣсь у одной стѣны большой диванъ; у другой, напротивъ, небольшой стеклянный книжный шкапъ съ полными собраніями русскихъ авторовъ въ плохомъ костюмѣ, т. е. весьма аляповато переплетенными самимъ Всеволодомъ Михайловичемъ; далѣе маленькій проходной кабинетъ хозяина съ однимъ окномъ, у котораго простень-

кій письменный столикъ; затѣмъ просторная спальня, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и кабинетомъ супруги.

Въ темно-сѣрой суконной гимназической блузѣ, подпоясанной кожанымъ поясомъ, торопливо ходитъ Всеволодъ Михайловичъ по своей залѣ, мягкими шагами, съ кѣмъ-то изъ многихъ своихъ пріятелей и серьезно таково, важно и съ искусственнымъ интересомъ разсуждаетъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ... Онъ извѣстный писатель, но служитъ въ желѣзнодорожной конторѣ, получаетъ цѣлыхъ сто рублей въ мѣсяцъ жалованья, именуется секретаремъ и, по необходимости воодушевляясь скучными тарифами, невольно заинтересовывается ими даже посторонняго этому дѣлу человѣка.

Свою библиотечку Всеволодъ Михайловичъ заботливо пополняетъ и любитъ показывать гостямъ; къ сожалѣнію, на корешкахъ, вмѣсто золотыхъ буквъ, торчатъ бѣлые бумажные ярлычки съ надписями: такъ это некрасиво! «Переплетаю я самъ... насъ въ реальномъ училищѣ (съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ всегда о своемъ учебномъ заведеніи) учили разнымъ мастерствамъ; жаль, безъ буквъ! На буквы нужно испрашивать особое разрѣшеніе начальства, большая канитель... могутъ быть непріятности!»

Въ годы ученія Всеволода Михайловича была въ учебныхъ заведеніяхъ кратковременная мода на обученіе учениковъ ремесламъ, благодаря чему и получились у писателя знаменитые авторы такъ плохо одѣтыми. Помню, и въ той «школѣ», гдѣ я воспитывался, появились вдругъ токарные станки, пилы, топоры, рубанки, шерхебели, стамески, клещи, тиски... и нанять былъ даже особый мастеръ учитель. Нѣкоторые ученики такъ увлеклись столярничаньемъ и слесарничаньемъ, что готовы были забросить всѣ науки подальше и старались и по виѣшнему виду и по существу походить на настоящихъ мастеровыхъ: ходили замазанные клеемъ, съ засученными рукавами и съ ремешками на головѣ; говорили грубыми голосами, безъ надобности пересыпая свою рѣчь неприличными словами; старались выпить водочки передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ и закусить солеными огурцами. Къ счастью для учениковъ, увлеченіе сіе продолжалось недолго: скоро поломанный, заржавленный «струментъ» отнесенъ былъ на чердакъ, а увлекавшіеся ремеслами ученики поневолѣ пришли въ приличное состояніе и занялись науками.

III.

Въ провинціи авторъ знакомится съ Георгіемъ Михайловичемъ Гаршинымъ и его матушкой, Екатериной Степановной.—Бесѣда автора съ Екатериной Степановной.— Авторъ въ Петербургѣ у Гаршинныхъ.

Лѣто 1883 года; деревенское захолустье и, какъ иногда бываетъ, уголовное дѣло. Звенитъ почтовый колокольчикъ; къ маленькой усадьбѣ, расположенной на самомъ краю «околицы», подкатываетъ

таранасикъ, изъ котораго вылѣзають двое съ кокардами: судебный слѣдователь и докторъ. Второй тотчасъ же отправляется къ избитому, лежащему въ кровати и окруженному прѣхавшими родными землевладѣльцу; первый, незначительный, малаго роста, плохо одѣтый въ сѣреный пиджачекъ, подошелъ ко мнѣ и отрекомендовался судебнымъ слѣдователемъ, любезно добавивъ: «Будете въ городѣ, милости прошу ко мнѣ!»

Я не разслышалъ фамиліи слѣдователя; но вспомнилъ о его приглашеніи, когда, черезъ нѣсколько дней послѣ того, очутился въ полутемномъ номерѣ уѣзднаго трактира на базарной площади, въ теплый лѣтній вечеръ.

Скучно мнѣ стало сидѣть одному въ номерѣ, и я отправился къ слѣдователю, жившему въ старомъ деревянномъ домишкѣ, съ окнами, выходившими на ту же пыльную площадь.

Пили чай мужъ, жена и гость—подгородный помѣщикъ; обстановка убогая, перьяшная. Я былъ принятъ просто и любезно. Въ маленькомъ семейномъ альбомчикѣ усмотрѣлъ я сейчасъ же карточку юноши кроткаго вида, въ солдатской шинели. «Кто это?»— «Это мой братъ, Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ!»— «Ахъ, да вѣдь это извѣстный писатель! Отчего онъ такъ мало пишетъ?»— «Служить!»

Тутъ только я сообразилъ, что нахожусь у старшаго брата писателя, у Георгія Михайловича Гаршина, судебного слѣдователя по старымъ (тогда) учрежденіямъ. Помѣщикъ скоро ушелъ; послѣ чая хозяинъ повелъ меня осматривать городъ; потомъ зашелъ ко мнѣ въ номеръ распить бутылку пива и тутъ, какъ увидѣлъ лежащее на столѣ совсѣмъ уже сформированное «дѣло», такъ сейчасъ же въ него и впился и прочелъ его съ интересомъ; виденъ былъ ретивый служака; недаромъ онъ потомъ, при своей нервности и безъ юридическаго образованія, сдѣлалъ судебную карьеру. При близкомъ знакомствѣ оказался онъ человекомъ умнымъ и добрымъ, и весьма наблюдательнымъ, и большимъ юмористомъ: помнилъ онъ много житейскихъ курьезовъ, зналъ наизусть Гоголя и очень кстати приводилъ изъ него смѣшныя мѣста; могъ сдѣлать кому-либо непріятное лишь подъ вліяніемъ нервности, подъ вліяніемъ минуты.

Съ большою охотою отправлялся онъ на дѣло въ одно мѣстечко, верстъ за сорокъ отъ города; но тамъ случалось ему заболѣвать; священникъ и мѣстные власти очень его любили и берегли; и онъ скоро оправлялся отъ болѣзни и съ жаромъ принимался за свои служебныя обязанности.

Прошло около недѣли, и въ старомъ домишкѣ появилась плотная, пожилая особа, чрезвычайно общительная, любопытная и вѣчно занятая: вѣчно сидѣла она у окна на улицу, съ наклоненной головой, за шитьемъ на машинкѣ или за строченіемъ переводовъ съ французскаго для Павленкова. Это была матушка Гаршиныхъ, Екатерина

Степановна, урожденная Акимова. Такъ цѣлое это лѣто и провела она въ печальномъ пыльномъ уединеніи, въ этомъ гадкомъ домишкѣ, у окна, выходившаго на пыльную уѣздную площадь. Невѣстка (изъ простыхъ)¹ больная женщина, сынъ нервный и страшно занятый службой, внучекъ нервный, шаловливый и капризный, и ни отдыха, ни малѣйшей отрады, никакого разнообразія въ жизни!

Мнѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ любителю литературы, она съ удовольствіемъ рассказывала о Всеволодѣ и о петербургскихъ литераторахъ. Эти рассказы касались лишь виѣшности литературныхъ дѣятелей.

Михаилъ Евграфовичъ Щедринъ со своими сотрудниками, съ литераторами, почти и не имѣетъ общенія, проводитъ время съ тайнымъ совѣтниками, а на свои именины, на Михаила Архангела, совсѣмъ литераторовъ къ себѣ и не приглашаетъ, а только тайныхъ совѣтниковъ. Выходило, что писатель къ себѣ писателей и на порогъ не пускаетъ! Буренинъ очень умный, и поэтому всѣ литераторы его очень боятся! Григорій Петровичъ Данилевскій отъ души хоталъ, когда Всеволодъ ему сообщилъ, что существуетъ талантливый беллетристъ Альбовъ. У Глѣба Ивановича большущая семья: если на восемь паръ дѣтскихъ ножекъ по парѣ башмаковъ—восемь паръ башмаковъ, капиталъ не малый! Для себя и для семьи своей Глѣбъ Ивановичъ купилъ около станціи Чудово усадьбу десятины въ четыре и, конечно, поспѣшилъ сдружиться и поговорить по душѣ съ окрестными мужиками, которые не замедлили выразить великодушное желаніе взять у писателя большую часть усадьбы и оставить ему съ семьей лишь самое тѣсное пространство... Глѣбъ Ивановичъ, сообразно своему состоянію, пьетъ больше пиво; Николай Константиновичъ предпочитаетъ шампанское, и дѣти у него очень шаловливыя. Скабичевскій постоянно ходитъ съ маленькой собачкой подъ мышкой и любитъ закусить.

Выходило, что литераторовъ тогдашнихъ, въ противоположность теперешнимъ, нельзя было упрекнуть во враждѣ къ бутылкѣ; такова была и слава о нихъ въ обществѣ. Когда невѣста Всеволода, медичка, сообщила одному своему старому профессору, что выходитъ замужъ за писателя, профессоръ предупредительно возразилъ: «Напрасно, не совѣтую выходить за писателя,—они всѣ очень много пьютъ!»

Домашнее уединеніе было необычайнымъ состояніемъ для Екатерины Степановны. Душа ея стремилась къ людямъ; но бѣдность, убогость квартиры и обстановки, болѣзненность и неразвитость невѣстки,—все это служило препятствіемъ къ сближенію съ обществомъ. Съ любопытствомъ глядѣла она изъ окна на проходившихъ по улицѣ обывателей, очень интересовалась городскою жизнью, мѣстными нравами и курьезами. Отъ сына и отъ меня получала она свѣдѣнія о жизни и нравахъ уѣзда и восклицала иногда: «Гутъ такая масса матеріаловъ для Глѣба Ивановича!»

Въ теплый, тихій вечеръ съ маленькимъ внукомъ и въ сопровожденіи меня вышла она погулять въ городской садикъ и подѣвляя, нѣмъ хорошаго воздуха и тишины лѣтняго вечера такъ задушевно, такъ трогательно разговаривалась, и все больше о своемъ дорогомъ Всеволодѣ: она рассчитывала на коренную поправку его здоровья вслѣдствіе женитьбы, возлагала большія надежды на особу съ крѣпкими нервами, его невѣсту, расхваливала ее.

Всѣ сочиненія Всеволода Екатерина Степановна переписывала своимъ крупнымъ, четкимъ почеркомъ, и каково ей было трудиться надъ «Ночью», по содержанію которой она чувствовала, что сыну ея уже плохо, что онъ на границѣ безумія.

Живо припоминаются мнѣ и этотъ чудный вечеръ, и обглоданный коровами, запыленный и совершенно пустынный бульварчикъ, и скромная, пожилая дама въ старенькой темной мантильѣ, задушевные слова ея при прощаніи: «Будете въ Петербургѣ, непременно приходите къ намъ! Живемъ мы, правду сказать, очень бѣдно: каждая конейка достается намъ съ большимъ трудомъ; но у насъ вы кое-кого встрѣтите; надѣюсь, что вамъ у насъ не будетъ скучно».

Сейчасъ же за городомъ начиналась чудная, живописная мѣстность и лѣто было прекрасное; но Екатерина Степановна такъ все лѣто ни разу и не выглянула за городъ, такъ все время и просидѣла въ гадкой развалюхѣ на пыльной площади, среди больной семьи. Хотѣлось ей очень съѣздить за десять верстъ отъ города въ женскій монастырь; но и этого скромнаго желанія не пришлось ей осуществить: «Куда ужъ мнѣ дѣлать теперь что-нибудь для себя!»— грустно сказала она по этому поводу, махнувъ рукой.

Въ концѣ 1883 года я пріѣхалъ въ Петербургъ. Занявъ номеръ въ Знаменской гостиницѣ супротивъ вокзала, я въ тотъ же вечеръ направился въ Эртелевъ переулокъ къ Екатеринѣ Степановнѣ, жившей уже съ сыномъ Евгеніемъ, студентомъ-филологомъ, еще съ маленькимъ внукомъ, сыномъ Георгія Михайловича, и съ барышней, учившейся въ консерваторіи. Въ просторной и совѣмъ почти не убранной комнатѣ квартиры нижняго этажа, за большимъ и дешевымъ складнымъ обѣденнымъ столомъ помѣщалась Екатерина Степановна и шила что-то такое на машинкѣ, при свѣтѣ плохой лампы съ темнымъ абажуромъ, освѣщавшей лишь столъ и оставлявшей во мракѣ всю комнату.

Въ теченіе часа прибыли, одинъ за другимъ, три посѣтителя: сначала какой-то молодой чиновникъ, потомъ преподаватель математики и затѣмъ юный студентъ-естественникъ въ шитой рубахѣ. Не знаю, что случилось съ чиновникомъ, но преподаватель—оригинальная и симпатичная личность изъ крестьянъ—скончался въ чинѣ статскаго совѣтника, прослуживъ много лѣтъ въ петербургскихъ

гимназіяхъ; что же касается студента въ штотой рубахѣ, то онъ давно уже семьянинъ, ученый человѣкъ, на солидномъ окладѣ и въ генеральскихъ чинахъ.

Екатерина Степановна завела съ гостями оживленнѣйшую бесѣду о социалистахъ - революціонерахъ - покусителяхъ, безпокоившихъ и обижавшихъ тогда сантиментально-либеральное начальство, и о сыщикахъ.

Екатерина Степановна негодовала на революціонеровъ за то, что они, скрываясь отъ полиціи, нерѣдко останавливаются, ночуютъ, даже подолгу проживаютъ у своихъ знакомыхъ, людей почтенныхъ и легальныхъ, и тѣмъ самымъ причиняютъ имъ большія непріятности. На это математикъ, ходя по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы, потѣшно и простовато возразилъ: «Ну, слава Богу, не написать же имъ, революціонерамъ-то, что они революціонеры... Конечно, хитрятъ, скрываются, какъ могутъ!»

Должно быть, и сама Екатерина Степановна, въ періодъ своей молодости, была немного прикосновенна къ политикѣ. Однажды, когда знакомая барышня по какому-то поводу ее наивно спросила: «Развѣ и у васъ, Екатерина Степановна, бывали обыски?»—она, махнувъ рукой, произнесла: «О!»—такимъ тономъ, какъ будто дѣло это ей ужъ очень хорошо было знакомо. Впрочемъ, можетъ быть, у ней такъ вышло изъ желанія поощрить ту барышню. Извѣстна слабость всѣхъ русскихъ пожилыхъ интеллигентныхъ людей рисоваться передъ молодежью своимъ либерализмомъ, подвигами своей юности и пережитыми опасностями...

— Что вамъ со мной, со старухой сидѣть! Отправляйтесь-ка на журфиксъ къ Всеволоду! Я вамъ сейчасъ это устрою!

Такимъ образомъ, почти прямо изъ вагона попалъ я на вечеръ къ самому популярному въ Россіи писателю.

IV.

Знакомство автора съ Всеволодомъ Гаршинымъ.—Гаршинскіе вечера и его гости.

Всеволодъ Михайловичъ стоялъ въ передней, у притолки двери, въ темносѣрой суконной блузѣ. Средняго роста, довольно плотный и широкій; смуглое лицо (кстати сказать, татары, сами оставаясь въ полномъ невѣжествѣ, наградили Русь не только именитыми боярами, правителями и чиновниками, но также и знаменитыми писателями, начиная съ Державина, продолжая Тургеневымъ и кончая Гаршинымъ), лицо явно татарскаго типа, съ довольно правильными чертами; темные усы и борода; красивые, какъ бы соболѣзнующіе, какъ бы страдающіе глаза, разсѣянный блескъ которыхъ намекалъ на затаенное нездоровье, чему, казалось, такъ противорѣчили цвѣтушій цвѣтъ лица, веселая улыбка и мягкая веселая рѣчь.

— Имя ваше В. П.? такъ же, какъ и Буренина?—сказаль писатель съ лукавой укоризной, а потомъ сталь серьезно разспрашивать меня о томъ, какъ поживаетъ Георгій Михайловичъ, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ видѣлся; разспрашиваль довольно холодно, какъ бы для порядка, видимо, мало интересуясь своимъ нелитературнымъ братцемъ, который также почти никогда самъ не заговариваль о Всеволодѣ. «Рекомендуйтесь!» весело сказалъ мнѣ Всеволодъ Михайловичъ, указывая на массу сидѣвшихъ въ комнатѣ гостей.

Смущенный, я сталь обходить всѣхъ, называя себя; изъ-за шахматнаго столика поднялся молодой человекъ малаго роста, сильный брюнетъ еврейскаго вида, и, здороваясь со мной, назвалъ себя Минскимъ. Потомъ на вечерѣ онъ былъ довольно замѣтенъ: милъ, обаятеленъ, весель, говорливъ, остроуменъ. И была ему причина быть веселымъ: онъ входилъ въ славу какъ поэтъ и только что напечаталь въ «Вѣстникѣ Европы» звучную библейскую поэму «Вавилонское столпотвореніе»; тутъ же находилась и его супруга, россиянка, тоже очень говорливая и веселая. Кандидатъ-юристъ, съ прекраснымъ литературнымъ образованіемъ, съ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, Минскій почему-то не хотѣлъ тогда добывать средства къ жизни ни литературой, ни адвокатурой, а поступилъ на службу въ частную банковую контору, и досадно было встрѣчать его въ вечерніе часы возвращающагося со службы, съ портфелемъ въ рукахъ, вмѣстѣ съ прочими служащими того банка. Къ сожалѣнію, Гаршины скоро разошлись съ Минскимъ; говорили, что поэтъ слишкомъ самолюбивъ, претенціозенъ; на вечерѣ этого не было замѣтно: наоборотъ, столь мрачный потомъ поэтъ и писатель высматриваль очень простымъ и жизнерадостнымъ.

Пришелъ беллетристъ Альбовъ, задумчивый и печальный, и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ ожидалъ въ близкомъ будущемъ чего-то такого очень печальнаго и очень серьезнаго; какъ пришелъ, такъ сейчасъ же и прошелъ, не обращая ни на кого вниманія, въ кабинетъ хозяйина, занялся куреніемъ и разсматриваніемъ лежавшаго на письменномъ столѣ тома собственныхъ своихъ сочиненій. Къ нему подошелъ Всеволодъ Михайловичъ и, укоризненно разводя руками, замѣтилъ: «Ты хотя бы съ дамами-то поздоровался!» Столь нелюбезный къ дамамъ господинъ впоследствии женился на болѣзненной и нелитературной, трудящейся барышнѣ, которая вскорѣ и скончалась, оставивъ мужу грудного младенца. Во время недолгаго и печальнаго супружества Альбовъ выказаль и терпѣніе, и самоотверженіе, и необычайное благородство характера.

По срединѣ гостиной, почти во всю длину ея, очутились сдвинутые столы, покрытые бѣлые скатертью; на одномъ концѣ появился кипящій самоварчикъ, за которымъ стала хлопотать заботливая молодая хозяйка; тутъ же помѣстились скромная закуска и микро-

скопическій графинчикъ водочки. За чайнымъ столомъ могла помѣститься лишь половина гостей; прочіе дожидались чаепитія въ кабинетѣ и въ хозяйской спальнѣ, гдѣ гости тѣсно, дружелюбно усѣлись на двухъ хозяйскихъ кроватяхъ, причемъ очутились рядомъ Альбовъ и художникъ Крачковскій, сухощавый молодой человекъ въ очкахъ, аккуратный, элегантно одѣтый, похожій на свои нарядные, чистые ландшафты.

Художникъ, только что вернувшійся изъ Парижа, просто и занимательно распространился о французской живописи, о томъ какъ хорошо пишутъ французы, какая у нихъ чудная выработанная техника, какъ легко, красиво они рисуютъ... но въ то же время какъ мало у нихъ серьезныхъ темъ, мало содержанія, мало скорби, нутра... Русскіе художники, наоборотъ, рисуютъ плохо, аляповато, техника ихъ слабая, ученическая; но они много превосходятъ французовъ серьезностью внутренняго содержанія: они смѣло хватаются за серьезные современные темы, пытаются выразить на полотнѣ свои задушевные чувства и мысли, свое нутро... Въ Россіи жанристамъ затруднительно работать отчасти потому, что совсѣмъ нѣтъ натурщицъ; въ Парижѣ этого добра хоть отбавляй. Являлись къ художнику съ предложеніемъ услугъ прелестныя незнакомки; но онъ принужденъ былъ съ ними раскланиваться, говоря, что не можетъ пользоваться ихъ услугами, ибо пейзажистъ. Глухимъ тономъ, какъ о чемъ-то мрачномъ, сталъ спрашивать Альбовъ Крачковскаго о французскихъ художникахъ-импрессионистахъ.

Всеволодъ Михайловичъ любилъ и понималъ живопись; говорили, что очень интересно было съ нимъ походить по картиннымъ выставкамъ, прислушаться къ его сужденіямъ о картинахъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ нѣкоторыми извѣстными художниками; у него потомъ пришлось встрѣтить сухощаваго, черноволосаго артиллерійскаго полковника Ерошенко, виднаго представителя русскаго тенденціознаго жанра.

Въ гостиной, за чайнымъ столомъ, шумѣли и хохотали; раздавались басистые голоса пожилыхъ родственниковъ, рассказывавшихъ что-то смѣшное о скандалѣ, который, начавшись въ ресторанѣ «Ташкентъ», благополучно окончился въ ресторанѣ «Самаркандъ». Пожилой родственникъ, видимо, милый и добрый господинъ, зайдя потомъ въ спальню и увидѣвъ сидѣвшихъ на кроватяхъ молодыхъ людей, пришелъ въ еще болѣе веселое настроеніе и тотчасъ же основательно усѣлся на постель хозяйки и, пыхтя крученкой, дозволилъ себѣ по отношенію стоявшихъ тутъ супруговъ Гаршиныхъ легкую шутку, отъ которой слегка сконфузилась юная хозяйка и фыркнули въ ладони стыдливые кавалеры. Всеволодъ Михайловичъ потомъ замѣтилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что они этихъ дядюшекъ въ этотъ вечеръ совсѣмъ не ждали. Надо сказать, что дядюшки очень весело и недолго посидѣли на вечерѣ.

Гостей не нужно было занимать: всё было что сказать; а всё, которые говорили и умно, и смешно. У такого серьезного, у такого скорбного человека и писателя собралось такое веселое общество! И сам он являлся истинным руководителем шуточной беседы. Сказывалось его общественное воспитание, его пребывание, под руководством общительной матушки, всегда на людях. Нисколько его не смущала такая орава гостей в трех маленьких комнатах: изящно и мягко, с шутками и анекдотами, переходил он от одной группы гостей к другой, из гостиной в кабинет, из кабинета в спальню, везде возбуждая разговоры и смех; и выходило так, что никто из гостей не мог пожаловаться на какое-либо невнимание к себе со стороны хозяина.

Тогда невольно пришлось мне сравнить эту молодую шумную компанию с небольшим семейным кружком солидных ученых-специалистов, который собирался в Москве, на Немецкой улице, через каждые две недели, по субботам, у моего двоюродного брата, профессора Э. Е. Орлова (Н. Е. Жуковский, А. В. Лёвников, П. А. Зиллов, К. А. Андреев). За чайным столом мужчины, несмотря на протесты дам, не могли воздержаться от специальных научных разговоров. После чая дамы переходили в гостиную, где, перелистывая «Ниву», изрядно друг с другом скучали, а в это время рядом, в кабинет хозяина, мужчины вели жаркие прения, пили, заливались соловьями о формулах, трубах и колесах. Только лишь за ужином, за вином, разговор переходил на общественные и литературные темы, раздавались шутки и смех. Но в этой ученой компании люди были крупные, чувствовалось солидное образование, чувствовалась культура, которых не было в юном обществе Всеволода Михайловича.

Крачковский замолк, и на кроватях водворилось молчание; тогда Евгений Михайлович бухнул: «А Иванов опять экзамена не выдержал!» Сейчас же все встали, послышались вопросы: «Кто, какой Иванов, какого экзамена?»—и вдруг все рассмеялись, поняв шутку.

У чайного стола освободилось пространство, и часть сидевших в спальне гостей перешла в гостиную пить чай; и здесь речь коснулась живописи. Заговорил опять Крачковский (почему-то все хорошие музыканты и художники так хорошо, занимательно говорят!) Сидевшая за столом молоденькая барышня, видимо, из важной семьи, устремив на художника прищуренные глазки, небрежно ему кинула: «Вы не из художников ли?» Крачковский на нее взглянул и с лукавой улыбкой промолвил: «Да, я близок к этому делу!»

В кабинет молодая представительная дама, жена большого музыканта, небрежно бросала Минскому: «Как с вами носился Утин, Боже мой! Весь Петербург хотел из-за вас взвол-

новать!» Потомъ она столь же небрежно и съ юморомъ стала повѣствовать о Боборыкинѣ, какъ тотъ, ощутивъ желаніе быть преподавателемъ музыкальнаго училища, слишкомъ подробно развивалъ мужу этой дамы планы и программы будущихъ своихъ лекцій. «О, Боборыкинъ, онъ такой... онъ вамъ живо все соорудить: и программы представить, и лекціи напишетъ!» замѣтилъ солидный молодой еврей въ золотыхъ очкахъ, видимо близкій къ литературнымъ кружкамъ. О немъ говорили, что онъ большой знатокъ философіи, но неспособенъ ничего о ней написать; и дѣйствительно, его имени я не встрѣчалъ потомъ въ печати и не знаю, что съ нимъ стало. Всеволодъ Михайловичъ разсказалъ, какъ онъ представлялся и преподносилъ книжку своихъ разсказовъ Гончарову, который имѣлъ будто бы видъ совершенно одряхлѣвшаго Обломова... Гончаровъ что-то невнятное промямлилъ молодому писателю, подавая ему свою мягкую, пухлую, какъ подушка, руку. Съ азартомъ, дружно проѣхались потомъ всѣ (особенно дамы) насчетъ Максима Бѣлинскаго и его разсказа, напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», который, однако, Всеволодъ Михайловичъ весьма защищалъ.

Были на вечерѣ два молоденькихъ студента-естественника, два провинціала, которымъ вскорѣ въ Питерѣ суждено было сдѣлать ученую карьеру. Одинъ, весьма скромный, тотъ самый въ шитой рубахѣ, котораго Екатерина Степановна изъ-за меня отправила на вечеръ къ Всеволоду въ ненадлежащемъ костюмѣ. Другой, высокій, стройный, тонкій, аккуратный, тактичный, въ очкахъ, съ пріятнымъ лицомъ общинтеллигентнаго русскаго типа, съ металлическимъ голоскомъ, хотя и занимался спеціально естественными науками, но былъ въ то же время любителемъ художественной литературы и со способностями къ литературной дѣятельности. Всеволодъ Михайловичъ прямо восхищался Викторомъ Фаусекомъ, — это былъ онъ, — отдавалъ ему на судъ свои сочиненія и даже рекомендовалъ его писать критику въ одну кавказскую газету, къ публицисту Николадзе. И Викторъ Андреевичъ критику дѣйствительно писалъ и даже съ немалымъ форсомъ, и даже приличная цитата была изъ нея въ одной столичной газетѣ.

Въ это время (83 г.), на этомъ вечерѣ, Фаусекъ являлся совсѣмъ еще молоденькимъ первокурсникомъ; его выписала на праздники Екатерина Степановна изъ Харькова, нарочно, должно быть, для Всеволода; помѣстила въ своей квартирѣ и даже доставила юношѣ возможность заработать путевыя издержки переводомъ съ нѣмецкаго статей изъ словаря классическихъ древностей для Модеста. У Екатерины Степановны, какъ и у всякой нервной особы, мнѣнія о людяхъ часто мѣнялись, но о В. А. Ф. у ней не было разныхъ мнѣній: она его всегда чрезвычайно хвалила. Вскорѣ онъ переехалъ въ петроградскій университетъ и сталъ постояннымъ по-

сѣтителемъ Гаршиныхъ, познакомился съ Плещевымъ, сталъ бывать вообще въ литературныхъ кружкахъ; былъ всегда въ хорошемъ настроеніи, уменъ, сдержанъ, уравновѣшенъ, остроуменъ, и остроты его производили эффектъ, запоминались ¹⁾. Былъ онъ на время командированъ за границу, ухаживать за больнымъ Надсономъ. Невольно приходилось ему завидовать... Глядя на его тонкую подвижную фигуру, всегда я думалъ про себя: «Экой молодчина!» Его молодость, общительность, большія способности, умѣнье вести себя обезпечивали ему въ Петроградѣ блестящую карьеру. Онъ женился по склонности на ученой курсисткѣ и, будучи такимъ общественнымъ человѣкомъ, такъ много тратя времени на знакомства, быстро, однако, достигъ степеней магистра и доктора, сдѣлался профессоромъ, директоромъ женскихъ курсовъ. Оказалось, что его уравновѣшенность, всегда ровное, хорошее расположеніе духа были, пожалуй, маской, слѣдствіемъ хорошаго воспитанія и самообладанія: сердце у него было больное и ему вредно было бывать какъ въ гаршинской, такъ и въ литературныхъ компаніяхъ вообще... Онъ скончался отъ болѣзни сердца, не доживъ до пятидесяти лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую, безупречно-либеральную память. Фаусекъ былъ сыномъ чешскаго выходца, управляющаго чыми-то имѣніями. Съ молодыхъ лѣтъ онъ сталъ быстро полнѣть, какъ и подобаетъ при сердечномъ недугѣ, и потомъ, въ зрѣлыхъ годахъ, совсѣмъ не напоминалъ того тонкаго милаго юношу, который появился въ 83 году у Гаршиныхъ.

Ш. сынъ харьковскаго мѣщанина, торговца краснымъ товаромъ; карьера его была не такъ блестяща и двигалась медленнѣе; къ Гаршинымъ онъ былъ не очень близокъ, литературой и литераторами не очень интересовался. Долгое время онъ состоялъ ассистентомъ при казенномъ заведеніи и проживалъ на казенной квартирѣ, вмѣстѣ съ братомъ и милыми сестрами-курсистками. Пришлось мнѣ быть у нихъ на блинахъ, на масленицѣ, выслушивать либеральнѣйшія воззрѣнія и выдерживать нападенія за «обскурантизмъ», особенно отъ одной изъ сестрицъ, весьма красивой и представительной. Такъ это все было просто, юно и весело; но на порогѣ стояло несчастье, которое семья мужественно перенесла...

Оба юноши вносили въ нервную гаршинскую атмосферу успокоительный элементъ, играли роль валеріановыхъ капель; по несомнѣнно, что какъ Фаусекъ, такъ и Ш. своимъ блестящимъ будущимъ были въ значительной степени обязаны знакомству съ Гаршиными.

¹⁾ Чтобы не таскаться по меблированнымъ комнатамъ отъ хозяекъ и дабы избѣжать подслушивающаго элемента, Ф. и Ш. со своими сестрами-курсистками наняли въ Петроградѣ цѣлую квартиру; но денегъ на мебель у нихъ не хватило, и квартира была совершенно пустая. Сидя въ просторной залѣ и глядя на голыя стѣны, Ф. восклицалъ: «А пріятно, знаете ли, подышать такимъ настоящимъ, чистымъ, степнымъ воздухомъ.»

Часа въ три ночи шумно разошлись молодые люди отъ Всеволода Михайловича. Подъ конецъ очень какъ-то всё развеселились; говорились изумительные пустяки, заставлявшіе покатываться со смѣху людей совсѣмъ несмѣпливыхъ. Хозяинъ такъ и сыпалъ прибаутками и шарадами.

V

Домашняя жизнь Всеволода Михайловича; обиліе счастья.—Посѣщенія матушки и брата Евгенія.—Общительность Екатерины Степановны и Евгенія Михайловича; ихъ заботы о ближнихъ.—Знакомство автора съ А. Н. Пыпинымъ.—Возвращеніе автора въ Москву и справка изъ Питера о его «примѣтахъ».

Пожалуй, вполне счастливъ былъ въ эту зиму Всеволодъ Михайловичъ, существуя въ атмосферѣ общаго къ нему участія, благоволенія и вниманія. 83-й годъ былъ особенно удаченъ для него въ отношеніи творчества: было напечатано имъ цѣлыхъ три сказа въ «Отечественныхъ Запискахъ»—и нѣсколько переводовъ съ французскаго въ другихъ изданіяхъ. Всѣ идеализировали молодого писателя, прославляли его впередъ, въ кредитъ, въ ожиданіи будущихъ большихъ его произведеній,—и онъ, видимо, не сомнѣвался въ себѣ, надѣялся оправдать эти чрезмѣрные ожиданія. Каждый день онъ слышалъ себѣ похвалы отъ знакомыхъ и незнакомыхъ, почти каждый день имѣлъ удовольствіе читать себѣ одобренія въ журналахъ и газетахъ. Это нисколько не кружило ему головы, нисколько не уменьшало его обычной благосклонности и благосклонности къ окружающимъ. Въ немъ и слѣда не было того, что французы называютъ *fatnité* и что такъ обычно у писателей, артистовъ и художниковъ: съ людьми неблизкими онъ о своихъ сочиненіяхъ никогда и не заговаривалъ.

Подъ напоромъ счастья иногда гнулись большие нервы писателя. Счастливыхъ ощущеній минутами скоплялось такъ много, что Всеволодъ Михайловичъ не успѣвалъ ихъ переваривать... и, какъ сизыя темныя тучки на блѣдно-голубомъ небѣ въ ясный лѣтній полдень, на челѣ писателя появлялись тѣни—какія-то совсѣмъ несвойственныя ему важность и серьезность, а во взглядѣ показывалась какая-то зловѣщая мрачность... но это было такъ мимолетно, что ускользало отъ вниманія близкихъ, родныхъ и знакомыхъ, которые видѣли во Всеволодѣ въ эту пору лишь очаровательную скромность и что-то мягко-красивое, безгранично-гуманное и веселое.

Получалъ Всеволодъ Михайловичъ въ конторѣ сто рублей въ мѣсяцъ, что, вмѣстѣ съ наградами къ празднику и литературнымъ гонораромъ, давало возможность супругамъ существовать въ Питерѣ даже на сносной квартирѣ; но никогда не приходилось слышать отъ нихъ ни объ оперѣ, ни о театрѣ вообще, ни о какомъ ре-

сторонѣ. Продолжали платить Гаршину въ «либеральнѣйшемъ»¹⁾ органѣ всего лишь семьдесятъ рублей за листъ, платили такъ мало не вслѣдствіе какихъ-либо эксплуататорскихъ инстинктовъ, а, какъ объяснялъ впоследствии Всеволодъ Михайловичъ, по разсѣянности, по невниманію.

У писателя каждый день служба, и каждый почти день зайдутъ къ нему симпатичные, близкіе люди, съ которыми такъ пріятно поговорить по душѣ и поспорить, и поволноваться; каждый почти день приходится заходить къ тѣмъ или другимъ милымъ людямъ и съ ними бесѣдовать, спорить и скорбѣть, и волноваться... Потому цѣлые вечера тратятся на молодыхъ благотворительныхъ вечеринки, гдѣ Гаршину почетъ и уваженіе, гдѣ являлось столько лицъ, желавшихъ съ нимъ познакомиться; на посѣщеніе литературныхъ салоновъ, литературныхъ вечеровъ; на посѣщеніе особъ, которыхъ нельзя было не уважать, къ которымъ не могъ быть равнодушнымъ любознательный беллетристъ.

Съ юморомъ вспоминалъ Всеволодъ Михайловичъ, какъ на одномъ литературномъ вечерѣ причинилъ онъ почтенному человѣку нѣкоторое неудовольствіе именно благодаря своему хорошему знанію гимназическаго курса. Каразинъ читалъ разсказъ, въ которомъ допустилъ астрономическую ошибку, странную для офицера-топографа, который когда-то, сидя верхомъ на верблюдѣ въ караванѣ Хлудова, производилъ маршрутную съемку туркестанскихъ степей. По окончаніи чтенія цѣлыхъ три человѣка изъ числа публики, одинъ послѣ другого и независимо другъ отъ друга, подходили къ автору «Двуногаго волка» и освѣдомляли его о сдѣланномъ имъ промахѣ,—и вотъ, когда самолюбивый сочинитель былъ уже совсѣмъ разсерженъ этими замѣчаніями, Всеволодъ Михайловичъ, ничего того не зная, благородно и мягко приближается къ художнику, съ добрымъ желаніемъ оказать услугу старшему собрату-писателю: «Николай Николаевичъ! Позвольте вамъ сказать... у васъ тамъ вкралась небольшая неточность въ обозначеніи длины мѣсяца, потому что длина сидерическаго...»—«Знаю, знаю-съ!» оборвалъ Каразинъ и даже отвернулся отъ милаго Всеволода Михайловича.

Быстро и незамѣтно проходило время, а между тѣмъ надо было писать, писать и писать, изучать жизнь, сталкиваться съ раз-

¹⁾ Изъ забавной шуточной поэмы-пародіи (Минаева?) на «Крестьянку» Некрасовъ въ «Дѣлѣ» семидесятыхъ годовъ:

Съ Михаиломъ Евграфычемъ, съ Григоріемъ Захарычемъ
Я органъ либеральнѣйшій—«Записки» издаю!
Михаилъ-свѣтъ-Евграфовичъ онъ долженъ въ книжку каждую
Писать сатиру легкую, сатиру-фельетонъ...

ными слоями обществами, познавать людскія души, обрабатывать созрѣвшія въ головѣ темы, ловить минуты вдохновенія... а вмѣстѣ съ тѣмъ какую массу нужно было прочесть! Какъ много появлялось тогда на Западѣ замѣчательныхъ вещей по беллетристикѣ, которыхъ нельзя было оставить безъ вниманія. В. Ф. Коршъ издавалъ тогда журналъ съ переводами интересныхъ иностранныхъ романовъ; въ немъ Всеволодъ Михайловичъ помѣстилъ свой переводъ «Коломбъ» Пр. Мериме и читалъ журналъ съ интересомъ; особенно увлекъ его одинъ (кажется, датскій) романъ, въ которомъ былъ мастерски очерченъ типъ, подобный нашему Рудину.

Интересовали писателя русская исторія, исторія литературы, философія и было у него немалое влеченіе къ обширной области естествознанія вообще. Онъ не имѣлъ дѣтей (такъ это печалило обоихъ супруговъ!); но его занимали вопросы воспитанія, дѣтская и педагогическая литература. Непреодолимое было у него желаніе основательно пополнить свое плохое знаніе европейскихъ классиковъ. Но для уразумѣнія классиковъ пужно было предварительно изучить языки англійскій и нѣмецкій, за которые Всеволодъ Михайловичъ много разъ принимался съ большимъ усердіемъ, но вполнѣ безуспѣшно, а свободно могъ онъ читать на одномъ лишь французскомъ. Безъ основательнаго знанія языковъ какимъ образомъ понять, прочувствовать Гёте, Шиллера, Гейне, Шекспира, Байрона, Шелли, Теннисона?

А между тѣмъ заниматься писаніемъ, творчествомъ приходилось Всеволоду Михайловичу по утрамъ, до ухода на службу. Какая это была работа, когда ежеминутно смотришь на часы, дабы не опоздать къ занятіямъ! Бывало, что и въ это короткое и неприятное время сумрачнаго петербургскаго утра писатель успѣвалъ войти въ работу—вотъ-вотъ охватывали его вдохновеніе, творческій жаръ; но тутъ все надо было бросать, насильственно отрываться отъ письменнаго стола, спѣшить съ туалетомъ и поскорѣе бѣжать на службу...

Книжка рассказовъ разошлась; потребовалось второе изданіе; «Красный Цвѣтокъ», рассказъ психіатрической, изъ области ощущеній и наблюденій перво-больного, произвелъ сильное впечатлѣніе; сантиментальный рассказъ «Медвѣди» всѣмъ понравился. «Мы не позволяють писать о томъ, какъ вѣшаютъ людей, я буду имъ писать, какъ разстрѣливаютъ медвѣдей!»—такъ энергично, патетически-либерально воскликнулъ онъ при матушкѣ, когда рассказъ былъ принятъ къ напечатанію.

Въ упоеніи успѣховъ не замѣчалъ писатель, какъ гроза надвигалась на родныя ему «Отечественныя Записки».

Частенько заходилъ Всеволодъ Михайловичъ въ эту зиму въ Эртелевъ переулокъ, къ своимъ, къ матушкѣ и къ брату Евгенію, подѣлиться своими успѣхами и радостями; заходилъ обычно-

венно на минутку, прохаживался по комнатѣ, не снимая своего драпового пальто съ барашковымъ воротникомъ; пальто было неважное; но вообще-то Всеволодъ Михайловичъ одѣвался хотя и не франтомъ, но довольно прилично и солидно. Сообщивъ матушкѣ свои радости, Всеволодъ Михайловичъ медлитъ уходить: этимъ сообщеніемъ онъ уже возбудилъ свои нервы, а матушка говорить: «Оставайся пить чай!» Кстати приходятъ симпатичные люди; они очень рады, что застали Всеволода; имъ также Всеволодъ Михайловичъ рассказываетъ о своихъ дѣлахъ и впечатлѣніяхъ. Завязывается разговоръ о родной литературѣ; писатель снимаетъ пальто, водворяется на диванѣ со стаканомъ чаю и беззаветно отдается бесѣдѣ о своихъ любимцахъ—о Толстомъ, Тургеневѣ, Достоевскомъ.

Тургеневъ былъ особенно хорошо, во-время мною воспринятъ; много счастливыхъ часовъ онъ доставилъ мнѣ и всей нашей семьѣ; я рѣшилъ высказать еретическое мнѣніе, что Тургеневъ выше Толстого... Какъ горячо напали на меня за это Всеволодъ Михайловичъ и Фаусекъ. Взволновалась и Екатерина Степановна, встала изъ-за чайнаго стола и заходила по комнатѣ своей тяжелой походкой и стала меня укорять, говоря, что вѣдь она меня считала поклонникомъ Толстого. Помню, Фаусекъ очень рѣзко и мальчишески-легкомысленно выразился о популярномъ тогда Евг. Марковѣ; Всеволодъ Михайловичъ былъ также суровъ къ автору «Черноземныхъ Полей»; но когда рѣчь зашла о «Барчукахъ», онъ рѣшительно и серьезно заявилъ: «Барчуки»—хорошая вещь!» Въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Маркова было для Гаршина много знакомаго, роднаго,—вѣдь и самъ онъ былъ барчукъ. Кумиромъ его былъ Толстой-беллетристъ, стало быть, увлекала его специально барская, исключительно дворянская беллетристика. Потомъ Гаршинъ чрезвычайно увлекся, во многомъ съ нимъ соглашаясь, Толстымъ моралистомъ и философомъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Эртелева переулка Всеволодъ Михайловичъ прямо изъ передней быстро подошелъ къ столу, за которымъ трудилась надъ шитьемъ матушка, и сказала: «Мама, знаешь, сколько мнѣ къ празднику дали награды?»—и произнесъ какую-то крупную цифру, чуть ли не триста рублей. «Онъ (т.-е. начальникъ той конторы) очень любезно мнѣ сказалъ: «Мы очень довольны вашими занятіями! Мы знаемъ, что у васъ есть другое дѣло чрезвычайной важности, отъ котораго было бы жалъ васъ отвлекать!» Я сказалъ, что служба нисколько не мѣшаетъ моей литературѣ. «Могу вамъ признаться, что послѣдній мой рассказъ я почти весь написалъ, сидя на службѣ»¹⁾.

¹⁾ Какъ жалъ, что почти въ то же самое время уволили отъ службы изъ московской городской управы, за такія же вотъ точно дѣла, писателя Николая Андреевича Чмырева, который вздумалъ было за канцелярскимъ столомъ сочинять историческій романъ «Развѣнчанная царевна».

Авт.

Часовъ шесть въ день просиживаль Всеволодъ Михайловичъ въ этой конторѣ среди людей почти необразованныхъ. «До такого обалдѣнія дѣло доходить, что споры ведутъ о томъ, какъ писать нужно въ бумагахъ: вслѣдствіе «сего» или «вслѣдствіе этого!»— жаловался писатель. Раньше еще было хуже: приходилось ему трудиться по цѣлымъ днямъ въ конторѣ какой-то писчебумажной фабрики за семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, тогда онъ отводилъ душу въ веселыхъ, дружныхъ редакціонныхъ собраніяхъ журнала «Устои» С. А. Венгерова.

У Екатерины Степановны почти каждый день гости, и утромъ, и вечеромъ. Угощенія никакого, да никто его и не ожидалъ: чай съ лимономъ и французская булка, и больше ничего. Особа общительная и субъективная, Екатерина Степановна не такъ охотно слушала, что ей говорили, но любила рассказывать гостямъ о своихъ знакомыхъ. Молодость ея совпала съ бурною эпохою шестидесятыхъ годовъ; житейскій опытъ у нея былъ обширный, знакомствъ въ прошломъ масса и знакомствъ иногда очень курьезныхъ. Рассказывала она, какъ пришлось ей заботиться о молодомъ русскомъ историкѣ Ф., рано погибшемъ... Юноша былъ настолько застѣнчивъ и нерѣшителенъ, что однажды Екатерина Степановна тащила его за руку къ Костомарову, ввела по лѣстницѣ къ двери, позвонила и насильно втолкнула молодого ученаго въ квартиру Костомарова. Этотъ Ф. пригласилъ разъ дѣвицу съ улицы въ номеръ гостиницы и оживленно пробесѣдовалъ цѣлый вечеръ съ такой случайной знакомой о шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ... тѣмъ дѣло все и ограничилось; потомъ хвалился; очень былъ доволенъ: «Не глупая, знаете ли, попалась особа; очень пріятно провель вечерокъ!»

Вѣчно возились матушка и Евгеній Михайловичъ съ какимъ-нибудь несчастливымъ, неудачнымъ субъектомъ или съ таковою же неудачницею, искали для нихъ какого-нибудь мѣстечка или какой-нибудь работы; вѣчно у Гаршиныхъ были на устахъ какой-нибудь такой герой или какая-нибудь такая героиня, которыхъ они горячо расхваливали, пропагандировали между всѣми своими знакомыми—точно обрѣли какое-нибудь чудо! Помогали они и тому господину, который передѣлалъ въ пьесу рассказъ Тургенева «Степной король Лиръ». Передѣлка эта была поставлена въ Москвѣ, на сценѣ частнаго («Пушкинскаго») театра г-жи Бренко-Левинсонъ, на Тверской улицѣ въ домѣ Малкіеля. Въ театрѣ этомъ собрались тогда лучшія силы русской частной сцены: Глама-Мещерская, Волгина, Добрынина, неподражаемая въ изображеніи молодыхъ бойкихъ русскихъ дѣвушекъ; Андреевъ-Бурлакъ, Свободинъ, Кирѣевъ, Писаревъ, Горевъ, Ивановъ-Козельскій.

Большое эстетическое удовольствіе доставляли москвичамъ супруги Левинсонъ и въ результатѣ: она разорилась; онъ—адвокатъ и образованный, талантливый музыкальный критикъ—почичилъ съ собою. Они создали репутацію Шпажинскому, поставивъ его «Кручину», въ которой особенно чувствителенъ былъ Андреевъ-Бурлакъ. Тогда въ «Листкѣ» была помѣщена пародія на Лермонтовскаго «Демона», въ которой, между прочимъ, значилось: «Клянусь Мещерской-Гламы ножкой и Волгиной вамъ красотой!»

«Король Лиръ» хорошо вошелъ въ рамки небольшого сценическаго представленія; славная вышла изъ него пьеса; талантливые актеры сдѣлали свое дѣло превосходно; могучій Писаревъ какъ разъ подходилъ къ роли Лира—Харлова; сцена пожара и ломанія дома произвела сильное впечатлѣніе; но почему-то умная эта передѣлка была снята со сцены, кажется, послѣ перваго же представленія и позабыта, а имя ея исполнителя не приходилось потомъ нигдѣ встрѣчать въ печати.

Братья Гаршины мало походили другъ на друга. Георгій Михайловичъ имѣлъ внѣшность незначительную и о костюмѣ своемъ не заботился, а потому съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе мелкаго служащаго. Евгений Михайловичъ, малаго роста, полный, съ цвѣтущимъ лицомъ и, несмотря на юность лѣтъ, съ рѣдкими волосами, почти лысый, имѣлъ видъ солидный, купеческій, носилъ просторный длинный, черный сюртукъ, говорилъ со всѣми спокойно, важно, непринужденно, тономъ вполне зрѣлаго, сложившагося человѣка. Съ раннихъ лѣтъ онъ давалъ уроки и былъ опорю семьи.

Ни къ какому дѣлу онъ страстно не привязывался; не было въ немъ того священнаго огня, которымъ горѣлъ Всеволодъ Михайловичъ; но способности его были изумительныя. Оканчивая курсъ на филологическомъ факультетѣ, онъ печаталъ статьи и рецензіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ», читалъ рефераты въ историческомъ обществѣ, давалъ уроки, занимался съ маленькимъ племянникомъ, ввязывался въ чужія дѣла именно съ цѣлью сдѣлать доброе дѣло; справлялся съ массою литературныхъ и нелитературныхъ знакомствъ. Шутя кто-то сказалъ, что у него есть знакомый человѣчекъ въ каждомъ министерствѣ. Знакомясь съ новымъ лицомъ, Евгений Михайловичъ невольно начиналъ соображать: а нельзя ли этому новому знакомому оказать какое-либо содѣйствіе или въ чемъ-нибудь помочь?.. И дѣйствительно, въ болѣшинствѣ случаевъ, оказывалъ или содѣйствіе, или помощь. Строго говоря, онъ только что вступалъ въ жизнь, и въ эти лѣта люди

обыкновенно думаютъ только о самихъ себѣ. Однажды онъ мнѣ торжественно сказалъ: «Судьба «Новаго Времени» обезпечена: сегодня на филологическомъ факультетѣ окончили курсъ сынъ Суворина».

Приблизительно въ это время я побывалъ у Александра Николаевича Пыпина, популярнаго тогда ученаго, прикомандированнаго къ литературѣ, съ которымъ за годъ передъ тѣмъ обмѣнялся письмами. Юный читатель сообщилъ Пыпину краткое извѣстіе о Бѣлинскомъ, со словъ одного почтеннаго человѣка, бывшаго ученика знаменитаго критика, и къ этому присовокупилъ искреннѣйшую благодарность А. Н. за удовольствіе, доставляемое его сочиненіями. Молодые люди очень увлекались тогда статьями Пыпина, находя въ нихъ, при полной простотѣ и даже сухости изложенія, солидную основу сужденій, радикализмъ и гуманизмъ. Какъ писатель, Пыпинъ напоминалъ Шлоссера, котораго любилъ и уважалъ, котораго и посѣтилъ во время своего заграничнаго путешествія въ концѣ пятидесятихъ годовъ.

А. Н., со свойственною ему аккуратностью, тотчасъ же отвѣтилъ на мое письмо: благодарилъ за извѣстіе о Бѣлинскомъ¹⁾ и выразилъ радость по поводу признательности читателя: въ своемъ кругу уже заранѣе знаешь, гдѣ сочувствіе и гдѣ вражда; но получить похвалу отъ человѣка далекаго и неизвѣстнаго доставляетъ большое удовлетвореніе!

Я ожидалъ встрѣтить крупнаго, могучаго человѣка; оказался господинъ малаго роста, слабаго, болѣзненнаго вида, съ симпатичнымъ обывательскимъ лицомъ, въ очкахъ; простая, чисто русская рѣчь, безъ краснорѣчія и украшеній, безъ интеллигентныхъ словечекъ, такая рѣчь, въ которой истинно русскій человѣкъ заслонялъ собою и литератора, и ученаго.

Проживалъ тогда А. Н. въ домѣ 6-мъ по первой линіи Васильевскаго Острова, въ нижнемъ этажѣ, по сосѣдству съ Костомаровымъ. Изъ темной передней налѣво небольшой кабинетъ съ двумя окнами на улицу; масса книгъ по стѣнамъ на простыхъ полкахъ, оттоманка, старый письменный столъ; портреты писателей по стѣнѣ надъ сто-

¹⁾ Едва ли А. Н. обратилъ вниманіе на это извѣстіе. Изъ печатнаго источника, не бывшаго въ рукахъ Пыпина, я сообщилъ точную дату кратковременнаго учительства Бѣлинскаго; затѣмъ писалъ, какъ мой знакомый вспоминалъ о своемъ знаменитомъ учителѣ: человѣкъ былъ раздражительный и саркастическій, съ сердитой и подбострастной фізіономіей... обыкновенно занимался съ какимъ-нибудь однимъ особенно способнымъ ученикомъ, оставляя весь классъ безъ вниманія; даже уходилъ съ такимъ ученикомъ гулять по залѣ во время урока. Затѣмъ-то приводилъ въ классъ Кольцова, который былъ одѣтъ совсѣмъ по-мѣщански—въ длиннополый сюртукъ и съ бисерной часовой пѣпочкой на жилетѣ. Умѣвшій хорошо рисовать ученикъ Мартыновъ написалъ портретъ Б. Пріятель Б., инспекторъ классовъ князь Козловскій также очень небрежно относился къ своимъ обязанностямъ.

ломъ. Хозяинъ, при своихъ многотрудныхъ занятіяхъ, имѣетъ на дню часы, когда ничего не дѣлаетъ, принимаетъ посѣтителей, отдается бесѣдѣ.

Сидя у стола въ просторномъ пиджакѣ табачнаго цвѣта и не разставаясь съ папиросою, просто, поучительно и не безъ юмора говорилъ А. Н. мнѣ о томъ, что въ романахъ и повѣстяхъ, т.-е. въ болѣе или менѣе чувствительныхъ изображеніяхъ двухъ любящихся существъ, пожалуй, нѣтъ особенной надобности... Для того, чтобы эти изображенія имѣли дѣйствительную цѣну, надо автору имѣть художественный даръ, что достается лишь на долю очень и очень немногихъ избранныхъ. Не надо заурядныхъ повѣстей и романовъ, ихъ и такъ слишкомъ много! Гораздо болѣе интересъ, несравненно болѣе важную представляють подлинныя изображенія быта, нравовъ, обычаевъ разныхъ угловъ нашего отечества, собраніе пѣсенъ, повѣрій, сказокъ, легендъ. «Не надо этихъ любвей»,—нуженъ научный матеріалъ изъ нѣдръ дѣйствительной народной жизни. Намъ совсѣмъ неизвѣстенъ бытъ цѣлыхъ областей земли русской; именно теперь своевременно и важно изученіе этого быта, потому что городская жизнь волнами врывается въ деревню: молодежь оставляетъ старинные обычаи, старинные костюмы, старинныя пѣсни; жизнь народа обезличивается, лишается прежней своей бытовой прелести.

Вспомнилъ А. Н., какъ однажды укорялъ Тургенева въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскою жизнью: «Иванъ Сергѣевичъ, да вѣдь вы Волги не видали!»

А. Н. говорилъ о ненужности заурядныхъ повѣстей и о желательности изученія народнаго быта потому, что онъ хотѣлъ утѣшить и направить на путь истинный одного юнаго автора, съ которымъ приключилась слѣдующая исторія.

Зимою 79-го года сидѣлъ я вечеромъ у своего пріятели, Александра Васильевича Протопопова, въ маленькой комнаткѣ плохихъ номеровъ на Маросейкѣ. А. В. и на школьной скамьѣ, и по окончаніи курса любилъ почитать хорошую книжку, но къ занятіямъ литературой, къ писательству никакого стремленія не обнаруживалъ. Къ удивленію моему, въ этотъ вечеръ онъ вытащилъ изъ чемоданчика исписанные листки и тетрабочки и принялся читать мнѣ вслухъ свое сочиненіе, которое сразу же овладѣло моимъ вниманіемъ. Это былъ рассказъ изъ народнаго быта, плодъ семимѣсячныхъ скитаній впечатлительнаго юноши по деревнямъ Егорьевскаго уѣзда.

Черезъ нѣсколько дней А. В. прочелъ свой рассказъ въ нашей семьѣ, въ небольшомъ кружкѣ молодыхъ людей. На слушателей повѣсть произвела хорошее впечатлѣніе народнымъ юморомъ и картинами сельской природы; чтеніе прерывалось много разъ веселымъ смѣхомъ, а поды конецъ привело всѣхъ въ восхи-

щеніе: никто ничего такого и не ожидалъ отъ скромнаго Александра Васильевича.

Долго работали потомъ авторъ надъ своимъ сочиненіемъ; долго прилизывалъ, охоливалъ его, чтобы привести въ удобный для печати видъ; большихъ это стоило ему трудовъ: стилистъ онъ былъ плохой, писалъ туговато. Аккуратно переписанная тетрадь пошла въ журналъ «Слово», откуда вскорѣ и была возвращена съ отзывомъ, что рассказъ скучноватъ, и хотя скучноватость понятіе относительное, но въ дальнѣйшіе разговоры по сему поводу редакція входитъ не намѣрена. Опять сталъ сокращать и чистить А. В. свое твореніе и вновь его начисто переписалъ и отнесъ въ «Русскую Мысль»; но С. А. Юрьевъ, по своему обыкновенію, не потрудился и посмотрѣть на рукопись. Не смутился А. В. и послѣ второй неудачи, не таковъ былъ его характеръ. Вновь прочелъ, исправилъ и переписалъ онъ свой рассказъ,—и въ такомъ-то сокращенномъ, облизанномъ видѣ сочиненіе пришло, наконецъ, къ А. Н. П., который былъ пріятно изумленъ просто, наивно и весело написанными картинками изъ жизни русской деревни и безъ колебаній принялъ произведеніе неизвѣстнаго автора къ помѣщенію въ «Вѣстникъ Европы».

И вотъ весною 82-го года А. В. получилъ увѣдомленіе, что рассказъ будетъ напечатанъ съ платою семидесяти рублей за листъ (столько же платили «О. З.» прославленному В. М. Гаршину), а въ июльской книжкѣ «Вѣстника Европы» было напечатано «Ожиданіе» за подписью А. В. П., обратившее на себя вниманіе журнальныхъ обозрѣвателей въ «Голосѣ», «Странѣ» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Возликовалъ Александръ Васильевичъ, возликовали съ нимъ и его близкіе! Въ головѣ его закопошились планы романовъ и повѣстей изъ народнаго быта: у него былъ опытъ семимѣсячныхъ скитаній по деревнямъ Вологодской губерніи и нѣсколькихъ мѣсяцевъ жительствова въ большомъ селѣ въ глуши Пермской губерніи. Лѣто 82-го года въ Москвѣ было прекрасное: чудная погода, интересная выставка на Ходынскомъ полѣ, большой съѣздъ гостей съ разныхъ концовъ Россіи, замѣчательная труппа Бренко въ лѣтнемъ Петровскомъ театрѣ. Какъ разъ было повтореніе бывшаго въ Москвѣ десять лѣтъ назадъ, въ 72-мъ году, во время юбилея Петра Великаго, такая же чудная была погода; но только тогда все было какъ-то торжественнѣе, веселѣе, свѣтлѣе, юнѣе, все было озарено лучшими надеждами... а интересная выставка и прекрасный театръ помѣщались въ самомъ центрѣ города.

Счастливо провелъ лѣто 82-го года юный авторъ, часто выдаясь, бывая на выставкѣ и въ театрѣ, совершая прогулки по окрестностямъ Москвы вмѣстѣ съ любившими его молодыми учеными (одинъ давно заслуженный профессоръ, другой—сѣдовласый, почтенный академикъ, третій покойный профессоръ-астрономъ), видѣвшими

въ немъ уже беллетриста, удачно начавшаго свое поприще въ лучшемъ журналѣ, замѣченнаго критикою. Зимой А. В. соорудилъ большой, содержательный, написанный чисто народнымъ языкомъ рассказъ изъ вологодскаго деревенскаго быта. Если бы это произведение появилось на страницахъ «Вѣстника Европы», это упрочило бы карьеру автора и дало бы русской литературѣ виднаго писателя-народника. Увы, рассказъ былъ возвращенъ при коротенькомъ письмѣ Пыпина: автору ставилось въ упрекъ излишнее употребленіе чисто народнаго языка.

Потомъ три года пришлось прожить А. В. въ новороссійскихъ степяхъ; это отвлекло его отъ великорусскихъ деревенскихъ впечатлѣній; къ тому же онъ былъ отвѣтственный чиновникъ, дѣлавшій трудное дѣло: ему было уже не до любованій природою, не до наблюденій надъ окружающимъ его мѣстнымъ бытомъ. Затѣмъ кратковременное пребываніе въ Лѣсномъ институтѣ, въ качествѣ ассистента, дало ему возможность написать нѣчто, напечатанное въ приложеніи ко «Всемирной Иллюстраціи».

Перейдя въ контроль крѣпостныхъ сооружений, А. В. былъ настолько поглощенъ служебными трудами и семейными заботами, что только лишь временами могъ вздыхать по литературному и художественному творчеству (онъ былъ отчасти и художникъ—рисовалъ пейзажи акварелью съ натуры), вспоминая и Москву, и великорусскую деревенскую жизнь, и паркъ, и хорошее общество Лѣснаго института. Подъ тяжестью служебныхъ и семейныхъ заботъ скончался А. В. въ 1902 г., сорока съ небольшимъ лѣтъ отъ роду.

Вотъ именно по поводу работъ Протопопова, распространился А. Н. П. о желательности въ данную минуту подробнаго изученія народнаго быта. А. Н. ошибался, говоря о ненужности повѣстей и романовъ: читающая публика именно требовала тогда повѣстей и романовъ изъ русской жизни; ими наполнены были ежемѣсячные журналы и иллюстраціи съ приложеніями, а практичный П. А. Гайдебуровъ счелъ выгоднымъ, и въ этомъ не ошибся, прилагать къ своей серьезной газетѣ бесплатно ежемѣсячную книжку повѣстей и романовъ. Между тѣмъ на серьезный бытовой отдѣлъ нѣкоторыхъ журналовъ читатели не обращали тогда никакого вниманія. Поэтому совѣтъ молодому автору заниматься, вмѣсто беллетристики, дѣловымъ изученіемъ народнаго быта и сообщеніемъ публикѣ сѣрыхъ объективныхъ матеріаловъ изъ этого быта былъ естествененъ, трогателенъ въ устахъ такого патриота-народника, какъ А. Н. Пыпинъ, но не соответствовалъ потребностямъ минуты.

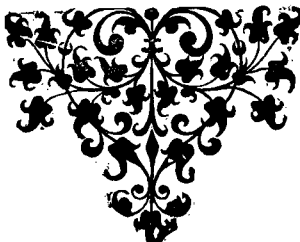
Я искренно пожелалъ А. Н. написать «Исторію русской литературы»; тогда какъ разъ была потребность въ серьезномъ трудѣ по этому предмету. Писатель сказалъ, что это его давнишняя, лю-

бимая мечта; но онъ никакъ не можетъ собраться приступить къ ея исполненію: занятія по редакціи «Вѣстника Европы», дающія ему главный доходъ, сильно его отвлекаютъ¹⁾.

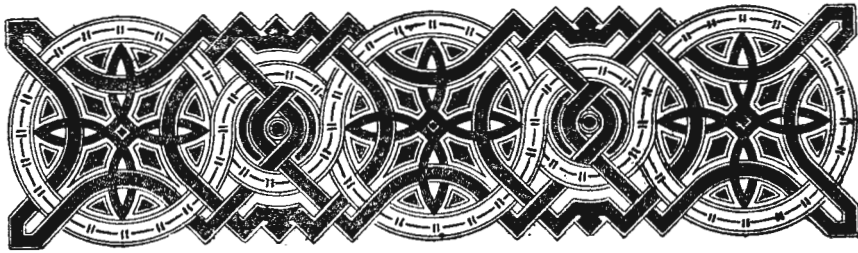
Я уѣзжалъ изъ Питера обогащенный многими новыми впечатлѣніями; но въ гаршинской компаніи я ожидалъ встрѣтить болѣе серьезное содержаніе. Возвратясь благополучно въ Москву, я сталъ аккуратно путешествовать на службу—«въ присутствіе». Въ прежнее время самый малый чинъ, отправляясь на службу, важно говорилъ, что онъ идетъ «въ присутствіе». Однажды начальство потребовало меня къ себѣ и, задавая мнѣ какіе-то вопросы ни къ селу, ни къ городу, внимательно въ меня вглядывалось. Вскорѣ я узналъ, что изъ нѣкотораго учрежденія была получена бумага съ просьбою описать мои примѣты и сообщить, какія у меня знакомства. вмѣстѣ съ описаніемъ примѣтъ было отвѣчено, что знакомства у меня самыя хорошія, что и вполнѣ было согласно съ дѣйствительностью.

В. П. Соколовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Впослѣдствіи А. Н. осуществилъ эту мечту, но съ ослабѣвшими силами: обширный и серьезный трудъ вышелъ далеко не такой, какого можно было ожидать отъ А. Н. П.

ПЕРВЫЙ ЦАРСКИЙ ПОЕЗДЪ НА КУРСКО-КІЕВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

I.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ году исполнилось уже 48 лѣтъ со времени открытія для движенія Курско-Кіевской желѣзной дороги. Хорошо помню торжества этого открытія въ 1868 году въ Курскѣ и страшный переполохъ, случившійся вскорѣ въ городѣ вслѣдствіе ужасной катастрофы на 4-й верстѣ новоустроенной дороги въ самый день прослѣдованія по ней царскаго поѣзда, въ которомъ ѣхалъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, когда рухнулъ громадный деревянный мостъ на рѣкѣ Сеймѣ, покрывшій своими тяжелыми обломками пассажирско-почтовый поѣздъ, упавшій въ ледяную пучину покой воды, бурно несшейся внизъ по теченію. Великій князь избавился отъ смертной опасности, какъ увидятъ ниже читатели, чудеснымъ образомъ, проѣхавъ, вопреки своему желанію, злополучный мостъ нѣсколько времени ранѣе. Фактъ самаго спасенія настолько поразителенъ, что мы считаемъ своимъ долгомъ передать о немъ на основаніи архивныхъ документальныхъ данныхъ и писемъ управляющаго Кіевской дорогой Н. Е. Ададунова къ предсѣдателю правленія общества этой дороги фонъ-Дервизу. Данныя эти являются въ печати впервые, такъ какъ въ то время газеты

не имѣли права ихъ напечатать, да интимныхъ обстоятельствъ дѣла почти никто и не зналъ¹⁾.

Великій князь Николай Николаевичъ долженъ былъ проѣзжать на пути изъ Петербурга въ Курскую губернію по Московско-Курской дорогѣ въ ночь на 17-е марта 1869 года, а приѣздъ въ Курскъ былъ назначенъ въ 12 часовъ дня; остановка здѣсь предполагалась около четырехъ часовъ, а затѣмъ отъѣздъ въ Бровары, докуда доходила Кіевская дорога, въ четыре часа вечера. Великій князь ѣхалъ на Кавказъ къ своему августѣйшему брату Михаилу Николаевичу. Великокняжеская свита была немногочисленна: начальникъ канцеляріи, генераль-инспекторъ кавалеріи Ѡ. С. Джунковскій, состоящіе при его высочествѣ генераль-майоръ А. А. Галль, адъютанты А. А. Ростовцевъ, ротмистръ А. П. Струковъ, штабсъ-ротмистръ Д. А. Скалонъ, художникъ Дмитріевъ.

5-го марта предсѣдатель правленія общества Курско-Кіевской желѣзной дороги фонъ-Дервизъ писалъ Ададурову:

«Великій князь Николай Николаевичъ ѣдетъ изъ Москвы съ обыкновеннымъ пассажирскимъ поѣздомъ. Съ нимъ ѣдетъ свита, состоящая, кажется, изъ трехъ генераловъ и трехъ адъютантовъ. Кромѣ того, приглашенъ ѣхать съ нимъ же англійскій посланникъ съ женой. Такимъ образомъ, для великаго князя нуженъ одинъ вагонъ, для посланника другой, а для свиты—третій.

«По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня стороною, одинъ изъ нашихъ смѣшанныхъ вагоновъ передѣлывается въ салонный. Если это справедливо, то два вагона у насъ будутъ, недостаетъ только третьяго.

«Вагоны учредителей къ тому времени доставлены не будутъ, поэтому придется взять царскій вагонъ изъ поѣзда, въ которомъ великій князь поѣдетъ по Московско-Курской дорогѣ. Клевецкій²⁾ получилъ предписаніе войти въ соглашеніе съ нами о томъ, въ какихъ вагонахъ мы предполагаемъ везти великаго князя, и сказалъ, что онъ напишетъ объ этомъ. Прошу васъ немедленно телеграфировать мнѣ, встрѣчаете ли вы надобность въ царскомъ вагонѣ Курской дороги. Кромѣ того, встрѣчается еще такое соображеніе,— для великаго князя со свитой потребно будетъ три вагона и для англійскаго посланника одинъ, всего четыре, считая тутъ и вагонъ второго класса. Поэтому, возможно ли будетъ пустить эти вагоны всѣ съ пассажирскимъ поѣздомъ и не встрѣтятся ли надобности отправить въ такомъ случаѣ дополнительный пассажирскій поѣздъ?»

Ни фонъ-Дервизъ, ни Ададуровъ, ни кто-либо другой не знали о томъ, что отъ рѣшенія поставленнаго Дервизомъ вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ или благополучный проѣздъ

¹⁾ Источникомъ служили дѣла архива управленія М.-К.-Воронежской желѣзной дороги, св. 1-ая.

²⁾ Управляющій Московско-Курской дорогой.

великаго князя, или ужасающая по своимъ послѣдствіямъ опасность. Трудность рѣшенія вопроса въ пользу отдѣльнаго поѣзда увеличивалась потому, что великій князь Николай Николаевичъ желалъ непремѣнно ѣхать съ пассажирскимъ поѣздомъ, не затѣвая особаго, экстреннаго.

Между тѣмъ на сцену выступило новое обстоятельство, не предвидѣнное раньше. 8-го марта фонъ-Дервизъ писалъ Адаурову:

«Поѣздъ, который приготовленъ на Московско-Курской дорогѣ для великаго князя, состоитъ изъ четырехъ вагоновъ: царскаго, министерскаго, 1-го класса и 3-го класса. Всѣ четыре вагона отапливаются по системѣ Дершау вмѣстѣ и имѣютъ одинъ котель, вслѣдствіе чего разъединить ихъ невозможно. А потому Курская дорога даетъ намъ для поѣзда всѣ четыре вагона. Это представляется отчасти удобнѣе, потому что по крайней мѣрѣ въ Курскѣ не надо будетъ перегружаться. О томъ, въ какомъ поѣздѣ пожелаетъ ѣхать великій князь, въ обыкновенномъ или отдѣльномъ, я сообщу вамъ своевременно».

Фонъ-Дервизъ очень тревожился тѣмъ, чтобы великокняжескій поѣздъ прошелъ благополучно, — вѣдь это былъ первый такой случай проѣзда лица царской фамиліи по Курско-Кіевской дорогѣ послѣ только нѣсколькихъ мѣсяцевъ ея существованія и во время весны и разлива полои воды, — и то письмами, то телеграфомъ запрашивалъ о положеніи пути Н. Е. Адаурова. Тотъ болѣе или менѣе успокаивалъ предсѣдателя правленія. Онъ писалъ фонъ-Дервизу 12-го марта:

«У насъ на линіи все благополучно. На большей части дороги балластъ оттаялъ совершенно и просохъ, подъ Кіевомъ—даже пыль. Остается бояться версты за четыре первой дистанціи и за 35 второй, гдѣ балластъ не вполне оттаялъ и качества не лучшаго. Мѣры всѣ приняты, и нужно надѣяться, что все пройдетъ благополучно. Хотя путь еще не переведенъ съ большихъ временныхъ мостовъ на постоянные, но ледоходъ прошелъ почти вездѣ. Ледъ не тронулся еще на Сеймѣ, но вода вошла уже въ лѣтнее русло, и ледъ, задержанный временными ледорѣзами, по всей вѣроятности, сопрѣтетъ на мѣстѣ, и если и пойдетъ, то уже не представитъ никакой опасности».

Опытный инженеръ, Адауровъ въ данномъ случаѣ допустилъ грубѣйшую ошибку; не будучи, очевидно, знакомъ со свойствами степныхъ рѣкъ, онъ не зналъ, что при малѣйшей перемѣнѣ весенней погоды можетъ наступить на такой рѣкѣ, какова Сеймъ, новый паводокъ и напоръ льдинъ быть выше всякихъ ледорѣзовъ. Такъ оно и получилось вскорѣ.

Интересно описаніе новоустроенныхъ мостовъ на Кіевской желѣзной дорогѣ, сдѣланное самимъ ея управляющимъ:

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1916 г., т. сѣлѣв.

«Желѣзные мосты наши далеко не великолѣпны, и все, что можно про нихъ сказать, это то, что по нимъ можно ѣздить. Сборка ихъ до крайности дурна».

II.

Великому князю предстояло ѣхать по Курско-Кіевской желѣзной дороги до станціи Бровары, въ 17-ти верстахъ отъ Кіева; далѣе былъ проложенъ желѣзный рельсовый путь до лѣваго берега Днѣпра, но не открытъ для общаго пользованія.

Но Ададуровъ хотѣлъ сдѣлать пріятный сюрпризъ великому князю, избавивъ его отъ ѣзды на лошадахъ со станціи Бровары до Кіева, по необыкновенно тяжелой и утомительной грунтовой дорогѣ. Онъ предложилъ въ письмѣ Дервизу слѣдующій планъ:

«Мнѣ бы,—писалъ онъ,—хотѣлось довести великаго князя до Днѣпра и оттуда доставить его пароходомъ до кіевского цѣпного моста. Если вы не имѣете ничего противъ этого, то я постараюсь это устроить. Будьте только добры телеграфировать о согласіи вашемъ на это».

Хотя Ададуровъ зналъ, что великій князь не хотѣлъ ѣхать отдѣльнымъ поѣздомъ, но высказать въ письмѣ къ Дервизу ту мысль, что удобнѣе всего было бы отговорить великаго князя отъ его намѣренія.

«Я полагаю,—пишетъ управляющій дорогою:—что вопросъ о томъ, что мы повеземъ его высочество въ вагонахъ Московско-Курской дороги, окончательно рѣшенъ, судя по послѣднему вашему письму. Остается только желать, чтобы великій князь согласился на отдѣльный поѣздъ, во-первыхъ, потому, что въ Курскѣ ему негдѣ будетъ дожидаться¹⁾, во-вторыхъ, что въ «Броварахъ», при поѣздкѣ великаго князя въ пассажирскомъ поѣздѣ, придется дѣлать маневры и тоже негдѣ помѣстить его высочество. Если бы онъ согласился на отдѣльный поѣздъ, то мы выѣхали бы изъ Курска около часу дня и пріѣхали бы на Днѣпръ къ 8 часамъ утра, такъ что въ Кіевѣ были бы къ девяти часамъ утра. Поѣздка до Днѣпра могла бы быть сдѣлана безъ предупрежденія заранѣе и не могла бы быть иначе, какъ пріятна его высочеству. Большія остановки я предполагаю въ случаѣ экстреннаго поѣзда: въ Корневлѣ—обѣдъ, въ Конотопѣ—чай и въ Броварахъ—утренній чай. Императорскія комнаты въ Конотопѣ будутъ совершенно готовы къ 17-му марта».

Дервизу очень понравилась мысль о возможности для великаго князя проѣхать до самаго Кіева по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ. Но, къ сожалѣнію, она не осуществилась.

¹⁾ Въ то время на станціи Курскъ не былъ еще устроенъ большой помѣстительный вокзалъ, а пассажиры довольствовались тѣснымъ и очень неудобнымъ временнымъ зданіемъ.

«Дѣло съ поѣздкою до Днѣпра его высочества, — писалъ Ададуровъ—разстроилось по совершенно не зависящей отъ насъ причинѣ. Пароходъ Струве, на который мы рассчитывали въ началѣ, оказался сломаннымъ ¹⁾ и пришлось обратиться къ пароходному обществу, заявившему мнѣ въ Кіевѣ, что они берутъ за пароходъ въ день отъ 75 до 100 рублей. Но тутъ явились какія-то постороннія обстоятельства, влѣдствіе которыхъ контора пароходства запросила 500 рублей за поѣздку великаго князя. Находя такую цѣну совершенно несообразной, я телеграфировалъ кіевскому губернатору, прося содѣйствія, и послалъ, кромѣ того, къ нему А. И. Паскина ²⁾. Губернаторъ былъ очень доволенъ, что такъ устраивается поѣздка великаго князя, пригласилъ директора пароходства и уладилъ дѣло. Затѣмъ все вътроемъ отправились къ генералъ-губернатору, который окончательно воспротивился этому, говоря, что на Подолѣ, на пристани, такъ грязно, что нельзя выѣхать, что тамъ будетъ много народу, что нужно дѣлать нежелательную для великаго князя короткую встрѣчу и т. п., и потребовалъ, чтобы везли великаго князя согласно расписанію до Броваровъ, чѣмъ дѣло окончательно разстроилось».

Когда въ назначенное время великокняжескій поѣздъ пришелъ въ Курскъ, то здѣсь Ададурову удалось убѣдить все еще колебавшагося великаго князя слѣдовать отдѣльнымъ поѣздомъ на Кіевъ. Этому помогло состояніе погоды въ тотъ день: дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, крутила мокрая снѣжная метель, рѣки вновь разлились и волновались. Великій князь далъ свое согласіе на просьбу Ададурова, и экстренный поѣздъ благополучно прошелъ черезъ деревянный мостъ на рѣкѣ Сеймѣ и весь путь до станціи Бровары, гдѣ великій князь удостоилъ Ададурова благодарности. Въ веселомъ расположеніи духа онъ телеграфировалъ о вполне спокойномъ и благополучномъ препровожденіи перваго на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ царскаго поѣзда и съ экстреннымъ поѣздомъ направился обратно въ Курскъ.

Но на первой же станціи Н. Е. Ададурова ожидала переданная по телеграфу страшная вѣсть: вышедшій изъ Курска черезъ три часа послѣ царскаго пассажирскій поѣздъ, проходя деревянный мостъ на р. Сеймѣ, потерпѣлъ крушеніе и рухнулъ въ воду. Съ содроганіемъ сердца узналъ эту вѣсть управляющій дорогой. Радость за то, что ужасная катастрофа миновала царскій поѣздъ, омрачена была зловѣщимъ фактомъ гибели моста, поѣзда и людей, и Ададуровъ велѣлъ гнать, елико возможно скорѣе, свой поѣздъ по направленію къ мѣсту катастрофы.

Оказалось, что пассажирскій поѣздъ, не дошедши и до половины

¹⁾ Пароходъ принадлежалъ обществу Курско-Кіевской желѣзной дороги.

²⁾ Довѣренное лицо Н. Е. Ададурова.

моста, сошелъ съ рельсовъ, проломалъ рѣшетку его и свалился въ рѣку. Не скоро въ пустынной мѣстности, гдѣ протекаетъ Сеймъ, была оказана первая помощь пострадавшимъ пассажирамъ.

Потрясающее впечатлѣніе произвело крушеніе поѣзда на всю Россію. Это была первая крупная жертва плохого желѣзнодорожнаго строительства, болѣе ранняя, чѣмъ послѣдовавшая за ней катастрофы Тилигульская и Кукуевская на Одесской и Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Ударъ паровоза былъ настолько великъ, что онъ исковеркалъ желѣзныя фермы выстроеннаго рядомъ съ деревяннымъ постояннаго моста.

Черезъ нѣсколько дней главный инспекторъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ осматривалъ мѣсто крушенія, мостъ на Сеймѣ и другіе мосты, а также всю Курско-Кіевскую линію.

Когда онъ уѣхалъ, то фонъ-Дервизъ, страшно интересуясь заключеніемъ главнаго инспектора по поводу катастрофы, просилъ Ададунова написать ему о подробностяхъ ревизіи. Тотъ отвѣчалъ слѣдующимъ интереснымъ письмомъ:

«Какъ я вамъ телеграфировалъ, мнѣ совершенно неизвѣстно заключеніе главнаго инспектора по дѣлу о Сеймскомъ мостѣ. Онъ постоянно измѣнялъ образъ своихъ взглядовъ, то обвинялъ конструкцію ¹⁾, то эксплуатацію. Изъ общаго впечатлѣнія, вынесеннаго мною, я полагаю, что заключеніе будетъ такого рода, что мостъ былъ выстроенъ недостаточно прочно, безъ всякихъ поперечныхъ связей между продольными брусьями, а эксплуатація не приняла никакихъ мѣръ къ его укрѣпленію и что причиной разрушенія моста и паденія поѣзда былъ лопнувшій рельсъ. Поѣздка наша съ главнымъ инспекторомъ не обошлась безъ приключеній. Возвращаясь изъ Броваровъ, мы ѣхали между станціями со скоростью до 60 верстъ въ часъ. Рабочіе гнали рабочій вагончикъ и, завидѣвъ поѣздъ, рассчитывали догнать его до переѣзда, но не успѣли, вслѣдствіе большой скорости нашего поѣзда, и хотя поѣздъ заторможенъ и остановленъ, но вагончикъ разбитъ вдребезги. При этомъ главный инспекторъ говорилъ, что ни дрезины, ни вагонетки не должны работать въ то время, когда ожидается поѣздъ, что дрезинка должна считаться поѣздомъ, и т. д. Но, впрочемъ, все кончилось, къ общему миру и согласію, благополучно. Въ Курскѣ инспекторъ, прощаясь со мною, благодарилъ меня за образцовый порядокъ на дорогѣ, котораго онъ не ожидалъ встрѣтить. Вчера онъ уѣхалъ, но мы проработали всю ночь для доставленія ему разныхъ свѣдѣній. По депешѣ Мельникова ²⁾, онъ вызванъ въ Орель. Окружный судъ началъ слѣдствіе, все осмотрѣлъ на мѣстѣ третьяго дня, подробностей никакихъ не знаю, такъ какъ слѣдователи были одни».

¹⁾ Т. е. конструкцію моста.

²⁾ Министра путей сообщенія.

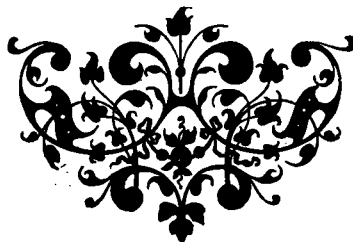
Много ожиданій и предположеній было въ то время въ обществѣ, настойчиво говорили о томъ, что Курско-Кіевскую желѣзную дорогу закроютъ на неопредѣленное время, а управляющій дорогою ожидалъ съ часа на часъ увольненія. Но ровно черезъ мѣсяцъ, 18-го апрѣля, былъ данъ приказъ по министерству путей сообщенія по дѣлу о Сеймскомъ мостѣ, восходившемъ на благовоззрѣніе государя императора. Въ приказѣ было сказано, что причиной несчастнаго случая былъ изломъ на мосту рельса и выходъ изъ колеи, вслѣдствіе техническихъ ошибокъ при ремонтѣ рельсоваго пути, какъ-то: уничтоженія поперечной связи между прогонами, подбивки подкладокъ и клиньевъ подъ рельсовыя поперечины и недостатокъ наблюденія, чтобы направленіе рельсовъ совмѣщалось съ направленіемъ прогоновъ. Государь императоръ повелѣлъ инспектору Курско-Кіевской дороги сдѣлать строгій выговоръ, управляющаго дорогою Адаурова арестовать на два дня, начальника дистанціи Кетрица арестовать на одинъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ.

Наказаніе въ то время было сочтено снисходительнымъ, а въ іюль того же года государь, послѣ перваго своего проѣзда по Кіевской дорогѣ вмѣстѣ съ императрицей Маріей Александровной на пути въ Одессу, повелѣлъ объявить отъ его имени благодарность правленію общества Курско-Кіевской желѣзной дороги, въ особенности ея управляющему Адаурову, за отличное состояніе дороги.

Во всякомъ случаѣ его настойчивость въ представленіи великому князю Николаю Николаевичу Старшему о необходимости слѣдовать экстреннымъ поѣздомъ была причиной избѣжанія ужасной опасности для царскаго поѣзда.

Очевидно, что наскоро сколоченный, какъ тогда говорили, деревянный мостъ на Сеймѣ могъ пропустить развѣ только небольшой и легкій поѣздъ.

А. Танковъ.

СОРОКАЛѢТІЕ ГАЗЕТЫ „НОВОЕ ВРЕМЯ“.

1876—1916 г.г.

СОРОКЪ лѣтъ дѣятельной и стойкой работы на пользу русскаго народа и государственности—это рѣдкое явленіе въ жизни отечественной печати, которое уже самимъ фактомъ своего столь продолжительнаго существованія и связаннымъ съ этимъ успѣхомъ и сочувствіемъ среди огромнаго числа своихъ читателей пріобрѣтаетъ большое общественное, политическое и литературное значеніе. Въ теченіе своей сорокалѣтней жизни откликаться изо дня въ день на всѣ жгучіе вопросы въ области политики, внутреннихъ распоряжковъ, дѣлать быстрыя и мѣткія разъясненія по поводу случившагося, направлять общественное мнѣніе по тому или иному руслу, вселять стойкія убѣжденія и любовь къ родинѣ, разоблачать и уничтожать силой печатнаго слова многочисленныя злоупотребленія въ внутреннихъ и внѣшнихъ недоброжелателей и силой же этого убѣжденнаго слова помогать въ созданіи и укрѣпленіи отечественной мощи и правопорядка—это дѣло большой важности общественной и политической, а потому и юбилей «Новаго Времени» не долженъ пройти незамѣченнымъ даже теперь, въ дни военной невзгоды, когда не до празднованія и не до торжествъ..

Сорокъ лѣтъ назадъ, 29-го февраля, въ день св. Кассіана, въ Петербургѣ вышелъ первый номеръ газеты «Новое Время», издаваемой А. С. Сувориннымъ, появленіе которой съ большимъ любопытствомъ

ожидалось и среди литературных кружковъ, и въ обществѣ. Всѣхъ интересовала новая газета, во главѣ которой стала популярный фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Корша—Незнакомецъ-Суворинъ, выдвинувшійся своими ѣдкими и талантливыми фельетонами, а особенно судебнымъ процессомъ, въ результатѣ котораго книга Суворина «Всякіе» была уничтожена. До пріобрѣтенія А. С. Суворинимъ совместно съ В. П. Лихачевымъ «Новаго Времени» оно влачилось жалкое существованіе, не имѣло никакого вліянія и популярности среди читающей публики, и Суворинъ 29-го февраля 1876 года, какъ бы желая сразу поставить дѣло по новому и отмежеваться отъ прошлаго существованія газеты въ рукахъ Киркора, Трубишкова и друг., поставилъ на своей газетѣ № 1 и въ двухъ статьяхъ: редакціонной «Вмѣсто нашей программы» и въ фельетонѣ, подписанномъ псевдонимомъ «Незнакомецъ», намѣтилъ тотъ нуть, по которому должна была послѣдовать его газета.

Въ своемъ фельетонѣ А. С. Суворинъ въ легкой формѣ познакомилъ читателей съ прошлой исторіей пріобрѣтеннаго имъ изданія и намѣтилъ уже болѣе отчетливо и рельефно то «направленіе», которое онъ хотѣлъ придать своей газетѣ. Въ этомъ фельетонѣ онъ писалъ: 1):

«Я начинаю свою газету 29-го февраля. По договору съ прежнимъ владѣльцемъ газеты я обязанъ удовлетворить его подписчиковъ съ 1-го марта, но 1-ое марта приходится въ понедѣльникъ, а понедѣльникъ тяжелый день...

«Я человекъ съ предрасудками. Какъ, думаю, начать съ понедѣльника газету, которая и безъ того подвергалась всевозможнымъ тревоженіямъ и перебивала въ столькихъ рукахъ. Это невозможно. Начнемъ съ воскресенья. Оно и съ воскресенья тяжело, потому что воскресенье это—день св. Касьяна, котораго народъ нашъ называетъ грознымъ и про день его говорить: «Касьянъ на что ни взглянетъ—все вянетъ. Касьянъ на траву—трава сохнетъ, Касьянъ на скоть—скоть дохнетъ, Касьянъ на народъ—народу тяжело». Согласитесь, что не утѣшительно! Я вовсе не желаю, чтобы трава сохла, скоть дохнулъ, чтобъ народу тяжело было. Напротивъ, я желаю, чтобъ трава была сочная, зеленая, обильная, чтобъ скота у крестьянъ было вволю не только для себя, но и для продажи, не за недоимки, конечно, и чтобъ народу было какъ можно легче. Но три обстоятельства меня утѣшаютъ.

«Во-первыхъ, сказано, что Касьянъ на что ни взглянетъ—все вянетъ. Это можно понимать такъ, что взглянетъ на насъ Касьянъ—мы и завянемъ; но мы сами идемъ къ Касьяну навстрѣчу и, стало быть, готовы вынести его взоръ, каковъ бы онъ ни былъ. Кто знаетъ? Быть можетъ, онъ встрѣтитъ насъ дружелюбно; можетъ быть, даже, что эту фразу слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ и думать, что зла въ мірѣ оттого такъ много, что Касьянъ появляется только черезъ три года въ четвертый и царствуетъ всего одинъ день. Есть ли когда ему на все нехорошее взглянуть, чтобъ оно завяло? Въ одинъ день не много

1) «Новое Время», 1876, № 1.

сдѣлаешь, особенно если эту ревизію приходится производить черезъ три года въ четвертый... Миръ и выходитъ какою-то дореформенною губерніей...

«Во-вторыхъ, утѣшило меня юбилейное обстоятельство. Если утвердится газета, если положенъ ея существованію въ книгѣ судебъ долгій срокъ, то юбилей ея можетъ быть только столѣтній, а не пятидесятилѣтній, какъ теперь положено. Своихъ потомковъ, такимъ образомъ, я освобождаю на цѣлыхъ сто лѣтъ отъ необходимости испрашивать позволеніе на празднованіе юбилея. Конечно, это наслѣдство не Богъ вѣсть какое цѣнное, но согласитесь, что оно столь же либерально, какъ триста передовыхъ статей нашихъ газетъ...

«Въ-третьихъ, я твердо убѣжденъ, что 29-го февраля никогда и ни одна газета не начиналась. Отчего же не попробовать счастья именно въ этотъ исключительный день, хотя Касьянъ и взглянулъ на насъ грозно? Можетъ быть, въ виду такой исключительности, онъ и смилуется надъ нами и дастъ намъ возможность дожидаться 29-го февраля 1880 года. А больше этого я ничего бы и не желалъ, ибо бороться съ равнодушіемъ публики, выражаясь атенейскимъ языкомъ, я готовъ до новаго високоснаго года. Если и тогда она не захочетъ знать насъ, мы сберемя, выпьемъ за ея здоровье шампанскаго и простимся навѣкъ.

«Говоря серьезно, бороться намъ непремѣнно предстоитъ, ибо ни одна изъ существующихъ газетъ съ перваго же раза не завоевывала себѣ общественнаго вниманія. На что А. А. Краевскій опытный и терпѣливый журналистъ, но и онъ долго боролся, боролся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока «Голосъ» не завоевалъ себѣ цѣлую массу русскихъ людей, которымъ безъ «Голоса» такъ же трудно обойтись, какъ безъ голоса. Этотъ плохой каламбуръ, ради торжественности минуты, вы миѣ простите.

«Намъ предстоитъ борьба, вѣроятно, болѣе тяжелая, чѣмъ «Голосу», потому что мы приняли газету при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Заплатили мы за нее не 60.000 рублей, какъ объявила «Петербургская Газета»; за подписчиковъ, оставленныхъ намъ, мы ничего не получили, кромѣ обязанности удовлетворить ихъ съ 1-го марта до конца года, если они того пожелаютъ. Новой подписки мы ожидать не можемъ, ибо крупная подписка совершается только одинъ разъ въ годъ. Кромѣ того, прошлое газеты было по большей части таково, что мы отнюдь не можемъ имъ хваститься.

«Новое Время» начало издаваться въ 1865 году г. Киркоромъ, бывшимъ издателемъ «Виленскаго Вѣстника»; въ компанію съ нимъ вошелъ г. Юматовъ, извѣстный другъ г. Скарятина, съ которымъ онъ въ ту пору немножко повздорилъ, вѣроятно, изъ какихъ-нибудь политическихъ убѣжденій, не превышавшихъ, впрочемъ, уровня модныхъ выкроекъ и возможности кланяться всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ.

Гг. Киркоръ и Юматовъ стали на стражѣ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ Западнаго и Юго-Западнаго края и вообще заявляли симпатіи аристократической партіи, которая тогда «сбиралась съ силами», но, къ счастью, и доселѣ съ ними не собралась, вѣроятно потому, что эти силы такъ же проблематичны, какъ духи спиритизма.

«Газета тянулася до 1870 года, когда г. Киркоръ объявленъ былъ несостоятельнымъ и газета поступила въ конкурсъ. Въ декабрѣ 1871 г. бывшій мировой судья г. Устряловъ купилъ у конкурса газету за тысячу рублей и сталъ издавать ее подъ редакціей г. Сухомлина, который вскорѣ отказался отъ званія редактора, убоявшись, кажется, либерализма газеты. Назначенъ былъ новый редакторъ. Газета нѣкоторое время издавалась тщательно, но г. Устряловъ не вынесъ всей тяжести рас-

ходовъ и въ 1872 г. заложилъ свою собственность. Въ 1873 г. г. Нотовичъ взялъ газету въ аренду, потомъ, въ слѣдующемъ году, купилъ ее и заложилъ одному петербургскому купцу. Въ ноябрѣ 1874 г. г. Нотовичъ продалъ газету г. Трубникову за 10,000 рублей, который, съ своей стороны, продалъ ее мнѣ. Покупка эта состоялась такъ неожиданно и такъ быстро, что я и доселѣ никакъ не могу войти въ свою роль

Алексеѣи Сергѣевичъ Суворинъ

(въ періодъ основанія газеты).

издателя. Все былъ фельетонистомъ и вдругъ сдѣлался издателемъ фельетонистомъ. Это совсѣмъ новый чинъ въ журналистикѣ, который для меня, впрочемъ, дороже всѣхъ возможныхъ чиновъ. Теперь у насъ есть издатель-банкиръ, издатель-заводчикъ, издатель-нотаріусъ, издатель-фельетонистъ...

«Происшествіе само по себѣ не важное, но знаете ли, что оно испортило немало крови у нѣкоторыхъ гг. издателей, заставило ихъ повисить

нѣкоторымъ сотрудникамъ плату и даже толковать о средствахъ улучшенія литературной части ихъ изданій. Они законопнились и забѣгали, хотя совершенно напрасно. Мы, сотрудники «Новаго Времени», совсѣмъ не Кольдубы и вовсе не думаемъ открывать Америку, благо она уже открыта давно. Мы не прибѣгали и не станемъ прибѣгать ни къ какимъ рекламамъ, не станемъ разглазывать въ нашихъ объявленіяхъ о направленіи, не будемъ выставлать цѣлаго ряда именъ писателей, сочувственно отнесшихся къ нашей задачѣ, и поведемъ наше изданіе ровно, стараемся по возможности улучшить его, станемъ добиваться общественаго сочувствія, которое даромъ не достается, и привлекутъ къ работѣ на полѣ журналистики новыя силы.

«Это—прекрасное поле, несмотря на всѣ трудности, которыя оно представляеть. Оно даетъ, выражаясь высокімъ слогомъ, сладость борьбы за вѣчные принципы добра и правды, оно даетъ возможность говорить о народѣ и за народъ, оно даетъ силу и вліяніе. Что бѣ ни говорили о ничтожествѣ нашей печати, но она выросла, окрѣпла, не разъ оказывала услуги обществу и правительству въ его лучшихъ начинаніяхъ и способствуетъ сформировываться общественному мнѣнію.

«Серьезно никто этихъ заслугъ отрицать не можетъ.

«Для меня лично—въ журналистикѣ все: вся жизнь, всѣ надежды, всѣ радости. Я давно стремился къ тому, чтобъ имѣть литературный органъ—и вотъ, послѣ пятнадцатилѣтняго скитальчества, я, наконецъ, въ своемъ домѣ. Всего лучше жилось мнѣ въ казенномъ домѣ, но въ немъ потребовалась передѣлка, и я вмѣстѣ съ другими остался безъ квартиры. Временю я нашель было себѣ помѣщеніе въ частномъ домѣ, гдѣ были со мной предупредительны, такъ предупредительны, что я захотѣлъ во что бы то ни стало имѣть свой домъ...

«Приютить ли онъ меня лучше, чѣмъ тѣ квартиры, гдѣ я стоюль,—не знаю и ничего предугадывать не могу.

«Путнику, отправляющемуся на пароходѣ въ открытый океанъ, естественно думать, что онъ пріѣдетъ благополучно къ своей цѣли. Она далека; волны и бури отдѣляютъ его отъ нея; пароходъ можетъ погибнуть и пловецъ отправится на дно морское или не доплыветъ и до него, попавши въ пасть акулы, ищущей своей добычи. Путникъ думаетъ объ этомъ, но дума эта мелькаетъ тѣмъ, то появляясь, то исчезая, наконецъ, совсѣмъ разбивается, когда онъ ступитъ на твердую землю. Наше плаваніе труднѣе и опаснѣе. Цѣль отъ насъ дальше; пароходъ нашъ—бумажные листы, океанъ—общественное мнѣніе, столь же переменчивое, какъ погода, но у насъ совсѣмъ не бурное. Напротивъ, оно такое тихое, какъ прибрежная зыбь, и, почти не шевелясь и не волнуясь само, требуетъ, однакоже, волненія отъ своего органа. II какого волненія?

«Политическія страсти у насъ не горять; ничего мы страстно не желаемъ, ни къ чему мы энергично не стремимся, ни къ чему мы не относимся съ сильной ненавистью. Мы живемъ ровно, день за день, волнуясь только своими маленькими печальми и радостями, перемѣщеніями съ мѣста по іерархической лѣстницѣ, паденіемъ или повышеніемъ нашего кредита, нашего состоянія, нашихъ акцій и облигацій. Надо полагать, что гигиенисты очень довольны такимъ спокойствіемъ нашей жизни и готовятъ трактаты о гигиеническомъ времяпровожденіи à la russe.

«Но вы, какъ органъ печати, вы волнуйте это море, тѣште это общественное мнѣніе, которое давно почти ничего не производитъ. Волнуйте, какъ хотите, давайте процессы, давайте скандалы, смѣйтесь надъ тѣмъ, что смѣшно, и даже надъ тѣмъ, что не смѣшно, придумывайте интересы, когда ихъ нѣтъ, осторожно обходите ихъ, когда они всѣмъ лѣзутъ въ глаза, давайте волю своему чувству тамъ, гдѣ оно совсѣмъ не

просится наружу, и придерживайте его тамъ, гдѣ оно рвется изъ груди. Работа тяжелая, но благодарная. Я говорю это смѣло, потому что не разумѣю матеріальныхъ выгодъ, которыя, если и будутъ, далеко, очень далеко впереди, а тѣ нравственныя выгоды, которыя даются писателю

Владимиръ Ивановичъ Лихачевъ.

даже при пынѣшнемъ нашемъ застоѣ, какъ говорятъ либералы, или устоѣ, какъ выражаются консерваторы.

«Я всегда думалъ, что если мы даже спимъ, то спимъ чутко, вздрагивая при каждомъ звукѣ, нарушающемъ ту общественную тишину, о которой въ полицейскихъ протоколахъ ничего не говорится, но много говорится въ печати. Общественное мнѣніе все-таки чего-то ждетъ, чего-то желаетъ; та скука, то тоскливое настроеніе, которое испытываютъ столь многіе, та апатія, которая заставляетъ опускать руки или

порождаетъ ту безцѣльную иронию, говорятъ намъ о томъ, что люди чего-то ждуть, и ждуть иногда лихорадочно, нервно. Мы словно въ ожиданіи поѣзда, отходъ котораго отсроченъ на неопредѣленное время. Заниматься некогда и нечѣмъ, пассажиры спуютъ взадь и впередъ, безцѣльно, медленно, чтобъ только убить время, или сидятъ, понуривъ голову, или апатично ѣдятъ, чтобъ занять руки и желудокъ. Но вы не скажите, что это мертвые люди. Зазвенитъ колокольчикъ, и посмотрите, какъ всѣ они зашевелился, какъ оживуть, какъ забѣгаютъ и заговорять... Я вѣрю, что общественное мнѣніе все-таки живой организмъ, все-таки сердце не перестало въ немъ биться, лучшія чувства не отучились высказываться, хотя и рѣдко...

«Мы вмѣстѣ съ нимъ будемъ желать, будемъ поддерживать въ немъ тѣ его чувства, которыя кажутся намъ лучшими, тѣ мысли, которыя даютъ образованіе. Мы будемъ служить честнымъ людямъ и честнымъ стремленіямъ, откуда бы они ни выходили...»

«Въ этихъ строкахъ вся наша политическая программа. Если она покажется кому-нибудь узкою и смѣшною,—сдѣлайте одолженіе: смѣйтесь вволю. Мы сами отъ смѣха не отказываемся и посмотримъ еще, кто кого пересмѣетъ...»

Таково было «направленіе» новой газеты, самое появленіе которой совпало съ историческимъ моментомъ, какъ нельзя болѣе соответствовавшимъ для издательства. Назрѣвали событія на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ чаша долготерпѣнія славянъ, изнывавшихъ подъ тяжкимъ бременемъ турецкаго ига, наконецъ переполнилась черезъ край; вспыхнуло возстаніе герцеговинцевъ, перешедшее затѣмъ въ сербско-турецкую войну; русское общество чрезвычайно сердечно отозвалось на испытанія и бѣдствія, постигшія нашихъ балканскихъ сородичей; М. Г. Черняевъ съ добровольцами отправился на фронтъ, и «Новое Время» приняло интересъ возставшихъ славянъ близко къ сердцу въ то время, какъ либеральный западническій «Голосъ» Краевскаго и нѣкоторые другіе органы печати, не идя дальше книжнаго доктринерства, осудили это славянское движеніе. А. С. Суворинъ самъ отправился на Востокъ въ качествѣ корреспондента, и его писанія съ мѣстъ военныхъ дѣйствій не только возбуждали чувства симпатіи и состраданія къ борющемуся за свою свободу славянству, но и ставили его молодую газету на одно изъ первыхъ мѣстъ въ смыслѣ свѣжести и освѣдомленности матеріаловъ.

Осенью того же года А. С. Суворинъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ съ его прибытіемъ произошла крупная перемѣна въ хозяйствѣ «Новаго Времени». Его товарищъ по изданію «Новаго Времени» В. И. Лихачевъ вышелъ изъ предпріятія, о чемъ онъ заявилъ письмомъ въ редакцію, и А. С. Суворинъ остался единоличнымъ владѣльцемъ газеты, хотя Лихачевъ еще нѣкоторое время (до 1878 г.) продолжалъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ отрасляхъ новаго предпріятія.

Вмѣсто А. С. Суворина въ качествѣ военныхъ корреспондентовъ «Новаго Времени» на Востокѣ побывали В. П. Буренинъ и друг.;

«Новое Время» продолжало усиленно заниматься разработкой славянского вопроса и приобрѣло опредѣленную націоналистическую окраску, которая во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. привлекла вниманіе многихъ словъ русскаго общества, нашедшаго въ новой газетѣ чуткій откликъ своимъ славянскимъ симпатіямъ и стремленіямъ.

Къ участию въ своей газетѣ А. С. Суворинъ привлекъ въ первую голову своихъ товарищей по «Вѣдомостямъ» Корша, въ числѣ

Викторъ Петровичъ Буренинъ.

которыхъ оказались Викторъ Петровичъ Буренинъ, Богданъ Веніаминовичъ Гей, Лидія Павловна Гей, Константинъ Аполлоновичъ Скальковскій и Софья Ивановна Сазонова-Смирнова. Затѣмъ въ томъ же 1876 г. къ этому кружку примкнули: Александръ Петровичъ Никольскій, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, а тогда еще юный студентъ, работавшій по части репортажа въ новомъ изданіи; Михайлъ Михайловичъ Ивановъ, взявшій на себя музыкальный еженедѣльный фельетонъ, а также и работу въ обла-

сти театральной хроники и компиляціи; Вячеславъ Сильвестровичъ Россоловскій, принявшій на себя обязанности военнаго корреспондента въ кампаніи 1877—78 гг., а затѣмъ писавшій передовыя статьи преимущественно по вопросамъ внѣшней политики, Николай Степановичъ Кутейниковъ; писавшій большею частью въ провинціальномъ отдѣлѣ газеты, А. Д. Боровиковскій и нѣкоторые другіе.

Особенно видное положеніе въ «Новомъ Времени» сразу заняли В. П. Буренинъ, К. А. Скальковскій и Б. В. Гей. Оставшись въ 1876 году, во время поѣздки А. С. Суворина на Востокъ въ качествѣ корреспондента, В. П. Буренинъ руководилъ газетою и въ эти трудные дни, вопреки желанію В. И. Лихачева, сумѣлъ сохранить тотъ тонъ и ту политическую позицію, которая была намѣчена Суворинымъ. Затѣмъ В. П. Буренинъ занялъ выдающееся положеніе въ качествѣ литературнаго критика, фельетоны котораго по пятницамъ привлекали всеобщее вниманіе и по своему ѣдкому тону, и по мѣткимъ сатирическимъ и полемическимъ выпадамъ, и той стойкости, съ которою онъ защищалъ русскую литературу отъ многочисленныхъ доморощенныхъ новаторовъ и реформаторовъ декадентскаго, модернистскаго, символистскаго и, въ наши дни, футуристскаго толковъ. Его злѣйшія пародіи, подписанныя псевдонимомъ: «Графъ Алексисъ Жасминовъ», его полемика съ «Голосомъ» и «Новостями», его борьба съ рекламной шумихой дѣятелей новой литературы создали ему репутацію строгаго и стойкаго критика, къ сужденіямъ котораго внимательно прислушиваются.

К. А. Скальковскій ввелъ въ «Новомъ Времени», по образцу «Figaro», отдѣлъ «Среди газетъ и журналовъ», скопированный потомъ послѣдующими русскими газетами. Въ этомъ отдѣлѣ онъ велъ болѣе шести лѣтъ ежедневную живую, занимательную и рѣзкую полемику съ печатью, поддерживая направленіе газеты и привлекая къ ней все болѣе и болѣе вниманіе и интересы читателей. Много также работалъ онъ и по вопросамъ финансовымъ, экономическимъ, въ области внѣшней политики, отзываясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ блестящихъ фельетоновъ на злобы дня, отмѣчая явленія въ области литературы, науки и искусствъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Б. В. Гей, кромѣ литературной работы, установленія ея направленія, политическихъ обзорѣн въ газетѣ, передовыхъ статей по финансовымъ вопросамъ и внутренней политики, несъ отвѣтственную работу и въ качествѣ перваго секретаря «Новаго Времени», не покладая рукъ работалъ по организациіи новаго дѣла, наблюдалъ за выходомъ номеровъ, слѣдилъ за правильнымъ ходомъ все разрастающагося механизма предпріятія А. С. Суворина и былъ той его правой рукой, безъ которой не могъ обойтись покойный издатель «Новаго Времени». Онъ послѣд-

ніе годы жизни сопровождалъ больного уже издателя «Новаго Времени» въ его поѣздкахъ по Россіи и за границу, стараясь какъ бы скрасить дни несчастнаго страдальца, а когда всё предпріятія Алексѣя Сергѣевича были переведены въ товарищество А. С. Суворина—«Новое Время», Б. В. Гейъ былъ избранъ въ члены совѣта товарищества и былъ первымъ его секретаремъ. Свой трудъ по обслуживанію нуждъ совѣта Богданъ Веніаминовичъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, дѣятельно несетъ и понынѣ, встрѣтивъ сорокалѣтніе газеты бодрымъ и энергичнымъ въ званіи члена совѣта и ближайшаго консультанта по хозяйственнымъ и редакціоннымъ дѣламъ нынѣшняго редактора газеты М. А. Суворина.

Отвѣтственнымъ редакторомъ «Новаго Времени» остался М. П. Федоровъ, редактировавшій газету еще до пріобрѣтенія ея Суворинымъ и остававшійся на этомъ посту вплоть до своей смерти въ 1900 году.

Съ 1877 года въ газетѣ стали работать А. П. Масловъ (Бѣжецкій), который прочно поставилъ въ ней военный отдѣлъ, остающійся въ его завѣдываніи и понынѣ. Съ 1878 года принялъ участіе въ сотрудничествѣ А. П. Молчановъ, который по порученію редакціи объѣхалъ чуть ли не всю Россію и въ своихъ корреспонденціяхъ сумѣлъ обрисовать достаточно вѣрно и красочно положеніе провинціи.

Затѣмъ въ окончательномъ скомплектованномъ составѣ сотрудниковъ «Новаго Времени» за первое десятилѣтіе его существованія мы видимъ слѣдующихъ лицъ, изъ которыхъ каждый въ области своей специальности оставилъ замѣтный слѣдъ: С. И. Сазонова-Смирнова, выступившая съ фельетонами на литературно-общественныя темы, а также и въ беллетристикѣ, М. А. Загуляевъ по вопросамъ внѣшней политики, перешедшій къ А. С. Суворину на это амплуа изъ газеты «Голосъ»; К. И. Кавосъ по вопросамъ иностранной и по преимуществу славянской жизни; В. А. Прокофьевъ въ области отвѣтственнаго репортажа; В. С. Лялинъ («Петербургецъ») по хроникѣ столичной жизни; Е. Л. Кочетовъ («Русскій Страникъ») по отдѣлу внутреннихъ корреспонденцій; В. К. Петерсенъ (А. А—тъ) по вопросамъ техническихъ и промышленныхъ знаній и «Маленькаго фельетона»; И. К. Маркузе—столичная хроника; Л. О. Леванда—корреспонденціи изъ Вильны; Н. П. Лендеръ (Путникъ) по отдѣлу корреспонденцій; Ал. П. Чеховъ (Сѣдой) по общественному репортажу; П. С. Веселитскій-Вожжидаровичъ въ роли корреспондента изъ Англій; В. Ѳ. Пуцковичъ, И. П. Яковлевъ (Павловскій)—постоянный корреспондентъ изъ Парижа; В. С. Кривенко по вопросамъ общественной и государственной жизни. Въ области фельетоновъ большихъ и маленькихъ особенно способствовали успѣху газеты С. Н. Терпигоревъ (Атава), перешедшій въ «Новое Время» изъ газеты «Порядокъ» М. М. Стасю-

левича; А. А. Дьяковъ-Незлобинъ («Житель»), Ф. Д. Вишневскій (Черниговецъ), Д. Н. Кайгородовъ, П. П. Гнѣдичъ (Старый Джонъ), С. С. Татищевъ, С. Н. Шубинскій (историческій фельетонъ), Ф. И. Булгаковъ, ведшій въ теченіе многихъ годовъ обзоръ новостей иностранной жизни въ области науки, литературы и искусства, Д. А. Аверкіевъ, В. Н. Ильменскій, В. Г. Исполатовъ, Н. Н. Каразинъ, А. Д. Курепинъ, М. И. Пыляевъ, О. Н. Чюмина и многіе другіе.

Много содѣйствовало успѣху «Новаго Времени» и то обстоятельство, что эта газета, на ряду со свѣдѣніями злободневнаго общественно-политическаго характера, отводила широкое мѣсто на своихъ столбцахъ поэзи и изящной литературѣ, печатая произведенія многихъ выдающихся представителей ея. Такъ, на страницахъ «Еженедѣльнаго Приложенія», измѣненнаго потомъ въ ежемѣсячный «Литературный Журналъ», были напечатаны историческій романъ Д. Л. Мордовцева «Царь и гетманъ», знаменитый романъ «Кудеяръ» Н. И. Костомарова впервые появился также у Суворина. Кромѣ того, здѣсь же охотно печатали свои произведенія: А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, С. В. Максимовъ, Н. С. Лѣсковъ, К. С. Максимовъ, гр. Е. А. Саліасъ, Н. Морской (Лебедевъ), К. К. Случевскій, И. Ф. Горбуновъ, Н. А. Лейкинъ и мн. друг. Среди статей научнаго характера встрѣчались часто работы К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанскаго, Я. К. Грота, Ор. Ф. Миллера, Д. И. Иловайскаго, проф. Брикнера, Петрова, библиографовъ и историковъ литературы Ефремова, Понамарева и мног. друг. Отмѣчались также въ переводахъ или компиляціяхъ и всѣ новости иностранной литературы и науки.

Произведенія названныхъ лицъ оживляли газету, вносили въ нее свѣжую струю, на ряду съ вопросами злободневности обращали вниманіе и къ вопросамъ гуманитарнымъ, что въ сильной степени привлекало къ «Новому Времени» симпатіи все большаго и большаго круга читателей.

На ряду съ заботами о постановкѣ на должную высоту литературной части газеты А. С. Суворинъ серьезное вниманіе съ самаго же начала обратилъ и на сторону техническую созданнаго предприятия. Самымъ важнымъ вопросомъ явился здѣсь вопросъ о типографіи. Одна изъ лучшихъ типографій того времени не могла въ достаточной мѣрѣ удовлетворить газету новаго масштаба и такой интенсивности содержанія, каковою оказалось сразу ставшее на твердую почву «Новое Время», и вотъ къ концу перваго же года мы видимъ, что А. С. Суворинъ основываетъ собственную типографію и съ новѣйшими усовершенствованными заграничными машинами. Первоначально заботы по организаціи типографскаго дѣла принялъ было на себя В. И. Лихачевъ, но его вскорѣ замѣнили братья А. П. и П. П. Коломнины, изъ которыхъ второй и сталъ во

главѣ новой типографіи въ домѣ № 13 по Эртелеву переулку, гдѣ она помѣщается и понынѣ. Постепенно при типографіи были открыты различныя побочныя отдѣленія, обслуживающія нужды издатель-

Богданъ Веніаминовичъ Гей.

ства, какъ-то: фотографія, цинкографія, брошюровочная, переплетная, экспедиція, а также первая въ Россіи частная школа типографскаго дѣла, гдѣ ученики на ряду съ спеціально-типографскими науками проходятъ и общеобразовательный курсъ во программѣ двуклассныхъ уѣздныхъ училищъ и языки французскій и нѣмецкій.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1916 г., т. схиу.

12

Рядомъ съ заботою объ упрядоченіи печатанія газеты для А. С. Суворина немаловажнымъ вопросомъ былъ также вопросъ о правильной постановкѣ конторскаго дѣла молодого изданія. Подъ высшимъ наблюдениемъ В. И. Лихачева этой стороной дѣла занялся А. П. Коломнинъ, который съ 1878 года и сталъ во главѣ всего нововременскаго хозяйства и руководителемъ финансовой стороной все разрастающагося издательскаго предпріятія Суворина. А. П. Коломнинъ явился въ совмѣстной работѣ съ нимъ его настоящею правою рукою, на которую, обремененный многочисленными заботами и трудами, издатель «Новаго Времени» могъ спокойно опираться въ полной увѣренности, что его помощникъ достойно оправдаетъ оказанное ему довѣріе И, дѣйствительно, Алексѣй Петровичъ былъ истинною душою всего нововременскаго хозяйства, былъ тѣмъ дальновиднымъ умомъ, который проникалъ во все нужды, порою изъяны и недостатки этого хозяйства, спокойно направляя сложную матеріальную жизнь «Новаго Времени» въ необходимомъ для его благополучнаго существованія русло.

Въ 1878 году А. С. Суворинъ основалъ въ Петербургѣ свой книжный магазинъ, существующій до сихъ поръ на Невскомъ, въ домѣ № 40, а затѣмъ, постепенно все расширяя свою книготорговлю, открылъ его отдѣленія въ провинціи: въ Москвѣ, Саратовѣ; Харьковѣ, Одессѣ и Ростовѣ-на-Дону.

Въ 1889 году А. С. Суворинъ приобрѣлъ отъ Лянтцера за 10.000 рублей желѣзнодорожное контрагентство, оперировавшее на линіяхъ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ— по желѣзнымъ дорогамъ Николаевской, Варшавской и Нижегородской. Во главѣ контрагентства сталъ старшій сынъ Суворина, нынѣшній главный редакторъ газеты «Новое Время», Михаилъ Алексѣевичъ Суворинъ.

Значеніе и книжныхъ магазиновъ, и контрагентства для распространенія газеты «Новое Время» было велико. Это были могущественные рычаги, при посредствѣ которыхъ она проникала въ массу потребителей газетнаго и книжнаго матеріала въ провинціи въ особенности, сродная такимъ образомъ и имя А. С. Суворина, и главное дѣло его жизни—газету «Новое Время»—съ читающей и мыслящей Россіей.

Редакція газеты «Новое Время» первоначально помѣщалась на Надеждинской улицѣ въ домѣ № 24, потомъ на Знаменской въ домѣ № 5; затѣмъ она перешла на Невскій проспектъ на уголъ Троицкой, гдѣ нынѣ помѣщается извѣстная пекарня Филиппова, откуда А. С. Суворинъ переѣхалъ въ д. № 18 по Малой Итальянской, второй домъ отъ Надеждинской, и, наконецъ, въ 1893 году переселился въ собственный домъ (№ 6) на Эртелевомъ пер., наискосокъ отъ типографіи, гдѣ она пребываетъ и понынѣ.

Прочно установивъ газетное дѣло и предпріятія, обслуживаю-

щія его, А. С. Суворинъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергично принялся за изданія и въ теченіе 33 лѣтъ своей дѣятельности на этомъ поприщѣ успѣлъ обогатить Россіи множествомъ полезныхъ и значитель-

Михаиль Павловичъ Федоровъ.

ныхъ книгъ научнаго, литературнаго, техническаго и общедоступнаго содержанія. Въ этой области заслуга его чрезвычайно высока, и мы по всей справедливости должны согласиться съ профессоромъ Кирпичниковымъ, который назвалъ Суворина «Наполеономъ книжнаго дѣла».

Постоянный живой интерес и любовь къ прошлымъ судьбамъ родной страны привела А. С. Суворина вмѣстѣ съ С. Н. Шубинскимъ къ основанію и нашего журнала, о чемъ читатели «Историческаго Вѣстника» достаточно освѣдомлены въ помѣщенныхъ на страницахъ этого журнала біографіяхъ А. С. Суворина и С. Н. Шубинскаго.

Чтобы не касаться болѣе технической стороны разросшагося нововременскаго предпріятія, замѣтимъ здѣсь, что подъ конецъ своей жизни Алексѣй Сергѣевичъ успѣлъ реформировать все свое предпріятіе и преобразовать его въ паевое товарищество, оцѣненное въ четыре милліона рублей, обеспеченныхъ 800 паевъ по 5.000 рублей каждый, изъ которыхъ большая часть осталась и остается и понынѣ въ собственности наслѣдниковъ. 10-го ноября 1911 года состоялось учредительное собраніе товарищества, на которомъ, согласно уставу, были избраны: главнымъ редакторомъ газеты «Новое Время» М. А. Суворинъ и членами совѣта: В. П. Буренинъ, Б. В. Гей, Н. П. Шубинской, П. Л. Баркъ, Б. А. Суворинъ и Н. В. Снѣсаревъ, на коего было возложено завѣдываніе дѣлопроизводствомъ и бухгалтеріей товарищества. Послѣ смерти А. С. Суворина предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ В. П. Буренинъ и къ настоящему сорокалѣтнему юбилею газеты составъ совѣта таковъ: В. П. Буренинъ, М. А. Суворинъ, Б. А. Суворинъ, М. М. Ивановъ, Б. В. Гей, А. И. Гучковъ и А. И. Ксюнинъ.

Обращаясь къ дальнѣйшему обзору литературно-политическаго развитія газеты А. С. Суворина, нужно замѣтить, что въ то время, какъ русская читающая публика, нашедшая въ «Новомъ Времени» сердечный и чуткій откликъ въ своемъ славянолюбствѣ и освободительныхъ стремленіяхъ въ періодъ сербско-турецкой и русско-турецкой войнъ, все болѣе и болѣе поддерживала своими симпатіями газету, наша бюрократія и цензурное вѣдомство усиленно ставили ей палки въ колеса. То «Новое Время» получало предостереженіе, то запрещалась розничная продажа его, то издателя требовали въ главное управленіе по дѣламъ печати и рекомендовали ему не касаться такихъ-то и такихъ-то вопросовъ. Курсъ внутренней и внѣшней политики отличался крайней неустойчивостью и неопредѣленностью, а это влекло множество недоразумѣній, въ результатѣ чего новая газета за первые же пять лѣтъ своего существованія занесла въ свой формуляръ слѣдующія «скорбныя» помѣтки:

1) 24-го марта 1876 г. воспрещена розничная продажа; 3) 27-го ноября 1876 г. воспрещена розничная продажа; 2) 22-го февраля 1877 г. воспрещена розничная продажа; 4) 9-го августа 1877 г. объявлено первое предостереженіе за передовую статью въ № 519 газеты; 5) 2-го апрѣля 1878 г. воспрещеніе розничной продажи;

6) въ январѣ 1879 г. объявлено первое предостереженіе (предыдущее было снято) по поводу передовой статьи, помѣщенной въ 1021 номерѣ газеты; 7) 13-го сентября 1879 г. воспрещена розничная

Федоръ Ильичъ Булгаковъ.

продажа; 8) 20-го ноября 1880 г. объявлено второе предостереженіе за статью въ № 1649, озаглавленную «По поводу одного обѣда».

Но, несмотря ни на какія цензурныя невзгоды и бюрократическія бури, «Новое Время» неуклонно плыло по взбаламученному и неспокойному морю русской дѣйствительности, твердо слѣдуя тому курсу, который былъ ему указанъ его основателемъ и руководителемъ. Особенные же бури и шквалы пришлось претерпѣть ему въ

тревожные дни внутренней разрухи и смуты 80-годовъ, когда взрывъ 1-го марта потрясъ всю Россію и привелъ къ трагической кончинѣ императора Александра II.

Призывы газеты А. С. Суворина къ бодрости правительства, къ общественному успокоенію, къ сознанію долга, обязанности и любви къ родинѣ пришлись особенно по сердцу всѣмъ русскимъ людямъ, и газета, ставшая въ дни славянскихъ движеній столь близкою читателямъ, сдѣлалась имъ еще ближе и дороже, какъ выразительница лучшихъ чувствъ русской души. Другимъ моментомъ, который мы считаемъ чрезвычайно важнымъ въ жизни газеты, было ея отношеніе къ новымъ вѣяніямъ, проявившимся въ нашей внутренней политикѣ со вступленіемъ въ должность министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатъева, когда на авансцену русской дѣйствительности выплыла тенденція къ созыву земскаго собора и къ переходу отъ строя «приказнаго» къ строю законосовѣщательному. Здѣсь А. С. Суворинъ оказалъ новому министру внутреннихъ дѣлъ существенную идейную поддержку, и не вина издателя «Новаго Времени», если графу не удалось достигнуть намѣченной цѣли. Въ эти дни вольнолюбивыхъ мечтаній «Новое Время» снова показало себя на высотѣ политическаго момента и доказало обществу свою независимость отъ обветшалыхъ и устарѣвшихъ принциповъ казенной власти. Важную услугу оказало «Новое Время» Россіи, когда среди нѣкоторыхъ членовъ высшаго общества было образовано тайное сообщество, извѣстное подъ именованіемъ «Священной Дружины», самозванно принявшее на себя прерогативы правительства по наблюденію за общественнымъ политическимъ благоправіемъ и присвоившее себѣ права сыска и надзора за поведеніемъ россійскихъ гражданъ. Фельетонъ Суворина въ № 2422 подъ заглавіемъ «Политическое плутовство или не мытьемъ, такъ катаніемъ», сокрушилъ эту «Дружину», вліятельные и сановные члены которой несмотря на отчаянное сопротивленіе, вынуждены были ликвидировать свое учрежденіе.

Большую роль сыграло также «Новое Время» въ русско-французскомъ сближеніи, приведшемъ насъ потомъ къ тѣсному союзу съ Франціей. А. С. Суворинъ былъ однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ сближенія нашего съ дружественнымъ французскимъ народомъ, упорнымъ пропагандистомъ и поклонникомъ французской литературы, французскаго театра, французскаго искусства. Въ статьѣ, посвященной 50-лѣтнему юбилею либературной дѣятельности А. С. Суворина, французская газета «Illustration» писала: «Мы не должны забыть, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ, горячихъ, увлекательныхъ творцовъ франко-русскаго союза». Франко-фильскія убѣжденія Алексѣя Сергѣевича и его подозрительное отношеніе къ политикѣ Германіи, такъ блестяще подтвердившееся въ наши дни, вызвали на столбцахъ «Новаго Времени», между про-

чимъ, сенсаціонную въ свое время статью, которая съ фактами въ рукахъ разоблачала тончайшую сѣть германскаго шпіонажа. Эта статья произвела настолько большое впечатлѣніе въ политическихъ

Михаиль Николаевичъ Мазаевъ.

кругахъ европейскихъ государствъ, что Бисмаркъ потребовалъ у русскаго правительства немедленнаго запрещенія «Новаго Времени», но императоръ Александръ III это требованіе отвергнулъ. Заслуги «Новаго Времени» въ дѣлѣ франко-русскаго сближенія были отмѣчены пожалованіемъ главному редактору газеты М. А. Суворину ордена Почетнаго Легіона, произведеннымъ президентомъ Французъ

ской республики Р. Пуанкарэ во время его послѣдняго визита въ Петроградъ передъ войною.

Къ первоначальному ядру сотрудниковъ газеты А. С. Суворина съ теченіемъ времени примыкали все новыя и свѣжія силы изъ журналистики и литературы, которыя своею энергичною работою и талантливостію поставили газету на значительную высоту, создавшую ей большой вѣсъ и вліяніе. Съ середины 80-хъ годовъ въ числѣ сотрудниковъ «Новаго Времени» уже значатся, на примѣръ: К. М. Фофановъ, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), Л. К. Поповъ (Эльпе), Н. М. Ежовъ, Ант. П. Чеховъ, А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman), Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ (Фантомъ), В. А. Тихоновъ (Мордвинъ), А. Н. Будищевъ (Оріоль), М. М. Кояловичъ, И. Н. Потапенко (Фингалъ), С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), Д. Н. Вергунъ, (Вѣстунъ), Ф. Э. Ромеръ, В. В. Розановъ, Н. А. Энгельгардтъ, М. Н. Мазаевъ, Н. К. Мельниковъ, В. П. Сватковскій, А. А. Пилленко, А. А. Плещеевъ, И. А. Гофштеттеръ, Н. А. Демчинскій, Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), П. М. Невѣжинъ, Ю. Д. Бѣляевъ, В. Г. Авсѣенко, Н. И. Кравченко, А. И. Косоротовъ (Сторонній), Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, И. Я. Павловскій (Яковлевъ), В. О. Машковъ, Д. Г. Янчевецкій, О. О. Крыштофовичъ, А. А. Резвой, Н. Н. Корево, Д. О. Дейтрихъ, М. М. Бородинъ, А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, В. П. Семеновъ и мн. друг.

Участіе нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ въ газетѣ явилось, что называется, своего рода событіемъ въ ея жизни, на примѣръ, Антона Павловича Чехова, котораго «Новое Время» или, правильнѣе, самъ А. С. Суворинъ открылъ русскимъ читателямъ и далъ ему возможность развернуть въ полномъ блескѣ его крупный талантъ. Полные жизни и содержанія воскресные фельетоны А. Амфитеатрова, а передъ тѣмъ еще бытовые беллетристическіе фельетоны Сергѣя Атавы (Терпигорева) и фельетоны на общественныя темы «Жителя» (Дьякова), а затѣмъ послѣдовавшіе фельетоны Фингала и Сигмы придавали газетѣ особенную литературность.

И особенно яркими звѣздами на столбцахъ газеты сверкали «Маленькія письма» самого А. С. Суворина, пользовавшіяся особеннымъ обаяніемъ изящствомъ своей формы, своимъ своеобразнымъ «русскимъ стилемъ», своимъ остроуміемъ, своею манерою сужденій, своею широтою взглядовъ, своимъ проникновеніемъ въ душу читателей. Эти «Маленькія письма» могутъ быть разсматриваемы, какъ выдающіяся произведенія нашей словесности и политической литературы, на которыхъ въ духѣ любви къ родинѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія.

Къ концу 90-хъ годовъ и въ началѣ 90-хъ составъ редакціи нѣсколько измѣнился. Вмѣсто скончавшагося М. П. Федорова редакторомъ газеты состоялъ О. И. Булгаковъ; кромѣ того, къ этому же времени относится и уходъ изъ газеты нѣсколькихъ прежнихъ вид-

ныхъ сотрудниковъ, частью устроившихся въ другихъ газетахъ, частью выступившихъ во главѣ собственныхъ органовъ печати.

Послѣ кончины Ѳ. И. Булгакова въ 1911 году на должность редактора газеты былъ приглашенъ Михаилъ Николаевичъ Ма-

Борисъ Алексѣевичъ Суворинъ.

заевъ, начавшій работать въ «Новомъ Времени» съ 1900 года и ведшій до тѣхъ поръ отдѣлъ «Среди газетъ и журналовъ». М. Н. Мазаевъ продолжаетъ совмѣстно съ М. А. и Б. А. Сувориными нести свой редакціонный трудъ и нынѣ въ роли второго редактора газеты встрѣтилъ ея сорокалѣтній юбилей.

Редактированіе еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ приложенийъ къ «Новому Времени» первоначально исполнялъ Ѳ. И. Булгаковъ при ближайшемъ участіи К. С. Тычинкина; послѣ смерти Ѳ. И. это дѣло перешло въ полное вѣдѣніе К. С. Тычинкина, работающаго здѣсь и понынѣ.

Какъ бы на смѣну упедшихъ въ «Новое Время» пришли новыя литературныя силы, продолжающія успѣшно работать въ газетѣ и до сихъ поръ. Изъ числа таковыхъ нужно отмѣтить: М. О. Меньшикова, В. В. Розанова, А. А. Столыпина, А. А. Пиленка, К. В. Валишевскаго, Е. А. Егорова, А. И. Ксюнина, А. М. Ренникова, Г. В. Никонорова, Алексѣева (Брута), П. П. Перцова, А. А. Бурнакина, Н. Вильде и мн. др.

При наличіи такого состава сотрудниковъ, при твердомъ руководительствѣ опытнаго стараго кормчаго, а послѣ смерти его по его завѣтамъ и по выработанной имъ программѣ «Новое Время» все съ возрастающимъ успѣхомъ продолжало своей многотрудный путь, являясь чуткимъ выразителемъ широкаго общественнаго мнѣнія, разъясняя событія общественнаго и политическаго порядка, поддерживая и отстаивая лучшія національныя начала Россіи и укрѣпляя духъ въ дни народныхъ бѣдствій и историческихъ испытаній. И 29-го февраля этого года оно встрѣтило и отпраздновало рѣдкій въ русской печати праздникъ: сорокалѣтіе своего существованія. Сотрудники «Новаго Времени» въ редакціонной юбилейной статьѣ (№ 14360) имѣли полное и заслуженное право сказать:

«Газета живетъ по евангельскому правилу: «Довлѣеть днени злоба его». Вся энергія ея сотрудниковъ, всѣ ресурсы ума, таланта, знанія, которыми она располагаетъ,—все это сосредоточивается и напрягается, чтобы обслуживать по преимуществу текущій день съ его злобами, интересами, событіями и прочая, и прочая. И вотъ такими днями «Новое Время» прожило сорокъ лѣтъ. Одно это обстоятельство даетъ намъ право съ чувствомъ удовлетворенія сказать: нашъ голосъ не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, потому что въ противномъ случаѣ газета не могла бы существовать. Намъ тѣмъ болѣе пріятно это отмѣтить, что ни одинъ моментъ нашей сорокалѣтней работы мы не были органомъ какой-либо партіи, которая могла бы насъ поддерживать, и опирались исключительно на то сочувствіе нашихъ читателей, которое пріобрѣталось ихъ благосклонной оцѣнкой нашей работы. Основатель нашей газеты—незабвенной памяти А. С. Суворинъ—былъ убѣжденъ, что журналистъ прежде всего долженъ чувствовать жизнь и ея потребности, и тщательно оберегалъ газету отъ мертвыхъ трафаретовъ мысли и партійной предвзятости. И это обезпечивало «Новому Времени» искренность и свободу его сужденій, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, сколько это позволяли такъ называемыя «независящія обстоятельства».

Юбилейное торжество протекло въ слѣдующемъ порядкѣ. 28-го февраля, наканунѣ дня сорокалѣтія основанія газеты «Новое Время», въ Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры по основателѣ газеты А. С. Суворинѣ, по скончившихся и павшихъ на полѣ брани сотrudннкахъ были отслужены заупокойная литургія, панихида, а затѣмъ литія на могилѣ А. С. Богослуженіе совершалъ ризничій лавры архимандритъ Геннадій въ сослуженіи съ монашествующей братіей. Въ этотъ день могила А. С. украсилась зеленью, живыми цвѣтами и вѣнками, среди нихъ вѣнокъ изъ красныхъ тюльпановъ съ ландышами отъ сотrudннковъ «Новаго Времени», изъ живой сирени отъ «Вечерняго Времени», отъ совѣта товарищества «Новаго Времени», совѣта контрагентства—своему основателю, отъ служащихъ главной конторы и мн. др.

Днемъ въ два часа въ редакціи собрались на благодарственное молебствіе всѣ сотrudнники и служащіе въ конторѣ «Новаго Времени» и его учрежденіяхъ.

Въ два съ половиной часа прибылъ высокопреосвященный митрополитъ петроградскій Питиримъ и, встрѣченный редакторами, прошелъ въ редакторскій кабинетъ, а затѣмъ въ залѣ совершилъ благодарственное молебствіе съ пѣніемъ канона преподобному Кассіану.

Передъ молебствіемъ владыка митрополитъ обратился къ присутствующимъ съ прочувствованнымъ привѣтственнымъ словомъ.

Въ концѣ молебствія протодіаконъ возгласилъ царскія многолѣтіе и многолѣтіе Святѣйшему Синоду, митрополиту и освященному собору, а митрополитъ провозгласилъ самъ «Вѣчную память» основателю газеты рабу Божию Алексію и всѣмъ сотrudннкамъ и потрудившимся въ изданіи, мирно почившимъ и на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животь свой положившимъ. При глубоко-трогательномъ пѣніи «Вѣчная память» присутствовавшіе преклонили колѣна. Смолкли печальные звуки, и митрополитъ также самъ провозгласилъ многолѣтіе державѣ Россійской и дѣятелямъ газеты. Митрополитъ еще разъ привѣтствовалъ редакторовъ и сотrudннковъ, и затѣмъ всѣ присутствовавшіе прикладывались ко кресту. Хоръ исполнялъ «Тебе, Бога, хвалимъ».

По окончаніи богослуженія главный редакторъ М. А. Суворинъ прочиталъ въ присутствіи митрополита слѣдующее письмо отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ:

«Милостивый Государь

«Михаилъ Алексѣевичъ,

«Его Императорскому Величеству Государю Императору на докладѣ моемъ о томъ, что сего 29-го февраля исполняется сорокъ лѣтъ со дня основанія покойнымъ А. С. Сувориннымъ газеты «Новое

Время», благоугодно было Всемилостивѣйше Собственноручно начертать:

«Цѣню стойкость, съ какою «Новое Время» всегда охраняло русскіе національные идеалы. Желаю газетѣ дальнѣйшаго процвѣтанія.

«О таковой Высочайшей отмѣткѣ почитаю себя счастливымъ сообщить вамъ.

«Примите, милостивый государь, увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи.

«Борисъ Штюмеръ».

Общее «ура» огласило залъ. Хоръ г. Речкунова исполнилъ гимнъ «Боже, Царя храни» и послѣ него опять пронеслось «ура». Подано было шампанское и чай съ дессертомъ.

Митрополитъ, благословивъ всѣхъ присутствовавшихъ, уѣхалъ.

Вечеромъ въ редакціи на банкетномъ собраніи сотрудниковъ были прочитаны телеграммы и привѣтствія:

Отъ начальника главнаго штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«На всеподданѣйшемъ моемъ докладѣ Государю Императору объ ассигнованіи товариществомъ А. С. Суворина «Новое Время» 10.000 рублей на подарки нижнимъ чинамъ дѣйствующей арміи Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать: «Сердечно благодарю».

«Сообщая о столь Всемилостивѣйшей резолюціи Его Величества, прошу пожертвованіе направить въ складъ при ставкѣ.

«Алексѣевъ».

Телеграмма генерала М. В. Алексѣева съ Высочайшей отмѣткой получена была въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму совѣта «Новаго Времени»:

«Совѣтъ товарищества А. С. Суворина—«Новое Время» въ ознаменованіе исполняющагося 29-го февраля сорокалѣтія существованія газеты «Новое Время» постановилъ ассигновать десять тысячъ рублей на подарки солдатамъ дѣйствующей арміи.

«Совѣтъ просить ваше высокопревосходительство испросить милостивое разрѣшеніе Державнаго Верховнаго Главнокомандующаго на принятіе Его Императорскимъ Величествомъ нашего скромнаго дара и не отказать въ разрѣшеніи переслать вещи въ распоряженіе склада, находящагося при ставкѣ.

«Предсѣдатель совѣта Викторъ Буренинъ, члены совѣта: Михаилъ Суворинъ, Борисъ Суворинъ, Богданъ Гей, Александръ Гучковъ, Алексѣй Ксюнинъ и Михаилъ Ивановъ».

Отъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Въ вашемъ лицѣ привѣтствую съ рѣдкимъ юбилейнымъ праздникомъ редактируемую вами газету, желаю ей дальнѣйшаго процвѣтанія и успѣховъ въ ея плодотворной работѣ на благо родины.

«Генераль Алексѣевъ».

Отъ его императорскаго высочества великаго князя Андрея Владимировича:

«Сердечно поздравляю «Новое Время» съ сорокалѣтнемъ его славной жизни.

«Андрей».

Отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ:

«Вамъ и сотрудникамъ вашимъ приношу мои искреннія поздравленія по случаю сорокалѣтія со дня основанія покойнымъ отцомъ вашимъ газеты «Новое Время». Заслуги вашего изданія давно оцѣнены русскимъ обществомъ. Да продолжается усѣбно то большое русское дѣло, которому неуклонно въ теченіе сорока лѣтъ служило «Новое Время».

«Борисъ Штюрмеръ».

Отъ министра финансовъ (письмо).

«Глубокоуважаемый

Михаиль Алексѣевичъ.

«Сегодня, въ день сорокалѣтняго юбилея «Новаго Времени», позвольте мнѣ присоединить мой горячій привѣтъ къ тѣмъ изъявленіямъ чувствъ, которыя широкою рѣкою притекутъ къ вамъ въ этотъ знаменательный не только для васъ и вашей семьи, но и для всей Россіи день отъ мыслящаго общества.

«Сорокъ лѣтъ назадъ, на зарѣ своего существованія, «Новое Время», руководимое и вдохновляемое богатыми дарованіями незабвенной памяти Алексѣя Сергѣевича, стало глашатаемъ великой, запечатлѣнной русскою кровію идеи освобожденія слабыхъ и угнетенныхъ братьевъ славянской семьи, возрожденія славянства къ новой, самобытной жизни. Завоевавъ себѣ съ тѣхъ поръ значеніе руководящаго органа русскаго печатнаго слова, объединивъ около своего знамени лучшія силы русской публицистической мысли, «Новое Время» и въ освѣщеніи задачъ международнаго общенія и международныхъ отношеній Россіи и въ своей оцѣнкѣ и проповѣди и тѣхъ или другихъ начинаній въ области устроенія нашей внутренней государственной жизни всегда служило одному завѣту и одному идеалу—благу Россіи и всего славянства.

«Юбилейную грань своей сорокалѣтней дѣятельности «Новое Время» переживаетъ среди небывалой по своему напряженію, по глубинѣ захвата народнаго чувства борьбы, которую наше отечество вмѣстѣ со своими доблестными союзниками ведетъ во имя отстаенія цѣлости и независимости отдѣльныхъ народовъ, во имя принциповъ человѣколюбія и справедливости, столь нагло поправленныхъ дерзкимъ врагомъ—во имя

окончательнаго и, надо уповать, близкаго разрѣшенія нашихъ исконныхъ задачъ утвержденія началъ самобытнаго развитія славянства Россіи, началъ,—которыя были неизмѣнно начертаны на знамени юбиляра.

«Это знаменательное совпаденіе да послужитъ для васъ, вашихъ сотрудниковъ и искреннихъ друзей руководимаго вами дѣла источникомъ бодрой вѣры въ правоту тѣхъ идеаловъ, которые неизмѣнно исповѣдывало «Новое Время», и да станетъ оно счастливымъ для его будущаго преуспѣянія предзнаменованіемъ.

«Въ качествѣ министра финансовъ мнѣ особенно пріятно привѣтствовать въ сегодняшній торжественный день «Новое Время», какъ органъ, вносившій всегда столько глубокихъ знаній и блестящаго таланта въ разработку вопросовъ финансовой и экономической политики Россіи и неизмѣнно стремившійся содѣйствовать правильному пониманію подлинныхъ чувствъ нашего хозяйственнаго развитія. Лично же я съ чувствомъ истинной гордости вспоминаю о томъ къ сожалѣнію краткомъ времени, въ теченіе котораго я имѣлъ честь принимать близкое участіе въ трудахъ совѣта «Новаго Времени».

«Принося вамъ и въ вашемъ лицѣ руководимому вами органу свои изъ глубины сердца исходящія поздравленія и пожеланія долгаго и плодотворнаго, какъ и въ прошломъ, служенія на пользу Россіи,—прошу васъ принять увѣренія въ совершенномъ моемъ уваженіи и искренней преданности.

П. Баркъ.

Отъ министра путей сообщенія.

«Прошу васъ принять лично и передать редакціи газеты «Новое Время» и всѣмъ сотрудникамъ газеты мое сердечное привѣтствіе съ исполненнымъ сегодня сорокалѣтіемъ со дня выхода газеты. Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ служенія родинѣ.

«Министръ путей сообщенія Треповъ».

Отъ А. Н. Хвостова.

«Позвольте въ вашемъ лицѣ принести поздравленіе редакціи газеты «Новое Время» по случаю знаменательнаго дня 40-лѣтняго служенія ей на пользу единой недѣлимой Россіи.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственной Думы
«Хвостовъ».

Отъ сербскаго посланника.

«Отъ имени сербскаго правительства, а также отъ меня прошу васъ принять сердечнѣйшія поздравленія по случаю сорокалѣтія «Новаго Времени», находившагося всегда на сторонѣ славянскихъ интересовъ.

«Спалайковичъ»

Отъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

«Прошу принять глубокоуважаемыхъ редактора и сотрудниковъ искреннія поздравленія съ сорокалѣтіемъ «Новаго Времени» отъ постоянного читателя и пожеланія продолженія плодотворнаго служенія нашей дорогой родинѣ.

«Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати
Судейкинъ».

Получены привѣтствія отъ членовъ Государственной Думы, Половцова 1-го, отъ редакціи газеты «Свѣтъ», отъ редакціи «Историческаго Вѣстника», «Петроградской Газеты», отъ издателя «Русскаго Чтенія» и «Лѣтописи войны» генерала Дубенскаго, редактора-издателя изданія «Гражданинъ Россіи» Коломійцева, отъ Г. Сазонова, К. Максимова, Семенова-Тянъ-Шанскаго, профессора Ковалевскаго и Бѣллюбскаго, отъ А. И. Гучкова, отъ генераль-квартирмейстера штаба Верховнаго Главнокомандующаго и находящагося при ставкѣ генерала Борисова, прот. Рождественскаго, отъ группы служащихъ театра А. С. Суворина, отъ театра Сабурова, отъ солистки Его Величества Горленко-Долиной, отъ солистки Его Величества Славиной, отъ балерины г-жи Кшесинской, отъ г-жи Мичуриной, заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ Давыдова, артиста М. Дальскаго, отъ правленія Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, отъ всѣхъ латышскихъ учреждений и лазаретовъ въ Петроградѣ, отъ конторъ по пріему объявленій, отъ Рязанско-Уральской жел. дор., императорскаго автомобильнаго общества (президентъ фл.-адъют. Свѣчинъ), отъ журнала «Конскій Спортъ», отъ генерала Нидермиллера, Струкова, Шинова, Секретева, гофмейстера Валужева, отъ сотрудниковъ газеты и иногородныхъ журналистовъ и др., отъ читателя газеты съ перваго нумера и т. д.

Профессоръ Кайгородовъ привѣтствовалъ письмомъ. Получены были телеграммы отъ военно-автомобильной школы, отъ генерала Пѣшкова, отъ состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княжны Ольги Николаевны комитета петроградскаго латышскаго лазарета, отъ петроградскаго общества «Пристаніще», отъ директора императорскаго ботаническаго сада т. с. Фишера-фонъ-Вальдгейма, отъ режиссера Александринскаго театра Долинова, гг. Уманца, Кондырева, Плещеева, Веселковой-Кильштетъ, г-жи Загуляевой, дяди Михѣя («Сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ, желаю просто—живите до ста»), капитана Смольянинова, отъ композитора Таскина, отъ г. Покровскаго—по уполномочію группы постоянныхъ читателей, съ выраженіемъ: «Вѣчная память мудрому основателю, сердечное спасибо и долгіе годы талантливимъ руководителямъ газеты—защитницы русскихъ началъ и прогресса дорогой родины», отъ гг. Аболтина, Ефремова, Софронова, отъ правленія вспомогательной кассы наборщиковъ въ Петроградѣ, отъ петроградскаго телеграфнаго агентства и много другихъ.

Послѣ чтенія телеграммъ память всѣхъ почившихъ сотрудниковъ газеты почтена вставаніемъ. Говорили рѣчи гг. Глинскій, Троянскій, Бурнакинъ, Солоневичъ.

Слѣдующую рѣчь произнесъ М. А. Суворинъ:

«Позвольте мнѣ сказать небольшое слово, не слово о полку Игоревѣ, а слово о полку «Новаго Времени».

«Сорокъ долгихъ, беспокойныхъ лѣтъ смотреть на насъ, здѣсь собравшихся, въ память, во славу основателя «Новаго Времени» и тѣхъ его сотрудниковъ, уму, таланту, энергіи и неустанной работѣ которыхъ, не знавшей и часа отдыха, было обязано появленіемъ на свѣтъ «Новое Время».

«Эта была работа богатырей, во главѣ съ основателемъ газеты, и «Новое Время» стало расти и крѣпнуть не по годамъ, а по днямъ.

«Наша гордость и благодарная память связана съ именами этихъ первыхъ работниковъ газеты,—многихъ, очень многихъ изъ нихъ нѣтъ уже, нѣтъ и нашего незабвеннаго основателя, и наша любовь и привязанность тѣмъ изъ нихъ, кого милосердная судьба сохранила намъ до сорокалѣтія нашей газеты.

«За эти сорокъ лѣтъ, за царствованіе трехъ монарховъ, наша родина пережила много великихъ событій и потрясеній—войну съ Турціей, эпическій походъ Скобелева въ Среднюю Азію, японскую кампанію и переживаетъ теперь, въ эти дни, великую войну, кровавый потопъ, захлестнувшій своей волной почти всѣ страны міра.

«Пережила наша родина и внутреннія потрясенія и неурядицы, вплоть до тяжелой памяти 1905 года.

«Пережила и свѣтлые, и яркіе дни, положившіе начало новымъ широкимъ путямъ ко благу и счастью родины—учрежденіе Государственной Думы и по манію Царя тотъ великій день, когда нашъ народъ сбросилъ съ себя иго зеленого змія.

«И «Новое Время» всѣ эти сорокъ лѣтъ честно служило своей родинѣ, отзывалось на все, чѣмъ жила, чѣмъ страдала она, по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія и ни за кѣмъ и никогда не идя ни у кого въ поводу.

«И эта независимость сужденій, независимость взглядовъ проходитъ красной нитью черезъ всѣ сорокъ лѣтъ служенія газеты родинѣ, съ перваго ея номера вплоть до настоящаго дня.

«Она не сошла съ своего пути, не измѣнила своимъ завѣтамъ, вложеннымъ въ разумъ и сердце газеты ея покойнымъ основателемъ и вдохновителемъ.

«Теперь мы собрались въ десятый високосный годъ послѣ перваго нашего Касьяна и вступаемъ въ пятый десятокъ жизни «Новаго Времени».

«Пусть нашъ золотой, пятидесятилѣтній юбилей наступитъ среди той же работы на пользу родины.

«А теперь у насъ, какъ и въ этотъ нашъ праздникъ, такъ и въ будніе дни, у насъ у всѣхъ одно желаніе: пусть полной побѣдой надъ врагомъ кончится тяжелый подвигъ Россіи и ея славной арміи!»

Ужинъ закончился чтеніемъ стихотворенія поэта Бенедикта (Н. Н. Вештцеля).

Въ типографіи «Новаго Времени» въ полдень былъ отслуженъ молебенъ въ присутствіи всѣхъ служащихъ.

Для служащихъ въ типографіи былъ устроенъ обѣдъ въ ресторанѣ Терехова. На обѣдѣ присутствовалъ главный редакторъ «Новаго Времени» М. А. Суворинъ, который объявилъ о всемирно-истинѣйшей Высочайшей резолюціи Государя Императора. Общее «ура» потрясло стѣны зала, и присутствовашіе спѣли гимнъ.

М. А. Суворинъ привѣтствовалъ служащихъ и благодарилъ ихъ за совмѣстную работу. Говорили рѣчи: М. А. Суворинъ, Б. А. Суворинъ, Б. Б. Глинскій, Н. И. Кравченко, Г. А. Магула, Д. Н. Вергунъ; служащіе въ типографіи наборщики г.г. Коптевъ, Тюхтяевъ и Жуковъ прочитали свои привѣтственные стихотворенія.

Ко дню юбилея былъ выпущенъ товариществомъ А. С. Суворина—«Новое Время» иллюстрированный историческій очеркъ «Новое Время» (1876—1916 гг.), откуда и почерпнуты свѣдѣнія для настоящей замѣтки. Эта брошюра раздавалась всѣмъ присутствовавшимъ на юбилейномъ торжествѣ.

Д. М.

ДѢВИЧИЙ ИНСТИТУТЪ ЦАРИЦЫ МАРИИ НА ЦЕТИНЬИ.

Основаніе института въ 1869 году.—Первая начальница Н. П. Пацевичъ и ея сестра, піонерки русскаго дѣла.—Программа заведенія и мнѣніе о ней славянина, австрійскаго подданнаго.—Уставъ, утвержденный въ 1873 году.—Забота объ институтѣ государыни Маріи Александровны, переписка съ начальницей черезъ графиню Блудову.—Первое десятилѣтіе.—Уходъ Н. П. Пацевичъ.—Трехлѣтнее управленіе второй начальницы Н. Л. Мессарошъ.—Третья начальница Ю. А. Лопухина, ея пребываніемъ въ институтѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ.—Четвертая начальница С. П. Мертваго.—Вліяніе Смольнаго на ея педагогическую дѣятельность.—Заботы объ институтѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Увеличеніе русской субсидіи.—Поддержка всѣхъ новыхъ начинаній княземъ Николаемъ черногорскимъ и благоволеніе княжеской семьи къ начальницѣ.—Одобреніе института княземъ Петромъ Карагеоргіевичемъ, будущимъ королемъ Сербіи.—Физическое и нравственное воспитаніе дѣвочекъ-славянокъ.—Зачатокъ славянскаго единенія.—Учебная программа.—Двадцатипятилѣтіе института и подведенный итогъ его просвѣтительныхъ задачъ въ рѣчи князя черногорскаго.

ВЪ 1868 ГОДУ, когда князь Николай черногорскій впервые посѣтилъ Россію, онъ получилъ изъ державныхъ рукъ государя Александра II и государыни Маріи Александровны самый вѣрный залогъ дружбы и прочнаго единенія съ Черногоріей, а именно основаніе двухъ учебныхъ заведеній для славянскаго юношества въ Цетиньѣ. Восемь тысячъ рублей были ассигнованы на учительско-богословскую школу, а въ 1869 году, 21-го ноября, былъ открытъ дѣвичій институтъ, на содержаніе котораго императрица отъ себя назначила пять тысячъ пятьсотъ рублей. Черезъ годъ только прибыла изъ Россіи первая начальница, Надежда Петровна Пацевичъ, которая вмѣстѣ съ сестрой своей Александрой Петровной были піонерками русскаго дѣла въ Черногоріи, или скорѣе можно ихъ назвать подвижницами, которыя въ теченіе десяти лѣтъ вынесли на своихъ плечахъ немалыя тяготы жизни.

Добраться до Цетинья въ тѣ времена можно было только верхомъ. Нужно видѣть эту бѣдность, эти скалы, эти стремнины, по которымъ спускаются стройныя черногорки, спокойно несущія тяжести на своихъ плечахъ, эту дикую природу, породившую героическое племя, чтобы понять, что для воспитательницъ женщинъ этой страны нужна огромная воля, любовь къ дѣлу и пониманіе важности его.

Первое десятилѣтіе института прошло въ высокомъ идеальномъ подъемѣ духа всего славянства. Всѣ взоры были обращены на Россію, всѣ знали, что все добро, вся помощь исходятъ отъ нея. Въ этомъ подъемѣ духа русскіе и славяне вообще ютились, какъ попало, въ Цетиньѣ, въ не отопленныхъ помѣщеніяхъ, съ плохой пищей; лишенные самыхъ необходимыхъ вещей, они радостно дѣлили эту жизнь съ черногорцами.

Только на третьемъ году существованія институтъ переводится въ собственное зданіе, которое очень своеобразно расхваливаетъ инспекторъ учительско-богословской семинаріи, созданной на русскія деньги, родомъ изъ Австріи, М. Костичъ, говоря, что такое заведеніе рѣдко можно найти и «у насъ», т.-е. у нихъ, въ Австріи. Уставъ и программа преподаванія въ институтѣ были сначала составлены Н. П. Пацевичъ и утверждены кн. Николаемъ въ 1873 году. Институтъ этотъ съ самаго начала состоялъ подъ покровительствомъ государыни императрицы Маріи Александровны и одновременно подъ попечительствомъ княгини черногорской Милены. Начальница назначалась и получала содержаніе отъ русской государыни, весь остальной персоналъ утверждался княгиней. Начальница распредѣляла занятія и жизнь въ институтѣ, предвѣрительно получая на это одобреніе княгини.

Черногорскій институтъ былъ учрежденъ на 30 воспитанницъ; изъ нихъ 20 воспитывались на русскую субсидію и 10 были своекоштныхъ, съ платой 200 флориновъ въ годъ. Предметы ученія: Законъ Божій, языки: сербскій, русскій и французскій, исторія, географія, ариметика, церковное пѣніе, рукодѣліе и шелководство. Приближаясь къ 1876 году, ученицъ въ институтѣ было 28, но вспыхнула война, и зданіе отдано въ распоряженіе Краснаго Креста, причѣмъ раненыхъ тамъ не было, а помѣщались сестры милосердія и члены общества Краснаго Креста. Начальница же и сестра ея превращаются въ сестеръ милосердія и ходятъ за ранеными. Все это, конечно, было возможно при томъ маломъ количествѣ дѣтей и при условіи того, что ученицы были почти всѣ жительницами Цетинья или окрестныхъ селъ и роспускъ ихъ не представлялъ затрудненій. Наконецъ и задачи воспитанія въ Черногоріи въ то время сводились къ тому, чтобы изъ сырого матеріала наскоро создать культуру женщины. Благодаря тому, что натура черногорки, ея внутреннее содержаніе представляло богатую

почву для этой культуры, а сестры Пацевичъ носили въ себѣ высоко-нравственные идеалы, — все это, вмѣстѣ взятое, сразу дало огромные результаты. Институтъ не выпустилъ ученыхъ шелководовъ, но коконы прорвались, и изъ нихъ вылетѣли красивыя бабочки, блестящія женщины, въ лицѣ двухъ женъ Божидача и Блажо Петровичей Нѣгошей, г-жа Дюша и г-жа Ионѣ, а также г-жа Ионина, жена нашего бывшего министра-резидента въ Черногоріи, впоследствии посланника въ Бразиліи. За этотъ періодъ времени продолжаютъ неусыпныя заботы объ институтѣ его покровительницы, императрицы Маріи Александровны. Графиня Блудова, ближайшая фрейлина государыни и другъ ея, была убѣжденной славяно-филкой и, находясь въ постоянной перепискѣ съ Н. П. Пацевичъ, держала императрицу въ курсѣ всѣхъ нуждъ цетинскаго института. Одной изъ главныхъ заботъ было устройство церкви, настоящаго православнаго храма съ чудной живописью образовъ, богатой утварью и облаченіями. Кто видѣлъ этотъ иконостасъ, невольно уноситъ въ своей памяти лики Спасителя и Божіей Матери. Это благословеніе русской царицы было особенно дорого для Черногоріи, которая въ своихъ древнихъ монастыряхъ, обращенныхъ въ крѣпости, защищаясь отъ турокъ, не имѣла возможности слѣдить за благолѣпіемъ службы. Начиная съ митрополита, всѣ служители церковные прежде всего воины. Христіанство у нихъ такъ смѣшано съ борьбой не на животь, а на смерть, что идеалы милосердія трактуются совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели у насъ. Солдаты даже и въ послѣднюю войну съ религіознымъ чувствомъ прятали въ карманы трофеи своихъ побѣдъ — отрѣзанные носы у турокъ.

Кончилась война, и въ сентябрѣ 1878 года снова начинаются занятія въ институтѣ, причемъ прежнихъ ученицъ вернулось 19 и 2 поступили новыхъ. Подъемъ духа, который царилъ до войны въ Цетиньѣ, понемногу спадаетъ, начинается критика и, какъ обыкновенно бываетъ, критикуютъ своихъ благодѣтелей. Сестры Пацевичъ также вскорѣ почувствовали недоброжелательное отношеніе къ себѣ и такъ какъ тяжелое десятилѣтнее самопожертвованіе сильно подорвало ихъ силы, то Надежда Петровна стала подумывать объ отставкѣ. Съ уходомъ ея въ институтѣ вырабатывается новая программа преподаванія. Извѣстный знатокъ Черногоріи, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ жизни, Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій говоритъ: «Если бы въ эту программу не было включено женское руководѣніе и домашнее хозяйство, нельзя было бы подумать, что она предназначена для средне-учебнаго заведенія въ Черногоріи. Это скорѣе программа какой-нибудь учительско-богословской семинаріи въ Германіи. Нѣмецкій оригиналъ напоминаетъ намъ рубрика наукъ: реаліи, къ которымъ отнесены географія, исторія, естественная исторія, физика и химія; техника, заклю-

чающая въ себѣ рукодѣліе, домашнее хозяйство, каллиграфію, рисованіе, пѣніе, музыку и гимнастику. Какъ мало составитель этой программы задумался о примѣнности ея къ черногорскому заведенію, видно изъ того, что онъ совершенно забылъ черногорскую или вообще сербскую исторію, а между тѣмъ въ обширномъ объемѣ требуется знаніе всеобщей исторіи: новая исторія, великія изобрѣтенія и открытія; борьба за Италію и возрожденіе наукъ и искусствъ; реформація въ Германіи; католическая реакція въ Юго-Западной Европѣ и Нидерландахъ; побѣда католицизма и монархіи во Франціи; время Тюдоровъ, Стюартовъ въ Англіи; Скандинавія, Польша, Пруссія и Турція; тридцатилѣтняя война. О Россіи, конечно, нѣтъ и помина, только въ пятомъ классѣ упоминается: Сѣверная и Восточная Европа въ XVIII вѣкѣ, при чемъ можно подразумѣвать и Россію. Что составитель этой программы, какой-то мѣстный педагогъ, безъ дальнихъ разсужденій держался нѣмецкаго оригинала, видно изъ программы математики, гдѣ, вмѣсто достаточно выработанной сербской терминологіи, вездѣ употребляются слова: «адиранье, суптрахираны, мультиплициранье, дивидиранье». Нельзя не удивиться этой нововведенной программѣ въ институтѣ, созданномъ русской императрицей и на русскія деньги. Но еще печальнѣе дѣлается, когда мы узнаемъ, что М. Костичъ, ректоръ учительско-богословской школы, обязанной также Россіи своимъ существованіемъ, находитъ возможнымъ выражать свое удивленіе, говоря: «Всякому должно кинуться въ глаза, зачѣмъ въ цетиньскомъ институтѣ преподаются два иностранныхъ языка—французскій и русскій?! Зная теперешнее и будущее положеніе нашихъ воспитанницъ,—продолжаетъ М. Костичъ,—мы спросимъ: зачѣмъ имъ два иностранныхъ языка? Зачѣмъ онѣ должны терять столько времени и столько труда, чтобы усвоить себѣ тѣ два языка? Какая цѣль достигается черногорскимъ народомъ въ томъ, что институтки научатся говорить по-русски и парлировать по-французски?»

Эта программа достаточно указываетъ на перемѣну настроеній въ цетиньскихъ сферахъ, которая со всей тяжестью стала отзываться на двухъ незащитныхъ русскихъ подвижницахъ, на сестрахъ Пацевичъ, что и заставило ихъ скромно покинуть тяжелый постъ. Народъ черногорскій, въ лицѣ родителей, а впослѣдствіи и дѣтей, относится и понынѣ съ благодарностью къ ихъ безупречной и полезной дѣятельности.

На мѣсто Н. П. Пацевичъ вскорѣ изъ Россіи прибыла новая начальница Наталія Львовна Мессарошъ, рожденная графиня Салтыкова. Принадлежа къ старой, родовитой русской фамилии, Мессарошъ носила въ себѣ черты самостоятельности и энергіи, которую она собиралась, вѣроятно, проявить въ Черногоріи. Рѣшившись принять на себя тяжелую обязанность быть начальницей русскаго института, она не предполагала, что ей придется отвоевы-

вать свои законныя права и быть подвластнымъ лицомъ въ той странѣ, гдѣ, казалось, русская женщина, уполномоченная россійской государыней, могла разсчитывать на болѣе внимательное отношеніе къ себѣ. Мессарошъ сразу взялась серьезно за дѣло и обратила вниманіе на научную сторону заведенія. Она устанавливаетъ вечернія чтенія, знакомитъ дѣтей съ сербской и русской литературой, пріобрѣтаетъ необходимыя учебныя пособія, картины для естественныхъ наукъ, устраиваетъ физическій и химическій кабинетъ. Одновременно заботится о расширеніи института, начинаетъ новую постройку, но выведенныя ею три стѣны остаются безъ крыши, и постройка прерывается.

Ея суровость и крайняя требовательность возстановили все общественное мнѣніе противъ нея, и, несмотря на то, что экзамены воспитанницъ сошли удачно и показали немалые успѣхи,— произошла непріятная сцена размолвки съ княземъ, и Н. Л. Мессарошъ, не желая смиряться, въ тотъ же вечеръ укладываетъ свои вещи, покидаетъ институтъ въ Цетиньѣ и возвращается въ Россію, въ свое новгородское помѣстье. Ученицы распущены по домамъ, учительскій персоналъ также разошелся, а зданіе института, по приказанію князя Николая, поручено надзору г. Ленавы (преподаватель) до пріѣзда новой начальницы.

Вскорѣ на это мѣсто находится новая жертва недоразумѣнія, которая такъ часто встрѣчаются въ нашемъ русскомъ дворянскомъ кругу, мало подготовленномъ къ дѣйствительной жизни. Добрыя намѣренія, самопожертвованіе, недосыгаемыя мечты, все это прекрасно умѣщается издали, но, когда приходится въ дѣйствительности бороться и самой творить жизнь, справиться съ этимъ мало у кого хватаетъ умѣнья и выдержки. Въ такомъ положеніи очутилась новая начальница, Юлія Адриановна Лопухина. Москвичка по рожденію, она принадлежала къ славянофильскому кружку того времени. Аксаковы, Тютчевы, Кирѣевскіе, всѣ знали ее и, когда началась война въ 1876 году, Лопухина, вмѣстѣ съ матерью генерала Скобелева, отправилась въ Болгарію, гдѣ въ Филиппополѣ устроила пріютъ для дѣтей павшихъ воиновъ и сама стала во главѣ его.

Въ жизни вообще мало цѣнятъ благодѣтелей,—не достаточно благотворить, нужно смиренно это дѣлать. Лопухину не любили въ пріютѣ за то, что она благотворила свысока. Одна изъ ея воспитанницъ въ Филиппополѣ, болгарка, была увезена ею и превратилась въ ея рабу. Лопухина была женщина произвола и властолюбія, лицомъ она очень походила на царицу Евдокію Феодоровну Лопухину. Очень энергичная и своевольная, она очутилась въ Цетиньѣ въ совершенно неожиданныхъ для нея условіяхъ жизни. Не зная, куда дѣтъ свои силы, она то роетъ колодезь въ саду, около института, изъ котораго совершенно неожиданно фонтаномъ заби-

ла вода и затопила все пространство кругомъ, такъ что пришлось огромными усиліями сдержать эту вырвавшуюся наружу стихію. Вслѣдъ за этимъ она пытается произвести новый опытъ. Подлѣ института былъ небольшой утесъ или пригорокъ, и вотъ Лопухина рѣшаетъ взорвать его динамитомъ, послѣ чего самое зданіе института еле-еле удержалось, и капитальныя стѣны дали трещины. Въ часы досуга она любила кататься верхомъ, причеиъ мальчикъ-черногорець долженъ былъ бѣжать за ней со скамеечкой и англійской книгой въ рукахъ. Этотъ мальчикъ теперь настоятель монастыря, но, вспоминая ее, онъ не можетъ не выразить того чувства униженія, которое онъ испытывалъ въ это время. Нельзя забывать, что черногорцы рабами не были никогда и что побѣдить ихъ можно не силою, а только любовью и справедливостью.

Ю. А. Лопухина получила домашнее воспитаніе, она не знала того порядка и дисциплины, выработанной опытными людьми, которые приводятъ институтскую машину въ дѣйствіе. Цетинскій институтъ не былъ тѣмъ готовымъ матеріаломъ, который представляетъ собою большое заведеніе. Между тѣмъ Лопухина пыталась устраивать дежурства дѣвочекъ, сама же уходила куда-нибудь изъ дома, и дѣти, которыя признавались въ этомъ впослѣдствіи, пользовались этимъ временемъ, чтобы одѣваться въ ея платья, перебирать ея вещи, читать письма и т. д. Такъ какъ все это оставалось неоткрытымъ, то многія изъ нихъ вечеромъ убѣгали къ себѣ домой въ то время, какъ начальница думала, что всѣ спятъ спокойнымъ сномъ въ дортуарахъ. Не находя удовольренія въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, Ю. А. Лопухина очень легко поддалась любезному вниманію къ ней княжеской семьи. Вскорѣ она дѣлается ихъ постоянной посѣтительницей и незамѣтно для себя подчиняется имъ всецѣло. Неумѣлое веденіе всего дѣла въ институтѣ, конечно, было замѣчено и использовано для того, чтобы дискредитировать въ немъ русское дѣло.

За пятнадцать лѣтъ существованія института жизнь вздорожала, и средства, которыя отпускались на него, при неумѣломъ обращеніи съ ними оказались совершенно недостаточными. Зданіе разрушалось, дѣло велось беспорядливо, вслѣдствіе чего и кредита не было, такъ что въ концѣ концовъ благое русское намѣреніе прійти на помощь въ воспитаніи черногорокъ обратилось противъ самихъ же носителей культуры. Слухи обо всемъ этомъ дошли до Петербурга, и въ 1885 году, 20-го августа, въ Цетиньи прибылъ секретарь ея величества императрицы Маріи Ѳеодоровны Ѳ. А. Оомъ. Ревизіи онъ не дѣлалъ, да и ревизовать было нечего, все ясно было и налицо. Дѣвочекъ оказалось всего 16 или 17, онѣ бѣгали въ разорванныхъ башмакахъ. Крыша протекала, мясникъ отказывался выдавать мясо въ кредитъ и громкое названіе института царицы Маріи совершенно не соотвѣтствовало жалкому заведенію.

Приѣздъ секретаря императрицы имѣлъ важныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что уставъ былъ измѣненъ, и единоличное управленіе институтомъ одной начальницы, которая была въ прямой отвѣтственности только передъ императрицей и подъ непосредственнымъ попеченіемъ княгини черногорской, замѣнено участіемъ въ этомъ особаго комитета, во главѣ котораго стоитъ княгиня черногорская, а непремѣнными членами: русскій министръ-резидентъ въ Черногоріи, начальница института и еще одно лицо, которое избиралось княземъ черногорскимъ по его усмотрѣнію. Прошло еще два года послѣ посѣщенія Цетинья секретаремъ ея величества. Лопухина оставалась на своемъ мѣстѣ и ее можно было только пожалѣть, такъ какъ она, по свойствамъ своей природы и характера, не въ состояніи была измѣнить положенія вещей. Это былъ для нея тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго выйти было трудно. Въ Черногоріи ея держались не какъ созидательницы дѣла, но какъ разрушительницы его, что подавало надежду

И дѣйствительно, вскорѣ Ю. А. Лопухина, почувствовавъ свою безпомощность, подаетъ въ отставку, и, какъ оказывается, даже этого самостоятельнаго шага она не имѣла права сдѣлать. Въ уставѣ было сказано: «начальницу института назначаетъ ея величество русская императрица, по предварительному соглашенію съ ея высочествомъ, княгиней черногорской; равно и увольняется начальница только по повелѣнію ея величества вслѣдствіе выраженного относительно того желанія ея высочества». Желаніе это, повидимому, выражено не было, но, несмотря на это, государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ благоугодно было назначить преемницей Лопухиной начальницу рязанской женской гимназіи Софью Петровну Мертваго.

На этотъ разъ цетинскій институтъ нападаетъ на личность женщины, органически подготовленной быть воспитательницей юности. С. П. ¹⁾ вышла изъ старой дворянской помѣщичьей среды съ прочными идеалами добра и правды и всегда жаждала примѣнять ихъ въ воспитаніи молодого поколѣнія. До четырнадцатилѣтняго возраста Софья Петровна воспитывалась дома, а затѣмъ поступила въ Смольный институтъ, при начальницѣ М. П. Леонтьевой, гдѣ и кончила курсъ въ 1868 г. Въ это время задачи воспитанія въ Смольномъ придерживались еще направленія, заложеннаго въ заведеніи при основаніи его Екатериной Великой. Уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ былъ составленъ, какъ извѣстно, Бецкимъ и до сихъ поръ не потерялъ своего значенія, не только какъ историческій памятникъ, но какъ источникъ, въ которомъ не мало находится указаній, могущихъ и теперь быть

¹⁾ Смотри въ «Истор. Вѣстн.» июнь—іюль 1913 г. «Быль минувшаго»—описаніе дѣтства и юности С. П. Мертваго. М. П. В а т а ц и.

полезными руководствами въ дѣлѣ воспитанія и образованія юношества. Если программа того времени не соотвѣтствуетъ тѣмъ обширнымъ научнымъ свѣдѣніямъ, которыя даются теперь, то она придерживается больше взглядовъ императрицы Екатерины Великой, которая, основывая Смольный, не думала доставить смолянкамъ только блестящее образованіе, а желала, чтобы развитіе ихъ шло правильно, сообразно съ природою и чтобы въ нихъ укоренилась добрая нравственность. «Искусство доказало,—писала императрица,—что просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, есть ли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе. Достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т.-е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки».

Эти знаменательныя воззрѣнія на воспитаніе юношества, написанныя Великой Екатериной въ 1764 году, какъ нельзя болѣе подходили къ тому чистому и нетронутому еще жизнью матеріалу, который представляли собой черногорки въ особенности, и въ большинствѣ дѣвочки-славянки поступившія въ Цетиньскій институтъ, сто лѣтъ спустя послѣ основанія Смольнаго института въ Россіи.

Цетиньскій институтъ возникъ въ тѣхъ же условіяхъ, и со вступленіемъ въ обязанности начальницы бывшей смолянки С. П. Мертваго основы тѣхъ же идей стали примѣняться ею въ воспитаніи славянскихъ женщинъ.

Помимо талантовъ педагога, которые Софья Петровна органически носила въ себѣ, она пріобрѣла большой опытъ и знанія въ рязанской Маріинской гимназій, гдѣ передъ поступленіемъ въ цетиньскій институтъ была въ теченіе пяти лѣтъ начальницей, цѣнимой какъ дѣтьми, такъ и родителями. Всѣми любимая, она покидала Рязань не для карьеры, а потому, что ее влекла идея создать въ Черногоріи прочную связь славянскаго единенія, создать изъ женщины славянки ту путеводную звѣзду, которая поведетъ своихъ дѣтей къ сближенію и пониманію широкой русской души, не порабошающей никого, но идущей навстрѣчу всякому нуждающемуся въ ней.

Въ 1888 году, 12-го января Софья Петровна вступила въ отправленіе своихъ обязанностей. Домъ института изъ

неотесаннаго камня, безъ фундамента, представлялъ собой въ то время печальное зрѣлище. Со стѣнъ текла вода, сырость покрывала все зданіе внутри. Каменные полы дѣлали внутренность дома неуютной.

Въ первый же день, поднявшись въ шесть часовъ утра, Софья Петровна наткнулась на двухъ воспитанницъ, которыя, вставъ спозаранку, растрепанныя, взобравшись на скамейки, подлѣ пылающей примитивной желѣзной печи, поднимая столбы пыли, вырывали другъ у друга метлу и дрались ею.

Спокойно и рѣшительно Софья Петровна вступаетъ въ свои права и тотчасъ же устраиваетъ дортуаръ въ лучшей комнатѣ института, въ пріемномъ залѣ, подлѣ своего помѣщенія; обѣдаетъ вмѣстѣ съ дѣтьми, что и продолжаетъ дѣлать неукоснительно всѣ двадцать пять лѣтъ, проведенныя въ институтѣ. Въ первый годъ пища была ужасная для непривычнаго желудка: все жарилось на свиномъ салтѣ, за неимѣніемъ масла; отсутствіе коровьяго молока (черногорцы питались овечьимъ) и самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ въ Цетинѣ было въ тѣ времена вещь совершенно обычною, и только тѣ, кто имѣлъ средства, выписывалъ провізію изъ Австріи. Первое время, пока Софья Петровна не удалось завести поставщиковъ и улучшить питаніе дѣтей, она изъ принципа себя лично лишала всего, чтобы всецѣло слиться съ дѣтьми, какъ нравственно, такъ и матеріально.

На третій день по ея пріѣздѣ состоялся торжественный пріемъ княземъ Николаемъ въ парадномъ залѣ дворца. Три часа спустя князь посѣтилъ институтъ и начальницу. Въ институтѣ было 16 дѣвочекъ, въ числѣ ихъ и малолѣтки, не знающія читать и писать по-русски. Начальница сразу беретъ за нихъ, обучаетъ ихъ сама грамотѣ и ведетъ подъ личнымъ надзоромъ.

Заканчивая второе полугодіе и не имѣя необходимыхъ учителей (учащій персоналъ въ то время состоялъ ихъ двухъ лицъ), Софья Петровна беретъ на себя общее преподаваніе русскаго языка также и въ старшихъ классахъ, гдѣ учитель-черногорецъ, кончившій курсъ въ Россіи, на вопросъ ея, что проходятъ дѣти изъ русской литературы, отвѣчалъ: «Мы теперь проходимъ опись живота Пушкина». Не лучше стоялъ и французскій языкъ. Слушая отвѣты ученицъ, можно было спросить, что это за языкъ, не имѣющій ничего общаго съ французскимъ. Вначалѣ эти уроки стали вестись самой начальницей. Закончивъ учебный годъ на старомъ положеніи, Софья Петровна заботится объ учебномъ персоналѣ и образуетъ уже его изъ восьми преподавателей и преподавательницъ, въ этомъ же году впервые священникъ является законоучителемъ. Церковныя службы, русскіе царскіе дни стали обставляться большою торжественностью и посѣщались всей княжеской семьей и дипломатами. Впослѣдствіи институтскій хоръ, обученный кузи-

ной начальницы, Ольгой Петровной Депрейсъ, привлекалъ немало молящихся въ церковь.

Между тѣмъ зданіе института, построенное архитекторомъ-самоучкой, все болѣе и болѣе требовало ремонта. Положеніе было бѣдственное, такъ какъ 5500 рублей не хватало на содержаніе института и удѣлить что-либо изъ нихъ на ремонтъ было невозможно. Софья Петровна доводитъ все это до свѣдѣнія государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая продолжаетъ заботиться объ институтѣ такъ же, какъ императрица Марія Александровна, и тотчасъ послѣдовало высочайшее повелѣніе выдавать на содержаніе института 10,000 гульденовъ. Софья Петровна настойчиво держалась перваго устава, по которому институтъ, учрежденный въ Черногоріи для черногорокъ, былъ также открытъ и для окрестныхъ странъ, гдѣ живутъ сербы, связанные съ Черногоріей историческими воспоминаніями и политическими идеалами. Князь и княгиня вполнѣ согласились съ нею, видя въ этомъ для Черногоріи не только подъемъ ея престижа, но также и притокъ матеріальныхъ средствъ, которыя давали возможность улучшить учительскій персоналъ и въ общемъ веденіе всего дѣла. И вотъ мы видимъ въ 1891—92 гг. уже 35 воспитаницъ, изъ которыхъ 15 черногорки, 15 изъ Бокки, Далмаціи, Хорватіи и Воеводины; 3 изъ Босніи и Герцеговины, 1 изъ королевства Сербіи и 1 изъ Турціи. Въ этомъ числѣ 21 воспитаница содержались на счетъ института, а 14 были уже своекоштные.

Итакъ, институтъ преобразовывался понемногу и заслуживалъ постоянное одобреніе князя и княгини. Въ первые годы была жива еще ихъ старшая дочь Зорька, бывшая замужемъ за княземъ Петромъ Карагеоргіевичемъ, нынѣ королемъ Сербіи. Они оба съ вниманіемъ и интересомъ относились къ институту, посѣщая его и приглашая къ себѣ Софью Петровну. Вообще съ годами близость между княжеской семьей и институтомъ выростала все болѣе и болѣе. Въ особенности часто посѣщали его княжны Елена и Анна и одновременно объ онѣ выказывали большое вниманіе и уваженіе къ Софьѣ Петровнѣ. Когда княгиня Милена опасно заболѣла и явилась необходимость сдѣлать ей операцію въ Гейдельбергѣ, она соглашалась на нее только съ условіемъ, если князь будетъ ее сопровождать. Дома оставалась одна молодежь, и князь рѣшается уѣхать не иначе, какъ поручивъ свою семью начальницѣ института, для чего явился лично къ ней съ этой просьбой. Софья Петровна, имѣя уже въ это время надежную помощницу, поручаетъ ей институтъ и переѣзжаетъ на два мѣсяца во дворецъ. Она сохранила самыя пріятныя воспоминанія объ этихъ дняхъ, проведенныхъ среди княжеской семьи, а въ особенности о княжнахъ Еленѣ и Аннѣ, съ которыми у нея устанавливаются близкія и дружескія отношенія. Впослѣдствіи, когда княгиня Милена съ дочерьми предпринимаетъ поѣздку въ Вене-

цію, гдѣ было свиданіе ихъ съ королемъ и королевой Италіи, она уговариваетъ Софью Петровну проѣхать туда съ ними, и снова эта временная близость устанавливаетъ между ними какъ бы болѣе тѣсную связь и пониманіе другъ друга и вмѣстѣ съ тѣмъ благожелательное отношеніе и къ русскому институту. Долго еще послѣ этого князь и княгиня видѣли въ начальницѣ полезную руководительницу для княженъ¹ и послѣ замужества княженъ Елены и Анны просили Софью Петровну сопровождать княжну Ксенію въ Дармштадтъ, когда она ѣздила къ сестрѣ своей, принцессѣ Баттенбергской.

Когда въ славянскихъ земляхъ стала увеличиваться потребность въ воспитаніи женщины, то черногорскій институтъ началъ заполняться не только дочерьми воеводъ и именитыхъ черногорцевъ, но къ нему уже потянулись и дѣти изъ глухихъ угловъ не одной только Черногоріи, но и другихъ славянскихъ земель. Было также немало случаевъ помѣщенія славянокъ-католичекъ, австрійскихъ подданныхъ, въ виду особаго склада воспитанія въ общеславянскомъ духѣ. При этомъ въ институтѣ царило полное равноправіе сословій, знатность и богатство не принимались въ расчетъ. Русская душой, Софья Петровна носила въ себѣ общехристіанскія, демократическія основы, которыя не допускали пристрастія.

Начиная съ 1890 г., правой рукой Софьи Петровны была ея помощница Марья Александровна Матренинская. Вышедшая изъ народа и русская съ головы до ногъ. Марья Александровна получила воспитаніе въ скромной, трудовой семьѣ. Живя въ Кронштадтѣ, Марья Александровна воспитывалась въ частномъ пансіонѣ Биберъ, гдѣ и приобрѣла прекрасныя знанія языковъ, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Окончивъ курсъ въ Маріинской женской гимназіи, она продолжаетъ свое образованіе, посѣщая педагогическіе курсы и наконецъ Бестужевскіе. Получивъ прекрасное образованіе, она дѣлается учительницей, а впоследствии вмѣстѣ съ подругой устраиваетъ частный пансіонъ для дѣтей, поступающихъ въ разныя учебныя заведенія. Обладая чисто русскимъ всестороннимъ развитіемъ, она носитъ въ себѣ самыя разнообразныя таланты русскаго кустаря-самоучки. Не гнушаясь никакимъ дѣломъ, Марья Александровна сумѣла внушить дѣвочкамъ-черногоркамъ уваженіе къ самой тяжелой работѣ. Порядокъ въ домѣ, чистота, уборка, домоводство, такъ сказать, все вводится въ жизнь дѣтей и становится какъ бы частью ихъ самихъ, ихъ потребностью. Время строго распредѣлено и его хватаетъ на то, чтобы себя обслужить, обшить, образовать, развить проявляющіеся таланты къ музыкѣ, рисованію, пѣнію. Въ этой трудовой, строго обдуманной жизни душа человѣческая складывается, незамѣтно растетъ не по днямъ, а по часамъ, и результатъ всего этого у нѣкоторыхъ остается долѣе въ скрытомъ видѣ, не проявляется сразу,

но въ концѣ концовъ каждый индивидуумъ, въ томъ или другомъ направленіи даетъ плоды и умѣетъ въ будущемъ привить себя къ предстоящей ему жизни.

Основная учебная программа цетиньскаго института отвѣчаетъ нашимъ женскимъ гимназіямъ, только съ однимъ иностраннымъ языкомъ французскимъ, не считая русскаго, который у нихъ домашній. Преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ только русскихъ предметовъ, т.-е. русскаго языка съ литературой и русской исторіи съ географіей, то же самое и относительно французскаго языка; а всѣ остальные предметы преподаются на сербскомъ языкѣ. По времени, посвящаемому тому или другому предмету, имѣется, начиная съ 1894 года, такое расписаніе часовъ въ недѣлю для всѣхъ классовъ. Больше всего времени посвящается языкамъ вмѣстѣ съ литературой—30 ч.; русскому и французскому по 28 ч.; а сербскому больше времени посвящается въ меньшихъ классахъ, чтобы дѣти укрѣпились въ родномъ языкѣ, и тамъ же отдѣльно четыре часа посвящены родиновѣдѣнію, а именно изученію земель, населенныхъ сербами. Затѣмъ математикѣ посвящается 21 ч., Закону Божію—15 ч., всеобщей исторіи вмѣстѣ съ географіей—8 ч., русской—5 ч., естественной исторіи—6 ч., физикѣ—5 ч., общей географіи—6 ч., а въ старшихъ классахъ педагогикѣ 4 ч. и отдѣльно методикѣ 3 часа. Много времени отдается музыкѣ (теорія музыки и пѣнія)—21 ч. и рисованію 16 ч., причемъ вся работа совершается занятіями въ классѣ, давая сравнительно мало задачъ для выполненія ихъ внѣ класса. Методъ преподаванія музыки и пѣнія былъ необыкновенно удачно поставленъ преподавателемъ-чехомъ, г. Р.Толингеромъ, извѣстнымъ віолончелистомъ. Онъ умѣлъ внушить такое пониманіе музыки, которое являлось не механическимъ усвоеніемъ, а продуктомъ самостоятельной духовной дѣятельности; то же самое и пѣніе усваивалось на тѣхъ же началахъ. Толингеръ пробылъ въ институтѣ семь лѣтъ, а затѣмъ его замѣнили преподаватели вѣнской и петербургской консерваторій. Частое устройство концертовъ развивало вкусъ ученицъ и соревнованіе въ пѣніи и музыкѣ.

Экзамены въ концѣ года въ первыя 20 лѣтъ происходили подъ предсѣдательствомъ князя, княжны или княженъ, и князь Николай принималъ самое живое участіе въ испытаніяхъ. Въ отзывѣ официальнаго органа «Гласа Черногорца» отъ 1892 года можно было прочесть слѣдующее: «Въ воскресенье 16-го іюня было молебствіе въ институтской церкви и потомъ читались отмѣтки ученицъ по учебнымъ предметамъ. Его высочество государь изволилъ присутствовать при этомъ торжествѣ отъ самаго его начала и своимъ милостивымъ отеческимъ словомъ отличившихся хвалилъ, а слабыхъ ободрялъ. Съ особеннымъ, нескрываемымъ удовольствіемъ его высочество изволилъ разсматривать ручныя работы воспи-

танницъ, выставленныя въ залѣ, и въ это время слышалось изъ его устъ: «Этого еще не бывало въ Черногоріи!» При отходѣ его высочество изволилъ выразить свое полное удовольствіе какъ начальницѣ института, такъ и всему педагогическому составу.

Въ тѣ времена княжны Елена и Анна не пропускали ни одного царскаго дня, чтобы не быть въ институтской церкви, а послѣ того проводили нѣкоторое время съ воспитанницами, а также и ихъ приглашали къ себѣ во дворецъ.

Съ каждымъ годомъ наплывъ ученицъ со всѣхъ концовъ Балканскаго полуострова увеличивается, что указываетъ на все возрастающее значеніе этого учебнаго заведенія для всѣхъ славянъ вообще. Въ первые года управленія институтомъ Софьѣ Петровнѣ приходилось исправлять тотъ полуготовый матеріалъ дѣтей, который доставлялся ей въ томъ возрастѣ, когда уже всякія искривленія, какъ физическія, такъ и нравственныя, труднѣе поддаются выправкѣ, а потому пришлось держаться суроваго метода воспитанія.

Вставая въ 6³/₄ утра, сдѣлавъ свой туалетъ и помолившись, дѣти тотчасъ приступаютъ къ гимнастикѣ, которой придается въ институтѣ большое значеніе. Укрѣпляя мышцы, предупреждая искривленія и неправильности организма, гимнастика вырабатываетъ бодрость и съ этимъ вмѣстѣ аппетитъ, а также ловкость и грацію въ движеніяхъ. Гимнастика продолжается полчаса, послѣ чего дѣти направляются въ столовую, гдѣ ими же самими накрывается столъ и каждая дѣвочка ставитъ свой приборъ, который хранится на особыхъ полкахъ съ подраздѣленіями. Здѣсь у каждой имѣется вся посуда и приборы, нужные для нея въ теченіе дня, а также и все необходимое для мытья и чистки этого маленькаго хозяйства. Все это дѣлается подъ наблюденіемъ помощницы Маріи Александровны, и процедура эта совершается въ полномъ порядкѣ и дисциплинѣ.

По ея командѣ стройно двигаются ряды дѣвочекъ, подходящихъ къ полоскательнымъ чашкамъ и послѣдовательно идущихъ впередъ, постепенно приводя въ порядокъ свои приборы и устанавливая ихъ на мѣсто.

Кончивъ кофе съ молокомъ и хлѣбомъ, онѣ тотчасъ же моютъ свою кружку и ставятъ на столъ каждая свой приборъ для обѣда. По мановенію ока, столъ покрывается ста двадцатью приборами, какъ это было и за послѣднее время существованія института. Въ 12 часовъ обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ: супа и мяса, съ разными приправами овощей, макаронъ, риса и т. д. Порцію свою каждая дѣвочка должна съѣсть обязательно. Въ началѣ дѣти противились этому, среди нихъ много было южныхъ далматинокъ, которыя привыкли къ мясной пищѣ, въ примитивной жизни ѣсть, когда захочется, и бѣгать съ кускомъ во рту. Въ Черног-

ріи, въ суровомъ климатѣ, для нихъ аккуратная мясная ѣда въ опредѣленное время имѣла огромное значеніе: болѣзни въ заведеніи почти не появляются, и дѣти отличаются бодрымъ, здоровымъ видомъ. Имъ также порціями выдавалась вода, чтобы питье не было бы потребностью ежеминутной, которая также въ обычаѣ этихъ странъ, гдѣ люди отъ нечего дѣлать цѣлый день ѣдятъ и пьютъ. Окончивъ обѣдъ, каждая дѣвочка моетъ и убираетъ свой обѣденный приборъ, а на мѣсто его ставитъ чайный, такъ какъ въ четыре часа дня полагается выпить чаю. Вслѣдъ за этимъ чайный столъ покрывается приборами для ужина, на которомъ даются тѣ же, что и за обѣдомъ, два блюда, поѣдаемыя дѣтьми безъ остатка и съ большой охотой, такъ какъ всѣ часы дня заняты непрестанно если не ученьемъ, то ручнымъ трудомъ, гуляньемъ въ саду, который окружаетъ институтъ, или же экскурсіями въ горы, которыя предпринимаются каждый праздникъ. Однимъ словомъ, жизнь кипитъ сообразно съ условіями дѣтскаго возраста, и задумываться некогда.

Результаты этой здоровой и обдуманной жизни стали въ особенности ярко проявляться, когда Софьѣ Петровнѣ удалось устроить приготовительный классъ, куда поступали маленькія дѣти, и этотъ благодарный, гибкій матеріалъ сталъ съ неимовѣрной быстротой приспособливаться къ культурнымъ условіямъ жизни. Много также способствовала и врожденность: родители этихъ дѣтей, живущіе въ убогихъ хижинахъ, лишеные самаго необходимаго въ жизни, сумѣли сохранить высоконравственныя начала, какъ бы кровно воспріятыя ими отъ своихъ предковъ-героевъ. Благодаря этому поступающія въ институтъ дѣвочки, дички по виду, быстро распускаются въ пышный цвѣтокъ, который учебное заведеніе, можно сказать, заботливо раститъ и поливаетъ своевременно. Воспитательный персоналъ старается главнымъ образомъ держаться принципа любви и справедливости. Тайное сообщеніе, наушничество въ заведеніи не допускается. Если дѣвочки совершаютъ что-либо сообща, противъ порядка и дисциплины, онѣ подвергаются выговору, какъ за нарушеніе закона, но если въ этомъ не наблюдается ничего безнравственнаго, то на дальнѣйшую судьбу дѣтей, въ связи съ отмѣтками, это не оказываетъ вліянія и всегда отдается должное проявленію честности, прямоты и характера, а въ случаѣ, если это было вызвано какими-либо ошибками самого заведенія или же воспитательнаго персонала, то это принимается также во вниманіе и заботятся устранить эти причины въ будущемъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, за нарушеніе порядка дѣти наказываются, а съ другой—ихъ справедливый протестъ находитъ удовлетвореніе. Необходимость въ этомъ является рѣдко, въ виду того, что дѣти во всякое время могутъ за всѣмъ лично обратиться къ Софьѣ Петровнѣ, которая настолько сближается со старшимъ клас-

сомъ, что говорить съ ними просто и откровенно, вмѣстѣ обсуждая дѣла института. Эта система приучала воспитанницъ смотрѣть на институтъ, какъ на близкое и родное, передавая это младшимъ классамъ. У старшихъ развивается заботливое отношеніе къ младшимъ; онѣ поучаютъ ихъ, при поступленіи стараются облегчить имъ усвоеніе институтскихъ порядковъ, докладывая объ этомъ начальницѣ и обсуждая все это вмѣстѣ съ нею. Такимъ образомъ, воспитываясь сами, онѣ уже на практикѣ дѣлаются помощницами своихъ воспитательницъ и осуществляютъ на дѣтяхъ знанія, какія имъ даетъ педагогика, готовясь такимъ путемъ стать современемъ учительницами въ школахъ, а главное воспитательницами въ собственной семьѣ.

Въ теченіе двадцатипятилѣтняго пребыванія Софьи Петровны въ Цетиньѣ преподавателей въ институтѣ часто приходилось мѣнять. Русская молодежь, которая пріѣзжала изъ Петербурга и Москвы, съ трудомъ мирилась съ тяжелой, можно скорѣе назвать, подвижнической жизнью въ черногорскомъ институтѣ.

Нужно было носить въ себѣ огромную волю, большую вѣру въ творимое дѣло, а главное любовь къ славянству; вообще надо было слиться съ ними воедино, жить идеей общей намъ всеславянской родины, и тогда воспитанницы, чувствуя эту беззаветную любовь и преданность, не только изъ благодарности тянулись къ Россіи, а незамѣтно для себя органически воспринимали этотъ духъ правды, который умѣетъ сопротивляться и устоять, несмотря на всѣ старанья уничтожить его.

Лично руководя общимъ преподаваніемъ въ институтѣ, Софья Петровна сохраняетъ за собой привилегію знакомить дѣтей съ русской классической литературой. Обладая тонкимъ вкусомъ и своеобразнымъ чутьемъ русскаго человѣка, она многое поясняетъ имъ и дополняетъ глубокимъ знаніемъ русской жизни и характеровъ русскихъ людей. Поэтому дѣвочки не только въ школѣ увлекаются русскимъ чтеніемъ, но продолжаютъ это дѣлать и за стѣнами института. Начальница сохраняетъ отношенія съ большинствомъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, направляетъ ихъ чтенію, даря имъ книги и выписывая для нихъ журналы. Не менѣе русской знаетъ начальница и сербскую литературу, и дѣти находятъ въ ней правильную оцѣнку своихъ героевъ и родныхъ писателей. Сербская исторія составляетъ самый любимый предметъ воспитанницъ. П. А. Ровинскій говоритъ, что особенное вниманіе обращено на преподаваніе сербскаго языка. Въ старшихъ классахъ проходятъ подробное изложеніе словообразованія, грамматическихъ формъ и флексій, съ исторіей ихъ происхожденія. Эта часть преподается чисто-филологически, что, казалось бы, не отвѣчаетъ уровню, на которомъ находятся ученицы; а между тѣмъ онѣ такъ легко разлагаютъ каждое слово на части—корни, суффиксы, флексіи—и толкуютъ за-

коны перехода одного звука въ другой, что убѣждаешься на опытѣ, какъ это просто, легко и въ то же время помогаетъ развитію сознательнаго наблюденія. Заканчиваютъ курсъ исторіей литературы, причемъ преподаватель, въ особенные часы, внѣ классныхъ занятій, приходитъ для чтенія произведеній извѣстныхъ сербскихъ авторовъ, сопровождая его критическими замѣчаніями.

Въ общемъ преподаватели въ институтѣ не только отличались добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но попадались и талантливые люди, умѣющіе придать извѣстную поэзію и красочность преподаваемому предмету. Въ первые годы предпринимались обыкновенно прогулки на Рѣку и Скутарійское озеро, и многіе изъ дѣтей впервые видѣли большое пространство воды и лодки. Учитель исторіи и географіи, Драговичъ, сопровождалъ дѣтей, давая объясненія географическія, историческія и естественно-научныя тому, что встрѣчалось на пути. Въ поѣздкахъ этихъ принимала участіе и русская миссія. Старшія дѣвочки совершали этотъ путь пѣшкомъ, а маленькія и слабыя ѣхали въ экипажахъ, въ которыхъ помѣщалась провизія и посуда, забираемая на цѣлый день. Печальныя сѣрыя скалы, окружающія Цетинье, придаютъ особый однообразно-сѣрый колоритъ всему окружающему, но стоитъ только отойти нѣсколько верстъ, спускаясь къ Рѣкѣ, какъ вы попадаете въ сказочную природу, гдѣ голубая рѣка, временами покрытая на далекое пространство отъ берега безчисленнымъ множествомъ водяныхъ лилій, вьется среди скалъ, поросшихъ зеленью, и, постепенно расширяясь, соединяется со Скутарійскимъ озеромъ, которое мѣстами кажется безбрежнымъ.

Одно изъ историческихъ мѣстъ вблизи Цетинья, трудно достигаемое, это знаменитый Ловченъ, гора, доминирующая на огромномъ пространствѣ вокругъ. Вершину ея сторожитъ могила народнаго героя, поэта-владыки Петра II. Сюда также дѣлались экскурсіи институтокъ, напоминая имъ геройскіе подвиги ихъ предковъ.

Эта высота можетъ уничтожить австрійскій флотъ въ Бокѣ Которской, и вершина Ловчена считается какъ бы защитою страны.

По всему этому мы видимъ, что строго обдуманной трудовой день смѣняется отдыхомъ, въ которомъ дѣти черпаютъ не только физическія, но и духовныя силы, необходимыя въ жизни. Весь этотъ режимъ дѣлается понятнымъ, когда знакомишься съ характерами и духовными качествами дѣвочекъ-славянокъ, взятыхъ не только изъ разнородныхъ національностей, но также изъ разнаго климата и условій жизни.

П. А. Ровинскій въ своемъ описаніи института въ 1894 году сообщаетъ со словъ одной воспитательницы, что «воспитанницы ин-

ститута по большей части черногорки и далматинки. Среда, въ которой проходит ихъ первое дѣтство, само собою разумѣется, оказываетъ на нихъ сильное вліяніе и выражается, главнымъ образомъ, въ ихъ впечатлительно-нервной натурѣ. Но, помимо этой общей черты, между ними есть и разница: черногорка по преимуществу не общительна и въ началѣ ей туго дается ученіе; въ ней даже не достаточно развиты внѣшнія чувства, служащія къ воспріятію новыхъ впечатлѣній; она не умѣетъ различать цвѣтъ и звукъ, ни управлять голосомъ и притомъ не имѣетъ понятія о послушаніи и покорности; хотя въ этой непокорности и даже упрямствѣ есть нѣчто осмысленное и проглядываетъ независимость духа, наслѣдство, можетъ быть, героевъ и героинь, ея дѣвушекъ и бабушекъ».

Далматинка общительнѣе, воспримчивѣе и жизнерадостнѣе и сразу же начинаетъ учиться лучше, что указываетъ, что она была дома нѣсколько къ тому подготовлена. Но если въ черногоркахъ замѣтенъ вообще недостатокъ домашняго воспитанія, то въ далматинкѣ видится воспитаніе, только дурно направленное: съ раннихъ лѣтъ въ нихъ развивается погоня за удовольствіями и развлеченіями и легкое отношеніе ко всему и ко всѣмъ. Дисциплинѣ трудно подчиняются какъ тѣ, такъ и другія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дома имъ не предъявляется никакихъ требованій; онѣ живутъ въ своей волѣ и нерѣдко бываетъ, что скорѣе родители повинуются своимъ дѣтямъ, чѣмъ дѣти имъ. Вначалѣ приходится ихъ строго преслѣдовать за нарушеніе самыхъ обычныхъ нравственныхъ правилъ, за полную неспособность сосредоточить вниманіе на чемъ бы то ни было, за лѣность, небрежность во всемъ, нетерпѣливость и торопливость въ работѣ и полнѣйшее неуваженіе къ порядку. Внутренній, душевный міръ ихъ очень бѣденъ и совершенно не развитъ; въ нихъ нѣтъ фантазіи, ни чувствительности, но все это покоится въ зачаткахъ, изъ которыхъ впоследствии удастся вызвать живую, умственную дѣятельность, отвѣчающую ихъ живому темпераменту, и чуткость ко всему доброму, возвышенному, поэтичному. Это достигается частью личнымъ вліяніемъ воспитательницъ, которыя стараются затронуть и разбудить ихъ мысль и чувство въ постоянномъ общеніи съ ними, участвуя съ ними въ дѣлѣ и досугѣ, въ играхъ и удовольствіяхъ, любясь вмѣстѣ съ ними картинами природы на прогулкахъ, собирая цвѣты и оглашая мертвыя скалы стройнымъ пѣніемъ и т. д., частью чтеніемъ книгъ. Замѣчательно, что, какъ ни любятъ дѣти игры, пѣніе и танцы, которые устраиваются для нихъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ и которымъ они предаются съ увлеченіемъ дѣтей юга,—они всегда готовы отказаться отъ этихъ удовольствій, чтобы послушать интересующее ихъ чтеніе. Когда воспитанницы веселятся и поютъ, то больше всего поютъ онѣ серб-

скія пѣсни, причемъ съ особеннымъ воодушевленіемъ поютъ воинственно-патріотическія пѣсни «Онамо-онамо» князя Николая «Чуй Душане» и «Радо иде србин у войнике». Вообще патріотизмъ и любовь къ князю Николаю воспитывались въ дѣтяхъ такъ же заботливо и нѣжно, какъ благодарныя чувства къ Россіи и царской семьѣ, которая съ любовью создала дѣвочкамъ-славянкамъ очагъ просвѣщенія и право приобщиться къ великой семьѣ славянскихъ народовъ.

Народные обычаи до сихъ поръ еще крѣпко держатся въ Черногоріи. Рождество Христова празднуется у нихъ особо торжественно. Начиная съ князя, который самъ подавалъ примѣръ охраненію обычаевъ старины, всякій хозяинъ дома съ сыновьями отправляется въ лѣсъ и собственноручно рубить «баднякъ» или рождественское дерево, обыкновенно дубовое, которое раскалывается на части и приносится къ главному входу въ домъ. Въ это время женщины готовятъ ужинъ или скорѣе рождественскій столъ, а мужчины жарятъ на вертелѣ дѣльнаго барана. Въ Черногоріи апельсины на этомъ праздникѣ играютъ роль яицъ и ими христосуются. Торжественная всенощная въ домовоі церкви собирала всю русскую колонію съ посланникомъ во главѣ. Большая зала устилалась соломой, и дѣвочки разсаживались на ней передъ пылающимъ каминомъ-очагомъ. Въ это время священникъ въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся мужчинъ идетъ на крыльцо, гдѣ заранѣе приготовленъ срубленный баднякъ, и каждый изъ нихъ беретъ часть его себѣ на плечо, и шествіе двигается къ залу, гдѣ дѣти встрѣчаютъ его и поютъ три раза тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ», съ зажженными свѣчами въ рукахъ; при входѣ въ залъ всѣ присутствующіе осыпаютъ шествіе горстями пшеницы. Священникъ же, приблизившись къ очагу, кладетъ баднякъ на горящія уголья и поливаетъ его краснымъ виномъ, благословляетъ его, а также и апельсины, подразумѣвая въ этомъ будущее изобиліе плодовъ земныхъ.

Начальница института раздавала всѣмъ апельсины, говоря: «Христось се роди», за чѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ: «Во истину се роди». На столѣ съѣдается сочиво и приганцы (родъ оладій) и другія рыбныя, но не мясныя блюда; что касается барана, то его обычно жарятъ ночью, и съ ранняго утра столъ стоитъ накрытый, и тотчасъ послѣ обѣдни (всенощной въ приходскихъ церквахъ не бываетъ) первый мужчина, который посѣщаетъ домъ, такъ называемый «полазникъ», однимъ взмахомъ сабли долженъ отрубить голову барана, держащаго апельсинъ во рту.

Въ прежнее время князь охотно въ этотъ день посѣщалъ институтъ, въ сопровожденіи свиты. Вообще онъ умѣлъ проявлять большой интересъ къ дѣтямъ, которыя всегда свободно, радостно и горячо привѣтствовали его.

Когда праздновалось двадцатипятилѣтіе института, дѣло это такъ упрочилось и дало столь обильные результаты, что вызвало цѣлый рядъ привѣтствій и поздравленій, которыя сами по себѣ какъ бы подводятъ итогъ его дѣятельности. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна осчастливила начальницу слѣдующей телеграммой изъ Гатчины:

«Cettigné Directrice de l'Institut de jeunes filles madame Mertvago.

«A l'occasion du vingt cinquième anniversaire de la fondation de l'Institut, me rappelant avec plaisir de sa bienfaisante activité, je vous souhaite sincèrement; ainsi qu'à tous ceux qui vous secondent, qu'un succès croissant favorise des efforts, dont le but aura toujours toute ma sympathie. Marie».

Князь Петръ Карагеоргіевичъ, нынѣ король сербскій, въ то время вдовцомъ жилъ въ Женевѣ и продолжалъ слѣдить съ интересомъ за развитіемъ русскаго дѣла въ Черногоріи, одобряя дѣятельность института. Онъ поздравилъ С. П. Мертваго съ двадцатипятилѣтіемъ института телеграммой слѣдующаго содержания:

«Recevez félicitations occasion jour très solennel rappelant fondation Institut qui grâce aux tous soins de Sa Majesté l'Impératrice a permis de répandre également dans toute la principauté culture intellectuelle parmi les jeunes filles qui n'oublieront jamais ce bienfait. Que Dieu continue à bénir Vos efforts. Prince Pierre».

Княгиня черногорская Милена обмѣнялись съ государыней императрицей телеграммами, сердечно привѣтствуя другъ друга въ этой обоюднo-созданной просвѣтительной дѣятельности на пользу всего славянства.

21-го ноября 1894 года юбилей былъ торжественно отпразднованъ. Во главѣ съ княжеской семьей, все Цетинье пировало въ институтѣ въ этотъ день. За обѣдомъ князь Николай, обращаясь къ начальницѣ, произнесъ прочувствованную рѣчь на сербскомъ языкѣ: «Сегодня этотъ храмъ просвѣщенія,—сказалъ онъ,—празднуетъ двадцатипятилѣтіе своей благословенной дѣятельности въ моемъ государствѣ, а также и на поприщѣ общей сербской культуры. По мнѣнію свѣдущихъ людей, въ цѣломъ южномъ славянствѣ институтъ этотъ стоитъ впереди всѣхъ однородныхъ ему учреждений, на великую пользу Черногоріи, а также и на славу Россіи. А почему принадлежитъ ему это первенство?—продолжалъ князь, обращаясь къ начальницѣ:—потому что въ немъ бьется великое, благородное русское сердце. Это самое сердце великой, братской намъ Россіи въ области благотворительности творить чудеса, передъ которыми преклоняется и которому дивится Западная Европа. Здѣшнее наше чудо создано русскимъ сердцемъ, и на нашихъ камняхъ расцвѣлъ благоухающій цвѣтокъ подъ вашимъ

мудрымъ, просвѣщеннымъ и ревностнымъ руководствомъ. Моя душа преисполнена благодарности къ этой прирожденной добротѣ русскаго сердца, оно въ особенности выказывается въ женской половинѣ братскаго намъ народа. Я пью, господа начальница, за ваше здоровье!»

Вотъ какимъ проявленіемъ доброжелательнаго сочувствія къ дѣлу заканчивались четверть вѣка существованія русскаго института въ Цетиньѣ.

М. П. Ватаци.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПРОШЛЫХЪ ВѢКАХЪ¹⁾.

(Поѣздка по Польшѣ).

ХІ.

ВѢКА давала крутой поворотъ; впереди, какъ гигантскія ворота, вырисовывались двѣ близко сошедшія горы, раздѣленныя быстро несущейся Вислой. За изгибомъ ея, на возвышенности праваго берега притаилось мѣстечко Яновцы, основанное въ 1537 году Петромъ Фирлеемъ изъ рода знаменитыхъ въ исторіи Польши Фирлеевъ, борцовъ съ орденомъ меченосцевъ.

Надо полагать, что Фирлеи были красавцами: не даромъ при дворѣ Сигизмунда Старога они пользовались особыми милостями королевы Боны, и не даромъ живо до сихъ поръ въ Польшѣ присловье: «Ворожить баба Фирлеямъ!»

Надъ мѣстечкомъ съ вершины горы еще озираетъ окрестности рядъ оконъ бѣлаго величественнаго замка. Круглыя башни по угламъ и громадныя по длинѣ стѣны еще почти цѣлы, и издалека не сразу угадаешь, что передъ тобою царство минувшаго—развалины.

Обитатели его, въ томъ числѣ и извѣстные Тарлы, переселились въ другое зданіе подъ своды костела, блѣдно-желтыя башни и стѣны котораго сурово очерчиваются ниже замка, надъ кровлями домишекъ мѣстечка.

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣсти.», т. СХLIII, стр. 380.

Заѣхать осмотрѣть его было некогда; мы пробѣжали мимо, и долго, многія версты, упорно слѣдилъ за нами старый замокъ.

Синеватый туманъ скрылъ наконецъ его. Горы смѣнились отлогими, ровными берегами; рѣка опять разлилась на неимовѣрную ширину; опять безчисленные, ровные, какъ шлифованное стекло, обнаженные острова изъ песка изрѣзали ея поверхность.

На одномъ изъ перекатовъ плоскодонный пароходъ нашъ черкнулъ дномъ и, шурша, плотно усѣлся на мели; отчаянная работа колесъ, отъ которой ходуномъ заходилъ весь корпусъ его, не помогала, и капитанъ сталъ просить пассажировъ очистить палубу.

На островѣ, у котораго мы приткнулись, сдвинули съ носа сходни, и публика, почти сплошь евреи, черной гирляндой стала спускаться на отмель.

Среди евреевъ выдѣлялось нѣсколько молодыхъ франтовъ въ шелковыхъ шапочкахъ и новыхъ, съ иголки, лапсердакахъ. Удивительная эта нація! Одѣнется человекъ какъ слѣдуетъ, но штаны непременно забудетъ застегнуть, и также непременно изъ-подъ новаго костюма будетъ болтаться у него какая-нибудь грязная тесемка! Это, очевидно, что-то непреодолимое!

Островъ покрывали сотни чаекъ. Стеня, взлетали онѣ при нашемъ приближеніи и начинали низко носиться надъ нашими головами. Шествовали мы, какъ по резинѣ; плотный сырой песокъ чуть подавался подъ ногами; итти было легко и пріятно.

Облегченный отъ груза, «Вавель» перебрался тѣмъ временемъ черезъ мелководье и огибаль островъ. Мы добрались до него и черезъ какихъ-нибудь полчаса уже бѣжали дальше.

Скоро впереди опять показались кудрявые, покрытыя лѣсомъ горы; изъ зелени выглядывали кровли домовъ, то былъ пограничный пунктъ, мѣстечко Наленчовъ.

На берегу пароходъ поджидала группа нарядно одѣтыхъ дамъ и двое офицеровъ пограничной стражи; гору покрывалъ не лѣсъ, а отлично содержимый паркъ; неподалеку виднѣлась хорошенькая вила; во всемъ чувствовалась жизнь и присутствіе культуры.

Мы причалили къ маленькой деревянной пристани; на палубу къ намъ взошелъ таможенный надсмотрщикъ, обязанный слѣдить, чтобы мы не получили во время слѣдованія контрабанды, и пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

Отъ Наленчова правый низменный берегъ рѣки принадлежит Австріи. И сразу чувствовалось, что тотъ берегъ во власти иного міра. Ровный, какъ пелена, онъ заросъ необозримымъ моремъ густого лозняка. Ни деревни, ни домика—ничего не встрѣчаетъ глазъ на этомъ уныломъ просторѣ! И тѣмъ не менѣе мы видѣли чудо: весь край берега одѣтъ набережной изъ крупнаго, камень къ камню сложеннаго булыжника. Рѣка уже не размываетъ его; безчисленные рукава ея исчезли; она выпрямлена и стала многоводнѣе.

Глядя на австрійцевъ, усовѣстились и мы и принялись укрѣплять свой, болѣе легкій въ этомъ отношеніи, гористый берегъ; во многихъ мѣстахъ подѣланы ивовые плетни, кое-гдѣ навалены камни. Но наши работы и работы австрійцевъ—это моська по сравненію со слономъ!

XII.

Часамъ къ пяти дня рѣка вытянулась въ струну и превратилась какъ бы въ широкой могучій каналъ. Справа и слѣва разстлались низины; впереди, перегораживая намъ путь, выростала огромная высокая гора, ощетиненная шпилями костеловъ.

— Сандоміръ!—заговорили кругомъ насъ, указывая на гору руками.

До него было еще далеко, но съ каждой минутой очертанія его строеній проступали все яснѣе. Обрисовались замки, многочисленныя костелы, дома, разбросанныя по уступамъ горы, сады среди нихъ.

Орлиное гнѣздо въ поднебесьи,—таково впечатлѣніе отъ Сандоміра.

Солнце уже садилось, когда запоздавшій «Вавель» подошелъ наконецъ къ пристани—конечной цѣли его рейсовъ—и опшвартовался.

Городъ отдѣленъ отъ рѣки поемною, покрытою лознякомъ равниной, по крайней мѣрѣ въ полверсты шириною.

Мы наняли таратайку изъ числа десятка, ожидавшихъ у пристани, уложили свои вещи и, подымая пеленою пыль за собой, покатили въ городъ.

За низиной начался крутой подъемъ; съ края обрыва горы, отрогомъ отдѣлившейся отъ той, на которой раскинулся городъ, уходили вверхъ могучія стѣны бывшаго королевскаго замка—нынѣ тюрьмы. Мы обогнули его, попали подъ своды изъ вѣтвей фруктовыхъ деревьевъ и наконецъ загромыхали по вымощенной камнемъ площади.

На серединѣ ея точно орнаментированный сверху ящикъ, при-слоненный къ башнѣ, поднимается ратуша XIV вѣка. Миновавъ ее, мы втянулись въ узкое ущелье изъ старинныхъ каменныхъ домиковъ и остановились противъ огромнѣйшей стѣны костела Святого Духа у «Польской» гостиницы.

Намъ отвели просторный номеръ въ самомъ верхнемъ, второмъ этажѣ съ балкономъ на улицу.

Мы выглянули съ него; узкая улица упиралась въ Опатовскую браму—темную, высокую башню со стрѣльчатыми воротами въ ней; здѣсь когда-то кончался городъ и тянулась крѣпостная стѣна, ущѣлѣвшая теперь лишь мѣстами.

Прохожихъ не было. Изъ костела доносились величавые звуки органа.

Сандоміръ. Опатовскія ворота.

Опять далекое минувшее раскинуло надъ нами свои волшебныя крылья...

Какъ хорошо чувствуешь себя въ немъ, забывъ о своемъ проклятомъ двадцатомъ вѣкѣ—винегретѣ изъ неврастеніи, кубизма, футуризма и всяческаго слабоумія!

Тѣни людей каменнаго вѣка бродятъ въ оврагахъ, окружающихъ Сандоміръ: въ нихъ найдены становища, кости ихъ, каменные топоры, ножи и т. п. Въ незапамятной древности затеряно время возникновенія города. Тысячи поколѣній прошли по землѣ его...

Въ 1260 году его разорили дикія орды татаръ. Кровь жителей, по словамъ сказаній, ручьями стекала въ Вислу, подходившую тогда вплотную къ горамъ, и окрасила воды ея.

Нѣтъ врага, котораго бы не повидали горы и стѣны Сандоміра. Осаждали и бились подъ нимъ кочевники, литовцы, русскіе, шведы. Но онъ зналъ не только войны, но зналъ и времена мира и расцвѣта.

Сигизмундъ Старый превратилъ его въ польскій Версаль, и вплоть до временъ Августа II Сандоміръ дѣлается любимѣйшей резиденціей королей. По описаніямъ, дошедшимъ до насъ, это былъ сплошной роскошный садъ, полный замковъ магнатовъ. Одинъ Сигизмундъ III рѣдко заглядывалъ въ этотъ уголокъ своего царства: въ замкѣ вмѣсто него жилъ Мнишекъ и его знаменитая дочка—Марина...

Уже совсѣмъ было темно, когда мы вышли пройтись по городу. Миновавъ браму, мы свернули влѣво и стали подыматься куда-то въ гору. Насъ обступили деревья; мракъ подъ ними густился непроницаемый.

Попавшійся навстрѣчу прохожій сообщилъ, что мы недалеко отъ городского сада, но попасть въ него въ тотъ вечеръ не удалось: не было видно ни зги, дорога поминутно терялась изъ-подъ ногъ, новыхъ встрѣчныхъ не было ни души. Мы постояли подъ деревьями, послушали тишину и отправились обратно.

Звуки музыки—мягкіе и величавые—разбудили меня утромъ: въ костелѣ Святого Духа шло богослуженіе, игралъ органъ. Въ раскрытыя окна глядѣли спнее небо и солнце.

Мы быстро одѣлись и отправились къ ратушѣ.

Два нижнихъ этажа, грубые и простые, сложены еще въ XIII вѣкѣ при Лешкѣ Черномъ; «великій будовникъ», словно зубчатую корону, накинулъ на нихъ третій этажъ—вязъ изъ арокъ,—и получилась рѣдкая красота.

Сандоміръ управлялся по магдебургскому праву, и ратуша служила центромъ жизни города: здѣсь творился судъ, отсюда исходили распоряженія. На площади около нея вершились казни, и пара огромныхъ мечей лалача, висящая до сихъ поръ на стѣнѣ внутри ратуши, безмолвно свидѣтельствуетъ о суровомъ минувшемъ.

Судъ и расправа въ прежніе вѣка не препятствовали веселью: нижній этажъ ратуши занимала пивница, и тамъ съ кувлями въ рукахъ шумныя компаніи засѣдали вокругъ столовъ. А еще ниже—въ подземельяхъ, подъ сводами пола пивницы, томились заключенные, и въ одномъ изъ обширныхъ «мурованныхъ» склеповъ производились пытки...

Кромѣ мечей, нѣсколькихъ книгъ, портретовъ, городскихъ ключей да орла—герба города,—ничего достопамятнаго въ ратушѣ не сохранилось. Передѣлана и внутренность ея, приспособленная теперь для нуждъ городского управленія.

XIII.

Выйдя изъ ратуши, мы перешли площадь и закоулочками добрались до обширнаго двора, на которомъ расположено длинное блѣдно-желтое зданіе іезуитской коллегіи, превращенной теперь въ гимназію. Это она, благодаря фальшь-этажу въ видѣ арокъ на лицевой сторонѣ, обращенной къ Вислѣ, казалась огромнымъ замкомъ и еще издалека приковывала къ себѣ наше вниманіе.

Сандоміръ былъ знаменитъ не только какъ пышная резиденція королей, но и своими учеными мужами. Въ стѣнахъ его подвизались такіе мужи, какъ великій языковѣдъ Василій Нарбутъ, Гавріиль Ржончинскій, Янъ Гзовскій и, наконецъ, отецъ польской исторіи—Длугошъ.

Нынѣшняя гимназія передѣлала для себя всю внутренность зданія, передѣланнаго, въ свою очередь, въ 1602 году Геронимомъ Гостомскимъ, старостой сандомирскимъ, подъ іезуитскую коллегію. Не тронуты лишь наружныя стѣны да то, что таится въ нѣдрахъ горы подъ ними—подземелья.

Мы заглянули во дворъ, обогнули зданіе, расположенное отступя на ширину дороги отъ обрыва, и остановились, любуясь развернувшейся картиной.

Отрѣзанная широкой рѣкой, въ необъятную даль уходила курчавая галиційская равнина; неподалеку отъ австрійскаго берега краснѣли крыши затеряннаго среди лозняка десятка построекъ, вился дымокъ, тамъ находилась станція желѣзной дороги. И болѣе ничего на многія версты не встрѣчаль глазъ.

Нашъ берегъ веселый и привѣтливый... Всюду на взгоркахъ поля пшеницы и ржи, селенія, жизнь и многолюдство.

Я разыскалъ сторожа и послалъ свою визитную карточку инспектору, прося его разрѣшенія осмотрѣть подземелья.

Инспекторъ, оказавшійся очень любезнымъ человѣкомъ, немедленно вышелъ къ намъ, и мы, запасясь свѣчами, вступили вчетверомъ въ высокую темную полуподвальную комнату, всю уставленную метлами, лопатами и т. п. предметами.

Запахъ кислой капусты и еще чего-то столь же благоуханнаго обдалъ насъ.

— Ужъ извините,—съ улыбкой говорилъ инспекторъ, пока мы зажигали свѣчи:—у насъ часть подваловъ использована по хозяйству, знаете ли...

Ходъ въ подземелья широкимъ круглымъ колодцемъ уходилъ внизъ; массивную кирпичную стѣну его спиралью огибала лѣстница, огороженная со стороны провала другою, низенькой стѣнкой, доходящей до пояса.

Мы спустились и очутились какъ бы въ большой круглой залѣ;

въ ней темнѣли груды картофеля, бочки и всякая обиходная всячина.

Изъ залы нѣсколько ходовъ вели дальше въ глубину земли. Мы свернули вправо.

Нигдѣ я не видалъ такихъ высокихъ и громадныхъ подземелій, какъ эти. Вышина и размѣры ихъ не уступаютъ комнатамъ любого дворца; мы шли по широкому коридору, по которому можно было бы ѣхать въ коляскѣ, запряженной четвернею; слѣва и справа то и дѣло открывались черные сѣвы отдѣльныхъ залъ и комнатъ. Всѣ онѣ когда-то запирались: въ косякахъ каждой торчали массивные желѣзные кулаки, служащіе для надѣванія дверей. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ уцѣлѣли большія, вдѣланныя въ стѣны кольца.

Осматривая ихъ, я случайно замѣтилъ внизу у стѣны какіе-то желтоватые прутья; нагнулся—и въ моей рукѣ оказались два человѣческихъ ребра.

— Здѣсь много костей было,—сказалъ инспекторъ:—когда очищали подземелья, нѣсколько возовъ ихъ вывезли отсюда. Цѣпи были, очень толстыя даже... Много народа позаморили здѣсь іезуиты!...

Мы пошли дальше; притерпѣвшійся къ темнотѣ глазъ то и дѣло различалъ забытые уборщиками человѣческіе позвонки и разныя другія кости. Наконецъ передъ нами встала красная, свѣжевыведенная стѣна и преградила коридоръ.

— Дальше нѣтъ хода!—заявилъ нашъ спутникъ.—Подземелій здѣсь цѣлый лабиринтъ, ихъ три яруса. Воспитанники наши удирали сюда, такъ чтобы несчастья какого не вышло, дальнѣйшій-то проходъ и замуровали. Говорятъ, что одинъ изъ ходовъ ведетъ отсюда даже подъ Вислу, въ Австрію...

— А развѣ передъ замуровкой всѣ подземелья не изслѣдовали и не очистили?—поинтересовался я.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ инспекторъ:—гдѣ же... это вѣдь не шутка. Очистили только ту часть, что видѣли, а остальное не тронуто.

Молча мы возвращались обратно, озаряя желтыми огоньками свѣчей безмолвныя могилы безвѣстно сгинувшихъ когда-то людей. По этимъ коридорамъ ходили сладкіе на видъ патеры-іезуиты и слушали, какъ ворочались на цѣпяхъ и стонали умиравшіе отъ голода люди. Ни зовъ, ни крикъ отчаянія—ничто не могло донестись отсюда до слуха не посвященныхъ въ тайну людей. Ну, а Богъ? Видѣлъ ли Онъ, слышалъ ли то, что творилось во имя Его въ этихъ катакомбахъ?!

Хозяйственные запахи опять окунули насъ въ дѣйствительность. Мы выбрались на свѣтъ Божій, поблагодарили своихъ спутниковъ и направились къ находящемуся почти рядомъ дому Длугоша.

XIV.

Пустынный, заросшій зеленой травой дворъ, среди него двухъэтажное кирпичное строеніе подъ острой кровлей изъ заплатанной дражки — вотъ что представилось нашимъ глазамъ.

Сандомірская ратуша.

Въ домѣ имѣлись обитатели—жалкая бѣдность. Во всѣхъ пяти окнахъ верхняго этажа его часть стеколъ была разбита; кирпичъ въ стѣнахъ мѣстами выщербался и осыпался. Но надъ граненою аркою входа въ домъ еще цѣла вдѣланная глубоко въ стѣну каменная плита съ изсѣченными на ней гербомъ Длугоша и древнею надписью.

Такъ вотъ гдѣ жилъ знаменитый историкъ, одинъ изъ двѣнадцати сыновей—и все Яновъ—славнаго Яна Длугоша, приведшаго въ битвѣ подъ Грюнвальдомъ на веревкѣ къ Витовту двухъ «крыжакъ»—рыцарей-меченосцевъ, когда-то позволившихъ себя оскорбить Бейруту, мать великаго литовскаго князя!

Не кончивъ краковскаго университета, юный Длугошъ поступилъ въ канцелярію всемогущаго тогда епископа Збигнѣва Олесницкаго, и тотъ скоро обратилъ на него свое благосклонное вниманіе. Домъ епископа сталъ для Длугоша школой, гдѣ онъ прошелъ особую, важнѣйшую изъ наукъ—политику жизни.

Олесницкій нѣсколько разъ посылалъ его съ дипломатическими порученіями въ Римъ; ѣздилъ Длугошъ и въ Святую Землю.

При краковскомъ дворцѣ Длугошъ ревностно собиралъ древніе документы и велъ записи событій. Его цѣнили такъ высоко, что король пригласилъ его воспитывать и учить сыновей своихъ. Имена этихъ воспитанниковъ Длугоша—Владиславъ, король чешскій, святой Казимиръ, Янъ, Александръ и Сигизмундъ—короли польскіе и, наконецъ, Фредерикъ, сдѣлавшійся кардиналомъ.

Помимо собиранія рукописей, у Длугоша была и другая страсть—строительство.

Цѣлый рядъ костеловъ и монастырей въ Польшѣ обязаны своимъ существованіемъ его трудамъ и заботамъ. Въ Сандомирѣ онъ устроилъ себѣ домъ, передъ которымъ стояли мы. Въ 1470 году Длугошъ отвезъ своего воспитанника Владислава въ Прагу на чешскій тронъ; тамъ ему усиленно предлагали архіепископство, но Длугошъ слишкомъ любилъ отечество и вернулся въ Краковъ, а оттуда въ Сандомиръ, гдѣ засѣлъ за усиленную работу надъ своей исторіей.

Въ 1480 году ему предлагали архіепископство львовское, но онъ опять отказался и умеръ, какъ жилъ, скромнымъ каноникомъ.

Есть ли теперь столь же цѣльные и яркія натуры?

Заглянули мы въ домъ, но не дѣлайте этого, читатель, если очутитесь въ тѣхъ мѣстахъ! Повѣрьте мнѣ на слово, что свинья чрезвычайно чистоплотное животное по сравненію съ большинствомъ человѣчества, и перенеситесь на другой конецъ города, въ зеленую рощу, за Опатовскую браму, на взгорокъ, гдѣ въ чащѣ деревьевъ притаился пореформатскій костелъ святого Іосифа.

Костелы отцовъ реформатовъ всѣ просты и убоги внутри, и потому, не заглядывая въ него, черезъ желѣзную дверь войдемъ въ небольшія каменные сѣни, примыкающія къ стѣнѣ, и по ступенямъ изъ плитъ спустимся въ подземелье.

Странное явленіе! Въ средніе вѣка человѣкъ довольствовался низкими, темными и тѣсными жилищами; подъ землею же душа его начинала требовать простора; подземелья тѣхъ временъ обширны и высоки... будто только тамъ, во мракѣ, человѣкъ чувствовалъ себя дѣйствительно «дома» и въ безопасности.

Въ одномъ изъ широкихъ коридоровъ, за колоннами, поддерживавшими сводъ, темнѣлъ рядъ старинныхъ гробовъ, поставленныхъ на землю; мы свернули въ боковой ходъ и очутились въ просторной, наполненной сумерками комнатѣ; въ небольшое окно, находившееся высоко, подъ самымъ сводомъ, глядѣло синее небо и чуть тянулъ свѣжій воздухъ: стеколь не было, ихъ замѣняла желѣзная рѣшетка.

Въ дальнемъ углу, близъ окна, на полу чернѣли двѣ лежавшія на спинахъ фигуры монаховъ, опоясанныя веревками; изъ-подъ ихъ изъѣденныхъ временемъ капюшоновъ глядѣли глазныя впадины череповъ; подъ головами у нихъ находились плоскіе камни; полуистлѣвшія рясы прикрывали кости.

Провожавшій насъ сторожъ снялъ крышку съ одного изъ гробовъ, стоящаго противъ монаховъ: въ немъ лежала женщина; лицо, руки ея, все тѣло сохранилось превосходно; если бы предложили намъ карточки всѣхъ похороненныхъ тамъ, тотчасъ же, безо всякаго колебанія, можно было бы узнать эту женщину.

Лицо ея нѣсколько потемнѣло и какъ бы слегка запеклось; сторожъ повѣдалъ, что оно было покрыто пылью и что «они» рѣшили «помыть панну». Умные люди долго не размышляютъ: принесли они теплой воды и вытерли ею бѣлое, какъ и руки, лицо мертвой, разумѣется, оно сейчасъ же потемнѣло, и кожа на немъ приняла непривлекательный видъ. Избытокъ догадливости—даръ не изъ восхитительныхъ!

«Тереза-Изабелла, изъ рода Морштыновъ, скончалась 18 лѣтъ въ 1698 году»—гласитъ надпись на круглой бляхѣ, укрѣпленной на парчевомъ гробу. Платье на мертвой выцвѣло и поблекло, но цѣло совершенно.

Рядомъ съ нею въ другомъ гробу лежитъ отецъ ея, панъ Станиславъ; онъ сохранился хуже: руки изсохли, уцѣлѣла нижняя бритая часть лица, но уже отъ скулъ начинается обнаженный черепъ.

Изъ подушки вельможнаго пана были выдраны наполнявшія ее перья, стружки, и все это, смѣшанное съ его волосами, клубомъ лежало у головы его.

Жена отшатнулась, увидавъ эту почему-то поразившую ее картину.

— А ничего...—успокоительно заявилъ сторожъ:—рамы, видите, нѣтъ, куницы и забираются сюда; гнѣздо это ихъ...

Такія же гнѣзда, съ уютными ямками по срединѣ, видѣли мы и во многихъ другихъ гробахъ. Тамъ, гдѣ шло тлѣніе, возникала и жизнь!

Какимъ философомъ и... вольтерьянцемъ можно сдѣлаться, на-смотрѣвшись на подземелья и нетлѣнныя тѣла въ нихъ!

XV.

Рядомъ съ костеломъ святого Иосифа раскинулся огромный городской садъ, обнесенный валомъ и окопанный рвомъ; тѣнистыя аллеи его были пустынно. Не многіе города могутъ похвастаться такими садами; нашъ петроградскій Лѣтній садъ—унылая роща передъ сандомирскимъ.

Мы пересѣкли садъ и попали на боковую аллею; впереди, уходя внизъ, разстилалось волнующееся зеленое море пшеницы; слѣва лѣнился по мысу горы городъ; въ сторонѣ отъ него, за глубокой долиной въ полѣ, виднѣлись два древнихъ костела—единственное, что уцѣлѣло отъ древняго Сандомира, стоявшаго во времена татарскихъ нашествій въ тѣхъ мѣстахъ и лишь послѣ нихъ перебравагося на гору.

По узенькой тропкѣ, лентой вившейся по полямъ, оврагамъ и взгоркамъ, направились мы къ костеламъ. Сотни жаворонковъ звенѣли надъ нами; высокая стѣна изъ миллионовъ сбѣжавшагося народа-колосевъ привѣтливо кланялась и шепталась. Какъ хороша жизнь на землѣ! Какое счастье стоять вотъ такъ въ полѣ, слушать его, дышать имъ, сливаться съ нимъ!

Мрачный костель святого Павла напомнилъ намъ о людяхъ и первымъ сталъ на нашемъ пути; онъ былъ замкнутъ; обширный запущенный дворъ его, обнесенный низкою каменною оградой, весь густо заросъ лопухами и кустами; со стѣнъ костела, точно черные выпученные глаза, глядѣли врѣзавшіяся въ нихъ еще въ XVII столѣтіи крупныя шведскія ядра.

Въ 1226 году костель этотъ стоялъ въ самой серединѣ города!.. «Рѣка время въ своемъ стремленіи уносить всѣ дѣла людей и топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей»...

Строеній вокругъ костела не имѣлось. Мы обогнули пустынный дворъ, миновали небольшую лужайку и остановились передъ красными кирпичными стѣнами одной изъ важнѣйшихъ святынь края—костела святого Якуба.

Основанъ онъ княжной Аделаидой, дочерью Казимира Справедливаго, умершей въ 1211 году, и по древности занимаетъ въ Польшѣ третье мѣсто. Владѣлъ имъ Доминиканскій орденъ, и въ стѣнахъ его, вмѣстѣ съ толпами спасавшагося народа были вырѣзаны татарами и всѣ отцы доминикане, зачисленные впослѣдствіи Римомъ въ святыя.

Семь вѣковъ проползло по древнимъ стѣнамъ, и каждый изъ нихъ разрушалъ и по-своему чинилъ ихъ. Недавно костель подвергся капитальной реставраціи и, кромѣ низовъ стѣнъ, мало что уцѣлѣло въ немъ отъ сѣдой старины. Но реставрировали его въ духѣ древности, и надлежащее впечатлѣніе онъ производить.

Кое-что древнее сохранилось въ немъ; въ боковой каплицѣ святого Яцка подъ помникомъ изъ рѣзного дуба находится у стѣны

массивный, хотя и небольшой каменный гробъ, на крышкѣ котораго изваяна лежащая женщина въ коронѣ на головѣ и со сложенными на груди руками.

Это «гробецъ» основательницы, княжны Аделанды. Она сидитъ внутри тяжкаго гроба, и тѣло ея, какъ и только что видѣнные нами въ подземельяхъ святого Иосифа, сохранилось совершенно и показывается желающимъ.

Мимо хибарки сторожа и нѣсколькихъ синихъ мазанокъ во фруктовыхъ садахъ мы попали къ проѣзжей дорогѣ и пришли къ скалѣ—подножію замка королей.

Взбираясь дальше въ гору было жарко и пыльно. Съ какимъ

Развалины замка Оградзинска.

наслажденіемъ укрылись мы наконецъ подъ тѣнь деревьевъ, обступившихъ громадный готическій кафедральный костель!

Онъ высится на краю обрыва; ниже его, какъ на ладони, виденъ замокъ; даль съ небольшого двора, огороженнаго стѣнкой по поясъ человѣку, открывается необъятная.

Нынѣшній костель выстроенъ Казимиромъ Великимъ въ 1360 г. на мѣстѣ нѣсколько разъ возобновлявшагося, древняго. Почти все, что насчитываетъ Польша замѣчательнаго въ рядахъ своего духовенства, вышло изъ-подъ высокихъ, острыхъ сводовъ его.

Въ богатомъ «скарбникѣ» собора, кромѣ драгоценностей, хранятся рукописи, начиная съ XII вѣка, и предметы, принадлежавшіе когда-то польскимъ королямъ; среди нихъ, какъ особая святыня, берегутся длинныя бѣлыя «ренкавички» (перчатки) королевы

Ядвиги. А подь поломъ—подземелья, останки и кости многихъ поколѣній...

Стѣны собора покрыты старинными картинами, изображающими взятіе Сандоміра татарами и избіеніе жителей и канониковъ.

Къ сожалѣнію, ксендзь І. Ракошный, мѣстный знатокъ и любитель, оказался въ отъѣздѣ и ознакомиться какъ слѣдуетъ съ костеломъ и его сокровищами намъ не удалось.

Передъ вечеромъ я захватилъ полотенце и отправился купаться.

Ниже пристани, подь густо нависшимъ надъ водой лознякомъ прицѣпилась у самаго берега длинная низенькая купальня, разбитая на три крохотныя части. Я уплатилъ сидѣвшей на лавочкѣ пожилой еврейкѣ гривеникъ и занялъ крайнее отдѣленьце.

Желто-зеленоватая струя воды съ шумомъ разбивалась о доски и обтекала сваи, на которыхъ укрѣплена купальня. Давно я не испытывалъ такого наслажденія, какъ окунувшись въ Вислу! Стоять, не держаея ни за что, несмотря на рѣшетчатый ящикъ кругомъ, оказалось невозможнымъ; вода, какъ былинку, срывала меня съ ногъ, съ моими шестью пудами вѣса. Я ухватился руками за верхнюю доску перегородки, и прохладная вода зажурчала вокругъ меня. Что это за роскошь! Какъ освѣжается и отдыхаетъ уставшее за день тѣло отъ такого массажа, производимаго рѣкой!

XVI.

На обратномъ пути, подымаясь въ гору мимо тюремнаго замка, я замѣтилъ на площадкѣ около нея какого-то офицера тюремной стражи, стоявшаго подь деревьями. Онъ пристально вематривался въ меня. Я свернулъ съ дороги и спросилъ: не онъ ли начальникъ тюрьмы?

Начальникъ ея былъ у себя на квартирѣ; меня немедленно провели къ нему, и минутъ черезъ пять мы уже шли съ нимъ къ воротамъ тюрьмы. Въ рѣшетку ихъ выглянули лица солдатъ; загремѣли ключи, засовъ, и желѣзная калитка распахнулась. Солдаты отдали честь, и мы вступили на обнаженную песчаную пустыню тюремнаго двора.

Длинное четырехъэтажное зданіе съ задѣланными рѣшетками окнами бурой громадой встало передъ нами справа отъ воротъ; съ трехъ остальныхъ сторонъ дворъ замыкали стѣны и двухъэтажные бѣлые домки.

Вся блестящая исторія Польши прошла мимо этихъ стѣнъ!

Первое упоминаніе о сандомирскомъ замкѣ имѣется въ документахъ подь 1173 годомъ: въ немъ пребывалъ въ это время Казимиръ Справедливый. Послѣ татарскаго погрома Лешекъ Черный возстановилъ его изъ развалинъ; отсюда знаменитый король, Локетокъ, отправился на войну съ чехами; частымъ гостемъ въ немъ былъ ве-

ликій сынъ его Казимиръ; встрѣчалъ замокъ Ягеллу, ѣхавшаго въ Краковъ изъ далекой Литвы на свадьбу съ Ядвигой, и затѣмъ обоихъ ихъ видѣлъ живущими въ своихъ стѣнахъ.

Въ началѣ XVI вѣка, во времена стараго Сигизмунда, особенно любившаго Сандомиръ, замокъ былъ превращенъ въ роскошнѣйшій изъ всѣхъ королевскихъ дворцовъ; въ концѣ того же вѣка въ немъ жили воевода Мнишець и Марина, будущая царица Москвы. По этому двору ходилъ загадочный юноша, именуемый Лжедмитриемъ.

Шведы, всюду умѣвшіе вносить только разрушеніе и ничего нигдѣ не создавшіе, взорвали въ 1656 году три четверти его, зани-

Развалины замка Уяздъ.

мавшіе мѣсто нынѣшнихъ домиковъ вокругъ двора; спаситель Вѣны Янъ Собѣсскій въ 1688 году исправилъ поврежденія въ уцѣлѣвшей понынѣ части, убралъ развалины, и еще столѣтіе древній замокъ присутствовалъ при умраніи Польши. вмѣстѣ съ нею умиралъ и онъ.

Въ 1795 году въ стѣнахъ, видѣвшихъ королей, пословъ и цвѣтъ знати и рыцарства всѣхъ странъ, помѣстился военный судъ. Въ 1825 году окна замка задернулись крепомъ... толстыми желѣзными рѣшетками, и съ этого года имя ему—тюрьма...

Медленно шель я по двору, полному яркихъ воспоминаній...

У каменнаго крыльца виднѣется вдѣланная въ стѣну надпись 1520 г., сообщающая о ремонтѣ, произведенномъ Сигизмундомъ I. Солдаты съ револьверами въ кобурахъ и саблями сбоку распах-

нули тяжелую дверь, и мы вступили подъ высокіе своды бывшаго жилища королей.

Сумрачнымъ широкимъ коридоромъ прошли мы въ каплицу; полумракъ... короткія квадратныя колонны, словно сплюснутыя подъ непомятой тяжестью низко нависшихъ сводовъ; стѣны, когда-то богато украшенныя, теперь обнажены и выбѣлены...

Шесть вѣковъ молились здѣсь славнѣйшіе сыны Польши... «Жизнь есть сонъ»,—вспомнились мнѣ чьи-то слова...

Изъ каплицы по широкой чугунной лѣстницѣ поднялись мы во второй этажъ; впереди насъ шель надзиратель и, громыхая связкою ключей, отпиралъ двери: каждый этажъ былъ замкнутъ особо.

Въ пустынныхъ коридорахъ было мертвенно тихо и полутемно; слѣва и справа тянулись ряды закрытыхъ дверей съ прорѣзанными въ нихъ небольшими зарѣшеченными отверстиями; я заглянулъ въ нѣкоторыя и увидалъ деревянныя нары, тянувшіяся вдоль выбѣленныхъ стѣнъ огромныхъ и высокыхъ камеръ; кое-гдѣ на нарахъ лежали кучки арестантовъ.

«Какой просторъ!»—смѣло могли бы воскликнуть, ставъ въ позу героевъ Рѣпинской картины, эти невольные обитатели королевскихъ залъ!

Мы обошли всѣ этажи, всюду вызывая среди дежурныхъ солдатъ и надзирателей легкой переполохъ своимъ появленіемъ, однообразіе вездѣ встрѣчало насъ полнѣйшее.

— Есть еще одна достопримѣчательность у насъ,—сказалъ начальникъ тюрьмы, когда мы сошли опять во второй этажъ:—только, извините, не рѣшаюсь показать ее вамъ...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, покажите все!—попросилъ я его, и мы направились въ конецъ коридора, упирающійся въ окно, рядомъ съ угловой башней.

— Тамъ комната Марины Мнишекъ,—пояснилъ мой спутникъ, остановившись у послѣдней двери, ведшей куда-то вправо.

Надзиратель отворилъ ее, и мы вошли какъ бы въ свѣтлую небольшую переднюю; въ единственное окно ея виднѣлись поля и костель св. Якуба; подножіемъ башни служить высокая скала, и видъ внизъ изъ окна—видъ въ пропасть.

— Марина жила вотъ тутъ, въ самой башнѣ,—сказалъ начальникъ тюрьмы, указывая рукою на новую дверь передъ нами.

Каменные косяки ея покрыты скульптурными украшеніями; надъ дверью уцѣлѣли гербы, но все это густо замазано известью и виднѣлось какъ бы въ туманѣ.

Марина Мнишекъ! Какъ много говорить эти два слова русскому человѣку!

Здѣсь ступала гордая красавица, кинувшая на одну чашку вѣсовъ судьбу жизнь свою, на другую честолюбіе. И второе разбило первое.

Исторія не знаетъ женщины, равной Маринѣ, по количеству и суровости выпавшихъ ей на долю испытаній. Какія думы томили и волновали ея въ этой комнатѣ? Предчувствовала ли она, глядя изъ оконъ на синюю даль, таившую въ своемъ безбрежномъ «гдѣ-то» и Москву, что тамъ на площади Кремля подъ златоглавыми церквями, подъ гулъ колоколовъ его оборвется ея жизненный праздникъ?

Я толкнулъ дверь и вошелъ въ заповѣдную когда-то для всего рыцарства комнату. Дохнуло зловоніемъ: я оказался въ обширѣйшемъ, отсырѣломъ арестантскомъ ватерклозетѣ.

Мнѣ показалось, что я помѣшался.

— Что это?—спросилъ я, пятясь обратно.

Древній костелъ въ Климонтовѣ.

Мой спутникъ пожалъ плечами.

— Я говорилъ, что не стоитъ смотрѣть:—отхожее мѣсто у насъ тутъ!

Невзирая на вечеръ, комната была полна свѣта: въ многочисленныя окна ея съ разныхъ сторонъ виднѣлись Галиція, Висла, холмы Польши... И тутъ, въ лучшей, святѣйшей комнатѣ замка... клозеть!!!

Я едва поблагодарилъ обязательнаго начальника тюрьмы и не ушелъ, а почти побѣждалъ обратно. Мнѣ было стыдно и обидно; я испытывалъ то же, что человѣкъ, только что получившій пощину!

Можно быть дуракомъ, можно быть животнымъ, но соединять эти два качества да еще въ лицѣ, власть имущемъ, это уже сверх-

преступленіе! Я человекъ не злой, но заранѣе простилъ бы тѣхъ, кто замуравалъ бы на всю жизнь въ этотъ клозетъ гг. святотатцевъ, устранившихъ тюрьму.

Вечеромъ мы съ женою отправились въ синагогу.

Была пятница; всѣ лавки и магазины были закрыты; въ окнахъ домовъ свѣтились шабашевыя свѣчи; улицы были усыпаны черными фигурами принарядившихся мужчинъ, направлявшихся на молитву; женщинъ не виднѣлось ни одной—всѣ онѣ остаются дома и занимаются приготовленіемъ праздничнаго стола.

Синагога помѣщается во дворѣ, въ зданіи, словно вросшемъ въ землю и насчитывающемъ, по словамъ евреевъ, семьсотъ лѣтъ. У самыхъ дверей ея устроена площадка, судя по украшеніямъ на ней, исполняющая обязанности комнаты Марины въ замкѣ; внизу стѣны было пробито отверстіе для стока нечистотъ въ обрывъ, находящійся позади нея.

Какой-то мальчишка лѣтъ пятнадцати, ничто же сумняся, исполнялъ передъ множествомъ народа свои потребности. Увидавъ насъ, кто-то изъ стоявшихъ ближе евреевъ цыкнулъ на него, тотъ оглянулся, отскочилъ въ сторону и принялъ видъ пріятно прогуливающагося джентльмена.

По каменной лѣстницѣ спустились мы внизъ и очутились точно въ ульѣ, наполненномъ гудящими пчелами. Висячая люстра и множество зажженныхъ въ разныхъ мѣстахъ свѣчей освѣщали синагогу.

Мы пробрались въ уголокъ къ окну и усѣлись тамъ на деревянную скамью.

Кругомъ молились: черныя, бородатыя и безусыя фигуры въ картузахъ раскачивались, бормотали и выкрикивали слова молитвы; другіе сидѣли и разговаривали; по срединѣ синагоги возились подростки; какой-то рыжій пожилой еврей бросился усмирять ихъ: пнулъ одного ногой, съѣздилъ другого по затылку и опять забормоталъ молитву, кося, какъ боевой конь, воспаленными глазами на мальчишекъ, шумѣвшихъ уже въ другомъ углу. Нѣсколько только что появившихся юныхъ зѣвакъ пробрались поближе къ намъ и остановились, созерцая диковинное зрѣлище. Рыжій набросился на насъ и быстро обратилъ въ бѣгство и этихъ враговъ.

Гвалтъ, драка, молитва—все у этого народа мѣшается вмѣстѣ. Не мудрено, что Іегова за шумомъ и галдежомъ плохо слышитъ мольбы его!

На амвонѣ едва взобрался прикрытый полосатымъ талесомъ древній сѣдой старикъ-канторъ съ красными, какъ бы вывороченными вѣками поделѣповатыхъ глазъ. Слово битый горшокъ, प्रदेशа безжалъ его глухой голосъ; толпа отвѣтила повышеннымъ гуломъ.

Мы послушали нѣсколько минутъ и вышли. Была уже ночь... Темное небо вызвѣждало; городъ казался оцѣпенѣвшимъ; ничто не зашелохнуло на пустыняхъ улицъ, и только издалека, съ окраинъ, доносился собачій лай...

XVII.

Утромъ слѣдующаго дня мы уже катили въ бричкѣ по дорогѣ на Копржевицу.

Что можетъ быть лучше ѣзды на лошадяхъ?!...

Спора нѣтъ, заслуги желѣзныхъ дорогъ огромны, но какъ много красоты увезли съ собой въ вѣчность поѣзда, мчащіяся отъ одного края неба къ другому! Повсюду разставили они фабрики и заводы, закутали небо дымомъ, перерядили всѣхъ въ черные сюртуки, подогнали все подъ казарменный шаблонъ. Яркое, національное—вывезено и разставлено по музеямъ!

Дуль легкой вѣтерокъ; было свѣжо и радостно; со всѣхъ сторонъ набѣгали къ дорогѣ ароматныя волны пшеницы. Мѣстами зелень взгорковъ вспыхивала полымемъ: горѣли тысячи красныхъ маковъ, замѣняющихъ въ тѣхъ мѣстахъ наши скромныя голубыя васильки.

Одна за другою чередовались деревни съ ихъ синими хатками, ухоронившимися во фруктовыхъ садахъ. Первая остановка наша была въ Копржевицахъ, гдѣ мы осматривали знаменитое когда-то аббатство цистервовъ съ его древнѣйшими въ краѣ зданіями.

Верхъ колокольни костела состоитъ изъ гигантскихъ опрокинутыхъ каменныхъ рюмокъ; преданіе рассказываетъ, что архитекторъ долго ломалъ голову, не зная, какъ достойно закончить свое созданіе, и пріоръ, пируя съ нимъ, указалъ ему, смѣясь, на бокалы, въ изобиліи украшавшіе столъ ихъ.

Не стану описывать всѣхъ встрѣченныхъ по пути костеловъ и развалинъ: мы сдѣлали свыше двухсотъ верстъ на лошадяхъ и нѣсколькихъ томовъ не хватитъ, чтобы зарисовать все видѣнное нами.

Климонтовъ, Оссолинъ, Островець, Уяздъ, Опатовъ, Кѣльцы, Олькушь и т. д.—все это яркія тѣни минувшаго, безмолвно ожидающія своей близкой уже очереди отойти въ вѣчность. Величественны и хороши они... и какъ ничтожно и жалко все, что пришло на смѣну и тѣснить ихъ къ окончательному небытію!

Подъ всѣми костелами имѣются подземелья, и почти каждое изъ нихъ загромождено гробами и муміями. Особенно много ихъ въ Климонтовѣ.

Оссолинскіе, Тарлы, Хоткевичи, Опалинскіе, Любомирскіе, Сапѣги и пр., гдѣ вы? Оторвитесь на мигъ отъ скачекъ, рулетокъ и заграничныхъ виллъ и посмотрите, что сдѣлалось съ наслѣдіемъ дѣдовъ вашихъ!.. Но нѣтъ... шумъ жизни сильнѣе зова минувшаго...

XVIII.

Въ Олькуши мы прѣхали изъ Кѣлецъ по желѣзной дорогѣ, подѣ вечерь.

Отсюда намъ предстояло сдѣлать двадцать верстъ на лошадахъ до жемчужины Польши—Ойцова, гдѣ мы намѣревались прожить нѣсколько дней и отдохнуть послѣ безпрерывнаго кочеванія.

На станціи—маленькой и невзрачной—насъ обступила кучка извозчиковъ. Я сторговался съ однимъ изъ нихъ, усатымъ полякомъ; мы уложили въ бричку вещи, усѣлись въ нее съ женой и покатили.

Пань-кучеръ (въ Польшѣ, какъ извѣстно, всѣ паны: и графъ и сапожникъ одинаково величаются этимъ титуломъ) оказался необыкновенно словохотливымъ; по крѣпкому благоуханію виннымъ перегаромъ я понять, въ чемъ дѣло, и нельзя сказать, чтобы это открытіе порадовало меня: дѣло шло къ ночи, надвигалась гроза, дорога вилась по горамъ и буеракамъ и сверзиться съ бричкой и съ паномъ въ лучшемъ случаѣ въ канаву мнѣ не улыбалось.

Дорога становилась все хуже и хуже. Да не подумасть читатель, что руки человѣческія сдѣлали что-либо для ея улучшенія: просто-напросто окопали канавой полосу земли сажени въ три шириной и назвали это злоухищреніе дорогой.

Идетъ она то по зыбучимъ пескамъ, усѣяннымъ валунами въ голову человѣка, то по каменистымъ холмамъ, выставляющимъ иззубренные бока изъ обнаженныхъ, торчащихъ ребрами вверхъ известковыхъ плитъ. Бричка накренялась такъ, что всѣ многочисленные встрѣчные проѣзжіе должны были казаться другъ другу транспортами буйныхъ сумасшедшихъ: то вдругъ почтенныя на видъ дамы пудовъ по шести-семи вѣсомъ со шляпами на затылкахъ, визжа и лова воздухъ руками, бросались остервенѣло давить собственныя многочисленные картонки; то господа въ котелкахъ и панамкахъ взбрыкивали какъ телята ногами, бодали кучеровъ паннами и затѣмъ явно собирались покончить съ собой, выбросившись головами внизъ изъ таратаекъ.

Пань-кучеръ, какъ, впрочемъ, и почти всѣ католики, отличался большою набожностью: передъ каждымъ изъ огромныхъ черныхъ крестовъ, въ изобиліи попадавшихся намъ по пути, онъ снималъ шляпу, крестился и даже присѣдалъ, какъ бы желая стать на колѣни.

Черезъ нѣкоторое время жена стала беззвучно хохотать до того, что слезы выступили у нея на глазахъ.

На мой вопросъ, что съ нею, она закивала головой на спину возницы, и черезъ минуту я понять, въ чемъ дѣло: пана такъ ра-

зобрало, что онъ почтительно обнажалъ голову и присѣдалъ передъ верстовыми и всякими другими столбами.

Громадная сине-черная туча настигла насъ; сдѣлалось темно; крѣпко, словно стрѣлы, ударили въ землю первыя, рѣдкія и крупныя капли дождя.

Прогрохоталъ громъ.

Я раскрылъ большой зонть, и мы съ женой тѣсно прижались подъ нимъ другъ къ другу; дамскій зонтикъ прикрылъ наши ноги.

Хлыстнула ливень.

Мы перетянули подводу, покрытую брезентомъ и нагруженную, какъ телятами, молодежью; изъ-подъ брезента выглядывали оживленныя, смѣющіяся лица, раздавалась пѣсня.

Олькушъ.

На подорогѣ въ какомъ-то селѣ мы остановились подъ защитой громадныхъ деревьевъ; панъ-кучеръ соскользнулъ съ облучка и побѣжалъ «за папирсами» къ ближайшему домику съ ярко освѣщенными окнами.

Прошло нѣсколько минутъ—панъ не возвращался; дождь лилъ, какъ изъ ведра, надежды на скорое прекращеніе его не было; имѣлась надежда только на то, что нашъ панъ налижится окончательно и мы простои́мъ въ сырости до утра подъ деревомъ.

Я вылѣзъ изъ брнчки, разыскалъ пана, видимо, успѣвшаго подкрѣпиться еще стаканчикомъ, и, несмотря на необыкновенное краснорѣчіе его по поводу предстоящихъ опасностей дороги, заставилъ его взобраться на козлы. Панъ повздыхалъ, зачмокалъ на лошадей, и заманчивыя огни корчмы погасли во мракѣ.

Если бы Данте довелось въ свое время проѣхать въ такую же ночь по этой дорогѣ, онъ, несомнѣнно, включилъ бы ее въ свое путешествіе въ адъ.

Не было видно ни зги. Гдѣ находилась дорога, куда мы ѣхали— не зналъ и самъ возница. Лошади шли шагомъ. Встрѣчныхъ не попадалось ни души. Бричка поминутно накрепчалась такъ, что то я, то жена хватали и поддерживали другъ друга; надъ оврагомъ ли мы висѣли, надъ ровнымъ ли мѣстомъ—различить что-либо было невозможно.

Къ счастью, дождь наконецъ пересталъ итти. Панъ вдругъ затрукалъ и натянулъ вожжи; кони остановились.

— Что такое?—спросилъ я.

— А поле мое здѣсь...—заявилъ панъ, соскакивая на землю:— я сейчасъ...

Мы остались ждать.

Фигура пана исчезла въ темнотѣ; слышны были его неувѣренныя шаги, затѣмъ онъ грузно бухнулся на землю, пофыркалъ, какъ кашалотъ, и все стихло.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ появился позади насъ съ огромнѣйшею охапкою сѣна въ рукахъ.

— Мой клеверъ это... мой...—увѣрялъ онъ заплетающимся языкомъ, взваливъ сѣно на задокъ повозки и умащивая его тамъ.

И опять началось блужданіе во тьмѣ. Время тянулось невыносимо. Наконецъ какой-то слабый отсвѣтъ на небѣ показался съ правой стороны.

— Ойцовъ!—проговорилъ возница.

Насъ окружилъ лѣсъ; приблизительно черезъ часъ панъ снова слѣзъ съ козелъ и принялся прилаживать тормозъ: предстоялъ большой спускъ. Мы съ женой выбрались изъ экипажа и рѣшили итти пѣшкомъ.

Несмотря на недавній проливной дождь, каменистая дорога была суха; узкая полоса чуть бѣлѣла среди непроглядной тьмы глубокаго ущелья; лѣсъ черными зубцами обрисовывался на небѣ. Повозка наша громычала впереди, мы не торопясь осторожно шествовали за нею; спускъ падалъ внизъ чрезвычайно круто.

И вдругъ таинственный, зеленовато-синій огонекъ вспыхнулъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; дальше загорѣлся другой, третій... сотни ихъ засіяли кругомъ. Всѣ невзгоды пути разомъ забылись: передъ нами оживала сказка...

Внизу все свѣтлѣло и свѣтлѣло. Ясно можно стало различать могучія ели, словно безмолвные призраки обступившія дорогу; она вела прямо къ громадной косматой скалѣ, нависавшей надъ нами. Сильный электрическій фонарь, скрытый за поворотами, озарялъ ее; море деревьевъ, заполняющее дно ущелья, гдѣ очу-

тились мы, казалось синеватымъ отъ свѣта другихъ фонарей, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ.

Мы усѣлись въ бричку и покатили по ровно укатанному шоссе, вившемуся между высокими причудливыми скалами; онѣ выступали изъ мрака въ уборахъ изъ зелени; надъ ними, исчезая въ черной безднѣ неба, ярусами громоздились чудовищные обрывы и утесы. Декорація «Волшебнаго Стрѣлка» и другихъ фантастическихъ балетовъ—только слабая пародія красоты, обступившей насъ.

Панъ остановился у какого-то деревяннаго дома съ длинной крытой верандой и принялся стучать въ дверь.

Замокъ Казимира въ Ойцовѣ.

Было уже поздно. Все кругомъ казалось вымершимъ.

«Гостиница подь Локсткомъ», прочелъ я вывѣску, прибитую надъ верандой.

Еще нѣсколько минутъ, и мы очутились въ просторномъ, чистенькомъ номерѣ.

Какое необъятное наслажденіе тепло и добрая постель, читатель!

Утромъ, еще не одѣвшись, я бросился къ окну... Комната наша выходила во дворъ. За нимъ, какъ безчисленная рать, по отвѣснымъ кручамъ взбирался къ самому небу мохнатый еловый лѣсъ; то здѣсь, то тамъ его раздвигали суровые, бурые утесы.

Моросилъ дождь; конца ему не предвидѣлось. Мы напились кофе и отправились осматривать окрестности.

На зеленой лужайкѣ за гостиницей мы остановились. Много я изъѣздилъ на своемъ вѣку; знаю Крымъ, Кавказъ, Уралъ, и тѣмъ не менѣе представившаяся картина заворожила меня.

Мы, двѣ песчинки, были среди широкаго ущелья; изгибы обрывовъ его заливало море лѣса, всюду вставали чудовищной вышины известковыя кручи и утесы причудливыхъ очертаній. Даль замыкали мягко очерченныя вершины Карпатскихъ горъ. По свѣтло-зеленому дну ущелья извивается ручей; на берегахъ его разбросаны среди садовъ домики; вездѣ желтѣютъ дорожки для прогулокъ.

Ойцово знаменито и своей исторіей. Именемъ оно обязано Казимиру Великому, назвавшему его такъ потому, что въ одной изъ безчисленныхъ пещеръ его скрывался въ години невзгодъ отецъ Великаго—Владиславъ Локетокъ.

Желая ограничить безмѣрную власть и произволъ магнатовъ, польскій король сблизился съ простымъ народомъ и расширилъ права его. Возмущенные магнаты устроили въ 1300 году съѣздъ и послали торжественное посольство къ чешскому королю и предложили ему корону Локетка. Вячеславъ принялъ ее, и задавленный превосходствомъ силъ, маленькій, «съ локетокъ» король долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Крестьяне тщательно скрывали своего любимца въ дѣбряхъ отроговъ Карпатъ, и отсюда онъ дѣлалъ упорныя нападенія на чеховъ, кончившіяся въ 1306 году полнымъ торжествомъ маленькаго короля.

Мы разыскали проводника, высокаго старика-мазура съ бритымъ лицомъ и серебряными усами; онъ былъ очень хорошъ въ своемъ національномъ бѣломъ кафтанѣ съ красными обшлагами и воротникомъ и съ налкою въ рукѣ.

Мы свернули въ одно изъ боковыхъ ущелій и, миновавъ такъ называемую «Краковскую Брамъ» — двѣ гигантскія вывѣтрившіяся известковыя скалы, словно ворота охраняющія входъ въ ущелье, по извиистой лѣсной тропинкѣ стали подыматься въ гору.

Нельзя сказать, чтобы этотъ безконечный подъемъ доставилъ мнѣ что-либо похожее на удовольствіе; земля размокла и была такъ скользка, что то и дѣло приходилось хвататься за вѣтви деревьевъ и только при помощи ихъ выкарабкиваться на кручи; деревья привѣтствовали насъ потоками воды; лѣсъ какъ нарочно въ томъ мѣстѣ росъ буковый.

Семидесятилѣтній проводникъ, прямой и статный, какъ юноша, шелъ легкой походкой, словно по ровному полу, не замѣчая бѣдствій злополучныхъ горожанъ, обливавшихся потомъ. Для освѣженія я снималъ иногда шляпу, и отъ подкладки ея отдѣлялся паръ, какъ отъ чепрака хорошо проскакавшей лошади.

Минуть черезъ сорокъ пять мы взобрались на вершину горы; буковая чаща смѣнилась рѣдкимъ, могучимъ боромъ; итти стало

легко и пріятно. Тропка стала загибаться внизъ и привела къ притаившимся подъ вѣчной тѣнью угрюмыхъ елей обнаженнымъ скаламъ; ихъ разсѣкала узкая и глубокая щель. Доступъ въ нее перегораживала высокая деревянная рѣшетка.

Проводникъ отперъ дверцу, зажегъ свѣчи, и мы вступили въ убѣжище Локетка.

Тѣсный проходъ превратился въ громадную и высокую, полную мрака пещеру; огоньки свѣчей слабо освѣщали неровныя черныя глыбы, висѣвшія высоко надъ нашими головами; полъ усѣивали камни, свалившіеся когда-то сверху; и стѣны и своды— все было черно и все блестѣло отъ влажности. Тишина царила мертвая, бывающая только въ нѣдрахъ земли; изрѣдка нарушалъ ее легкій трескъ отъ паденія просачивавшихся гдѣ-то капель воды.

Слѣдомъ за проводникомъ мы обогнули выступъ одной изъ стѣнъ, углубились въ безконечно длинный коридоръ и проникли въ другой гротъ.

— Столовая короля,—сказалъ проводникъ, поднося свѣчу къ большому плоскому камню, находившемуся въ пещерѣ:—этотъ камень служилъ столомъ ему.

Изъ столовой ходъ велъ въ слѣдующій залъ—въ спальню Локетка. Кровать ему замѣняла огромная глыба, возвышающаяся въ видѣ катафалка въ глубинѣ пещеры. Часть ея откололась и отвалилась; старикъ сообщилъ, что произошло это по причинѣ раскопокъ, произведенныхъ у самаго камня: въ спальней было найдено множество костей пещерныхъ медвѣдей и при извлеченіи ихъ слишкомъ подкопали глыбу. Вышина и размѣры пещеръ—размѣры небольшихъ храмовъ.

Какъ жутко и какъ одиноко долженъ быть чувствовать себя въ нихъ король, зная, что жестокіе враги бродятъ въ поискахъ его, можетъ быть, тутъ же, надъ самой головой его, въ лѣсу на горахъ! Какъ напряженно вслушивался онъ въ вѣчную тишину и паденіе капели... Я старался вызвать въ себѣ тѣ ощущенія, что переживалъ онъ, и мнѣ почудилось, что самъ Локетокъ стоитъ гдѣ-то близко и слѣдитъ изъ тьмы за нами...

По дорогѣ въ спальню находится «кухня»: до сихъ поръ цѣлы прокопченный дымомъ очагъ и труба въ ней.

Осматривая стѣны пещеръ и извилистыхъ ходовъ между ними, я замѣтилъ на нихъ множество буро-бѣлесоватыхъ выпуклыхъ полосъ сталактита.

Дальнѣйшій ходъ изъ «спальни» заваленъ большимъ камнемъ: онъ круто велъ въ глубину и случались несчастія съ неосторожными посѣтителями. Развѣтвленія пещеръ идутъ подъ землей, по словамъ проводника, на четырнадцать верстъ; имѣлся еще третій выходъ наружу, но онъ теперь засыпался.

Мудрено было въ такомъ страшномъ подземномъ лабиринтѣ, да еще среди скалъ и дикихъ лѣсовъ, отыскать и захватить бѣглеца!

Изъ убѣжища Локетка проводникъ повелъ насъ другой дорогой... Моросить перестало; небо дало нѣсколько голубыхъ просвѣтовъ. Поднявшись немного въ гору, старикъ свернулъ на небольшую площадку, крутымъ мысомъ нависшую надъ ущельемъ.

Глубоко внизу за ковромъ лѣсовъ прихотливо разлеглась на днѣ пропасти долина; домики на ней казались совсѣмъ крохотными; словно взволнованный океанъ, дыбились со всѣхъ сторонъ горы и утесы. Смутными пятнами намѣчались вдали строенія Кракова: отъ Ойцова до него всего семнадцать верстъ.

Вторая, меньшихъ размѣровъ, пещера находится на противоположной сторонѣ ущелья и называется Ойцовской; всѣхъ пещеръ въ долинѣ свыше двухсотъ.

Отпустивъ проводника и возвращаясь къ гостиницѣ, я обратилъ вниманіе на высокую скалу, перегораживавшую ущелье, раздѣлявшееся въ томъ мѣстѣ на два рукава. На вершинѣ ея сѣрѣла башня и остатки стѣнъ замка Казимира.

Мы направились къ скалѣ, но она была отвѣсная, какъ стѣна; кое-гдѣ изъ расщелинъ ея тянулись кривыя деревья, лѣпились кусты.

Въ поискахъ тропки мы обогнули скалу и попали на дорогу, по которой пріѣхали ночью. Изъ ниши, выбитой въ буромъ известнякѣ, довольно высоко отъ земли, глянула на насъ статуя Мадонны.

Ни одной надписи, вырѣзанной или писанной, я не замѣтилъ въ Ойцовѣ. Это не Крымъ, куда разныя Мардаріи Синепузовы ѣздятъ, кажется, неключительно для того, чтобы съ ведрами красокъ лазить въ потѣ лица по камнямъ и изображать на самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ свою знаменитую фамилію.

Мы стали подыматься по дорогѣ: замокъ оказался расположеннымъ на кощѣ отрога горы, соединенномъ съ нею узкимъ, какъ хребетъ рыбы, длиннымъ перешейкомъ. Онъ обсаженъ старыми могучими буками, образующими тѣнистую аллею.

Что за красота виды, открывающіе влѣво и вправо отъ нея!

У самыхъ ногъ обрываются внизъ головокружительные провалы, выстланные зелеными коврами разныхъ оттѣнковъ; за ними, въ мохнатыхъ уборахъ лѣсовъ, встаютъ утесы и горы...

Казимиръ, въ сущности, не строитель, а только возобновитель замка, возведеннаго еще въ незапамятныя времена. Несмотря на неприступность мѣстоположенія, крѣпость нѣсколько разъ захватывалась непріателемъ и разрушалась. Много крови текло когда-то по этой аллеѣ... тысячи тѣлъ человѣческихъ падали въ пропасти съ обрывовъ... Мы прислушались: внизу, въ садахъ, шелкали и заливались соловьи.

Угрюмая сводчатая ворота подъ башней пропустили насъ во внутренній дворъ. Стѣны, огораживавшія его со стороны пропасти, лежали во прахѣ; видны были начатки работъ по реставраціи ихъ.

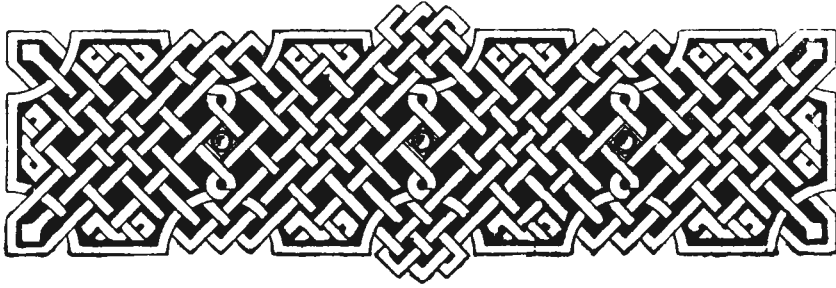
Въ надворотной башнѣ помѣщается музей—маленькій и бѣдный, но тотъ, кто устраивалъ его, устраивалъ всей душой, и это любовное, заботливое отношеніе къ дѣлу чувствовалось во всѣхъ мелочахъ.

Богатъ музей только зубами и черепами пещерныхъ чудовищъ; особенно любопытна въ немъ груда медвѣжьихъ костей и череповъ, заключенная въ сталактитовое наращеніе, спаявшее ихъ навѣки.

Не хотѣлось уходить изъ башни, жаль было оторваться отъ оконъ съ видомъ на даль! Но хмуря думы опять стали окутывать небо; горизонтъ завѣселся сѣтью дождя и надо было покинуть славное орлиное гнѣздо, царившее рядъ вѣковъ надъ долиной...

С. Р. Минцловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Выпускъ II. Подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1915. Стр. 1337. Цѣна 8 руб.

ВТОРОЙ томъ Вѣстника императорскаго общества ревнителей исторіи, великолѣпно изданный и снабженный сотнею иллюстрацій, дѣлаетъ честь и обществу, и редактору «Вѣстника», неутомимому М. К. Соколовскому.

«Вѣстникъ» начинается статьею предсѣдателя герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго «Въ Италіи сто лѣтъ назадъ». Статья, не претендуя быть первоисточникомъ, пересказываетъ въ сжатой формѣ капитальный трудъ М. II. Weil «Le Prince Eugène et Murat en 1813—1814». Но для русскихъ читателей эта статья имѣетъ нѣкоторый интересъ и твердо устанавливаетъ характеристику принца Евгенія, вице-короля Италіи, который никогда не любилъ ловить рыбу въ мутной водѣ и политическое поведеніе котораго несокрушимо выдерживаетъ всякую критику. Его девизомъ было—честь и постоянство.

Слѣдующими статьяміявляются воспоминанія донинѣ здравствующихъ членовъ общества—князя Н. В. Репнина и П. Н. Мамантова. Первый авторъ описываетъ свою службу въ кавалергардахъ 60 лѣтъ назадъ, а второй—свою службу полвѣка назадъ у статсъ-секретаря В. А. Татаринова, стоявшаго тогда во главѣ государственнаго контроля. Сообщаемыя черты въ характеристикѣ Татаринова очень любопытны; онѣ—мелки, но ихъ совокупность производитъ впечатлѣніе. Не боясь правды, онѣ были врагъ административнаго произвола,

не заискивалъ въ людяхъ и ревниво оберегалъ казенный мѣшокъ. Иначе говоря, онъ былъ на своемъ мѣстѣ, хотя многіе находили его черствымъ и жесткимъ.

Статья П. И. Бѣлавенца объ измѣненіяхъ россійскаго государственнаго герба лишній разъ доказываетъ, что даже гербовѣдніе въ царствованіе императора Николая I находилось въ рукахъ иностранцевъ: новые гербы были разработаны нѣкимъ Кене, выходцемъ изъ Германіи.

Хорошо разработана Е. И. Аренсомъ статья о Гангутскомъ боѣ, этомъ высококомъ образцѣ совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота. Выпукло выдѣляется на фонѣ разсказа фигура Великаго Петра, который, представляя неизсякаемый источникъ душевной бодрости, поспѣваетъ всюду, гдѣ въ немъ нужда.

В. П. Мегорскій разсказываетъ объ Олонецкихъ марціальныхъ водахъ при Петрѣ Великомъ, который считалъ ихъ полезными для себя. «Могу сказать,— писалъ Петръ,— что паче другихъ водъ, которыя мы двоимъ, а имянно: Пирамонтскія и Шпаданскія (Спа) употребляли, отъ сихъ пользу получили». Однако авторъ добавляетъ, что трудно рѣшить, отъ чего зависѣла эта польза,—отъ воды или отъ пребыванія на отдыхѣ въ мѣстности, отличающейся прекраснымъ воздухомъ.

Гр. К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ описываетъ событія, происходившія въ Отечественную войну у Бѣшенковичей, а К. А. Военскій, общепризнанный знатокъ этой эпохи, останавливается на двухъ эпизодахъ—пріѣздѣ Лористона въ Тарутинскій лагерь и изготовленіи англичанами платка съ памфлетами на Наполеона. Пріѣздъ Лористона излагается въ письмѣ неизвѣстнаго автора, письмо подписано только однимъ именемъ—Саша. Въ авторѣ письма мы видимъ человѣка, который въ душѣ склоненъ къ заключенію мира: «я не знаю, чего намъ желать; съ одной стороны, энергично веденная война могла бы намъ быть на пользу; но послѣдствія войны всегда сомнительны; притомъ же все то, что мы до сихъ поръ видѣли, не обѣщаетъ намъ многого въ будущемъ». Упомянутый же сатирическій платокъ, съ котораго приложенъ снимокъ, представляетъ большую рѣдкость и не упомянуть въ книгѣ Картерета.

Легко читается очеркъ П. И. Ковалевскаго объ имамѣ Шамилѣ, этомъ стойкомъ борцѣ за родныя горы и свою дикую волю.

А. В. Бородинъ во всеоружіи ссылокъ на первоисточники подробно разбираетъ вопросъ объ иноземцахъ въ рядахъ вооруженныхъ силъ Московскаго государства. Увы! И тогда Западъ перещеголялъ насъ въ военной техникѣ, и мы не могли обойтись безъ нѣмца. Приходилось звать «хитрыхъ мастеровъ», умѣвшихъ лить пушки и подступать къ городамъ.

А. Θ. Кони мастерски характеризуетъ состояніе русской науки при Петрѣ Великомъ и подробно цитируетъ сочиненіе Гибнера «Земноводнаго круга краткое описаніе».

Изслѣдованіе Т. О. Соколовской о капитулѣ Феникса, высшемъ тайномъ масонскомъ управленіи въ Россіи, является безспорнымъ украшеніемъ книги. Знатокъ прежняго русскаго масонства, авторъ тонко разбирается въ документахъ, имъ впервые открытыхъ, и художественно ведетъ свой анализъ. Это вкладъ въ исторію масонства, ибо прежніе изслѣдователи масонства о капитулѣ (истор. вѣстн.), апрѣль 1916 г., т. схлѣв.

тулѣ Феникса говорили 2—3 строки, а г-жа Соколовская написала 100 страницъ. Съ любовью и вдумчивостью приведены иллюстраціи, причемъ впервые воспроизведены портреты С. С. Лапского въ молодости, Р. С. Степанова, И. В. Бсбера, Е. Е. Эллизена. Каждая иллюстрація ясно и точно разъяснена; авторъ, прекрасно разбирающійся въ масонскихъ эмблемахъ и знакахъ, сообщаетъ, что именно означаетъ тотъ или иной знакъ, а не прибѣгаетъ, какъ это дѣлають другіе писатели и издатели, къ расплывчатому именованію «масонскій знакъ» или «масонская эмблема».

Интересны: масонскій гербъ князя М. П. Баратаева, его масонскій дипломъ, гресло мастера, рукоять меча, корона, заставки, виньетки. Изслѣдованіе аргументировано многочисленными примѣчаніями и приложеніями и въ области исторіи масонства представляетъ первый подобный трудъ въ Россіи.

А. Д. Григорьевъ повѣствуетъ о мурманскомъ инокъ-архимандритѣ Ионафанѣ.

Въ заключеніе еще разъ привѣтствуемъ редактора «Вѣстника г. Соколовскаго, благодаря трудамъ котораго» общество, существующее всего пятый годъ, выдвигается въ рядъ видныхъ научныхъ обществъ и занимаетъ среди нихъ почетное мѣсто.

А. О.

А. Кизеветтеръ. Историческіе отлики. Москва. МСМХV г. Изд. К. Ф. Некрасова. Стр. 390. Ц. 2 р. 50 к.

Книга представляетъ рядъ очерковъ, написанныхъ въ разное время на различныя юбилейныя темы. Почти половину всего сборника занимаетъ обстоятельный очеркъ, посвященный извѣстному дѣятелю александровскаго царствованія Ѳ. В. Ростопчину. Авторъ даетъ богатую, всестороннюю характеристику, разсматривая его, какъ политика, администратора, публициста, и оцѣнивая со стороны нравственныхъ его качествъ. «И до настоящаго времени,—говоритъ г. Кизеветтеръ,—личность Ростопчина вызываетъ страстныя сужденія, далекія отъ хладнокровной оцѣнки. Чѣмъ объяснить это явленіе? Разсуждая отвлеченно, на этотъ вопросъ можно ожидать одинъ изъ двухъ отвѣтовъ: либо Ростопчинъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ крупныхъ личностей, которыя всегда будутъ волновать воображеніе людей, либо онъ воплотилъ въ себѣ какой-нибудь общественный типъ, не вымершій и до нашихъ дней». Изучая дѣятельность Ростопчина и его политическія и социальныя воззрѣнія, авторъ приходитъ къ выводу, что «Ростопчинъ—отдаленная эмбріональная форма современныхъ намъ истинно-русскихъ приверженцевъ самодержавія съ рабей идеологіей, но съ крамольническимъ темпераментомъ, готовыхъ съ пѣною у рта отстаивать абсолютную власть монарха, но лишь въ виду увѣренности въ томъ, что эта абсолютная власть можетъ служить не иначе, какъ интересамъ именно ихъ группы» (стр. 105—106). Для Ростопчина «идеаломъ было политическое и социальное рабство духовно независимыхъ гражданъ».

Что касается даровитости Ростопчина, то хотя она и наблюдается, однако это «незурядный человекъ малаго размѣра».

Авторъ охотно пользуется для подкрѣпленія своихъ выводовъ ссылками на мемуары, но не всегда приводитъ тѣ цитаты, которыя убѣдили его въ справедливости своего наблюденія. Съ другой стороны, выдержки, которыя даются, не всегда доказываютъ то, ради чего онѣ приводятся авторомъ. Такъ, въ доказательство того, что у Ростопчина было очень ядовитое перо, читателю предлагается такая цитата: «Это—Решинъ, Куракинъ, Румянцовъ Николай, Сиверсъ. Вы знаете всѣхъ этихъ господъ. Первый, какое бы мѣсто онъ ни занималъ, достоинъ играть главную роль въ переднихъ и ползать вмѣсто того, чтобы ходить прямо. Второй—такой болванъ, что слѣдовало бы ему быть нѣмецкимъ принцемъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣнй, или же идоломъ у дикарей. Третій—безхарактерный, тщеславный, неспособный и французъ въ душѣ, можетъ быть только придворнымъ бревномъ и болтать вздоръ съ утра до вечера» и т. д. (стр. 45). Профессоръ Кизеветтеръ замѣчаетъ: «поистинѣ трудно въ столь немногихъ строкахъ вышутить изъ-подъ пера столько яда». Намъ кажется, что въ вышеприведенной цитатѣ больше грубости, чѣмъ яда. Вообще мемуарами, этимъ ненадежнымъ источникомъ, авторъ пользуется не всегда осторожно и склоненъ иногда очень имъ довѣрять, хотя бы, на примѣръ, и «такому издавшему виды наблюдателю, какъ Варнгагенъ-фонъ-Энзе» (стр. 34). Въ дальнѣйшемъ выводы автора сводятся къ слѣдующему:

«Въ своей политической дѣятельности Ростопчинъ не обладалъ глубиной государственной мысли, способной привлекать къ себѣ вниманіе людей долго спустя послѣ того, какъ политическій дѣятель и все имъ содѣянное уже отошли въ область исторіи».

Даровитость Ростопчина сказалась главнымъ образомъ въ своеобразныхъ приемахъ его административной практики. Въ качествѣ политика дальновидностью онъ не обладалъ. Противоанглійская кампанія, напр., была задумана Павломъ не безъ участія Ростопчина. Въ запискѣ, поданной имъ Павлу въ сентябрь 1800 года, Ростопчинъ категорически настаиваетъ на разрывѣ съ Англійей, соблазняя императора фантастической перспективой раздѣла Турціи при помощи Франціи и Пруссіи. Записка эта поражаетъ легкомысленнымъ дилеттантизмомъ сужденій по вопросамъ первостепенной важности. Самъ Ростопчинъ, однако, былъ высокаго мнѣнія о своихъ государственныхъ заслугахъ. Онъ серьезно думалъ, что паденіемъ Наполеона Европа обязана именно ему. «Я спасъ имперію», писалъ онъ Александру.

Не высоко ставить авторъ и административную дѣятельность Ростопчина. Можно считать доказаннымъ, что «въ дѣлѣ очищенія Москвы передъ приходомъ непріятели Ростопчинъ проявилъ полную нераспорядительность». Характеръ его административныхъ приемовъ виденъ изъ его собственныхъ словъ по поводу первыхъ шаговъ въ должности московскаго генералъ-губернатора: «двухъ дней мнѣ достаточно было, чтобы бросить пыль въ глаза и убѣдить большую часть жителей Москвы, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду».

По остроумному сопоставленію автора, «Ростопчинъ, подобно Кутузову, очень дорожилъ репутаціей хитреца и лаврами искуснаго актера на административномъ посту, но разница заключалась въ томъ, что Кутузовъ считалъ вопросомъ чести обмануть врага своего народа, а Ростопчинъ сводилъ

свою задачу къ тому, чтобы обманывать самый этот народъ, скрывая отъ него истинное положеніе дѣлъ, не довѣряя его энтузіазму» (стр. 176).

Авторъ всюду стремится сохранить строго объективный тонъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Ростопчина и въ этомъ стремленіи договаривается иной разъ до курьезныхъ предположеній. Рассказывая, напр., о возмутительномъ хищеніи Ростопчинымъ богатаго магазина въ Москвѣ послѣ ухода французовъ, г. Кизеветтеръ вызываетъ недоумѣніе въ читателѣ неожиданнымъ замѣчаніемъ: «очень возможно, что въ этихъ поступкахъ Ростопчина проявилось не корыстолюбіе, а просто желаніе украсить (?) свой домъ нарядными вещами» (стр. 124). Недоумѣніе читателя остается не разъясненнымъ, несмотря на дальнѣйшее поясненіе автора, что это хищеніе «не мѣняеть, однако, сущности дѣла: произвольнаго присвоенія себѣ Ростопчинымъ не принадлежавшаго ему имущества».

Довольно высоко проф. Кизеветтеръ ставитъ литературную дѣятельность Ростопчина, но не какъ художника, ибо хотя послѣдній и «любилъ щеголять народными реченіями», но «его отнюдь нельзя причислить къ народнымъ писателямъ. Щеголять народными «словечками»—еще не значить усвоить и передать духъ и строй народной рѣчи»; духовнаго же единенія съ языкомъ крестьянской массы у него не было. Авторъ цѣнитъ публицистическія произведенія Ростопчина, его бойкіе, ѣдкіе памфлеты, которые пользовались шумнымъ успѣхомъ, въ чемъ нельзя, по мнѣнію г. Кизеветтера, «не видѣть доказательства талантности ихъ сочинителя» (стр. 60).

Нравственный обликъ Ростопчина получился въ книгѣ довольно мрачнымъ. Но все настолько солидно документировано, что возразить нечего. Чтобы покончить рѣчь объ этомъ очеркѣ, упомянемъ еще, что г. Кизеветтеръ считаетъ непричастность Ростопчина къ московскому пожару установленной, въ виду опубликованнаго (въ Трудахъ яросл. арх. ком.) письма графа къ женѣ отъ 11-го сентября 1812 г., гдѣ между прочимъ говорится: «моя мысль поджечь городъ была бы полезной до вступленія злодѣя, но Кутузовъ меня обманулъ, и, когда онъ занялъ позицію въ шести верстахъ на канунѣ отступленія отъ Москвы, было уже поздно. Французы ничего не нашли въ Москвѣ, но они могутъ сказать, что они ее ограбили и сожгли» (стр. 182). «Итакъ,—замѣчаетъ г. Кизеветтеръ,—Ростопчинъ здѣсь сожалееть, что не онъ сжегъ Москву. Это письмо въ высшей степени цѣнно, какъ совершенно интимное признаніе женѣ, не предназначавшееся для огласки и притомъ сдѣланное по самымъ горячимъ слѣдамъ событій»...

Изъ остальныхъ очерковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, слѣдуетъ отмѣтить «Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Ромапова», гдѣ авторъ, полемизируя съ проф. С. Ѳ. Платоновымъ, пытается доказать, что вопросъ объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича нельзя еще признать снятымъ съ очереди. Очеркъ «Русское общество и реформа 1861 г.» уясняетъ читателю, какъ передъ освобожденіемъ крестьянъ прежняя борьба западничества и славянофильства смѣнялась «борьбой либеральнаго конституціонализма, демократическаго радикализма и социалистическаго народничества», и какъ реагировала на слухи объ освобожденіи провинція. Въ очеркѣ «Николай Алексѣевичъ

Милютинъ» авторъ даетъ біографическія свѣдѣнія и характеризуетъ міровоззрѣніе этого извѣстнаго дѣятеля освободительной эпохи, причемъ указываетъ, что «Милютина нельзя характеризовать, какъ сторонника просвѣщеннаго абсолютизма и какъ принципиальнаго противника представительной формы правленія. Характерная особенность его воззрѣній заключалась лишь въ томъ, что необходимой предпосылкой какихъ бы то ни было усовершенствованій государственнаго строя онъ считалъ реформу социальныхъ отношеній на демократическихъ началахъ».

Далѣе идетъ очеркъ «Борьба за земство при его возникновеніи»; затѣмъ коротенькія замѣтки «Московскій университетъ и его традиціи», «Т. Н. Грановскій», «Герценъ, какъ политикъ и мемуаристъ», и въ заключеніе два живыхъ и интересныхъ очерка о В. О. Ключевскомъ. Б. В.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Изданіе «Задруги» и К. Ф. Некрасова. Стр. 265. Ц. по подпискѣ за три тома 21 р. Т. II подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.

Второй томъ, какъ и первый, является сборникомъ статей различныхъ авторовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ читающей публикѣ своими трудами по исторіи. Не связанные тенденціей и программностью и широко пользуясь предоставленною редакціей полною свободою для высказыванія своихъ взглядовъ, авторы статей освѣщаютъ сложный вопросъ о масонствѣ каждый по своему, такъ что въ пристрастіи редакцію сборника никакъ укорить невозможно, и чтеніе сборника для широкой публики представляетъ разнообразный интересъ. Не пожалѣла редакция потратиться на иллюстраціи. Изъ приложенныхъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ нѣкоторые очень интересны и хорошо воспроизведены. Однако отмѣченная еще для перваго тома большая ошибка по части иллюстрацій, къ большому сожалѣнію, вновь повторяется. Подборъ рисунковъ носитъ совершенно случайный характеръ, рисунками не иллюстрируется текстъ; они идутъ сами по себѣ, а текстъ самъ по себѣ. Это, слѣдуетъ замѣтить, очень и очень большой промахъ составителей, потому что въ символическомъ ученѣ, каковымъ было масонское ученіе, рисунки не являются роскошью, а необходимостью. Сами масоны называли ученіе свое іероглифическимъ, символическимъ, языкомъ ока, и масонскія символическія изображенія часто дополняютъ недосказанное письменными памятниками. Въ иллюстраціонной части, кромѣ того, замѣчается большая небрежность, такъ, напримѣръ, виньетка ложки Ураніи и знакъ пламяющей звѣзды воспроизведены наоборотъ. Воспроизведенный портретъ Жеребцова не вѣренъ, это портретъ не Александра Александровича, а Александра Алексѣевича Жеребцова. Общимъ правиломъ въ подписяхъ подъ изображеніями редакція придерживается уже ранѣе отмѣченнаго, нежелательнаго порядка, а именно—нѣтъ точнаго опредѣленія, что такое представляетъ воспроизведенный предметъ или рисунокъ, а изъ немногихъ подписей, представляющихъ исключеніе изъ принятаго порядка, многія невѣрны. Такъ, напримѣръ, на 11 стр. изображены не столбы на масонскомъ коврѣ, какъ гласитъ подпись,

а жезлы, которые носились въ масонскихъ процессіяхъ. На первый взглядъ, нѣкоторыя красивыя концовки, составленныя изъ масонскихъ предметовъ, при разборѣ ихъ удивляютъ полнымъ отсутствіемъ знакомства лица, ихъ составлявшаго, съ языкомъ масонскихъ символовъ: соединено—несоединимое. Очень желательно, чтобы въ третьемъ томѣ этого все же интереснаго и недорогого сборника было обращено должное вниманіе на иллюстраціонную часть, ибо, повторяю, она не роскошь, а необходимость.

Т. Соколовская.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 32-й. 1915. Саратовъ. 1915. Стр. I+V+284. Цѣна 2 рубля.

Наиболѣе цѣнной частью настоящаго выпуска трудовъ саратовской архивной комиссіи слѣдуетъ признать продолженіе (изъ выпуска 30-го) словаря «саратовцевъ писателей и ученыхъ», составленнаго С. Д. Соколовымъ. Здѣсь находимъ, между прочимъ, біографіи профессоровъ Кипарисова, Костомірова и Лопухина и многихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, къ сожалѣнію, не достаточно извѣстныхъ внѣ предѣловъ своей губерніи, какъ, напримѣръ, С. С. Красподубскаго, А. А. Кулакова, А. А. Лебедева, А. Ф. Леопольдова и друг. Словарь этотъ, тщательно составляемый, къ сожалѣнію, имѣетъ нѣкоторыя чисто внѣшніе недостатки. Такъ, прежде всего, его слѣдовало бы снабдить особой нумераціей, чтобы по окончаніи изданія его можно было переплести стдѣльной книгой. Затѣмъ обозначеніе страницъ иногда совершенно произвольно, такъ послѣ стр. 234 идетъ стр. 135, дальше 136, потомъ 127, 238, 239, 130, 231, 132—136, 127, 238 и т. д.,—путаница невозможная.

Изъ другихъ статей особаго вниманія заслуживаютъ отчеты объ археологическихъ раскопкахъ, произведенныхъ членами комиссіи А. А. Кротковымъ, С. А. Щегловымъ и княземъ А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Наболѣе интересенъ отчетъ А. А. Кроткова, который (вмѣстѣ съ П. Н. Шишкинымъ) раскапывалъ городище Увекъ. Автору удалось найти нѣсколько весьма любопытныхъ женскихъ погребеній съ предметами, удачно иллюстрируемыми при помощи извѣстій Плано Карпини, Рубрука и другихъ источниковъ. Къ статьѣ приложенъ рядъ рисунковъ какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ. Г. Зайковскій даетъ содержательный историческій очеркъ древняго городища на правомъ берегу Волги, въ семнадцати верстахъ выше Царицына. Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, удачно полемизируетъ съ русскими переводчиками Олеарія, принимавшими упоминаемый имъ Zareff-gorod за Сарай.

Изъ архивныхъ матеріаловъ выпуска наболѣе обстоятельны статья Г. А. Скворцова о саратовскомъ высочайше учрежденномъ секретномъ совѣщательномъ комитетѣ по дѣламъ о раскольникахъ, сектантахъ и отступникахъ отъ православія. Къ сожалѣнію, авторъ обратилъ мало вниманія на то, чтобы сообщить своей работѣ интересное изложеніе.

Въ истекшемъ году комиссія понесла двѣ тяжелыя утраты въ лицѣ августѣйшаго покровителя великаго князя Константина Константиновича и энергичнаго правителя С. А. Щеглова.

М.

The Tale of the armament of Igor. A Russian historical Epic. Edited and translated by Leonard A. Magnus. Oxford University Press. 1914. Pp. LXIII+24+71. Price 6 sh.

Англичане дѣятельно взялись за ознакомленіе съ русской литературой: въ то время, какъ ихъ литераторы переводятъ лучшія произведенія нашей новой литературы, ихъ филологи принимаются за переводъ памятниковъ нашей древней письменности. Примѣромъ такого рода работъ можетъ служить лежащій передъ нами переводъ «Слова о полку Игоревѣ», сдѣланный въ учебномъ изданіи оксфордскаго филологическаго общества. Оно распадается на слѣдующія части: 1) введене, гдѣ авторъ даетъ исторію рукописи этого произведенія, и очеркъ современной «Слову» географіи и исторіи Россіи съ картой и таблицами родословныхъ князей, 2) самый текстъ «Слова»—русскій съ англійскимъ параллельнымъ переводомъ съ различеніями по разнымъ извѣданіямъ «Слова», 3) примѣчанія къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ текста и 4) исчерпывающую по своей полнотѣ библиографію, касающуюся этого памятника.

Англійскій переводчикъ и комментаторъ «Слова» г. Леонардъ Магнусъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ превосходное знаніе древне-русскаго языка и обширную начитанность въ соотвѣтственной литературѣ. Его переводъ текста совершенно точенъ, комментаріи свободны отъ ошибокъ, догадки иногда очень остроумны. Словомъ,—это превосходное изданіе, которое дѣлаетъ честь англійскому филологу.

А. В.

Памятники міровой литературы. Творенія славянъ. Сербскій народный эпосъ. Пер. Н. М. Гальковского. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. XXIV+377. Цѣна 2 р. 75 к.

Думается, что потрясенія, испытываемая теперь почти всей Европой, отразятся на насъ, русскіхъ, между прочимъ, толчкомъ къ... славяновѣднію. Самая жизнь даетъ намъ сейчасъ наглядные уроки о галичанахъ и чехахъ, о Сербіи, Черногоріи и Болгаріи. И вышеназванный сборникъ г. Гальковского привлечетъ въ эту минуту вниманіе не однихъ заядлыхъ книголюбовъ, а и разнообразный многоголовый читатель заглянетъ въ народный эпосъ нашего столь страдающаго союзника въ великой войнѣ.

Много жестокости и кровавости въ старыхъ сербскихъ пѣсняхъ. Слово ихъ не отмѣчено художественною изощренностью. Но и тамъ и сямъ явна въ сербскомъ эпосѣ дѣвственная внутренняя красота. Выдержана напр., особая, нѣжная подчасъ, поэтичность и въ пьесѣ—«Діаконъ Стефанъ и два ангела», и въ сказаніи «Царь Константинъ и юный самоучка», гдѣ такъ сурово расцѣниваютъ грѣхи.

Хмелень и вѣчно драчливый любимый герой эпоса—Маркъ Кралевичъ. Но, видимо, въ немъ не глухнетъ безъ слѣда внушеніе матери (тутъ вспоминаются наставленія родителей и нашему Ильѣ Муромцу):—«Не губи души, родное чадо; лучше жизни, головы лишиться, чѣмъ сгубить грѣхомъ—неправдой душу».

Въ книгѣ г. Гальковского проведены такіе отдѣлы: Пѣсни древнѣйшія и мнѳологическія. Коссовскія пѣсни. Пѣсни о Маркѣ Краевичѣ. Пѣсни позднѣйшія (здѣсь встрѣчаются уже и «Московскіе подарки и турецкіе отдарки», и «Походъ босняковъ на Москву».

Доброжелательство къ Россіи въ сербской пѣсни выражено рельефно. «Москвичи вѣдь храбрые юнаки, воевать помочь они намъ могутъ».

Приложенъ къ сборнику г. Гальковского и «Краткій историческій очеркъ Сербіи». Полагаемъ, что книгѣ этой, вездѣ литературно-благообразной, успѣхъ обезпеченъ. Передача г. Гальковского, быть можетъ, не довольно ярка, чуть-чуть и холодновата мѣстами. Но, въ общемъ, она охватываетъ читателя поэтической оцутимостью.

А. Налимовъ.

М. Жерлицынъ. Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса. 1915. Стр. XV + II + 300. Цѣна 2 рубля.

А. Г. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Изданъ подъ редакціей и наблюденіемъ профессора А. В. Михайлова. Варшава. 1915. Стр. X + 290. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Оба автора выступаютъ, по ихъ словамъ, впервые съ работами научнаго характера. И та, и другая работа продѣланы для университета. Вторая подъ прямымъ наблюденіемъ профессора. Значеніе работъ не одинаково цѣнно въ историко-литературномъ отношеніи: работа г. Жерлицына—изслѣдованіе, задача г. Руднева скромнѣе—изложеніе взглядовъ Тихонравова въ области исторіи древне-русской литературы. Но слѣдуетъ отъ души привѣтствовать появленіе обѣихъ работъ, весьма показательно свидѣтельствующихъ о ростѣ нашей университетской культуры, о стремленіи преподающихъ цѣлесообразно использовать молодыя силы, о серьезномъ методологическомъ подходѣ къ дѣлу.

Коснемся вкратцѣ содержанія той и другой книги.

Г. Жерлицынъ остановился на старой, но всегда какъ-то новой темѣ о романтизмѣ. Въ этой обширной области авторъ остановилъ свой выборъ на романтизмѣ англійскомъ въ лицѣ его выдающагося представителя и теоретика—Самуэля Тэйлора Кольриджа. Въ Россіи этого писателя знаютъ только какъ автора баллады «Старый морякъ», другія же прекраснѣйшія созданія его извѣстны болѣе по наслышкѣ. Такимъ образомъ, передъ г. Жерлицынымъ обозначилась пріятная перспектива раскрыть ихъ очарованіе для насъ, русскихъ. Но онъ исполнилъ не только эту задачу. Имя Кольриджа до сихъ поръ у историковъ литературы вызываетъ различное къ себѣ отношеніе: у однихъ признанія, у другихъ—отрицанія. Идя путемъ сравнительно-историческаго метода, г. Жерлицынъ «пытается» опредѣлить роль Кольриджа въ исторіи англійскаго романтизма. Намъ лично чрезвычайно понравилось разрѣшеніе г. Жерлицынымъ своей задачи. Не принимая никакой апріорной формулы романтизма, онъ разсматриваетъ тѣ многообразныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась духовная личность англійскаго поэта. Вслѣдъ за тѣмъ онъ рассказываетъ біографію Кольриджа, а въ двухъ послѣднихъ главахъ

подвергаетъ изслѣдованію поэтику его и характеризуетъ самую поэзію его и англійскій романтизмъ. Кольриджъ далъ «лучшіе образцы чистой романтической поэзіи» и былъ «апостоломъ національной литературной традиціи», съ другой стороны—онъ лучшій теоретикъ англійскаго романтизма и «геніальный реформаторъ англійской поэзіи»; англійскій же романтизмъ—«литературное теченіе съ теоретическимъ обоснованіемъ, выдвинувшее въ качествѣ регулятивнаго принципа художественнаго творчества воображеніе, въ противовѣсъ разуму и чувству классическаго и сентиментальнаго теченій». Написана книга г. Жерлицына хорошимъ литературнымъ языкомъ, сжато и выразительно.

Книга, написанная г. Рудневымъ, состоитъ изъ біографическаго очерка Н. С. Тихонравова, общей характеристики умственныхъ теченій сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ и, наконецъ, изъ «обозрѣнія» въ хронологическомъ и групповомъ (рецензіи и разборы, критическія изданія текстовъ, монографіи) порядкѣ трудовъ знаменитаго изслѣдователя по части исторіи древне-русской литературы. Біографія написана довольно формально, безъ претензій на психологическій анализъ личности, на основаніи исключительно печатныхъ источниковъ. Посему болѣе цѣннымъ представляется систематическій обзоръ работъ Тихонравова. При своей несомнѣнной добросовѣстности, эта часть книги можетъ служить отличнымъ руководствомъ для первоначальнаго знакомства съ трудами Тихонравова по древне-русской литературѣ, тѣмъ болѣе, что сочиненія его скоро станутъ настоящею библиографическою рѣдкостью.

Влад. Княжичъ.

Д. Н. Егоровъ. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. 1. Матеріаль и методъ. Москва. 1915. XI+567+приложеніе. Registum Raseburgense a. 1229—1230. Стр. 54. Ц. 4 р. Томъ II. Процессъ колонизаціи. Москва. 1915. Стр. XXVII+614. 2 карты. Ц. 5 р.

Диссертація Д. Н. Егорова касается одного изъ любопытныхъ вопросовъ средневѣковой исторіи, одинаково интереснаго и для историка Запада и для историка славянства, того *Drang nach Osten* германцевъ, который они якобы произвели въ XII—XIII столѣтіяхъ съ цѣлью покоренія и обращенія въ христіанство прибалтійскихъ славянъ и который, по мнѣнію едва ли не всѣхъ историковъ, окончился полной побѣдой германизма. Произошло якобы полное вытѣсненіе славянъ (*eiectio Slavorum*) Мекленбурга и Поморья, и мѣсто этихъ частью перебитыхъ, частью вытѣсненныхъ туземцевъ заняли нѣмцы. Д. Н. Егоровъ задался цѣлью пересмотрѣть это сдѣлавшееся почти каноническимъ утвержденіе и пришелъ къ важнымъ и неожиданнымъ выводамъ, результаты которыхъ и изложены въ вышеназванномъ обширномъ трудѣ.

Такъ какъ всѣ историки, говорящіе о вытѣсненіи славянъ, въ конечномъ итогѣ восходятъ къ утвержденію Гельмольда, категорически утверждающаго этотъ фактъ, то прежде всего нужно было выяснитъ достовѣрность и значеніе показаній этого историка. Это и составляетъ задачу первой половины перваго тома. Путемъ тщательной интерпретаціи текста автору удалось доказать «би-

бюрократизмъ» Гельмольда и другихъ средневѣковыхъ хронистовъ. Та пресловутая «правдивость», которая, по мнѣнію большинства историковъ, является ихъ характерной чертой, особенно неоспоримой у захолустнаго нѣмецкаго священника, будто бы, не мудрствуя лукаво, описывавшаго то, что онъ видѣлъ и узнавалъ, при ближайшемъ анализѣ оказалось мифомъ. Кругозоръ Гельмольда, правда, не очень широкъ, но это является его недостаткомъ, а не достоинствомъ, стоя въ противорѣчій съ его стремленіями. Если объ имперскихъ событіяхъ онъ старается судить не съ точки зрѣнія своего мѣстнаго крайняго патриотизма, а съ болѣе широкой точки зрѣнія, то эта точка зрѣнія очень специфическая: она состоитъ въ стремленіи истолковывать всѣ событія для вѣщей славы римской церкви. Исторія его не столько хроника славянъ, сколько церковная исторія или исторія обращенія язычниковъ; и съ этой точки зрѣнія онъ не всегда считается съ фактами: то, что у его источника, Адама Бременскаго, или въ житіяхъ святыхъ выражается какъ надежда или пожеланіе, для него является дѣйствительнымъ фактомъ. Документальные источники имъ все время игнорируются, а постоянныя безыменные ссылки на свидѣтелей событій не имѣютъ никакого значенія, являясь лишь литературнымъ украшеніемъ, привычка къ которому была приобрѣтена имъ въ школѣ. Школѣ же Гельмольдъ былъ обязанъ своимъ знакомствомъ съ Библіей, цитаты и реминисценціи изъ которой часто и, можетъ быть, безсознательно для него самого встрѣчаются едва ли не на каждой страницѣ его труда; къ нимъ принадлежитъ и то «изверженіе славянъ», которое ранѣе принималось за чистую монету; въ дѣйствительности все описаніе этого «изверженія» представляетъ сколокъ съ завоеванія евреями земли обѣтованной. Но разъ оказалось подорваннымъ въ корнѣ все значеніе показаній Гельмольда, то для воссозданія дѣйствительныхъ взаимоотношеній между славянами и германцами въ XII—XIII в.в. нашему изслѣдователю пришлось искать другого источника. Этимъ источникомъ является Десятиный Списокъ 1229—1230 г.г. ратцебургской епархіи, ленная записъ, значеніе которой простирается на весь XIII вѣкъ. Такъ какъ до сихъ поръ этотъ списокъ не былъ изданъ удовлетворительнымъ образомъ, то Д. Н. Егорову пришлось дать его въ приложеніи къ первому тому въ видѣ точной литографской копій. Этотъ списокъ съ его многочисленными именами участковъ земли и ихъ владѣльцевъ является исходной точкой для опредѣленія размѣровъ и направленія колонизаціи въ славянскія земли. Богатымъ матеріаломъ для пополненія и провѣрки его данныхъ служатъ нашему автору граматы, притомъ граматы крайняго, въ которыхъ сородичи являются свидѣтелями даже и въ случаѣ ихъ далекаго переселенія. Такое родовое сосвидѣтельство приводитъ изслѣдователя къ необходимости изученія генеалогическаго матеріала. Послѣдній наиболѣе важенъ для дворянской и бюргерской миграціи. На ряду съ генеалогіей имѣетъ значеніе ситиллографія и геральдика. Всѣ указанныя дисциплины, помимо возможности часто опредѣлить распространеніе и происхожденіе тѣхъ или иныхъ родовъ, важны и потому, что даютъ возможность разобратъ въ мѣстной топономастикѣ. Часто то или иное названіе мѣстности, искаженное германизаціей или латинизаціей, при помощи данныхъ геральдики или сфрагистики возможно, по мнѣнію автора, раскрыть въ его первоначаль-

номъ славянскомъ видѣ. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе перваго тома. Мы не будемъ входить въ детальное разсмотрѣніе тѣхъ методовъ и оговорокъ, которые авторъ считаетъ необходимымъ примѣнить при разсмотрѣніи всего указанного матеріала, а отмѣтимъ лишь, что онъ послѣдовательно подчеркиваетъ, что цѣнные результаты можетъ дать только постоянный перекрестный допросъ всего имѣющагося налицо матеріала и притомъ съ строгимъ соблюденіемъ исторической перспективы. Разсмотрѣніемъ этого комбинированнаго метода и открывается второй томъ, посвященный примѣненію указанного матеріала и пріемовъ къ даннымъ Десятичнаго Списка. Основную часть книги составляетъ детальный, часто утомительный для читателя, но неизбѣжный и дающій важные результаты анализъ данныхъ Списка и ихъ постоянная проверка и дополненіе всѣми имѣвшимися у автора побочными данными. Изъ этого анализа вытекаютъ общіе выводы автора. Куда и откуда было направлено колонизаціонное движеніе?—ставитъ онъ прежде всего вопросъ и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ, иллюстрируемый особой картой: движеніе колонизаторовъ было планомѣрно и происходило въ опредѣленныхъ, строго соблюдаемыхъ границахъ; оно охватывало только правобережное Зальбѣе и направлялось на востокъ по опредѣленнымъ путямъ, преимущественно торговымъ; а разъ такъ, разъ движеніе происходило за Эльбой, а не черезъ Эльбу, то отпадаетъ поэтому и вопросъ о германизации: всѣ движенія происходятъ внутри точно ограниченной территоріи, населенной славянами, и мы имѣемъ передъ собой исключительно внутреннюю колонизацію. При этомъ сородичи идутъ обычно вмѣстѣ, колонизаціей захватываются исключительно свободныя окраины, тѣ лѣсистыя пограничныя пространства, которыя окаймляли не только исторически намъ извѣстныя крупныя земли, но и разграничивали болѣе раннія племенные, можетъ быть, даже родовыя, территоріи. Такая планомѣрная колонизація заставляетъ думать о чьей-либо организованной волѣ, ее направлявшей, и этой силой являются мѣстные туземные магнаты, идущіе на периферію страны не изъ-за нужды, а скорѣе изъ-за избытка силъ: младшіе сыновья, не находя себѣ мѣста въ густо населенномъ центрѣ, идутъ на окраину. «Испомѣненіе ихъ на пустующихъ окраинахъ было не менѣе важнымъ и цѣлесообразнымъ пріемомъ семейной политики, нежели столь подчеркиваемое въ литературѣ предоставленіе имъ питательныхъ пребендъ и иныхъ выгодъ беспечальной церковной карьеры». Сообразно съ этимъ уменьшается и значеніе церковной колонизации: приходъ-помѣстье есть явленіе плохо засвидѣтельствованное для ранней эпохи: приходскій храмъ—принадлежность резиденціи богатаго магната, а не самостоятельный центръ. Эта славянская колонизація, послѣдовательно и неуклонно шедшая въ теченіе XII и XIII вѣковъ, какъ видимъ, совершенно противорѣчитъ общепринятымъ представленіямъ о движеніи на востокъ германцевъ, и является вопросъ: когда же и при какихъ условіяхъ произошла германизація страны? Эта послѣдняя создавалась исподволь, въ теченіе очень долгаго времени, по весьма сложнымъ причинамъ. «Не только вслѣдствіе существованія или преобладанія нѣмцевъ въ странѣ, но и какъ результатъ вступленія Мекленбурга въ болѣе тѣсное общеніе съ Западомъ, сообразно съ усиленіемъ торговли и иныхъ связей, эконоимическихъ и культурныхъ. Черезъ посредствующую

нѣмецкую среду западный укладъ неудержимо проникалъ во всѣ поры народнаго тѣла, а оторванность отъ восточнаго славянскаго массива не давала национальныхъ противобѣсовъ. Окончательный же ударъ нанесенъ былъ тѣмъ колоссальнымъ разрѣженіемъ населенія, которое сопутствовало великой разрухѣ Тридцатилѣтней войны, послѣ которой, дѣйствительно, «земля была обращена въ обширную пустыню», нуждаясь въ новой колонизаціи, на этотъ разъ уже совпадавшей съ германизаціей.

Таково вкратцѣ содержаніе весьма поучительной въ смыслѣ метода и замѣчательной по богатству привлеченнаго матеріала работы Д. Н. Егорова, ознакомиться съ которой можно рекомендовать всякому интересующемуся вопросомъ о взаимоотношеніи двухъ сосѣднихъ народовъ, ихъ взаимномъ вліяніи и смѣшеніи въ пограничныхъ областяхъ.

А. Захаровъ.

С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы. Пгр. 1915. Стр. 6+108. 8°.

За послѣдніе годы С. Любимовъ приобрѣлъ заслуженную репутацію одного изъ наиболѣе усердныхъ нашихъ родослововъ, стремящихся въ своихъ работахъ къ полнотѣ, точности и документальной обоснованности генеалогическихъ разслѣдованій. Названными положительными качествами отличается и послѣдняя его работа, въ которую вошли научно разработанныя поколѣнные росписи четырехъ княжескихъ (угасшіе князья Гундоровы и угасшіе же(?) князья Несвицкіе, князья Жижемскіе, давно уже утратившіе свой титулъ, и князья Сибирскіе—потомки царя сибирскаго Кучума) и двухъ графскихъ: Зотовыхъ и Остермановъ (нынѣ князья Голицыны—графы Остерманы). Выборъ именно этихъ шести фамилій авторъ объясняетъ интересомъ, который онѣ возбуждали въ немъ по тому или иному поводу или по ихъ историческимъ судьбамъ, но слѣдуетъ признать, что этотъ выборъ удаченъ и самъ по себѣ, такъ какъ представители названныхъ родовъ пестрятъ здѣсь и тамъ на страницахъ нашей исторіи и общественности; поэтому нельзя не быть благодарнымъ автору за его трудъ, исполненный очень добросовѣстно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ привлеченіемъ многочисленныхъ, преимущественно печатныхъ источниковъ, и въ смыслѣ полноты и точности данныхъ идущій значительно впередъ по сравненію съ прежними опытами родословій данныхъ фамилій. Какъ и въ каждой генеалогической работѣ, въ трудѣ г. Любимова можно указать пропуски свѣдѣній о нѣкоторыхъ лицахъ и даже пропуски нѣсколькихъ именъ (напримѣръ, въ родословіи Несвицкихъ и Зотовыхъ), есть и ошибки (напр., стр. 52, № 62 и 63) и прогляды (напримѣръ, не использованы изданныя нами воспоминанія Е. А. Сабанѣевой, Спб. 1914, со свѣдѣніями объ одной семьѣ Несвицкихъ), но все это частности, не отражающіяся на общемъ характерѣ работы,—обстоятельной и въ высшей степени добросовѣстной.

В. Модзалевскій.

Парижскія письма протоіерея Іосифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг., изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. Петроградъ. 1915. Стр. 322. Ц. 2 р. 50 к.

Въ исторіи нашихъ заграничныхъ духовныхъ миссій самое блестящее время—это пятидесятые-шестидесятые годы прошлаго столѣтія,—говоритъ Л. К. Бродскій въ предисловіи къ настоящей книгѣ. Постъ неудачной крымской войны и печальныхъ послѣдствій ея для нашего отечества, когда въ Западной Европѣ распространялись неблагопріятныя свѣдѣнія о Россіи и русской церкви, въ столицѣ враждебной тогда намъ Франціи образовался кружокъ изъ трехъ лицъ, который заставилъ враговъ православія быть осторожнѣе въ своихъ нападкахъ и чутко прислушиваться къ высказываемымъ этимъ кружкомъ сужденіямъ. Кружокъ этотъ составляли о. Владимиръ Гетте, С. П. Сушковъ и протоіерей І. В. Васильевъ. Но инициаторомъ, организаторомъ и душою кружка былъ послѣдній изъ нихъ, принадлежавшій къ числу весьма крупныхъ духовно-общественныхъ дѣятелей того времени, имя котораго хорошо извѣстно было не только въ Россіи, но и за границей.

Дѣятельность о. Васильева распадается на двѣ части: сперва около двадцати лѣтъ въ Парижѣ и затѣмъ, съ 1867 г. по день смерти (27-го декабря 1881 г.), въ Петроградѣ, гдѣ онъ занималъ постъ предсѣдателя духовно-учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Двадцатилѣтнее пребываніе за границей было всецѣло посвящено энергичному и весьма успѣшному труду на пользу православной церкви, съ обрядами, учрежденіями и духомъ которой онъ старался познакомить заграничную публику, для чего перевелъ на французскій языкъ наши молитвы, богослуженіе, цѣлый рядъ сочиненій духовныхъ писателей, основалъ православно-богословскій журналъ «L'Union Chrétienne», имѣвшій большой успѣхъ, входилъ въ частыя сношенія съ учеными богословами Франціи, Англии, Германіи и Америки, старался разсѣивать невѣрныя понятія и предубѣжденія Запада противъ православной церкви, выясняя и устанавливая истинную на нее точку зрѣнія. Обладая глубокою эрудиціей, прекраснымъ даромъ слова и силою убѣжденія, онъ являлся для своихъ противниковъ смѣлымъ борцомъ за православную церковь и высоко держалъ ея знамя. Инославный Западъ, какъ и православный Востокъ признавали за о. Іосифомъ глубокой аналитической умъ, ученость и краснорѣчивый ораторскій талантъ захватывавшій слушателей. Плодомъ неутомимыхъ трудовъ его на поприщѣ соединенія церковей явилось обращеніе въ православіе ученыхъ представителей иновѣрныхъ церковей, каковы аббаты Гетте, Овербекъ, Біерингъ и другіе.

Другую крупную заслугу его составляетъ построеніе въ столицѣ Франціи великолѣпнаго православнаго храма.

Въ письмахъ, напечатанныхъ въ настоящей книгѣ, мы встрѣчаемъ немало глубокихъ мыслей и сужденій догматическаго, филологическаго, каноническаго, церковно-практическаго, и даже политическаго характера. Всѣхъ писемъ приведено здѣсь шестьдесятъ два и при одномъ изъ нихъ доносеніе о поѣздкѣ въ Англію для обсужденія вопроса о соединеніи англикан-

ской церкви съ православною, въ которомъ высказанъ весьма интересный взглядъ на англиканскую церковь и ея устройство. Всѣ письма, можно сказать, одинаково интересны, но съ особеннымъ вниманіемъ мы отмѣтили бы нѣкоторые изъ нихъ, характеризующія дѣятельность французскаго католическаго духовенства въ различные историческіе моменты. Такъ, напримеръ, въ письмѣ одиннадцатомъ чрезвычайно любопытнымъ является сообщеніе о томъ, какъ вело себя и дѣйствовало французское духовенство во время революціи 1848 года. Имъ овладѣлъ паническій страхъ и въ продолженіе трехъ дней не видно было ни одного духовнаго костюма. А какъ только возмущеніе окончилось, клиръ принялъ сторону народа, беспощадно порицая правительство и короля, превознося похвалами народъ, съ радостью встрѣчая и благословляя республиканское правленіе. Окружныя посланія епископовъ, проповѣди священниковъ, статьи религиозныхъ журналовъ полны подобныхъ мыслей и чувствованій.

Еще любопытнѣе отношеніе французскаго духовенства къ войнѣ Россіи съ Франціей въ 1853—54 годахъ. Французское правительство хотѣло дать этой войнѣ отгѣнокъ религиозный. Епископы издали пастырскія грамоты, въ которыхъ, изложивъ мнимыя опасности римскому католицизму со стороны Россіи, приглашали паству къ молитвамъ за успѣхъ французскаго оружія. Архіепископъ парижскій былъ особенно страненъ въ своемъ взглядѣ и глубоко неумѣренъ въ выраженіяхъ. По какой-то непонятной логикѣ онъ представилъ настоящую войну, какъ продолженіе крестовыхъ походовъ (п. 24, стр. 163—4), а предполагаемое завоеваніе русскими Константинополя, какъ знаменіе пришествія антихриста. Особенно трогательныя подробности мы находимъ въ письмахъ о. Васильева, въ которыхъ онъ говоритъ о посѣщеніи военнопленныхъ русскихъ солдатъ, которымъ онъ совершалъ богослуженіе и напутствовалъ Св. Тайнами (п. 25, стр. 164—170). Во время крымской войны онъ оставался единственнымъ представителемъ Россіи во враждебномъ намъ государствѣ.

Въ другихъ письмахъ мы видимъ, съ какою трогательною заботливостью о. Васильевъ относился къ своей посольской церкви, занимавшей въ то время небольшое наемное помѣщеніе, при самомъ ограниченномъ, едва ли не нищенскомъ бюджетѣ. При церкви онъ основалъ бібліотеку. Прекрасна характеристика папы Пія IX (п. 13), весьма интересны: отчетъ объ областномъ соборѣ въ Парижѣ (стр. 99—115), объ отношеніи императора Наполеона III къ построенію православнаго храма. Когда ему представлены были планы, онъ внимательно ихъ разсмотрѣлъ и сказалъ: «C'est fort curieux, c'est très original, c'est très beau!» (стр. 181). Въ это время Наполеонъ III много заботился объ улучшеніи быта духовенства и о предоставленіи ему всевозможной свободы. Одобренное этимъ покровительствомъ, духовенство возмечтало о совершенной независимости отъ государства, но онъ тотчасъ же самими крутыми мѣрами пресѣкъ эту попытку (п. 35, стр. 195—198).

Въ дальнѣйшемъ мы отмѣтимъ посѣщеніе русской церкви императрицей Евгеніей (стр. 252—3), характеристику Сорбонны (о. Васильевъ говоритъ: «Нѣтъ болѣе древней Сорбонны, осталась только ея тѣнь и вывѣска» (стр. 267).

Нельзя не отмѣтить взглядъ его на отношеніе высшей церковной іерархіи къ духовнымъ школамъ, о жалованьи духовенству, о діаконахъ и псаломщикахъ (стр. 248—251).

Мы далеко не исчерпали всего матеріала, приведеннаго г. Бродскимъ. Каждое письмо предваряется имъ особымъ краткимъ содержаніемъ, что значительно облегчаетъ пользованіе книгою. Можно только пожалѣть, что въ ней нѣтъ не только указателя именъ и названій, но даже перечня писемъ въ видѣ оглавленія.

Письма о. Васильева представляютъ какъ бы краткую исторію его дѣятельности въ Парижѣ. Между тѣмъ среди нихъ нѣтъ никакихъ указаній на одинъ крупный фактъ, весьма важный и интересный въ историческомъ отношеніи, о которомъ, несомнѣнно, было сдѣлано имъ своевременное донесеніе. Это—личная аудіенція его у Наполеона III, во время которой онъ выступилъ горячимъ защитникомъ нашихъ военнопленныхъ и успѣлъ добиться улучшенія ихъ участи. Наполеонъ такъ пораженъ былъ горячею и убѣжденною рѣчью о. Юсифа, произнесенной на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, что не могъ не высказать тутъ же своего удивленія и восхищенія.

Въ заключеніе укажемъ на исключительную добросовѣстность и замѣчательную скромность автора этой книги, которая, несомнѣнно, найдетъ читателей и займетъ свое мѣсто въ ряду нашей церковно-исторической литературы.

Н. Г. Р.

Алексѣй Ксюнинъ. Народъ на войнѣ. (Изъ записокъ военнаго корреспондента). Библіотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 242. Цѣна 2 руб.

Эти замѣтки, наброски и впечатлѣнія наблюдательнаго журналиста, красочныя, яркія, живыя, представляютъ тотъ тягостный и многотрудный путь служенія родинѣ, который проходитъ безыменная, сѣрая солдатская толпа, геройски и безропотно переносящая всѣ лишенія, геройски и стойко защищающая родную землю, геройски, но скромно и безъ громкихъ фразъ и позъ погибающая на многоверстномъ протяженіи нашего обширнаго фронта. Люблинъ, Варшава, Ловичъ, Взура, Сохачевъ, Сандомиръ, Августовскіе лѣса, Карпаты, Львовъ, Перемышль, Рига и множество другихъ такъ хорошо теперь знакомыхъ намъ городовъ и мѣстечекъ (вѣдь война—лучшій учитель географіи) мелькаютъ на протяженіи этой книжки, въ которой авторъ съ возможной точностью старается передать свои впечатлѣнія, вынесенныя отъ посѣщенія этихъ мѣстностей, случайные встрѣчи и разговоры, картинки, которыя ему пришлось здѣсь наблюдать; и передъ читателемъ изъ этихъ набросковъ, по-импрессионистски отрывочныхъ и красочныхъ, постепенно создается картина, гдѣ на первомъ планѣ толпа, народъ, изъ котораго ходъ событій создалъ солдата, но который и подъ солдатской шинелью сумѣлъ сохранить всѣ лучшія качества и чувства своей народно-души. И эта военная толпа изображается авторомъ и въ боевой обстановкѣ, и въ мирныхъ условіяхъ тыла, и въ лазаретахъ, въ дорогѣ, въ завоеванной деревнѣ и т. д. Обри-

совывая толпу, авторъ въ то же время выставляетъ нѣсколько впередъ нѣкоторыя отдѣльныя личности, создаетъ цѣлую галерею типовъ яркой индивидуальности, выдающихся именно своею колоритною фигурою, рѣдкими душевными способностями; и такъ отъ послѣдняго запасного до генерала. Это выдвиганіе нѣкоторыхъ личностей на ряду съ характеристикой военной массы придаетъ описаніямъ г. Ксюнина особую яркость, выпуклость, и толпа, народъ въ его изображеніи не является чѣмъ-то безликимъ, но вполне опредѣленнымъ, мѣтко очерченнымъ, живымъ.

«Они безыменные, они тѣ, которые прошлою осенью отражали нѣмцевъ у Варшавы, гнали ихъ до границы, которые ходили въ Восточную Пруссію, перевалили черезъ снѣговыя вершины Карпатъ, брали Львовъ и Перемышль, сидѣли въ орлиномъ гнѣздѣ—Осовцѣ, а сейчасъ загородили дорогу къ Ригѣ и Двинску. Они—русскіе солдаты. Имя ихъ свято, какъ свята Россія, великая и убогая, могучая и слабая, горящая маленькими огоньками передъ деревянными образами, занесенная снѣгами, затерявшаяся по проселкамъ и перелѣскамъ, раскинутая отъ океана и до океана. Кто не любитъ и не плачетъ надъ ней, не радуется ея чистою радостью, кому не дороги и святость ея, и убожество, и просторъ необъятный,—тотъ не пойметъ и солдата, какой онъ есть.. Въ нихъ, въ этихъ сѣрыхъ людяхъ—Русь подлинная и неприкрашенная. Ими война ведется, и черезъ нихъ мы спасемся и войдемъ въ новую жизнь. Имя имъ—русскій солдатъ».

Такими сердечными словами, полными восторженнаго преклоненія передъ русскимъ солдатомъ, кончаетъ А. Ксюнинъ свою книжку, посвященную ихъ подвигамъ и служенію. И кто изъ русскихъ людей не согласится и не повторитъ этихъ словъ.

Д. М.

Начальный курсъ исторіи русскаго языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. И. Солосинъ, преподаватель Морского корпуса и Александровской женской гимназіи въ Пгр. Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія удостоенъ малой преміи императора Петра Великаго. Пгр. 1915. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Стр. VI + 96. Цѣна 50 к.

Въ 1912 году министерство народнаго просвѣщенія опубликовало новыя программы по русскому языку, согласно которымъ въ курсъ четвертаго класса введено было элементарное изученіе исторіи роднаго языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Эта часть программы застигла преподавателей врасплохъ, такъ какъ ранѣе этого курса не было, а, значитъ, не имѣлось и соотвѣтствующихъ учебниковъ. За нелегкое дѣло составленія подобнаго руководства взялся г. Солосинъ. Задача его была трудной прежде всего потому, что, какъ это ни странно, исторія роднаго языка на всемъ ея протяженіи у насъ разработана сравнительно мало, а затѣмъ автору предстояло изложить этотъ трудный предметъ въ такой формѣ, чтобы онъ сталъ доступнымъ пониманію четырнадцати и пятнадцатилѣтнихъ дѣтей. Молодой педагогъ съ честью вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія. Главныхъ достоинствъ въ его

руководствѣ два: прежде всего полная доступность и ясность изложенія и затѣмъ строгое и точное соответствіе съ министерской программой. Разумѣется, какъ это признаетъ и самъ авторъ, книга не можетъ, при новизнѣ дѣла, считаться свободной отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей. Но о ничтожномъ сравнительно количествѣ этихъ ошибокъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что учебникъ еще въ рукописи былъ удостоенъ ученымъ комитетомъ министерства малой преміи императора Петра Великаго. Эта награда должна считаться тѣмъ болѣе лестной для г. Солосина, что изъ многихъ аналогичныхъ руководствъ, представленныхъ на конкурсъ, премію получила лишь одна его книга. Пріятно отмѣтить проглядывающія всюду въ руководствѣ любовь и уваженіе автора къ нашему дивному и могучему языку. Для лучшаго практическаго усвоенія подлежащаго изученію матеріала г. Солосинъ прибавилъ къ своему курсу интересную хрестоматію, гдѣ далъ рядъ умѣло выбранныхъ отрывковъ изъ древне-церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ письменности, а также образцы русскихъ народныхъ говоровъ (поднарѣчій сѣверно- и южно-великорусскаго и нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго). Наконецъ, къ книгѣ присоединена исполненная красками карта нарѣчій русскаго языка.

Д. Л.

Борисъ Садовской. Лебединые клики. Изданіе кн-ва бывш. М. В. Попова. Петроградъ. 1915. Стр. 199 Ц. 1 р. 25 к.

Въ эту книгу вошли двѣ историческихъ повѣсти: «Лебединые клики» и «Двуглавый орелъ». Такъ какъ первоначально обѣ эти вещи были напечатаны въ журналѣ «Русская Мысль» (1-я подъ названіемъ «Княгиня Зенеида» въ 1913 г.; 2-я—въ 1911 г.) и, слѣдовательно, содержаніе ихъ болѣе или менѣе извѣстно, мы избавляемъ себя отъ труда пересказывать его здѣсь подробно. Напомнимъ лишь вкратцѣ, что въ первой повѣсти изображены нѣкоторыя событія, происходящія въ знаменитой подмосковной въ концѣ 20-хъ годовъ XIX столѣтія, а во второй—жизнь свѣтлѣйшаго князя Тавриды, Г. А. Потемкина.

Беллетристовъ, избирающихъ темами своихъ произведеній прошлое русской жизни вообще или воспроизводящихъ историческихъ лицъ и событія, всегда было великое множество. Г. Садовской отличается отъ этихъ «многихъ» однимъ свойствомъ—безспорною своею талантливостью. Повѣсти и рассказы Садовскаго (въ большинствѣ случаевъ)—не стилизація. Напротивъ того, передъ нами нашъ современникъ, рассказывающій о прошломъ. Тонъ для рассказа выбранъ чрезвычайно удачный. Съ успѣхомъ подражая торжественно-чопорному стилю русскаго періода XVIII вѣка, авторъ достигаетъ иллюзии не измѣненіемъ синтаксической конструкціи фразъ, а законнымъ путемъ—средствами стилистики и путемъ весьма умѣстно подсказаннаго ему его художественнымъ чутьемъ примѣненія словъ, выраженій и оборотовъ чисто народныхъ. Это послѣднее мы считаемъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ художественныхъ приемовъ въ исторической беллетристикѣ послѣдняго времени. Вся прелесть вѣка русскаго барокко-рококо или вѣка ампира въ невольномъ обрусѣніи этихъ формъ западной культуры, а съ другой стороны и самая народная жизнь тогда не

«истор. вѣсти», апрѣль, 1916 г., т. схиѳ.

17

расходилась еще такъ безповоротно-рѣзко съ жизнью общества. Это ощущеніе глубоко-народнаго дають историческія произведенія Пушкина. Но Пушкинъ былъ почти что современникомъ многихъ изображенныхъ имъ событій и самъ являлся представителемъ быта, нынѣ почти исчезнувшаго. Намъ пріятно сказать, что Садовской пошелъ дорогой традицій, освященныхъ великимъ именемъ. Но намъ хочется отмѣтить, кромѣ этой стороны стилиа, насыщеннаго, полного удачныхъ эпитетовъ, метафоръ и сравненій, льющагося, какъ густое вино, еще другую его сторону. Внимательный читатель замѣтилъ, думается, и самъ гиперболичность стилиа Садовского. Его княгиня Зенеида — неопикуемая красавица, его дворецкій Скворцалуповъ—великанъ, силачъ и красавецъ съ полузадумчивой улыбкой «полныхъ, какъ у лорда Байрона, губъ», его карликъ—чудовище, описанію одного только отвратительнаго рта котораго посвящено сравненіе на полстраницѣ, его Потемкинъ—необыченъ, а императрица Екатерина — небожительница. За эту манеру рецензенты упрекали Садовского. Полагаемъ, совершенно напрасно. И вотъ почему. Врядъ ли даже этотъ пріемъ художественной гиперболы всегда примѣнялся авторомъ сознательно. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, какъ кажется, дѣло съ тою разновидностью творчества, которая можетъ быть опредѣлена какъ близкая къ формамъ сказки, но не примитивной, синкретической, а гипертрофически разившейся уже, сказки-барокко, сложной и по сюжету и по стилю.

Этимъ г. Садовской, конечно, отходитъ отъ реализма Пушкинскаго направленія, но не окончательно. И въ умѣломъ соединеніи сказочности и реализма мы усматриваемъ талантъ и заслугу г. Садовского.

Вл. Кн.

А. Коллонтай. Общество и материнство. I. Государственное страхование материнства. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Ц. 3 р. 50 к. Пгр. 1916. Стр. XV+642.

Опустошеніе и замѣтное порѣдѣніе населенія Германіи послѣ тридцатилѣтней войны заставило франкскій рейхстагъ въ 1650 году издать особое постановленіе, разрѣшавшее каждому мужчинѣ имѣть по двѣ законныхъ жены. Этимъ путемъ власти рассчитывали ускорить процессъ заселенія обезлюдѣвшихъ и опустошенныхъ германскихъ земель. Исходя изъ господствующаго въ тѣ времена взгляда, что богатство націи зависитъ отъ численнаго ея состава, англійская королева Елизавета предписала приходамъ оказывать возможно болѣе широкую поддержку многосемейнымъ рабочимъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ головокружительныхъ успѣховъ машиннаго производства, создавшихъ ошибочное представленіе о малоцѣнности живыхъ трудовыхъ силъ, теорія Мальтуса получила всеобщее признаніе и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ (1834 г.). Отмѣной «поощрительныхъ» законовъ Елизаветы государственная власть рассчитывала задержать ростъ «избыточнаго населенія», этого голоднаго и потому всегда безпокойнаго элемента націи.

Въ настоящее время государственной власти культурныхъ странъ снова приходится вмѣшиваться въ область частно-семейныхъ отношеній, но на

этотъ разъ уже не съ цѣлью ослабить, а наоборотъ—поощрить рождаемость, вооружиться для борьбы съ симптомами вырожденія націи. Въ демократической Америкѣ президентъ Рузвельтъ обратился съ извѣстнымъ воззваніемъ къ матерямъ, доказывая, что если женщины не «возьмутся за умъ» и не начнутъ рождать достаточное количество новыхъ республиканскихъ гражданъ, то англо-саксонской расѣ грозитъ призракъ медленнаго, но неотвратимаго «самоубійства». Французская государственная власть пошла еще дальше: она не только утверждаетъ пособія и преміи многодѣтнымъ семьямъ въ метрополіи, но и въ своихъ слабозаселенныхъ колоніяхъ, напримѣръ, Мадагаскарѣ, облагаетъ налогомъ въ двадцать франковъ каждаго мужчину, который послѣ достиженія имъ двадцатипятилѣтняго возраста не можетъ доказать своего отцовства, причемъ въ такомъ случаѣ разницы не дѣлается между законнымъ и незаконнымъ ребенкомъ... Вообще вопросъ о поощреніи естественнаго прироста націи не сходитъ съ порядка дня во Франціи. Нынѣшняя великая міровая война, угрожающая повліять «сократительно» на здоровое мужское населеніе въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ и на болѣе или менѣе продолжительное время вообще неблагоприятно отразится на приростѣ націй, несомнѣнно, побудитъ заинтересованныя правительства и законодательныя учрежденія еще заботливѣе отнестись къ «дѣтскому вопросу» и къ другому, тѣсно связанному съ нимъ,—о защитѣ материнства. Германія, говорятъ, уже намѣрена снова примѣнить испытанное ею въ XVII в. средство—веденіе двоеженства, не стѣняясь христіанскою моралью. Законодательнымъ органамъ нѣкоторыхъ другихъ воюющихъ странъ скоро придется «изыскивать» тѣ или другія мѣры «для обезпеченія» своимъ народамъ «роста» населенія. Для всѣхъ этихъ работъ книга г. Коллонга «Общество и материнство», заключающая въ себѣ довольно обширный и поучительный законодательный и другой матеріалъ по государственному страхованію материнства въ разныхъ культурныхъ странахъ, можетъ служить хорошимъ пособіемъ; мы можемъ только рекомендовать эту книгу, какъ полезный справочникъ по затронутому въ ней весьма важному вопросу. Жаль только, что къ книгѣ не приложено предметнаго указателя, безъ котораго справки по ней нѣсколько затруднительны.

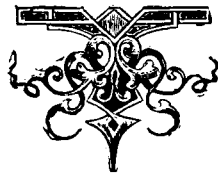
Т. М.

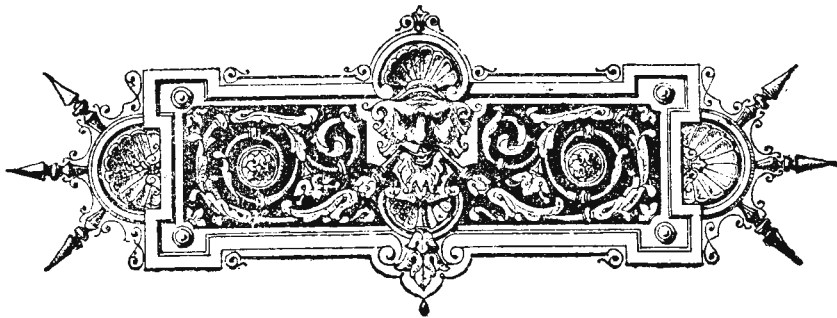
А. А. Фетъ. (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. В. С. Федина. Пгр. 1915. Стр. 146. Ц. 1 руб.

Книжка г. Федина заключаетъ въ себѣ статьи: Pro domo sua; литература о Фетѣ и проза Фета; о происхожденіи и смерти Фета; проблема «муки слова» въ поэзіи Фета; флора и фауна въ поэзіи Фета и Тютчева; горные пейзажи въ поэзіи Фета и наконецъ, значеніе ароматовъ въ поэзіи Фета. Не мало удѣлено здѣсь мѣста гадательнымъ подробностямъ романа матери нашего поэта—дармштадтской еврейки Шарлотты Фетъ съ мценскимъ помѣщикомъ А. Н. Шеншинымъ и вообще вопросу о происхожденіи Фета. На эту тему въ нашей литературѣ въ свое время появилось нѣсколько догадокъ и даже достовѣрныхъ, якобы основанныхъ на «преданіяхъ», повѣствованій, болшею частью весьма

фантастическаго свойства. Среди этихъ «матеріаловъ» есть даже одно такое сказаніе, которое прямо могло бы служить украшеніемъ для страницъ любого бульварнаго романа,—до того оно во вкусъ этого сорта литературы; по словамъ этой вздорной легенды, предприимчивый мценскій Донъ-Жуанъ похитилъ мать поэта «изъ-подъ вѣнца», т.-е. какъ только окончилось вѣнчаніе ея съ Фетомъ, и затѣмъ укатилъ съ этою новою сабинянкою въ свои мценскія вѣчины, оставивъ несчастнаго мужа новобрачной, что называется, «съ носомъ». Намъ, однако, кажется, что здѣсь г. Фединымъ потрачено много напраснаго труда. Автору, повидимому, остался совершенно неизвѣстнымъ очень важный для интересовавшаго его вопроса документъ—выдержка изъ письма отца Шарлотты Беккера Шеншину, появившееся у насъ въ печати уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Выдержка эта, опровергая категорически фантастическія бульварно-романическія легенды, въ родѣ приведенной выше, въ то же время въ значительной степени освѣщаетъ и темный вопросъ о происхожденіи нашего поэта. Отсюда мы, между прочимъ, узнаемъ, что Шеншинъ похитилъ не дѣвушку-невѣсту изъ-подъ вѣнца, а замужнюю (беременную уже будущимъ нашимъ поэтомъ) женщину, которая ради него рѣшилась покинуть отца, своего «обожяемаго» мужа Фета и даже перваго своего ребенка; та же выдержка даетъ, кажется, намъ право сказать, что нашъ поэтъ, скорѣе всего, «чистокровный», настоящій Феть—и шеншинской крови въ его жилахъ совсѣмъ не было. Въ главѣ «Флора и фауна въ поэзіи Фета и Тютчева» дается обширная и довольно кропотливая «сравнительная статистика» по вопросу о томъ, сколько разъ въ произведеніяхъ каждаго изъ названныхъ поэтовъ упоминается крапива, дернъ, капуста, овесъ, левъ, медвѣдь, роза, гвоздика и проч. Статистика, конечно, всегда полезна, но въ данномъ случаѣ трудъ г. Федина едва ли не грѣшитъ уже излишествомъ, тѣмъ болѣе, что Феть въ дѣйствительности далеко не такая огромная поэтическая величина, какою онъ представляется автору разбираемой книжки. Въ главѣ «горные пейзажи» разбирается вопросъ объ этихъ пейзажахъ въ поэзіи Фета, а въ главѣ «Значеніе ароматовъ» стихотворенія Фета рассматриваются, такъ сказать, болѣе или менѣе детально—въ ароматическомъ отношеніи. Въ общемъ, книжка г. Федина довольно содержательна и интересна и свидѣтельствуетъ о любви автора къ покойному лирику, котораго онъ въ своемъ увлеченіи готовъ даже вмѣстѣ съ философомъ В. С. Соловьевымъ считать однимъ изъ трехъ (Пушкинъ, Тютчевъ, Феть) драгоценнѣйшихъ камней русской поэзіи—честь, которой никогда не удостоивали Фета и его знаменитые друзья-писатели: гр. Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ.

Т. М.

Съ 15 февраля 1916 г. по 15 марта 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Труды вятской ученой архивной комисси. 1915 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1915. Стр. 363. Цѣна не обозначена.

Е. М. Баранцевичъ. Какъ вести пасѣку въ неблагопріятные годы по медоспору. По наблюденіямъ иностранныхъ и русскихъ пчеловодовъ. Томскъ. 1915. Стр. 18+XII. Ц. не обозн.

П. Г. Ганзенъ. Охрана дѣтства въ Англіи. Изданіе состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Романовскаго комитета. Вып. III. Пгр. 1916. Стр. XV+163. Ц. не обознач.

Л. Ждановъ. Новал Русь. Романъ-хроника конца 17-го вѣка. (Собр. соч. т. XV). Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пгр. 1916. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

«Я». Великая война. 1915 годъ. Очеркъ главѣйшихъ операцій. Русскій западный фронтъ. Библиотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 58. Ц. 50 к.

Н. Г. Тепловъ. Новыя основы летанія. Пгр. 1916. Стр. 78. Ц. 60 к.

Поль Аданъ. Сила. Романъ. (Собр. соч. т. I). Переводъ С. Венгеровой и Б. Дубино-Княжицкаго. Съ предисловіемъ А. Левинсона. Изданіе М. И. Семенова. Пгр. 1916. Стр. 319. Ц. 2 р.

Современныя военныя событія вызвали большой интересъ къ литературнымъ произведеніямъ, изображающимъ войну, почему нельзя не отмѣтить появленія въ хорошемъ переводѣ романа французскаго писателя Поля Адана «Сила». Авторъ весьма умѣло и ярко передаетъ въ своихъ романахъ то историческое общее и фатальное въ жизни народовъ, что отражается черезъ частное и случайное въ жизни отдѣльныхъ личностей, въ подробностяхъ ихъ психологій, быта, интересовъ и проч. Въ то же время авторъ не умаляетъ и значенія великихъ историческихъ дѣятелей, каковымъ, напр., въ романѣ «Сила» является Наполеонъ. Настоящая книга является первымъ томомъ собранія сочиненій П. Адана, въ которыхъ изображенію войны посвящено еще не мало романовъ.

Е. М. Баранцевичъ. Мобилизація условно-досрочно освобожденныхъ по мѣстамъ заключенія Россіи. (Въ качествѣ добровольцевъ). Томскъ. 1915. Стр. 112. Ц. не обозн.

Б. Астромовъ. Въ тылу полей кровавыхъ (Сербія и Болгарія). Пгр. 1916. Стр. 95. Ц. не обозн.

У. Дж. Локкъ. Обломки крушенія, Ро-

манъ. Перев. съ англ. З. Журавской. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1916. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

Новый романъ Локка разрабатываетъ чрезвычайно интересную тему— о судьбѣ людей, претерпѣвшихъ жестокою бурю на своемъ житейскомъ морѣ и уже чуть было не погибшихъ въ отчаяніи. Только любовь и вѣра въ свою душевную мощь позволяютъ герою романа вернуть его утраченную честь и самоуваженіе и изъ «обломковъ крушенія» пересоздать снова себя въ сильного человѣка. Какъ и предыдущіе романы, «Обломки крушенія» читаются съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Переводъ г-жи Журавской хорошъ.

Г. Чулковъ. Сережа Нестровъ. Романъ. Кн-во «Сѣверные Дни». М. 1916. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Ивановъ. Такъ вотъ она любовь! Эскизы жизни, кошмары любви и слезы безумства. М. 1916. Стр. 158. Ц. 1 р. 50 к.

«Отклики». № 6. Сергѣй Рудинъ (псевдонимъ). Война и все остальное. (Аналоги и параллели). Пгр. 1916. Стр. 24. Ц. 20 к.

А. Плещеевъ. Сановникъ и др. рассказы. Изданіе 2-ое, дополненное. Кн-во «Зыбь». Пгр. 1916. Стр. 328. Ц. 1 р. 75 к.

В. Бѣловъ. Разумѣйте, языцы. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 207. Ц. 1 руб.

Сборникъ произведеній русской народной словесности и литературы, заучиваемыхъ наизусть въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просв. Составилъ А. И. Моисеевъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина. Пгр. 1916. Стр. VIII+172. Ц. 90 к.

П. Швачко. Право и сила. Драматическія картины. Изданіе книжн. магаз. Е. М. Палладиной. Орѣхово. 1915. Стр. 120. Ц. 1 р.

Въ пьесѣ г. Швачко среди дѣйствующихъ лицъ являются Вильгельмъ съ супругой, австрійскій престолонаслѣдникъ, германскій канцлеръ, кронпринцъ и еще два принца—сыновья кайзера, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, гѣмцы военные, пасторы, профессора, еврей-шпіонъ, турецкій генералъ, русскій дипломатъ и т. д. Чуть не 50 человѣкъ дѣйствующихъ лицъ. Ни литературнаго, ни сценическаго значенія пьеса не имѣетъ никакого.

Извѣстія Якутскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго обще-

ства. Томъ I. Якутскъ. 1915. Стр. 127. Цѣна не обозн.

О. Коммисаржевскій. Театральныя прелюдіи. М. 1916. Стр. 169. Ц. 1 р. 60 к.

М. Горькій. Лѣто. (Собр. соч. т. XIV). Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 201. Ц. 1 р. 50 к.

С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельд-маршалъ русской арміи. Историческій очеркъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. М. 1916. Стр. 64. Ц. 50 к.

З. К. Столица. Выработка характера. Изданіе 2-е, дополненное. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. М. 1916. Стр. 96. Ц. 60 к.

Брошюра г-жи Столица пытается разрѣшить одинъ изъ интереснѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ—о выработкѣ характера. Построивъ собственную классификацію характеровъ, авторъ разсматриваетъ различныя особенности характеровъ, выдѣляетъ желательныя свойства ихъ отъ нежелательныхъ и указываетъ на зависимость ихъ отъ того или другого воспитанія, намѣчая такимъ образомъ картину воспитанія, способствующаго выработкѣ характера. Изложена книжка вполне доступно для всѣхъ.

М. Д. Ордынцевъ-Кострицкій Опальный князь. Историческая повѣсть. Съ рис. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. М. 1916. Стр. 271. Ц. 3 р. 50 к.

Новая историческая повѣсть г. Ордынцева-Кострицкаго разрабатываетъ чрезвычайно интересный моментъ изъ русской исторіи и обрисовываетъ яркую фигуру перваго русскаго политическаго эмигранта—князя Курбскаго. Большимъ достоинствомъ повѣсти служить ея обоснованность не на одной только фантазій, но на тщательномъ изученіи исторіи. Книга написана живо, интересно и украшена многими иллюстраціями.

Ф. Р. Гольдингъ. Островъ Убѣжища. Приключенія юныхъ путешественниковъ на Флоридскомъ берегу. Перев. подъ ред. М. Н. Никольскаго. Съ рис. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. М. 1916. Стр. 275. Ц. не обозн.

Вышедшій вторымъ изданіемъ знаменитый романъ американскаго писателя Гольдинга будетъ прочитанъ съ интересомъ и пользою русскимъ юношествомъ. Вышность изданія безукоризненна; хороши иллюстраціи худ. В. Валса.

Проф. В. А. Керенскій. Протоіерей Алексѣй Петровичъ Мальцевъ. (Очеркъ его жизни и дѣятельности). Казань, 1915. Стр. 33. Ц. 20 к.

Довольно сухой, но обстоятельный некрологъ пзвѣстнаго настоятеля посольской церкви въ Берлинѣ, А. П. Мальцева (1854—1915), знаменитаго своими трудами по переводу нанихъ богослужебныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ и устройствомъ въ Берлинѣ Св. Князь-Владимирскаго братства. Брошюра представляетъ отгискъ изъ журнала «Православной Собесѣдникъ» за 1915 г.

А. С. Панкратовъ. Встрѣчные люди. Типы. Портреты. Пгр. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Панкратовъ. Кровавое зарево. Очерки войны. Пгр. 1916. Стр. 279. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ «День торговыхъ служащихъ». Защитникамъ родины. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 41. Ц. 30 к.

Уильямъ Джемсъ. Психология. Переводъ сочиненія «Psychology by William James, professor of psychology in Harvard University» И. И. Лашина, проф. импер. петроградск. университета. 7-е русское изданіе. Пгр. 1916. Стр. 430. Ц. 2 руб.

Настоящая книга представляетъ собою хорошей учебникъ для высшихъ учебныхъ заведеній и нѣсколько сокращена въ исторической и полемической части, выпущены также въ метафизическія разсужденія и въ мѣста чисто философскаго характера; въ виду слабого знакомства нашей учащейся молодежи съ физиологіей нѣсколько главъ посвящено описанію органовъ чувствъ и мозга. Общая точка зрѣнія на психологію—какъ на «естественную науку». Къ книгѣ приложенъ обстоятельный указатель сочиненій по психологіи русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

Прот. П. Өминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Историко-археологической очеркъ). Вып. I. Харьков. 1916. Стр. 181. Ц. 1 р.

Д. А. Лутохинъ. Графъ С. Ю. Витте, какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915. Стр. 40. Ц. 50 к. «Знаніе для Всѣхъ». Пгр. 1916. Стр. 36. Ц. 50 к.

С. Лаврентьевъ. Когда же? Томскъ. 1916. Стр. 7. Ц. 5 к.

Л. Семеновъ. Изъ воспомнаній о проф. С. В. Соловьевѣ. Харьковъ. 1916. Стр. 12. Ц. не обозн.

Э. Старкъ. Сокровища Императорскаго Эрмитажа. (Картишная галлерей). Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. «Знаніе для Всѣхъ». Пгр. 1916. Стр. 36. Ц. 50 к.

Разсказавъ въ первыхъ главахъ исторію возникновенія Эрмитажа,

г. Старкъ въ легкой общедоступной формѣ знакомитъ съ образцами итальянской, испанской, французской, английской, нѣмецкой, нидерландской, фламандской и голландской живописи, отмѣтивъ характерныя особенности каждой изъ названныхъ школъ. Издана книга по обыкновенію весьма изящно и украшена множествомъ иллюстрацій.

П. Богословскій. Дѣйствительн. членъ императорск. петроградск. археологич. института. Подземный ходъ и археологическія раскопки въ селѣ Пыскорѣ Соликамскаго у. Пермь. 1915. Стр. 50. Съ рис. Цѣна не обозначена.

— Верхотурскія царскія грамоты (начало XVII в.). Пермь. 1915. Стр. 23. Съ 2 снимк. Цѣна не обознач.

Молодой ученый, г. Богословскій, ревностно занимается пзслѣдованіемъ родной старины. Въ первой брошюрѣ авторъ въ живой и иногда даже увлекательной формѣ сообщаетъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ подземнаго хода въ предѣлахъ извѣстнаго въ старину Пыскорскаго монастыря. Г. Богословскому бесспорно удалось заинтересовать читателя ходомъ произведенныхъ имъ археологическихъ разысканій. Во второй брошюрѣ авторъ издаетъ впервые рядъ грамотъ начала XVII вѣка, «оживляющихъ», по его справедливому замѣчанію, и картину тогдашней жизни.

Н. Первухинъ. Церковь Іліи Пророка въ Ярославлѣ. Фотографіи И. Лазарева. Рисунокъ обложки А. Красотина. Москва. Издательство К. Ф. Некрасова. MCMXV. Стр. 67. 4°. Цѣна 16 руб.

И. С. Симоновъ. Дѣйствительн. членъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Памяти Николая Васильевича Исакова. Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти 1891— (25 февр.)—1916. Пгр. 1916. Стр. 47 съ портр. Цѣна 40 коп.

Неутомимый пзслѣдователь исторіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній, г. Симоновъ посвящаетъ настоящую интересную и содержательную брошюру свѣтлой личности бывшаго попечителя московскаго учебнаго округа и начальника военно-учебныхъ заведеній, Н. В. Исакова. Въ первой должности онъ много потрудился по переводу и устройству въ Москвѣ Румянцовскаго музея, а во второй произвелъ коренную реформу военно-учебныхъ заведеній, учредилъ при нихъ педагогической музей, въ стѣнахъ котораго

28-го декабря 1871 г. состоялось первое въ Россіи народное чтеніе, и основалъ журналъ «Педагогическій Сборникъ».

Н. М. Лисовскій. Библиографія русской періодической печати. 1703—1900 гг. (Матеріалы для исторіи русской журналистики). Пгр. 1915. Стр. 1067. Ц. не обознач.

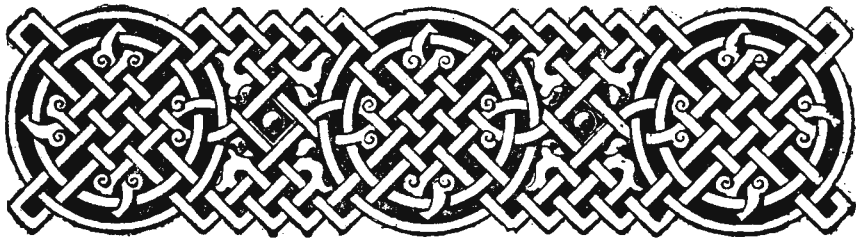
Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Т. XVIII. Матеріалы по исторіи Нижегородскаго края въ эпоху Отечественной войны 1812 года. Вып. I. Финансы. Подъ редакціей С. И. Архангельскаго. Ниж-

ній-Новгородъ. 1916. Стр. 262. Ц. не обозн.

Проф. С. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Второе, совершенно переработанное, иллюстрированное изданіе. Т. II. Вып. 4. Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки. (Куликовъ—Москве). Пгр. 1916. Стр. 128. Ц. не обозн.

А. Низветтеръ. Историческіе отклики. Изданіе К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 390. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

(Историческій Ставрогинъ и русская молодежь второй половины XIX вѣка.)

ИСТОРИЯ такъ называемаго «освободительнаго движенія» въ XIX в. съ каждымъ годомъ пополняется новыми матеріалами, преимущественно печатающимися въ «Голосѣ Минувшаго». Для историческаго изученія этого движенія открывается, такимъ образомъ, широкое поле. Разумѣется, не всѣ эти матеріалы могутъ имѣть важное значеніе для изслѣдователя. Въ огромномъ большинствѣ своемъ они, въ воспоминаніяхъ подголосковъ революціонныхъ партій и даже второстепенныхъ ихъ дѣятелей, требуютъ тщательной провѣрки и фильтраціи, ибо весьма часто, какъ это водилось во всѣхъ конспираціяхъ и старой, и новой Европы, эти «поддужные» революціи даже не вѣдали сокровеннаго смысла того, что они творили по указкѣ своихъ главарей. Совсѣмъ другое дѣло, когда заговорить какой-либо «сомъ» или даже «китъ» освободительнаго движенія, излагая свое «profession de foi» и свои дѣянія, ставшія достояніемъ исторіи. Помимо воли автора, его міросозерцаніе, нравственные и политическіе идеалы, все его «нутро», рисуются въ воспоминаніяхъ или автобіографіи, какъ на ладони, предъ читателемъ или изслѣдователемъ. Но чтеніе этихъ воспоминаній, если они предварительно не подвергнутся тщательной редакторской обработкѣ, производитъ иногда совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого хотѣли достигнуть авторы, привыкшіе говорить предъ аудиторіей своихъ поклонниковъ и безгласныхъ исполнителей своей воли, дѣйствовавшихъ подъ гипнозомъ страстей. Спустя полвѣка, даже для этихъ безгласныхъ орудій своихъ кумировъ многія изъ рѣчей и дѣяній ихъ руководителей получили

бы нѣсколько иной смыслъ и значеніе, именно то, которое давалъ имъ, въ разгаръ революціонной подпольной работы, гениальный истолкователь русской души Достоевскій въ своихъ «Бѣсахъ». И вотъ, въ «Голосѣ Минувшаго» объявился наконецъ въ своей автобіографіи подлинный Ставрогинъ «Бѣсовъ», извѣстный инициаторъ движенія «въ народъ», А. А. Берви, принявшій для революціонной пропаганды среди русскаго народа русскую фамилію Флеровскаго. Мы не имѣемъ возможности дать здѣсь полную оцѣнку его автобіографіи по недостатку мѣста, но отмѣтимъ его отношенія къ русской молодежи, которой онъ старался быть идейнымъ возбудителемъ и руководителемъ въ тяжкіе для нея семидесятые годы прошлаго столѣтія.

Извѣстно, что въ семидесятые годы XIX в. наше правительство само создавало почву для всеобщаго недовольства стремленіемъ всячески остановить нормальное развитіе народной жизни, получившей новое направленіе послѣ акта 19-го февраля 1861 года. Уже по самому своему существу попытки эти заранѣе обречены были на неудачу, потому что народная жизнь, выходя стихійно изъ рамокъ, поставленныхъ правительствомъ, снесла бы ихъ сама собою, но въ то же время онѣ должны были повлечь за собою и болѣзненные явленія въ народномъ организмѣ, нуждавшемся въ правильномъ, здоровомъ и безостановочномъ отпращиваніи своихъ функций. Въ особенности сказалось это въ области народнаго образованія, не только на низшихъ его ступеняхъ, но и на высшихъ, гдѣ въ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ почувствовалась «желѣзная пята» графа Д. А. Толстого, стремившагося ограничить доступъ къ образованію въ низшей, средней и высшей школѣ, а въ самыхъ учебныхъ заведеніяхъ создать учебно-воспитательный строй, убивавшій индивидуальность учащагося и изолировавшій его отъ семьи и дѣйствительной жизни. Лишать Россію кадра образованныхъ и практически подготовленныхъ людей по всѣмъ специальностямъ какъ разъ въ то время, когда освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости дало необычайно сильный толчокъ развитію интеллектуальной, промышленной и торговой жизни Россіи, а массу людей, по преимуществу дворянъ, снятыхъ съ вѣками насиженныхъ гнѣздъ,—было само по себѣ дѣломъ государственнаго ума на изнанку, потому что культурныя потребности упразднить было нельзя, и культурнотрегерами для Россіи явились иностранцы, преимущественно нѣмцы и чехи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, массы русской молодежи остались внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, или не допущенныя туда по недостатку мѣстъ, или изгнанныя оттуда по несоответствію съ драконовскими условіями учебно-воспитательнаго режима, требовавшими недюжинныхъ способностей ума и характера даровитыхъ питомцевъ и полного обезличенія со стороны натуръ слабыхъ. Эта масса молодежи, не доучившаяся и ровно ни къ какому практическому дѣлу не подготовленная, являлась для революціонныхъ дѣятелей самымъ подходящимъ матеріаломъ для развитія противоправительственной и даже противонаціональной пропаганды. Это было стадо безъ пастыря, безъ знанія жизни и людей, безъ всякой житейской подготовки. Въ особенности въ тяжкомъ положеніи очутились дѣвушки изъ дворянскихъ семей, обнищавшихъ въслѣдствіе крестьянской реформы, жаждавшія дѣятельности и труда. Г-жа Труб-

никова писала по этому поводу в международном женском журналѣ, издававшемся в Лондонѣ в 1869 году: в этой массѣ «Ежегодно все болѣе и болѣе вырастаетъ контингентъ замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, равномѣрно съ мужчинами нуждающихся в работѣ, если не желаютъ умереть съ голода или проституироваться... Какія карьеры открыты этимъ женщинамъ? Для невѣжды—иголка и домашнія заботы: руководѣльный промыселъ очень недалеко простирается и потому занимаетъ очень немногихъ женщинъ. Для образованной женщины—ремесло преподавательницы и повивальной бабки... Но число женщинъ, имѣющихъ право на трудъ и стремящихся получить его, все только увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣзненное чувствовався недостатокъ средствъ, ощущаемый женщиною, лишенною прочнаго образованія, профессіи и специальности». Этотъ экономическій факторъ сыгралъ огромную роль в нигилизмѣ и материализмѣ молодого поколѣнія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и в напряженномъ исканіи имъ выхода изъ создавагося положенія. Для многихъ изъ нихъ, озлобленныхъ или отчаявшихся в своей будущности, единственнымъ такимъ выходомъ казалось поступленіе в революціонные кружки, агитировавшіе противъ правительства. «Всякій юноша,—говорилъ г. Берви (Флеровскій),—в которомъ оставалась «искра Божія», какъ тогда говорили, направлялся своимъ педагогическимъ начальствомъ по дорогѣ къ коммунамъ, если в немъ было достаточно энергіи и рѣшимости, чтобы итти этимъ путемъ... Вступая в коммуны, онъ шелъ на свою гибель, онъ сознавалъ, что долженъ отречься отъ всѣхъ притязаній на личное счастье ради сохраненія своего человѣческаго достоинства и своихъ умственной и нравственной самостоятельности. В немъ сначала разгоралось восторженное желаніе развить до безпредѣльности свою способность приносить жертву,—и тогда только онъ шелъ. Кому же могла быть принесена эта безпредѣльная жертва?—Народу, разумѣется, одному только народу,—и онъ стремился слиться съ этимъ народомъ своею душою. Лишь только вступалъ онъ в коммуны, онъ попадалъ в среду людей, которые пережили всѣ его страданія, всю его тяжкую борьбу, всѣ тѣ пламенные чувства, которыми онъ горѣлъ,—они пережили и окрѣпли в нихъ; ему страстно хотѣлось окрѣпнуть такъ же». Такъ характеризуетъ Флеровскій, молодыхъ людей, искавшихъ его руководства. Любопытно услышать отъ него же, чему онъ училъ ихъ и какими моральными цѣнностями обогатилась эта «самоотверженная» молодежь отъ своего идейнаго руководителя.

Оказывается, она в его глазахъ имѣла только значеніе орудія политической пропаганды в народѣ, пушечнаго мяса в борьбѣ съ правительствомъ, для чего и получала специальную дрессировку. «Коммуны,—говоритъ г. Берви-Флеровскій,—исходили изъ той точки зрѣнія, что лучшими пропагандистами в народѣ будутъ лица изъ среды этого народа. Онѣ старались обучать молодыхъ людей изъ народа и развивать ихъ настолько, чтобы они могли сообщить ему тѣ политическія и социальныя знанія, в которыхъ онъ такъ крайне (sic) нуждался. Они имѣли спеціальныя квартиры, в которыхъ никто не жилъ и гдѣ читались рефераты. Обо всемъ этомъ полиція знала очень мало, и все-таки молодежь коммунъ преслѣдовалась съ большимъ ожесточе-

ніемъ; аресты и обыски не прекращались, и доходило до ссылки въ каторжныя работы. Эта жизнь среди тяжелой нужды и непрерывной опасности, вполне равнявшаяся жизни какихъ-нибудь жестоко преслѣдуемыхъ вѣроотступниковъ, выработывала въ нихъ тѣ черты характера и то умѣнье скрываться, какое необходимо въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между всѣми выдавалась Перовская; ея смѣлость, ея изобрѣтательность и хитрость поражали и удивляли... Приобрѣтая немало опытныхъ совѣтниковъ, дѣятели (sic) могли упражняться въ искусствѣ препровождать за границу тѣхъ людей, которымъ угрожала опасность, съ помощью фальшивыхъ видовъ или безъ оныхъ». Чтобы закрѣпить идейную зависимость отъ себя ослѣпленной молодежи, г. Берви-Флеровскій не усомнился выступить въ роли создателя новой религіи на социальныхъ устояхъ, такъ называемой «религіи равенства». «Надо научить народъ посвящать всѣ свои силы самому себѣ, сдѣлать его способнымъ жить и переносить все на свѣтѣ ради своихъ братьевъ... Они одни должны стоять въ его глазахъ выше всего и составлять всю цѣль его жизни. Я стремился создать религію равенства. Если бы можно было эту самую молодежь превратить въ апостоловъ такой религіи! Если бы убывающіе ихъ ряды пополнялись все новыми вѣрующими, которые, подобно первымъ христіанамъ, горѣли бы возрастающимъ энтузіазмомъ, тогда успѣхъ дѣла былъ бы обезпеченъ».

Завѣдомо обрекая притекавшую къ нему нервную, легко возбудимую молодежь на новыя гекатомбы жертвъ, «подобно первымъ христіанамъ», для миражнаго успѣха бессмысленной новой «религіи», нашъ Ставрогинъ воспѣшилъ, въ роли новаго пророка, выпустить съ этой цѣлью особую брошюру: «Къ русскому народу» и распространять ее руками своихъ жертвъ. «Великое открытіе,— пишетъ самодовольно Ставрогинъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—было сдѣлано, путь былъ найденъ; одновременно во всѣхъ головахъ загорѣлась одна и та же мысль: въ народъ! Нечего тутъ сидѣть—въ народъ! *Аскетическія привычки были сдѣланы, энтузіазмъ горѣлъ, умѣнье скрываться, изготовлять фальшивые паспорта и жить подъ чужими именами доведено до значительнаго совершенства—чего же больше, въ народъ!* Стали носить лапти и воронье гнѣздо, одѣваться въ костюмы крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ».

Конечно, основатели новыхъ религій не говорили такимъ арестантскимъ языкомъ, но г. Берви-Флеровскій не смущался этимъ соображеніемъ. По его мнѣнію, его книжка должна была создать новую эру въ социальномъ развитіи человѣчества и сдѣлать изъ распропагандированной молодежи новыхъ мучениковъ, «наподобіе древнихъ христіанъ», чтобы доставить торжество его социальнымъ бреднямъ. «Книжка,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—проповѣдывавшая религію равенства, была написана тѣмъ языкомъ, какимъ писали пророки, проповѣдывавшіе расколъ (!); она приглашала вѣрующихъ проливать свою кровь, переносить всѣ мученія и страдать за своихъ братьевъ до конца. Вѣра пусть соединяетъ ихъ въ борьбѣ со всѣмъ, что старается унижить ихъ братьевъ, въ борьбѣ за мірскую землю, за всѣ учрежденія, которыя должны установить между ними равенство. Нѣтъ добродѣтели внѣ братства, нѣтъ справедливости внѣ равенства. Не о томъ долженъ человѣкъ думать, чтобы блаженствовать на землѣ, а о томъ, чтобы приносить себя въ жертву своимъ

братьямъ всецѣло и не страшась ничего; и если онъ ослабѣетъ и отступитъ отъ страха передъ долгомъ своимъ, тогда передъ нимъ станетъ совѣсть и будетъ ужаснѣе всего того, чего онъ страшился. *Въ книжкѣ не было ни одного евангельскаго текста, ни разу не было упомянуто имя Бога или Христа, не говорилось ни объ раѣ, ни объ адѣ, ни о чемъ вымышленномъ*; отъ перваго слова до послѣдняго это была строгая проповѣдь долга и непредѣльнаго самоотверженія, за выполненіе котораго не обѣщалось никакой награды. И все-таки книга производила на рабочаго и крестьянина потрясающее, воспаляющее и притомъ *чисто религіозное впечатлѣніе*. Вотъ она настоящая-то вѣра!—воскликаетъ крестьянинъ, прочитавши книгу,—вотъ какъ нужно жить по правдѣ! И онъ клалъ книгу къ образамъ, гдѣ у него помѣщалось все священное».

Манія величія и навязчивыя идеи, столь ясныя въ этой исповѣди новаго Будды и Христа, дѣлали этого ненормальнаго человѣка особенно страшнымъ въ общеніи съ его юными послѣдователями, подчинившимися невольно (они думали—добровольно) неукротимой волѣ своего «пророка». Будущее рисовалось г. Берви-Флеровскому, «вождю новой Россіи», въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Испортила ему настроеніе новая «религія» другого проповѣдника, графа Л. Н. Толстого. «Новая религія (Берви-Флеровскаго),—говоритъ Ставрогинъ,—стала возникать въ разныхъ мѣстахъ, пока это религіозное настроеніе не пострадало чрезъ проповѣдь графа Толстого. Религія Толстого—филантропическая и консервативная: не боритесь противъ зла, не сопротивляйтесь злу,—говоритъ она. Не боритесь, не побѣждать и царить во имя равенства учила она, а отдаваться во власть безъ сопротивленія и принимать благодаренія». Далѣе возникли новыя осложненія для нашего религіозно-соціального реформатора и новые планы объ использованіи находившаго въ его рукахъ живого матеріала. «Съ самаго же перваго практическаго шага оказалось, что на почвѣ религіи аскетическій рационализмъ восторженной молодежи и склонный къ боготворенію и богообожанію народъ не могли сдѣлаться. *Я видѣлъ слишкомъ ясно безплодность такого усилія*. Народъ былъ способенъ питать религіозное чувство къ своимъ братьямъ, онъ его могъ питать только къ божеству, и этимъ все разрушалось; соціально-революціонная пропаганда составляла единственный практическій путь для возбужденія въ народѣ энергіи въ борьбѣ. Во всемъ этомъ я долженъ былъ сознаться и себѣ и другимъ, но безнадежно-горькое чувство овладѣвало мною, когда я объ этомъ думалъ. Энтузіазмъ былъ силенъ, но если бы онъ былъ даже во много разъ сильнѣе, то онъ не могъ бы сдѣлать своего дѣла. *Они не погибнутъ безплодно—о, ни въ какомъ случаѣ, но они не достигнутъ своей цѣли! Я слишкомъ долго велъ пропаганду среди русскаго народа, я слишкомъ хорошо зналъ, какъ онъ воспаляется и какъ онъ остываетъ, чтобы не предвидѣть исхода*. Мнѣ непремѣнно хотѣлось создать что-нибудь прочное, что-нибудь непрерывное дѣйствующее, что бы устояло среди всевозможныхъ гоненій; только такое идейное зерно могло вызвать, наконецъ, побѣдоносное дѣйствіе со стороны этого народа, гложущаго въ безчисленныхъ своихъ деревняхъ, какъ негры во внутренностяхъ Африки. Капля въ морѣ!—воскликала я про возникающую пропаганду,—и останется каплей въ морѣ. У меня не было ни книгъ, ни бумаги, ни пера, ни чернилъ, я былъ вполне

предоставленъ своимъ мыслямъ, но мысли эти до такой степени овладѣли всѣмъ моимъ существомъ, что я не имѣлъ ни минуты времени даже для отдохновенія. Рядомъ со мною сидѣла Перовская, но я отказался переговариваться съ нею— мнѣ было не до того. Отъ волнующихъ меня чувствъ и мыслей я дошелъ до такого состоянія, что не могъ ни ѣсть, ни пить; въ теченіе нѣсколькихъ дней я не ѣлъ ничего и не проглотилъ даже капли воды. Жандармы пришли въ смущеніе... Я все-таки выработалъ и изложилъ свою рациональную религію, и это изложеніе было напечатано въ Женевѣ (въ 1877 г.) подъ заглавіемъ: «На жизнь и смерть». Этотъ «романъ въ трехъ частяхъ», посвященный «изображенію идеалистовъ», въ родѣ самого г. Берви-Флеровскаго, перепечатанъ былъ недавно и въ Россіи, въ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія», но наше общество, даже въ юныхъ своихъ представителяхъ, уже переросло міросозерцаніе стараго пропагандиста, и «романъ» этотъ не обратилъ на себя никакого вниманія, сохранивъ за собою, однако, значеніе автобіографическаго документа.

«Хожденію въ народъ» первоначально сочувствовало и общество, самодѣятельность котораго скована была строгой правительственной опекой и гнетомъ. «Все общество,—говоритъ г. Берви,—будто ожгло: столько лѣтъ говорили о томъ, что пора перейти отъ словъ къ дѣлу, а дѣло не являлось. Ждали людей дѣла, и людей такихъ не было, чувство своего бессилія было ужасно, люди презирали самихъ себя. Вдругъ люди дѣла явились, прекрасные, смѣлые, самоотверженные. Все въ нихъ поражало, все было удивительно: полиція за ними голялась и не могла ихъ словить; они жили, не имѣя легальнаго положенія, никакія строгости не помогали... Скоро все вниманіе общества сосредоточено было на этой пропагандѣ, объ ней только и говорили. Наконецъ-то найденъ истинный путь,—носилось въ воздухѣ:—на этомъ пути Россія достигнетъ цѣли, мы получимъ все и больше, чѣмъ ожидаемъ; Европа съ удивленіемъ увидитъ такой переворотъ, какого еще не бывало; теперь мы изъ послѣднихъ сдѣлаемся первыми! Дѣйствительно, наступило такое время, когда все крестьянское населеніе заговорило о передѣлѣ земли, о томъ, что землю создалъ Богъ, что она принадлежитъ всѣмъ и не можетъ быть предметомъ частной собственности. Крестьяне, у которыхъ обрѣзаны были земли, надѣялись получить обратно все, что у нихъ было отнято; бывшіе крѣпостные рассчитывали получить надѣлы изъ земель, оставшихся во владѣніи помѣщиковъ. Чтобы прекратить всѣ эти тревожные слухи, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ разослать по Россіи циркуляръ о томъ, что крестьяне не должны рассчитывать ни на передѣлъ земли, ни на увеличеніе своихъ надѣловъ. Серьезные люди шептали другъ другу: пусть ихъ! Когда разыграется движеніе, серьезные люди вынудятъ у императора конституцію и будутъ сильнѣе, чѣмъ были. Но восторженная молодежь рассуждала иначе: открытъ истинный путь, готовится праздникъ для народа, и онъ наступитъ! Пропагандисты казались имъ героями, ихъ невѣроятная смѣлость и лихія похожденія были у всѣхъ на устахъ, они казались могучими, свѣтлыми, святыми. Они сдѣлаютъ свое великое дѣло; Европа узнаетъ, что такое русскій народъ. Вотъ для чего стоитъ жить—для этого, и только для этого. Они день и ночь думали о томъ, какъ бы сопричислиться къ нимъ, какъ бы помочь имъ

совершить ихъ великое дѣло; получившіе въ наслѣдство нѣсколько тысячъ рублей отдавали ихъ на дѣло, богатые люди жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ. Тѣ, которые не имѣли случая сблизиться съ дѣятелями, пускались наудалую въ одиночку и часто сблизались со старыми пропагандистами только въ селкѣ. Женщины и мужчины искали мѣста сельскихъ учительницъ и учителей въ деревняхъ, поступали фельдшерницами и акушерками; никто не исполнялъ такъ хорошо своихъ обязанностей, какъ эти проникнутые любовью къ народу и энтузіазмомъ люди. Другіе стремились взяться за соху и обрабатывать землю вмѣстѣ съ крестьяниномъ; старались составить сельскія коммуны, жить подъ одной кровлей, работать сообща. Даже знаменитый агрономъ Энгельгардтъ давалъ обществу понять, что онъ живетъ, ѣсть и пьетъ, какъ крестьянинъ, его интересуется агрономія, а не желаніе нажиться отъ агрономіи. Къ нему ѣздили учиться, съ цѣлью учредить сельскія коммуны». Открылось еще одно поприще для пропаганды: это земская статистика, гдѣ пропагандисты имѣли постоянную возможность общенія съ народомъ.

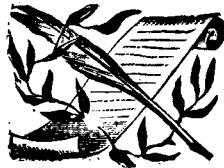
Но Берви-Флеровскому опять пришлось разочароваться. «Отославъ для напечатанія за границу свою книгу о новой религіи,—говоритъ онъ,—я сталъ разговаривать съ интеллигентными людьми. Мнѣ стали доказывать, что изъ новой религіи въ наше время никакого толку выйти не можетъ, но что моя идея имѣетъ цѣну сама по себѣ, какъ идея философская, естественно-научная и рациональная, что она требуетъ строго-научнаго, серьезнаго примѣненія и что религіозный (!) паеосъ ей только мѣшаетъ. Я убѣдился въ этомъ и изложилъ свое ученіе въ формѣ философіи коммунизма». Съ другой стороны, хожденіе въ народъ также не привело къ быстрымъ ожидаемымъ результатамъ. «Коммуны для общаго сельско-хозяйственнаго труда также потерѣли фіаско уже потому, что цѣны на сельско-хозяйственные продукты сообразовались съ потребностями безграмотнаго народа. Энгельгардтъ, конечно, могъ ѣсть и одѣваться, какъ крестьянинъ, безъ вреда для своей интеллигентности... Но несчастное юношество утрачивало свое развитіе въ глухихъ деревняхъ—и только... Трудности постоянно возрастали, и надежда на успѣхъ ослабѣвала. Люди сдѣлали изъ движенія цѣль своей жизни, и цѣль эта исчезла предъ ними. Они напрягали всѣ свои силы, а дѣло не двигалось; имъ казалось, что они со всѣхъ сторонъ окружены измѣной и предательствомъ... Борьба была такъ невыносимо тяжела, что большинство дѣятелей думали о самоубійствѣ... Такъ же часто люди побуждались къ этому тоскою отъ невозможности что-либо дѣлать. Эти самоубійства были выраженіемъ умирающей надежды на спасеніе Россіи... Да, энтузіасты умирали, бесплодное отчаяніе плодилось въ ихъ душахъ: но энтузіазмъ выработалъ слишкомъ опытныхъ бойцовъ... Они видѣли слишкомъ ясно, что движеніе погибаетъ и должно погибнуть, не достигнувъ цѣли. Тогда они рѣшились оставить пропаганду въ сторонѣ и вынудить конституцію терроризмомъ». Извѣстно, что терроръ этотъ закончился событіемъ 1-го марта 1881 года и новымъ торжествомъ реакціи въ Россіи.

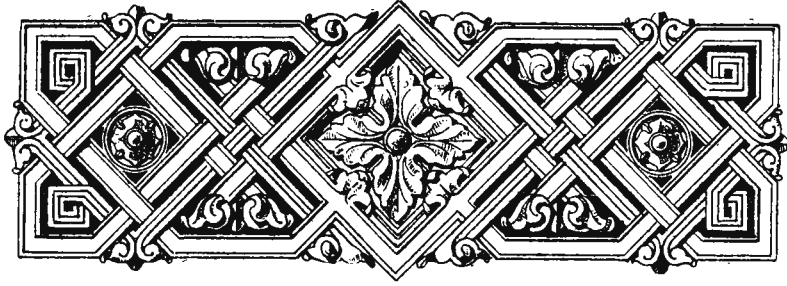
Исторія ошибокъ и метаній революціонной партіи въ Россіи изложена въ автобіографіяхъ г. Берви съ тупымъ самодовольствомъ «руководителя», гордившагося своею ролью и мало задумывавшагося надъ тѣмъ, что за эти ошибки и

самодовольство расплачивались довѣрявшія имъ тысячи юношей и дѣвушекъ своимъ физическимъ и нравственнымъ здоровьемъ, и многіе даже своею жизнію. Борьба съ правительствомъ сама по себѣ сдѣлалась предметомъ спорта для руководителей движенія и заслонила собою цѣль этой борьбы—идею благосостоянія русскаго народа. Въ пылу борьбы кто считаетъ жертвы, кто о нихъ думаетъ? «Прекрасные, смѣлые, восторженные» дрессировались, натаскивались для борьбы съ полиціей и награждались тюремными добродѣтелями: умѣнъемъ скрываться, обманывать, совершать подлоги, и терпѣливо переносили всѣ страданія за идеи, бесплодность которыхъ завѣдомо сознавалась самими ихъ руководителями. Было ли это отношеніе къ русской молодежи разумнымъ и честнымъ со стороны революціонныхъ заправиль,—объ этомъ, какъ видно изъ откровеній г. Берви-Флеровскаго, въ ихъ кругу не возникало даже вопроса: «лѣсъ, моль, рубятъ, щепки летятъ»...

Будущій русскій историкъ съ грустью остановится предъ гекатомбами жертвъ, принесенныхъ русскою молодежью во второй половинѣ XIX вѣка для счастья своего народа. Ея не щадило правительство въ слѣпомъ и упорномъ отстаиваніи началъ, уже отжившихъ свой вѣкъ, но не пощадили въ своей тупой прямолинейности и самомнѣніи и тѣ самозванные «блюстители правды», руководству которыхъ молодежь эта ввѣрялась безгранично, съ полнымъ самоотверженіемъ. Увы, въ автобіографіяхъ революціонныхъ дѣятелей часто, черезчуръ часто такъ и блещутъ черты героевъ «Бѣсовъ», «Некуда» и «Взбаламученнаго моря», изображенныхъ перомъ Достоевскаго, Лѣскова и Писемскаго. Едва ли можетъ служить для кого бы то ни было утѣшеніемъ мысль, что на невоздѣланной нивѣ всегда растетъ сорная трава... Бѣда странѣ, гдѣ заглушена общественная жизнь и, внѣ общественнаго контроля, дѣйствуютъ темныя силы и подпольные безотвѣтственные руководители.

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПАГИЧЕСКАЯ ночь бельгійскаго правительства.—Въ февральской книжкѣ «Revue de deux Mondes» одинъ изъ высшихъ чиновъ бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Альбертъ де-Бассонпьерръ рассказываетъ о жуткихъ событіяхъ, которыя пришлось пережить брюссельскому правительству въ ночь со 2-го на 3-е августа 1914 г. (по новому стилю), когда Бельгійи былъ врученъ извѣстный германскій ультиматумъ, требовавшій свободнаго пропуска германскихъ войскъ черезъ территорію этого государства.

Объявленіе войны Австро-Венгріей Сербіи стало извѣстно въ Брюсселѣ 28-го іюля. Въ тотъ же вечеръ послѣдовало засѣданіе совѣта министровъ подъ председательствомъ короля Альберта. На другой день официальный «Moniteur Belge» напечаталъ статью, въ которой напоминалъ державамъ Европы, что Бельгійа должна быть, согласно ихъ же постановленію, «вѣчно нейтральной». Въ тотъ же день, часовъ въ десять вечера англійскій посланникъ сэръ Виллиеръ сообщилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ, что сэръ Грей запросилъ Францію и Германію, намѣрены ли онѣ уважать нейтралитетъ Бельгійи, и просилъ съ своей стороны не допускать ничего такого, что дало бы поводъ къ нарушенію этого нейтралитета.

1-го августа французскій посланникъ Клобуковскій извѣстилъ бельгійское правительство, что республика намѣрена безусловно уважать бельгійскій нейтралитетъ, но если какая-либо другая держава его нарушитъ, то французское правительство также можетъ измѣнить свое къ нему отношеніе.

Германія молчала. Еще 31-го іюля главный секретарь министерства баронъ ванъ-дербъ-Эльстъ пытался зондировать этотъ вопросъ у германскаго посланника фонъ Беловъ-Залеске и напомнилъ ему успокоительныя завѣренія, которыя давалъ Бельгіи его предшественникъ фонъ-Флотовъ, и ссылался на рѣчь фонъ-Ягова въ бюджетной комиссіи рейхстага, въ которой германскій министръ настаивалъ на сохраненіи нейтралитета Бельгіи.

1-го августа послѣ полученія отвѣта отъ Клобуковскаго автору воспоминаній было поручено съѣздить въ германское посольство и переговорить съ германскимъ посломъ. Выслушавъ посланнаго, фонъ-Беловъ-Залеске откинулся въ кресло и, устремивъ полужакрытыя глаза на потолокъ, повторилъ о нейтралитетѣ Бельгіи тѣ самыя слова, которыя онъ только что слышалъ. Потомъ онъ всталъ и предложилъ Бассонпьерру папиросу, давая тѣмъ самымъ понять, что дѣловая часть свиданія кончена.

Въ воскресенье 2-го августа въ Бельгіи узнали объ объявленіи войны Россіи, а въ полдень пришла телеграмма, что нѣмецкія войска перешли уже границу Люксембурга. Часовъ въ семь, когда авторъ воспоминаній сидѣлъ за работой въ министерствѣ, швейцаръ доложилъ, что къ министру иностранныхъ дѣлъ Давиньону только что пріѣхалъ фонъ-Беловъ-Залеске. Въ министерствѣ произошелъ переполохъ, и легко понять, что десять минутъ, пока длилось это свиданіе, показались всѣмъ вѣчностью.

«Однимъ прыжкомъ мы были въ кабинетъ министра,—разсказываетъ Бассонпьерръ.

«— Плохо дѣло, очень плохо,—сказалъ блѣдный, какъ смерть, Давиньонъ.— Германія требуетъ пропуска ея войскъ.

«— И какой отвѣтъ вы дали?

«— Я сказалъ, что я разсмотрю эту ноту вмѣстѣ съ королемъ и моими коллегамъ. Надо ее скорѣе перевести. Попросите пріѣхать Броквилля (министра-президента).

«Бассонвиль вооружился перомъ и подъ диктовку директора департамента сталъ писать переводъ. Переводить германскую ноту было не легко, такъ какъ она изобиловала двусмысленными выраженіями.

«Вскорѣ прибылъ и первый министръ. Выслушавъ ноту, онъ, положивъ голову на руки, крѣпко задумался. На нѣсколько минутъ водворилось глубокое молчаніе. Каждый понималъ, что настала часъ, когда рѣшались судьбы Бельгіи.

«Первымъ прервалъ молчаніе главный секретарь министерства баронъ ванъ-дербъ-Эльстъ.

«— Мы готовы, г. министръ?—спросилъ онъ.

«Броквилль, видимо, овладѣвъ собою, заговорилъ медленно и отчетливо, какъ бы отчеканивая слова:

«— Мы готовы. Мобилизація идетъ великолѣпно. Завтра вечеромъ армія будетъ готова къ выступленію, но... тутъ есть одно «но»: у насъ нѣтъ тяжелой артиллеріи.

«Потомъ онъ, не теряя времени, отправился къ королю.

«Въ восемь съ половиной часовъ,—разсказываетъ авторъ,—я зашелъ въ одинъ изъ ресторановъ наскоро пообѣдать. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня

этотъ ярко освѣщенный залъ и его посѣтителѣ, весело расположившіеся за со-сѣдными столиками. Они ничего не знали, а я былъ полонъ смущенія и тревоги».

Вернувшись въ министерство, авторъ засталъ уже ближайшаго своего со-служивца барона Геффье за работой. Не сомнѣваясь, что отвѣтитъ Бельгія, онъ заранѣе набрасывалъ черновикъ отвѣта на германскій ультиматумъ.

Между тѣмъ во дворцѣ у короля Альберта происходилъ совѣтъ, на который были вызваны начальникъ штаба и его помощникъ. Начался совѣтъ въ девять часовъ вечера и продолжался съ перерывами до четырехъ часовъ утра. Около полуночи отвѣтъ на ультиматумъ былъ готовъ. Не зная, что говорили на совѣтѣ, баронъ Геффье составилъ свой черновикъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ коихъ его редактировали на совѣтѣ. Пришлось измѣнить всего нѣсколько фразъ.

Въ часъ ночи Беловъ-Залеске пріѣхалъ въ министерство и хотѣлъ видѣть барона ванъ-деръ-Эльста. Но его приняли тамъ очень холодно, и онъ по одному этому могъ предугадать, какой отвѣтъ его ожидаетъ.

Въ три часа ночи Клобуковскій далъ знать по телефону въ министерство, что онъ видѣлъ въ небѣ лучи прожектора. Очевидно, это леталъ германскій аэропланъ, который замѣтили многіе.

Несмотря на позднее время, всѣ окна военнаго министерства были освѣ-щены. У его подъѣзда стояло нѣсколько автомобилей. На улицѣ толпился на-родъ: мобилизація шла полнымъ ходомъ.

На перекресткахъ стояли группы, смотрѣвшія на небо. Всѣ утверждали, что слышали шумъ цепелина. Особенно волновался какой-то офицеръ. По-тихоньку онъ сообщилъ Бассоньерру, что передъ Эттербекскими казармами стоитъ цѣлый артиллерійскій паркъ и что брошенная сюда съ аэроплана бомба можетъ надѣлать страшнаго вреда. Артиллерія получила приказъ отправиться въ одинъ изъ пригородныхъ лѣсовъ и тамъ спрятаться.

На другой день баронъ Геффье рассказывалъ въ министерствѣ, что по окон-чаніи совѣта во дворцѣ ему было поручено передать бельгійскій отвѣтъ гер-манскому посланнику. Въ большемъ волненія прибылъ онъ въ семь часовъ утра въ посольство. Фонъ-Беловъ-Залеске уже ждалъ его. Прочтя отвѣтъ, онъ спросилъ, не имѣетъ ли баронъ чего-либо добавить. Но тотъ ограничился поклономъ и вышелъ на улицу.

Посольства Англій и Франціи были сейчасъ же увѣдомлены обо всемъ про-исшедшемъ, а утромъ извѣстіе объ ультиматумѣ появилось и въ газетѣ «Etoile Belge».

Около десяти часовъ утра въ министерство прибылъ англійскій атташе Веб-беръ, не старавшійся даже скрыть сильное волненіе, которое его охватило. Когда ему прочли отвѣтъ бельгійскаго правительства, онъ не могъ удержаться и громко крикнулъ: «Браво, бельгійцы!» Потомъ онъ переписалъ стенографи-чески нужные ему документы и бросился съ ними къ своему шефу.

Между тѣмъ черезъ дворъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ открытыя окна стали доноситься какой-то отдаленный гулъ. Оказалось, что это загудѣла сама народная масса, до которой дошло извѣстіе о неизбѣжной войнѣ съ нѣм-цами.

4-го августа въ шесть часовъ утра фонъ-Беловъ-Залеске опять явился къ Давиньону и передалъ ему новую ноту, не оставляющую никакого сомнѣнія въ создавшемся положеніи. Германія увѣдомляла, что она, въ случаѣ надобности, силою оружія вступить на бельгійскую территорію. А въ девять съ половиной было получено извѣстіе, что нѣмцы привели въ исполненіе свою угрозу и перешли бельгійскую границу у деревни Гемменихъ. Бельгійскіе жандармы открыли огонь, и тутъ произошла первая схватка бельгійцевъ съ германцами.

На 4-е августа, въ десять часовъ утра было назначено открытіе бельгійскихъ законодательныхъ палатъ. На улицахъ уже успѣла собраться огромная толпа народа, стоявшаго по пути слѣдованія королевскаго кортежа. Городъ имѣлъ праздничный видъ и весь расцвѣтился флагами.

Ровно въ десять часовъ показалась въ открытомъ экипажѣ королева съ тремя дѣтьми. Народъ устроилъ ей настоящую овацію.

Черезъ три минуты раздались громкіе крики: народъ привѣтствовалъ короля. Впереди его ѣхалъ взводъ гражданской гвардіи, сзади свита. Король Альбертъ ѣхалъ верхомъ, въ походной формѣ. Онъ былъ блѣденъ, но спокоенъ и привѣтливо отвѣчалъ рукой на клики народа, который не только заполнилъ всю улицу, но и занялъ всѣ выходящія на нее окна и даже расположился на крышахъ домовъ.

— Vive le roi! Vive la Belgique!—неслось повсюду.

Подѣхавъ къ зданію законодательныхъ палатъ, король сошелъ съ лошади и былъ встрѣченъ депутаціей народныхъ представителей и сенаторовъ. Они всѣ столпились около него, наглядно символизируя единеніе народа съ своимъ государемъ.

На другой день Брюссель узналъ о первомъ столкновеніи бельгійской арміи съ нѣмцами при Визе, а затѣмъ наступили всѣмъ памятные дни обороны Льежа.

— Австрійскій дворъ наканунѣ войны.—Въ журналѣ «Le Correspondent» Эрнестъ Додэ, авторъ воспоминаній о послѣднихъ годахъ Бисмарка, изъ которыхъ мы приводили извлеченія въ послѣднихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника», началъ печатать другую свою работу—объ австрійскомъ дворѣ и правительствѣ наканунѣ войны 1914 года. Напечатанная пока первая глава охватываетъ событія до убійства наслѣдника австрійскаго престола въ Сераевѣ.

Хотя въ юлѣ 1914 года вся Европа была охвачена страхомъ, какъ бы не разразилась война, однако не было такихъ событій, которыя указывали бы на грядущій міровой пожаръ. Политическій горизонтъ, казалось, прояснился, и русскій посланникъ въ Вѣнѣ Шебеко счелъ даже возможнымъ уѣхать въ отпускъ, а императоръ Францъ-Иосифъ спокойно переселился на лѣтнее пребываніе въ Ишль.

На первый взглядъ эта мѣстность, расположенная въ 50-ти миляхъ отъ Вѣны, не представляетъ ничего живописнаго, но императоръ любитъ этотъ горное и лѣсистое мѣстечко, которое теперь стало моднымъ.

Францъ-Иосифъ обыкновенно живетъ здѣсь очень уединенно, безъ соблюденія обычнаго придворнаго этикета. Въ этомъ уединеніи его часто навѣщаютъ

его дочери эрцгерцогини Гизелла и Валерія, изъ которыхъ первая замужемъ за Леопольдомъ Баварскимъ, братомъ теперешняго баварскаго короля, а другая за герцогомъ Францомъ-Сальваторомъ изъ Тосканской вѣтви. Но чаще всего у него бываетъ его первый адъютантъ графъ Пааръ.

Пааръ другъ дѣтства императора и пользуется привилегіей говорить ему «ты». Постояннымъ посѣтителемъ дворца является также полковникъ графъ Гойосъ, пользующійся особымъ покровительствомъ императора за свои остроты и умѣнье рассказывать смѣшныя анекдоты.

Но первое мѣсто среди этой интимной компаніи занимаетъ бывшая фаворитка императора Екатерина Шраатъ. Ея отношенія съ императоромъ восходятъ къ далекому прошлому, къ той эпохѣ, когда императоръ, желая явить къ своимъ подданнымъ отеческую заботливость и доступность для всѣхъ, вздумалъ лично принимать два раза въ недѣлю всѣхъ, имѣющихъ къ нему надобность.

Екатерина Шраатъ, актриса, пользовавшаяся нѣкоторой репутацией, была въ это время въ полномъ расцвѣтѣ своей обворожительности. Явившись къ императору съ какимъ-то ходатайствомъ, она пустила въ ходъ все свое кокетство и такъ очаровала императора, что отношенія ихъ никогда уже не прерывались. Въ ту эпоху Шраатъ жила всегда по близости отъ императора, который каждое утро около семи часовъ заходилъ къ ней на утренній завтракъ, который она сама приготавливала.

Въ этой роли она составила себѣ большое состояніе. Говорили, что за разныя дѣла, которыя обдѣлывались черезъ нее, она брала большія взятки. Но вѣнды всегда относились къ ней съ сочувствіемъ. Вліяніе ея на императора, котораго въ Вѣнѣ величали «*Heig Schraat*», было такъ велико, что къ ея помощи прибѣгали даже члены императорской семьи.

Когда 31-го января 1889 года пришло въ столицу извѣстіе о смерти эрцгерцога Рудольфа, первой узнала объ этомъ императрица Елизавета. Не знали, кому поручить сообщить эту потрясающую вѣсть Францу-Иосифу.

— Поручите это г-жѣ Шраатъ, — сказала убитая горемъ императрица.

Къ посредству этой Шраатъ прибѣгали и въ менѣе трагическихъ случаяхъ. Вотъ рассказъ, ходившій въ Вѣнѣ незадолго до войны 1914 года. Въ австрійскую столицу пріѣхалъ Фердинандъ Кобургскій, которому нужно было переговорить съ императоромъ. Францъ-Иосифъ долго не давалъ ему аудіенціи. Тогда Кобургъ прибѣгъ къ помощи Шраатъ. Когда въ день ея именинъ къ ней явился съ поздравленіемъ одинъ дипломатъ, Шраатъ показала ему великолѣпный букетъ, который ей прислалъ ея «*Franzergl*».

— Но вотъ это будетъ еще лучше, — вдругъ сказала она, показывая чудныя брильянтоваыя серьги. — Это мнѣ поднесъ Фердинандъ Болгарскій. Императоръ заставилъ его такъ долго ждать.

Несмотря на свой преклонный возрастъ и немощность, Францъ-Иосифъ до сихъ поръ ревностно защищаетъ свои прерогативы и слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ.

Рассказываютъ такой анекдотъ.

Въ маѣ прошлаго года, когда Италія готова была выйти изъ своего нейтралитета, одна француженка, вышедшая замужъ за австрійца и уже тридцать

лѣтъ живущая въ Вѣнѣ, вздумала воспользоваться услугами курьера, который отправился въ Римъ по распоряженію итальянскаго посла, и дала ему письмо. Въ этомъ посланіи она выражала горячее сочувствіе Франціи, Курьеръ былъ остановленъ австрійскими властями, всѣ письма отъ него отобраны и вскрыты, а то, которое писала француженка, было опубликовано въ газетахъ, зависящихъ отъ правительства. Всѣ думали, что ее вотъ-вотъ арестуютъ и отдадутъ подъ судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Каково же было ея удивленіе, когда въ одинъ прекрасный день ей доставили письмо императора, въ которомъ тотъ выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу всего того, что случилось, и выражаетъ ей свое почтеніе.

Но такіе шаги онъ предпринимаетъ не часто, обыкновенно же окружающіе устраиваютъ такъ, что онъ, самъ того не замѣчая, исполняетъ все, чего они отъ него хотятъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Въ 1912 г. вслѣдствіе нездоровья императора приемы во дворцѣ были прекращены. Вслѣдствіе этого стала падать торговля предметами роскоши. Чтобы дать торговцамъ нѣкоторое удовлетвореніе, съ началомъ 1913 г. опять открыли двери дворца и дали небольшой балъ и нѣсколько парадныхъ обѣдовъ, на которые приглашались высшіе сановники и дипломатическій корпусъ. За столомъ императору нарочно не давали возможности вступить въ разговоръ съ дипломатами и для этой цѣли подавали одно блюдо за другимъ съ невѣроятной быстротой, такъ что Францъ-Иосифъ едва успѣвалъ проглотить послѣдній кусокъ, какъ приходилось приниматься за новый. Говорили, что это было сдѣлано по распоряженію наслѣдника престола Франца-Фердинанда.

Со времени пораженія подъ Садовой Австрія вошла въ сферу вліянія Германіи. Нѣмцы всячески поощряли венгровъ, рассчитывая съ ихъ помощью забрать въ руки австрійцевъ. Особенно работали въ этомъ направленіи венгерскій министръ Андраши, заключившій съ Бисмаркомъ въ 1879 г. австро-германскій союзъ. Съ этого времени Германія неуклонно толкала Австрію на Балканскій полуостровъ, и эрцгерцогъ Рудольфъ обѣщаль даже своей женѣ, что современемъ она будетъ византійской императрицей.

Новый наслѣдникъ Францъ-Фердинандъ имѣлъ сначала совершенно другіе планы: онъ признавалъ необходимымъ прежде всего избавиться отъ опеки венгровъ и германцевъ. Но эти планы такъ и остались безъ осуществленія: боясь Россіи, Австрія покорно несла германское иго.

Впрочемъ, и эрцгерцогъ Рудольфъ не особенно долюбливалъ нѣмцевъ и Вильгельма. На одномъ балу у французскаго посланника онъ разговорился съ хозяиномъ и высказалъ нѣсколько очень вѣрныхъ собраній о хваленной прусской арміи.

— Германскій солдатъ питаетъ къ своему офицеру такую ненависть, — говорилъ онъ: — что при первой же неудачѣ онъ застрѣлитъ его. Съ другой стороны, Германія боится социалистовъ, и принцъ Вильгельмъ говорилъ мнѣ, что всѣ солдатскія письма распечатываются. Прусскій офицеръ холоденъ, грубъ, нахаленъ и не знаетъ никакой культуры духа. Представьте себѣ только, что однажды послѣ маневровъ германскій военный атташе въ Вѣнѣ осмѣлился сказать мнѣ, что онъ мною доволенъ!

При всем томъ германское засиліе въ Вѣнѣ было прочно, и нунцій (позднѣе кардиналъ) Чацкій, жившій въ Вѣнѣ въ 1914 г., очень точно опредѣлялъ положеніе Австріи.

— Въ Балльплацѣ царить германизмъ самой чистой воды. Балльплацъ— это просто отдѣленіе Вильгельмштрассе.

Захватъ Австріи въ цѣпкія когти Германіи пошелъ еще успѣшнѣе, когда австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ за смертію Эренталя былъ назначенъ гр. Берхтольдъ. Милліонеръ, женатый на столь же богатой графинѣ Кароли, Берхтольдъ владѣеть огромными имѣніями въ Венгріи и Моравіи, имѣеть великолѣпный замокъ въ Бухлау, большой конскій заводъ и ведетъ широкій образъ жизни, срывая всюду цвѣты удовольствія. Когда онъ служилъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Петроградѣ, никому и въ голову не приходило, чтобы этого внука Моцарта могли когда-нибудь назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ. Говорятъ, что императоръ долженъ былъ назначить на это мѣсто графа Сечени, но Францъ-Иосифъ запутался въ представленныхъ ему спискахъ и назначилъ вмѣсто Сечени Берхтольда.

Нерѣшительный, плохо освѣдомленный, Берхтольдъ находится всецѣло въ рукахъ своихъ чиновниковъ и поддается одновременно совершенно противоположнымъ вліяніямъ. Дѣла его тяготятъ, и, отсидѣвъ въ министерствѣ свои часы, онъ бѣжитъ искать развлеченій.

Наканунѣ войны 22 іюля 1914 г. онъ ѣздилъ къ императору въ Ишль съ докладомъ объ ультиматумѣ, который рѣшено было вручить. Передача ультиматума была назначена на другой день. А вечеромъ въ тотъ же день его видѣли на загородномъ гуляньѣ фланирующимъ въ толпѣ въ поискахъ какихъ-нибудь приключеній.

Его подчиненные прекрасно знаютъ все его слабости, его способность поддавать подъ чужое вліяніе.

— Зачѣмъ вы обратились прямо къ министру?—откровенно говорятъ они просителямъ.— Онъ или забудетъ вашу докладную записку, или, если и вздумаетъ положить какую-нибудь резолюцію, то всякому не трудно будетъ сбить его.

Руководящую роль въ австрійскомъ министерствѣ игралъ графъ Форгачъ, извѣстный сербоненавистникъ, прославившійся своимъ дипломатическими подлогами. Еврей по происхожденію, безобразный по внѣшности, этотъ Форгачъ служилъ когда-то при австрійскомъ посольствѣ въ Петроградѣ и слылъ здѣсь за большого руссофила. Весною 1914 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ, гдѣ требовался человекъ «на все руки». Въ короткое время онъ совершенно завладѣлъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ барономъ Маккіо и сплавилъ его посланникомъ въ Римъ. Берхтольдъ послушно исполнялъ совѣты своего новаго сотрудника, который, въ свою очередь, былъ послушнымъ орудіемъ германскаго посланника Чирскаго. Другимъ агентомъ германской политики въ Австріи былъ начальникъ бюро печати въ министерствѣ Канья. Вдвоемъ съ Форгачемъ они принялись возбуждать общественное мнѣніе противъ сербовъ, пуская въ ходъ разныя небывлицы въ родѣ исторіи о консулѣ Прохаскѣ будто бы замученномъ сербами, на самомъ же дѣлѣ не имѣвшемъ никакого повода на нихъ пожаловаться.

Какъ ни интриговаль Форгачъ, гр. Бертольдъ продолжалъ, однако, колебаться. Одинъ изъ посланниковъ тройственнаго союза заговорилъ съ нимъ какъ-то о томъ, что черногорцы, осаждавшіе Скутари, скоро возьмутъ этотъ городъ.

— Нельзя допустить даже мысли объ этомъ,—отвѣтилъ австрійскій министр:—это было бы крушеніемъ всѣхъ нашихъ комбинацій.

А черезъ недѣлю, когда Эссады-паша сдалъ городъ, вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ видъ, что онъ нисколько не удивленъ этимъ событіемъ, и самъ Эссады-паша былъ принятъ въ Вѣнѣ, какъ сильный союзникъ, и былъ награжденъ императоромъ высокимъ орденомъ... Съ не меньшимъ жаромъ принимали въ Австріи и авантюриста Измаила Кемалья-пашу, пользовавшагося нѣкоторымъ вліяніемъ въ Албаніи.

Появленіе принца Вида, избраннаго на албанскій престолъ столь страннымъ образомъ, вызвало въ Вѣнѣ сильное смущеніе: такъ онъ не соответствовалъ по своимъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ этой роли, которую ему предназначали. Но какъ только онъ высадился въ Дураццо, австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ сейчасъ же заговорило, что лучшаго человека и найти трудно.

Кромѣ Чирскаго, огромнымъ вліяніемъ на Бертольда пользовались два венгерца: графъ Тисса и баронъ Буріанъ. Оба они—люди властные, съ замашками круглоголовыхъ временъ Кромвелля.

Тисса отличается огромной энергіей и силой характера. Рассказываютъ, что однажды онъ присутствовалъ на одномъ обѣдѣ, шутилъ съ своими друзьями, рассказывалъ веселыя исторіи и прямо съ обѣда отправился драться на дуэли. Ранивъ своего противника, онъ поспѣлъ къ засѣданію парламента, произнесъ съ трибуны рѣчь, ничѣмъ не выдавая, что всего нѣсколько минутъ тому назадъ онъ былъ на волосокъ отъ смерти. Какъ и Буріанъ, онъ является рьянымъ сторонникомъ нѣмцевъ.

Другимъ такимъ сторонникомъ былъ итальянскій посолъ герцогъ Аварна. Онъ осаждалъ Бертольда разными просьбами, постоянно наносилъ ему визиты и старался дѣйствовать на него исподволь въ то время, какъ германскій посолъ дѣйствовалъ грубо и рѣшительно.

Бѣдный герцогъ и не подозрѣвалъ, какое положеніе займетъ вскорѣ его страна.

Изъ ярыхъ германофиловъ среди дипломатическаго корпуса слѣдуетъ упомянуть еще о греческомъ посланникѣ Георгѣ Штрейтѣ. Этотъ Штрейтъ даже по обличью былъ настоящій нѣмецъ. Его дѣдъ пріѣхалъ въ Грецію съ королемъ Оттономъ, его отецъ, родившійся уже греческимъ подданнымъ, былъ профессоромъ политической экономіи и директоромъ Аѣинскаго банка. Одно время онъ преподавалъ политическую экономію теверешнему королю. Георгъ Штрейтъ, получившій образованіе въ Германіи и во Франціи, читалъ въ Аѣинскомъ университетѣ международное право. Покойный Георгъ назначилъ его главнымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ и, чтобы подготовить его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, далъ ему мѣсто посланника въ Австро-Венгріи. Зная ненависть короля Георга къ Пруссіи, Штрейтъ держалъ себя очень

осторожно и скрывалъ свое германофильство. Но послѣ убійства короля онъ сбросилъ маску и сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ германскаго посольства. Король Константинъ назначилъ Штрейта руководителемъ эллинской политики. Это было какъ разъ въ эпоху Бухарестскаго трактата, такъ щедро вознаградившаго грековъ за побѣду ихъ надъ турками. Этотъ успѣхъ вскружилъ голову Штрейту, съ тѣхъ поръ его охватила настоящая манія величія и германофильства.

Покончивъ съ характеристикой высшихъ дѣятелей австрійской дипломатіи, авторъ переходитъ къ личности убитаго въ Сераевѣ наслѣдника. Францъ-Фердинандъ былъ сынъ эрцгерцога Карла-Людвига, брата императора Франца-Иосифа, Смерть эрцгерцога Рудольфа въ 1889 г. неожиданно сдѣлала Карла-Людвига наслѣдникомъ австрійскаго престола. До этого момента онъ держался вдали отъ политики, посвящая свое время научнымъ занятіямъ. Не отличаясь честолюбіемъ, онъ хотѣлъ было отказаться отъ неожиданно выпавшаго ему наслѣдства, но побоялся, что императоръ сочтетъ это за уклоненіе отъ своего долга.

Карль-Людвигъ умеръ въ 1896 г., и право на австрійскій престолъ перешло къ его сыну Францу-Фердинанду, подпавшему подъ сильное вліяніе клерикаловъ и іезуитовъ. Первоначально его отношенія къ Вильгельму II не отличалась особой сердечностью, и перемѣна въ нихъ произошла только съ 1908 г., когда кайзеръ пріѣхалъ къ нему на охоту въ замокъ Эккартзау на Дунаѣ и, повидимому, увлекъ его перспективой окончательнаго присоединенія къ Австріи Босніи и Герцеговины.

Францъ-Фердинандъ не пользовался въ Австріи особой популярностью. Его считали необщительнымъ, высокомернымъ и недоброжелательнымъ. Его не долюбивалъ даже императоръ Францъ-Иосифъ, который хотѣлъ было управлять имъ по-своему, но натолкнулся на сильное сопротивленіе. Когда онъ былъ убитъ въ Сераевѣ, то искренно жалѣла о немъ только чешская аристократія, изъ которой происходила его жена, Софія Хотекъ, бывшая фрейлина супруги эрцгерцога Фридриха.

Хотеки принадлежали къ старинному и знатному, но обѣднѣвшему чешскому роду. Отецъ Софіи Хотекъ долго былъ австрійскомъ посланникомъ въ Брюсселѣ. Его многочисленныя дочери сдѣлали себѣ хорошую партію, кромѣ двухъ младшихъ, изъ которыхъ одна ушла въ монастырь, а другая, Софія, сдѣлалась фрейлиной эрцгерцогини Изабеллы, женщины чрезвычайно гордой, тщеславной установившей весьма тяжелыя отношенія съ своей фрейлиной.

Здѣсь-то съ нею и познакомился Францъ-Фердинандъ. Ему было въ это время уже тридцать восемь лѣтъ. Когда его отношенія къ Софіи Хотекъ обнаружили, эрцгерцогиня выгнала свою фрейлину изъ дому. Отказалась отъ нея и ея родня, такъ что одно время ей пришлось пріютиться въ одномъ изъ монастырей въ Прагѣ. Императоръ былъ сильно противъ этого брака, столь неудачнаго съ точки зрѣнія династическихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось уступить. Софія Хотекъ, по вступленіи въ бракъ (въ замкѣ Рейхштадтѣ въ 1900 г.), получила титулъ принцессы Гогенбергъ, но должна была за себя и за будущихъ дѣтей отказаться отъ правъ на Габсбургскій престолъ. Говорили, что она, однако, не лишена возможности со временемъ стать венгер-

ской королевой, такъ какъ основные законы Венгріи не требуютъ, чтобы венгерская королева происходила непременно изъ владѣтельной семьи.

Въ 1914 г. положеніе принцессы Гогенбергъ совершенно измѣнилось, и къ ея выгодѣ. Она была возведена въ рангъ герцогини, стала появляться на придворныхъ балахъ и официальныхъ торжествахъ, хотя еще занимала мѣсто позади эрцгерцогинь, которыя, впрочемъ, относились съ ней очень дружелюбно.

Къ худшему измѣнился къ этому періоду Францъ-Фердинандъ. Имъ овладѣла какая-то болѣзненная нервность, внушавшая по временамъ опасенія окружающимъ. Быть можетъ, онъ боялся осложненій на Балканахъ, боялся страшныхъ опасностей, нависшихъ надъ Европой. Предстоящій инспекторскій объѣздъ наполнял его душу тревогой и мрачными предчувствіями. Хотя гр. Тисса настойчиво просилъ его отложить поѣздку въ Сараево, однако онъ не хотѣлъ мѣнять своихъ плановъ и въ концѣ іюля 1914 г. выѣхалъ въ столицу Боснии. Его жена, чтобы не лишать его обычныхъ о немъ заботъ, поѣхала вмѣстѣ съ нимъ.

За три недѣли до этого къ Францу-Фердинанду въ замокъ Канопиштъ пріѣзжалъ Вильгельмъ въ сопровожденіи адмирала Тирпица. О чемъ они совѣщались, остается пока тайной, но, судя по той быстротѣ, съ которой послѣ сераевской драмы Австрія оказалась въ полной готовности, дѣло, очевидно, шло о войнѣ съ Сербіей и дѣлежѣ будущихъ завоеваній на Балканахъ.

— Новая біографія Маріи-Антуанетты.—Въ «Revue Hebdomadaire» началось печатаніе интересной монографіи маркиза де-Сегюра, посвященной Маріи-Антуанеттѣ. Авторъ начинаетъ слѣдить за своей героиней съ самаго дѣтства. У императрицы Маріи-Терезіи и ея супруга Франца Лотарингскаго было шестнадцать человѣкъ дѣтей, десять сыновей и шесть дочерей. Изъ всѣхъ шестнадцати человѣкъ живыхъ остались десять. Девятымъ ребенкомъ и шестой, самый младшей, дочерью австрійскаго императора и была Марія-Антуанетта, будущая французская королева.

5 апрѣля 1755 г. французскій посланникъ въ Вѣнѣ извѣстилъ свое правительство, что императрица вновь ожидаетъ прибавленія семейства. Первые признаки близкаго появленія ребенка на свѣтъ появились ровно черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этого извѣщенія. Въ этотъ критическій день Марія-Терезія, привыкшая къ подобному положенію, призвала къ себѣ утромъ своего зубного врача и велѣла ему выдернуть себѣ зубъ. Претерпѣвъ эту операцію, императрица продолжала заниматься дѣлами до пяти часовъ дня, а въ семь часовъ уже появилась на свѣтъ маленькая принцесса. Не теряя, однако, времени Марія-Терезія вновь вернулась къ своимъ занятіямъ и до поздней ночи продолжала подписывать поданныя ей бумаги.

Марія-Антуанетта родилась 2 ноября 1755 г., въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ. Какъ разъ въ этотъ день произошло извѣстное землетрясеніе въ Лиссабонѣ, почти разрушившее почти весь городъ и заставившее португальскую королевскую чету—крестнаго отца и крестную мать новорожденной—искать спасенія въ бѣгствѣ изъ города. Это совпаденіе удручающе подѣйствовало на суетврныхъ людей того времени.

На другой день состоялось крещеніе, которое совершилъ архіепископъ вѣн-

скій, послѣ чего новорожденную передали кормилицѣ, нѣкоей Констанціи Гофманъ, женѣ чиновника.

Лѣтомъ маленькая принцесса жила въ Шенбруннѣ, зимой въ вѣнскомъ Бургѣ. Императорская семья вела самый добродѣтельный образъ жизни. Францъ Лотарингскій не отличался большимъ умомъ, зато былъ добръ и набоженъ. Марія-Терезія, что называется, держала его подъ башмакомъ. Слишкомъ занятая государственными дѣлами, она не могла сама слѣдить за воспитаніемъ своихъ дѣтей и сдавала ихъ на попеченіе гувернеровъ и гувернантокъ, которые снабжались на сей случай инструкціями.

У Маріи-Антуанетты было двѣ такихъ воспитательницы. Первой воспитательницей была графиня фонъ-Брандейсъ, женщина, не блиставшая умомъ и характеромъ и совершенно не сумѣвшая пріохотить свою воспитанницу къ чтенію и ученію. вмѣстѣ съ своей сестрой Каролиной Марія-Антуанетта цѣлыми днями бѣгала по рощамъ, неотступно сопровождаемая своими любимыми мопсами.

Другая воспитательница, нѣкая Лерхенфельдъ, которую къ ней приставили, когда ей было четырнадцать лѣтъ, была другого рода. Она организовала правильныя занятія, пригласила пресловутаго Месмера для исправленія почерка принцессы, Метастазіо для преподаванія итальянскаго языка, Санвилля въ качествѣ учителя французскаго. Учили ее еще музыкѣ, танцамъ, рисованію. Успѣхи были, впрочемъ, посредственные.

Первымъ горемъ въ жизни будущей французской королевы была смерть ея отца, сраженнаго въ 1765 году апоплектическимъ ударомъ. Умеръ онъ въ Италіи, куда отправился на свадьбу одного изъ своихъ сыновей, великаго герцога Тосканскаго. На память своимъ дѣтямъ онъ оставилъ обширную инструкцію для ихъ поведенія, которую завѣщаль читать два раза въ годъ, наивно не замѣчая, что подобныя вещи читаются всего одинъ разъ въ жизни въ первый и послѣдній разъ.

Въ Вѣнѣ сохранилось нѣсколько плохихъ портретовъ Маріи-Антуанетты того періода ея жизни, когда она была еще подросткомъ. Съ нихъ глядитъ на зрителя высокая, стройная особа съ продолговатымъ лицомъ, съ блѣдноглубокими глазами, съ свѣтлой, ненапудренной шевелюрой. Она держитъ себя прямо, какъ на парадѣ, но внимательный психологъ уже угадываетъ за этой неподвижностью значительную долю легкомыслія и стремленія къ удовольствіямъ. Извѣстія того времени говорятъ, впрочемъ, что она была очень любезна со всѣми, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться, и для cadaго умѣла найти любезныя слова.

Такова была Марія-Антуанетта въ 1764 году, когда появилась мысль о ея бракѣ съ дофиномъ, будущимъ Людовикомъ XVI.

Бракъ этотъ былъ вызванъ соображеніями чисто политическими. Союзомъ съ Австріей предполагалось парализовать притязанія Пруссіи, сдерживать зависть Англіи и остановить усиленіе Россіи. Мысль объ этомъ бракѣ явилась сначала у французскаго посла въ Вѣнѣ Шуазеля. При переговорахъ объ этомъ съ австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ Штаренбергомъ говорилось вообще о бракѣ дофина съ одной изъ дочерей Маріи-Терезіи, и имя Маріи Антуанетты не называлось. Но по возрасту она оказалась наиболее подходящей къ дофину, ко-

торый былъ старше ея всего на одинъ годъ. Всѣ переговоры велись въ тайнѣ и на словахъ, и проектъ этого брака сталъ извѣстенъ публикѣ только тогда, когда дѣло уже было рѣшено окончательно.

Марія-Антуанетта получаетъ чисто французское воспитаніе. Изъ Парижа къ ней посылаютъ въ качествѣ духовника аббата де-Вермона, который долженъ былъ учить ее и французскому языку. Оказалось, однако, что на четырнадцатомъ году жизни Марія-Антуанетта не знала почти ничего. Чтеніе нагоняло на нее скуку, писала она чрезвычайно медленно, съ большими орфографическими ошибками, познанія ея по части исторіи и географіи возбуждали лишь сожалѣніе. Французскій языкъ, на которомъ она говорила, былъ жаргономъ, пересыпаннымъ германизмами.

Вермонъ съ жаромъ принялся наверстывать потерянное, но ему приходилось выдерживать сильную борьбу съ его ученицей. Она не могла сосредоточиться на своихъ занятіяхъ, и малѣйшее удовольствіе развлекало ее. Другимъ свойствомъ ея характера, приводившимъ въ отчаяніе почтеннаго аббата, было стремленіе находить въ людяхъ недостатки и высмѣивать ихъ.

Донесенія, которыя посылалъ Людовику XV аббатъ Вермонъ, возбудили въ Парижѣ желаніе познакомиться поближе съ будущей французской королевой: туда потребовали ея портретъ. Австрійскіе художники были плохи. Поэтому написать съ Маріи-Антуанетты портретъ было предложено сначала Друэ, котораго хотѣли командировать въ Вѣну. Но знаменитый художникъ назначилъ за свою работу восемьдесятъ тысячъ франковъ. Пришлось обратиться вмѣсто него къ Дюкре, который былъ не такъ требователенъ. Въ то же время въ Вѣну былъ отправленъ портретъ дофина, который повезъ съ собой графъ Эстергази, впоследствии бывший въ такомъ фаворѣ при дворѣ Маріи-Антуанетты.

Внезапная смерть матери дофина, Маріи Саксонской, которая непременно хотѣла, чтобы ея сынъ женился на принцессѣ изъ ея рода, устранила главное препятствіе къ браку Людовика съ Маріей-Антуанеттой. Глухое противодѣйствіе, которое оказывала этому брачному проекту старшая дочь Людовика XV м-ше Аделаида, не могло уничтожить замысловъ Шуазеля. Еще не сдѣлавъ окончательнаго шага, король приказалъ выстроить въ Версалѣ для будущихъ брачныхъ торжествъ особый театръ. Въ Парижѣ готовили раззолоченныя кареты, а австрійскій посоль Мерси-Арженто заказалъ для невесты приданого на четыреста тысячъ ливровъ. Зная интриги, раздиравшія французскій дворъ и королевскую семью, предвидя, что Маріи-Антуанеттѣ неминуемо придется столкнуться съ жившей въ Версалѣ фавориткой Дюбарри, австрійскій посоль принималъ всѣ мѣры для того, чтобы облегчить положеніе при дворѣ австрійской принцессѣ.

Съ 1769 года дѣло принимаетъ открытый оборотъ, и Марія-Терезія старается привить своей дочери французскіе манеры и вкусы. Ея голову чешетъ французъ-парикмахеръ по послѣдней модѣ, господствующей на берегахъ Сены. Ее затягиваютъ въ доселѣ ненавистный ей корсетъ. Французскій дантистъ выравниваетъ ей три зуба, неправильно расположенные. Наконецъ ее усиленно обучаютъ придворному французскому этикету.

Вмѣстѣ съ этимъ и ея образованіе принимаетъ спеціальнѣйшій характеръ. Абатъ Вермонъ съ гордостью пишетъ въ Парижѣ, что его ученица скоро будетъ знать знамена и фамиліи командировъ всѣхъ французскихъ полковъ. На вопросъ матери, надѣ какимъ народомъ она желала бы царствовать, она, не задумываясь, отвѣчаетъ:

— Надѣ французскимъ, ибо надѣ нимъ царствовали Генрихъ IV и Людовикъ XIV, изъ которыхъ одинъ былъ олицетвореніемъ доброты, а другой величія.

Этотъ отвѣтъ не преминули, конечно, сообщить въ Парижѣ.

Между тѣмъ вырабатывались уже условія брака. Эрцгерцогиня должна была получить въ приданое двѣсти тысячъ флориновъ и на такую же сумму драгоцѣнностей. Французскій король обезпечивалъ невѣсткѣ пожизненную ренту въ двадцать тысячъ экю и назначалъ, въ случаѣ, если она овдовѣетъ, пенсионное обезпеченіе, размѣръ котораго не былъ, однако, опредѣленъ. 4-го апрѣля 1770 года брачный договоръ былъ подписанъ, а 15-го въ Вѣну прибылъ съ великолѣпной свитой чрезвычайный французскій посолъ маркизъ де-Дюрфоръ просить отъ имени короля руки Маріи-Антуанетты. 19-го въ придворной капеллѣ состоялось заочное обрученіе, причѣмъ отсутствующаго дофина представлялъ эрцгерцогъ Фердинандъ.

Отъѣздъ въ Версаль былъ назначенъ черезъ два дня. Отпуская дочь, Марія-Терезія дала ей письменную инструкцію, какъ вести себя въ будущемъ. Подобнаго рода инструкціи были въ то время въ большемъ ходу.

Въ девять часовъ утра подали придворные экипажи. Сцена прощанія вышла очень трогательна: императрица Марія-Терезія залилась слезами, Марія-Антуанетта упала въ обморокъ, окружающіе ихъ пришли въ волненіе. Это было послѣднее свиданіе матери съ дочерью: больше имъ не суждено было свидѣться.

Путешествіе совершалось медленными, небольшими переѣздами. Во главѣ всего кортежа двигался графъ фонъ-Штаренбергъ. Въ слѣдующей каретѣ сидѣла невѣста дофина. Когда пріѣхали въ Кель, здѣсь ожидалъ принцессу посланный Людовикомъ XV графъ де-Ноайль. Церемонія встрѣчи произошла въ небольшомъ деревянномъ домѣ на одномъ изъ острововъ Рейна. Согласно этикету, Марію-Антуанетту раздѣли и облачили въ наряды, привезенные изъ ея новаго отечества. Послѣ этого австрійская свита удалилась, и во главѣ кортежа сталъ графъ де-Ноайль.

Желая по возможности украсить домъ, гдѣ происходила первая встрѣча Маріи-Антуанетты съ ея новыми подданными, въ немъ вывѣсили гобелены, изображавшіе между прочимъ исторію Язона и Медеи. Присутствовавшій при этой встрѣчѣ Гете былъ совершенно справедливо возмущенъ этимъ недосмотромъ: какъ можно было выставлять на глаза этой полудѣвочки ужасныя сцены рѣзни и мести!

Вечеромъ того же дня состоялась торжественная встрѣча въ Страсбургѣ. Городъ ликовалъ, для народа жарились цѣлые быки, вино лилось рѣкою. Хлѣбъ бросали въ толпу въ такомъ изобиліи, что даженщице топтали его ногами. «Наша эрцгерцогиня, — писалъ потомъ въ Вѣну Мерси, — превзошла всѣ

ожиданія и манерой держаться, и милостивымъ вниманіемъ, которое она обнаружила въ своихъ рѣчахъ».

Такой же успѣхъ имѣла она и дальше въ Нанси, Шалонѣ, Суассонѣ.

13-го мая вечеромъ Людовикъ XV съ своей семьей переѣхалъ въ Компьень, гдѣ на другой день ожидалась Марія-Антуанетта. 14-го мая, въ три часа пополудни король выѣхалъ ей навстрѣчу въ экипажѣ вмѣстѣ съ дофиномъ и своими дочерьми. Остановились они на опушкѣ лѣса, гдѣ уже собрались высшіе сановники государства. Шуазелю было разрѣшено выѣхать нѣсколько дальше впередъ, чтобы встрѣтить Марію-Антуанетту первому.

Какъ только показался кортежъ, Людовикъ вышелъ изъ экипажа. Юная принцесса выпрыгнула изъ экипажа и, почти подбѣжавъ къ нему, преклонила передъ нимъ колѣна. Король поспѣшилъ ее поднять, поцѣловалъ ее и представилъ ей дофина, который, согласно обычаю, поцѣловалъ ее въ щеку.

Ряды солдатъ едва сдерживали огромную толпу народа. Въ Компьень возвратились всѣ вмѣстѣ. Людовикъ XV былъ, повидимому, въ восторгѣ; дофинъ— молчаливъ и хмуръ.

Ему было въ это время пятнадцать лѣтъ и девять мѣсяцевъ. Послѣ болѣзненнаго дѣтства физическія свойства Бурбоновъ взяли верхъ надъ лимфатическимъ темпераментомъ, который онъ наслѣдовалъ отъ своей матери. Теперь это былъ здоровый, плотный юноша, не лишенный нѣкотораго величія. Но постоянное покачиваніе корпусомъ и переминаніе съ ноги на ногу разрушали первое впечатлѣніе. Особенно портили его неправильно расположенные зубы. Къ тому же вредила ему и его манера глядѣть на людей: по своей застѣнчивости, онъ никогда не могъ смотрѣть въ лицо собесѣднику, а всегда взглядывалъ на него бокомъ, что производило впечатлѣніе хитрости и лукавства. Голосъ у него былъ неровный, мало гармоничный, постоянно срывавшійся. Сѣрый или коричневый костюмъ безъ кружевъ съ простой стальной шпагой свидѣтельствовалъ о его неряшливости.

Нравственныя его свойства соответствовали его внѣшности. Рано осиротѣвъ, онъ получилъ приличное образование, но отличался крайней застѣнчивостью, которая заставляла его страдать при разныхъ придворныхъ церемоніяхъ. Когда къ нему обращались съ разговоромъ, онъ, чтобы скрыть свое смущеніе, начиналъ громко хохотать, вслѣдствіе чего прослылъ глушцомъ. Проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, жена отдавала ему должное въ его желаніи быть справедливымъ, но всегда упрекала его въ бездѣтельности, въ безволіи.

Вкусы его были довольно грубы. Больше всего онъ любилъ верховую ѣзду, охоту и вообще всякія физическія упражненія. Особенное удовольствіе доставляло ему помогать рабочимъ въ царкѣ и рубить деревья. Послѣ такого моціона онъ возвращался домой съ прекраснымъ аппетитомъ, причѣмъ не очень стѣснялся въ выборѣ пищи.

Общество женщинъ приводило его въ ужасъ. По мѣрѣ того, какъ приближался день свадьбы, дофинъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, а брачныя торжества представлялись ему тяжелой повинностью, которую надо отбыть.

Марія-Антуанеттѣ было всего четырнадцать съ половиною лѣтъ. Средняго роста, хорошо сложенная, она отличалась живостью и веселостью. Одинъ бокъ

у нея слегка былъ скошенъ, но недостатокъ этотъ узнали только черезъ двадцать два года, когда при разграбленіи Тюльери нашли ея корсеты. Лицо у нея было очень пріятное, овальное, волосы бѣлокурые, глаза голубые. Нижняя губа—«австрійская губа»—слегка выдавалась впередъ. «Когда она двигается,—писалъ Вальполь,—то это сама грація. Говорятъ, что она танцуетъ не въ тактъ, но въ такомъ случаѣ виноватъ тактъ, а не она».

Эти полудѣти были совершенно не схожи ни по уму, ни по характеру. Она не была особенно умна, но умѣла быстро схватывать и усваивать, умѣла быстро ориентироваться и подбирать надлежащія выраженія. Образованіемъ она также не блистала, читать не любила, но не прочь была послушать музыку. Основной чертой ея характера осталась страсть къ удовольствіямъ и нѣкоторое легкомысліе.

Слѣдующій за пріѣздомъ въ Компьень день былъ посвященъ отдыху. 16-го мая тронулись въ Парижъ съ заѣздомъ въ Сень-Дени, гдѣ жила младшая дочь короля Луиза, поступившая въ орденъ кармелитокъ. Тутъ состоялся большой семейный ужинъ. Всѣ съ большимъ смущеніемъ замѣтили, что на немъ появилась Дюбарри, но ужинъ прошелъ благополучно. Въ письмѣ, которое черезъ нѣсколько недѣль Марія-Антуанетта отправила матери, она называетъ фаворитку Людовика XV «глупой и наглою особой».

16-го мая, въ теплый солнечный день, дворъ отправился дальше въ Версаль. Едва добравшись до дворца, супруга дофина должна была облачиться въ тяжелое парчевое платьѣ, усыянное камнями. Ее отвели въ дворцовую церковь, гдѣ архіепископомъ реймскимъ былъ совершенно бракосочетаніе. Во время послѣдовавшаго за этимъ пріема разразилась сильная буря, и это сочли за недоброе предзнаменованіе. Вечеромъ, послѣ параднаго ужина молодые были торжественно отведены въ ихъ спальню.

Одинъ писатель того времени рассказываетъ, что, садясь за ужинъ, Людовикъ XV сказалъ своему внуку:

— Не обременяй себѣ желудокъ на эту ночь.

— Почему?—спросилъ тотъ.—Я сплю лучше, если плотно поужинаю.

Все заставляетъ думать, что онъ дѣйствительно хорошо спалъ въ эту ночь. На другой день онъ занесъ въ свой дневникъ, который аккуратно велъ съ тринадцати лѣтъ, всего одно слово: «ничего».

Это слово повторялось потомъ изо дня въ день семь лѣтъ. Обыкновенно утромъ онъ входилъ въ комнату своей жены, разсѣянно освѣдомлялся объ ея здоровьѣ и потомъ встрѣчался съ нею только за обѣдомъ. Даже на другой день послѣ свадьбы ей пришлось обѣдать одной, такъ какъ дофинъ уѣхалъ на охоту.

Несмотря на истощеніе государственнаго казначейства, Людовикъ XV хотѣлъ удивить своихъ союзниковъ-австрійцевъ великолѣпнѣмъ празднествъ, которыя проектировались по случаю бракосочетанія наслѣдника престола. Празднества эти должны были продолжаться девять дней подъ рядъ. Апоѳеосомъ этихъ торжествъ было празднество, устроенное 30-го мая городомъ Парижемъ, закончившееся, однако, катастрофой. Въ Тюльерійскомъ саду взорвало фейерверкъ. Стотысячная толпа, стоявшая на площади Людовика XV, переиме-

нованной потомъ въ площадь Согласія, въ паникѣ бросилась бѣжать. Въ результатъ шесть тысячъ задавленныхъ, какъ говорили газеты. Однако полицейскій отчетъ уменьшаетъ эту цифру до 132 убитыхъ и около 900 раненыхъ.

Въ этотъ день супруга дофина должна была впервые познакомиться съ Парижемъ. Она прїѣхала въ столицу изъ Версаля и каталась съ тетками короля по набережной Сены, любуясь издали взлетающими кверху ракетами. На площади Cours la Reine ихъ экипажъ попалъ въ толпу, спасавшуюся отъ катастрофы. Испуганная Марія-Антуанетта велѣла повернуть скорѣе назадъ и вернулась въ Версаль.

Таковы были ея первыя впечатлѣнія отъ столицы, гдѣ она появится опять лишь черезъ три года.

— Воспитаніе австрійскаго принца.—Въ газетѣ «Le Temps» находимъ любопытный разсказъ г. Андрэ Дюбоска объ его пребываніи при австрійскомъ дворѣ въ роли преподавателя французскаго языка при одномъ изъ принцевъ.

«Въ срединѣ 1911 года,—пишетъ г. Дюбоскъ,—я былъ приглашенъ преподавать французскую литературу правнуку императора Франца-Иосифа, шестнадцатилѣтнему эрцгерцогу Иосифу-Францу. Это былъ старшій сынъ эрцгерцога Иосифа и внучки императора, принцессы Августины Баварской. Какъ сейчасъ, вижу я классную комнату, въ которой я былъ представленъ моему ученику, въ небольшомъ дворцѣ, гдѣ жили его родители, недалеко отъ огромнаго королевскаго дворца въ Будапештѣ. Изъ этой комнаты была видна вся венгерская столица. По срединѣ этой комнаты стоялъ столъ, заваленный книгами, тетрадами, физическими приборами, коллекціями по естественной исторіи и другими принадлежностями нагляднаго обученія.

Воспитатель эрцгерцога майоръ К. былъ человекъ очень добродушный, о которомъ его питомецъ отзывался самымъ лучшимъ образомъ. Онъ и представилъ меня эрцгерцогу, который принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Черты его лица не были такъ тяжелы, какъ у его матери. Не было и наслѣдственныхъ у Габсбурговъ толстыхъ губъ, которыя, какъ говорятъ, перешли къ нимъ отъ матери императора Фридриха, польки Цимбурги, отличавшейся геркулесовскою силой.

Я долженъ былъ прїѣзжать въ Будапештъ три раза въ недѣлю. Неизмѣнно проходилъ я мимо пустыннаго королевскаго дворца, который при мнѣ ожилъ только разъ въ 1910 году, когда туда прїѣзжалъ императоръ.

Въ домѣ эрцгерцога меня встрѣчалъ всякій разъ лакей, провожавшій меня до лѣстницы, которая вела въ апартаменты эрцгерцога Иосифа-Франца. Я заставалъ еще его перепачканнаго мѣломъ послѣ урока математики. Занимались мы два часа. У него были способности и хорошая память. Кромѣ того, въ немъ замѣчалась работа мысли, которой обыкновенно не бываетъ у его сверстниковъ. Всѣ его разсужденія сводились въ концѣ концовъ къ морали или соціологіи. Я часто задавалъ себѣ вопросъ: что ждетъ этого преждевременнаго философа при дворѣ, гдѣ только и возможна одна карьера—военная?

Предметы, изученіемъ которыхъ занимался эрцгерцогъ, были чрезвычайно разнообразны. Объ этомъ даетъ понятіе экзаменъ, который онъ держалъ въ

іюль слѣдующаго года. Кстати, этотъ экзамень наглядно рисуеть тяжелую церемонность, которой характеризуется жизнь австрійскаго двора.

Въ назначенный для экзамена день майоръ К. ввелъ всѣхъ преподавателей въ длинную залу, въ концѣ которой были поставлены два золоченныя кресла. На другомъ концѣ стояла черная доска, столъ съ книгами и пианино съ двумя табуретками. По срединѣ комнаты вдоль стѣнъ разставлено было съ десятокъ стульевъ для преподавателей, на которыхъ мы и усѣлись. Явился принцъ. Вслѣдъ за нимъ прибыли и его родители, занявшіе мѣста въ креслахъ.

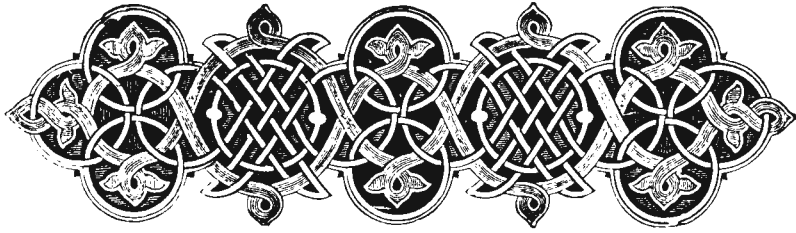
Принцъ, нѣсколько взволнованный, сталъ передъ доской. Майоръ, въ парадной формѣ, съ огромной саблей, появился сзади насъ и что-то шепнулъ преподавателю математики. Тотъ всталъ, отвѣсилъ поклонъ ихъ высочествамъ и подошелъ къ ученику, который уже вооружился кускомъ мѣла. Начался экзамень по геометріи. Преподаватель, не зная, что дѣлать съ своими руками, въ разсѣянности взялся за одинъ изъ подсвѣчниковъ пианино. Экзамень продолжался съ четверть часа. Слѣдующая очередь была за преподавателемъ географіи. Отвѣсивъ установленный поклонъ ихъ высочествамъ, онъ сталъ возлѣ пианино и скоро, самъ того не замѣчая, принялся ласкать его подсвѣчникъ. Вдругъ я услышалъ, что майоръ просить меня начать экзамень изъ французской литературы. Я всталъ и, очутившись въ пустотѣ огромной залы, почувствовалъ непреодолимую потребность опереться на что-нибудь. Такъ какъ, кромѣ стола, за которымъ стоялъ принцъ, около меня ничего не было, то я инстинктивно понесся къ пианино и взялся рукой за подсвѣчникъ, который, казалось, любезно предлагалъ свои услуги. Экзамень начался. Посыпались имена Корнеля, Расина, Лафонтена, Буало, Мольера.

Послѣ меня выступали преподаватели исторіи, физики, англійскаго языка. И всѣ они одинъ за другимъ крѣпко держались за спасительный подсвѣчникъ. Сеансъ закончился экзаменомъ музыки.

Послѣ этого, ихъ высочества благодарили насъ, преподавателей. Бесѣдуя со мной, герцогиня высказала свои опасенія за программу будущаго года, когда намъ предстояло познакомиться съ современной французской литературой. Особенно ужасали ее Зола и Поль Вурже. Сближеніе этихъ двухъ именъ нѣсколько удивило меня, и я постарался успокоить ее, какъ могъ. Эрцгерцогъ говорилъ по-французски не такъ свободно, какъ его жена. Онъ ограничился тѣмъ, что выразилъ благодарность за тѣ успѣхи, которые съ моей помощью, сдѣлалъ во французскомъ языкѣ его сынъ.

По уходѣ ихъ высочествъ мы отправились пить чай въ маленькой гостиной. Окно было открыто настежь. Городъ, перерѣзанный синей лентой Дуная, простирался передъ нами, а за нимъ, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, убѣгала въ даль венгерская равнина.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ русскихъ писателей. 14 февраля въ Петроградѣ въ кабинетѣ предсѣдателя гор. думы состоялось годовое общее собраніе членовъ общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны. Былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности общества съ момента его возникновенія въ концѣ 1914 г. до 1 января 1916 г. За короткій періодъ существованія общество собрало подъ свое знамя 195 членовъ. Съ самаго начала былъ выдѣленъ рядъ комиссій: литературно-издательская, артистическая, по кружечному сбору (не разрѣшенъ), по организаціи снабженія фронта литературными произведеніями и др. Была сдѣлана попытка организовать «день печати», но изъ 155 приглашеній на совѣщаніе по этому поводу откликнулись представители трехъ изданій («Колоколъ», «Отечество» и «Петроградская Газета»), и потому дѣло не состоялось.

По сообщенію С. А. Венгерова наиболѣе существенные результаты получились отъ выпущеннаго «Невскаго Альманаха», напечатаннаго на средства Д. И. Сытина и принесящаго около 3 тыс. дохода. Издательская комиссія готовитъ теперь другой сборникъ, въ который войдутъ цѣнные историко-литературные матеріалы изъ переписки Тургенева, Гончарова, Гл. Успенскаго, Некрасова, Рѣшетникова и др. корифеевъ литературы, до сихъ поръ не опубликованные. Въ виду согласія Д. И. Сытина и этого сборникъ печатать на свой счетъ (стоитъ до 2.000 р.), общее собраніе постановило выразить ему благодарность. Артистическая комиссія устроила рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ Пушкину, Лермонтову, Толстому, Некрасову и Мицкевичу, давшихъ свыше 1.000 р. чистаго дохода. Самую незначительную доходную статью составили членскіе взносы, ибо изъ общаго числа 195 членовъ 84 не

сдѣлали взносовъ. Усиленную работу проявила комиссія по снабженію арміи книгами, вошедшая по этому поводу въ сношенія съ книгоиздательствами и другими организаціями. Были произведены выборы членовъ совѣта. Вновь избраны значительнымъ большинствомъ голосовъ: *Θ. Д. Батюшковъ, С. А. Венгеровъ, Н. А. Котляревскій, Е. П. Султанова, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій* и *А. Н. Кремлевъ*.

Годовое общее собраніе петроградской губернской учебной архивной комиссіи. Въ помѣщеніи императорскаго петроградскаго археологическаго института состоялось общее собраніе членовъ петроградской губернской ученой архивной комиссіи. Предсѣдательствовалъ генераль *И. В. Котляровъ*. Почтена была вставаніемъ память перваго предсѣдателя комиссіи гр. *А. В. Адлерберга*. Прочувствованное слово о дѣятельности покойнаго по комиссіи и по псковскому археологическому обществу произнесъ *М. К. Соколовскій*. Далѣе послѣдній сообщилъ, что путемъ предварительныхъ переговоровъ выяснилось принципиальное согласіе на принятіе архивной комиссіи подъ почетное предсѣдательство предсѣдателя совѣта министровъ *Б. В. Штюрмера*. Собраніе постановило отправить ему телеграмму и поручить совѣту избрать депутацію. Въ предсѣдатели комиссіи на мѣсто покойнаго гр. Адлерберга избранъ *М. К. Соколовскій*. На освободившуюся вакансію помощника предсѣдателя, за отказомъ гр. *А. Н. Толстого*, назначеннаго виленскимъ губернаторомъ, избранъ *А. А. Мионовъ*. Въ правители дѣлъ комиссіи избранъ архивариусъ государственнаго архива г. *Цитовичъ*. По предложенію совѣта, въ составъ членовъ совѣта включены: *Л. Н. Целеси, К. К. Агафоновъ*, завѣдующій библіотекою комиссіи ген. *И. В. Котляровъ* и завѣдующая историческимъ архивомъ комиссіи *Т. О. Соколовская*. Въ дѣйствительные члены комиссіи избраны: гг. *Либровичъ, Колчина, Лугаковскій, ген. Е. П. Аврамовъ, С. В. Юрьевъ, Ефимовъ* и почетный членъ института *П. С. Яковлевъ*. Утвержденъ прочитанный членомъ совѣта *С. А. Розановымъ* отчетъ о дѣятельности комиссіи за 1914 и 1915 годы. *С. А. Розанову* выражена благодарность за веденіе дѣлъ комиссіи въ переживаемое тревожное время. Вновь избранный предсѣдатель *М. К. Соколовскій* указалъ на тѣ важныя научныя общественныя и даже государственныя задачи, которыя вмѣняются закономъ и положеніемъ о комиссіяхъ этимъ скромнымъ учрежденіямъ, и призывалъ къ дружной, совмѣстной работѣ. Огромной моральной поддержкой членовъ комиссіи въ этой работѣ, несомнѣнно, должно служить то высокомилостивое вниманіе къ комиссіямъ, которое проявлено было Государемъ Императоромъ послѣ съѣзда представителей комиссій въ Петроградъ въ 1914 г. Какъ извѣстно, Его Величество соизволилъ въ томъ году принять всѣ губернскія ученыя архивныя комиссіи подъ Свое Августѣйшее покровительство. По предложенію *К. К. Агафопова*, общимъ собраніемъ рѣшено принять участіе въ разборѣ предназначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ учреждений государственнаго коннозаводства и архива морского вѣдомства. Для предварительнаго выясненія значенія вышеуказанныхъ дѣлъ избраны *К. К. Агафоновъ* и *Н. В. Ефимовъ*—въ учрежденія коннозаводства и *П. И. Бѣлавенецъ* и *Е. П. Аврамовъ*—въ архивъ. Принято предложеніе совѣта о включеніи комиссіи, въ лицѣ 5 депутатовъ, въ составъ проектируемаго къ устройству

императорскимъ обществомъ ревнителей исторіи, по инициативѣ М. К. Соколовскаго, союза историческихъ обществъ.

Исключеніе изъ академіи иностранныхъ подданныхъ. 6-го февраля состоялось подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина общее собраніе членовъ академіи наукъ, на которомъ вновь обсуждалось извѣстное постановленіе совѣта министровъ объ исключеніи изъ ученыхъ обществъ и учреждений членовъ, состоящихъ подданными воюющихъ съ нами державъ. Въ свое время приводилось мотивированное постановленіе членовъ академіи наукъ по этому вопросу. Въ засѣданіи 6-го февраля общее собраніе постановило исключить поголовно всѣхъ почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ австрійскихъ и германскихъ подданныхъ, а по окончаніи войны имѣть сужденіе о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

35-лѣтіе музыкально-критической дѣятельности В. С. Баскина. Въ февралѣ с. г. исполнилось 35-лѣтіе музыкально-критической дѣятельности В. С. Баскина. В. С. Баскинъ дебютировалъ въ 1881 г. драмой «На распутьи», обошедшей почти всѣ наши провинціальныя сцены. Съ 1882 г. онъ является въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ театральныхъ и музыкальныхъ критиковъ. Изъ крупныхъ работъ въ области театральной критики ему принадлежитъ рядъ статей о Донъ-Жуанѣ подъ заглавіемъ «Донжуанизмъ» и о пьесахъ Шекспира, Шиллера, Гете, Мольера, Лессинга, Тирсо де-Молино, а также объ Островскомъ, Чаевѣ, Аверкиевѣ, Боборыкинѣ, Шпажинскомъ, Буренинѣ, Невѣжинѣ, Гнѣдичѣ и др. Въ области музыкальной критики отмѣтимъ слѣдующія его работы: «Историческіе концерты Рубинштейна», «П. И. Чайковскій», «Кольцо Нибелунговъ», «50-лѣтіе Рубинштейна», «100-лѣтіе Моцарта», «50-лѣтіе Верди», «А. П. Бородинъ», «Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ», «Глинка и Русланъ», «Гуно и Чайковскій», «Христосъ на бременской сценѣ», «О дневникѣ Чайковскаго», «Роб. Шуманъ», «Фр. Шубертъ», «Верстовскій», «О Брамсѣ», «Фр. Листъ» и пр. Сравнительно недавно имъ написаны: «Гоголь въ музыкѣ» («Русская Мысль»). «О военной музыкѣ» («Историч. Вѣстникъ»). Читалъ лекціи въ музыкально-историческомъ обществѣ о Даргомыжскомъ, Мусоргскомъ, Сѣровѣ и о «Романтической школѣ въ Германіи», о Рубинштейнѣ (въ вокальномъ обществѣ) и пр. В. С. Баскинъ работалъ на литературномъ поприщѣ въ 22 изданіяхъ, въ томъ числѣ въ журналахъ: «Русск. Мысль», «Эпоха», «Трудъ», «Наблюдатель», «Нива», «Всемирн. Иллюстр.», «Живописное Обзорѣніе» и др., кромѣ газетъ «Новое Время», «Петрогр. Газета», «Россія», «Правит. Вѣстн.», «Голосъ Руси» и др. Нѣкоторые труды его изданы отдѣльно Юргенсономъ и Марксомъ; иные изъ нихъ переведены на иностранныя языки—о Рубинштейнѣ въ брюссельскомъ журналѣ «Le Guide Musical» и отдѣльной брошюрой; о Чайковскомъ—въ Берлинѣ—Штюмпке; о немъ же въ нью-йоркскомъ журналѣ «The Musical Courier» (1893 г.). Онъ всегда содѣйствовалъ распространенію извѣстности отечественныхъ композиторовъ и русскаго искусства. Находясь дважды во главѣ художественной части русской оперы въ театрѣ консерваторіи, онъ поставилъ впервыя въ Петроградѣ новыя произведенія русскихъ авторовъ, знакомя публику съ новинками: въ 1903—1904 годахъ—«Нерона» Рубинштейна (обошелъ потомъ всѣ наши провинціальныя оперныя сцены), «Сказку о царѣ Салтанѣ» Римскаго-

Корсакова, «Потемкинскій праздникъ» М. Иванова и «Потонувшій колоколь» Давидова, а въ 1911 г. «Кашея Безсмертнаго» Римскаго-Корсакова, «Попугая» Рубинштейна, «Месьт Амура» А. Танѣва и др. Кромѣ того, В. С. Баскинъ устроилъ множество концертовъ въ пользу различныхъ благотворительныхъ учреждений.

35-лѣтній юбилей К. В. Лукашевичъ. 7-го марта исполнилось 35-лѣтіе литературной дѣятельности дѣтской писательницы Клавдіи Владимировны Лукашевичъ. Начавъ писать очень рано, она работала одновременно и на педагогическомъ поприщѣ, какъ учительница, и на литературномъ. Книги ея разошлись въ милліонахъ экземпляровъ и очень любимы дѣтьми. За 35 лѣтъ она помѣстала свои произведенія, кромѣ «Дѣтскаго Чтенія», въ «Семь и Школѣ», «Семейныхъ Вечерахъ», «Игрушечкѣ», «Дѣтскомъ Отдыхѣ», «Всходахъ», «Задушевномъ Словѣ», «Родникѣ», «Свѣтлячкѣ», «Путеводномъ Огонькѣ», «Другѣ Дѣтей» и другихъ изданіяхъ, уже покончившихъ свое существованіе. Изъ книгъ К. В. наиболѣе популярны. «Мое милое дѣтство», «На жизненномъ пути», «Любимые друзья», «Зернышки», «Босоногая команда», «Оборона Севастополя» и др. Отъ петроградскаго Фребелевскаго общества К. В. имѣетъ четыре преміи. Но, по словамъ писательницы, самой дорогой наградой за ея труды служитъ то, что во многихъ современныхъ хрестоматіяхъ помѣщены отрывки изъ ея произведеній и по нимъ учатся дѣти почти во всѣхъ уголкахъ нашей обширной родины. Г-жа Лукашевичъ собрала и издала два сборника сказокъ русскихъ писателей въ пользу кассы литераторовъ. Народные учителя въ своихъ многочисленныхъ письмахъ къ Клавдіи Владимировнѣ постоянно запрашивали, какъ устраивать дѣтскіе праздники и что ставить. Это дало ей мысль выпустить нѣсколько сборниковъ «Школьныхъ праздниковъ» по поводу цѣлага ряда выдающихся событій и юбилеевъ послѣдняго времени. Когда началась настоящая война, первымъ порывомъ К. В. Лукашевичъ была прійти на помощь родинѣ. Она составила четыре сборника въ пользу раненыхъ и дѣтей воиновъ, въ пользу поляковъ, сербовъ и черногорцевъ. На деньги, вырученныя съ этихъ сборниковъ, содержится палата для раненыхъ воиновъ въ лазаретѣ имени Толстого. Много подарковъ, главнымъ образомъ книгъ, посылаетъ К. В. на фронтъ. Оба сына К. В. Лукашевичъ защищаютъ родину: одинъ—прапорщикъ, другой—мичманъ въ балтійскомъ флотѣ. Въ день юбилея К. В. Лукашевичъ получила множество привѣтствій, въ томъ числѣ и отъ редактора «Историческаго Вѣстника». Отъ официальнаго празднованія въ виду военнаго времени юбилярша отказалась.

Отъ организаторовъ общественныхъ заводовъ. Граждане и гражданки! Сейчасъ, какъ никогда въ другое время, необходимо кипучее творческое строительство всей русской жизни, именно сейчасъ и при томъ всѣми силами всего народнаго ума. Событія призываютъ къ немедленной работѣ всю творческую энергію всѣхъ дѣйствительныхъ работниковъ Россіи. Сейчасъ или никогда Россія должна устроить свою жизнь... Сила современнаго государства—въ развитой промышленности. Народъ, желающій быть сытымъ и независимымъ, долженъ имѣть свои фабрики и заводы. Тяжкими жертвами пришли мы къ этому сознанию. Страна наша полна рѣчей о нѣмецкомъ засильѣ, и 15.000.000.000

(15) миллиардовъ ежегоднаго германскаго вывоза ¹⁾ краснорѣчиво свидѣтельствуя о его силѣ. Чтобы сбросить нѣмецкое ярмо, Россіи необходимо обзавестись собственными многочисленными заводами, которые дадутъ ей и ураганный огонь въ бояхъ, и опору въ борьбѣ съ подавившей Русь нѣмецкой промышленностью. Этой цѣли созданія ряда дѣйствительно русскихъ заводовъ служить только что образовавшееся по инициативѣ прис. повѣр. Н. Н. Иванова товарищество общественныхъ металлическихъ заводовъ. Вызванная къ жизни не корыстными соображеніями, а трагическими переживаніями родины, организація общественныхъ заводовъ включаетъ въ свой составъ русскихъ людей самыхъ различныхъ положеній. Доступъ въ организацію открытъ всѣмъ, кто желаетъ послужить родной землѣ не словомъ, а дѣломъ, и хозяевами въ ней явятся общественныя силы. Общедоступность обеспечивается небывалой цѣной паявъ. Въмѣсто обычныхъ ста рублей въ товариществѣ цѣна пая опредѣлена всего въ 25 рублей. Каждый пай даетъ право голоса на общихъ собраніяхъ пайщиковъ и право на участіе въ прибыляхъ товарищества. Всякій, кому дорого русское дѣло, кто жаждетъ процвѣтанія родины, кто мучится ея болями, долженъ примкнуть къ товариществу. Только съ 26-го ноября 1915 г. въ товариществѣ уже объединилось больше 1000 пайщиковъ со взносами отъ 25 рублей до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Мысль о созданіи общественныхъ заводовъ встрѣтила сочувственный откликъ всей Россіи. Отозвались самые дальніе углы провинціи, откликнулась наша армія, откликнулся нашъ флотъ. 14-го декабря 1915 г. состоялось въ Петроградѣ, въ залѣ Тенишевскаго училища первое общее собраніе, на которое явилось нѣсколько сотъ пайщиковъ. Собраніе прошло подъ горячія рѣчи многихъ ораторовъ и при дружныхъ аплодисментахъ рѣшено пронести идею общественныхъ заводовъ черезъ всю русскую землю, дабы осуществить большое національное дѣло. Первая задача товарищества: помочь арміи изготовленіемъ предметовъ непосредственнаго боеваго значенія. Первый общественный заводъ открывается въ Петроградѣ и въ январѣ 1916 г. приступаетъ къ исполненію военныхъ заказовъ. Послѣ войны товарищество предполагаетъ перейти на изготовленіе металлическихъ издѣлій разнаго рода для обширнаго русскаго рынка, куда, несомнѣнно, будетъ закрытъ льготный доступъ, какъ было до сихъ поръ, нѣмецкимъ товарамъ. Товарищество приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сообщить своимъ издѣліямъ тѣ свойства, которыя до сихъ поръ заставляли русскихъ людей предпочитать русскимъ товарамъ заграничныя, т.-е. нѣмецкія. Серьезность намѣреній товарищества подчеркивается уже состоявшимся приглашеніемъ лучшихъ техническихъ силъ Петрограда. При правленіи товарищества образована техническая комиссія, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ опытныхъ инженеровъ и техниковъ по различнымъ специальностямъ. Граждане, положено начало великому дѣлу. Нельзя не сдѣлать этого дѣла. Нельзя его ни забыть, ни отложить. Не медлите своимъ рѣшеніемъ—примыкайте къ товариществу на первое

¹⁾ Германія до войны вывозила отъ себя и продавала обработанныхъ ею продуктовъ на 46—47,000,000 ежедневно. Главной жертвой такого вывоза была, конечно, Россія.

время хоть небольшимъ взносомъ. Окажитесь достойными своего времени! Русской землѣ снова пужны Минины и нижегородцы смутной эпохи, несшіе отечеству и жизни, и капиталы. Спасеніе, слава и будущее Россіи въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и тотъ, кто отвернулся бы отъ помощи родинѣ, недостойнъ былъ бы называться ея сыномъ. Наша жизнь, жизнь живущихъ въ тѣмъ, не подвергается ежеминутной опасности. Сѣрые ряды трупами своими заслоняютъ каждую попытку врага приблизиться къ намъ. Чувство признательности къ геройской арміи и благодарности къ родинѣ должны побудить насъ создать такія средства одолѣнія врага, которыя теперь дали бы побѣду, а послѣ войны отняли бы у врага возможность оправиться за нашъ счетъ. Дѣляйте взносы на святое дѣло! Вы остаетесь хозяевами взносовъ, ибо дѣятельность товарищества направляется общими собраніями пайщиковъ, волю которыхъ исполняетъ правленіе, а дѣйствія послѣдняго контролируются выборной ревизионной комиссіей. Первые взносы непрерывно принимаются подъ квитанціи товарищества въ конторѣ газеты «Вечернее Время»—Невскій, 52. По этому же адресу провинціальныя жители благоволятъ направлять свои взносы на имя предсѣдателя правленія прис. повѣр. Н. Н. Иванова. По полученіи денегъ будетъ высылаться документъ, удостоверяющій приобрѣтеніе паявъ, и копія устава товарищества. Текущій счетъ товарищества открыть въ Московскомъ банкѣ—Невскій, 26. Гг. пайщики благоволятъ къ суммѣ, на которую они подписались (по 25 рублей за пай), добавлять наличными на гербовый сборъ по 50 коп. съ каждой полной и неполной сотни. Такъ, подписавшіеся на одинъ пай, вносятъ 25 р. 50 к., на 2 пая—50 р. 50 к., на 3 п.—75 р. 50 к., на 4 п.—100 р. 50 к., на 5 п.—126 р., на 6 п.—151 р., на 7 п.—176 р., на 8 п.—201 р. на 9 п.—226 р. 50 к., на 10 п.—251 р. 50 к., и т. д. Правленіе товарищества общественныхъ металлическихъ заводовъ Н. Ивановъ, В. Безсмертновъ и Комп. Предсѣдатель правленія прис. повѣр. Н. Н. Ивановъ, члены правленія: редакторъ Б. А. Суворинъ, В. Е. Безсмертновъ, инж.-техн. М. М. Подобѣдовъ.

Памятникъ князю М. И. Кутузову-Смоленскому. Къ 1-му января 1915 года оставалось суммъ, поступившихъ на сооруженіе въ Москвѣ памятника князю М. И. Кутузову-Смоленскому, 38.405 р. 22 к. Въ теченіе 1915 года поступило: а) пожертвованій—10.004 р. 65 к., б) процентовъ—2.040 р. 47 к. и в) курсовой разницы отъ обращенія капитала въ 5¹/₂% облигаціи краткосрочнаго военнаго займа 1.804 р. 55 к. Итого прихода 52.254 р. 89 к. Расхода въ 1915 году произведено на содержаніе канцеляріи комитета и другія издержки—1.601 р. 12 к. Осталось на 1-е января 1916 года—50.653 р. 77 к. Всѣмъ жертвователямъ, за исключеніемъ мѣстностей, занятыхъ непріателемъ, были посланы въ полученіи денегъ квитанціи, и Кутузовскій комитетъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить гг. жертвователямъ свою глубокую благодарность. Комитетъ съ отраднымъ чувствомъ можетъ отмѣтить, что въ 1915 году, какъ и въ 1914, несмотря на переживаемое тревожное время, притокъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника главному герою Отечественной войны 1812 года шель попрежнему изо всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго общества и народа, отъ копеекъ до сотенъ рублей. Между пожертвованіями особенно цѣнны были дары русскаго посла во Франціи А. П. Извольскаго и протоіерей

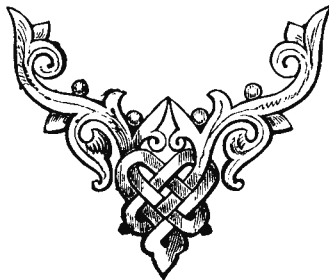
русской церкви въ Парижѣ съ частью русской колоніи О. Н. Сахарова, равно какъ и пожертвованіе только что собраннымъ сыпнымъ хлѣбомъ-пшеницею крестьянами сельскаго Степановскаго общества Семиръченской области, проданною тамъ же съ аукціоннаго торга на 8 руб. 2 коп. Дальнѣйшія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника свѣтлѣйшему князю М. И. Кутузову-Смоленскому принимаются въ Москвѣ въ Кутузовскомъ комитетѣ (Больш. Царицынская, д. № 15—архивъ министерства юстиціи), а равно во всѣхъ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ и конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка.

Памяти Ѳ. В. Дубасова. Для предполагаемаго изданія, посвященнаго памяти покойнаго адмирала Ѳедора Васильевича Дубасова, представляется чрезвычайно желательнымъ имѣть документы, письма и другіе матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности покойнаго. Позвольте черезъ посредство «Историческаго Вѣстника» обратиться ко всѣмъ обладающимъ подобными матеріалами съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ предоставленіи таковыхъ Александрѣ Сергѣевнѣ Дубасовой, Петроградъ, Сергѣевская, 62. Съ благодарностью будутъ приняты также и воспоминанія о покойномъ адмиралѣ, при составленіи которыхъ авторы могутъ не стѣсняться литературной обработкой. По минованіи надобности всѣ матеріалы въ полной сохранности и съ глубокою признательностью будутъ возвращены по принадлежности.

Отъ правленія драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Союзомъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей объявляется XII конкурсъ имени А. Н. Островскаго. Пьесы на конкурсъ должны быть представлены не позже 1 октября с. г. по адресу: Петроградъ, правленіе союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей. Присужденіе по конкурсу должно состояться до 31 декабря сего года. На конкурсъ допускаются лишь оригинальныя пьесы на русскомъ языкѣ, не менѣе, чѣмъ въ трехъ актахъ (или соотвѣтственной продолжительности исполненія), еще нигдѣ не игранныя и при томъ не отпечатанныя, не отлиграфированныя и вообще не выпущенныя въ свѣтъ. За пьесу, вполне удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ, присуждается премія въ 600 руб. Премія присуждается не иначе, какъ полностью. При отсутствіи въ конкурсѣ пьесы, удовлетворяющей вышесказаннымъ требованіямъ, премія не присуждается. Подробныя условія конкурса высылаются по первому требованію изъ канцеляріи союза. Быть членами жюри XII конкурса изъявили согласіе: В. А. Азовъ, А. Н. Будищевъ, М. А. Ведринская, А. Н. Лаврентьевъ, И. Н. Потапенко, Г. И. Чулковъ, Ю. М. Юрьевъ.

Конкурсъ на соисканіе премій имени М. И. Михельсона. Отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ объявило новый, по общему счету седьмой конкурсъ по соисканію премій имени д. с. с. М. И. Михельсона, за труды въ области науки о русскомъ языкѣ и предлагаетъ 18 нижепоименованныхъ задачъ: 1) Тюрскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія. 2) Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ въ XV вѣкѣ. 3) Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ. 4) Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ. 5) Слова русскаго языка со звукомъ «х». 6) Финское вліяніе на лексическую

сторону русскаго языка. 7) Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремесль въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій. 8) Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ. 9) Грамматическія и стилистическія ошѣбки, вкравшіяся въ современный русскій письменный языкъ. 10) Мадьярское вліяніе на лексическую сторону подкарпатскихъ говоровъ русскаго языка. 11) Словарь столоваго обихода Московской Руси XVI и XVII вв. 12) Французское и нѣмецкое вліянія на русскій литературный языкъ. 13) Сборникъ русскихъ синонимовъ. 14) Греческія заимствованныя слова въ русскомъ языкѣ. 15) Собрать словарный матеріалъ Московской Руси XVI—XVII вѣковъ по военному дѣлу. 16) Составить словарь юридическаго языка Московской Руси XV—XVIII вв. по законодательнымъ памятникамъ и документамъ. 17) Словарь графическихъ искусствъ. 18) Списокъ словъ современнаго русскаго литературнаго и народнаго языка, представляющихъ собою буквальный переводъ съ греческаго. Правила о присужденіи михельсоновскихъ премій и перечень темъ, какія объявлены на новое конкурсное трехлѣтіе 1916—1918 гг., можно получать и выписывать или изъ канцеляріи конференціи императорской академіи наукъ, или изъ канцеляріи отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСЪЕВЪ, А. С., проф. 4-го марта скончался въ Москвѣ заслуженный профессоръ московскаго университета Александръ Семеновичъ Алексѣевъ, видный представитель русской науки государственнаго права. Уроженецъ Москвы, воспитанникъ 2-й московской гимназіи, А. С. Алексѣевъ въ 1873 году окончилъ юридическій факультетъ московскаго университета и былъ оставленъ для подготовки къ профессорскому званію. Черезъ три года по окончаніи университета А. С. Алексѣевъ получилъ званіе магистра государственнаго права, а съ 1880 г. началъ свою преподавательскую дѣятельность въ московскомъ университетѣ, при чемъ съ 1885 года ему была предоставлена кафедра государственнаго права. Кафедру эту проф. Алексѣевъ занималъ до 1911 г., когда вмѣстѣ съ другими профессорами вышелъ изъ университета въ видѣ протеста противъ дѣйствій министра народнаго просвѣщенія Кассо, уволившаго А. А. Мануилова, занимавшаго тогда постъ ректора московскаго университета. Научная дѣятельность проф. Алексѣева носила разносторонній характеръ, но все же главное вниманіе свое А. С. Алексѣевъ удѣлялъ исторіи политическихъ ученій; изъ этой же области были взяты имъ темы его диссертаций: магистерской—«Макіавели, какъ политическій мыслитель», и докторской—«Этюды о Жанъ-Жакъ Руссо; связь политической доктрины Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы». Послѣ 1905 года, когда былъ преобразованъ государственный строй Россіи, проф. Алексѣевъ энергично занялся разработкой нормъ положительнаго русскаго государственнаго права, чѣмъ не мало содѣйствовалъ теоретическому освѣщенію многихъ вопросовъ, впервые возникавшихъ въ новой русской конституціонной практикѣ. Одна изъ послѣднихъ по времени статей проф. Алексѣева, относящихся къ данной области: «Юридическая природа манифеста 17-го октября 1905 года», была напечатана въ «Вѣстникѣ по поводу десятилѣтія манифеста 17-го октября». Помимо указанныхъ выше диссертаций, проф. Алексѣе-

вымъ было издано «Русское государственное право», а также напечатанъ цѣлый рядъ статей: «Безответственность монарховъ и отвѣтственность министровъ», «Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ», «Начало верховенства права въ современномъ государствѣ», и др. Работалъ А. С. Алексѣевъ также и въ періодической печати, помѣщая въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» многочисленныя статьи по различнымъ вопросамъ политическимъ и юридическимъ. По политическимъ своимъ воззрѣніямъ проф. Алексѣевъ примыкалъ къ конституціонно-демократической партіи. Въ качествѣ общественнаго дѣятеля А. С. Алексѣевъ принималъ участіе въ жизни московскаго городского самоуправления, состоя гласнымъ думы. Заслуги проф. Алексѣева, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля, были достойнымъ образомъ отмѣчены избраніемъ его въ 1910 г. предсѣдателемъ московскаго юридическаго общества. Умеръ А. С. Алексѣевъ 65-ти лѣтъ, оставивъ незаконченными работы свои, посвященныя теоріи конституціоннаго государства и вопросу о юридической природѣ конституціонной монархіи. (Некрологъ его: «Южный Край», 1916, № 13250).

† **Бахрушинъ, А. А.** 14-го февраля скончался извѣстный благотворитель, почетный гражданинъ гор. Москвы, Александръ Алексѣевичъ Бахрушинъ. А. А. Бахрушинъ родомъ изъ Зарайска, съ которымъ не порывалъ своей связи до конца и въ послѣднія недѣли своей жизни былъ между прочемъ озабоченъ мыслью о сооруженіи тамъ больницы. Переселившись вмѣстѣ съ двумя братьями въ Москву, онъ сталъ во главѣ крупнаго, все разраставшагося промышленнаго предпріятія, затѣмъ продолжавшагося его сыновьями и внуками. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ онъ былъ гласнымъ московской думы; затѣмъ, уже довольно давно отойдя отъ думы, онъ продолжалъ живо интересоваться дѣлами московскаго общественнаго управленія. За чрезвычайно крупныя пожертвованія Москвѣ, за созданіе цѣлой сѣти благотворительныхъ учрежденій онъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Москвы. Имъ, вмѣстѣ съ его братьями П. и В. А. Бахрушиными, были созданы Бахрушинская больница съ родильнымъ домомъ, сиротскій пріютъ для мальчиковъ, домъ бесплатныхъ квартиръ для вдовъ и общежитіе для учащихся дѣвушекъ. Въ тихвинскомъ городскомъ имѣнніи строится колонія для безпріютныхъ дѣтей. Послѣднее крупное пожертвованіе А. А. Бахрушина—500 тыс. руб. для народныхъ домовъ и ремесленныхъ мастерскихъ. Заболѣлъ А. А. Бахрушинъ давно, болѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. До послѣдняго дня онъ продолжалъ интересоваться общественной и политической жизнью родины, внимательно слушалъ чтеніе отчетовъ о послѣднихъ засѣданіяхъ Государственной Думы. Скончался А. А. 92-хъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1916, № 96).

† **Сабуровъ, А. А.** 10-го марта скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Гос. Совѣта А. А. Сабуровъ. Покойный занималъ очень видное мѣсто въ верхней палатѣ и считался однимъ изъ наиболѣе независимыхъ членовъ ея. Въ общихъ собраніяхъ Гос. Совѣта А. А. Сабуровъ выступалъ весьма рѣдко, почти исключительно только по вопросамъ выдающейся важности, и къ его рѣчамъ непремѣнно прислушивалась вся палата. Когда въ верхней палатѣ преобладало затѣмъ правое большинство, А. А. Сабуровъ уступилъ предсѣдательствованіе

въ комиссіи С. С. Манухину, оставшись, однако, членомъ комиссіи, въ составъ которой онъ былъ избранъ по списку центра. Представителемъ центра онъ являлся почти во всѣхъ комиссіяхъ, обсуждавшихъ тѣ или другіе крупныя юридическіе вопросы. Особенно была замѣтна роль А. А. Сабурова въ комиссіи по законопроекту о реформѣ сената, возникшему въ Гос. Совѣтѣ по инициативѣ покойнаго. Послѣ смерти кн. П. Н. Трубецкого А. А. Сабуровъ былъ избранъ въ председатели группы центра, въ которой пользовался огромнымъ вліяніемъ почти съ перваго дня основанія группы. Занявъ этотъ постъ, А. А. Сабуровъ спасъ тогда группу отъ грозившаго ей распада послѣ исторіи съ проектомъ о западномъ земствѣ. Возникшія тогда тренія въ группѣ вскорѣ улеглись, и А. А. Сабуровъ отказался отъ председательствованія, заявивъ, что это мѣсто должно принадлежать члену Гос. Совѣта не по назначенію, а по выборамъ. А. А. Сабуровъ родился въ 1837 г. Окончивъ Александровскій юридическій лицей, онъ въ 1857 г. поступилъ на службу въ канцелярію комитета министровъ и затѣмъ перешелъ въ министерство юстиціи. Вскорѣ покойный былъ назначенъ оберъ-секретаремъ 5-го департамента правительствующаго сената, откуда онъ перешелъ въ кассационный уголовный департаментъ. Въ 1872 г. А. А. Сабуровъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента юстиціи, а въ 1875 г. — попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. На этомъ посту онъ оставался до 1880 г., когда былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ министра онъ обрѣзивалъ рядъ учебныхъ заведеній Имперіи и намѣтилъ проектъ широкихъ либеральныхъ реформъ въ учебномъ дѣлѣ. Осуществить эти реформы покойному не удалось, однако, такъ какъ онъ былъ вскорѣ переведенъ въ сенатъ и назначенъ былъ къ присутствованію сначала въ межвомѣ, а затѣмъ въ гражданскомъ департаментѣ. Въ 1896 году А. А. Сабуровъ занялъ постъ первоприсутствующаго гражданскаго департамента, а въ 1899 г. — былъ назначенъ членомъ Гос. Совѣта по департаменту законовъ. Послѣ реформированія Гос. Совѣта А. А. Сабуровъ былъ назначенъ председателемъ 1-го департамента Гос. Совѣта и оставался на этомъ посту до послѣдняго времени, когда, по болѣзни, онъ былъ освобожденъ отъ этой обязанности. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ рядѣ правительственныхъ комиссій и совѣщаній по судебной реформѣ и по пересмотру уголовного кодекса. Видную роль игралъ онъ и въ особомъ совѣщаніи, выработавшемъ мѣры къ проведенію въ жизнь началъ, возвѣщенныхъ въ указѣ 12-го декабря 1914 г. А. А. Сабуровъ состоялъ почетнымъ членомъ юрьевскаго университета, академіи наукъ, археологическаго института и многихъ другихъ учебныхъ учреждений (Некрологъ его: «Современное Слово», 1916, № 2930).

† **Саккетти, Л. А.** 26-го февраля скончался выдающійся знатокъ искусства, специалистъ по исторіи музыки, пользовавшійся большой и заслуженной популярностью, старѣйшій профессоръ петроградской консерваторіи Ливерій Антоновичъ Саккетти. Л. А. родился 18-го августа 1852 г. въ деревнѣ Кензорь, Тамбовской губерніи и Тамбовскаго уѣзда. Въ 1868 г. поступилъ въ петроградскую консерваторію, которую окончилъ по двумъ специальностямъ: въ 1874 г. по классу игры на виолончели у проф. К. Ю. Давыдова и въ 1878 г. по классу специальной теоріи композиціи у проф. Н. А. Римскаго-Корсакова.

Тотчасъ по окончаніи консерваторіи Л. А. былъ приглашенъ преподавателемъ консерваторіи и въ 1886 г. былъ возведенъ въ званіе профессора. Преподавалъ Л. А. сольфеджіо, гармонію, музыкальную энциклопедію, исторію музыки и эстетику. Читалъ также лекціи по эстетикѣ въ академіи художествъ (1886—1894 гг.). Въ 1895 г. Л. А., по приглашенію В. В. Стасова, занялъ постъ помощника завѣдующаго отдѣломъ искусствъ и технологии. Л. А. сотрудничалъ во многихъ журналахъ и газетахъ. Изъ крупныхъ статей его выдѣляются: «Художественная пропаганда въ народѣ», «О музыкальномъ образованіи», «Главные моменты въ развитіи православнаго пѣнія», «Поэзія и начертательныя искусства», «Основы музыкальной критики», и др. Отдѣльно изданы: 4 выпуска сольфеджіо, «Очеркъ всеобщей исторіи музыки», «Историческая музыкальная хрестоматія», «Краткое руководство по теоріи музыки», «Изъ области эстетики и музыки», «Эстетика», «О музыкальной художественности древнихъ грековъ» и др. За послѣднее время Л. А. былъ занятъ весьма крупнымъ трудомъ «Исторія музыки всѣхъ племенъ и народовъ», нѣсколько выпусковъ которой уже вышли въ изданіи «Шиповника». (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1916, № 46).

† **Суриковъ, В. И.** 6-го марта въ Москвѣ скончался на 68-мъ году жизни знаменитый художникъ Василій Ивановичъ Суриковъ. Онъ родился въ 1848 г. Первоначальное образованіе получилъ въ 1858—61 гг. въ красноярскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1870 г. Суриковъ поступилъ въ академію художествъ. «Видъ памятника Петра I» явился его первой работой, представленной суду публики на академической выставкѣ. Въ 1871—73 гг. онъ получилъ двѣ серебряныя медали, а въ 1874 г. малую золотую медаль за программу «Милосердіе самарянина». Въ слѣдующемъ году удостоился званія художника 1-й степени за картину «Апостоль Павелъ объясняетъ догматы вѣры». Выставлялъ Суриковъ свои картины, начиная съ 1881 г., обыкновенно въ обществѣ передвижниковъ, а въ самое послѣднее время уже на склонѣ лѣтъ примкнулъ къ «Союзу русскихъ художниковъ». Въ лицѣ Сурикова сошелъ въ могилу чрезвычайно крупный, самобытный, яркій талантъ. Его значеніе въ исторіи русскаго искусства огромно, ибо въ качествѣ историческаго живописца, какимъ онъ былъ по существу, Суриковъ первый пробилъ брешь въ стѣнѣ условно-академическаго шаблона исторической живописи. Четыре крупнѣйшихъ прославившихъ имя Сурикова картины: «Ермакъ» (Покореніе Сибири) въ музеѣ императора Александра III, «Утро стрѣлцкой казни», «Боярыня Морозова» и «Меньшиковъ въ Березовѣ»— всѣ три въ Третьяковской галлерей, помимо того, что запечатлѣны подлинно трагическимъ пафосомъ, раскрываютъ передъ зрителемъ съ жуткой реальностью всю глубину когда-то разыгравшихся необычайныхъ событій и отражаютъ съ замѣчательной ясностью темныя и бурныя настроенія народной души. Со смертью Сурикова выпало, пожалуй, самое крупное звено въ цѣпи художниковъ, постигшихъ съ большей или меньшей силой проникновенности духъ русскаго историческаго прошлаго: Шварцъ, Суриковъ, В. Васнецовъ, Рябушкинъ, Рерихъ. (Некрологъ его: «Голосъ», 1916, № 125).

† **Томашевскій, С. П.** Въ Кіевѣ, въ три часа ночи на 8-е марта внезапно скончался Сергѣй Петровичъ Томашевскій, заслуженный профессоръ по кафедрѣ

сифилидологии и дерматологии при университетѣ св. Владимира и директоръ медицинскаго отдѣленія высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Профессоръ С. П. Томашевскій, сынъ уѣзднаго врача, уроженецъ Черниговской губерніи, родился въ октябрѣ 1854 года. Высшее образование получилъ въ Императорской медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1876 году со степенью лекаря съ отличіемъ и съ оставленіемъ при академіи. Во время русско-турецкой войны Сергѣй Петровичъ пробылъ при госпиталяхъ въ дѣйствующей арміи въ теченіе двухъ лѣтъ. Затѣмъ съ 1879 по 1883 г. покойный состоялъ ординаторомъ и ассистентомъ клиники проф. Тарновскаго и въ промежутокъ этого времени съ успѣхомъ защитилъ диссертацию на степень доктора медицины при Императорской военно-медицинской академіи. Въ мартѣ 1887 г. С. П. Томашевскій назначенъ былъ приватъ-доцентомъ при кафедрѣ сифилидологии и дерматологии въ университетѣ св. Владимира, а осенью 1897 года избранъ профессоромъ по той же кафедрѣ, которую и занималъ до смерти. Являясь однимъ изъ самыхъ горячихъ и ревностныхъ поборниковъ идеи о необходимости высшаго образованія для женщинъ, покойный былъ однимъ изъ инициаторовъ кіевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, а съ основаніемъ при нихъ медицинскаго отдѣленія до смерти занималъ должности директора профессора и казначея этого отдѣленія. Принимая также живое участіе въ общественной жизни Кіева, профессоръ С. П. Томашевскій нѣсколько четырехлѣтій состоялъ гласнымъ кіевской городской думы и членомъ совѣта при городской Александровской больницѣ, состоялъ предсѣдателемъ сифилидологическаго и дерматологическаго общества, предсѣдателемъ правленія общества вспомошествованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, членомъ правленія общества поданія помощи больнымъ дѣтямъ въ Кіевѣ, предсѣдателемъ правленія кіевского отдѣленія вспомогательной медицинской кассы, учрежденной Я. А. Чистовичемъ, состоялъ младшимъ ординаторомъ при кіевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ завѣдывалъ также дерматологической клиникой. Покойный принималъ также дѣятельное участіе въ созданіи въ Кіевѣ на Батыевой горѣ клиническаго городка, гдѣ уже функционируютъ патолого-анатомическій институтъ, клиника частной патологии и хирургической патологии. Съ возникновеніемъ, по случаю войны, всероссійскаго союза городовъ С. П. неустанно работалъ въ этомъ союзѣ въ качествѣ товарища предсѣдателя кіевского комитета. (Некрологъ его: «Кіевлянинъ», 1916, № 69).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ А. Фрейганга «Въ защиту славнаго прошлаго».

Въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1915 года, въ статьѣ г. А. Фрейганга «Въ защиту славнаго прошлаго» вкралось недоразумѣніе, значительно измѣняющее положеніе дѣла перехода арміи генерала Радецкаго чрезъ Балканы и участія въ немъ генерала Скобелева. Въ дѣйствительности вотъ что было:

По утвержденному великимъ княземъ главнокомандующимъ плану, переходъ арміи долженъ былъ совершиться одновременно *лѣвымъ* ея крыломъ *черезъ Хань-кіоскій перевалъ* отрядомъ подъ командой генерала князя Святополка-Мирскаго и *правымъ* черезъ Иметлинскій—отрядомъ подъ командой генерала Скобелева. Хань-кіоскій перевалъ лежитъ верстахъ въ пятнадцати *влѣво* отъ *Шипкинскаго*, а Иметлинскій верстахъ *въ десяти* отъ *Шипкинскаго вправо*. Центральный же отрядъ подъ личнымъ начальствомъ Радецкаго долженъ былъ удерживать турецкія войска, находившіяся противъ него въ неприступныхъ укрѣпленіяхъ горы и отроговъ св. Николая, дѣйствуя противъ нихъ лишь демонстративно. Главныя же силы турецкой арміи занимали мѣстность *на равнинѣ* около укрѣпленнаго аула Шейново верстахъ примѣрно въ десяти-двѣнадцати отъ Шипки.

Въ назначенный день (кажется, 8-го декабря 1877 г.) князь Мирскій перешелъ хребетъ и, встрѣченный внизу войсками авангарда Весселя, вступилъ съ ними въ бой.

Генераль Скобелевъ, встрѣтившій на перевалѣ *огромные заносы снѣга и испорченную дорогу*, долженъ былъ расчищать и исправлять ее и поэтому запоздалъ съ выходомъ на равнину *почти на сутки*, въ теченіе которыхъ отрядъ князя Мирскаго *успѣшно*, хотя и съ большимъ *трудомъ*, боролся съ большей половиной арміи Весселя, а Радецкій, дабы отвлечь на себя вниманіе и часть турецкихъ силъ равнины, долженъ былъ *наконецъ демонстративно* сдѣлать нѣсколько атакъ на *позиціи турокъ горы св. Николая*.

Когда же наконецъ Скобелевъ, *преодолевъ трудности перевала*, двинулся въ атаку на Шейновскія позиціи, турки, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, и *сложили* оружіе какъ внизу, такъ и на горѣ св. Николая у Шипки ¹⁾.

Что касается Верещагина, то онъ, какъ батальный живописецъ и бывший офицеръ, до войны еще былъ извѣстенъ великому князю Николаю Николаевичу, лицамъ его свиты и многимъ изъ золотой молодежи петербургскаго военного общества. Весь походъ 1877—1878 гг. дѣлалъ при штабахъ или великаго князя, или Гурко, или при Скобелевѣ, съ которымъ въ особенности былъ друженъ, о чемъ рассказываетъ довольно подробно въ описаніи своего участія въ этой войнѣ. Въ этой книжкѣ онъ рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Скобелеву. Верещагинъ вовсе не зналъ Радецкаго. Напримѣръ, въ своихъ запискахъ онъ самоувѣренно называетъ Радецкаго старымъ холостякомъ, тогда какъ семейство его отъ первой жены (дочери харьковскаго помѣщика полковника Иванова) и вторая (рожденная Лебедева, дочь генерала генеральнаго штаба) были извѣстны очень многимъ въ военныхъ сферахъ Россіи а въ особенности на Кавказѣ и въ Полтавѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Варшавѣ. При достаточной легкомысленности Верещагина (судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его книжки), и проглядывающей въ нихъ явной недоброжелательности къ Ѳ. Ѳ. Радецкому, нужно полагать, что онъ даже избѣгалъ его, какъ человѣка, въ

¹⁾ О переходѣ черезъ Балканы войскъ Радецкаго было писано въ 1878 году и послѣ очень много статей, брошюръ.

области дѣла и мысли очень серьезнаго, основательно образованнаго и строго нравственно воспитаннаго.

Кстати, можетъ быть, не лишне будетъ при этомъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія о личности **Θ. Θ. Радецкаго**.

Онъ получилъ образованіе въ главномъ инженерномъ училищѣ и его офицерскихъ классахъ (впослѣдствіи инженерная академія) и въ академіи генеральнаго штаба. Его предокъ со стороны отца во время войнъ реформациі выселился изъ южной, кажется, Польши, въ сѣверную, ставъ протестантомъ и основавшись въ Курляндіи. По матери, рожденной Жуковой, онъ Казанской (и Симбирской) губерніи. Родной братъ его матери, воспитанникъ пажескаго корпуса и затѣмъ офицеръ Семеновскаго полка, пострадалъ вмѣстѣ съ другими офицерами полка во время командованія этимъ полкомъ извѣстнаго генерала Шварца (кажется, 1818 г.); товарищемъ его былъ и Бестужевъ (Марлинскій).

А. Радецкій.

P. S. Изъ этого видно, что движеніе колонны генерала Скобелева чрезъ Балканы въ составѣ арміи генерала Радецкаго никакъ нельзя назвать движеніемъ на выручку арміи Радецкаго, да еще на Шишку.

— Я уже перестала бояться съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла Марко у гостиницы,—отвѣчала она.

— Твои лошади готовы, если ты не устала,—заговорилъ Марко послѣ нѣкоторой паузы.—Мы поѣдемъ назадъ въ Сарагоссу кратчайшимъ путемъ.

— Повторяю тебѣ, что беспокоиться нечего,—опять сказалъ Саррионъ-старшій.—Мы покончили это дѣло съ Эвасіо Мономъ совершенно миролюбиво и сегодня же возьмемъ Хуаниту изъ школы. Нашъ другъ Пелигросъ уже ждетъ у насъ дома ея прибытія. Маркъ устроилъ все дѣло, какъ слѣдуетъ.

И онъ сдѣлалъ быстрый жестъ рукой, какъ бы желая сказать, что дѣло кончено безповоротно.

— Здѣсь тебѣ нечего дѣлать, тетя,—промолвилъ Маркъ, не отрываясь отъ окна.—Не теряй время. Вотъ миля за три показался какой-то экипажъ.

Сестра Тереза заторопилась и быстро покинула гостиницу. Вслѣдъ за ней двинулись и оба Сарриона. Вернувшись въ Сарагоссу, они заперлись въ своемъ мрачномъ дворцѣ и стали ждать извѣстій отъ сестры Терезы. Ждать имъ пришлось недолго, и тотъ самый извозчикъ, который узналъ Марко на дорогѣ въ Алагонъ, принесъ записочку, на которой было написано: «№ 5, улица de la Merced. Будутъ ждать».

— А другой экипажъ, который мы видѣли на дорогѣ, прибылъ?—спросилъ Марко.—Экипажъ, въ которомъ ѣхалъ кабалеро?

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ извозчикъ.—Мнѣ говорилъ одинъ человекъ, проходившій по дорогѣ, что съ нимъ произошло второе несчастіе, какъ разъ у самой гостиницы «Двухъ Деревьевъ», гдѣ ихъ превосходительство изволили кушать кофе. Ничего особеннаго, но все-таки это задержало ихъ, по крайней мѣрѣ, на часъ. Не везетъ этому кабалеро.

Говорившій серьезно взглянулъ на Марко, который отвѣтилъ ему такимъ же серьезнымъ взглядомъ. Они были словно родные братья, сыны одной и той же природы, къ которой они любили обращаться, борясь съ ея вѣтромъ, жаромъ, холодомъ, холмами и рѣками, читая въ облакахъ, въ ночномъ мракѣ и предразсвѣтномъ мракѣ тысячи ея секретовъ, о которыхъ горожанинъ и не подозрѣвалъ.

— Ступай съ Богомъ,—промолвилъ Марко.

Кучеръ исчезъ. Пробыло уже двѣнадцать часовъ.

— Идемъ. Намъ необходимо побывать въ № 5 по улицѣ de la Merced,—сказалъ Марко отцу.—Ты знаешь этотъ домъ?

— Да. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ въ Сарагоссѣ домовъ, которые стоятъ пустыми. Это старинный домъ, принадлежавшій когда-то духовенству. Его разграбили въ царствованіе Христины.

Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу. Впервые за много лѣтъ были открыты окна въ домъ Сарріоновъ, которыя заняли комнату, выходящую окнами на Эбро.

— Ого, ты ужъ заказалъ экипажъ!—воскликнулъ графъ, увидѣвъ около воротъ кучера.

Старыя ворота дома были открыты настежь.

— Да,—отвѣчалъ Марко, какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.— Надо будетъ привезти Хуаниту.

XVIII.

Дѣлатели исторіи.

Домъ № 5 на улицѣ de la Merced до сихъ поръ стоитъ пустымъ, подобно многимъ домамъ въ Сарагоссѣ, и глазу прохожаго представляется лишь темная каменная масса съ рѣшетчатыми окнами, въ которыхъ пауки протягиваютъ свои сѣти. Въ большихъ городахъ Испаніи почему-то всегда можно встрѣтить не мало пустыхъ домовъ.

Домъ № 5 на улицѣ de la Merced, какъ большинство монастырскихъ зданій, имѣлъ свою собственную исторію. На круглыхъ булыжникахъ, которыми высланъ его широкій дворъ, до сихъ поръ виднѣются черныя пятна, гдѣ, какъ рассказываютъ, любопытнымъ туристамъ, сторожа, оставленные охранять такіе нежилые дома, обыкновенно варили себѣ обѣдъ на кострѣ, раздувая его пальмовыми листьями. Въ дѣйствительности эти черныя пятна совершенно другого происхожденія. Это слѣдъ тѣхъ костровъ, на которыхъ разсвирѣпѣвшая чернь Сарагоссы, разграбившая городскіе монастыри, сжигала монастырское имущество.

Сарріоны вышли изъ экипажа на углу улицы, въ тѣни, отбрасываемой какимъ-то высокимъ домомъ. Хотя снѣгъ еще держался кое-гдѣ на холмахъ кругомъ Торре-Гарды, но солнце въ полдень начало уже порядочно припекать. Домъ № 5 оказался наглухо закрытымъ. На его огромныхъ окнахъ лежалъ слой пыли, и пауки безпрепятственно протягивали здѣсь свои сѣти. Домъ былъ необитаемъ уже въ продолженіе лѣтъ сорока.

Марко попробовалъ открыть дверь, но это было такъ же трудно, какъ проломить стѣну. Это была настоящая монастырская дверь, безъ всякой щелочки, такъ что черезъ нее не проникла бы и муха.

— Тутъ никто не живетъ,—сказала какая-то старуха, проходившая мимо.—Онъ стоялъ пустой, когда я была еще дѣвочкой. На немъ лежитъ проклятіе. Здѣсь произошло убійство нѣсколькихъ святыхъ отцовъ.

Сарріонъ поблагодарилъ ее за сообщенныя свѣдѣнія и пошелъ дальше. Марко угломъ глазъ посмотрѣлъ на пыль, лежащую возлѣ дома.

— Здѣсь останавливались два экипажа. Вотъ здѣсь, около этой небольшой двери, которая на первый взглядъ ведетъ въ сосѣдній домъ.

— Это старинная уловка,—съ улыбкой замѣтилъ Сарріонъ.— Мнѣ приходилось видать такія двери и раньше. Ихъ не мало въ улицѣ Святого Григорія. Сидя на балконѣ нашего дома, я не разъ замѣчалъ, какъ кто-нибудь входилъ въ одинъ домъ, а черезъ минуту выглядывалъ изъ окна сосѣдняго.

— Монъ еще не пріѣхалъ,—продолжалъ Марко, не спуская глазъ съ дороги.—Его везетъ одноглазый Педро, а у его лошади подковы совсѣмъ круглыя.

— Намъ незначѣмъ дожидаться его. Рискъ слишкомъ великъ. Вѣдь все можетъ совершиться и въ его отсутствіе.

— Да, —согласился, подумавъ, и Марко.—Ждать намъ нечего.

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ на углу улицы показалась карета.

— Ъдутъ, ъдутъ,—промолвилъ Марко и увлекъ своего отца подъ какія-то ворота.

Въ самомъ дѣлѣ на козлахъ кареты сидѣлъ человекъ, котораго звали одноглазымъ Педро, а лошади оставляли послѣ себя совершенно круглый слѣдъ на пыли.

Изъ кареты вышелъ Эвазіо Монъ. Онъ расплатился съ извозчикомъ и, повидимому, щедро далъ ему на чай, ибо одноглазый Педро прежде, чѣмъ положить деньги въ свой кошелекъ, еще долго считалъ ихъ.

Монъ постучалъ въ дверь палкой, съ которой онъ никогда не разставался. Дверь тотчасъ же отворилась, пропустила его и быстро захлопнулась.

— А, онъ стучалъ такимъ же манеромъ, какъ тогда, въ улицѣ Святого Григорія,—воскликнулъ весело Сарріонъ.—Просто и понятно.

И онъ постучалъ точно такимъ же образомъ по периламъ лѣстницы, къ которой они подошли.

— Попробуемъ сдѣлать то же,—продолжалъ онъ.—Попробуемъ постучать въ дверь такъ же, какъ Эвазіо Монъ. Подождемъ только, пока онъ отъ нея отойдетъ.

Прождавъ минуты двѣ, они снова направились на улицу de la Merced. Былъ часъ завтрака, и на улицахъ не было ни души. Они подошли вплотную къ двери, черезъ которую исчезъ Эвазіо Монъ.

— Слышишь!—шепотомъ сказалъ Марко отцу.

Изъ глубины пустого дома слышались заглушенные звуки органа. Казалось, они неслись по какимъ-то длиннымъ коридорамъ.

— Насколько я припоминаю,—сказалъ графъ:—здѣсь есть довольно большая церковь на дворѣ, который находится какъ разъ противъ этой двери.

Медлить было нельзя, и Саррионъ, постучавъ условнымъ образомъ, отошелъ отъ двери, такъ что тотъ, кто отворить ее, долженъ будетъ раскрыть ее широко и даже выйти на улицу, чтобы узнать, кто стучалъ.

За дверью послышались шаги. Она осторожно отворилась, и изъ-за нея высунулась голова того самаго джюгаго монаха, который помогаль переносить раненаго Франциско де-Модженте въ улицѣ Святого Григорія. Увидѣвъ Саррионовъ, онъ бросился назадъ и хотѣлъ было захлопнуть за собой дверь. Но оба Сарриона уже успѣли схватиться за нее, и Марко удалось просунуть въ нее свое плечо. Они навалились изо всѣхъ силъ на дверь и почти притиснули монаха къ стѣнѣ.

Видя, что ему съ ними не справиться, монахъ бросился бѣжать по коридору, тускло освѣщенному затянутыми паутиной окнами. Марко бросился за нимъ, а Саррионъ сталъ у двери. На поворотѣ коридора монахъ поскользнулся и, видя, что ему не сладить съ Марко, припался кричать. Марко бросился на него, какъ тигръ, и зажалъ ему ротъ. Въ борьбѣ они тяжело упали на землю.

Монахъ былъ сильнѣе и тяжелѣе. Сначала Марко былъ смятъ и оказался подъ нимъ. Но прежде, чѣмъ Саррионъ подоспѣлъ на помощь сыну, тотъ уже выскользнулъ изъ-подъ своего противника и сильно ударилъ его головой о полъ. Это былъ обычный приемъ горцевъ въ борьбѣ и обыкновенно кончался смертью жертвы. Но монаха спасъ его толстый капюшонъ. Саррионъ быстро прижалъ монаха къ землѣ, а Марко вскочилъ на ноги, обтирая кровь, струившуюся изъ разсѣченной губы. Монахъ не поколебался бы положить его на мѣстѣ, если бъ только могъ. Южная кровь быстро бросается въ голову, а первобытные боевые инстинкты никогда не умираютъ въ сердцѣ южанина.

— Онъ не убитъ?—запыхавшись, спросилъ Марко.

— И слава Богу, что не убитъ,—смѣясь, отвѣчалъ Саррионъ:—Идемъ въ церковь.

И прислушиваясь къ далекимъ звукамъ органа, они бросились впередъ по тускло освѣщеннымъ коридорамъ. Между ними и церковью было, очевидно, нѣсколько закрытыхъ дверей, ибо до нихъ доносились лишь болѣе громкія и сильныя ноты. Одолѣвъ послѣдній коридоръ, они выбѣжали на широкій внутренній дворъ, густо поросшій травой. По срединѣ его былъ колодезь съ желѣзной рѣшеткой, сплошь закрытый зеленью.

— Церковь здѣсь, но дверь въ нее задѣлана,—сказалъ Саррионъ, указывая на заложенную дверь.

Но Марко быстро отыскалъ другую, которая изъ окружавшей дворъ галереи вела назадъ, какъ разъ по тому направленію, по которому они явились сюда. Войдя въ коридоръ, они должны были сразу же круто повернуть назадъ. Такіе повороты на-

рочно устраивались ловкими архитекторами, чтобы заглушать звуки.

— Это ходъ на хоры, къ органу,—прошепталъ Марко.

— И, вѣроятно, въ церковь.

Они отворили дверь. Передъ ними была другая, обитая войлокомъ. Марко толкнулъ ее: звуки органа стали такъ громки, что почти оглушали ихъ.

Они оказались передъ самой церковью, какъ разъ у органа.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они сначала остановились въ темномъ углу. Имъ было слышно, какъ дышала человѣкъ, игравшій на органѣ. Потомъ Марко пошелъ впередъ и скоро они были уже въ самой церкви, слабо освѣщенной горящими свѣчами. Въ воздухѣ, который, казалось, вибрировалъ съ каждымъ звукомъ органа, стоялъ тяжелый запахъ ладона.

Церковь была довольно узка и длинна. Въ западномъ ея концѣ, кромѣ Марко и его отца, никого не было. Да и ихъ совсѣмъ не было видно изъ-за купели, рѣзная крышка которой поднималась къ потолку, словно колокольня. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣзба была сломана и, очевидно, стала жертвою костровъ на дворѣ. Невдалекѣ отъ нихъ на колѣняхъ на голомъ полу стояла цѣлая группа. Наверху сквозь изломанную рѣшетку хоръ виднѣлось довольно много лицъ, у алтаря служили два священника.

— Вотъ Хуанита,—прошепталъ Марко, указывая на хоры.

Дѣвушка, стоявшая возлѣ нея на колѣняхъ, горько плакала. Но Хуанита стояла прямо, и ея тонкій профиль отчетливо вырисовывался на фонѣ освѣщеннаго свѣчой пространства. Въ поворотѣ ея головы было что-то энергичное и сильное.

Недалеко отъ нея среди молящихся виднѣлась неподвижная фигура сестры Терезы. Она смотрѣла прямо передъ собою. Рядомъ съ ней можно было разглядѣть согбенную фигуру Леона де-Модженте. Сзади него съ склоненной головой стоялъ Эвазіо Монъ. Съ своего мѣста онъ могъ отлично видѣть Хуаниту и, по всей вѣроятности, наблюдалъ за нею.

Церковь была устлана старыми истоптанными цыновками изъ травы, какъ это вездѣ дѣлается по побережью Средиземнаго моря. Это давало возможность Сарріонамъ безшумно двинуться впередъ. Ближе всего къ нимъ стоялъ на колѣняхъ Эвазіо Монъ, но и онъ не слышалъ ихъ шаговъ.

Въ этотъ моментъ Хуанита, повернувъ голову, вдругъ замѣтила ихъ, и Эвазіо Монъ видѣлъ, какъ она вздрогнула. Онъ быстро повернулся въ ту же сторону: рядомъ съ нимъ въ полутемнотѣ стоялъ Сарріонъ, а съ другой стороны Марко, державшій платокъ у губъ.

Эвазіо Монъ быстро сообразилъ положеніе вещей и съ заранѣе приготовленной улыбкой обратился къ Сарріону:

— Вы хотѣли меня видѣть?

— Я хочу взять отсюда Хуаниту де-Модженте и притомъ какъ можно скорѣе,—шепотомъ отвѣчалъ Сарріонъ.—Намъ не хотѣлось бы нарушать службу.

— По какому же праву, другъ мой?—спросилъ Монъ, сладко улыбаясь.

— А вотъ спросите объ этомъ моего сына.

Монъ, не говоря ни слова, повернулся къ Марко. Тотъ поднесъ къ самымъ его глазамъ удостовѣреніе о своемъ бракѣ, подписанное самимъ епископомъ.

Монъ покачалъ головой, словно это его сильно огорчило, и, продолжая мягко улыбаться, сказалъ:

— Это не имѣетъ законной силы, другъ мой.

Но, взглянувъ на лицо Марко, онъ сразу почувствовалъ, что ему лучше попробовать разубѣдить каменную стѣну, чѣмъ его.

Служба продолжалась своимъ чередомъ, и съ хоръ лились голоса, поднимаясь и опускаясь, словно морскія волны. Служба была простая, лишенная тѣхъ театральныхъ эффектовъ, которые были введены церковью потомъ, для укрѣпленія слабыхъ душъ.

Хуанита оглянулась и увидѣла, что Монъ съ сладкой улыбкой на губахъ стоитъ на колѣняхъ между двумя мрачными фигурами, которыя высились по обѣимъ его сторонамъ, и ей стало смѣшно.

Наконецъ Монъ всталъ съ колѣнъ и остановился въ нерѣшительности. Марко указалъ ему рукою на Хуаниту. Служба прервалась сама собой, и воцарилось молчаніе, прерываемое только рыданіями дѣвушки, стоявшей на колѣняхъ возлѣ Хуаниты.

Опять громко заигралъ органъ. Монъ вдругъ ожилъ и, подойдя къ Хуанитѣ, дотронулся до ея плеча и сдѣлалъ ей знакъ итти за нимъ. Оба священника у алтаря дѣлали видъ, что они ничего не знаютъ. Сестра Тереза, погруженная въ молитву, смотрѣла прямо передъ собой. Служба возобновилась.

Подъ предводительствомъ Сарріона всѣ двинулись изъ церкви въ коридоръ. Хуанита, взглянувъ на Марко, молча кивнула ему головой на Мона и сдѣлала вслѣдъ ему веселую гримасу. Марко тихо шелъ сзади нея.

Выйдя въ коридоръ, Монъ устремилъ пристальный взоръ сначала на Хуаниту, потомъ на Марко: его разбирала досада.

— Это не имѣетъ законной силы,—тихо повторялъ онъ,—безъ особаго разрѣшенія.

Въ отвѣтъ Марко вручилъ ему вторую бумагу, внизу которой виднѣлась круглая печать Ватикана. Это было обычное разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ несовершеннолѣтней.

— Очень радъ, очень радъ,—забормоталъ Монъ, заглядывая въ бумагу.

Сарріонъ повелъ всѣхъ дальше по коридору. Монахъ все еще

сидѣлъ на извѣденной червями скамейкѣ, прислонившись къ стѣнѣ и закрывъ голову руками.

— Онъ немного ушибся,—просто сказалъ Марко.—Онъ вздумалъ преградить намъ путь.

Монъ проводилъ ихъ до входной двери. Потомъ, ни слова не говоря, онъ крѣпко заперъ ее за ними и вернулся назадъ въ церковь, раздумывая по дорогѣ о томъ, какіе мелкіе факты даютъ иногда исторіи народа совсѣмъ другой оборотъ. Ибо, выдержи монахъ нападеніе Сарріоновъ, будь въ двери такая же рѣшетка, какъ въ улицѣ de la Merced, Донъ-Карлосъ Бурбонскій, можетъ быть, надѣлъ бы на себя корону Испаніи.

XIX.

Кузина Пелигросъ.

Хуанита была одѣта въ обыкновенную форму воспитанницъ монашеской школы: на ней было черное платье и черная мантилья. Поэтому она пошла по улицѣ, не привлекая на себя вниманія.

Щеки ея пылали, а глаза блестѣли отъ возбужденія. Она шла подъ руку съ Сарріономъ.

— Какъ хорошо, что вы пришли,—сказала она.—Я знала, что могу положиться на васъ и ничего не боялась.

Сарріонъ улыбнулся и взглянулъ на Марко, которому пришлось преодолѣть всѣ препятствія и который теперь спокойно шелъ рядомъ съ нею, стараясь закрывать платкомъ разбитую губу.

Хуанита забѣжала въ середку между ними и взяла ихъ обоихъ подъ руку.

— Вотъ такъ,—говорила она со смѣхомъ.—Теперь я отъ всего въ безопасности, отъ всего рѣшительно. Не правда ли?

— Конечно.

Хуанита шла между Сарріонами, едва касаясь ногами земли.

— Что ты такъ смотришь на меня?—вдругъ спросила она Марко.

— Ты, какъ будто выросла?

— Конечно, выросла,—серьезно отвѣчала она.

Она остановилась и вытянулась во весь ростъ.

— Я на цѣлый вершокъ выше, чѣмъ Милагросъ, но она толстѣетъ не по днямъ, а по часамъ. Наши дѣвицы увѣряютъ, что она скоро будетъ похожа на сестру Терезу, которая такъ высока, что стоитъ на колѣняхъ, а кажется, будто она на ногахъ. Эта глупая Милагросъ всегда плачетъ, когда ей говорятъ это.

— Милагросъ хочетъ стать монахиней?—разсѣянно спросилъ Сарріонъ.

Его мысли были заняты совсѣмъ другимъ.

— Боже сохрани!—вскричала Хуанита.—Она говоритъ, что она

выйдетъ замужъ за военнаго. Не знаю почему. Она говоритъ, что ей нравится, когда бьютъ въ барабаны. Я ей, бывало, говорила, чтобы она купила себѣ барабанъ и наняла бы себѣ барабанщика. Она очень богата, знаете. Вѣдь не стоитъ изъ-за этого выходить замужъ за военнаго, а?

— Конечно, не стоитъ,—отвѣчалъ Марко, къ которому собственно и былъ обращенъ вопросъ.

— Барабанный бой можетъ вѣдь и надоѣсть. Вотъ какъ намъ надоѣдаетъ читать молитвы въ школѣ. Я увѣрена, что она она еще подумаетъ прежде, чѣмъ выходить за военнаго. Мнѣ бы этого не хотѣлось. Впрочемъ, я забыла...

И она съ лукавымъ видомъ опять подхватила подъ руку Марко.

— Ты знаешь, я и забыла, что мы женаты. Впрочемъ, я ни капли не раскаиваюсь въ этомъ. Я такъ рада, такъ рада, что удалъ съ уйти изъ этой школы. Я ее ненавижу. Я всегда такъ боялась, что, несмотря ни на что, онѣ сдѣлаютъ изъ меня монахиню. Вы и не знаете, что значить чувствовать себя безпомощной и въ опасности. Отъ этой мысли просыпаешься ночью и жалѣешь, что не умерь.

— Ну, теперь все это миновало и умирать незачѣмъ,—успокоилъ ее Марко.

— Навѣрно?

— Навѣрно, навѣрно.

— И я уже никогда болѣе не вернусь въ школу? И онѣ не имѣютъ надо мной никакой власти, ни сестра Тереза, ни сестра Доротея, ни сама мать-настоятельница? Вы знаете, ее зовутъ всегда «матушка». Мы ненавидимъ ее. И все это теперь прошло.

— Да,—отвѣчалъ Марко.

— Какъ я рада, что я вышла за тебя замужъ,—убѣжденно объявила Хуанита.—И теперь не надо уже бояться сеньора Мона съ его сладкой улыбочкой?—продолжала допрашивать Хуанита.

— Конечно, не надо.

Хуанита вздохнула съ облегченіемъ и откинула свою мантилью.

— Онъ всегда только и говорить «да» и «нѣтъ». Но какимъ-то образомъ выходитъ такъ, что и этого довольно.

Они повернули за уголъ, гдѣ ихъ дожидался экипажъ: Это былъ одна изъ тѣхъ тяжелыхъ каретъ, которыя цѣлыми годами стояли безъ дѣла въ сараѣ дома Сарріоновъ и употреблялись только въ торжественныхъ случаяхъ. Лошади были изъ Торре-Гарды, и кучеръ, и лакей въ ливреѣ привѣтствовали Хуаниту съ той свободой, которая всегда царствуетъ въ ихъ краю.

— Это парадный экипажъ?

— Да.

— Для чего?

— Для того, чтобы везти тебя домой.

Хуанита быстро впрыгнула въ карету и усѣлась молча. Лакей,

захлопнувъ дверцу, дотронулся рукой до своей шляпы, привѣтствуя этимъ не Сарріоновъ, а ее. Хуанита отвѣтила привѣтливой улыбкой.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила она.

— Въ домъ Сарріоновъ.

— Его отворили послѣ столькихъ лѣтъ? Для кого?

— Для тебя.

Хуанита высунулась изъ окна, посматривая кругомъ блестящими глазами. Она не предлагала болѣе никакихъ вопросовъ, и всѣ доѣхали до дома Сарріоновъ молча.

Пелигросъ уже поджидала ихъ.

Пелигросъ приходилась родственницей Сарріонамъ. Казалось, она дѣлала огромное одолженіе міру тѣмъ, что она существуетъ. За это міръ былъ обязанъ, въ свою очередь, давать ей комфортъ и оказывать всяческое уваженіе.

— Старинная фамилія,—говорила она,—теперь вымираютъ.

При этихъ словахъ она вытягивала впередъ руки и складывала ихъ на груди, какъ бы давая понять, что обществу унывать нечего: она еще существуетъ. Отъ людей, ниже ея стоящихъ, она требовала полнѣйшаго къ ней уваженія. Ея руки не могли заняться чѣмъ-нибудь и въ продолженіе одного часа. Она была невѣжественна и лѣнива. Но она была свѣтской дамой и притомъ изъ рода Сарріоновъ.

Пелигросъ проживала обыкновенно въ Мадридѣ въ небольшой квартиркѣ, которая представлялась ей центромъ всей общественной жизни.

— Сюда являются для того, чтобы спросить моего совѣта въ вопросахъ этикета,—говаривала она.

— Наша Пелигросъ,—замѣтила однажды Хуанита, выслушавъ цѣлую лекцію о томъ, какъ нужно заботиться о своихъ рукахъ,—отмежевала себѣ особую область.

— Гдѣ и стоитъ, какъ пугало,—добавилъ Марко, не любившій пускаться въ разговоръ.

Такова была особа, ожидавшая пріѣзда Сарріоновъ. Она была вызвана Сарріономъ изъ Мадрида и пріѣхала сюда на его счетъ. Расходы по ея путешествію были не малые. Подобно многимъ другимъ, кому приходится жить на средства другихъ, Пелигросъ старалась смягчить горечь чужого хлѣба, усердно намазывая его масломъ за чужой счетъ.

Когда карета загрохотала по мощеному двору, Пелигросъ, конечно, не вышла навстрѣчу прибывшимъ. Такой поступокъ могъ бы унижить ее въ глазахъ прислуги, которая, надо ей отдать справедливость, прекрасно видѣла пустоту, которая таилась въ этой важной барынѣ. Она торжественно усѣлась въ гостиной, сложивъ руки на колѣняхъ, и приготавливалась произнести заранѣе приготовленное привѣтствіе новопривывшимъ. Ей было уже сообщено, что

Саррионъ находитъ необходимымъ взять Хуаниту де-Модженте изъ монастырской школы и принять на себя ея опекунство, которое должно было еще разъ доказать старинную дружбу между Сарриономъ и Франциско де-Модженте.

Пелигросъ приняла близко къ сердцу то обстоятельство, что Хуанита, въ критическій моментъ жизни, нуждается въ хорошемъ примѣрѣ. А по ея убѣжденію, ни одинъ человѣкъ въ Испаніи не могъ представить лучшаго, чѣмъ она, сеньорита Пелигросъ де-Саррионъ.

Итакъ, она сидѣла въ гостиной, облаченная въ черное шелковое платье и вся пропитанная снисходительностью ко всякому, кто имѣетъ несчастье не принадлежать къ роду Саррионовъ.

Между тѣмъ Перро влетѣлъ уже въ переднюю и привѣтствовалъ Хуаниту огромными прыжками, отъ которыхъ плохо пришлось ея мантильѣ.

Множество картинъ и оружія по стѣнамъ дворца поразили Хуаниту: она никогда не была въ немъ внутри.

— Неужели это все Саррионы?—спрашивала она, поглядывая на старинные портреты.—Какая свирѣпая компанія! Вотъ этотъ съ острымъ шлемомъ, это, должно быть, крестоносецъ. А что это за шлемъ виситъ подъ портретомъ? Въ немъ большая выбоина. Но онъ, навѣрно, отвѣтилъ на этотъ ударъ, какъ слѣдуетъ? А? Дядя Рамонъ, какъ вы думаете?

— По всей вѣроятности,—отвѣчалъ графъ.

— Я хотѣла бы быть Сарриономъ,—сказала Хуанита, поглядывая на оружіе загорѣвшими глазами.

— Да ты и есть одна изъ Саррионовъ,—серьезно замѣтилъ графъ.

Хуанита остановилась и черезъ плечо взглянула на Марко, который шелъ сзади и не принималъ участія въ разговорѣ.

— Я и забыла,—промолвила она.

И, словно вспомнивъ о лежащей на ней обязанности, она вздохнула и стала опять подниматься наверхъ. Увидавъ застывшую въ своемъ величіи Пелигросъ, Хуанита сразу развеселилась и бросилась къ ней.

— А, Пелигросъ,—воскликнула она, хватая ее за обѣ руки.—Только подумай! Я вырвалась изъ школы. Нѣтъ больше наказаній, нѣтъ больше ни ариметики, ни грамматики!

Сеньорина Пелигросъ подвинулась не спѣша, стараясь сохранить свое достоинство, которое, по ея мнѣнію, могло оказывать благотворное вліяніе на міръ. Но Хуанита не считала нужнымъ скрывать своего восторга, отъ котораго подвергалась такой опасности мантилья почтенной дамы, и, схвативъ ее, пустилась танцовать какой-то дикій танецъ, отъ котораго Пелигросъ едва не задохлась.

— Не нужно больше ходить къ ранней обѣднѣ въ шесть часовъ

утра!—кричала Хуанита, выпустивъ изъ своихъ объятій Пелигрось.— Неужели вы всегда ходите къ ранней обѣднѣ?

— Нѣтъ,—важно отвѣчала Пелигрось.—Такихъ вещей не требуется отъ дамы.

— Слава Богу! Въ такомъ случаѣ я не раскаиваюсь, что я уже выросла. Сейчасъ я устрою себѣ настоящую прическу. Дайте мнѣ, пожалуйста, пару булавокъ.

Она бросилась къ мантильѣ Пелигрось и вытащила изъ нея пару булавокъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе бонтонной дамы. Потомъ она заложила вѣнкомъ на головѣ свои тяжелыя косы, сбросила мантилью и, смѣясь, остановилась противъ Пелигрось.

— Вотъ я! Совсѣмъ взрослая! Выше васъ! Она знаетъ нашу штуку?—вдругъ обратилась она къ Сарріону.

— Нѣтъ.

— А вы знаете, что я вышла замужъ,—заявила Хуанита, храбро становясь передъ Пелигрось.

— За кого же?—вяло спросила хранительница свѣтскихъ приличій.

— Какъ за кого? За Марко?

Въ отвѣтъ Пелигрось только тяжело вздохнула и закрыла себѣ лицо своими бѣлыми руками.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Марко. Но онъ не обратилъ вниманіе на Пелигрось: ея бѣлыя руки играли такую выдающуюся роль въ ея повседневной жизни, что онѣ были всегда на виду.

— Твои платья были упакованы, какъ слѣдуетъ, въ школѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Хуанитѣ.—Сестра Тереза привезла ихъ съ собой изъ Пампелуны. Ты найдешь ихъ въ своей комнатѣ.

— О, о!—застонала Пелигрось.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—дѣловито спросилъ Марко.—Что съ ней?

— Я только что сказала ей, что мы поженились,—весело вскричала Хуанита.—Ты, повидимому, сконфузилъ ее, упомянувъ о моихъ платьяхъ. Этого не надо было дѣлать, Марко.

Пелигрось вдругъ поднялась и направилась къ двери.

— Я пойду,—сказала она.—Я распоряджусь, чтобы вашу комнату привели въ порядокъ. Никогда еще мнѣ не приходилось быть въ такомъ смѣшномъ положеніи въ домѣ истиннаго гидальго.

— Зато мы можемъ быть здѣсь и счастливы, и веселы. Не такъ ли?—говорила Хуанита, бѣгая вокругъ нея и стараясь обнять ее прямой, какъ палка, станъ.—Вамъ нечего здѣсь конфузиться. Вѣдь Марко и я—мы поженились только для вида!

Дверь за ними закрылась, едва пропустивъ послѣднія слова Хуаниты.

— Видишь,—сказалъ графъ сыну:—видишь, она совершенно счастлива.

— Теперь—да,—возразилъ тотъ.—Но наступить день, когда она найдетъ, что это, можетъ быть, и не такъ.

Вскорѣ Хуанита вернулась обратно. Саррионъ былъ одинъ.

— А гдѣ же Марко?—спросила она.

— Онъ пошелъ отдохнуть.

— Словно какой-нибудь рабочій.

— Да, словно рабочій. Онъ не спалъ всю ночь. Ты была гораздо ближе къ монашеству, чѣмъ ты думаешь.

Хуанита перемѣнилась въ лицѣ. Подойдя къ окну, она остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла на улицу.

— Когда мы ѣдемъ въ Торре-Гарду?—вдругъ спросила она.— Я терпѣть не могу городовъ и толпу. Я люблю запахъ ели и терновника.

XX.

Въ Торре-Гардѣ.

Рѣка Волкъ беретъ свое начало въ вѣчныхъ снѣгахъ Пиренеевъ. Она течетъ къ зеленой равнинѣ Торре-Гарды среди безлюднаго величія наименѣе извѣстныхъ въ Европѣ горъ, отклоняемая туда и сюда въ своемъ скалистомъ ложѣ и подкрѣпляемая то тамъ, то сямъ шумными ручейками, летящими внизъ изъ каменныхъ ущелій.

Здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки раскинулась деревушка, а надъ ней, на возвышенности, окаймленной каштанами и соснами, стоялъ домъ Саррионовъ. Зимой воздухъ былъ насыщенъ смолистымъ запахомъ дыма, шедшимъ изъ его трубъ. Лѣтомъ теплое дыханіе сосенъ спускалось внизъ по горамъ и смѣшивалось съ болѣе холоднымъ вѣтромъ, отъ котораго шевелились кусты терновника.

Въ самомъ низу зимой и лѣтомъ, утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью неумолчно бурлилъ Волкъ, прозванный такъ за вѣчное ворчаніе своихъ волнъ, зажатыхъ ущельемъ въ милѣ отъ деревнѣ. Обитатели долины могли бы поразсказать тысячи случаевъ о капризномъ теченіи своей рѣки и твердо вѣрили, что ея голосъ предостерегаетъ всѣхъ, кто умѣетъ его понимать, о всякихъ перемѣнахъ погоды. Старухи были убѣждены, что этотъ голосъ говорить и о такихъ вещахъ, которыя одинаково интересуютъ и принца, и крестьянина—объ удачѣ и неудачѣ въ человѣческомъ сердцѣ. И въ самомъ дѣлѣ, рѣка мѣняла свое настроеніе, повидимому, безъ всякой видимой причины: казалась иногда веселой въ мрачную погоду, и уныло журчала, когда ярко сіяло солнце и на деревьяхъ пѣли птицы.

Въ ясную лѣтнюю погоду вода въ ней дѣлалась иногда на нѣсколько дней густой и желтой. Это значило, что гдѣ-нибудь отъ таянія снѣга въ нее обвалилась земля. Иногда Волкъ мчалъ множество всякихъ обломковъ, мертвыя тѣла утонувшихъ овецъ,

лисицу, волка, а иной разъ и горнаго медвѣдя. Это показывало, что лавиной въ него снесло какой-нибудь горный лѣсъ. Многимъ приходилось видать въ рѣкѣ столы, стулья, иногда крышу дома, бревна, застревавшія потомъ между быками стараго моста пониже деревни.

Въ Торре-Гардѣ говорили въ шутку, что Волкъ—роялистъ, ибо въ первую карлистскую войну онъ сражался за королеву Христину, поглотивъ цѣлую роту инсургентовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, казалось, ребенокъ могъ совершенно безопасно перейти въ бродъ, но на самомъ дѣлѣ не могъ бы переправиться на другой берегъ ни одинъ всадникъ.

Домъ Саррионовъ въ Торре-Гардѣ не отличался особой стариной, хотя, несомнѣнно, стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то древняя сторожевая башня. Онъ былъ построенъ во дни Фердинанда VII, когда французская архитектура покорила себѣ весь мiръ. То былъ длинный, низкій домъ въ два этажа. Каждая комната нижняго этажа выходила окнами на террасу съ фонтаномъ, по бокамъ котораго стояли сѣрые каменные урны, мѣстами обросшія мохомъ.

Каждая комната верхняго этажа выходила окнами на широкій балконъ, шедшій вдоль всего дома и защищенный отъ дождя и полуденнаго солнца далеко выступающимъ навѣсомъ. Домъ былъ построенъ изъ сѣраго камня, которымъ такъ богаты склоны Пиренеевъ и который пластами лежитъ въ горныхъ долинахъ. Остроконечныя башенки по угламъ дома были покрыты зеленой черепицей, которую такъ любили мавры. Вѣтеръ, снѣгъ и дождь окрасили всю Торре-Гарду въ сѣро-зеленый цвѣтъ, на фонѣ котораго рѣзко выдѣлялись четыре кипариса, прямо стоявшіе на террасѣ, словно часовые, наблюдающіе за долиной.

За домомъ поднимался поросшій соснами склонъ горы, гдѣ снѣгъ долго лежалъ по лѣтамъ. А надъ этимъ склономъ высились скалы и крутые обрывы, оставшіеся послѣ сползшихъ внизъ камней. Въ самомъ верху сіялъ, какъ корона, вѣчный снѣгъ.

Сильный голосъ можно было услышать съ террасы дома и въ долину, гдѣ росъ и вызрѣвалъ табакъ, и на высотахъ, гдѣ не было никакой растительности. Домъ, казалось, висѣлъ между небомъ и землей. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ оставались заколоченными его зеленые ставни, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день деревенскіе обитатели, поднявъ взоръ кверху, увидѣли, что окна открыты и въ домѣ появилось движеніе,

У Саррионовъ было не мало дѣлъ, которыя задерживали ихъ въ Сарагоссѣ, и Хуанитѣ пришлось довольно долго ждать, пока исполнится ея желаніе дышать опять запахомъ сосны и терновника.

Казалось, никто не обращалъ вниманія на необычный бракъ, совершенный въ церкви Богородицы въ Тѣни. Эвазіо Монъ, знавшій о немъ больше, чѣмъ кто-либо другой, только улыбался и по-

малкивалъ. Леонъ де-Модженте замкнулся въ своемъ собственномъ «я», которое принадлежало больше тому свѣту, чѣмъ этому.

— Монъ,—весело замѣтила какъ-то Хуанита сеньоритѣ Пелигросъ,—хочетъ сдѣлаться когда-нибудь святымъ. У него такъ мало чувства жизнерадостности.

И дѣйствительно, онъ, очевидно, совершенно не понималъ свѣтлыхъ взглядовъ Хуаниты на жизнь.

— Ты можешь напускать на себя торжественный видъ и твердить о великой ошибкѣ, сколько тебѣ будетъ угодно,—объявила она брату.—Но я знаю, что у меня никогда не было желанія стать монахиней. Въ концѣ концовъ все будетъ хорошо. Такъ говоритъ дядя Рамонъ. Я не знаю, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ. Но онъ всегда говоритъ, что все должно кончиться хорошо.

И она покачала головой съ тѣмъ знаніемъ свѣта, которое дается только женщинамъ. Оно можетъ уживаться въ томъ же сердцѣ съ невѣжествомъ и въ то же время оказаться драгоценнѣе всякихъ знаній, которыя мудрецы вложили въ свои книги.

По дѣламъ Хуаниты приходилось имѣть дѣло съ множествомъ разныхъ адвокатовъ. Своимъ полудѣтскимъ почеркомъ, она смѣло подписывала свое имя на какихъ-то безчисленныхъ документахъ.

У испанцевъ есть пословица, которая совѣтуетъ не пить воды въ темотѣ и не подписывать бумаги, не прочтя ее. И Марко читывалъ Хуанитѣ всякій документъ, который ей надо было подписать. Она старалась отдѣлаться отъ этого, какъ можно скорѣе, и смѣялась надъ Марко, который упрекалъ ее за то, что она не старается даже вникнуть въ смыслъ этихъ документовъ.

— Не стоитъ беспокоиться обо всемъ этомъ,—оправдывалась она.—Вѣдь дѣло идетъ все о деньгахъ. Я понимаю это. А вы, мужчины, только и думаете о деньгахъ. Не хочу и говорить о нихъ.

— Когда-нибудь онѣ и тебѣ пригодятся.

Хуанита, держа перо въ рукахъ, вдругъ стала серьезна и взглянула на него.

— Что ты все говоришь мнѣ «когда-нибудь» да «когда-нибудь», словно хочешь заранѣе принять мѣры предосторожности противъ этого «когда-нибудь»?—спросила она, поблескивая глазами.

Марко не далъ никакого отвѣта.

Наконецъ всѣ формальности были кончены, и они могли ѣхать въ свою Торре-Гарду. Событія развивались въ Испаніи очень быстро, и о необыкновенномъ бракѣ Хуаниты скоро почти совсѣмъ забыли. Не получи она большого наслѣдства, никто не обратилъ бы и вниманія на этотъ случай. Большинство угадывало, впрочемъ, въ чемъ было дѣло, и каждый судилъ о Саррionaхъ съ точки зрѣнія своихъ политическихъ убѣжденій, порицая или выхваляя ихъ сообразно своему заранѣе составленному кодексу. Были, однако, немного-

численные люди, стоявшіе на самомъ верху, которые понимали, что Сарріоны предотвратили большую опасность.

Уступая просьбамъ Сарріоновъ, сеньорита Пелигросъ согласилась нѣкоторое время вести ихъ домъ въ Сарагоссъ и въ Торре-Гардѣ. Жизнь ея протекала въ бурныя времена, и тѣмъ не менѣе она была убѣждена, что карлисты, какъ и сами небеса, для дамъ дѣлаютъ исключеніе.

— Никто не посмѣетъ оскорбить меня,—говорила она, съ непоколебимымъ видомъ спрещивая руки на груди.

Она сильно недолюбливала желѣзныя дороги, подозрѣвая въ этомъ способѣ передвиженія проявленіе демократическаго духа, хотя и до сего времени контролеръ на испанскихъ дорогахъ появляется въ вагонѣ перваго класса не иначе, какъ держа шляпу въ рукахъ, а желѣзнодорожное расписаніе приспособляется къ какому-нибудь превосходительству, которое еще изволить кушать кофе въ буфетѣ.

Вотъ почему сеньорита Пелигросъ съ удовольствіемъ разсталась съ поѣздомъ въ Пампелунѣ, гдѣ ихъ уже ждалъ экипажъ изъ Торре-Гарды. Для Сарріона и Марко подали верховыхъ лошадей. Подъ деревьями за станціей ихъ дожидался небольшой отрядъ войска. Командовавшій имъ офицеръ выѣхалъ впередъ и поклонился Хуанитѣ.

— Вы не узнаете меня, сеньорита,—сказалъ онъ.—Вы не забыли церкви Богородицы въ Тѣни?

— Теперь я вспоминаю васъ,—отвѣчала она, здороваясь.—Вы еще молились, когда мы пріѣхали.

— Да, сеньорита. Почему же и не помолиться?

То былъ простой человѣкъ, близкій къ природѣ и Богу.

— Не сомнѣваюсь,—продолжала Хуанита, пристально глядя на него:—что святые услышали ваши молитвы?

— Марко писалъ мнѣ,—сказалъ офицеръ,—и просилъ дать ему конвой, чтобы проводить васъ черезъ опасную полосу. Поэтому я позволилъ себѣ явиться сюда самому. Я вѣдь вродѣ сторожевой собаки при входѣ въ эту долину, сеньорита. А разъ вы будете въ долинѣ Волка, вы будете въ полной безопасности.

Пока они разговаривали, подѣхалъ Сарріонъ и объявилъ, что все готово къ отѣзду. Сеньорита Пелигросъ сидѣла съ вытянутымъ лицомъ и поджатыми губами. При первомъ же удобномъ случаѣ она, не обращая ни къ кому, замѣтила, что дамы не должны говорить съ мужчинами съ такой свободой и фамиллярностью, что для поощренія какой-нибудь шутки въ этомъ случаѣ достаточно слегка улыбнуться, смѣяться же прилично лишь тогда, когда шутить какая-нибудь пожилая персона. Не даромъ сеньорита Пелигросъ воспитывалась въ школѣ приличій, какой теперь уже не существуетъ.

— Но вѣдь это другъ Марко,—попробовала объяснить ей Хуанита.—Кромѣ того, это человѣкъ очень милый.

Мужчины ѣхали всѣ вмѣстѣ впереди кареты и телѣги съ багажомъ. Путешествіе обошлось безъ приключеній. Солнце уже садилось на безоблачномъ небѣ, когда они достигли входа въ долину.

Для сеньориты Пелигросъ не было высшаго счастья, какъ видѣть себя центромъ общества и стержнемъ, вокругъ котораго вертятся всѣ событія. Она величественно кивнула капитану Зенетѣ, когда тотъ, проводивъ путниковъ, подошелъ къ ней проститься.

— Марко хорошо сдѣлалъ, что запасся этимъ конвоемъ,—сказала она такъ, что онъ могъ ее слышать.—Онъ, очевидно, сообразилъ, что я, привыкнувъ жить всегда въ Мадридѣ, чувствовала бы себя нѣсколько нервно въ такой глуши.

Хуанита была утомлена, но они были почти уже у цѣли. Спорить съ Пелигросъ ей не хотѣлось: есть глупцы, которыхъ люди охотно оставляютъ въ ихъ глупости, потому что она безвредна. Марко и Саррионъ ѣхали рядомъ молча. Время отъ времени имъ попадался навстрѣчу какой-нибудь крестьянинъ, ожидавшій ихъ на дорогѣ. Онъ подходилъ къ кому-нибудь изъ нихъ и тихо что-то говорилъ. Дорога стала круто подниматься въ гору. Ѣхали шагомъ. Мѣрный шагъ лошадей, тихій вечерній часъ, усталость отъ путешествія—все это располагало къ созерцанію и молчанію.

Когда Марко помогъ Хуанитѣ и Пелигросъ сойти съ экипажа на довольно высокихъ рессорахъ, Хуанита была такъ утомлена, что и не замѣтила кое-какихъ нововведеній. Когда-то она проводила праздники въ Торре-Гардѣ и довольствовалась той скромной обстановкой, какая тутъ была. Но теперь Марко прислалъ сюда модную мебель, и на террасѣ стояли новыя кресла. Спальня Хуаниты, находившаяся въ западномъ углу дома, рядомъ съ огромной комнатою, гдѣ помѣстился Саррионъ, была обставлена и обвѣшана заново.

— Какая прелесть!—воскликнула Хуанита.

Когда всѣ въ ожиданіи обѣда собрались въ гостиную, Хуанита нѣжно взяла подъ руку стараго графа.

— Какой ты хорошій, что велѣлъ такъ убрать мою комнату! Она такая свѣтлая, такая чистая. Она мнѣ такъ понравилась. О, нечего улыбаться! Вѣдь ты зналъ, что я люблю? не правда ли, Марко?

— Зналъ, зналъ,—отвѣчалъ Марко.

— Кромѣ того, это единственная комната въ цѣломъ домѣ, которая была заново отдѣлана. Я заглянула и въ другія, заглянула и въ твою казарму, въ концѣ балкона. Я догадалась, для чего Марко взялъ себѣ эту комнату.

— Для чего же?

— Для того, чтобы видѣть внизу долину. Для того, чтобы Перро, который спитъ на балконѣ, достаточно было только поднять го-

лову, чтобы видѣть другихъ сторожевыхъ собакъ, которыя находятся тамъ внизу, за десять миль отсюда.

Послѣ обѣда Хуанита открыла, что въ гостиной имѣется новый рояль въ придачу къ тѣмъ легкимъ и удобнымъ кресламъ, какихъ не знали наши дѣды. Пелигросъ заявила было, что они со всѣмъ не нужны и даже вредны, такъ какъ располагаютъ къ лѣни. Это, однако, не помѣшало ей усесться въ нихъ какъ можно комфортабельнѣе. Хуанита присѣла къ роялю и стала разбирать какой-то вальсъ.

Мужчины вышли покурить на террасу. На западѣ уже показывалась блѣдная новая луна, обѣщая послѣ своего захода темную ночь. Марко и его отецъ курили молча, прислушиваясь къ шуму рѣки, бурлившей отъ снѣга въ ущельѣ.

Вдругъ на террасѣ появился слуга и доложилъ, что какой-то посланецъ желаетъ вручить ему письмо. По испанскому обычаю, письмоносца пригласили войти и лично передать письмо адресату. То былъ странствующій точильщикъ. Онъ объяснилъ, что письмо это ему далъ какой-то человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ и у котораго захромала лошадь.

Письмо было отъ Зенеты. Наскоро карандашомъ онъ писалъ, что между нимъ и Пампелуной замѣчены значительныя силы нарлистовъ, и предлагалъ Марко прибыть внизъ, чтобы узнать подробности.

Марко быстро всталъ и отбросилъ сигару.

— Ничего не говорить никому объ этомъ,—сказалъ онъ, бросая взглядъ на освѣщенные окна гостиной.—Завтра къ завтраку я вернусь. Мое отсутствіе, вѣроятно, и не будетъ замѣчено.

Скоро поелышался стукъ копытъ, заглушаемый шумомъ рѣки. Хуанита, вся въ бѣломъ, вышла на террасу. Минуты двѣ, пока ея глаза не привыкли къ темнотѣ, она стояла, не двигаясь. Потомъ она разсмотрѣла Сарріона и другое пустое кресло. Обыкновенно, стоило только ей показаться, какъ сейчасъ же къ ней подходилъ Перро съ серьезнымъ видомъ и останавливался передъ ней въ ожиданіи ласки. На этотъ разъ его не было.

— Гдѣ Марко?—спросила она, садясь на пустое кресло.

— За нимъ прислали изъ долины. Онъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ!—повторила, какъ эхо, Хуанита, быстро вставая.

Подойдя къ каменной рѣшеткѣ, окружавшей террасу, она перегнулась и стала смотрѣть внизъ въ темноту.

— Я слышалъ, какъ онъ переѣхалъ черезъ мостъ,—спокойно сказалъ Сарріонъ.

— Онъ могъ бы проститься со мной.

Сарріонъ тихонько повернулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на нее.

— Онъ, вѣроятно, не хотѣлъ, чтобы объ его отъѣздѣ стала говорить Пелигросъ,—замѣтилъ онъ.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1916 г., т. сxliv.

— Со мной-то онъ все-таки могъ бы проститься!

И, облокотившись на сѣрые камни, она продолжала вглядываться въ зияющую въ долину темноту.

XXI.

Хуанита растегъ.

Арабскій конь Марко дѣлалъ переѣздъ до Пампелуны въ двѣнадцать часовъ. То была сильная лошадь, привычная къ долгимъ путешествіямъ. Но Марко выбралъ для себя другую—постарше, подешевле и болѣе привычную къ ночнымъ экскурсіямъ.

Ему хотѣлось непременно вернуться къ завтраку, и онъ не особенно щадилъ лошадь. Люди, которымъ приходится жить въ тревожныя времена и изо-дня въ день глядѣть въ лицо смерти, вскорѣ проникаются философіей, которая состоитъ въ томъ, чтобы безтрепетно принимать вещи такъ, какъ ихъ устроить Господь Богъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ терпѣливаго выжиданія и выслѣживанія, помимо всякихъ опасностей, Хуанита была наконецъ водворена въ Торре-Гарду, и этого для Марко было довольно.

Онъ подгонялъ свою лошадь. Хотя онъ вообще былъ остороженъ, но на этотъ разъ осторожность какъ будто покинула его: онъ ѣхалъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы, въ виду опасной дороги и темноты.

На южныхъ склонахъ Пиренеевъ весна начинается рано. Ночь была теплая. Дождя не было уже въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Пыль лежала на дорогѣ густымъ слоемъ, заглушая стукъ подковъ. Волкъ ревѣлъ, сжатый своимъ каменистымъ русломъ. Дорога, недавно проложенная для экипажей Сарріономъ на его собственный счетъ, была небезопасна. Она вилась по отвѣсному лѣвому берегу рѣки, и на нѣкоторыхъ ея участкахъ съ горъ безпрестанно падали на нее камни. Въ другихъ мѣстахъ почву подмывало бурливое теченіе рѣки. Словомъ, эта дорога постоянно требовала внимательнаго наблюденія и ремонта. Но Марко проѣхалъ по ней всего нѣсколько часовъ тому назадъ, и съ того времени погода не измѣнилась.

Онъ зналъ опасныя мѣста и ѣхалъ здѣсь осторожно. Въ трехъ миляхъ отъ деревни рѣка входитъ въ ущелье, и въ этомъ мѣстѣ дорога идетъ подъ отвѣсными скалами. Участокъ этотъ не представляетъ никакой опасности, ибо здѣсь не падаютъ сверху камни. Зажатая въ невидимыхъ съ дороги тѣснинахъ, рѣка рычитъ здѣсь, какъ дикій звѣрь. Оттого рѣку и звали Волкомъ.

Лошадь Марко прекрасно знала дорогу. Ыхать тутъ было даже легче: дорога отходила дальше отъ лѣваго берега рѣки, и края

ея были обозначены на извѣстномъ разстояніи бѣлыми камнями. Лошадь была даже слишкомъ осторожна. Ночью всадникъ могъ всецѣло предоставить ей рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ можно ѣхать рысью и гдѣ нельзя. Марко зналъ, что его старая лошадь всегда спускается внизъ по самому удобному склону. Достигнувъ перевала, она пошла крупной рысью. При поворотѣ съ холма онъ хотѣлъ остановиться, хотя и зналъ, что спускъ будетъ не особенно труденъ.

Марко прищпорилъ лошадь и быстро помчался впередъ. Но не прошло и минуты, какъ лошадь вдругъ упала, больно ударившись головой о дорогу.

Марко былъ сброшенъ съ сѣдла и упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лошади. Это было самое узкое мѣсто на всей дорогѣ, и сознание этого пронеслось въ умѣ Марка, какъ молнія. Ударившись о бѣлый камень, стоявшій на границѣ дороги, онъ услышалъ, какъ треснула его ключица, сломавшись, словно сухая палка. Не успѣлъ онъ уцѣпиться за камни, какъ его перебросило за край дороги, прямо въ пропасть, гдѣ въ темнотѣ ревелъ рѣка.

Одна рука была у него цѣла; съ нея была только содрана кожа. Пальцы ея крѣпко впились въ поводъ. Лошадь дѣлала неимоверныя усилія, чтобы подняться на дорогѣ, а Марко висѣлъ надъ пропастью, содрогаясь отъ каждаго ея движенія. Наконецъ лошадь дернула его съ особенной силой и почти вытянула на край дороги, гдѣ Марко удалось кое-какъ зацѣпиться одной ногой за росшій изъ-подъ камня кустъ. Въ свою очередь, онъ также тянулъ къ себѣ своею тяжестью лошадь, которая подходила все ближе и ближе къ пропасти, рискуя упасть въ нее каждую минуту.

Въ мозгу Марко быстро мелькнула мысль, что онъ долженъ остаться въ живыхъ во что бы то ни стало. Только онъ одинъ могъ спасти Хуаниту въ бурныя времена, которыя готовились наступить. Единственной мыслью его была мысль о Хуанитѣ. И онъ боролся за свою жизнь съ той ловкостью и быстротой пониманія, отъ которой и зависитъ всякій успѣхъ.

Со всей силой своихъ желѣзныхъ мускуловъ онъ потянулъ за поводъ. Онъ успѣлъ выпрыгнуть на дорогу, но стянулъ лошадь въ пропасть. Падая, она сильно брыкалась и ударила его задней ногой въ спину. Ему показалось, что она переломила ему хребетъ.

Задыхаясь, онъ проползъ на то мѣсто, гдѣ только что была лошадь. Онъ не терялъ сознанія, но понималъ, что онъ близокъ къ этому: Перро возбужденно бѣгалъ кругомъ, обнюхивая слѣды лошади. Добѣжавъ до края дороги, собака наклонилась надъ пропастью, и на фонѣ окружающей пустоты Марко явственно видѣлъ ея тощее тѣло. Выпустивъ поводъ, онъ ухватился окровавленными пальцами за придорожный камень и лишился сознанія. Радостный лай былъ послѣднимъ звукомъ, который онъ слышалъ.

Хуанита легла въ постель очень усталой и съ часъ проспала тѣмъ безпробуднымъ сномъ, который даетъ молодость и крѣпкое здоровье. Въ обыкновенное время она проспала бы такъ всю ночь. Но тутъ она неожиданно для самой себя проснулась въ полночь. Физическая усталость уже прошла, но отдохнувшій мозгъ еще не сознавалъ того, о чемъ она думала. Мысли цѣлой толпой ворвались уже въ ея голову и окончательно разбудили ее.

Ей припомнилась звенящая тишина, царившая въ Торре-Гардѣ и нарушаемая лишь рокотомъ рѣки. Хуанита подняла голову и стала прислушиваться: совсѣмъ близко отъ нея раздался какой-то звукъ. Ходилъ кто-то на террасѣ подь самымъ окномъ.

Это вернулся Перро.

«Стало быть,—подумала Хуанита,—скоро долженъ вернуться и Марко».

Въ дремотѣ она опустила голову на подушку, ожидая, что вотъ-вотъ раздастся шумъ, означающій возвращеніе Марко.

Заснуть ей, однако, не удалось. Перро началъ скрести лапами по террасѣ, переходя отъ окна къ окну и какъ бы отыскивая входъ. Хуанита невольно стала прислушиваться къ его движеніямъ, ожидая, что онъ начнетъ визжать. И дѣйствительно, спустя минуту-другую, Перро издалъ какой-то глухой, жалобный звукъ. Хуанита вскочила съ постели и открыла окно: вѣдь собака и Марко, который, какъ ей показалось въ полуснѣ, уже вернулся, того и гляди разбудятъ уставшаго Сарріона.

Перро услышалъ, какъ она открывала окно и, повинувшись ея шепоту, пересталъ шумѣть и остановился передъ ней, не спуская съ нея глазъ и помахивая хвостомъ. Но черезъ минуту онъ опять испустилъ тотъ же жалобный звукъ.

Хуанита отошла отъ окна и стала искать свои туфли и капоть. Свѣчу ей зажигать не хотѣлось. Потомъ она направилась по балкону къ комнатѣ Марко, которая находилась на противоположномъ концѣ дома. Перро шелъ рядомъ съ нею по нижнему балкону.

Окна Марко были закрыты, а это значило, что его здѣсь нѣтъ. Когда онъ бывалъ дома, его окна стояли открытыми круглыя сутки лѣтомъ и зимой.

Хуанита направилась къ комнатѣ Сарріона, которая находилась рядомъ съ ней. Окна у него были полуоткрыты. Она отворила одно изъ нихъ настежь.

— Дядя Рамонъ,—прошептала она.

Сарріонъ спалъ крѣпко. Хуанита вошла въ комнату, большую, но мало меблированную. Разыскавъ кровать, она тронула старика за плечо.

— Дядя Рамонъ,—сказала она, когда тотъ проснулся.—Перро вернулся домой, но одинъ.

— Это ничего,—успокоительно отвѣчалъ Сарріонъ.—Его, очевидно, отправилъ домой Марко. Иди, ложись спать.

Хуанита послушалась и тихонько направилась къ открытому окну. Здѣсь она остановилась.

— Послушай,—сказала она Сарріону.—Перро что-то беспокоится и визжитъ. Поэтому-то я и разбудила тебя.

— Онъ всегда визжитъ, когда нѣтъ Марко. Прикрикни на него, чтобы онъ успокоился, и ложись спать.

Хуанита рѣшила послѣдовать этому совѣту и оставила дверь и окна попрежнему полузатворенными. Но Сарріонъ уже не могъ заснуть и сталъ прислушиваться. Перро все еще продолжалъ ходить по нижней террасѣ, испуская время отъ времени какой-то жалобный звукъ.

Сарріонъ не выдержалъ и, поднявшись, зажегъ свѣчу. Былъ часъ ночи. Онъ быстро и безшумно одѣлся и со свѣчей въ рукѣ спустился внизъ. Конюшни находились возлѣ самаго дома, надо было сдѣлать всего нѣсколько шаговъ по направленію къ склону горы. Въ этомъ уединенномъ мѣстечкѣ, изъ котораго есть только одинъ выходъ въ міръ, замки и задвижки не составляютъ необходимой принадлежности жизни. Сарріонъ отворилъ дверь дома, гдѣ жили съ семьями кучера, и вошелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ конюшнямъ въ сопровожденіи того самаго кучера, который привезъ сюда Хуаниту и Пелигросъ. Общими силами они выкатили карету и вывели пару лошадей. Затѣмъ при свѣтѣ конюшеннаго фонаря запрягли ихъ.

Покончивъ съ экипажемъ, Сарріонъ тихонько вошелъ къ себѣ за шляпой и пальто. Онъ захватилъ съ собой также винтовку Марко, стоявшую въ передней, и положилъ ее на сидѣнье. Кучеръ сидѣлъ уже на козлахъ, громко зѣвая безъ всякаго стѣсненія.

Усѣвшись въ карету, Сарріонъ взглянулъ вверхъ. На балконѣ, возлѣ самой комнаты Марко, стояла Хуанита и молча слѣдила за нимъ. Перро выскочилъ уже за ворота и готовился показывать путь.

Сарріонъ вернулся скоро. Перро не былъ геніемъ, но то, что онъ зналъ, онъ зналъ хорошо. Онъ показывалъ дорогу и привелъ экипажъ какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ на бѣлѣвшей отъ пыли дорогѣ лежалъ Марко. Темная фигура на краю дороги и склонившійся надъ нею Перро были видны совершенно явственно.

Когда карета вернулась, Хуанита встрѣтила ее у воротъ. Она зажгла въ гостиной лампу и держала въ рукѣ фонарь, который она отыскала въ кухнѣ. Слугъ она не будила и вышла навстрѣчу одна. Ея густые волосы такъ и развѣвались по вѣтру.

Подойдя къ каретѣ, она подняла свой фонарь.

— Убить? — съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ спросила она.

Саррионъ не отвѣчалъ сначала. Онъ сидѣлъ въ углу кареты, поддерживая голову Марко на своихъ колѣняхъ.

— Не знаю, насколько сильно онъ расшибся,—промолвилъ онъ наконецъ.—Проѣзжая по деревнѣ, мы разбудили аптекаря. Онъ служилъ въ арміи и понимаетъ кое-что въ медицинѣ...

— Сеньорита, подержите лошадей,—сказалъ кучеръ, слегка отстраняя Хуаниту:—а мы перенесемъ его навверхъ.

Въ голосѣ этого человѣка было что-то такое, что навело ее на мысль, что Марко уже мертвъ. Пришлось ждать около лошадей минутъ десять. Когда наконецъ кучеръ вернулся, Хуанита не стала его спрашивать, а быстро бросилась въ домъ.

Въ комнатѣ Марко старый графъ зажегъ уже лампу. Его сынъ неподвижно лежалъ на своей постели. Закусивъ нижнюю губу, Хуанита быстро взглянула на него. Его лицо было покрыто кровью и пылью. Одна рука, окровавленная, лежала на его груди; другая, какъ-то неестественно прямо, была вытянута вдоль туловища.

Увидавъ ее, Саррионъ хотѣлъ что-то сказать ей, но она предупредила его.

— Не уговаривай меня уйти. Я хочу остаться здѣсь.

Потомъ она схватила губку и тарелку съ водой. Саррионъ хлопоталъ около воротника Марко, стараясь какъ-нибудь его разстегнуть. Вдругъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и отвернулся.

— Разстегни ему воротникъ,—сказалъ онъ.—А я пойду внизъ и принесу теплой воды.

Онъ взялъ съ собою свѣчу. Хуанита осталась одна съ Марко. Разстегнувъ воротникъ, она нащупала пальцами какую-то веревочку, висѣвшую у него на шеѣ. Хуанита поднесла лампу поближе. На веревочкѣ висѣло ея обручальное кольцо, которое она носила такъ недолго и отдала ему въ окнѣ ея комнаты въ Пампелунѣ.

Ей хотѣлось развязать узелъ шнурка, но это долго не удавалось ей. Тогда она схватила съ туалетнаго столка ножницы и перерѣзала ее. И быстро сунула къ себѣ въ карманъ. Кольцо она надѣла себѣ на палецъ.

Когда Саррионъ вернулся въ комнату, она осторожно и ловко разрѣзывала ножницами рукава пострадавшаго.

— Знаешь, дядя Рамонъ,—заговорила она.—Я увѣрена, что онъ непременно поправится. Бѣдный Марко!

Саррионъ бросилъ на нее пристальный взглядъ, какъ будто бы ему послышались какія-то новыя ноты въ ея голосѣ. Этотъ взглядъ случайно упалъ на ея лѣвую руку.

Саррионъ не сказалъ ни слова.

XXII.

Несчастный случай.

Марко пришелъ въ себя на разсвѣтѣ. Возвращеніе сознанія свидѣтельствовало о его крѣпкомъ здоровьѣ. Онъ скоро получилъ возможность двигать своими членами, открывать глаза и радовался сознанію, словно проснувшійся отъ тяжелаго сна ребенокъ.

Открывъ глаза, онъ очень удивился, увидѣвъ передъ собой Хуаниту, которая сидѣла рядомъ съ его постелью и наблюдала за нимъ.

— Наконецъ-то!—воскликнула она и встала, чтобы дать ему лекарства, которое стояло тутъ же на столикѣ.

Мебель изъ комнаты была вся выставлена: въ ней было чисто и просторно, какъ въ больничной палатѣ.

— Не надо поднимать головы, я сама ее подниму,—сказала Хуанита.

И она ловко подняла ему голову и съ веселымъ смѣхомъ опять опустила ее на подушку.

— Вотъ такъ. Это единственная вещь, которой хорошо обучаютъ въ монастыряхъ.

Не отрываясь отъ больного, она записала на листочкѣ бумаги время, когда онъ пришелъ въ себя.

— Я буду спать отъ этого лекарства?—спросилъ Марко.

— Да.

— И скоро я засну?

— Это зависитъ отъ того, насколько свѣжъ у аптекаря запасъ медикаментовъ. По всей вѣроятности, черезъ четверть часа. Этотъ аптекарь просто карликъ и притомъ какой-то нечесанный. Но онъ удивительно вправилъ тебѣ ключицу. Теперь тебѣ остается только одно—лежать спокойно. Я думаю, ты доволенъ, что волей-неволей тебѣ придется просидѣть спокойно недѣльки двѣ-три. Теперь шесть часовъ,—продолжала Хуанита, приводя въ порядокъ столикъ съ лекарствами и не глядя на него.— Не надо ворочаться и глядѣть на часы. Если тебѣ что нужно, то, пожалуйста, скажи мнѣ. Ты съ дядей Рамономъ все еще воображаете, что я дѣвочка. На самомъ дѣлѣ я уже стала взрослой. Я выросла въ одну ночь, какъ грибокъ. Дядѣ Рамону я велѣла ложиться спать.

Она сѣла около изголовья кровати.

— А Пелигросъ даже и не будили, и она такъ и не выходила изъ своей комнаты. Завтра утромъ она, конечно, будетъ говорить, что она не спала всю ночь. Настоящая свѣтская дама не можетъ спать крѣпко. Слава Создателю, что она не выходила изъ своей комнаты. Есть такіе люди, которыхъ лучше бы и не было въ минуту суматохи. Ты когда-нибудь самъ поймешь, что во время кризиса

едва найдется два-три человѣка, присутствіе которыхъ было бы желательно.

И она подняла три пальца, чтобы показать, какъ мало такихъ лицъ, но вдругъ, словно вспомнивъ о чемъ-то, быстро опустила руку. Но этого было довольно.

Марко успѣлъ замѣтить кольцо, и глаза его заблестѣли. Хуанита отвернулась къ окну и погрозила ему пальцемъ, словно она совершила какую-то нескромность. Въ ожиданіи, пока лекарство проявитъ свое дѣйствіе, она тихонько говорила съ нимъ, не давая говорить ему самому. Аптекарь, напугавшій ее словомъ «сотрясеніе», поѣхалъ въ Пампелуну за докторомъ, наказавъ ей строго-настрого, чтобы Марко, придя въ себя, не волновался и лежалъ совершенно спокойно.

— Прежде, чѣмъ я засну, я хочу повидаться съ отцомъ,—произнесъ Марко, теребя одѣяло.

Хуанита повернулась къ нему, но подошла и не стала оправлять одѣяло.

— Лежи смирно,—сказала она.—Зачѣмъ тебѣ его видѣть? Опять что-нибудь о войнѣ?

— Да.

Хуанита на минуту задумалась.

— Въ такомъ случаѣ вамъ лучше повидаться,—сказала она.— Я сейчасъ пойду за нимъ.

Съ этими словами она вышла на балконы. Саррионъ сидѣлъ здѣсь на большомъ креслѣ, ожидая разсвѣта.

— О чемъ ты здѣсь думаешь, глядя на горы?—весело спросила его Хуанита.

— О тебѣ,—отвѣчалъ онъ, мягко оглядывая ее.—Я слышалъ шумъ вашихъ голосовъ и поэтому я знаю, что Марко уже пришелъ въ себя.

— Онъ хочетъ видѣть тебя. Очнувшись, онъ былъ очень удивленъ, что видитъ около себя только меня.

Въ ея голосѣ послышалась легкая нотка обиды.

— Вѣдь аптекарь говорилъ, что ему нуженъ полный покой,—сказалъ Саррионъ, вставая.

Хуанита ввела графа въ комнату больного. Въ то время, какъ на лицѣ Сарриона явственно отражались слѣды бессонной ночи, Хуанита была свѣжа, какъ утро.

— Онъ еще не спитъ,—заговорила она.—А у васъ какой-нибудь секретъ? Вѣроятно, секретъ. Вѣдь у васъ ихъ такъ много.

И она со смѣхомъ посмотрѣла на того и на другого. Но они оба промолчали.

— Мнѣ уйти?—вдругъ спросила она Марко, какъ будто хотѣла этимъ показать, что отъ него-то она должна получить прямой и ясный отвѣтъ.

— Да,—промолвилъ больной, не пытаясь даже чѣмъ-нибудь смягчить свой отвѣтъ.

Хуанита направилась къ двери и съ рѣшительнымъ видомъ затворила ее за собой. Саррионъ, нахмурившись, посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Ему, видимо, хотѣлось, чтобы сынъ взялъ свой отказъ обратно.

О чемъ говорили отецъ и сынъ, осталось для нея секретомъ.

Оправившись настолько, что онъ могъ уже владѣть своими чувствами, Марко сталъ пристально наблюдать за Хуанитой, ловя каждый ея взглядъ. Инцидентъ съ обручальнымъ кольцомъ не имѣлъ, повидимому, никакихъ послѣдствій, и его можно было бы считать проявленіемъ обычной у женщины страсти къ новостямъ и нарядамъ. Не обманывался только Марко, учившійся наблюдательности у самой природы и животныхъ. Онъ терпѣливо и не торопясь собиралъ свои наблюденія. Хуанита встревожила было его, говоря, что она уже выросла. Но вскорѣ онъ убѣдился, что она только такъ говоритъ: попрежнему она была весела и беззаботна насчетъ своей будущности, какъ настоящій ребенокъ.

Всѣ эти наблюденія онъ, однако, держалъ про себя. И за отцомъ онъ посылалъ вовсе не для того, чтобы говорить съ нимъ о Хуанитѣ.

— Лошадь подо мной не упала, а была свалена,—сказалъ онъ.— Черезъ дорогу была протянута проволока.

— Когда я пріѣхалъ туда, ея уже не было.

— Стало быть, ее уже сняли. Я ее видѣлъ самъ и даже задѣлъ за нее ногой.

Саррионъ задумался.

— Дай-ка мнѣ записку, которую тебѣ прислалъ Зенета,—сказалъ онъ.

— Она въ карманѣ моего пальто, которое виситъ за дверью. Напрасно я поспѣшилъ съ этой поѣздкой. Теперь я убѣжденъ, что не Зенета прислалъ мнѣ эту записку.

— Конечно, это писалъ не онъ,—подтвердилъ и Саррионъ, разсматривая записку у окна.

Отъ утренняяго свѣта на его смѣломъ, узкомъ лицѣ явственно выступили всѣ морщинки и гусиныя лапки.

— Что же это значитъ?—спросилъ онъ наконецъ, складывая записку и кладя ее опять на прежнее мѣсто, въ карманъ.

Марко съ усиліемъ приподнялся: ему уже хотѣлось спать.

— Я полагаю, что это дѣло рукъ Эвазіо Мона,—произнесъ онъ.

— Никто другой въ долину не рѣшился бы сдѣлать такой вещи,—согласился съ нимъ Саррионъ.

— Если бы это сдѣлалъ кто-нибудь изъ долины, то онъ пронзилъ бы меня ножомъ, пока я лежалъ на дорогѣ. Но это было бы уже убійствомъ.

Онъ коротко разсмѣялся и замолкъ.

— А руки въ бархатныхъ перчаткахъ не должны быть прикосновенны къ убійству,—замѣтилъ Сарріонъ.—Но они еще не отказались отъ своихъ плановъ. Намъ нужно слѣдить за собой.

— И за Хуанитой.

— Я считаю ее въ числѣ насъ самихъ,—быстро добавилъ Сарріонъ, услышавъ ея голосъ въ коридорѣ.

Постучавъ въ дверь, она вошла. Около нея извивался Перро.

— Долго же вы говорили о вашихъ секретахъ,—заговорила она.—А Марко нужно спать. Я привела съ собой Перро, который хочетъ его видѣть.

Перро, вслѣдствіе своего низкаго происхожденія и невоспитанности, готовъ былъ уже броситься къ постели, гдѣ лежалъ его хозяинъ, но Хуанита крѣпко держала его.

— Не забудь, что ты здѣсь находишься только благодаря Перро. Если бъ онъ не вернулся назадъ и не разбудилъ бы насъ, ты и до сихъ поръ еще лежалъ бы на дорогѣ.

Сарріонъ замѣтилъ, что въ своемъ разсказѣ о томъ, что случилось, она тщательно выгораживаетъ себя. Ей какъ будто не хотѣлось, чтобы Марко зналъ, что Перро разбудилъ именно ее и что она-то и подняла тревогу.

— Какой-нибудь іезуитъ, идя по дорогѣ, могъ наткнуться на тебя,—продолжала она, обращаясь къ Марко,—и сбросить тебя въ пропасть. Это было не трудно сдѣлать.

Марко и Сарріонъ переглянулись другъ съ другомъ. Хуанита поймала этотъ взглядъ.

— Ты еще не знаешь, Марко, какъ они ненавидятъ тебя. Если бы ты былъ еретикомъ, то и тогда они не могли бы ненавидѣть тебя сильнѣе. Я это знала, потому что отецъ Мура нерѣдко говорилъ объ этомъ на исповѣди. Онъ не разъ задавалъ мнѣ разные вопросы о тебѣ, спрашивалъ, кто твой духовникъ, ходишь ли ты на богомолье. Я отвѣчала,—стой смирно, Перро!—что ты никогда не ходишь на богомолье и постоянно мѣняешь своего духовника.

Она не безъ труда вывела Перро изъ комнаты и вернулась, запыхавшись.

«Объ ней рѣшительно некому позаботиться», думалъ про себя Марко.

— Но отецъ Мура,—продолжала Хуанита,—сама простота и потому дѣлалъ это очень плохо. Говорять, ему приказали дѣлать это іезуиты, и потому онъ дѣлалъ все кое-какъ. Его никто не боялся. Это святой человѣкъ и, навѣрно, попадетъ прямо въ рай. Онъ не іезуитъ и боится іезуитовъ, какъ и другіе...

Она замолчала и стала спускать шторы, чтобы смягчить свѣтъ загоравшагося дня.

Въ ея голосѣ звучало что-то, похожее на сдерживаемый глѣвъ.

— Кромѣ Марко,—добавила она черезъ плечо.

— И за это онъ теперь долженъ спать, пока не пріѣдетъ докторъ изъ Пампелуны,—заклчила она.

Потомъ она вышла изъ комнаты сказать слугамъ, которые уже начинали свое дневное дѣло, чтобы они не шумѣли. Когда она вернулась въ комнату, Марко уже спалъ.

— Докторъ, вѣроятно, не пріѣдетъ еще долго,—шепотомъ проговорилъ Сарріонъ, стоя у окна.—Онъ слишкомъ старъ, чтобы ѣздить верхомъ, а экипажа у него нѣтъ. А отыскать другого, который согласился бы ѣхать такъ далеко и въ такой ранній часъ, довольно трудно. Поэтому тебѣ не мѣшаетъ воспользоваться теперь благоприятнымъ случаемъ и заснуть.

Но Хуанита только покачала головой и размѣялась.

Сарріонъ не сталъ ея уговаривать и повернулся было, чтобы выйти изъ комнаты. Онъ уже взялся за ручку двери, какъ вдругъ кто-то постучалъ въ нее. То былъ слуга Марко.

— Докторъ,—кратко доложилъ онъ.

Въ передней стоялъ человекъ средняго роста, измученный и усталый. На его лицѣ лежали слѣды, которые не уничтожаются и не углубляются отъ времени, слѣды голоданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ онъ испыталъ на себѣ всю тяжесть первой карлистской войны и едва не умеръ съ голода въ Пампелунѣ.

Сарріонъ пожалъ ему руку и ввелъ въ комнату больного.

— А!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ Хуаниту:—такъ это вы ухаживаете за вашимъ супругомъ?

Хуанита промолчала.

— Какъ долго онъ спитъ?—спросилъ докторъ, наклоняясь къ постели больного.

Вмѣсто отвѣта Хуанита подала ему записку, которую онъ быстро пробѣжалъ опытнымъ взглядомъ.

— Надо подождать, пока онъ проснется,—сказалъ докторъ, обращаясь къ Сарріону:—я его осмотрую слегка, пока онъ спитъ. Но безпокойтесь, повидимому, нечего. Это самый сильный человекъ во всей Наваррѣ.

Усѣвшись около больного, онъ взялъ лекарство, прописанное деревенскимъ аптекаремъ и, понюхавъ его, одобрительно кивнулъ головой. Потомъ онъ обвелъ глазами комнату, въ которой царилъ полный порядокъ, словно въ образцовомъ госпиталѣ.

— Сразу видно, что у больного хорошая сидѣлка,—замѣтилъ онъ.

На его лицѣ, покрытомъ складками, мелькнула легкая улыбка. Но Хуанита не отвѣтила на его шутку и только посмотрѣла на него серьезными глазами.

— Я пріѣхалъ сюда такъ скоро только благодаря любезности одного знакомаго,— снова заговорилъ докторъ, обращаясь на

этотъ разъ къ Сарріону.—Мои лошади вчера были совсѣмъ безъ ногъ отъ усталости. Пришлось итти отыскивать другихъ въ Пампелунѣ. Въ базарный день это не такъ-то легко. Вдругъ на площади Конституціи я встрѣтилъ ѣхавшій экипажъ. Его владѣлецъ, должно быть, сообразилъ, что я спѣшу, и пришелъ мнѣ на помощь. Узнавъ объ этомъ происшествіи, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ провести нѣсколько дней въ Пампелунѣ, а экипажъ предоставилъ въ мое распоряженіе. Я мало знаю этого человѣка, но онъ мнѣ говорилъ, что онъ вашъ другъ. Онъ изъ Сарагоссы.

— А!—сорвалось у Сарріона, слушавшаго этотъ рассказъ съ замѣтнымъ вниманіемъ.

— Онъ назвалъ себя Эвазіо Мономъ,—продолжалъ докторъ. Марко, какъ будто тоже разслышавъ это имя, безпокойно зашевелился во снѣ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

XXIII.

Тонкій разговоръ.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль Хуанита оставалась во главѣ всего управленія въ Торре-Гардѣ. Марко поправлялся довольно быстро. Его сломанныя кости срастались, словно надломленныя вѣтви молодого дерева. Ушибы и синяки подживали сами собой.

Съ возстановленіемъ силъ возвращалась и энергія. Больной, впрочемъ, все время былъ въ общеніи съ людьми. Многіе приходили изъ долины, чтобы освѣдниться о его здоровьѣ. Нѣкоторые присылали письма съ выраженіемъ своего соболѣзнованія. Нѣкоторые уходили изъ имѣнія съ видомъ полного удовлетворенія. Нѣкоторые, наиболѣе цивилизованные, выпивъ въ кухнѣ стаканъ краснаго вина, поручали слугѣ доложить о ихъ визитѣ.

— Скажи, что былъ Педро съ мельницы.

— Скажи, что заходилъ Тома съ тремя пальцами.

— Заходилъ освѣдниться Короткій Ножъ,—объяснялъ третій, постукивая по столу оружіемъ, отъ котораго получилъ свое прозвище.

— Далеко вамъ было итти?—спросила какъ-то Хуанита этихъ визитеровъ.

— Семьдесятъ миль по горамъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Всѣ твои друзья приходятъ освѣдниться о твоемъ здоровьѣ,—сообщила Хуанита Марко:—все это настоящіе разбойники и неволью заставляютъ вспомнить о полиціи. Въ долинѣ, должно быть, нѣтъ ни мыла, ни циркульниковъ.

— Это все славный народъ, хотя ихъ наружность, дѣйствительно, можетъ внушать страхъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

ГЛАДКОВЪ, Б. Опытъ разработки вопроса о послѣдовательности евангелическихъ событій. Ц. 50 к.

ЕВСЪЕВЪ, И. Очерки по исторіи славянскаго перевода библіи. Ц. 1 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

БЕРДЯЕВЪ, Н. Смысль творчества. Опытъ оправданія чловѣка. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

ТРУБЕЦКОЙ, Е. Умоозрѣніе въ краскахъ. Вопросъ о смыслѣ жизни въ древнерусской религиозной живописи М. 1916. Ц. 25 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ, С. Литературныя воспоминанія. Съ иллюстр. Л. Толстой, П. Якубовичъ, Д. М.-Сибирякъ, Н. Анненскій Ц. 1 р.

ЕРМОЛАЕВЪ, В. Синтаксическая характеристика жанровъ словесныхъ произ-

веденій въ статистическом освѣщеніи

Ч. 1-я. Вып. 1-я. Казань. 1915. Ц. 30 к.

ЛОВЯГИНЪ, А. Библиологическіе очерки. Ц. 80 к.

РУССКІЕ ПРОПИЛЛЕИ. Т. 2. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. М. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АБРАМОВИЧЪ, Н. «Улица современной литературы № 2. Библиотека памфлетовъ. Ц. 50 к.

АДАНЪ, П. Сила. Романъ. Ц. 2 р.

АЛЬМАНАХИ издательства «Шиповникъ», книга 24-я. Ц. 1 р. 75 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ, Н. Гадины тыла. Нѣмецкій шпионажъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

БЪЛОВЪ, В. Разуmѣйте языцы. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ГОЛИКОВЪ, В. Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ. Въ тылу. Ц. 1 р. 25 к.

ГОРЬКИЙ, М. Сочиненія. Т. 14. Лѣто. Ц. 1 р. 50 к.

ГЮЛИСТАНЪ, альманахъ. I. М. 1916. Ц. 2 р. 10 к.

- ДЕМЕНТЬЕВЪ, А. Повѣсти и рассказы. Ц. 2 р.
- ЖУКОВСКАЯ, В. Марена. Рассказы. М. 1916. Ц. 1 р.
- ЗАМЯТИНЪ, Е. Уѣздное, Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА. Литературный сборникъ. Кн. 1. Ц. 1 р. 50 к.
- КАНАНОВА, З. Таинственная жизнь. Этюды. Ц. 1 р. 25 к.
- КАСАТКИНЪ, И. Лѣсная быль. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- КРАСНОПОЛЬСКАЯ, Т. Завтра. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛИСОВСКИЙ, М. Силуэты войны. В. 2. Ц. 1 р. 50 к.
- МИМОЗЫ ЛЬНА. Поэзоальманахъ. И Игорь Сѣверининъ. Ц. 1 р.
- ПАНКРАТОВЪ, А. Встрѣчные люди. Типы, портреты. Ц. 1 р. 50 к.
- ПАРНОКЪ, С. Стихотворенія. Ц. 1 р. 25 к.
- ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Сановникъ и другіе рассказы Изд. 2-е, доп. Ц. 1 р. 75 к.
- ПУТИЛИНЪ, И. 40 лѣтъ среди убійцъ и грабителей. Записки первого начальника петроградской сыскной полиціи М. 1916. Ц. 2 р.
- РИЛЬКЕ, Р. Жизнь Маріи. Ц. 75 к.
- РУССАТЪ, Е. Зарницы войны. Ц. 1 р. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Шпіонъ. Записки германскаго тайнаго агента Армгаарда Карла Гравъ. Ц. 1 р.
- СЛЕЗКИНЪ, Ю. Собрание сочиненій. Т. 2-й. Повѣсти и рассказы Ц. 1 р. 75 к.
- ХОЛМОГОРСКИЙ, И. Жизнь игрока. Картинки изъ бѣговой, ресторанный и клубной жизни. Ц. 20 к.
- ЦЕНЗОРЪ, Д. Сказки сѣвернаго города. Ц. 1 р. 25 к.
- ЧУЛКОВЪ, Г. Сережа Нестроевъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АРХИВЪ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова. Ц. 2 р. 50 к.
- ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Анны Николаевны Шмидтъ. О будущности. Третій завѣтъ. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- КИЗЕВЕТТЕРЪ, А. Историческіе отклики. М. Ц. 2 р. 50 к.
- КР. ЛЬЦОВЪ, И. Очерки изъ исторіи Верхняго Поволжья, отъ Ярославля до Нижняго-Новгорода, въ древнемъ и московскомъ періодахъ. Ц. 80 к.
- ПРОРОЧЕСТВО о Царьградѣ (Константинополѣ) съ рукописи XVII вѣка. Ц. 20 к.
- СЕМЕННИКОВЪ, В. Когда Радищевъ задумалъ «путешествіе». М. 1916. Ц. 1 р.
- СИМОНОВЪ, И. Памяти Николая Васильевича Исакова. Къ двадцатилѣтію со дня смерти. 25 февраля 1891—1916. Ц. 40 к.
- СМИРНОВЪ, П. Челобитный дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ первой половинѣ XVII вѣка. М. 1915. Ц. 1 р.
- «СТАРИНА и НОВИЗНА». Историческій сборникъ. Книга 20 и 21. 1916. Ц. по 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БАКЛАНОВЪ, В. Подряды и поставки по военному вѣдомству. Кн. XVIII. Св. Воен. Пост. 1869. Изд. 2-е. Ц. 6 р.
- ВОЙНА и социализмъ. Ц. 10 к.
- ВОПРОСЫ финансовой реформы въ Россіи. Томъ I. Вып. 2-й, подъ ред. пр. В. Желвазова. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
- ГОЙХВАРГЪ, А. Землевладѣніе и землепользованіе подданныхъ враждебныхъ державъ и нѣмецкихъ выходцевъ. Вып. 2-й. Ц. 50 к.
- ЗАПИСКА думскаго духованства, поданная оберъ-прокурору Св. Синода А. Д. Самарину. Ц. 15 к.
- ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ рядового обывателя въ области сельскаго хозяйства. Кіевъ. 1916. Ц. 15 к.
- КИРИЛЛОВЪ, С. О пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безземными способами. Самара. 1915. Ц. 1 р.
- КОЛЕСНИКОВЪ, Н. Великая война. 1914—1915 гг. Вып. 1-й. Казань. 1916. Ц. 2 р.
- ЛУПНОВЪ, П. Что могла бы сдѣлать деревня для сохраненія памяти о второй Отечественной войнѣ. Ц. 10 к.
- МИХНЕВИЧЪ, Н. Государственная жизнь народовъ. М. 1916. Ц. 1 р.
- МОШКИНЪ, А. Бюджеты земствъ и городовъ. М. 1915. Ц. 1 р.
- НАШЪ ПУТЬ. Сборникъ посвященный интересамъ еврейскаго студенчества. Ц. 40 к.
- НЮРЕНБЕРГЪ, А. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ М. 1916. Ц. 5 р.
- ОТЧЕТЪ X общаго собранія русской группы международнаго союза криминалистовъ 13—16 февраля 1914 г. въ Петроградѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- ПОЛОЖЕНІЕ 19-го февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. М. 1916. Ц. 2 р.
- РУНИНЪ, С. Отклики, № 6. Война и все остальное. Ц. 20 к.
- РУССАКОВСКИЙ, П. Вопросы акціонернаго права. Ц. 1 р. 25 к.
- ТРУДЫ кіевского юридическаго общества, состоящаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, за 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.
- ФИЛИППОВЪ, А. Къ вопросу о составѣ перваго полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи. М. 1916. Ц. 1 р.
- ШИЛОВЪ, А. Знаменитый ученый на службѣ у алкогольнаго капитала. Проф. Э. Дюкло и его социальная гигиена М. 1916. Ц. 15 к.

Искусство.

ГУРДОВЪ, В. Теорія музыки. (До гармоніи). Ц. 2 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ИЛОВАЙСКИЙ, Д. Лянчинскій край. Очеркъ географіи его и геологіи. М. 1915. Ц. 1 р.

Языковѣдніе.

МИСИКОВЪ, М. Матеріалы для антропологіи осетинъ. Одесса. 1916. Ц. 3 р.

ЛИНЦБАХЪ, Я. Принципы философскаго языка. Опытъ точнаго языкознанія. Ц. 2 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

БОБРОВСКИЙ, С. Статистическій расчетъ безраскосныхъ фермъ. Ц. 1 р. 50 к.

БЛАВЕНЕЦЪ, М. Кирпичное производство. Популярное, наглядное, общедоступное и практическое руководство, въ текстѣ 535 рисунковъ. Изд. 2-е. Цѣна 3 р.

ДОНЕЦКІЙ антрацитъ и техника приѣма его въ промышленности, Составили: М. Вазькевичъ, Н. Кирилловъ, К.

Киришъ и др. 1915. Цѣна въ пер. 6 р. 50 к.

САККАРИЯ, А. и ГОЛОВАЧЕВЪ, А. Полный катехизисъ автомобильнаго дѣла, до 1.000 вопросовъ съ отвѣтами. Изд. 2-е, испр. и доп. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

SIMON, E. Инструменты для обработки металловъ рѣзаніемъ. Рѣзцы токарные, строгательные, долбежные и др. М. 1915. Ц. 3 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АБРАМОВЪ, С. Конспектъ судебной медицины. М. 1916. Ц. 90 к.

ИГНАТОВСКИЙ, А. Приемы дезинфекціи и обслуживанія заразныхъ больныхъ. М. 1916. Ц. 1 р.

СИНИЦЫНЪ, Д. Практич. рувод. для изслѣдованія и опредѣленія паразитовъ челоука и животныхъ. Вып. 1. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ВЪШП. Вильна-молодечненская операція. Ц. 20 к.

КОРИЦЪ, І. Инструкція для метанія ручныхъ бомбъ и гранатъ. Ц. 60 к.

КРУГЛИКОВЪ, Воинскіе уставы и наставленія. Въ двухъ книжкахъ. Съ рис. и черт. Ч. I-я. Ц. 1 р. 35 к. Ч. II-я. Ц. 1 р. 40 к.

ФЕСЕНКО, Н. Военный флотъ въ откритыхъ письмахъ. Серія 41 экз. Ц. 1 р. 80 к., въ отдѣльности по 5 к.

Я. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА, 1915 годъ, очеркъ главнѣйшихъ операцій. Русскій западный фронтъ. Ц. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АНГЛІЙСКІЯ книжки для русскихъ читателей. Серія 2-я, №№ 3 и 4. Ц. по 30 к.

БУТОВСКИЙ, А. Воспитаніе и тѣлесныя упражненія въ англійскихъ школахъ. Ц. 60 к.

ВВЕДЕНСКИЙ, А. Молитвы, заповѣди и символъ вѣры, съ объясненіемъ. Одесса. 1916. Ц. 15 к.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Начальныя свѣдѣнія изъ физики. Ч. 2. М. 1916. Ц. 65 к.

ИСТОРИЧЕСКІЯ школьныя выставкы. Къ вопросу о самостоятельности въ средней школѣ. Казань. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

МЕЛИХОВЪ, В. Исторія античной культуры. Для 8 кл. мужск. гимн. Х. 1916. Ц. 1 р. 45 к.

МОИСЕЕВЪ, А. Сборникъ произведе-

ній русской народной словесности и литературы, заучиваемыхъ наизусть въ средне-учебныхъ зав. Мин. Нар. Пр. Ц. 90 к.

РАШЕВСКАЯ, Н. Элементарная грамматика русскаго языка. Ч. 1-я. Этимологія для младш. кл. сред. уч. зав., для выш. нач. учил. Ц. 60 к.

РУБЦОВЪ, В. Учебникъ товаровѣдѣнія. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.

ФИЛЕВСКИЙ, І. Православный учебный катехизисъ. Х. 1916. Ц. 1 р.

ШОХОРЪ - ТРОЦКІЯ, С. Методика арифметики. Для учителей средн.-уч. зав. М. 1916. Ц. 2 р.

ЕГО-ЖЕ. Сравнительная таблица мильныхъ мѣръ длины. Ц. 15 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ВЕЙНБАУМЪ, Э. Въ дальнихъ краяхъ. (Библиотека «Трошкин»). Цѣна въ папкѣ 75 к.

ЛЮБЧЕНКО, Д. Родныя картинки. Выпускъ приготовит. для маленькихъ дѣтей. Ц. 30 к.

Спортъ, охота, игры.

МЕЛЬНИЦКІЙ, Н. Медвѣдь и охота на него. Ц. 2 р. 25 к.

Справочныя книги.

АЛЕКСѢЕВЪ, П. Правила и программы испытаній на вольноопредѣляющагося 2-го разряда и на поступленіе въ подготовит. школы прапорщиковъ. Одесса. 1916. Ц. 30 к.

ЛИНДЕ, И. Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1916 годъ. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

МУСИЕНКО, Г. Записки по законовѣдѣ-

нію на чинъ прапорщика пѣхоты. Одесса. Ц. 40 к.

ЕГО-ЖЕ. Служба связи на чинъ прапорщика пѣхоты. Ц. 1 р.

ЭВАКУАЦІЯ и реквизиція. Справочникъ дѣйствующихъ узаконеній и распоряженій по эвакуаціи, розыску эвакуиров. грузовъ и реквизиціи. Ц. 2 р. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
новая книга:

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Матеріалы изъ архива

графа С. Ю. Витте

съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брокъ аузъ-Ефронъ»

Петроградъ, Прачешный пер., 6.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Эргеловъ, 18.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городского) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

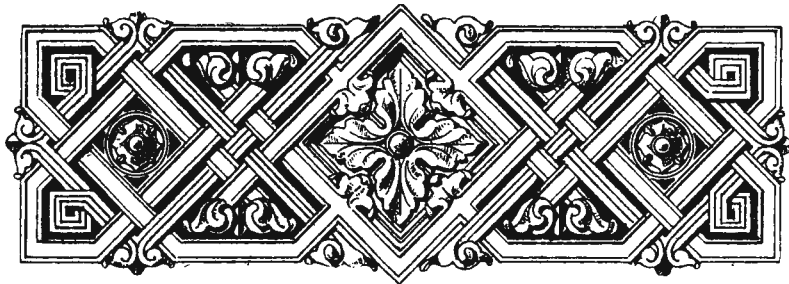
МАЙ 1916 г.

	СТРАН.
Историческая летопись	I—XXXII
Иллюстрація: Командующій французской арміей у Вердена генералъ Петэнъ.	
I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XVI—XIX. (Продолженіе). Марья Басанина.	305
II. Послѣ Санъ-Стефано. IX. (Окончаніе). Записки графа Н. П. Игнатъева.	330
III. Подруга по институту. (Изъ записокъ бабушки). Е. Ильиной-Щоjarекой.	347
IV. Изъ записокъ за 47 лѣтъ. VIII—X. (Окончаніе). Е. К. Андреевскаго.	366
V. Гаршины. VI—VIII. (Окончаніе). В. П. Соколова.	399
Иллюстрація: Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ въ 1884 г.	
VI. Курьезное недоразумѣніе. (По поводу легенды о Федорѣ Кузьмичѣ. А. Витмера.	427
VII. Фердинандъ Кобургскій. (По болгарскимъ источникамъ). П. Стоянова.	432
VIII. Принцъ и нищій. (Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ). А. А. Измайлова.	459
IX. Памяти Ивана Платоновича Барсукова. М. Барсукова.	479
X. М. М. Ковалевскій и московскій университетъ. (Страничка изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щетинина.	483
Иллюстрація: Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.	
XI. Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньи. (Окончаніе). М. П. Ватаци.	491
XII. Русскій Давось. I—III. П. Зайкина.	505
Иллюстраціи: 1) Абасъ-Туманъ; центральная часть мѣстечка; видъ съ одной изъ горъ.—2) Нижній Абасъ-Туманъ; рѣка Абастуманка у парка.—3) Главное ванное зданіе.—4) Водопадъ въ паркѣ.—5) Паркъ и Абастуманка.—6) Тополевая аллея въ центральной части Абасъ-Тумана.—7) Французскій пансіонъ Решель.	

(См. слѣд. стран.)

XIII. Критика и библиографія	
1) Н. Н. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ II. Петроградъ. 1915. Руниевича.—2) Историческая географія. Лекція, читанная профессоромъ С. М. Середонинымъ въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ. Посмертное изданіе. Петроградскій археологическій институтъ. Пгр. 1916. м—ова.—3) Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ редакціей В. Я. Ульянова. М. 1915. Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство).—Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картинныя изъ быта монголовъ).—П. П. Кашенко. Судь въ Московскомъ государствѣ.—Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылке. (Князь Дюмортуэ.—М. Н. Кованевскій. Русскій ученый XVIII в. Страницы изъ жизни Ломоносова. Съ иллюстраціями. Д. м.—4) Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива графа С. Ю. Витте съ предисловіемъ и подъ редакціей В. В. Глинскаго. (Съ приложеніемъ портрета графа С. Ю. Витте). Пгр. 1916. С. л.—на.—5) Русскіе Пропілеи. Томъ III. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. Москва. 1915. вл. книжника.—6) И. И. Главенко, магистръ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Хрестоматія по всеобщей литературѣ. Часть I-я. Античная и средневѣковая литература. Пгр.—Кіевъ. 1916. А. м.—7) Джемсъ Генри Брестедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Москва. 1915. А. Захарова.—8) Ө. М. Россейкинъ. Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго. Сергіевъ Посадъ. 1915. Э.—9) Петръ Рымсъ. Италия. М. 1916. Вернонь Ли. Италия. Избранныя страницы. Театръ и музыка. Пер. Е. Уреніусъ, подъ ред. П. Муратова. М. 1915. А. Наллимова.—10) М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Листы пожелтѣлыя. Стихотворенія. Пгр. 1916. Д. м—ю.	
XIV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	545
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи.	548
1) Екатерина Гладстонъ.—2) Австрійскій дворъ наканунѣ войны.—3) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—4) Король Іосифъ въ Соединенныхъ Штатахъ.	
XVI. Смѣсь	564
1) Годовое собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества.—2) Въ петроградской ученой архивной комиссіи.—3) Къ юбилею профессора А. А. Иностранцева.—4) Пятидесятилѣтіе общественной дѣятельности П. И. Макушина.—5) 40-лѣтній юбилей М. М. Иванова.—6) Отдѣлъ воздушнаго флота.	
XVII. Некрологи	570
1) Артемьевъ, П. А.—2) Вильгельминъ, Г. М.—3) Владимірскій-Будановъ, М. Ф.—4) Ковалевскій, М. М.—5) Менчицъ, В. А.—6) Обнинскій, В. П.—7) Плющевскій-Плющикъ, Я. А.—8) Протопоповъ, В. В.—9) Радченко, З. Ө.	
XVIII. Замѣтки и поправки.	576

Приложенія: 1) Портретъ Евгенія Константиновича Андреевскаго. 2) Въ бархатныхъ когтяхъ. Историческій романъ Генри Сайтонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. XXIV—XXX. (Окончаніе).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕСТНАДЦАТАГО января, по свѣдѣніямъ изъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, за истекшія сутки были лишь столкновенія въ войскахъ генерала Иванова, гдѣ непріятель на фронтѣ Средней Стрыпы пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но всюду былъ отраженъ нашимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ озера Тортумъ-Гель наши части продвигаются впередъ. Къ сѣверу отъ хребта Думлу-Дагъ въ районѣ Эрзерума мы выбили турокъ изъ ряда населенныхъ пунктовъ. Попытка турокъ продвинуться въ Верхне-Пассинскую равнину къ востоку отъ Эрзерума остановлена огнемъ нашей артиллеріи, выѣхавшей на открытую позицію. Во всѣхъ происходящихъ бояхъ мы захватили въ плѣнъ партіи турецкихъ аскеровъ.

Преслѣдованіе турецкихъ войскъ, занимавшихъ районъ Хнысь-Калы, продолжается. Мѣстами нашимъ войскамъ приходится двигаться по двухсаженному снѣжному покрову.

Генераль Лэкъ, командующій британскими силами въ Месопотаміи, соединился съ генераломъ Эльмеромъ. Дурная погода продолжается; по всей странѣ глубокая грязь, сильно затрудняющая передвиженіе войскъ.

На французскомъ фронтѣ въ Артуа, къ западу отъ высоты «140», продолжается послѣдовательный захватъ французами вновь тѣхъ частей ихъ траншей, которыя были заняты за день передъ тѣмъ непріятелемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ французы освободили около 90 своихъ солдатъ, взятыхъ германцами въ плѣнъ.

«Истор. вѣстн.», май 1916 г., т. сѣдм.

I

Къ югу отъ дороги на Лафоли непріятель пытался снова захватить двѣ воронки, вновь занятыя французами, но атака ихъ была отражена. Между Соммой и Уазой происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ Арманкура, къ югу отъ Лассиньи, французы разсѣяли непріятельскій транспортъ провіанта, разрушили наблюдательные пункты на высотѣ «108», къ югу отъ Берри-о-Бака, а также уничтожили непріятельскія укрѣпленія на плоскогорьѣ Воклеръ. Въ Лотарингіи французы подвергли успѣшному артиллерійскому обстрѣлу непріятельскія оборонительныя укрѣпленія между Номени и Эпли.

На восточномъ фронтѣ 15-го января 14 французскихъ аэроплановъ сбросили многочисленныя бомбы на непріятельскія лагерныя расположенія въ Пазарли, къ сѣверу отъ Дойранскаго озера.

Германскій цеппелинъ совершилъ нападеніе на Парижъ и сбросилъ 13 бомбъ, которыми убито 15 человекъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, и разрушено нѣсколько домовъ.

17-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на фронтѣ отъ Рижскаго залива до района рѣки Припяти—въ общемъ спокойно. Лишь къ югу отъ озера Бабитъ значительная партія нѣмцевъ перешла въ наступленіе на наши окопы, но была отогнана огнемъ. Къ юго-востоку отъ м. Колки наши развѣдчики захватили цѣликомъ заставу противника; высланная австрійцами поддержка была разсѣяна огнемъ. На фронтѣ Средней Стрыпы нами обстрѣяны двѣ батареи противника, причѣмъ съ воздушнаго шара были замѣчены удачныя прямыя попаданія въ орудія и зарядные ящики. Въ томъ же районѣ наши развѣдчики на большомъ протяженіи разрѣзали проволочныя загражденія противника и вырыли 25 фугасовъ. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ нами взорванъ камуфлетъ, повредившій минныя работы противника.

На кавказскомъ фронтѣ въ бояхъ къ сѣверу отъ эзерумскаго района наши войска, продвигаясь впередъ, захватили въ плѣнъ партіи аскеровъ и три пулемета.

Въ Персіи, къ югу отъ Урмійскаго озера, при преслѣдованіи противника взяты плѣнные, оружіе и боевые припасы. Къ западу отъ Хамадана, въ районѣ Кангавера, нами отбито наступленіе противника. При занятіи города Султанъ-Абада наши войска были торжественно встрѣчены далеко за городской чертой населеніемъ этого пункта и провинціальными властями.

Французскія войска къ югу отъ дороги Невиль—Лафоли взорвали мину и разрушили непріятельскія галлерей. Къ сѣверу отъ рѣки Эна противъ Супира французы огнемъ разрушили германское полевое укрѣпленіе. Цеппелинъ пытался приблизиться къ Парижу, но, обстрѣянный батареями и аэропланами, успѣлъ лишь сбросить нѣсколько бомбъ, не причинившихъ поврежденій.

17-го января на всемъ итальянскомъ фронтѣ прояснившаяся погода благоприятствовала усиленному развитію дѣйствій артиллеріи.

18-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что нѣмецкая артиллерія стрѣляла по Шлоку и открывала оживленный огонь изъ района южняе оз. Бабитъ. Наши окопы у Огера непріятель обстрѣливалъ изъ пулеметовъ разрывными пулями. Къ сѣверу отъ Поневѣжской желѣзной

дороги и между озерами Медмуское и Деммень неприятель открывалъ сильный артиллерійскій огонь.

Въ Галиціи, на Средней Стрыпѣ, нашими развѣдчиками былъ окруженъ полевой караулъ австрійцевъ. Въ происшедшей рукопашной схваткѣ часть австрійцевъ была заколота, остальные взяты въ плѣнъ.

За послѣднее время было замѣчено значительное увеличеніе числа неприятельскихъ перебѣжчиковъ.

На кавказскомъ фронтѣ двухнедѣльная операція на турецкомъ фронтѣ, планомерно проведенная, оправдала наши расчеты. Развивъ первоначальный свой ударъ въ центрѣ турецкой арміи въ значительный успѣхъ, войска генерала Юденича, преслѣдуя противника, продвинулись своими передовыми частями до эзерумскихъ укрѣпленій. Въ то же время стремительнымъ натискомъ на правый флангъ турокъ они заставили турокъ очистить мелагерто-хныскій районъ и отступить къ Мушской равнинѣ. Въ итогъ операціи мы вытѣснили противника съ шестидесятиверстной, заблаговременно укрѣпленной имъ полосы, и спустились съ горныхъ областей, съ весьма суровыми климатическими условіями, въ сравнительно густо-населенные и удободоступные районы, благопріятствующіе расположенію въ нихъ войскъ въ зимній періодъ. Въ теченіе означенной операціи нами взято много плѣнныхъ турецкихъ офицеровъ и аскеровъ и захвачены орудія, пулеметы и большіе запасы интендантскаго, артиллерійскаго и инженернаго имущества. 16-го января наши развѣдчики, преслѣдуя отступающихъ турокъ, въ районѣ р. Чороха снова захватили плѣнныхъ аскеровъ и отбили у противника болѣе 100 головъ скота и фуража.

На всемъ протяженіи западно-европейскаго фронта велись обычные артиллерійскіе бои, за исключеніемъ лишь одного пункта во Франціи близъ дороги Кемель-Витшате, гдѣ англійскія войска вторглись въ германскія траншеи, убили 30 человекъ, захватили въ плѣнъ 3 и уничтожили 2 пулемета.

На нашемъ западномъ фронтѣ артиллерійская перестрѣлка въ рижскомъ районѣ 19-го января отличалась прежнимъ оживленіемъ. Въ районѣ Огера неприятель развивалъ сильный пулеметный и ружейный огонь. Юго-восточнѣ Шлосъ-Коккенхузена, выше Фридрихштадта, партія нѣмцевъ, одѣтыхъ въ бѣлые балахоны, пыталась ломать ледъ на Двинѣ, но была разогнана нашимъ огнемъ. Въ районѣ д. Годушишки, восточнѣ Свѣнцянъ, наши летчики бомбардировали неприятельскіе обозы и поѣзды. Въ районѣ озера Нарочъ германцы стрѣляли тяжелыми снарядами съ особымъ запахомъ. На фронтѣ генерала Иванова можно отмѣтить удачныя дѣйствія нашей артиллеріи въ Галиціи, на р. Стрыпѣ, и отбитіе наступленія неприятельскихъ группъ, поведеннаго со стороны лѣса, въ районѣ сѣверо-восточнѣ Буача.

На кавказскомъ фронтѣ наши войска продолжали тѣснить турокъ въ торумскомъ и хныскомъ районахъ.

На западно-европейскомъ фронтѣ, помимо обычной артиллерійской перестрѣлки, къ сѣверу отъ дороги изъ Сень-Никола до Сень-Лоранъ къ сѣверо-востоку отъ Арраса попытка неприятеля произвести атаку была остановлена ручными гранатами.

Английскіе и французскіе отряды продолжают тѣснить нѣмцевъ въ Каме-рунѣ. Большое число дезертировъ-нѣмцевъ сдается союзнымъ войскамъ.

Английскій пароходъ «Арма» приведенъ германской командой въ американскій портъ. На немъ находятся пассажиры потопленныхъ нѣмцами судовъ.

Германскіе воздухоплаватели продолжали метать бомбы въ мирные города. Такъ, германскій аэропланъ пролетѣлъ надъ Солунью и сбросилъ 15 бомбъ, которыми убито 2 греческихъ солдата и 5 рабочихъ и ранены 1 греческій солдатъ и 14 рабочихъ. Во время налета цеппелиновъ на Англію убито 54 и ранено 67 человекъ.

Итальянцы отбросили въ долинѣ Пленцо непріятельскіе отряды, пытавшіеся приблизиться къ итальянскимъ позиціямъ на Монте-Ромбонѣ.

Генераль Макензень со штабомъ прибылъ въ Монастырь. Наслѣдникъ турецкаго престола Юсуфъ-Иззединъ покончилъ жизнь самоубійствомъ; что послужило причиной тому—неизвѣстно.

20-го января непріятель открывалъ сильный артиллерійскій огонь въ районѣ Иксюля. Наша артиллерія въ районѣ южнѣе Огера удачно прекращала земляныя машинныя работы противника и мѣтко обстрѣливала расположеніе непріятельскихъ пулеметовъ. Нѣмецкія попытки выйти изъ своихъ окоповъ и приблизиться къ нашему расположенію на островѣ Глауданѣ (ниже Двинска) и въ районѣ Шипково (западнѣе Двинска) были отражены нашимъ огнемъ. Къ югу отъ Припяти въ районѣ Галузія наши развѣдчики, въ составъ которыхъ входили чехи, произвели удачный поискъ, во время котораго особенно отличился чешскій прапорщикъ Сыровой.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи турокъ въ тортумскомъ районѣ наши войска продвинулись къ р. Чороху. Въ Верхне-Пассинской долинѣ—удачныя для насъ столкновенія съ передовыми частями турокъ, съ захватомъ плѣнныхъ. На южномъ берегу Ванскаго озера нами занято съ боя селеніе Норкевъ.

Въ Персіи, въ керманшахскомъ районѣ, противникъ потѣсенъ къ Неховенду. Въ послѣднихъ своихъ официальныхъ сообщеніяхъ турки всячески умаляютъ успѣхи нашихъ войскъ. Однако въ признаніи тѣми же сообщеніями факта «отступленія турокъ къ Эрзеруму послѣ восьмидневныхъ рукопашныхъ боевъ съ превосходными силами противника» и въ высказываемой въ нихъ увѣренности, что туркамъ удастся побѣдить численное и, вѣроятно, случайное превосходство русскихъ», нельзя не видѣть лучшаго подтвержденія одержанныхъ нами успѣховъ.

21-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: «За вчерашній день въ боевыхъ линіяхъ войскъ генерала Плеве можно отмѣтить слѣдующее: въ районѣ между озеромъ Бабитъ и Митавскимъ шоссе наши партіи проникли за проволочныя загражденія германцевъ для обстрѣла рабочихъ на непріятельскихъ позиціяхъ. Юго-восточнѣе Риги нашъ бронированный автомобиль выѣзжалъ впередъ нашихъ окоповъ и, обстрѣлявъ расположеніе непріятеля, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ безъ поврежденій возвратился назадъ.

«Въ Галиціи, къ сѣверо-востоку отъ станціи Езерна, линіи Тарнополь—

Львовъ, одной изъ нашихъ частей съ участіемъ гренадеръ было произведено удачное нападеніе. Уничтоживъ проволочныя загражденія противника, наши молодцы захватили люнетъ. Гарнизонъ люнета бѣжалъ, преслѣдуемый нами. Къ югу отъ станціи Езерна весь вчерашній день обѣ стороны продолжали взаимный обстрѣлъ огнемъ тяжелой и легкой артиллеріи.

«На фронтѣ Средней Стрыпы наша артиллерія подбила непріятельскій аэропланъ, упавшій въ расположеніе непріятели, въ районѣ Новоставце—Зелена. На Днѣстрѣ и на фронтѣ между Днѣстромъ и Прутомъ противникъ обстрѣливалъ наши позиціи огнемъ тяжелой артиллеріи, въ томъ числѣ и орудіями 12-дюймоваго калибра. Подъ прикрытіемъ этого огня противникъ дважды пытался наступать въ районѣ Усѣчко, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

«На кавказскомъ фронтѣ наше продвиженіе успѣшно продолжается; на одной изъ аррьергардныхъ позицій противника нами обнаружено 293 трупа замерзшихъ аскеровъ. При преслѣдованіи наши части вновь отбили у непріятели нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота».

21-го января на французскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ рѣки Эна французы стрѣляли непріятельскія траншеи на плоскогорьяхъ Воклеръ и Вилль-о-Буа, а также германскія войска, двигавшіяся по дорогѣ изъ Берри-о-Бака въ Живанкуръ. Въ Аргоннахъ продолжалась энергичная минная борьба; здѣсь французы взорвали большое число горновъ, которыми разрушены подземныя сооруженія непріятели. Между возвышенностью «285» и Готь-Шевоше непріятель пытался атаковать французскіе сторожевыя посты, однако артиллерійскимъ огнемъ и гранатами атака была остановлена. На правомъ берегу Мааса французы взорвали мину въ лѣсу Шевалье и бомбардировали Сень-Морисъ-Су-Ле-Котъ, къ сѣверу отъ Гаттонъ-Шателя. Въ Эльзасѣ, къ югу отъ Латюра огнемъ французской артиллеріи вызванъ пожаръ въ непріятельскомъ лагерномъ расположеніи у Эленберга, къ сѣверо-востоку отъ Бурнгаупта.

«На фронтѣ бельгійской и британской арміи возобновился напряженный артиллерійскій бой.

22-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Плаканень, восточнѣ Митавскаго шоссе, партіи нашихъ развѣдчиковъ разогнали нѣмцевъ ручными гранатами и безъ потерь вернулись назадъ. Южнѣ Иксюля нѣмцы пытались ночью производить работы на Двинѣ, но нашимъ огнемъ были разогнаны. Во время воздушной развѣдки сѣвернѣе оз. Нарочъ наши самолеты, несмотря на сильный огонь по нимъ непріятельской артиллеріи, бомбардировали расположеніе противника и его обозы, замѣченные на пути къ м. Видзы, и благополучно вышли изъ огня тяжелой и легкой артиллеріи противника. У австрійцевъ южнѣ Дубно примѣняется аппаратъ для отраженія атакъ, выбрасывающій пламя на 30—40 метровъ. На фронтѣ Средней Стрыпы нашъ самолетъ сбросилъ бомбы на станцію Езерна и въ стоявшій на станціи подвижной составъ.

На Днѣстрѣ противникъ продолжаетъ обстрѣлъ нашихъ окоповъ сильнымъ огнемъ тяжелой и легкой артиллеріи.

Къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ огнемъ нашей тяжелой артиллеріи при

содѣйствіи аэроплановъ обстрѣляны батареи противника въ районѣ дд. Топоровце и Раранче. Къ сѣверо-западу отъ Бояна нѣсколько нашихъ развѣдчиковъ, подобравшись къ занятой противникомъ воронкѣ горна, забросали ее ручными гранатами и, выбивъ австрійцевъ, взорвали обнаруженные двѣ минныя галлерей, ведшія подъ наши окопы, а самую воронку засыпали.

На кавказскомъ фронтѣ, несмотря на полное бездорожье, скалы, глубокія ущелья, снѣжныя метели, наши войска продолжали преслѣдовать противника.

22-го января итальянская главная квартира извѣстила: «Въ ночь на 20-е января непріятель, забросавъ и повредивъ предварительно большимъ количествомъ ручныхъ бомбъ наши позиціи на Коль-ди-Лана (въ верхней части долины Кордеволе), произвелъ противъ этихъ позицій стремительную атаку, которая, однако, была отбита. Утромъ наши развѣдывательныя части, которымъ непріятель не посмѣлъ помѣшать выйти изъ своихъ линій, обнаружили на мѣстѣ боя большое количество труповъ, свидѣтельствовавшихъ о тяжелыхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ во время ночной атаки. Въ районѣ Тофана (въ верхней части долины Боите) успѣшнымъ огнемъ нашей артиллеріи разсѣяны группы непріятеля, причѣмъ имъ нанесенъ значительный уронъ. На Изонцо непріятель обстрѣливалъ преимущественно населенныя мѣстности; наши батареи, въ отвѣтъ на огонь австрійцевъ, бомбардировали пространство позади непріятельскихъ линій. Два непріятельскихъ аэроплана сбросили бомбы надъ Горго, въ лагунѣ Градо, причинивъ лишь незначительный ущербъ».

23-го января партіи нѣмцевъ, пытавшіяся приблизиться къ нашему расположенію на островѣ Глауданѣ (ниже Двинска), были нами отражены ружейнымъ огнемъ. Надъ двинской позиціей летало значительное число нѣмецкихъ аэроплановъ и появлялись цеппелины. Въ войскахъ генерала Иванова 23-е января отмѣчено рядомъ удачныхъ дѣйствій нашихъ развѣдчиковъ. Такъ, въ районѣ Гонтова, къ югу отъ Н. Олексинецъ, наши развѣдчики подобрались къ проволочнымъ загражденіямъ противника и черезъ проходы, продѣланные днемъ огнемъ нашей тяжелой артиллеріи, проникли въ промежутокъ между первой и второй полосами загражденій, гдѣ атаковали и уничтожили сильную партію противника. Въ районѣ Средней Стрыпы и къ сѣверо-востоку отъ Залещиковъ было разсѣяно и уничтожено нѣсколько полевыхъ карауловъ непріятеля.

На кавказскомъ фронтѣ наши войска продолжали тѣснить турокъ, съ легкостью прекращая всѣ ихъ наступательныя попытки. На всемъ кавказскомъ фронтѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней свирѣпствовала сильная метель, при морозѣ больше 20 градусовъ. Войска двигались въ глубокомъ снѣгу. Въ Персіи, въ хамаданскомъ районѣ, противникъ былъ нашими войсками отброшенъ къ Неховенду.

Французскій пилотъ Гинемерь, вступивъ въ бой съ непріятельскими летчиками, сбиль загорѣвшійся аэропланъ между Асвиллеромъ и Гердекуромъ.

Итальянцы отразили въ зонѣ Тольмино атаку непріятеля на позиціи у

Санта-Маріи и отразили двѣ попытки непріятеля приблизиться къ ихъ позиціямъ на западъ отъ Горицы.

55,000 человекъ сербскихъ солдатъ перевезено изъ Албаніи на о. Корфу.

24-го января полеты нѣмецкихъ самолетовъ надъ рижскимъ участкомъ и къ югу отъ Иксюля продолжались. Нашими летчиками брошены бомбы въ гор. Митавѣ на желѣзнодорожную станцію и на желѣзнодорожный мостъ черезъ р. Аа.

На одномъ изъ участковъ линіи войскъ генерала Иванова наши развѣдчики, изучивъ систему непріятельскихъ фугасовъ, провели отъ нихъ проводу въ свой окопъ и отсюда взорвали до 40 фугасовъ. На Брежежанскомъ шоссе нашимъ огнемъ отражена попытка противника приблизиться къ нашимъ окопамъ. Въ районѣ Бояна противникъ огнемъ бомбометовъ и ручными гранатами тщетно пытался вновь овладѣть занятой у него въ ночь на 21-е января воронкой горна.

На кавказскомъ фронтѣ вытѣсненіе противника изъ занимаемаго имъ нынѣ района продолжалось, причемъ турки при всѣхъ наступательныхъ попыткахъ неизмѣнно опрокидывались нашимъ огнемъ, неся большія потери.

Англичане въ ночь на 24-е января заняли западную часть трехъ воронокъ, образовавшихся отъ взрыва минъ по сосѣдству съ Вермелль, у дороги въ Лабассѣ. Рано утромъ германцы взорвали мину къ сѣверу отъ Лооса, но англичане не понесли никакихъ потерь и заняли одинъ изъ краевъ воронки. У Фризы, къ сѣверу отъ каналовъ Лабассѣ и Витшате, и у Ипра продолжалась артиллерійская перестрѣлка. За одинъ день 23-е января произошло 28 воздушныхъ боевъ, причемъ шесть германскихъ аэроплановъ были вынуждены спуститься въ свои линіи.

На французскомъ фронтѣ продолжались съ напряженнымъ упорствомъ обычные артиллерійскіе бои. Вечеромъ 24-го января англійскій крейсеръ и французскій эскадренный миноносецъ, охраняющіе эвакуацію сербской арміи, встрѣтили въ Адриатическомъ морѣ четыре непріятельскихъ контръ-миноносца. Послѣдніе, будучи обстрѣляны, бѣжали въ сторону Катарро. На слѣдующій день оба союзныхъ судна были вновь атакованы передъ Дураццо. Непріятельская подводная лодка пыталась потопить англійскій крейсеръ, но мина не попала въ цѣль. Подводная лодка подверглась преслѣдованію и не могла возобновить атаки.

25-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что въ рижскомъ районѣ усиленная артиллерійская перестрѣлка. Замѣчены удачныя попаданія нашихъ снарядовъ въ орудія и рабочихъ противника. Въ якобштадтскомъ районѣ наши партизаны и конница совершили удачный поискъ по р. Суссей за проволочныя загражденія противника, обратили въ бѣгство нѣмцевъ. На правомъ флангѣ двинскихъ позицій выхавшій бронированный германскій автомобиль прямымъ попаданіемъ нашей гранаты былъ разбитъ и опрокинутъ. Нѣмцы обстрѣливали тяжелыми снарядами станцію Ликсно, сѣвернѣе Двинска. Нашими войсками явно обнаружено примѣненіе нѣмцами на своихъ самолетахъ нашихъ опознавательныхъ знаковъ. На одномъ изъ участковъ боевой линіи генерала Лечицкаго, къ сѣверу отъ Боянъ, подъ непріа-

тельскими проволочными заграждениями и окопами нами былъ взорванъ горнъ. Взрывомъ завалены окопы и испорчены загражденія. Вслѣдъ за взрывомъ наши части бросились въ атаку и захватили воронку, откуда, забросавъ бомбами окопы непріятеля, быстро распространились въ нихъ. Въ захваченныхъ окопахъ было найдено много труповъ. Въ томъ же районѣ вызвавшійся на развѣдку ефрейторъ Глушенко (въ дѣйствительности дѣвица Чернявская) подобрался къ проволочнымъ загражденіямъ противника и, несмотря на тяжелое раненіе въ ногу, съ раздробленіемъ кости, выполнилъ порученіе и доползъ обратно въ наши окопы.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши части, перейдя въ бродъ черезъ р. Архаве, атаковали турокъ и выбили ихъ изъ ряда окоповъ, построенныхъ въ нѣсколько ярусовъ. На сѣверномъ берегу Ванскаго озера нами занятъ районъ къ востоку отъ Адильджеваскала. Въ Персіи мы потѣснили противника въ районѣ Кангавера.

На фронтѣ французской, британской бельгійской и итальянской армій 25-го января велись преимущественно артиллерійскіе бои, сдѣлавшіеся здѣсь уже своего рода «бытовымъ явленіемъ».

26-го января, согласно сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ рижскомъ районѣ нѣмцы вели стрѣльбу тяжелой артиллеріей. Наша артиллерія удачно отвѣчала. На двинской позиціи перестрѣлка нѣсколько оживленнѣе обыкновенной. Между озерами Медмусское и Деммень сильная партія нѣмецкихъ развѣдчиковъ пыталась приблизиться къ нашимъ окопамъ, но была отогнана ружейнымъ огнемъ.

Въ Галиціи, на фронтѣ Средней Стрыпы, произошелъ рядъ стычекъ нашихъ развѣдочныхъ партій съ такими же партіями противника. Въ районѣ Усѣчко противникъ пытался наступать отъ переправы, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

На Черномъ морѣ наши корабли успѣшно обстрѣливали турецкія позиціи въ Приморскомъ районѣ. У Анатолійскаго побережья наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ турецкой прибрежной батареей, не причинившей имъ никакого вреда, причѣмъ они были безрезультатно атакованы турецкой подводной лодкой. Эскадра нашихъ гидроаэроплановъ атаковала бомбами большой пароходъ, стоявшій за моломъ Зунгулдака.

На кавказскомъ фронтѣ продолжались успѣшные для насъ бои.

28-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: на рижскомъ фронтѣ велась рѣдкая ружейная и артиллерійская перестрѣлка, огнемъ нашей артиллеріи прекращены были въ разныхъ мѣстахъ работы нѣмцевъ. Юго-западнѣе Шлосъ-Кеккенхузена, на Двинѣ выше Фридрихштадта, также отмѣченъ удачный огонь нашей артиллеріи. Въ якобштадтскомъ районѣ германская артиллерія обстрѣливала сильнымъ огнемъ наше расположеніе у Дукерна и между Ливенгофомъ и р. Суссей. На двинскомъ участкѣ происходила оживленная перестрѣлка; въ районѣ Тенненфельда нѣмцы бросали въ наши окопы круглые зеленые снаряды съ удушливымъ дымомъ. Въ районѣ озера Свентень произведены были два поиска удачныхъ развѣдчиковъ съ захватомъ плѣнныхъ, оружія и снаряженія. Восточнѣе Чемерина (между

Ровно и Луцкомъ) наши части овладѣли высотой и отбили послѣдовавшую затѣмъ контръ-атаку противника. Юго-восточнѣе Чеброва наши части въ штыки овладѣли высотой и закрѣпились на ней; при отбитіи контръ-атаки австрійцевъ были захвачены плѣнные 70-го имперскаго полка. Противникъ огнемъ нашей артиллеріи былъ выбитъ изъ воронки юго-западнѣе Замушина (восточнѣе Залещиковъ). На высотѣ восточнѣе Раранче противникомъ былъ взорванъ горнъ; попытки австрійцевъ занять образовавшуюся воронку были остановлены ручными гранатами и ружейнымъ огнемъ.

Командующій французской арміей у Вердена генераль Петэнъ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы обстрѣливали непріятельскія позиціи въ приморскомъ районѣ. Другая часть миноносцевъ уничтожила у восточныхъ береговъ Анатоліи семь парусныхъ судовъ, взявъ плѣнныхъ.

На кавказскомъ фронтѣ на одномъ изъ участковъ наши войска, продвигаясь съ боемъ, взяли въ плѣнъ аскеровъ и захватили два орудія. Въ Персіи, къ югу отъ Хамадана, нами были сбиты значительныя силы противника, занимавшія позиціи въ районѣ гор. Неховенда.

28-го января 18 англійскихъ аэроплановъ совершили успѣшный налетъ на непріятельскіе бараки въ Тергандѣ. Въ районѣ Вевренъ французская артиллерія уничтожила блокгаузъ. Германскимъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ опубликовано положеніе объ уѣздномъ самоуправленіи, цѣль котораго,

повидимому, переложить ответственность за экономическія тяготы на представителей самого населенія. Австрія обратилась къ нейтральнымъ государствамъ съ вербальной нотой, предупреждая, что будетъ разсматривать всѣ вооруженные торговые пароходы военными кораблями.

29-го января, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ районѣ Иллукста нами былъ взорванъ горнъ подъ нѣмецкимъ блокгаузомъ и образовавшаяся воронка была занята нами. Во время удачнаго поиска въ районѣ южнѣ Любча мы разрушили начатый постройкою мостъ противника черезъ р. Нѣманъ. У Чемерина наши войска отбили двѣ слѣдовавшія одна за другой контръ-атаки противника, подготовленныя ураганнымъ огнемъ. Въ районѣ Цеброва, несмотря на контръ-атаку противника и ураганный огонь артиллеріи, занятая наканунѣ высота осталась за нами.

На западно-европейскомъ театрѣ войны непрерывно продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка. Въ Бельгіи огнемъ союзной артиллеріи сильно былъ поврежденъ непріятельскій редутъ близъ канала Пасхендале и вызванъ взрывъ въ складахъ боевыхъ припасовъ. На правомъ берегу Мааса французская артиллерія разрушила непріятельскій блокгаузъ и наблюдательные пункты. Германцы выпустили 200 снарядовъ изъ дальнобойнаго орудія въ направленіи Бельфора. Въ Шампани французы овладѣли участкомъ непріятельскихъ траншей къ сѣверо-востоку отъ Менильскаго холма. Контръ-атака противника была французами успѣшно отбита.

30-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: «На рижскомъ участкѣ наши окопы, примыкающіе къ р. Двинѣ, обстрѣливались большими минами. На двинскихъ позиціяхъ борьба за воронку, образовавшую взрывомъ нашего горна, продолжалась цѣлый день и окончилась въ нашу пользу. Послѣ оживленной перестрѣлки нами занята дер. Гарбуновка. Около озера Свентенъ напряженная бомбометная борьба. У Чемерина противникъ временами обстрѣливалъ ураганнымъ огнемъ занятую нами высоту.

Въ Галиціи, въ районѣ Цеброва, противникъ настойчиво стремился выбить насъ съ занятой нами высоты. Цѣною большихъ потерь это ему и удалось, но затѣмъ новой стремительной контръ-атакой одного изъ нашихъ старыхъ славныхъ полковъ, непріятель былъ вторично сброшенъ съ высоты. Взятые на этой высотѣ плѣнные показали, что наша артиллерія причинила противнику громадныя потери. Вечеромъ 29-го и въ ночь на 30-е января противникъ, съ цѣлью вновь овладѣть высотой въ районѣ Цеброва, произвелъ три отчаянныя контръ-атаки, но всѣ атаки были отбиты съ громадными для врага потерями.

На кавказскомъ фронтѣ продолжалось наше наступленіе.

Попытки германцевъ на бельгійскомъ фронтѣ переправиться черезъ Изерскій каналъ потерпѣли неудачу подъ пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ союзниковъ. Въ Шампани непріятелю удалось проникнуть въ небольшой выступающій впередъ укрѣпленный пунктъ между дорогами въ Наваренъ и въ Сень-Супле. Въ виду отсутствія свѣдѣній о французскомъ крейсере «Amiral Chagnier», французское морское министерство полагаетъ, что онъ потопленъ германской подводной лодкой у береговъ Сиріи. Британскій флотъ захватилъ

въ Средиземномъ морѣ три подводныя лодки. Въ силу соглашенія между Франціей и Италіей, въ будущемъ крупныя военныя операціи будутъ предприниматься одновременно на всѣхъ фронтахъ.

31-го января штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

«Въ рижскомъ участкѣ оживленная артиллерійская перестрѣлка велась на олайскомъ участкѣ и въ районѣ Берземюнде. Наша артиллерія произвела взрывъ у противника въ районѣ Вевра, къ югу отъ Икскюля. Въ якобштадтскомъ участкѣ партія германцевъ пыталась приблизиться къ нашимъ окопамъ западнѣе Ливенгофа; высланными нашими частями нѣмцы были опрокинуты.

На двинскомъ участкѣ наиболѣе оживленная перестрѣлка происходила у Иллукста, гдѣ нѣмцы бросали ручныя бомбы съ удушливыми газами. Попытка нѣмцевъ окружить дер. Гарбуновку, только что занятую нами, отбита перекрестнымъ огнемъ.

«На Черномъ морѣ наши миноносцы артиллерійскимъ огнемъ разрушили постоянные мосты въ приморскомъ районѣ. Уничтожено было восемь парусныхъ судовъ.

«На кавказскомъ фронтѣ въ происходящихъ бояхъ въ районѣ Эрзерума наши части, преодолевая при морозѣ до 25 градусовъ и глубокомъ снѣгѣ труднодоступныя ущелья, продолжаютъ продвигаться впередъ. Въ плѣнъ взято нѣсколько офицеровъ и болѣе 600 аскеровъ, а также захвачено 7 орудій, пулеметы, зарядные ящики и складъ снарядовъ; кромѣ того, у противника отбито болѣе 1000 головъ скота. Въ одномъ изъ фортвъ Эрзерумской крѣпости, послѣ нашего обстрѣла, послѣдовалъ взрывъ большой силы. Наши войска выбили турокъ изъ позицій въ хныскомъ районѣ и заняли съ боя городъ Копъ. Въ Персіи, въ хамаданскомъ районѣ мы заняли городъ Довлетъ-Абадъ».

Атаки непріятели въ трехъ пунктахъ французскаго фронта были остановлены въ началѣ; проникшіе въ траншею къ западу отъ возвышенности «140» нѣмцы были выбиты. Къ востоку отъ Живанши французскія батареи сбили германскій аэропланъ. Бельгійскіе аэропланы въ отвѣтъ на бомбардировку нѣмцами мѣстностей, населенныхъ мирными жителями, вызвали пожаръ на непріятельскомъ аэродромѣ въ Шистелтѣ. Англійскія войска взорвали мину къ западу отъ Гюллюха и заняли воронку.

На озерѣ Танганайкѣ на высотѣ Альбертвилля англійской и бельгійской флѣтилей потоплена германская канонерка «Hedweg von Wiessmann». Найденный на плоту на высотѣ Сиріи матросъ съ крейсера «Amiral Charner» сообщилъ, что крейсеръ, потопленный 26-го января, пошелъ ко дну въ нѣсколько минутъ.

Къ 1-му февраля были получены извѣстія о томъ, что нашими войсками взяты послѣ взрыва одинъ изъ фортвъ Эрзерумской крѣпости. При преслѣдованіи турокъ захвачено много плѣнныхъ, 6 орудій и много военной добычи.

1-го февраля англійскій крейсеръ «Arethusa» наткнулся на мину у восточнаго побережья Англій. Воззваніе англійскаго короля призываетъ всѣхъ холостыхъ англичанъ къ знаменамъ. Въ Бельгіи огнемъ союзной артиллеріи взорванъ складъ боевыхъ припасовъ къ сѣверу отъ Бусинге.

Итальянскія войска высадились на Корфу. Два австрійскихъ аэроплана

произвели налетъ на Миланъ, но были встрѣчены огнемъ орудій и итальянскими летчиками. Сбросивъ бомбы куда попало, неприятель удалился.

2-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что надъ рижскимъ участкомъ появились нѣмецкіе самолеты. Послѣ напряженной борьбы наши войска заняли воронку у Иллукста. Между озерами Медмское и Деммень наши части овладѣли рошей юго-западнѣ Ругенишки. Къ югу отъ Припяти въ районѣ Езерцы донскіе казаки заманили и уничтожили австрійскую заставу. На Средней Стрыпѣ наша артиллерія обстрѣляла четыре аэроплана, изъ которыхъ одинъ поврежденъ и упалъ въ расположеніе противника.

При наступленіи въ районѣ Эрзерума, послѣ артиллерійской подготовки, — штурмомъ былъ взятъ еще одинъ фортъ Эрзерумской крѣпости. Захвачено свыше 20 орудій, плѣнные и боевые припасы. Кромѣ ранѣ захваченныхъ двухъ фортовъ прикрывающей Эрзерумскую крѣпость позиціи, къ вечеру 2-го февраля подъ натискомъ нашихъ доблестныхъ войскъ пали еще семь фортовъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ пока находятся форты: Кара-Гюбекъ, Тафта, Чобанъ-Деде, Даланъ-Гезъ, Узунъ-Ахметъ-Караколь, Узунъ-Ахметъ № 1, Кабурга, Орта-Юкъ и Орта-Юкъ-Иллявеси.

3-го февраля сообщеніе Верховнаго Главнокомандующаго обрадовало русскій народъ вѣстью о новой славной побѣдѣ доблестной кавказской арміи.

Въ прибрежномъ районѣ Чернаго моря наши войска, выбивая турокъ изъ ряда горныхъ позицій, отбросили противника за рѣку Випе-Су. Какъ сообщалось вчера, доблестныя кавказскія войска овладѣли девятью фортами прикрывающей Эрзерумскую крѣпость позиціи Деве-Бойну, взявъ до 70 орудій, запасы и плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, необходимо воздержаться отъ перечисленія названій славныхъ нашихъ полковъ, штыками выбившихъ турокъ. Нынѣ успѣхъ этотъ, несмотря на суровую погоду и трудную мѣстность, развивается. Турки съ запада и юга спѣшатъ на помощь Эрзеруму. Южная часть Эрзерума горитъ. Въ хныскомъ районѣ наше наступленіе успѣшно продолжается.

Его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ отправилъ Государю Императору слѣдующую всеподданнѣйшую телеграмму:

«Господь Богъ оказалъ сверхдобрѣстнымъ войскамъ кавказской арміи столь великую помощь, что Эрзерумъ послѣ пятидневнаго непримѣрнаго штурма взятъ.»

«Неизреченно счастливъ донести о сей побѣдѣ Вашему Императорскому Величеству»
«Н и к о л а й».

Августѣйшій главнокомандующій кавказской арміи осчастливленъ полученіемъ нижеслѣдующей телеграммы Государя Императора по случаю взятія Эрзерума:

«Поздравляю ваше императорское высочество и кавказскую армію со взятіемъ Эрзерума. Прошу передать высокодобрѣстнымъ войскамъ Мою горячую благодарность за ихъ геройскій подвигъ и за радость, доставленную Россіи удачнымъ штурмомъ турецкой твердыни.»

«НИКОЛАЙ».

Въ рижскомъ участкѣ, сѣверо-восточнѣ Репе, нѣмецкій аэростатъ долженъ былъ спуститься послѣ обстрѣла нашими тяжелыми гранатами.

Въ районѣ Иллукста произведены два взрыва на тяжелой батарее противника. Двѣ атаки нѣмцевъ на Гарбуновку нами отбиты.

Нашъ воздушный корабль совершилъ налетъ на городъ и станцію Подгайце и сбросилъ 15 бомбъ.

Попытки противника атаковать наши окопы въ районѣ Усѣчко нами отражены.

Русскій, французскій и великобританскій посланники, акредитованные при бельгійскомъ королѣ, явившись въ бельгійское министерство иностранныхъ дѣлъ, торжественно возобновили обязательства державъ по отношенію къ Бельгій.

4-го февраля было дополнительно выяснено, что при штурмѣ эрзерумскихъ фортовъ первой линіи нами захвачено еще 29 орудій и взято въ плѣнъ только въ районѣ одного изъ сѣверныхъ фортовъ, форта Тафта (20 верстъ отъ Эрзерума), 39 офицеровъ и 1413 аскеровъ. Наши войска занимаютъ крѣпость Эрзерумъ. Приступлено къ проверкѣ плѣнныхъ и выясненію попавшей въ наши руки военной добычи. Эрзерумъ во многихъ мѣстахъ горитъ.

На двинскомъ участкѣ атака противника на Гарбуновку была отбита. Въ Галиціи на Днѣстрѣ въ районѣ Михалче была отбита попытка противника атаковать наши окопы. Нашими войсками занята укрѣпленная позиція Вице-Су въ приморскомъ районѣ.

Въ Шампани Французы отбили при помощи ручныхъ гранатъ нѣсколько траншейныхъ ходовъ къ востоку отъ дороги изъ Тагюра въ Сомпи. На Карсо итальянская артиллерія разрушила нѣсколько непріятельскихъ траншей, обративъ защитниковъ въ бѣгство. На рейдѣ Дураццо австрійская подводная лодка была потоплена французскимъ миноносцемъ. Союзники заняли мосты и переправы черезъ Вардаръ и прервали сообщеніе между западной Македоніей и Солунью.

5-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что надъ рижскимъ и двинскомъ участками усилились полеты цеппелиновъ и аэроплановъ.

На Черномъ морѣ наши суда продолжали операціи въ приморскомъ районѣ. Западнѣ Трапезунда разрушены постоянные мосты. Уничтожено 15 парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши войска, выбивъ противника изъ ряда позицій, захватили плѣнныхъ, оружіе, боевые и продовольственные припасы и инженерное имущество.

Все болѣе выясняется картина пораженія турецкой арміи, понесшей въ бояхъ подъ Эрзерумомъ весьма тяжкія потери. Крѣпостные форты и районы, прилегающіе къ нимъ, завалены трупами аскеръ. Подъ нашимъ натискомъ остатки турецкой арміи въ безпорядкѣ отступаютъ, а во многихъ мѣстахъ и бѣгутъ по разнымъ направленіямъ. Наши части ведутъ преслѣдованіе при сильнѣйшей метели, уничтожая или беря въ плѣнъ хвосты непріятельскихъ колоннъ. Нами захвачена въ Эрзерумѣ вся крѣпостная артиллерія и значи-

тельная часть полевой, пока зарегистрировано болѣе 200 орудій, вмѣстѣ съ тѣмъ нами взято большое количество артиллерійскихъ припасовъ, очень много ручного оружія, нѣсколько десятковъ автомобилей, беспроводный телеграфъ, понтонный паркъ; число прочихъ трофеевъ и плѣнныхъ турецкихъ солдатъ, захваченныхъ нами въ обширномъ эзерумскомъ крѣпостномъ районѣ, выясняется.

Атаки германцевъ въ Артуа легко отражены французами. Въ Верхнемъ Эльзасѣ непріятель послѣ артиллерійской подготовки произвелъ атаку противъ французскихъ позицій, но былъ выбитъ изъ занятой имъ на короткое время траншеи. Союзники заняли Камерунъ, кромѣ изолированной позиціи у Морахили. Французы заняли границу; германскій комендантъ бѣжалъ.

6-го февраля у Езерна наша тяжелая батарея заставила спуститься змѣйковый аэростатъ противника. При преслѣдованіи турокъ, нами были окружены и взяты въ плѣнъ остатки 34-й турецкой дивизіи съ 13 орудіями, пулеметами и т. п., а на Эзерумскомъ шоссе остатки одного изъ полковъ. Одинъ изъ нашихъ корпусовъ во время штурма Эзерума захватилъ 240 орудій. Нашими войсками съ боя взяты города Мушь и Ахлатъ. Наши суда успѣшно обстрѣливали берега и фронтъ непріятеля въ приморскомъ районѣ.

7-го февраля англійскіе летчики сбросили бомбы на аэродромъ въ Камбрѣ. Бомбы взорвались внутри ангара. Два германскихъ биплана произвели налетъ на побережье Англии; убиты двое мужчинъ и мальчикъ и ранены два матроса.

Атаки непріятеля на британскія траншеи у Серри окончились полной неудачей.

Въ Бельгіи у Стеенстраоте союзниками отбиты попытки нѣмцевъ перейти черезъ Изерскій каналъ.

8-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что у Иллукста нами было взорвано пять горновъ подъ пятью нѣмецкими блокаузами и заняты образовавшіяся воронки.

Наши летчики сбросили надъ станціей и городомъ Бучачемъ нѣсколько десятковъ бомбъ, послѣ чего было замѣчено пламя и сильный дымъ.

Нашъ воздушный корабль «Второй» сбросилъ на станцію Монастержиско 15 бомбъ и ящикъ стрѣлъ. На Днѣстрѣ въ районѣ Усѣчко нашимъ огнемъ были прекращены попытки частей противника приблизиться къ нашимъ окопамъ. Наши миноносцы уничтожили у береговъ Анатолиі 13 парусныхъ судовъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта наши части выбили турокъ изъ района рѣки Вице-Су и отбросили ихъ за рѣку Буюкъ-Дере. При преслѣдованіи противника въ эзерумскомъ районѣ захвачено вновь нѣсколько сотъ аскеровъ. Сотней казаковъ захвачены три полевыхъ батареи и много рядныхъ ящиковъ.

8-го февраля на всемъ протяженіи западно-европейскаго фронта происходила слабая артиллерійская перестрѣлка и только на участкѣ къ сѣверу отъ Вердена наблюдалась болѣе оживленная дѣятельность.

Въ окрестностяхъ Брабанъ-Ле-Руа цеппелинъ, пробитый зажигательнымъ

спарядомъ французской артиллеріи, упаль и сторѣль. Къ югу отъ Соммы въ секторѣ Лигоннѣ послѣ сильной бомбардировки непріятель пытался, примѣняя удушливые газы, выйти изъ траншей, но былъ повсюду отброшенъ огнемъ французовъ.

26 британскихъ аэроплановъ атаковали склоны въ Донѣ. Причинивъ большія разрушенія, всѣ аэропланы вернулись невредимыми.

По сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 9-го февраля, надъ рижскимъ, двинскимъ и другими участками появлялось много аэроплановъ противника, сбросившихъ бомбы. Части одного изъ кавказскихъ полковъ произвели лихой поискъ близъ озера Свентень, уничтожили нѣмецкій гарнизонъ окопа и, отбивъ подошедшіе резервы, привели плѣнныхъ. Въ районѣ Сморгони наша часть ворвалась въ окопы противника. На верхнемъ теченіи Стрыпы противникъ, пытавшійся подойти къ нашимъ окопамъ, былъ отброшенъ. Захвачены плѣнные. Къ сѣверу отъ Бояна нами взорванъ горнъ, засыпавшій окопы противника. Воронка занята нами.

9-го февраля въ Бельгіи происходила бомбардировка непріятельскихъ траншей къ востоку отъ Бусинге. Въ Артуа обильно выпавшій снѣгъ препятствовалъ всякимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ Шампани французы подвергли разрушительному огню непріятельскія работы къ западу отъ Наварена. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена германцы, послѣ ожесточенной бомбардировки обохъ береговъ рѣки Мааса, въ теченіе дня 9-го февраля производили рядъ весьма энергичныхъ пѣхотныхъ атакъ на французскомъ фронтѣ между Брабанъ-сюръ-Мэзъ и Эрббуа. Всѣ атаки, произведенныя противъ Брабанъ-сюръ-Мэзъ и Эрббуа, были отражены. Между этими двумя пунктами пѣною большихъ потерь непріятелю удалось занять Омонскій лѣсъ и выступъ, замыкающій линію французскаго расположенія къ сѣверу отъ Бомона. Къ сѣверо-западу отъ Фромэ французы заграждающимъ огнемъ помѣшали осуществленію подготовлявшейся атаки. Артиллерія обохъ сторонъ проявила довольно большую дѣятельность въ районѣ Бандесапта къ западу отъ Альткирха.

Итальянскія войска въ долинѣ Сугана заняли горную зону Колло между потоками Ларганца и Чельо.

10-го февраля преслѣдованіе отступавшихъ турокъ на кавказскомъ фронтѣ продолжалось.

Надъ риго-фридрихштадтскимъ и якобштадтскимъ районами летали нѣмецкіе аэропланы и бросали бомбы. Надъ двинской позиціей летало два цепелина. У Иллукуста оживленный огневой бой, причемъ нѣмцы бросали мины большого калибра. Ночью противникъ усиленно обстрѣливалъ наше расположеніе западнѣе озера Свентень, распространяя огонь на югъ до озера Ильзень.

На французскомъ фронтѣ въ районѣ Вердена продолжала развиваться атака нѣмцевъ. Непріятель бомбардируетъ фронтъ въ 40 километровъ крупными орудіями. Въ результатъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ атакъ непріятелю удалось проникнуть въ лѣсъ Ваврилль. Въ Эльзасѣ непріятель былъ выбитъ контръ-атакой изъ большей части участковъ, занятыхъ имъ къ юго-западу отъ

Альткирха. Французы эвакуировали деревню Бранбъ-сюръ-Мэзъ и начали отходное движеніе, желая избѣгнуть напрасныхъ жертвъ въ районѣ атакъ противника, которому не удалось ни въ одномъ пунктѣ прорвать фронтъ.

11-го февраля на двинскихъ позиціяхъ, въ районѣ Поневѣжской желѣзной дороги и къ сѣверу отъ Чарторійска, наши части, оттѣснивъ противника, продвинулись впередъ. Въ районѣ Пелжа, къ юго-западу отъ Олыка, противникъ высылалъ въ наиболѣе обстрѣливаемые мѣста для работъ женщинъ. Въ Галиціи, къ сѣверо-западу отъ Тарнополя, въ районѣ селъ Глядки и Воробьевка, нами взорванъ горнъ и занята воронка. У Михалче противникъ, пытавшійся атаковать занятую нами воронку бомбами, вызывавшими слезотеченіе, былъ отбитъ. Наша подводная лодка потопила у Босфора парусное судно и дважды подвергалась нападенію непріятельскихъ аэроплановъ.

Французскія войска расположились на линіи обороны, организованной позади Бомона, на высотахъ къ востоку отъ Шанневиль, къ югу отъ р. Орнъ. Французскіе отряды, высаженные подъ прикрытіемъ судового огня на азиатскомъ побережьи Турціи, обратили въ бѣгство турецкіе гарнизоны. Къ сѣверо-западу отъ Горицы непріятельскіе отряды, подойдя къ итальянскимъ линіямъ, метали бомбы съ удушливыми газами, но были отражены.

12-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

«На рижскомъ участкѣ сильная перестрѣлка въ районѣ юго-восточной части острова Далена. Подъ Двинскомъ вчера велась оживленная перестрѣлка у Иллукста и къ югу отъ Гарбуновки. Въ районѣ къ западу отъ Кухоцка-Воля (юго-западнѣе Пинска) нашими развѣдчиками, преодолевшими широкія проволочныя загражденія, уничтожена застава противника. Взяты плѣнные. Въ Галиціи, въ районѣ сс. Глядки и Воробьевка и у Михалче продолжается бой ручными гранатами и бомбами за обладаніе воронками.

«На Черномъ морѣ наши миноносцы въ районѣ Синопа уничтожили четыре парусныхъ судна, разрушили мосты на прибрежной дорогѣ и частью пербили, частью разсѣяли караванъ верблюдовъ, шедшій подъ прикрытіемъ воинской части..

«На кавказскомъ фронтѣ нашими войсками съ боя занятъ городъ Испиръ. Преслѣдованіе противника въ эзерумскомъ и хныскомъ районахъ продолжается. Въ Персін, въ керманшахскомъ районѣ, наши войска, выбивъ противника съ горныхъ позицій, заняли городъ Сахизъ; въ этомъ бою нами захвачено четыре орудія. Къ югу отъ Тегерана наши войска вступили въ гор. Кашанъ».

Итальянцы у Тольмино отбросили на возвышенности Санта-Марія непріятельскій отрядъ, пытавшійся подойти въ бѣлыхъ плащахъ, и взяли плѣнныхъ. Французскія войска въ Шампани атаковали и завладѣли выступомъ непріятельской линіи къ югу отъ Септъ-Мари-Ани, захвативъ въ плѣнъ 300 нѣмцевъ при 5 офицерахъ. Англійскіе аэропланы совершили успѣшный налетъ на непріятельскій аэродромъ близъ Лилля, сбросили бомбы и вернулись невредимыми. Отъ воздушнаго налета нѣмцевъ на побережье Англіи пострадало 184 человека; сброшено 393 бомбы.

13-го февраля донесеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

«Въ Галиціи въ районѣ Михалче, на Днѣстрѣ, противнику послѣ продолжительнаго обстрѣливанія бомбометнымъ огнемъ удалось овладѣть одной изъ воронокъ, но стремительной контръ-атакой мы отбросили непріятели.

«На кавказскомъ фронтѣ въ результатѣ эрзерумской операціи, проведенной съ малыми потерями, сравнительно съ достигнутымъ чрезвычайно большимъ успѣхомъ, нами захвачено въ плѣнъ 235 турецкихъ офицеровъ и 12,753 нижнихъ чина и взято 9 знаменъ и 323 орудія. Кромѣ того, при штурмѣ и взятіи Эрзерума, первоклассной турецкой крѣпости, намъ достались большіе склады оружія, боевыхъ припасовъ, продовольствія, различнаго рода средствъ связи, парки и проч. Преслѣдованіе остатковъ разбитой и деморализованной турецкой арміи неустанно продолжается. Въ пятидесяти верстахъ къ западу отъ Эрзерума, на Трапезундскомъ шоссе, арріергарды турокъ сбиты. Нами занято м. Ашкала.

13-го февраля въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена продолжался ожесточенный бой, причемъ главныя усилія непріятели направлены были на фронтъ къ востоку отъ Мааса. Французскія войска оказывали непріятелю сопротивление на прежнихъ своихъ позиціяхъ, отражая атаки противника, потери котораго неисчислимы. Въ районѣ Дуомона бои принимали характеръ крайняго ожесточенія. На веврскомъ фронтѣ французскіе передовые отряды, образовавшіе наблюдательную линію между Орномъ и Хеннемономъ, были отодвинуты къ берегамъ Мааса по приказу главнокомандующаго безъ всякой атаки со стороны противника. Французская артиллерія какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегахъ Мааса непрерывно отвѣчала на огонь непріятели.

14-го февраля происходила оживленная перестрѣлка въ рижскомъ районѣ, причемъ отмѣчены удачныя дѣйствія нашей артиллеріи. Наши развѣдчики произвели лихой поискъ у Заде, юго-восточнѣ Фридрихштадта, атаковавъ безъ выстрѣла нѣмецкіе посты и переколовъ многихъ нѣмцевъ. У Иллукста продолжалась упорная борьба за окопы.

На кавказскомъ фронтѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ дней наши части ожесточенно преслѣдуютъ турокъ при сильномъ буранѣ, по грудь въ снѣгу. Въ Персіи наши войска, сбивъ врага съ ряда позицій, заняли гор. Керман-шахъ.

Французскія войска въ Шампани отбили непріятельскую атаку противъ занятаго ими выступа непріятельскихъ линій и захватили 340 плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ Вердена, къ востоку и западу отъ Мааса продолжается артиллерійскій бой. Отбиты всѣ атаки нѣмцевъ въ районѣ Шанъ-Невилъ и на возвышенности Пуавръ. Позиція, занятая нѣмцами у Дуомона, вновь занята французскими войсками, продвинувшимися еще дальше ея. Французскій воздушный отрядъ въ составѣ девяти аэроплановъ сбросилъ 144 бомбы надъ станціей Мець-Саблонъ.

Итальянскій отрядъ вдоль сѣверныхъ склоновъ горы Санъ-Миккеле занялъ непріятельскій окопъ, захватилъ 47 плѣнныхъ и укрѣпилъ занятую позицію.

Англійскія войска отбили атаку непріятели на траншеи къ юго-востоку отъ Марикюра.

Сильная атака нѣмцевъ въ районѣ форта Годромонъ, къ востоку отъ вы-

соты Пуавръ, отбита французами. Въ Веврѣ отходъ французскихъ аванпостовъ произведенъ безъ помѣхи со стороны непріятели. Всѣ германскіе гарнизоны въ Бельгіи отправлены на западный фронтъ. Изъ Льежа посланы 10,000 чело-вѣкъ на Изерскій каналъ.

14-го февраля изъ Вѣны официально сообщено, что австрійскія войска заняли Дураццо; въ городѣ возникли пожары.

15-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что къ юго-востоку отъ Фридрихштадта у устья р. Лауце и около Иллукста велась сильная артиллерійская, пулеметная и ружейная стрѣльба. Въ Галиціи, на Средней Стрыжѣ, къ сѣверу отъ Бучача, была отражена огнемъ попытка противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.

На кавказскомъ фронтѣ наши войска продолжали преслѣдованіе непріятели.

Атаки нѣмцевъ на участкѣ французскаго фронта между возвышенностью Дуомонъ и плоскогорьемъ отбиты. Къ востоку и западу отъ дуомонской позиціи французскія войска окружаютъ тѣснымъ кольцомъ продвинувшіяся части непріятельскихъ войскъ. Британскія войска отбили атаки непріятели на траншеи къ сѣверо-востоку отъ канала Ипръ—Комминъ.

Къ сѣверу отъ Вердена артиллерійскій бой носилъ попрежнему интенсивный характеръ, въ особенности въ центральномъ секторѣ и въ сѣверномъ направленіи на правомъ флангѣ. Непрідателемъ не было сдѣлано новыхъ попытокъ атакъ противъ высоты Пуавръ. 14-го февраля къ концу дня германцы пытались нѣсколько разъ занять деревню Дуомонъ, однако усилія ихъ разбились о сопротивленіе французскихъ войскъ, которыхъ не поколебали самыя яростныя атаки непріятели.

16-го февраля донесеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: «Въ двинскомъ районѣ около дер. Гарбуновки и сѣвернѣ Поневѣжской желѣзной дороги наши части, сбивъ нѣмцевъ, нѣсколько продвинулись впередъ.

«Между озерами Ильзенъ и Медмуское и южнѣ послѣдняго нѣмцы густыми цѣпами двинулись на наши окопы, но, встрѣченные сильнымъ огнемъ, отхлынули назадъ.

«На Черномъ моря нашъ миноносецъ разстрѣлялъ артиллерійскимъ огнемъ выучный обозъ, слѣдовавшій по прибрежной дорогѣ въ приморскомъ районѣ.

«Турецкая главная квартира въ своемъ официальномъ сообщеніи 8-го февраля указываетъ, что отступленіе турецкой арміи изъ Эрзерума на позиціи къ западу отъ этой крѣпости произошло безъ потерь и что въ крѣпости турками было оставлено только 50 старыхъ орудій, которыя они не могли увести съ собой. вмѣстѣ съ тѣмъ турецкая главная квартира опровергаетъ якобы распространяемые русскими данныя о взятіи подъ Эрзерумомъ 1000 орудій и 80,000 пѣльныхъ. То же сообщеніе турокъ подчеркиваетъ, что Эрзерумъ въ дѣйствительности не былъ крѣпостью, а являлся лишь не защищеннымъ городомъ, съ укрѣпленіями, не имѣющими никакого военнаго значенія.

«Въ виду изложеннаго, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщаетъ, что Эрзерумская крѣпость, какъ единственный укрѣпленный пунктъ внутри

Азіатской Турціи, прикрывающій Западную Арменію и Анатолю отъ Закавказья во внутрь Азіатской Турціи, совершенствовалась турками, при содѣйствіи германцевъ, въ теченіе уже многихъ лѣтъ. Сильная сама по себѣ, по условіямъ мѣстности, съ фронта, обезпеченная съ фланговъ чрезвычайно труднодоступными горными массивами, проходы черезъ которые запирались сильными фортами, она являлась мощной преградой на нашихъ путяхъ наступленія и представляла огромныя преимущества для обороны съ сѣверо-востока и востока. При пятидневномъ штурмѣ этой твердыни, защищавшейся турками съ настойчивостью, засвидѣтельствованной огромнымъ количествомъ оставленныхъ ими труповъ убитыхъ и замерзшихъ, кавказская армія, преодолевая обледенѣлыя кручи съ проволочными и иными загражденіями, послѣ артиллерійской подготовки пошла на штурмъ крѣпости.

«Штурмъ фортовъ главной позиціи велся съ 28-го января по 2-е февраля включительно. Послѣ захвата нами лѣвофланговыхъ фортовъ главной оборонительной линіи турокъ, имѣвшей протяженіе до 40 верстъ, судьба центральныхъ и правофланговыхъ фортовъ, а за ними и фортовъ второй линіи и главной ограды, была рѣшена, и 3-го февраля, послѣ короткихъ ударовъ, эти укрѣпленія, заваленныя трупами турокъ, остались въ нашихъ рукахъ. При штурмѣ крѣпости нѣкоторые турецкіе полки были или уничтожены, или взяты въ плѣнъ съ полнымъ команднымъ составомъ. Только на линіи фортовъ мы захватили 197 совершенно исправныхъ орудій различныхъ калибровъ, на центральной же оградѣ крѣпости намъ достались еще 126 орудій. Въ эрзерумскомъ укрѣпленномъ районѣ нами захвачены различнаго рода многочисленныя склады, о которыхъ уже сообщалось штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго, одновременно съ точной цифрой попавшихъ въ наши руки плѣнныхъ турокъ (235 офицеровъ и 12,753 нижнихъ чиновъ).

«О силѣ удара, нанесеннаго нами турецкой арміи, деморализованные остатки которой теперь отступаютъ въ беспорядкѣ къ западу, можно судить хотя по тому, что нѣкоторые трехдивизионные армейскіе корпуса насчитываютъ нынѣ въ своихъ рядахъ всего только до 3—5 тысячъ штыковъ съ нѣсколькими орудіями, все же остальное или попало въ наши руки, или погибло въ бояхъ и отъ морозовъ. По послѣднимъ даннымъ, плѣнные турецкіе офицеры и солдаты, захваченные нами въ эрзерумскомъ укрѣпленномъ районѣ и при дальнѣйшемъ преслѣдованіи, единогласно высказываютъ жалобы на свое верховное руководство, сосредоточившееся въ рукахъ нѣмцевъ. Послѣдніе во время штурма Эрзерумской крѣпости первыми оставили укрѣпленный районъ, чѣмъ усугубили панику и растерянность въ рядахъ уже дрогнувшихъ къ этому времени турецкихъ войскъ».

Къ сѣверу отъ Вердена продолжался напряженный бой, мѣстныя атаки нѣмцевъ отбиты. Къ западу отъ Дуомона французы вступили въ рукопашный бой и выбили непріятеля изъ небольшого редута. Въ Веврѣ нѣмцамъ удалось завладѣть дер. Мангелль, а въ Лотарингіи проникнуть въ нѣкоторыя выдвинутыя траншеи, откуда они были почти тотчасъ же вытѣснены. Британскіе солдаты у Альбера отразили атаку германцевъ.

Въ Месопотаміи генераль Эльмеръ обстрѣлялъ артиллерійскимъ огнемъ

неприятельскій лагерь на лѣвомъ берегу Тигра и послалъ карательный отрядъ для нападенія на лагерь къ сѣверу отъ Настріэ. Неприятель бѣжалъ.

16-го февраля командующій англійскими войсками въ Египтѣ генераль Максвелъ телеграфировалъ:

«Происшедшій 13-го февраля бой закончился рѣшительнымъ успѣхомъ. Неприятельскія силы, находившіяся подъ личнымъ командованіемъ брата Энвера-паши, Нури-бея, и занимавшія сильную позицію къ юго-востоку отъ Баррами, были атакованы южно-африканской пѣхотой, нанесшей поражение неприятелю въ то время, какъ дорсетширскіе іоманри произвели блестящую штыковую атаку, во время которой Нури-бей былъ убитъ, а главный его помощникъ Гаафаръ раненъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя другими турецкими офицерами. Кромѣ того, былъ взятъ одинъ пулеметь. Неприятель оставилъ на мѣстѣ боя свыше 200 убитыхъ и раненыхъ».

16-го февраля въ ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго состоялось поднесеніе Государю Императору жезла фельдмаршала англійской арміи особо командированными англійскимъ королемъ Георгомъ V генераломъ сэромъ Артуромъ Педжетомъ и капитаномъ лордомъ Пэмброкомъ.

17-го февраля сѣверо-западнѣе Фридрихштадта и надъ Двинскомъ нѣмецкіе аэропланы бросали бомбы. Въ Персіи, на керманшахскомъ направленіи преслѣдованіе противника продолжается.

Въ Шампани французскія батареи разрушили полевыя укрѣпленія нѣмцевъ въ районѣ высоты «193». Въ районѣ Вердена, на сѣверномъ фронтѣ, продолжалась бомбардировка. Нѣмцы окапываются на сѣверныхъ склонахъ высоты Пуавръ. На бельгійскомъ фронтѣ два германскихъ аэростата оборвали привязи и упали въ море. Находившіяся въ гондолахъ нѣмцы взяты въ плѣнъ. Германскій альбатросъ былъ сбитъ англичанами у Мервиля, другой аэропланъ упалъ, объятый пламенемъ, въ германскихъ линіяхъ.

Французскій вспомогательный крейсеръ «Provence II» затонулъ въ средней части Средиземнаго моря. Всего съ крейсера «Provence II» спасено 870 человекъ.

18-го февраля въ районѣ озера Кангеръ нѣмцы обстрѣливали селенія Лапѣмажъ и Бигуанцемъ изъ морскихъ орудій. Надъ рижскимъ участкомъ появилось много нѣмецкихъ аэроплановъ, бросавшихъ бомбы. На Двинѣ, между Искюлемъ и Елизенгофомъ, противникомъ съ аэроплановъ было брошено нѣсколько бомбъ. Подъ Двинскомъ нѣмцы обстрѣливали 4-пудовыми минами наше расположеніе у Иллукста и въ районѣ Поневѣжской желѣзной дороги. Тяжелая артиллерія германцевъ обстрѣливала районъ озера Свентень. Наша артиллерія удачно дѣйствовала противъ Ново-Александровска и станціи Турмонть. Въ Галиціи, на фронтѣ Средней Стрыпы, германцы дважды пытались приблизиться къ нашимъ окопамъ, но каждый разъ были отражаемы огнемъ.

На эрзинджанскомъ направленіи кавказскаго фронта турки продолжаютъ отступать. Здѣсь нашей конницей найдены брошенныя турками 4 орудія. На битлисскомъ направленіи, подъ давленіемъ нашихъ войскъ, противникъ продолжаетъ отступать. Нами заняты Камахъ и Монастырь—Нарека—Ванкъ, что въ десяти верстахъ сѣверо-восточнѣе Битлиса.

Въ районѣ Вердена въ теченіе дня 18-го февраля не происходило пѣхотныхъ боевъ. Непріятель обстрѣливалъ позиціи къ западу отъ Мааса между Маланкуромъ и Форжемъ, а также къ востоку отъ Мааса въ районѣ Во и Данлу и въ Веврѣ у Френъ. Французская артиллерія поддерживала энергичный огонь на всемъ фронтѣ. На англійскомъ фронтѣ произошло 20 воздушныхъ боевъ. Германскій гидропланъ сбросилъ нѣсколько бомбъ на юго-восточное побережье Англии. Итальянцы расширили и закрѣпили за собою линію къ западу отъ Монтъ-Мармолака въ области Монтенеро.

19-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ къ сѣверу отъ м. Чарторійскъ противникъ пытался переходить въ наступленіе, но былъ разсѣянъ огнемъ нашей артиллеріи.

На кавказскомъ фронтѣ наши части продолжали тѣснить противника. На битлисскомъ направленіи турки въ районѣ Мезре пыгались перейти въ наступленіе, но были отражены. Въ настоящее время борьба въ этомъ районѣ ведется въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ при полномъ бездорожьи, сильномъ морозѣ и глубокомъ снѣгѣ. По только что полученнымъ свѣдѣніямъ, въ ночь на 19-е февраля нашими войсками штурмомъ взятъ городъ Битлисъ. Въ бою взято 6 орудій. Среди взятыхъ въ плѣнъ турокъ находится 17 офицеровъ, въ томъ числѣ одинъ командиръ полка.

Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена и въ Веврѣ дѣятельность непріятельской артиллеріи значительно усилилась на всемъ протяженіи фронта и преимущественно у Мортгомъ, высоты Пуавръ и въ дуомонскомъ районѣ. Въ дуомонскомъ районѣ французами отражены нѣсколько ожесточенныхъ атакъ. Въ остальныхъ частяхъ западнаго фронта происходили артиллерійскіе и воздушные бои. Англичане вернули траншеи на берегу канала Ипръ—Комминъ.

20-го февраля французскія войска въ Артуа отразили атаку непріятеля, желавшаго вытѣснить ихъ изъ воронки, которую они заняли близъ дороги Невилль—Лафоли. Въ Аргоннахъ французы обстрѣляли въ районѣ къ юго-востоку отъ Вокюа германскія полевые укрѣпленія и разрушили многія прикритія. Въ районѣ Вердена въ теченіе всего дня 20-го февраля шла сильная артиллерійская перестрѣлка на лѣвомъ берегу рѣки Мааса, у возвышенности «304» и Котъ-де-л'Уа. На правомъ берегу непріятель послѣ усиленнаго артиллерійскаго обстрѣла лѣса Одремонъ на востокъ отъ высоты Пуавръ, направилъ на позиціи французовъ атаку, которая была остановлена пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ французовъ. Утромъ германцамъ вновь удалось удержаться въ деревнѣ Дуомонъ, откуда французы ихъ 19-го февраля вечеромъ вытѣснили контръ-атакой. Продолжался ожесточенный бой съ колебаніями въ ту и другую сторону изъ-за обладанія деревнею. Въ Веврѣ происходила артиллерійская перестрѣлка средняго напряженія. Въ Лотарингіи, въ районѣ прудовъ Тавильра, французы заняли послѣ артиллерійской подготовки нѣсколько частей непріятельской траншеи, взявъ около 60 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера, и захвативъ 2 пулемета и 1 бомбометъ.

У Иллукста нами 20-го февраля было взорвано 14 горновъ, за образовавшіяся воронки велась ожесточенная борьба; 6 воронокъ прочно были заняты нами. Въ одной изъ воронокъ нѣмцы, понесшіе большія потери, окру-

жены въ полуразрушенномъ блокаузѣ. Около трехъ часовъ ночи 20-го февраля нѣмцы послѣ полуторачасовой артиллерійской подготовки атаковали дер. Алсевичъ, южнѣе м. Крошинъ (10 верстъ восточнѣе станціи Барановичи), атака была отбита огнемъ.

21-го февраля въ Бельгіи къ югу отъ Ломбартзейде огнемъ французской артиллеріи разрушены непріятельскія траншеи. Въ Аргоннахъ французскія батареи обстрѣляли сильнымъ огнемъ траншеи и пути сообщенія непріятели въ областяхъ Отъ-Шевоше и Бурэль, гдѣ вспыхнулъ пожаръ. Въ районѣ Вердена бой, ограничивавшійся предѣлами деревни Дуомонъ, 20-го февраля вечеромъ распространился. Въ шесть часовъ вечера непріятели послѣ ожесточенной бомбардировки повелѣ противъ нашихъ линій между лѣсомъ Одремонъ и фортомъ Дуомонъ яростную атаку, отраженную встрѣчнымъ огнемъ французской артиллеріи и пѣхоты. На семь фронтѣ въ теченіе ночи къ востоку отъ Мааса и западу на Мортонмъ и Котъ-де-л'Уа продолжалась довольно интенсивная бомбардировка.

21-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на фронтѣ войскъ генерала Иванова нашими развѣдчиками было истреблено нѣсколько непріятельскихъ полевыхъ карауловъ. Кромѣ того, нашими развѣдчиками заняты передовой непріятельскій окопъ у предмостнаго укрѣпленія въ районѣ Михалче (сѣверо-западнѣе Усѣчко) и отбиты три контръ-атаки противника, пытавшагося овладѣть этимъ окопомъ. На Днѣстрѣ у Замушина нами взорваны горны, взрывомъ разрушена часть непріятельскихъ загражденій. Воронка и отдѣльные передовые окопы противника заняты нашими частями.

Въ Шампани германцы предприняли атаку противъ французскихъ позицій между Монтетю и Мезонъ де-Шампань. Къ западу отъ рѣки Мааса германцы произвели стремительную атаку на селеніе Форжъ и заняли его. Вслѣдствіе ожесточенной атаки германской дивизіи высота «265» занята нѣмцами.

На бельгійскомъ фронтѣ продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка.

Значительная часть турецкихъ войскъ и артиллеріи эвакуирована съ Дарданеллъ и направлена на кавказскій фронтъ.

22-го февраля артиллерія противника вела оживленный огонь по юго-восточному району острова Далена. Стрѣльба корректировалась при помощи пяти аэростатовъ. На двинской позиціи, у Иллукста, продолжалась оживленная бомбометная и минометная борьба за воронки.

На кавказскомъ фронтѣ наши части продолжали тѣснить турокъ отъ Мапаври, захвативъ еще одно орудіе. Въ Персіи нами занятъ переваль въ сорока верстахъ западнѣе Керманшаха.

23-го февраля въ Аргоннахъ, въ районѣ Авокура специальныя орудія французовъ сбили германскій аэропланъ, который упалъ на нашихъ линіяхъ. Два раненыхъ летчики были взяты въ плѣнъ. Къ западу отъ рѣки Мааса бомбардировка снарядами большого калибра продолжалась съ большой напряженностью въ теченіе всего дня. Непріятель участилъ дѣйствія пѣхоты между Бетенкуромъ и рѣкой Маасомъ. Эти атаки были отбиты, за исключеніемъ произведенной въ участкѣ лѣса Корбо, гдѣ непріятели удалось закрѣпиться. Къ востоку отъ рѣки Мааса послѣ ожесточеннаго артиллерійскаго боя въ районѣ

лѣса Ардомонъ германцы проникли въ редуть, откуда французская контръ-атака немедленно ихъ выбила.

Въ Веврѣ непріятель занялъ деревню Френъ послѣ боя, стоившаго ему весьма значительныхъ потерь. Въ Вогезахъ французы обстрѣляли изъ орудій непріятельскія расположенія въ Дифенбахѣ къ востоку отъ Мюльбаха и траншеи противника въ районѣ Ратвиллера.

24-го февраля въ районѣ къ востоку отъ Мэзонъ-де-Шампань французы повели атаку, которая дала имъ возможность вернуть часть траншей, занятыхъ непріателемъ 22-го февраля. Во время этой операціи французы взяли 85 плѣнныхъ, изъ нихъ 3 офицеровъ, и захватили одинъ пулеметь. Контръ-атака непріятеля, направленная немного позже на занятые французами позиціи, была отражена. Въ Аргоннахъ французская артиллерія обстрѣляла дороги въ районѣ Монфоконъ, гдѣ были замѣчены автомобильные транспорты. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена не произошло никакихъ переменъ. Въ теченіе ночи съ 23-го на 24-е февраля нѣмцы продолжали обстрѣль фронта къ западу отъ р. Мааса, но не пытались производить атакъ пѣхотою. Французскія батареи энергично отвѣчали на непріятельскіе выстрѣлы въ этомъ секторѣ, какъ и къ востоку отъ Мааса, гдѣ бомбардировка происходила съ перерывами. Въ Веврѣ велся весьма оживленный артиллерійскій бой. Французы бомбардировали Бланже и Гримокуръ и ближайшія окрестности Френа. Атака непріятеля на желѣзную дорогу и на дорогу въ Манэль разбилась о встрѣчный огонь французской артиллеріи и пѣхоты.

24-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на рижскомъ участкѣ наша артиллерія неоднократно прекращала работы нѣмцевъ и принуждала къ молчанію нѣмецкія батареи. На двинской позиціи, у Иллукста, продолжается борьба за воронки: всѣ попытки нѣмцевъ овладѣть воронками отбиты. Южнѣ Поневѣжской желѣзной дороги нѣмцы были нами потѣснены,¹ и мы нѣсколько продвинулись впередъ. Къ сѣверо-востоку отъ станціи Олыка (на линіи Ковель—Ровно) противникъ дважды пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но каждый разъ съ большими потерями былъ отражаемъ нашимъ огнемъ. Въ районѣ Верхней Стрыпы большая партія противника было подпущена безъ выстрѣла на 50 шаговъ къ нашимъ окопамъ, а затѣмъ разсѣяна огнемъ. Къ сѣверу отъ Бояна наши развѣдчики уничтожили заставу противника.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши части продолжаютъ тѣснить турокъ. 23-го февраля мы овладѣли городомъ Ризе. Въ Персіи нами занятъ городъ Сеннэ, что въ 50 верстахъ сѣвернѣ Керманшаха.

Атака значительныхъ силъ противника на французскія позиціи у Бетанкура отражена. Контръ-атакой въ лѣсу Корбо французы выбили нѣмцевъ изъ большей части этого лѣса. Къ районѣ Дуомона нѣмцы тщетно пытались атаковать французскія линіи; въ результатъ пѣхотнаго боя непріятелю удалось занять Ардомонъ.

Германскій посланникъ въ Лиссабонѣ получилъ приказъ потребовать свои паспорта. Португальскому посланнику въ Берлинѣ паспорта вручены.

25-го февраля пытавшаяся переправиться черезъ Двину около Шлосъ-

Коккенхузена партія нѣмцевъ была отогнана нашимъ огнемъ. У Иллукста нашими развѣдчиками была уничтожена застава противника и взяты плѣнные. Къ сѣверо-востоку отъ станціи Олыка наши развѣдчики, ворвавшись въ окопъ противника, перекололи часть находившихся въ немъ, а часть захватили въ плѣнъ. Въ Галиціи, въ районѣ Цеброва, наступленіе противника подъ прикрытіемъ ураганнаго огня было отбито нашимъ ружейнымъ огнемъ, причеиъ нами захвачены плѣнные. На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши части отбѣснили турокъ за р. Калапотамось.

Германія объявила войну Португаліи.

Французскія войска къ западу отъ Мааса продолжали продвигаться въ лѣсу Корбо. Атака непріятеля и штурмъ сел. Во были отбиты съ тяжелыми потерями для непріятеля. Въ Эльзасѣ французскія войска заняли участокъ непріятельскихъ траншей въ районѣ Антреларгъ, къ востоку отъ Сеппуа. Французскія батареи разрушили въ Эльзасѣ германскія траншеи на высотѣ «425».

Контръ-миноносецъ «Voquette» и миноносецъ № 11 наткнулись на мины у восточнаго побережья Англій и затонули. Погибло 45 человекъ.

Британскія войска генерала Эльмера достигли Эссиуна къ востоку отъ Куть-эль-Амары, но имъ не удалось выбить непріятеля оттуда. Британскія войска въ Восточной Африкѣ овладѣли переправами черезъ р. Луми и отбили контръ-атаки противника.

26-го февраля штабъ Верховнаго Влавнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Верхней Стрыпы, къ востоку отъ гор. Козлова, наши развѣдчики разсѣяли охраненіе противника, захвативъ плѣнныхъ. Въ отвѣтъ на это противникъ значительными силами перешелъ въ контръ-атаку; при содѣйствіи нашей артиллеріи эта контръ-атака была отбита съ большими для врага потерями.

27-го февраля на бельгійскомъ фронтѣ союзники открыли разрушительный огонь по непріятельскимъ траншеямъ и соединительнымъ ходамъ въ районѣ Стеенстраате, въ окрестностяхъ Биксхооте. Въ Артуа, къ востоку отъ Невилля, французы взорвали мину и заняли образовавшуюся воронку. Между Соммой и Уазой французы подвергли обстрѣлу германскія полевые укрѣпленія въ районѣ Эрбекуръ, Локуръ и Бевренъ. Къ сѣверу отъ Эна продолжалась оживленная перестрѣлка въ районѣ лѣса де-Бюттъ, къ югу отъ Виль-о-Буа. На лѣвомъ берегу Мааса артиллерійская перестрѣлка была менѣе оживленной въ теченіе дня. На правомъ берегу перестрѣлка оставалась усиленной въ районѣ къ западу отъ Дуомона и была значительно слабѣе въ остальныхъ пунктахъ участка, а также и въ Веврѣ. Непріятель не пытался производить шѣхотныхъ атакъ на всемъ протяженіи французскаго фронта. По послѣднимъ извѣстіямъ, безуспѣшныя атаки, направленныя непріятелемъ на французскія траншеи къ западу отъ Дуомона, причинили ему большой уронъ. Германцы три раза шли въ атаку на французовъ, каждый разъ четырьмя колоннами, но, скашиваемые артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ, должны были отступить, оставивъ поле усѣянными трупами. 27-го февраля въ районѣ Дуомона одинъ изъ французскихъ аэроплановъ сбиль непріятельскій аэропланъ типа фоккера, который, объятый пламенемъ, упалъ въ непріятельскія линіи.

В течение ночи на 27-е февраля германцы продолжали, как и накануне, предпринимать ожесточенные атаки в район Вердена, направляя главные усилия на запад на плоскогорье, господствующее над Мортгоммом и к востоку от района селения Во. Однако, в общем, оба натиска неприятеля потерпели неудачу. Неприятелю удалось занять несколько домов на восточной окраине селения Во, но огонь французов помешал им взобраться по склонам форта перед проволочными заграждениями.

Днем 27-го февраля деятельность неприятеля как будто ослабла; неприятель продолжал бомбардировку с меньшим напряжением, пехотных боев не происходило. Временное затишье объясняется необходимостью пополнить полки, которые вчера, в особенности у Дуомона, потерпели страшный урон. Германские потери увеличиваются с каждым днем, что является самым верным залогом победы французов.

На фронте итальянцев продолжалась упорная артиллерийская перестрелка и мелкие стычки, благоприятные для итальянцев.

28-го февраля штаб Верховного Главнокомандующего извещил, что противник обстреливал наши окопы около Берземюнде минами большого калибра. В Галиции, на Днестр, наши разведчики атаковали дер. Латань и, несмотря на сильный огонь, ворвались в неприятельские окопы. 25-го февраля наши два миноносца, производившие разведку вблизи Варны, были атакованы неприятельскими подводными лодками, причем один из них «Лейтенант Пущин» был взорван. Часть команды была спасена другим миноносцем.

В Персии, на багдадском направлении наши войска заняли город Керинд.

В район Вердена наблюдалось временное ослабление напряженности борьбы. На обоих берегах Мааса происходила довольно ожесточенная артиллерийская перестрелка. В район Этен происходили воздушные столкновения, удачные для наших союзников. На английском фронте неприятель вел минную борьбу; у Ипра шел артиллерийский поединок. Английский вспомогательный крейсер «Fauvette» был потоплен миной у восточного побережья Англии.

28-го февраля колонна британской пехоты атаковала передовые турецкие позиции на Тигр и, переколов значительное число турок, отошла, захватив в плен 50 турецких солдат при 2 офицерах.

29-го февраля на фронте рижского района происходила обычная перестрелка и поиски разведчиков. Немецкий бронированный автомобиль, пытавшийся от Репе обстреливать наши окопы, был отогнан нашей артиллерией. Во время артиллерийской перестрелки в район Иксюля были замечены удачные попадания наших снарядов в немецкие батареи и в группы немцев, пытавшихся подойти к дер. Борковиц. В якобштадтском участке немцы обстреливали окрестности станции Н. Зельбург. В окрестностях Тенненфельда, на фронте двинских позиций, велась оживленная артиллерийская, ружейная и минометная стрельба. В Галиции, в район к юго-востоку от Колки, и на Средней Стрыпе было несколько удачных для нас

столкновений съ частями непріятельскаго охраненія; одинъ изъ полевыхъ карауловъ непріятеля, въ составѣ 30 человекъ, былъ полностью взятъ въ плѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ рѣки Калапотамосъ мы вновь потѣснили турокъ. Въ Персіи за время керманшахской операціи нашими войсками было захвачено у противника 8 орудій.

Въ Верхнемъ Эльзасѣ французскимъ артиллерійскимъ огнемъ остановлены атаки германцевъ къ востоку отъ Сеппуа. Въ районѣ Вердена произошли многочисленныя воздушныя бои; французами было сбито три германскихъ аэроплана. Германцы потеряли въ Бельгіи два цеппелина, которые при паденіи произвели разрушеніе нѣсколькихъ домовъ.

Генераль Смэтсъ доносилъ изъ Восточной Африки: «29-го февраля мы заняли Моши и двинулись далѣе, по направленію къ Арушѣ. Эта мѣстность, вѣроятно, эвакуирована германцами, спѣшно отступающими въ южномъ направленіи. Непріятель при отступленіи пользуется Тангоской желѣзной дорогой; наше преслѣдованіе замедляется большимъ числомъ рѣкъ, пересекающихъ путь. Получены дополнителныя донесенія, что у холмовъ Китово насчитано еще 70 человекъ убитыми; въ кустарникахъ и на склонахъ холмовъ также обнаружено значительное количество непріятельскихъ труповъ. Кроме того, нашими войсками найдены одно орудіе и три пулемета, брошенные непріятелемъ».

1-го марта южнѣе озера Бабитъ латышская часть ворвалась въ окопы противника и, переколовъ непріятеля, благополучно возвратилась. Въ Галиціи, юго-восточнѣе с. Подкамень и въ районѣ средняго теченія Стрыпы, наши развѣдчики продолжаютъ удачно дѣйствовать противъ охраненія непріятеля. Вновь ими захвачены плѣнные.

1-го марта французское официальное сообщеніе гласило:

«Къ сѣверу отъ рѣки Эна германцы трижды пытались проникнуть въ наши траншеи, расположенныя у опушки къ сѣверо-западу отъ лѣса де-Бюттъ. Ни одна изъ этихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ. Въ Аргоннахъ наша артиллерія подвергла успѣшному обстрѣлу участокъ Фуръ-де-Пари, гдѣ произошелъ взрывъ склада снарядовъ, а также обстрѣляла желѣзнодорожныя пути, шоссе и сооруженія непріятеля въ районѣ Монфоконъ—Авокуръ. Къ западу отъ рѣки Мааса обстрѣлъ снарядами крупныхъ калибровъ принялъ удвоенно-ожесточенный характеръ противъ нашихъ позицій отъ Бетенкура до Кюмбера. Днемъ германцы произвели на этомъ участкѣ весьма сильную атаку. Они были отражены на общемъ протяженіи фронта и понесли серьезныя потери; имъ удалось удержаться лишь въ двухъ пунктахъ нашихъ траншей между Бетенкуромъ и Мортотомомъ. Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ артиллерія съ обѣихъ сторонъ была въ теченіе дня очень дѣятельна. Пѣхотныхъ боевъ не было. Къ сѣверу отъ Сентъ-Міаля наши батареи обстрѣляли имѣющіе большое значеніе крупныя бараки непріятеля въ лѣсу Гэдикуръ, чѣмъ вызвали крупный пожаръ на желѣзнодорожной станціи и въ складахъ въ Ламаршъ-анъ-Веврѣ. Въ Лотарингіи наши орудія обстрѣляли непріятельскую колонну къ сѣверо-востоку отъ Дельмъ. Въ Вогезахъ артиллерія, какъ наша,

такъ и непріятеля, проявляла дѣятельность на участкѣ Шаплоттъ и въ долину Тюръ. Внезапныя нападенія, произведенныя на непріятельскія траншеи у Штосвейра и Карспаха, дали намъ возможность захватить около 60 плѣнныхъ и значительное количество военныхъ припасовъ, причемъ съ нашей стороны потерь не было. 6 нашихъ летательныхъ аппаратовъ, приспособленныхъ для бомбардировки, и 5 двухмоторныхъ аэроплановъ сбросили 42 снаряда крупнаго калибра надъ вокзаломъ Бриэлль. Сегодня произошли весьма многочисленныя столкновенія въ воздухѣ въ верденскомъ районѣ. При этомъ отчетливо можно было видѣть, какъ три германскихъ аэроплана, сбитые нашими, упали въ германскихъ линіяхъ. Одинъ изъ нашихъ летательныхъ аппаратовъ, подвергшійся нападенію четырехъ непріятельскихъ, къ востоку отъ Люръ, принялъ бой и сбиль одного изъ противниковъ, упавшаго въ районѣ Сернэ. Французскій аэропланъ вернулся безъ поврежденій въ наши линіи».

На остальныхъ фронтахъ преимущественно велись обычныя непрерывныя артиллерійскія перестрѣлки.

2-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ что надъ окрестностями Фридрихштадта появлялся нѣмецкій аэропланъ, скрывшійся послѣ открытія огня нашей артиллеріи. Вблизи Якобштадта происходила оживленная перестрѣлка. Подъ Двинскомъ, въ окрестностяхъ Иллукста и Поневѣжской желѣзной дороги, наша артиллерія разсѣяла большой обозъ противника. Между озерами Медмуское и Демменъ нами были удачно обстрѣяны двигавшіяся цѣпи противника. Къ югу отъ Припяти и въ Галиціи, въ районѣ Стрыпы, было нѣсколько удачныхъ для насъ столкновений съ частями непріятельскаго охраненія.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи турокъ нами вновь взято было въ плѣнъ 21 офицеръ и 336 аскеровъ и захвачено 2 горныхъ орудія.

2-го марта французское официальное сообщеніе гласило: «Въ Бельгіи мы подвергли дѣйствительному артиллерійскому обстрѣлу непріятельскія траншеи въ районѣ Гетзасъ—Лангемаркъ. На сѣверѣ отъ рѣки Эна мы обстрѣляли артиллерійскимъ огнемъ подступы къ Виль-о-Буа. Въ Шампани мы атаковали германскія позиціи къ югу отъ Сень-Супло. Атака эта дала намъ возможность захватить непріятельскую траншею и взять въ плѣнъ нѣсколько челоуѣкъ. Къ западу отъ р. Мааса бомбардировка замѣтно ослабѣла за истекшія сутки на фронтѣ Бетенкуръ—Кюмберъ, гдѣ никакихъ дѣйствій пѣхоты не наблюдалось. На правомъ берегу происходила довольно сильная дѣятельность въ районѣ Во-Дамлу. Наши выдвинутыя впередъ части имѣли нѣсколько стычекъ съ метаніемъ ручныхъ гранатъ на восточныхъ склонахъ у форта Во. Въ Веврѣ шла бомбардировка селеній у подножья Маасскихъ высотъ. Наша артиллерія проявила большую дѣятельность по всему этому фронту, особенно къ востоку отъ лѣса Веврилль, гдѣ былъ разсѣянъ артиллерійскій обозъ, и вокругъ мельницы Аннонсель, къ сѣверу отъ Френа-въ-Веврѣ, гдѣ нашъ огонь вызвалъ сильный взрывъ въ германской батарее».

2-го марта изъ Каира официально сообщили: 1-го марта генералъ Пейтонъ занялъ Соллумъ, причемъ непріятель оказалъ лишь слабое сопротивленіе, взорвавъ еще въ понедѣльникъ свои склады боевыхъ припасовъ. Наши блин-

дированные автомобили, кавалерія и отрядъ на верблюдахъ преслѣдоваль непріятеля, захвативъ у него 9 пулеметовъ и взявъ въ плѣнъ около 28 чело-дѣкъ, въ томъ числѣ 3 офицеровъ; противникъ потерялъ около 50 человекъ убитыми, въ числѣ ихъ трехъ офицеровъ. Лагерь непріятеля въ нашихъ рукахъ. Мы захватили значительное количество артиллерійскихъ снарядовъ и уничтожили свыше 250.000 свертковъ ружейныхъ патроновъ» .

На итальянскомъ фронтѣ замѣчено нѣкоторое оживленіе. 2-го марта итальянская главная квартира доносила:

«Въ альпійской зонѣ отъ Тонале до вершинъ Феллы наша артиллерія развиваетъ усиленную дѣятельность. Одновременныя наступательныя дѣйствія нашей пѣхоты вызываютъ контръ-выступленія непріятельской пѣхоты, которая является полезной мишенью для нашихъ батарей. Вдоль фронта Изонцо въ теченіе вчерашняго дня происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка и отрядами нашей пѣхоты были произведены новыя атаки. Мы продвинулись въ зонѣ Ромбонъ (Конка—Плецо) и на высотѣ, господствующей надъ Люцинико. Къ юго-востоку отъ Санъ-Мартино-дель-Карсо послѣ сильной артиллерійской подготовки непріятель атаковалъ одну изъ позицій, занятыхъ нами наканунѣ, но былъ отброшенъ, понесъ серьезныя потери, однако вслѣдствіе сосредоточеннаго огня непріятельской артиллеріи всѣхъ калибровъ, продолжавшагося весь день, мы были принуждены эвакуировать ночью небольшой редутъ, дабы избѣжать бесполезныхъ потерь. Во время смѣлыхъ набѣговъ нашей пѣхоты мы захватили около 30 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 3 офицеровъ, ружья, военные припасы и прочій военный матеріалъ».

3-го марта въ районѣ острова Далена происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Подъ Двинскомъ, въ районѣ Иллукста и Поневѣжской желѣзной дороги противникъ бросалъ ручныя гранаты, начиненныя особымъ составомъ.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи турокъ нами вновь было взято въ плѣнъ 19 офицеровъ, въ томъ числѣ два врача, и болѣе 250 нижнихъ чиновъ регулярной пѣхоты (аскеровъ). Кромѣ того, еще захвачено было знамя одного полка.

Французское офиціальное сообщеніе отъ 3-го марта говорило:

«Въ Бельгіи нашими патрулями установлено, что разрушительный огонь нашей артиллеріи, направленный нами вчера вечеромъ противъ германскихъ расположеній въ районѣ Ньюпора, совершенно разрушилъ соединительные траншейные ходы, причемъ непріятель понесъ значительныя потери убитыми. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена въ теченіе ночи пѣхотныхъ боевъ не происходило. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса поддерживалась лишь слабая бомбардировка; интенсивнѣе бомбардировка была на правомъ берегу рѣки въ районѣ Годромонъ—Данлу. Наша артиллерія подвергла ожесточенному обстрѣлу районъ, расположенный къ западу отъ Дуомона, гдѣ непріятель производилъ земляныя укрѣпленія. Въ Веврѣ мы обстрѣляли нѣсколько непріятельскихъ обозовъ съ провіантовъ. Къ востоку отъ Апремонскаго лѣса внезапнымъ нападеніемъ на германскую траншею мы нанесли нѣкоторый уронъ непріятелю и захватили плѣнныхъ. Въ Богезахъ, къ югу отъ Тюръ, германцы

произвели атаку на нашу позицію близъ Бурнгаупта, которая была остановлена нашей огневой завѣсой. Непрiятель не былъ въ состоянiи войти до нашихъ траншей».

Французская главная квартира сообщила слѣдующее о результатахъ операціи въ районѣ Вердена.

Въ общемъ можно констатировать:

1) Положеніе къ востоку отъ Мааса со времени сообщенія отъ 5-го марта оставалось безъ перемѣнъ. Противникъ находился все время на линіи, проходящей къ сѣверу отъ Пуавра черезъ Дуомонъ, Де-Во и Данлу. Колебанія, которымъ подверглась эта линія за истекшіе дни, подъ влияніемъ ежедневныхъ боевъ, осозательно ея не измѣнили. Сопротивленіе французовъ явно разстраивало всѣ усилія германцевъ.

2) Атака французскаго фронта къ западу отъ Мааса была предусмотрена съ начала наступленія на Верденъ и получила развитіе 6-го марта. Взятіе форта и высоты «265», явившееся результатомъ этой атаки, не смутило французовъ. Деревня Форжъ, на берегу ручья того же наименованія, находится въ болотистой долинѣ и не была подготовлена для сопротивленія; она должна разсматриваться, какъ слабо занятая передовая позиція. Высота «265» не давала прочнаго положенія съ тѣхъ поръ, какъ наступленіе противника на правомъ берегу позволило его батареямъ занять позиціи для сосредоточеннаго огня и допустило продвиженіе пѣхоты вдоль Мааса къ Реневиллю. Взятіе всего этого стоило противнику трехъ дней и сильныхъ атакъ, веденныхъ цѣлымъ армейскимъ корпусомъ. Французскія войска тогда же отошли на главныя позиціи, къ линіи высотъ Мортонмъ, лѣса Корбо-Кюмберъ и высотъ Уазы, причемъ всѣ атаки на этой линіи получили рѣшительный отпоръ и давали лишь минутные успѣхи.

4-го марта къ западу отъ р. Мааса атакующія сильныя колонны противника на французскія позиціи у Мортomma не могли нигдѣ задержаться и принуждены были отступить. Атаки непрiятеля противъ итальянскихъ позицій на Карсо отброшены. Итальянцы удержали занятые ими позиціи.

Нѣмецкіе агенты въ Персіи добились вспышки междуусобія въ Керманѣ. Нѣмцы захватили арсеналъ и телеграфъ. Въ Керманѣ полная анархія. Нѣмцы разставляютъ мины и другія препятствія вдоль датскихъ территорiальныхъ водъ.

4-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ, что наша артиллерія удачно обстрѣливала расположеніе противника юго-восточнѣ Иксюля и у Томсдорфа. Подъ Двинскомъ наша артиллерія разогнала колонну противника, двигавшуюся юго-западнѣ д. Гарбуновки.

На кавказскомъ фронтѣ послѣ боя въ 90 верстахъ къ западу отъ Эрзерума нами были заняты гор. Мамахатунъ. За время мамахатунской операціи нами захвачено 5 орудій, пулеметы, обозъ и взято въ плѣнъ 44 офицера и 770 аскеровъ.

Къ сѣверу отъ рѣки Эна Французы отразили атаку непрiятеля къ юго-востоку отъ лѣса де-Бюттъ. Французскіе воздухоплавательные отряды 32 раза вступали въ бой съ непрiятеlemъ въ районѣ Вердена. Были сброшены 54 сна

вѣда въ Конфланѣ и надъ вокзаломъ гор. Меца. Германцы предпринимали пять атакъ въ районѣ Во. Подводная лодка союзниковъ пошла въ Мраморное море и обстрѣляла турецкое побережье противъ Принцевыхъ острововъ.

5-го марта, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ районѣ с. Ниткелишки (сѣвернѣ оз. Дрисвяты) противникомъ былъ взорванъ горнъ. Наступленіе сильной непріятельской развѣдывательной партіи южнѣ м. Тверечь (юго-западнѣ озера Богиньскаго) отбито было нашимъ огнемъ. Въ районѣ Липска (сѣвернѣ озера Выгоновскаго) противникъ пытался повести наступленіе, отбитое нашимъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи турокъ на эрзинджанскомъ направленіи наши войска захватили съ боя селеніе Котюръ (къ юго-западу отъ города Мамахатуна), причѣмъ противникъ, пытавшійся произвести контръ-атаку, былъ отброшенъ къ западу съ большими потерями.

5-го марта французское правительственное сообщеніе гласило: «Въ Бельгій наша артиллерія разрушила непріятельскія траншеи въ районѣ Бесинге. Между Узой и Эномъ мы обстрѣляли артиллерійскимъ огнемъ германскій отрядъ, направлявшійся въ Вассану на сѣверо-западѣ отъ Суассона. Къ западу отъ р. Мааса непріятель подвергъ довольно ожесточенному артиллерійскому огню районъ лѣса Буррю у р. Монтзевиля. На правомъ берегу послѣ усиленной артиллерійской подготовки непріятель направилъ въ теченіе дня рядъ атакъ на мѣстность, расположенную между селеніемъ Во и лѣсомъ къ югу отъ фермы Одремонъ. Атаки были остановлены нашимъ встрѣчнымъ огнемъ, и непріятель нигдѣ не могъ достигнуть нашихъ траншей. Наши батареи развили сильный огонь на всемъ протяженіи фронта, въ особенности въ Веврѣ, гдѣ ихъ огнемъ вызванъ взрывъ склада снарядовъ въ лѣсу Моранвилль. Въ Лотарингіи германцы предприняли атаку противъ нашихъ позицій въ районѣ Тавилль. Нѣкоторыя непріятельскія части, успѣвшія проникнуть въ нашу выдвинутую траншею, были тотчасъ же выбиты нашей контръ-атакой».

На всемъ итальянскомъ фронтѣ происходятъ столкновенія непріятельскихъ частей, сопровождаемыя артиллерійскимъ огнемъ. Германско-болгарскія войска заняли нѣсколько греческихъ деревень и произвели реквизицію съѣстныхъ припасовъ, но были вытѣснены французскими патрулями. Въ Персіи кучка бѣжавшихъ германскихъ и австрійскихъ агитаторовъ овладѣла городомъ Керманомъ. Керманскому губернатору съ трудомъ удалось бѣжать.

Въ виду войны между Португаліей и центральными державами испанское правительство сдѣлало декларацію о своемъ нейтралитетѣ.

6-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Въ рижскомъ участкѣ противникъ велъ оживленную артиллерійскую стрѣльбу по икскюльскому предмостному укрѣпленію и южнѣ его. Въ яacobшадскомъ участкѣ велась артиллерійская перестрѣлка въ сѣверной его части. Въ районѣ Видзы наша артиллерія обстрѣливала германскіе окопы. У с. Медзаны южнѣ Твереча непріятель пытался переходить въ наступленіе, но былъ отбитъ. Непріятельская артиллерія открывала огонь по району м. Сморгонь. Въ районѣ Верхней Стрыпы наши развѣдчики овладѣли окопомъ противника. Контръ-атака противника отбита огнемъ. Въ томъ же районѣ отражена попытка противника приблизиться къ д. Юзефовкѣ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы потопили вблизи болгарскихъ береговъ пароходъ съ грузомъ бензина, причемъ подверглись безрезультатной атакѣ непріятельскихъ аэроплановъ, сбросившихъ 8 бомбъ. Команда съ парохода взята на миноносцы.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи турокъ нами было вновь захвачено въ районѣ Мамахатуна два полевыхъ орудія.

На французскомъ фронтѣ непріятель произвелъ 5-го марта къ концу дня довольно сильную атаку противъ французскаго фронта на линіи Во—Дамлу, однако, былъ отраженъ сосредоточеннымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французовъ и потерпѣлъ полную неудачу. Въ теченіе ночи съ 5-го на 6-е марта выступлений непріятельской пѣхоты не было. Во всѣхъ секторахъ верденскаго района происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ Вердена одинъ изъ французскихъ летчиковъ сбилъ непріятельскій аппаратъ, который упалъ, объятый пламенемъ, въ французскихъ линіяхъ около Монзевилля. Пять французскихъ аппаратовъ, снабженныхъ двумя поворами, бомбардировали Саблонскій вокзалъ въ Мецѣ и непріятельскіе склады снарядовъ около Шато-Салэнъ, а также аэродромъ въ Діэзѣ. Во время налета было сброшено 30 снарядовъ большого калибра, изъ которыхъ 20 надъ вокзаломъ въ Мецѣ. Одна изъ воздушныхъ эскадръ французовъ въ составѣ 23 аппаратовъ сбросила 72 снаряда надъ авіаціоннымъ паркомъ въ Габстеймъ и надъ товарной станціей въ Мюльгаузенѣ. Непріятельскіе аппараты, поднявшіеся для преслѣдованія французскихъ аэроплановъ, завязали съ ними воздушный бой, во время котораго одинъ изъ французскихъ аппаратовъ и одинъ германскій принудили другъ друга къ спуску пулеметнымъ огнемъ. Два другихъ германскихъ аппарата упали на землю, охваченные огнемъ. Въ свою очередь, три французскихъ аппарата, получившіе серьезныя поврежденія, вынуждены были спуститься на непріятельской территоріи.

6-го марта къ сѣверу отъ Реймса французская артиллерія обстрѣляла разрушительнымъ огнемъ непріятельскія траншеи у Ла-Невилль и фермы Года. Въ районѣ Вилль-о-Буа замѣчалась усиленная дѣятельность нашей батареи. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена бомбардировка въ теченіе дня 6-го марта замѣтно ослабѣла. Непріятель не дѣлалъ попытокъ атакъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Сень-Міэля французская тяжелая артиллерія обстрѣляла непріятельскіе склады провіанта въ Варвинѣ.

Итальянскія войска при поддержкѣ артиллеріи заняли позицію Гельбевандъ къ сѣверо-востоку отъ Гофъ-ди-Монтазіо. Въ районѣ Тольмино послѣ ожесточенныхъ атакъ непріятелю удалось утвердиться въ части итальянскихъ позицій.

6-го марта весьма усиленная дѣятельность артиллеріи рисовалась на фронтѣ бельгійской арміи, въ особенности въ районѣ Диксмюде, къ сѣверу отъ Стен-страате.

7-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ районѣ озера Кангеръ партія нѣмцевъ, пытавшаяся проникнуть черезъ наше расположеніе, была разогнана огнемъ. Южнѣе двинскаго района на нѣкоторыхъ участкахъ завязались оживленные артиллерійскіе бои и бои пѣхоты. Атаки

противника южнѣ озера Дрисвяты отбиты нашимъ огнемъ. Въ районѣ восточнѣ мѣстечка Тверечь нами съ боемъ занято Великое Село. Въ районѣ южнѣ того же мѣстечка, при отбитіи атакъ противника, нами захвачены два пулемета. Между озерами Нарочь и Вишневское нашими войсками, послѣ боя, заняты д. Занапочъ и часть окоповъ противника у с. Островляны. Въ Галиціи, на Днѣстрѣ, наши части энергичнымъ ударомъ и при содѣйствіи артиллеріи овладѣли окопами и предмостнымъ укрѣпленіемъ восточнѣ с. Михальче.

На кавказскомъ фронтѣ турки дѣлали въ различныхъ мѣстахъ попытки продвинуться впередъ, но всѣ онѣ были прекращены нашимъ огнемъ съ суши и съ моря. При продолжающемся преслѣдованіи противника наши части вновь взяли въ плѣнъ нѣсколько турецкихъ офицеровъ, болѣе полутораста аскеровъ и захватили пулеметы.

7-го марта французское официальное сообщеніе увѣдомляло о слѣдующемъ:

«Къ западу отъ рѣки Мааса непріятель открылъ довольно сильный орудійный огонь противъ района къ югу отъ Маланкура. Къ востоку отъ Мааса германцы, послѣ артиллерійской подготовки, произвели небольшую атаку противъ нашихъ позицій у высоты Пуавръ, закончившуюся полной неудачей. Въ районѣ Во идетъ артиллерійскій бой съ перерывами. Въ Веврѣ ночь съ 6-го на 7-ое марта прошла спокойно, за исключеніемъ довольно сильнаго артиллерійскаго огня у Эпаржа.

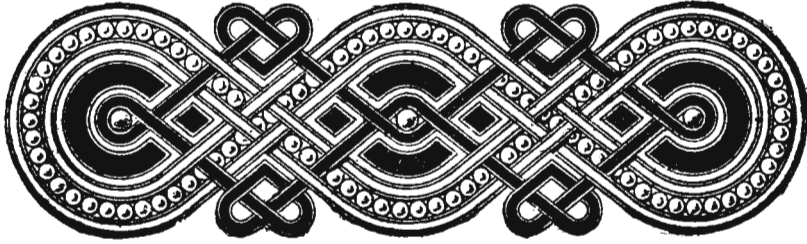
7-го марта утромъ, около четырехъ часовъ, англійскіе, французскіе и бельгійскіе летательные аппараты бомбардировали авіаціонный паркъ въ Гуттаве, къ востоку отъ Остенде. Въ этомъ дѣлѣ участвовали 19 французскихъ аппаратовъ. Всѣ они вернулись цѣлыми».

ЕГОРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АНДРЕЕВИЧЪ

(въ своѣхъ рабочехъ кабинетѣхъ).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ ¹⁾.

(Романъ изъ купеческой жизни).

XVI.

Ъ ТВЕРСКОГО бульвара, мимо церкви Иоанна Богослова, Лидія Викуловна свернула на Бронную.

По грязной, ничѣмъ не застланной лѣстницѣ, начившейся у самаго тротуара, она торопливо поднялась въ номера, гдѣ обычно жилъ Иванъ Ипполитовичъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выѣхалъ изъ Бахваловскаго дома, онъ пересталъ бывать у своихъ.

Ипполитъ Викуловичъ сначала не обращалъ на это вниманія: онъ твердо былъ убѣжденъ, что безъ отцовской помощи Ивану не обойтись.

Но время шло, а Иванъ не показывался.

Ипполитъ Викуловичъ почувствовалъ себя обиженнымъ, но, желая показать сыну, что онъ не придаетъ никакого значенія его отношенію къ Бахваловскому дому, приказалъ конторѣ ежемѣсячно выдавать Ивану семьдесятъ пять рублей и о такомъ его распоряженіи немедленно его увѣдомить.

Но и тутъ Иванъ выказалъ обидное равнодушіе: отца не счелъ нужнымъ поблагодарить, хотя бы письмомъ, за деньгами не приходилъ, но, когда контора стала присылать ихъ ему, принималъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXLIV, стр. 1.
«Истор. вѣстн.», май 1916 г., т. СXLV.

ихъ, молча расписывался въ толстой, шнуровой, засаленной книгѣ и молча давалъ разсылному пятиалтынный.

А жить продолжалъ такъ, какъ жилъ и раньше, въ той же самой комнатѣ и въ тѣхъ номерахъ.

Въ Бахваловскомъ домѣ мало-по-малу привыкли къ его отсутствію и какъ-то забыли про него.

Прежде этой забывчивости не допустила бы бабинька, но и сама бабинька уже потеряла прежній престижъ, сама стала забывать людей и лица.

Уже давно мимо нея летѣла въ Бахваловскомъ домѣ буйная и шумная, ломающая прежніе устои, непонятная и враждебная ей жизнь, и все рѣже заглядывали къ ней въ низенькія, маленькія комнаты жаждавшія утѣхъ и наслажденій обитательницы бабьяго царства.

А заглядывали только по обязанности, толкаемыя соображеніями о ея богатствѣ, движимыя расчетомъ и корыстными побужденіями.

Даже Лидія, всегда чувствовавшая къ ней какую-то печальную нѣжность, теперь видѣла въ ней только обреченную, на половину уже не принадлежащую этому міру.

И только Ниночка почти безсмѣнно находилась около старухи.

Ни съ кѣмъ изъ обитателей Бахваловскаго дома Иванъ не встрѣчался, но Лидія сама нашла его и уже нѣсколько разъ была у него.

Хотя она и доводилась Ивану теткой, но въ годахъ ихъ такъ мало было разницы, что относились они другъ къ другу, какъ братъ и сестра.

Не обращая вниманія на номерного, который, остановившись, долго слѣдилъ за нею любопытнымъ взглядомъ, она по узенькому коридору дошла до знакомой двери и, какъ всегда, не постучавъ, отворила ее и вошла.

Она знала, что Иванъ, уходя, никогда не запираетъ дверь.

Ея визитъ къ Ивану всегда производилъ сенсацію: не только два номерныхъ и горничная, простоватая деревенская дѣвушка, но даже нѣкоторые изъ жильцовъ, которымъ она попадалась на глаза-долго потомъ судили и рядили о ней.

Въ этихъ номерахъ, неказистыхъ, бѣдныхъ, обставленныхъ нищенски, убого, ютились студенты-бѣдняки и дѣвицы неопредѣленныхъ занятій.

Все здѣсь было тускло, сѣро, и на этомъ тускломъ и сѣромъ фонѣ, въ этой обстановкѣ убожества, нищеты и какой-то грязной безалаберщины явленіемъ потусторонняго міра представлялась Лидія Викуловна въ своихъ шумящихъ шелковыхъ юбкахъ, въ платьѣ отъ Минангуа или отъ Паскье, благоухающая, розовая,

рослая, видная, дородная, съ огромными брильянтами въ ушахъ, съ золотыми браслетами на полныхъ, выхоленныхъ рукахъ.

И вся повадка ея, неспѣшная, плавная, даже въ торопливости своей лѣнивая, пренебрежительная и непринужденная, производила впечатлѣніе чего-то невиданнаго, необыкновеннаго и громко и ясно утверждала то, что тамъ, откуда она, не знаютъ ни нужды, ни борьбы за существованіе, ни горькихъ слезъ нищеты, ни раздражающей и гнетущей, мучительной и колючей, убивающей вокругъ себя все остальное мысли о томъ, какъ бы добыть кусокъ хлѣба.

Съ дикимъ любопытствомъ смотрѣли на нее и провожали ее глазами обитатели «меблирашекъ».

Знали, кто она, и дѣлали на ея счетъ всевозможныя предположенія, и на нѣсколько дней, на недѣлю, на двѣ послѣ ея визита у номеровъ была неисчерпаемая тема для разговоровъ.

Этой неисчерпаемой темой являлись Лидія Викуловна и Иванъ Ипполитовичъ, къ которому, впрочемъ, всѣ достаточно привыкли и уже давно рѣшили, что онъ чудакъ.

Но больше всего и сильнѣе занимала мысль о томъ, какъ богаты Бахваловы.

Было что-то жгучее, необычайно притягательное въ этомъ чужомъ богатствѣ, въ огромномъ капиталѣ, который принадлежалъ Бахваловымъ, о которомъ эти люди знали только по наслышкѣ. Но этого было достаточно, чтобы всѣ Бахваловы и все то, что касалось Бахваловыхъ, въ глазахъ ихъ было окружено магическимъ ореоломъ и властно и непреодолимо влекло ихъ къ себѣ.

Иванъ Ипполитовичъ даже не обернулся, когда вошла тетка.

Какъ всегда, онъ сидѣлъ, уткнувшись въ свои книги, въ рубашкѣ-косовороткѣ безъ пояса, разстегнутой на худой, костлявой груди.

Между ними было большое фамиліное сходство, но въ Иванѣ была какая-то захудалость, черты его блѣднаго лица были остры и жестки, длинное сухое тѣло нескладно, и сѣрые выпуклые близорукіе глаза смотрѣли не весело, а устало, вдумчиво и сурово.

Когда Лидія вошла и опустилась на вѣнскій стулъ у стола, онъ поднялъ голову и недовольно сказалъ:

— Что это тебѣ вздумалось? Ты пѣшкомъ?

— Конечно. Не отъ самаго дома. Лошадей отпустила у бульвара. Хотѣлось немножко пройтись.

Онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы недовольнымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Чортъ васъ знаетъ, право!—сказалъ онъ.—Хотѣлось пройтись. Да развѣ въ этихъ тряпкахъ ходятъ по улицѣ? Къ тебѣ не приставали?

Она презрительно выдвинула нижнюю губу.

— Ну, вотъ еще. Ты, кажется, сердисься, что я пришла?

— Это бесполезно,—отвѣтилъ онъ.—Я только не понимаю, почему ты пришла. Тебѣ у меня, конечно, скучно и дѣлать нечего.

— У насъ еще скучнѣе,—вздохнула Лидія Викуловна.—За послѣднее время, Иванъ, я буквально не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Домъ опротивѣлъ.

— Слышала ужъ,—отмахнулся Иванъ.—Я, право, не понимаю васъ. Ну, дѣлали бы хоть что-нибудь. Читайте, пишите, танцуйте, выѣзжайте. Я не знаю, что можно дѣлать въ вашемъ положеніи, или, вѣрнѣе, чего нельзя дѣлать. Денегъ у васъ куры не клюютъ. Вѣдь васъ теперь, кажется, не стѣсняютъ.

— Да. Просто даже удивительно, до чего у насъ режимъ сталъ легче. Ипполитъ страшно перемѣнился. Меня пугаетъ его жеманство. Что это—капризъ, самодурство? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ свою жену?

— Почему я знаю? Въ нашемъ роду вѣдь людей не любятъ: любятъ деньги.

— Ну, такъ вотъ я скажу, что онъ сталъ меньше любить свои деньги. Хотя теперь можно ожидать всего, даже самаго худшаго. Какъ ты думаешь? Молодая еще не успѣла показать ногти. Смиреница, воды не замутишь. Но къ рукамъ твоего отца прибрала. Тихоня. Сидитъ у себя въ бѣломъ домѣ. У насъ не бываетъ. Любезна и холодна. Одѣвается ужасно. Нищая. И некрасива. Блѣдна, худа. Въ лицѣ что-то болѣзненное. Марина зоветъ ее истеричкой.

— Да ужъ разъ не рядится въ шелка и бархаты и не носитъ брильянтовъ,—хмуро отозвался Иванъ:—значитъ, ненормальна или дура. И какъ вамъ не совѣстно! Конечно, у васъ она не ко двору, но человѣкъ она хорошій, есть товарищи, которые ее знаютъ...

— Хорошо, хорошо,—примирающимъ тономъ сказала Лидія.—Я вѣдь не порицаю ея. Но согласись, Ваня, что мы всѣ можемъ ея опасаться. Ипполитъ дѣлаетъ то, что она хочетъ. Его деньги—ея деньги. Что жъ всѣ мы такъ всю жизнь и будемъ изъ чужихъ рукъ смотрѣть?

Иванъ угрюмо молчалъ.

Лидія оглядѣла всю комнату, маленькую, въ одно окно, низенькую, пыльную и сѣрую, и вздохнула.

— А все-таки, Ваня, тебѣ веселѣй живется, чѣмъ мнѣ,—проговорила она.—Скажи, что мнѣ дѣлать съ Кистяковскимъ?

Иванъ нахмурился.

— Ну, какой же я судья?—сказалъ онъ.—Это ужъ ваше дѣло. Устраивайте ваши дѣла, какъ знаете. Разъ вы любите другъ друга...

— Да никогда,—вскричала Лидія и встала съ своего мѣста.—Кто тебѣ сказалъ, что я его люблю?

— Ну, однако...

— Молчи, молчи. Никогда я его не любила. Воображала, что люблю. А онъ... Разумѣется, онъ ни одной минуты не любилъ меня. Мои деньги... вотъ что было всегда ему нужно. Онъ карьеристъ...

— Не понимаю,—сказалъ Иванъ.—Я Кистяковскаго все-таки знаю: товарищъ онъ недурной, человѣкъ онъ знающій и мнѣ всегда казалось, что онъ относится къ себѣ серьезно.

— Ну, да, тебѣ всегда это казалось, а, собственно говоря, тебѣ до этого дѣла не было... Но мнѣ это надоѣло. Надоѣли свиданія на углахъ улицъ, надоѣли встрѣчи въ кофейняхъ, въ пассажахъ, надоѣли глупыя записки, объясненія въ любви, ссоры, сцены. О, Боже мой, ты не можешь себѣ представить, до чего мнѣ все это осточертѣло.

— Ну, и великолѣпно,—сказалъ Иванъ:—тѣмъ лучше для тебя. Другое дѣло, если бы онъ разлюбилъ тебя, бросилъ. Ты была бы несчастна, а вѣдь этого ничего нѣтъ.

— И все-таки я несчастна,—вскричала Лидія:—безумно несчастна. Я точно въ тюрьмѣ. У меня связаны руки.

— Я-то что же могу сдѣлать?—спросилъ Иванъ.

— Мнѣ нужна самостоятельность,—сказала Лидія:—мнѣ нужны деньги, мои деньги. Я не хочу ни отъ кого зависѣть.

— Какая же это самостоятельность,—сказалъ Иванъ:—если тебѣ прежде всего нужны деньги. И развѣ эти деньги твои? Это деньги чужія и даже не бахваловскія, а просто награбленныя Бахваловыми деньги.

— Ну, да, это все отлично,—сказала Лидія.—Я знаю твои взгляды. Ты живешь вотъ въ этой обстановкѣ и доволенъ. Ты рѣжешь трупы—это твое развлеченіе... А я хочу жить. Я не хочу терпѣть никакихъ лишеній и не хочу приносить никакихъ жертвъ. Ты говоришь: деньги награблены. Но каждый день кто-нибудь у кого-нибудь грабитъ. Извини меня, Иванъ, все-таки я лучше предпочитаю пользоваться награбленнымъ, чѣмъ самой быть ограбленной.

— Дѣло вкусовъ и взглядовъ,—сказалъ Иванъ:—но позволь тебѣ замѣтить, что наши воззрѣнія діаметрально противоположны. Какой же я тебѣ пособникъ и какой же я тебѣ совѣтчикъ?

— Но послушай, Иванъ, вѣдь ты все-таки не можешь отрицать, что отецъ тебя любитъ. По-моему, онъ тебя любитъ гораздо болѣе Арсенія и Сергѣя.

— Врядъ ли,—сказалъ Иванъ.—Съ Сергѣемъ, правда, у него контры, но, насколько я могъ замѣтить, онъ по-своему Арсенія понимаетъ. Ему нравится, что Арсеній образованъ и что этимъ образованіемъ онъ умѣетъ пользоваться. Онъ знаетъ, какъ Арсеній честолюбивъ, и хотя любитъ подсмѣяться надъ этимъ честолюбіемъ, но въ душѣ вѣдь онъ раздѣляетъ убѣжденія Арсенія, что

съ бахваловскими богатствами онъ можетъ пойти очень далеко. Нѣтъ, не думай, Арсеній имѣеть огромное вліяніе на отца. Ужъ одно то, что онъ живетъ, какъ хочетъ, и отецъ выдѣлилъ ему большой капиталъ, указываетъ на то, что Арсеній умѣло ведетъ свою линію.

— А ты не умѣль...—нетерпѣливо прервала Лидія.

— А я не хочу,—возразилъ Иванъ.—Мнѣ это не нужно. Вы только и думаете о деньгахъ, вы всѣ помѣшаны на милліонахъ, и вы до такой степени рабы этихъ милліоновъ, что безъ нихъ вы даже не можете себѣ представить жизни. А мнѣ милліоны даромъ не нужны. У меня есть мой трудъ, мои больные, и, какъ только я кончу и немножко стану на ноги, я уѣду за границу и буду жить тамъ.

— И будешь всю жизнь нищенствовать?

— Всю жизнь нищенствовать, вѣроятно, не буду, но и всю жизнь зависѣть отъ золотого мѣшка, глядѣть въ глаза человѣку ради его денегъ, не имѣя своей воли, этого я тоже не буду.

— Можетъ быть, ты и правъ,—сказала Лидія:—по временамъ я чувствую себя отвратительно. Ну, подумай, Ваня, почему мы всѣ задыхаемся отъ скуки въ нашемъ домѣ. Нѣтъ цѣли, нѣтъ дѣла, а главное—нѣтъ своей воли. Поневолѣ будешь завидовать женѣ Ипполита. Порой меня беретъ на нее злость. Вѣдь какая власть, какое могущество свалилось съ неба этой дурочкѣ! Да будь я на ея мѣстѣ, я бы на всю Москву прогремѣла. Ну, не буду, ужъ вижу, ты всегда за нее.

— А что бабинька?

— Бабинька все такая же благолѣпная, бѣленькая и все такъ же крестится маленькими крестиками и такъ же улыбается. Господи, какъ долго живетъ эта старуха. А вѣдь у нея, Ваня, тоже огромное состояніе.

— А что же оно ей даетъ?

— Сознаніе, что она богата, что она многое можетъ сдѣлать, если захочетъ. И по-своему она что-то дѣлаетъ. Она вѣдь вѣчно помогаетъ то тому, то другому.

— Подаетъ милостыню по рублику, по два.

— Нѣтъ, она у насъ становится съ каждымъ днемъ добрѣе. Знаешь, она всегда любила давать приданое. Но прежде на это полагалось 500—800 рублей и ужъ, какъ исключеніе, тысяча-двѣ, а теперь она говоритъ, что за это полугодіе тысячь до тридцати раздала. Ты помнишь сестру Стеши-клирошанки?

— Машенька, что ли?

— Да. Ну, такъ представь, у нея нашелся женихъ—офицеръ небогатый. Бабинька внесла за него реверсъ.

— Ну, и прекрасно,—сказалъ Иванъ.

— Какъ ты думаешь, Ваня, кому она оставитъ свои деньги?

— Почему я знаю. На монастыри, на богоугодныя заведенія.

— Я тоже думаю. Но она оставитъ и мнѣ. Ты знаешь, она меня любить больше другихъ. Зину и Раю она ужасно не любить. Да онѣ и дуры, правду сказать. Вотъ индюшки! Прожить всю жизнь, палецъ о палецъ не ударивъ, ничего не придумавъ, это прямо ужасно. Ты знаешь, Ваня, я послѣднее время все думаю о томъ, можетъ быть, и мнѣ начать учиться. Это все-таки внесетъ какой-то смыслъ въ жизнь.

— Не будешь ты учиться,—сказалъ Иванъ:—избалована очень, да и зачѣмъ тебѣ. Деньги у тебя будутъ не сегодня, такъ завтра, да онѣ и есть у тебя. Вѣдь если бы у тебя не было такихъ огромныхъ требованій, ты бы могла въ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца скопить нѣсколько тысячъ рублей. На нѣсколько тысячъ рублей отлично живетъ цѣлый годъ большая семья, но ты тратишь все на тряпки, на глупости. И ужь, если хочешь знать мое мнѣніе, такъ вмѣсто того, чтобы ссориться съ Кистяковскимъ, выходи за него замужъ. Изъ него выйдетъ хорошій докторъ, приданое тебѣ дадутъ, квартиру отдѣлаютъ, чего тебѣ еще.

— Спасибо за рецептъ,—сказала Лидія.—Право, Ваня, я ожидала отъ тебя всего, чего хочешь, но только не пошлости. Какъ ты не понимаешь, что мнѣ претитъ пошлость. Не хочу я этого зауряднаго, обиходнаго, дурацкаго семейнаго счастья. Не нужно оно мнѣ, и, знаешь, что въ Кистяковскомъ меня больше всего возмущаетъ? Онъ желаетъ видѣть во мнѣ какую-то жертву, а въ себѣ спасителя. Сколько разъ я ему говорила: «Довольно, достаточно надоѣли другъ другу, разойдемся каждый въ свою сторону». И всегда этотъ человѣкъ мнѣ отвѣчаетъ: «Я не могу этого позволить. Я долженъ о васъ заботиться. Разъ ужь судьба столкнула насъ, мы должны принадлежать другъ другу». Какъ ты думаешь, онъ имѣетъ въ виду деньги?

— Знаешь, Лидія, это даже смѣшно. О чемъ бы ты ни говорила, о чемъ бы ты ни думала, ты вѣчно возвращаешься къ деньгамъ. Почему я знаю, что думаетъ Кистяковскій. Къ нему въ душу я влѣзть не могу, но, какъ порядочный человѣкъ, онъ, конечно, думаетъ, что его долгъ жениться на тебѣ, разъ ужь у васъ зашло такъ далеко.

— Да пойми, что меня это возмущаетъ. Мнѣ вовсе не нужно, чтобы онъ на мнѣ женился. И я не признаю этого, не желаю признавать, что почему-то я обязана всю свою жизнь отдать вотъ тому или иному. Я желаю быть свободной въ своихъ дѣйствіяхъ: понравился Кистяковскій—отлично, а завтра понравится другой...

Иванъ нахмурился.

— Ну, ужь это Богъ знаетъ, что такое,—сказалъ онъ:—все-таки должна быть извѣстная порядочность.

— Удивительные вы, господа мужчины. Отъ женщинъ вы тре-

буете такой порядочности, ну, а сами вы можете дѣлать все, что вамъ угодно. Такъ вотъ представь себѣ, что я убѣждена, что и я тоже могу дѣлать то, что мнѣ угодно. Я не желаю себя ничѣмъ связывать. Мнѣ эта ваша будничная мораль отвратительна. Если бы я была бѣдна, о, я бы тотчасъ же воспользовалась ею: именно на эту удочку идетъ каждый изъ васъ. Каждый изъ васъ мечтаетъ о женѣ исключительно добродѣтельной, которая только его одного обожаетъ и ему одному вѣрна. Но я, слава Богу, богата, и я думаю, мнѣ нѣтъ никакой надобности считаться со всѣмъ этимъ вздоромъ. Съ Кистяковскимъ я хочу порвать совершенно, безотносительно къ тому, любить ли онъ во мнѣ человѣка, или золотой мѣшокъ. Просто онъ мнѣ надоѣлъ, онъ меня утомилъ, и ничего я такъ не боюсь, какъ этого болота пошлости, которое вотъ-вотъ меня затянетъ. Поэтому я тебя очень прошу: скажи ему, что я не хочу съ нимъ встрѣчаться. Я прошу его, я требую, наконецъ, чтобъ онъ меня избавилъ отъ своихъ писемъ. Особенно я прошу, чтобы онъ совсѣмъ не являлся къ намъ. Третьяго дня онъ пріѣхалъ къ Маринѣ, разумѣется, съ единственной цѣлью видѣть меня, и та тотчасъ же приняла покровительственный тонъ, обласкала его, стала уговаривать меня. Что за опека такая? Она, конечно, многое подозрѣваетъ, и взгляды ея мнѣ извѣстны, но я не хочу, понимаешь, я не хочу...

— Ну, и прекрасно,—сказалъ Иванъ:—развѣ тебя кто-нибудь насильно выдаетъ замужъ. Не хочешь—не люби, не хочешь—не выходи. Я не понимаю, о чемъ тутъ толковать.

— Скучно очень, Иванъ. Я, право, не знаю, куда себя дѣвать. Въ нашемъ домѣ всѣ мнѣ надоѣли. Единственный интересный человѣкъ—это моя мать. Я была слишкомъ мала, когда она жила съ нами, и не могла оцѣнить ея, но, знаешь, Иванъ, она мнѣ нравится. Она, дѣйствительно, великолѣпна. Во-первыхъ, она и до сихъ поръ очень красива, во-вторыхъ, она вѣритъ въ себя и въ свою власть надъ людьми, а, въ-третьихъ, она царственно презрительна къ деньгамъ. Я восхищаюсь ею, Иванъ. Всю жизнь эта женщина бросала деньги и разбросала три огромныхъ состоянія. Развѣ это не великолѣпно?

— Постыдно и безчестно,—сказалъ Иванъ.—Всю жизнь баба бѣсилась съ жиру, не знала удержу своимъ желаніямъ, швыряла сотни тысячъ, а сколько могла бы сдѣлать добра.

— Боже мой, Иванъ, какъ ты не понимаешь, что все это общія мѣста. И что это, господа, у васъ за обыкновеніе: непременно вы хотите, чтобы всѣ дѣлали добро, чтобы деньги берегли, а не швыряли, чтобы за любовниковъ выходили замужъ. Да пойми, что это прѣсно и что, когда человѣкъ богатъ, онъ долженъ умѣть удовлетворять свои прихоти, онъ долженъ умѣть желать. Вотъ единственно, что отъ него требуется.

— Великолѣдный взглядъ!—сказаль Иванъ.—Ну, вотъ ты пожелала чаю, и все это къ твоимъ услугамъ.

Онъ кивнулъ ей на вошедшаго номерного, который принялся устанавливать на столѣ подносъ самоваромъ и чашками.

XVII.

— Все хорошо, что ново, что не пріѣлось, и у тебя въ комнатѣ мнѣ лучше, чѣмъ у насъ. Вообще нашъ домъ мнѣ ужасно не нравится, это какой-то склепъ. Я бы хотѣла жить въ такомъ домѣ, какой себѣ строить Арсеній. У богатыхъ людей долженъ быть именно такой домъ, домъ-дворецъ, красивый, изящный, легкій, словомъ, домъ, въ которомъ тебѣ хочется жить, а не такой домъ, изъ котораго тебѣ хочется бѣжать.

— Тебѣ изъ всякаго дома захочется бѣжать,—сказаль Иванъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Потому что ты вѣдь ничѣмъ не бываешь занята; даже читать ты не можешь.

— Неправда,—сказала Лидія:—читать я даже очень люблю, но я очень требовательна къ чтенію. Я очень чутка къ неправдѣ, и, какъ только я замѣчаю, что авторъ говоритъ неправду, такъ я не хочу его читать.

— Пей чай,—сказаль Иванъ.

— Хорошо, благодарю тебя. Тебѣ, Иванъ, можетъ быть, дать немного денегъ. У меня триста рублей, которые мнѣ совсѣмъ дѣвать некуда.

— Мнѣ лично денегъ не нужно,—сказаль Иванъ:—но сто рублей оставь: я внесу плату за двухъ товарищей.

— Вотъ видишь, ты какой человекъ. Я вѣдь хочу дать тебѣ, а не на дѣла благотворенія.

— Да ты напрасно воображаешь, что это благотвореніе. Это твой долгъ.

— Никогда съ этимъ не соглашусь!

— Что же, ты не дашь мнѣ сто рублей?

— Пожалуйста, возьми. Итакъ, Ваня, я порываю съ Кистяковскимъ навсегда, и ты ему скажи, чтобы онъ понялъ, что это должно быть кончено и что вообще возврата нѣтъ.

— Скажу, если придетъ или встрѣчу,—сказаль Иванъ.

— Да, Ваня, вотъ еще что. Отчего ты не хочешь какъ-нибудь пойти къ отцу?

— Мнѣ у него дѣлать нечего.

— Неправда, Ваня, тебѣ онъ всегда радъ. Мнѣ кажется, у него какое-то большое горе или что-то тяготитъ его, и, можетъ быть, онъ бы подѣлился съ тобой.

— Разные мы люди, трудно намъ спѣться.

— Пусть разные, но, мнѣ кажется, твои мнѣнія онъ уважаетъ. Ваня, я хочу попросить тебя, побывай на этихъ дняхъ у отца и постарайся ему объяснить, что такъ жить, какъ мы живемъ, невозможно. Вѣдь онъ выдѣлилъ Арсенія, пусть выдѣлитъ и меня. Неужели мнѣ сидѣть Богъ знаетъ до какихъ поръ и ждать замужества, чтобы мнѣ, наконецъ, дали мое приданое. Ты это сдѣлаешь?

— Побывать у отца я могу и, если хочешь, даже поговорю съ нимъ, но какъ ты не понимаешь, что это бесполезно. И потому, сколько же ты хочешь, чтобы тебѣ выдѣлили?

— Ну, тысячь пятьсотъ, шестьсотъ.

Иванъ свистнулъ.

— Сказала, голубушка! Да какъ ты не понимаешь, что это совершенно противъ традицій, что нужно вверхъ дномъ перевернуть весь бахваловскій укладъ, чтобы тебѣ, дѣвушкѣ, здорово живешь, отсыпали такую кучу денегъ и сказали бы: «Пожалуйста, живи въ свое удовольствіе». Отецъ засмѣется мнѣ въ глаза.

— Но самъ-то ты, Ваня, понимаешь, что это несправедливо, что жестоко, подло, низко держать меня въ какой-то крѣпостной зависимости. Вѣдь проходятъ лучшіе годы.

— Видишь ли, это, конечно, вѣрно, но я сильно сомнѣваюсь, чтобъ вышло что-нибудь путное изъ твоей жизни, если тебя пустять на волю и дадутъ тебѣ деньги.

— Что значить путное? Это опять съ точки зрѣнія морали. Я совсѣмъ не имѣю ея въ виду. Просто, я буду дѣлать то, что мнѣ нравится, можетъ быть, уѣду за границу, можетъ быть, начну какое-нибудь дѣло.

— Сказать скажу,—повторилъ Иванъ:—но заранѣе знаю, что ничего не выйдетъ. А Ниночка что?

— Кончила гимназію и тоже не знаетъ, къ чему приложить руки. Мнѣ кажется, она больная, Иванъ. У нея лицо совсѣмъ восковое, прозрачное-прозрачное, и, что удивительно, она никогда не смѣется.

— Бабинькино воспитаніе сказалося.

— Да, любить монастыри, молебны, и утромъ и вечеромъ долго молится на колѣняхъ. Евангеліе каждый день читаетъ. Странная дѣвочка.

— Ты говоришь, кому бабинька оставить деньги? Вотъ Ниночкѣ и оставить: эта по крайней мѣрѣ въ ея вкусѣ.

— Можетъ быть. Ты все-таки не хочешь понять, Иванъ, чего я отъ тебя жду. Вотъ ты думаешь, что я пришла къ тебѣ отъ нечего дѣлать и даромъ только отрываю тебя отъ книги, а я тебѣ говорю, что я чувствую, что я погибаю, и изъ всѣхъ, кого знаю, только ты, мнѣ кажется, можешь спасти меня.

Теперь Иванъ поднялъ на нее съ удивленіемъ глаза: его пора-

зили тѣ серьезные, печальныя ноты, которыя зазвучали въ ея голосѣ. И въ лицѣ ея появилось тоже что-то печальное и суровое, и все оно какъ будто утратило свою яркость и жизненность, потускнѣло и поблѣднѣло.

— Да вѣдь я, Лида, не отказываюсь, я готовъ сдѣлать, что могу,—проговорилъ онъ:—только, правду сказать, плохо понимаю, что нужно сдѣлать. Передать Кистяковскому—передамъ, поговорить съ отцомъ—поговорю. Кстати, какъ ты съ его женой?

— Ничего. Вѣдь мы не часто видимся. Въ большомъ домѣ, говорю тебѣ, она почти никогда не бываетъ. На меня она производитъ впечатлѣніе человѣка, глубоко ушедшаго въ себя, и мнѣ она не кажется счастливой. Но съ отцомъ у нихъ хорошія отношенія, онъ такъ и смотритъ ей въ глаза.

— Мнѣ она показалась симпатичной. Почему ты не попробуешь сойтись съ ней ближе? Можетъ быть, тебѣ жилось бы легче?

— Ахъ, Ваня, это все не то. Ты клонишь совсѣмъ въ другую сторону. Ты все-таки желаешь для меня самой обыкновенной судьбы: почему-то я должна сидѣть дома, пока не высижу себѣ жениха, потомъ выйти замужъ для того, чтобы имѣть богато обставленную квартиру, лошадей, экипажъ, выѣзжать и принимать у себя. А мнѣ этотъ трафаретъ до крайности тошенъ, и именно его я хочу избѣжать. Вѣдь ушелъ же ты изъ Бахваловскаго дома? Живешь одинъ, дѣлаешь свое дѣло и говоришь, что удовлетворишь имъ.

— Я—другое дѣло,—сказалъ Иванъ.—Я человѣкъ простой, денегъ я никогда не любилъ, и личныя мои потребности такъ ограничены, что много денегъ мнѣ и не нужно. Потомъ, я мужчина, а ты женщина. Какъ я живу и съ кѣмъ веду знакомство, безразлично.

— Но вѣдь это именно то, что я презираю,—вскричала Лида:—мнѣ рѣшительно все равно, что про меня скажутъ, а что касается потребности и нужды въ деньгахъ, мнѣ кажется, я сумѣла бы даже бороться съ судьбой. Но я не вижу надобности налагать на себя какія-то испытанія, когда, по-моему, я имѣю право на извѣстную часть бахваловскихъ денегъ. Съ какой стати я буду нуждаться, голодать, ходить въ лохмотьяхъ и жить вотъ такъ, какъ живешь ты, когда я могу и должна быть богатой.

— Ну, что жъ, ничего не подѣлаешь, если у тебя такой взглядъ на вещи,—уклончиво сказалъ Иванъ.

Ему не хотѣлось спорить.

Каждый разъ, когда она приходила къ нему, онъ испытывалъ смѣшанное чувство жалости къ ней, пожалуй, удовольствія ее видѣть и рядомъ съ этимъ нетерпѣливаго ожиданія, когда же она, наконецъ, уйдетъ и перестанетъ говорить вещи, для него неинтересныя и ненужныя ему. И теперь онъ давно уже съ то-

ской поглядывалъ на отброшенную въ сторону книгу и слушалъ то, что говорила ему Лидія, въ-поль-уха, думая о своемъ и стараясь какъ разъ настолько быть внимательнымъ, чтобы не потерять со-всѣмъ нити разговора. Поэтому, когда она встала и начала надѣ-вать шляпу, поискавъ глазами зеркало и такъ и не найдя ничего, онъ почувствовалъ какое-то успокоеніе и почти ласково ска-заль:

— Ты уже уходишь? Ну, до свиданія.

Она задумчиво застегивала перчатку, потомъ вдругъ подняла голову и сказала:

— Самаго главнаго ты не знаешь, Ваня. Я уѣзжаю. Я начинаю новую жизнь и за этимъ я зашла къ тебѣ. Въ мое отсут-ствіе ты долженъ быть моимъ адвокатомъ. Мнѣ не нужно ни про-щенія, ни благословенія, ни нотацій, ни поощреній, но мнѣ очень будутъ нужны деньги. Я прошу тебя устроить мои денежныя дѣла. Ты вотъ свистнулъ, когда я тебѣ сказала о шестистахъ тысячахъ, но вѣдь состояніе Бахваловыхъ исчисляется въ десятки милліо-новъ, и, значитъ, я имѣю право на гораздо большее. Но, пожалуй-ста, не считай меня за дуру. Я все-таки понимаю жизнь и слиш-комъ я сама Бахвалова, чтобы не понимать того, что Бахваловы крѣпко держатъ въ кулакѣ свои деньги. Поэтому не будемъ гово-рить о милліонахъ, но три тысячи въ мѣсяцъ обѣщай мнѣ вы-сылать.

Нѣсколько времени Иванъ молчалъ, ошеломленный, полный недоумѣнія.

Сразу въ головѣ его зароились разныя предположенія и догадки, и, когда онъ нѣсколько разобрался въ нихъ, онъ не нашелъ ни-чего другого, кромѣ вопроса:

— Что же это? Новое увлеченіе?

Лидія вспыхнула.

— Я бы не стала скрывать и оправдываться,—надменно прого-ворила она.—На этотъ разъ ты очень ошибся: я уѣзжаю съ труп-пой, куда меня пригласили играть.

— Какая же ты актриса?—спросилъ Иванъ.

— Какая я актриса, я совсѣмъ не знаю. Люди опытные гово-рятъ, что у меня всѣ данныя есть: красивая вѣшность, ростъ, прекрасная память, ясная дикція. Несомнѣнно, что это все у меня есть. Но если бъ даже ничего этого не было, то есть у меня два драгоцѣнныхъ качества, которыя тоже очень нужны на сценѣ— это мои тряпки, дорогія тряпки, которыхъ у меня много, затѣмъ мои деньги, вотъ тѣ деньги, о которыхъ прошу я позаботиться тебя.

— Я этого не ожидалъ,—проговорилъ Иванъ.

— Что жъ изъ того? Все-таки ты долженъ принять меня. Тебѣ нравится быть докторомъ. Изъ меня докторъ, вѣроятно, не вый-

шелъ бы, а актриса выйдетъ, я это знаю. Такъ ты общаешь, Ваня?..

— Я обѣщать за другихъ ничего не могу,—сказалъ Иванъ:— а за себя общаю одно: все, что я могу, я сдѣлаю. Разумѣется, если ты чувствуешь въ себѣ задатки, если это твое призваніе, я не стану отговаривать тебя.

— Значить, ты одобряешь меня?

— Я нахожу, что ты въ своемъ правѣ. Ты вольна распоряжаться собой.

Онъ оглядѣлъ тетку внимательнымъ, долгимъ взглядомъ, какъ никогда не глядѣлъ на нее раньше, и въ первый разъ ему показалось, что сквозь знакомую ему, такую привычную, типичную фигуру, онъ впервые подмѣтилъ что-то значительное, что-то свое, и уже съ готовностью и искренно онъ сказалъ:

— Я буду хлопотать за тебя. Кто знаетъ, можетъ быть, въ тебѣ дѣйствительно скрывается талантъ.

— Ну, вотъ и спасибо,—сказала Лидія и улыбнулась ему благодарной и нѣжной улыбкой.—А теперь я пойду. Если хочешь проститься со мной, можетъ быть, какъ-нибудь заглянешь въ бабье царство?

Онъ засмѣялся.

— Не люблю я его, ну, да для такого важнаго случая, пожалуй, приѣду. Въ которомъ часу?

— Вечеромъ вѣдь у насъ всѣ разъѣдутся; ты загляни попозже, послѣ девяти, я, навѣрно, одна буду дома.

— Ты не была у Арсенія?—сказалъ Иванъ.

— То-есть какъ не была? Мы выдаемся.

— Нѣтъ, по поводу того, что ты мнѣ открыла.

— Ахъ, вотъ что. Знаешь, ты мнѣ подаль мысль. Поговорить развѣ съ нимъ?

— Только ты подготовь его. Съ нимъ вѣдь нельзя говорить такъ просто, какъ со мной. И потомъ съ нѣкоторыхъ поръ, ты знаешь, онъ горой стоитъ за честь фамиліи. Такъ что будь осторожна съ нимъ. Онъ глядитъ въ министры и готовится къ роли большого человѣка.

— Можетъ быть, лучше ему ничего не говорить? Я подумаю.

Иванъ проводилъ ее по коридору до двери и торопливо вернулся къ себѣ, но не сразу удалось ему приняться за книгу.

Какъ ни старался онъ, не могъ сосредоточиться. Мысль устремлялась то къ тому, что ему сказала Лидія, то къ воспоминаніямъ дѣтства, къ его борьбѣ съ домашними въ молодости, къ мелкимъ подробностямъ бахваловскаго обихода.

XVIII.

Постепенно отношенія сыпоевъ Бахваловыхъ къ отцу болѣе или менѣе опредѣлились, и начинали выясняться способности и роли братьевъ.

Сергѣй Ипполитовичъ живо заинтересовался фабриками и большую часть своего времени посвящалъ имъ.

Это заставило его отказаться отъ службы и согласиться на предложеніе отца принять на себя управленіе фабриками.

Еще не такъ давно Сергѣй Ипполитовичъ отказался бы, увѣренный, что рѣзко разоидется во мнѣніяхъ съ отцомъ, но все убѣждало его, что отецъ не хочетъ стѣснять его. Онъ замѣтилъ, что отецъ какъ будто радъ, что можетъ отстраниться отъ дѣлъ, и относится къ сыну съ полнымъ довѣріемъ. Все это до такой степени не вязалось съ представленіемъ, издавна сложившимся въ головѣ Сергѣя Ипполитовича, что иногда у него являлось подозрѣніе, что отецъ просто хитритъ и испытываетъ его.

Но живое, очень сложное, требовавшее большой работы дѣло всецѣло захватило его, тѣмъ болѣе, что старшій братъ съ самаго начала уклонился отъ практическаго участія въ дѣлахъ фирмы, заявивъ, что онъ во всемъ полагается на брата и на Гиршфельда, который, онъ увѣренъ, не нарушитъ его интересовъ.

Въ Арсеніи Ипполитовичѣ зрѣлъ политическій дѣятель, и онъ отлично понималъ, что, какъ москвичъ, онъ долженъ разсчитывать на поддержку Москвы. Онъ весь ушелъ въ завязываніе и упроченіе отношеній и въ постройку собственнаго дома, на который Ипполитъ Викуловичъ выдалъ уже около милліона.

Ему нравилось ежедневно рано утромъ, выпивъ полбутылки подогрѣтаго шато-латуръ и съѣвъ нѣсколько толстыхъ ломтей стараго честера, съ сигарой во рту ѣхать по пустыннымъ, почти безлюднымъ улицамъ Замоскворѣчья на стройку, а, пріѣхавъ, бродить по анфиладамъ пустыхъ, нежилыхъ, еще пахнущихъ известкой и цементомъ комнатъ, какихъ-то загадочныхъ и странныхъ, точно вопрошавшихъ его, какъ-то онъ съ ними распорядится, какъ отдѣляетъ и къ чему предназначить.

Легко и бодро взбѣгалъ онъ за услужливымъ архитекторомъ, въ сопровожденіи толстаго и потнаго, задыхающагося подрядчика, изъ уваженія къ нему не надѣвавшего все время картуза, изъ одного этажа въ другой, и весело, съ непривычнымъ довольствомъ глядѣлъ въ огромныя, почти начинающіяся отъ пола, широкія зеркальныя стекла просторной угловой комнаты, которую онъ предназначилъ для своего кабинета, на развертывающуюся передъ его глазами панораму рисующихся вдали Воробьевыхъ горъ.

Тѣшило и то, что, когда рабочіе, получивъ отъ него на чай, ухо-

дили обѣдать, онъ съ архитекторомъ пѣшкомъ отправлялся въ ближайшій трактирчикъ, гдѣ было и тѣсно, и грязно, и пыльно, но гдѣ почему-то все казалось необыкновенно вкуснымъ: и чай въ бѣлыхъ пузатыхъ чайникахъ, украшенныхъ кирпичнаго цвѣта розами, и воркующая на раскаленной сковородѣ ячница-глазунья, и московская сборная селянка.

И почему-то нисколько не оскорбляло глазъ обиліе жирныхъ пятенъ на посконной скатерти, отсутствіе салфетокъ, вилки и ножи съ деревянными, потрескавшимися черенками и разнокалиберная, обитая и растрескавшаяся посуда.

А потомъ, послѣ завтрака было еще лучше.

Въ домѣ онъ уже находилъ художника и его ученика.

Весело было слѣдить за кистью, накладывавшей смѣлые, сочные и яркіе мазки на нагія холодныя стѣны.

Весело было говорить съ нимъ объ искусствѣ, когда онъ давалъ себѣ отдыхъ.

И особенно пріятно было обходить съ нимъ тѣ комнаты, гдѣ потолки и стѣны были уже расписаны, и любоваться ими.

Арсеній Ипполитовичъ всегда былъ довольно равнодушенъ къ искусству. Онъ, напримѣръ, даже ни разу не побывалъ въ Третьяковской галлерей, но, когда ему пришла фантазія украсить свой домъ расписными плафонами, а стѣны фресками, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ художника и любителя искусства.

А главное—и грандіозность постройки, и роскошь отдѣлки удовлетворяли его, казались ему достойнымъ фономъ для человѣка значительнаго, стоящаго выше толпы.

А такимъ человѣкомъ онъ себя чувствовалъ и считалъ, отлично понимая, что ни деньгами, ни богатствомъ, ни связями, ни положеніемъ, ничѣмъ нельзя пренебрегать, что все это козыри, которые обезпечиваютъ выигрышъ.

Онъ не забылъ и про прессу. Въ двухъ большихъ вліятельныхъ газетахъ, кстати сказать, далеко не одного направленія, онъ былъ пайщикомъ. И теперь оставалось только еще одно условіе, которымъ завершался весь кругъ необходимыхъ ему выгодъ и преимуществъ. Это—женитьба.

Въ студенческіе годы у Арсенія Ипполитовича было нѣсколько увлеченій, изъ которыхъ ни одно не выросло въ болѣе или менѣе прочную связь.

А позднѣе явились та расчетливость, та осторожность, та способность критически относиться и къ себѣ, и другимъ, то умѣнье взглянуть на себя со стороны и оцѣнить не только моментъ, но и его послѣдствія, которыя уберегли Арсенія Ипполитовича отъ обычныхъ неосторожныхъ шаговъ и сохранили ему независимость и свободу дѣйствій.

Къ этому надо прибавить, что женщинъ онъ всегда нѣсколько

сторонился. Онъ его пугали своей наивной дерзостью, своими неумѣренными требованіями, своей жаждой чувства и наслажденій, и съ одинаковымъ недовѣріемъ встрѣчалъ онъ и женскій смѣхъ, и женскія слезы.

Однако онъ сознавалъ, что первая молодость уже ушла и что настала пора подумать о женитьбѣ.

Гиршфельдъ упорно сваталъ ему молодую Тысячникову, и въ мысляхъ Арсеній Ипполитовичъ нерѣдко возвращался къ ней.

Автомобиль легко подпрыгивалъ на выбоинахъ разбитой ломовиками мостовой, пыль съ которой двумя сѣрыми пеленами колыхалась съ обѣихъ сторонъ за зеркальными стеклами.

Рядомъ съ Бахваловымъ на эластичныхъ, покрытыхъ темно-малиновымъ сафьяномъ подушкахъ сидѣлъ художникъ Варенцовъ, еще молодой, но уже успѣвшій войти въ большую славу у богатыхъ москвичей и уже имѣвшій небольшой, но комфортабельный и роскошно убранный особнякъ, студию котораго у московскихъ дамъ считалось моднымъ посѣщать, а равно считалось моднымъ позировать художнику изъ любви къ искусству.

Бахваловъ любилъ подсмѣяться надъ этимъ капризомъ дамъ его круга, желавшихъ соперничать съ натурщицами и отбивавшихъ у нихъ хлѣбъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что и Тысячникова, года два какъ кончившая курсъ въ одной изъ частныхъ гимназій и уже умиравшая со скуки, не зная, на что убить ничѣмъ не занятое время, тоже вздумала позировать Варенцову.

Арсеній Ипполитовичъ зналъ, что на завѣшанной полотномъ, еще не доконченной огромной картинѣ, названной художникомъ «Выборъ рабынь на базарѣ», Тысячникова фигурируетъ на первомъ планѣ, совершенно нагая, если не считать золотыхъ браслетъ на рукахъ и на ногахъ.

Въ другое время онъ сталъ бы шутить надъ художникомъ и высмѣивать сумасшедшихъ бабъ и дѣвчонокъ, которыя бѣсятся съ жиру, какъ выражался онъ, но теперь ему какъ-то не хотѣлось болтать съ Варенцовымъ, и, откинувшись въ уголъ автомобиля, прикрывъ глаза и забывъ о сигарѣ, потухшей у него въ пальцахъ, онъ ушелъ въ свои личныя соображенія.

Семья Тысячниковыхъ такъ была богата и вліятельна, что Елена Тысячникова заслуживала всякаго вниманія, но у Арсенія Ипполитовича была на примѣтѣ еще невѣста изъ небогатой, но очень чиновной семьи, съ огромными связями въ высшей бюрократіи и въ большомъ свѣтѣ.

Тамъ принимали его съ распростертыми объятіями, видѣли въ немъ желаннаго жениха, и дѣвица-невѣста, не первой молодости, блѣдная и худосочная, которую едва-едва можно было назвать хорошенькой, ему все-таки нравилась своей выдержкой, воспитанностью и приличной холодностью.

Но и Тысячникова привлекала его и родственностью натуры, и своей чисто московской яркостью.

Хотѣлось поближе подойти къ ней, окунуться въ ея сферу, въ ея обстановку, но такъ какъ этого нельзя было сдѣлать сейчасъ, то его потянуло въ бабье царство.

Бахваловы, Тысячниковы, Расторгуевы, Четвериковы, Разжирины,—все это были одни и тѣ же махровые цвѣты московской широкой и денежной жизни.

— Поѣдемъ къ нашимъ,—предложилъ онъ Варенцову:—вѣроятно, поспѣемъ къ обѣду.

— Сегодня не могу,—отказался тотъ.—Вы забросьте меня домой.

ХІХ.

Было около семи часовъ вечера, когда Арсеній Ипполитовичъ подѣхалъ къ Бахваловскому дому.

Погожій осенній день, багряный и свѣжій, къ вечеру нахмурился. Солнце садилось ярко-малиновое и маленькое, похожее на китайскій фонарь, въ тяжелыхъ свинцовыхъ тучахъ, и моросилтъ мелкій, скучный и холодный дождикъ.

Въ бабьемъ царствѣ рѣшили, наконецъ, сѣсть обѣдать, не дождавшись Зинаиды, Раисы и Аграфены Асафовны, которыя съ утра пропадали на Кузнецкомъ мосту и въ пассажахъ.

Арсенія Ипполитовича встрѣтила въ столовой Лидія.

И тотчасъ же вслѣдъ за нимъ вошла генеральша.

Арсенію Ипполитовичу она показалась какъ-то театрално-эффектной, и странно было, что она такъ нарядна и кажется еще такъ молода, когда на самомъ дѣлѣ она совсѣмъ старуха.

Онъ съ любопытствомъ оглядѣлъ ее.

Она была очень высока и полна и для своихъ лѣтъ еще очень хорошо сохранилась.

Къ обѣду она всегда выходила туго затянутая въ корсетъ, всегда въ такомъ нарядномъ туалетѣ, что можно было подумать, что она ѣдетъ на балъ.

Это происходило оттого, что она имѣла обыкновеніе выѣзжать въ новомъ туалетѣ два, самое большое три раза, а затѣмъ платье становилось домашнимъ.

И сейчасъ она вошла вся въ складкахъ малиноваго плюша, отдѣланнаго расшитымъ золотымъ кружевомъ, съ открытыми шеей и руками, съ пышной прической, украшенной брильянтовыми шпильками, которыя засверкали цѣлымъ снопомъ разноцвѣтныхъ лучей подъ вспыхнувшей подъ потолкомъ арматурой съ блѣдно-розовымъ хрустальнымъ колпакомъ.

Съ Арсеніемъ Ипполитовичемъ она расцѣловалась.

— Такая тоска,—говорила генеральша, ломая бѣлые, пухлые пальцы въ кольцахъ:—что прямо не знаешь, куда дѣваться. Сегодня именины у Расторгуевыхъ, и я хотѣла ѣхать къ нимъ, но нѣтъ платья и приходится сидѣть дома.

— Смѣло бы можно ѣхать такъ, какъ вы есть сейчасъ, Мэри,—сказала Лидія.

Марина Викуловна презрительно усмѣхнулась.

— Еще что скажешь. Ужъ и такъ мы скоро сдѣлаемся сказкой всей Москвы. Люди съ нашими средствами должны хоть одѣваться прилично.

— Мнѣ кажется...

— Лидочка, душечка, замолчи. Я ненавижу споры. Вотъ Арсеній поможетъ намъ убить вечеръ. Что бы такое придумать?

— Давайте почитаемъ.

— Придумалъ! Неужели книга можетъ замѣнить жизнь? Право, это какое-то странное и легковѣрное заблужденіе. Люди интересуются книгой, написаннымъ романомъ, а мимо живыхъ романовъ проходятъ безучастно, и настоящей жизни нѣтъ.

— Зачѣмъ же непременно романъ? Давайте почитаемъ что-нибудь серьезное. Вонъ у васъ валяется исторія Англій Маколея. Вы такъ хорошо владѣете англійскимъ языкомъ, что для васъ прямо будетъ наслажденіе читать эту книгу, а я съ наслажденіемъ буду васъ слушать и, кстати, поучусь у васъ прононсу, который мнѣ не дается.

— Какой ужасъ! Серьезное чтеніе я прямо ненавижу. И что мнѣ за дѣло до исторіи Англій и вообще до какой бы то ни было исторіи? Притомъ я ненавижу читать по-англійски. Только одного Шелли и выношу.

Генеральша лѣниво принялась за супъ и за пирожки.

— Вы еще ужасно молоды, дѣти мои, и поэтому вы находите много интересовъ внутри себя. И у васъ мало запросовъ. А у меня все изжито, все растрчено, и я жажду впечатлѣній, настроеній, чего-нибудь такого, что бы наполнило пустоту моей жизни. А главное, чтобы это совсѣмъ не было похоже на то, что обыкновенно, что ежедневно, что встрѣчаешь каждый день. Зина говорила, что непременно запишется въ кружокъ оскаръ-уайльdstовъ. Тамъ, должно быть, интересно.

Лидія пожала плечами.

— Но вѣдь они ненавидятъ женщинъ,—сказалъ Арсеній Ипполитовичъ.

— Какой вздоръ! Они ненавидятъ тѣхъ женщинъ, которыхъ имъ навязываютъ въ жены или въ любовницы. А вообще женщинъ для нихъ не существуетъ. Существуютъ просто люди безъ этого дурацкаго дѣленія. Потому что въ сущности, дѣйствительно, не

все ли равно, мужчина или женщина. Разъ мы не имѣемъ дѣла исключительно съ поломъ.

— Они, кажется, именно хотятъ разрѣшить проблему пола,—сказаль Арсеній.

— По-моему, они ее ужъ разрѣшили. По крайней мѣрѣ, въ Англии она разрѣшена.

— Ну, московскіе врядъ ли ее такъ скоро разрѣшать,—усмѣхнулся Арсеній.—Впрочемъ, дѣло пойдетъ, можетъ быть, успѣшнѣе, если поможетъ кто-нибудь изъ Бахваловыхъ.

— Что это—иронія? И къ кому она относится? Къ уайльдистамъ или ко мнѣ съ Зиной? Впрочемъ, мнѣ все равно. Я совершенно равнодушна къ тому, что обо мнѣ скажутъ и подумаютъ, и я прямо завидую Зинѣ, которая еще можетъ восторгаться цыганами, ѣздить на скэтингъ-ринкъ, уживать у «Яра» и вообще умѣетъ убивать время по шаблону.

— Поѣдте къ Расторгуевымъ,—предложилъ Арсеній.—Мы попадемъ какъ разъ въ-время.

— Ни за что! Тамъ можно умереть съ тоски. У нихъ совсѣмъ не бываетъ интересныхъ мужчинъ.

— Что вы называете интересными мужчинами?

— Какъ наивно! Ну, мужчина, который можетъ нравиться, который не похожъ на другихъ.

— Баранова чуть не вышла замужъ за своего метръ-д'отеля,—улыбнулась Лидія.

— Ну, да. И я ее понимаю. Этотъ метръ-д'отель прямо красавецъ. Настоящая бронзовая статуя. Когда у женщины восемь милліоновъ состоянія, почему ей не исполнить своего каприза и не взять такую статую въ мужья?

— А вы бы вышли?—заинтересовался Арсеній.

— Отчего же нѣтъ? Впрочемъ, нѣтъ. Замужъ я бы не вышла. Я бы не стала мѣнять фамилію и положеніе, но...

— Ну, а что касается но, то вѣдь вся Москва знаетъ, какую роль игралъ метръ-д'отель въ домѣ Барановой,—засмѣялся Арсеній.

— И, по-моему, Баранову не за что осуждать.

— Я и не думаю ее осуждать. Я вообще стою за свободу. Пусть всякій дѣлаетъ, что хочетъ. Только бы не мѣшалъ жить другимъ.

— А я о другихъ совсѣмъ не хочу думать,—съ жаромъ возразила генеральша.—Вотъ ты сказала, только бы не мѣшалъ другимъ. И кончено. Ничего не осталось отъ своей свободы. Въ тебѣ не развито индивидуализма. А я индивидуалистка по натурѣ. Я хочу для себя и живу для себя. А до другихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— А справедливость?—спросила Лидія.

— Частной справедливости не можетъ быть,—сказаль Арсеній Ипполитовичъ.—Пусть каждый заботится о себѣ. Вотъ имен-

но. Пусть каждый заботится о себѣ честно и вполне эгоистично. Увѣряю васъ, это будетъ самое лучшее. Только въ заботѣ о себѣ человѣкъ не надѣлаетъ огромныхъ ошибокъ, если онъ будетъ послѣдователенъ и сознательно будетъ стремиться къ своему благу. Только къ своему. Вотъ тогда и будетъ настоящая справедливость. Всѣ эти индивидуализмы будутъ уравниваться другъ другомъ, и будетъ гораздо болѣе счастливыхъ людей.

— И, можетъ быть, еще болѣе несчастныхъ,—вставила Лидія.

— Не несчастныхъ, а неумѣлыхъ, негодныхъ къ жизни при новыхъ условіяхъ, искалѣченныхъ альтруистической доктриной, неспособныхъ къ здоровому эгоизму и не достигшихъ вершины индивидуализма, благодаря поколѣніямъ, воспитавшимъ въ нихъ робость и неувѣренность въ желаніи и лицемѣрную готовность дѣлать не только для себя, но и для другихъ.

— Это оригинально,—сказала Лидія.

— Это, по крайней мѣрѣ, не пошло,—согласилась генеральша, вставая изъ-за стола и опускаясь въ глубокое, мягкое кресло и заботливо укладывая на спинку свою голову, стараясь не измять прически.

— Это ты самъ придумалъ?—спросила Лидія.

— Я не знаю, самъ ли я это придумалъ,—отвѣтилъ Арсеній Ипполитовичъ.—Такъ много читаешь и такъ много воспринимаешь фактовъ изъ жизни, что затрудняешься сказать, что придумалъ ты и что придумали другіе. Знаю только одно, что эта теорія какъ нельзя болѣе подходитъ ко мнѣ, къ моему *sedо* и къ моему отношенію къ людямъ.

— У нея большое достоинство, у этой теоріи,—сказала Лидія.— Она развязываетъ руки.

— Вотъ именно,—отвѣтила генеральша совершенно серьезно.—Она развязываетъ руки. Пассивное начало она замѣняетъ активнымъ. Вы изображали изъ себя какое-то безчувственное бревно и васъ толкали, куда и какъ хотѣли: вправо, влево, впередъ, назадъ.

— А когда въ бревнѣ проснулся индивидуализмъ...—вставила Лидія.

Генеральша насторожила уши. Ей ужъ не разъ казалось, что она ловитъ ироническія нотки въ возраженіяхъ собесѣдницы.

— Вотъ именно въ бревнѣ-то и не могъ проснуться индивидуализмъ,—сказалъ Арсеній.—Бревна осуждены на то, чтобы изъ нихъ строили для другихъ. Но кто способенъ къ эволюціи, тотъ, несомнѣнно, воскреснетъ. Вамъ не нравится эта теорія, Лидія?

— Я не знаю, какова она будетъ на практикѣ,—сказала Лидія.—Если она не пойдетъ дальше хватанія другъ друга за горло...

— Я говорю вамъ, она приведетъ къ общей гармоніи. Миръ индивидуализируется, личность получить признаніе и достигнетъ

высочайшихъ ступеней развитія, таланты сдѣлаются необычайно ярки, способности многогранны и гибки.

— Это прекрасно, — сказала Лидія. — А долго этого ждать?

Генеральша вздохнула.

— Ну, разумѣется, долго. Мы съ вами, Лидочка, до этого не доживемъ.

Лидія усмѣхнулась.

— Вотъ видите, стоитъ ли заботиться объ этой теоріи, которая имѣетъ предметомъ только себя и свое благо, если она явится позднѣ насъ. А вы еще говорите, что вы индивидуалистка.

— Я всегда была ею и останусь ею, — сказала генеральша.

— А все-таки вы прожили жизнь не такъ, какъ хотѣли, — возразила Лидія.

— Вотъ это вѣрно! — воскликнула генеральша. — Дѣйствительно, какъ глупо, какъ позорно-ничтожно прошла моя жизнь. Оглянешься назадъ, и все такое сѣрое, будничное, что не на чемъ остановиться. Если бы меня спросили, что хотѣла бы я вернуть изъ своей жизни, я бы отвѣтила: ничего. Или, если бы мнѣ сказали: хотѣли бы вы вновь пережить вашу жизнь, я бы сказала: ни за что.

Она произнесла это такъ искренно, что Лидія, привыкшая всегда чуть-чуть насмѣшливо встрѣчать ея разсужденія, почувствовала сначала жалость къ ней, а потомъ колючимъ холодкомъ пробралось къ ней въ сердце опасеніе за себя, за свою судьбу и почти съ ужасомъ она спросила себя: неужели пройдетъ много лѣтъ, и она, обернувшись назадъ, также ничего не увидитъ за собой, кромѣ безотрадной пустыни, и ничего не вынесетъ изъ жизни, кромѣ безнадежнаго сознанія, что все прошло даромъ, все не было использовано или было использовано не такъ, и ничего нельзя вернуть, и ничего нельзя исправить.

— Это ужасно! — вырвалось у нея.

Генеральша поднялась съ своего мѣста, выпрямилась, потянулась и упавшимъ голосомъ повторила:

— Да, это ужасно. Ужасно то, мои милые, что мы не нищіе, мы богаты. Понимаете, мы богаты. Когда я вижу нищаго, я всегда жадно наблюдаю за нимъ. Вотъ онъ протягиваетъ руку, грязную, уродливую, скрюченную, и поднимаетъ на васъ глаза, больные, слезящіеся, полные какой-то собачьей мольбы, и я знаю, что достаточно положить на эту протянутую руку пяточекъ, только пяточекъ, [и я дамъ ему радость и подарю восторгъ. А если я дамъ двугривенный, эта радость будетъ огромна, этотъ восторгъ будетъ близокъ къ экстазу. Полтинникомъ я окрылю его, я воскрешу въ немъ надежду, я сдѣлаю его бодрымъ, подвижнымъ, словомъ, я дамъ жизнь трупъ. Подумайте, какія ничтожныя средства и какіе огромные результаты. О, каждый изъ нищихъ — богачъ въ сравне-

ниі съ нами. Боже, какъ глупы люди! Какъ не понять, что богатство не въ томъ, что имѣешь, а въ томъ, чего желаешь.

— Вы это очень хорошо сказали и это очень вѣрно подмѣчено,—отозвался Арсеній Ипполитовичъ.—Но въ томъ-то и дѣло, что надо умѣть жить и надо знать, чего желаешь. И мнѣ кажется, что этого-то именно и лишены Бахваловы. Вотъ я сейчасъ слушалъ васъ и думалъ: вѣдь вотъ все это вы сумѣли такъ образно, такъ почти художественно выразить. Тутъ нужны и умъ, и наблюдательность, и впечатлительность, и умѣнье владѣть словомъ. И вотъ все это у васъ есть. Но все это пропадаетъ втуне. Вообще, чѣмъ больше я приглядываюсь къ нашимъ, къ Бахваловымъ, къ людямъ нашей среды, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что нѣтъ недостатка въ даровитости, способностяхъ, можетъ быть, даже въ талантахъ. Но все это точно подъ спудомъ. Все это скрытыя, сами себя еще не сознавшія, робко и случайно заявляющія о себѣ силы. Это духовный капиталъ, который тоже издавна накапливался изъ поколѣнія въ поколѣніе вмѣстѣ съ денежнымъ капиталомъ. И наслѣдники не дорожатъ ни тѣмъ, ни другимъ. И то, и другое имъ далось само собой, безъ труда. Всегда имъ казалось, что и то, и другое сыздавна принадлежало имъ, и они одинаково расшвыриваютъ и не ими нажитыя деньги, и не ими выстраданныя дарованія. Оттого они не умѣютъ и желать. Чтобы желать, надо ощущать недостатокъ, а у нихъ всегда было всего слишкомъ много.

— Можетъ быть, это и вѣрно,—сказала генеральша.—Лично про себя я могу сказать, что всю жизнь я прожила пассивно. Всегда мнѣ казалось, что и не слѣдуетъ ничего требовать, что и такъ судьба была очень щедра ко мнѣ. А въ итогѣ...

— А я напротивъ,—сказала Лидія:—я совсѣмъ не удовлетворена. Я всегда чувствую себя, какъ въ тюрьмѣ. Точно весь міръ закрытъ для меня. И желаній у меня много. Но прежде всего, конечно, я жажду свободы, возможности распоряжаться собой, какъ мнѣ угодно. Ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не считаюсь, возможности распоряжаться деньгами. Если бъ у меня были свои деньги, я бы уѣхала куда-нибудь далеко, далеко.

— А развѣ у васъ нѣтъ своихъ денегъ?—спросилъ Арсеній.

— Откуда же? Булавочныя? Но вѣдь это такое ничтожество.

— А ваше приданое?

— Приданого долго ждать,—сказала Лидія.—Чтобы его получить, надо выйти замужъ, а я такимъ способомъ получать свое приданое не намѣрена.

— Да ужъ такова традиція,—сказала генеральша.—Въ нашемъ кругу дѣвушкѣ денегъ на руки не даютъ. Да и приданое по жениху. Вонъ Рукосуевы, ужъ на что богаты, а невѣсть полонъ домъ,—вѣдь только отъ первой жены шесть дочерей, а отъ второй

к третьей я ужъ не помню, сколько,—такъ и положеніе невѣстинское тамъ разъ навсегда извѣстно: квартира готовая въ своемъ домѣ, благо домовъ по всѣмъ улицамъ, деньгами, въ день свадьбы, десять тысячъ, обстановка, мебель, ковры, посуда, бѣлье, серебро, гардеробъ,—все честь-честью, на богатую стать, изъ конторы пятьсотъ рублей мѣсячныхъ и экипажъ, если нужно, приплюнуть. Что жъ, доктору начинающему или адвокату и хорошо. И что-то не засиживаются Рукосуевы. Барышни всѣ некрасивыя, но образованныя, бойкія, начитанныя. Кругъ у нихъ пестрый. А для человѣка средней руки такая невѣста прямо находка. Ну, а не вышла дѣвушка замужъ,—не взыщи. Крыша надъ головой есть, сыта, одѣта, обута,—на духи, на перчатки, на конфеты и булабочныхъ хватить. Вонъ тетенька Татьяна Сидоровна, да и наши вѣковуши Прововны такъ весь свой вѣкъ прожили. Да что про нихъ говорить. Посмотрите на меня. Приданое дали за мной прекрасное,—вѣдь за Полупудова шла, не за кого-нибудь,—и послѣ мужа остался хороший капиталъ,—а какъ я жила? Что у меня, что у Раисы съ Зиной, что у Лидочки,—все одна жизнь. Вонъ Аграфена Асафовна пожила въ свое удовольствіе, такъ зато безъ гроша осталась. Жаль и ее. Имѣть такъ много и всего лишиться. Я такъ сочувствую ей.

— А я не могу жалѣть маман,—отвѣтила съ живостью Лидія.— Къ ней это не идетъ. Я просто восхищаюсь ею. Вотъ она умѣла жить.

Генеральша вздохнула.

— Въ молодости кажется, что жизнь еще такъ долга, что не торопишься жить, а въ зрѣлые годы уже не вѣришь въ себя. Но ты еще молода, Лидочка, и я рада, что ты понимаешь, что жизнь не ждетъ. Ты умнѣе Зины и Раи. Тѣ прожигаютъ жизнь, и она обманетъ ихъ. Приданого своего онѣ, конечно, не увидятъ. Ипполитъ не дастъ ничего, я увѣрена. У него теперь молодая жена, до сестеръ ему нѣтъ дѣла.

— А вотъ вы и не подозрѣваете,—сказалъ Арсеній:—что именно эта молодая жена скорѣе всякаго другого способна стать на защиту вашихъ интересовъ. Да и вообще, тетя Лида, вы не унывайте. И я, и братъ, и Михаилъ Яковлевичъ ужъ почти выработали проектъ, по которому будетъ перестроено наше торговое предпріятіе. Можетъ быть, это будетъ товарищество на паяхъ, можетъ быть, акціонерное общество, но во всякомъ случаѣ каждая изъ васъ можетъ быть тогда или пайщицей, или держательницей акцій.

— Славны бубны за горами!—недовѣрчиво отозвалась генеральша.—Никогда не повѣрю, чтобы Ипполитъ выпустилъ деньги изъ своихъ рукъ.

— Да и не нужно, деньги будутъ и у него. Въ Бахваловскомъ дѣлѣ денегъ много, на всѣхъ хватить, но нѣтъ организаціи. До

сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, отсутствовалъ организаціонный геній.

— Такъ кто же этотъ геній? Ты, что ли?—спросила генеральша и чуть-чуть улыбнулась.

— Ничуть не бывало. Это не моя сфера. Есть другой человекъ, который чувствуетъ въ ней себя, какъ дома. Это—Михаилъ Яковлевичъ.

— Такъ и знала!—махнула рукой генеральша.—Пусти козла въ огородъ, всю капусту подбереть.

— Всю мы ему не дадимъ подобрать,—сказалъ Арсеній:—а что ему слѣдуетъ, то, конечно, онъ получить.

— Ну, а ты?—спросила генеральша.—Я газетъ не читаю, но на дняхъ совершенно случайно попалась мнѣ на глаза статья и, къ удивленію моему, въ ней en toutes lettres, твое имя. Что-то совсѣмъ несуразное. Я поняла такъ, что тебя прочать въ министры финансовъ, если, конечно, это не шутка.

— Никакой шутки тутъ нѣтъ,—сказалъ Арсеній Ипполитовичъ:—но въ министры финансовъ меня не заманишь. Этого портфеля я не приму.

— Какой тонъ!—усмѣхнулась генеральша.—А мнѣ было бы такъ лестно имѣть племянника министромъ.

— Въ свое время вы получите это удовольствіе,—засмѣялся Арсеній Ипполитовичъ и уже серьезно прибавилъ:—вотъ видите ли, вы смѣтаете, сами не зная, чему. А дѣло въ томъ, что у исторіи и жизни есть свои герои. И пока одни Бахваловы держатъ людей въ кулакъ и жмутъ изъ нихъ масло, а другіе Бахваловы бредятъ научными открытіями или мечтаютъ насадить на землѣ рабочий рай, находятся и такіе Бахваловы, которые умѣютъ оцѣнить моментъ и понять, что историческая сцена расчищена для нихъ, для представителей третьяго сословія, что она пуста. Прежніе актеры, два господствовавшихъ всегда сословія, дворянство и духовенство, сходятъ съ нея, и отъ новаго, сильнаго и властнаго сословія, имѣющаго за собой и жизненный опытъ, и здоровья, прочныя связи съ народомъ, и золото, эту кровь нашего капиталистическаго строя, отъ представителей этого сословія зависитъ привлечь къ себѣ вниманіе зрителей, показать себя не жалкими и смѣшными комедіантами, пѣшками и маріонетками въ рукахъ неловкаго и безцеремоннаго режиссера, а актерами великой міровой драмы и актерами достойными, *rightmen in the right place*.

Генеральша обмѣнялась съ Лидіей изумленнымъ и восхищеннымъ взглядомъ.

— Но ты, дѣйствительно, можешь далеко пойти,—уже не смѣясь, сказала она.

Но Арсеній Ипполитовичъ уже досадовалъ на себя за свой по-

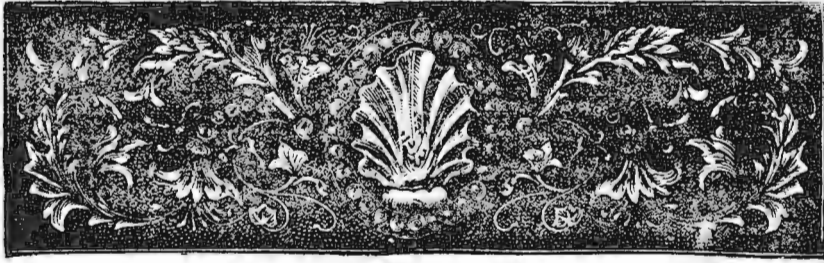
рывъ и, воспользовавшись тѣмъ, что вернулись дамы съ покупками, подъ шумокъ простился только съ одной генеральшей и уѣхалъ.

Осталось какое-то досадное и неудовлетворенное чувство отъ этого посѣщенія. Ничего интереснаго вѣдь онъ не вынесъ, и незачѣмъ было ораторствовать: даромъ тратить порохъ глупо, его надо приберечь для настоящей большой аудиторіи. Потомъ его раздраженіе улеглось. А когда онъ ложился спать, онъ уже отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что малозамѣтная, сложная работа мысли совершилась, и, самому ему невѣдомыми путями, онъ пришелъ къ твердому и, какъ онъ былъ увѣренъ, благоразумному рѣшенію жениться на петербургской чиновной барышнѣ. Съ нею можно было не опасаться сюрпризовъ и съ нея надо было начинать завоеваніе положенія въ сферахъ. Москва—своя, родная, вся она для него что-то въ родѣ старой богатой, добродушной самодурки-тетки. Съ Москвой они договорятся съ полуслова и поладятъ. И Москва его не выдастъ.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова).

ІХ.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ Берлинскаго конгресса ²⁾ я держался въ отдаленіи отъ дѣлъ, пребывая въ Кіевской губерніи и за границею. Въ теченіе этого тяжелаго времени я получилъ слѣдующія письма отъ Н. К. Гирса и А. И. Нелидова. Первый управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а второй былъ призванъ канцлеромъ въ Берлинъ, въ качествѣ совѣтника-эксперта, въ помощь уполномоченнымъ.

Письмо Гирса. 6-го іюня (Царское Село):

«Я понимаю, что при настоящихъ столь грустныхъ, обстоятельствахъ, жизнь въ деревнѣ пріятнѣе, чѣмъ присутствіе въ центрѣ всѣхъ политическихъ передрагъ Вамъ въ особенности тяжело было бы переносить тѣ неудачи, которыя испытывали мы на Берлинскомъ конгрессѣ; но, видно, того требуетъ историческій ходъ дѣла, и великіе результаты достигаются не вдругъ. Шуваловъ привезъ третьяго дня

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣсти.», т. СХLIV, стр. 32.

²⁾ Представителями европейскихъ державъ были на Берлинскомъ конгрессѣ слѣдующія лица: отъ Австро-Венгріи: графъ Андраши, графъ Кароли и баронъ Геймерле; отъ Великобританіи: лордъ Биконфильдъ (онъ же Дизраэли), маркизъ Салис-

трактатъ, которымъ похвастать нельзя, но помириться съ нимъ еще можно было бы, если бы мы имѣли увѣренность, что онъ будетъ вполне приведенъ въ исполненіе. Канцлеръ возвратился сегодня; здоровье его, говорятъ, поправилось...».

Письмо Нелидова изъ Берлина 9-го (21-го) іюня:

«Мы здѣсь въ полномъ болгарскомъ кризисѣ. Вы, вѣроятно, знаете сущность основаній, на которыхъ должно было состояться наше соглашеніе съ Европою, подъ защитою англичанъ. Къ несчастію, тонъ и даже музыка совершенно здѣсь измѣнились. Нескромность одной газеты ¹⁾ значительно повредила ходу дѣлъ. Партія тори была оскорблена тѣмъ, что Биконсфильдъ и Салисбюри отправились на конгрессъ, связавъ себѣ руки предварительными соглашениями, и вотъ причина, что оба англичанина смяты добыть отъ насъ больше, нежели предполагали прежде, придираясь въ подробностяхъ сварливымъ образомъ и чрезмѣрно распространяя значеніе уступокъ, уже сдѣланныхъ. Ихъ поддерживаетъ Андраши, съ которымъ, мнѣ кажется, они сговорились здѣсь на крайніе случаи, и который, съ своей стороны, требуетъ и настаиваетъ на полученіи участка юго-восточной Герцеговины и сѣверо-западной Старой Сербіи, лежащей между Черногоріею и Сербіею, заявляя, что въ случаѣ несогласія нашего на это пріобрѣтеніе онъ вынужденъ и рѣшился намъ противорѣчить по всѣмъ пунктамъ. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, конгрессъ не подвигается потому, что каждый вопросъ обостряется, грозитъ разрывомъ и требуетъ испрошенія высочайшихъ повелѣній, которыя, должно быть, очень трудно издавать бѣдному императору, такъ какъ всякій разъ приходится ему соглашаться на новыя жертвы, неизмѣнно добавляемыя ко всѣмъ тѣмъ, которыя онъ уже принесъ, чтобы избѣгнуть войны. Я до сихъ поръ не вѣрилъ, что англичане къ ней неуклонно стремятся. Я думаю, что австрійцы желаютъ еще менѣе войны. Но дерзость, которую выказываютъ и тѣ, и другіе въ Берлинѣ, заставляла бы предположить, что они во что бы то ни стало хотятъ насъ вывести изъ терпѣнія, въ убѣжденіи, что, не будучи въ состояніи продолжать войну, мы примемъ одно за другимъ всѣ ихъ требованія. Тѣмъ не менѣе, мнѣ смутно кажется, и я не одинъ имѣю это чувство, что если бы мы когда-нибудь показали твердость,

бюри и лордъ Рессель; отъ Германіи: князь Бисмаркъ, Бюловъ, князь Гогенлоу; отъ Италіи: графъ Корти и графъ Лонэ; отъ Россіи: князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ и Павелъ Петровичъ Убри; отъ Турціи: Садуллахъ-бей, отъ Франціи: Вадингтонъ, графъ Сень-Валлье и Депре.

А. Б.

¹⁾ Газета добыла секретный протоколъ соглашенія, заключеннаго между Салисбюри и графомъ Шуваловымъ касательно измѣненій въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Оппозиція ухватилась за этотъ фактъ, чтобы обличить англійскихъ министровъ въ двуличіи и въ слабости, прикритой воинственною хвастливостію.

А в т.

если бы мы рѣшились показать зубы и кулаки, наши противники могли бы быть озадачены и сбавили бы свое высокомеріе. Я думаю, что въ этомъ отношеніи обнародованіе въ газетѣ протокола можетъ быть намъ полезно, ибо, когда увидятъ, что мы согласились уступить ¹⁾, и сравнятъ съ тѣмъ, что хотѣли еще отъ насъ вытребовать народы, принужденные нести военные расходы, тогда поймутъ, что войну умышленно, предвзято вызываютъ безъ достаточнаго основанія. А пока европейскій миръ и судьба Россіи висятъ все время на волоскѣ, и это положеніе становится до крайности невыносимымъ, въ особенности для тѣхъ лицъ, которыя, какъ я, уже два года выносятъ военныя тягости...»

Я жалѣлъ, что тотчасъ послѣ ратификаціи Санъ-Стефанскаго договора и даже прежде не назначали посла въ Константинополь. Простой повѣренный въ дѣлахъ ²⁾, полумертвый, назначенный чрезъ мѣсяць, не можетъ уже ничего вытребовать; это было ясно, я это предчувствовалъ и настаивалъ на немедленномъ назначеніи. Упрямство Горчакова тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нанесло вредъ нашимъ интересамъ. Здѣсь онъ разыгрываетъ истиннѣ недостойную роль. Не будучи въ состояніи ходить, потерявъ память, не схватывая уже смыслъ новыхъ для него предложеній и не различая отгѣнковъ, онъ говоритъ вкось и вкривь, горячится, важничаетъ и путаетъ, добавляя, такимъ образомъ, предлогъ къ насмѣшкамъ и уже тяжкому нашему положенію. Къ тому же ни одинъ изъ нашихъ уполномоченныхъ никогда не видѣлъ Востока и никакого понятія не имѣетъ, что до него касается. Такимъ образомъ, многое, что могло бы устроиться въ нашу пользу, въ подробностяхъ обращается въ ущербъ намъ вслѣдствіе того, что не представляются своевременно и кстати надлежащіе доводы въ нашу пользу. Наконецъ Шуваловъ, который, несомнѣнно, уменъ и одаренъ быстрою соображеніемъ, находится, какъ мнѣ кажется, слишкомъ подъ впечатлѣніемъ могущества Великобританіи и недостаточно сопротивляется нахальному высокомерію Биконсфильда, полагая постоянно видѣть пугало войны въ концѣ спора... Я предлагаю уладить дѣло о мѣстности между Сербіею и Черногоріею, предложивъ Андраши обязательства въ виду обезпеченія торговаго пути, о которомъ онъ постоянно говоритъ, въ томъ, что, пока Турція существуетъ, эта мѣстность не будетъ принадлежать ни Сербіи, ни Черногоріи и что мы воспротивимся нарушенію этого условія, если будутъ попытки его нарушить ³⁾. Андраши во всемъ этомъ дѣлѣ показалъ себя очень скверно; что касается Салисбюри, это пре-

¹⁾ Прежде созванія конгресса.

А в т.

²⁾ Нелидовъ.

А в т.

³⁾ По мысли Нелидова, пришлось бы Россіи выступить противъ Сербіи, или даже Черногоріи, въ огражденіе интересовъ Австро-Венгріи.

А в т.

естественный лицемѣръ и отмѣнно двуличный человекъ. Биконсфильдъ — воплощенный геній зла. Вотъ наши враги; сверхъ того, маленькая змѣя Геймерле ¹⁾. Французы слишкомъ много нами пренебрегаютъ, точно такъ же, какъ и итальянцами, которые, однакоже, могли бы быть намъ чрезвычайно полезными ²⁾».

Письмо Нелидова изъ Берлина 29-го іюня (11-го іюля):

«Конгрессъ конченъ, Санъ-Стефанскій договоръ совершенно передѣланъ, Болгарія разрѣзана на двое Балканами ³⁾, съ предоставленіемъ туркамъ права занять и укрѣпить южный склонъ, съ условіемъ не расквартировываться у жителей, ни позволять войскамъ, посылаемымъ для занятія гарнизоновъ въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ, останавливаться въ пути. Выдѣлили Македонію. Предоставили право австрійцамъ занять и управлять Босніею и Герцеговиною и содержать гарнизоны въ мѣстности до Митровицы; измѣнили черногорскую границу, уменьшивъ присоединяемую территорию; у насъ вырѣзали часть отходившихъ къ намъ азіатскихъ владѣній; Змѣинный островъ передали Румыніи; консула-делегаты европейскіе будутъ помогать въ управленіи нашимъ комиссаромъ Сѣверной Болгаріи и наблюдать за нимъ. Въ Восточной Румелии поручено европейской комиссіи разработать и ввести новый уставъ. Это отрицательная сторона рѣшеній конгресса; а положительная наша прибыль заключается въ признаніи Европою нашихъ собственныхъ пріобрѣтеній и въ созданіи почти независимаго болгарскаго центра, который будетъ служить основой для этой несчастной народности. Но въ особенности это миръ, или, во всякомъ случаѣ, вѣроятность мира вмѣсто этой ужасающей, предстоившей войны, которая могла быть только гибельная для насъ ⁴⁾».

¹⁾ Геймерле былъ совѣтникомъ австрійскаго полочества при баронѣ Прокешѣ и казался мнѣ всегда фальшивымъ и намъ враждебнымъ, тогда какъ секретари посольства и совѣтники, будучи съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, увѣряли меня, что я напрасно предубѣжденъ противъ пронырливаго австрійца. А в т.

²⁾ Это мнѣніе раздѣлялъ я вполне и былъ радъ, что Нелидовъ подтвердилъ его при личномъ наблюденіи за ходомъ дѣлъ. А в т.

³⁾ Нелидовъ ошибался: Болгарія не только была разрѣзана на двое, но раздѣлена на пять частей, изъ которыхъ двѣ части возвращены подъ власть турокъ, тогда какъ онѣ уже были освобождены Россіею. А в т.

⁴⁾ Это убѣжденіе, къ сожалѣнію, проникло не только дипломатовъ нашихъ, но и главную квартиру арміи. Иностранцы воспользовались такимъ плачевнымъ настроеніемъ, которое и не умѣли скрыть. Когда мнѣ выставляли на видъ, что Берлинскій договоръ упрочилъ европейскій миръ, я отвѣчалъ (въ 1878 г.): я желалъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ покончить всѣ расчеты наши съ Портою и упрочить миръ на Востока, но въ Берлинѣ не миръ водворили, а европейскій и восточный разладъ на многіе годы. Берлинскій договоръ, основанный на невѣжествѣ географическомъ и этнографическомъ и на удовлетвореніи зависти и корыстолюбивыхъ вождельній Австро-Венгріи и Англій, дастъ не миръ прочный, а поселитъ взаимное недовѣріе между правительствами, создастъ нескончаемыя вооруженія, раздоры и приведетъ къ усложненію восточнаго вопроса и къ войнѣ. А в т.

«Въ этомъ я убѣдился еще болѣе на прошедшей недѣлѣ, когда я былъ посланъ курьеромъ въ Петербургъ, или, лучше сказать, въ Царское Село, чтобы дать словесный отчетъ его величеству о положеніи, которое создано намъ здѣсь.

Письмо Нелидова изъ Берлина 1-го (13-го) іюля:

«Сегодня подписываютъ трактатъ и тотчасъ послѣ того всѣ разѣзжаются. Горчаковъ и Шуваловъ уѣзжаютъ въ Петербургъ, и старикъ уже говорить, что, если государь будетъ настаивать, онъ согласится сохранить должность до октября. Но въ настоящую минуту необходимъ болѣе, нежели когда-либо, новый руководитель, молодой, дѣятельный, предприимчивый, который бы основалъ на новомъ положеніи новую систему дипломатической дѣятельности...¹⁾

«Мнѣ кажется, что самый серьезный кандидатъ на министра иностранныхъ дѣлъ Лобановъ, и я полагаю, что въ настоящую минуту онъ тамъ былъ бы на мѣстѣ. Но вѣнское правительство требуетъ перемѣны личности. Наша тѣсная связь съ Австріею привела насъ, какъ и слѣдовало ожидать, лишь къ разочарованію²⁾. Теперь когда занятіе Австріею Босніи и Герцеговины, а Кипра Англіею возбудить страсти³⁾ въ Италіи и Франціи, не слѣдовало бы держаться старой системы. А Новиковъ не можетъ слѣдовать иной. Даже Андраши говорилъ здѣсь, что нашъ посолъ такъ боялся передавать ему непріятное сообщеніе, что необходимо было употребить усилія, чтобы принудить его выговорить то, что ему было поручено сказать. Вообще австрійцы были самые враждебные къ намъ. Геймерле⁴⁾ возбуждалъ всего болѣе затрудненій намъ въ подробностяхъ и выказалъ себя до крайности лукавымъ смутникомъ».

¹⁾ А. М. Горчаковъ родился 16-го іюля 1798 года. Поэтому въ эпоху Берлинскаго конгресса ему было восемьдесятъ лѣтъ. Всѣ его противники въ заграничной дипломатіи были моложе. Биконсфильду было 74 года; Бисмарку—63 года; Андраши—55 лѣтъ. Нашему же Игнатьеву было всего 50 лѣтъ. А. Б.

²⁾ Я это все время, съ 1873 года, предсказывалъ, но меня не хотѣли слушать, вѣрившись графу Андраши. Впрочемъ, Нелидовъ прежде также вѣрилъ соглашенію съ Вѣною. А в т.

³⁾ Графъ Шуваловъ, поддержанный большею частью высшаго петербургскаго общества, всѣми нѣмцами и англичанами, во главѣ съ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, надѣялся быть замѣстителемъ князя Горчакова и съ этой цѣлью старался повредить какъ можно болѣе Игнатьеву, котораго онъ считалъ соперникомъ, тогда какъ министерство иностранныхъ дѣлъ полагало, что наслѣдіе князя Горчакова перейдетъ къ Лобанову. А в т.

⁴⁾ Графъ Геймерле, австрійскій дипломатъ, родился въ 1828 году въ Вѣнѣ, происходилъ изъ Богеміи. Онъ изучалъ восточные языки въ 1848 году въ Вѣнѣ и увлекся востаніемъ такъ, что попалъ въ списки подлежащихъ разстрѣлу по приказанію Виддингера, но былъ спасенъ по ходатайству барона Гюбнера. Въ 1850 году онъ поступилъ на дипломатическую службу въ константинопольское австрійское посольство въ качествѣ переводчика. Въ 1864 году онъ занялъ въ Копенгагенѣ посольскій постъ; въ 1869 году—таковой же постъ въ Афинахъ; въ 1872 году—въ Гаагѣ; въ 1877 году назначенъ австрійскимъ посломъ въ Римъ. Послѣ его участія въ Берлинскомъ конгрессѣ онъ въ 1879 году былъ назначенъ преемникомъ Андраши во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1881 году. А. Б.

Въ Берлинѣ во время конгресса и предварительныхъ переговоровъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ забыли, отдавая обратно территорію, переданную Турціею Россіи по Санъ-Стефанскому договору, что земельныя уступки замѣнили признанное въ принципѣ денежное вознагражденіе и что справедливость требовала не только не уменьшать трехсотмилліонной денежной контрибуціи, но увеличить сумму соотвѣтственно уменьшенію территориальнаго вознагражденія. Вообще не только основная мысль Санъ-Стефанскаго договора была извращена, но цѣльность его была совершенно нарушена: выгодныя для Россіи стороны выбросили или умалили, а невыгодныя оставили, усугубили и ввели новыя добавленія, прямо во вредъ русскимъ интересамъ. Остались лишь обломки зданія, созданнаго въ Санъ-Стефано.

Болгарію не только раздѣлили пополамъ, но раздѣлили на шесть клочковъ: оставивъ княжеству лишь треть округовъ (нахій), входившихъ въ составъ его по договору, дали шесть изъ нихъ Сербіи, одиннадцать—Румыніи, шесть возвратили Турціи безусловно, 29 отдѣлили въ западный участокъ (Македонія) и 22 въ Восточную Румелію. Однимъ словомъ, отдали двѣ трети Болгаріи въ эксплуатацію туркамъ, румынамъ, сербамъ, грекамъ, австро-венграмъ и англичанамъ. Добруджу можно было рискнуть отдѣлить отъ Болгаріи, лишь когда образовалось бы цѣльное, сильное княжество Болгарское и Россія вернула бы себѣ всю Бессарабію съ дунайскими рукавами. Въ Берлинѣ же, уменьшивъ Болгарію до неузнаваемости и согласившись на отдачу намъ лишь части Бессарабіи, все-таки отдали Добруджу Румыніи, да еще ее чрезмѣрно увеличили. Исходъ Берлинскаго конгресса подтвердилъ то, что я предвидѣлъ и предсказалъ со времени поѣздки моея въ Вѣну: измѣненіе границъ Болгаріи и уступки наши нужны были Австріи и Англіи преимущественно для уничтоженія нашего преобладанія на Балканскомъ полуостровѣ и для того, чтобы легче вытребовать отъ Турціи, въ видѣ вознагражденія за защиту ея мнимыхъ интересовъ, Боснію и Герцеговину Австріи, а Кипръ и право хозяйничанья въ областяхъ съ армянскимъ населеніемъ Великобританіи.

Порта признала, по Санъ-Стефанскому договору, что она должна выплатить Россіи триста милліоновъ рублей деньгами. Оставалось послѣдующими переговорами посольства обезпечить исправный платежъ суммъ серьезными гарантіями и для сего изыскать тѣ доходныя статьи, которыя могли бы быть на сіе опредѣлены. Не принявъ французскаго предложенія, поддержаннаго мною, учрежденія синдиката, чтобы согласить наши интересы съ европейскими кредиторами Порты, наша дипломатія, при рѣшеніи вопроса о платежѣ Россіи турецкаго долга, озабочивалась болѣе объ огражденіи выгодъ послѣднихъ въ угоду кабинетамъ, нежели старалась обезпечить уплату долга Турціею Россіи. Вслѣдствіе сего права европей-

скихъ кредиторовъ были вполне обезпечены, тогда какъ уступки, сдѣланныя русскими представителями, не только въ способѣ уплаты, но и въ суммѣ долга, были чрезмѣрны. вмѣсто капитальнаго долга, подлежавшаго взысканію по усмотрѣнію русскаго правительства, мы, уменьшивъ сумму, согласились разсрочить оную на сто лѣтъ и замѣнили взносъ капитала ежегоднымъ, весьма скромнымъ платежомъ. Сверхъ того, платежи эти ничѣмъ существеннымъ не обезпечены—не такъ, какъ взносы турецкой казны по старымъ долгамъ европейскимъ. Подобную сдѣлку нельзя считать выгодною и не унижительною для побѣдоносной Россіи, великодушіемъ которой злоупотребили.

Не только болгары и славяне вообще выражали мнѣ свое сочувствіе, благодарность и сожалѣніе, что я не принималъ участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ, но и армяне вторили нашимъ единоплеменникамъ. Архіепископъ Хоренъ, одинъ изъ уполномоченныхъ армянскихъ депутатовъ, прислалъ мнѣ въ деревню изъ Петербурга 24-го мая горячее письмо, въ которомъ выразился, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Болѣзнь ваша вдвойнѣ для насъ прискорбна, совпадая съ такою рѣшительною минутою, когда вы такъ намъ были нужны на конгрессѣ. Лучше всякаго другого вы могли бы насъ защитить и описать наше несчастное положеніе. Вы были бы на конгрессѣ нашимъ лучшимъ покровителемъ и защитникомъ предъ Европою, самымъ способнымъ закончить наше освобожденіе, такъ хорошо начатое вашими усиліями. Что бы ни случилось и хотя ваше краснорѣчіе не будетъ имѣть случая проявиться въ пользу нашу въ Берлинѣ, я никогда не забуду, и наша страна также не забудетъ того, что вы сдѣлали для нашего спасенія. Будущій историкъ скажетъ, что генералу Игнатьеву принадлежитъ честь впервые вписать армянъ въ европейскій договоръ и принудить турокъ-угнетателей официально признать, въ торжественномъ актѣ, существованіе забытаго христіанскаго народа, несправедливо страждущаго. Вы приобрѣли незабвенныя права на признательность всего нашего народа».

Иностранцы, въ особенности же славяне и дипломаты, сталкивавшіеся со мною въ теченіе многихъ лѣтъ и привыкшіе считать меня политическимъ дѣятелемъ, не скоро освоились съ мыслью, что я не принимаю уже никакого участія въ восточной политикѣ Россіи и продолжали ко мнѣ обращаться, несмотря на мое молчаніе и на оставленіе мною писемъ безъ отвѣта. Старый мой сотоварищъ и пріятель графъ Корти, засѣдавшій на Берлинскомъ конгрессѣ въ качествѣ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, узнавъ, что я съ семьею провожу зиму 1878—1879 годовъ въ Ниццѣ, нарочно пріѣхалъ туда въ январѣ, чтобы съ нами свидѣться и провести вмѣстѣ двое сутокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Корти былъ близкимъ мнѣ человѣкомъ и нерѣдко союзникомъ въ дипломатиче-

скихъ моихъ дѣйствіяхъ, въ Константинополѣ и въ особенности во время конференціи 1876 года, гдѣ онъ первоначально служилъ посредникомъ между Салисбюри и мною, пока не установились дружественныя личныя отношенія между англійскимъ посломъ и его семействомъ и мною и моею женою. Зная его слабость къ Англии и старыя дружественныя отношенія къ Салисбюри, я предлагала канцлеру тотчасъ послѣ появленія циркуляра (мартовскаго) Салисбюри, направленнаго противъ Санъ-Стефанскаго договора, предоставить Корти, только что назначенному на постъ министра иностранныхъ дѣлъ и весьма естественно искавшему случая отличиться, пріобрѣсти значеніе въ глазахъ кабинетовъ и выставиться въ благопріятномъ свѣтѣ предъ своими соотчичами, возможность быть довѣрительнымъ посредникомъ сближенія между нами и англійскимъ правительствомъ. Графъ Корти взялся бы вывѣдать отъ Салисбюри тѣ крайнія уступки, которыхъ Англія отъ насъ требуетъ, и подготовить почву для общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, такимъ путемъ могли бы мы достигнуть желаемой канцлеромъ цѣли удобнѣе, безъ риска и съ большимъ сохраненіемъ нашего достоинства и русскихъ интересовъ. Я очень хорошо сознавала, что стоило только разъ показать видъ Англии и Австріи, что мы готовы поступиться выгодами Санъ-Стефанскаго договора, только что ратификованнаго государемъ, чтобы притязанія противниковъ нашихъ возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ и чтобы все отъ насъ отступились, завлекая насъ на опасный и недостойный Россіи путь постоянныхъ уступокъ и жертвъ для мнимаго сохраненія европейскаго мира. Лучше было предоставить личному другу англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ нимъ предварительно объясниться и отыскать, на собственный страхъ, средства соглашенія, могущія быть нами принятыми, съ сохраненіемъ главнѣйшимъ интересовъ нашихъ и достоинства, чѣмъ предоставить нашему послу въ Лондонѣ, чуждому традицій нашей политики на Востокѣ, входить въ непосредственныя сношенія съ англійскими министрами на основаніи предвзятаго принципа, рѣшеннаго между ними, но недостойнаго Россіи,—полнаго отступленія нашего предъ Великобританією и даже Австро-Венгрією и измѣненія, согласно ихъ желанію, Санъ-Стефанскаго договора, ратификованнаго государемъ императоромъ и султаномъ.

Разговоръ, который я имѣлъ съ итальянскимъ посломъ въ Петербургѣ Нигра около 23-го апрѣля, и знаніе личнаго характера и положенія графа Корти убѣждали меня въ готовности и желаніи итальянскаго правительства способствовать сохраненію мира и отстраненію всѣхъ возникшихъ тогда недоразумѣній между Россією и Англиєю. Я передалъ большому тогда канцлеру и совѣтнику его Жомини впечатлѣніе это, предлагая или имъ самимъ поговорить о томъ съ Нигрою, или же предоставить мнѣ, какъ личному пріятелю Корти, внушить ему мысль о тайномъ посредничествѣ, на собствен-

истор. вѣстн., май 1916 г., т. схлѣв.

3

ный страхъ. Баронъ Жомини увѣдомилъ меня письменно въ субботу 25-го марта, что канцлеръ не желаетъ предоставить Нигрѣ и графу Корти случай вмѣшаться, предпочитая ожидать послѣдствій разговоровъ между графомъ Шуваловымъ и Салисбюри. Первый опасный и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшающій шагъ въ направленіи непосредственнаго соглашенія съ Англіею цѣною пожертвованія Санъ-Стефанскимъ договоромъ былъ сдѣланъ, къ сожалѣнію, нашимъ посломъ въ Лондонѣ. Неизбѣжныя послѣдствія его не могли быть иными, какъ тѣ, которыя выразились Берлинскимъ договоромъ. Бесѣда съ графомъ Корти въ Ниццѣ подтвердила основательность моихъ предположеній и опасеній. Когда я ему откровенно высказалъ дружескіе, но горькіе упреки относительно перехода его въ лагерь противниковъ Россіи и назвалъ дѣйствія его на Берлинскомъ конгрессѣ измѣною относительно той политики, которой мы вмѣстѣ слѣдовали на Константинопольской конференціи въ 1876 г., графъ Корти сталъ горячо увѣрять меня, что онъ попрежнему вовсе не былъ расположенъ поддерживать виды Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ и притязанія ея на Боснію и Герцеговину и что, какъ юный министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ желаетъ прежде всего разыграть на конгрессѣ достойную роль миротворца, содѣйствующаго сглаживанію взаимныхъ неудовольствій и затрудненій между Россіею, Англіею и Австро-Венгріею. Для этой цѣли онъ хотѣлъ предложить свои услуги и свое довѣрительное посредничество князю Горчакову и графу Шувалову, жалѣя, что онъ не былъ призванъ къ этому ранѣе конгресса для подготовленія почвы, которая уже была значительно испорчена, когда уполномоченные съѣхались въ Берлинъ. «Русскіе уполномоченные приняли меня очень холодно,—сказалъ Корти:—давъ мнѣ понять, что они не нуждаются ни въ какомъ содѣйствіи моемъ и что они уже непосредственно согласились прежде начала конференціи не только съ Англіею, но и съ Австро-Венгріею». Такой неожиданный отзывъ былъ обиденъ для Италіи и ставилъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ въ щекотливое положеніе. Чтобы выйти изъ него, ему не оставалось ничего болѣе, какъ войти въ полное и исключительно соглашеніе съ Салисбюри, тѣмъ болѣе, что это было тѣмъ легче и удобнѣе для него лично, что онъ уже былъ, «какъ вамъ извѣстно»,—замѣтилъ Корти, —«соединенъ съ англійскимъ уполномоченнымъ узамъ давнишней дружбы». Чтобы не компрометировать своего личнаго положенія предъ итальянскимъ парламентомъ, графъ Корти съ этой минуты подчинился вліянію Англии и примкнулъ на конгрессѣ къ ея уполномоченнымъ. Очевидно, что если бы князь Горчаковъ, вмѣсто непосредственныхъ предварительныхъ переговоровъ въ апрѣлѣ между графомъ Шуваловымъ, недостаточно знакомымъ съ восточными дѣлами, и Салисбюри, вооруженнымъ всѣми нужными свѣдѣніями и пріобрѣтенною опытностію по азіатскимъ дѣ-

ламъ вообще и на Константинопольской конференціи въ особенности, разрѣшилъ бы мнѣ дать ходъ дружественному посредничеству графа Корти, то исходъ былъ бы, вѣроятно, болѣе благопріятный и мы вступили бы въ конгрессъ, не будучи связаны тѣмъ пагубнымъ соглашеніемъ, которое было заключено въ Лондонѣ между графомъ Шуваловымъ и англійскимъ министромъ.

Въ Парижѣ осенью въ 1878 году видѣлся я, между прочимъ, съ Ваддингтономъ, который, не будучи мною къ тому вызванъ, разсыпался въ извиненіяхъ и объясненіяхъ своего страннаго образа дѣйствій на Берлинскомъ конгрессѣ, ссылаясь на то, что состоявшееся между графомъ Шуваловымъ и Салисбюри предварительное соглашеніе относительно измѣненія Санъ-Стефанскаго договора и путешествіе нашего посла въ Фридрихсруэ для того, чтобы условиться во всемъ также и съ княземъ Бисмаркомъ, поставило Францію въ совершенную необходимость сблизиться съ Англіею и содѣйствовать ея видамъ, чтобы не очутится на конгрессѣ въ затруднительномъ и изолированномъ положеніи.

Встрѣтившійся со мною на выставкѣ въ Парижѣ осенью же 1878 г. германскій посолъ, князь Гогенлоэ, упрекнулъ меня въ томъ, что я его, какъ стараго знакомаго, еще не посѣтилъ. Я отвѣтилъ, что избѣгаю встрѣчаться съ дипломатами, даже съ такими моими старыми коллегами и личными пріятелями, какъ лордъ Лайонсъ, и не намѣренъ посѣщать посольства, чтобы не подумали, что я желаю продолжать дипломатическія занятія, отъ которыхъ я нынѣ служебно отрѣшенъ. Виды правительства теперь мнѣ не извѣстны, и такъ какъ я сдѣлался совершенно частнымъ человѣкомъ, а убѣжденія свои не имѣлъ причины измѣнить, то личные взгляды мои, основанные на долгомъ изученіи Востока, могутъ быть не только различны, но находиться въ прямомъ противорѣчій съ господствующими нынѣ взглядами въ Петербургѣ; по положенію же моему мнѣ неприлично выступать за границую оппозиціонно противъ политики, проводимой министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Тогда князь Гогенлоэ, желавшій имѣть со мною откровенный разговоръ, для оправданія въ глазахъ моихъ, какъ русскаго патріота, способа дѣйствій германскаго правительства въ послѣднемъ фазисѣ восточнаго вопроса, устроилъ такъ, что мы встрѣтились за обѣдомъ у княгини Маріи Сергѣевны Урусовой ¹⁾, моей родственницы и его пріятельницы. Обѣдали мы втроемъ, и разговоръ принялъ характеръ самый искренней непринужденности. Князь Гогенлоэ старался мнѣ доказать, что въ Россіи напрасно сваливаютъ на отвѣтственность германской политики и въ особенности лично на князя Бисмарка тѣ измѣненія, неблагопріятныя для Россіи, которымъ подвергнулся

¹⁾ Княгиня М. С. Урусова, дочь Сергѣя Ивановича Мальцова, дяди графа Н. П. Игнатъева.

въ Берлинѣ Санъ-Стефанскій договоръ. Германскіе уполномоченные имѣли въ виду поддержать Россію на конгрессѣ и старались быть намъ полезными, но они были поражены легкомысліемъ и незнаніемъ дѣла русскихъ уполномоченныхъ, которые «незнакомы были даже съ выгодными намъ протоколами Константинопольской конференціи и первые спѣшили отречься отъ благопріятныхъ Россіи постановленій Санъ-Стефанскаго договора».

Германскіе уполномоченные, очевидно, не могли и не должны были выказывать большее рвеніе въ отстаиваніи русско-турецкаго договора и чисто русскихъ воззрѣній, нежели представители Россіи. Если бы эти послѣдніе не отказались съ самаго начала и прежде самаго открытія конгресса отъ Санъ-Стефанскаго договора, предавъ его на разграбленіе Англіи и Австро-Венгріи; если бы они выказали болѣе энергіи, усердія, дѣятельности, упорства и настойчивости, если бы они заблаговременно и надлежащимъ образомъ вооружились свѣдѣніями и доводами по предметамъ, подлежащимъ обсужденію конгресса,—результаты европейскаго рѣшенія были бы совершенно иные, несравненно благопріятнѣе для Россіи, нежели тѣ, которые выразились въ Берлинскомъ договорѣ. Князь Бисмаркъ не могъ и не долженъ былъ выказываться неблагопріятнымъ не только въ отношеніи къ Австро-Венгріи, но и къ Англіи, «разъ что вы сочли нужнымъ помимо его стовориться съ обѣими державами относительно признанныхъ вами возможными отступленій отъ Санъ-Стефанскаго договора, даже прежде съѣзда уполномоченныхъ въ Берлинѣ». Хотя я пытался выставить, что требованія Австро-Венгріи и Англіи были бы умѣреннѣе, если бы державы эти знали, что Германія ни въ какомъ случаѣ поддерживать ихъ не будетъ, а станетъ на нашу сторону; но объясненія князя Готенлоэ открывали такія слабыя стороны нашей дипломатіи, которыя мнѣ, къ сожалѣнію, были слишкомъ близко извѣстны, чтобы я могъ чѣмъ-либо ихъ опровергнуть, тѣмъ болѣе, что, съ непонятною податливостью предъ Австро-Венгріею и Англіею нашего министра иностранныхъ дѣлъ, невѣжествомъ нашихъ представителей въ восточныхъ дѣлахъ и личными интересами, направленными противъ меня, приходилось мнѣ столько лѣтъ бороться, вынося на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія вреднаго для русскихъ интересовъ направленія нашего дипломатическаго вѣдомства ¹⁾.

¹⁾ Приведенныя здѣсь графомъ Игнатьевымъ въ заключеніе своихъ значительныхъ записокъ грустные факты представляются такимъ грознымъ, передъ потомствомъ, обвинительнымъ актомъ, что всякое слово отъ посторонняго пера блѣднѣетъ передъ краснорѣчіемъ этихъ прямо ужасныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, передъ судомъ исторіи пройдетъ не одна только вина послышки на Берлинскій конгрессъ неспособныхъ представителей Россіи, съ совершенно размягченнымъ отъ старческаго слабоумія Горчаковымъ во главѣ. И не въ одной только преступно-безсмысленной ихъ уступчивости врагамъ Россіи ихъ ничѣмъ не замолимый грѣхъ; и даже не въ томъ, что ихъ пове-

Повидимому, въ Петербургѣ не давали себѣ хорошенько отчета въ степени пораженія, претерпѣннаго Россією на Берлинскомъ конгрессѣ. Отъ государя старались скрыть неудовлетворительность результатовъ завѣреніемъ, что лишь «нѣкоторыя статьи ратификованнаго имъ договора подверглись измѣненію для предупрежденія войны съ коалиціею европейскихъ державъ», которую графъ Шуваловъ и Новиковъ выставляли неминуемою. Когда въ августѣ 1878 года я прибылъ въ Петербургъ, чтобы отдать въ Пажескій корпусъ старшаго своего сына, то я представился государю въ Царскомъ Селѣ въ самый день убійства Мезенцева на Михайловской площади въ Петербургѣ. Разстроенный государь принялъ меня милостиво и обратился ко мнѣ между прочимъ съ вопросомъ: «Не правда ли, хорошо меня угостили въ Берлинѣ: Санъ-Стефанскій договоръ порядочно обрѣзали. Что ты мнѣ скажешь въ утѣшеніе?»

Озадаченный такимъ вопросомъ, я отвѣтилъ государю: «Ничего почти не осталось отъ моего договора. Весь смыслъ или вкусъ утраченъ, ибо Санъ-Стефанскій договоръ былъ сдѣланъ подъ русскимъ соусомъ, а Берлинскій подъ австро-венгерскимъ. Вкусъ получился совсѣмъ другой».

Такъ какъ это было сказано при другихъ представлявшихся, то государь приказалъ мнѣ остаться до окончанія докладовъ министровъ и затѣмъ, призвавъ въ кабинетъ и приказавъ сѣсть, сталъ обстоятельно рассказывать, показывая телеграммы, которыя сложены были въ порядкѣ въ картонѣ, стоявшемъ на столѣ, справа отъ кресла, на которомъ сидѣлъ царь, какъ его «обманывали и пугали», грозя постоянно войною съ Англіею, и какъ Шуваловъ вымаливалъ, «вымогалъ» у него постепенно, шагъ за шагомъ, уступки, пользуясь тѣмъ, что ему было извѣстно, до какой степени государь не желаетъ войны и опасается разоренія Россіи. Меня глубоко тронуло и потрясло зрѣлище добраго самодержца, старающагося объяснить своему подданному причину своей громадной уступчи-

деніе принуждало возможныхъ союзниковъ (Италію, Францію, даже Пруссію) спѣшить подчиненіемъ нашимъ врагамъ, дабы не остаться самимъ въ опасной изолированности. Мы скажемъ: даже не въ этомъ—главное зло. А въ томъ, что не въ лицахъ и не въ случайныхъ катастрофахъ и проигрышахъ подводили Россію, но на цѣлыя поколѣнія возводили это политическое банкротство въ систему и традицію. Ученики и преемники Бисмарка и Гогенлоэ, будучи уже въ 1878 году превосходно освѣдомлены о мельчайшихъ чертахъ нашего дипломатическаго рамоллисмента, возведеннаго въ непреложную систему, не могли впоследствии не положить этого обстоятельства въ основаніе всѣхъ своихъ расчетовъ, направленныхъ къ разрушенію національной Россіи. Они даже преувеличили этотъ расчетъ. И когда наступилъ грозный 1914 годъ, они исключительно видѣли этотъ давно извѣстный имъ некрозъ, зная, что наша дипломатія осталась въ тѣхъ же традиціяхъ, несмотря на иное разслоеніе въ Европѣ народныхъ интересовъ со времени франко-русскаго союза; они одного только не предвидѣли: возрожденія національнаго духа русскаго народа и его оздоровляющаго вліянія на эти Авгіевы стойла. А вѣдь Игнатъевъ предвидѣлъ и эту грядущую зарю русской народной души.

А. Б.

вости и, такъ сказать, оправдать себя въ глазахъ русскаго патриота. Государь показаль, что онъ очень недоволенъ графомъ Шуваловымъ, и, обвиняя его въ недобросовѣстности и потворствѣ Англіи, прочель мнѣ нѣсколько телеграммъ уполномоченныхъ нашихъ и свои отвѣты, для выясненія своей податливости и доказательства, что его постоянно старались «обобратить врасплохъ». Подъ конецъ продолжительнаго разговора государь спросилъ меня: могу ли я составить ему объяснительную записку съ указаніемъ на разницу между Берлинскимъ и Санъ-Стефанскимъ договорами? Я отвѣчалъ государю, что, будучи вполне знакомымъ съ нашими интересами въ Турціи, мнѣ ничего не стоитъ, по внимательномъ прочтеніи Берлинскаго договора, сдѣлать сопоставленіе между его постановленіями и статьями моего договора.

По приказанію государя я уже на слѣдующій день привезъ его величеству прилагаемое сравненіе Берлинскаго договора съ Санъ-Стефанскимъ. Государь благодарилъ за быстро исполненное порученіе, но по прочтеніи былъ сильно взволнованъ и со слезами мнѣ сказалъ, что онъ никакъ не ожидалъ, что наши мнимые пріятели до такой степени унизили результаты войны. Записку эту государь передалъ наслѣднику цесаревичу. Въ бытность мою министромъ внутреннихъ дѣлъ государь Александръ Александровичъ сказалъ мнѣ, что эта записка хранится у него въ ящикѣ, какъ предостереженіе противъ ухищреній нашихъ враговъ на Востокъ и податливости нашихъ дипломатовъ передъ Европою ¹⁾.

Дѣйствительно, всѣ невзгоды, постигшія Россію въ эпоху Крымской и Восточной войны, происходятъ главнѣйше отъ нашей гоньбы за европейскими союзами и угодливаго преклоненія предъ Европою. Министерство иностранныхъ дѣлъ воображало, что мы можемъ быть солидарны на Востокъ съ европейскими интересами, что мы обязаны ихъ охранять, дѣйствуя великодушно и безкорыстно равнодушно, теряя изъ виду свою собственную историческую задачу и пренебрегая собственными кровными интересами. Послѣ Берлинскаго договора я высказаль князю Горчакову, что вижу лишь ту одну пользу изъ нашей войны и послѣдующихъ затрудненій, что положеніе наше въ Европѣ и дѣйствительныя отношенія къ различнымъ государствамъ окончательно выяснились даже для

¹⁾ Это свидѣтельство знаменательно. Оно указываетъ, что ударъ, нанесенный намъ въ Берлинѣ, глубоко отразился въ душахъ двухъ царей: у престарѣлаго Александра II онъ вызвалъ слезы, но ему поздно было вырваться изъ нѣмецкихъ тисковъ; а на молодого Александра III разрушеніе Санъ-Стефанскаго договора подѣйствовало воспитательно, какъ великолѣпный урокъ исторіи. Этотъ царственный ученикъ не забылъ испосланнаго отъ Провидѣнія урока. Все царствованіе Александра III можетъ быть охарактеризовано этимъ короткимъ надсловіемъ: «Послѣ Санъ-Стефана».

А. Б.

тѣхъ, которые наиболѣе заблуждались на этотъ счетъ, увлекаясь личными симпатіями, впечатлѣніями и поддаваясь лживымъ увѣреніямъ въ дружбѣ или благорасположеніи. Связь наша съ тройственнымъ союзомъ императоровъ и въ особенности съ коварною Австро-Венгріею порвана мнимыми союзниками.

Намъ не слѣдуетъ ни на кого разсчитывать, но и не соглашаться нести тягостныя европейскія обязательства сверхъ такихъ, которыя уже возложены на Россію точною буквою существующихъ договоровъ. Мы хорошо знаемъ, къ чему насъ привели тройственные союзы: «Священный»—къ затрудненіямъ 1839—1840 г.г. и къ Крымской войнѣ и новѣйшій—къ невозможности осуществить Санъ-Стефанскій договоръ, добытый русскою кровью, и къ положенію подсудимаго на Берлинскомъ конгрессѣ.

Бывшій нашъ посолъ въ Вѣнѣ (Головкинъ) еще во время Меттерниха писалъ министру: «Только одни мы остались стражами и вѣрными исполнителями началъ, положенныхъ въ основу союза; Отъ союза сохранилась только форма, а содержанію былъ придаваемъ вѣнскимъ дворомъ смыслъ, соотвѣтствующій его собственнымъ интересамъ и цѣлямъ, наперекоръ нашимъ интересамъ и даже съ пренебреженіемъ нашего достоинства». То же можно сказать и о тройственномъ союзѣ новой формациі, съ тою лишь разницею, что графъ Андраши не стѣснялся даже наружную форму не соблюсти и отъ буквы договора отступиться. Замѣчательно, что еще въ сороковыхъ годахъ русское правительство уже убѣдилось въ недобросовѣстности и коварствѣ Австріи въ отношеніи къ намъ. По донесенію нашего посла въ Вѣнѣ: «Вѣнскій кабинетъ видитъ въ Мюнхенгредской конвенціи скорѣе средство привязать Россію къ себѣ¹⁾, чѣмъ быть привязаннымъ обязательствомъ къ намъ». Развѣ не совершенно то же самое можно сказать о Рейхштадтскомъ и Берлинскомъ соглашеніяхъ, а равно и объ андрашевской нотѣ, переданной державами Портѣ?

То, что претитъ Австро-Венгріи и страшитъ ее, то, что, по мнѣнію Европы, составляетъ предметъ незаконнаго честолюбія Россіи, т. е. господство Россіи въ Царьградѣ и въ особенности въ проливахъ, независимость славянъ въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи,—по мнѣнію каждаго истаго патріота,—выражаетъ необходимое требованіе историческаго призванія и развитія Россіи. Можно

¹⁾ Мюнхенгредъ (по-чешски «Мнихово-Градище»)—маленькій городъ въ Сѣверной Богеміи. Здѣсь произошла конференція между императорами російскимъ и австрійскимъ, при участіи прусскаго наслѣдника престола, съ 10-го по 20-ое сентября 1833 года, послѣдствіемъ чего явилась крайне стѣнительная для насъ, въ дѣлахъ Востока, Мюнхенгредская конвенція. Этотъ договоръ явился мастерски выполненнымъ планомъ Меттерниха, коему удалось, къ величайшему удовлетворенію Англии, Франціи и самой Австріи, лишить насъ дальнѣйшаго использованія исключительныхъ выгодъ Ункіаръ-Искелесскаго договора, заключеннаго въ іюнѣ 1833 года.

медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса ¹⁾, отдавать по тѣмъ или другимъ соображеніямъ окончательную борьбу, но она не можетъ быть отвращена иначе, какъ если Европа почувствуетъ и признаетъ необходимость добровольно удовлетворить законное стремленіе Россіи владѣть выходомъ изъ Чернаго моря и сознаетъ справедливость желанія славянъ быть независимыми отъ Австро-Венгріи и

¹⁾ Высказанная здѣсь въ запискахъ Игнатьева мысль есть несомнѣнный выводъ изъ долгаго наблюденія надъ одной изъ самыхъ мертвящихъ сторонъ нашей дипломатіи. «Можно медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса»... но медлить не значитъ дѣйствовать наперекоръ. Европейскіе писатели нерѣдко смѣшиваютъ въ одной общей похвалѣ «московитскихъ» дипломатовъ прежнихъ вѣковъ съ новѣйшими и приписываютъ намъ удивительную мудрость и умѣніе откладывать на одно, на два поколѣнія то, что сейчасъ не дается намъ въ руки, подобно тому, какъ Азовъ мы сначала отказывались брать преждевременно (при Михаилѣ Теодоровичѣ); потомъ взяли (при Петрѣ); затѣмъ его вернули въ 1711 году, опять взяли при Аннѣ Иоанновнѣ, еще разъ вернули въ 1739 году и, наконецъ, присоединили при Екатеринѣ въ 1774 году. Эта черта русскихъ неустанныхъ и вѣковыхъ приращеній удивляетъ и неимоვნю подавляетъ умъ западныхъ людей; но они плохо разбираются въ причинахъ этого явленія и незаслуженно приписываютъ нашей дипломатіи такія традиціи и такую мудрость, въ концѣ она неповинна. Они, во-первыхъ, смѣшиваютъ «государевыхъ слугъ» типа «думнаго дьяка Емельяна Украинцева» (XVII и начала XVIII в.в.) съ «нессельродовскимъ сѣменемъ» XIX столѣтія, а, во-вторыхъ, никогда не составивъ себѣ даже приблизительнаго понятія о реальныхъ факторахъ въ русской исторіи, иноземные писатели не подозреваютъ существованія этого вѣчнаго парадокса русской земли: народъ-исполнѣнъ, творящій исторію вопреки слоямъ, видимо, призваннымъ къ защитѣ его интересовъ. Этотъ парадоксъ пронизываетъ почти всѣ отрасли жизни, но нигдѣ онъ не царствуетъ такъ сокрушительно и гибельно, какъ въ такъ называемыхъ нашихъ «иностранныхъ» дѣлахъ, въ особенности за періодъ постъ наполеоновскихъ войнъ. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть корень того, почему всѣ освобождаемые нами на Ближнемъ Востокѣ православные народы постепенно отстраняются отъ насъ и превращаются во враждебно-настроенныхъ и разочарованныхъ, зачастую жалуясь, что ихъ «обманули» въ роковые моменты ихъ исторіи. Это странное явленіе становится весьма понятнымъ (въ особенности въ поучительныя мгновенія 1914—1916 гг.), если сообразить, что этихъ естественныхъ союзниковъ нашихъ заманиваетъ и зачаровываетъ русской народъ-исполнѣнъ, увлекая ихъ вихремъ общихъ интересовъ и общаго историческаго русла, но обманываютъ тѣ, которые подводятъ итоги событіямъ, ибо они принадлежатъ великімъ роковымъ силамъ, находящимся внѣ Россіи. И вотъ, для оправданія этого разлада, они намъ говорятъ: «Подождемъ. Время не настало. Все великое дѣлается не сразу». И на это прозорливый Игнатьевъ отвѣчаетъ: «Хорошо, можно медлить разрѣшеніемъ грознаго вопроса. Но, откладывая, надо все же твердой традиціей накоплять средства и никогда не забывать великихъ народныхъ цѣлей». Иначе, подъ видомъ временнаго откладыванія, совершается историческій обманъ, обезоруживаніе страны передъ сознательно надвигающимся врагомъ тысячелѣтній и облегченіе, наконецъ, ихъ глубоко задуманнаго дѣла руками тѣхъ же «государевыхъ слугъ земли русской», какъ это случилось на Берлинскомъ конгрессѣ.

Вотъ то поученіе, которое оставилъ намъ, Игнатьевъ для имѣющей, несомнѣнно, возродиться «Игнатьевской школы дипломатіи». Это его загробные завѣты. Оно могло быть по плечу лишь тому сильному творцу «Санъ-Стефанскаго договора», который былъ преступно стертъ со сцены въ эпоху Горчаковыхъ и Шуваловыхъ. Его голосъ смолкъ, но подобенъ зерну, которое уходитъ въ черноземную могилу, дабы выйти изъ нея золотистымъ урожаемъ. . .

А. Б.

Турціи. Впрочемъ, на такое мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса весьма мало надежды.

Если бы враги наши могли достигнуть, чтобы русское правительство,—какъ они желаютъ,—отказалось отъ своихъ вѣковыхъ преданій, перестало внимать не только голосу народной чести, но и побужденіямъ инстинкта самосохраненія, забывъ славянскій и восточный вопросы, то едва ли союзники наши почтутъ себя вполне удовлетворенными и оставятъ насъ въ покоѣ; наше униженіе казалось бы слишкомъ невѣроятнымъ, неестественнымъ, нашему самозабвенію не повѣрили бы и заподозрѣли бы насъ во временномъ притворствѣ; но, конечно, они не замедлили бы воспользоваться нашею уступчивостью и пассивнымъ положеніемъ, чтобы систематически отнять у насъ всякую почву на Востокѣ, умалить для будущаго наши нравственные средства воздѣйствія на единокровныя и единовѣрныя народности, разрознить насъ съ ними такъ, чтобы впослѣдствіи борьба на Балканскомъ полуостровѣ намъ уже была не по силамъ.

Несомнѣнно, война большое зло, однакоже не самое большое въ исторической жизни народа. Можно безъ войны потерпѣть рядъ пораженій политическихъ и нравственныхъ, которыя отзовутся на будущности и укладѣ государства самымъ тягостнымъ образомъ. Всякое увлеченіе европейскими соображеніями, не провѣренными съ точки зрѣнія исключительно русскихъ интересовъ, всякое безкорыстное великодушничанье въ политикѣ можетъ нанести несправимый вредъ Россіи.

Возмутительно, что Салисбюри могъ заявить въ парламентѣ, что онъ оказалъ на Берлинскомъ конгрессѣ услугу какой-то государственной, благоразумной партіи въ Россіи, давъ ей опору и наугавъ противниковъ ея гнѣвомъ Англии. А Биконсфильдъ, оправдывая англійскую политику въ отношеніи къ Греціи, высказалъ мысль, что «Греція, оставаясь нейтральною, по совѣту Англии, получить больше, нежели славянскія княжества, жертвовавшія всѣмъ для войны, совместно съ Россіею противъ Турціи».

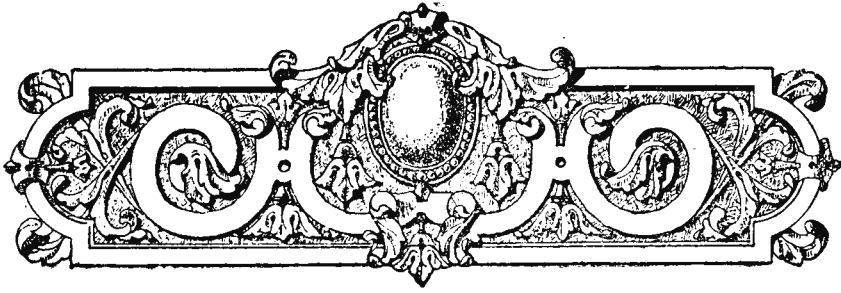
Для успѣха нашей политики не только на Востокѣ, но и вообще въ Европѣ, всего важнѣе уяснить себѣ и установить цѣль, къ которой мы должны неизмѣнно и единодушно стремиться, придерживаясь неуклонно опредѣленнаго образа дѣйствій и оставаясь равнодушными къ европейскимъ событіямъ, не имѣющимъ соотношенія къ нашимъ прямымъ интересамъ. Большая часть европейскихъ государствъ не случайно, а существенно враждебна Россіи по разнымъ побужденіямъ. Слѣдовательно, Европа только тогда для насъ безопасна, когда политическое равновѣсіе и согласіе между западно-европейскими державами нарушено. Ясно сознавая цѣль и правильная оцѣнка дѣла съ русской точки зрѣнія позволяютъ намъ воспользоваться всѣми случайными обстоятельствами, всѣми счаст-

ливыми событіями въ Европѣ, чтобы неуклонно приблизиться къ желаемому результату. Безкорыстіе въ политикѣ въ сущности не что иное, какъ самовольное пожертваніе ввѣренными намъ общенародными, дѣйствительными интересами (которые должны быть для дипломатовъ священными) легкомысленному тщеславію нашему или страху, недостойному великаго народа.

Россією много потеряно благопріятныхъ случаевъ для огражденія своихъ неизмѣнныхъ интересовъ на Востокѣ, много упущено времени и понесено напрасныхъ жертвъ, но лишь бы была у насъ осмысленная политика и твердое руководство, новые случаи, несомнѣнно, представятся. Нашимъ союзникомъ и другомъ въ Европѣ можетъ считаться лишь тотъ, котораго существенные интересы намъ не противорѣчатъ, который можетъ въ данную минуту намъ содѣйствовать сознательно или даже бессознательно приблизиться къ благополучному разрѣшенію нашей исторической задачи къ обладанію проливами, преобладанію въ Царьградѣ и освобожденію и объединенію, подъ руководствомъ Россіи, славянъ на развалинахъ Турціи и Австріи.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

ПОДРУГА ПО ИНСТИТУТУ.

(Изъ записокъ бабушки).

I.

ВОЛЬШЕ шестидесяти лѣтъ, прошло съ той минуты, какъ меня, розовую, полную жизни дѣвочку, не покидавшую деревни, подвезли къ громадному зданію со страшнымъ старикомъ въ красной ливреѣ, съ безконечно-высокой и широкой лѣстницей и повели по этой лѣстницѣ навверхъ, а я этой минуты не забыла до сихъ поръ. Робко держалась я за мамино платье, не сознавая ни того, какъ я двигаюсь, ни куда меня ведутъ. Маменька тоже, видимо, волновалась и не имѣла того величественнаго вида, какъ всегда, когда надѣвала это пышное и шумящее платье, что случалось только въ самые торжественные дни. Даже ростомъ она показала мнѣ ниже, и куда дѣвался ея гордый видъ!

Это, пожалуй, дѣйствовало на меня еще больше, чѣмъ незнакомая обстановка.

«Если маменька такъ присмирѣла,—думала я довольно непочтительно:—значить, дѣйствительно здѣсь страшно. Она вѣдь говорить, что никого, кромѣ Бога да царя, не боится».

Вообще съ самаго отъѣзда изъ деревни я переживала совсѣмъ новыя ощущенія. Тамъ насъ всѣ знали, мы были всюду первые, и все окружающее невольно поддерживало эту иллюзію.

А тутъ оказалось, что столько людей насъ важнѣе, начиная съ бабушки Мавры Семеновны, о которой всю дорогу и мать, и няня мнѣ твердили, чтобы я какъ-нибудь ей не досадила да не надоѣла своей рѣзвостью.

— У нея самъ митрополитъ бываетъ!—говорила съ благоговѣніемъ няня.

— Маменька, а что это митрополитъ?

— Это самый главный священникъ въ Москвѣ.

— Священникъ? Вотъ такъ разъ! Что же тутъ особеннаго? Это, значить, какъ архирей, а вѣдь архирей только нашъ отецъ Матвѣй боится, и то папа надъ нимъ за это смѣется?

— Ничего не понимаешь... ты помни, что въ молодости бабушка была при дворѣ...

— Маменька, что такое значить быть при дворѣ?

— Она была фрейлиной...

— Ничего не понимаю. Твою Анну у насъ въ дворнѣ тоже въ насмѣшку фрейлиной зовутъ, а вѣдь она только горничная?

— Ахъ, какая ты глупая, ничего не понимаешь... осрамишь ты меня, деревенщина!

— А откуда же ей не деревенщиной-то, сударыня, быть?—заступается за меня няня.—Не въ первый ли разъ изъ деревни-то выѣзжаетъ?

— Ну, ужъ молчи ты, нянька-баловница. А ты у меня смотри, Катерина, набери въ ротъ воды да помалкивай... а, главное, не забудь бабушку grand'tante называть, не вздумай выпалить попросту: бабушка.

Пріѣхали мы въ Москву довольно поздно, часовъ въ шесть. Домъ бабушки не поразилъ меня величиной послѣ нашихъ деревенскихъ хоромовъ, но поразила меня царившая тамъ тишина и чинность. Лакеи ходили на цыпочкахъ, говорили почти шопотомъ, дворецкій, вызванный слугой при нашемъ появленіи, почтительно приложившійся къ ручкѣ маменьки и моей, совсѣмъ уже шопотомъ поздравилъ насъ съ пріѣздомъ и предложилъ:

— Не угодно ли будетъ вашей милости прослѣдовать въ пріготовленные для вашей милости апартаменты?

— Хорошо, Моисеюшка,—отвѣчала маменька тоже тихо.—Какъ здоровье тетушки?

— Премного благодаримъ, ихъ сіятельство въ вожделѣнномъ здравіи, сегодня у насъ обѣдъ былъ, а теперь онѣ занялись съ гостями карточками въ боскетной.

— Я къ чаю выйду,—проговорила какъ-то нерѣшительно маменька.

— Безпремѣнно пожалуйста. А я пока ихъ сіятельству доложу о радостномъ прибытіи вашемъ, моя государыня.

Торжественный тонъ дворецкаго и его напыщенныя фразы чуть

не заставили меня фыркнуть. Но маменька меня строго одернула, и мы пошли въ сопровожденіи церемоннаго старика по длиннѣйшему коридору въ большую комнату, гдѣ насъ ждала уже няня, которую провели, должно быть, раньше насъ и по другому ходу.

Меня въ тотъ день къ бабушкѣ не водили, и я такъ устала отъ дороги, что, еле выпивъ чаю и позволивъ себя раздѣть, сразу же заснула.

На другой день маменька сама занялась моимъ туалетомъ, и онѣ съ нянюшкой такъ меня одергивали и муштровали, что я не на шутку струхнула и пошла за матерью, какъ приговоренная къ смерти.

Но бабушка послѣ всѣхъ этихъ приготовленій показалась мнѣ совсѣмъ ужъ не такой страшной, несмотря на важный видъ и манеру говорить слегка въ носъ.

Она милостиво поцѣловала маменьку, а мнѣ ткнула прямо въ губы сухую и пахнувшую табакомъ и какими-то крѣпкими духами руку, замѣтила, что у меня здоровый видъ, и спросила, хорошо ли я говорю по-французски?

Я что-то пробормотала, а маменька начала горячо увѣрять тетюшку, что она особенно слѣдила за тѣмъ, чтобы мы хорошо знали языки, такъ какъ въ этомъ основа образованія.

Наконецъ аудіенція кончилась, бабушка, еще разъ ткнувъ меня въ губы своей старческой рукой, приказала мнѣ итти играть, но только ничего не трогать и не шумѣть.

Маменька тоже простилась и заявила, что поѣдетъ въ институтъ узнать, когда меня можно будетъ туда свезти.

— И прекрасно,—замѣтила бабушка, точно обрадовавшись:— нечего время терять и ей здѣсь болтаться нечего, пока ты будешь родныхъ объѣзжать. Не забудь, что къ графу ты должна немедленно же ѣхать, правный старикъ, сейчасъ въ ражъ войдетъ, если узнаетъ, что ты задолжила ему почтеніе оказать.

Маменька отвела меня къ нянѣ и, повторивъ пѣсколько разъ, чтобы я сидѣла смирно и тихо, поспѣшно одѣлась и уѣхала.

Мнѣ было очень скучно сидѣть и смотрѣть, какъ няня убирается въ комнатахъ, и я попросилась въ залу, гдѣ, проходя, замѣтила на стѣнахъ много картинъ. Мнѣ это разрѣшили, подъ условіемъ, что я буду сидѣть смирно, чтобы не обезпокоить бабушку.

Никогда, кажется, мнѣ не было такъ скучно, какъ въ это долгое утро. Картины оказались такъ черны, что я ихъ и разсмотрѣть хорошенько не могла, а окна выходили въ садъ, не представлявшій теперь, поздней осенью, никакого интереса. Впрочемъ, на мое счастье, мнѣ не долго пришлось быть одной. Скоро явился, тоже неслышно ступая, лакей и почтительно доложилъ:

— Фрыштикать пожалуйте.

Я вытаращила глаза. Мы въ деревнѣ обѣдали рано и потому не

завтракали, а слова «фрыштитать» я никогда и не слыхивала. Робко двинулась я къ широко передо мной распахнутымъ дверямъ и очутилась въ огромной столовой съ длиннымъ столомъ, накрытымъ на нѣсколько персонъ, но гдѣ мнѣ пришлось завтракать одной, къ моему великому смущенію. Монсенць, стоявшій у буфета, торжественно мнѣ заявилъ:

— Княгиня къ столу не пожалуютъ, приказали вамъ кушать, ихъ не дожидая.

Но онъ же меня и выручилъ. Увидя мое смущеніе и полную безпомощность передъ блюдами, которыя подносили мнѣ лакей, онъ улыбнулся и велѣлъ позвать мою няню, которая, безъ дальнихъ разговоровъ, забрала мнѣ на тарелку, что нашла нужнымъ, и унесла все это въ нашу комнату, гдѣ у меня сразу вернулся аппетитъ.

Вообще я не могла не замѣтить, что няня чувствовала себя здѣсь гораздо свободнѣе, чѣмъ маменька и я. Она какъ будто не замѣчала ничего особеннаго и держала себя такъ же просто, какъ у насъ въ Вахрамѣевкѣ.

Когда я ей это замѣтила, жалуясь на скуку въ княжескомъ домѣ, она засмѣялась и проговорила:

— А мнѣ что? Пусть они тѣшатся, что у нихъ все по придворному, а люди-то вѣдь все тѣ же, нашей же вотчины, только что попали къ княгинѣ, какъ она съ братцами дѣлилась.

Маменька пріѣхала довольно поздно и немного взволнованная. Она сказала нянѣ, что надо завтра же везти меня въ институтъ, такъ чтобы все было готово.

Быть можетъ, если бы въ институтъ мнѣ пришлось ѣхать изъ дома, я бы больше огорчилась, но здѣсь было такъ скучно и неуютно, что я рада была всякой переменѣ. Только слезы няни меня смущали и огорчали, но маменька на нее строго прикрикнула, и она, только изрѣдка сморкаясь и всхлипывая, начала меня увѣрять, что въ институтѣ мнѣ будетъ такъ весело, какъ нигдѣ.

Въ институтъ меня маменька свезла на другой же день къ вечеру. Я уже говорила, какое удручающее впечатлѣніе произвело на меня видъ института, а знакомство съ начальницей не уменьшило этого непріятнаго впечатлѣнія. Меня главное поражала переменна въ матери. Она, мнѣ казалось, даже ростомъ стала ниже передъ этой величественной старухой въ синемъ платьѣ и черныхъ кружевахъ, надменно поглядывавшей въ лорнетъ и цѣдившей слова, точно нехотя.

— Прекрасно. Надѣюсь, ваша малютка у насъ скучать не будетъ. Заботами нашей матери-императрицы, дѣти у насъ обставлены такъ, что имъ дома не можетъ быть лучше. Надѣюсь, моя милая, что ты своимъ поведеніемъ будешь насъ и родителей своихъ радовать?—обратилась она ко мнѣ, милостиво сунувъ мнѣ руку для поцѣлуя.

Весь разговоръ, конечно, велся на французскомъ языкѣ.

Мать обратилась къ начальницѣ съ просьбой навѣщать меня, пока она въ Москвѣ, не только по пріемнымъ днямъ. Начальница сперва поморщилась, но, когда маменька ввернула, что ея обнадежили въ этомъ тетушка княгиня Горичина и grand oncle графъ Мандль, она стала милостивѣе и даже еще разъ погладила меня по головѣ, спросивъ какъ-будто мимоходомъ:

— Графъ будетъ навѣщать вашу дѣвочку и въ институтѣ?

— Вѣроятно,—послѣшила прибавить маменька, хотя, видимо, эта мысль раньше не приходила ей въ голову.

Меня провели въ какую-то неуютную комнату со шкапами, а маменька осталась въ коридорѣ разговаривать съ худощавой дѣвицей, оказавшейся, какъ я узнала потомъ, моей классной дамой.

Проворная дѣвушка въ полосатомъ платьѣ быстро начала меня переодѣвать, что не доставило мнѣ удовольствія, такъ какъ въ комнатѣ было порядочно холодно. Бѣлье, которое мнѣ надѣли, было не толще домашняго, но корсетъ, показавшійся мнѣ громоздкой и тяжелой машиной, въ которой невозможно дышать, и грубое платье изъ какой-то твердой и колючей матеріи показали мнѣ ужасны. Потомъ я узнала, что это былъ камлотъ, и до сихъ поръ не понимаю, за что насъ водили въ немъ, хотя ни красоты, ни прочности особой въ немъ не было.

Всего дольше я не могла привыкнуть къ этому костюму съ короткими рукавами и открытой шеей, въ которомъ было и тѣсно, и холодно, и неуютно.

Въ коридорѣ маменька не могла удержаться отъ восклицанія:

— Боже! Какъ тебя изуродовали!

На что классная дама, не безъ язвительности, замѣтила:

— Что дѣлать, сударыня, мы всѣ одѣты по формѣ.

Не буду описывать подробно исторію нашей институтской жизни, это можетъ показаться скучно, мнѣ хочется только передать исторію одной своей подруги, съ которой мы прожили восемь лѣтъ въ институтѣ, а затѣмъ всего два раза встрѣтились въ жизни. Эти встрѣчи и составятъ предметъ моего разсказа.

Описывать институтскую жизнь было много охотниковъ и до меня. Потому еще не хотѣла бы повторять стараго, что, если судить по разсказамъ нынѣшнихъ институтокъ, порядки этихъ привилегированныхъ заведеній мало измѣнились. Конечно, коренное различіе заключается въ томъ, что дѣтей не отрываютъ на долгіе годы отъ семьи, и не заставляютъ проводить по девяти, десяти лѣтъ безвыходно въ этихъ каменныхъ стѣнахъ, безъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ. Но суть, казенщина, чисто-формальное отношеніе къ дѣлу, показная дисциплина и сухое безсердечіе остались все тѣ же. И теперь на дѣтей смотреть, какъ на безформенную массу, которую можно ломать и передѣлывать по казенному

образцу, нисколько не считаясь съ индивидуальными свойствами и не вникая въ душу дѣтей.

Моя печальная исторія всецѣло разбила увѣренія защитниковъ институтовъ, что они въ то время будто бы смягчали нравы и прививали гуманитарныя чувства. Нечего этого не было, да и не могло быть, такъ какъ все вниманіе обращалось только на внѣшность и исчезало безъ слѣда при первомъ же столкновеніи съ жизнью.

II.

Съ самаго своего появленія въ институтѣ княжна Анна Кроль— такъ звали мою подругу, которой посвященъ настоящій очеркъ— произвела на своихъ соотаварокъ особое впечатлѣніе. Были, конечно, дѣвочки и красивѣе, и богаче, и умнѣе, но въ ней къ красотѣ и богатству и уму примѣшивалась особая сила, поставившая ее на особое положеніе и давшая ей особую власть въ классѣ. Стоило Аннѣ заявить какое-нибудь желаніе, ея «обожательницы» готовы были какой угодно цѣной его исполнить. Когда она на кого-нибудь гнѣвалась, несчастная жертва ея гнѣва не только ни въ комъ не находила сочувствія, но ее еще упрекали за то, что она огорчила «душку-княжну». Начальство благоволило къ ней за ея красоту, манеры и прекрасное знаніе языковъ. Анну всегда выставляли впередъ, когда надо было товаръ лицомъ показать, въ случаѣ какого-нибудь высокаго посѣщенія или торжества въ институтѣ. И это казалось вполне естественнымъ и никого не поражало. Училась Анна такъ себѣ, но отличалась въ пѣніи, музыкѣ и танцахъ, которые цѣнились въ институтѣ куда выше всякихъ наукъ.

Припоминая прошлое, мнѣ теперь кажется, что это поклоненіе Аннѣ было отчасти модой, что она умѣла намъ импонировать и удерживать за собой власть благодаря своей самоувѣренности и искреннему убѣжденію, что она неизмѣримо выше другихъ и по личнымъ качествамъ, и по знатности своего рода, которому она придавала громадное значеніе. Она и подругъ избирала только изъ знати и меня, на примѣръ, дарила милостивымъ вниманіемъ только потому, что мать у меня была урожденная княжна и у меня въ родствѣ были фрейлины и придворные.

Надо замѣтить, что хотя мы всѣ росли съ крѣпостными, не видали большой снисходительности дома къ прислугѣ, но, можетъ быть, именно въ противовѣсъ старшимъ, относились къ дворовымъ хорошо. У всѣхъ почти были любимыя няни, старыя кормилки, подруги по играмъ, и мы часто, особенно первые годы, вспоминали о нихъ съ любовью и нѣжностью. Анна искренно изумлялась нашему отношенію къ «этимъ существамъ», какъ она всегда выражалась.

Прислуга въ институтѣ набиралась изъ кадръ питомцевъ воспи-

тательнаго дома, у которыхъ не было связей и привязанностей къ семьѣ и никого не было близкаго во всемъ мірѣ. Точно нарочно насъ окружали такими оторванными отъ почвы людьми, чтобы порвать съ воспоминаніями о семьѣ. Но дѣтское сердце все-таки искало привязанностей, и потому и въ средѣ «полосатокъ», какъ ихъ прозывали за полосатыя платья, у насъ были свои любимицы.

Анна не признавала такихъ нѣжностей къ прислугѣ, она какъ-то и за людей ихъ не считала и проявляла къ нимъ и требовательность, и капризы, хотя строгая показная дисциплина института не допускала грубости относительно низшихъ. Но, благодаря бездушію мертвыхъ казенныхъ правилъ, намъ это вмѣнялось въ обязанность не по чувству уваженія къ личности, а потому, что грубость унижала наше достоинство благовоспитанныхъ барышень.

При этихъ условіяхъ, какого же смягченія правовъ можно было ждать отъ института, когда сердца никто въ насъ не развивалъ, а прививали только извѣстнаго рода сентиментальность, въ чемъ особенно преуспѣвали наши ближайшія воспитательницы, классныя дамы, въ большинствѣ случаевъ изсохшія, старыя дѣвы.

Всякое проявленіе тоски и любви къ родному дому принималось нашимъ начальствомъ за доказательство неблагодарности и каралось, какъ оное. Даже въ письмахъ, строго просматривавшихся классными дамами, не позволялось высказывать такихъ чувствъ. Какъ только въ письмѣ выражалось какое-нибудь сожалѣніе или печаль, такое письмо немедленно конфисковалось, и дѣвочка получала вмѣстѣ съ строгимъ выговоромъ приказаніе написать «приличное» письмо.

Лично мое положеніе въ институтѣ было еще изъ лучшихъ. То мать, то отецъ раза два въ годъ навѣщали меня. Я не говорю о визитахъ разныхъ важныхъ тетюшекъ и дядюшекъ, которые приносили конфеты, милостиво трепали рукой, затагнутой въ перчатку, по щекамъ и, обмѣнявшись съ начальствомъ любезностями, исчезали послѣ мудраго наставленія хорошо учиться, а главное хорошо вести себя, чтобы оправдать ихъ ко мнѣ довѣріе.

Эти посѣтители не много радости приносили съ собой, но меня посѣщала еще подруга моей матери, добрая и умная женщина, жившая съ сыновьями въ столицѣ, гдѣ они оканчивали свое воспитаніе. Она не забыла, какъ ей самой тяжело и неудобно было въ институтѣ, и старалась хотя немного отогрѣть мое сердечко. Она сразу успѣла завоевать мое довѣріе и вызвать на откровенность. Впослѣдствіи, когда я подросла, она стала приходиться съ сыновьями и первый шагъ къ моему развитію былъ сдѣланъ подъ вліяніемъ этой семьи.

Въ обществѣ, опередившемъ, конечно, архаическіе порядки институтовъ, немало анекдотовъ и насмѣшекъ обрушивалось на

истор. вѣстн.), май 1916 г., т. сжлч.

бѣдныхъ институтокъ, выходявшихъ изъ заведенія дѣйствительно nepозволительно довѣрчивыми и наивными дурочками; но, мнѣ кажется, это было достойно не смѣха, а немного болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу и борьбы съ этой нелѣпой системой воспитанія. А наше начальство еще восхищалось результатами своихъ трудовъ.

— Онѣ у насъ невинны, какъ ангелы, ихъ наивность такъ трогательна!—говорила наша тата, закатывая глаза и не думая о томъ, какъ горько иногда приходилось платиться въ жизни за эти ангельскія качества.

Дружба въ институтѣ, очень пылкая и иногда принимавшая уродливыя формы, скоро забывалась послѣ разлуки. Конечно, мы всѣ клялись писать другъ къ другу, но рѣдко когда переписка, безъ личныхъ свиданій, не замирала черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ. Прекратилась она у меня и съ Анной, когда послѣ смерти бабушки,—родителей она потеряла еще раньше,—она переѣхала изъ деревни въ Петербургъ. Я ничего о ней послѣ этого не слыхала много лѣтъ, пока не встрѣтилась случайно, уже бывши замужней женщиной, съ одной изъ одноклассницъ, перебирая съ которой старыхъ подругъ, о большинствѣ которыхъ мы ничего не знали, мы коснулись въ разговорѣ и княжны Анны.

— У нея какой-то романъ былъ въ Петербургѣ, кажется, она чуть не на корону надѣялась... Ну, и, конечно, осталась при своихъ надеждахъ! Вотъ-то, я думаю, какъ это на нее подѣйствовало, съ ея гордостью? Говорили, что она чуть ли не навсегда за границу уѣхала...

— Не знаю, она мнѣ перестала писать уже давно.

Тѣмъ нашъ разговоръ и закончился.

III.

Прошло еще два года. Мнѣ пришлось пріѣхать по дѣламъ въ Москву лѣтомъ. Цѣлые дни бѣгала я по жарѣ въ разныя присутственныя мѣста, а затѣмъ, если этого не было, изнывала отъ тоски и одиночества. Вся родня изъ тѣхъ, кого хотѣла бы видѣть, покинула пыльную столицу, кто для деревни, кто для заграницы, а обычая выѣзжать въ пригородныя дачи еще не существовало, далеко же къ да-нибудъ въ подмосковную ѣхать было мнѣ некогда. Отъ скуки въ свободное время я шпаялась по магазинамъ, сравнивая столичныя моды съ нашими провинціальными.

Въ одинъ изъ такихъ незанятыхъ дней я вошла въ славившійся тогда модный магазинъ, у дверей котораго обратила вниманіе на прекрасный экипажъ съ очень красивой запряжкой. Въ магазинѣ народу было немного: я да еще двѣ дамы. Одна изъ нихъ, стоявшая довольно далеко, такъ что я по близорукости не могла разглядѣть

ея лица, при звукѣ моего голоса обернулась и начала пристально ко мнѣ присматриваться. Я обратила на это вниманіе и по провинціальной привычкѣ быстро себя оглядѣла, думая, не вызвано ли это вниманіе какой-нибудь неисправностью въ туалетѣ.

Но вдругъ особа, приглядѣвшаяся ко мнѣ, бросила свои покупки и съ радостнымъ восклицаніемъ бросилась ко мнѣ.

— Китти? Да ты ли это?

— Да!—проговорила я нерѣшительно, стараясь припомнить, чье это было знакомое лицо.—Анна? княжна?

— Ну, да моя милая, конечно, Анна, и все еще княжна!—въ послѣднихъ словахъ мнѣ послышался отгѣнокъ горечи.—Ну, а ты замужемъ? Какъ въ Москву пошала?

— Замужемъ... въ Москвѣ по дѣламъ... А ты живешь здѣсь?

— Я пока московская жительница, не знаю, на долго ли. Да послушай, ты свободна? Поѣдемъ ко мнѣ обѣдать? Я не могу здѣсь долго быть, меня ждетъ экипажъ... а лошади строгія, бѣда, если застоятся. Право, душка, поѣдемъ? Поболтаемъ всласть... Вспомнимъ старину... поѣдемъ?

Я, конечно, согласилась. Княжна кинула приказчику небрежнымъ тономъ, чтобы ей послали покупки на домъ, и быстро двинулась къ дверямъ.

Стоявшій возлѣ нихъ ливрейный лакей ловко отворилъ ихъ и такъ же быстро откинулъ подножку коляски, помогая мнѣ садиться. Анна на минуту замедлила, ласково обратившись къ кучеру:

— Ну, что, Петя, я скоро управилась?

Кучерь оборотился вполоборота и довольно безцеремонно пробурчалъ что-то въ отвѣтъ, осматривая меня съ ногъ до головы.

При этомъ я обратила вниманіе невольно на его замѣчательную красоту.

Когда Анна усѣлась въ экипажъ рядомъ со мной, все мое вниманіе, конечно, сосредоточилось на ней. Она, по-моему, мало постарѣла и стала еще красивѣе. Но перемѣна была. Манеры, что ли, стали другія, но она совсѣмъ не походила на чопорную институтку прежнихъ лѣтъ. Въ ней появился какой-то отгѣнокъ размахшества, я бы даже сказала—ухарства.

Еще показались мнѣ странными ея постоянныя заговариванія съ кучеромъ, что мнѣ очень не понравилось, потому что я была большая трусиха, а кучерь, отвѣчая барышнѣ, совсѣмъ поворачивался спиной къ лошадямъ, оставляя ихъ безъ вниманія.

— А онъ насъ не опрокинетъ?—спросила я по-французски.

— Кто? Петя?—разсмѣялась Анна въ отвѣтъ.—Вотъ глупости, онъ правитъ, какъ богъ, да и Мишка нарочно посаженъ рядомъ.

Я тутъ только замѣтила, что ливрейный лакей, вмѣсто того, чтобы стоять на запяткахъ, сидѣлъ на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ.

— Слышишь, Петя, барыня боится, что ты насъ опрокинешь?— съ какой-то заигрывающей ноткой обратилась Анна къ кучеру.

Кучеръ недовольно пожалъ плечами и грубо отвѣтилъ:

— Опрокину? Чего еще выдумали? Видно, хорошихъ кучеровъ не видывали!

— Ха! ха! ха!—залилась княжна смѣхомъ и, обратясь ко мнѣ, продолжала по-французски:—онъ такъ наивенъ этотъ мальчикъ и при томъ самолюбивъ до крайности.

Въ это время коляска подъѣхала къ красивому новому дому на одномъ изъ московскихъ бульваровъ.

— Какая прелесть!—невольно воскликнула я.

— Да, недурно! Тутъ стояла старинная уродливая махина, я все сломала и передѣлала по-своему. По воспоминаніямъ о заграничѣ.

— А ты долго тамъ жила?

— Почти три года.

— Вотъ счастливица! Поразкажешь мнѣ. Я вѣдь никогда за границей не бывала.

— Есть чего рассказывать! Тошища!—отвѣчала Анна и предложила мнѣ пройти въ спальную поправить туалетъ до обѣда.

По дорогѣ она мнѣ показывала комнаты; все было богато и со вкусомъ убрано. Спальная княжны поразила меня своимъ изяществомъ, мы въ провинціи, да, пожалуй, и въ столицахъ, не привыкли въ тѣ времена къ тому комфорту и удобствамъ, какія я тамъ встрѣтила. Анна, замѣняя платье широкой дивно вышитой бѣлой блузой, замѣтила небрежно:

— Да, жить за границей умѣютъ, не то, что въ нашей Россіи-матушкѣ. У насъ штофные обои и золоченую мебель заведутъ, а порядочнаго умывальника не спрашивай.

— А эту прелесть,—спросила я, указывая на вышивку:—ты тоже тамъ купила?

— Вотъ еще! Тамъ бы это бѣшеныхъ денегъ стоило, а у меня крѣпостныя дѣвки шьютъ. Не одни глаза надъ этой работой потубили!

Намъ прислуживала молодая дѣвушка съ блѣднымъ, истощеннымъ лицомъ, на которую Анна нѣсколько разъ прикрикнула рѣзко, и, казалось, была очень требовательной госпожой. Это напомнило мнѣ институтъ и тогдашнія привычки княжны.

— Ну, а теперь убирайся,—сказала она горничной.—Да трубки опять забыла подать?—прибавила она сердито, разваливаясь на диванѣ.

— Ты куришь?—спросила я съ изумленіемъ, такъ какъ, хотя многія изъ нашихъ старомодныхъ помѣщицъ курили, но между молодыми, и тѣмъ болѣе институтками, это было не принято.

— А ты не куришь? И глупо дѣлаешь... это очень пріятно. Ну, рассказывай, какъ ты живешь?

— Что же мнѣ рассказывать? Ничего интереснаго, самая обыкновенная жизнь: люблю мужа, дѣтей, живемъ тихо, это не то, что ты, гдѣ, гдѣ не побывала, чего, чего не насмотрѣлась?

— А ты что-нибудь слышала?—спросила она пытливо:—ну, хоть о моей питерской жизни? О моемъ позорѣ? посрамленіи?

— О какомъ посрамленіи? Что ты пустяки болтаешь?

— А какъ же это иначе назвать? Мечтала чуть не владѣтельной княгиней была и вдругъ посовѣтовали въ провинцію уѣхать. Чтобы глазъ не мозолила нѣмецкой принцессѣ, которую мнѣ предпочли. Il faut se sacrifier à la patrie! Лицемѣры! Точно дѣло вправду о престолѣ шло! Просто поигралъ, поигралъ, да и за щеку,—разразилась она невеселыхъ смѣхомъ послѣ этой тривиальной пошлости, отъ которой меня порядочно покорибило.

— Ничего я не слыхала... да и гдѣ же мнѣ было о придворныхъ новостяхъ слышать въ нашей глуши?

— Какъ же... могу рассказать, если хочешь? Теперь я поумнѣла, поняла, въ чемъ суть жизни... а тогда вѣдь чуть съ собой не покончила, думала, весь свѣтъ закрылся... Вотъ-то дура, сидѣла бы теперь клушей въ какой-нибудь нѣмецкой трущобѣ, не смѣя пошевелиться, чтобы этикетъ не нарушить! Нашла о чемъ жалѣть! Теперь кто мнѣ указъ? Что хочу, то и дѣлаю. И повѣрь, наслаждаюсь жизнью во-всю, отбросивъ всякіе указы и стѣсненія.

Я молчала. Тонъ Анны казался мнѣ не совѣмъ искреннимъ. Врядъ ли она такъ безропотно относилась къ своей судьбѣ, въ ея словахъ слышалась бравада.

IV.

— Да-съ,—продолжала она, окруживъ себя облакомъ синяго, душистаго дыма:—да, высоко было забралась твоя подруга, ну, и бухнула съ высоты... Ушиблась. Ты вѣдь знаешь, что по выходѣ изъ института меня взяла къ себѣ въ деревню бабушка? Скучала я у нея непомѣрно и даже обрадовалась, когда послѣ ея смерти попала въ Питеръ, къ тетускѣ, княгинѣ Мосоловой. Вотъ я тебѣ скажу, и особа, эта моя почтенная тетуска! Была когда-то красавица, трехъ мужей разорила и въ гробъ ввела. Любовникамъ счету не знала, а потомъ, когда и красоты и богатства не стало, за интриги другого сорта принялась. Подъ покровомъ жестокаго ханжества и строгаго этикета чуть не сводней сдѣлалась. Да чего тутъ чуть, по-настоящему, за деньги устраивала всякіе амурь и авантюры. Но такъ какъ эти услуги оказывались такимъ лицамъ, о которыхъ не смѣютъ слова громко сказать, все это было шито и крыто. Помню, какъ меня къ ней привезли, я думала, что мнѣ въ такомъ монастырѣ и не ужиться, ну, а потомъ, въ этихъ самыхъ хоромахъ, гдѣ и говорили-то полушопотомъ отъ почтенія,

гдѣ самыя высокія іерархі возсѣдали, восхваляя хозяйку за благочестіе и строгое житіе, такія мнѣ пришлось сценки видѣть, что куда тамъ Боккачіо! Мальчишка... Мое появленіе было ей какъ нельзя больше кстати. Богатая, хорошенькая сирота, подумай, какія широкія перспективы открывались передъ глазами бездушпой старухи? А я-то, дура, принимала все это за чистую монету! Приписывала любви тетухи ея заботы и о моей красотѣ, и о манерахъ. Старуха рѣшила, что я очень крупный козырь въ ея игрѣ, и строила на этомъ планы собственнаго благополучія, значитъ, продешевить меня ей была не рука. И вотъ начались всякія интриги, какъ бы меня больше въ свѣтѣ выдвинуть, завоевать получше мѣстечко въ этой гонкѣ за призами... Теперь даже тошно вспомнить, какія униженія приходилось переносить, чтобы добыть билетъ на недоступный простымъ смертнымъ балъ. Какія шпильки выслушивать отъ завистливыхъ барынь, какіе пошлые комплименты и слюнявые поцѣлуи переносить отъ вліятельныхъ старичковъ, «по-отечески» ласкавшихъ «эту очаровательную крошку». Фу! даже теперь тошно!

Анна порывисто вскочила съ мѣста, подошла въ нерѣшительности къ зеркалу, потомъ круто повернула къ стѣнному шкалику и, отперевъ его маленькимъ ключикомъ, вынула граненный графинчикъ и маленькую рюмку.

— Хочешь?—спросила она съ какимъ-то вызовомъ.

— Что это? Нѣтъ, не хочу,—отвѣчала я почти машинально.

— А это утѣшеніе въ скорбяхъ, какъ говоритъ нашъ поэтъ. И здорово-таки онъ утѣшается, только подноси... Въ Троицу онъ у меня изъ усадьбы на четверенькахъ уползъ... А ты чего испугалась? Рюмочка коньяку это превосходно для желудка, какъ увѣряла меня одна старая француженка.

Я неодобрительно покачала головой, чѣмъ вызвала смѣхъ моей подруги, продолжавшей свой разсказъ, усѣвшись по-турецки на подушкахъ, разбросанныхъ у дивана.

— И надо тебѣ сказать, что сначала казалось, что расчеты тетухи оправдаются. Мнѣ сразу повезло. На своемъ первомъ большомъ балу мнѣ удалось очаровать самую избранную молодежь изъ самыхъ что ни на есть высшихъ сферъ. Меня нашли оригинальной, остроумной, очаровательной и Богъ вѣсть что. А, право, я была только искренна и не скрывала своего восторга отъ всего, что меня окружало... Тамъ-то и встрѣтилась съ нимъ, нѣмецкимъ голубоглазымъ красавцемъ, пріѣхавшимъ погостить къ своей тетухкѣ. Онъ сразу произвелъ на меня наилучшее впечатлѣніе. Это оказалось обоюднымъ. Княгиня не преминула начать свои интриги... Ты знаешь, я не изъ сентиментальныхъ, и уже въ институтѣ меня нельзя было упрекнуть въ излишней довѣрчивости, ну, а тутъ я не знаю, что со мной сдѣлалось, голова, что ли, загума-

нилась отъ непривычнаго чувства, только я, какъ дѣвочка, впрочемъ, вѣдь я была еще дѣвочка, ввѣрилась своимъ мечгамъ, сладкимъ словамъ Гаральда и нашептываніямъ честолюбивой старухи. Тетка повела дѣло умѣло... только одного въ расчетъ не приняла—моихъ восемнадцати лѣтъ и того, что принцъ, за своими наивными голубыми глазами и рыцарскими манерами, таилъ въ себѣ опытнаго Донъ-Жуана и, конечно, добился всего, чего желалъ. Ты меня не презираешь?

Я молча протянула ей руку, и мы обмѣнялись горячимъ поцѣлуемъ.

Но это была единственная минута слабости со стороны Анны. Дальше въ ея рѣчахъ была только злоба и насмѣшка.

— Конечно, достигнувъ своей цѣли, мой герой скорешенько охладѣлъ. Тетюшка дозналась правды, особенно когда слѣшно выписали изъ Германіи ту длинноносую, которую давно прочли ему въ жены, и обрушилась на меня со всѣмъ бѣшенствомъ интриганки, обманутой въ своихъ расчетахъ... Чего, чего я не наслушалась? И дура-то я... и развратная дѣвчонка... и то и другое... Затѣмъ, убѣдившись, что скандалъ слишкомъ громокъ, что на эту исторію немилостиво взглянули наверху, она, конечно, разыграла обманутую жертву и весь грѣхъ свалила на меня. Недостойную, обманувшую довѣріе надо было сейчасъ удалить, чтобы доказать, что между нами не было ничего общаго... хотѣли меня даже въ монастырь запереть, да не на ту напали... Я объявила тетюшкѣ, что выдамъ ее съ головой, что надѣлаю такого скандала, что всѣмъ будетъ ясна ея роль въ этой исторіи, такъ что пришлось отъ монастыря отказаться. Въмѣсто этого нашли какую-то баронессу изъ захудалыхъ и отправили меня за границу съ этой особой. Вотъ ты говорила о заграничныхъ впечатлѣніяхъ? До нихъ ли мнѣ было, душа моя? Сперва я долго болѣла, и обманутое чувство давало себя знать, вѣдь я не какъ тетюшка, не своей только выгодой увлеклась, а искренно полюбила, насколько это въ моей натурѣ, а затѣмъ злость во мнѣ кипѣла, хотѣлось всѣмъ отомстить, насолить какъ-нибудь... Лицемѣры подлые! Ну, и покурила я вволю... Кажется, не было такой эксцентричности, такого безумія, какого бы на мой счетъ не писали досужіе фельетонисты... а затѣмъ дошли до меня слухи, что меня хотятъ подѣ опеку взять за посрамленіе древняго имени и за расточительность. Да не тутъ-то было... удрала я потихоньку въ деревню, заперлась тамъ года на два... поправила дѣла, отдохнула... и вотъ она—я, опять на Божій свѣтъ выплыла...

Она было на минуту призадумалась, затѣмъ тряхнула головой и, дернувъ сонетку, проговорила:

— Однако что же это намъ обѣдать не даютъ? Я тебя, я думаю, заморила? Что же обѣдать? Скоро?—спросила она прибѣжавшую на звонокъ дѣвушку.

— Подаютъ-съ, пожалуйста-съ.

V.

Мы пошли въ столовую. Проходя по широкому коридору, я замѣтила невдалекѣ отъ спальной Анны еще дверь и спросила почти машинально:

— А это какая комната? Ты мнѣ, кажется, ее не показывала.

— Ахъ, это? Это Петькина конурка, хочешь взглянуть?

Она распахнула дверь. Комната на конурку не была похожа, она была и большая и свѣтлая, только въ ней царить ужасный беспорядокъ и пахло крѣпкимъ табакомъ, водкой и конюшней.

— Ахъ! шалунъ!—воскликнула Анна и бросилась къ кровати съ грудой подушекъ. Она повернула къ стѣнѣ лицомъ висѣвшій на стѣнѣ большой портретъ.—Сколько разъ я ему говорила, чтобы не смѣлъ мой портретъ здѣсь вѣшать...—проговорила она со смѣхомъ.

— Кому ему?—спросила я съ удивленіемъ.—Чья же это комната?

— Какъ чья? Я вѣдь тебѣ говорила, что Пети... вотъ который лошадьми править.

Я съ изумленіемъ на нее взглянула, но она, казалось, этого не замѣтила, или не хотѣла замѣтить.

Обѣдъ былъ обильный и тяжелый. Меня очень удивляла та жадность, съ которой Анна ѣла, а особенно пила. Такимъ аппетитомъ она не отличалась даже въ самые голодные дни въ институтѣ, когда мы воровали съ голоду другъ у друга черный хлѣбъ.

Я замѣтила, что раза два она отдавала какія-то приказанія дворецкому, и онъ поспѣшно удалялся съ бутылкой или лакомымъ блюдомъ за дверь. Послѣ обѣда моя бывшая подруга провела меня въ угловую, небольшую комнату, всю уставленную турецкими диванами и завѣшанную коврами.

— Ну, садись, а то еще лучше послѣдуй моему примѣру и прилягь,—сказала хозяйка:—рекомендую наливки, у меня ихъ такъ дѣлаютъ, что лучше всякаго заграничнаго ликера. Вотъ попробуй!

И она показала мнѣ на подносъ, заставленный наливками. Я отказалась, за что получила кличку «недотроги», и съ удивленіемъ смотрѣла, какъ уничтожаетъ душистые и вкусные напитки Анна.

Она раскраснѣлась, распустила поясъ у капота, выдернула изъ косы гребенку и показала мнѣ какой-то вакханкой, производя своимъ видомъ довольно непріятное впечатлѣніе. Въ нашей трезвой и чинной семьѣ не допускалось такой распущенности, и она мнѣ претила.

— Послушай, Китти, ты вѣдь въ институтѣ музыкантшей слыла? Бросила музыку или нѣтъ?

— Нѣтъ, играю. У меня и мужъ музыкантъ.

— Ну, такъ, если хочешь, я доставлю тебѣ случай послушать хорошее пѣніе и игру на гитарѣ?

— Хочу, только ужъ поздно, мнѣ и домой пора. Кто же это та-кой музыкантъ?

— Да все онъ же, Петька.

— Кучерь?

— Ну, да, кучерь,—послѣдовалъ вызывающій отвѣтъ.

Мнѣ стало не по себѣ. Мысль, что сюда появится молодой па-рень и увидитъ Анну въ такомъ видѣ, была мнѣ инстинктивно про-тивна.

— Нѣтъ, ужъ лучше въ другой разъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо ѣхать домой!

— Понимаемъ... дворянская кровь возмутилась, какая же, моль, намъ, барынямъ, компанія кучерь?—злбно засмѣялась княжна.—Все это, мать моя, лицемѣріе! И какъ мнѣ это претитъ! Не хочу я жить по-вашему и дѣлаю, что хочу... слышишь, что хочу!

— Да и дѣлай, кто же тебѣ мѣшаетъ? А насчетъ лицемѣрія оставь, никогда лицемѣркой не была, и всѣ люди мнѣ равны... Только ни по воспитанію, ни по развитію, не думаю, чтобы твой кучерь могъ къ намъ подходить?.. да и видъ у тебя теперь не та-кой, чтобы чужимъ показываться, поди, лучше засни...

Я говорила, пожалуй, слишкомъ рѣзко, но она меня задѣла упрекомъ. Въ семьѣ моего мужа давно уже царили передовыя идеи, и меня задѣло предположеніе, что я говорила изъ барской спеси.

— Хорошо ужъ, хорошо! Ахъ вы, добродѣтельные матроны! Такъ всю жизнь и прокисните въ своей добродѣтели!

Анна предложила мнѣ экипажъ, но я отказалась и просила послать за каретой. На прощаніе мнѣ стало ее ужасно жаль, и я крѣпко ее поцѣловала. Это вызвало съ ея стороны насмѣшливое восклицаніе:

— Положила гнѣвъ на милость? Жаль стало? А ты не жалѣй, я бы своей жизнью на твою ни за какіе милліоны не помѣнялось... Я, матушка, свободный казакъ, и мнѣ самъ чортъ не братъ!

На этомъ мы и разстались, и я въ Москвѣ ея больше не видала

VI.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Мужа перевели въ большой университетскій городъ, гдѣ онъ получилъ довольно высокое назна-ченіе. Время было интересное, все больше и больше говорили объ эмансипаціи, какъ тогда называли освобожденіе крестьянъ. Меньшинство, къ которому принадлежала и наша семья, радовалось этому, а большинство старалось этому не вѣрить.

Мужу по должности часто приходилось имѣть дѣло съ уголов-ными преступленіями, и онъ не разъ говорилъ, что, несмотря на указы

и распоряженія правительства, старавшагося ограничить злоупотребленія помѣщичьей властью, очень участились эксцессы въ этихъ дѣлахъ.

— Точно мухи къ осени, когда чуютъ скорую гибель, злѣе стали и безжалостнѣе наши баре!—говорилъ мужъ, и дѣйствительность подтверждала его слова.

Однажды онъ пришелъ со службы взволнованный и сразу задалъ мнѣ вопросъ:

— А какъ величали твою институтскую подругу, княжну Анну, о которой ты рассказывала?

— Анна Денисовна. А что?

— Ты о ней ничего давно не слыхала?

— Нѣтъ, рѣшительно ничего со времени нашей встрѣчи въ Москвѣ. А почему ты меня о ней спрашиваешь?

— Дѣло о ней къ намъ поступило...

— Дѣло? Къ вамъ? Значитъ, уголовщина какая-нибудь? Бѣдняжка, вотъ ей не везетъ!

— Нечего сказать, бѣдняжка! Грязное дѣло и жестокое, я все надѣялся, что это не она... неприятно даже подумать, что ты съ этой особой вмѣстѣ воспитывалась и дружила.

— Да что ты говоришь? Что же она сдѣлала?

— Обварила кипяткомъ свою крѣпостную семнадцатилѣтнюю дѣвушку.

— Какъ обварила? До смерти?

— Конечно, до смерти, да еще ее, умирающую, чуть не пыткамъ подвергала, прямо чудище какое-то, а не женщина!

— Господи! Да расскажи же поподробнѣе?

— Потомъ... да я лучше дѣло тебѣ дамъ прочитать, мнѣ его сегодня вечеромъ принесутъ. Хочу самъ имъ заняться, а то знаешь нашу полицію, у нихъ деньгами отъ всего можно откупиться. Умѣли княжну три года искать, когда она преспокойно въ своей усадьбѣ проживала, даже вовсе не скрываясь... Скажи-ка, ты мнѣ тогда о какомъ-то кучерѣ говорила. Не Петромъ его звать?

— Да! Да! Она называла его Петей.

— Онъ тоже одинъ изъ героевъ этой драмы.

— Значитъ, мои догадки были справедливы?

— Ты, кажется, заподозрѣла ихъ отношенія? Кажется, и дѣло-то произошло на почвѣ ревности.

Съ душевнымъ трепетомъ принялась я за чтеніе этихъ толстыхъ листовъ бумаги съ крючкватымъ почеркомъ и разными помѣтками.

Суть дѣла заключалась въ томъ, что четыре года тому назадъ поступилъ къ прокурору города N—ска доносъ отъ крѣпостныхъ княжны Анны Денисовны Кроль объ умерщвленіи ею своей горничной, крѣпостной дѣвицы Лукерьи Семеновой, кото-

рую она облила кипяткомъ изъ кастрюли, кипѣвшей на плитѣ. Когда обожженная дѣвушка съ страшными криками упала на полъ, княжна топтала ее ногами, а затѣмъ отправила въ холодный подвалъ, куда и раньше заключала прогнѣвившихъ ее людей, и туда же велѣла привязать на веревку, чтобы онъ не могъ двигаться и оказать помощи пострадавшей, кучера Петра, коего къ дѣвкѣ Лукерья притренировала. Пятеро сутокъ заключеннымъ не давали ни хлѣба, ни воды, пока Лукерья не умерла. Петра продержали у ея трупа еще двѣ ночи, а затѣмъ, оскотивъ (что сдѣлалъ по барышнинному приказанію и подъ угрозой сдачи въ солдаты, если ослушается, кузнецъ Кузьма), отправили въ дальнюю вотчину, гдѣ онъ и покончилъ съ собой насильственной смертью.

Дознаніе, порученное мѣстной полиціи, не подтвердило доноса. Становой приставъ объяснилъ все злобой дворовыхъ противъ своей госпожи и донесъ, что дѣвка Лукерья сама себя облила кипяткомъ, бывши въ нетрезвомъ видѣ; что княжна не только ее не била, а еще оказывала помощь, а затѣмъ помѣстила ее въ отдѣльное помѣщеніе для ея же пользы, а потомъ уѣхала въ другую усадьбу и вернулась только послѣ похоронъ Лукерьи. Что же касается кучера Петра, бывшаго въ незаконной связи съ Лукерьей, то онъ самовольно пробрался къ Лукерьѣ, и если не пилъ и не ѣлъ, то по собственному желанію, а смерть ему приключилась отъ увѣчья, которое онъ самъ себя нанесъ, боясь сдачи въ солдаты.

Дѣло прекратили и больше года о немъ ничего не было слышно.

Возникло оно снова по такому случаю. Въ губернской городъ N—скъ по случаю набора былъ присланъ молодой флигель-адъютантъ. Къ нему какъ-то пробралась мать Петра, рѣшившаяся или погибнуть, или отомстить убійцѣ своего сына. Она упала на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, обнимая его ноги, молила его выслушать. Молодой человѣкъ ужаснулся передъ этимъ отчаяніемъ, выслушалъ старуху и рьяно принялся за это дѣло; онъ приналегъ на губернатора и прокурора. На этотъ разъ полиціи не довѣряли, и новыя показанія всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ совершенно иначе освѣтили дѣло. Но и тутъ съ помощью денегъ Аннѣ удалось его затянуть. Вотъ тогда-то и пришлось моему мужу познакомиться со слѣдствіемъ и черезъ нѣсколько времени арестовать княжну и заключить въ тюремный замокъ. Конечно, онъ не дѣлалъ пустыхъ придиорокъ и закрывалъ глаза на то, что Анна пользовалась въ тюрьмѣ разными льготами и устанавливала камеру своей мебелью и столъ получала изъ дома. Только свиданій ей не разрѣшали и всячески слѣдили, чтобы она не устроила побѣга.

Послѣ перваго же допроса княжны мужъ сказалъ мнѣ, что она произвела на него сильное впечатлѣніе

— Умна, какъ бѣсъ,—разсказывалъ онъ,—и создала себѣ ка-

кое-то особое міросозерпаніе. По ея мнѣнію, дозволено все, что можетъ доставить удовольствіе. О другихъ она и думать не хочетъ, пусть сами себя защищаютъ, какъ умѣютъ. Я тогда ей замѣтилъ, что мудроно крѣпостному, молъ, защититься отъ произвола властителя его судьбъ, а она мнѣ очень серьезно отвѣтила, что и въ мысляхъ не имѣла крѣпостныхъ, у которыхъ она и ума и сердца находить меньше, чѣмъ у своей любимой собачки. И знаешь, чувствуется, что она вполне искренна и увѣрена въ правотѣ своихъ взглядовъ.

Я просила его, не можетъ ли онъ дать мнѣ разрѣшеніе навѣстить Анну въ тюрьмѣ, но получила категорическій отказъ. Мужъ объявилъ, что это незаконно и нарушать законъ, да еще въ пользу своей жены, ему ужъ вовсе не пристало, а, главное, ему непріятно даже и наша прежняя близость, и онъ вовсе не желаетъ возобновленія этого знакомства между нами.

— Чистой женщиной и говорить-то съ ней не о чемъ. Вѣдь это настоящій циникъ.

VII.

Теперь, когда княжна сидѣла въ тюрьмѣ и никто не боялся показывать правду, слѣдствіе открыло такія картины распущенности и произвола, что мужъ не считалъ возможнымъ мнѣ многое и рассказывать. Его поражало, какимъ образомъ молодая сравнительно, женщина могла развить въ себѣ такую жестокость? Дѣйствительно, только предполагая, что она искренно вѣрила, что крѣпостные какой-то низшій родъ человѣчества, можно было объяснить ея поведеніе. Мужа занимало, откуда могъ у нея сложиться такой взглядъ на людей.

— Какихъ лѣтъ она поступила въ институтъ?—спрашивалъ онъ меня.

— Восьми или девяти.

— И пробыла тамъ?

— Лѣтъ до восемнадцати.

— Удивляюсь! Неужели она изъ дома вынесла такіе взгляды?

— Не знаю... смутно помню, что ея отецъ былъ военный, а мать больная женщина, вѣчно лечившаяся.

— Неужели институтъ не могъ повліять на нее благотворно, разъ она всецѣло находилась подъ вліяніемъ этой среды, не имѣя общенія съ семьей? Какъ она вела себя въ отношеніи слугъ въ институтѣ?

— Особеннаго ничего не дѣлала, но, я помню, мы всегда возмущались, съ какимъ пренебреженіемъ она относилась къ низшимъ.

— Возмущались вы, дѣвчонки, а начальство какъ на это смотрѣло?

— Да никакъ. Такіе вопросы не затрагивались. Только бы

съ виду все обстояло прилично и благопристойно. Якпаться съ прислугой даже строго воспрещалось, но не позволялось также и грубо обходиться съ ней. «Это роняетъ достоинство благородной дѣвушки», внушалось намъ классными дамами.

Мужъ пожалъ плечами.

На Аннино несчастіе, ея дѣло разбиралось въ такое время, когда наступили новыя вѣянія. То, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ повлекло бы, пожалуй, только «оставленіе въ подозрѣніи», теперь окончилось суровымъ приговоромъ и каторжными работами.

Когда партію отправляли, я выпросила у мужа разрѣшеніе проводить княжну. Онъ согласился, и къ отправкѣ партіи я подъѣхала къ тюрьмѣ. Въ толпѣ арестантовъ, одѣтыхъ въ традиціонныя арестантскіе халаты, я съ трудомъ отыскала свою старую подругу. Хотя Анна еще оставалась красивой, я все-таки съ трудомъ ее узнала. Что-то жесткое и злобное было въ этомъ блѣдномъ, худомъ лицѣ, и взглянула она на меня далеко не милостиво.

— Вотъ какъ? Смиловивился супругъ? Разрѣшилъ проститься со старой подругой? Теперь не боится больше нареканій?

— Развѣ ты знала?..

— Конечно, знала! Не хотѣла только спрашивать у своего строгаго обвинителя, почему его добродѣтельная супруга не привезетъ хоть калачика арестанткѣ? Ужъ что было его конфузить... А онъ у тебя умница, говоря безъ шутокъ...

Я положительно не знала, о чемъ намъ говорить, а Анна насмѣшливо поглядывала, точно наслаждаясь моимъ смущеніемъ. Выручилъ меня конвойный офицеръ, узнавшій меня, вѣроятно, по экипажу и подошедшій раскланяться. Я конфузясь подала ему приготовленныя для Анны деньги, прося ихъ выдавать ей, когда ей будетъ нужно.

— Спасибо! Только это лишнее... эти аспиды все себѣ заберутъ...—и она ткнула пальцемъ на офицера.

Тотъ сконфузился, хотѣлъ было прикрикнуть, но смутился и спасъ положеніе, прокомандовавъ:

— Эй, вы тамъ! Пошевеливайтесь! Вести арестантовъ на мѣста!

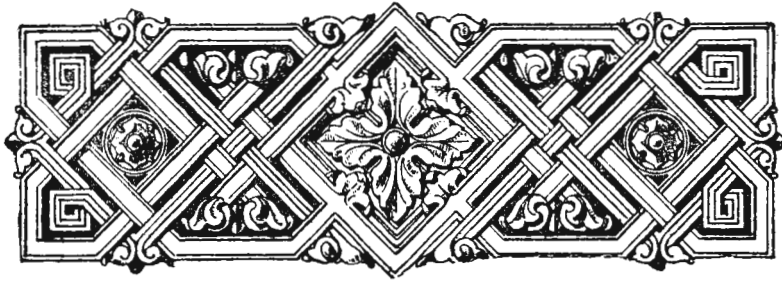
Мы обмѣнялись съ Анной кивкомъ головы, и она съ напускной храбростью крикнула:

— Не совсѣмъ похоже на отъѣздъ владѣтельной особы? Посмотрѣлъ бы на меня мой нѣмецкій принцъ!

Больше я объ Аннѣ не имѣла никакихъ свѣдѣній. Да и откуда бы я ихъ могла имѣть? Она навѣки отъ меня скрылась въ темныхъ глубинахъ «мертваго дома».

Е. Ильина-Пожарская.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА 47 ЛѢТЪ ¹⁾.

VIII.

Докторъ Кобылинъ въ Варшавѣ въ ссылкѣ.—Генераль Н. А. Краснокутскій.—Переворуженіе полевой артиллеріи въ 1867 году.—Царскіе смотры въ Варшавѣ въ 1868 г.—Назначеніе генерала Краснокутскаго генераль-адъютантомъ.—Почему государь въ томъ году запоздалъ возвращеніемъ изъ-за границы.—Извѣстіе о смерти писателя Дм. Ив. Писарева.

РИШЛОСЬ пробыть въ Варшавѣ дней десять-двѣнадцать, хотя срокъ моего четырехмѣсячнаго отпуска истекалъ 6-го ноября, т.-е. черезъ два дня послѣ того, какъ я оказался сильно простуженнымъ. Исполнивъ первый совѣтъ С. В. Максимова, я сталъ искать возможности непременно послѣдовать и второму—побывать у доктора. Это для меня представлялось болѣе труднымъ, такъ какъ докторовъ въ чужомъ городѣ—въ Варшавѣ—я не зналъ, а пойти къ какому-нибудь наугадъ не приходилось.

— Я васъ выручу,—сказалъ мнѣ Д. Е. Кожанчиковъ и направилъ меня къ пользовавшемуся репутацией хорошаго врача-практика, которымъ я въ концѣ концовъ остался совершенно доволенъ; то былъ докторъ Кобылинъ. Послѣ, уже проживая въ Варшавѣ на службѣ въ гвардейской конной артиллеріи, я узналъ, что онъ попалъ въ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXLIV, стр. 77.

этотъ городъ благодаря несчастью, свалившемуся на его голову: у покушавшагося на жизнь государя Александра Николаевича 4-го апрѣля 1866 года Каракозова нашли стрихнинныя пилюли, которыми онъ запасся будто бы для того, чтобы лишить себя жизни въ случаѣ неудачнаго исхода покушенія; при пилюляхъ оказался приклееннымъ рецептъ за подписью Кобылина, молодого, незадолго передъ тѣмъ окончившаго курсъ въ медико-хирургической академіи и начавшаго практику врача. Его арестовали и, продержавъ нѣкоторое время, пока производилось дознаніе, выслали на жительство въ Варшаву.

Случилось такъ, что вскорѣ послѣ моего поступленія въ гвардейскую конную артиллерію къ намъ въ батарею въ 1869 г. поступилъ вышедшій изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища подпоручикъ Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ, отецъ котораго почтеннѣйшій Андрей Алексѣевичъ состоялъ въ то время и долго послѣ того въ должности военно-медицинскаго инспектора варшавскаго военнаго округа. Черезъ него мнѣ пришлось узнать о томъ, что привело Кобылина на жительство въ Варшаву, а отъ отца его я не разъ слышалъ о полнѣйшей непричастности къ чему-либо преступному Кобылина, тогда прекраснаго молодого человѣка, попавшаго въ бѣду безъ всякаго умысла въ томъ дѣлѣ, которое ему тогдашнее грозное третье отдѣленіе естественно стремилось поставить прямо въ вину и даже готово было обвинить его въ преступленіи. Надо отдать справедливость тайному совѣтнику А. А. Боголюбову: разобравъ все это дѣло въ самыхъ большихъ подробностяхъ, онъ смѣло взялъ на себя поддержать этого неповиннаго молодого врача, которому могло безъ его поддержки грозить большое несчастье, такъ какъ, по высшимъ соображеніямъ, исходившимъ изъ «зданія у Цѣпнаго моста», уже послѣ того, какъ дознаніе и слѣдствіе навлекло лишь необходимость для Кобылина высылки, каковая и была исполнена, — нѣтъ-нѣтъ, да опять какъ будто вышльвалъ вопросъ о томъ, правильно или неправильно было этого молодого врача оставить безъ дальнѣйшаго обвиненія и безъ болѣе суроваго преслѣдованія. Мнѣ потомъ, когда я серьезно болѣлъ и находился одно время подъ угрозой чахотки, случалось обращаться къ доктору Кобылину и приходилось всегда встрѣчать съ его стороны рѣдко участливое отношеніе къ дѣлу леченія одолѣвавшихъ меня довольно тяжкихъ недуговъ и къ дѣлу укрѣпленія молодого, подававшагося разнообразнымъ разстройствомъ моего организма.

Къ этому мнѣ еще доведется вернуться, когда я буду въ подробностяхъ извлекать изъ моихъ записокъ «о встрѣчахъ и знакомствахъ съ разными докторами» — русскими и иностранными.

Не безъ того, что отсрочка отъѣзда моего изъ Варшавы пришлась до нѣкоторой степени кстати, такъ какъ получилась для меня воз-

возможность дожидаться прибытія изъ Петрограда тѣхъ книгъ и руководствъ, относительно выписки которыхъ пришлось сдѣлать заказъ уже послѣ возвращенія моего изъ-за границы.

Издавна было замѣчено, что Варшава и варшавскій военный округъ доставляли самый большой процентъ поступленія молодыхъ офицеровъ въ военныя академіи,—причину тому всѣ находили въ томъ, что, при незнаніи польскаго языка, не было вообще на стоянкахъ въ Польшѣ стремленія сходиться съ обществомъ; такимъ образомъ пустота жизни въ провинціальныхъ городахъ толкала молодежь, слава Богу, на умственные занятія, и большинство офицеровъ останавливалось на рѣшеніи итти продолжать курсъ военныхъ наукъ.

Постоянныя сношенія съ книжнымъ магазиномъ для выписки необходимыхъ руководствъ дѣлали то, что большая масса офицеровъ хорошо знала Д. Е. Кожанчикова; всѣ были довольны дѣловыми сношеніями съ нимъ и направляли къ нему другъ друга.

«Идите, идите смѣло къ киргизу ¹⁾, онъ васъ удовлетворитъ, исполнитъ вамъ все вѣрнѣе вѣрнаго и точнѣе точнаго», неизмѣнно повторяли офицеры, рекомендуя одинъ другому этого хозяина и распорядителя русскаго книжнаго дѣла.

Генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Краснокутскій, о которомъ Дмитрій Еоеимовичъ Кожанчиковъ однажды упомянулъ, припоминая разсказъ про покойнаго великаго князя цесаревича Николая Александровича, собственно въ первые два года моей службы былъ нашимъ начальникомъ дивизіи—третьей кавалерійской, къ которой, по послѣдней тогдашней организаціи, была причислена третья конно-артиллерійская бригада.

Зимю мы мало встрѣчались съ этимъ начальникомъ, но съ наступленіемъ весны, когда кавалерійскіе полки соединились въ дивизію, начинались частыя дивизионныя ученія съ участіемъ конной артиллеріи; подъ начальство Н. А. Краснокутскаго поступала гвардейская кавалерійская бригада, состоявшая изъ лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго съ третьей батареей лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, а также шести полковъ собственно третьей кавалерійской дивизіи; Литовскій и Вольнскій уланскіе, Каргопольскій и Глуховской драгунскіе, Александрійскій и Клястицкій гусарскіе,

¹⁾ Вслѣдствіе сходства Д. Е. Кожанчикова по типу его лица съ бурятами офицеры въ шутку называли его киргизомъ. Надо сказать, что во всѣхъ съ нимъ шуткахъ всегда проглядывало большое расположеніе къ нему офицеровъ всѣхъ родовъ оружія и разныхъ возрастовъ.

и затѣмъ два, а иногда три казачьихъ полка, при этомъ двѣ батареи третьей конно-артиллерійской бригады и двѣ казачьихъ батареи. Всей этой, въ сущности, по тогдашнему времени большой массой войскъ съ громаднымъ умѣніемъ вѣрчалъ Н. А. Краснокутскій, производя чрезвычайно искусно различные повороты большими массами и сложныя перемѣны фронтовъ. Рѣдко у кого изъ начальниковъ того времени выходили такіе удачныя маневры и кавалерійскія ученія, какъ у этого опытнаго и умѣлаго генерала, стараго, бывалаго лейбъ-гусара, учившагося и заимствовавшагося въ томъ дѣлѣ у специалиста по части кавалеріи, какимъ былъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Мы, молодые конно-артиллерійскіе и кавалерійскіе офицеры, каждый разъ на время кавалерійскихъ учений назначались отъ батарей и отъ полковъ къ нему по очереди ординарцами; онъ насъ разсылалъ съ приказаніями къ начальникамъ частей, причѣмъ вообще обходился съ нами въ высшей степени серьезно, хотя изысканно вѣжливо. Бывало, съ нимъ все время надо было держать ухо востро,—ни слова не пропусти, команды, Боже сохрани, не прозѣвай, не пророни слова. Потерявши нить хода ученія, быстро протекавшаго, не сумѣешь въ точности ничего исполнить при посылкѣ; все время надо было напрягать вниманіе, а для этого надо, какъ всѣ мы считали, быть неустанно начеку.

Лѣто 1867 года было собственно первымъ лѣтомъ, въ теченіе котораго намъ случилось отбывать лагерь въ офицерскихъ чинахъ; батареи были собраны для этого подъ Варшаву къ срединѣ мая, затѣмъ онѣ предѣлывали въ теченіе мѣсяца при артиллерійскомъ полигонѣ на Повонзковскомъ полѣ, вмѣстѣ со всей артиллеріей округа, свою практику артиллерійской стрѣльбы.

Въ поясненіе того, что выше сказано о нѣкоторой сложности службы того года, я долженъ сказать, что до 1867 года русская артиллерія была вооружена гладкостѣнными орудіями, тѣми самыми, изъ которыхъ не выходила болѣе тридцати пяти лѣтъ, а въ томъ году наступило время перевооруженія всѣхъ батарей полевой артиллеріи—какъ пѣшей, такъ и конной. Въ концѣ января въ батареяхъ были получены нарѣзныя четырехфутовыя, заряжавшіяся съ дула пушки, и для офицеровъ закипѣла работа обученія нижнихъ чиновъ всестороннему обращенію и дѣйствию при новыхъ орудіяхъ. Офицерамъ, только что выпущеннымъ изъ артиллерійскаго училища, дѣло это было извѣстно и хорошо знакомо, такъ какъ батарея того училища уже съ 1864 года была вооружена новыми орудіями, и мы при нихъ цѣлый годъ дѣйствовали, обучаясь и познанію системы орудій и практической стрѣльбѣ изъ нихъ; такимъ образомъ, для насъ не представляло никакихъ затрудненій начать обученіе солдатъ тому, что нами предварительно уже было хорошо изучено.

По совершенной случайности насъ собралась въ батарею послѣднихъ двухъ выпусковъ молодежь; не было у насъ взрослыхъ на гладкоствольной артиллеріи старослуживыхъ офицеровъ, которыхъ надо было бы и самихъ еще знакомить съ системой нарѣзныхъ орудій, а также обучать дѣйствіямъ при нихъ. Намъ, молодежи послѣднихъ выпусковъ, оставалось на полномъ просторѣ заниматься обученіемъ лишь старослуживыхъ солдатъ.

Составившимъ нашу восьмиорудійную батарею офицерамъ явилось обязательнымъ, для каждаго изъ четырехъ, основательно обучить людей при двухъ орудіяхъ, т. е. взводъ; на пятого возлагалась служба быть непосредственнымъ помощникомъ старшаго офицера въ дѣлѣ обученія нижнихъ чиновъ верховой ѣздѣ, выѣздкѣ лошадей, а также спеціально оказать ему помощь въ дѣлѣ обученія рекрутовъ вообще.

Дѣло же службы должно было идти непрерывно. Вотъ чѣмъ и объясняется упомянутое мною выше неудобство разъѣздовъ и отлучекъ кого-либо изъ насъ за покупкой книгъ и вообще отрыванія отъ прямыхъ занятій—обученія людей новому дѣлу въ это горячее для батарейной службы время. Никто это мелочью не считалъ и считать не могъ. Изъ сложности выручилъ Кожанчиковъ, энергично придя на помощь.

— А мы-то съ Н. И. Штоссомъ ¹⁾ счастливы,—шутилъ П. Н. Шишкинъ:—двухъ насъ, стариковъ, будутъ обучать пять офицеровъ-молодцовъ; надо ожидать большихъ успѣховъ. Скоро мы выучимся и сами явимся готовыми къ дѣлу внѣдренія въ солдатъ мудреныхъ знаній по части обращенія съ новыми пушками и по части снаряженія снарядовъ къ нимъ (батарейное лабораторное дѣло).

Надо было помнить, что для распаковки всего высланнаго главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ и для сборки всего по частямъ въ одно цѣлое, а также для обученія, представлявшагося въ виду малаго развитія старыхъ солдатскихъ мозговъ довольно сложнымъ,—оставалось лишь три мѣсяца, а затѣмъ въ общемъ по крайней мѣрѣ двѣ недѣли надо было положить на совершеніе двухсотверстнаго похода до Варшавы.

Тотчасъ послѣ почти благополучнаго окончанія артиллерійской стрѣльбы при новыхъ орудіяхъ мы, въ составѣ конныхъ батарей, поступили подъ начальство генерала Н. А. Краснокутскаго для участія въ производившихся имъ ученіяхъ съ кавалеріей.

Не легко это намъ доставалось: лагерная стоянка наша нахо-

¹⁾ Штоссъ былъ лѣтъ на пятнадцать старше Шишкина и ни въ одной кампаніи ему ни раньше, ни позже участвовать не случалось; его отецъ попалъ въ нашу службу изъ прусской и умудрился такъ вести сына своего, что тотъ въ два-три года совершенно обрусѣлъ и, кромѣ русскаго языка, иного рѣшительно не зналъ. Онъ умеръ въ 1875 г.

дилась въ селѣ Бабицахъ, въ четырнадцать верстахъ отъ города Варшавы, и мы должны были черезъ день прибывать подъ этотъ городъ на Мокотовское поле, гдѣ собственно дивизионныя кавалерійскія ученія производились, начинаясь обычно въ восемь часовъ утра. Въ которомъ же часу надо было выступить изъ Бабиць?

Въ послѣднихъ числахъ юня того года кавалерійскій лагерный сборъ окончился, части войскъ разошлись на свои зимнія стоянки, причемъ мы, полевая конная батарея, прошли походнымъ порядкомъ въ Сѣдлецкую губернію, откуда я и уѣхалъ въ Румынію въ первыхъ числахъ юля на четыре мѣсяца.

Въ слѣдующемъ 1868 году пришлось выступить въ лагерь подъ Варшаву немного позже, т.-е. къ концу мая, и уже съ 1-го юля мы опять поступили подъ команду генерала Краснокутскаго.

Въ концѣ зимняго сезона 1867—68 гг. пришлось узнать не-приятную вѣсть: на рапортъ, поданный мною о разрѣшеніи мнѣ поступить въ артиллерійскую академію, пришло отъ начальника той академіи генерала Платова официальное извѣщеніе о томъ, что изъ всѣхъ просившихъ этого разрѣшенія мнѣ одному отказано, такъ какъ, по точному смыслу закона, я, пробывъ на первомъ году службы четыре мѣсяца въ заграничномъ отпуску, не дослужилъ узаконенныхъ двухъ лѣтъ срочной обязательной до поступленія въ академію службы, а потому, потерявъ въ томъ году право на это поступленіе, долженъ былъ служить въ строю еще годъ и тотчасъ итти съ батареей въ лагерный сборъ.

Не желая терять времени, я посоветовался относительно дальнѣйшаго съ П. Н. Шишкинымъ, какъ со старшимъ офицеромъ, и Н. И. Штоссомъ, какъ со своимъ командиромъ: оба они въ совѣтахъ своихъ сошлись на томъ, что лучше всего мнѣ тотчасъ же начать хлопоты о поступленіи въ гвардейскую конную артиллерию, мысль же объ академіи отложить до будущихъ лѣтъ. Для этого надо было мнѣ явиться въ Варшаву съ письмомъ Н. И. Штосса къ командиру третьей батареей лейбъ-гвардіи конной артиллеріи полковнику Магнусу Ивановичу Бреверну, что я, безъ дальнихъ проволочекъ, и исполнилъ. Отъ него я получилъ согласіе, и мы условились, что я въ предстояшіе дни могъ уже явиться къ нему на службу; о разрѣшеніи этого онъ взялъ на себя выхлопотать у начальника артиллеріи округа генераль-лейтенанта Дитерихса. Этотъ добрѣйшій, старенькій генералъ тотчасъ же далъ свое согласіе, и дѣло казалося, уладилось; но помощникъ начальника артиллеріи генераль-майоръ Савичъ настойчиво объявилъ, будто бы въ третьей конно-артиллерійской бригадѣ имѣлся большой недостатокъ офицеровъ, отчего некому итти въ лагерный сборъ и потому меня необходимо оставить въ бригадѣ, а прикомандированіе къ гвардейской конной артиллеріи разрѣшить мнѣ только по окончаніи лагернаго сбора. Такъ это и осталось, несмотря на

неопредѣленность того, какъ было бы, если бы разрѣшеніе поступленія въ академію отобрало меня изъ третьей бригады.

Опять мы всё пошли подъ Варшаву въ Бабицы, потомъ, отбывъ стрѣльбу, стали ходить на Мокотовское поле и проучились у генерала Краснокутскаго на этотъ разъ цѣлыхъ три мѣсяца— іюль, августъ и почти весь сентябрь. Государь пріѣхалъ подъ Варшаву смотрѣть войска только во второй половинѣ сентября, и мы, молодые офицеры, въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ назначались ординарцами къ Н. А. Краснокутскому, получали отъ него приказанія, развозили ихъ начальникамъ частей; а онъ тѣ приказанія отдавалъ намъ такъ же безстрастно, какъ и прежде, рѣшительно не удостаивая никого изъ насъ своимъ вниманіемъ.

Въ сущности въ 1868 году государевъ пріѣздъ ожидался къ срединѣ іюля, но, какъ тогда пущень былъ офиціальнѣ слухъ, леченіе въ Эмсѣ задержало государя, а между тѣмъ потомъ болѣе опредѣленно распространилось глухое свѣдѣніе о томъ, что жандармскій ротмистръ Г. попалъ на слѣдъ заговора противъ жизни государя и арестовалъ какихъ-то лицъ съ поличнымъ. Очевидно, пока весь этотъ казусъ не выяснился, государю нельзя было предпринять путешествіе изъ Эмса въ Варшаву.

Прошло въ задержкѣ два мѣсяца; въ концѣ концовъ оказалось, что никакого покушенія никто не подготавливалъ; Г. былъ арестованъ, и слѣдствіемъ обнаружена была—вотъ съ какихъ поръ— у насъ на Руси возможность самой безцеремонной и безсовѣстной провокаціи!

Государю Александру Николаевичу въ тотъ годъ минуло пятьдесятъ лѣтъ, и онъ вернулся изъ-за границы въ особо цвѣтущемъ состояніи здоровья; имѣя вполне бодрый видъ, государь казался болѣе веселымъ, чѣмъ обычно до того,—хотя подробные доклады, представленные его величеству генераль-полицеймейстеромъ царства Польскаго генераль-адъютантомъ барономъ П. А. Фредериксомъ и шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ о гнусномъ измышленіи жандармскаго ротмистра Г., не мало его огорчили.

Тогда именно, какъ говорятъ, государь обратился къ намѣстнику генераль-фельдмаршалу графу Бергу и сказалъ ему, въ присутствіи обоихъ докладчиковъ: Непонятнымъ остается, почему находятся люди, которые могутъ еще видѣть для себя «удовольствіе» (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, государь сказалъ: «выгоду») въ пусканіи такой лжи, ни съ чѣмъ несообразной и никому ненужной». Безо всякаго, повидимому, смысла тогда пущень былъ наверху слухъ, будто бы одинъ изъ докладчиковъ страшно смутился этимъ царевымъ замѣчаніемъ.

Пока наши батареи сновали между дер. Бабицы и Мокотовскимъ полемъ, разѣзжая къ генералу Краснокутскому и отъ

него, я получилъ изъ-за границы телеграмму съ увѣдомленіемъ о томъ, что одинъ изъ старшихъ братьевъ моихъ—Константинъ, носившій другую фамилію вслѣдствіе послѣдовавшаго усыновленія его дядей матери (Николенко), попалъ въ Пештѣ подъ поѣздъ, послѣдствіемъ чего явился сложный переломъ ноги. Я немедленно же испросилъ разрѣшенія намѣстника и выѣхалъ въ Вѣну, куда брата моего направили къ лучшимъ хирургамъ, въ числѣ которыхъ главнымъ тогда былъ Думмрейхеръ. Дѣло окончилось сравнительно благополучно и я, пробывъ десять дней въ столицѣ Австріи, возвратился въ Бабицы, причемъ почувствовалъ себя сильно отдохнувшимъ.

Не могу не вспомнить, что внѣ фронтовыхъ ученій мы проводили время за чтеніемъ журналовъ; П. Н. Шишкинъ и Н. И. Забусовъ выбирали статьи и читали намъ вслухъ или у Штоссовъ въ просторной дачѣ богатаго владѣльца села помѣщика Яенинскаго, или въ его громадномъ, густо заросшемъ тѣнистомъ саду. Помню, нами читались тогда въ издававшихся Некрасовымъ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова статьи Писарева. Я даже захватилъ съ собою за границу двѣ книги журпала съ тѣмъ, чтобы продолжать чтеніе въ вагонѣ, а тамъ въ Вѣнѣ купилъ и, признаться сказать, провезъ домой тогда запрещенный романъ Чернышевскаго «Что дѣлать». Уже по возвращеніи моемъ мы его также вмѣстѣ прочли.

Крайне непріятно подѣйствовало на насъ то обстоятельство, что среди того времени, которое мы проводили за чтеніемъ статей Дмитрія Ивановича Писарева, вдругъ тамъ же въ Бабицахъ, среди лѣта, былъ полученъ номеръ газеты «Голосъ» съ извѣщеніемъ о послѣдовавшей въ тѣ дни смерти этого молодого, способнаго писателя: въ газетѣ было сказано, что Дмитрій Ивановичъ Писаревъ, купаясь въ Дуббельнѣ, утонулъ въ морѣ.

Ходила, однако, молва, никогда, впрочемъ, не подтвердившаяся, о томъ, будто бы писатель, преслѣдуемый разнаго рода жизненными неудачами, умышленно утопился въ Дуббельнѣ;—поводомъ къ народженію такихъ слуховъ, какъ объяснялось тогда, явилось острое малокровіе, развившееся у него и обусловлившее появленіе истощенія силъ. Долго онъ содержался въ Петропавловской крѣпости прежде, чѣмъ дойти до такого болѣзненнаго состоянія на двадцать седьмомъ году своей жизни.

Относительно генерала Н. А. Краснокутскаго тогда всѣ мы были убѣждены въ томъ, что онъ никого изъ насъ не знаетъ и не различаетъ одного отъ другого.

Во время царскихъ смотровъ онъ удостоился получить званіе генераль-адъютанта, и это какъ будто бы на минуту его пробудило,

но лишь на минуту, а вслѣдъ затѣмъ опять настало то непробудное равнодушiе, въ которое было погружено все въ нашей совмѣстной службѣ съ этимъ въ высшей степени серьезнымъ и не менѣе того способнымъ генераломъ.

IX.

Отзывы о генералѣ Краснокутскомъ.—Его высокая образованность.—Румынскiе поэты Паскаль и Александреско.—Сенаторъ Ив. Ив. Фундуклей.—Еще о Петрѣ Николаевичѣ Шишкинѣ.—Восторженные отзывы М. Д. Скобелева объ его подвигѣ.—Бѣлый генералъ позоритъ трехъ батарейныхъ командировъ, сосѣдей и сослуживцевъ П. Н. Шишкина.—Награжденiе его и его батареи.

Но вотъ со мной случился эпизодъ, который заставилъ меня взглянуть на Н. А. Краснокутскаго нѣсколько иначе. Окончились лагери, государь уѣхалъ, все начало какъ будто бы входить въ колею зимняго сезона. Долго и терпѣливо ждавшаеся мое прикомандированiе къ гвардейской конной артиллерiи успѣло состояться. Черезъ нѣсколько дней послѣ того я, какъ-то проходя по Краковскому предмѣстью, зашелъ въ находившiйся тамъ издавна,—да, кажется, и до послѣднихъ теперешнихъ дней,—книжный магазинъ Гебертнера и Вольфа. Тамъ обыкновенно мнѣ доводилось просматривать польскiе газеты, журналы и брошюры.

Выходя изъ магазина, я въ дверяхъ встрѣтился съ генераломъ Краснокутскимъ:

— А вы, я слышалъ,—обратился онъ ко мнѣ, здороваясь кивкомъ головы:—прикомандировались къ батареѣ полковника Бреверна; поздравляю васъ, дай Богъ въ добрый часъ, будете впредь оттуда, изъ гвардейской конной артиллерiи, прилетать за полученiемъ моихъ приказанiй.

Я не сумѣлъ вовсе найтись,—до такой степени меня поразило это необычное и вовсе непривычное отношенiе его, какъ вдругъ онъ поразилъ меня еще больше, уже совершенно уничтоживъ: онъ совершенно неожиданно обратился ко мнѣ на чистомъ румынскомъ языкѣ и спросилъ, не собираюсь ли я снова проѣхать въ Бухарестъ? А затѣмъ, поговоривъ немного и удостоивъ на этотъ разъ пожатiемъ руки, ушелъ.

Въ магазинѣ Гебертнера и Вольфа, на мои разспросы, мнѣ объяснили, что генералъ постоянно бываетъ у нихъ, причемъ покупаетъ книги на всѣхъ возможныхъ языкахъ и въ послѣднее время раза два заходилъ спросить какiя-то произведенiя на румынскомъ языкѣ, такъ что, сказавъ хозяинъ, мы должны были выписать для него изъ Бухареста книжки стихотворенiй извѣстныхъ румынскихъ поэтовъ тѣхъ дней—Александреско и Паскаля.

Съ обоими мнѣ случилось познакомиться раньше въ Бухарестѣ въ 1867 году.

Александреско представлялъ собой совершенно молодого, нѣ-

сколько кичливаго, свѣтскаго человѣка, въ которомъ румынское общество сильно заискивало, а особенно дамы. О его поэтическомъ талантѣ и о произведеніяхъ мнѣ случилось года три тому назадъ прочесть небольшой этюдъ на страницахъ одного французскаго журнала изъ новѣйшихъ. Описывая его характеръ, журналъ обращаетъ вниманіе на соотвѣтствіе этого характера румынской національности и говоритъ, что, несмотря на много лѣтъ, прожитыхъ господиномъ Александреско въ Парижѣ, его нравъ ни на іоту не приобрѣлъ солидности. Хозяинъ этого нрава остался тѣмъ же вѣтренымъ, легкомысленнымъ, а главное—вѣроломнымъ, какимъ мы, въ наши дни, знаемъ его отечество въ политикѣ; «съ этой стороны онъ остается національнымъ поэтомъ». Славянъ онъ ненавидѣлъ, несомнѣнно, и насъ, явившихся въ свое время спасителями Молдо-Валахи.

Что касается поэта Паскаля, то ко днямъ моего знакомства съ нимъ это былъ уже очень пожилой, лѣтъ за семьдесятъ человѣкъ, совершенно развитившійся и начавшій впадать въ дѣтство. Мой братъ Николай, которому случилось прожить безвыѣздно въ Румыніи 1860—62 и до половины 63-го года, много разъ говорилъ мнѣ, что, нерѣдко встрѣчая въ бухарестскихъ кружкахъ Паскаля, онъ видѣлъ его свѣжимъ, крѣпкимъ старикомъ, обладавшимъ большимъ остроуміемъ; рѣдко кто казался въ такой степени интереснымъ, какъ этотъ поэтъ, постоянно обличавшій румынъ, подмѣчавшій ихъ слабости, въ числѣ коихъ ему приходилось безжалостно подчеркивать ихъ хвастливость, лживость, а главное—свойственную имъ корыстность.

Думается мнѣ, что Н. А. Краснокутскому, если заказанныя имъ у Гебертнера и Вольфа книги до него дошли чтеніе Паскаля доставило гораздо больше удовольствія, чѣмъ знакомство съ поэтомъ-фигляромъ Александреско.

Н. А. Краснокутскій былъ полонъ самой высокой, рѣдкой и завидной образованности; наравнѣ съ Гебертнеромъ и Вольфомъ всѣ утверждали, что онъ прекрасно, т.-е. въ совершенствѣ, зналъ двадцать два языка и на всѣхъ тѣхъ языкахъ постоянно много читалъ. Въ варшавскомъ обществѣ онъ слылъ за человѣка серьезно образованнаго, а потому вообще, не предаваясь искательству, онъ всегда сходилъ съ людьми соотвѣтственнаго образованія. Къ числу его друзей можно было причислить такихъ серьезныхъ людей, какъ сенаторъ, членъ государственнаго совѣта царства Польскаго Ив. Ив. Фундуклей и другіе представители высшаго управленія царства, каковы князь Владимиръ Александровичъ Черкасскій, Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Я. А. Соловьевъ ¹⁾ и друг.

¹⁾ Всѣ эти лица, какъ равно и Самаринъ и Фундуклей, должны считаться создателями доставшейся въ 1864 году царству Польскому реформы освобожденія кре-

Намѣстникъ, славившійся своею изъ ряда вонъ выходившею образованностью графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ, всегда находилъ удовольствіе и неизмѣнно искалъ возможности провести часъ-другой въ бесѣдѣ и въ сношеніяхъ съ Н. А. Краснокутскимъ.

Ив. Ив. Фундуклей былъ очень богатый уроженецъ Херсонской губерніи; его обширныя и многочисленныя помѣстья, которыхъ центромъ являлась знаменитая Ивановка, гнѣздились возлѣ Елисаветграда, богатаго города, долгое время остававшагося посадомъ или заштатнымъ городомъ; онъ только лишь въ 1865 году сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ. Сравнительно очень молодымъ чело-вѣкомъ Ив. Ив. Фундуклей былъ назначенъ кіевскимъ губернаторомъ послѣ того, какъ пробылъ года два вице-губернаторомъ въ одной изъ южныхъ же губерній.

Въ обѣихъ губерніяхъ сохранились слѣды его очень солидной, разносторонней дѣятельности, особенно по части женскаго образованія, а также въ заботахъ объ улучшеніи тюремъ и вообще мѣстъ заключенія.

Онъ пожертвовалъ каменный домъ и капиталъ для учрежденія въ Кіевѣ женской гимназіи; она была въ тѣ времена первою въ Россіи и основана была подъ названіемъ женскаго училища имени Ив. Ив. Фундуклея.

На его обширную и разнообразную дѣятельность по сельскому хозяйству вообще въ разныхъ частяхъ имперіи и по разработкѣ разностороннихъ статистическихъ данныхъ всегда обращалъ большое и особое вниманіе государь императоръ Александръ Николаевичъ и очень цѣнили ее вообще.

Кромѣ присутствованія въ варшавскомъ департаментѣ сената, Иванъ Ивановичъ былъ назначенъ сенаторомъ имперіи и генеральнымъ контролеромъ царства Польскаго, причемъ никогда не переставалъ отдавать свое время на труды по изученію археологіи и особо по разнообразному описанію Кіева и Кіевской губерніи въ отношеніи древностей. Онъ много потрудился на пользу дѣла освобожденія крестьянъ и въ имперіи, и особо въ царствѣ Польскомъ, а съ 1868 года состоялъ членомъ государственнаго совѣта (тогда ему минуло шестьдесятъ четыре года отъ роду).

При немъ постоянно проживали молодыя племянницы его—княжны Голицыны; онѣ изъ его дома вышли замужъ—одна за генерала Н. А. Краснокутскаго, а другая за служившаго въ Гродненскомъ гусарскомъ полку штабъ-ротмистра барона Врангеля; этого зятя своего Н. А., при назначеніи своемъ на постъ наказнаго атамана Войска Донскаго, взялъ съ собой въ Новочеркасскъ на должность адъютанта.

стьянъ.—Як. Алекс. Соловьевъ съ начала царствованія государя Александра Николаевича управлялъ земскимъ отдѣломъ, а потомъ былъ членомъ учредительнаго комитета въ царствѣ Польскомъ.

Авт.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ случилась крайне неприятная исторія на гауптвахтѣ Сѣнной площади, и послѣ того, какъ Сергѣй Николаевичъ Шубинскій надумалъ взять подъ свое покровительство Быстрова, поступившаго вельдѣ за тѣмъ, по его совѣту, въ кронштадтскую школу рисованія.

Провинившійся на Сѣнной площади Казанскій ни въ одну изъ академій не поступилъ.

Мнѣ лично за это время довелось прослужить девять лѣтъ: сначала въ городѣ Радинѣ Сѣдлецкой губерніи, потомъ въ Варшавѣ; къ началу 1876 года я былъ переведенъ изъ Варшавы въ Стрѣльну, а 4-го апрѣля того года получилъ назначеніе въ должность адъютанта гвардейской конно-артиллерійской бригады. Не далѣе, какъ черезъ годъ, т.-е. въ срединѣ апрѣля 1877 года, около времени возникновенія войны за освобожденіе Болгаріи, такъ свято отблагодарившей Россію, великій князь главнокомандующій дѣйствующей арміи Николай Николаевичъ Старшій призвалъ меня въ должность ординарца при себѣ,—какъ уже въ этихъ моихъ запискахъ было объ этомъ упомянуто довольно подробно ¹⁾.

Первая командировка, которую мнѣ пришлось исполнить по переѣздѣ моемъ за великимъ княземъ изъ Кишинева въ Плоэшти, была совершенно особенная для простого строевого офицера: заняться постройкой подъ городомъ Бухарестомъ въ Котроченяхъ ²⁾ постройкой складовъ подъ порохъ, подъ снаряды и заряды. Относительно этой командировки можно прямо сказать, что она оказалась, какъ говорится, «первый блинъ, да комомъ».

Много сложностей съ ней выходило изъ-за баснословной во всѣхъ отношеніяхъ неисправности всѣхъ лицъ, кои были даваемы намъ, русскимъ офицерамъ, въ распоряженіе; такъ, подрядчики, приказчики, кушцы, румыны, греки и жиды, офицеры, инженеры и разные техники, всѣ прежде и главнѣе всего считали своимъ долгомъ во всякомъ данномъ словѣ или обѣщаніи относительно срока доставки матеріала, исполненія работы, присылки рабочихъ, а также въ отношеніи качества матеріала и всего подобнаго, прежде всего, исполнить рѣшительно и далеко не такъ, какъ это было условлено и на словахъ установлено; поэтому приходилось тратить попустому много времени и ни въ чемъ не надѣяться на что-либо вѣрное, отъ этого все шло какъ будто бы навыворотъ или спустя рукава. Румынскіе же офицеры даже удивлялись, когда имъ приходилось слышать съ нашей стороны претензію на что-либо неисправное, неаккуратное или исковерканное.

Однажды я, выведенный рѣшительно изъ терпѣнія безконечной неисправностью, неоднократно вызывавшей во всемъ волокиту,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», май 1913 года.

²⁾ Очень большое поле подъ самымъ городомъ. Авт.

воспользовался случаемъ и на вопросъ, заданный мнѣ великимъ княземъ главнокомандующимъ, какъ идутъ дѣла, разсказалъ ему все происшедшее за послѣдніе дни въ дѣлѣ постройки складовъ, добавивъ о томъ, какъ мало вѣроятности имѣть все предположенное къ ожидаемому сроку. Его высочество, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ мой разсказъ, сказалъ: «Что же, и сладить съ ними нельзя, это ужасно»,—а затѣмъ, повернувшись въ сторону закрытой двери, которая вела въ большой сосѣдній залъ,—это было въ квартирѣ, занимавшейся великимъ княземъ въ Плоэштахъ,—очень громко произнесъ: «Charles!»

Дверь отворилась, и вошелъ румынскій князь Карлъ, который въ тотъ день съ утра прибылъ къ великому князю изъ Бухареста, видимо, для переговоровъ по дѣлу о предстоявшемъ тогда приѣмѣ государя императора; приѣздъ его величества изъ Петрограда ожидался къ 25-му числу мая.

Его высочество, пригласивъ князя Карла выслушать разсказъ, привезенный изъ района начатыхъ въ Бухарестѣ важныхъ работъ, сказалъ: «Escoutez ce que mon officier d'ordonance me rasconte», а затѣмъ самъ изложилъ все, что ему отъ меня пришлось узнать.

— Меня это все нисколько не удивляетъ,—сказалъ Гогенцолернъ, находившійся въ тотъ день какъ будто въ нервномъ состояніи:—ты долженъ знать, что здѣсь, въ этомъ краѣ, чѣмъ болѣе высокое положеніе занимаетъ человѣкъ, тѣмъ онъ больше считаетъ себя въ правѣ быть неаккуратнымъ и не обязаннымъ исполнять данное имъ слово. И это во всемъ, начиная съ мелочей. Каждый норовитъ непременно отолгаться, отдалиться отъ точнаго исполненія своего долга. Я здѣсь нахожусь уже двѣнадцать лѣтъ и до сихъ поръ не знаю, при какихъ обстоятельствахъ, когда и кто мнѣ скажетъ правду, а главное, когда кто правдиво исполнитъ условленное между нами, и, повторяю, чѣмъ высшій постъ занимаетъ кто-либо, тѣмъ меньше на него надежды. Отчего мы вотъ цѣлый годъ улаживаемъ вопросы о сношеніяхъ съ Портой и уладить ничего не можемъ? Оттого, что я рѣшительно не знаю и знать не могу, что сегодня угодно будетъ измѣнить г. Братіано ¹⁾; что завтра вздумаетъ исковеркать по-своему г. Когольничано ²⁾ и въ чемъ поступать произвольно, не придерживаясь установленнаго и опредѣленнаго между нами, гг. Сланичано или Флореско или Чернатъ ³⁾.

Тутъ видно было желаніе Карла свалить съ себя на другихъ вину въ тѣхъ фальшиво проводившихся дѣлахъ, за которыя и великій князь, и его штабъ, и нашъ дипломатическій агентъ въ Бухарестѣ постоянно жаловались на румынское правительство, считая, од-

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Три представителя румынской арміи.

нако, виновникомъ всей неправды прежде и больше всего самого Карла, отличавшагося съ самаго начала нашихъ сношеній замѣчательнымъ отсутствіемъ искренности.

Онъ все гнулъ въ сторону Франца-Иосифа, стараясь предать насъ двуединой монархіи и толкнуть въ пасть, раскрытую противъ насъ заклятымъ врагомъ Россіи, графомъ Андраши, своихъ министровъ, относительно которыхъ онъ, казалось, умѣлъ держать себя совершенно корректно, не выдавая своихъ непосредственныхъ помощниковъ и соотрудниковъ.

Но суть въ томъ, что оправданіе себя онъ подготавливалъ къ пріѣзду государя, передъ которымъ хотѣлось ему показаться не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ выказалъ себя передъ великимъ княземъ, быть можетъ, невольно по невниманію за время его тяжелой болѣзни, пережитой имъ въ Кишиневѣ, и передъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ барономъ Стюартомъ, позволяя себѣ Богъ знаетъ почему не относиться къ нему съ полнѣйшимъ подобающимъ уваженіемъ.

Съ другой стороны, въ обвиненіи министровъ нельзя не видѣть вообще пренебрежительнаго отношенія Карла Гогенцоллерна къ молдо-валахской націи; это отношеніе народилось и установилось съ первыхъ дней его появленія въ краѣ, когда надъ нимъ была поднята масса насмѣшекъ, ставившихъ его въ крайне неловкое положеніе и даже озлоблявшихъ его ¹⁾.

— Какое дѣло вамъ ни случилось бы вести, — говорилъ Карлъ: — еще еврей иногда поведетъ себя въ немъ на правдѣ и на аккуратной точности, грекъ гораздо рѣже, румынъ же никогда. Можно прямо сказать, что честиѣ всѣхъ ведутъ себя здѣсь, въ Румыніи, ваши русскіе извозчики-скопцы, а также другіе сектанты, т.-е. молокане и духоборы. Здѣсь приходится сносить громадную массу тяжелаго именно изъ-за того, что всѣ всходятъ на отчаянной лжи. Находясь здѣсь уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, я никакъ не могу себя приучить ко всему тому, что постоянно здѣсь видишь, чувствуешь и испытываешь.

Однако и послѣ прибытія государя въ Плоэшти долго приходилось всѣмъ «видѣть, чувствовать и испытывать» относительно того, какъ назначенное Карломъ или кѣмъ-либо изъ его подручныхъ къ исполненію на сегодня или на завтра не исполнялось день, другой, третій, а иногда и недѣлю, и все это продѣлывалось съ разными увертками, отговорками и ухищреніями самого неожиданнаго характера и свойства; видно было, что во всемъ центръ тяжести закрѣпленъ возлѣ самого Карла.

Продолжалось все это до тѣхъ поръ, пока наконецъ самъ государь, видя, что въ дѣлѣ обѣщаннаго самимъ Гогенцоллерномъ пе-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», сентябрь, 1915 г., стр. 820.

рехода румынскихъ дивизій къ камъ на турецкій берегъ идетъ игра въ сказку о бѣломъ бычкѣ,—послать имъ очень суровую угрозу, которая сразу придала опереточнымъ войскамъ крылья, и только тогда они очутились подъ Плевной. Всѣмъ намъ очень скоро стало извѣстно, что о презрѣнн, съ которымъ Карлъ относился и къ народу, и къ помѣщикамъ, и къ министрамъ, а главное, къ уважавшемуся тогда простымъ народомъ духовенству,—вся страна въ детальныхъ мелочахъ была освѣдомлена.

И мстили же румыны своему призванному изъ Нѣметчины князю! Не было позорнѣшаго названія, которымъ они его не называли бы, не было порочащаго обвиненія, которое они ни взвели бы на него. Незадолго до нашей тогдашней войны въ Румыніи нашумѣла такъ называемая «струсбергская исторія», состоявшая въ томъ, что берлинскій англизированный еврей Струсбергъ, настронивъ массу желѣзныхъ дорогъ въ Германіи и сдѣлавшись архимилліонеромъ, явился въ Румынію и, начавъ набирать здѣсь желѣзнодорожныхъ концессій, безцеремонно запустилъ свои руки въ румынскую казну, загребая румынское золото для наполненія своихъ кармановъ.

Тотчасъ же создалась легенда, гласившая о томъ, что Карлъ пошелъ съ нимъ на половиныхъ акціяхъ и вмѣстѣ грабить страну, призвавшую его княжить. Какъ ни казались эти и подобные слухи чудовищно-ложными и рѣшительно невѣроятными, они въ народѣ и во всѣхъ слояхъ общества не только крѣпли, но больше и больше разрастались. Врядъ ли есть другая страна, въ которой до такой громадной степени любятъ ложь, позорящую людей, кажущихся совершенно невинными, носящихъ честное имя и смотрящихъ смѣло въ глаза всякой чудовищной, грязнящей ихъ выдумкѣ.

Но въ инсинуаціяхъ, обсыпавшихъ имя Карла, румыны сумѣли превзойти себя: мало того, что они съ точностью подсчитывали каждый милліонъ, достававшійся будто бы Карлу при дѣлежѣ, они съ жестокостью разбирали на разные лады и смаковали слухи о томъ, что оставшійся въ концѣ концовъ безъ денегъ Струсбергъ, этотъ колоссально разбогатѣвшій именно въ Румыніи крезъ, сдѣлался нищимъ только потому, что, на его несчастье, дѣлиться ему приходилось съ такимъ мастеромъ обирательныхъ аферъ, каковъ Карлъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ румынскій.

Докладъ М. Д. Скобелева главнокомандующему о подвигѣ Шишкина послѣдовалъ въ то время, когда я находился въ Малой Азіи, куда великій князь нашелъ нужнымъ меня командировать изъ Адрианополя въ самое началѣ февраля по дѣламъ, касавшимся переговоровъ съ турецкими уполномоченными о за-

ключеніи мира. Когда, по возвращеніи въ апрѣлѣ,—уже въ Санъ-Стефано,—я узналъ о послѣдовавшемъ награжденіи Петра Николаевича, то при первой же встрѣчѣ обратился къ Михаилу Дмитриевичу Скобелеву съ самымъ простымъ вопросомъ: почему онъ, наравнѣ съ пожалованіемъ отличившагося золотымъ оружіемъ, не призналъ нужнымъ и возможнымъ представить его къ производству въ чинъ?

М. Д. Скобелевъ отнесся къ моему вопросу такъ же просто, какъ я съ нимъ обратился къ нему; онъ даже не нашелъ въ этомъ какой-либо мелочности или неумѣстности, а совершенно участливо постарался дать мнѣ полное разъясненіе, предварительно лишь дружески спросивъ меня, какос, въ сущности, я имѣю касательство и къ самому Шишкину и къ его отличіямъ, а также къ наградамъ?

— Это бывший старшій офицеръ той полевой конной батареи, въ которой я началъ службу по производствѣ въ офицеры изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища,—сказалъ я:—онъ насъ училъ и въ дѣлѣ изученія нами службы воспитывалъ, твердо руководя насъ своимъ опытомъ; а хлопочу я или считалъ бы долгомъ хлопотать объ его движеніи въ чинахъ по той причинѣ, что онъ сказочно отсталъ отъ своихъ сверстниковъ.

При этомъ я кратко изложилъ Бѣлому генералу ставшую мнѣ со словъ самого П. Н. Шишкина извѣстную медленность его движенія въ чинахъ.

— Вѣдь онъ,—добавилъ я,—шестнадцатью годами раньше васъ произведенъ въ офицеры.

— Ну, вотъ,—сказалъ Михаилъ Дмитриевичъ:—счастливымъ я могу считать того, кто первыя поученія въ дѣлѣ службы получилъ отъ такого въ высокой степени благороднаго и достойнаго человѣка, какимъ я успѣлъ узнать этого вашего руководителя; это рѣдкій офицеръ, и я мало знаю такихъ людей. Что касается поднятаго вами вопроса объ его награжденіи, скажу вамъ прямо, вашъ воспитатель меня просто поразилъ и изумилъ: первое, о чемъ я ему объявилъ, это о желаніи моемъ представить его къ чину. Надо было видѣть, какъ сталъ онъ открешиваться отъ этого, точно я предложилъ ему что-либо злое; усиленно просилъ онъ меня ни въ какомъ случаѣ не дѣлать этого, не наносить ему этой тяжелой непріятности. На всѣ мои разспросы о томъ, почему онъ этого не хочетъ, я только и добился отъ него упорнаго отвѣта: «Не не хочу, а не могу, не имѣю права, это выше моихъ силъ», только и отвѣчалъ; вообще стойкости и упорства показалъ цѣлую массу.

— Увидѣвъ въ тѣ дни его довольно хорошія отношенія къ вашему товарищу по гвардейской конной артиллеріи,—сказалъ мнѣ Мих. Дм.,—къ Александру Яковлевичу Талю, который также и мой хорошій и любимый товарищъ по академіи генеральнаго штаба,

я, рассказавъ ему показавшуюся мнѣ чудаческою продѣлку Шишкина, просилъ его, не посчастливится ли ему узнать причину такой выходки и не удастся ли ему сломить стойкость этого человѣка. Вѣдь мнѣ это было все равно; но не могъ же я ограничиться тѣмъ, чтобы посмотрѣть на такое дѣло, какъ на курьезъ, и забыть его. А. Я. Таль очень просто, по-товарищески узналъ и сообщилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: нашъ чудакъ объяснилъ, что если бы былъ произведенъ въ чинъ, то обошелъ бы тѣмъ самымъ двухъ-трехъ своихъ товарищей, кои были лѣтъ на 6—7 старше его въ чинѣ подполковника, а онъ далъ самъ себѣ слово никогда не отваживаться наносить своей персоной такую обиду товарищамъ...

— Тогда,—я сказалъ мнѣ Бѣлый генераль,—рѣшился выпустить противъ вашего Шишкина очень вѣскую гранату.

— Случайно отъ добрыхъ людей,—сказалъ онъ П. Н. Шишкину при встрѣчѣ съ нимъ,—я узналъ вашъ секретъ; но вѣдь при всемъ уваженіи къ вамъ и къ вашимъ въ этомъ отношеніи убѣжденіямъ я не могу не упомянуть • томъ, что я во всей своей службѣ ни одного чина не получалъ иначе, какъ за отличіе, что же я, по-вашему, не долженъ былъ ихъ брать, долженъ былъ касавшіяся меня представленія отклонять, ожидая лишь производства на вакансіи, дабы не обогнать той массы, которую мнѣ въ итогѣ обогнать довелось?

На эту, правда, очень вѣскую гранату П. Н. Шишкинъ отвѣтилъ М. Д. Скобелеву:

— Вы совсѣмъ другое дѣло, ваше каждое отличіе—ужъ это доподлинно извѣстно—являлось высокимъ подвигомъ и дѣйствительно подвигомъ изъ ряду вонъ выходящимъ, поэтому вамъ—Скобелеву—было бы грѣшно не хватать чиновъ за ваши отличія; я же подвига не совершилъ, продѣлавъ лишь то, что обязанъ былъ дѣлать, и если бы того, что вы ставите мнѣ въ заслугу и въ отличіе, я не сдѣлалъ бы, то, какъ три моихъ сосѣда-сослуживца, совершилъ бы преступленіе, за которое на васъ же лежала бы обязанность строжайше взыскать съ меня, не останавливаясь даже передъ преданіемъ меня суду; поэтому я еще разъ прошу васъ не настаивать на томъ, что является рѣшительно выше силъ моихъ и потому остается невозможнымъ и неисполнимымъ.

Послѣ того Мих. Дм. не разъ говорилъ, что пораженъ стойкостью этого маленькаго человѣка, и не будь онъ такой прекрасный, благородный, разумный человѣкъ, я просто атестовалъ бы его маньякомъ.

Теперь я считаю совершенно умѣстнымъ рассказать здѣсь и передать общему сужденію читателей, въ чемъ именно состоялъ подвигъ П. Н. Шишкина, столь высоко оцѣненный Бѣлымъ генераломъ и надѣлавшій бездну шума во всей дѣйствующей арміи.

Послѣ состоявшагося 22-го августа 1877 года взятія укрѣпленнаго

города Ловчи и послѣ грандіозныхъ дѣйствій М. Д. Скобелева подъ Плевной съ 28-го по 31-е августа Бѣлому генералу, какъ извѣстно, была предоставлена великимъ княземъ главнокомандующимъ полная свобода дѣйствій противъ плевненскихъ позицій и главнымъ образомъ противъ тѣхъ районовъ, которые входили въ мѣста, соприкасавшіяся съ расположеніемъ скобелевской 16-й пѣхотной дивизіи. То были знаменитыя «Зеленыя горы»; въ нихъ Скобелевъ сосредоточился и дѣйствовалъ, громя турокъ при всякомъ малѣйшемъ порывѣ ихъ показать хотя бы тѣнь стремленія къ какому-либо выступленіямъ или вылазкамъ противъ окружавшей Плевну желѣзнымъ кольцомъ арміи царя.

Когда наступило подъ этой народившейся и выросшей на нашихъ глазахъ земляной крѣпостью нѣкоторое затишье, М. Д. Скобелевъ не спалъ и не зѣвалъ; онъ главнымъ образомъ рѣшилъ не давать ни покоя, ни отдыха турецкой арміи, причемъ то и дѣло изобрѣталъ способы тревожить врага, для чего нерѣдко самъ предпринималъ противъ него внезапные подступы, штурмы, усиленные рекогносцировки и т. п., тревожившія гарнизонъ Османа-паши болѣе или менѣе серьезныя нападенія и движенія.

Но вотъ однажды, среди относительнаго затишья, онъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что командовавшій турецкой арміей и плевненскимъ гарнизономъ Османъ-Гази-паша готовитъ серьезную, сильную вылазку противъ ввѣренныхъ Бѣлому генералу силъ, и потому отъ тотчасъ составилъ планъ дѣйствій противъ этихъ намѣреній врага. Между прочимъ онъ призналъ крайне необходимымъ немедленно сформировать отъ ввѣренныхъ ему частей войскъ особый изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія отрядъ, который рѣшилъ подготовить и держать наготовѣ для отраженія замышленнаго Османомъ нападенія, грозившаго, очевидно, прорывомъ.

Назначивъ въ этотъ отрядъ пѣхотныя и кавалерійскія части, Мих. Дм. потребовалъ къ себѣ въ ставку командировъ артиллерійскихъ частей для того, чтобы отмѣтить, на комъ остановиться и кого назначить для обезпеченія состава этого отборнаго отряда.

— Каково же было мое удивленіе,—говорилъ впоследствии не разъ Бѣлый генералъ:—когда я узналъ, что изъ четырехъ оставшихся свободными у меня батарейныхъ командировъ трое категорически заявили мнѣ, что, за невозможностью добыванія фуража, ихъ части совершенно непригодны и не могутъ быть готовы къ какому бы то ни было выступленію, не только противъ непріятели, но и вообще даже просто въ походное движеніе: лошади не кормлены, фуража, кромѣ сомнительнаго качества сѣна, уже давно добытъ было негдѣ, весь конскій составъ ихъ батарей раскованъ, подковъ не имѣется, да и многое въ матеріальной части артиллеріи давно уже пришло въ крайнее разстройство; поломку дышель, колесъ, осей, правилъ и т. п. не представлялось возможнымъ исправить

и для приведенія батарей въ боевую готовность необходимо сравнительно большой свободный промежутокъ времени.

У М. Д. Скобелева, который и по характеру своему былъ не изъ такихъ, чтобы передъ чѣмъ бы то ни было спасовать, да и по бывалости своей видывалъ всякіе виды, все-таки сердце упало, когда онъ все это услышалъ.

Но его едва ли не больше еще поразило то, что онъ тутъ же, тогда же услышалъ въ отвѣтъ на вопросъ, заданный имъ четвертому батарейному командиру:

— У меня батарея,—сказалъ тотъ,—находится въ полной готовности: лошади были все время правильно и нормально кормлены и сѣномъ и овсомъ, онѣ кованы, а матеріальная часть артиллеріи находится въ полной исправности, такъ какъ всѣ поломки въ свое время безостановочно чинились.

То былъ подполковникъ П. Н. Шишкинъ.

— И вы можете выступить въ походъ? —спросилъ его Мих. Дм.

— Во всякое время и куда угодно, не только въ походъ, но и въ дѣло противъ сильнѣйшаго врага...

Батарея этого командира была Скобелевымъ, конечно, включена въ составъ отборнаго отряда, а Бѣлый генералъ только поражался, задумываясь надъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы не подвернулась ему въ то время совершенно исправная Шишкинская батарея: черезъ два дня послѣ этого случайнаго разоблаченія и обозначенія неисправности батарейныхъ командировъ Османъ-паша двинулся въ свою заранѣе подготовленную имъ вылазку прямо противъ «Зеленыхъ горъ».

Отрядъ, выступившій противъ этой вылазки, Скобелевъ повелъ лично и, конечно, быстро отвадилъ врага, разогнавъ его и вогнавъ потрепанные остатки за укрѣпленія Плевны. Непріятель потерпѣлъ полную неудачу и послѣ того уже вовсе не рѣшался выступить, не только противъ скобелевскихъ «Зеленыхъ горъ», но вообще противъ окружавшей Плевну арміи нашей. Потери вылѣзавшихъ аскеровъ были ужасны въ тотъ разъ, а, по свидѣтельству самого Михайла Дмитриевича, батарея Шишкина, «хотя и пѣшая», накрошила массу врага своими выѣздами на ближайшій картечный выстрѣлъ. «Вашъ Шишкинъ дѣйствовалъ по-конно-артиллерійски, въ немъ старый конно-артиллеристъ вполнѣ сказался, вышло, что привычка вторая натура; поэтому я, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ согласившись на то, чтобы уважить просьбу П. Н. Шишкина не производить его за отличіе въ чинъ, съ особеннымъ удовольствіемъ исходатайствовалъ о награжденіи его золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Такимъ образомъ онъ получилъ награду и за длительное отличіе, состоявшее въ чрезвычайно важномъ сбереженіи батарей для своевременнаго и безотложнаго выступленія въ бой въ минуту случившейся нужды къ тому, и за подвигъ

въ лихомъ дѣлѣ противъ врага уже по выступленіи въ этотъ со славой вынесенный батареею бой... Я представилъ также и батарею къ особому награжденію «за отличіе въ дѣлѣ при Зеленыхъ горахъ»¹⁾. Она со своимъ молодцемъ-командиромъ вполнѣ этого заслужила,—говаривалъ в послѣдствіи не разъ Михаилъ Дмитриевичъ.

Однажды, уже во время безконечно долгихъ дней стоянки нашей арміи въ Санъ-Стефано, Бѣлый генераль хотѣлъ найти П. Н. Шишкина, дабы повидаться съ нимъ и о чемъ-то переговорить, но тогда до его свѣдѣнія было доведено, что маленькій лихой подполковникъ эвакуированъ въ Россію по случаю одолѣвшей его тяжелой болѣзни: застарѣлые катары взяли свое, и, кромѣ того, сильныя головокруженія совершенно изводили его, отнимая у него всѣ силы; онъ ослабъ настолько, что уже не признавалъ, съ своей стороны, добросовѣстнымъ оставаться на службѣ, подалъ въ отставку и уволенъ былъ съ производствомъ въ полковники лишь при увольненіи и съ назначеніемъ ему очень небольшой пенсіи, которую онъ получалъ до послѣднихъ дней, проживая въ Кіевѣ.

За тридцать два года дѣйствительной военной службы своей съ накидкой нѣсколькихъ лѣтъ севастопольскаго сидѣнія (мѣсяць за годъ) П. Н. Шишкинъ, при засвидѣтельствованіи со стороны врачей²⁾ о полномъ разстройствѣ его здоровья, получилъ пенсію неполныхъ девятьсотъ рублей въ годъ; и не нашлось никого, кто могъ бы исходатайствовать ему увеличеніе этой суммы. Такъ и пришлось ему скромно, почти въ нуждѣ прожить до 83-хъ лѣтъ, въ болѣзняхъ и въ печали. Оставшіеся послѣ кончины его родителей въ Костромской губерніи небольшіе лѣса нѣсколько, правда, увеличили его бюджетъ, но не такъ много, какъ онъ вообще того заслуживалъ и какъ могъ бы получить за свою безкорыстную многолѣтнюю службу и жизнь. Больше всего этотъ честный человекъ самъ увеличивалъ свои средства безусловной аккуратностью своею и умѣньемъ прожить экономно на небольшія средства: онъ былъ невзыскателенъ, роскошью не прельщался и довольствовался малымъ, какъ привыкшій къ походной, военной жизни солдатъ.

— Роскоши я не зналъ,—говаривалъ онъ:—но съ тѣмъ вмѣстѣ смѣло могу сказать, дано мнѣ было въ жизни счастье почти не видать и нужды.

¹⁾ Кто близко зналъ М. Д. Скобелева, тотъ, несомнѣнно, поймалъ, съ какимъ особымъ удовольствіемъ онъ это продѣлалъ; вѣдь тѣмъ самымъ, далъ имя и своимъ «Зеленымъ горамъ», дотогѣ невѣдомымъ. Авт.

²⁾ Покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ послѣ нѣсколькихъ крайне внимательныхъ осмотровъ П. Н. Шишкина во время появленія у него расслаблявшихъ его головокруженій положительно опредѣлилъ, что причиной этихъ головокруженій являлась безусловно конгузія, полученная въ венгерскую кампанію, такъ она была сильна.

Авт.

При встрѣчахъ со мной покойный Мих. Дм. Скобелевъ не разъ вспоминалъ П. Н. Шишкина, этого маленькаго ростомъ, твердаго волей и стойкостью вообще человѣка. «Я,—добавлялъ онъ,—никогда не имѣлъ случая пожалѣть, что поддался его убѣдительнымъ просьбамъ не производить его въ чинъ: въ сущности, это была мелочь, а чужія убѣжденія и засѣвшія въ человѣка твердыя вѣрованія я привыкъ уважать; но рассказы людей, будто бы знавшихъ П. Н. Шишкина, стремились убѣдить меня въ томъ, что едва ли въ числѣ тѣхъ, кого онъ боялся обидѣть обходомъ въ чинѣ, не былъ одинъ изъ выставленныхъ мною передъ княземъ Масальскимъ, передъ великимъ княземъ и передъ всей дѣйствующей арміей на позоръ, сосѣдь его по батарее, отказавшійся выступить противъ турецкой вылазки въ ту минуту, когда положеніе наше на «Зеленыхъ горахъ» грозило стать почти тяжелымъ среди ровнаго хода нашихъ дѣлъ подъ Плевной вообще. Не сомнѣваюсь,—говорилъ М. Д.:— что умышленно онъ этого не сдѣлалъ бы, но недоумѣваю, какъ и откуда могъ народиться такой слухъ?»

На задававшіеся мною по этому поводу П. Н. Шишкину въ послѣдствіи вопросы онъ мнѣ всегда категорически называлъ, кого именно онъ опасался обогнать вообще, и добавлялъ, что одинъ изъ отказавшихся былъ не въ такой степени виноватъ, какъ это тогда Скобелеву и всѣмъ показалось. Недѣли за двѣ до исторіи онъ только что вошелъ въ составъ нашей бригады, принявъ совершенно разстроенную батарею послѣ умершаго отъ ранъ командира, «но ни оправданія ему я найти не могъ, ни сожалѣніе по отношенію къ нему не считалъ бы себя въ правѣ выказать, такъ какъ я твердо зналъ и ясно видѣлъ, что этотъ менѣе другихъ виноватый командиръ все время послѣ приѣма плохой батареи лишь жаловался и плакалъ на судьбу; объ энергичномъ же принятіи всестороннихъ мѣръ къ исправленію недочетовъ и къ возстановленію обозначившейся запущенности не подумалъ, давъ батарее за то время больше и больше на виду у всѣхъ распатываться, и, слѣдовательно, рѣшительно никакого оправданія или смягченія своей ужасной вины не заслужилъ».

Х.

Результатъ постыднаго отказа трехъ батарейныхъ командировъ итти въ бой.—Начальникъ артиллеріи кн. Н. Ѳ. Масальскій въ бояхъ и въ сношеніяхъ съ подчиненными.—Командировка на Шипку.—Ординарцы гр. Штакельбергъ, Бенкендорфъ, Волнярларскій.—Капитанъ Жилий.—Ген.-ад. Непокойчицкій.—Кн. Имеретинскій.—Сельвія.—Ловча.—Полк. Шестаковъ.—Мих. Дм. Скобелевъ.—Наступленіе на Ловчу.—Куропаткинъ.

Исторія съ этими командирами, рѣшившимися отказаться пойти на врага «въ минуту жизни трудную», надѣлала много шуму и въ сущности повредила служебному положенію начальника артил-

леріи дѣйствующей арміи благороднѣйшаго князя Николая Оедоровича Масальскаго.

Этотъ рыцарь славился тѣмъ, что съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ вообще на проявлявшееся у нѣкоторыхъ командировъ частей стремленіе къ экономіи въ свою пользу фуража, иначе не называя это, какъ «наживой за счетъ безсловесныхъ», т. е. лошадей, причѣмъ прямо громилъ и клеймилъ эту наживу названіемъ «безстыдной». Кромѣ того, онъ не выносилъ проявленія какой-либо не только малѣйшей трусости во время боя, но даже малѣйшаго намека на нее или чего-нибудь хотя бы похожаго на нее.

Извѣстенъ разсказъ, ходившій въ частяхъ войскъ съ самага начала той войны, о томъ, какъ кн. Н. О. Масальскій, придя однажды на сильно забрасывавшуюся непріятельскими гранатами и шрапнелями батарею и увидѣвъ, что, кромѣ нѣсколькихъ наводчиковъ, стоявшихъ и дѣйствовавшихъ при орудіяхъ, никого болѣе налицо не имѣлось, послалъ одного изъ фейерверкеровъ въ находившуюся тутъ же землянку пригласить командира и, когда тотъ появился, онъ, оставаясь на батарее, сказалъ тому полковнику и другимъ офицерамъ, съ нимъ пришедшимъ: «Что же это такое, господа? Вотъ хорошо, что я васъ достаточно знаю, стало быть, дурного объ васъ могу и не подумать, а вѣдь со стороны кто-нибудь могъ бы, пожалуй, вообразить и сказать, что вы трусы, и ничѣмъ этой напраслины не выбить бы».

Непріятель продолжалъ осыпать батарею снарядами, а князь Масальскій стоялъ, наблюдая въ бинокль за пролетомъ нашихъ снарядовъ къ турецкому редуту, и только что онъ собрался послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ сѣсть на поданнаго ему коня, какъ одному изъ офицеровъ штабсъ-капитану Содровскому пуля турецкой шрапнели угодила въ верхнюю часть спины. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ батареи, тотчасъ подбѣжавъ къ раненому, вынулъ изъ кармана перевязочный матеріалъ и тутъ же быстро, на виду у князя, сдѣлалъ перевязку.

«— Ты что?—спросилъ начальникъ артиллеріи:—почему ты выскочилъ съ перевязкой?»

«— Это, ваше сіятельство,—объяснилъ раненый штабсъ-капитанъ Содровскій,—батарейный фельдшеръ, разжалованный во время похода въ рядовые за буйство въ пьяномъ видѣ и поставленный въ строй».

— Позвольте мнѣ,—сказалъ князь, обратившись къ батарейному командиру,—вернуть ему фельдшерско-унтеръ-офицерское званіе «за отличіе въ сраженіи». Думаю, что послѣ такого случая онъ больше не отважится срамить себя дурнымъ поведеніемъ.—

Затѣмъ, обратясь къ раненому, начальникъ артиллеріи, видя, что рана его легкая, сказалъ ему шутя: «Вамъ сильно не повезло тѣмъ, что вы ранены въ спину,—самое непріятное изъ раненій, но

зато вотъ повезло находженіемъ на батарееѣ столь искуснаго хирурга, да еще богатаго перевязочнымъ матеріаломъ».

Сказавъ это, князь отбылъ съ батареи, а турокъ, не переставая, угощаль ее своимъ запасомъ шрапнели.

Можно себѣ представить, какъ такой начальникъ могъ отнестись къ заявленію М. Д. Скобелева, пояснившаго при этомъ, что онъ, имѣвшій навѣкъ не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ боевой обстановки, все-таки рѣшительно неожиданнымъ отказомъ трехъ штабъ-офицеровъ былъ поставленъ втупикъ.

Князь Н. О. Масальскій моментально вскипѣлъ и, доложивъ великому князю объ обстоятельствахъ этого дѣла, просилъ разрѣшенія, во-первыхъ, представить подполковника Шишкина къ награжденію, согласно мнѣнію, выраженному генераломъ Скобелевымъ, а, во-вторыхъ, къ наложенію самаго суроваго взысканія на командировъ, опозорившихъ себя отказомъ, имѣвшимъ въ основѣ грязную, меркантильную подкладку.

Затѣмъ онъ, дѣйствительно, наложилъ на нихъ взысканіе, суровѣ котораго нельзя было изобрѣсть: онъ отдалъ по артиллеріи дѣйствующей арміи приказъ, въ которомъ, описавъ печальную исторію и поименовавъ лицъ, опозорившихъ себя, сказалъ, какъ бы обращаясь вообще къ своимъ подчиненнымъ: «а вы, стоящіе на стражѣ чести арміи и нашей славной артиллеріи, клеймите позоромъ подобныхъ «дѣльцовъ», осуждайте ихъ поступки; такимъ лицамъ не должно быть мѣста среди васъ, служащихъ честно и безпорочно, помогайте выживать ихъ и вытѣснять ихъ изъ вашей благородной среды».

Для всѣхъ, конечно, стала очевидна та антидисциплинарная струна, которая прошла черезъ этотъ приказъ. Рассказываютъ, что помощникъ начальника артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-лейтенантъ Леонидъ Ефремовичъ Адамовичъ, получивъ этотъ собственноручно изложенный княземъ приказъ, счелъ долгомъ явиться къ князю Масальскому и упрашивалъ отмѣнить распоряженіе о немедленномъ воспроизведеніи его для распространенія, но князь остался непреклоннымъ, и этотъ капризъ, какъ бы приглашавшій младшихъ наносить кару старшимъ, т. е. учившій ихъ полностью нарушать порядокъ подчиненности, вышелъ изъ управленія артиллеріи дѣйствующей арміи къ распространенію во всеобщее свѣдѣніе. Далѣе въ приказѣ былъ описанъ подвигъ Шишкина и сообщено о состоявшемся награжденіи его.

Много нападокъ вызвалъ этотъ приказъ; я передаю его содержаніе лишь по памяти, онъ не былъ мною точно записанъ тогда, такъ какъ я во время его изданія находился въ Малой Азіи въ командировкѣ (объ этомъ мною уже упомянуто выше) и я хорошо

помню лишь смыслъ, переданный мнѣ тогда же дословно генераломъ Адамовичемъ, съ которымъ мнѣ случилось все время кампаніи быть въ особо добрыхъ, почти дружескихъ отношеніяхъ.

Разсказывая мнѣ въ подробностяхъ содержаніе этой исторіи, онъ высказывалъ самое глубокое сожалѣніе о томъ, что такой благородный и вполне тактичный человекъ, какимъ всегда для всѣхъ являлся князь, вдругъ, изъ-за гнуснаго поступка трехъ недостойныхъ командировъ, далъ себя въ руки и возбудилъ противъ себя массу обвиненій крайне тяжелого характера. «Можно было бы,—говорилъ онъ,—не выставляя ихъ дѣяній къ позорному столбу, который вышелъ таковымъ для всей не заслужившей того артиллеріи, серьезнѣе наказать ихъ безъ шума удаленіемъ и болѣе тяжелымъ осужденіемъ, котораго они были вполне достойны, а не дѣлать съ ними понесенную ими кару и не принимать часть ея на себя. Всякій, кто имѣлъ какое бы то ни было обвиненіе противъ князя Масальскаго въ чемъ-либо малѣйшемъ, присоединяетъ теперь то личное обвиненіе къ этой ужасной ошибкѣ; и ничѣмъ этого не вырвать, ничѣмъ не загладить», съ большой скорбью твердилъ Л. Е. Адамовичъ.

Много злорадства въ высшей военной средѣ вызвано было тѣмъ, что князь Масальскій попался. Разсказывали, что государь не одобрилъ его поступка, причѣмъ будто бы повелѣлъ военному министру изъять тотъ приказъ, давъ дѣлу такой видъ, что его вовсе не велѣно было считать вышедшимъ.

Такъ или иначе, на князя это дѣло подѣйствовало удручающимъ образомъ, онъ сталъ хирѣть и не долго послѣ того протянулъ; кажется, года черезъ полтора онъ скончался, какъ говорили, совершенно неожиданно отъ разрыва сердца, выдержавъ, правда, передъ тѣмъ какую-то ничтожную операцію, которая, по заключенію знавшихъ его натуру докторовъ, прошла бы безслѣдно, если бы организмъ не былъ ослабленъ продолжительное время изводившею и его и обезсилившюю потерю покоя на старости лѣтъ.

Рядъ командировокъ мнѣ случилось съ 1 мая—со дня прибытія главной квартиры великаго князя главнокомандующаго въ Плоэпты—продѣлать. Довелось побывать и въ различныхъ городахъ и въ различныхъ частяхъ нашей славной арміи—въ Бухарестѣ, въ Журжевѣ, въ Турно Магурели, въ Бѣлѣ, въ Павло, въ Акчаирѣ, въ Овчей Могилѣ, въ Бресляницѣ, въ Гривидѣ, въ 4-й стрѣлковой бригадѣ, въ осадной артиллеріи, въ 35-й пѣхотной дивизіи, въ частяхъ 8 армейскаго корпуса у государя императора, у наслѣдника цесаревича, какъ командира Русшукской арміи, у Радецкаго и у Драгомирова, въ частяхъ 9-го армейскаго корпуса у Криденера и у Шильдеръ-Шульднера, а также подъ Плевной и у Ив. Оед. Тутолмина въ передовыхъ частяхъ.

Однажды великій князь, потребовавъ меня къ себѣ въ первой половинѣ августа, велѣлъ мнѣ проѣхать къ ген. О. О. Радецкому

на Шипку. Въ то время на великокняжескихъ ординарцевъ случился большой расходъ, поэтому со мной туда, кромѣ двухъ нашихъ ординарцевъ, графа Р. Штакельберга и А. Бенкендорфа, былъ частно присоединенъ состоявшій въ прикомандированіи къ управленію артиллеріи дѣйствующей арміи товарищъ мой по службѣ въ полевой конной артиллеріи (3-я кон. бриг.) Викторъ Игнатьевичъ Жилія, тогда капитанъ, собственно занимавшій должность командира туркестанской конно-горной батареи въ Ташкентѣ.¹⁾

Намъ было поручено, явившись къ $\Theta.$ $\Theta.$, подробно разузнать отъ него, въ какомъ положеніи находились дѣла на только что занятой имъ Шипкинской позиціи и у горы св. Николая, нѣтъ ли какихъ-либо нуждъ относительно необходимости присылки ему новыхъ войскъ, а также чего либо еще.

Пока мы дѣлали свой путь къ нему, намъ стало извѣстно, что вслѣдъ за нами выѣзжаетъ къ генералу же Радецкому начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Непокойчицкій, который, по приказанію великаго князя, долженъ выяснитъ, въ чемъ у Θ ед. Θ ед. задержка относительно ожидаемыхъ на Шипку осадныхъ орудій; онъ также дастъ свѣдѣнія о томъ, что надлежитъ въ дальнѣйшемъ предпринять, смотря по тому, какія онъ найдетъ у Радецкаго свѣдѣнія относительно тѣхъ орудій и всего прочаго.

Все это намъ сообщилъ выѣхавшій навстрѣчу А. А. Непокойчицкому и встрѣтившій насъ случайно въ то время, когда мы по страшной слякоти и по проливному дождю еле-еле подвигались, намѣреваясь войти въ м. Габрово, начальникъ штаба 8-го корпуса (Радецкаго) генераль-лейтенантъ Дмитровскій.

¹⁾ В. И. Жилія въ годъ моего производства изъ артил. училища я засталъ на службѣ поручикомъ въ 3-ей конно-артиллерійской бригадѣ, въ которую онъ былъ выпущенъ изъ того же училища въ 1864 году; онъ попалъ въ облегченную батарею, стоящую въ Бѣлѣ Сѣдлецкой губ., тогда какъ я былъ зачисленъ въ батарейную—въ Радинъ.

Передъ началомъ войны 77 года Жилія, уже капитанъ полевой конной артиллеріи, былъ командированъ въ Парижъ для изученія электрическаго освѣщенія на предметъ введенія прожекторовъ въ нашей арміи. Въ февралѣ 1877 г., по возвращеніи изъ столицы Франціи, онъ получилъ назначеніе въ Ташкентъ на должность командира конно-горной батареи; а такъ какъ вскорѣ начало войны уже сдѣлалось вопросомъ рѣшеннымъ, то тов. ген.-фельдцейхмейстера генераль-адъютантъ Александръ Александровичъ Баранцевъ призналъ необходимымъ командировать Жилія въ дѣйствующую армію въ распоряженіе начальника артиллеріи князя Н. $\Theta.$ Масальскаго для исполненія обязанностей инструктора по введенію прожекторовъ и вообще практическихъ способовъ освѣщенія электричествомъ полей сраженія, крѣпостныхъ верковъ, укрѣпленныхъ позицій, а также переправъ. При этомъ должностъ командира конно-горной батареи была за нимъ сохранена по соглашенію съ командовавшимъ войсками туркестанскаго военнаго округа ген.-адъют. Константиномъ Петровичемъ Кауфманомъ, который, давая ген.-адъют. А. А. Баранцеву отвѣтъ на запросъ объ этомъ, выразился такъ: особенно желалъ бы сохранить это мѣсто именно за капитаномъ Жиліемъ, ибо знаю въ немъ одного изъ лучшихъ, храбрыхъ и просвѣщенныхъ артиллерійскихъ офицеровъ, участниковъ Хивинскаго похода.

А в т.

Не успѣли мы въ Габровѣ хорошенько расположиться на конюшняхъ, отведенныхъ намъ посланными нами впередъ нашими вѣстовыми, какъ черезъ мѣстечко быстро промчался въ экипажѣ А. А. Непокойчицкій, а съ нимъ князь А. К. Имеретинскій и, кромѣ того, въ отдѣльной коляскѣ ординарца Непокойчицкаго, офицеры Конно-Гвардейскаго полка штабъ-ротм. К. К. Максимовичъ и поручикъ А. А. Непокойчицкій (сынъ, тогда флигель-адъютантъ).

Переговоривши наскоро съ генераломъ Дмитровскимъ, Артуръ Адамовичъ проѣхалъ дальше по дорогѣ къ Шипкѣ, гдѣ, какъ онъ узналъ, его долженъ былъ встрѣтить Θ . Θ . Радецкій. Намъ генералъ Непокойчицкій успѣлъ лишь передать приказаніе: заночевавъ въ Габровѣ, тронуться къ Шипкѣ лишь завтра въ полдень.

Исполняя его приказаніе, мы на другой день, выступивъ около полудня, продвигались около трехъ часовъ дня къ началу Шипкинскаго подъема, причемъ встрѣтили уже спускавшихся намъ оттуда навстрѣчу генераловъ Непокойчицкаго, Радецкаго, князя Имеретинскаго, Дмитровскаго, Петрушевскаго ¹⁾ и Столѣтова. То были дни, слѣдовавшіе за раненіемъ Мих. Ив. Драгомирова и за полученіемъ смертельной раны бригаднымъ генераломъ Держинскимъ, при которомъ состоялъ и былъ одновременно съ нимъ очень тяжело раненъ мой братъ майоръ 35-го пѣхотнаго Брянскаго полка Николай Константиновичъ Андреевскій.

Тутъ же Артуръ Адамовичъ отдалъ новое приказаніе: всѣмъ ординарцамъ и офицерамъ генеральнаго штаба возвратиться въ Габрово для участія въ предстоявшихъ обсужденіяхъ по части того, что надлежитъ предпринять въ дальнѣйшемъ, и для полученія сообразно этому распоряженій.

Обсужденія происходили не долго; вечеромъ было рѣшено, что ген. Непокойчицкій со своей свитой тронется на другой день чѣмъ свѣтъ обратно въ Горный Студень для представленія докладовъ его высочеству, причемъ до утра расположится въ томъ самомъ мѣстномъ госпиталѣ, въ которомъ происходили совѣщанія, давшія рѣшеніе итти на Ловчу.

Радецкій со своими немедленно возвращается на Шипку, гдѣ уже слышится громадная перестрѣлка, которую, повидимому, вновь затѣялъ беспокойный черкесъ Сулейманъ-паша, какъ будто давшій клятву не оставлять шипкинскихъ молодцевъ въ покоѣ; съ Радецкимъ приказано было проѣхать случившемуся тутъ же ординарцу начальника артиллеріи князя Масальскаго поручику конной артиллеріи Мальцову, которому велѣно было возвратиться съ донесеніемъ о томъ, что за пальба шла на Шипкѣ; но Θ . Θ . не далѣе какъ черезъ часъ его возвратилъ ввиду полученія имъ помимо Мальцова, черезъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба свѣдѣній съ Шипки

¹⁾ Принялъ на Шипкѣ 14 дивизію послѣ полученія раны М. И. Драгомировымъ.

о томъ, что начатое оборвышами Сулеймана сильное нападеніе было съ большимъ для нихъ урономъ отбито и, по увѣреніямъ Э. Э., дальнѣйшихъ атакъ ожидать въ тотъ вечеръ уже нельзя было,—онъ въ этомъ былъ совершенно спокойно увѣренъ. Старый завзятый кавказецъ хорошо зналъ всѣ обычаи, привычки и манеры черкесовъ.

Пока мы ожидали возвращенія Мальцова, намъ пришлось разобратъся относительно того, что надлежало каждому изъ насъ предпринять.

Князь Имеретинскій долженъ былъ тотчасъ же получить лично его касавшіяся распоряженія, а затѣмъ отправиться съ генераломъ Столѣтовымъ на позицію къ «Зеленому Древу», гдѣ было расположено только что ушедшее съ Шипки, находившееся въ его распоряженіи болгарское ополченіе, на обязанности котораго лежало возможно скорѣй приготовить у той позиціи лагерь для ожидавшейся туда 2-й пѣхотной дивизіи, поступавшей подъ начальство князя Имеретинскаго. Болгарскіе дружинники, въ ожиданіи князя, уже успѣли раньше исполнить это.

Совершенно неожиданно для меня вдругъ стало извѣстно переданное мнѣ княземъ Имеретинскимъ распоряженіе генерала Непокойчицкаго о томъ, что я долженъ былъ немедленно поступить подъ его, князя, начальство и находиться при немъ въ теченіе всей предстоявшей ему операціи у городовъ Сельви и Ловчи; о послѣднемъ князь передалъ мнѣ «довѣрительно», добавивъ, что просилъ собственно назначить къ нему именно меня взамятъ заболѣвшаго ординарца кавалергарда Вонлярлярскаго онъ самъ, обратившись съ просьбой къ ген. Непокойчицкому; при этомъ онъ спросилъ меня: кого бы ему еще, кромѣ меня, удобно было бы взять въ свое распоряженіе изъ ординарцевъ, прибывшихъ со мной?

Я объяснилъ ему, что ротмистровъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка гр. Штакельберга и лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка Бенкендорфа взять неловко, такъ какъ они уже получили отъ ген. Непокойчицкаго прямое распоряженіе возвратиться въ Горный Студень, гдѣ у великаго князя ординарцы на счету и тотчасъ же неминуемо понадобятся.

— А можно было бы рекомендовать вашей свѣтлости взять,—оговорился я,—прибывшаго со мной моего товарища конной артиллеріи капитана Жилия,—онъ будетъ вамъ очень полезенъ вообще, да и совершенно свободенъ, такъ какъ княземъ Масальскимъ, собственно говоря, отпущенъ на нѣсколько дней, а главной квартирѣ онъ не принадлежитъ.

Такъ это и устроилось, почему князь, пригласивъ Жилия, объявилъ ему о томъ, что именно ему предстояло и что изъ того онъ долженъ былъ принять «довѣрительно», т. е. держать въ секретѣ относительно предстоявшихъ операцій подъ Ловчей.

Подъ вечеръ мы побывали въ отдѣльной палатѣ госпиталя у моего

товарища-офицера по гвардейской конной артиллеріи А. А. Боголюбова, незадолго передъ тѣмъ переведеннаго въ генеральный штабъ, съ производствомъ въ полковники и дня за три до того очень тяжело раненаго на Шипкѣ при бѣшеныхъ атакахъ Сулеймана; онъ получилъ рану въ бокъ насквозь съ пролетомъ штуцерной пули по внутренней части спинного хребта. Онъ лежалъ совершенно недвижимый и почти бездыханный, съ явными знаками паралича хребта и ногъ; при немъ находилась молодая, очень симпатичная сестра милосердія¹⁾ Энгельгардтъ, родная сестра жены К. П. Побѣдоносцева, — уроженка Смоленской губерніи.

Слѣдующую ночь намъ пришлось переночевать по сосѣдству съ Шипкой у «Зеленаго Древа» на той самой позиціи, которая была занята болгарскимъ ополченіемъ, состоявшимъ подъ командой генерала Ник. Григ. Столѣтова, оказавшагося товарищемъ князя Имеретинскаго по академіи генеральнаго штаба и находившагося съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

На другой день рано утромъ мы выступили на городъ Сельвію и далѣе для начатія упомянутыхъ выше операций князя по направленію къ Ловчѣ. Сельвія была занята Мих. Дм. Скобелевымъ, который тутъ и встрѣтилъ князя.

У Скобелева подъ командой находились двѣ смѣшанныя бригады изъ полковъ разныхъ дивизій, 30-й и 16-й, а подъ команду князя Имеретинскаго должна была тутъ поступить Высочайше ввѣренная ему 2-я пѣхотная дивизія полностью.

Часа черезъ два по нашемъ вступленіи въ Сельвію князь Имеретинскій потребовалъ меня къ себѣ и, поручивъ мнѣ побывать у начальника штаба 2-й пѣхотной дивизіи полковника Шестакова, велѣлъ мнѣ познакомиться съ нимъ, а также разузнать, что это за человекъ, и передать ему, чтобы онъ нисколько не беспокоился прібытіемъ съ княземъ полковника генеральнаго штаба Паренсова, и что начальникомъ штаба 2-й дивизіи останется неизмѣнно онъ, полк. Шестаковъ.

— Я не знаю, — сказалъ при этомъ кн. Имеретинскій: — замѣтили ли вы, какъ необходима здѣсь въ дѣйствующей арміи осторожность и насколько умѣстна здѣсь такая предупреждающая оговорка; мнѣ это бросилось въ глаза почти съ первыхъ дней пріѣзда моего сюда, и я вижу, какъ на каждомъ шагу надо успокаивать служащихъ, въ особенности лицъ, занимающихъ мѣста по генеральному штабу²⁾

Далѣе князь, упоминая о Шестаковѣ, поручилъ мнѣ немедленно же переговорить съ нимъ кое о какихъ дѣлахъ, требовавшихъ справокъ по состоянію 2-й дивизіи, и между прочимъ по тревожившему

¹⁾ О ней см. «Историческій Вѣстникъ» 1912 года, декабрь, «Изъ записокъ за 47 лѣтъ».

²⁾ Ниже я въ своихъ запискахъ выставляю передъ читателями чрезвычайно интересные свѣдѣнія о томъ, чѣмъ именно вызвано было въ князѣ такое замѣчаніе. А в т.

его вопросу относительно дошедших до него слуховъ, сообщавшихъ со всѣхъ сторонъ, будто бы изъ той дивизіи масса нижнихъ чиновъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, т. е. попросту казанскихъ татаръ, за послѣднія передъ приходомъ въ Сельвію недѣли дезертировала, сдружившись съ турецкимъ населеніемъ окрестныхъ селъ Сельвѣвскаго вилайета (уѣзда).

Явившись къ полковнику Шестакову, я сразу въ немъ призналъ того самого бывшего лейбъ-гренадера, который въ годъ моего пребыванія въ артиллерійскомъ училищѣ и въ первый годъ по моемъ производствѣ въ офицеры усиленно готовился въ академію генеральнаго штаба и такъ завидно дружилъ тогда съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ.

Онъ объяснилъ мнѣ, что дѣйствительно нѣсколько человекъ татаръ изъ полковъ 2-й пѣхотной дивизіи, отлучившись безъ разрѣшенія въ окрестныя села, побратались съ турками и гуляли съ ними два-три дня по случаю наступившихъ въ тѣ дни магометанскихъ праздниковъ, но что въ настоящее время отлучившіеся нижніе чины вернулись въ свои части и лишь трое изъ всей дивизіи до сихъ поръ не найдены, причемъ двое изъ нихъ казанскіе татары, а одинъ чисто русскій, ярославскій уроженецъ, по профессіи сапожникъ и отчаянный пьяница; далѣе свѣдѣнія эти полковникъ Шестаковъ дополнилъ мнѣ сообщеніемъ о томъ, что не такъ страшенъ оказался чортъ, какъ его намалевали, т. е. , что повальнаго дезертирства съ цѣлью перехода къ туркамъ никто въ этомъ дѣлѣ не усматривалъ, хотя въ первый моментъ явилось на этотъ счетъ сильное подозрѣніе. Въ концѣ же концовъ это оказалась простая временная распушенность, вызванная желаніемъ солдатъ-татаръ погулять во время своихъ праздниковъ; главное же, у всѣхъ у насъ сложилось твердое убѣжденіе, что преступно-измѣнническаго въ этомъ ничего не было, и явилось вполне возможнымъ все закончить наложеніемъ дисциплинарныхъ взысканій, правда, до суровости строгихъ,—причемъ три татарина унтеръ-офицерскаго званія смѣщены въ рядовые, а одинъ изъ нихъ переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Окончивъ эти служебные разговоры, мы съ Шестаковымъ перешли на частную бесѣду о тѣхъ мелочахъ, которыя каждаго изъ насъ могли интересовать и каждый изъ насъ хотѣлъ знать, припоминая не такъ давно прошедшія времена истекшаго десятилѣтія,—Шестаковъ сразу узналъ меня, какъ и я его. Онъ меня свелъ съ младшимъ братомъ своимъ, состоявшимъ въ должности ротнаго командира одного изъ полковъ 2-й дивизіи въ чинѣ штабъ-капитана; мы тоже другъ другу припомнили, какъ одноклассники, вышедшіе въ одинъ годъ изъ Александровскаго военного училища. Старшій братъ жаловался на младшаго за то, что тотъ совсѣмъ разлѣнился и объ академіи не имѣетъ даже и помышленія. «Вотъ бы кого слѣдовало Сергѣю Николаевичу Шубинскому забрать въ свои бархатно-ежо-

выя рукавицы; ну, да Богъ съ нимъ, слава Богу, хоть твердо сталъ на ноги въ дѣлѣ службы строевой; роту свою ведетъ прекрасно, вполне образцово». Далѣе онъ мнѣ разсказалъ, какъ въ Кронштадтѣ для Быстрова дѣло одно время висѣло на волоскѣ въ томъ отношеніи, что по случаю предстоявшихъ работъ по перевооруженію той крѣпости въ нее въ 1867 году было выпущено изъ артиллерійскаго училища много офицеровъ, среди которыхъ оказалось нѣсколько чело-вѣкъ, придерживавшихся кутежнаго направленія, и это представ-лялось для Быстрова очень опаснымъ; одно время какъ будто бы дѣло сворачивалось къ тому, что онъ или долженъ былъ, или просто хотѣлъ бросить школу, но, благодаря необычайной стойкости харак-тера нашего общаго пріятеля, Сергѣя Николаевича Шубинскаго, ко-торый, разъ задавшись цѣлью оказать молодому чело-вѣку под-держку, крѣпко захватилъ его въ тиски и не выпускалъ, онъ, болѣе чѣмъ настойчиво приводился къ ученію. «Дѣло молодого чело-вѣка поэтому крѣпко; онъ, какъ вы помните, очень скоро въ шко-лѣ началъ хорошо справляться съ кистью, пріобрѣтя массу на-выка къ рисованію, а въ то же время, подъ указаніями Сергѣя Нико-лаевича, ударился въ чтеніе, развивался, занялся снабженіемъ раз-ныхъ сочиненій рисунками и вообще сталъ очень удачно зарабаты-вать средства, которыми неустанно поддерживалъ своихъ крайне симпатичныхъ родителей. С. Н. Шубинскій радовался его успѣ-хамъ и говорилъ только, что недостаетъ одного,—нельзя остаться безъ перехода въ высшую школу, надо хоть потребовать пройти че-резъ академію художествъ. Быстровъ какъ будто бы согласился со своимъ попечителемъ, но, видимо, или сталъ полѣнниться, или про-сто оставался на пути безволія. Скоро С. Н. надумалъ послать его въ Москву къ общему нашему учителю рисованія Петру Михайло-вичу Шмелькову, давшему въ нашемъ корпусѣ Быстрову и другимъ основанія ихъ кисти. Онъ остался очень доволенъ успѣхами своего ученика, хвалилъ его, но при этомъ, самъ по себѣ, старался вторить настояніямъ С. Н. Шубинскаго.

— Стыдно вамъ будетъ,—говорилъ онъ Быстрову:—положитесь на вашего наставника; вѣдь вотъ я не добрелъ до академіи, ограничился школой рисованія и ваянія, такъ вѣдь гдѣ же мнѣ было деревенскому парню, прямо ушедшему изъ крестьянской семьи, безъ средствъ и безъ близкихъ. Вотъ царь-то батюшка меня и то не по заслугамъ наградила, а какой онъ мнѣ хронометръ велѣлъ бы отпустить, кабы я еще хоть часть академіи отбылъ бы въ ученіи. Я и слушать не хочу,—идите, не огорчайте своего благодѣтеля; нашелся чело-вѣкъ, который такъ сочувственно вамъ пособляетъ, пользуйтесь, хоть тѣмъ его отблагодарите, постарайтесь.

Вернувшись изъ Москвы, Быстровъ взялъ себя въ руки, рѣшилъ, во что бы то ни стало, поступить на Васильевскій островъ; опредѣ-лился, нѣкоторое время все у него гладко шло, т. е. опредѣленно хо-

диль; немного затруднительно было жить безъ родительскаго крова, а родители бросить Кронштадтъ не могли. «Такъ я и уѣхалъ изъ Петербурга; онъ при помощи С. Н. кое-какъ все превозмогалъ, работалъ и всегда неизмѣнно говорилъ, что Богъ ему послалъ счастье пойти къ товарищамъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, не нарадуется, бывало, своему счастью. Кромѣ эскизовъ, а также картинъ жанровыхъ и другихъ, онъ работалъ, производя иллюстраціи и въ журналахъ и въ книгахъ, словомъ постепенно выходилъ на путь, какимъ не пойти бы ему безъ такой сильной поддержки, какую ему случайно, но прочно, закинулъ С. Н. За послѣднее время мнѣ мало случалось знать о немъ и о другихъ; какъ-то на службѣ въ казанскомъ военномъ округѣ, въ особенности съ началомъ мобилизаціи, пришлось весь міръ упустить изъ виду», закончилъ свою бесѣду Шестаковъ.

— Однако съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ я продолжалъ неизмѣнно поддерживать добрыя отношенія; основательно создавшаяся товарищеская дружба не могла изсякнуть, да не такой онъ человѣкъ, чтобы можно было отъ него отстать или его забыть. Съ нимъ я отъ времени до времени переписываюсь, постоянно читаю историческіе рассказы и вообще произведенія его чуднаго пера, получаю ихъ, а также состою неизмѣннымъ подписчикомъ на его журналъ «Древняя и Новая Россія» и не нарадуюсь тѣмъ радостямъ, которыя онъ всегда показываетъ, такъ хорошо и искренно умѣя высказывать удовольствіе по поводу успѣховъ, которые ему доводится видѣть у людей близкихъ ему и доброжелательныхъ. Своими личными успѣхами онъ не бываетъ такъ доволенъ, какъ успѣхами другихъ.

«Что я, отъ времени до времени, переписываюсь съ нимъ, это мнѣ неизмѣнно доставляетъ громадное удовольствіе; отъ чистаго сердца я выражаю ему пожеланія всѣхъ благъ, какъ человѣку которому, вотъ именно теперь, отдавая себѣ отчетъ въ прошломъ, пережитомъ, считаю себя во многомъ обязаннымъ, такъ какъ чувствую, что безъ его крайне симпатичной поддержки вредъ ли удалось бы мнѣ столь блестяще окончить курсъ и такъ хорошо стать на ноги.

«Надо знать, съ какимъ онъ дружелюбіемъ приходилъ ко мнѣ оказывать поддержку моимъ занятіямъ и въ періодъ приготовленія къ поступному экзамену въ академію генеральнаго штаба, и во время прохожденія самаго курса въ теченіе двухъ лѣтъ.

Самъ въ это время, бывало, занимается, что-либо изучаетъ, извлекаетъ или пишетъ, уже наладившись въ своихъ талантливыхъ работахъ.

Чувствовать около себя такого мягкаго, подбодряющаго человѣка, каковъ этотъ всегда ровный, всегда благожелательный товарищъ,—было просто отрадно.

Немало пораженъ я тѣмъ, что Казанскій какъ-то отсталъ отъ него, несмотря на то, что онъ старательно хотѣлъ его всецѣло ввести въ русло ученія и занятій. Набалованъ онъ былъ вообще и оттого при первомъ, въ сущности незначительномъ ударѣ судьбы на Сѣнной пло-

щади такъ отступился отъ того, чтобы помогать себѣ въ дальнѣйшей своей службѣ и въ жизни.

Вотъ какъ побесѣдовали мы на полѣ брани при товарищеской встрѣчѣ.

Я доложилъ обо всемъ князю Имеретинскому, что было между нами официально переговорено.

— Ну, слава Богу,—сказалъ онъ,—спасибо вашему товарищу-однокашнику полковнику Шестакову, я теперь хоть относительно татаръ могу быть спокоенъ, а то съ какимъ сердцемъ намъ пришлось бы не сегодня—завтра начинать приступъ на укрѣпленный городъ Ловчу!

На мой вопросъ, когда онъ позволить полковнику Шестакову явиться къ нему, князь Имеретинскій сказалъ мнѣ:

— Вотъ что, душа,¹⁾ сейчасъ я поѣду со Скобелевымъ «на Рыжую гору», мы осмотримъ весь путь къ Ловчѣ, а я вотъ хотѣлъ вамъ сказать, чтобы вы завтра въ часъ дня пришли ко мнѣ съ Жилею и съ Шестаковымъ пообѣдать, тогда мы переговоримъ обо всѣхъ дѣлахъ.

Два-три дня прошли сплошь въ приготовленіяхъ къ бою, и хотя мы находились подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, но чувствовалось, что съ нимъ вмѣстѣ состоимъ подъ руководствомъ Михаила Дмитриевича Скобелева, для котораго шель періодъ подготовки и укрѣпленія въ новыхъ для него мѣстахъ служенія, въ совершенно новой обстановкѣ, когда онъ, переброшенный изъ Ферганской области въ Туречину, только что оставивши край, направленный по-своему его властной рукой, приспособлялся въ непривычной для него обстановкѣ челоуѣка, ставшаго вдругъ въ полное подчиненіе и еще не вполне установившаго для себя, какъ ему доведется выбраться къ власти и къ управленію людьми, войсками, а также боевыми обстоятельствами, раскрывшимися передъ его необычайнымъ характеромъ и передъ его жизнью.

Князь А. К. Имеретинскій обладалъ недюжиннымъ умомъ, онъ всегда умѣлъ взять себя въ руки, а также поставить себя въ такое положеніе, что живо становился обладающимъ и обстоятельствами и окружающими его людьми, имѣя надъ ними всегда перевѣсъ и неизмѣнное на нихъ всестороннее вліяніе.

Когда началась живая разборка всѣхъ обстоятельствъ, создавшихся въ тѣ дни около Ловчи, которую признано было крайне необходимымъ взять для того, чтобы сомкнуть въ этомъ мѣстѣ желѣзное плевенское кольцо, князь при мнѣ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему Скобелева, который сказалъ, что уже намѣтилъ себѣ многое въ предстоящемъ имъ дѣлѣ и просить лишь снисходительно смотрѣть на нѣкоторую его самостоятельность, князь, говорю я, отвѣтилъ ему:

¹⁾ Людей, къ которымъ князь питалъ довѣріе и расположеніе, онъ обыкновенно такъ называлъ, придерживаясь въ этомъ старой кавказской привычки. Авт.

— Михаилъ Дмитріевичъ, было бы странно, если бы я вздумалъ строить изъ себя человѣка, знающаго больше, чѣмъ ты; ни отъ кого изъ идущихъ теперь съ нами не сегодня—завтра въ бой не секретъ, что я въ предстоящемъ для насъ дѣлѣ неучъ сравнительно съ тобой, а потому, оставаясь старшимъ надъ тобой и надъ попавшимъ подъ мое командованіе отрядомъ, я вполне сумѣю подчиниться тебѣ въ эти дни при тѣхъ обстоятельствахъ, когда скажется или обозначится къ тому необходимость. Ты своимъ большимъ умомъ поймешь, гдѣ и насколько тебѣ надлежитъ пользоваться тѣмъ *rien pourvoit*, который я тебѣ охотно предоставляю; увѣреннымъ остаюсь, что, разъ объ этомъ условившись, мы уже не найдемъ нужнымъ другъ друга въ чемъ-либо перебивать; съ этимъ твердо высказываемыми нами обоими рѣшительными соображеніями мы и двинемся совмѣстно къ предстоящему намъ взятію Ловченской укрѣпленной позиціи.

— Да, — отвѣтилъ М. Д., — лучшаго я ничего не могъ получить отъ тебя въ отвѣтъ на обуревающія меня мысли. Итакъ, съ Богомъ вперед!

Михаилъ Дмитріевичъ протянулъ князю руку, они дружески облобызались и съ той минуты въ теченіе нѣсколькихъ дней вполне согласно подготовляли все къ одной цѣли, къ общему успѣху.

Надо было видѣть М. Д. Скобелева и нельзя было достаточно налюбоваться, съ какимъ особымъ умѣньемъ и прямо съ искусствомъ онъ прилагалъ стараніе къ тому, чтобы не показаться ни назойливымъ, ни способнымъ въ чемъ-либо стремиться взять верхъ надъ своимъ великодушнымъ начальникомъ, видимо, ожидавшимъ великодушія отъ своего высоко стоявшаго подчиненнаго.

Однажды, объѣзжая позиціи, князь Имеретинскій вдругъ на перекресткѣ сельвіе-ловченскаго шоссе съ ловче-плевненскимъ былъ остановленъ Скобелевымъ, который, указывая ему на молодого, повидимому, очень скромнаго капитана генеральнаго штаба, сказалъ:

— Вотъ, ваша свѣтлость, позволь тебѣ представить прибывшаго изъ Туркестана въ мое распоряженіе капитана Куропаткина.

— Я васъ заглазно знаю и очень радъ съ вами познакомиться, — сказалъ ему князь Имеретинскій.

— Очень счастливъ, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ Куропаткинъ и добавилъ: — прошу любить да жаловать.

Затѣмъ Скобелевъ обратился ко всѣмъ лицамъ свиты князя и началъ каждому изъ насъ представлять молодого человѣка или, можетъ быть, вѣрнѣе, cadaго изъ насъ представлять ему.

Когда очередь дошла до Жилия, Куропаткинъ съ крайней привѣтливостью бросился расцѣловать его, они оказались товарищами по 1-му кадетскому корпусу; между ними было два или три года разницы. Куропаткинъ былъ моложе.

Е. К. Андреевскій.

ГАРШИНЫ.

VI.

Вторичное пребываніе Екатерины Степановны въ провинціи, у Георгія Михайловича.— Знакомства Екатерины Степановны съ мѣстною публикою.— Женитьба Георгія Михайловича.— Запрещеніе «Отечественныхъ Записокъ». — Громадное вліяніе Салтыкова на чиновничью публику.— Повѣсть Всеволода Гаршина «Надежда Николаевна». — Всеволодъ Михайловичъ огорчается неодобрительными отзывами о ней критики.— Свиданіе автора съ А. Н. Пыпинымъ.

ВЕСНОЮ 1884 года Екатерина Степановна опять появилась въ уѣздномъ городкѣ, у Георгія Михайловича, который къ этому времени успѣлъ уже овдовѣть второй разъ. Матушка повела себя въ этотъ пріѣздъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде: сейчасъ же перевезла молодого вдовца на новую, вполне приличную, просторную квартиру съ большимъ чистымъ дворомъ; не замедлила завести знакомства съ нѣкоторыми городскими семьями; съ одушевленіемъ опять рассказывала всѣмъ о своемъ Всеволодѣ, о петербургскихъ литераторахъ и важныхъ лицахъ и, къ сожалѣнію, сильно заинтересовалась, приняла даже нѣкоторое участіе въ партійной борьбѣ, которая раздираетъ на части, отравляетъ жизнь обывателей почти каждаго россійскаго городка.

На дворѣ бывали чаепитія за кипящимъ самоварчикомъ, съ гостями, среди которыхъ самымъ почетнымъ былъ жандармскій капитанъ и его супруга, красивые, любезные и образованные моло-

¹⁾ Окончаніе, «Историческій Вѣстникъ», т. CXLIV, стр. 130.

дые люди. Сблизилась Гаршина и съ только что пріѣхавшимъ въ городъ мировымъ судьей, пожилымъ тверскимъ помѣщикомъ, очень любезнымъ свѣтскимъ бариномъ, который, служа не по долгу въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ того края, переѣзжалъ изъ одной труппы въ другую со своей изящною мебелью, со своей посудой, съ картинами, піанино, съ каретой; вездѣ быстро, красиво, уютно обставлялъ квартиру въ какомъ-нибудь обывательскомъ домишкѣ на удивленіе всѣхъ обывателей, которые ахали отъ изумленія, смотря на ковры, на дорогія картины, тюлевыя занавѣси, вышитыя подушки и разныя бездѣлушки. Судья вездѣ наводилъ порядокъ, привязывался къ нарушителямъ законовъ, будучи со всѣми въ высшей степени любезенъ, вѣжливъ; но къ служебнымъ обязанностямъ своимъ относился такъ горячо, что иногда и истецъ и отвѣтчикъ вылетали изъ камеры словно ошпаренные кипяткомъ и спѣшили мириться, весьма довольные тѣмъ, что отдѣлались сравнительно благополучно. Довольно пожилой, высокій, тонкій, судья всегда былъ подтянутъ и ловокъ, одѣтъ безукоризненно—фракъ, открытый жилетъ, лакированные ботинки; на водку смотрѣлъ презрливо.

Сблизившись съ судьей и его супругою, Екатерина Степановна отводила душу въ интеллигентной бесѣдѣ за ихъ изящно сервированнымъ чайнымъ столомъ; съ удовольствіемъ пользовалась ихъ инструментомъ и нотами и съ большимъ чувствомъ разыгрывала на ихъ піанино отрывки изъ старинныхъ оперъ.

Георгій Михайловичъ почти не обращалъ вниманія на матушкины знакомства и на ея бесѣды: иногда онъ болѣлъ; остальное же время былъ съ утра до ночи увлеченъ своей службой. Недовольна была имъ за это Екатерина Степановна. «Каждый день мнѣ сообщаетъ: мама, я нынче столько-то дѣлъ исполнилъ... только отъ него и слышишь; ничѣмъ не интересуется! очень мнѣ нужно знать, сколько онъ въ какой день исполнилъ дѣлъ!» Когда заходила рѣчь о сочиненіяхъ и о сочинителяхъ, Георгій Михайловичъ, махая рукой, замѣчалъ, что вѣдь и самъ онъ каждый день пишетъ сочиненія...

При помощи судьи и одного стараго мѣстнаго дворянина Екатерина Степановна женила сына къ осени въ третій разъ на симпатичной барышнѣ изъ бѣднаго чиновничьяго семейства. Вѣрный себѣ, Георгій Михайловичъ потѣшался надъ своимъ жениховскимъ состояніемъ и надъ обоими сватами; давалъ пищу своему сатирическому уму; увѣрялъ, что жена ему черезъ двѣ недѣли надоѣсть хуже горькой рѣдьки... Однако на сей разъ онъ жестоко ошибся, въ чемъ потомъ съ удовольствіемъ и признавался. Потѣшаясь надъ сватами и особенно надъ мѣстнымъ дворяниномъ, Георгій Михайловичъ, однако, серьезно негодовалъ на почтеннаго старика за то, что тотъ, въ силу старинныхъ обычаевъ, не позволялъ ему гулять

съ невѣстой по городу вдвоемъ. Судья былъ посаженнымъ отцомъ и мигомъ водворилъ порядокъ въ церкви, куда было много поналѣзло всякаго народа.

Справивъ свадьбу, устроивъ молодыхъ, надававъ всякихъ наставленій молодой, Екатерина Степановна поздною осенью возвратилась въ Питеръ.

Навѣстилъ въ это лѣто своего провинціального брата и Евгений Михайловичъ, но недолго и невесело погостилъ: видимо, заболѣванія брата и его нелады съ матушкой доставляли ему немалую печаль,—печаль, которую онъ, впрочемъ, испытывалъ съ самаго ранняго дѣтства, вслѣдствіе крайней болѣзненности всѣхъ трехъ своихъ старшихъ братьевъ. Не будучи беллетристомъ, Евгений Михайловичъ соорудилъ романъ для дѣтей—«Дѣти-Крестоносцы», надъ перепиской котораго трудилась это лѣто Екатерина Степановна и который потомъ, выдержавъ нѣсколько изданій, сталъ необходимою принадлежностью ученическихъ библіотекъ.

На апрѣльской книгѣ 84-го года запрещены были навсегда родныя Всеволоду Гаршину «Отечественныя Записки», старинный журналъ, имѣвшій въ извѣстные періоды своего существованія могучее вліяніе на русскихъ читателей.

«Записокъ» не стало по докладу министра Д. А. Толстого, которому уже невтерпѣжъ стало сносить издѣвательства сатиры Салтыкова какъ надъ нимъ, Толстымъ, такъ и надъ другими сановниками, и надъ начальствомъ вообще. «Дыба», «Удавъ», «графъ Твердоонто»... въ Питерѣ, да и въ провинціи, отлично понимали, кого слѣдуетъ разумѣть подъ этими неблагозвучными прозвищами. Популярность сатиры Щедрина, теперь давно забытыхъ и скучныхъ, среди тогдашняго чиновничества, особенно судейскаго, была невѣроятная. Чиновники съ нетерпѣніемъ ожидали появленія твореній Щедрина, упивались ими до самозабвенія, заучивали ихъ наизусть, потѣшались отъ нихъ до упаду, пересказывали ихъ другъ другу, запоминали на всю жизнь. И теперь еще какой-нибудь отставной старичокъ вѣтъ-нѣтъ, да и всунетъ въ разговоръ, по старой привычкѣ, смѣшную фразу изъ Щедрина. Нѣкоторые чиновники помоложе пытались тогда вывести изъ сочиненій Салтыкова общія философскія идеи, руководство для жизни... Салтыковъ долго служилъ, начавъ съ самой вѣжной юности; чиновничьи нравы, чиновничья жизнь, чиновничьи порядки давали писателю неистощимый матеріалъ для творчества, для разныхъ комическихъ и не совсѣмъ приличныхъ штукъ. Прекрасно онъ зналъ свою публику: господъ чиновниковъ хлѣбомъ не корми, дай только имъ позубоскалить насчетъ начальства. И вотъ сатирикъ, со свойственнымъ ему талантомъ и неистощимымъ комизмомъ и вывертами, представлялъ на потѣху служащихъ людей, да и всей «почтеннѣйшей» публикѣ, служилое наше сословіе, чувствительно задѣвая

при семь и высшее въ имперіи начальство. Но въ самомъ разгарѣ своего значенія и вліянія сатирикъ лишается вдругъ своего органа, проводника въ публику своихъ твореній, лишается круга послушныхъ, талантливыхъ молодыхъ сотрудниковъ, которые чуть не съ благоговѣніемъ относились къ ворчливому старику-редактору и даже гордились его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтничествомъ!

Сатирикъ принужденъ былъ пристраивать свои сочиненія въ чужіе журналы и газеты, что было не безъ огорченій, да и не безъ препятствій со стороны цензуры. Впечатлѣніе терялось! Разбрасываясь по разнымъ изданіямъ, онъ не могъ такъ послѣдовательно, такъ непрерывно вести бесѣду съ своими обычными читателями, какъ это дѣлалъ въ своихъ «Запискахъ». Его огорчало равнодушіе читателей къ запрещенію «Записокъ», по поводу котораго не обнаружилось въ публикѣ замѣтнаго протеста. Сатирикъ сталъ мучительно болѣть; послѣднюю и самую лучшую свою вещь, въ которой появились и болѣе мягкое отношеніе къ изображаемой жизни, и милые образы, писатель создавалъ незадолго до своей кончины, въ состояніи полного физическаго разстройства...

Съ запрещеніемъ «Отечественныхъ Записокъ» Вс. Гаршинъ лишился главной своей литературной опоры, лишился исправляющей редакторской руки; но онъ въ это время былъ такъ бодръ духомъ, такъ на себя надѣялся, что не слишкомъ горестно принялъ къ сердцу это печальное событіе; хотя послѣдній редакціонный день, когда въ послѣдній разъ собрались въ редакціи сотрудники уже запрещеннаго журнала и печально смотрѣли въ окна на слѣдовавшую по улицѣ съ грохотомъ на Марсово поле гвардейскую конную артиллерію,—этотъ день тяжело, болѣзненно запалъ въ душу нашего писателя.

Сейчасъ же приглашеніе отъ «Русской Мысли»; приглашеніе отъ «Нови» Вольфа, который самъ бесѣдовалъ съ Всеволодомъ Михайловичемъ, предлагалъ наивыгоднѣйшія условія, предлагалъ даже для иллюстрированія будущихъ произведеній Всеволода Михайловича пригласить задушевнаго друга писателя, художника Малышева. Всеволодъ Михайловичъ отказался отъ «Нови» и согласился участвовать въ «Русской Мысли», однако писалъ матушкѣ,—что задушевнѣйшимъ его желаніемъ было бы печататься въ «Вѣстникѣ Европы», но что у него тамъ положительно ни души нѣтъ знакомыхъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» рекомендовалъ Гаршина и Салтыковъ, который съ сердечнымъ участіемъ продолжалъ относиться къ своему бывшему сотруднику; но у «любезнѣйшаго» Михаила Матвѣевича, не тѣмъ будь помянуть, были своеобразные литературные вкусы. «Вѣстникъ Европы» былъ настолько видный и уважаемый журналъ, что едва ли какой авторъ не желалъ въ немъ печататься,—

и вотъ, многіе, дѣйствительно талантливыя, оригинальныя, были обижены, отвергнуты! Редакція не хотѣла знать Достоевскаго, отвергла Чехова, возвративъ ему «Дуэль»... и въ то же время съ любезностью печатала безцвѣтнѣйшія сочиненія разныхъ дамъ и дѣвицъ старыхъ дворянскихъ фамилій, помѣщала совѣмъ дѣтскія, хотя и старческія, компиляціи П. А. Валужева и его повѣсти; печатала скучнѣйшіе англійскіе романы въ сокращенномъ изложеніи, надъ чѣмъ такъ забавно подтрунилъ Всеволодъ Михайловичъ въ первой главѣ «Надежды Николаевны»; помѣщала скучныя, хотя и рекомендованныя, сочиненія на золотую медаль; но такъ и не удостоила Всеволода Гаршина приглашеніемъ участвовать въ «Вѣстникѣ Европы».

Зимой 1884 года побывалъ Всеволодъ Михайловичъ въ Москвѣ, гдѣ и навѣстилъ меня, жившаго тогда съ своимъ братомъ-астрономомъ на Средней Прѣснѣ. Солидно посидѣлъ у насъ писатель съ часикъ времени, говорилъ о своей любви къ загороднымъ прогулкамъ, къ природѣ; охоту онъ не выносилъ, какъ жестокою, кровавою забавою; но любилъ, гуляя, ботанизировать, собирать интересныя растенія, цвѣты; поэтому гулялъ обыкновенно съ палкой, на концѣ которой былъ насаженъ заступъ. Такой бодрый, молодцоватый видъ имѣлъ въ это время Всеволодъ Михайловичъ, что и самый внимательный человѣкъ не подмѣтилъ бы въ немъ и тѣни нездоровья. Въ подбитомъ вѣтромъ пальто, въ дешевой барашковой шапочкѣ и въ холодныхъ галошахъ отправился писатель отъ насъ съ Прѣсны пѣшкомъ въ Хамовники къ графу Л. Н. Толстому. Когда, при прощаніи, я просилъ Всеволода Михайловича передать мой поклонъ его супругѣ, онъ съ гордостью заявилъ, что она прекрасно сдала всѣ медицинскіе экзамены и теперь уже женщина-врачъ.

Въ упомянутое лѣто 1884 года Всеволодъ Михайловичъ въ письмахъ къ матушкѣ охотно распространялся о своей работѣ надъ новымъ крупнымъ произведеніемъ, которымъ, видимо, оставался вполне доволенъ. Зимой слѣдующаго года появилась въ двухъ книжкахъ «Русской Мысли» «Надежда Николаевна», уже не маленькій рассказъ, а цѣлая романическая исторія съ самымъ трагическимъ концомъ, размѣромъ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Предыдущія работы, прославившія Гаршина, нельзя было назвать беллетристикою: то были мемуары, исповѣди, корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій, сантиментальныя изліянія, надрывы, вопли больного сердца. Теперь не къ лицу было писателю вопить и надрываться: онъ вѣдь былъ вполне здоровъ и счастливъ; теперь онъ припустилъ себя къ реальному творчеству и предлагалъ читателямъ настоящую беллетристику. Прекрасный слогъ слишкомъ напоминалъ Тургенева, у котораго

авторъ, видимо, старательно учился литературному дѣлу; а самая форма повѣсти, записки больного молодого человѣка, жестоко пострадавшаго отъ любви, хорошо уже была знакома русскимъ читателямъ. Этимъ молодымъ человѣкомъ и явился самъ Всеволодъ Михайловичъ въ лицѣ художника Лопатина: любилъ авторъ живопись, любилъ рядить себя въ костюмъ художника. «Надежда Николаевна»—героиня танцкласса, но, къ сожалѣнію, не настоящая, а выдуманная, созданная воображеніемъ благороднаго, скромнаго господина, который совсѣмъ и не былъ знакомъ съ этимъ словіемъ. Въ танцклассѣ, по увѣренію Екатерины Степановны, водилъ Всеволода Михайловича,—и, къ сожалѣнію, всего одинъ только разъ,—тотъ самый студентъ въ шитой рубахѣ, который и самъ-то весьма рѣдко посѣщалъ такія учрежденія. Очень мило, мягкими такими тонами описалъ Всеволодъ Михайловичъ въ четвертой главѣ увеселительное заведеніе купца Лейферта на Фонтанкѣ; только публика тамъ была совсѣмъ не такая приказчицья, какъ ему показалось: тамъ всегда бывало не мало студентовъ, которые, сообразно своему званію, вели себя тамъ довольно бурно, отнимали у музыкантовъ барабанъ и ходили по комнатамъ съ барабаннымъ боемъ.

Образъ этой героини давно занималъ Гаршина, давно возбуждалъ его состраданіе и живѣйшую симпатію: онъ ее изобразилъ въ рассказѣ «Происшествіе», гдѣ и придалъ ей свои собственныя мысли и чувства... Но если бы Всеволодъ Михайловичъ имѣлъ живыя наблюденія изъ печальнаго быта бѣдной трудящейся русской женщины; если бы онъ спускался къ ознакомленію съ «падшими», «безнравственными», «нечестными», «вольнаго поведенія» дѣвицами, у него вышла бы фигура и болѣе оригинальная, и болѣе трагическая, и возбуждающая большую симпатію, чѣмъ тотъ скучный деревянный манекенъ, какимъ явилась «Надежда Николаевна» въ повѣсти, написанной талантливо, съ одушевленіемъ, украшенной забавными бытовыми фигурами, каковы: польскій капитанъ, содержатель номеровъ, «герой Мѣхова и Опатова», возымѣвшій доброе намѣреніе выдать героиню замужъ за примѣрнаго молодого человѣка, получавшаго въ мѣсяцъ пятьдесятъ рублей жалованья! Горбатый художникъ, рисующій исключительно только однихъ котовъ. Кромѣ того, въ повѣсть включена зачѣмъ-то довольно дикая фантазія объ Ильѣ Муромцѣ... забавная картина, какъ Илья, миѣической мужикъ, заключенный въ погребъ, перелистываетъ Библію своими корявыми ручищами.

У нашего автора не было той геніальной прозорливости, той догадки, которыя позволяли какому-нибудь Бальзаку или Достоевскому рельефно изображать многое такое, чего они совсѣмъ и не видали, или по одному лишь легкому намеку дѣйствительности воспроизводить на бумагѣ трогательный, навсегда запа-

дающій въ душу образъ. Едва ли бы больные первы Всеволода Михайловича выдержали настоящую работу надъ той дѣйствительностью, къ которой не рѣшаются какъ слѣдуетъ приступать и храбрые авторы новѣйшихъ временъ, писатели «Сборниковъ».

«Надежду Николаевну», какъ и всѣ вообще сочиненія Гаршина, смѣло можно дать въ руки барышнѣ изъ хорошаго семейства. Странно, что и въ устной бесѣдѣ Всеволода Михайловича, въ противность обыкновенію того времени, не проскальзывало никакой двусмысленности.

Нападки на «Надежду Николаевну» посыпались первоначально со стороны маменекъ, которымъ страшно стало за своихъ сынковъ. «Возможно ли такъ идеализировать кокотку? И такъ ужъ теперь молодые люди стали жениться Богъ знаетъ на комъ!»—говорили онѣ Екаторинѣ Степановнѣ.

Вслѣдъ за маменьками напали на повѣсть и всѣ тогдашніе журнальные и газетные критики; а нападать, по правдѣ сказать, было не за что: произведеніе было нисколько не хуже прежнихъ работъ автора, которыми критика такъ восхищалась; если бы оно было исправлено Салтыковымъ и появилось на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», то едва ли бы тогдашніе аристархи посмѣли такъ дружно на нее наброситься.

Критическіе отзывы прились какъ разъ къ Святой 1885 года. Каждый день Евгений Михайловичъ приносилъ брату какую-нибудь газету или какой-нибудь журналъ съ недобрительными строками о «Надеждѣ Николаевнѣ».

Уединившись отъ всѣхъ гостей, долго сидѣлъ однажды Всеволодъ Михайловичъ у окна въ грустной задумчивости за какую-то механическую работой; потомъ подошелъ ко мнѣ и живо, горячо, но такъ печально сталъ жаловаться на Скабичевского: «Служилъ у Салтыка много лѣтъ... изъ Петербурга почти и носа не высывалъ; разъ какъ-то выѣзжалъ ненадолго редактировать «Рыбинскій Листокъ»; ни малѣйшаго понятія о жизни не имѣетъ! говорить, что конецъ моей повѣсти невѣроятный, неестественный... Когда почти на моихъ глазахъ бывали въ жизни подобные случаи не одинъ разъ».

Эта была первая литературная неудача Всеволода Михайловича, которою, увы, почти и закончилось его литературное поприще; ея онъ былъ очень огорченъ; однако не падалъ духомъ, чувствовалъ подъ собою твердую почву, продолжалъ жить по-прежнему въ атмосферѣ общаго къ себѣ вниманія и доброжелательства, поддерживаемый своими стремленіями, своими надеждами и заботами горячо любившей его супруги, матушки и брата.

Не очень-то интересовала Гаршина тогдашняя сѣрая, пухлая «Русская Мысль». Грустнымъ тономъ Всеволодъ Михайловичъ сообщалъ, какъ Салтыковъ возмущался хозяевами «Мысли» и даже

говорилъ, что съ журналомъ этимъ надо порвать всякія сношенія: редакція безцеремонно вытѣснила изъ журнала старика С. А. Юрѣва, который поставилъ «Русскую Мысль» на ноги, вытѣснила именно въ то время, когда изданіе стало давать доходъ. Уважаемый въ Москвѣ Юрѣвъ, математикъ, астрономъ, славянофилъ, журналистъ, театраль, эстетикъ, а вмѣстѣ съ симъ и очень разсѣянный чудакъ, былъ старинный пріятель Салтыкова.

Въ этотъ пріѣздъ въ Питерь, на Святой 1885 года, пришлось мнѣ опять побывать у А. Н. Пыпина, жившаго на той же квартирѣ. Была прекрасная, праздничная погода первой весны; письменный столъ помѣщался у другой стѣны; А. Н., въ хорошемъ настроеніи и въ состояніи полного отдохновенія, засѣдалъ у окна; напротивъ возвышалась монументальная, моложавая, купеческаго типа фигура профессора А. Д. Градовскаго, который еще во время сербской войны полемизировалъ въ «Голосѣ» съ лордомъ Биконсфильдомъ (Дизраэли), подписываясь такъ: «Александръ Градовскій, неизвѣстный вамъ профессоръ с.-петербургскаго, быть можетъ, также вамъ неизвѣстнаго университета». Къ слову пришлось мнѣ упомянуть, что одинъ здравствовавшій тогда старинный ученый проводилъ параллель между нашими земскими соборами и средневѣковыми англійскими представительными учрежденіями. А. Н. не одобрилъ мнѣнія этого ученаго; Градовскій, бывшій, видимо, болѣе въ курсѣ дѣла, возразилъ и сталъ на сторону того ученаго. Возгорѣлся было споръ, который А. Н. быстро потушилъ, переведя разговоръ на веселыя, праздничныя темы, вспоминалъ старые учебно-литературныя курьезы, приводилъ цитаты изъ водевилей и изъ Кузьмы Пруткова («По Гороховой я шель и гороху не нашель»... «Три мальчика въ саду Тригуляя»...). По уходѣ Градовскаго, я спросилъ у А. Н. о Гончаровѣ, которымъ очень тогда интересовался: пишетъ ли что Гончаровъ? А. Н. сообщилъ мнѣ, что авторъ «Обломова» такой замкнутый, недовѣрчивый, недружелюбный, капризный, изнѣженный господинъ, что отъ него рѣшительно ничего нельзя добиться...

Чрезвычайно занимали тогда А. Н. философскія сочиненія Толстого, его вліяніе на молодежь. О личномъ характерѣ Толстого А. Н. имѣлъ свѣдѣнія не совсѣмъ благопріятныя: одна знакомая П. учащаяся барышня проживала лѣто въ семействѣ Л. Н. въ качествѣ учительницы и сообщала, что Толстой позволялъ себѣ подсмѣиваться и надъ нею, и надъ стремленіемъ женщины къ образованію вообще.

Толстого видѣлъ я всего лишь одинъ разъ на Кузнецкомъ мосту; былъ теплый и сѣрый денекъ поздней осени; писатель внимательно осматривалъ картинки въ витринахъ Даціаро; на немъ былъ стариковскій костюмъ, дѣлавшій его совершенно незамѣтнымъ: драповая шапка, потертое длинное драповое пальто. Какъ глянулъ

на меня Л. Н., такъ сердце у меня сжалось,—такое было суровое, недовольное, будничное выраженіе его еще не стараго тогда лица... Мнѣ кажется, у Толстого былъ недостатокъ качествъ, дорожныхъ русскому человѣку,—благодушія и юмора. Одна молодая писательница изъ уважаемаго дворянскаго семейства, добившись свиданія съ Толстымъ, стала сообщать ему свѣдѣнія о жизни учащейся молодежи и говорила, что, по ея мнѣнію, слѣдуетъ писать въ данную минуту и какъ писать... Л. Н. оказался нетерпѣливымъ и недовольнымъ слушателемъ; онъ ни въ какихъ указаніяхъ не нуждался. Писательница была смущена и потомъ высказывала своимъ близкимъ, что совѣмъ не такимъ она себѣ воображала великаго писателя земли русской.

Гаршина, а потомъ и Чехова Толстой недостаточно цѣнили говоря прямо, что ничего большого и хорошаго они не напишутъ.

VII.

Гости Екатерины Степановны и Евгенія Михайловича.—Литературные планы Всеволода Михайловича.—Екатерина Степановна и Евгеній Михайловичъ открываютъ книжный магазинъ.—Ихъ литературные вечера.—Всеволодъ Михайловичъ въ Лѣсномъ на блинахъ; катанье на вейкахъ.—Обѣдъ у Гаршиныхъ; поэтъ Я. П. Полонскій.—Безуспѣшные поиски дачи.—Здоровье Всеволода Михайловича разстраивается.—Лѣтняя его жизнь въ зданіи таможни.

Евгеній Михайловичъ съ матушкой занимали квартиру въ Саперномъ переулкѣ, въ нижнемъ этажѣ, окнами на улицу. Попржежнему приходили къ нимъ каждый день разнообразныя знакомыя: Екатерина Степановна какъ-то разъ, смѣясь, замѣтила: «У насъ и изъ государственнаго совѣта (т.е. изъ государственной канцеляріи), и изъ департамента полиціи»... Одинъ вечеръ была у нихъ высокая, худошавая дама, вся въ черномъ, говорившая немного рѣзко, рѣшительно, по-мужски; она была и на описанномъ мною журфиксѣ Всеволода Михайловича, но держалась совершенно незамѣтно. Въ этотъ вечеръ дама осуждала политическую дѣятельность инженера Фрейсинэ; сообщила, что англійскіе государственныя люди, съ которыми приходилось ей встрѣчаться, не стѣснялись выходить изъ-за обѣда совершенно пьяными, пошатываясь... Дама эта, производившая впечатлѣніе простой, доброй и дѣльной особы, была иностранная корреспондентка «Голоса», Каирова. Она ушла, взявъ у Екатерины Степановны какія-то дѣтскія и педагогическія книжки. Большое было мое удивленіе, когда Екатерина Степановна мнѣ сообщила, что у ея гостыя была въ прошломъ тяжелая исторія, цѣлое убійство изъ ревности. Защищаль ее Утинъ, она была оправдана судомъ; этимъ дѣломъ возмущался Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя».

Въ это время одна моя знакомая барышня, прекрасно окончив-

шая естественные Бестужевскіе курсы, почувствовала почему-то большое разочарованіе въ жизни и въ людяхъ. Подъ впечатлѣніемъ этого, въ печальномъ настроеніи шагала я по Невскому и нагнала младшаго Гаршина, который, гуляючи, шелъ куда-то по перспективѣ. Я разоткровенничался съ Евгеніемъ Михайловичемъ о моей знакомой, о ея томленіи, объ ея отчаяніи. Сдѣлавъ по этому поведѣнію нѣсколько моральныхъ и житейскихъ замѣчаній такимъ отеческимъ солиднымъ тономъ, какъ будто самъ былъ вполне опытный пожилой человѣкъ, Евгеній Михайловичъ такъ закончилъ разговоръ: «А знаете что, приведите ее, вашу знакомую, къ моей матушкѣ: она умѣетъ съ такими говорить!»

Въ сумерки того дня я засталъ барышню въ комнатѣ очень заинтересованнаго ею учащагося молодого офицера, который, сидя на диванѣ, молча и съ грустнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на расхажившую, раскудахтавшуюся дѣвицу. Въ голубомъ платьѣ, немалаго роста, стройная, привлекательная, съ интересною блѣдностью на лицѣ, барышня ходила по комнатѣ и жестоко калила и осыпала язвительными насмѣшками и нелѣпыми выдумками влюбленнаго въ нее юношу. Иногда останавливалась передъ нимъ, задавала ему какой-нибудь странный вопросъ и сейчасъ же сама самымъ нелѣпымъ образомъ отвѣчала за него на этотъ вопросъ, и продолжала ходить по комнатѣ, и продолжала свои нападенія, видимо, безъ всякой причины, изъ желанія лишь помучить того, кто ее любилъ, оказалъ ей массу услугъ и готовъ былъ ради нея пожертвовать собою.

— А знаете что, пойдѣте-ка къ Гаршинымъ!—прервалъ я краснорѣчіе своей знакомой и тѣмъ сразу превратилъ ее въ овечку.

Вообще несговорчивая и съ духомъ противорѣчія, она въ тотъ же вечеръ безропотно пошла со мною къ Екатеринѣ Степановнѣ, которая едва ли особенно умѣла говорить съ молодыми особами, разочарованными въ жизни, а если и умѣла, то въ этомъ случаѣ совсѣмъ не старалась, потому что приняла гостью искусственно и холодно, и не безъ ироніи. Поправилъ дѣло Евгеній Михайловичъ, какъ разъ возвратившійся въ это время отъ кого-то изъ важныхъ литературныхъ лицъ, кажется, отъ Глѣба Ивановича, и сразу затѣявшій интересный, живой разговоръ. Звонокъ, и моя барышня такъ вздрогнула, что Екатерина Степановна просто испугалась; пришелъ кто-то; потомъ еще кто-то, по обыкновенію. Юная гостя невольно заинтересовалась бесѣдой, пріятно провела вечеръ, и съ этого дня стала постоянной посѣлительницей Екатерины Степановны и мало-по-малу успокоилась, и стала серьезной дѣльной труженицей. Едва ли Екатерина Степановна брала на себя трудъ читать своей знакомой какія-либо наставленія или вообще руководить ее на жизненномъ пути: матушка Гаршиныхъ вообще не склонна была къ морализированію; просто она рассказывала своей

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ въ 1884 г.

гостьѣ о своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, давала указанія относительно присканія подходящихъ занятій. На молодыхъ знакомыхъ Гаршиныхъ подбодряющимъ образомъ дѣйствовали комплименты, на которые была такъ щедра Екатерина Степановна, которые она умѣла произносить такъ искренно, такъ нѣжно!

Зимы 1885—86—87-го годовъ Всеволодъ Михайловичъ провель хорошо, въ непрерывномъ общеніи со старыми и новыми своими знакомыми, въ кругу почитателей, обожателей и обожательницъ, ежедневно съ кѣмъ-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ видаясь и бесѣдуя по душѣ и въ то же время продолжая аккуратно служить въ желѣзнодорожной конторѣ. Странно, что за все это время писатель почти ровно ничего не написалъ. Но онъ былъ занятъ обдумываніемъ серьезныхъ литературныхъ темъ. Намѣревался онъ писать серьезный историческій романъ, героемъ котораго былъ избранъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и для этого принимался изучать исторію Петра Великаго и собирался ѣхать въ Царское на дачу къ Пышину, чтобы побесѣдовать съ историкомъ объ эпохѣ Петра и получить указанія о матеріалахъ для романа. Задумывалъ тогда Всеволодъ Михайловичъ нѣкую научную повѣсть. Изъ воспоминаній о гимназическомъ курсѣ и о прочитанныхъ дѣтскихъ и популярно-научныхъ книжкахъ, изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ горномъ институтѣ, Всеволодъ Михайловичъ строилъ въ своей головѣ разные научные выводы. Какъ и всякаго дилетанта, его чрезвычайно занимали разные смѣлыя гипотезы въ области естествознанія.

А Евгений Михайловичъ вмѣстѣ съ матушкой весною 1886 года, ничтоже сумняшеся, взяли, да и открыли книжный магазинъ на Греческомъ проспектѣ, занявъ для сего удобную и обширную квартиру въ нижнемъ этажѣ, окнами на улицу. Тогда же я говорилъ Евгению Михайловичу, что дѣло это очень рискованное, что многіе, принимавшіеся за книжную торговлю, быстро разорялись въ пухъ и прахъ. Евгений Михайловичъ отвѣчалъ самоувѣренно, что книжники потому и разорялись, что, какъ люди необразованные, въ книжномъ дѣлѣ ничего не смыслили; но что онъ выросъ на книгахъ и дѣло это понимаетъ хорошо, и на себя надѣется!

Торговля пошла сначала очень недурно: популярное имя на выѣскѣ привлекало покупателей, изъ которыхъ многіе, особенно дамы, были очень словоохотливы и увлекали Екатерину Степановну въ разговоры, такъ что пришлось убрать изъ комнаты всѣ стулья. Въ магазинѣ была заведена «книга живота», гдѣ вписывались хорошіе знакомые, забиравшіе книги въ долгъ. Нерѣдко появлялся у своихъ и Всеволодъ Михайловичъ, милымъ, всеозаряющимъ метеоромъ, все въ томъ же своемъ бѣдномъ пальто. Разъ при мнѣ онъ трогательно сообщалъ, какъ въ одной портерной привязались къ какимъ-то мирнымъ людямъ, къ какимъ-то фотографамъ за неосторожную политическую бесѣду. Уходя, онъ сказаль: «Мама, запиши мнѣ ужъ и еще томъ исторіи Соловьева!»

Теперь у Екатерины Степановны и у Евгения Михайловича, благо позволяло обширное помѣщеніе, устраивались изрѣдка литературные вечера. Максимъ Бѣлинскій, крупный, представительный

молодой человекъ, солидный, молчаливый, симпатичный, читаль съ рукописи трогательный и забавный свой рассказъ о гимназистахъ и гимназисткахъ, сбѣжавшихъ отъ родителей съ цѣлью совершить путешествіе. Потомъ въ Москвѣ, на сценѣ Малаго театра былъ поставленъ на эту тему забавный водевиль, въ которомъ отличалась Щепкина въ роли гимназиста. Юный литераторъ, которому впоследствии, когда худо пошли у него дѣла, Гаршины не мало помогали, хорошо прочелъ, не помню зачѣмъ, «Фауста» Тургенева и сообщил о своихъ пререканіяхъ съ цензоромъ. Въ сторонѣ, за чайнымъ столомъ, какой-то пожилой господинъ декламировалъ передъ Екатериной Степановной съ тетрадки сатирическую поэму на Буренина, написанную въ отместку за то, что критикъ однимъ своимъ фельетономъ очень огорчилъ больного поэта Надсона. Читая свою поэму, добродушный господинъ, съ фізіономіей совсѣмъ не литературной, то и дѣло повторялъ: «Я нисколько не боюсь господина Буренина!» В. Фаусекъ, сидѣвшій тутъ у стѣны за стаканомъ чаю, выйдя въ этотъ разъ изъ своей обычной уравновѣшенности, напалъ на автора сатиры и горячо доказывалъ, что если бы Надсонъ былъ живъ, онъ бы не обрадовался появленію такой поэмы; что вообще память поэта въ такихъ сатирахъ не нуждается, да и фельетонъ Буренина особеннаго значенія для больного поэта не имѣлъ. Въ числѣ гостей солидно возсѣдалъ А. В. Топоровъ, человекъ не литературный, но бывшій въ дружбѣ съ Тургеневымъ и съ другими видными писателями. Покуривая папирсы, онъ изрѣдка ронялъ сосѣду замѣчанія вродѣ того: «Помню первую статью Скабичевского...» «Слѣпцовъ ужасно не любилъ Петербурга... Молча сидѣлъ литераторъ К. С. Баранцевичъ, совсѣмъ невидный мужчина. Была Валентина Ювна Дмитриева, женщина-врачъ изъ крестьянокъ, беллетристка, незадолго передъ тѣмъ вступившая въ литературу подъ руководствомъ Н. Д. Хвощинской (Крестовскій псевдонимъ), малаго роста, энергичная и остроумная и презанимательная собесѣдница. Потомъ увлекательно рассказывала она мнѣ, какъ ввязалась въ Москвѣ, вмѣстѣ съ молодежью, въ какіе-то беспорядки, посадили ее, вмѣстѣ съ прочими, въ острогъ и сослали затѣмъ въ Тверь, а частный приставъ ее усовѣщевалъ: «Г-жа Дмитриева, солидная вы дама и, какъ я слышалъ, писательница, а между тѣмъ связались со студентами...»

На другомъ собраніи читали и обсуждали только что появившуюся и прогремѣвшую «Власть тьмы» Толстого, исключительно мрачную драму изъ крестьянской жизни съ выдуманнымъ добродѣтельнымъ старичкомъ Акимомъ. Всеволодъ Михайловичъ, безусловный поклонникъ Толстого, горячо защищалъ драму и хватилъ что-то уже черезчуръ, такъ что Евгеній Михайловичъ крикнулъ на него басомъ: «Братъ, остановись!»

На такихъ семейно-литературныхъ чтеніяхъ и обсужденіяхъ

дѣло не обходится безъ комическихъ эпизодовъ, потому что въ этихъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ литераторами, людьми выдающихся способностей и дарованій, равноправно засѣдаютъ, по причинѣ родства или знакомства, обыкновенные маленькіе люди, неученые и непросвѣщенные, которые, по неразумію и по безтактности, произносятъ иногда сужденія глупыя и наивныя о томъ, чего совсѣмъ и не понимаютъ, и тѣмъ портятъ общее настроеніе и прямо-таки бѣсятъ литераторовъ, людей и безъ того раздраженныхъ.

Два брата, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе расходились во мнѣніяхъ. Ближе стоявшій къ жизни, здоровый, простой и трезво житейскій Евгенийъ Михайловичъ не могъ иногда согласиться съ радикальными и черезчуръ студенческими фантазіями Всеволода, который, съ своей стороны, находилъ воззрѣнія брата узкими, а его историческія работы называлъ гробокопательствомъ. Не совсѣмъ-то удобно подчасъ бываетъ быть братомъ очень извѣстнаго брата и постоянно видѣть всюду безцеремонно оказываемое ему предпочтеніе; но Евгенийъ Михайловичъ своими добрыми, неизмѣнно родственными отношеніями къ брату подходилъ къ Льву Пушкину, про котораго сложено было шутовское двустишіе: «Нашъ Левъ Сергѣичъ очень радъ, что своему онъ брату братъ». Братъ покойнаго знаменитаго беллетриста жаловался одному моему приятелю, что постоянными разспросами о знаменитомъ братѣ его положительно замучили—надоѣдали, не давали проходу! Иной, старательно разузнавъ все о братѣ, хитро мигая глазомъ въ сторону, конфиденціально освѣдомлялся: «Ну, а мѣстечко-то это ваше вы, конечно, черезъ брата получили?»—«Позвольте!—вопилъ обыкновенный человѣкъ:—что же я, по-вашему, чортъ возьми, такой ужъ ничтожный, что даже и мѣста учителя народной школы не могу самъ себѣ добыть!»

Ведя попрежнему общественную жизнь и не переставая, по возможности, помогать ближнимъ, Евгенийъ Михайловичъ трудился хорошо и производительно: при заботахъ о книжномъ магазинѣ, дежурилъ въ гимназій, преподавалъ русскую словесность, издавалъ и распространялъ полное собраніе сочиненій Полонскаго, напечаталъ большую статью объ Островскомъ въ «Наблюдателѣ», помѣщалъ статьи въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

На масленицѣ 1887 г. Вс. М. съ супругою былъ на блинахъ въ Лѣсномъ институтѣ у проф. А. П. Соколова. Въ этотъ день писатель былъ въ прекрасномъ настроеніи, былъ душою новаго для него общества, неистощимый на шутки и разныя общественныя забавы. Вечеромъ, послѣ блиновъ, затѣялось катанье на вейкахъ; Вс. М. помогаль дамамъ разбирать въ безпорядкѣ сложенное въ передней верхнее платье и, потрясая однимъ форменнымъ пальто, шутовски воскликнулъ: «Кто, господа, статскій совѣтникъ?» По выходѣ на улицу, писатель

ловко отвѣчалъ на хитрое кокетство одной барышни и затѣялъ съ ней игру въ снѣжки.

На сей разъ въ выхухоловой шубѣ, засѣлъ В. М. на вейку рядомъ съ супругою; я примостился напротивъ; санки понеслись по Выборгскому шоссе, мимо занесенныхъ снѣгомъ дачныхъ участковъ, въ которыхъ кое-гдѣ, изъ-за опушенныхъ инеемъ деревьевъ, мелькали огоньки зимнихъ жильцовъ и дворницкихъ. Глядя на дачи, Вс. М. мечталъ вслухъ о сельскомъ жителствѣ, о природѣ, о лѣсахъ дремучихъ... о томъ, какъ бы вотъ хорошо имѣть свой участокъ земли, свой загородный домикъ; вспомнилъ, какъ однажды вотъ такъ-то катались на вейкахъ съ докторомъ Веймаромъ.—«Помните, Вс. М., «Сказку о томъ, какъ солдатъ спасъ жизнь Петра Великаго»? дремучій лѣсъ и поляна въ лѣсу... долгое блужданіе по лѣсу въ темнотѣ и опять поляна, со всѣхъ сторонъ окруженная темнымъ лѣсомъ, и на ней домикъ въ три окошечка, съ воротами, съ высокимъ заборомъ; глухая ночь, лай собакъ, а въ домикѣ живетъ цѣлая семья разбойниковъ, страшно!..»—«Помню, помню... съ какимъ интересомъ читалъ въ дѣтствѣ! можете и теперь достать эту книжку на Апраксиномъ рынкѣ».

Въ воскресенье, Великимъ постомъ, обѣдъ у Гаршиныхъ. Живутъ они уже не въ той хорошей свѣтлой квартирѣ на Пескахъ, а на высотѣ, у самаго царствія небеснаго, на Невскомъ, въ домѣ Бенардаки, во дворѣ, въ низенькихъ тѣсныхъ комнатахъ. Передъ обѣдомъ гости выпиваютъ по рюмкѣ водки, закусываютъ икрой, рыбой, кулебякой съ сигомъ и желаютъ здоровья дорогому хозяину. На это цвѣтущій и веселый хозяинъ серьезно, но какъ-то вскользь замѣтилъ, что, пожалуй, ему нужно пожелать здоровья... «Что такое?».—«Такъ... чувствую нѣчто»... Всѣ опечалились; но скоро своимъ чередомъ полилась живая бесѣда. Къ вечеру всталился на верхотуру поэтъ Я. П. Полонскій съ костылемъ въ рукахъ, довольно бодрый и моложавый для своихъ лѣтъ; какъ пришелъ, такъ и опустился сейчасъ же въ кресло у стола и закурилъ сигару, а Вс. М., стоя передъ поэтомъ сбоку, сталъ жалобно докладывать старцу: «Меня запрещаютъ, Яковъ Петровичъ». Запретили выходъ отдѣльнымъ изданіемъ напечатанной въ «Русской Мысли» «Сказки о гордомъ Аггеѣ».

Тогда, съ легкой руки Толстого, вошелъ было въ моду этотъ нелѣпный и скучный родъ правоучительно-аллегорическихъ сказочныхъ сочиненій, имитаций древнимъ народнымъ церковнымъ легендамъ и сказаніямъ. По поводу запрещенія «Сказки» Вс. М. ходилъ въ цензуру и бесѣдовалъ тамъ съ важнымъ какимъ-то чиновникомъ; онъ подробно потомъ объ этомъ рассказывалъ. Чиновникъ, съ которымъ писатель искусно избѣжалъ рукопожатія (такъ не любилъ онъ этихъ господъ!) любезно и обстоятельно объяснилъ Вс. М. причину запрещенія отдѣльнаго изданія сказочной аллегоріи. На это Вс. М. замѣтилъ: «А зачѣмъ же вы допускаете изданіе такихъ-то

вотъ возмутительныхъ сочиненій, которыя разъ возмутили цѣлую деревню... была даже экзекуція!»—«Мы теперь и такія вещи будемъ за-прещать», учтиво успокоилъ писателя чиновникъ. Ну, куда же лю-дямъ искреннимъ и нервнымъ бесѣдовать съ такими официальными людьми! Они всегда сумѣютъ ловко отвѣтить и обрѣзать, такъ что уйдешь отъ нихъ не солоно хлебавши.

Ничего путнаго не сказалъ Я. П. на жалобы Вс. М. Вообще доб-рый и значительный человѣкъ, поэтъ производилъ какое-то неопре-дѣленное впечатлѣніе: не то онъ слушалъ, не то говорилъ; не то со-глашался, не то возражалъ. Его называли товарищемъ министра, потому что онъ былъ близокъ съ Вышнеградскимъ; былъ онъ хорошо знакомъ и со многими другими высокопоставленными лицами, кото-рымъ, по своей неопредѣленности, былъ очень удобенъ. Въ это время Гаршины дѣлали для Полонскаго хорошее дѣло. Ек. Ст. распростра-няла полное собраніе его сочиненій между чиновниками въ раз-срочку, получала деньги по двадцатымъ числамъ. Евг. М. разъяснялъ педагогическіе элементы въ стихахъ Полонскаго.

Съ наступленіемъ весны начинается разстройство жизни бѣд-ныхъ русскихъ интеллигентовъ: разореніе зимнихъ семейныхъ оча-говъ, исканіе дачъ, переѣзды на дачи. Къ осени—обратное водворе-ніе въ столицу, исканіе квартиръ въ городѣ, устройство зимнихъ жи-лищъ. Вся эта каждый годъ повторяющаяся возня еще болѣе услож-няетъ, разстраиваетъ и безъ того уже достаточно безалаберную нашу жизнь. Такимъ образомъ, Гаршины, обѣ семьи, въ теченіе не-продолжительной своей жизни въ Петроградѣ перемѣнили безчи-сленное множество квартиръ,—а по недосугу и по бѣдности, нани-мали себѣ квартиры, въ большинствѣ случаевъ, полутемныя, прозаич-скія. Само собою, жизнь въ такихъ помѣщеніяхъ, а также и возня съ укладываніемъ вещей, съ наймомъ прислуги дурно вліяли на больные нервы... Къ этому нужно прибавить еще неизбѣжныя столк-новенія съ бѣдными и невѣжественными сосѣдями, съ дворни-ками.

Весною 1887 г. Вс. М. съ женою и еще съ какимъ-то скромнымъ господиномъ ѣздили искать дачу въ Лѣсномъ; но никакого толку изъ этихъ поисковъ не вышло: никакой дачки они себѣ, по своимъ сред-ствамъ, найти не сумѣли. Уважали, обожали, приглашали, хлопали въ ладоши, махали платочками, а когда нужно было, такъ никто и не нашелся помочь, посоветовать.

Послѣ одной такой неудачной экскурсіи, въ чудный майскій ве-черъ, сидѣлъ Вс. М. въ Лѣсномъ институтѣ, у А. П. Соколова, на балконѣ, сидѣлъ утомленный и грустный, снявъ сюртукъ, и печаль-но смотрѣлъ на воздухъ, на деревья, на небо, переговаривался со своими спутниками о дачѣ, прикидывалъ такъ и сякъ—ничего не вы-

ходило! Къ сожалѣнію, хозяина не было дома и возвратился онъ домой поздно и почему-то въ очень разстроенномъ состояніи, такъ что и не завязалось той живой, веселой, интеллигентной бесѣды, какая всегда затѣвалась въ присутствіи Вс. М. и подъ его руководствомъ.

Писатель, очевидно, начиналъ тогда тяготиться своей обычной средой, чувствовалъ ея мелочность и односторонность; его неудержимо влекло къ серьезнымъ, образованнымъ людямъ, къ крупнымъ талантамъ, къ ученымъ специалистамъ. Засѣдая тогда въ комитетѣ Литературнаго фонда вмѣстѣ съ Пыпинымъ и Сергѣевичемъ, Гаршинъ внимательно прислушивался къ ихъ рѣчамъ и потомъ передавалъ эти рѣчи въ точности своимъ пріятелямъ. Между тѣмъ Пыпинъ, когда я заговорилъ съ нимъ о Гаршинѣ, отмахнулся рукой и, морщась, произнесъ: «совсѣмъ, совсѣмъ больной человѣкъ!»

Какъ жаль, что Вс. М., застигнутый болѣзнію, не успѣлъ тогда познакомиться съ прекраснымъ, вполне интеллигентнымъ обществомъ Лѣснаго института: прот. Альбовъ, А-ра Гр-на и Ив. Парф. Воронины, Д. Н. Кайгородовъ, Костычевы, Д. А. и П. А. Лачиновы, романистка Праск. А. Лачинова (Лѣтневъ), Н. А. Холодковскій, Л. В. Ходскій, П. О. Сомовъ, А. П. Соколовъ, г-жа и г. Лей, И. Я. Шевыревъ, А. В. Протопоповъ, гг. Кучеровъ, Богуславскій... Зимой, по четвергамъ, почти вся компанія отправлялась вечеромъ на Выборгское шоссе, въ ресторанъ «Хижина дяди Тома», катать кегли. Среди многочисленныхъ гостей общительнаго и милаго Дм. А. Лачинова выдѣлялась, какъ нѣкая героиня, интереснымъ разговоромъ и красивою наружностью, предметъ поклоненій молодежи, окончившая курсы m-Ne Л., вышедшая потомъ замужъ за какого-то провинціального профессора. Изъ упомянутыхъ лицъ нѣкоторые, я знаю, очень желали познакомиться съ Вс. М., и у нихъ писатель нашелъ бы родственное отношеніе и самый радушный пріемъ.

Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, пріѣхалъ писатель съ супругою въ Лѣсную обѣдать, пріѣхалъ блѣдный, осунувшійся и какъ бы съ слѣдами слезъ на лицѣ: нѣсколько бессонныхъ мучительныхъ ночей измѣнили его до неузнаваемости. Какъ вошелъ въ комнаты, такъ сейчасъ же и заявилъ, чтобы его извинили, чтобы не обращали на него никакого вниманія. Не глядя ни на кого, писатель сѣлъ въ уголъ и сталъ просматривать альбомы; но за обѣдомъ, когда всѣ усѣлись за небольшимъ столомъ въ тѣсной столовой, Вс. М. разговорился, однако говорилъ серьезно, не улыбаясь,—пропала его обычная мягкая шутка. Въ немъ была симпатичность грусти, поэзія болѣзненности: благородная его натура сказывалась и въ этомъ печальномъ его состояніи. Какъ нарочно, бесѣда касалась неприятныхъ для писателя темъ. Заговорили о томъ, что «Отечественныя Записки» очень мало платили сотрудникамъ, брали доходы съ изданія себѣ въ карманъ. Вс. М. скромно пояснилъ, что это не совсѣмъ вѣрно: платили вообще не мало... а нѣкоторымъ писателямъ даже помогали,

выдавали мѣсячное жалованье. Мой братъ, А. П., бывший рядовой Несвижскаго гренадерскаго полка, съ интересомъ отбывавшій повинность въ казармахъ около обсерваторіи, на которой продолжалъ работать, а потомъ съ увлеченіемъ читавшій военные рассказы Гаршина, заговорилъ было съ писателемъ о выведенномъ въ одномъ его разсказѣ педантичномъ нѣмцѣ-офицерѣ. Отъ этого разговора Вс. М. сейчасъ же отмахнулся, отстранился. Кто-то некстати замѣтилъ: «Ахъ, какъ хорошо пишетъ «Житель» (Дьяковъ) въ «Нов. Вр.». Тутъ Вс. М. вышелъ изъ себя: «Да, нѣтъ же... холодно, несправедливо, нехорошо пишетъ! да и самъ этотъ «Житель» какой-то ужасный на видъ!»

Не поздоровилось что-то на сей разъ у насъ Всеволоду Михайловичу. По обыкновенію, мы провожали гостей до паровика; въ ожиданіи вагона, стоя въ сторонѣ отъ провожавшихъ, Вс. М. малость раскапризничался и супругѣ пришлось его успокаивать. Съ грустью я тутъ понялъ, чему не хотѣлось мнѣ вѣрить, что писатель почти уже совсѣмъ больной человѣкъ.

Необходимо было бы ему провести это лѣто на хорошей дачѣ, среди любимой имъ сельской природы; но вмѣсто того пришлось молодымъ супругамъ перебраться на лѣто въ самую неприятную окраину Петрограда, къ Нарвской заставѣ, въ мрачное казенное зданіе таможни, въ пустую лѣтомъ квартиру дядюшки Надежды Михайловны. Оттуда приходилось В. М. добираться до службы по многимъ конкамъ.

Явившимся навѣстить писателя въ его таможенномъ уединеніи гостямъ В. М. предсталъ, посреди заросшаго травой обширнаго таможеннаго двора, въ блузѣ безъ пояса, съ непокрытой головой, взъерошенный и съ растеряннымъ какимъ-то видомъ; пожаловался на нездоровье, на мучительныя, бессонныя ночи... Жаркимъ лѣтомъ, въ этой непривлекательной прозаической, фабрично-заводской мѣстности, въ мрачномъ и пустомъ казенномъ зданіи, право, и на вполне здороваго человѣка напало бы тяжкое уныніе. Писатель обратилъ вниманіе гостей на проложенный по двору въ травѣ рельсовый путь, причемъ подробно объяснилъ скрѣпу рельсовъ. Этими свѣдѣніями нужно было ему запастись для разсказа «Сигналь», который, увы, не имѣлъ успѣха среди технической молодежи, для которой предназначался.

Пока въ домѣ приготовляли чай, мы помѣстились въ сторонкѣ, въ углубленіи двора, на травѣ. Пахло дымомъ; слышны были со всѣхъ сторонъ и звонки конки, и грохотъ ломовиковъ, и свистки паровозовъ, и стукъ паровой машины. Рѣчь зашла о близкомъ писателю человѣкѣ, задумавшемъ жениться... Вс. М. сурово осуждалъ близкаго человѣка... Известно, что по отношенію къ самымъ близкимъ намъ людямъ, которые такъ много для насъ сдѣлали, мы являемся нерѣдко самыми строгими судьями. «Понимаю два рода же-

нитьбы—по любви или по расчету; но жениться безъ любви и безъ всякаго расчета это чортъ знаетъ, что такое, возмутительная нелѣпость!» Такъ здраво, разумно заключалъ писатель; но странно было слышать изъ устъ его суровыя рѣчи, несмотря на всю ихъ справедливость: болѣзнь съѣла у него обычную его мягкость!

За чаемъ въ монументальной и мрачной столовой А. П. С. замѣтилъ, что, пожалуй, темы беллетристическихъ произведеній почти всѣ уже исчерпаны. По этому поводу, В. М., сидѣвшій спиной къ окнамъ, противъ огромнаго буфета, вдался въ историко-литературныя соображенія и вполнѣ логично и красиво пояснилъ, что Тургеневъ и Толстой писали о томъ же, о чемъ писали за тысячу лѣтъ до нихъ: темы однѣ и тѣ же, какъ одна и та же человѣческая природа; но онѣ никакъ не могутъ быть исчерпаны: каждая эпоха даетъ имъ свое содержаніе, свою фizioномію, сообразно безконечно разнообразнымъ проявленіямъ и видоизмѣненіямъ человѣческой личности.

Отъ этого посѣщенія получилось у насъ такое впечатлѣніе, что писатель не похожъ на самого себя; что онъ утомленъ, измученъ, чувствуетъ упадокъ духа, но мыслить серьезно, умно и здраво.

VIII.

Тяжелое время въ жизни Гаршинныхъ. — Печальное состояніе В. М. — Формально-канцелярское настроеніе общества. — Характеръ болѣзни Всеволода Гаршина. — Онъ чувствуетъ упадокъ силъ и невозможность продолжать службу. — Заступничество Гаршинныхъ за женщину на улицѣ. — Нервное разстройство Всеволода Михайловича усиливается. — Последнее свиданіе автора съ больнымъ писателемъ. — Кончина и погребеніе Вс. М. Гаршина. — Судьба другихъ Гаршинныхъ. — Заключеніе.

Какъ хорошо налаживалась жизнь Гаршинныхъ; но, увы! зима 1887—88 г. была для нихъ роковой. Вс. М. поправился къ зимѣ, но не совсѣмъ: онъ уже былъ не тотъ здоровый, цвѣтущій, жизнерадостный, полный надежды на свѣтлое будущее: онъ серьезенъ, грустенъ, исчезла его веселость, его красиво, благодущное настроеніе, всегда радовавшее, одушевлявшее всѣхъ его окружавшихъ.

Онъ продолжалъ служить и вести общественную жизнь; обдумываетъ свои будущія серьезныя произведенія; горячо привѣтствуетъ появленіе новаго литературнаго свѣтила, блестящее начало новаго буднично-обывательскаго періода русской литературы. Очень нравятся ему стихи К. Р., и онъ беретъ на себя рѣшимость представить высокопоставленному поэту свои рассказы при почтительномъ письмѣ.

Еще болѣе тѣсная, еще болѣе мрачная квартира на пятомъ этажѣ; изрѣдка по воскресеніямъ собираются гости обѣдать. Придя разъ довольно рано, я засталъ писателя за его переплетной забавой, среди бумажныхъ обрѣзковъ, стружекъ и разнаго хлама, съ инструментами въ рукахъ. Поговорили мы съ нимъ, до прихода другихъ го-

стей, довольно невесело и неинтересно о своихъ службахъ. За обѣдомъ былъ Фаусекъ, первый другъ писателя, но держалъ себя довольно гордо, очевидно, подъ вліяніемъ успѣховъ; говорилъ остроумно, лощено-либеральными фразами и къ гостямъ Вс. М. относился невнимательно, какъ бы свысока. Лучше было бы, если бы около Гаршина было побольше пожилыхъ людей: они бы вникнули въ его положеніе; молодежь всегда черезчуръ занята сама собой.

Повидимому, жизнь должна бы все-таки устроиться къ лучшему: двѣ родныя семьи породнились; но отъ этого, вслѣдствіе общей семейной нервности Гаршиныхъ, психическое состояніе Вс. М. значительно ухудшилось. Тутъ совсѣмъ и пошатнулось его здоровье.

Быть можетъ, Ек. Ст. обнаружила въ это время тяжелыя стороны своего характера. Она была человѣкъ уже пожилой и больной, испытала много несчастій въ жизни, въ теченіе многихъ лѣтъ несла всю тяжесть крупныхъ и мелкихъ заботъ бѣдной семейной жизни. Матушкой руководило горячее чувство любви къ своему Всеволоду, досада, страданіе за него, ревнивое материнское чувство. Едва ли какія-нибудь жены были бы, въ ея глазахъ, достойны ея сыновей... развѣ какія-нибудь идеальныя красавицы изъ самыхъ высшихъ сферъ. У ней вырвалось письмо, которое очень опечалило Вс. М.: пришлось ему разстаться съ матушкой и съ братомъ, съ которыми связывали его съ малолѣтства чувства глубокаго уваженія, родства, любви и дружбы. Теперь ужъ больному писателю нельзя было заходить къ своимъ, подѣлиться и горемъ, и радостями, и чувствами, и намѣреніями, что составляло для него всегда большое утѣшеніе и отраду.

Передъ Всеволодомъ сразу раскрылось теперь и его собственное печальное положеніе. Его поставили на высокой пьедесталь, отъ него ждали многого; но послѣ «Надежды Николаевны» смогъ онъ написать лишь двѣ маленькія незначительныя вещицы: «Аггея» и «Сигналь»; не было у него ни способностей, ни матеріаловъ къ обширному объективному творчеству. Странно было приниматься за серьезный историческій романъ, пріобрѣтая отдѣльными томами, да и то въ долгъ, исторію Соловьева для ознакомленія съ русской исторіей. Еще страннѣе приниматься за научную повѣсть съ отрывочными научными свѣдѣніями, добытыми бѣглымъ и безпорядочнымъ чтеніемъ.

На глазахъ писателя быстро создавались блестящія ученія и канцелярскія карьеры. У В. М. было огромное (хотя и скрытое) самолюбіе: онъ прекрасно зналъ чины и ордена, и даже при славѣ писателя не могъ мириться съ своимъ ничтожнымъ общественнымъ положеніемъ отставного прапорщика и мелкаго конторскаго служащаго.

Всѣ эти N. N. N. бодро и весело двигались по гладкому пути жизни къ свѣтлому будущему, оставляя позади себя своего друга-писателя. Они серьезно занимались наукой, они изучали, а онъ

могъ лишь кое-что читать изъ пятого въ десятое; поэтому теперь, въ ихъ средѣ, онъ, прежде столь для нихъ авторитетный, чувствовалъ себя совершенно малымъ. Они давно обладали дипломами высшаго образованія, а онъ навѣки принужденъ былъ остаться съ среднимъ образованіемъ, что, по укоренившемуся въ нашей интеллигентной средѣ предразсудку, считается чѣмъ-то неловкимъ. У насъ безъ высшаго образованія не принимаютъ на многія службы; у насъ высшее образованіе должна получать масса, хотя для большинства людей оно не по средствамъ, да и не по способностямъ.

Писатель неизмѣнно пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ окружающихъ; но все окружающее окрасилось для него теперь въ темный цвѣтъ. Время было тяжелое, тусклое, душное; время канцелярскаго карьеризма и формализма, когда изъ всякаго живого дѣла старались по возможности изгнать живую душу... Статьи тогдашнихъ либеральныхъ газетъ и журналовъ походили на образцовыя канцелярскія записки. Кажалось, что редакторы пошарили въ столахъ у господъ старательныхъ столоначальниковъ и выбрали оттуда, что имъ было нужно. Одинъ писатель справедливо упрекалъ одинъ видный либеральный органъ въ томъ, что онъ неофіціальныя вещи высказываетъ офіціальнымъ языкомъ. Подъ прикрытіемъ канцеляризма и формализма развивались всякія безобразія и взяточничество, которое потомъ такъ блистательно обнаружилось. Строго говоря, въ такомъ обществѣ не было мѣста для Всеволодовъ Гаршинныхъ... Не даромъ онъ такъ страстно ухватился за Льва Толстого, который былъ совершенно чуждъ канцеляризма и формализма и безцеремонно посылалъ къ чорту многія житейскія условности и благоприличія и даже, къ великой досадѣ дамъ, переодѣлся въ мужицкій костюмъ.

Прежде Гаршинъ все непріятное, злое и нехорошее видѣлъ въ людяхъ консервативнаго образа мыслей. Такъ, слушая разъ игру Рубинштейна у Полонскаго, онъ имѣлъ неудовольствіе помѣститься противъ одного важнаго цензурнаго чина, обладавшаго, къ своему несчастью, неласковой, некрасивой фізіономіей. Вс. М. внимательно разсматривалъ чиновника и возмущался до глубины души тѣмъ, что такая вотъ старая, некрасивая, консервативная штука сидитъ вблизи Рубинштейна и въ кругу благороднѣйшихъ людей наслаждается музыкой! Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія—уже не отъ игры Рубинштейна, а отъ чиновничьей фізіономіи, Вс. М. имѣлъ въ виду эту ни въ чемъ неповинную, некрасивую особу, когда писалъ жабу въ одномъ своемъ аллегорическомъ рассказѣ и сопоставлялъ ее съ розой, т. е. съ Антономъ Рубинштейномъ.

Объ этой розѣ и объ этой жабѣ любила всѣмъ рассказывать Екатерина Степановна; рассказъ объ этой параллели чрезвычайно всѣмъ понравился и распространился въ кругу знакомыхъ Гаршинныхъ и потомъ попалъ даже въ печать.

Теперь Вс. М. видѣлъ много подобныхъ жабъ повсюду и даже въ близкой ему средѣ...

Мучительныя безсонныя ночи... Этотъ ужасный, наглый, циничный голосъ, слабо очерченный въ одной изъ повѣстей Альбова, помѣщается тутъ же въ комнатѣ, гдѣ-нибудь въ углу за печкой или наверху, надъ потолкомъ; фамиллярно обращается къ больному, называя его по имени, по отечеству, или даже уменьшительнымъ именемъ, какъ стариннаго знакомаго. Этому гнусному нахалу какимъ-то образомъ хорошо знакомы всѣ, даже самые мельчайшіе факты и обстоятельства жизни больного, отъ самаго младенчества! Начинаетъ онъ разговоръ о самыхъ безразличныхъ вещахъ, сообщаетъ какую-нибудь интересную политическую новость, напоминаетъ какой-нибудь курьезъ изъ прошлаго; искусно вовлекаетъ въ бесѣду; и мало-помалу начинаетъ вдаваться въ такія унижительныя подробности прошлаго, откапываетъ такіе непріятные факты и такъ отвратительно ихъ освѣщаетъ, что больной готовъ удушить себя, радъ провалиться сквозь землю; закутывается въ одѣяло съ головою, засовываетъ голову подъ подушку—ничто не помогаетъ! голосъ проникаетъ черезъ всѣ препятствія и гвоздитъ, гвоздитъ немилосердно, чугунными молотами стучитъ въ голову—мучитъ совсѣмъ измученнаго, терзаетъ въ конецъ истерзаннаго человѣка! Въ полномъ изнеможеніи человѣкъ наконецъ засыпаетъ; но спитъ не долго и чуть только что проснется, какъ ужъ голосъ вновь начинаетъ свою ужасную работу: онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пробужденія своей жертвы! «Ага, проснулся, голубчикъ; а знаешь, что про тебя друзья-пріятели вчера говорили? Они тебя такъ любятъ, уважаютъ! Выдохся, говорили, совсѣмъ малый выдохся! Сколько лѣтъ онъ насъ такимъ-то манеромъ надуваетъ... мы-то его чуть не за святого считали, а онъ, смотрите, вонъ онъ какой!»..

Подымается больной съ постели; онъ страшно измученъ, на немъ лица нѣтъ; но онъ какъ будто вполне здоровъ, даже болѣе обыкновеннаго осмотрительнѣе; говорить такъ разумно, практично; успокаиваетъ даже домашнихъ, когда тѣмъ изъ-за чего-нибудь случится разсердиться или взволноваться. Спѣшитъ на службу, ретиво принимается за дѣла; выказываетъ особенную строгость, вниманіе и по отношенію къ своимъ занятіямъ и по отношенію къ сосѣдямъ. Голова ясна, но въ душѣ такое томительно-гадкое, невыразимо будничное состояніе! А голосъ тутъ, какъ тутъ! торчитъ въ сосѣдней комнатѣ за дверью, или же пристраивается наверху, надъ потолкомъ—и такой несомнѣнный, такой явственный, что удивительнымъ кажется, какъ это никто изъ окружающихъ не вскочитъ съ мѣста и не закричитъ съ негодованіемъ: «Что это такое, кто это тамъ говоритъ?» Голосъ вдругъ сообщаетъ человѣку, прерывая его работу, нѣчто такое ужасное, что у того сердце обливается кровью, глаза наполняются слезами... сообщаетъ, что въ этотъ же день съ нимъ или съ его близкими

совершать что-то невѣроятное и уже вотъ подготовляются... А голосъ уже не одинъ, ихъ нѣсколько; они тутъ же за стѣною или подъ окномъ на улицѣ. Одни жалобно, унижительно защищаютъ больного, ходатайствуютъ за него, упрашиваютъ, умоляютъ; другіе яростно нападаютъ на больного, выливаютъ цѣлые ушаты грязи—страшный скандалъ! Больной съ ужасомъ, съ замираніемъ сердца слѣдитъ за спорящими голосами, за борьбою двухъ силъ, переходитъ отъ ужаса къ надеждѣ и отъ надежды опять къ ужасу. Это не мѣшаетъ больному итти вечеромъ въ гости и поддерживать тамъ серьезный разговоръ, но голосъ и тутъ не оставляетъ своего пріятеля: во время паузы ловко врывается въ ухо больному и овладѣваетъ всѣмъ его вниманіемъ, и больной, къ печали всѣхъ окружающихъ, или погружается въ глубокую задумчивость, или содрогается и вскакиваетъ съ мѣста...

Раздолье голосамъ, когда человѣкъ выросъ въ нервной семьѣ, когда въ прошломъ у него двѣ психическія болѣзни и пребыванія въ лечебницахъ и столько печальныхъ ощущеній и воспоминаній! Когда человѣкъ такъ деликатенъ и чувствителенъ, такъ сострадательнъ къ горю и несчастію ближнихъ! Мало ли было у человѣка тягостныхъ впечатлѣній, мало ли промаховъ, давнымъ-давно позабытыхъ; мало ли душевныхъ ранъ, отъ которыхъ, казалось, не осталось и слѣда. Теперь всѣ тягостныя впечатлѣнія прошлаго такъ ужасно возобновляются; душевныя раны вскрываются одна за другою, и такъ ярко встаютъ передъ глазами свои несправедливости и ошибки, отъ которыхъ пострадали люди, въ числѣ ихъ люди слабые и беззащитные, люди дорогіе и близкіе!

Человѣкъ никому не говоритъ о своихъ мученіяхъ, объ этихъ голосахъ, о томъ, какая ужасная для него вокругъ него творится жизнь, отлично сознавая, что, если онъ кому-нибудь объ этомъ заикнется всякій, широко раскрывъ глаза, завопитъ: «Да что вы за чепуху такую мелете! вы съ ума сопли!» Но для больного все происходящее вокругъ него такая несомнѣнная, такая яркая истина!

Нѣчто подобное творилось въ это время съ бѣднымъ Всеволодомъ Михайловичемъ, и вскорѣ состояніе его здоровья такъ ухудшилось, такъ онъ изнемогъ, что уже не въ силахъ былъ исполнять своего простого канцелярскаго дѣла. Перспектива остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни, на попеченіи супруги, такъ его страшила, что онъ долго боролся съ очевидностію и продолжалъ ходить на службу и плакалъ горько за канцелярскимъ столомъ, чувствуя полную неспособность что-либо дѣлать.

А тутъ еще выпелъ печальный случай, переполнившій сумму тяжелыхъ впечатлѣній писателя. Гдѣ тонко, тамъ и рвется! Возвращаясь изъ гостей поздно вечеромъ, супруги Гаршины сдѣлались свидѣтелями, какъ на углу Невскаго и Владимирской, по мановенію полицейскаго агента, мишали всѣхъ человѣческихъ правъ гражданку

россійскую... И ранѣе Гаршины наскочили однажды на такую же сцену на улицѣ Малой Итальянской.

Въ центрѣ столицы, на самомъ людномъ перекресткѣ главныхъ улицъ, среди оживленнаго уличнаго движенія, на виду у всей почтеннѣйшей публики, сажали хорошо одѣтую, красивую женщину на извозчика и колотили, при радостномъ гоготаньи дикой и пьяной толпы. Многіе либеральнѣйшіе люди такія сцены видѣли и спѣшили отъ нихъ безъ оглядки, не желая вмѣшиваться «въ грязное дѣло», дабы не повредить своей репутаціи; ни у кого не было охоты протестовать, «вопить къ начальству». Тогдашнія газеты, надо полагать, изъ чувства стыдливости не заикались о подобныхъ безобразіяхъ.

Большой, безпомощный писатель остался вѣренъ своему гуманизму, своимъ страданіямъ за поруганную человѣческую личность, которыя мучили его всю жизнь; супруга вполне ему сочувствовала, и оба они, не колеблясь, вмѣшались въ уличную трагедію и въ сопровожденіи городскихъ, сыщиковъ, хулигановъ, «свидѣтелей» отправились въ участокъ. Гаршиныхъ занималъ вопросъ: какое имѣли право такъ набрасываться, не зная даже, кто она такая, на женщину, которая мирно шла по улицѣ, никого не трогая? Пришлось потомъ супругамъ явиться къ мировому судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ, и Надежда Михайловна была приговорена даже къ маленькому штрафу. Всякое столкновеніе съ полиціей производитъ на русскаго интеллигента тягостное впечатлѣніе, и, само собой разумѣется, этотъ случай крайне печально отразился на больномъ писателѣ; тяжело онъ подѣйствовалъ и на его супругу. Своему заступничеству за гражданку россійскую Гаршины не встрѣтили сочувствія въ своей либеральнѣйшей средѣ, потому что они были добрѣе и выше своей среды, которая, повидимому, отчасти раздѣляла вкусы готовавшей толпы.

Вскорѣ послѣ того на хорахъ Благороднаго собранія случайно я столкнулся съ М. и невольно съ нимъ поздоровался, хотя и не могъ считать себя его знакомымъ, пбо лишь одинъ разъ съ нимъ видѣлся нѣсколько лѣтъ назадъ, на вечерѣ у Гаршина. Изъ минутнаго моего разговора съ симпатичнымъ поэтомъ я, къ удивленію своему, долженъ былъ заключить, что онъ кисло и неодобрительно отнесся къ вмѣшательству Гаршиныхъ въ уличную исторію.

А вмѣшательство было, пожалуй, не безъ пользы. Въ 1903 году вышелъ циркуляръ, въ которомъ предусматривались такія уличныя исторіи, рекомендовалось болѣе гуманное отношеніе къ «падшимъ», среди которыхъ могутъ быть жертвы бѣдности и несчастія... предлагалась болѣе гуманная практика всего этого печальнаго дѣла.

Еще въ началѣ нашего знакомства зашелъ я разъ къ Гаршинымъ днемъ и засталъ Вс. М. простуженнымъ, съ кашлемъ и насморкомъ. Я сталъ совѣтовать ему разныя средства, и онъ даже обидѣлся: «У меня жена врачъ... да и зачѣмъ... никакихъ средствъ принимать не нужно: болѣзнь имѣетъ свое теченіе и сама собою пройдетъ!» Пришелъ кто-то изъ первыхъ друзей и увелъ писателя въ другую комнату, и съ нимъ писатель долженъ былъ вести серьезные и продолжительные разговоры. Надо было видѣть смущеніе и почти страданіе Вс. М., когда онъ вышелъ ко мнѣ, объявилъ мнѣ, что не можетъ со мной сидѣть, — а мнѣ и въ голову не пришло на него обидѣться. Черезъ день Вс. М. прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ очень извинялся за свой «крайне неделикатный поступокъ» и приглашалъ меня и брата къ себѣ въ ближайшее воскресенье обѣдать.

И теперь болѣзнь имѣла свое теченіе и могла пройти сама собою: писателю было всего лишь тридцать два года, и физически онъ былъ достаточно здоровъ. Отлично онъ могъ оправиться и, обогащенный жизненнымъ опытомъ (онъ вѣдь внимательно вглядывался въ жизнь и людей: не многіе могли похвалиться такою живою и дѣятельною общительностью), подарилъ бы намъ новыя глубокія и чистыя свои произведенія.

Горе въ томъ, что болѣзнь приняла то опасное направленіе, когда больной набрасывается на самого себя, не чувствуя даже за собой никакой вины; набрасывается за то, что спасовалъ передъ жизнью, оказался не въ силахъ вести борьбу съ темною дѣйствительностью, съ темными враждебными силами, которыя, по искреннему предчувствію больного, должны скоро его подавить и уничтожить, подвергнувъ предварительно многимъ невѣроятнымъ страданіямъ и униженіямъ. Что больному смерть, что ему предсмертныя муки передъ угрозами и намѣреніями торжествующихъ, скалящихъ зубы звѣрообразныхъ чудовищъ, которыя являетъ ему на каждомъ шагѣ окружающая его ужасная дѣйствительность! Тутъ больной совершенно безжалостенъ къ самому себѣ, тутъ надо за нимъ смотрѣть въ оба.

Не помню, чтобы приходилось слышать отъ Вс. М. упоминанія о религіи, о церкви и чтобы онъ вѣлъ знакомство съ духовными лицами, — и въ этомъ отношеніи онъ былъ, къ своему несчастію, сыномъ своего печальнаго поколѣнія, своего печальнаго времени.

Февральскій вечеръ 88 г. Квартирка хуже прежнихъ, по Дмитровскому пер., во дворѣ, въ самомъ верхнемъ этажѣ, съ крутой грязной лѣстницей и низкимъ потолкомъ, съ безпокойными сосѣдями и звуками піанино за тонкой дощатой перегородкой. И нужно было молодымъ супругамъ всегда занимать квартиры на самыхъ верхнихъ этажахъ!

Вс. М. въ сѣрой суконной блузѣ безъ пояса, съ унылымъ и какъ бы заплаканнымъ лицомъ, не могущій ни служить, ни писать, грустно, нерѣшительно ходить по комнатамъ, жалуется на мучительныя, бессонныя ночи, на неудобства квартиры, на безпокойство отъ сосѣдей. Гости (приходя къ Гаршинымъ, всегда я заставлялъ у нихъ гостей): плотный благодушный старикъ, извѣстный педагогъ, авторъ многихъ учебниковъ, любимый и уважаемый гимназическій учитель Гаршина. Въ сторонѣ, въ креслѣ, сидитъ совершенно прямо и держитъ передъ собою раскрытую книгу сухошавый блондинъ съ желтымъ лицомъ, въ темныхъ очкахъ, изрѣдка обращаясь къ Вс. М.: «Гаршинъ, слушай»... «Гаршинъ, ты знаешь»...

Объ этомъ господинѣ нерѣдко упоминала Екатерина Степановна съ почтеніемъ, называя его другомъ Всеволода. Произвелъ онъ на меня сурово серьезное, рѣзкое впечатлѣніе и показался мнѣ не изъ такихъ, которые могутъ кого-либо утѣшить въ горѣ.

За чаемъ въ маленькой комнатѣ, сидя на диванѣ, Вс. М. говорилъ какъ-то грустно и вяло, но вполне благоразумно.—«Что вы не женитесь?»—сказала мнѣ, шутя, Надежда Михайловна: Двумъ полѣньямъ легче горѣть!»

— Ну, а весело имъ горѣть, ты бы ихъ когда спросила?—серьезно отозвался Всеволодъ Михайловичъ.

Надежда Михайловна стала рассказывать о случаѣ на углу Невскаго и Владимирской; она все еще не могла послѣ него успокоиться. Кто-то сказалъ, что дѣло это не очень важное; не стоитъ много о немъ думать.—«Да; но какъ бы не стали намъ мстить эти полицейскіе... тѣ же самые... ужъ очень недалеко мы живемъ отъ угла Невскаго и Владимирской»...—уныло и вяло произнесъ Всеволодъ Михайловичъ печальныя слова, на которыя, къ сожалѣнію, никто и не возразилъ изъ сидѣвшихъ за чаемъ.

Когда гости уходили, Надежда Михайловна опять начала говорить въ передней объ этомъ самомъ дѣлѣ...—«Посмотрите, ну, какъ же такъ, дѣвушка съ маской!»...—«Э, да ну, ужъ пожалуйте, ужъ знаемъ мы это... дѣвушка съ маской!»—обрѣзалъ хозяйку, энергично махнувъ рукой, важный господинъ, стоявшій тутъ въ шапкѣ и въ шинели съ бобромъ и, видимо, не очень-то соглашавшійся признавать права за «дѣвушкой съ маской».

Сходя съ этимъ господиномъ по лѣстницѣ, я спросилъ его что-то по этому уличному дѣлу. Господинъ нехотя, но отвѣтилъ. Потомъ, въ воротахъ, я совсѣмъ уже безтактно и наивно задалъ спутнику другой вопросъ по тому же дѣлу... Господинъ что-то нетерпѣливо отвѣтилъ; но тутъ же, при выходѣ изъ воротъ, сердито крикнулъ на меня: «Вамъ куда?»—«Мнѣ направо», сказалъ я, оторопѣвъ.—«Ну, а мнѣ налево!» крикнулъ онъ и поспѣшилъ со мной проститься. Немного обругавъ себя за эти ненужные вопросы, обращенные къ человѣку, явно нерасположенному къ разговорамъ, я все-таки

огорчился тѣмъ, что и посѣщающіе больного Всеволода Михайловича друзья находятся въ такомъ нервномъ и серьезномъ состояніи.

Писатель имѣлъ въ этотъ вечеръ видъ утомленный и очень грустный, видъ человѣка, совершенно опустившаго руки; но онъ совсѣмъ не производилъ впечатлѣнія человѣка психически разстроеннаго и, очевидно, выходилъ одинъ на улицу, такъ какъ общалъ непремѣнно меня навѣстить, а я жилъ тогда неподалеку, въ Троицкомъ переулокѣ.

Однако въ душѣ Всеволода Михайловича творилось нѣчто такое, о чемъ не вполне догадывались его близкіе; да и не могли вполне догадаться, потому что онъ былъ невѣроятно скрытенъ въ этомъ отношеніи. Въ ранней молодости, съ самымъ жизнерадостнымъ видомъ водилъ за собой цѣлыя караваны молодыхъ людей на прогулки по окрестностямъ Харькова, Вс. М. писалъ самыя отчаянныя письма одному своему пріятелю, письма, очень удивившія потомъ перваго друга Гаршина Ф., также участвовавшаго въ этихъ прогулкахъ и видѣвшаго постоянную веселость Всеволода.

То ужасное, что творилось въ душѣ Вс. М., заглушало въ немъ даже жалость къ горячо любимой имъ супругѣ: онъ вѣдь отлично понималъ, какимъ страшнымъ для нея горемъ будетъ его кончина. Но столько тяжелыхъ онъ получалъ отъ жизни впечатлѣній, такія тяжелыя настроенія его посѣщали, такъ его мучили бессонныя ночи... такъ онъ страшился той минуты, когда вотъ признаютъ его больнымъ и начнутъ имъ распоряжаться, и лечить его, и куда-нибудь ради сего его помѣстятъ... что онъ убѣдился, наконецъ, въ полной невозможности жить. Разбившись на смерть, терпя страшныя физическія муки, онъ жаловался лишь на душевныя страданія и высказывалъ трогательную жалость къ покидаемой супругѣ; и разсудка не потерялъ, говорилъ не какъ безумный.

При другой обстановкѣ жизни писатель былъ бы спасенъ. Ну, гдѣ же было бѣдной Надеждѣ Михайловнѣ, при отсутствіи средствъ и въ такомъ жалкомъ помѣщеніи, справиться съ такимъ труднымъ больнымъ; какъ могла она предусмотрѣть и достать все необходимое въ его болѣзни?

О такихъ замѣчательныхъ и вмѣстѣ такихъ хрупкихъ, нѣжныхъ и нервныхъ людяхъ должна быть серьезная общественная забота, должно быть серьезное попеченіе, которое не заключало бы въ себѣ, по существу, ничего благотворительнаго и филантропическаго. Этою заботой, этимъ попеченіемъ общество, и за себя и за послѣдующія поколѣнія, отдавало бы исключительно талантливымъ людямъ, своимъ выдающимся дѣятелямъ и учителямъ, лишь малую долю своего имъ долга. А мы, друзья и знакомые Гаршинныхъ, наслаждавшіеся и сочиненіями, и обществомъ, и бесѣдою Всеволода Михайловича, увы, не нашли, не сумѣли помочь дорогому писателю въ трагическіе моменты его жизни!..

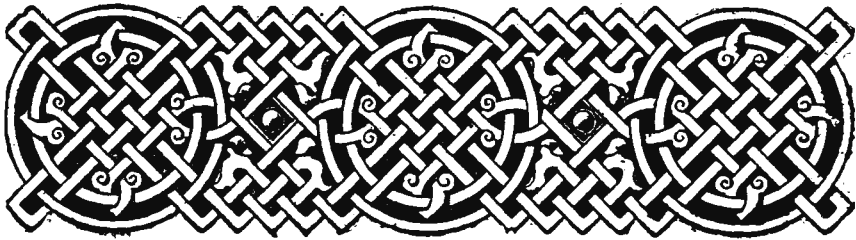
20 марта 1888 г. Сѣрый, сырой, печальный денекъ ранней петроградской весны. Отпѣваніе на Волковомъ кладбищѣ; въ церкви много всякаго народу, много литераторовъ. Неподвижная, словно каменная, стоитъ у гроба Надежда Михайловна, убитая горемъ, съ устремленными на умершаго супруга глазами. На могилѣ литераторы говорятъ чувствительныя рѣчи. У воротъ кладбища Г. М., въ плохомъ штатскомъ костюмѣ, съ растеряннымъ и неестественно равнодушнымъ видомъ повѣствуетъ мнѣ, что былъ онъ на дѣлѣ, когда пришла телеграмма о кончинѣ брата, что искали его жандармы. Вечеромъ того же дня онъ ходилъ по комнатѣ въ квартирѣ Екатерины Степановны и съ юморомъ рассказывалъ нѣчто изъ своихъ наблюдений, о сельскихъ батюшкахъ, дьяконахъ, становыхъ, квартальныхъ. Вскорѣ промелькнуло въ газетахъ извѣстіе, что въ Новгородѣ скоропостижно скончался товарищъ прокурора Г. М. Гаршинъ, оставивъ большую семью. Екатерина Степановна сдѣлалась совсѣмъ уже старой старушкой и черезъ нѣсколько лѣтъ скончалась. Надежда Михайловна очутилась врачомъ на заводѣ на Уралѣ. Евг. М. книжный магазинъ свой закрылъ, найдя это дѣло совсѣмъ неинтеллигентнымъ, былъ потомъ солиднымъ педагогическимъ дѣятелемъ въ Петроградѣ; а теперь состоитъ директоромъ коммерческаго училища гдѣ-то на югѣ и, къ сожалѣнію, ничего не пишетъ, а могъ бы сообщить весьма цѣнные воспоминанія и матеріалы по исторіи русской общественности и литературы послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка.

О Всеволодѣ Гаршинѣ появилось въ печати много хвалебныхъ воспоминаній его родныхъ, друзей и знакомыхъ и, такимъ образомъ, появилось много «иконписныхъ» изображеній писателя, рисующихъ нѣчто «прекрасное, мудрое, доброе и тому подобное»... Отродясь не видали образованныхъ, добрыхъ и благовоспитанныхъ русскихъ людей! Надо сказать, что писатель, со всѣми своими человѣческими слабостями и недостатками, постонѣтъ за себя и въ нашихъ расхваливаніяхъ, въ нашихъ умиленіяхъ совсѣмъ не нуждается.

Самъ онъ строго относился къ людямъ и не пропускалъ безъ вниманія ихъ слабостей и дурныхъ качествъ. Было у него не мало друзей, но мало кто ему вполнѣ нравился. Если Гаршинъ былъ со всѣми учтивъ и любезенъ, если онъ всѣхъ такъ къ себя привлекъ, всѣмъ такъ нравился, если было тепло около него даже и тѣмъ, къ кому онъ въ душѣ относился отрицательно, то причиною этому были его благовоспитанность, его любовь и уваженіе къ человѣческой личности вообще.

В. П. Соколовъ.

КУРЬЕЗНОЕ НЕДОРАЗУМЬЕ.

(По поводу легенды о Фодоръ Кузьмичъ).

«Вѣдь капитанъ Копѣйкинъ безъ
руки и ноги, а у Чичикова...»

(Мертвыя души).

ЕДАВНО вышли воспоминанія лейбъ-хирурга Д. И. Тарасова о болѣзни и смерти императора Александра I, воспоминанія, на которыя ссылаются какъ противники, такъ и сторонники легенды о превращеніи императора Александра I въ Фодора Кузьмича и въ числѣ послѣднихъ—самый ревностный сторонникъ заманчивой легенды—кн. Бяратинскій, считающій записки доктора Тарасова въ числѣ «самыхъ важныхъ документовъ, относящихся къ таганрогской катастрофѣ» (стр. 31).

Вполнѣ, поэтому, своевременно сказать о легендѣ еще нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что, какъ ни много писали о ней, остается еще пробѣлъ и пробѣлъ существенный, не остановившій, однако, на себѣ вниманія изслѣдователей даннаго вопроса.

Сторонники легенды, и во главѣ ихъ князь Бяратинскій, ссылаются даже на сходство Фодора Кузьмича съ Александромъ, какъ будто таковое могло сохраниться черезъ промежутокъ времени въ 30—40 лѣтъ и какъ будто, если бы оно было въ дѣйствительности, черезъ 11 лѣтъ, въ 1836 году, не остановило бы наказанія плетью Фодора Кузьмича.

Ссылаются также на сходство почерковъ, приче́мъ князь Барятинскій приводитъ автографы Александра I и Ѳедора Кузьмича. И автографы эти приводятъ какъ разъ къ убѣжденію въ полномъ несходствѣ почерковъ, хотя бы на основаніи сличенія буквъ «д» и «е»: у Кузьмича «д» пишется всегда съ закорючкой кверху и «е» въ серединѣ слова—какъ «е» заглавное, тогда какъ у императора Александра I «е» написано, какъ всѣ мы пишемъ его сейчасъ, а «д» съ характернымъ росчеркомъ книзу.

Вообще автографъ Александра I напоминаетъ каллиграфію интеллигентныхъ людей начала прошлаго вѣка вроде, пожалуй, пушкинской: почеркъ быстрый, такъ сказать, текучій, связный, безъ отдѣлки каждой буквы, тогда какъ автографъ Кузьмича отличается отдѣлкой буквъ, приче́мъ каждая изъ нихъ стоитъ отдѣльно, не связанная съ сосѣдними, и напоминаетъ рукописи купцовъ начала прошлаго вѣка или плохо образованныхъ помѣщиковъ.

Приводя такія слабыя основанія въ подтвержденіе своего мнѣнія и даже убѣжденія, не говоря уже о крайне фантастическихъ предположеніяхъ и выводахъ, касающихся замѣны императора какимъ-то постороннимъ трупомъ, изслѣдователи, какъ сторонники легенды, такъ и противники ея, не обратили вниманія на данныя, совершенно неопровержимыя и заключающіяся въ розни чисто физической стороны императора Александра I съ загадочнымъ Ѳедоромъ Кузьмиче́мъ.

Эта рознь заключается прежде всего въ физической силѣ.

Несмотря на множество свидѣтельствъ объ императорѣ Александрѣ I, нѣтъ ни одного, который бы говорилъ о физической его силѣ. Говорятъ о его красотѣ, объ обаятельномъ обращеніи и вообще внѣшности, о стройности, но о выдающейся силѣ никто не проронилъ ни слова.

Братъ Александра, такой колоссъ, какъ Николай Павловичъ, выдающейся физической силой также не отличался. Не обладали ею ни Александръ I, ни Михаилъ Павловичъ. Изъ всѣхъ братьевъ—сыновей Павла I—отличался значительной физической силой лишь одинъ Константинъ Павловичъ, что и свидѣлствуютъ современники. И если бы выдающейся силой отличался Александръ I, несомнѣнно, свидѣтельство объ этомъ было бы разнесено на весь міръ.

Между тѣмъ о Кузьмичѣ послѣ 1843 года, т. е. если бы онъ былъ императоромъ Александромъ, то въ возрастѣ около 65 лѣтъ, свидѣлствуютъ, что «Ѳедоръ Кузьмичъ обладалъ большой физической силой: такъ, при метаніи сѣна поднималъ на вилы чуть не копну сѣна и металъ это на стогъ, не опирая конца вилъ сперва въ землю, какъ обыкновенно это дѣлаютъ метатели сѣна, а поднималъ всю тяжесть на рукахъ, что приводило въ удивленіе зрителей». (Князь Барятинскій, стр. 115).

Для людей, знакомыхъ съ полевыми работами, понятно, какая нужна выдающаяся, колоссальная сила для того, чтобы метать сѣно такъ, какъ его металъ Ѳедоръ Кузьмичъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предположить, чтобы императоръ, и въ цвѣтущіе свои годы не отличавшійся физической силой, получилъ обладаніе ею въ возрастѣ упадка силъ, въ возрастѣ 65-лѣтнемъ.

Вторая рознь физической стороны императора Александра I съ Ѳедоромъ Кузьмичемъ заключается въ глухотѣ.

Императоръ Александръ, по общимъ свидѣтельствамъ, и въ молодости былъ «туговать на ухо». Ко времени же Вѣнскаго конгресса о глухотѣ его свидѣлствуютъ всѣ современники.

Если глухота его прогрессировала къ 45-лѣтнему возрасту, то безъ всякой натяжки можно утверждать, что къ 80-ти годамъ императоръ былъ бы глухъ совершенно—глухота дошла бы до своего кульминаціоннаго пункта, а между тѣмъ про Ѳедора Кузьмича, умершаго въ 1864 году,—и, слѣдовательно, если бы это былъ императоръ Александръ I, то ему было бы 84 года,—никто не говоритъ, чтобы Ѳедоръ Кузьмичъ былъ глухъ, и только совѣтникъ губернскаго суда Савостинъ, жившій въ Томскѣ въ 50 и 60 годахъ, слѣдовательно, лѣтъ черезъ 30 послѣ кончины императора Александра, свидѣлствуетъ, что Ѳедоръ Кузьмичъ «былъ глуховать на одно ухо, почему говорилъ, немного наклонившись». При этомъ Савостинъ, ведшій съ Кузьмичемъ продолжительныя бесѣды, когда они «обсуждали всевозможные вопросы: государственные, политическіе и общественные», не дѣлаетъ ни малѣйшаго даже намека на то, что трудно было разговаривать со «старцемъ», благодаря его глухотѣ, а только упоминаетъ, что «глуховатый на одно ухо, старецъ говорилъ поэтому, немного наклонившись»; глухотою же совсѣмъ не отличался, и упоминаетъ о глуховатости на одно ухо только одинъ Савостинъ и то лишь въ объясненіе того, что старецъ говорилъ, немного наклонившись, что могло происходить, конечно, не отъ глухоты, а просто отъ манеры держать себя—такой же манеры, о которой Савостинъ упоминаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «ходилъ по келіи, заложивъ пальцы правой руки за поясъ (какъ это дѣлаютъ всѣ военные?), или стоялъ прямо, повернувшись спиной къ окошку».

Кромѣ же Савостина, говорящаго о глуховатости лишь на одно ухо, никто, положительно никто не упоминаетъ о глухотѣ Ѳедора Кузьмича, тогда какъ этотъ признакъ могъ служить весьма важнымъ показателемъ тождественности императора Александра I съ Кузьмичемъ.

Такимъ образомъ, сторонники заманчивой легенды, не обративъ вниманія на выдающуюся физическую силу Ѳедора Кузьмича и на то, что онъ не былъ глухъ, ставятъ себя въ положеніе гоголевскаго почтмейстера, отождествлявшаго Чичикова съ капитаномъ Колѣй-

кинымъ, который былъ «безъ руки и ноги, тогда какъ у Чичикова»...

Если на основаніи вышеизложеннаго становится совершенно очевиднымъ, что Ѳедоръ Кузьмичъ не былъ и не могъ быть императоромъ Александромъ, то съ исторической точки зрѣнія вопросъ о томъ кто былъ Ѳедоръ Кузьмичъ, лишается всякаго интереса. Это совсѣмъ не то, что тайна перваго самозванца, вѣрнѣе—царя Дмитрія, ибо нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ утверждать, что Дмитрій былъ самозванцемъ, какъ это дѣлали люди заинтересованные: Годуновъ, Василій Шуйскій и за ними другіе бояре. Мало ли на святой Руси являлось и является личностей, «не помнящихъ родства», не желающихъ открыть своего происхожденія.

Хотя нѣкоторые и удостовѣряютъ, что Кузьмичъ зналъ иностранные языки, но, повидимому, сами удостовѣряющіе, обитатели Сибири, врядъ ли были знакомы съ иностранными языками въ такой степени, чтобы оцѣнивать знаніе ихъ другими, и если бы Кузьмичъ зналъ иностранные языки, т. е. умѣлъ бы и писать на нихъ, то почеркъ его не былъ бы такимъ, какимъ онъ является въ автографѣ, приложенномъ къ труду князя Барятинскаго. Это былъ бы почеркъ непрерывности, безъ тщательной отдѣлки каждой буквы, и онъ не стояли бы отдѣльно, не связанныя съ сосѣдними.

Кто много видѣлъ земельныхъ плановъ и документовъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ, тотъ согласится, что почеркъ Ѳедора Кузьмича всего болѣе напоминаетъ почеркъ землемѣровъ, купцовъ и мелкихъ дворянъ тѣхъ временъ, учившихся на мѣдные деньги. Поэтому я не могу согласиться даже съ той версіей, чтобы Ѳедоръ Кузьмичъ былъ какого-нибудь аристократическаго происхожденія; не говоря уже о полной безосновательности видѣть въ немъ сына Павла—лейтенанта Великаго.

Вѣроятнѣе всего, это былъ какой-нибудь купецъ, совершившій какое-нибудь недоброе дѣло, а, можетъ быть, и нѣсколько таковыхъ и, подъ вліяніемъ угрызений совѣсти, рѣшившійся пострадать и порвать въ корнѣ съ своимъ прошлымъ.

Мало ли, повторяю, на Руси было, да есть и сейчасъ никому невѣдомыхъ отшельниковъ, поселившихся въ обширныхъ лѣсныхъ пространствахъ нашей необъятной родины.

Я лично въ охотничьихъ скитаніяхъ по восточной части Новгородской губерніи наткнулся разъ на какую-то землянку, расположенную на опушкѣ лѣса, на берегу довольно большого озера. Это было верстахъ въ шести отъ ближайшаго селенія.

Наткнувшись на землянку, я принялъ ее сначала за картофельную яму, но, сообразивъ, что картофеля въ такой глуши быть не могло, и замѣтивъ маленькую дверь, я толкнулъ ее ногой и вошелъ въ землянку, довольно просторную, стѣны которой были украшены иконами, а на грубо сколоченномъ столѣ лежали книги, какъ ока-

залось потомъ, священныя. На скамьѣ сидѣлъ человѣкъ въ одеждѣ крестьянина, съ длинными волосами и, конечно, бородатый. Я поздоровался. Онъ отвѣчалъ неохотно и также неохотно отзывался на всѣ мои разспросы.

Жители ближайшей деревни объяснили потомъ, что отшельникъ «не здѣшній». Кто онъ?—не говоритъ. Пришелъ, повидимому, издалека, пришелъ и вырылъ себѣ землянку на берегу озера. Крестьяне приносятъ ему хлѣбъ, иногда молоко— «такъ и живетъ».

— Ну, а зимой какъ?

— И зимой разокъ въ недѣлю на лыжахъ хлѣбъ носимъ. Иногда входъ въ землянку отъ снѣга отрывать приходится.

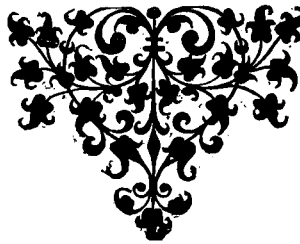
— А полиція знаетъ объ отшельникѣ?

— Не. Зачѣмъ ей знать? Пущай живетъ себѣ ¹⁾.

А о Кузьмичѣ узнали—«постегали» его, какъ слѣдуетъ, плетьюми и, такъ какъ онъ не былъ человѣкомъ зауряднымъ, а разумнымъ и жизни праведной, то и вошелъ Кузьмичъ въ моду, и самое простое, обыденное явленіе русской жизни—«запамятованіе родства»—возведено было досужей фантазіей и заманчивостью предположенія въ вопросъ, надъ которымъ стали задумываться даже серьезные историки вроде Александра Карловича Шильдера и склоннаго къ увлеченіямъ драматурга князя Барятинскаго.

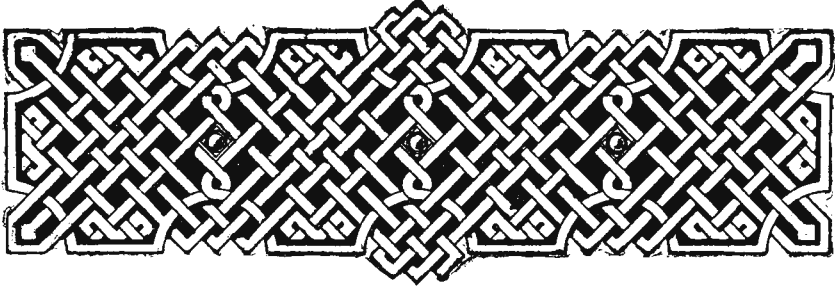
Но пора наконецъ кончить съ этимъ вопросомъ и вычеркнуть его изъ числа тѣхъ, которые по праву принадлежатъ исторіи.

А. Витмеръ.

¹⁾ Это было въ тѣ блаженныя времена, когда «институтъ урядниковъ» не былъ даже въ предположеніи, и когда въ восточной части Новгородской губерніи на десятки тысячъ квадратныхъ верстъ лѣсныхъ пространствъ всю полицію олицетворялъ собою становой приставъ.

А. В.

ФЕРДИНАНДЪ КОБУРГСКІЙ,

(По болгарскимъ источникамъ).

I.

БОЛГАРСКІЙ народъ, одинъ среди южныхъ православныхъ народовъ, покрылъ свою землю, свои поля и площади въ городахъ памятниками о русскомъ царѣ, а славному русскому воинству, павшему за южныхъ славянъ, соорудилъ бронзовые колоссы-монументы и великолѣпный храмъ святого Александра Невскаго въ своей столицѣ Софіи.

Съ незапамятныхъ вѣковъ и до нашихъ дней этотъ народъ чувствовалъ родственную близость къ Россіи. Но въ эти отношенія болгарь къ ихъ великой покровительницѣ нѣмцы всегда вводили неладъ, а въ послѣдніе годы даже успѣли утвердить во главѣ болгарскаго государства своего ставленника, вызывающаго бурю проклятій въ обѣихъ братски-близкихъ странахъ на Балканахъ.

Эта фигура—Фердинандъ, царь болгарь. Онъ создалъ въ странѣ благополучія катастрофу, которая оказалась для него мало поучительной, ибо не прошло и года, какъ все тотъ же Фердинандъ уготовалъ болгарамъ еще болѣе опасную катастрофу.

Надо думать, что будущему историку Болгаріи эпохи Фердинанда нелегко будетъ опредѣлить сокровенный смыслъ царство-

ванія этого страннаго человѣка: былъ ли онъ проникнутъ идеей освобожденія Болгаріи отъ многообразной зависимости, думалъ ли онъ о будущемъ своей династіи и послѣднихъ переживаемыхъ ею часахъ? Несомнѣнно только то, что онъ переживалъ протекавшія событія, но по-своему: накопленныя тягостныя впечатлѣнія и эмоціи онъ заливалъ потокомъ южнаго винограднаго сока; но былъ ли онъ человѣкомъ, отцомъ и государемъ?

Болгарія очутилась среди двухъ государственныхъ противоположныхъ другъ другу міровъ, между молотомъ и наковальней, вся она въ загадкѣ. Европа, смущенная германскимъ милитаризмомъ, долго ждала съ большимъ нетерпѣніемъ разгадки относительно Болгаріи. А министры, государственные ея люди по вопросу о присоединеніи Болгаріи къ тройственному согласію, ссылаясь на Фердинанда и его дворцовыхъ клеветовъ, лживо заявляли, что Болгарія и впредь сохранить строжайшій (для согласія) нейтралитетъ.

Въ своихъ отсрочкахъ въ отвѣтъ передъ лояльнымъ согласіемъ Фердинандъ, подобно мифологической Пенелопѣ, разрушалъ ночью то, что дѣлалъ днемъ. Онъ прибѣгалъ часто къ своей, такъ называемой политической болѣзни, которая его охватываетъ въ моменты труднаго и безвыходнаго положенія. Болгарское балканское телеграфное агентство, представляемое корреспондентомъ «Neue Freie Presse» Юсифомъ Хербсомъ и чешскимъ авантюристомъ Эмилемъ Чермакъ-Козакомъ раструбило по всему міру, что Фердинандъ опять заболѣлъ подагрой и возложилъ на царевича Бориса руководство государственными дѣлами. Дѣйствительность всего упомянутаго черпается изъ оффенбаховской оперетки подъ авторствомъ Фердинанда. Большой подагрикъ за кулисами (на станціи Филиппополь) встрѣчается съ Тарновскимъ, молодымъ Бюловымъ, Талаатъ-беємъ и Гольцемъ. Воспитанный среди мадьяръ и турокъ, онъ способенъ преклониться только передъ смертельнымъ ударомъ. Для него нужна побѣдная сила таинственной руки и ея словъ «мане, факель, фаресь».

Ошибочно было ждать отъ Фердинанда, что онъ образумится. Братъ его, Филиппъ Кобургскій, — въ австрійской арміи, сынъ Филиппа, Августъ, — командующій дивизіей; герцогъ Еле-де-Бурбонъ, владѣтель шамборскаго замка во Франціи, — офицеръ генеральнаго штаба въ австрійской арміи. Его двоюродный братъ, Альбертъ Кобургскій, командуетъ арміей въ Германіи (царствующій князь). Фонъ-Бурнонъ, графъ Тисса, Зичи и Штраусъ — его друзья и почитатели. Въ будапештскомъ банкѣ его капиталы, въ Татра-Мурнаѣ его замки и имѣнія, въ Эбенталѣ его дворець. И этого человѣка хотятъ сдѣлать славяниномъ и болгаринимъ!..

Еще въ бытность свою кандидатомъ на престоль Болгаріи, Фердинандъ пользовался весьма плохой репутаціей человѣка, мало

отвѣчающаго своему будущему высокому положенію, не имѣющаго никакихъ политическихъ идеаловъ, бывшаго самымъ обычнымъ австрійскимъ поручикомъ и кутилой. Вотъ какъ отзывался о немъ во время поисковъ князя для Болгаріи покойный докторъ Стойловъ въ письмѣ (іюль, 1887 г.) къ регенту Стамбулову:

«Дорогой Стамбуловъ. Послѣ долгихъ недоумѣній въ дѣлахъ нашей трудной миссіи мы остановились на кандидатурѣ очень извѣстнаго здѣсь своей шумной и мало добродѣтельной жизнью Фердинанда-Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, друга эрцгерцога Юганна Сальватора; отъ кандидатуры послѣдняго, по совѣту барона N., мы отказались, такъ какъ онъ состоитъ членомъ и кандидатомъ въ наследники императорской фамиліи; кромѣ того, думаю, что встрѣтимъ большія препятствія со стороны великихъ державъ, особенно наиболѣе заинтересованныхъ на Балканахъ.

«Совершенно иначе будетъ съ Фердинандомъ. Ему двадцать шесть лѣтъ, не женатъ, въ чинѣ поручика австрійской арміи, котораго,—сказать въ скобкахъ,—часто находятъ въ ночномъ отдѣленіи Ронахера, заведеніи съ отрицательной репутаціей. Впрочемъ, все это слухи, что онъ занимается непростительными удовольствіями, мало отвѣчающими его будущему положенію. Вамъ остается рѣшить, насколько онъ будетъ достойнымъ болгарскаго престола.

«Мы ѣздили къ его матери, которая живетъ въ Эбенталѣ; она имѣетъ серьезное вліяніе на него и она намъ рекомендовала князя Л., безъ разрѣшенія коего она не хочетъ пустить Фердинанда къ намъ».

Въ прошломъ Фердинанда черныя пятна обильно покрываютъ его имя. Какъ мечъ, виситъ надъ его головой и нынѣ актъ исключительной преступности.

Въ памятный всѣмъ 1877 годъ, послѣ Джуписа въ Сербіи и Батакии въ Болгаріи, когда въ Россіи и Англіи усилились протесты противъ турецкихъ звѣрствъ, чинимыхъ въ Болгаріи, Фердинандъ и его братъ Филиппъ произвели подписку на золотой мечъ Абдуль-Кериму-пашѣ. Первый подъ вліяніемъ тяжелой болѣзни (бѣлая горячка), а второй въ слѣпомъ туркофильствѣ собрали венгерскую депутацію изъ студентовъ и юнкеровъ шестнадцатилѣтняго возраста и повезли въ Царьградъ для поднесенія «меча-сабли» Кериму, увѣковѣчивъ, между прочимъ, себя у фотографа Вардаса.

Впослѣдствіи, когда Фердинандъ сталъ княземъ Болгаріи, загадочный фотографъ Вардасъ, черезъ болгарскаго коммерческаго агента въ Константинополѣ Стефанова, а позже Маркова, вернулъ фотографическій негативъ, за который и получилъ отъ Фердинанда двѣсти турецкихъ лиръ; но это не помѣшало Маркову оставить у себя дубликатъ знаменитаго снимка, за что его обвинили въ шантажѣ, и онъ удалился изъ Константинополя въ Аѳоны.

Послѣ всей переписки дворца о Марковѣ по этому дѣлу, которую велъ въ своемъ деліріумѣ Фердинандъ съ Абдуль-Гамидомъ, онъ принужденъ былъ послать своего повѣреннаго Пассарова на обыскъ своего же дипломатическаго агента. Такимъ поступкомъ оскандаленъ былъ достойный и заслуженный передъ народомъ Марковъ. Послѣ его смерти, какъ говорили, вся переписка была доставлена Фердинанду однимъ изъ родственниковъ Маркова, близкимъ ко дворцу и его цивильному листу...

II.

Обращаясь къ характеристикѣ самой личности Фердинанда, нельзя не отмѣтить слѣдующей курьезной черты его психики, которая съ достаточной яркостью обрисовываетъ степень его интеллектуальнаго развитія.

Такъ какъ большинство великихъ людей, за малымъ исключеніемъ, фаталисты, то и Фердинандъ, чтобы не отстать отъ нихъ, всѣми силами старается показать, что онъ также фаталистъ.

Онъ ненавидитъ или какъ бы боится числа тринадцатаго. Тринадцатаго числа онъ не отправится въ дорогу. Онъ не сядетъ за столъ, если всѣхъ будетъ тринадцать человѣкъ. Если ему подадутъ поѣздъ съ локомотивомъ № 13, онъ возвратится со станціи, поѣздка откладывается, а желѣзнодорожные служащіе удаиваются разныхъ «монархическихъ милостей» по телефону. Не разъ пришлось начальнику движенія Морфову, машинисту Мѣшкареву выслушивать «высочайшее благоволеніе» за подачу поѣзда съ локомотивомъ за № 13, этимъ уже и для нихъ проклятымъ числомъ, но наконецъ желѣзнодорожники разгадали загадку гнѣва «Кохарн» и стали на лучшемъ счету у Фердинанда, удостоенные истинныхъ высочайшихъ подарковъ, вродѣ позолоченныхъ томпаковыхъ часовъ.

Министръ Д. К. Поповъ сталъ «*persona gratissima*» предъ «царемъ болгаръ» по случаю открытія въ Бургасѣ гавани, каковое открытіе совершилось на тринадцатомъ году со дня вступленія Фердинанда (2-го августа 1887 г.—2-го августа 1900 г.). Сообразительный министръ такъ началъ свою рѣчь:

— Ваше величество, ровно двѣнадцать лѣтъ, одиннадцать мѣсяцевъ и тридцать дней истекло со времени вступленія вашего величества на престолъ славныхъ болгарскихъ царей.

Такимъ образомъ, число тринадцать избѣгнуто было благополучно.

— Не важенъ престолъ, а важна цифра года, мой добрый министръ,—произнесъ въ носъ Фердинандъ, но такъ, чтобы представители печати это слышали.

Дюшампень, бывший начальникомъ желѣзнодорожной станціи Руцукъ, пользовался особымъ благоволеніемъ Фердинанда за подачу

ему локомотива № 11 съ вагонами «Наполеона III и императрицы Евгеніи». Вагонъ этотъ стоилъ пятьдесятъ тысячъ франковъ; этотъ же вагонъ былъ приготовленъ въ Демотикѣ, дабы торжественно доставить Фердинанда въ Царьградъ, но, увы, вагонъ этотъ попалъ подъ Дедеагачемъ въ плѣнь, откуда греки доставили его въ Салоники и затѣмъ въ Аѳины, какъ истинный военный трофей.

Боязнъ 13-го числа доходить у главы Болгаріи до того, что онъ, хоть и рожденъ 13-го февраля, но празднуетъ день рожденія 14-го.

Ходъ событій какъ будто нарочно подтверждаетъ Фердинанду фатальное значеніе числа тринадцать. Такъ, Адрианополь палъ 13-го марта. Турки перешли границу при Хабичевѣ на 13-е іюля. Рѣшеніе третьей фатальной балканской войны принято 13-го іюня въ имѣніи Фердинанда Вранѣ въ числѣ тринадцати человекъ. Удивительно ли, что и всѣ тѣ лица, будь то министры или обыкновенные смертные, съ которыми Фердинандъ былъ близокъ, покончили фатально. Такъ, Стамбуловъ, привезшій Фердинанда изъ вѣнскаго кафе-шантана, убитъ агентами Фердинанда; Бѣльчева, преданнаго Фердинанду министра, постигла та же участь; Петковъ, фердинандовскій престолокрѣпитель и наслѣдникъ Стамбулова, такъ же окончилъ свою жизнь; Паяковъ, министръ финансовъ, умеръ въ народномъ собраніи, отравленный Геннадіевымъ; Новеличъ и флигель-адъютантъ Бойчевъ были повѣшены за убійство Анны Симонъ по приказу Фердинанда, чтобы скрыть его къ ней отношенія; эрцгерцогъ Рудольфъ, задушевный другъ Фердинанда, убитъ въ Менерлингѣ братомъ Филипомъ ударомъ серебрянаго канделябра, а съ цѣлью замаскировать убійство убита и Марія Вечера. Трупъ Рудольфа былъ обезображенъ; эрцгерцогъ Іоганъ Сальваторъ, другъ дѣтства Фердинанда, проводившій дни у княжны Виндишгрець, а ночи у Ронахера, убитъ самимъ Фердинандомъ въ Софійскомъ дворцѣ, куда онъ прибылъ инкогнито, приглашенный Стамбуловымъ въ главнокомандующіе арміи. Фердинандъ симулировалъ существованіе Сальватора фальшивыми письмами до 1913 года, когда Шенбрюномъ были добыты неоспоримыя данныя объ убійствѣ Сальватора; только тогда Фердинандъ заявилъ, что Сальваторъ скоропостижно скончался; адъютантъ Фердинанда, Марковъ сошелъ съ ума; генераль Савовъ получилъ министерскій портфель въ 1893 году, при условіи развода съ женой и женитьбы по указанію Фердинанда; Фичевъ сталъ министромъ и заплатился тяжелою цѣною: его дочь убили агенты Геннадіева; у генерала Баяджіева—убить сынъ. А сколько другихъ жертвъ!.. Синодикъ неисчислимыхъ жертвъ, павшихъ отъ руки Фердинанда, сталъ пополняться именами лицъ, любившихъ Болгарію и славыянство. Синодикъ переполнился къ нашимъ днямъ, и нынѣ въ немъ новая дата: смерть болгарской державы.

Перелистывая страницы первыхъ годовъ княженія Фердинанда, изслѣдователи наталкиваются на факты, благодаря которымъ становится вполне достовѣрнымъ его разбойное, совмѣстное и заранѣе обдуманное съ Вильгельмомъ германскимъ нападеніе на славянскую семью народностей, его презрѣніе къ славянству, къ славянскимъ идеаламъ, его непониманіе стремленій славянскаго народа, его аферы и темныя мошенничества, разоряющія государственную казну болгарскаго народа, и множество другихъ грязныхъ дѣяній.

Съ своимъ другомъ Штраусомъ (орудіемъ графа Зичи), участникомъ въ оргіяхъ легендарнаго наслѣдника австрійскаго престола Рудольфа, Фердинандъ увѣрялъ Европу и Болгарію, что онъ не только потомокъ дома Бурбоновъ и Орлеановъ, но и потомокъ Меровинговъ и Каролинговъ, Бадуэна и Жана Сень-Пьера— знаменитыхъ, но безславныхъ крестоносцевъ.

При восшествіи на престолъ въ своемъ вступительномъ словѣ Фердинандъ заявилъ болгарскому народу, что его мать, богатѣйшая княгиня Клементина, оставитъ Болгаріи милліоны для поднятія ея экономическаго благосостоянія и для богоугодныхъ цѣлей.

Милліоны для бѣдной страны!.. Такъ звучало красиво въ устахъ воспитанника іезуитской школы, расчетливаго поручика австрійской арміи. Что же оказалось въ дѣйствительности?

Пишущій эти строки, въ бытность свою въ Лондонѣ, когда уже въ нѣкоторыхъ кругахъ начинала проводиться легенда о потомкѣ Бурбоновъ и т. д., узналъ, что пресловутая княгиня Клементина, кромѣ милліона трехсотъ тысячъ шиллинговъ, вложенныхъ въ англійскій банкъ, и двухсоттысячнаго долга Лендеръ-банку, владѣетъ небольшимъ лѣсомъ во Франціи и Татра-Мурнаѣ и что, кромѣ указаннаго актива, можетъ оставить въ наслѣдство своему сыну одни воспоминанія о его младенческихъ годахъ и ушную трубку, при помощи которой она принимала поздравленія, пріятныя и непріятныя слухи о своихъ сыновьяхъ—Филиппѣ и Фердинандѣ.

Какъ наслѣдственную драгоценность—портретъ патера Паули, ушедшаго въ лучшій міръ, Фердинандъ унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ завѣщаніемъ на свое имя небольшой лѣсной участокъ земли, при условіи уплаты трехъ милліоновъ кронъ долга Лендеръ-банку, Будапештъ-банку по ипотекаѣ Мурная, не говоря объ остальныхъ долгахъ «кобургскихъ крезовъ». Адвокатъ и повѣренный брата Фердинанда, графъ Боденброкъ, коего имя болгарской прессою неразрывно связано со всѣми мошенническими предпріятіями Фердинанда, помогаль мошеннически спасать отъ продажи заложенныя и унаслѣдованныя Фердинандомъ имѣнія. Марія-Луиза бельгійская, дочь Леопольда, у коей были заложены имѣнія Кобургскихъ, доказала свою нормальность и, освободившись изъ

дома умалишенныхъ, выступила съ богатымъ меморандумомъ прямыхъ обвиненій противъ своего мужа Фердинанда и деверя Филиппа, виновниковъ ея заключенія.

Боденброкъ, по словамъ генерала С—а, то самое подставное лицо, получившее комиссіонныя за четыреста двадцать орудій, исполненныхъ французскимъ заводомъ Крезо, въ размѣрѣ восьми милліоновъ четырестотъ тысячъ франковъ. Въ экспертной комисіи по приему этихъ орудій принялъ участіе аташе болгарскаго военнаго министерства молодой артиллерійскій майоръ Павелъ Цвѣтковъ, многообѣщавшій въ будущемъ офицеръ, но, увы, убитый агентами Фердинанда. Трупъ Цвѣткова былъ обнаруженъ въ номерѣ гостиницы съ перерѣзанными артеріями. Переписка съ военнымъ министерствомъ по раскрытію этого грандіознаго мошенничества исчезла. Изъ этихъ восьми милліоновъ четырехсотъ тысячъ графъ Боденброкъ далъ С—у сто двадцать тысячъ франковъ, а заводъ Крезо преподнесъ С—у историческую табакерку и позоръ этой аферы.

На долю же самого Фердинанда достались милліоны.

Опьяненный удачей первой аферы, графъ Боденброкъ и К^о задумали осчастливить Болгарію еще одной аферой—покупкой бракованныхъ ружей, заказанныхъ Чилийской республикой. Чилийская республика, несмотря на аппетиты своихъ взяточниковъ, отказалась отъ негодныхъ самопаловъ. Ружья эти, системы Манлихера типа № 2, провалялись больше двухъ мѣсяцевъ въ трюмѣ сѣвшаго на мель парохода. Эти сорокъ восемь тысячъ ружей Манлихеръ въ 1903 году самъ предложилъ македонскому комитету по двадцать одной кронѣ за штуку, но графъ Боденброкъ ихъ продалъ болгарскому военному министерству по семьдесятъ четыре франка, получивъ разницу въ пользу своего августѣйшаго мерзавца.

Бывшій министръ финансовъ, нынѣ покойный Паяковъ, скоропостижно скончался въ зданіи народнаго собранія въ тотъ самый день, когда онъ предсталъ передъ народными представителями для дачи объясненій по дѣлу о приписываемыхъ кражахъ и аферахъ кабинету Савовъ—Петковъ.

За два дня до смерти Паяковъ обратился письменно къ Фердинанду. Въ письмѣ Паяковъ напомнилъ Фердинанду, что афера съ гербовыми бумагами и знаками была создана по личному желанію Фердинанда съ цѣлью облагодѣтельствованія двухъ фердинандовскихъ друзей изъ Будапешта, и потому Паяковъ предложилъ Фердинанду заставить кабинетъ отказаться отъ обвиненій. Обезпокоенный Фердинандъ отвѣтилъ письмомъ, коимъ умолялъ не давать объясненій народному собранію по этому пункту, но для Паякова объясненіе стало неизбѣжнымъ, ибо оно тѣсно было связано и съ другими запросами, заявленными народнымъ собраніемъ.

Адъютантъ Фердинанда явился въ собраніе съ совѣтомъ поступить по указанію августѣйшаго и вторично съ требованіемъ обратно письма; и въ обоихъ случаяхъ адъютантъ получилъ отрицательный для Фердинанда отвѣтъ.

Тогда Фердинандъ прибѣгнулъ къ своимъ тайнымъ агентамъ и обычнымъ средствамъ для достиженія цѣли. Явившіеся въ министерскій кабинетъ къ Паякову начали съ запугиванія. Въ пылу объясненій взволнованный Паяковъ попросилъ подать ему стаканъ воды. Вода, поднесенная Геннадіевымъ, оказалась роковой; она успокоила Паякова навѣки.

Геннадіевъ, интимный другъ Паякова съ Петковымъ приняли на себя обязанности душеприказчиковъ. Мертваго Паякова отвезли домой и тамъ, пользуясь растерянностью семьи, подъ разными предлогами искали злополучное для Фердинанда письмо, но ихъ поиски оказались напрасными. Письмо осталось въ надежныхъ рукахъ.

Филиппъ Красивый, какъ говоритъ исторія, былъ фальшивомонетчикомъ. Этому историческому примѣру слѣдуетъ и болгарское правительство во главѣ съ Фердинандомъ, фабрикуя въ Будапештѣ десятифранковые болгарскіе и двадцатифранковые румынскіе кредитные билеты, на кои производятся въ странѣ среди народа скупка зерна и подкупы совѣсти фердинандовскихъ приверженцевъ. Эти кредитные билеты ввозятся въ Болгарію черезъ Оршово—Виддинъ—Фердинандово, оно же Кутло, а также Виддинъ—Ломъ есть центръ организаци и главный складъ кредитныхъ билетовъ у Йордана Йойнова, депутата-геннадіевиста, знаменитаго мукомола и незамѣнимаго афериста, по національности румына. Этими кредитными билетами Геннадіевъ платилъ Анастасову и другимъ тайнымъ агентамъ по охранѣ личности своего шефа и властелина, безвременно развѣнчаннаго «претендента» на престолъ Византіи. Такими кредитками онъ наводняетъ города и обмѣниваетъ въ генеральномъ банкѣ.

Этими кредитками Фердинандъ мобилизовалъ «македонскую пѣшую фалангу», на эти кредитки Фердинандъ исчерпалъ почти весь золотой эффе́ктивъ «народнаго банка», не смѣющаго открыто заявить о появленіи новыхъ кредитокъ съ одинаковыми нумерами изъ вполнѣ понятнаго страха подорвать кредитъ за границей и окончательно подорвать довѣріе къ бумажной валютѣ.

Вотъ до какихъ преступныхъ низостей дошелъ нынѣшній глава Болгаріи, опутавшій при помощи своихъ единомышленниковъ и друзей изъ Вѣны и Берлина свой несчастный народъ. Но въ народѣ, несмотря на тяжесть и суровость правительственнаго режима, очень сильна оппозиція; это, между прочимъ, доказывается и тѣмъ, что матеріалами для нашей характеристики Фердинанда послу-

жили подлинныя печатныя и живыя болгарскіе источники, поражающіе обиліемъ и полнотою содержанія.

Обратимся теперь къ характеристикѣ Фердинанда въ его домашнемъ быту.

III.

Фердинандъ въ интимной домашней обстановкѣ по своей скупости напоминаетъ одного изъ типовъ Мольера. Онъ подсчитываетъ тарелки, стаканы, производитъ ревизію домашняго хозяйства и часто штрафуетъ чиновниковъ во дворцѣ, съ которыми не разстается, пока не доведетъ ихъ до задолженности и полного несчастья. Такъ пострадали Славчо Толчилещевъ, докторъ Ламбревъ, Чапрашковъ, генералъ Марковъ и Добровичъ, которые позже побывали въ Вѣнѣ для поправленія своихъ бюджетовъ.

Но насколько скупъ Фердинандъ со своимъ цивильнымъ листомъ, настолько и жестокъ, и расточителенъ онъ въ суммахъ денежнаго бюджета, на что, какъ онъ думаетъ, онъ имѣетъ право.

Одинъ изъ бывшихъ народныхъ вождей рассказывалъ однажды по этому поводу слѣдующее.

Умерла любимая всей Болгаріей княгиня Марія-Луиза, первая жена Фердинанда.

Наступилъ полный трауръ во дворцѣ, въ которомъ пятью днями раньше разыгралась грозная мелодрама.

Въ моментъ ярости, доходящей до границъ преступности, въ трансѣ бѣлой горячки отъ алкоголя Фердинандъ ударилъ ногой беременную княгиню; несчастная упала и въ страданіяхъ абортировала со смертельнымъ исходомъ.

Вмѣсто того, чтобы задуматься о послѣдствіяхъ совершеннаго преступленія надъ беззащитной княгиней, Фердинандъ зоветъ къ себѣ министра-президента по телефону и съ іезуитской притворностью заявляетъ въ театральномъ тонѣ о кончинѣ княгини, кстати прибавивъ:

— Нужно будетъ отпустить въ мое личное распоряженіе при личную сумму для достойныхъ и подобающихъ рангу княгини похоронъ. Какая сумма, полагаете вы, будетъ необходима для этого?

— Ваше царское высочество, пятьдесятъ тысячъ франковъ достаточны ли будутъ вамъ?—спросилъ президентъ совѣта.

— Что вы, для нищихъ или для первой болгарской княгини отпускаете эту сумму?—злбно вскричалъ у телефона болгарскій вѣнценосецъ въ этотъ траурный моментъ.—Моментъ такой, что нельзя отложить. Приходите ко мнѣ во дворецъ,—приказалъ Фердинандъ.

Президентъ отправляется во дворецъ и тамъ, въ десяти шагахъ отъ гроба покойницы, Фердинандъ начинаетъ съ нимъ упорно

торговаться. Министръ говоритъ, что совѣтъ министровъ отпустить столько, сколько будетъ необходимо.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы отпустите въ мое личное распоряженіе восемьсотъ тысячъ франковъ, и я ихъ оправдаю...

Въ слѣдующій годъ смѣтная палата потребовала документы на отпущенную сумму; изъ дворца Анковъ и Златаровъ, отъ имени князя Фердинанда, объявили директору палаты, что князь израсходовалъ отпущенную сумму «какъ слѣдуетъ»,—и на этомъ вопросъ закончился.

Такимъ же образомъ Фердинандъ поручилъ своимъ министрамъ преподнести ему фамильную картину, изображающую портретъ его матери, за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ, которые получилъ принцъ Филиппъ Кобургъ-Готскій отъ болгарской казны, какъ собственникъ этой «реликвіи».

Для встрѣчи графа Игнатьева царь Фердинандъ явился на Софійскій вокзалъ и смотрѣлъ удивленными глазами на украшенія, гирлянды и цвѣты. Долго молча недоумѣвалъ и потомъ промышчалъ: «*Quel gaspillage d'argent*» (Какое мотовство). На путешествіе же свое въ томъ году въ Венгрію князь представилъ счетъ на двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Странной маніей обладаетъ иногда душа того, кто еще въ раннемъ возрастѣ начинаетъ познавать вкусъ запрещенныхъ плодовъ. Фердинандъ одинъ изъ такихъ. Онъ любитъ тѣхъ лицъ, которыя, будучи испорченными, подобно ему, сочувствуютъ его гнуснымъ развлеченіямъ и принимаютъ въ нихъ участіе. Но даже въ дружескихъ отношеніяхъ скарденость и злоба не покидаютъ Фердинанда; онъ преслѣдовалъ тѣхъ, кто обогащался изъ-за его ночныхъ походовъ, высылалъ другихъ, предававшихъ гласности его забавы, какъ, на примѣръ, Шадурна и Валеріано.

Одинъ изъ дней рожденія Фердинанда былъ отпразднованъ по почину покойной матери его, княгини Клементины, очень оригинально. Она заказала для сына, въ видѣ сюрприза, придворнымъ дамамъ представить живую картину, въ которой должны были принять участіе выдающіяся дворцовыя красавицы. Отъ этой чести отказалась только дочь бывшаго болгарскаго дипломатическаго агента въ Царьградѣ Волковича, по мужу Винарова. Послѣдняя вскорѣ впала въ немилость у двора.

Эффектная живая картина съ большимъ порнографическимъ оттѣнкомъ сошла бы удачно, если бы не шаловливый французскій корреспондентъ Шадурнъ, ловко переславшій снимокъ въ Парижъ, гдѣ картина подверглась критикѣ о вкусахъ царя болгаръ. Дамы, какъ называли ихъ строгіе болгары, были выбраны тщательно во всѣхъ складкахъ своихъ оголенныхъ бюстовъ, по требованію программы Клементины. Опубликованіе вызвало шумъ во дворцѣ, и Фердинандъ долго гналъ «желтой» палкой своихъ адъ-

ютантовъ; больше всего пострадалъ Шадурнъ, котораго черезъ со-
вѣтъ министровъ приказано было изгнать навсегда изъ предѣ-
ловъ Болгаріи.

Свидѣтелями такихъ сценъ въ первые годы были: фонъ-Лааба,
графъ де-Бурбалонъ, графъ де-Форасъ и докторъ Грецеръ.

Славчо Топчилещевъ, одинъ изъ почтенныхъ и порядочныхъ
чиновниковъ дворца, оставшійся еще со времени Баттенберга, былъ
уволень за свою откровенность и рыцарскій характеръ. Чтобы
вовлечь и его въ свой кружокъ, князь позвалъ его однажды къ себѣ
и предложилъ ему жениться на придворной дамѣ графинѣ N.

— Ваше высочество,—отвѣчалъ покорно Славчо:—если вы дае-
те мнѣ ее въ наложницы,—это слишкомъ много для меня, ибо она была
вашей; ежели вы дае те мнѣ ее въ законныя жены,—то она слишкомъ
ничтожна для меня, такъ какъ я сынъ патріота Топчилещева.

На слѣдующій день Славчо подалъ въ отставку.

Въ своихъ оргіяхъ и дворцовыхъ похожденияхъ въ первые же
годы своего княженія Фердинандъ справедливо можетъ быть на-
званъ піонеромъ рафинированнаго разврата и любителемъ недо-
зволенныхъ удовольствій, освѣщеніемъ которыхъ въ частности за-
нимались Шадурнъ и Валеріано, нынѣшній корреспондентъ и со-
трудникъ газеты «Адеверуль».

Сотой части всего того не знали они и не сообщили, свидѣте-
лями чего были стѣны болгарскаго дворца. Графъ Форасъ, де-Бур-
балонъ также свидѣтели такихъ сценъ, предъ которыми блѣднѣютъ
разоблаченія Максимилиана Гардена; на нихъ пролить свѣтъ бро-
шурой Пфеденцила—незаконорожденнаго сына Филиппа, брата
Фердинанда.

Пфеденцилъ былъ личнымъ секретаремъ Фердинанда и одно-
временно его Ганимедомъ. Будучи свидѣтелемъ всевозможныхъ
гнусностей Фердинанда, самъ по натурѣ очень честный, онъ сильно
возненавидѣлъ Фердинанда. Въ одной изъ оргій, организованной
въ Тихой Рилѣ, Фердинандъ обидѣлъ своего любимца; послѣдній
задумалъ отомстить и вскорѣ стрѣлялъ въ Фердинанда, ранивъ
его въ лѣвую ногу. Произошло это покушеніе въ домѣ Грецера, гдѣ
Фердинанда спасъ отъ дальнѣйшихъ выстрѣловъ одинъ изъ фли-
гель-адъютантовъ. Пфеденцилъ не былъ наказанъ, какъ незакон-
ный сынъ Филиппа, а высланъ прямо въ Вѣну, гдѣ и опублико-
валъ свою брошюру, но дворцовая тайная полиція откупила ее тамъ
по тысячѣ франковъ за каждый экземпляръ.

Такой же участи подверглась и брошюра Маріи-Луизы, жены
Филиппа, въ коей она обвиняла циника-деверя, который съ кин-
жаломъ въ рукахъ «отдавался свирѣпой страсти и требовалъ отъ
нея взаимности»,—какъ говоритъ обязанная Фердинанду своимъ
паденіемъ развращенная принцесса, доведенная до объятій Кегле-
вича-Маташича.

IV.

Фердинандъ, какъ осквернитель доброй національной морали дѣвственнаго до сихъ поръ болгарскаго народа, занялъ мѣсто царя Мида. Посредствомъ Менини и іезуитовъ, которыхъ онъ помѣстилъ въ Варнѣ, Русчукѣ, Софін, Пловдивѣ, Ямболѣ и даже въ Старой Загорѣ, онъ посѣялъ духовный раздоръ въ православной церкви, господствующей въ Болгаріи, поддерживающей и до сихъ поръ крѣпость народнаго духа на протяжении многихъ вѣковъ. Менини, получавшій субсидію изъ государственныхъ суммъ, обратился къ болгарскому св. синоду съ предложеніемъ принять унію; мало того, Фердинандъ уже двадцать лѣтъ покушается наложить руки на Св.-Рыльскую обитель или взять ее себѣ подъ собственный дворець. Обманнымъ образомъ онъ присвоилъ себѣ въ монастырѣ шесть комнатъ, обманнымъ образомъ объявилъ постановленіе, что будто бы монастырь подарилъ ему мѣстность, называемую Тихая Рила, которую моментально назвалъ «Кириллова Поляна». Каково было удивленіе монастырской братіи, когда черезъ нѣсколько дней изъ Пловдива пріѣхалъ Менини съ группою своихъ монаховъ и нѣсколькими инженерами для осмотра недавно подаренной мѣстности подъ постройку на ней католическаго монастыря... Старѣйшина монаховъ, игуменъ-архимандритъ Кесарій, немедленно протестовалъ передъ синодомъ и уничтожилъ владѣнный актъ, который былъ изготовленъ Фердинанду.

Устраненный такимъ образомъ изъ монастыря, Фердинандъ отвоевалъ себѣ все-таки другую часть этой мѣстности, названную «Царская Бистрица», черезъ балканскій банкъ, акціонеромъ коего онъ состоитъ вмѣстѣ съ К. А. Вакаро¹⁾; онъ отомстил монастырю: выкупилъ концессию Балабановъ, привелъ австрійскихъ рабочихъ и теперь въ Кирилловой Полянѣ рубятъ дѣвственный лѣсъ вокругъ монастыря, вопреки заключенному договору между монастыремъ и Балабановымъ.

По поводу сего синодъ протестовалъ, братство монастыря умоляло пожалѣть лампадообразныя древа, шатропѣтныя мирты и пихты. Рѣдкіе исполины древняго рода уходятъ вмѣстѣ съ опороченной дѣвственностью поруганнаго Божьяго дома, оскверненнаго грознымъ насиліемъ и двойнымъ святотатствомъ.

— Въ погромѣ Болгаріи ясно видна воля святителя Іоанна Рыльскаго, покровителя царя Петра, призвавшаго его воздать за невозмутимую совѣсть тирана надъ безконечно долготерпѣливымъ народомъ,—сказалъ такъ недавно одинъ изъ сподвижниковъ оби-

¹⁾ Въ «Итогахъ освободительной войны» ген. Ванновскаго описывается К. А. Вакаро, державшій въ Салъ-Стефано заведеніе съ публичными дѣвницами, обиравшими русскихъ офицеровъ.

тели той, которая можетъ стать всеславянскимъ достояніемъ и гордостью.

У Фердинанда замашки деспота: онъ хочетъ овладѣть всѣмъ, что манитъ и ласкаетъ глаза: всѣ лучшія мѣстности Болгаріи побывали въ его власти и его пользованіи.

Такъ, напримѣръ, калоферская городская дума приняла его рѣшеніе и дало названіе вершинѣ Юмручадъ — «Фердинандовъ Верхъ»; ниже этой вершины имѣется дѣвственный дубовый лѣсъ, единственный у города Калофера. Фердинандъ потребовалъ выдачи ему акта о собственности на лѣсъ, завладѣлъ огородомъ и началъ разводить въ лѣсу медвѣдей, рысей, опасныхъ для скота и народа хищныхъ звѣрей. Тихіе, мирные до сихъ поръ крестьяне возмутились и стали отнимать свой лѣсъ, начали рѣзать нѣмецкую проволочную ограду, выгнали сторожей князя-хищника и вступили снова во владѣніе Богомъ данной имъ мѣстностью.

На почвѣ этой страсти забирать въ свои лапы все, что только понравится, съ Фердинандомъ произошелъ слѣдующій весьма характерный случай, получившій названіе «Бунарджикской аферы».

Древній Филиппополь—роза Эракійской долины—расположенъ на семи холмахъ, и самый живописный изъ нихъ Бунарджикъ, на которомъ и до нашихъ дней сохранились развалины дворцовъ эракійскихъ царей, наслѣдниковъ Анадокоса.

На этотъ историческій холмъ обратилъ Фердинандъ свой алчный взоръ при своемъ первомъ посѣщеніи Филиппополя. Онъ проводилъ цѣлые мѣсяцы въ Филиппполѣ съ цѣлью убѣдить филиппопольцевъ, что онъ рѣшилъ промѣнять дикую балканскую неприхвѣтливую Софію на чудный югъ.

Борьба по захвату холма Бунарджикъ—одна изъ великихъ страницъ Бурбонады. Борьба эта стоила многихъ напряженій и жертвъ. Многимъ даровитымъ городскимъ головамъ Филиппополя, какъ доктору Кесякову, обошлась эта борьба недешево; но зато живые мыслящіе элементы Филиппополя сплотились, повели открытую борьбу и успѣли выставить Фердинанда и его камарилью въ истинномъ свѣтѣ.

Фердинандъ пересталъ посѣщать Филиппополь, столицу древней Эракіи, и если въ той борьбѣ, или, вѣрнѣе, разбойномъ нападѣніи, Филиппополь одержалъ верхъ, то не таковъ Фердинандъ, чтобы признать себя побѣжденнымъ: онъ обратилъ свой царственный взоръ на близъ расположенный лѣсъ между селами Кричимъ и Куртово-Каноре. Лѣсъ этотъ долженъ былъ послужить для Фердинанда компенсаціей за позорное пораженіе подъ Бунарджикомъ. Нашелся и предатель—адвокатъ Такіевъ, авторъ процесса по изъятію изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ личную пользу Фердинанда означеннаго лѣса. Итакъ, Фердинандъ получилъ лѣсъ, а Такіевъ—портфель министра.

V.

Одна изъ неизлечимыхъ маній Фердинанда это желаніе выставить себя цивилизаторомъ Болгаріи—страны полного невѣжества. Черезъ Штиглера, Штрауса и другихъ многихъ корреспондентовъ «Paris Centre» и «La Croix», поддерживаемыхъ бывшей графиней де-Грено, онъ, между прочимъ, указывалъ, что его народъ (?) до того еще {невѣжественъ, что не имѣетъ понятія о чулкахъ, о ѣдѣ вилкой, и что его министры съ завистью поглядываютъ на его серебряный сервизъ, между тѣмъ какъ вся посуда Фердинанда при его вступленіи въ Болгарію была не больше посуды принца де-Валуа...

На границу Болгаріи въ Виддинъ Фердинандъ прибылъ съ багажомъ, заключавшимся въ трехъ истрепанныхъ чемоданахъ. Серебряный сервизъ, о которомъ Фердинандъ говоритъ, что его министры поглядываютъ на него съ завистью,—плоды своеобразнаго мародерства во время Шипкинскихъ торжествъ, праздника памяти великихъ историческихъ событій освобожденія Болгаріи. На дни этихъ торжествъ между Морицемъ Ратомъ (фаворитъ-рестораторъ Фердинанда) и группой казанлыкскихъ рестораторовъ шло ожесточенное соревнованіе по взятію устройства стола. Въ качествѣ арбитра, явился Фердинандъ съ приказомъ министерскому совѣту отдать предпочтеніе Рату по баснословной цѣнѣ сто пятьдесятъ франковъ съ конверта, съ выдачей Рату заимообразно изъ средствъ государственнаго банка ста двадцати тысячъ франковъ на покупку серебряной посуды и приборовъ. Торжество закончилось. Фердинандъ призываетъ министра-президента и обращается къ нему, ожидавшему благодарностей, со слѣдующей вступительной лекціей:

— Впервые Болгарія удостаивается высокой чести благодаря мнѣ. Вы, конечно, знаете, что на дни торжества я послалъ на Шипку какъ моихъ собственныхъ поваровъ, такъ и все свое фамиліное серебро и фарфоръ. Теперь такъ перемѣшали всю посуду, что не только трудно распределить ее по принадлежности, но и подобная сортировка породитъ споръ между моей прислугой и разными неблаговоспитанными инспекторами и контролерами народнаго банка. Я увѣренъ, что эта казенная посуда будетъ расхищена и при послѣдующихъ торжествахъ народному банку снова придется покупать посуду. Полагаю, г. министръ, что вашъ князь заслуживаетъ довѣрія хранить эту посуду въ болгарскомъ народномъ дворцѣ...

Посуда была прибрана и попала на вѣчное храненіе къ Фердинанду, тѣмъ болѣе, что заказанная нарочно въ стилѣ Людовика XIV, вполне импонировала общему укладу дворца Фердинанда.

А что же народный банкъ, музей въ Плевнѣ—хранитель историческихъ реликвій и государственныхъ цѣнностей? Они остались съ инвентарными описями на память Шипкинскихъ торжествъ.

Сознаніе права собственности у Фердинанда такъ сильно развито, что обращается въ простую фикцію, если эта собственность чужая и приглядѣлась ему. Онъ неисчерпаемъ въ своихъ желаніяхъ и беспощаденъ въ своихъ приемахъ для достиженія цѣли.

Въ 1896 году Фердинандъ посѣтилъ гор. Ямболъ, какъ и въ прежніе годы время Стамбулова, когда онъ любилъ проводить время на охотѣ за фазанами. Городской совѣтъ былъ серьезно озабоченъ прінсканіемъ подходящаго для такой особы помѣщенія, зная хорошо, что Фердинандъ ненавидитъ болгаръ, что и старается подчеркнуть при каждомъ удобномъ случаѣ. Его выраженія, что его подданные «каналы», а жилища ихъ свинарни, и что онъ предпочитаетъ остановиться въ домѣ турка или грека,—были въ памяти гг. членовъ городского совѣта. Наконецъ нашлось помѣщеніе. Это былъ домъ виднаго и богатаго турка Шерифъ-бея. Для вѣщеносца Болгаринъ была отведена спальня, убранная съ восточной роскошью. Утромъ, когда властелинъ проснулся, по турецкому обычаю, послѣдили къ нему въ спальню съ серебрянымъ тазомъ и золотымъ кувшиномъ для умыванія. Затѣмъ послѣдовали неизбѣжный кофе и шербетъ при подобострастныхъ поклонахъ хозяина и впросѣ, какъ извозилъ почивать его величество.

— Я очарованъ обстановкой и былъ бы счастливъ, если бы имѣлъ возможность видѣть у себя въ Софіи такую спальню съ такой восточной обстановкой; особенно одѣяло—одинъ восторгъ,—отвѣтилъ Фердинандъ.

Но хозяинъ, зная слабости Фердинанда, притворился, что не понялъ его намековъ. Городской же голова не догадался купить у Шерифъ-бея одѣяло и преподнести Фердинанду на память о посѣщеніи Ямбола.

Есть,—говоритъ болгарская пословица,—для всякаго дѣла особенное орудіе: ложка для варенья, лопата для меда и лопата для нечистотъ; такъ и для всякаго нечистаго дѣла у Фердинанда имѣются свои орудія.

Таковъ, на примѣръ, Петръ Шоповъ, обворовавшій айтоскую земледѣльческую кассу и избѣгнувшій тюрьмы, благодаря заступничеству Геннадіева; во время балканской войны П. Шоповъ былъ назначенъ градоначальникомъ Софіи.

11-го октября, какъ только получила телеграмма о паденіи Лозенграда, Фердинандъ немедленно командировалъ съ надлежащими инструкціями Шопова въ новопріобрѣтенный городъ. Въ Лозенградѣ Шоповъ заодно съ капитаномъ Янакіевымъ принялись за грабежи. Они ограбили дома Рауфъ-бея, Ахмедъ-бея и

Мухтара-паши. Его агенты подъ командой Шопова и его alter ego Панаюта Карагозова (дезертира) принялись за опись всёхъ золотыхъ и серебряныхъ въ домахъ вещей, не исключая и дорогой мебели. Все описанное свозилось въ одинъ домъ на улицу Святого Спиридона, а ночью тайкомъ вывозилось въ дворцовыхъ каретахъ и биндюгахъ въ сопровожденіи лейбъ-гвардіи для слѣдованія во дворець Фердинанда въ Софій. Не только турки были ограблены, но и всё другіе, у кого только нашлось что грабить.

Два раза за время оккупации Лозенграда появлялись автомобили княгини Елеоноры и фрейлины ея, жены Рачо Петрова, по имени Султаны. Появленіе этихъ автомобилей наводило на населеніе панику, такъ какъ комендантъ города генераль С. Петровъ (братъ Рачо Петрова) съ появленіемъ ихъ немедленно собиралъ комиссію, на которую возлагалось собрать для удобства достойной супруги вѣщеносца Болгаринъ кровати, одѣяла, лампы, зеркала и серебряные сервизы и все, что только цѣнно,— и все это не возвращалось владѣльцамъ.

Характерно слѣдующее: въ одну изъ этихъ экспроприаций Елеоноры и Султаны комиссія потребовала у одной еврейки серебряный кувшинъ и тазъ для надобностей этихъ особъ.

— Для кого вы просите кувшинъ и тазъ?—спросила еврейка.

— Для Султаны,—былъ отвѣтъ.

— Но вѣдь султанъ давно удралъ.

— Нѣтъ, это не падишахъ, а имя придворной дамы «Султана».

Успокоенная еврейка разсталась съ тазомъ и рукомыльникомъ, чтобы никогда ихъ не видѣть, какъ и самой Султаны. Злополучный кувшинъ и тазъ въ числѣ другихъ сувенировъ войны давно перекочевали въ Пусто-Поле, имѣніе Фердинанда.

Шоповъ съ агентами августѣйшихъ мародершъ за чрезвычайныя услуги были уволены на покой за окончаніемъ мародерской кампаніи.

На вопросъ одного изъ французскихъ гостей въ Филиппополѣ: зачѣмъ онъ поддерживаетъ сношенія съ разными скомпрометированными личностями?—Фердинандъ отвѣтилъ языкомъ Макіавелли:

— Разбойниковъ ловятъ и расправляются съ ними такими же разбойниками.

Въ сущности же тенденція Фердинанда не ловить и расправляться съ разбойниками, а управлять ими въ грабежахъ. Такъ, онъ при посредствѣ майора своего конвоя К. ограбилъ знаменитую бібліотеку «Султанъ-Селима», книги корана «Ени-Иморетъ» или «Баязетъ-Джамиси» съ придачей старинныхъ ковровъ, котормъ нѣтъ цѣны.

Не взирая на общественное мнѣніе и слухи о немъ, Фердинандъ и тотъ же Шоповъ, глава экспедиціи по реквизиціи и маро-

дерству вещей въ пользу своей августѣйшей повелительницы, ограбили и имѣнія Михлютъ-бея угнавъ 5.300 овецъ и 380 штукъ крупнаго скота и присвоивъ себѣ все цѣнное, не исключая мебели.

VI.

Но это не все. Врядъ ли одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ бандитовъ всѣхъ временъ и народовъ доходилъ до такой виртуозной изобрѣтательности по части грабежа, какъ Фердинандъ.

Онъ разрѣшилъ македонцамъ во вновь завоеванныхъ селлахъ податное обложеніе по ихъ усмотрѣнію, отдавъ одновременно приказъ командирующему арміею въ тылу обыскивать всѣхъ и конфискованныя деньги отсылать ему. Такимъ способомъ былъ ограбленъ комитаджи Степанъ Николовъ на сумму 48.000 лиръ. Когда ограбленный въ полномъ вооруженіи предсталъ передъ Фердинандомъ въ Лозенградѣ искать права, то въ результатѣ всѣхъ переговоровъ Николову дали десять луидоровъ на путевые расходы до Сереса, съ пожеланіемъ новыхъ подвиговъ и удачъ.

Агенты Фердинанда при посредничествѣ извѣстнаго авантюриста Начева въ періодъ балканской войны задумали чрезъ такихъ же негодяевъ грековъ братьевъ Балтасовъ и Боруха Ципрова въ Лозенградѣ присвоить склады военной провизіи, реквизированные до войны. Склады эти находились въ Люле-Бургасѣ, Баба-Ески и Кулели-Бургасѣ. Въ складахъ этихъ хранилось 280.000 гектолитровъ пшеницы, столько же мѣшковъ муки, 60.000 боченковъ сыра, 39.000 боченковъ мясныхъ консервовъ и 16.000 мѣшковъ риса и сахара и прочее.

Афера эта была задумана слѣдующимъ образомъ. Будапештскій банкъ командировалъ въ Лозенградъ въ качествѣ своего ликвидатора по счетамъ съ салоницкимъ банкомъ еврея Суемери, который прибылъ въ Лозенградъ въ сопровожденіи двухъ евреекъ, — одна подъ видомъ врача, а другая — военной дамы, присвоившей титулъ графини де-Бреда. Суемери съ мѣста въ карьеръ телеграфируетъ въ Будапештъ и шлетъ письма, кстати попавшія въ цензуру и затѣмъ читанныя публично. Изъ этой переписки было установлено, что Будапештскій банкъ долженъ былъ заявить претензію на братьевъ Балтасовъ и что ими на деньги банка были закуплены реквизированные продукты, находящіеся въ складахъ. Горячее участіе въ аферѣ принималъ секретарь Фердинанда, но генералъ Диковъ складался непреклоннымъ. Результатомъ этой аферы явились склады Фердинанда въ Budapest-banc, филиалы которыхъ были открыты въ Софії подъ названіемъ «Болгарскій генеральный банкъ» (бывшій торговый банкъ) съ основнымъ капиталомъ въ семьдесятъ пять тысячъ франковъ и балканскій банкъ съ вкладомъ Фердинанда до пятисотъ тысячъ франковъ, К. А. Вакаро

восемьсотъ тысячъ и извѣстнаго афериста Фанта, бывшаго директора желѣзнодорожной компаніи «Оріентъ» съ 500.000 франковъ, полученныхъ съ Болгаріи комиссіонныхъ за отданную ей упомянутую желѣзную дорогу. Въ сущности было установлено, что реквизированные продукты были куплены и доставлены турецкими военными властями и что Балтасъ ничего общаго съ этимъ не имѣлъ, а самъ былъ незначительнымъ бакалейнымъ торговцемъ. Что же касается еврея Ципрова, то его кредитоспособность выражалась на сумму двухъ тысячъ грошей отрубями, продажей которыхъ существовалъ до начала войны.

При паденіи Адрианополя тотъ же Суемери черезъ тѣхъ же торговцевъ потребовалъ заполучить сорокъ тысячъ боченковъ сыру, собраннаго турецкими военными властями въ городскихъ холодильникахъ. Суемери почти уже торжествовалъ, побѣда клонилась на его сторону, и власти почти готовы были удовлетворить его «справедливыя» требованія, но, когда боченки съ сыромъ были перевезены на станцію желѣзной дороги Адрианополь для сдачи уже болгарскому интендантству, случилось нѣчто совсѣмъ нежелательное: при вскрытіи боченковъ оказался вмѣсто знаменитаго еракійскаго сыра крѣпкій рассоль съ плавающими огурцами. Вполнѣ понятно, что комиссія по приему сыра не могла принять на себя роль огуречной комиссіи.

9-го іюля 1913 года турки вновь заняли Адрианополь и при занятіи желѣзнодорожной станціи имъ опять достался сыръ въ боченкахъ и огурцы, собранные ими же когда-то для своей арміи.

По словамъ завѣдывавшего этими складами, невольнаго чиновника не удавагоса грабежа и аферы фердинандовской банды, «потеряли ли мы, или не потеряли это вопросъ, но потеряли Ципровъ, Суемери и Фердинандъ. Они не воспользовались этими продуктами—плодами шестимѣсячнаго замерзанія болгарской арміи въ окопахъ и по разнымъ волчьимъ ямамъ около Доуджа-Росъ. Но что дѣлать! На городскихъ холодильникахъ находилась масса боченковъ съ огурцами, свезенныхъ горожанами для сохраненія, къ тому же въ тѣхъ же холодильникахъ у Шукри-паши было масса рассола, реквизированнаго у населенія для нуждъ арміи за отсутствіемъ соли, и болгарской военной комиссіи, долженствующей принять у фердинандовской банды сыръ, было указано на боченки съ огурцами, а потому все опять досталось ихъ собственникамъ, арміи Шукри-паши, и великая афера не удалась».

Характерный случай имѣлъ мѣсто съ Фердинандомъ, по сообщенію одного высокопоставленнаго чиновника во дворцѣ. Во время балкано-турецкой войны, когда болгарскіе солдаты замерзали въ окопахъ, занесенныхъ снѣгомъ, отцы забывали о своихъ очагахъ, грустя о гибнущихъ дѣтяхъ, тогда Фердинандъ, шифрованной телеграммой за № 261, отправленной Бобчеву, посланнику

«истор. вѣстн.», май 1916 г., т. сxxiv,

10

того времени въ Петроградѣ, въ выраженіяхъ, свойственныхъ мадьярскому магнату, приказалъ ему: «Идите и скажите на Пѣвческомъ мосту (Сазонову), чтобы при распредѣленіи территорій, отвоеванныхъ союзниками, оставили о. Самоѳракію во владѣніе мое и моего дома. Фердинандъ».

На Болгарію напали со всѣхъ сторонъ, она находилась на порогѣ катастрофы. Военный министръ, генераль Вазовъ, сообщилъ во дворцѣ Фердинанду, что на Сѣверную Болгарію наступаютъ, плѣбятъ и безчестятъ (Мизію) румыны, а съ юга надвигаются турки. Князь Фердинандъ, въ обычномъ припадкѣ бѣлой горячки, не задумываясь о судьбѣ Болгаріи, обратился къ Вазову со словами:

— Да, да, извѣстно ли вамъ, что влахи (румыны) вырубилъ двадцать штукъ деревьевъ въ саду моего варненскаго дворца и что хотятъ опустошить и затопить Евксиноградъ.

— А извѣстно ли вашему величеству, что въ данный моментъ вся Болгарія думаетъ не о деревьяхъ, а о своей поруганной чести и потоптанномъ отечествѣ; извѣстно ли вашему величеству, что держава гибнетъ?—спросилъ Вазовъ.

Въ отвѣтъ на это «царь болгаръ», не прощаясь, ушелъ въ зеленый залъ, доказавъ тѣмъ, что честь и судьба Болгаріи мало его интересуютъ.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, которые ярко характеризуютъ алчность и преступную жадность Фердинанда, которому совершенно чужды и безразличны интересы управляемаго имъ народа, который пришелъ княжить буквально нищимъ австрійскимъ поручикомъ, а нынѣ располагаетъ пятьюдесятью милліонами франковъ.

Фердинандъ при помощи Таксла ¹⁾, бывшаго директора пловдинскаго музея, собралъ нумизматическую коллекцію изъ рѣдкихъ цѣнныхъ монетъ, посылавшихся разными лицами на изслѣдованіе въ музей.

Божилъ Райновъ, либераль, бывшій окружный начальникъ Костендилскаго округа, рассказывалъ слѣдующее:

«Въ бытность мою окружнымъ управителемъ, пришелъ ко мнѣ одинъ селякъ и сказалъ: «Господинъ управитель, я имѣю шесть золотыхъ монетъ; онѣ золотыя, тяжелыя, плоскія, не гнутыя (не константины); двѣ изъ нихъ «эносъ»—продолговатыя; двѣ римскія и двѣ греческія.

«Я позвалъ директора гимназіи, охранявшаго маленькій городской музей; онъ изслѣдовалъ ихъ, снялъ восковой отпечатокъ, упаковалъ и отправилъ въ Софію, въ дворцовую канцелярію. Крестьянинъ выразилъ согласіе продать ихъ по стоимости князю.

¹⁾ Таксла былъ судимъ и лишенъ всѣхъ гражданскихъ и политическихъ правъ,

Долго пришлось ждать отвѣта; наконецъ, черезъ пять мѣсяцевъ пришелъ снова селякъ и потребовалъ обратно свои монеты или уплату ихъ стоимости. Я запросилъ канцелярію въ третій разъ и тогда лишь получилъ отвѣтъ, что монеты высланы обратно. Но каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что во дворцѣ съ монетами крестьянина произвели грязное мошенничество. Намъ послали обратно пять штукъ «константинокъ», стоимость коихъ была не болѣе восемнадцати франковъ за каждую, между тѣмъ какъ стоимость настоящихъ монетъ крестьянина оцѣнивалась пунизматами въ двѣ-три тысячи франковъ.

«Филиппъ Красивый,—говорилъ Райновъ,—дѣйствительно фабриковалъ монеты въ своемъ дворцѣ, онъ былъ фальшивоманетчиномъ, но онъ никогда не позволилъ бы отнять у бѣднаго кусокъ хлѣба».

Во время послѣдней балкано-турецкой войны Фердинандъ особенно рельефно выказалъ всю свою врожденную жадность къ золоту и чужому добру. Онъ послалъ своего секретаря со специальнымъ экипажемъ лейбъ-гвардейскаго эскадрона за Мурадъ-беемъ изъ города Айтоса, чтобы Мурадъ уговорилъ турокъ въ Киркъ-Киллисе подарить князю баню съ двумястами магазинами. Благодаря губернатору, генералу Вазову и финансовому инспектору Гаджову, князю не удалось осуществить эту операцію.

Любознательные туристы и словоохотливые адъютанты сообщили Фердинанду, что въ Странджѣ, при селеніи Деревкой, есть дѣвственный лѣсъ, гдѣ водится много сернь, фазановъ и дикихъ свиней. На автомобилѣ по гладкой шоссеиной дорогѣ царь болгаръ пріѣхалъ сюда и вырѣзалъ на большомъ, старинномъ дубѣ свои мысли. А послѣ того, какъ говорятъ болгары было оказано давленіе на крестьянъ для полученія царемъ болгаръ, лѣса того въ собственность.

VII.

Въ первый торжественный официальный вѣздъ князя Фердинанда въ Адрианополь 22-го апрѣля онъ прежде всего посѣтилъ греческій кафедральный соборъ въ то время, какъ болгары во главѣ съ городскимъ головою тщетно ожидали его въ своемъ соборѣ...

Затѣмъ онъ прошелъ въ городскую думу. Увидя новый, роскошный домъ около мечети султана Селима, Фердинандъ, по примѣру римскихъ кесарей, пожелалъ получить его въ подарокъ. Не имѣющій на это законныхъ полномочій городской голова С. Шанговъ удержался отъ выраженія согласія. За такую смѣлость адъютантъ царя генералъ Марковъ передалъ приказаніе генералу Вазову, назначившему Шангова, уволить непо-

корнаго. Новозбранный голова телеграфно поспѣшилъ поднести въ подарокъ домъ подъ дворець Фердинанду, но... судьба судила иначе: является Энверъ-бей во главѣ своихъ курдовъ и на приготовленный подарокъ-дворецъ ставить турецкій флагъ. Зато большая часть лозенградской посуды и ковровъ изъ мечети султана Селима вывезена была одновременно Фердинандомъ во дворець Мурнай въ Пустое-Поле.

Фердинандъ заглядывался и на историческую икону апостола Луки, всю выработанную золотой мозаикой, въ которой видно ассирійское искусство, но этотъ драгоценный памятникъ старины былъ переданъ въ одинъ изъ болгарскихъ музеевъ стараніями профессора и журналиста Власакова.

Ничтожество Фердинанда, какъ политическаго и государственнаго дѣятеля, его малодушіе и растерянность при несчастіи, его полное неумѣіе осмыслить политическій моментъ,—все это приводило часто къ такимъ инцидентамъ, которые дискредитировали не только Фердинанда, но и самое болгарское государство и его представителей за границей.

Если и было что-либо карикатурное въ дѣятельности болгарской дипломатіи, то это положеніе болгарскаго посла въ Петроградѣ Бобчева передъ люле-бургасской побѣдой, которой Фердинандъ не ждалъ. Онъ не вѣрилъ въ силы болгарскаго народа, сильно трусилъ и спѣшилъ обезпечить себя на всякій случай въ Берлинѣ и Петербургѣ. 12-го октября онъ принялъ пессимистическій рапортъ начальника генеральнаго штаба, генерала Фичева. «Болгарскій царь» шифрованно сообщилъ своимъ посланникамъ въ Петербургѣ и Берлинѣ приказъ подготовить почву для интервенціи великихъ державъ въ болгаро-турецкую войну, отъ коей, по преждевременному умозаключенію Фердинанда, успѣха онъ не ждалъ, такъ какъ турецкій карджалійскій корпусъ съ Яверъ-пашой обходилъ успѣшно правое крыло трехъ южныхъ болгарскихъ армій и заходилъ на Хасково-Пловдивъ. Перспектива по-пасть, въ тылу своей арміи, въ турецкій плѣнъ, конечно, мало улыбалась и сильно тревожила воспитанника австрійской военной школы.

Передъ чужими соображеніями въ военныхъ наукахъ князь кружился куклой и около генерала Савова, разставлявшаго фигуры на большомъ фонѣ карты, и у телефона для командованія, и у телеграфа, и при громкихъ словахъ Радко Дмитріева съ поля сраженія у Колиби, у Бунаръ-Хисара, гдѣ рѣшалась судьба Болгаріи, ея «быть или не быть».

Всѣ эти впечатлѣнія очень тяжелы для посредственнаго мозга, и не удивительно, что они обезличили Фердинанда.

Положеніе тогда было дѣйствительно отчаянное... Если бы еще немного опоздала первая армія генерала Кутинчева, то разбитые турецкіе корпуса у Лозенграда, подкрѣпленные свѣжими силами, могли бы прорвать болгарскій центръ, оставшійся безъ резерва.

17-го октября, въ одиннадцать часовъ вечера получилаcя знаменательная телеграмма отъ Радко-Дмитріева: «Положеніе спасено, непріятель разбитъ и преслѣдуется нашей арміей, которая вошла въ полную связь».

«Съ полученіемъ этого извѣстія,—говоритъ Савовъ,—Фердинандъ сталъ похожъ на сконфуженнаго ребенка: онъ моментально развеселился, отбросилъ свою фуражку и началъ танцовать и паяничать по комнатѣ, угощалъ сигарами, шампанскимъ, ликовалъ съ арміей и героями болгарскаго народа».

Но что дѣлалъ въ это время въ Петроградѣ Бобчевъ, основывавшійся на злосчастной шифрованной телеграммѣ, до 18-го октября. Онъ хлопоталъ черезъ англійскаго посла Бьюкенена объ интервенціи... Побѣдительница Болгарія, устами Бобчева, просила вмѣшательства и пріостановленія военныхъ дѣйствій... Какой позоръ и безразсудство! Это было дивное примѣчаніе къ десятому члену болгарской конституціи, созданной по вкусу «великаго дипломата». Сэръ Бьюкененъ просилъ Бобчева сообщить россійскому министерству иностранныхъ дѣлъ, а отсюда петроградская пресса—информированная—распубликовала тревогу Фердинанда.

Неудачный жестъ малодушнаго Фердинанда былъ забытъ; побѣда Болгаріи надъ вѣковымъ врагомъ все-таки покрыта была искренней радостью Франціи, Россіи и Англій; Берлинъ же и Вѣна ликовали по поводу интервенціи, какъ признака дорого стоящихъ побѣдъ.

.....

..... Чтобы не навлечь на себя подозрѣній, какъ виновника братоубійственной войны, Фердинандъ, при помощи Радославова, разыгралъ парламентскую мелодраму ¹⁾.

Нѣтъ иного мнѣнія у болгарскаго народа объ ужасной катастрофѣ, какъ о пакости, внесенной Фердинандомъ въ страницу славянства.

Глава народной партіи (народниковъ) Иванъ Евстратьевичъ Гешевъ въ своей книгѣ рельефно обрисовалъ виновника всего происходившаго. Въ знаменитомъ общемъ совѣтѣ генералитета съ кабинетомъ министровъ обсужденъ былъ отказъ Сербіи отъ выполненія договора; помощники главнокомандующаго были противъ войны; по совѣту его же Даневъ долженъ былъ ѣхать въ Петроградъ на

¹⁾ По поводу катастрофы произведена была анкета,

юбилейныя празднества. Закулисная дѣятельность дворцовой полиціи сказалась сейчасъ же. Даневъ получилъ извѣщеніе отъ македонцевъ, что его голова будетъ валяться на вокзалѣ при отъѣздѣ въ Россію; Савовъ получилъ черезъ Киселева отъ Георгія Фичева, предводителя дворцоваго національнаго союза, предупреденіе, что домъ Савова будетъ разрушенъ динамитомъ.

13-го іюня австрійскій дипломатическій курсъ въ Софіи обнаглѣлъ до высшей степени. Савовъ былъ вызванъ во дворецъ во Вранѣ, гдѣ собрались Стояновичъ, Аджелето, бѣлградскій агентъ Тощевъ, римскій агентъ Ризовъ, журналистъ Сем. Радевъ, докторъ Никола Геннадіевъ и Фердинандъ, заставившій Савова присоединиться къ нимъ. Савовъ потребовалъ письменнаго приказанія. Фердинандъ изготовилъ ему приказаніе 14-го іюня, которое было подписано генераломъ Нерезовымъ 15-го іюня и направлено командирамъ шести армій для наступленія.

Такимъ образомъ, македонскіе патріоты были удовлетворены Фердинандомъ и его другомъ Тарновскимъ.

Но выступленіе Румыніи не помѣшало Фердинанду отправить тогда же, 23-го іюня, телеграмму Бобчеву, изложенную въ «Фигаро»: «J'ai destitué le coupable de la guerre fratricide le generalissimus Savoff, et j'ai ordonné à mes armées de reculer sur toute la ligne de la frontière serbo-bulgare».

Онъ приказалъ отступить. Но тутъ же приказалъ и наступать...

Кто позвалъ болгарскую армію изъ Чаталджи, продержавъ ее шесть мѣсяцевъ для отступленія весной; кто открылъ путь для Алариховскаго похода Энверъ-бея и Хуршида-паши ордъ, кто?...

Фердинандъ молчитъ, но зато исторія говоритъ и указываетъ виновника. Недвусмысленный австрійскій явный агентъ—вотъ виновникъ печальной братоубійственной войны, отнявшій у Болгаріи славу и у Европы миръ.

Прошелъ годъ—и опять тотъ же самый маневръ. Фердинандъ вмѣшивается въ европейскую войну на пользу Германіи и союзной съ нею Турціи. Миссія князя Трубецкаго достигала уже желаемаго успѣха: Болгарія и Сербія сблизились, чтобы подать другъ другу руку и забыть прошлое, но...

Францъ-Іосифъ вернулъ Фердинанда изъ Эбенталя, куда онъ ѣздилъ въ 1913 году чтобы заявить объ отреченіи отъ престола. Тогда его снабдили и людьми, и деньгами. Послали ему фонъ-Маха, молодого Бюлова, Тарновскаго. Положеніе снова устроилось. Австрія отправила въ Румынію и Болгарію адскія машины, бомбы, сыгравшія въ руку германцамъ. Фердинандъ пошелъ послѣдней навстрѣчу и пробовалъ черезъ посредство тайной полиціи Стоилова организовать покушеніе на министровъ. Это покушеніе было разоблачено газетой «Міръ», и исполнители уличены, но тайная полиція не унимается.

Къ годовому балу въ городскомъ казино члены тайной полиціи организовали новое покушеніе на невинныхъ людей съ двойной цѣлью: арестовать видныхъ руссофиловъ и обвинить ихъ въ конспираціи и инспираціи, а также возбудить общественное мнѣніе и объявить себя спасителями порядка.

VIII.

Этотъ характеръ дѣятельности Фердинанда, эти его политическіе вкусы, идеи и вліянія становятся болѣе или менѣе понятны, когда начинаешь разбирать его политическую концепцію, знакомиться съ его дипломатіею, узнаешь тѣ вліянія, подъ которыми онъ находился въ молодости и которыя оставили на всей послѣдующей его дѣятельности неизгладимый слѣдъ.

До смерти матери, княгини Клементины, Фердинандъ былъ не больше, какъ жалкая маріонетка въ ея рукахъ; рѣшеніемъ коронаго совѣта семейнаго въ Кобургѣ и Стамбулова въ Софіи онъ держался всегда въ температурѣ болгарскаго державнаго мотора. Трансформаторомъ держался онъ и у фонъ-Бурьяно, и сэра Эллиота, и у Тарновскаго, и у всѣхъ видныхъ дипломатовъ своего времени.

Послѣ же смерти матери, Фердинандъ, лишась вліянія графа де-Бурбалона и Мааба, очутился во власти второстепенныхъ и третьестепенныхъ лицъ, вродѣ Тодора Иванчева, Папа-Грекова, министра Ивана Шишманова, Ламбрева, Добровича. По силѣ политическаго кредо ближайшихъ своихъ совѣтниковъ обоого пола, онъ направлялъ державный корабль, устраивалъ державные «*сюр де théâtre*», объединялъ и разстраивалъ, путешествовалъ въ Стамбуль (дѣла Тодора Иванчева и Рачо Петрова), измѣнялъ конституцію и проч.

Возвращаясь изъ Вѣны, Фердинандъ призвалъ Малинова, и черезъ его кабинетъ Вѣна компенсировала Болгарію, отобравъ Боснію и Герцеговину у Сербіи.

Въ интимномъ кружкѣ Малиновъ исповѣдывался, заявивъ, что «князь» везъ на пароходѣ Крума изъ Австріи въ Оршово—Русукуъ новый титулъ «царскій» и, какъ сюрпризъ, объявилъ ему первому объ этомъ.

Разновременно, черезъ журнальные круги и готовыхъ къ его услугамъ Штрауса, Ал. Хеппа, Хербоа, Е. Милана, Козака (корреспондента «*Vossische Zeitung*», «*Paris Centre*», «*La Croix*»), Станчева и обвиняемаго «драндара» Фердинандъ усвоилъ за собою кличку колоссальнаго міроваго дипломата. Въ парижскомъ органѣ «*Je Sais Tout*» была выпущена статья, при благосклонномъ участіи агента и резидента-министра въ Парижѣ, съ перечнемъ біографическихкихъ данныхъ Фердинанда и ему свойственныхъ резюмэ, что

«царь болгаръ»—есть альфа и омега во всѣхъ событіяхъ, происходящихъ на Балканахъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ.

Чтобы затемнить славу Стамбулова, однимъ министромъ изъ народной партіи было сочинено письмо, какъ бы за подписью Стамбулова, къ нѣкому Теохарову, въ коемъ Стамбуловъ—диктаторъ Болгаріи—требовалъ отъ императорскаго російскаго правительства триста тысячъ рублей за изгнаніе Фердинанда. Это письмо было опубликовано въ газетѣ «Рѣчь» и произвело впечатлѣніе на новаго шефа стамбуловцевъ доктора Геннадіева. Послѣдній рисковалъ быть съѣденнымъ двумя волками: державнымъ судомъ и своей собственной партіей, съ большимъ недовольствомъ относившейся къ интригамъ преступнаго кружка.

Есть пороки, обладая которыми Фердинандъ, какъ это ни странно, не можетъ принизить Болгарію. Любитель мерзкихъ развлеченій, онъ выработалъ въ себѣ жестокій нравъ, который и донынѣ остается въ немъ подъ вліяніемъ безконечныхъ фаворитокъ и грязныхъ враговъ Болгаріи.

Союзническую войну, не изучивъ деталей и нуждъ, онъ началъ авантюристически, манифестировалъ и преждевременно возлагалъ на себя лавровый вѣнокъ, какъ завершитель дѣла великаго крестоваго похода, съ тою лишь разницею, что послѣдній крестоносецъ держалъ свою «*coeur de lion*» въ ста верстахъ отъ боевой линіи, въ Старой Загорѣ, чтобы не видѣть тысячи солдатъ, умирающихъ отъ недостатка санитарныхъ и медицинскихъ средствъ.

Дворцовые чины въ этой тыловой галиматѣ старались оправдать «великаго крестоносца» и его «милосердную сестру» въ томъ что, когда они занимались дипломатической подготовкой къ войнѣ естественно... не имѣли времени подготовить санитарь.

Близкій ко двору докторъ Кирановъ былъ поставленъ во главѣ санитарнаго, и царица Элеонора съ кавалерственными дамами руководила курсами милосердныхъ сестеръ. Спасибо европейскимъ санитарнымъ миссіямъ, что онѣ выручили своевременно изъ большой бѣды болгарское воинство.

За всѣ эти политическія концепціи и уродства, къ коимъ приведенъ народъ, послѣдній не устаиваетъ своего повелителя сравненіемъ даже съ любимымъ балканскимъ пастухомъ.

Мартъ 1915 года былъ рѣшающимъ для судьбы Болгаріи. Общественное мнѣніе ея было усилено прирѣзкой турецкой территоріи и обѣщаніемъ дружественныхъ турокъ разоружить адрианопольскую крѣпость.

Неуступчивость сербовъ привела къ фактической измѣнѣ болгарскаго правительства славянству. Печатные органы всей Болгаріи были взяты въ нѣмецкія руки. Столичная армія и болгар-

ская интеллигенція явили открытое сѣбленіе съ австро-германскими политическими миссіонерами. Оживленный рынокъ Болгаріи за счетъ спроса товаровъ Австріей, Румыніей, Греціей и Турціей окончательно закрѣпилъ болгарскихъ земледѣльцевъ за македонскимъ правительствомъ.

Борьба партій прекратилась, и оппозиціонное меньшинство почувствовало себя беспочвеннымъ. «Міръ» Гешева и «Препорець» Малинова замолкли навсегда. Софійскій дворець сталъ путеводной звѣздой Болгаріи. Все, что было виѣ Фердинанда Кобургскаго, было бутафорской стороною въ политикѣ страны. Нѣмецкое золото ослѣпило глаза и умъ болгарскихъ вожаконъ. Пѣвцы старой Болгаріи заживо были погребены въ тюрьмы турецкаго образца хищниками Болгаріи, оторванной отъ своей матери Россіи. Рушились памятники Плевны и Шипки, говорившіе, чьей кровью добыта жизнь Болгаріи.

Памятнику Царя-Освободителя были нанесены оскорбленія наемными манифестантами и ораторами. Ораторы, стоя у памятника, убѣждали болгаръ въ томъ, что Царь-Освободитель завѣщаль освободиться отъ сербовъ, какъ и отъ турокъ и, что нынѣ сербы пошли противъ Россіи, когда послѣдняя приказывала имъ уступить Македонію. Блескъ куполовъ торжественнаго Александроневскаго собора въ Софійи закрытъ нѣмцами чернымъ сукномъ (какъ бы отъ вражескихъ аэроплановъ). Соборъ наполненъ художественными образами русской школы. Русскіе художники дали большую часть иконописи и росписи храма въ предвидѣніи установленія памятника о русско-болгарскомъ церковномъ единеніи. Фердинандъ приказаль у иконостаса водрузить подъ вѣнцомъ святыхъ изображенія нынѣ царствующихъ Фердинанда и Эленоры.

Мозгъ стынетъ, когда видишь внезапно въ ряду святителей иконостаса такія иконы!

Трупный запахъ Болгаріи разносится нѣмецкими шакалами и коршунами по всѣмъ Балканамъ. Дунай, Савва и Дрина несутъ въ своихъ волнахъ славянскую кровь безсмертныхъ сербовъ.

Тевтонская фаланга ломится въ землю, взмытую кровью славянскаго тысячелѣтія на Балканахъ. Идетъ фаланга по трупамъ сербовъ, сыновъ Стефана Первовѣчаннаго—доблестнаго врага венгровъ (1195—1224 гг.). Идетъ она же по трупамъ болгаръ, потомковъ полубогороднаго Аспаруха (изъ хановъ—Исперихъ)—сыновъ Новокрестителя въ седьмомъ вѣкѣ болгарскаго царства Симеона (888—927 гг.), Асѣня II (1218—1241 г.). Идетъ тевтонская фаланга смести культуру духа, насажденную апостоломъ Павломъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Стремится тевтонская фаланга съ безумными глазами и кровавыми руками, чтобы хоть въ предсмертной агоніи увидѣть Царьградъ (второй Римъ, преддверье

Востока), овладѣть памятниками христіанскаго величія на землѣ и вѣнчать свою расу въ славѣ Святой Премудрости.

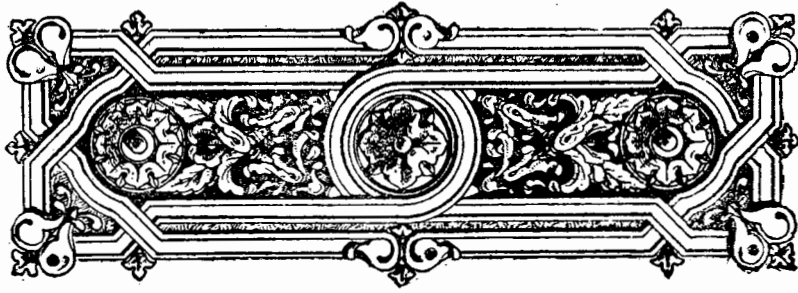
Грозное шествіе остановитъ Самъ Богъ и Его святая воля.

Похороны культуры языческаго матеріализма воскресятъ культуру христіанскаго духа—мира и любви народовъ на землѣ.

Только историку придется вписать новое имя въ страницу гибели болгарской державы—имя Фердинанда Кобургскаго, подготовлявшаго убійство славянской державы въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ.

И. Стояновъ.

ПРИНЦЪ И НИЩІЙ.

(Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ).

ВЪ ЖИЗНИ моей я видѣлъ много людей исключительнаго одаренія, испытавшихъ счастье и боль творческаго экстаза, но не зналъ другого, кого бы такъ явственно, такъ божественно, какъ Фофанова, осяняло вдохновеніе, вакхизмъ, оргіазмъ творчества. Не зналъ другого, въ комъ бы это было такъ постоянно, органично, кому бы пришло такъ даромъ, безъ науки, безъ школы, осяняя голову безумца, какъ написалъ Пушкинъ. Свѣтлый Діонисъ, увѣнчанный радостными гроздьями, для всѣхъ видимо, почилъ на немъ. И Діонисъ его огубилъ.

Неученому, некнижному, откуда къ нему пришелъ этотъ вѣстину небесный даръ плѣнительныхъ звуковъ, осмѣивавшій нашу ученость и наши университеты! Какъ кремь, ударяющійся о сталь, высѣкала искры его душа, изнемогшая въ земномъ страданіи. То, о чемъ писалъ Ницше, то, въ чемъ признавались поэты древней Эллады, было доступно ему въ печально-прозаическій вѣкъ, когда стихи оцѣниваются полтинниками и рублями, и въ этомъ челоуѣкъ, который среди дѣтей ничтожныхъ міра казался иногда ничтожнѣй всѣхъ, было что-то вѣщее, сближающее понятіе поэта въ понятіемъ пророка.

Мистической и жуткой загадкой прошелъ по землѣ этотъ принцъ и нищій, такъ причудливо сочетавшій въ себѣ землю и небо, звуки небесъ и самую сѣрую прозу бытія, этотъ заколдованный злыми

чарами царевичъ, этотъ ангелъ, которому нравилось пугать людей маской дьявола. Пламенѣющимъ факеломъ вспыхнула его жизнь, сторѣла въ минуту и погасла. Темное все превратилось въ пепель. Остались свѣтлыя пѣсни, которымъ, можетъ быть, достанется частица подлиннаго безсмертія.

I.

...Я увидалъ его впервые въ редакціи А. К. Шеллера на одномъ изъ пріемовъ. Передо мной въ калитку юркнулъ молодой человѣкъ, казалось, только что вышедшій изъ поры совершенной юности, съ лицомъ простымъ и не запоминающимся. Я тогда начиналъ писать, не зналъ никого въ литературѣ и въ каждомъ длинноволосомъ пѣвчемъ старался угадать по портретамъ поэта или беллетриста.

На этотъ разъ, хотя и въ двухъ шагахъ отъ редакціи, мнѣ можно было остаться спокойнымъ. Въ этомъ человѣкѣ съ рыжеватыми усами и бородой, бѣдно одѣтомъ въ готовое платье, худомъ и застѣнчивомъ, нельзя было съ огнемъ найти ничего поэтического. И я удивился, когда Шеллеръ, чувствуя, что мы незнакомы, сказалъ мнѣ: — Познакомьтесь, — Фофановъ!

Такъ неужели это онъ, творецъ чудесныхъ звѣздныхъ пѣсень, которыя тогда, въ срединѣ девяностыхъ годовъ, были уже, конечно, замѣчены, оцѣнены и заучивались наизусть! Тогда уже существовалъ и рѣпинскій портретъ Фофанова, гдѣ онъ изображенъ съ длинными до плечъ кудрями, съ вдохновеннымъ взоромъ, вѣще устремленнымъ въ небо изъ-подъ острыхъ стрѣлокъ бровей.

Въ томъ лицѣ тоже не было красоты, какъ обычно принято понимать мужскую красоту, но оно цѣликомъ было вдохновеніе, порывъ и экстазъ. Это было совсѣмъ обыкновенное, скорѣе крестьянское, чѣмъ интеллигентское лицо, впалыя щеки, прическа на косой проборъ. И только свѣтлые глаза были ласкающе-прекрасны, прекрасны и теперь, когда онъ скромно и стыдливо доставалъ Шеллеру листки своихъ стиховъ изъ кармана, и поздне, когда я видѣлъ въ нихъ и слѣдъ едва остывшаго вдохновенія, и мечту вдохновенія будущаго, и оживленіе, и хмель, и радость, и гнѣвъ...

Съ годами старѣли и мѣнялись эти глаза, въ спокойномъ состояніи такіе добрые, дѣтскіе, грѣющіе лаской, всегда таящіе милую застѣнчивость, точно всегдашнее за себя извиненіе. Потомъ они стали измѣнять ему, и онъ чаще и чаще приходилъ въ очкахъ, и кто зналъ его, запомнилъ этотъ своеобразный, тоже удивительно шедшій къ нему взглядъ исподлбья, поверхъ стеколъ, когда взлетѣвшія брови придавали его лицу умное, почти мудрое выраженіе и дѣлали его похожимъ на стараго начетчика или простеца-сектанта, поднимающаго на васъ взглядъ со старой церковной книги. Тогда

еще я не зналъ, что это—атавистическое отраженіе облика дѣда, портретъ котораго потомъ я увидѣлъ въ домѣ его вдовы.

Шеллеръ взялъ вчетверо сложенные большіе листы, уписанные широкимъ, размахистымъ почеркомъ (на такихъ листахъ Фофановъ писалъ всю жизнь), и началъ карандашомъ переводить отъ строки до строки.

— Видишь, я тебя не читаю, а считаю.

У старика Шеллера была слабость сходиться на «ты» даже съ самыми молодыми изъ сотрудниковъ. Тѣхъ это ставило въ положеніе столько же счастливое, сколько и щекотливое. «На ты» они не рѣшались, «вы» послѣ брудершафта было и вовсе неловко, и они прибавлялись больше безличными глаголами.

— Нѣтъ, вы все-таки... ты все-таки прочитай,—заговорилъ Фофановъ, слегка заикаясь, торопливой и нервной скороговоркой. Съ годами усиливались и эта нервность, и эта торопливость, и эти заиканія.

Онъ еще, видимо, былъ полонъ отголосками недавняго творческаго взлета. Вообще ничто не залеживалось въ его столѣ. Ни у одного поэта стихи не были такими экспромптами въ полномъ смыслѣ, какъ у Фофанова. И то, что онъ принесъ, можетъ быть, было завершено только за часъ до прихода.

Шеллеръ сталъ чутко успокаивать его, что, конечно, онъ прочтетъ стихи потомъ въ корректурѣ, а пока торопится ихъ оплатить. Фофановъ благодарилъ и что-то рассказывалъ о томъ, какъ ему нужны деньги, и, смущаясь, перевелъ разговоръ на просьбу устроить какого-то его родственника...

II.

Не странно ли?—эта душа, такъ любившая сказки, цвѣты и звѣзды, возникла для жизни въ столицѣ у Финскаго моря, гдѣ почти не видно цвѣтовъ и фабричный дымъ заслоняетъ отъ человѣческихъ глазъ звѣздывы сокаго неба. Но что-то наслѣдственно-колдовское было въ Фофановѣ. Въ его жилахъ текла струя загадочной финской крови. Онъ любилъ рассказывать о своемъ дѣдѣ, изъ старовѣровъ, котораго считали почти колдуномъ, который составлялъ травы, лечилъ, предсказывалъ. Предки его были крестьяне изъ Сердоболя. У его отца, Михаила Петровича, перечислившагося изъ крестьянства въ купечество, на Васильевскомъ островѣ былъ домикъ, потомъ лѣсной дворъ. Онъ разорился, открывъ подъемный кранъ въ Кронштадтѣ. Въ молодости не пившій, Михаилъ Петровичъ однажды получилъ совѣтъ отъ врачей не пренебрегать виномъ. Съ этихъ поръ онъ сталъ пить. Сына Константина стали приучать къ этому съ пятнадцати лѣтъ.

Отъ матери своей, Екатерины Афанасьевны, урожденной Брюхановой, поэтъ унаслѣдовалъ свой добрый характеръ. Семья была большая, Константинъ былъ въ ней третьимъ сыномъ. Братъ Александръ умеръ очень рано, чуть ли не восемнадцати лѣтъ. У него былъ опредѣленный талантъ, и ему тоже пророчили карьеру художника.

Въ неудобной обстановкѣ разоряющейся семьи увидѣлъ свѣтъ Фофановъ 18-го мая 1862 года, въ день Святого Духа, и въ этотъ же день былъ крещенъ причтомъ Благовѣщенской церкви Васильевского острова.

Совершенно смутны очертанія его дѣтства. Его пробовали учить въ какомъ-то частномъ пансіонѣ Эме, но ученье далеко не пошло. Больше заботились о братѣ Петрѣ и его воспитаніи. Константинъ даже донашивалъ его платье. Если что онъ узналъ, то узналъ самъ.

Дома рѣшительно не сочувствуютъ его литературнымъ влеченіямъ, и онъ уходитъ отъ семьи. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ напечаталъ цѣлый рядъ рассказовъ («Первые цвѣты», «Злополучная», «Часы украли») въ «Вѣкѣ» и «Русскомъ Богатствѣ» Л. Оболенскаго. Они поражаютъ своею незначительностью. Въ нихъ неузнаваемъ будущій мечтательный, разнообразный, капризно-вольный Фофановъ. Въ нихъ нѣтъ ни замысла, ни красокъ,—ничего, кромѣ отжитого и отсталого сентиментализма. Нѣтъ даже простой бытовой наблюдательности, направленной на тотъ прозаическій кругъ петербургской бѣдности, въ который онъ самъ вступилъ очень рано. Подавленно влачится это дѣтство и ранняя юность, вспыхивая впервые, кажется, подъ искрой первой любви. Какъ красиво сложилась эта любовь, сколько было въ ней молодого идеализма, по счастью, это мы можемъ знать изъ вѣрныхъ рукъ.

«Онъ жилъ въ Коломнѣ, на Англійскомъ проспектѣ,—рассказываетъ его жена, Л. К. Фофанова, рожденная Тупылова, въ любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе страничкахъ воспоминаній.—Часто посѣщалъ онъ Никольскій садикъ, гдѣ читалъ товарищамъ свои стихи, которые началъ писать еще лѣтъ съ тринадцати-пятнадцати ¹⁾. Никольскій садикъ былъ его постояннымъ мѣстопребываніемъ. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда я съ нимъ познакомилась. Я жила въ томъ же домѣ, по Англійскому проспекту, по одной съ нимъ лѣстницѣ, у дѣдушки, учась въ Маріинской гимназіи. Послѣ уроковъ я выходила въ садикъ въ бесѣдку читать.

«Знакомство началось черезъ сестеръ поэта. Это были добрыя и милыя дѣвочки, подруги моихъ игръ. Стоялъ чудный май, были именины моей бабушки, совпадавшіе съ именнами поэта (21-го мая).

¹⁾ И взрослый онъ хранилъ эти куколки вылетѣвшихъ бабочекъ, но всѣ эти дѣтскіе наброски погибли въ Старой Руссѣ во время пожара А. И.

Беззаботно рѣзвились мы въ саду. Окно поэта выходило въ садъ, и я замѣтила блѣднаго молодого блондина, посылавшаго намъ воздушные поцѣлуи. Я спросила сестеръ и узнала, что это ихъ брать-поэтъ. Его поведеніе смутило меня.

«Съ этого дня я почувствовала желаніе съ нимъ познакомиться, — я съ дѣтства любила стихи. Черезъ сестеръ я попросила его написать мнѣ что-нибудь въ гимназическій альбомъ. Долго держалъ онъ его, — хотѣлъ лично передать и ждалъ случая. Разъ, въ часы моего обычнаго отдыха въ саду, за чтеніемъ книги, онъ пришелъ съ своей любимой собакой, неся много книгъ. Мнѣ стало неловко, больше, — я совершенно растерялась, когда прочитала два его экспромта. Одинъ гласилъ:

Похваль тцеславныхъ не любя,
Скажу, — ты чище херувима,
И все, что въ мірѣ исполнимо,
Пускай доступно для тебя!

«Другой оказывался еще болѣе интимнымъ:

Во взорахъ вашихъ все мнѣ ясно,
Но въ сердцахъ вашемъ все темно.
Васъ полюбить небезопасно,
А не любить васъ — мудро.

«Я такъ смутилась и была такъ наивна, что, даже не поблагодаривъ за стихи, убѣжала домой, оставивъ поэта одного въ бесѣдкѣ. Долго я не рѣшалась выйти въ садъ, боясь увидѣть его снова. Альбомъ же сталъ для меня святыней, и милыя строки, давно запомнившіяся наизусть, я читала постоянно передъ тѣмъ, какъ начать учить уроки. Такъ началось наше знакомство.

«Послѣ такихъ признаній ждуть отвѣта и, конечно, онъ ждалъ его. Но я осмѣлѣла не сразу и только однажды въ переданной мнѣ имъ книгѣ стиховъ Щербины подчеркнула четыре знаменательныя строки:

О, освѣтли же и осмысли
Мнѣ жизнь мою любви лучомъ,
Да въ мірѣ иду во имя мысли
Съ тобою объ руку вдвоемъ!

«Иногда его сестры приходили ко мнѣ играть и передавали книги отъ брата. Онъ уже печатался въ «Вѣкѣ». Началась скромная переписка. Святое время было для меня! Много посвящалъ онъ мнѣ стиховъ, большинство которыхъ впослѣдствіи было напечатано въ его первомъ сборникѣ. Иногда здѣсь я узнавала отраженіе маленькихъ событій нашей жизни и слышала поэтической отзвукъ на нихъ его души. Разъ въ саду я подняла вороненка, конечно, хотѣла его спасти, грѣла губами, цѣловала. На утро онъ передалъ мнѣ стихотво-

реніе, которое можно найти сейчасъ въ первомъ сборникѣ. Онъ рассказываетъ этотъ случай и кончаетъ пьеску просьбой, чтобы такъ я сохранила его. «И я, моя краса, мечта души моей,—не больше, какъ птенецъ съ разбитыми крылами...»

«Наканунѣ 1883 года я была въ гостяхъ у родителей поэта, а въ самый новый годъ онъ прислалъ мнѣ стихи:

Пускай, какъ свѣтлый сонъ, пройдетъ
Для васъ наставшій новый годъ.
Пусть не тревожитъ васъ обида,
Не огорчаетъ сердце зло,
Пускай вокругъ свѣтло васъ, Лида,
Какъ мнѣ отъ васъ—вездѣ свѣтло!..

«Письмо случайно попало въ руки бабушки. Та передала его дѣду, вообще не особенно довольному моимъ знакомствомъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, что въ мои годы надо учиться, а не вести переписку. Я обидѣлась и уѣхала къ матери, за Нарвскую заставу, рѣшившись добровольно нести тяготу ходьбы въ гимназію, не стѣсняясь разстояніемъ. Тайнъ отъ родныхъ у меня не было. Все откровенно я рассказала имъ, тѣмъ болѣе, что ничего не видѣла дурного въ нашей дружбѣ, въ которой и въ самомъ дѣлѣ не было ничего дурного. Мы любили другъ друга тайно, боясь открыться. И я могла показать роднымъ нашу скромную переписку. Она была единственной моей усладой. Отца я потеряла на восьмомъ году, и жилось мнѣ тяжело.

«Разлука опечалила Константина Михайловича, но онъ все-таки, какъ прежде, приходилъ и приносилъ книги и стихи, когда я, усталая, возвращалась изъ гимназіи домой. И ему это давалось не совсемъ легко. Но онъ любилъ. Въ разговорѣ мы не замѣчали дороги. И разговоры все были о литературѣ, о славѣ, о человѣческомъ самоотверженіи. Молодежь нашего поколѣнія была еще настроена идеально.

«Семейныя обстоятельства вынудили меня оставить гимназію и поступить помощницей въ школу. Я всецѣло ушла въ новую дѣятельность. Ему стало невыносимо тоскливо, и онъ рѣшилъ сдѣлать мнѣ предложеніе. Его порывистость, его странности не располагали къ нему мать. «Вы найдете лучше, чѣмъ моя дочь!» сказала она ему, и свадьба не состоялась. Между тѣмъ мнѣ вышло мѣсто воспитательницы въ Кронштадтѣ. Свиданія стали рѣже, только переписка продолжалась. И мнѣ это первое разочарованіе стоило тоже не дешево. Я серьезно собиралась уйти въ монастырь. Только настоянія матери удержали меня. Она зорко слѣдила за мной. Поэту было извѣстно мое настроеніе, и имъ вызваны два его стихотворенія: «О кельѣ мрачной и печальной ты лепетала мнѣ легко» и другое—«Когда, удалившись отъ золь суеты, ты внидешь исполнена тайной мечты въ обитель святыхъ покаяній» и т. д.

«Настоящая любовь познается въ разлукѣ. И наша крѣпла въ ней. Вдали отъ родныхъ утѣшеніемъ отъ тоски для меня были только эти пѣсни и свой трудъ.

«Въ 1887 году Константинъ Михайловичъ издалъ первый сборникъ своихъ стиховъ. Теперь онъ написалъ мнѣ вторично: «Судьбѣ угодно, чтобы рано или поздно мы пошли по одному жизненному пути». Я обратилась за совѣтомъ къ отцу Іоанну Кронштадтскому, котораго очень уважала и который былъ моимъ духовникомъ. Онъ благословилъ меня на бракъ, сказавъ при этомъ:

«— Не въ монастырѣ нужно спасаться, а въ міру. Иди! Это твое назначеніе!»

«Такъ я стала невѣстой.

«Оставивъ мѣсто, я пріѣхала къ матери въ Галерную гавань. Теперь и она уже не препятствовала и благословила насъ. Это случилось въ февралѣ, а 29-го іюня состоялась наша скромная свадьба въ церкви Вознесенія¹⁾.

«Въ литературномъ мірѣ интересовались этой свадьбой молодого таланта. Литературный фондъ выдалъ Константину Михайловичу пособіе въ сто рублей. вмѣстѣ съ нимъ я была у казначея Кобеко, который попутно пожелалъ намъ счастья. Свадьба была скромно проведена въ гостиницѣ «Бѣлградъ», на Екатерингофскомъ проспектѣ, гдѣ жилъ поэтъ у своего товарища, извѣстнаго газетнаго работника К. В. Хряпина. Они были большіе друзья и любили другъ друга. Шаферами были братья-писатели, покойный А. И. Леманъ, Н. Плисскій и Коссовскій. Шелъ сильный дождь, когда я ѣхала въ церковь, всѣ говорили, что мы будемъ жить богато.

«Первый же гонораръ далъ возможность мужу снять комнату и покинуть гостиницу. Часто навѣщали насъ друзья, всѣхъ интересовала судьба поэта. Сюда, въ скромную комнату, пріѣзжалъ познакомиться съ Константиномъ Михайловичемъ уже тогда знаменитый И. Е. Рѣпинъ съ писателемъ В. И. Бибиковымъ. Первое время мы сильно нуждались, но муза поэта не дремала и подъ этимъ налетомъ невзгодъ. И хотя иной разъ приходилось нести въ закладъ самыя необходимыя вещи, все намъ казалось весело, и не пугали заглядыванія въ будущее.

«Къ осени и въ самомъ дѣлѣ дѣла стали понемногу поправляться. Константинъ Михайловичъ много печатался въ «Недѣлѣ», «Новомъ Времени», «Нивѣ». Очень много помогъ намъ А. С. Суворинъ, назначившій мужу жалованье по 50 рублей въ мѣсяцъ. Очень сердечно относился къ нему А. К. Шеллеръ-Михайловъ.

«Такъ удалось переѣхать въ болѣе просторную комнату. Въ опредѣленные дни стали заходить люди, создавались новыя зна-

¹⁾ Молодой было всего двадцать лѣтъ. Поэтъ былъ старше ея на пять лѣтъ.

комства. Посѣщали насъ Д. С. Мережковскій, І. І. Ясинскій, М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, Л. Е. Оболенскій, А. Жиркевичъ и многіе другіе. Познакомился Константинъ Михайловичъ и съ матитыми Полонскимъ, Майковымъ, Плещеевымъ. Заходилъ къ нему и писалъ ему Н. С. Лѣсковъ. Рѣпинъ такъ полюбилъ Константина Михайловича, что написалъ масляными красками его портретъ на выставку передвижниковъ. Собирались обычно дважды въ мѣсяцъ. Небольшое наслѣдство послѣ отца поэта дало возможность завести и обстановку. Жизнь намъ какъ будто улыбалась. На Пасху у насъ явился наслѣдникъ, которому дали имя Бориса. Была огромная радость, когда мы услышали въ своемъ домѣ крикъ младенца. Жизнь обновилась. Въ маѣ мы поѣхали на дачу въ Гатчину, — здоровье обоихъ требовало укрѣпленія.

«Достаточно было скромныхъ красотъ дачной природы, чтобы творческая способность вспыхнула въ мужѣ. Онъ писалъ много, а какъ продуктивно, это можетъ видѣть изъ того, что, на примѣръ, цѣлая поэма «Баронъ Клаксъ» была имъ написана всего въ два дня.

«Сами мы посѣщали журфиксы И. Е. Рѣпина, И. Горбунова, А. И. Лемана, В. Л. Величко, баронессы В. И. Иксуль, на литературныхъ вечерахъ которой много читали о Пушкинѣ.

«Къ этимъ первымъ годамъ нашей жизни относится наше пребываніе въ Царскомъ Селѣ. Достаточно было малѣйшей перемѣны мѣста и перехода изъ города къ природѣ, чтобы вновь вспыхивало вдохновеніе Константина Михайловича. Здѣсь у насъ явился второй сынъ Константинъ, воспріемникомъ котораго пожелалъ быть Рѣпинъ. Это уже рубежъ, когда первый, наиболѣе свѣтлый періодъ жизни Константина Михайловича кончился. Здоровье мужа пошатнулось, жизнь стала безпокойнѣе. Смерть Гаршина произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Дѣла не веселили. Стали привязываться болѣзни. Осложнившаяся инфлуэнца повлекла къ малокровію мозга. И первый благополучный періодъ жизни завершился катастрофой нервной болѣзни и необходимостью промѣнять свой домъ на палату больницы...»

Нервно заболѣвшій, Фофановъ проводитъ въ больницѣ долгій срокъ—шесть мѣсяцевъ. На доскѣ надъ его постелью зловѣщая надпись: «галлюцинаторное помѣшательство». Замѣтка А. С. Суворина въ «Новомъ Времени» о несчастіи съ поэтомъ на минуту возбуждаетъ къ нему общественное участіе. П. Гайдебуровъ, въ качествѣ члена литературнаго фонда, посѣщаетъ его семью. Ей назначается пособіе, помогаютъ добрые люди. Удастся спасти даже маленькаго мальчика, съ которымъ случился родимчикъ.

Поэтъ унесъ съ собою истину своего страшнаго бытія въ пропасти безумія, капризы и ужасы своихъ видѣній. Въ эти дни онъ былъ совершенно отдѣленъ отъ міра. Къ нему не пускали даже мать. Наконецъ сознаніе вернулось къ нему. Снова воскресла по-

требность писать стихи. Въ одинъ радостный день И. Е. Рѣпинъ привезъ въ каретѣ выздоровѣвшаго больного домой съ кладбища, гдѣ онъ былъ заживо похороненъ.

Возстановить здоровье врачи посоветовали поэту въ Гатчинѣ, и здѣсь прошли тринадцать слѣдующихъ лѣтъ его жизни. Жена его открыла маленькое приготовительное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣтей не собиралось больше восемнадцати человѣкъ. Но дѣло кормило семью въ связи съ постояннымъ литературнымъ заработкомъ мужа. Семья же увеличивалась почти съ каждымъ годомъ. Всѣхъ дѣтей послѣ поэта осталось девять. Двое, названные во имя гениальнаго русскаго поэта и его жены Александромъ и Наталіей, умерли нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду (1903 г.). Константинъ Михайловичъ горько оплакивалъ ихъ. На новгородскомъ петропавловскомъ кладбищѣ, можетъ быть, до сихъ поръ цѣла маленькая могилка Наташи, на крестѣ которой написаны строки отца:

Твой духъ на небесахъ, въ землѣ твой милый прахъ!
Прости, мое дитя! Прощай, моя родная!
Не возвратишься ты, а мы къ тебѣ придемъ...
Прими пока цвѣты, молитву надъ крестомъ.
И не забудь взглянуть сюда изъ сѣни рая.

Нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ Константинъ Михайловичъ прожилъ въ Старой Руссѣ. Это былъ періодъ его увлеченій народничествомъ. Всегда любившій простолюдина, въ эту пору онъ особенно сближается съ нимъ. По совѣту врача, онъ заводитъ себѣ полушубокъ, радъ ему, какъ ребенокъ, цѣлуетъ его и бережетъ. Какъ ребенокъ, играетъ въ свое «хождение въ народъ» и проводитъ съ «меньшимъ братомъ» цѣлые дни.

Въ 1881 году совсѣмъ юный Фофановъ несетъ свое стихотвореніе въ журналъ «Русскій Еврей» и прячется за псевдонимомъ «Комофо». Въ литературныхъ преданіяхъ сохранился рассказъ о томъ, какъ онъ не сошелся съ редакціей «Вѣстника Европы». Стасюлевичу понравились его стихи, но не понравилась фамилія. Онъ соглашался ихъ принять, но напечатать подъ псевдонимомъ. Фофановъ гордо отвергъ совѣтъ и ушелъ отъ редактора, никогда не напечатаннаго ни одной строки ни Толстого, ни Чехова, ни Глѣба Успенскаго, ни Короленка. И признанный, Фофановъ ни разу не пришелъ сюда. Такъ съ 1881 года начинается страдная жизнь человѣка, питающаго семью стихами и осуществляющаго въ полномъ смыслѣ жуткую сказку Додэ о человѣкѣ съ золотымъ мозгомъ, который кормилъ имъ своихъ ближнихъ, пока не изьялъ оттуда послѣдней крупинцы.

Таинственною нитью связанъ наиболѣ шумный поэтъ предшествующей полосы С. Я. Надсонъ съ Фофановымъ: онъ первый посвящаетъ ему ласковыя строки тогда, когда Константинъ Михай-

ловичъ еще не могъ ни отъ кого слышать ободреній въ печати,—въ 1884 году. Стихи, которые прочиталъ, точнѣ прорыдалъ, Фофановъ надъ его могилой, положили начало разговорамъ о Фофановѣ въ литературныхъ кружкахъ.

Изданный въ 1888 году Э. Гоппе первый сборникъ стихотвореній Фофанова упрочиваетъ имя поэта. В. Буренинъ пишетъ о немъ прѣвѣстный фельетонъ, публика его покупаетъ и читаетъ. Къ молодому баловню славы летитъ интересъ самыхъ несходныхъ людей не только изъ литературы, но и изъ общества. Этотъ интересъ усиливается, когда узнаютъ, что прекрасныя пѣсни рождаетъ человѣкъ, въ сущности не получившій никакого образованія. Къ Фофанову прѣзжаетъ Таганцевъ, съ нимъ знакомится Рѣпинъ. Его видятъ на поэтическихъ пятницахъ Случевского, на вечерахъ у С. А. Андреевскаго. Критики со всѣхъ сторонъ слышатъ совѣты написать о новомъ яркомъ самородкѣ. Въ какомъ-то литературномъ домѣ въ отсутствіе Фофанова маститый Майковъ говоритъ:

— Знаете ли, господа, кто, по-моему, у насъ теперь самый талантливый, самый крупный поэтъ, приближающійся къ Пушкину?

И, не дожидаясь отвѣта, заключилъ:

— Это нашъ пріятель Фофановъ! Въ немъ сидитъ необычайное дарованіе, удивительное чутье и, будь онъ начитанъ и образованъ, это была бы гордость русской литературы!

Когда Фофанову сказали объ этомъ отзывѣ стараго Майкова, то онъ былъ имъ очень тронутъ и замѣтилъ:

— Спасибо, что не обругалъ, а то меня многіе только бранять... А что касается образованія, такъ вѣдь оно должно быть привито въ юные годы, а пропустишь время, такъ ужъ куда тамъ образовываться... ¹⁾

Молодого, счастливаго, задорнаго Фофанова первой поры успѣховъ и обѣщаній ярко зарисовываетъ И. Е. Рѣпинъ въ страничкѣ своихъ воспоминаній. «Въ немъ было что-то вулканическое,—писать онъ ²⁾.—Этотъ бурный кратеръ поэзіи имѣлъ глубокую почву въ поддонной нашего міра; горѣлъ онъ всегда собственнымъ, вѣчно невѣданнымъ, вѣчно новымъ огнемъ. Его личный свѣтъ былъ до невѣроятности разнообразенъ и неровенъ. Выходя иногда изъ удушливыхъ подземелій, пропитанный воплями и скрежетомъ зубовъ, отрѣшившись, онъ съ милой дѣтской нѣжностью сердца подымалъ взоръ своихъ свѣтлыхъ глазъ къ небу и ангеломъ пѣлъ: «Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя»... Какъ бы ни была бѣдна, тѣсна, неуютна и ужъ совсѣмъ не комфортабельна обстановка его кабинета, стоило только ему начать чтеніе своей пьесы, все преображалось. Онъ уже былъ неузнаваемъ: куда дѣвалась эта

¹⁾ «Наша Старина», 1915, июнь, «Изъ литер. прошлаго». Е. У.

²⁾ Журналъ «Дачница», № 1.

манера одичалости, застарѣлой бѣдности. Въ немъ уже свѣтилось ярко и сильно самосознаніе, самоуваженіе. Его личный текстъ былъ для него великая святыня, полная поэзіи и священнаго огня... и слушатель благоговѣнно внималъ. Я всегда пріятно былъ удивленъ тономъ его традиціонной величавости, когда онъ переступалъ порогъ своего храма... Совершалось преображеніе. Воскресали времена Жуковского, кн. Одоевскаго, Огарева, Герцена и другихъ изъ славной плеяды декабристовъ. Ощущалась тѣнь Гоголя, мерещилась близость Пушкина... И Фофанова уже нельзя было узнать: онъ казался въ длинномъ сюртукѣ съ высокимъ воротникомъ и гофренными манжетами,—вдохновенный, недоступный, важный идеей своего высокаго поста. Никакой конфузливой скромности:— «поэтъ, ты царь»... Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и въ моей мастерской, у Калинкина моста, собирались литераторы и художники, и часто фигура Фофанова была центромъ вдохновеннаго подъема всего собранія. Голосъ поэта гремѣлъ и властно увлекалъ слушателей; дальніе становились на стулья, на платформы моделей, чтобы лучше видѣть и яснѣе слышать автора сонетовъ. Поэтъ былъ неузнаваемъ; въ немъ являлось нѣчто царственное въ жестахъ. Живописныя волны свѣтлыхъ волосъ дѣлали красивой эту страстную голову. Онъ внушалъ высокое, положительное настроеніе».

Рѣпинъ зарисовываетъ здѣсь Фофанова, такъ сказать, въ жреческой тогѣ. А въ обыденной обстановкѣ это былъ скромный человѣкъ, семьянинъ, озабоченный благополучіемъ жены и дома. Далеко не равнодушный къ своей славѣ, онъ собираетъ статьи и рецензіи, радъ, когда онѣ благожелательны, сердится, когда онѣ ироничны. Въ день, когда въ «Новостяхъ» появляется недобрый фельетонъ А. М. Скабичевскаго, онъ раздражается на самую газету и съ наивностью обиженнаго поэта... вырываетъ на улицѣ «Новости» у нѣсколькихъ читателей съ поясненіемъ, что такой газеты читать не стоитъ. Въ писательскую среду онъ входитъ довѣрчиво и дружески, цѣнить голосъ стариковъ и глубоко благодаренъ А. С. Суворину, относящемуся къ нему съ ласковостью родного и снабжавшему его книгами, изъ которыхъ онъ могъ бы черпать вдохновеніе.

Пятнадцать лѣтъ моего съ нимъ общенія выливались по преимуществу въ такъ называемыя редакціонныя отношенія. Зимой и лѣтомъ, утрами и вечерами, въ погоду и ненастье, онъ приходилъ и приносилъ стихи, присаживался и рассказывалъ о себѣ, о новыхъ замыслахъ, объ удачахъ и неудачахъ,—приходилъ еще молодой и веселый, со смѣхомъ, шутками и экспромптами, приходилъ больной, измученный, возбужденный весело или гнѣвно, старѣющій и слабѣющій.

Было что-то стихійное, дѣйствительно поэтическое въ томъ,

какъ иногда онъ врывается въ редакціонную комнату Шеллера и радостно начиналъ душить старика въ объятіяхъ, желая, чтобы его, Фофанова, духъ «переселился» въ скудѣющее тѣло Александра Константиновича, или въ томъ, какъ онъ входилъ ко мнѣ шумно и вольно и доставалъ изъ-за пазухи все тѣ же драгоцѣнные листки.

— У васъ товаръ, у насъ купецъ, собою паренъ молодець, и статный, и проворный, не вздорный, не зазорный!

Пушкина онъ обожалъ, молился ему во-истину, какъ Богу. Половина его думъ, несомнѣнно, шла стихами, своими или чужими. Слова, очевидно, противъ воли вызывали въ немъ риему. Скажешь ему: «Постойте, я зажгу электричество»,—онъ тотчасъ же съ улыбкой выбрасываетъ риемы: величество, количество, католичество...

Его приходомъ пользовались, просили его набросать пару стиховъ въ альбомъ, надпись на книгѣ, экспромтъ къ случаю. Онъ съ величайшей готовностью шелъ на это, и порой казалось, что это дается ему легче, чѣмъ иному строка прозы. Онъ любилъ преодолевать трудности, и минуты ожиданій заполнялъ экспромтами, акростихами, шутками.

Почти всегда онъ приносилъ съ собою свою послѣднюю риемованную шалость и, расшевеленный, охотно вспоминалъ другой, и третій, и четвертый свои экспромты. Въ высшей степени скромный и во все не избалованный критикой, онъ дорого цѣнилъ ласковое слово и похвалу. Но иногда природную застѣнчивость побѣждало довольство художника, и онъ самъ говорилъ, что вотъ это ему удалось.

Пѣсня рождалась у него мгновенно. Онъ ничего не выдавливалъ изъ себя въ юмористикѣ, какъ и въ лирикѣ. Его голова была какою-то золотою чашей, полной образовъ, чудесныхъ сравненій, неожиданныйшихъ риемъ. Л. К. Фофанова передавала мнѣ, что и дома писалъ онъ съ невѣроятною легкостью. Усидчивости не было никакой,—писалось тогда и тамъ, гдѣ застигалъ Богъ. «Нужно уже ѣхать на поѣздъ, который сейчасъ уйдетъ, а онъ присѣлъ нѣсколько минутъ назадъ, и его не оторвать отъ стола. Кричатъ и пищатъ дѣти, надъ его ухомъ говорятъ, а онъ пишетъ, не слыша шума и не стѣсняясь имъ. Эпиграммы онъ сѣялъ, даже не прибѣгая къ помощи карандаша и бумаги. Болѣе стойко работалъ ночами, уходя далеко въ ночь и выкуривая папиросу за папиросой. Любилъ читать вслухъ то, что считалъ удавшимся. Иногда добродушно хвасталъ, что хорошо написалось. Иногда, наоборотъ, прочитавъ незаконченную вещь, охлаждѣвалъ и забрасывалъ ее навсегда».

Разъ въ обществѣ трехъ-четырехъ литературныхъ собратій, оказавшихся въ моемъ кабинетѣ, онъ разбрасывалъ акростихи направо и налево съ легкостью поразительной.

— Хотите, вамъ напишу? Вашъ акростихъ трудный. У васъ въ срединѣ «и съ краткой», но я знаю слово и на «и съ краткой»: это—Йорикъ. Помните, у Шекспира?

И мгновенно, безъ помарокъ, онъ набросалъ:

Изъ-за лѣса въ алой краскѣ
 Золотой горитъ востокъ.
 Мнѣ ручей лепечеть сказки,
 А душѣ поетъ цвѣтокъ.
 Йорикъ, Йорикъ, бѣдный Йорикъ!
 Ложь людей еще сильна...
 Отъ сильнѣйшихъ хлѣбъ все горекъ,
 Вся святыня изгнана.

Черезъ день или два послѣ смерти В. О. Коммиссаржевской онъ зашелъ въ редакцію. Я спросилъ его, почему онъ не бросилъ вѣнка на ея могилу. Оказывалось, онъ никогда не видалъ ея, слышалъ только имя, не представлялъ ясно облика. Вообще мудро сказано, бывалъ ли онъ въ театрѣ,—возможно, что и никогда не бывалъ. Среди интеллигентовъ, работая интеллигентнѣйшему служенію, онъ жилъ съ причудами и обыкновениями иногда совершеннаго дикаря. На его просьбу, я набросалъ ему этотъ образъ въ десяткѣ словъ.

На нѣсколько минутъ мнѣ пришлось оторваться отъ него. Когда я вернулся, на столѣ лежали его поминальныя строки:

Изъ милыхъ устъ услышалъ я признание,
 Какъ дорога ты всѣмъ.
 Прекрасная, земныя ты страданья
 Перенесла въ божественный Эдемъ!
 Артистовъ даръ намъ дорогъ и священецъ,
 Пока мы ихъ на сценѣ зримъ...
 Но лучшій даръ, даръ сердца сокровенный,
 Онъ въ мірѣ, въ насъ и съ Богомъ онъ Самимъ.

Всякій разъ, когда жизнь грубо задѣвала кого-нибудь изъ тѣхъ, на комъ покоилась его любовь, Фофановъ приходилъ негодующій, готовый вонзить жало своей насмѣшки во враждебную силу. Когда въ Америкѣ случился скверный анекдотъ съ паспортомъ Горькаго, онъ набросалъ свою эпиграмму:

Въ свободномъ городѣ Нью-Йоркѣ
 Поэтовъ лавры очень горьки—и т. д.

Прикосновенія жизни къ Толстому, этому «лучшему изъ чело-вѣковъ и писателей», какъ онъ назвалъ его въ одномъ письмѣ, больно уязвляли его. Послѣ одного выступленія о. Иоанна Сергіева противъ Льва Николаевича Фофановъ, очень уважавшій кропштатскаго пастыря, въ дѣйствительномъ удрученіи набросалъ на моемъ столѣ четверостишіе:

Толстой бранить Шекспира,
Толстого Иоаннь...
На что же разумъ міра,
И для чего онъ данъ?...

Въ юбилейный день Толстого онъ послалъ на имя Софьи Андреевны письмо и между прочимъ такіе стихи:

Церковь, именемъ Христова,
Отлучила Льва Толстого
Отъ себя.
Но Христось, Льва полюбя,
Говоритъ церковной братѣ:
«Не моли Меня въ Распятѣ,
Не лобзай Меня въ уста...
Церковь, ты отлучена,
Какъ невѣрная жена,
Отъ Христа!»

Не менѣе горячо вступился онъ за обожаемаго Пушкина, когда прочиталъ скандалезныя воспоминанія извѣстной г-жи Араповой о поэтѣ, впервые пустившей въ широкій оборотъ легенду о нательномъ крестикѣ Александры Гончаровой и о ночныхъ гуляньяхъ женатаго Пушкина.

Читалъ Араповой маранье
И мыслилъ, милога любя:
Господь-Творецъ для наказанья,
Должно быть, выдумалъ тебя.
Араповъ—твой. Тебѣ по праву
Арапникъ твой принадлежить,
Но не черни арапа славу
И пощади нашъ аппетитъ.

Была въ немъ бездна милой экспансивности, составлявшей его высшую прелесть, но и дѣлавшей его не совсѣмъ удобнымъ, а иногда и вовсе неудобнымъ для свѣтскаго салона или того общества, гдѣ человѣка оцѣнивають по фасону сюртука и манерамъ. Когда у Шеллера просили показать Фофанова, онъ, смѣясь, говорилъ, что это очень трудно, ибо Фофановъ—вѣтерокъ, Фофановъ—духъ, и онъ дѣйствительно былъ неуловимъ, когда былъ нуженъ, появлялся всегда неожиданно, какъ духъ, не считаясь съ запертыми дверьми, съ докладами и слугами, съ занятостью и присутствіемъ постороннихъ. И черезъ минуту послѣ появленія погружалъ васъ всецѣло въ атмосферу своей личной жизни, въ свою мечту сегодняшняго дня, въ случайную встрѣчу, въ пережитое впечатлѣніе, въ удавшееся стихотвореніе.

— Вы знаете, я ѣздилъ въ Кронштадтъ къ о. Ивану. Какъ онъ меня обласкалъ! Онъ меня обновилъ! Затащилъ въ притворъ

алтаря и тихо такъ говоритъ надъ ухомъ: «Ты изъ народа?»—«да,—говорю,—у меня отецъ былъ изъ купцовъ».—«Ну, да, изъ народа. У тебя,—говоритъ,—большой даръ, только врагъ тебѣ завидуетъ и хочетъ тебя въ бездну свергнуть. Въ бездну! Вотъ такъ, въ бездну, въ бездну! Такъ и крутить и бросаетъ!» И рукою такъ показываетъ, будто вотъ сейчасъ подо мною полъ провалится. Потомъ обнялъ меня, поцѣловалъ и благословилъ.

Фофановъ потомъ самъ описалъ эту встрѣчу, но нѣсколькихъ строкъ въ ней не дописалъ изъ скромности.

— Вы знаете,—говорилъ онъ мнѣ, сдавая рукопись:—что онъ мнѣ сказалъ? Только этого никакъ нельзя написать,—скажутъ, что я самохваль. Онъ мнѣ сказалъ, что у меня огромный даръ. «Какъ у Пушкина». «Выше Пушкина!»...

И онъ перекрестился въ доказательство, что не сочиняетъ. И ни отъ кого никогда я не слышалъ, чтобы Фофановъ передавалъ этотъ отзывъ. Онъ похоронилъ въ себѣ это свое уподобленіе богу поэзіи. Можетъ быть, сказалъ самымъ близкимъ.

VII.

Когда опредѣлилась трагедія Фофанова? Чуткіе люди видѣли ея тѣнь уже тогда, когда, казалось, все улыбалось избраннику славы, и, можетъ быть, въ этомъ было объясненіе тѣхъ страстныхъ къ нему влеченій, любви-жалости, какое испытывалъ, напримѣръ, Рѣпинъ. Трагедія была въ томъ, что исключительное одареніе падало на личность, совершенно не ограниченную образованіемъ. Трагедія была въ дурной, непреодолимой наслѣдственности, которая съ поры юности уже зачисляла поэта въ категорію замѣчательныхъ людей, обреченныхъ страдать такъ называемомъ порокомъ великихъ русскихъ людей. И только на третье мѣсто надо поставить печальную необходимость постоянного напряженнѣйшаго труда въ обстановкѣ бѣдности,—сотни незаурядныхъ людей преодолевали бѣдность, и она нерѣдко являлась не погашающимъ талантъ, а напрягающимъ его до высокихъ подъемовъ стимуломъ.

Наслѣдственность рано сложила въ Фофановѣ навыки, столько же способствовавшіе неожиданнымъ и плѣнительнымъ взлетамъ его творческаго дара, сколько и приближала его съ каждымъ годомъ къ печальному концу. Физическій надломъ начался въ немъ съ самаго вступленія въ третій десятокъ. Жизнь временами превращалась въ сплошную смѣну дорого стоящихъ искусственныхъ возбужденій и угнетающихъ реакцій. Врачи, лечившіе его, говорили мнѣ, что имъ очень рѣдко случалось видѣть такъ рѣзко выраженную картину полнѣйшей надломленности организма. Не удивительно, что почти первая серьезная налетѣвшая болѣзнь со-

вершенно сокрушила его. Все въ немъ было испорчено: и сердце, и печень,—и становились втупикъ, что лечить.

Но надломленность была не только въ тѣлѣ, была и въ душѣ, отражалась на всемъ, вплоть до пѣсни его. Не потому, что живымъ нравится уходить въ біографію мертвого, нужно говорить объ этомъ, а потому, что совершенно нельзя объ этомъ умолчать. Внѣ этой трагедіи Фофанова нельзя понять. Это будетъ не онъ настоящий, а Фофановъ для благородныхъ дѣвиць.

«Молчить его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ»,—такъ опредѣлялъ Пушкинъ дни апатіи и обмірщенія поэта. Этому хладному сну Фофановъ жутко отдалъ добрую половину своей жизни.

По желѣзному закону природы искусственно добываемое вдохновеніе уже все рѣже и рѣже приходило путемъ естественнымъ. А вдохновеніе было необходимо,—оно кормило его и семью. И оно было такъ сладостно, единое сладкое въ морѣ горечи. Грязь и лохмотья оно превращало въ пурпуръ и золото. И съ Фофановымъ это происходило буквально. Изъ нищеты, убожества, изношеннаго платья, дѣтскаго писка и обиванія редакціонныхъ пороговъ какимъ-то чудомъ рождались пѣсни о дворцахъ съ стройными колоннами и о царевичахъ Триолетахъ. И какъ характерна деталь, сохранившаяся въ памяти его жены. Однажды она застала его, сидящаго одиноко и проводящаго рукой по забрызганному рукаву своего протертаго... заношеннаго полушубка.—«Посмотри, какая роскошь, какая прелесть,—шелкъ, бархатъ, парча!» Его глаза видѣли золото тамъ, гдѣ глазъ обыкновеннаго смертнаго видѣлъ только слѣды существованія впроголодь.

Ужасны были послѣдніе годы жизненной маяты этого царевича-нищаго. Силы его, видимо, таяли. Онъ постарѣлъ, исхудалъ, потемнѣло свѣжее лицо. Временами некрасиво разрастались волосы и борода. Навсегда вскинувшіяся асимметрическія брови придавали лицу вѣчное выраженіе удивленія и растерянности. Скорбныя ноты все чаще и чаще прорѣзывали его письма.

— Вы не можете вообразить, какъ тяжело мое матеріальное положеніе... За мной ходятъ не семь бѣдъ, а цѣлый хороводъ... Скверное, отчаянное чувство послѣ отрезвленія мучить меня, и я не спалъ ночь въ глубокомъ раскаяніи за бессмысленные грѣхи...

Отчаяніемъ были полны его стихи. Онъ родился 18-го мая, въ день Святого Духа, и, всегда мистикъ, радостно и гордо говорилъ объ этомъ символическомъ совпаденіи.

Въ 1909 году, черезъ 47 годовыхъ оборотовъ, опять 18-го мая случился день Святого Духа. Почти на рубежѣ пятидесятаго года жизни Константинъ Михайловичъ вновь задумался надъ этимъ символомъ своего духовнаго одаренія, но скорбныя звуки вырвались у него въ этотъ день:

Ужъ болѣе полжизни пройдено.
Иду, согбенъ, подъ ношею терѣнья...
Въ глазахъ зияеть черной смерти дно,
Въ лицо пахнуло вѣяніемъ тлѣнья.

Все кончено, чѣмъ паша жизнь красна,
Любовь, мечты, надежды улетѣли,
И даже въ дни, когда цвѣтеть весна,
Въ моеи душѣ суровыя метели.

Склонивъ чело, одна, полубольна,
Порой ко мнѣ заглянетъ Муза въ уголь.
Святымъ огнемъ наполнится душа,
И улетитъ чудовищный рой пугаль.

Тяжелая усталость отъ жизни слышится въ такой его, донынѣ
не напечатанной элегій:

Папироса... еще и еще папироса...
Я курю и въ окошко смотрю.
Надъ водою все ласточки кружатся косо.
Покурилъ... закурилъ и курю...

Мысли злы, для мученій большого вопроса
Нѣтъ отвѣта, иль блѣденъ отвѣтъ.
Папироса еще, и еще папироса...
А забвенія думамъ мучительнымъ нѣтъ.

Пепель столь весь усыпаль... съ тупого откоса
Въ прудъ сбѣгаютъ утята толпой...
Папироса еще, и еще папироса.
Какъ все глупо, старо, Боже мой.

Слезами, а не чернилами написано въ знаменательный для
всей Россіи 1905 годъ его стихотвореніе «Новоселье на чердакѣ». Личное семейное страданіе сплетено здѣсь съ горечью обществен-
ныхъ утратъ. Къ сожалѣнію, полныя рѣдкой силы и чисто-некра-
совской скорби, строки носятъ здѣсь слишкомъ интимный харак-
теръ и до поры до времени ихъ невозможно воспроизвести. Душа
Фофанова горько плачетъ здѣсь у могилъ и памятниковъ тѣхъ,
кого онъ любилъ.

Склонила жизнь моя, какъ сонная природа,
Къ унылой осени поработенный ликъ.
Одинъ, на чердакѣ, въ дни бѣшенаго года
Въ раздумьѣ и тоскѣ я съ Музою поникъ.
И только ты одна,—ты, ласковая Муза,
Межъ гибнущихъ друзей не измѣнила мнѣ.
Не ты ль меня ввела въ семью родныхъ собратій,
Художниковъ-творцовъ, поэтовъ и друзей.
Какъ много принялъ я насмѣшекъ и объятій,
Съ какою жадностью я славы нилъ елей!
Но милые мои собратья умирали,
Кто въ мирной сѣднѣ, кто въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ.

Я много пролил слезъ и много словъ печали...
 Поищемъ же, кого изъ милыхъ сердцу нѣтъ.
 Полонскій ласковый и Майковъ величавый,
 Вы скрылися отъ насъ на склонѣ дряхлыхъ лѣтъ.
 Ты, Шеллеръ, ты, кто насъ, юнцовъ, вѣнчалъ со славой
 И скромности училъ,—тебя ужъ тоже нѣтъ!
 Порфиоровъ, юный другъ, Горация поклонникъ,
 Случевскій, жрецъ и волхвъ таинственныхъ идей,—
 Вы отошли отъ насъ. Парнаса весь питомникъ
 Поблекъ, отцвѣлъ и ждетъ себѣ иныхъ гостей.

VIII.

Фофановъ былъ весь разбитъ и надломленъ, и первая болѣзнь унесла его.

Въ маѣ 1911 года въ одну изъ столичныхъ редакцій пришла жена поэта и сообщила о томъ, что онъ безнадежно заболѣлъ и въ домѣ нѣтъ никакихъ средствъ его лечить, а обстановка ужасна. Рѣшили огласить объ этомъ черезъ посредство письма въ редакцію, и наутро оно появилось.

Письмо произвело большое впечатлѣнiе. Сейчас же откликнулся литературный фондъ, двѣ редакціи столичныхъ газетъ. В. М. Дорошевичъ предложилъ свои средства для того, чтобы поэтъ былъ немедленно перевезенъ въ городъ, въ лучшую обстановку. Журналистъ И. Юренинъ вмѣстѣ съ докторомъ А. С. Камеразомъ, безмездно предложившимъ и свои услуги, и свою больницу, выѣхали въ Сергіево и въ автомобилѣ повезли больного въ благоустроенную лечебницу на Васильевскомъ Островѣ.

Дорога прошла благополучно. Все время пути поэтъ декламировалъ стихи. Для поддержанія силъ передъ отъѣздомъ и разъ въ дорогѣ ему давали небольшія дозы шампанскаго.

Въ Петербургѣ Константинъ Михайловичъ былъ помѣщенъ въ обширную комнату при частной фельдшерской школѣ, въ сосѣдствѣ съ квартирой доктора Камеразы. Въ тотъ же день состоялся консилиумъ врачей съ участіемъ доктора П. В. Мокіевскаго, установившій у больного крупозное воспаленіе лѣваго легкаго, при общемъ крайнемъ истощеніи всего организма. Лабораторное изслѣдованіе установило отсутствіе у него туберкулеза, зато былъ констатированъ нефритъ.

Были приняты всѣ мѣры борьбы съ недугомъ. Докторъ Камеразъ и интеллигентныя фельдшерицы положительно не отходили отъ постели больного, стараясь его спасти. Но все было тщетно, дни поэта были сочтены.

16-го мая въ состоянii здоровья произошелъ переломъ къ худшему. Больной впалъ въ полное забытiе: повернувшись къ стѣнѣ, онъ все время что-то чертилъ на ней рукой, воображая, что запи-

сываеъ все тѣ же дактили и хорей. Изъ воспаленно-пересохшихъ устъ вырывались мѣрныя строки...

Я засталъ его въ одну изъ краткихъ полосокъ сознанія. Страшно исхудалый, съ грудью въ дощечку, съ испуганными воспаленными глазами, онъ давалъ впечатлѣннѣе приговореннаго къ смерти. Тошнѣ, дѣтскія, безъ признаковъ мускуловъ руки казались несо-размѣрно длинны. Полувыпитая бутылка шампанскаго стояла на столѣ,—вино давали ему съ ложечки. Въ глазахъ мерцала тусклѣю-щая мысль, слова были неясны и переходили въ бормотанье, но, видимо, онъ все-таки отдавалъ себѣ отчетъ въ происходящемъ.

— Похожи!—не безъ оживленія сказалъ онъ.—Можно подумать, что братъ и сестра...

— Кто похожи?

Я подумалъ, что начинается бредъ, но онъ не бредилъ.

— Вы похожи на нее (онъ повелъ глазами на фельдшерицу). Волосы одинаковые и складъ лица...

И еще нѣсколько мгновений вполне отчетливо онъ продолжалъ параллель.

Ночь на 17-е мая онъ провелъ особенно безпокойно: стоналъ, бредилъ, порывался встать. Наступившій день не только не принесъ облегченія, но, наоборотъ, выяснилъ, что положеніе безнадежно. Для облегченія жестокихъ страданій стали дѣлать подкожныя вырыскиванія. Извѣстили родныхъ и друзей Константина Михайловича, и незадолго до кончины навѣститъ больного пришелъ его любимый сынъ Константинъ, имя котораго онъ особенно часто упоминалъ въ бреду.

Съ трудомъ сдерживая рыданія, онъ сжалъ руку умирающаго отца и сталъ считать его пульсъ, біеніе котораго съ каждой минутой дѣлалось слабѣе... Въ семь часовъ тридцать четыре минуты біеніе прервалось. Константина Михайловича не стало.

Зашло солнце, и ушла жизнь. Съ чужимъ, невѣдомымъ, неузнаваемымъ лицомъ онъ лежалъ на той же постели, отвернувшись въ сторону, холодный, неузнаваемый. Ничего не было въ немъ отъ того, прежняго Фофанова, написавшаго «Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя...».

Откуда-то взявшіеся люди уже предлагали устроить все, что надо по погребенію, называли цифры, совали въ руки какіе-то преискуранты... Кто-то говорилъ, что прежде всего надо панихиду...

Наутро, когда мы вошли съ І. І. Ясинскимъ на новую панихиду, первое, что ударило въ глаза въ большомъ гимнастическомъ залѣ школы, былъ катафалкъ, около котораго возились какіе-то люди въ черномъ. Я вдругъ увидѣлъ Фофанова, поднятаго вверхъ, съ страшными, широко разбросанными, дрожащими руками, похожими на вѣтви, и не сразу понялъ, что это его одѣваютъ. Мнѣ вспомнились картины Овидіевыхъ «Метаморфозъ», гдѣ люди пре-

вращаются въ деревья, начиная съ рукъ, и я тогда же подумалъ, что этого зрѣлища мнѣ никогда не забыть до смерти.

Предчувствіе ранней смерти рано пришло къ Фофанову. Повидимому, мысль его часто останавливалась на развязкѣ невеселой жизни, рисовалъ онъ ее поэтически и дѣтски-наивно, не отказывалъ себѣ здѣсь въ той «роскоши», къ какой, разумѣется, человѣкъ неравнодушенъ, только пока живъ. Такъ, ему мечтался бюстъ на могилѣ, и за три года до смерти онъ написалъ свое «Завѣщаніе».

Въ дни, когда меня не будетъ,
Завѣщаю вамъ, друзья:
Пусть металлъ меня разбудитъ,
Пусть изъ мѣди буду я.

Пусть вокругъ играютъ дѣти,
И цвѣтеть сирени кустъ,
Пусть услышитъ звуки эти,
Какъ при жизни, мѣдный бюстъ.
Хоть безъ чувства, хоть безъ словъ онъ,
Но попрежнему живой...
Это—фофанъ, бѣдный фофанъ,
Это—другъ нашъ дорогой!

Надломъ послѣдняго года былъ, повидимому, настолько чувствителенъ и настолько очевиденъ, что весной 1911 года онъ собственноручно набросалъ такія оставшіяся въ подлинникѣ у семьи его строки:

«Въ случаѣ публикаціи о моей кончинѣ прошу начать такъ: «Такого-то числа и въ такомъ-то часу скончался Константинъ Михайловичъ Фофановъ, о чемъ вдова и дѣти его извѣщаютъ. Погребеніе въ Петербургѣ, въ Новодѣвичьемъ-Воскресенскомъ монастырѣ». Подписано: К. М. Фофановъ. 13-го апрѣля 1911 года».

Взрослый ребенокъ, онъ едва ли зналъ, что значить быть погребеннымъ обыкновенному смертному на аристократическомъ кладбищѣ! Въ день его смерти вопросъ этотъ всталъ передъ хоронившими его во всей своей сомнительной осуществимости: одно мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ, оказывалось, стоило 250 рублей. Между тѣмъ семья его нуждалась до такой степени, что нѣкоторыя изъ малолѣтнихъ дочерей не могли прибыть на похороны по отсутствію своего платья (инструкція учебныхъ заведеній запрещала дѣвочкамъ являться въ казенномъ платьѣ даже... на похороны отца). Колебанія рѣшились въ ту минуту, когда К. С. Тычинкинъ заявилъ, что, согласно распоряженію А. С. Суворина, послѣдняя воля покойнаго должна быть исполнена, и «Новое Время» беретъ этотъ расходъ на себя. Такъ исполнилось послѣднее желанье Фофанова.

А. Измайловъ.

ПАМЯТИ ИВАНА ПЛАТОНОВИЧА БАРСУКОВА.

СТЬ люди, которыми судьба какъ-то странно распоряжается. Они тратятъ лучшіе годы своей жизни и силы не на томъ поприщѣ, которое болѣе всего соотвѣтствуетъ ихъ призванію, и лишь подъ конецъ, на закатѣ лѣтъ своихъ, какъ бы озаренные невѣдомымъ лучомъ свѣта, становятся на путь, на которомъ могутъ развернуть свои силы. Это тѣ скромные труженики, которые, не открывая широкихъ горизонтовъ, шагъ за шагомъ расчищаютъ дорогу великимъ творцамъ научной мысли.

Къ числу такихъ людей и принадлежалъ И. П. Барсуковъ, со дня смерти котораго 14-го апрѣля текущаго года исполнилось десять лѣтъ.

Родившись въ 1841 году въ старинной помѣщичьей семьѣ, Иванъ Платоновичъ дѣтство свое провелъ среди привольныхъ тамбовскихъ полей. Тогда помѣщики жили широко. Пирь, вечеринки, шумныя катанья на тройкахъ, охота, беззаботное удалство были типичными явленіями жизни уходящаго въ вѣчность крѣпостного барства. Казалось, въ винѣ, картахъ, женщинахъ имъ хотѣлось заглушить неумолчную тоску о чемъ-то иномъ, что требовательно ставилось на первую очередь въ переживаемый моментъ.

На впечатлительную натуру Ивана Платоновича все это не могло не повліять и наложило слѣдъ, который потомъ долго на немъ и сохранился.

Какъ продуктъ своей среды, Иванъ Платоновичъ рѣзко воплотилъ въ себѣ всѣ эти черты горячаго, увлекающагося человѣка, съ окраской мечтателя, идеалиста, на каждомъ шагу идущаго въ разрѣзъ съ практической жизнью...

Изъ седьмого класса второй петербургской гимназіи онъ бросается въ воронежское артиллерійское училище, не кончаетъ и его, ѣдетъ въ Вильну, работаетъ при редакціи «Виленакаго Вѣстника» въ знаменательный 1863 годъ, не находитъ удовольствія и здѣсь, и окончательно переселяется въ Москву, гдѣ и проживаетъ до 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Въ Москвѣ онъ женится на Аннѣ Михайловнѣ Ртищевой, знакомится съ научнымъ міромъ и прочно устанавливаетъ связь съ крупными представителями научной мысли: Ключевскимъ, Корелинымъ, Бартевымъ, Барсовымъ и др.

Къ этому времени его старшіе братья Н. П. и А. П. Барсуковы уже составили себѣ имена крупными трудами въ родной исторіографіи, а потому поддерживали въ Иванѣ Платоновичѣ разгорающійся огонекъ любви къ исторіи.

Этотъ періодъ жизни Ивана Платоновича является наиболѣе яркимъ по количеству встрѣчъ и переживаній, но, къ сожалѣнію, я не могу сейчасъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ богатымъ семейнымъ архивомъ, который достался мнѣ послѣ смерти отца и дядей.

Первымъ литературнымъ трудомъ Ивана Платоновича является біографія митрополита московскаго и коломенскаго Иннокентія ¹⁾.

Будучи лично знакомъ съ маститымъ іерархомъ и увлекшись яркой личностью его, Иванъ Платоновичъ, съ присущей ему страстностью радостно берется за документы, любезно предоставленные родственниками покойнаго митрополита, а поработать было надъ чѣмъ.

Митрополитъ Иннокентій въ молодыхъ годахъ былъ священникомъ-миссіонеромъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири и здѣсь, кромѣ своей чисто религіозной дѣятельности, принялся за тщательное изученіе быта и языка туземныхъ народностей. Плодомъ этихъ изученій явились грамматика алеутскаго языка и записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла.

Кромѣ біографіи митрополита Иннокентія, Иванъ Платоновичъ издалъ и всѣ сочиненія его и обширную переписку. Матеріальную поддержку при изданіи послѣднихъ оказалъ графъ С. Д. Шереметевъ.

Другимъ большимъ трудомъ Ивана Платоновича была «Біографія гр. Муравьева-Амурскаго», изданная на средства кн. М. С. Волконскаго.

¹⁾ Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ, Москва, 1883 г.

Оба эти русские дѣятели, и Иннокентій, и Муравьевъ, были связаны и временемъ, и мѣстомъ служенія въ Сибири, и любовью къ этому краю.

Въ обѣихъ біографіяхъ Иванъ Платоновичъ придерживается лѣтописнаго склада повѣствованія, стараясь говорить устами описываемыхъ имъ лицъ. Эта оригинальная форма изложенія, конечно, слишкомъ мало давала мѣста субъективной критикѣ автора, но въ то же время далеко не была сырымъ матеріаломъ, рядомъ безконечныхъ разбросанныхъ фактическихъ данныхъ.

Умѣть подобрать матеріалъ соответствующимъ образомъ задача далеко не легкая, и авторъ удачно справляется съ нею.

Послѣдніе годы своей жизни Иванъ Платоновичъ провелъ въ Петербургѣ, занимая должность секретаря и казначея Ксеніинскаго института со дня его основанія. Не по духу ему была эта должность, но матеріальное положеніе многочисленной сѣмьи принудило его взять ее. И вотъ тутъ опять просыпается чуть было заглошшая тоска по неустроенной жизни, и замѣтной мечтой Ивана Платоновича становится отставка съ пенсіей, чтобы, какъ онъ выражался, «сбросить хомутъ съ шеи» и навсегда поселиться въ маленькомъ имѣніи жены, селѣ Яринскомъ Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи, подальше отъ людей, среди природы и книгъ; онъ мечталъ перевезти съ собой и свою обширную бібліотеку.

Крупныхъ трудовъ Иванъ Платоновичъ больше не выполнялъ. Болѣзнь (склерозъ сосудовъ) и утомительная служба слишкомъ отвлекали его отъ научной работы и не давали сосредоточиваться на интересовавшихъ его вопросахъ.

Въ Петербургѣ онъ потрудился лишь надъ изданіемъ «Записокъ декабриста С. Г. Волконскаго» и «Записокъ кн. М. Н. Волконской», которыя были поручены ему кн. М. С. Волконскимъ, собралъ рядъ матеріаловъ, посвященныхъ памяти ученика митрополита Иннокентія, также миссіонера Сибири, епископа уфимскаго и мензелинскаго Діонисія и написалъ статью о К. И. Невоструевѣ.

Событія 1905 года окончательно подорвали расшатанное здоровье Ивана Платоновича, а послѣ 9-го января съ нимъ случился первый ударъ—онъ ослѣпъ на правый глазъ. Къ этому времени подошла и желанная отставка, но лѣто, осень, зима, единственные и послѣднія, которыя пришлось ему прожить въ отставкѣ въ деревнѣ, уже не могли дать новыхъ силъ бѣдному труженику. Въ сентябрѣ на него произвела глубокое впечатлѣніе депутація крестьянъ, требовавшихъ прирѣза земли, и результатомъ этого явился второй ударъ. Затѣмъ слѣдуютъ московскія декабрьскія событія и въ связи съ ними волненія въ деревнѣ. Это окончательно добиваетъ старика, и у него парализуются языкъ и глотка.

Но удивительно, что до послѣдней минуты передъ параличомъ рѣчи бѣдный страдалецъ коснѣющимъ языкомъ просилъ меня отыскать ему въ библиотекѣ Записки Котошихина для справки къ начатому имъ труду по исторіи с. Яринскаго, родового имѣнія Ртищевыхъ.

А когда онъ умиралъ, это было 14-го апрѣля 1906 года, его послѣдній взглядъ былъ устремленъ на библиотечную полку, на которой стояли его любимыя дѣтища Иннокентій и Муравьевъ, а также и труды его братьевъ: Погодинъ и родъ Шереметевыхъ.

М. Барсуковъ.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ И МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ 80-ХЪ ГОДОВЪ.

(Страничка изъ воспоминаній).

ВАКЪ ДОСАДНО, горько и больно становится на душѣ, когда подумаешь, что такой гигантъ научной мысли, какимъ былъ покойный Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, лишень былъ возможности развернуть во всю ширь свою необъятную духовную мощь у себя на родинѣ и, подобно многимъ другимъ лучшимъ русскимъ людямъ, долженъ былъ подвергнуться добровольному изгнанію изъ отечества только потому, что этого лояльнѣйшаго ученаго и, какъ впоследствии оказалось, даже довольно умѣреннаго прогрессиста, рѣзко отмежевавшагося отъ крайнихъ лѣвыхъ политическихъ теченій и партій, наше правительство признало опаснымъ человѣкомъ, чьи «вольнодумныя идеи» представляли угрозу для существующаго государственнаго порядка.

Съ М. М. Ковалевскимъ я познакомился въ стѣнахъ московскаго университета въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ былъ уже въ самомъ зенитѣ своей славы, какъ профессоръ. Имя его было настолько популярно, что многіе поступали тогда на юридическій факультетъ исключительно ради него, чтобы имѣть возможность безпрепятственно слушать его лекціи. Огромный актовъ залъ, гдѣ онъ ихъ читалъ, всегда былъ переполненъ студентами, среди которыхъ попадались и медики, и филологи, и математики, и естествоиспытатели, и даже весьма почтеннаго возраста вольнослушатели. Не юристы проникали сюда обыкновенно «контрабандой», въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось или ускользнуть какимъ-нибудь образомъ отъ бдительнаго ока педелей, или

же прямо подкупить этихъ блюстителей порядка, сунувъ имъ въ руку двугривенный.

Университетъ переживалъ въ то время мрачную эпоху реакціи. На студентовъ надѣли намордники, какъ говаривали тогда въ шутку. Отъ прежней академической свободы не осталось и слѣда. Начался безшабашный разгулъ университетской инспекціи, во главѣ которой стоялъ въ Москвѣ знаменитый Брызгаловъ, прославившійся сыскомъ и доносами. Учащаяся молодежь буквально изнывала отъ всякаго рода несправедливостей и притѣсненій, чинимыхъ надъ нею своеобразнымъ «начальствомъ», какимъ являлись въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вышеупомянутые педели, крайне высокомерно и съ пренебреженіемъ относившіеся къ бѣднѣйшей части студенчества. Наконецъ, и сама высшая наука была взята подъ подозрѣніе и... кастрирована. Такъ, новый университетскій уставъ 1884 года тщательно профильтровалъ весь курсъ государственнаго права западно-европейскихъ державъ, читавшійся на юридическомъ факультетѣ, и выбросилъ изъ него все то, что могло оказаться «соблазнительнымъ» для тогдашняго русскаго обывателя, воспитаннаго въ условіяхъ дореформеннаго строя.

И, тѣмъ не менѣе, даже такой «кастрированный» курсъ Ковалевскій сумѣлъ сдѣлать необыкновенно интереснымъ. Въ сущности, онъ излагалъ намъ ученіе о конституціяхъ, т.-е. трактовалъ о предметѣ, самое названіе котораго считалось тогда чуть ли не запретнымъ, ибо слово «конституція» было «жупеломъ», пугавшимъ далеко не однихъ только замоскворѣцкихъ купчихъ. Лекціи его мы всегда слушали съ восторгомъ, съ наслажденіемъ. Бывало, вдоволь наскучаешься у Боголѣнова за какими-нибудь «дигестами» императора Юстиніана или у Мрочека-Дроздовскаго за «Русской Правдой» Ярослава Мудраго, вниманіе утомится, мозгъ отяжелѣетъ, и вдругъ—пріятный отдыхъ: на кафедрѣ появляется Ковалевскій. Его атлетическая, грузная фигура, неизмѣнно облеченная въ длинный черный сюртукъ, еще не успѣла, какъ слѣдуетъ, и еще не раздался его великолѣпный, звучный голосъ, а уже вся аудиторія, что называется, заходила ходуномъ. Оживились скучающія лица, и сотни глазъ жадно устремились на любимаго профессора. А онъ ждетъ нѣкоторое время, какъ бы собираясь съ мыслями, и, лишь только водворится въ залѣ полнѣйшая тишина, среди которой можно разслышать даже шопотъ, сразу начинаетъ говорить чрезвычайно быстрымъ темпомъ. Его рѣчь—такой-то шумный, сверкающій каскадъ словъ. Правда, она изобилуетъ длинными періодами, быть можетъ, нѣсколько утомительными для непривычнаго слуха, но въ ней бездна содержанія: сколькими научными цитатами она всегда пересыпана, сколько въ ней разныхъ остроумныхъ сопоставленій, красивыхъ образовъ, мѣткихъ сравненій, какое богатство фактическаго матеріала, сви-

дѣтельствующаго о колоссальной памяти и совершенно исключительной эрудиции говорящаго! Иногда онъ отвлечется отъ своей главной темы и неожиданно сдѣлаетъ экскурсію въ область современной русской жизни, напримѣръ, расскажетъ какой-нибудь характерный эпизодъ изъ практики нашихъ правительственныхъ учреждений, да еще приправитъ свой рассказъ тонкимъ сарказ-

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

момъ, язвительной шуткой, которая заставитъ громко расхохотаться всю аудиторію. Тогда онъ и самъ, бывало, не выдержитъ, и на кафедрѣ вдругъ раздается его заразительно-веселый, раскатистый смѣхъ съ низкими, басовыми нотами.

Ковалевскій положительно былъ кумиромъ студенческой молодежи. Помимо того, что его любили, какъ талантливаго профессора, въ немъ цѣнили необыкновенную отзывчивость и доброту,

которыя онъ систематически проявлялъ по отношенію къ бѣднѣйшей части студенчества. Мнѣ, напримѣръ, извѣстны случаи, когда обитатели такъ называемой «Ляпки» обращались къ нему за матеріальной помощью, и онъ никому изъ нихъ не отказывалъ. Надо замѣтить, что въ этомъ обществѣ находили пріютъ, главнымъ образомъ, представители разныхъ землячествъ, въ то время не имѣвшихъ еще почти никакой организаціи. Стекавшіеся въ Москву изъ далекой провинціи и брошенные здѣсь на произволъ судьбы, бѣдные учащіяся юноши находили въ душѣ Максима Максимовича живѣйшій откликъ, вызвали его горячее сочувствіе, и онъ имъ всячески покровительствовалъ.

Въ описываемую эпоху М. М. Ковалевскій стоялъ во главѣ кружка, гдѣ сгруппировались лучшія силы передовой московской интеллигенціи. Уютная квартира его на Моховой, сплошь заваленная книгами, была тѣмъ культурнымъ уголкомъ Москвы, въ которомъ многіе талантливѣйшіе представители науки, извѣстные литераторы и выдающіеся общественные дѣятели вели между собой оживленные разговоры на жгучія политическія темы. Кромѣ близкихъ друзей Максима Максимовича—А. И. Чупрова, И. И. Янжула, С. А. Муромцева, здѣсь на «четвергахъ» можно было встрѣтить у него Н. К. Михайловскаго, Н. В. Шелгунова, П. Д. Боборыкина, А. И. Эртеля, В. А. Гольцева и много другихъ лицъ, пользовавшихся тогда въ Москвѣ широкой извѣстностью. И въ этомъ культурномъ уголкѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого радушнаго хозяина его, впервые, можетъ быть, намѣчались основы нашей будущей политической свободы, заря которой занялась, увы, лишь по прошествіи длинной вереницы лѣтъ.

Выдающаяся талантливость М. М. Ковалевскаго гармонически сочеталась у него съ поразительной работоспособностью. Помимо лекцій и разнообразныхъ ученыхъ сочиненій, которыя онъ писалъ съ такою же кажущеюся легкостью, съ какою атлетъ ворочаетъ на аренѣ цирка тяжелыя гири, у него была почти ежедневная работа въ какомъ-нибудь изъ многочисленныхъ ученыхъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ,—юридическомъ, психологическомъ, въ обществѣ любителей россійской словесности и т. д. Живо помню его состязавшимся съ Д. А. Дрилемъ, нынѣ тоже уже покойнымъ, по поводу реферата послѣдняго о малолѣтнихъ преступникахъ. Дриль былъ пораженъ начитанностью Максима Максимовича въ той научной области, въ которой онъ, по всей справедливости, не могъ считать его специалистомъ, и тутъ же при всѣхъ высказалъ ему свое удивленіе.

Припоминается мнѣ диспутъ профессора А. С. Алексѣева, защищавшаго докторскую диссертацию, предметомъ которой были политическія воззрѣнія Ж.-Ж. Руссо. Ему оппонировалъ М. М. Ковалевскій. Вся обстановка диспута носила чрезвычайно торже-

ственный характеръ. Актовый залъ университета былъ переполненъ публикой. Въ первомъ ряду сидѣло нѣсколько «звѣздоносцевъ» и среди нихъ добродушнѣйшій старичокъ К. И. Садоцовъ, тогдашній помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа. Кажется, онъ присутствовалъ здѣсь лишь съ декоративной цѣлью, потому что все время сладко дремалъ въ своемъ креслѣ, только изрѣдка просыпаясь и пожевывая губами. Но и онъ, помнится, слегка оживился, когда послѣ вступительной рѣчи Алексѣева вдругъ заговорилъ Ковалевскій, и цѣлый потокъ краснорѣчивыхъ, сверкающихъ остроуміемъ фразъ полился изъ его устъ. Максимъ Максимовичъ былъ въ какомъ-то особенномъ ударѣ. Убийственные сарказмы непрерывно слетали у него съ языка, и онъ сыпалъ ими въ бѣднаго диспутанта, какъ шрапнелью. Между прочимъ, Алексѣевъ пытался доказать въ своей диссертации, что знаменитый «Общественный договоръ» («Contrat social») Руссо написанъ имъ подъ исключительнымъ вліяніемъ государственнаго строя Женевы и внѣ всякой зависимости отъ политическихъ идей восемнадцатаго вѣка. Ковалевскій же весьма ядовито изобличалъ его въ одностороннемъ освѣщеніи предмета, причемъ разъ у него вырвалась даже такая фраза: «Помилуйте, между явлениями, на которыя вы здѣсь указываете, столько же причинной связи, сколько, на примѣръ, между лиссабонскимъ землетрясеніемъ и освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости!..» Впрочемъ, нѣкоторые удары Ковалевскаго Алексѣевъ отпарировалъ довольно удачно и, въ концѣ концовъ, былъ признанъ достойнымъ искомой ученой степени при громѣ аплодисментовъ, относившихся, какъ мнѣ показалось, не столько къ нему самому, сколько къ его талантливому оппоненту.

Помню другой диспутъ въ то время еще совѣзмъ молодого профессора П. Г. Виноградова (впослѣдствіи также добровольнаго изгнанника), написавшаго для своей докторской диссертации капитальный трудъ по соціальной исторіи Англій. М. М. Ковалевскій выступилъ тогда вторымъ оппонентомъ вслѣдъ за В. И. Герье, который въ своей пространной, изрядно-таки утомившей публику рѣчи останавливался преимущественно на внѣшней сторонѣ диссертации, на разныхъ мелочахъ, на примѣръ, на неясности терминологіи у Виноградова и т. п. Но вотъ раздался звучный голосъ Ковалевскаго, сразу приковавшаго къ себѣ общее вниманіе и заставившаго чутко насторожиться весь огромный залъ. Помнится, даровитый оппонентъ особенно поразилъ тогда всѣхъ своей колоссальной научной эрудиціей. Одинъ молоденькій помощникъ присяжнаго повѣреннаго долго не могъ успокоиться по окончаніи диспута и все восклицалъ: «Ну, и память же у этого Максима Ковалевскаго! Какова сила! Ахъ, чортъ его возьми! Это не человѣкъ, а какой-то сверхъестественный феноменъ!»

Выраженіе «сверхъестественный феноменъ» мнѣ всякій разъ потомъ вспоминалось, когда я присутствовалъ при публичныхъ выступленіяхъ М. М. Ковалевскаго. Въ самомъ дѣлѣ, слушаешь этого «феномена» и поражаешься его «силицей». Точно богатырь-атлетъ: схватилъ десятипудовую гирию и швырнулъ ее, какъ перышко, потомъ другую, третью и т. д.—все съ одинаковой легкостью. А ты, въ качествѣ простаго смертнаго, только смотришь на это зрѣлище и изумляешься.

Въ частной жизни М. М. Ковалевскій производилъ чарующее впечатлѣніе. Всегда веселый, жизнерадостный, онъ былъ обаятельнымъ собесѣдникомъ и всюду желаннымъ гостемъ, котораго всѣ приглашали къ себѣ, такъ сказать, на расхватъ. Я ни разу не слышалъ о немъ, какъ о чловѣкѣ, не только дурного, но и безразличнаго отзыва. Знакомые, долго его не видавшіе, стремились увидѣться съ нимъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Однажды пріѣхала въ Москву его давнишняя харьковская знакомая, родственница одной близкой мнѣ тогда семьи. Узнавъ, что я слушаю въ университетѣ лекціи Ковалевскаго, она просила меня передать ему поклонъ и приглашеніе непременно заѣхать къ ней, по старой памяти, «на чашку чаю». Я съ радостью исполнилъ это порученіе и получилъ отъ Максима Максимовича отвѣтъ, что, хотя онъ и долженъ быть сегодня на засѣданіи,—не помню какого,—не то археологическаго, не то антропологическаго общества, тѣмъ не менѣе постарается пріѣхать къ своей старой пріятельницѣ между девятью и десятью часами вечера.

Помню, я спозаранку пришелъ къ своимъ знакомымъ, гдѣ остановилась пріѣзжая харьковская дама, и весь вечеръ страшно волновался въ нетерпѣливомъ ожиданіи Максима Максимовича. Онъ запоздалъ, и лишь въ половинѣ одиннадцатаго раздался въ передней его звонокъ. А черезъ двѣ-три минуты въ маленькой гостиной, гдѣ мы сидѣли втроемъ, уже слышался его раскатистый смѣхъ, сыпались остроты, какъ изъ рога изобилія, и рассказы, рассказы безъ конца. Максимъ Максимовичъ говорилъ безъ усталости. Какъ сейчасъ, помню его рассказъ о Тургеневѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Парижѣ въ 1878 году на первомъ литературномъ конгрессѣ. По его словамъ, Тургеневъ былъ «дамскій угодникъ и кавалеръ», и, когда онъ бесѣдовалъ съ женщинами, въ особенности молодыми и хорошенькими, его наружность измѣнялась до неузнаваемости: лицо становилось какимъ-то приторно-сладкимъ, голосъ пріобрѣталъ неестественную тягучесть, почти гнусавость, и вся фигура выражала «рабскую готовность служить». Съ мужчинами же, наоборотъ, онъ бывалъ, по большей части, холодно-вѣжливъ и сухъ. Между прочимъ, Максимъ Максимовичъ вспоминалъ, какъ Тургеневъ предсѣдательствовалъ на конгрессѣ и какъ ему не удавалось водворить порядокъ на засѣданіи. Чтобы

прекратить поднимавшійся шумъ, онъ каждый разъ растерянно вскакивалъ съ мѣста, комично взмахивалъ своими большими руками и принимался изо всей мочи звонить. Кончилось тѣмъ, что звонокъ выпалъ у него изъ рукъ, и Тургеневъ, страшно сконфуженный, беспомощно опустился на свое предсѣдательское кресло...

Много рассказывалъ въ тотъ вечеръ Максимъ Максимовичъ. Уже было далеко за полночь, когда онъ взглянулъ на часы, покачалъ головой и, быстро поднявшись съ мѣста, началъ торопливо прощаться съ нами.

Съ тѣхъ поръ я уже ни разу не встрѣчался съ нимъ въ домашней обстановкѣ, лекціи же его продолжалъ усердно посѣщать, а также и засѣданія ученыхъ обществъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Однако и это продолжалось недолго. Дѣло въ томъ, что на Максима Максимовича вскорѣ было воздвигнуто въ стѣнахъ университета настоящее гоненіе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ чьихъ-либо доносовъ его лекціи вдругъ начали обращать на себя усиленное вниманіе «начальства». Мимо аудиторіи, гдѣ онъ ихъ читалъ, все чаще и чаще стали шнырять педеля и субъ-инспекторъ, который иногда даже отваживался тихонько пріотворить дверь и просунуть въ нее голову, очевидно, прислушиваясь къ лекціи. Дѣло дошло до того, что однажды самъ инспекторъ Брызгаловъ, услышавъ за дверью громкіе аплодисменты и шумъ, стремительно ворвался въ аудиторію и закричалъ:

— Что за безобразіе! Какъ вы смѣете производить здѣсь безпорядокъ? Вотъ я васъ!

Ковалевскій, уже сходявшій было съ кафедры, тотчасъ же возшелъ на нее опять и, обращаясь къ Брызгалову, отчеканилъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Господинъ инспекторъ! Вы мѣшаете мнѣ вести бесѣду съ моими слушателями... Потрудитесь удалиться!

Красный, какъ кумачъ, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, Брызгаловъ тотчасъ же поспѣшилъ ретироваться, не промолвивъ въ отвѣтъ ни одного слова. Но сердце его кипѣло жаждой мести. Противъ Ковалевскаго немедленно былъ организованъ имъ форменный заговоръ. И вотъ на ни въ чемъ неповиннаго профессора посыпались ложные доносы, отъ которыхъ вѣяло такимъ специфическимъ запахомъ «брызгаловщины», что тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа графъ Капнистъ открыто и во всеуслышаніе называлъ ихъ гнусными. Лейтъ-мотивомъ всѣхъ этихъ доносовъ было то, что Ковалевскій, будто бы, восхваляетъ въ своихъ лекціяхъ республиканскій образъ правленія и порицаетъ русское самодержавіе. Помнится, рассказывали тогда, что у какого-то студента нашли даже записи, вполне изобличившія «вольнодумнаго профессора», который въ связи съ этимъ экстренно былъ

вызванъ въ Петроградъ для личныхъ объясненій съ министромъ Деляновымъ, и что послѣдній, будто бы, предложилъ ему подать прошеніе объ отставкѣ.

Несомнѣнно, однако, что Максимъ Максимовичъ никакого прошенія объ отставкѣ не подавалъ и попрежнему продолжалъ свою профессорскую дѣятельность. Но вотъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Наступаетъ лѣто 1887 года. Повидимому, ничто не предвѣщало близости печальной развязки. Какъ вдругъ телеграфъ неожиданно приноситъ сенсационную вѣсть: «ординарный профессоръ московскаго университета Ковалевскій уволенъ отъ службы».

Разумѣется, наша періодическая печать не обмолвилась ни единымъ словомъ о причинахъ изъятія изъ старѣйшаго русскаго университета его гордости и красоты, одного изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ и ученыхъ, которымъ смѣло могла бы гордиться вся Европа: объ этомъ щекотливомъ вопросѣ приказано было молчать.

Какъ извѣстно, М. М. Ковалевскій былъ приглашенъ читать лекціи въ стокгольскомъ университетѣ. Оттуда онъ писалъ, между прочимъ, своему племяннику Е. П. Ковалевскому, нынѣ извѣстному депутату Государственной Думы:

«Мы, профессора, пользуемся здѣсь абсолютной свободой преподаванія, которое не регламентируется никакими уставами. Никто также не интересуется нашимъ политическимъ направленіемъ, ибо всѣ направленія имѣютъ здѣсь одинаковое право на существованіе кромѣ одного только... скучнаго».

За точное воспроизведеніе слышаннаго мною отъ Е. П. около тридцати лѣтъ тому назадъ я, конечно, не ручаюсь.

Князь Б. А. Щетининъ.

ДѢВИЧИЙ ИНСТИТУТЪ ЦАРИЦЫ МАРИИ НА ЦЕТИНЬИ¹⁾.

Оцѣнка института, какъ общеславянскаго заведенія.—Прїѣздъ короля сербскаго Александра и князя Фердинанда Болгарскаго.—Посѣщеніе института во время капикуль великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ.—Зданіе увеличивается.—Повышается русская субсидія.—Образъ черногорки, рисуемый княземъ Николаемъ въ «Балканской Царицѣ».—Дочери старыхъ воеводъ.—Новый типъ черногорки въ памфлетѣ князя «Како се ко роду».—Измѣненіе женскихъ типовъ.—Интриги противъ института.—Прогрессъ мужчинъ-черногорцевъ.—Австрійское вліяніе.—Отзывъ объ институтѣ императора Франца-Иосифа.—Рѣчь князя Николая въ скупщинѣ въ 1905 году.—Обзоръ просвѣщенія страны.—Полное одобреніе заведенію и его начальницѣ до мая 1907 г.—5-е іюня 1907 г.—Разорванный портретъ.—Институтъ въ опалѣ.—Заведеніе растетъ и прогрессируетъ.—Поддержка П. А. Столыпина.—Начальница на «мертвой стражѣ».—Война, требованіе очистки института подъ лазаретъ.—Едва отстояли.—Двадцатипятилѣтній юбилей С. П. Мертваго.—Послѣднее торжество въ институтѣ: трехсотлѣтіе дома Романовыхъ.—Закрытіе русскаго цетиньскаго института послѣ сорока пяти лѣтъ плодотворной дѣятельности.—Письмо воспитанницы.

ИНСТИТУТЪ въ Цетиньи все болѣе и болѣе завоевывалъ довѣріе славянскаго міра. Софья Петровна Мертваго никуда изъ него не стремилась, вся ея жизнь, всѣ интересы сосредоточились въ немъ. Быстро мчалось время въ созиданіи незамѣтнаго, но большого дѣла. Самостоятельность начальницы была полная. Съ одной стороны поддерживаемая благоволеніемъ русскою государыни, съ другой—княгини Милены и князя Николая, который, чувствуя въ Софьѣ Павловнѣ преданность и любовь къ Черногоріи, поручилъ ей съ довѣріемъ воспитаніе славянокъ, которыя стекались съ разныхъ концовъ Балканскаго полуострова къ нему въ Цетинье, дѣлая въ послѣдствіи честь тому учебному заведенію, изъ котораго онѣ вышли.

Вскорѣ зданіе, построенное для тридцати дѣвочекъ, было не въ состояніи вмѣщать большой наплывъ воспитанницъ, и тогда

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXLIV, стр. 194.

начальницѣ пришлось ходатайствовать о расширеніи института, а также и о церкви, которая уже не вмѣщала всѣхъ молящихся, такъ какъ прекрасный хоръ всегда привлекалъ не только русскую колонію, но и родителей воспитанницъ.

Изъ министерства народнаго просвѣщенія и Святѣйшаго Синода была отпущена сумма денегъ на расширеніе того и другого. П. И. Побѣдоносцевъ съ большимъ интересомъ относился къ этому дѣлу. Церковь вскорѣ удалось превратить въ просторный, высокій храмъ, перестроивъ на деньги, присланныя Синодомъ. Одновременно также были получены и два образа св. Николая и пророка Даніила; иконостасъ увеличенъ ими. Церковь обогатилась также новою утварью и облаченіями.

Отношенія съ княжеской семьей продолжали быть искренними и сердечными. Все такъ же княжны Елена и Анна любили приходить къ обѣднѣ, а затѣмъ проводили нѣкоторое время въ бесѣдахъ съ дѣвочками. Вскорѣ княжна Елена была помолвлена съ принцемъ неаполитанскимъ, и князь Николай не преминулъ привести высокаго гостя въ институтъ. Передъ тѣмъ, какъ княжна Елена навсегда покинула Черногорію и вмѣстѣ съ нею и православіе, она приходила проститься съ институтомъ и его начальницей и долго на колѣняхъ молилась въ православной церкви, которую такъ любила посѣщать. Въ 1897 году вышла замужъ и княжна Анна за принца Баттенбергскаго. Бракосочетаніе состоялось въ монастырской церкви, и невѣста пожелала, чтобы хоръ институтокъ пѣлъ на ея свадьбѣ. Всѣ присутствующіе удивлялись стройному хорошему пѣнію, неизвѣстному въ Черногоріи. За нѣсколько дней до свадьбы княжны Анны Цетинье посѣтилъ король сербскій Александръ. Князь Николай привезъ его въ институтъ, гдѣ онъ торжественно былъ принятъ воспитанницами и передалъ начальницѣ орденъ св. Саввы, просвѣтителя Сербіи. Осмотрѣвъ заведеніе, король Александръ сказалъ, что онъ очень бы желалъ имѣть въ Сербіи подобный институтъ.

Вскорѣ послѣ этого состоялся пріѣздъ въ Цетинье Фердинанда Болгарскаго, который также, посѣтивъ институтъ, съ нѣмецкой практичностью нашель, что онъ представляетъ собой тотъ подходящий типъ общеславянскаго воспитательнаго заведенія, которое желательно было бы имѣть и въ Болгаріи. Въ свою очередь, онъ украсилъ начальницу болгарскимъ орденомъ за гражданскія заслуги.

Наконецъ, въ 1899 году, въ отсутствіе начальницы института, лѣтомъ на свадьбу наслѣдника черногорскаго Даніила собралось много гостей въ Цетиньи. Представителемъ государя на торжествахъ былъ великій князь Константинъ Константиновичъ, и на этотъ разъ князь Николай Черногорскій пожелалъ познакомить августѣйшаго гостя своего съ тѣмъ даромъ русскихъ императрицъ,

которымъ не могъ не похвалиться. Онъ повелъ великаго князя въ институтъ во время каникулъ и былъ встрѣченъ помощницей начальницы М. А. Матренинской, которая сопровождала ихъ во время осмотра заведенія, послѣ чего угощала высокихъ посѣтителей чаемъ, сервированнымъ на террасѣ, во время котораго, по желанію князя, была составлена благодарственная телеграмма на имя С. П. Мертваго, посланная ей въ Россію.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что у князя не было причинъ быть недовольнымъ духомъ того просвѣтительнаго дѣла, которое съ такой любовью и вниманьемъ насаждали русскія императрицы въ Черногоріи. Можно было только сожалѣть, что зданіе института было такъ мало, что не умѣщало въ себѣ всѣхъ желающихъ поступить въ него, что и выразилъ великій князь Константинъ Константиновичъ, сказавъ: «Il y a plus de lits que de place». Но и этой бѣдѣ вскорѣ пришла на помощь государыня императрица Марія Ѳеодоровна, и, по ея желанію, Россія ассигновала 15,000 рублей на перестройку и расширение зданія, и въ 1903 году оно уже стало однимъ изъ самыхъ большимъ въ Цетиньи. Просторные дортуары, классы, пріемный залъ, все это дало возможность довести количество ученицъ до 120 и сдѣлать институтъ въ четыре раза больше того, чѣмъ онъ былъ въ моментъ его основанія. Въ это же время годовая субсидія была увеличена на 12,000 рублей. Черногорцы съ чувствомъ глубокой признательности относились къ этой такъ называемой ими «задужбинѣ Царицы русской», что, по понятіямъ народнымъ, означаетъ «доброе дѣло, созданное для души жертвователя». Велика задача воспитанія православной женщины-славянки: она своей вселенной душой должна въ міровой борьбѣ за существованіе смиренно выступить, съ крестомъ въ рукахъ, въ защиту вѣчной, неоспоримой истины, въ защиту материнства и подчиненія себѣ мужчины не въ физическомъ и умственномъ отношеніи, а только въ нравственномъ. Прекрасно рисуетъ образъ черногорки поэтъ Князь Николай Черногорскій въ своей драмѣ «Балканская Царица», начиная ее посвященіемъ черногоркѣ. Онъ пишетъ:

«Но, черногорки, кто жъ теперь
 Воздастъ награду вамъ?...
 Не поддаетесь вы душой
 Рыданьямъ и слезамъ,
 Вы съ твердостью свою печаль
 Однѣ лишь въ силахъ снести,
 Когда о гибели родныхъ
 До васъ доходитъ вѣсть!
 У васъ для горя и тоски
 Другой назначенъ часъ,
 И провожаете на бой,
 На смерть вы смѣло насъ!

Вы жизнь готовы положить
 За родину свою,
 И только послѣ слышенъ плачъ
 По сгибнувшимъ въ бою!
 Вы воздаете имъ хвалу
 За доблесть ихъ и честь,
 Воспламеняя въ насъ живыхъ
 Отвагу, гнѣвъ и месть!
 Въ лохмотьяхъ жалкихъ, босикомъ,
 Голодные, въ пыли,
 За нами мужественно вслѣдъ
 Съ припасами вы шли!
 Не меньше насъ несете вы
 Тяжелаго труда,
 Лишений, тягостей и жертвъ
 Для родины,—когда
 Наступитъ битвы грозный день
 И время тяжкихъ мукъ:
 Беремъ мы порохъ и свинецъ
 Изъ вѣрныхъ вашихъ рукъ!
 И рядомъ съ символомъ—крестомъ,
 Свободой золотой,
 Мы видимъ ангельскій вашъ ликъ
 Сквозь дымъ пороховой!
 Такъ могъ ли я души моей
 Желанье одолѣть,
 Чтобъ черногорскихъ дѣвъ и женъ
 Заслуги не воспѣть;
 Чтобъ подвиги ихъ не вознестъ
 На тотъ алтарь святой,
 Гдѣ въ честь свободы ениміамъ
 Дымится вѣковой!
 Вашъ, сестры, богатырскій духъ,
 Страданія и кровь,
 Рѣшимость, благородство чувствъ
 И къ родинѣ любовь—
 Перенесли меня въ тотъ вѣкъ,
 Тотъ страшный вѣкъ, когда
 Играла сербскою землей
 Злыхъ янычаръ орда!
 Я въ Зетѣ женщину нашель;
 Какъ вы, была она
 Любовью къ родинѣ своей
 И доблестью полна!
 Я чувства ваши и дѣла
 Въ уста ея вложилъ,
 Чтобъ свѣтлый образъ этотъ вамъ
 Примѣромъ вѣчнымъ былъ!

Если идеалъ черногорки, рисуемый княземъ Николаемъ, не удержался во всей его чистотѣ, то причина не въ самой женщинѣ, а въ историческихъ судьбахъ народа, перемѣнѣ условій жизни страны, а вслѣдствіе этого и измѣненіи типовъ людей, которымъ приходится принаравливаться къ новому существованію. Мате-

ріаль остался тотъ же и изъ него умѣлою рукой можно вылѣпить прекрасную человѣческую фигуру.

Передъ нами возстаютъ образы первыхъ институтокъ, дочерей старыхъ воеводъ-крестоносцевъ, ими исключительно былъ заполненъ институтъ въ первыя времена существованія. Чистыя сердцемъ, эти дѣвушки поступали въ заведеніе изъ примитивныхъ домовъ своихъ родителей, гдѣ росли въ высоконравственныхъ понятіяхъ, подъ вліяніемъ воиновъ-священниковъ, слушая ихъ «ліепи рѣчи», т. е. наставленія, или отдыхая послѣ трудового дня подъ звуки старыхъ гусель и сказаній гусяровъ, своихъ домашнихъ поэтовъ. Эти свѣжіе типы были податливы на всякое вліяніе, и первая начальница всѣми любимая Н. П. Пацевичъ сумѣла примѣнить ихъ къ культурной жизни. Онѣ восхищали всѣхъ иностранцевъ умѣньемъ себя держать, соединяя съ европейскимъ образованіемъ нѣчто такое, что дается только славянской натурѣ, которая особенно поражаетъ этимъ другія націи. Въ ней нѣтъ проявленій чрезмѣрнаго кокетства, дѣлающаго изъ женщины опасную игрушку, нѣтъ въ ней и бездны премудрости, отнимающей женственность, а есть спокойное достоинство, величавая осанка женщины, которую сегодня вы встрѣчаете въ гостиниѣ, умѣющей поддержать весело и остроумно свѣтскій разговоръ съ представителями разныхъ націй, а завтра вы можете застать ее у семейнаго очага, въ фартукѣ, среди дѣтей и хозяйственныхъ заботъ, работающей наравнѣ со своими слугами. Въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго института, сообразно съ движеніемъ общимъ въ странѣ, этотъ типъ черногорки даетъ разновидности.

Во всякомъ случаѣ эти типы, какъ старые, такъ и молодые, очень красочны, каждый въ своемъ родѣ.

Недавно мнѣ пришлось видѣть черногорку-институтку стараго времени, по рожденію принадлежащую къ боевому славянскому племени; она всецѣло восприняла европейскую культуру, элегантна, воспитана, красива, вращается въ лучшемъ европейскомъ обществѣ и сохранила вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ неотъемлемымъ спутникомъ жизни православіе, которое какъ-то особенно отгнѣняетъ ея личность и даетъ ей поэзію и краски Востока; и вотъ она столкнулась съ другой черногоркой, очень молодой дѣвушкой, современнымъ типомъ, принадлежащей по рожденію къ одному изъ самыхъ родовитыхъ героическихъ племенъ Черногоріи. Она кончила курсъ въ цетиньскомъ институтѣ и теперь поступила въ университетъ въ Швейцаріи. Сошлись эти два элемента, кровно близкіе другъ другу. Споръ разгорѣлся горячо на отвлеченныя темы. Меньшая, какъ орленокъ, выпущенный изъ гнѣзда, налетала на старшую. Бой длился довольно продолжительно и можно было съ интересомъ слѣдить за нимъ. Каждая осталась при своемъ мнѣніи. Слушая ихъ, мнѣ ясно стало, что задачи воспитанія всѣхъ этихъ

народностей и приноравливанія ихъ къ современной жизни дѣлаются съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе.

У начальницы не прерывается связь съ бывшими воспитанницами, и она имѣетъ о нихъ точныя свѣдѣнія, гдѣ бы онѣ ни находились. Большинство пишутъ ей и дѣлятся съ нею всѣми событіями жизни. Всѣ почти выходятъ замужъ. Остающіяся не замужемъ дѣлаются учительницами первоначальныхъ школъ,—такимъ путемъ образованіе ихъ тотчасъ же примѣняется къ дѣлу. Тѣмъ временемъ институтъ работаетъ надъ воспитаніемъ третьяго поколѣнія, т. е. внучекъ первыхъ выпусковъ. Имѣя въ теченіе двадцати пяти лѣтъ возможность слѣдить за результатами своего воспитанія, Софья Петровна легче другой можетъ справиться съ ихъ разновидностью и, зорко слѣдя за переменами, совершающимися вокругъ нея, она опускаетъ поводья тамъ, гдѣ нужно ихъ отпустить, и умѣетъ во-время закрыть шлюзы, чтобы разбушевавшіяся стихіи не успѣли ворваться несвоевременно въ жизнь воспитываемыхъ ею дѣтей.

П. А. Ровинскій въ своихъ частыхъ путешествіяхъ по странѣ посѣщалъ города и села, гдѣ въ семьяхъ были женщины или дѣвушки, воспитанныя въ цетинскомъ институтѣ. Вездѣ, по его словамъ, онѣ были на своемъ мѣстѣ. Въ примитивную, бѣдную жизнь онѣ умѣли вносить тотъ уютъ и женскую ласку, которыя освѣщаютъ и одухотворяютъ самыя бѣдныя и несчастныя жилища. Воспитаніе дѣтей разумно ведется матерью, она готовитъ ихъ къ поступленію въ школу.

Словомъ, страна признательна Россіи за направленіе, которое она даетъ ея женщинамъ, а гласъ народа, говорятъ, гласъ Божій.

Теперь надо перейти къ явленію обратному; почему не всѣ относились доброжелательно къ институту? Появилась молодежь въ Цетиньи, воспитанная за границей, преимущественно въ Австріи, набравшаяся поверхностной культуры. Семейная жизнь, серьезный отвѣтственный трудъ не притягивалъ ихъ къ себѣ, и женщина, воспитанная въ понятіяхъ долга, была для нихъ скучна и не интересна; явился протестъ. Стали жаловаться князю и княгинѣ на чрезмѣрную строгость, по ихъ мнѣнію, на то, что братья не допускались въ институтъ во всякое время, за то, что будто дѣвочки отчуждались отъ семьи. Князь Николай, незадолго передъ этимъ украсившій начальницу золотой медалью со своимъ изображеніемъ и давъ ей портретъ съ сердечной благодарностью за воспитаніе сербской молодежи, сталъ, незамѣтно для себя, прислушиваться къ заявленіямъ. Появились во дворцѣ анонимныя письма, содержаніемъ которыхъ князь дѣлился съ начальницей; продолжая оказывать ей глубокое довѣріе, онъ долго не поддавался этимъ навѣтамъ и отвѣтилъ на нихъ въ то время, написавъ памфлетъ «Како се ко роди» (кто какъ родится). Въ немъ появляется

современная институтка, новая Даница, не тотъ «вѣчный примѣръ», указанный имъ въ «Балканской Царицѣ»,—типъ этой дѣвушки какъ будто мѣняется въ зависимости отъ новыхъ обстоятельствъ жизни. Даница-институтка также примѣрная дѣвушка, хозяйка. Въ заботахъ о семейномъ очагѣ прежняя Даница въ ней только дремлетъ, но тотчасъ просыпается, когда наступаетъ война, и черногорка ходитъ за ранеными, воодушевляя мужчинъ, возбуждая въ нихъ храбрость и чувство чести. Мораль памфлета не обвиненіе института, не въ немъ указываетъ авторъ нескать причины неудачи воспитанія, а въ самой натурѣ дѣвушки-черногорки, въ ея измѣнившемся міросозерцаніи. Князь пригласилъ начальницу посмотреть на эту пьесу, зная прекрасно, что обиднаго въ ней ничего нѣтъ, и такъ же, какъ всегда, продолжалъ съ уваженіемъ относиться къ Софьѣ Петровнѣ.

Вліяніе русскаго института въ Черногоріи не могло укрыться отъ прощипательныхъ глазъ австрійскаго правительства. Въ противовѣсъ русскому дѣлу было воздвигнуто огромное заведеніе въ Зарѣ, которое красуется на самомъ берегу Адриатическаго моря, а также въ Мостарѣ и Сараевѣ. Несмотря на это, далматинки, герцеговинки и боснячки продолжали тянуться къ русскому или, скорѣе, общеславянскому духу цетиньскаго института. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, въ 1906 году, князь Николай былъ принятъ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ, который, между прочимъ, сказалъ ему: «Il paraît, Monseigneur, que vous avez un institut modèle pour les jeunes filles à Cettigné? Je vous en fait mon compliment, il m'est arrivé souvent d'entendre dire du bien de cet établissement». Вернувшись въ Цетинье, князь не замедлилъ зайти въ институтъ и сообщилъ начальницѣ любезное замѣчаніе австрійскаго императора.

Слава, которая разносилась объ институтѣ далеко за предѣлы Черногоріи, не могла не льстить самолюбію абсолютнаго монарха, который въ то время имѣлъ полное право сказать: «l'état c'est moi!» Въ 1905 году, за годъ до открытія скупщины, князь Николай въ торжественной тронной рѣчи дѣлалъ обзоръ своему долготѣнному царствованію и, подводя итоги просвѣщенію страны, онъ выразилъ значеніе русской школы въ трехъ словахъ; онъ назвалъ ее «нашъ великій институтъ». Затѣмъ онъ перешелъ къ другимъ школамъ для дѣтей младшаго возраста, учрежденнымъ—первая ея величествомъ королевы итальянской Елены, подъ названіемъ «Радничка», школа принцессы Юланды, устройство которой, по просьбѣ королевы, приняла на себя Софья Петровна. Въ этой школѣ обучались дѣвушки изъ народа тканью и разнымъ другимъ рукодѣліямъ. Вторая для дѣтей дошкольнаго возраста—такъ называемый «дѣтскій садъ», имени великой княгини Милицы Николаевны, также

устроенная подъ руководствомъ Софьи Петровны на средства ея императорскаго высочества.

Великая княгиня купила для этого домъ съ садомъ и даетъ ежегодно содержаніе. Дѣтскій садъ поставленъ на очень большую высоту. Все, что появляется новаго въ просвѣщенной Европѣ для веденія этого дѣла, все доставляется цетиньскому дѣтскому саду. Самыя разнообразныя пособія заполняютъ шкапы, и двѣ учительницы умѣло ведутъ дѣло. Дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, свыше ста человѣкъ. Дѣвочки, вырастая, часто переходятъ въ институтъ уже подготовленнымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго обученія.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести одно заключеніе, что русскій институтъ и его начальница жили въ тѣсномъ единеніи не только со страной, но и съ княжеской семьей, которая постоянно и во всемъ оказывала довѣріе Софьѣ Петровнѣ, посвятившей себя Черногоріи, какъ второй родинѣ, беззавѣтно отдавая ей въ теченіе четверти вѣка всю себя, не жалѣя ни силъ, ни здорovia.

Между тѣмъ на горизонтѣ занималась заря новой жизни, молодые и неопытные общественные дѣятели Черногоріи не въ состояніи еще были понять и охватить крупное значеніе этого русскаго дѣла. Нѣкоторые члены скущины находили, что институтъ—государство въ государствѣ и что начальница, благодаря поддержкѣ князя и княгини, пользуется слишкомъ большой самостоятельностью. Долго продолжались подпольныя интриги, но все это какъ будто не вліяло на князя. Видимо, выслушивая все это и не придавая никакого значенія, онъ передъ отъѣздомъ въ Contrexville въ 1907 г. зашелъ проститься съ Софьей Петровной и между прочимъ заботливо и добродушно предупредилъ ее: «Ne faites pas attention à tout ce que l'on dit autour de vous. Vous êtes maîtresse absolue dans votre institut, vous ne dépendez que de la Princesse, et soyez sure, que vous avez notre confiance illimitée». Начальница, прощаясь въ этотъ день съ княземъ, и не подозрѣвала, что институтъ, который онъ такъ часто и охотно посѣщалъ, видитъ его въ послѣдній разъ въ своихъ стѣнахъ.

Прошелъ мѣсяць, вся княжеская семья уѣхала изъ Цетинья; оставался въ городѣ одинъ только второй сынъ, князь Мирко.

Стояла жаркая погода 5-го іюня 1907 года, и душныя вечера и ночи заставляли держать всѣ окна въ институтѣ открытыми. Въ нижнемъ этажѣ окна выходили въ садъ. Начальница поздно вечеромъ сидѣла наверху у открытаго окна, и вдругъ ей послышались шаги, и все снова замолкло. Она невольно стала прислушиваться и пошла, какъ всегда, въ дортуаръ, огромную комнату, гдѣ среди воспитанницъ спала помощница ея, М. А. Матренинская. Дѣти всѣ на глазахъ спали крѣпкимъ сномъ. Долго прислушивались

онѣ, но больше ничего не слышали, да и трудно было имъ подозрѣвать что-либо въ этой благословенной странѣ, среди народа, которому была посвящена вся жизнь этихъ двухъ женщинъ. Красть въ домѣ было нечего, и ворами незачѣмъ было приходить...

Настало утро, въ этотъ день были экзамены у дѣтей. Всѣ собрались въ большомъ залѣ, когда доложили о пріѣздѣ князя Мирко, который вошелъ и попросилъ начальницу пройти съ нимъ въ гостиную. Каково же было удивленіе Софьи Петровны, когда она услышала отъ него, что, по слухамъ, въ институтѣ дѣти разорвали портретъ его отца, князя черногорскаго. Начальница, какъ громомъ пораженная этими словами, воскликнула: «*Mais, cela ne peut pas être, Monseigneur, c'est une invention infâme!*»

Софья Петровна, тотчасъ же по его отъѣздѣ, вызвала свою помощницу, которая побѣжала внизъ, въ ту комнату, гдѣ на стѣнѣ находилась олеографія князя Николая, старый портретъ, лопнувшій отъ сырости и который она на нѣсколько времени передъ этимъ сняла со стѣны, чтобы отдать подклеить. Портрета въ комнатѣ не было, и куски его были разбросаны на дворѣ.

Дѣти, воспитанныя въ глубокомъ почитаніи своего государя, въ любви и преданности къ престолу, не могли сдѣлать этого, и начальница, воспитавшая въ нихъ всѣ эти высокія чувства, не могла допустить, чтобы кто-либо изъ дѣтей пошелъ на такое преступленіе. Когда возгорѣлись страсти и противники института стали требовать слѣдствія въ немъ, Софья Петровна, какъ львица, бросилась на защиту своихъ дѣтенышей и объявила, что не допустить подозрѣнію вкрадываться въ воспитаніе юношества, которое она растила на полномъ довѣрїи и чистой правдѣ. Протестъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ такъ искрененъ и силенъ, что власти не осмѣлились переступить порога заведенія, и дѣло это осталось не разслѣдованнымъ. Зато нѣмецкія газеты мигомъ разнесли по свѣту радостную вѣсть о безпорядкахъ, чинимыхъ въ русскомъ институтѣ въ Цетиньѣ.

Вскорѣ послѣ этого князь и княгиня черногорскіе вернулись домой, и начальница тотчасъ же испросила у нихъ аудіенцію. Все, что она говорила въ защиту дѣтей, осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Софья Петровна поняла, что связь между ними и институтомъ порвалась. Враги торжествовали, побѣда была полная, оправдалась поговорка: «*Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose*».

Тяжела была начальницѣ эта незаслуженная опала, но совѣсть ея была чиста передъ народомъ, которому она посвятила лучшую часть жизни, и многіе черногорцы оцѣнили это, стараясь успокоить ее. Главную поддержку, конечно, она чувствовала въ Россіи. Высокая покровительница института никогда не сомнѣва-

лась въ ней, зная ея преданность не только русскому дѣлу, но и общечеловѣческимъ задачамъ воспитанія.

Между тѣмъ жизнь не ждала, и какія бы препятствія ни стояли на пути человѣка энергіи и долга, онъ сумѣетъ отстранить ихъ и будетъ продолжать идти впередъ, вѣря въ успѣхъ самаго дѣла. Шесть лѣтъ опальнаго института не прошли даромъ. Работа кипѣла въ немъ. Въ дѣтяхъ поддерживалась та же преданность и любовь къ невидимому отнынѣ князю, впоследствии королю, присутствіе котораго въ прежнія времена такъ согрѣвало и освѣщало институтъ. Онъ не вмѣшивался въ дѣла заведенія, но и не мѣшалъ начальницѣ, которая до конца была признательна ему за это.

Матеріальное существованіе института зависѣло всецѣло отъ Россіи. Двадцать черногорокъ воспитывались на счетъ русской субсидіи, а остальные дѣвочки платили 400 австрійскихъ кронъ, т.-е. 160 рублей, каждая за полное содержаніе и обученіе. Софья Петровна вела всю хозяйственную часть сама, и славянскіе народы получали образованныхъ и воспитанныхъ дѣвушекъ, истративъ на нихъ ничтожную сумму денегъ.

Въ Черногоріи жизнь дорожала, какъ и вездѣ. Ассигнованные 5500 рублей при основаніи института продолжали выдаваться до 1888 года. Затѣмъ, благодаря усиленнымъ хлопотамъ Софьи Петровны, ей прибавили и стали давать 8000 рублей изъ министерства народнаго просвѣщенія. Впоследствии перешли по ея просьбѣ на 12,000 рублей. Сама начальница получаетъ жалованья въ 2250 руб., частью изъ Святѣйшаго Синода, частью изъ кабинета Его Величества. Все это не легко доставалось цетиньскому институту, жившему, можно сказать, подаянїями, и каждая выдача сопряжена была съ усиленными хлопотами начальницы. Дѣло велось осмотрительно, экономно, часто Софья Петровна жертвовала личныя средства на него, и все-таки дороговизна жизни, ремонтъ зданія и наконецъ бѣдность населенія, которое проситъ помощи, воспитанія дѣтей, а заплатить за это не можетъ, все это приводило къ дефицитамъ, вслѣдствіе которыхъ начальницѣ приходилось ѣздить въ Петербургъ, или, какъ образно выражается русскій крестьянинъ во время голода, «ходить въ кусочки», и эти кусочки собирались изъ разныхъ учрежденій. Покойный П. А. Столыпинъ своей благородной, чуткой, отзывчивой душой сразу понималъ, что дѣло это чистое, святое и полезное и что Россія, протягивающая руку своимъ меньшимъ братьямъ, не потеряетъ на этомъ. Есть восточная пословица, которая говоритъ: «Бросьте доброе дѣло въ море, и оно вернетъ его вамъ жемчужиной». Столыпинъ выхлопоталъ цетиньскому институту пособіе въ 8000 рублей, выдаваемое ежегодно по Высочайшему повелѣнію. Основная же сумма въ 12,000 рублей давалась изъ министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ путемъ облегчилось существованіе полезнаго русскаго дѣла на Балканахъ.

Зданіе цетиньскаго института было одно изъ лучшихъ въ маленькомъ своеобразномъ городкѣ, насчитывающемъ 4000—5000 жителей. На столицу Цетинье мало похоже, оно носитъ особый колоритъ военнаго лагеря, гдѣ можно найти пріютъ и отдыхъ среди безотрадной, какъ бы вымершей природы, холодныхъ, голыхъ скалъ. Освѣщенное электричествомъ, Цетинье издали видѣется, спускаясь съ высокихъ горъ. Русскій институтъ окруженъ обширнымъ садомъ, содержался домъ въ большой чистотѣ. Архитектурой онъ не блещетъ, но комнаты большія, воздуха и свѣта много. Лѣтомъ 1910 года, когда были торжества по поводу провозглашенія королевства и собрались многочисленные гости въ Цетинье, начальница уѣхала лечиться за границу и предоставила весь домъ въ распоряженіе гостей. Помощница Софьи Петровны заботилась о пріѣзжихъ, и шестьдесятъ пять человекъ гостей размѣстились въ зданіи института.

Такъ шло время до 1912 года. Приглядываясь къ окружающему, не трудно было замѣтить, что австрійскіе представители въ Цетиньѣ зорко слѣдятъ за русскимъ вліяніемъ на женщинъ-славянокъ, которыя, выходя изъ института, продолжали сохранять тѣсное общеніе съ Россіей. Въ первые годы своего пребыванія въ Черногоріи Софья Петровна охотно посѣщала и принимала у себя всѣхъ дипломатовъ иностранныхъ державъ безъ исключенія, но за послѣдніе годы русское чутье подсказало ей относиться съ осторожностью къ двуличной монархіи и послѣдняго представителя Австріи, бывшаго при ней, а именно всѣмъ извѣстнаго Гизеля, она совершенно игнорировала. Не легко было начальницѣ сидѣть въ Цетиньѣ противъ воли людей, недоброжелательно относящихся къ институту. Нужно было носить въ себѣ глубокое сознаніе исполненнаго дѣла, чтобы оставаться до конца, что называется, на мертвой стражѣ, которая не сходитъ со своего мѣста, пока не придуть ея смѣнить.

Въ день рожденія короля, 25-го сентября 1913 года, была объявлена война. Верхомъ на бѣломъ арабскомъ конѣ (подарокъ султана) ѣхалъ король Николай, окруженный сыновьями и блестящей свитой. Весело развѣвались знамена среди храбрыхъ его войскъ. Шествіе направилось къ турецкой границѣ, и скоро затѣмъ раздался первый сигнальный выстрѣлъ.

Съ этого момента жизнь институтокъ сливается съ общими интересами страны. Начинается усиленная работа для больныхъ и раненыхъ. Насколько дѣти могутъ быть полезными въ такія критическія минуты народнаго горя, настолько и несли они на своихъ плечахъ заботы и волненія, обычно вызываемыя войной. Патриотическія чувства росли съ успѣхами народныхъ героевъ. Не снилось дѣвочкамъ въ эти минуты, что онѣ могутъ быть обречены на изгнаніе изъ своего дома, изъ теплаго гнѣзда на улицу, на большую дорогу, гдѣ во время войны никто не можетъ считать себя въ без-

опасности, а возможность эта была близка отъ нихъ. Въ ноябрѣ, когда выпалъ снѣгъ и дороги стали непроѣздными, явилась мысль использовать институтъ на лазаретъ подъ раненыхъ и этимъ способомъ незаметно уничтожить его. Пришлось опять начальницѣ собрать все свои силы, чтобы дать отпоръ такимъ притязаніямъ. Распустить 120 дѣвочекъ въ зимнее время, вернуть ихъ въ семьи, куда онѣ упали бы, какъ снѣгъ на голову, да и нѣкоторые дома во время войны перестали существовать, въ виду того, что матери и сестры ушли вслѣдъ за мужьями, чтобы кормить ихъ, обмывать и ухаживать за ними. Интенданства у черногорцевъ не было, и солдаты обслуживались большей частью семьей. Вспокоился несчастный институтъ, и спасло его только то, что онъ зависѣлъ отъ Россіи: это была своего рода крѣпость, которую покидаютъ, но не берутъ. Отстояли ее на этотъ разъ. Наступила небольшая передышка, и 12-го января 1913 года было заключено временное перемиріе. Какъ разъ это число совпало съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ пребыванія начальницы института въ Черногоріи. Дѣти устроили ей въ стѣнахъ заведенія большое и сердечное торжество. Къ нимъ присоединились родители и многіе жители Цетинья, а также и дипломаты всехъ державъ, пользовавшіеся въ теченіе четверти вѣка широкимъ гостепріимствомъ Софьи Петровны, которая соединяла въ своей гостиной все, что было интереснаго и выдающагося въ Цетиньи. Весело и беззаботно отпраздновался этотъ день. Начальница была осчастливлена милостивымъ рескриптомъ государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны и награждена Маріинскимъ крестомъ за двадцать пять лѣтъ непорочной службы. Были адреса, подношенія, спектакль и танцы, и все это сливалось въ общемъ ликованіи по поводу славянскихъ побѣдъ. Перемиріе длилось не долго, и съ 25-го января начались новые кровавые бои, которые вызвали большой наплывъ раненыхъ. Съ соизволенія великой княгини Милицы Николаевны, начальница открыла зданіе дѣтскаго сада для приѣма раненыхъ. Оборудовать помещеніе, она съ помощью бывшихъ институтокъ и воспитанницъ старшаго класса взяла на свою отвѣтственность сорокъ человекъ, пользуясь одновременно въ этомъ дѣлѣ горячимъ содѣйствіемъ докторовъ.

Смутное время переживали балканскіе народы въ февралѣ 1913 г. Въ полномъ единеніи съ ними переживала и Россія это время. Наступали Романовскія торжества. Несмотря на скорбь страны, институтъ, созданный Романовыми, скромно отпраздновалъ въ своихъ стѣнахъ патріотическій русскій праздникъ. Начался этотъ день торжественной службой въ церкви и закончился концертомъ въ заведеніи, программа котораго начиналась гимномъ «Боже, Царя храни». За этимъ слѣдовало чтеніе: «Избраніе царя Михаила Ѳеодоровича», стихи «Подвигъ Сусанина», сцена изъ оперы «Жизнь за Царя»—арія Вани, сцена у фонтана изъ «Бориса Годунова» и нако-

нець гимнъ о воцареніи дома Романовыхъ. Закончилось торжество черногорскимъ гимномъ. Въ душѣ воспитанницъ цетиньскаго института царицы Маріи эти близкіе имъ и кровно понятные два народа, русскіе и черногорцы, всегда сливались воедино. Не думали дѣти, «que c'était leur dernier chant du cygne» и что заботы о Черногоріи дома Романовыхъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ—два мѣсяца спустя прекратятся навсегда, сдѣлавшись достояніемъ безпристрастной исторіи. Въ послѣдній разъ въ институтѣ праздновалась Пасха со всей торжественностью, многолюднымъ разговѣніемъ и всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ ее праздникомъ праздниковъ и торжествомъ изъ торжествъ, а къ этому еще присоединилась радость по поводу взятія Скутари. Много русскихъ, пріѣхавшихъ въ Цетинье на эти знаменательные дни, и другихъ приглашенныхъ собралось у длиннаго стола, покрытаго русскими яствами. Дѣвочки-институтки хлопотали и угощали гостей.

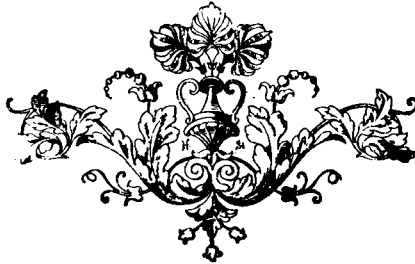
Все, что совершалось послѣ Пасхи, а именно письмо, въ которомъ упоминается о пріобрѣтеніи новыхъ земель черногорцами, которыя дали будто бы возможность имѣть собственныя школы, и наконецъ отказъ отъ института царицы Маріи, учрежденія, уже непригоднаго для нуждъ страны, все это вмѣстѣ взятое много разъ было описано какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ. Въ Австріи особенно внимательно отнеслись къ этому. Начальница переживала тяжелыя для нея событія, не двигаясь изъ Цетинья. Осенью Софья Петровна поѣхала въ Петроградъ, гдѣ 13-го сентября 1913 года было официально сообщено о закрытіи дѣвичьяго института царицы Маріи въ Цетиньѣ. Вслѣдъ за этимъ начальницѣ поручено было ликвидировать это дѣло на мѣстѣ. Въ концѣ октября С. П. Мертваго пришлось вернуться въ Черногорію и собственными руками разрушать любимое дѣло и вмѣстѣ со своей помощницей, М. А. Матренинскою, она въ ноябрѣ покидаетъ свое насиженное гнѣздо, оставивъ все нетронутымъ, прибраннымъ такъ, какъ будто вотъ сейчасъ вернется опять жизнь, и въ домѣ послышатся веселые голоса дѣтей...

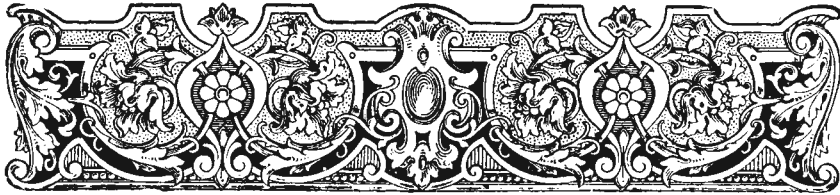
Долго оттуда доносились сожалѣнія о томъ, что утеряно навсегда.

«Горячо любимая Софья Петровна,—писала одна изъ бывшихъ воспитанницъ:—Христосъ Воскресе! Поздравляю васъ отъ всей души съ свѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія, которое первый разъ послѣ двадцати четырехъ лѣтъ не встрѣчу вблизи васъ и не буду въ дорогѣ институтѣ у васъ, незабвенная Софья Петровна! Всегда ужасно подумать объ институтѣ послѣ того, что съ нимъ сдѣлали, и обо всемъ, что было съ нимъ связано, было такъ близко сердцу и такъ скоро пролетѣло, но на этой недѣлѣ, которую мы больше всего любили, еще тяжелѣе. Нѣтъ говѣнья, причастія, нѣтъ чудной Страстной пятницы съ плащаницей; все

это было такъ дорого, такъ необходимо, и хотя не всегда приходилось бывать въ эти дни въ институтѣ, но все это переживалось мысленно и пріятно было подумать, что все это существуетъ. Теперь дорогая наша церковь закрыта, запечатана, и въ ней не раздается благообразное пѣніе «Да исправится», «Чертогъ Твой», «Благообразный Іосифъ», «Да воскреснетъ Богъ»... Живемъ мы, слава Богу, хорошо. Дѣти и мужъ здоровы. Я занята старшими, вожусь на кухнѣ, занимаюсь шитьемъ. Все же остается время на чтеніе и на музыку, и летитъ оно незамѣтно, такъ что не успѣваешь всего сдѣлать, что нужно. У насъ сейчасъ весна настала; скоро и въ нашемъ институтскомъ саду зазеленѣютъ деревья, но некому наслаждаться ими. Всегда грустно проходить мимо этого сада, смотрѣть на эти голыя деревья, а теперь, когда они расцвѣтутъ, домъ и садъ не оживутъ, и чувствуется, точно тамъ покойникъ. Ужасно...»

М. П. Ватаци.

РУССКІЙ ДАВОСЪ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время наибольшею извѣстностью изъ всѣхъ курортовъ для страдающихъ туберкулезомъ пользуется Давосъ въ Швейцаріи, и тѣ изъ нашихъ больныхъ, которымъ позволяютъ средства, устремляются туда и нерѣдко находятъ исцѣленіе отъ своего тяжкаго недуга.

Многіе при этомъ испытываютъ тяготы поѣздки на чужбину, что особенно остро можетъ отзываться на настроеніи тяжело больныхъ, терпятъ неудобства отъ незнанія иностранныхъ языковъ и проч., но все-таки ѣдутъ, совершенно не зная, что у насъ, въ предѣлахъ Россіи, есть свой Давосъ, даже лучше швейцарскаго, ибо его климатическія данныя выше данныхъ швейцарскаго Давоса.

Я говорю объ Абасъ-Туманѣ.

Но Давосъ всѣ знаютъ, а объ Абасъ-Туманѣ едва ли даже и слышали. И потому Давосъ процвѣтаетъ, между прочимъ за счетъ и нашихъ больныхъ, а Абасъ-Туманъ падаетъ и хирѣетъ.

Отчего же происходитъ это?

На этотъ вопросъ я постараюсь отвѣтить въ настоящемъ очеркѣ.

I.

Мѣстоположеніе Абасъ-Тумана.—Начало Абасъ-Тумана, какъ климатической станціи. Чудеса Абасъ-Тумана.—Его климатъ.—Дорога въ Абасъ-Туманъ.—Первыя впечатлѣнія.

Абасъ-Туманъ лежитъ въ горахъ Малаго Кавказа, въ предѣлахъ Тифлисскаго губерніи, среди отроговъ Ахалцихъ-Имеретинскаго хребта, на высотѣ 4170 футовъ надъ уровнемъ моря. Ближай-

шая станція желѣзной дороги, Боржомъ, находится отъ Абасъ-Тумана въ 74 верстахъ и соединена съ нимъ великолѣпнѣйшимъ шоссе, пролегающимъ по въ высшей степени живописной мѣстности.

На Абасъ-Туманъ, отобранный Россіей у турокъ въ одну изъ русско-турецкихъ войнъ, вниманіе врачей было обращено еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но тогда больше интересовались его минеральными водами, чѣмъ климатомъ, и сначала военное вѣдомство построило въ Абасъ-Туманѣ небольшое ванное зданіе и госпиталь для ревматиковъ, страдающихъ хроническими накожными сыпями, золотухой, разстройствомъ нервной системы и проч.

Климатической станціей Абасъ-Туманъ сдѣлался только въ послѣдствіи: постоянное грудное отдѣленіе при его госпиталѣ было открыто лишь въ 1882 году и всего на 30 человѣкъ. И тогда же было обнаружено чудодѣйственное вліяніе абасъ-туманскаго климата на легочныхъ больныхъ.

Въ то время лишь весьма немногіе врачесбные авторитеты высказывались за излечимость чахотки, но голоса ихъ были одиноки, ибо медицина считала, что бороться съ этой болѣзью нельзя. И Абасъ-Туманъ блестяще доказалъ, что наука ошибалась. Но такъ какъ взглядъ на неизлечимость чахотки, какъ установленный наукой, еще считался не поколебленнымъ, то врачи абасъ-туманскаго госпиталя въ своихъ наблюденіяхъ надъ больными въ первые года открытія въ Абасъ-Туманѣ легочнаго отдѣленія, отказывались вѣрить самой очевидности.

О томъ, какъ велико было недоумѣніе врачей передъ результатами пользованія Абасъ-Туманомъ, какъ легочнымъ курортомъ, пишущему эти строки пришлось услышать лѣтомъ 1912 года отъ одного изъ популярнѣйшихъ врачей Тифлиса, І. И. Островскаго, одного изъ первыхъ завѣдывавшихъ легочнымъ отдѣленіемъ абасъ-туманскаго военнаго госпиталя.

Въ госпиталь этотъ поступали больные со столь явно выраженными признаками туберкулезности, что сомнѣваться въ характерѣ ихъ заболѣванія не приходилось. Черезъ нѣкоторое же время признаки эти совершенно исчезали, и больные выздоравливали.

— Но наука вѣдь утверждала, — говорилъ д-ръ Островскій: — что туберкулезъ неизлечимъ. Если же мои больные поправились, значитъ, у нихъ былъ не туберкулезъ, значитъ діагнозъ при приѣмѣ ихъ былъ поставленъ неправильно, и я бралъ ихъ скорбные листы и вымарывалъ въ нихъ отмѣтку о туберкулезѣ. Но исцѣленіе чахоточныхъ продолжалось, и тогда я, не довѣряя себѣ, къ изслѣдованію вновь поступающихъ въ госпиталь больныхъ сталъ привлекать своихъ коллегъ. И мы всѣ устанавливали у больного чахотку, а когда, при выпискѣ, снова свидѣтельствовали его, то находили вполне здоровымъ... Тогда намъ стало ясно, что наука ошибается.

По словамъ доктора Островскаго, изъ нижнихъ чиновъ, пользовавшихся въ его время Абасъ-Туманомъ, выздоравливали почти всѣ. Офицеры же, какъ люди часто съ распатаннымъ здоровьемъ вообще, давали меньшій процентъ полнаго выздоровленія, а именно семьдесятъ.

Цѣлебныя климатическія свойства Абасъ-Тумана докторъ Островскій испыталъ и на себѣ: проживъ нѣсколько лѣтъ въ Абасъ-Туманѣ, онъ самъ исцѣлился отъ недуга, который когда-то считалъ

Абасъ-Туманъ; центральная часть мѣстечка; видъ съ одной изъ горъ.

неизлечимымъ, вышелъ въ отставку и, здравствуя, занимается теперь частной практикой въ Тифлисѣ.

Одновременно съ открытіемъ въ Абасъ-Туманѣ отдѣленія для грудныхъ больныхъ, завѣдывавшему отдѣленіемъ было поручено вести метеорологическія наблюденія.

Наблюденія эти непрерывно продолжаются въ теченіе 30 лѣтъ и вотъ что они говорятъ о климатѣ Абасъ-Тумана: средняя годовая температура его 6,3 Ц., зимы—4°,6, весны 5°,7, лѣта 16°,7, осени 7°,4, т. е. климатъ Абасъ-Тумана умѣренный, подходящий къ климату прославленнаго Давоса, но Давосъ и другіе альпійскіе курорты пригодны для легочныхъ больныхъ только зимой, а Абасъ-Туманъ въ теченіе круглаго года. Лѣтомъ сильной жары въ Абасъ-Туманѣ не бываетъ, а ночи такъ прохладны, что спать приходится

подъ теплымъ одѣяломъ. Ровная снѣжная зима стоитъ три мѣсяца, но холодно бываетъ только ночью и утромъ, въ полдень же только въ январѣ температура опускается до 2° Ц.

При этомъ въ Абасъ-Туманѣ всегда ясное небо и всегда солнце, масса солнца—и лѣтомъ, и зимой. И въ этомъ его главное цѣлебное свойство, ибо лучистая теплота солнца, при спокойномъ состояніи воздуха, оказываетъ огромное вліяніе на больныхъ. А этого солнца въ Абасъ-Туманѣ больше, чѣмъ въ Давосѣ и другихъ швейцарскихъ курортахъ: зимою въ Абасъ-Туманѣ солнце надъ горизонтомъ остается на полчаса дольше, чѣмъ въ Давосѣ. Туманы въ Абасъ-Туманѣ крайне рѣдки, а сильныхъ и продолжительныхъ тамъ и совсѣмъ не знаютъ. Буря въ Абасъ-Туманѣ бываетъ однажды въ 10—15 лѣтъ, сильный вѣтеръ 2—3 раза въ годъ... Въ остальное время Абасъ-Туманъ можетъ считаться безвѣтреннымъ. Почва Абасъ-Тумана песчано-каменистая, и пыли, грязи и сырости въ Абасъ-Туманѣ никогда не бываетъ.

Эти данныя мною почерпнуты изъ брошюры тифлискаго врача г. Гонадзе: «Абасъ-Туманъ, какъ горная климатическая станція».

Отмѣчая далѣе въ своей брошюрѣ чистоту абасъ-туманскаго воздуха, его пропитанность ароматичными смолистыми веществами и сильную озонированность, д-ръ Гонадзе, на основаніи практическихъ наблюденій, дѣлаетъ выводъ, что Абасъ-Туманъ въ климатотерапевтическомъ отношеніи особенно благоприятно дѣйствуетъ въ первыхъ двухъ стадіяхъ развитія болѣзни.

Я уже говорилъ, что Абасъ-Туманъ лежитъ въ 74 верстахъ отъ ст. Боржомъ Закавказской ж. д., этотъ же послѣдній, въ свою очередь, находится въ 30 верстахъ (по вѣткѣ) отъ ст. Михайлово тѣхъ же дорогъ, по линіи Батумъ—Тифлисъ, и потому ѣхать въ Абасъ-Туманъ можно какъ черезъ Батумъ, такъ и черезъ Тифлисъ.

Стоимость проѣзда (билетовъ) отъ Петрограда по первому направленію въ курьерскомъ поѣздѣ до Севастополя, отъ Севастополя до Батума на пароходѣ и отъ Батума до Боржома въ скоромъ поѣздѣ съ плацкартами, вездѣ во второмъ классѣ, а на пароходѣ и съ продовольствіемъ, равна приблизительно 55 рублямъ. Стоимость проѣзда по второму маршруту, т. е. черезъ Тифлисъ, въ скоромъ поѣздѣ Петроградъ—Батумъ, равна приблизительно 45 рублямъ. При этомъ по первому маршруту вы прибываете въ Боржомъ на пятые сутки, а по второму на четвертые. Можно ѣхать и среднимъ направленіемъ, по Военно-Грузинской дорогѣ, черезъ Владикавказъ—Тифлисъ, и тогда продолжительность пути сокращается еще на 15—20 часовъ, но стоимость проѣзда нѣсколько увеличивается. Словомъ, поѣздка въ Абасъ-Туманъ, напр., изъ Петрограда и по условіямъ путешествія (при поѣздкѣ по жел. дор.—всею одною пересадка въ Михайловѣ), и по стоимости не представляетъ особенныхъ затрудненій даже для тяжело больныхъ и для людей со

скромными средствами. Для ѣдущихъ же черезъ Севастополь—Батумъ или Владикавказъ—Тифлисъ (по Военно-Грузинской дорогѣ), она, кромѣ того, сопровождается удовольствіемъ наблюденія величественныхъ и чарующихъ картинъ природы.

Не послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ и тридцати-верстный перегонъ отъ ст. Михайлово до Боржома, гдѣ желѣзная дорога вьется змѣей по дикимъ, покрытымъ лѣсомъ, глубокимъ и такимъ извилистымъ ущельямъ, что иногда кажется, что вотъ-вотъ паровозъ упрется въ каменную стѣну горы, но внезапно онъ, все время подавая звонкіе свистки, круто сворачиваетъ за какою-ни-

Нижній Абасъ-Туманъ; рѣка Абастуманка у парка.

будь скалу, увитую плющомъ, и передъ вами новая петля пути, ползущая въ гору и такъ же, какъ и предыдущая, вскорѣ завѣрчивающаяся куда-то въ сторону, точно обрывающаяся.

Часть пути въ этой волшебной обстановкѣ, среди вздымающихся къ небу скалъ, покрытыхъ смѣшаннымъ лѣсомъ, проходитъ совершенно незамѣтно, и вы въ Боржомѣ.

Здѣсь нужно брать экипажъ или мѣсто въ автомобилѣ. Фазтонъ на резиновыхъ шинахъ, запряженный тройкой или четверкой лошадей, беретъ до Абасъ-Тумана 15—20 рублей, смотря по времени года, и ѣдетъ около 10 часовъ. Поэтому гораздо удобнѣе ѣхать въ автомобилѣ — и дешевле и скорѣе. Автомобиль идетъ 3 $\frac{1}{2}$ часа, мѣсто въ немъ стоитъ 3—4 рубля, смотря по тому, въ чьемъ автомс-

билѣ вы поѣдете: если французской компаніи, то 3 р., а содержателя мѣстной конной почты—4 рубля.

И тутъ вы сразу наталкиваетесь на неудобства, ибо, во-первыхъ, эти автомобили, особенно французскіе, никогда во-время не отходить, затѣмъ въ пути у нихъ почти всегда происходятъ приключенія съ шинами. Но мѣстность между Боржомомъ и Абасъ-Туманомъ такъ великолѣпна, что въ пути вы даже не замѣчаете этихъ автомобильныхъ неудобствъ.

Дорога долгое время идетъ по берегу Куры, временами надъ самой водой, по крутому горному склону, на протяженіи первыхъ 16 верстъ покрытому прекраснымъ лѣсомъ, вдоль имѣнія великаго князя Николая Михайловича.

Отъ станціи Страшноокопской, получившей, очевидно, свое названіе отъ временъ войны, лѣсъ дѣлается рѣже, ущелье становится все уже и уже и принимаетъ угрюмый, суровый характеръ, и у подножья его скаль сердито шумитъ Кура, по которой стремительно бѣгутъ маленькіе, въ 1—2 дѣлянки, плотники сплаваемого съ горъ лѣса, временами зарывающіеся въ пѣну бурлящей на перекатахъ рѣки.

Затѣмъ шоссе на нѣкоторое время отходитъ отъ Куры и приближается къ ней только у городка Ацхуръ со старинной крѣпостью, отнятой у турокъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, съ развалинами древняго храма, построеннаго греческимъ императоромъ Иракліемъ въ концѣ VII вѣка.

За Ацхуромъ долина Куры расширяется и покрывается веселящими глазъ лугами, весною представляющими собою сплошной цвѣтникъ, и роскошными нивами, воздѣлываемыми руками трудолюбивѣйшихъ земледѣльцевъ-армянъ.

Дорога подходит къ Ахалциху, издали красивому, лежащему въ зелени городку, а вблизи пыльному и грязному. Самый городъ расположенъ по ту сторону Куры отъ шоссе, а на этомъ берегу на скалахъ высятся прекрасно сохранившіяся развалины Ахалцихской крѣпости, въ свое время обильно политой кровью русскихъ войскъ, завоевавшихъ край у турокъ.

Кому позволяетъ здоровье и время, тотъ можетъ остановиться въ этомъ городкѣ, славящемся не только знаменитыми ахалцихскими яблоками и ажурными издѣліями изъ серебра, но и близостью къ историческимъ памятникамъ Грузіи.

Въ 30 верстахъ отъ Ахалциха находится знаменитый пещерный городъ Вардазія съ замкомъ царицы Тамары, не коварной, легендарной лермонтовской красавицы, а дѣйствительной царицы Грузіи, царствовавшей въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ, грузинской Екатерины II, при которой Грузія ширилась и цвѣла, Тамары, почитаемой грузинами святою. Въ этомъ замкѣ сохранился одинъ изъ весьма немногихъ портретовъ царицы съ прелестнымъ тонкимъ лицомъ и глазами газели.

Верстахъ въ 6 отъ Вардазіи, на берегу рѣки Уравелись-Цхали, находятся развалины древняго Сафарскаго монастыря, состоявшаго изъ 12 церквей, изъ которыхъ храмъ Успенія снаружи и до сихъ поръ сохранился довольно хорошо. Въ 30 верстахъ отъ Вардазіи имѣется другой монастырь, Зарзма, построенный въ XI вѣкѣ изъ тесаннаго камня и представляющій собою одинъ изъ изящнѣйшихъ памятниковъ своеобразной грузинской церковной архитектуры. Храмъ въ запусѣннѣи, и купола его изъ плитчатого камня провалились и поросли травой.

За Ахалцихомъ дорога идетъ по притоку Куры Поссовъ-Чаю, обычно запруженному свободно плывущими по водѣ бревнами, спл-

Главное ванное зданіе.

скаемыми въ верховьяхъ рѣки, на мѣстѣ рубки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка перегорожена, и тутъ эти бревна ловятъ и вяжутъ въ плоты.

Самая мѣстность здѣсь рѣдкой красоты и чарующей мягкости. Тутъ словно сказочный гигантъ однимъ взмахомъ своихъ рукъ раздвинулъ горы на огромное пространство, создавъ широкую холмистую равнину съ постепенно приподнимающимися краями. Равнина эта покрыта сочными, изумрудно-зелеными въ лѣтнюю пору хлѣбами, на свѣтлой зелени которыхъ разбросаны темныя, курчавыя купы деревьевъ.

Необычайнымъ миромъ, спокойствіемъ и довольствомъ вѣсть отъ этой радостной, милой, словно улыбающейся вамъ долины, на горизонтѣ окруженной тѣмно-синими лѣсистыми горами съ бѣлой сѣткой вѣчныхъ снѣговъ на вершинахъ.

А впереди еще болѣе величественныя, строгія и суровыя горы, возносящія къ небу свои острыя вершины, до которыхъ не смѣеть добраться и лѣсъ, тоже съ пятнами и жилами снѣга...

Это узелъ горныхъ кряжей, въ одномъ изъ ущелей котораго узкой ленточкой залегъ Абасъ-Туманъ.

Я помню, когда подъѣзжалъ къ Абасъ-Туману, солнце уже сѣло и только золотило кое-гдѣ верхушки горъ... Автомобиль приближался къ извилистому абасъ-туманскому ущелью, снизу доверху заросшему хвойнымъ лѣсомъ, и въ сумеркахъ догораваго дня оно казалось мрачнымъ, суровымъ, непривѣтливымъ, какъ тюрьма. Впечатлѣніе это увеличивалось еще тѣмъ, что первое, что бросается въ глаза при въѣздѣ въ Абасъ-Туманъ, это маленькое кладбище съ тонкими, издали черными крестиками и бѣлымъ пятномъ часовенки, прилѣпившейся на склонѣ горы.

Но это было только первое мимолетное впечатлѣніе...

II.

Абасъ-Туманъ. — Вапное заведеніе. — Сезонъ. — Условія жизни. — Курортное благоустройство. — Аптека и почта. — Вліяніе высоты.

Самъ Абасъ-Туманъ расположенъ по колѣнчатому ущелью, по берегамъ шумной горной рѣчки Баратхеви, окрещенной русскими Абастуманкой, и тянется версты на три. Абасъ-туманское ущелье такъ узко, что по каждую сторону рѣчки умѣщается только по одному ряду дачъ, жмущихся къ горамъ, покрытымъ сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Между дачами и Абастуманкой съ каждой стороны рѣчки проложено прекрасное шоссе, обсаженное деревьями, а въ одномъ мѣстѣ украшенное аллеей пирамидальныхъ тополей, и эта зелень на улицахъ, садики около дачъ, тутъ же поднимающійся зеленой стѣной лѣсъ, наконецъ, пестрота и кокетливость многихъ дачъ, — все это придаетъ курорту внѣшне веселый, привлекательный видъ, и онъ кажется наряднымъ, совсѣмъ не русскимъ городкомъ.

Особенно это относится къ такъ называемой верхней, «аристократической» части Абасъ-Тумана, расположенной выше зданія минеральныхъ водъ; нижній же Абасъ-Туманъ, лежащій до ваннъ, и при первомъ знакомствѣ не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Домики здѣсь скучены, садики около нихъ совсѣмъ нѣтъ, шоссе загрязнено. Въ этой части квартиры значительно дешевле, и потому тутъ ютятся много туземной бѣдности, преимущественно большихъ чахоткой.

Водопадъ въ паркѣ.

Въ центральной части Абасъ-Тумана находится новенькая небольшая церковь, именуемая соборомъ, выстроенная въ строго грузинскомъ стилѣ изъ тесаннаго камня. Соборъ этотъ, распланный внутри художникомъ Васнецовымъ, стоитъ на небольшой, прекрасно содержимой площадкѣ, отвоеванной у горы, и этотъ уголокъ Абасъ-Тумана производитъ очень пріятное, уютное впечатлѣніе.

«истор. вѣстн.», ма 1916 г., т. схиу.

14

Ванное зданіе и окружающій его паркъ являются центромъ возникновенія Абасъ-Тумана, ибо своимъ основаніемъ онъ обязанъ именно водамъ, цѣлебное свойство которыхъ было извѣстно туземному населенію испоконъ вѣковъ. Пока источники не были взяты подъ наблюденіе русскихъ врачей и не оборудованы, туземцы пользовались ваннами, вырытыми прямо въ землѣ (въ такомъ положеніи и сейчасъ находится много еще не изслѣдованныхъ кавказскихъ горячихъ водъ), и если одни отъ такого леченья поправлялись, то другіе калѣчились на всю жизнь.

Въ Абасъ-Туманѣ имѣются 3 источника: Богатырскій, Золотушный и Змѣиный, дебетъ которыхъ равняется 86.000 ведеръ въ сутки. Температура ихъ 33—37 Р.

Благодаря заботамъ покойнаго доктора Ремерта, абасъ-туманскія воды были прекрасно оборудованы и представляютъ собою отлично оборудованное бальнеологическое заведеніе, въ свое время считавшееся первымъ въ Россіи и однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ.

Зданіе ваннъ не особенно велико (32 номера), но въ немъ много свѣта, номера чисты, ванны мраморныя, полы кафельныя. При зданіи имѣются всякія души, ингаляція водою, паровыя и электрическія ванны, приспособленія для болѣе удобнаго пользованія ваннами со стороны тяжелыхъ больныхъ и проч.

Но лучше всего устройство по распредѣленію минеральныхъ водъ.

Воды изъ источниковъ поступаютъ въ особыя подземныя цементныя камеры, омываемыя простой проточной водою въ различныхъ степеняхъ, и попадаютъ въ ванное заведеніе пяти температуръ, отъ 37° до 21°, причемъ при каждомъ номерѣ имѣется рядъ особенно устроенныхъ регулирующихъ крановъ, при помощи которыхъ ванну можно сразу наполнить водою строго опредѣленной и любой температуры путемъ простаго комбинированія кранами.

Пользованіе услугами ваннаго заведенія и медицинской помощью при немъ очень доступно, и это, конечно, очень хорошо, но царящіе въ настоящее время порядки въ этомъ учрежденіи заставляютъ желать лучшаго. Напр., не во всѣхъ отдѣленіяхъ вы можете добиться того, чтобы прежде, чѣмъ наполнять для васъ ванну, ее обмыли бы... При пользованіи ваннами сыпными больными такое желаніе вполне естественно, однако, чтобы настоять на его исполненіи, приходится порою затрачивать энергіи болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

При ванномъ зданіи имѣется также бассейнъ съ прѣсной водою для купанья и плаванья, но вода для этого берется изъ Абастуманки, падающей въ паркѣ кипящимъ водопадомъ, въ Абастуманку же со всего городка выбрасывается соръ, выливаются помои и содержимое почныхъ горшковъ, съ которыми каждое утро прислуга изъ всѣхъ домовъ ходятъ къ рѣчкѣ, благо для этого стоитъ только пе-

рейти черезъ дорогу, и проч. Поэтому бассейномъ для купанья пользуются только тѣ, кто не знаетъ, какую водою онъ наполняется, или люди, не понимающіе, какой опасности они подвергаются, купаясь въ жидкихъ отбросахъ городка, съ его ресторанными, торговыми заведеніями и т. д.

Курсъ леченія на абасъ-туманскихъ минеральныхъ водахъ, или курортный сезонъ, начинается съ 1-го іюня и оканчивается 1-го октября. Это время, когда Абасъ-Туманъ оживляется, наполняется прїѣзжими, среди которыхъ много простыхъ дачниковъ, бѣгущихъ сюда отъ бакинскихъ и тифлисскихъ жаровъ, когда въ паркѣ начинаетъ играть музыка и проч. Этотъ же періодъ является временемъ сѣзда тѣхъ туберкулезныхъ, состояніе здоровья которыхъ позволяетъ имъ лечиться, вѣриѣе, «подлечиваться» лишь лѣтомъ, когда легче получить отпускъ или оставить свои дѣла, когда удобнѣе и прїятнѣе путешествовать.

По прибытіи въ Абасъ-Туманъ автомобиль привозитъ васъ прямо во дворъ одной изъ мѣстныхъ гостиницъ, и тутъ происходитъ ваше первое сопрокосновеніе съ абасъ-туманскимъ благоустройствомъ.

Вы просите номеръ, васъ вводятъ въ зданіе довольно прївѣтливое снаружки и весьма скромное внутри. Мало-мальски приличный номеръ 3 рубля въ сутки, но кровать въ немъ простая, желѣзная, изъ того сорта, что въ Петроградѣ на Сѣнной можно купить за полтора цѣлковыхъ, матрасъ простой, не пружинный, а подъ нимъ доски. Покрыто это ложе грошевымъ одѣяломъ съ разводами, къ которому противно и прикоснуться. Такой же номеръ, побольше, на двѣ кровати, — 5 р. Рядомъ, въ другой гостиницѣ, чуть ли не того же владѣльца, такой же номеръ можно получить за 3 рубля. Тутъ же и ресторанъ съ разнообразной картой. Цѣны на кушанья очень невысокія: отъ 25 к. до 70 к. порція. Помѣсячно обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ 16 р., изъ 3-хъ 22 р. Такія же цѣны и во всѣхъ остальныхъ ресторанахъ мѣстечка. Есть въ Абасъ-Туманѣ и французскій пансіонъ. Обставленъ онъ комфортабельно, содержится на заграничный ладъ. Но комната съ полнымъ пансіономъ стоитъ въ немъ 120 р. въ мѣсяць, что доступно далеко не всѣмъ.

Въ гостиницахъ обыкновенно не засиживаются, и на другой же день по прїѣздѣ начинаютъ искать комнату или дачу. И тутъ вы уже вплотную подходите къ абасъ-туманскому благоустройству. Если вы ищете дачу и можете заплатить за нее въ сезонъ 1000 рублей, вамъ предложатъ цѣлый домъ съ 8—10 комнатами-залами, съ паркетными полами, съ признаками электрическаго освѣщенія и такимъ малымъ количествомъ мебели, точно это остатки мебелировки, которую случайно забыли въ комнатахъ, когда увозили обстановку. Если вы можете заплатить за дачу 300—400 рублей, то вамъ покажутъ флигелекъ изъ трехъ комнатъ, всѣ проходныя, кухня посред-

динѣ, одна комната темная. Мебель: пара разбитыхъ деревянныхъ тахтъ, которыя ерзаютъ и пищатъ при одномъ прикосновеніи къ нимъ, колченогій столъ и два-три стула съ прорванными сидѣньями. Все вмѣстѣ это на мѣстномъ языкѣ называется «дачей съ мебелью».

Если вамъ не нужна отдѣльная дача или вы не обладаете способностью жить въ пустыхъ комнатахъ, ибо мебели и при желаніи кушить въ Абасъ-Туманѣ нельзя, то принимаетесь за розыски комнаты. Таковую вы можете найти рублей за 50—60 въ мѣсяць, но либо это будетъ комната все-таки почти безъ мебели, а если съ мебелью, особенно мягкой, обычно обитой ситцемъ, то все это будетъ такъ загажено и заплевано въ буквальномъ смыслѣ этого слова, что вы въ ужасѣ бѣжите и отъ этой мебели, и отъ самыхъ стѣнъ, хранящихъ на себѣ многочисленныя слѣды плевковъ туберкулезныхъ.

И только если вамъ удастся найти комнату не у профессионаловъ-сдатчиковъ, а у кого-нибудь изъ мѣстныхъ обывателей, случайно на лѣто уступающихъ одну-другую комнату въ своей квартирѣ, то вы можете устроиться довольно сносно. Въ противномъ случаѣ вамъ останется либо бѣжать изъ Абасъ-Тумана, либо мириться съ тѣмъ, что имѣется.

Иногда прежде, чѣмъ устроиться, пріѣзжему приходится потратить нѣсколько дней на поиски подходящаго помѣщенія, что крайне затруднительно, особенно для больныхъ, которымъ въ первое по пріѣздѣ время нуженъ абсолютный покой.

Дѣло въ томъ, что абасъ-туманскій воздухъ, благодаря чрезвычайно высокому положенію городка надъ уровнемъ моря, сильно разрѣженъ, и многіе, даже вполне здоровые и крѣпкіе люди въ первые дни испытываютъ въ Абасъ-Туманѣ сильную слабость, одышку и сердцебіеніе. Единственная мѣра противъ этого—полежать въ теченіе двухъ-трехъ дней, но не всѣ могутъ пользоваться даже и въ этотъ короткій промежутокъ времени дорогими и непривлекательными номерами гостиницъ. А никакого справочнаго учрежденія, способствующаго быстрому отысканію квартиры, въ Абасъ-Туманѣ нѣтъ.

Кстати, слѣдуетъ отмѣтить, что на нѣкоторыхъ больныхъ высота Абасъ-Тумана дѣйствуетъ такъ сильно, что вызываемые ею болѣзненные симптомы у нихъ и по истеченіи нѣсколькихъ дней не проходятъ, и такимъ приходится оставлять Абасъ-Туманъ и переселяться въ Ахалцихъ, который лежитъ значительно ниже перваго. Въ Ахалцихѣ гораздо хуже, чѣмъ въ Абасъ-Туманѣ, въ смыслѣ обстановки, но климатъ его такъ же цѣлебенъ для больныхъ, какъ и климатъ перваго.

Помимо помѣщеній, въ Абасъ-Туманѣ дороги также и тѣ продукты, что привозятся, напримѣръ, ветчина, сливочное масло, консервы и прочее, на которые цѣны стоятъ петроградскія или даже выше; что же касается мясныхъ продуктовъ, то они очень доступны.

Паркъ и Абастуманка.

Какъ курьезъ, слѣдуетъ отмѣтить, что бутылка «Боржома», источникъ котораго находится въ 74-хъ верстахъ отъ Абасъ-Тумана, продается тамъ почти по той же цѣнѣ, что и въ Петроградѣ.

Неважно дѣло обстоитъ также съ аптекой и почтой. Въ первой мнѣ не могли, напримѣръ, приготовить простыхъ глазныхъ капель

по рецепту петроградскаго врача, а вторая приходитъ каждый день, а отходить три раза въ недѣлю, причемъ дѣйствіе телеграфа съ девяти часовъ вечера до восьми часовъ утра прекращается. Для курорта, гдѣ много прѣзжаго люда, такое положеніе нельзя признать нормальнымъ.

Чтобы дорисовать картину абасъ-туманскаго благоустройства, я упомяну объ одномъ весьма любопытномъ фактѣ...

Въ верхней части Абасъ-Тумана находится превосходный, весьма сильный родникъ, бьющій изъ такъ называемаго фонтана; водою этого родника пользуется половина мѣстечка, но... только днемъ. Ночью же онъ отводится для охлажденія газоваго двигателя частной электрической станціи, освѣщающей Абасъ-Туманъ, и, хотя по выполненіи своихъ охладительныхъ функцій и продолжаетъ течь въ обычномъ мѣстѣ, изъ трубы, но обращается въ горячій источникъ и при томъ начинаетъ пахнуть машинной смазкой. Такъ что, если засвѣтло забыли или не успѣли запасться питьевой водой, то вамъ приходится пить горячую или изъ загрязненной Абастуманки...

Въ нижней части Абасъ-Тумана можно устроиться дешево, подыскавъ комнату за 15—20 рублей, даже за десять рублей въ мѣсяць и обѣдъ изъ двухъ блюдовъ за десять рублей въ мѣсяць; но все это будетъ такъ плохо, что не стоитъ и ѣздить въ такую даль.

Въ этой части Абасъ-Тумана живетъ преимущественно бѣдное туземное населеніе, но не мѣстное абасъ-туманское, а поставляемое ближайшими мѣстностями Закавказья.

За послѣднія 10—15 лѣтъ малярія, ранѣ державшаяся лишь гнѣздами въ этомъ благодатномъ краю, въ наиболѣ сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ, теперь охватила весь край. Маляріей болѣютъ теперь жители не только равнинъ, но и горъ, гдѣ никакихъ болотъ и въ поминѣ нѣтъ, и съ каждымъ годомъ ею заболѣваетъ все больше и больше народа, а за маляріей слѣдуетъ туберкулезъ, находящій благопріятную почву въ ослабленныхъ ею организмахъ, и сейчасъ кавказской администраціи и обществу приходится вести упорнѣйшую борьбу съ маляріей и со спутникомъ ея — туберкулезомъ.

Много больной туземной бѣдности направляется въ Абасъ-Туманъ въ чаяніи исцѣленія, но въ скверныхъ мѣстныхъ условіяхъ многіе исцѣленія не находятъ, понемногу населяя унылое абастуманское кладбище или уѣзжая умирать домой.

Но и такой неприглядной обстановкой въ Абасъ-Туманѣ можно пользоваться только лѣтомъ, ибо печей въ большинствѣ сдаваемыхъ помѣщеній вовсе нѣтъ, двери выходятъ прямо на открытые балконы или на улицу, и зимой они необитаемы. А между тѣмъ зима въ Абасъ-Туманѣ считается лучшимъ временемъ для пребыванія туберкулезныхъ ибо тогда въ мѣстечкѣ наступаетъ абсолютный покой, столь необходимый для больныхъ. И въ то время, когда въ Давосѣ самый разгаръ сезона, нашъ Абасъ-Туманъ замираетъ, и ночами волки бѣгаютъ по его улицамъ, какъ собаки.

Тополевая аллея в центральной части Абась-Тумана.

III.

Въ Абасъ-Туманѣ не заражаются.—Бывшіе больные.—Санаторія.—Абасъ-Туманъ и Крымъ.—Больные и здоровые.—Кто заботится объ Абасъ-Туманѣ.—Бережливые хозяева.—Почему Абасъ-Туманъ не растетъ?

Всѣ абасъ-туманскія помѣщенія, отпускаемыя въ наемъ, конечно, заражены туберкулезомъ. По существующимъ курортнымъ правиламъ, они должны ежегодно дезинфицироваться, и когда-то, дѣйствительно, дезинфицировались, но теперь этого не дѣлается, если вы сами не потребуете дезинфекторовъ. Однако случаевъ зараженія здоровыхъ въ туберкулезномъ Абасъ-Туманѣ вообще почти не бываетъ.

Меня, какъ ѣздившаго въ Абасъ-Туманъ просто отдохнуть въ горахъ, этотъ вопросъ очень интересовалъ, я разспрашивалъ по этому поводу мѣстныхъ жителей, и послѣдніе могли мнѣ сообщить лишь о двухъ случаяхъ.

Въ первомъ заразился я, кажется, померъ сторожъ одной изъ дачъ, которому родные умершей отъ чахотки грузинки подарили ея магрась и одежду, а во второмъ—маленькій мальчикъ, у котораго появились туберкулезныя раны на колѣнкѣ. Ребенокъ постоянно ходилъ гулять въ одну изъ мѣстныхъ рощъ (о которыхъ рѣчь будетъ впереди), гдѣ, какъ предполагаютъ, получилъ заразу изъ почвы, играя на землѣ. Мальчикъ поправился. Больше случаевъ зараженія здоровыхъ въ Абасъ-Туманѣ не знаютъ, какъ полагаютъ врачи, оттого, что богатый озономъ абасъ-туманскій воздухъ губельно дѣйствуетъ на микробы. И, очевидно, дѣло именно такъ и обстоитъ, иначе при абасъ-туманскихъ порядкахъ здоровый человѣкъ не могъ бы безнаказанно пробыть тамъ и двухъ дней, а между тѣмъ въ Абасъ-Туманъ многіе пріѣзжаютъ просто какъ на дачу изъ года въ годъ и не заболѣваютъ.

Почти вся абасъ-туманская интеллигенція, врачи, чиновники и т. д.—это бывшіе туберкулезные. Заболѣвъ чахоткой, они устремились туда въ чаяніи исцѣленія, нашли его и навсегда остались въ этомъ благословенномъ уголкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ туберкулезъ вмѣстѣ съ маляріей сталъ распространяться въ Закавказьѣ, образовавшійся въ Тифлисѣ отдѣлъ лиги борьбы съ туберкулезомъ не могъ не обратить вниманія на находящійся у него подъ бокомъ Абасъ-Туманъ и рѣшилъ построить тамъ санаторію для неимущихъ туберкулезныхъ (на 100 человѣкъ).

Казна отвела отдѣлу прекрасный участокъ земли, кажется, въ тридцать десятинъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Абасъ-Тумана на южномъ склонѣ хребта, въ роскошномъ сосновомъ лѣсу, предоставила право срубить для постройки зданія необходимое количе-

ство деревъ, а лига собрала на это дѣло нѣкоторую сумму денегъ и приступила къ проведенію колесной дороги отъ Абаса-Тумана къ своему участку. Лѣтомъ 1912 года эта дорога, мѣстами представляющая собою довольно солидное техническое сооруженіе, была проложена вчернѣ, но въ дальнѣйшемъ дѣло затормозилось, какъ мнѣ передавали, изъ-за недостатка средствъ, ибо еще мало выстроить одни зданія, но надо отыскать и постоянный источникъ для содержанія санаторіи.

Я не знаю, справился ли теперь съ этой задачей тифлисскій отдѣлъ лиги (въ закавказскихъ газетахъ объ этомъ никакихъ свѣ-

Французскій пансіонъ Решель.

дѣній не появляется), но если вопросъ съ постройкой санаторіи въ Абасъ-Туманѣ и сейчасъ находится въ такомъ же положеніи, какъ годъ назадъ, объ этомъ можно только пожалѣть и выразить пожеланіе, чтобы общественныя организаціи сѣвера пришли на помощь этому дѣлу, и вотъ почему.

У насъ, какъ извѣстно, туберкулезныхъ, не уѣзжающихъ за границу, направляютъ главнымъ образомъ въ Финляндію и въ Крымъ. Но въ Финляндіи мало солнца, а Крымъ—это теплица, гдѣ организмъ сѣверянъ быстро изнѣживается и дѣлается слишкомъ чувствительныхъ, при возвращеніи домой, къ климатическимъ воздѣйствіямъ сѣвера. Особенно чувствительна эта разница въ климатахъ для уѣзжающихъ въ Крымъ весною и вынужденныхъ воз-

вращаться на сѣверъ осенью. Въ это время въ Крыму еще стоитъ лѣто, купаются въ морѣ, цвѣтутъ розы, а на сѣверѣ дуютъ дожди и дуютъ холодныя вѣтры. Излѣжившіеся въ крымскомъ климатѣ больные по возвращеніи въ это время на сѣверъ немедленно получаютъ бронхитъ, и скоро всѣ результаты ихъ пребыванія въ Крыму идутъ на смарку. Наконецъ, въ Крыму лѣтомъ бываетъ слишкомъ жарко, и многихъ больныхъ сѣверяня эта жара изнуряетъ.

Не таковъ Абасъ-Туманъ.

Хотя онъ лежитъ много южнѣе Крыма и солнце къ нему еще ласковѣе, чѣмъ къ Крыму, но громадная высота его мѣстоположенія дѣлаетъ климатъ его лѣтомъ легкимъ и прохладнымъ, какъ на сѣверѣ. И петербуржецъ, напримѣръ, привыкшій къ сѣверному лѣту съ его прохладой, найдетъ ее и тамъ, но еще и въ совокупности съ массой солнечнаго свѣта, чистотой воздуха и отсутствіемъ сырости и вѣтровъ.

Абасъ-Туманъ не излѣживаетъ, а скорѣе закаляетъ, и, покидая его, больнымъ не приходится страдать отъ переменъ климата.

Отсюда ясно, почему сѣверъ долженъ былъ бы прійти на помощь въ дѣлѣ постройки абасъ-туманской санаторіи: это учрежденіе съ особеннымъ успѣхомъ обслуживало бы больныхъ сѣверяня.

Лѣтнее населеніе Абасъ-Тумана рѣзко дѣлится на двѣ группы: «больныхъ», туберкулезныхъ, и здоровыхъ, къ которымъ причисляютъ себя и ревматики, золотушные и проч., пользующіеся минеральными ваннами. Первые грѣются на солнцѣ, лежатъ цѣлыми днями въ гамакахъ, въ сосновомъ лѣсу, а вторые фланируютъ взадъ и впередъ по абасъ-туманской улицѣ, катаются верхомъ, въ фаэтонахъ, возсѣдаютъ за ресторанными столиками въ рощахъ, производятъ шумъ и движеніе, придавая жизни курортный характеръ. При этомъ здоровые всячески стараются дать понять окружающимъ (характерная черта мѣстной курортной жизни), что они не туберкулезные. Особенно къ этому чувствительна военная молодежь, юные офицерики, юнкера военныхъ училищъ, кадеты старшихъ классовъ, энергично флиртуящіе съ пріѣзжающими барышнями. Чтобы ихъ не приняли за туберкулезныхъ, они въ теченіе первыхъ дней своего появленія въ Абасъ-Туманъ, пока не пріобрѣтутъ знакомства, разгуливаютъ цѣлый день съ простынями или полотняными на плечахъ, дѣлая видъ, что они только что изъ ванны или идутъ въ ванное зданіе. Расчетъ же такой демонстраціи очень простъ: въ Абасъ-Туманѣ всякій знаетъ, что туберкулезные минеральныхъ ваннъ не берутъ, и если человѣкъ ходитъ съ простыней, значитъ, онъ туберкулезомъ не страдаетъ и его сторониться нѣтъ основаній.

Этотъ оригинальный пріемъ невольно вызываетъ улыбку, но пользованіе имъ вполнѣ естественно и понятно, ибо здоровые изъ чувства самосохраненія всячески стараются избѣгать общенія съ

больными. И эти несчастные, чувствуя себя на положеніи отверженныхъ, какъ бы мстятъ здоровымъ за то, что они здоровы и счастливы, и умышленно и демонстративно сѣютъ вокругъ себя заразу. На всѣхъ перекресткахъ Абасъ-Тумана висятъ объявленія, въ которыхъ администрація курорта проситъ большихъ не плевать на землю, но, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, тѣ демонстративно нарушаютъ это правило, наводя страхъ на окружающихъ здоровыхъ.

Особенно заплеванными мѣстами являются обѣ абасъ-туманскія рощи, гдѣ расположены рестораны и гдѣ играетъ по вечерамъ военный оркестръ, и въ частности такъ называемая вторая роща— прелестный уголокъ съ клочкомъ широкаго вида на дальнія горы, что необычайно цѣнно при узкомъ абасъ-туманскомъ горизонтѣ, съ веселыми зелеными лужайками по берегу говорливой Абастуманки.

Эта веселая, такая радостная роща—положительно лучший уголокъ собственно Абасъ-тумана, но когда вы видите кругомъ согбенныя фигуры кашляющихъ, наблюдаете, какъ и дорожки рощи, и зеленая трава ея площадокъ заплевывается туберкулезной мокротой, вами овладѣваетъ ужасъ и вы бѣжите прочь и больше въ рощу ни ногой, особенно памятуя наставленіе мѣстныхъ жителей:

— Не ходите въ рощи,—онѣ заплеваны больными.

Какъ извѣстно, на заграничныхъ легочныхъ курортахъ подобныхъ явленій, подобной преступной и даже злонамѣренной распушенности не наблюдается. Иностранцы умѣютъ устанавливать порядокъ, которому подчиняются и наши соотечественники, попадая за границу, дома же они ведутъ себя настоящими дикарями.

Объясняется это, очевидно, тѣмъ, что за границей за нарушеніе курортныхъ правилъ слѣдуетъ сначала штрафъ, а затѣмъ, въ случаѣ повторнаго нарушенія, и удаленіе изъ курорта, а у насъ только «просеять», абсолютно ничѣмъ не угрожая. Да къ тому же и не слѣдятъ за исполненіемъ правилъ.

По крайней мѣрѣ, въ Абасъ-Туманѣ абсолютно никто не наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы курортныя правила исполнялись, хотя курортный сборъ взывается неукоснительно, и, не уплативши, вы не можете взять даже простой мыльной ванны въ зданіи водъ, а больше мыться негдѣ.

Да и кому слѣдить за этимъ?

Абасъ-Туманъ, какъ курортъ, ведущій свое начало отъ военно-лечебнаго заведенія, до сихъ поръ находится въ вѣдѣніи военнаго министерства и управляется комендантомъ и директоромъ водъ.

Оба эти лица заняты своими прямыми обязанностями и заботятся очень мало, а, можетъ быть, и не обязаны заботиться о легочномъ курортѣ, первый въ той части, которая не касается военныхъ, а второй вообще какъ вѣдающій лишь воды.

За соблюденіемъ курортныхъ правилъ слѣдитъ полиція, но ея никогда не видно, а затѣмъ едва ли какой-нибудь полуграмотный

стражникъ можетъ съ успѣхомъ исполнять функціи медицинскаго надзора. Въ довершеніе всего не заплывавать Абасъ-Туманъ просятъ лишь въ уличныхъ объявленіяхъ, въ курортныхъ же правилахъ объ этомъ не упоминается ни словомъ. Да и сами эти правила трактуютъ Абасъ-Туманъ лишь какъ водяной курортъ, а не климатическій.

Что же касается послѣдняго, то онъ, очевидно, существуетъ, такъ сказать, не официально, ибо иначе и его жизнь получила бы какую-нибудь регламентацію, но таковой ни тамъ, на мѣстѣ, ни указаній на нее въ справочныхъ книжкахъ объ Абасъ-Туманѣ, даже явно рассчитанныхъ на пользованіе имъ со стороны туберкулезныхъ больныхъ, вы не находите. Очевидно, эта сторона абасъ-туманской жизни находится внѣ чьего-либо вниманія. А между тѣмъ значеніе Абасъ-Тумана, какъ легочнаго курорта, несравненно выше, чѣмъ воднаго, ибо воды его по своему составу много уступаютъ водамъ хотя бы кавказской группы.

Благодаря этому, объ Абасъ-Туманѣ некому заботиться, а гдѣ нѣтъ настоящаго хозяйскаго глаза, тамъ нѣтъ, конечно, и порядка.

При этомъ самъ собой является вопросъ о средствахъ, но въ данномъ случаѣ они, надо думать, имѣются. Это видно изъ того, что, какъ мнѣ передавали лица, близко стоящія къ мѣстнымъ дѣламъ, въ 1904 году изъ фонда, образовавшагося изъ взносовъ за курортные билеты (два-три рубля съ каждаго пріѣзжаго), было «пожертвовано» (отчислено) на войну пятьдесятъ тысячъ рублей. Но, очевидно, былъ отчисленъ не весь фондъ, а часть его, и, значитъ, кое-что еще осталось, а затѣмъ, съ тѣхъ поръ прошло уже 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ фондъ могъ снова пополниться, ибо каждое лѣто въ Абасъ-Туманъ пріѣзжаетъ не менѣе двухъ-трехъ тысячъ человѣкъ, особенно когда сборъ за билеты не расходуется, накапливается. Такъ что, видимо, со стороны средствъ недостатка нѣтъ, отсутствуютъ только «варяги», которые могли бы навести порядокъ. Фактъ же накопленія такихъ значительныхъ суммъ для столь скромнаго, малопосѣщаемаго курорта, какъ Абасъ-Туманъ, ясно указываетъ на то, что пока тамъ существуетъ аппаратъ лишь для накопленія средствъ и вовсе нѣтъ аппарата для претворенія ихъ въ тѣ курортныя блага, за пользованіе которыми съ пріѣзжихъ берутъ деньги.

Положеніе весьма оригинальное: въ то время, когда другіе наши курорты требуютъ огромныхъ приплатъ казны, маленький Абасъ-Туманъ тихимъ манеромъ копить деньги, о существованіи которыхъ узнаютъ лишь случайно. Гдѣ въ мірѣ можно найти столь же бережливыхъ хозяевъ?

И не пора ли хоть часть этихъ накопленій передать на постройку санаторій, безъ чего Абасъ-Туманомъ могутъ пользоваться только лица съ извѣстнымъ достаткомъ...

Но Абась-Туманъ страдаетъ не только отсутствіемъ благоустройства, но и отъ тѣсноты. Городокъ расположенъ на узкой полоскѣ земли, охваченной казенными лѣсами. Старые земельные участки всѣ давнымъ-давно разобраны, а новыхъ казна не продаетъ.

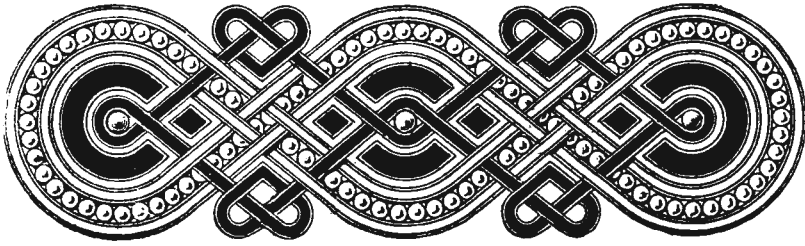
Благодаря этому, цѣны на квартиры съ каждымъ годомъ растутъ, и каждый свободный клочокъ земли усиленно застраивается, что, конечно, не можетъ не вредить курорту.

На мѣстѣ усиленно говорятъ о томъ, что вѣдомство земледѣлія собирается взять Абась-Туманъ въ свое вѣдѣніе и открыть новую продажу участковъ, но... улита ѣдетъ, когда-то будетъ...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

П. Зайкинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ II. Петроградъ. 1915. Стр. XXXIII+632. Т. III. Приложение. Стр. 754.

ВЪ НАСТОЯЩІЯ книги являются продолженіемъ изданнаго въ 1914 году труда, отзывъ о которомъ былъ помѣщенъ въ 10-й кн. «Историческаго Вѣстника» за тотъ же годъ. За это время сошла съ жизненной сцены свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливенъ, начальница Смольнаго института, и вполне заслуженную признательность за это роскошное изданіе можно высказать теперь всецѣло почетному опекуну Александру Сергѣевичу Ермолову, который положилъ много труда и руководственныхъ указаній въ дѣлѣ его осуществленія.

II томъ состоитъ изъ трехъ частей: 1-я—время императрицы Александры Ѳеодоровны, 13 главъ, 2-я—Маріи Александровны, 11 гл. и 3-я—Маріи Ѳеодоровны, 9 главъ.

1-я часть начинается съ изложенія событій, слѣдовавшихъ непосредственно за кончиной императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ своемъ завѣщаніи государыня съ сердечною заботливостью не забыла ни одного заведенія, никого изъ лицъ, находившихся подъ ея вѣдѣніемъ, выражала имъ благодарность за труды, поручала вниманію и попеченію своего державнаго сына. Интересна подробность: согласно ея желанію императоромъ Николаемъ были сожжены почти всѣ ея дневники и письма къ ней отъ ея родителей. Пепель этихъ писемъ, по ея волѣ, былъ собранъ въ ящикъ и поставленъ подъ мраморную гробницу на ея могилѣ (стр. 6, прим.).

Императрица Александра Θεодоровна, сразу же по вступленіи въ управленіе вѣдомствомъ императрицы Маріи, проявила особенно благожелательное чувство къ обществу благородныхъ дѣвицъ и къ его начальницѣ Ю. Ф. Адлербергъ, какъ къ одной изъ воспитательницъ ея августѣйшаго супруга. Въ первые годы ея управленія въ Смольномъ не произошло никакихъ существенныхъ переменъ. Самъ императоръ принималъ очень близкое участіе въ его жизни, часто посѣщалъ его и имѣлъ непосредственно высшее наблюденіе за его управленіемъ. Это въ значительной степени объясняется чувствомъ глубокаго его уваженія къ памяти покойной императрицы. Побуждаемый желаніемъ сохранить въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній ея имя, государь 14-го декабря 1828 года утвердилъ Маріинскій знакъ отличія для лицъ женскаго пола (страницы 14—16).

Слабое здоровье императрицы требовало серьезнаго ухода, и перѣдки были ея поѣздки за границу въ болѣе теплый климатъ. Каждая двѣ недѣли начальница Смольнаго посылала подробные доклады о жизни заведенія и сама государыня отвѣчала ей длинными письмами. Ближайшей сотрудницей императрицы была цесаревна Марія Александровна, къ которой въ послѣдніе годы жизни императрицы перешло и фактическое управленіе заведеніями вѣдомства.

Въ 1838 году въ виду преклоннаго возраста Ю. Ф. Адлербергъ, явилась на службу въ Смольный какъ ея помощница, а черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ ея смерти, и замѣстительница, «генералъ-майорша» М. П. Леонтьева, замѣчательная и выдающаяся женщина, которая, еще будучи воспитанницей института, впитала въ себя настроенія и взгляды, царившіе въ Смольномъ при императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ. На посту начальницы она пробыла свыше 37-ми лѣтъ (стр. 22).

Условія и задачи дѣятельности М. П. Леонтьевой во многомъ отличались отъ дѣятельности ея предшественницы. Она получила большую самостоятельность: жизнь шла впередъ, назрѣвали новые вопросы, требовавшіе иногда немедленнаго разрѣшенія. Она являлась «воплощеніемъ идеальной начальницы, какаю было обрисована въ инструкціи основательницы вѣдомства» (стр. 25). При М. П. Леонтьевой Смольный былъ строгой школой внутренней и внѣшней дисциплины (стр. 110). Довѣріе къ ней императрицы было безпредѣльное (стр. 26).

Кромѣ начальницы, весьма ярко охарактеризованъ за это время инспекторъ института М. М. Тимаевъ. По его взгляду, главная цѣль воспитанія женщины должна была быть религіозно-правственная и потому все преподаваніе должно имѣть въ своей основѣ два начала: религію и правственность. Отсюда понятно, съ какой тщательностью избирались для Смольнаго законоучители.

М. П. Леонтьева не вмѣшивалась въ дѣло преподаванія, но личность ея была столь значительна и ярка, взгляды столь опредѣленны, что безусловно отражались и на духѣ, и на системѣ преподаванія. Она считала, напр., что преподаваніе русской литературы и исторіи должно способствовать развитію въ воспитанницахъ чувства патріотизма (стр. 59). А когда совѣтъ главныхъ ученыхъ заведеній прибѣгнулъ къ увеличенію класснаго времени путемъ сокращенія неучебныхъ дней, что шло въ разрѣзъ съ убѣжденіями ея, построен-

ными на религиозной точкѣ зрѣнія, она немедленно выразила статсъ-секретарю Гофману протестъ противъ этой мѣры, прося доложить объ этомъ государынѣ. Не получая отъ Гофмана отвѣта, Леонтьева лично обратилась къ ея величеству, и императрица согласилась съ мнѣніемъ начальницы, оставивъ въ Смольномъ тѣ же табельные дни, которые были раньше (стр. 64—67).

28-го февраля 1858 года умеръ М. М. Тимаевъ, съ которымъ въ душахъ многихъ тысячъ смолянъ соединялись лучшія воспоминанія о ихъ первой молодости и золотыхъ дняхъ юности. Смерть его была тяжкимъ ударомъ для М. П. Леонтьевой, и цѣлый годъ прошелъ въ подыскиваніи замѣстителя, пока не былъ назначенъ на это мѣсто К. Д. Ушинскій.

Вторая часть книги—время государыни императрицы Маріи Александровны. Это—періодъ реформъ, разработанныхъ К. Д. Ушинскимъ. вмѣстѣ съ нимъ были измѣнены и условія пріема въ заведеніе, а самый учебный курсъ вмѣсто девятилѣтняго сталъ семилѣтнимъ. Объявленъ былъ новый педагогическій принципъ—достигать успѣшности занятій воспитанницъ «не увеличеніемъ продолжительности каждаго урока, но учащеніемъ самыхъ уроковъ» (стр. 295). Въ преподаваніи иностранныхъ языковъ устанавливался принципъ постепенности, а преподаваніе двухъ языковъ одновременно считалось крушой педагогической ошибкой. Расширены были курсы географіи и исторіи (стр. 297).

Обладая педагогическимъ чутьемъ, Ушинскій собралъ въ Смольномъ блестящій кадръ даровитыхъ наставниковъ, преимущественно молодежи: М. И. Семеvскій читалъ при немъ русскую исторію, О. Ѳ. Миллеръ—исторію русскаго языка и литературу; кромѣ нихъ, были: В. И. Водовозовъ, Л. Н. Модзалевскій и мн. др. Затѣмъ онъ ввелъ въ Смольномъ педагогическія конференціи (стр. 307), на которыхъ впервые стали обсуждаться вопросы не только учебнаго, но и воспитательнаго характера. «Благодаря его энергіи и таланту, въ какіе-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого интереса» (Этотъ отзывъ В. Острогорскаго, приводимый авторомъ на 315 стр., какъ-то не вяжется съ его предшествующимъ изложеніемъ; словно забылъ онъ все хорошее, высказанное при оцѣнкѣ первой половины жизни заведенія).

Личность и дѣятельность Ушинскаго имѣли благотворное вліяніе и въ воспитательномъ отношеніи: стали исчезать среди воспитанницъ многіе предрасудки, ослабѣло традиціонное пренебрежительное отношеніе къ воспитанницамъ Александровскаго училища. Но Ушинскій не долго пробылъ въ Смольномъ. Его смѣнилъ К. А. Тимофеевъ, явившійся ближайшимъ осуществителемъ реформъ. При немъ въ 1865 году общество благородныхъ дѣвицъ было отдѣлено отъ Александровскаго института, преобразованнаго въ самостоятельное заведеніе.

Въ этомъ періодѣ интересно отмѣтить исключительное вліяніе на воспитанницъ законоучителя о. В. Гречулевича. Религіозность старшихъ воспитанницъ доходила до того, что онѣ вставали ночью читать акаѣисты (стр. 358).

М. П. Леонтьева скончалась въ 1874 году на 85-мъ году отъ роду. Ее смѣнила О. А. Томилова, до 1886 года, затѣмъ М. П. Новосильцева—до 1894 года и, наконецъ, свѣтлѣйшая княжна Е. А. Ливень, умершая въ 1915 году.

Насколько цѣнились заслуги для Смольнаго его первыхъ начальницъ, можно видѣть изъ того, что въ память ихъ съ высочайшаго соизволенія получили названія прилегающія къ заведенію мѣстности: Адлерберговскій скверъ, Леонтьевская улица, Долгоруковскій переулокъ, Пальменбахская улица, Лафонская площадь...

Третья часть книги—время императрицы Маріи Теодоровны, которая стала во главѣ вѣдомства 29-го мая 1880 года. За этотъ періодъ въ жизни Смольнаго наиболѣе крупной личностью была княжна Е. А. Ливенъ. Она пришла въ Смольный съ опредѣленными взглядами на задачи и характеръ воспитанія и образованія, какія должно давать женское учебное заведеніе. Эти взгляды вытекали изъ общаго взгляда ея на призваніе женщины, назначеніе которой—семья и дѣти, свои и чужіе. Женщинѣ не слѣдуетъ стремиться къ равноправію, этимъ она лишь умаляетъ себя и свое значеніе. Если у нея въ подлежащей степени развиты сердце и умъ, если она въ полной мѣрѣ обладаетъ чуткой совѣстью, умѣетъ отличить подлинную правду отъ мнимой, добро отъ зла,—ей открыто широкое поле неограниченнаго, облагораживающаго вліянія на все человѣчество черезъ мужей, братьевъ, сыновей (стр. 454).

Въ самомъ концѣ этого періода проведена новая учебная реформа. «А. С. Ермоловъ, руководя постановкой учебнаго дѣла въ Смольномъ, стремится сочетать завѣты историческаго прошлаго заведенія съ просвѣтительными задачами настоящаго».

III томъ труда г. Черепнина состоитъ изъ приложений. Здѣсь приведены всевозможные указы, уставы, штаты, инструкціи, исчисленія расходовъ, распisanія, юбилейныя и др. рѣчи, отчеты и т. п. Это сырой матеріалъ, только сгруппированный. Болѣе интересны—письма императрицы Екатерины II къ воспитанницамъ и ихъ отвѣты, нѣкоторыя повелѣнія императрицы Маріи Теодоровны и объяснительныя записки (напр. Ушинскаго). Затѣмъ приведены здѣсь списки личнаго состава служащихъ за 150 лѣтъ и всѣхъ окончившихъ курсъ воспитанницъ, съ указаніемъ именъ.

Таково краткое содержаніе книгъ г. Черепнина. Черезъ всю исторію Смольнаго проходятъ свѣтлой полосой царственныя заботы августѣйшихъ попечительницъ и членовъ царской семьи объ этомъ заведеніи, причемъ авторомъ болѣе подробно изложена 1-я часть II тома и значительно менѣе ярко 2-я и 3-я части. Эта неравномѣрность весьма чувствительна для читателя. Затѣмъ, весьма мало охарактеризована замѣчательная личность графа Н. А. Протопова-Бахметева, а между тѣмъ значеніе его для вѣдомства и заведенія было безспорно, и онъ, конечно, по достоинству будетъ оцѣненъ послѣдующими историками. Только упомянуты знаменитыя смолянки—питомицы заведенія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ книга положительно пестритъ множествомъ совершенно несущественныхъ подробностей изъ ежедневной жизни заведенія за послѣднія сто лѣтъ; времяпровожденіе праздничныхъ дней, приемы спектакли, развлечения, игры, посѣщенія Смольнаго всевозможными лицами да португальскаго посланника съ супругою включительно и т. д., все это занимаетъ цѣлыя главы. Авторъ, напримѣръ, подробно описываетъ, какъ въ день празднованія юбилея принца П. Г. Ольбденбургскаго доставлены были изъ

императорскаго театра ручные фонари и фонари гирляндовые изъ балета «Ливанская роза» (стр. 403) и каждая воспитанница получила по коробкѣ конфетъ; самыя описанія эти нерѣдко носятъ совершенно случайный характеръ и обрываются почти на полусловѣ. А, вѣдь, все это занимаетъ половину книги въ ущербъ болѣе существенному историческому содержанию.

Встрѣчаются и нѣкоторыя несоотвѣтствія. На стр. 43 сказано, что при отсутствіи подходящихъ книгъ инспекторъ Смольнаго долженъ былъ поручать преподавателямъ за особую плату составлять учебники и руководства и, затѣмъ, печатать ихъ и литографировать, и тутъ же, на стр. 59: «учебныхъ книгъ и руководствъ въ Смольномъ было много, значительная часть ихъ была лучшими для того времени». Наконецъ, такія мелочи, какъ сколько кому изъ начальствующихъ лицъ выдавалось свѣчей, всевозможныя подробности о прислугѣ (швейцаръ пожалованъ былъ при выходѣ въ отставку чиномъ XIV класса, пожизненная пенсія часовщику, особое вознагражденіе письмоводителю канцеляріи за чинку гусиныхъ перьевъ, стр. 426, 420...), присылка принцемъ Ольденбургскимъ двухъ пудовъ винограда изъ Крыма (стр. 401),—все это только загромождаетъ книгу.

Не можемъ согласиться съ оцѣнкой авторомъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. въ ея вліяніи на Смольный (стр. 407), а также съ такими противорѣчіями, какъ: «институту смолянки обязаны были счастьемъ вѣры и религіи» (стр. 492) и тутъ же самое подробное описаніе всевозможныхъ святочныхъ гаданій подъ Новый годъ въ квартирѣ начальницы (стр. 502—3). Послѣднія сами по себѣ намъ представляются едва ли допустимыми въ закрытомъ учебномъ заведеніи; хороши они въ домашней обстановкѣ, просто какъ шалость.

Указатель сочиненій, которыми авторъ пользовался, безсистемный. Здѣсь на ряду съ серьезными трудами встрѣчаемъ мелкія газетныя статьи и брошюры (перечисляются: «Московскія Вѣдомости», «Московскій Телеграфъ», «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», полное собраніе законовъ и т. п.). А въ самомъ текстѣ книги попадаются такія неожиданности, какъ характеристика императрицы Маріи Александровны въ видѣ выдержки изъ черногорской газеты (стр. 429).

Но, во всякомъ случаѣ, трудъ г. Черепнина весьма крупный, безспорно интересный для питомцевъ Смольнаго, полезный для оцѣнки общаго хода женскаго образованія въ Россіи за 150 лѣтъ. Въ этомъ его заслуга. А роскошь изданія (великое счастье всякаго автора), верхъ изящества иллюстрацій и виньетокъ дѣлаютъ его положительно украшеніемъ каждой библіотеки. Цѣна по 5 рублей за томъ, конечно, ниже дѣйствительныхъ расходовъ по изданію.

Н. Г. Р.

Историческая географія. Лекціи, читанныя профессоромъ С. М. Середонинымъ въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ. Посмертное изданіе. Петроградскій археологическій институтъ. Пгр. 1916. Стр. 240. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Посмертное изданіе «лекцій по исторической географіи» профессора С. М. Середонина дало наконецъ возможность ближайшаго знакомства съ этимъ цѣннымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ. Значеніе его тѣмъ болѣе

вырастаетъ, что это первая попытка подвести итогъ накопившимся матеріаламъ по исторической географіи и объединить ихъ въ извѣстной системѣ. Работа въ этой области, какъ извѣстно, требуетъ большой усидчивости и настойчивости, а главное—изобрѣтательности и находчивости по части научныхъ методовъ изслѣдованія. Недѣлями случается иногда сидѣть надъ опредѣленіемъ какого-нибудь географическаго пункта или выясненіемъ на картѣ пути сообщенія, отъ котораго зачастую сохранились лишь неясные противорѣчивые слѣды въ документахъ.

Извѣстно, что иной разъ изъ затрудненія можетъ лишь вывести личный осмотръ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь въ матеріалахъ. Вотъ почему въ трудахъ по исторической географіи за какимъ-нибудь примѣчаніемъ въ двѣ-три строки нерѣдко скрывается нѣсколько недѣль упорной, настойчивой работы. Подобныя изслѣдованія еще осложняются отсутствіемъ у насъ хорошихъ географическихъ картъ Европейской Россіи; на самой крупной изъ нихъ, трехверстной, не показаны, напримѣръ, всѣ рѣки, перепутаны названія и такъ далѣе.

До послѣдняго времени не было даже ни одного списка притоковъ бассейна важнѣйшихъ нашихъ рѣкъ—Волги, Днѣпра, Оки и т. д. И лишь совсѣмъ недавно, благодаря академіи наукъ, этотъ вопросъ нашелъ цѣлесообразное разрѣшеніе: назначены поощрительныя преміи за подготовку подобныхъ матеріаловъ (списки притоковъ, карты отдѣльныхъ областей и т. д.), указанъ общій планъ работъ, даны образцы ихъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что полная оцѣнка «лекцій» доступна лишь специалисту. Въ настоящемъ своемъ видѣ изданіе «лекцій» начинается опредѣленіемъ, что такое историческая географія, каково ея содержаніе и мѣсто среди другихъ наукъ; затѣмъ слѣдуетъ обзоръ развитія исторической географіи, какъ науки, и наконецъ идетъ рядъ очерковъ: Скиѣя и скиѣны, сарматы, Птолмей, готы, гунны-болгары, хазары, расселеніе восточныхъ славянъ, образованіе государства, Кіевъ, борьба со степью, финны, Новгородъ. Хронологическимъ рубежомъ, до котораго доведены лекціи, является X—XI вв. Дальнѣйшій историко-географическій обзоръ Руси въ печатное изданіе не вошелъ, но тѣ, кто имѣли удовольствіе слушать лекціи С. М. Середонина въ изустной передачѣ, знаютъ, что свои чтенія онъ доводилъ до XVII в., при чемъ эпоха организациі южной обороны при Грозномъ являлась наиболѣе живымъ и интереснымъ отдѣломъ. Нельзя не пожалѣть, что эти страницы не могли быть напечатаны. Передъ молодыми научными силами стоитъ, такимъ образомъ, неопложная задача—продолжить далѣе трудъ подведенія итоговъ матеріаламъ по исторической географіи. Потребность въ такой книгѣ одна изъ самыхъ насущныхъ для каждаго специалиста-историка и филолога.

Нашу краткую замѣтку уместно будетъ заключить указаніемъ автора на то, что «1) историческая географія завоевала у насъ права гражданства; 2) собрано много матеріала, дано немало работъ, очерковъ по исторіи различныхъ мѣстностей и народностей»; однако «нѣтъ пока атласа, который могъ бы служить пособіемъ при университетскомъ преподаваніи исторіи. Лучшій атласъ это «Учебный атласъ» покойнаго Е. Е. Замысловскаго, но послѣ его составленія

(1887 г.) наука исторической географіи значительно развилась, расширилась». Такимъ образомъ, составленіе новаго атласа—одна изъ ближайшихъ задачъ, стоящихъ на очереди въ нашей наукѣ.

Б—въ.

Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ редакціей В. Я. Уланова. Кн-во К. Ф. Некрасова М. 1915. Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство). Стр. 130. Ц. 40 к. — Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ быта монголовъ). Стр. 118. Ц. 40 к.—П. П. Кащенко. Судъ въ Московскомъ государствѣ. Стр. 77. Ц. 30 к.—Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ. (Князя Долгорукіе). Стр. 123. Ц. 40 к.—М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII в. Страницы изъ жизни Ломоносова. Стр. 126. Ц. 45 к. Съ иллюстраціями.

Серія культурно-бытовыхъ очерковъ по русской исторіи, издаваемая г. Некрасовымъ подъ общей редакціей В. Я. Уланова, заслуживаетъ большого вниманія, какъ полезное чтеніе для учащейся молодежи при прохожденіи курса отечественной исторіи. Въ легкой общепонятной формѣ, иногда почти беллетристической, авторы этихъ очерковъ знакомятъ читателей съ такими сторонами прошлой жизни и быта, которыя до сихъ поръ въ учебникахъ отмѣчались лишь вскользь, но знаніе которыхъ необходимо, чтобы правильно понять и осмысленно разобраться въ ходѣ событій далекаго минувшаго, болѣе ярко представить себѣ его дѣятели и тѣ жизненныя условія, въ которыхъ имъ приходилось работать и т. п. Составленные на основаніи авторитетныхъ научныхъ источниковъ, эти очерки при параллельномъ чтеніи ихъ во время прохожденія курса дадутъ немало полезныхъ знаній учащимся.

Очеркъ Н. Д. Шаховской «Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство)» знакомитъ съ монастырскимъ бытомъ прошлаго, съ его порядками, хозяйствомъ, обитателями, нравами, съ его отношеніемъ къ народу и государственной власти и въ дни мира, и въ дни лихолѣтій, когда обитель превращалась въ грозную и стойкую крѣпость. Образъ основателя обители святого Сергія выписанъ авторомъ весьма тепло. Попутно сообщаются свѣдѣнія и изъ исторіи тогдашняго просвѣщенія, главнѣйшими очагами и разсадниками котораго являлись на Руси именно монастыри. Отмѣчается также и благотворительная дѣятельность обители, въ дни тяжкихъ народныхъ бѣдствій и испытаній радушно дѣлившейся съ бѣдной своими достатками, какъ, напримѣръ, хотя бы въ смутное время въ Москвѣ.

Картинки изъ быта монголовъ Н. Д. Комовской подъ заглавіемъ «Въ странѣ великаго хана» знакомятъ съ былыми поработителями Руси—татарами. Авторъ для своего изложенія пользуется обширной мемуарной литературой современниковъ, путешествовавшихъ въ орду и наблюдавшихъ тамъ непосредственно жизнь татаръ. Основываясь на этихъ источникахъ, авторъ въ полубеллетристической формѣ, нарочитость которой даже нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе, повѣствуетъ о домашней жизни татаръ, ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, объ ихъ различныхъ празднествахъ и обрядахъ, объ ихъ

политическомъ строе, ханѣ и его дворѣ, о кочевкахъ татаръ, ихъ жизнь въ ордѣ и походахъ, объ ихъ отношеніяхъ къ завоеваннымъ странамъ и народамъ. Если прибавить, что въ нашихъ учебникахъ по русской исторіи татары до самаго послѣдняго времени изображались только лишь, какъ дикіе варвары, поработители и угнетатели Руси, стоявшей уже на достаточно высокой степени культурнаго развитія, то значеніе научно-популярной книжки г-жи Комовской увеличивается, ибо при помощи ея учащіеся смогутъ составить себѣ болѣе правильное представленіе о томъ народѣ, который сыгралъ въ историческихъ судьбахъ Россіи такую крупную роль.

П. П. Кащенко въ своемъ очеркѣ «Судъ въ Московскомъ государствѣ», умѣло использовавъ два подлинныхъ дѣла XVI в. и два дѣла XVII в. уголовнаго и гражданскаго характера, представилъ древне-русскія формы слѣдствія, тяжбы, судоворенія, наказаній, судъ у намѣстника, судъ—жребій и «поле», «Судъ Божій». Весьма характерна исторія дѣла о колдовствѣ. Очень кстати въ свое повѣствованіе авторъ вплелъ и народныя воззрѣнія на тогдашній судъ, какъ то выразилось въ народныхъ повѣстьяхъ о Шемякинѣ судѣ и о судѣ леца съ ежомъ. Изъ всѣхъ разсматриваемыхъ нами книжекъ данной серіи этотъ очеркъ выполненъ лучше всѣхъ. У г. Кащенко повѣствованіе льется легко и непринужденно, и въ самомъ языкѣ замѣтно вѣяніе тогдашней эпохи: это большое достоинство писателя-популяризатора.

Очеркъ Н. Н. Коваленской «Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ» посвященъ глубоко трагической, несчастной судьбѣ князей Долгорукихъ, бывшихъ всеильными и могущественными временщиками при юномъ императорѣ Петрѣ II и столь ужасно погибнувшихъ въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны. Очеркъ г. Коваленской, основанный на капитальномъ трудѣ Д. А. Корсакова, а главнымъ образомъ—на изученіи обширной и богатой мемуарной литературы XVIII столѣтія, даетъ вмѣстѣ съ исторіей фамилии князей Долгорукихъ рядъ любопытныхъ и характерныхъ картинокъ придворной жизни преемниковъ Петра Великаго, изобилующей такимъ богатымъ и своеобразнымъ содержаніемъ.

Наконецъ, очеркъ М. Н. Коваленскаго «Русскій ученый XVIII вѣка» въ связи съ біографіей М. В. Ломоносова описываетъ положеніе русскаго просвѣщенія въ Россіи, незадолго передъ тѣмъ выведенной Петромъ I на широкій путь европейской культуры и прогресса. Авторъ весьма полно обрисовываетъ тѣ бытовыя условія, въ которыхъ приходилось работать пионерамъ русской науки, и тѣ тернія и преграды, которыя тормозили свободу ихъ творчества. Названная брошюра, какъ увѣдомляетъ издательство, представляетъ собою только часть отдѣла «Русская наука XVIII вѣка» и будетъ дополнена имѣющими выйти въ свѣтъ очерками «Академія наукъ» и «Ученыя изслѣдованія на мѣстахъ». Добавимъ, кстати, что означенная работа г. Коваленскаго министерствомъ народнаго просвѣщенія допущена въ ученическія бібліотеки высшихъ начальныхъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

Всѣ книжки разсмотрѣнной серіи обильно снабжены разнообразными иллюстраціями, которыя, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе своего чрез-

вычайно малаго размѣра, не достигаютъ предназначенной цѣли, такъ какъ разобрать, что именно въ нихъ изображено, нерѣдко нѣтъ никакой возможности. Таковы, напримѣръ, рисунки въ книгѣ Кащенко на стр. 13, 56, 58 или въ книжкѣ Комовской, Коваленскаго и другихъ. Д. М.

Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива графа С. Ю. Витте съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. Глинскаго. (Съ приложеніемъ портрета графа С. Ю. Витте). Пгр. 1916. Стр. VII+352. Ц. 3 р.

Подлежащая нашему разбору книга читателямъ «Историческаго Вѣстника» хорошо знакома. Въ теченіе 1914 года она частями появилась на страницахъ нашего журнала. Въ сущности, наша замѣтка могла бы ограничиться тѣмъ, что очерки эти собраны въ одну книжку и вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Но, перечитавъ теперь эту книгу, мы убѣдились, что она была вновь проредактирована г. Глинскимъ и подверглась сокращеніямъ повтореній, встрѣчавшихся раньше, что послужило въ пользу новаго изданія въ смыслѣ болѣе тщательнаго сконцентрированія матеріаловъ, почему фигура графа Витте вырисовывается болѣе выпукло и ярко, равно какъ и событія, послужившія матеріаломъ для этой книги.

Помимо того, что книга даетъ намъ приблизительно полное понятіе о томъ, каковы были причины возникновенія русско-японской войны, и въ этомъ отношеніи она пока составляетъ единственный сборникъ матеріаловъ для историка этой войны,—она представляетъ намъ во весь ростъ портретъ одного изъ крупнейшихъ государственныхъ дѣятелей конца XIX и начала XX столѣтій.

У графа С. Ю. Витте было страшно много враговъ и врядъ ли были друзья. Это уже судьба всѣхъ выдающихся дѣятелей во всѣхъ областяхъ, въ особенности же въ области политической. Мы, современники, никогда не можемъ разглядѣть величія дѣятелей, творящихъ на нашихъ глазахъ великія дѣла, точнѣе, мы не желаемъ сознаться, что видимъ ихъ величіе и отдать имъ должное по заслугамъ. И это вполне понятно. Всякое великое дѣланіе сопровождается ихъ творцомъ не обычными поступками, а путями, можетъ быть, съ точки зрѣнія обыденной морали недопустимыми. Великіе люди на пути ихъ дѣланія не стѣсняются средствами, не выбираютъ путей, а дѣйствуютъ напроломъ, уничтожая на своей дорогѣ все мѣшающее и препятствующее, лишь бы достигъ намѣченной цѣли для высшаго блага. Съ одной стороны, вліяніе жалобъ ничтожностей, считающихъ себя жертвами шествующаго къ своей цѣли дѣятеля, съ другой стороны, соревнованіе ничтожностей, стремящихся къ успѣху и остановленныхъ въ своихъ чаяніяхъ и надеждахъ на успѣхъ могучимъ духомъ настоящихъ дѣятелей, а съ третьей стороны зависть и недоброжелательство къ таланту и уму,—вотъ все это вкупу мѣшаетъ современникамъ отдать должное, оцѣнить по заслугамъ государственнаго дѣятеля при его жизни.

Тѣмъ болѣе тернистъ путь большого сановника, если по своему происхожденію онъ не принадлежитъ къ тому высшему классу, который считаетъ упра-

вление государством своей личной привилегией. То, что при другихъ обстоятельствахъ могло облегчить путь С. Ю. Витте, родился онъ среди этихъ привилегированныхъ, ему, появившемуся на петроградскомъ горизонтѣ изъ провинціи, благодаря лишь своимъ блестящимъ способностямъ и таланту, далось на первый взглядъ какъ будто и легко, но на самомъ дѣлѣ только его удивительной талантливости, громадности ума, а затѣмъ, ужъ нечего грѣхъ таить, и безразборчивости въ средствахъ для достиженія намѣченнаго, дали возможность такъ быстро и головокружительно сдѣлать свою политическую карьеру и занять одно время первенствующее мѣсто въ государствѣ.

Прошелъ всего только годъ по кончинѣ графа С. Ю. Витте, и мы уже имѣемъ возможность цѣликомъ возсоздать всю эту колоссальную фигуру, благодаря изданнымъ матеріаламъ, во весь ея ростъ. Предъ обнародованными документами должны умолкнуть всякія сплетни, распространявшіяся при его жизни и умалявшія его дѣятельность. Опубликованные г. Глинскимъ матеріалы—лучшіе свидѣтели громадной талантливости, если не гениальности, покойнаго графа. И русскіе люди, забывъ о его слабостяхъ, какъ частнаго человѣка, должны чтить память его, какъ великаго работника, выдающагося патріота родной земли.

Пишущій эти строки далеко не былъ поклонникомъ графа Витте при его жизни, и тѣмъ не менѣе, ознакомившись съ книгой «Прологъ русско-японской войны», ему совершенно ясно стало, какъ мало понимали и какъ мало цѣнили этого выдающаго русскаго человѣка его современники. Думается, что съ нами согласится всякій, кто внимательно прочтетъ книгу г. Глинскаго, и сохранитъ благодарную память къ работнику земли русской.

О. Л.—нѣ.

Русскіе Пропилеи. Томъ III. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. Москва. Изданіе М. и С. Собашниковыхъ. 1915. Стр. VI+351, съ воспроизведеніемъ факсимиле Тургенева—письма къ Н. П. Огареву Ц. 3 р. 50 к.

Третій томъ «Русскихъ Пропилеевъ» не доставилъ намъ того полнаго удовлетворенія, какое мы получили отъ перваго. Во-первыхъ, тамъ былъ историческій и историко-литературный матеріалъ, большая часть котораго была напечатана впервые, здѣсь—большую частью лишь собрано напечатанное въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; во-вторыхъ, это былъ матеріалъ первосортный, здѣсь, если и первосортный, то скорѣе только для специалистовъ по Тургеневу. Отъ доски до доски третьяго тома прочесть не захочется. Наконецъ, въ-третьихъ, собраніе такого рода матеріаловъ, важныхъ почти исключительно только для специалистовъ, требуетъ нѣкоторой особой скрупулезной тщательности собиранія ихъ—наивозможной полноты и таковой же точности. Иначе даже незначительные пропуски вслѣдствіе малыхъ надеждъ на повторность подобнаго изданія какъ-то даже вчужь дѣйствуютъ огорчительно.

Однако интересующіеся Тургеневымъ специально найдутъ для себя поживу въ III томѣ. Книга дѣлится на два отдѣла: «Художественныя произведенія» Тургенева и «разныя писанія» его.

Въ первомъ отдѣлѣ: драматическія поэмы «Стено», «Порогъ», рассказъ «Un fin», нѣсколько стихотвореній оригинальныхъ и нѣсколько переведенныхъ Тургеневымъ. Впервые появляются «Похожденія подпоручика Бубнова», остроумная шутка въ фантастическомъ родѣ.

Во второмъ отдѣлѣ—различныя статьи Тургенева, начиная съ 1842 г., письма и замѣтки Тургенева «явно литературнаго характера или имъ самимъ предназначавшіяся къ печати, предисловія къ различнымъ книгамъ, рѣчи. Изъ не напечатанныхъ впервые появляется «Автобіографія» Тургенева съ рукописи, принадлежащей бібліотекѣ императорской академіи наукъ.

Въ приложеніи даны: текстъ фантастической оперетты Тургенева «Le dernier Sorscier», сохранившейся въ нѣмецкомъ переводѣ, и факсимиле письма къ Огареву, великолѣпное по технике воспроизведенія. Около 50 страницъ отведено обстоятельнымъ примѣчаніямъ собирателя.

Въ примѣчаніяхъ къ «Похожденіямъ подпоручика Бубнова» намъ показало, что М. О. Гершензонъ слишкомъ серьезно отнесся къ шуткѣ Тургенева, написанной въ три часа, утверждая, что «Похожденія» «несомнѣнно, навѣяны «Записками сумасшедшаго», «Носомъ», Шинелью». Въ рецензіи невозможно доказать обратное утвержденію редактора «Русскихъ Пропилеевъ», но, намъ кажется, и онъ самъ не доказалъ своего положенія: ни въ сюжетѣ, ни въ стилѣ, ни въ безцѣльной фантастикѣ, на нашъ взглядъ, вліянія Гоголя не чувствуется, тѣмъ болѣе, что и въ позднѣйшей прозѣ Тургенева этого вліянія нигдѣ не замѣтно. Это просто шутка. Къ тому же, если «Записки сумасшедшаго» и «Носъ» остроумному автору «Похожденій» могли быть извѣстны, то «Шинель» здѣсь совершенно ни при чемъ. Рассказъ Тургенева былъ сочиненъ 25-го іюня 1842 г., а «Шинель» впервые появилась въ собраніи сочиненій Гоголя лишь въ ноябрѣ—декабрѣ того же года.

Записка объ изданіи журнала «Хозяйственный указатель» была напечатана въ августѣ 1883 г. («Русская Старина»). Принадлежность статьи «Alexandre III» Тургеневу М. О. Гершензонъ доказываетъ ссылкой на собственное признаніе автора и воспоминанія П. Л. Лаврова. Приведемъ еще третье обоснованіе авторства Тургенева: заявленіе редакціи журнала «Revue politique et littéraire» 1883 г., Septembre, tome 32, 3-e serie, p. 293, гдѣ сказано: «Nous avons de publié de Tourguéneff: Alexandre III (26 III 1881), Vieux Portraits (14 и 28 V 1881), Un Désespéré (14 I 1882), Pétits Poèmes en prose (16 и 23 XII 1882). Изъ не попавшихъ въ томъ третій «Русскихъ Пропилеевъ» замѣтокъ Тургенева отмѣтимъ для интересующихся тѣ, которыя намъ оказались извѣстными. Автографъ Тургенева (нѣсколько строкъ) въ альбомѣ Козловой (1873 г.), напечатанномъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (содержаніе этого альбома приведено въ обзорѣ печати газеты «Новости» 1883 г., 12 X, № 192). Предисловіе къ рассказу изъ сѣв.-итальянской жизни г-жи Н. Га—рины «Фіоріо», напечатанному въ газетѣ Е. Корша «Сѣверный Вѣстникъ» 1877 г., іюнь. Письмо Тургенева на нѣмецкомъ языкѣ въ редакцію

мюнхенской газеты «Allgemeine Zeitung» 1879 г., № 262 (взгляд на художественное творчество). Письмо Тургенева на Боборыкину съ приглашеніемъ московскому обществу жертвовать на памятникъ Флоберу («Русскія Вѣдомости» 1880 г., ноябрь).

Вл. Княжичъ.

И. И. Гливенко, магистръ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Хрестоматія по всеобщей литературѣ. Часть 1-я. Античная и средневѣковая литература. Книгоиздательство «Сотрудникъ». Пгр.—Кіевъ. 1916. Стр. 334. Ц. 1 р. 80 к.

Одной изъ главныхъ задачъ, лежащихъ на обязанности средней школы, является воспитаніе въ учащихся чувства любви къ классическимъ произведеніямъ всѣхъ временъ и народовъ. Если юноша не научится въ гимназін читать и цѣнить классиковъ, то въ случаѣ продолженія имъ образованія въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ можетъ остаться на всю жизнь безъ благотворнаго вліянія великихъ геніевъ человѣческаго слова. Къ сожалѣнію, это знакомство съ всеобщей литературой проникаетъ въ обиходъ гимназій очень туго. Тѣмъ болѣе поэтому надо привѣтствовать заслуги въ этомъ отношеніи г. Гливенка, составившаго цѣлый рядъ руководствъ въ данномъ направленіи. Настоящая книга заключаетъ образцы, начиная съ Гомера и кончая «Божественной Комедіей» Данте Алигьери. Нечего и говорить, что огромный педагогическій опытъ составителя хрестоматіи далъ ему возможность выбрать эти образцы съ полнымъ знаніемъ дѣла. Единственно, въ чемъ можно поспорить съ г. Гливенкомъ, это—выборъ редакцій тѣхъ или другихъ переводовъ. Зато пріятно отмѣтить, что нѣкоторые образцы переведены для настоящаго изданія впервые. Такова весьма недурная стихотворная передача отрывковъ изъ «Метаморфозъ» Овидія г. Вилинскаго. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ сдѣланные самимъ составителемъ хрестоматіи переводы нѣкоторыхъ фаблій XIII вѣка и цѣлага ряда пьесъ средневѣкового театра. Эти произведенія появляются въ русской передачѣ впервые, и помѣщеніе ихъ въ хрестоматіи, по справедливому замѣчанію г. Гливенка, восполняетъ тотъ недостатокъ, который ощущался каждымъ, кто читалъ исторію западно-европейскихъ литературъ слушателямъ, не знавшимъ соответственныхъ языковъ.

Въ заключеніе нельзя не выразить пожеланія, чтобы настоящая книга получила широкое распространеніе въ нашей средней школѣ.

А. М.

Джемсъ Генри Брзестедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ 1915. 2 тома. Стр. XV+343+329. Цѣна 8 р.

Въ послѣднее время въ Россіи можно отмѣтить возникновеніе интереса къ исторіи древняго Востока; появился рядъ книгъ, посвященныхъ этому времени, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ; среди нихъ надо отмѣтить: «Исторію

древняго Востока» профессора Б. А. Тураева; серію выходящихъ подъ его редакціей переводовъ «Культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока» (вышло пока три выпуска); изслѣдованія М. В. Никольскаго относительно хозяйственнаго строя Халдеи («Древности восточныя», т. V); краткій очеркъ профессора Е. Г. Кагарова «Настоящее и прошлое египтологіи»; профессора Д. И. Введенскаго «Юсифъ и Египетъ»; хрестоматію для средней школы подъ редакціей профессора Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина; переводы популярныхъ книжекъ Морэ и т. д. Теперь книгоиздательство М. и С. Сабашниковыхъ выпустило переводъ одного изъ лучшихъ пособій по истории древняго Египта, книгу чикагскаго профессора Breasted, «History of Egypt», которая охватываетъ исторію долины Нила, начиная съ додинастическаго періода, многочисленные остатки котораго были открыты въ сравнительно недавнее время Фл. Петри, де-Морганомъ и другими изслѣдователями, и кончая завоеваніемъ Египта персами въ 525 года до Р. Х. Изложеніе автора вездѣ строго фактическое; онъ пишетъ, основываясь на изученномъ имъ лично громадномъ матеріалѣ египетскихъ историческихъ документовъ, который былъ имъ собранъ и переведенъ на англійскій языкъ въ пятитомномъ собраніи Ancient Records of Egypt (Chicago, 1906 сл.). Это собраніе служитъ оправдательными документами для высказываемыхъ имъ въ его «Исторіи» сужденій, и вмѣсто ссылокъ на надписи или изданія памятниковъ Брестедъ внизу страницъ прямо дѣлаетъ ссылки на соответствующій томъ и страницу своей хрестоматіи. Для англійскаго читателя въ этомъ особаго неудобства нѣтъ, но для русскаго, конечно, не всегда возможна справка по такой ссылкѣ; избѣжать этого неудобства было невозможно, хотя конечно, можно пожалѣть, что авторъ не внесъ въ самый текстъ книги переводовъ важнѣйшихъ документовъ.

По содержанию своему книга Брестеда охватываетъ не только внѣшнюю политическую исторію Египта, но и культурно-соціальную: правительство и общество, ихъ взаимоотношенія въ разныя эпохи египетской исторіи, промышленность и искусство, послѣдовательные этапы ихъ развитія, религію и литературу (послѣднюю, правда, въ нѣсколько меньшей степени),—все это нашло свое мѣсто въ талантливо написанной книгѣ чикагскаго профессора, къ тому же обильно иллюстрированнойъ прекрасно выполненными снимками съ памятниковъ древности.

Переходя къ русскому переводу, мы должны отмѣтить, что, выполненный лицомъ, знакомымъ съ египтологіей, онъ выгодно отличается отъ тѣхъ переводовъ, которые часто выполняются людьми, незнакомыми съ египетскимъ языкомъ, благодаря чему иногда получается невѣроятная транскрипція собственныхъ именъ. По внѣшнему виду изданіе точно воспроизводитъ англійскій оригиналъ; прибавлена только хронологическая таблица царей (по Breasted, Ancient Records, vol. I), дающая возможность быстрой и удобной ориентировки въ египетской хронологіи, отчасти до сихъ поръ еще условной, и предисловіе самого автора къ русскому переводу. Цѣну книги, принимая во вниманіе изящество изданія, нельзя назвать высокой.

А. Захаровъ.

Ө. М. Россейкинъ. Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго. Сергіевъ Посадъ. 1915. Стр. III+491. Ц. 2 р. 50 к.

О знаменитомъ константинопольскомъ патріархѣ Фотіи существуетъ обширная и разнообразная литература какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Достаточно указать на выдающееся по эрудиции автора, документальности и обстоятельности изложенія изслѣдованіе римскаго кардинала Гергенретера, на труды русскихъ профессоровъ Иванцова-Платонова, Курганова и Лебедева, чтобы составить представление о важности и серьезности научныхъ изысканій въ области указанного вопроса. Тѣмъ не менѣе и до послѣдняго времени нельзя было сказать, что дѣятельность патріарха Фотія выступаетъ въ существующей литературѣ въ надлежащемъ историческомъ свѣтѣ. Это обуславливалось, прежде всего, крупнымъ историческимъ значеніемъ Фотія, личность и дѣянія котораго имѣли центральную дѣйность въ историческомъ процессѣ раздѣленія восточной и западной церквей. Въ то время, какъ западная католическая литература усматриваетъ центр тяжести въ этомъ прискорбномъ событіи именно въ церковной дѣятельности знаменитаго константинопольскаго патріарха, научная литература православнаго Востока переноситъ этотъ центр на свойственную Риму систему церковнаго абсолютизма и представляетъ убѣдительныя данныя въ пользу того тезиса, что именно папскій престолъ и завоевательная его политика на Востокъ послужила главною причиною церковнаго раздѣленія. Такая оцѣнка крупнаго историческаго вопроса вытекаетъ какъ изъ естественныхъ конфессіональныхъ мотивовъ, такъ и изъ самаго характера источниковъ, лежащихъ въ основѣ изслѣдованій о патріархѣ Фотіи. Эти источники принадлежатъ преимущественно врагамъ и противникамъ Фотія и его великихъ заслугъ для греко-восточной церкви и были составлены въ періодъ ожесточенной внутренней и внѣшней борьбы, порожденной схизматическими мотивами. Значитъ, еще не совсѣмъ исчерпана научная потребность пересмотрѣть эти источники и сказать о нихъ новое слово исторической правды, въ согласіи съ дополнительными матеріалами разсматриваемаго вопроса. Къ новымъ матеріаламъ, восполняющимъ прежнюю литературу о Фотіи, нужно отнести актъ константинопольскаго собора 861 года, письма, бесѣды и поученія патріарха Фотія, письмо Анастасія Библиотекаря въ Гавдерику, многія житія святыхъ и другіе документы, относящіеся къ личности и исторической дѣятельности патріарха Фотія.

Таковы основанія, которыми профессоръ московской духовной академіи Ө. М. Россейкинъ руководится въ произведенномъ имъ научномъ пересмотрѣ вопроса о Фотіи. Въ указанной книгѣ разсматривается лишь первое правленіе патріарха Фотія, обнимавшее время съ конца 858 до конца 867 года. Задача автора выполнена съ полнымъ успѣхомъ.

Сочиненіе состоитъ изъ восемнадцати главъ. Послѣ предисловія (стр. I—III), гдѣ опредѣляется постановка вопроса въ изслѣдованіи, авторъ въ первой главѣ (стр. 1—35) обозрѣваетъ дѣтство и юность Фотія, а равно и начало его дѣятельности. Во второй главѣ (стр. 35—64) рѣчь идетъ о патріархѣ Игнатіи и его партіи, равно и объ отношеніи Игнатія къ Фотію. Въ третьей главѣ (стр.

64—99) описывается избраніе Фотія на патриаршій константинопольскій престоль. Его хиротонія въ епископскій санъ и патриаршая интронизация были совершены 25-го декабря 858 года. Въ четвертой главѣ (стр. 99—123) излагается интронизационное посланіе патриарха Фотія къ римскому папѣ Николаю I и характеризуется отношеніе послѣдняго къ Фотію, въ связи съ общею политикою папы; въ этой же главѣ говорится и о нашествіи «руссовъ» на Константинополь 18-го іюня 860 года, по поводу котораго патриархъ Фотій произнесъ двѣ бесѣды. Въ пятой главѣ (стр. 123—149) описывается константинопольскій соборъ 861 года, состоявшійся въ храмѣ Святыхъ Апостоловъ, осудившій патриарха Игнатія и признавшій Фотія въ достоинствѣ законнаго патриарха константинопольской церкви. Въ шестой главѣ (стр. 150—173) рѣчь идетъ объ апологіи Фотія, представленной имъ въ извѣстномъ посланіи къ римскому папѣ Николаю. Апологія была послѣднимъ предложеніемъ мирныхъ отношеній Риму. Здѣсь были собраны аргументы въ защиту личности и дѣятельности Фотія, раскрыты основныя положенія по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ автокефальныхъ помѣстныхъ церквей и безусловно осуждены всякія попытки къ подчиненію Востока римскому престолу. По мнѣнію Фотія, помѣстныя автокефальныя церкви обязаны держаться основныя принциповъ вселенской вѣры и общихъ нормъ церковной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ право развивать и мѣстный церковный обычай. Константинопольская церковь независима отъ папскихъ декретовъ, получившихъ авторитетъ въ западной церкви, и имѣетъ свой правообразующій органъ—въ составѣ патриарха священнаго синода или помѣстнаго собора, которые въ своемъ законодательствѣ опираются на каноническія опредѣленія вселенскихъ соборовъ. Однако Фотій, отправившій въ Римъ блестящую свою апологію, не только не былъ здѣсь признанъ, но и осужденъ, о чемъ рѣчь идетъ въ седьмой главѣ (стр. 173—200). Въ восьмой главѣ (стр. 200—235) описывается патриаршая дѣятельность Фотія, выразившаяся въ покровительствѣ просвѣщенію, проповѣдничествѣ и миссіонерствѣ, въ разностороннемъ благоустройствѣ церковно-общественныхъ отношеній. Въ главѣ девятой (стр. 236—261) характеризуется отношеніе Фотія къ армянской церкви, стремившагося возвратить къ единенію съ греческой церковью уклонившихся въ монофизитство армянъ. Глава десятая (стр. 262—287) посвящена внѣшней миссіи при патриархѣ Фотіи, когда выступили на миссіонерскій подвигъ свв. Константинъ (Кириллъ) и Меодій, выразившійся въ хазарской и моравской миссіяхъ и въ переводѣ священныхъ книгъ на славянскій языкъ,—когда совершалось крещеніе руссовъ и готовилась миссія среди сербовъ, магометанъ и евреевъ. Въ одиннадцатой главѣ (стр. 287—298) характеризуется римскій папа Николой I, какъ борецъ за папско-куріальную систему. Въ двѣнадцатой главѣ (стр. 289—329) анализируется переписка Константинополя и Рима въ 865 году, а въ тринадцатой (стр. 329—344) говорится о гибели Варды, кесаря византійскаго императора Михаила III, и возвышеніи Василія Македонянина, который и былъ провозглашенъ соимператоромъ. Въ четырнадцатой главѣ (стр. 344—365) рѣчь идетъ объ обращеніи Болгаріи въ христіанство и о заботахъ Фотія въ дѣлѣ укрѣпленія христіанства въ Болгаріи. Въ главѣ пятнадцатой (стр. 365—384) говорится о переходѣ Бол-

гаріи подь юрисдикцію Рима, а въ шестнадцатой (стр. 384—405) излагается окружное посланіе патріарха Фотія отъ 867 г. съ осужденіемъ латинской церкви за обрядовыя погрѣшности и особенно за ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ сына (Filioque). Въ семнадцатой главѣ (стр. 403—433) описывается константинопольскій соборъ 867 г., подвергшій римскаго папу Николая суду и осужденію, наконецъ, въ восемнадцатой главѣ (стр. 434—461) излагаются обстоятельства перваго низложенія Фотія съ патріаршаго престола, происшедшаго въ связи со вступленіемъ на царскій престолъ византійскій Василія Македонянина и съ общими задачами церковной его политики. Въ заключеніи къ сочиненію (стр. 463—468) предложенъ общій взглядъ на первое правленіе патріарха Фотія, въ трехъ приложеніяхъ (стр. 469—483) установлена дата удаленія императора Θεодора отъ власти, уясняется вопросъ объ искаженіи писемъ папы Николая на константинопольскомъ соборѣ 861 года и даны разъясненія къ вопросу о крещеніи руссовъ въ патріаршество Фотія. Сочиненіе заканчивается добавленіями (стр. 474—487).

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе сочиненія проф. Θ. М. Россейкина.

Въ задачу современной византологической науки входитъ не только изслѣдованіе вновь поставленныхъ вопросовъ, но и пересмотръ тѣхъ научныхъ проблемъ, которыя сравнительно давно привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и уже послужили предметомъ достаточнаго числа научныхъ трудовъ. Если первая задача прямо и непосредственно обогащаетъ науку новыми изысканіями и содѣйствуетъ поступательному научному движенію, то вторая задача, путемъ новой критики матеріаловъ, восполненныхъ дополнительными данными, ведетъ къ болѣе прочному обоснованію прежнихъ научныхъ познаній и къ дополнительному ихъ освѣщенію въ соответствии съ возрастающимъ движеніемъ византологіи. Изслѣдованіе Россейкина не содержитъ ни въ приложеніи, ни въ составѣ научной работы какихъ-либо вновь открытыхъ, преимущественно греческихъ, документовъ, которыми обыкновенно снабжаются византологическія изслѣдованія русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Но зато весь его трудъ и въ постановкѣ вопроса, и въ научномъ его рѣшеніи, и въ деталяхъ изслѣдованія идетъ навстрѣчу современной научной потребности. Русская научная литература еще не сказала своего послѣдняго слова о патріархѣ Фотіи. Не сказалъ его пока и проф. Россейкинъ, такъ какъ изслѣдовалъ только первое правленіе этого патріарха. Однако то, что авторомъ представлено въ первомъ томѣ, заслуживаетъ похвалы по великой тщательности и правильности изслѣдованія и по тому строго научному характеру, который приданъ всей работѣ. Проф. Россейкинъ прекрасно изучилъ литературу предмета, сообщилъ изслѣдованію точное детальное направленіе, стоитъ на правильномъ пути въ изслѣдованіи византологическихъ проблемъ и прекрасно понялъ основной духъ науки, который только и долженъ быть воспринятъ при современномъ положеніи византологіи. Въ этомъ содержится тѣмъ большая заслуга проф. Россейкина, что молодой ученый отвергъ неблагоприятное иго «традиціоннаго» подчиненія, которымъ, къ сожалѣнію, проникнуты изслѣдованія другихъ русскихъ византологовъ. Изслѣдованіе Θ. М. Россейкина составляетъ цѣнный и очень полезный вкладъ въ рус-

скую научную литературу. Недочеты его не существенны. Нѣтъ, напримеръ, систематическаго критическаго обзора литературы предмета и необходимаго указателя, переводъ съ греческаго мѣстами шероховатъ, желательнее было бы знать и болѣе раннюю судьбу высшей Магнаврской школы... Но подобные недочеты не умаляютъ крупныхъ достоинствъ труда, имѣющаго, въ общемъ, научную важность. Надѣмся, что ученый авторъ не замедлитъ дать и продолженіе своего изслѣдованія, которое еще болѣе упрочитъ и возвыситъ его авторитетъ въ византологіи.

Σ.

Петръ Рыссъ. Италія. К-во «Сѣверные Дни». М. 1916. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.—
Вернонь Ли. Италія. Избранныя страницы. Театръ и музыка. Пер. Е. Урениусъ, подъ ред. П. Муратова. М. изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 387. Ц. 1 р. 25 к.

По словамъ г. Рысса—«русскій читатель знаетъ Италію музеевъ и картинныхъ галлерей, но весьма относительно знакомъ съ общественно-политической жизнью королевства». Авторъ и задался цѣлью—«по возможности восполнить этотъ пробѣлъ». Книга составилась частью изъ статей въ «Русск. Мысли» 1908—1912 гг. Эти освѣдомленія г. Рысса, подчасъ изложенныя будто второпяхъ и начерно, не лишены, однако, ни извѣстнаго интереса, ни поучительности. Именно—значительнѣе фактическія сообщенія автора, а не собственныя его идейныя, мало самостоятельныя освѣщенія. Въ I ч. книги находимъ главы: Соціалистическое движеніе. Націонализмъ. Политическія партіи и парламентскіе выборы. Реформа избирательнаго права. Эмиграція. Государственная монополія, страхование жизни. Италія и міровой конфликтъ. Во второй части своего труда г. Рыссъ даетъ характеристики итальянскихъ политиковъ, прибѣгая къ методу противоположенія для лучшаго «оттѣненія» лицъ и теченій: Маццини, Гарибальди и Кавуръ. Криспи, Депретисъ и Цанарделли. Фортисъ и Коста. Джіолитти и Соннино.

Книга Вернонь Ли (Віолетты Паджетъ) вдохновлена старой итальянской культурой. Первая вещь названнаго выше сборника—«Ариадна въ Мантуѣ»—есть какъ бы психологическая драма любви въ исторической обстановкѣ. Она нѣсколько напоминаетъ подернутыя пессимизмомъ пьесы О. Уайльда. Далѣе читаемъ историческій очеркъ, написанный съ эрудиціей и народническимъ, хочется сказать, воодушевленіемъ, «Комедія масокъ». И на слѣдующихъ страницахъ зарисовывается Гольдони, который, по мнѣнію автора, своимъ творчествомъ смѣнилъ «старую національную комедію». А затѣмъ Карло Гоцци. Въ своихъ красиво переданныхъ разсужденіяхъ авторъ приходитъ къ выводу, что изъ древней комедіи масокъ родились «глубоко національныя», «истинно художественныя» пьесы: реалистическія у Гальдони, «фантастическія» у Гоцци. Но послѣдній, «необычный поэтъ», забытъ всѣми. Искусный и освѣдомленный авторъ не столько убѣждаетъ читателя, сколько толкаетъ и влечетъ его мысль, представляя особую живопись и бытопись. На то же тщательное и любящее

созерцаніе старины направляетъ насъ авторъ и въ послѣдней статьѣ сборника: «Музыкальная жизнь въ XVIII вѣкѣ». Сочувствуетъ Вернонъ Ли и здѣсь эпохѣ, «когда музыка была произрастаніемъ, искусствомъ всего народа».

А. Налимовъ.

**М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Листы пожелтѣлые. Стихотворенія. Пгр. 1916.
Стр. 195. Ц. 1 р. 50 к.**

Среди шума и рекламныхъ воплей поэтовъ, среди клоунскихъ и буфонскихъ выходовъ «футуристовъ», среди нарочитыхъ кривляній, изломовъ и надуманной манерности безчисленныхъ отпрысковъ декадентовъ, символистовъ, акмеистовъ, адамистовъ и прочихъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, въ русской поэзіи тихо, спокойно и непрерывно бьется струя чистаго искусства, настоящаго, искренняго и прекраснаго. Эта поэзія чуждается рекламнаго шума, газетныхъ интервьюеровъ, имена этихъ поэтовъ не пестрятъ на газетныхъ столбцахъ въ связи съ громкими выступленіями въ различныхъ кружкахъ, союзахъ и кабаре, въ широкой публикѣ имена ихъ мало популярны, но дѣйствительные цѣнители искусства должны примѣтить его настоящихъ жрецовъ, должны признать ихъ произведенія, въ которыхъ просто, красиво и искренно разсказывается то, что найдеть себѣ постоянный откликъ въ читателѣ.

Къ такой категоріи нужно отнести недавно вышедшій сборникъ стихотвореній М. Г. Веселковой-Кильштетъ «Листы пожелтѣлые». За малымъ исключеніемъ, ея стихотворенія полны чувства, граціозности, изящества, теплоты и производятъ пріятное впечатлѣніе. Эпиграфомъ, лейтъ-мотивомъ всего сборника, можетъ быть признано слѣдующее стихотвореніе:

Листы пожелтѣлые старой тетради,
Вы точно на вѣткахъ осеннихъ листья!
Храните вы грезы о вымершемъ садѣ,
О прожитомъ счастья мечты.
На вашихъ страницахъ—заря золотая
И лѣтній полдневный, томительный зной,
Листы пожелтѣлой тетради читая,
Я брежу опять стариной.
Пусть вытерты буквы и блѣдны чернила,
Пусть умерь изсушенный ими цвѣтокъ,
Но оживло все, что тетрадь сохранила,
И просится въ пѣсни со строкъ.

Большая часть сборника г-жи Кильштетъ посвящена исторіи женскаго сердца, полной тоски о далекомъ минувшемъ, тихой задумчивой примиренности съ настоящимъ, описанію движеній сердца, печальныхъ грезъ и раздумій, созвучныхъ лирикѣ Вѣры Рудичъ. Таковы стихотворенія «Изъ женской жизни», «Послѣ разлуки», «Женское», «Возрожденіе» и др. На «листахъ пожелтѣлыхъ» своего альбома авторъ представилъ какъ бы цѣлую исторію женской жизни съ юною беззаботностью, съ нелсными грезами о будущемъ счастьи, съ разочарованіями въ жизни, со картинами родной природы, начиная съ родной

свѣтлой весны и кончая тихими сумрачными днями жизни. Въмѣсто счастливой беззаботной дѣвочки, радостно и довѣрчиво-смѣло вступающей на жизненный путь, теперь передъ нами человекъ, который полонъ такими, на примѣръ, мыслями:

Олень я, раненый стрѣлою...
Я въ жизни—мертвая струна...
Моя душа одѣта мглою,
Въ ней вѣсть смертью тишина...

Кому-то когда-то принесешь былъ довѣрчиво-душистый вѣнокъ золотыхъ дѣвичьихъ грезъ, но онъ «принялъ ихъ гордо, небрежно, вѣдь даръ былъ ничтоженъ и малъ», онъ «сердце, любившее нѣжно, вѣнокъ уронивъ, растопталъ»...

Лежало, тобою забыто,
Оно въ придорожной пыли,—
Но слезы безмолвныя чьи-то
Омыли его и спасли.
Я къ жизни вернулась и къ вѣрѣ,
Разросся вѣнокъ мой, какъ садъ...

Большое впечатлѣніе производятъ поэтическія описанія русской родной природы, которую авторъ глубоко чувствуетъ, любить, которая смягчаетъ своей красотой и печальной простотой душу. Эти стихотворенія такъ же просты, искренни и хороши, какъ «Пѣсни забытой усадьбы», подернуты грустнымъ налетомъ тоски о прошломъ; въ нихъ живо чувствуется тихая печаль забытыхъ, покинутыхъ и разрушающихся дворянскихъ гнѣздъ.

Война также нашла себѣ отраженіе въ творествѣ г-жи Кильштетъ; среди этихъ стихотвореній особенно хороши «Братскія могилы» и «Ушли».

Менѣе удачны стихотворенія на закрытіе продажи казенныхъ питей «Змій зеленый», «Запѣвка» — подражаніе подъ старинный русскій складъ; народныя стилизаціи совершенно не въ характерѣ поэтическаго творчества автора.

Въ цѣломъ, стихотворенія г-жи Веселковой-Кильштетъ читаются съ большимъ удовольствіемъ. Авторъ чуждъ всякихъ новѣйшихъ манерностей, кривляній и принадлежитъ къ той плеядѣ, которая въ своихъ рядахъ имѣла Фета, Полонскаго, Фофанова. И вліяніе этихъ старыхъ мастеровъ слова придаетъ много музыкальности и изящества красивымъ стихотвореніямъ «Листовъ пожелтѣлыхъ».

Д. М—ко.

Съ 15 марта 1916 г. по 15 апрѣля 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

П. Е. Васильковскій. Спутникъ юнаго натуралиста. Популярныя очерки и наблюденія изъ жизни русской природы. Съ рис. Пгр. 1916. Стр. 183. Ц. 1 р. 80 к.

Новая книжка г. Васильковского въ рядѣ живыхъ и занимательныхъ очерковъ знакомитъ съ жизнью родной природы, выясняетъ сущность и причину явленій природы, указываетъ время распусканія и цвѣтенія растений, прилета и отлета птицъ, перекочки животныхъ, появленія различныхъ насѣкомыхъ, пользу и вредъ, приносимые ими и т. п. Несомнѣнно, эти знанія во многомъ облегчатъ юнымъ русскимъ натуралистамъ ихъ самостоятельныя наблюденія за природой. Кромѣ того, г. Васильковскій въ своей новой книжкѣ даетъ цѣнныя указанія по устройству коллекцій, гербаріевъ и даже музеевъ родной природы, причемъ эти указанія всѣмъ доступны по своему изложенію. Заканчивается «Спутникъ» рядомъ очень полезныхъ практическихъ совѣтовъ изъ области подачи первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ, которые могутъ приключиться со всякимъ во время экскурсій. Очерки г. Васильковского принесутъ, несомнѣнную пользу нашему юношеству, пробуждая въ немъ самодѣятельность, любовь и пониманіе родной русской природы.

«Истор. вѣстн.», май 1916 г., т. сxliv.

М. И. Демковъ. Начальная народная школа, ея исторія, дидактика и методика. Изданіе 2-е, исправленное. Кн-во т-ва И. Д. Сытина. М. 1916. Стр. 329. Ц. 1 р. 15 к.

Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Импер. Велич. Государя Императора и находящейся подъ Августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ е. и. в. вел. кн. Николая Михайловича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула, 1915. Стр. 291. Ц. 2 р. 50 к.

Прот. С. Страховъ. Исслѣдованіе вопроса о времени общецерковной канонизаціи преподобнаго Саввы Сторожевского. (Историко-библіографическая справка). М. 1915. Стр. 10. Ц. не обозначена.

«Пушкинистъ». Историко-литературный сборникъ, подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. II. Пгр. 1916. Стр. XVI+292. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Князевъ. Ломоносовъ. (Природа и генія). Изданіе 2-е. Пгр. 1915. Стр. 29. Ц. не обознач.

Ученыя записки императорскаго московскаго университета. Отдѣлъ юридической. Вып. 45. М. 1915. Стр. 214. II 1. р. 15 к.

П. Н. Столпянскій. Домъ княгини М. А. Шаховской, Фонтанка, 27. Пгр. 1916. Стр. 102. Ц. не обознач.

И. Десяткинъ, (псевдонимъ). У грани прошло. Драматическій этюдъ-фанта-

вія въ двухъ картинахъ. Новгородъ. 1914. Стр. 50 к. Ц. не обозн.— На томъ берегу. (Свадьба паревны Интры). Драма-сказка въ 3 дѣйств. и 4 карт. Новгородъ. 1915. Стр. 98. Ц. не обознач.— Реквіемъ. Драм. сцены въ 3 дѣйств. Новгородъ. 1915. Стр. 69. Ц. не обозн.— Старческие годы принца Шармель. Комедія въ 3 дѣйств.— Подъ маской. Маскарадное приключеніе въ 1 дѣйствіи. Новгородъ. 1916. Стр. 88. Ц. не обозн.

Вл. Денисовъ. Война и лубокъ. Изданіе «Новаго журнала для всѣхъ». Пгр. 1916. Стр. 40. Ц. 1 р. 50 к.

Для дѣтей. Стишки Льва Николаевича Модзалевскаго. Съ 35 рис. Егора Нарбута. Пгр. 1916. Стр. 47. Ц. 80 к.

Граціозныя стихотворенія знаменитаго педагога хорошо извѣстны по «Родному Слову», гдѣ многія изъ нихъ были впервые напечатаны. Особенно популярна пѣсенка «Дѣти, въ школу собирайтесь!» Къ изящно изданной книжкѣ присоединены портретъ, факсимиле и биографія автора, написанная примѣнительно къ пониманію юныхъ читателей г. Переселенковымиъ.

Франсуа Війонъ. Отрывки изъ «Большаго завѣщанія», баллады и разныя стихотворенія. Переводы и биографическій очеркъ Э. Эренбурга. Кн-во «Зерна». М. 1916. Стр. 54. Ц. 1 р.

Эта маленькая книжечка переводовъ неизвѣстнаго, но чрезвычайно любопытнаго и оригинальнаго поэта XV в. читается съ интересомъ. Франсуа Війонъ (Villon) поэтъ, бродяга, преступникъ—въ дни общаго смятенія и народнаго горя сохранилъ въ себѣ чувство вѣры въ Бога и человѣка и сказалъ поэтическое слово о земной жизни человѣка, о плоти, любви, безсмертїи. Биографія этого поэта сложнѣе и занимательнѣе самаго занимательнаго романа приключеній. Будемъ надѣяться, что русскіе читатели дождутся болѣе подробнаго изслѣдованія объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ. Книжечка г. Эренбурга только возбуждаетъ любопытство, но въ общемъ мало знакомитъ съ его личностью и творчествомъ.

Амори. Глухія слова. (Стихи 1912—1913 гг.). Кн-во «Зерна». М. 1916. Стр. 46. Ц. 60 к.

Максимиліанъ Волошинъ. Anno mundi ardentis. 1915. Кн-во «Зерна». М. 1916. Стр. 65. Ц. 75 к.,

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1913. Вып. II (до 1 января 1914 г.),

4) Литература, исторія и древности у южныхъ славянъ, 5) Русская литература. Пгр. 1916. Стр. 433. Ц. 1 р.

Н. Астѣвъ. Четвертая книга стиховъ «Ой конинъ данъ окейн!» Кн-во «Лирень». М. 1916. Стр. 14. Ц. 50 к.

Н. З. Яцута, д-ръ мед., проф. Краткій учебникъ анатоміи съ необходимыми данными изъ физиологій. Для сестеръ милосердія, фельдшерницъ-акушерокъ и массажистокъ. Изданіе 2-е, переработанное и значительно увеличенное. Съ 136 рис. въ текстѣ. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. VII+244.

Учебникъ проф. Яцуты, написанный вполне доступно для широкаго круга читателей, можетъ принести немалую пользу учащимся на различныхъ экстренныхъ курсахъ, вызванныхъ потребностями настоящаго военнаго времени. Книжка щедро иллюстрирована и стоитъ по нынѣшнему времени весьма недорого.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Призракъ. (Собр. соч. т. XIV). Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 301. Ц. 1 р. 25 к.

Наиболѣе вниманіе въ означенномъ томѣ привлекаетъ рассказъ «Призракъ», который при первоначальномъ своемъ появленіи въ 1912 году возбуждалъ судебный процессъ. Авторъ подвергъ здѣсь рѣзкой критикѣ порядки церковно-административнаго управленія, ярко обрисовалъ зависимость нашего духовенства отъ свѣтской власти и затронулъ много больныхъ и острыхъ вопросовъ современной церковной дѣятельности. Остальные рассказы («Ремонтъ», «Сборщикъ», «Вѣщій сонъ», «Черная книга», «Трубочистъ» и «Бѣдный приходъ») читаются также съ интересомъ, но не прибавляютъ къ создавшейся уже опредѣленной писательской репутаціи г. Гусева-Оренбургскаго ничего новаго.

О. Рунова. Мудрость жизни. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 344. Ц. 1 р. 50 к.

Книжка рассказовъ г-жи О. Руновой запоминается не вслѣдствіе особенной художественности исполненія, а по той остротѣ темъ, по той содержательности и глубинѣ вопросовъ, которые авторъ въ ней разрабатываетъ. Главная тема—положеніе женщины и семейный вопросъ въ наши дни. Наиболѣе ярокъ рассказъ «Безъ завѣта», ставящій чрезвычайно злободневный и больной вопросъ о материнствѣ; нѣкоторая публицистичность това мѣ-

стами ослабляет здѣсь художественное впечатлѣніе, но придаетъ разсказу еще большую подчеркнутость разсматриваемой авторомъ злободневной проблемы. Красивъ разсказъ «Мудрость жизни», въ которомъ есть немало сценъ, исполненныхъ чистаго лиризма и яркаго драматизма.

В. Муйжель. Хуторъ № 16 и другіе разсказы. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 339. Ц. 1 р. 40 к.

В. В. Бруснянинъ. Въ странѣ озеръ. Очерки финляндской жизни. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пгр. 1916. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.

М. А. Цявловскій. Пушкинъ по документамъ Погодинскаго архива. (Отдѣльн. оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники»). Пгр. 1916. Стр. 54. Ц. не обознач.

Дѣятельность калужскаго епаріхальнаго комитета по устройству быта бѣженцевъ за время съ 23 августа 1915 года по 1 января 1916 года. Калуга. 1916. Стр. 21. Ц. не обозн.

А. В. Миртовъ. Можно ли писать «по Гроту»? Къ вопросу объ искаженіи русской рѣчи академикомъ Я. К. Гротомъ. Пгр. 1916. Стр. 40. Ц. 30 к.

Вадимъ Бѣловъ. Разумѣйте, языцы. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 207. Ц. 1 р. 50 к.

Юрій Славинъ. Среди березъ. Повѣсти и разсказы. (Собр. соч. т. II). Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 191. Ц. 1 р. 75 к.

Н. Олигеръ. Волки. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1916. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящій сборникъ вошли разсказы: «Волки», «Пустыня», «Предатель», «Осенняя пѣсня» и «Бѣлые лепестки»; послѣдній разсказъ наиболѣе красивъ и выдержанъ по настроенію. Грустная драма бѣдной «партиі» работницы, которая замѣчаетъ свою уходящую молодость и чувствуетъ внезапно вспыхнувшую любовь къ товарищу Никитѣ, производитъ глубокое впечатлѣніе.

Набановъ, Н. Учебникъ-атласъ анатоміи. Съ 600 рис. въ текстѣ. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. IV. 400. Ц. 4 р. 50 к.

Масперо, Г. Во времена Рамзеса и Асурбанипала. II. Ассирія. Переводъ

Е. Григоровичъ. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. 295. Ц. 1 р. 25 к.

Систематическій указатель книгъ для дѣтей и юношества. Часть I. Сказки. Сказки народныя, произведенія народной словесности, былины, легенды, преданія, сказанія, сказки разныхъ авторовъ. Указатель обработки на основаніи отзывовъ комиссіи: Е. В. Арцимовичъ, О. А. Бѣляевская, В. И. Добродѣева, М. В. Имшенецкая, О. I. Калица, В. А. Короткова, А. В. Пѣшеконова, А. М. Фатѣва. Подъ редакц. О. I. Калица. Пгр. 1915 г. Стр. XII+274. Ц. 1 р. 25 к.

Б. Л. Богаевскій. Земледѣльческаго религія Аонія. Т. I. Пгр. 1916. Стр. VIII+240. Ц. 1 р. 75 к.

И. С. Симоновъ. Памяти Григорія Григорьевича Данилова, какъ выдающагося педагога. Пгр. 1916. Стр. 60. Ц. 50 к.

Вышедшая ко дню 10-лѣтія со дня смерти Г. Г. Данилова брошюра г. Симонова обрисовываетъ образъ выдающагося военнаго педагога, много лѣтъ работавшаго на военно-педагогическомъ поприщѣ и оставившаго послѣ себя видный слѣдъ. Къ брошюрѣ приложены три записки покойнаго Г. Г. Данилова педагогическаго характера.

П. Н. Поповъ. «Грѣхи розмаитіи», малоизвѣстное сочиненіе Іоаннікія Галытовскаго. Кіевъ. 1915. Стр. 17. Ц. не обозн.

Брошюра г. Попова сообщаетъ о мало извѣстномъ сочиненіи южно-русскаго писателя XVII в. Іоаннікія Галытовскаго, какъ относительно внѣшняго вида, такъ и его внутренняго состава. Это сочиненіе представляетъ собою практическое руководство для исповѣди, въ которомъ грѣхи разнаго рода приводятся въ опредѣленную систему, дѣлаются нѣкоторыя необходимыя наставленія и разрѣшаются могущія возникнуть при исповѣди недоумѣнія. Въ сочиненіи замѣтно схоластическое вліяніе; отразились въ немъ также и нѣкоторыя любопытныя черты современнаго быта. Брошюра г. Попова отпечатана въ количествѣ 120 экземпляровъ и первоначально появилась на страницахъ «Чтеній въ Императорскомъ обществѣ Нестора-лѣтописца», кн. XXV, вып. I.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

КАТЕРИНА Гладстонъ.—Въ 1898 году въ Англии сошла въ могилу большая умственная и нравственная сила въ лицѣ знаменитаго Гладстона. Съ тѣхъ поръ появилось немало біографій «великаго старца», и во всѣхъ ихъ рядомъ съ самимъ Гладстономъ мелькаетъ передъ читателемъ образъ его жены, миссисъ Екатерины Гладстонъ, его вѣрной и долготѣтней помощницы въ жизни. Одинъ изъ біографовъ, извѣстный писатель Джонъ Морлей, высказываетъ даже мысль, что и блестящая государственная карьера самого Гладстона была бы, можетъ быть, невозможна, не будь около него этой преданной и энергичной женщины, устранившей отъ него тягостныя заботы о разныхъ житейскихъ мелочахъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Cornhill Magazine» находимъ статью объ этой замѣчательной женщинѣ, написанную ея дочерью. Статья не велика по объему, многихъ обстоятельствъ жизни Гладстоновъ не касается вовсе, но тѣмъ не менѣе даетъ наглядную характеристику супруги «великаго старца».

Екатерина Гладстонъ, урожденная Глиннъ, принадлежитъ по отцу къ очень старинному роду, который отличился въ исторіи Англии еще во времена Крестовыхъ походовъ, а по матери къ аристократической семьѣ лордовъ Брейбрукъ. Родители будущей миссисъ Гладстонъ отличались необыкновенной красотой, перешедшей по наслѣдству и къ ихъ дочерямъ. Отецъ ея, сэръ Стефанъ Глиннъ, умеръ очень рано, въ возрастѣ тридцати лѣтъ, въ Ниццѣ, какъ разъ въ годъ битвы при Ватерлоо. Молодая вдова попала какъ разъ въ сумятицу, вызванную возвращеніемъ Наполеона съ острова Эльбы и его стодневнымъ царствованіемъ, и должна была возвращаться на родину съ четырьмя дѣтьми кружнымъ путемъ черезъ Геную, Швейцарію, Фландрію.

Въ Лондонѣ она поселилась у своего отца, лорда Брейбука, проводя лѣто въ ихъ старинномъ замкѣ Говарденъ.

Екатерина Глиннъ родилась въ 1812 году. Она рано обнарудила блестящія способности и въ пять лѣтъ уже читала совершенно свободно, говорила по-французски и имѣла кое-какія свѣдѣнія изъ географіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нея уже тогда проявлялся сильный характеръ и самообладаніе. Однажды надо было выдернуть зубъ ей и ея брату Генриху,—и разница въ поведеніи дѣтей при этомъ была значительная и не въ пользу сильной половины рода человеческого.

Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, лэди Глиннъ увезла дочерей въ сопровожденіи воспитательницы въ Парижъ для окончанія образованія. Рядомъ съ ученіемъ шло и знакомство со свѣтскимъ міромъ: сестеръ стали вывозить на балы въ тюильрійскій дворець, въ англійское посольство, въ разные аристократическіе дома.

Вернувшись въ Англію, сестры Глиннъ поселились попрежнему въ домѣ ихъ дѣда, лорда Брейбука, и не замедлили занять видное мѣсто въ англійскомъ обществѣ. Нѣсколько лицъ дѣлали имъ предложенія, но обѣ онѣ были такъ привязаны другъ къ другу, что предложенія эти не имѣли успѣха и отклонялись, пока наконецъ претендентами на ихъ руку не явились Гладстонъ и лордъ Литтльтонъ.

Вильямъ Гладстонъ былъ въ то время высокимъ блѣднымъ юношей съ орлиными глазами. Его товарищъ и будущій своякъ не отличался особой красотой: съ большой тяжелой головой, онъ имѣлъ какой-то неловкій и неуклюжій видъ. Въ день вѣнчанія, которое состоялось въ деревенской церкви въ Говарденѣ, когда оба жениха шли пѣшкомъ въ церковь, мѣстные поселяне, принимая Гладстона за Литтльтона, глубокомысленно говорили между собою:

— Да, что ни говори, а сразу видно, который изъ нихъ лордъ.

И послѣ свадьбы обѣ сестры продолжали поддерживать между собой самую тѣсную связь. Они часто гостили вмѣстѣ въ Говарденѣ и нерѣдко сѣзжались жить всѣ вмѣстѣ у своей матери въ Лондонѣ. Въ 1847 году ея квартира вся наполнена была новымъ поколѣніемъ: у Гладстона въ это время было пятеро дѣтей, у Литтльтоновъ шестеро.

Съ самаго начала сознательной своей жизни и до конца дней своихъ Екатерина Гладстонъ сохранила чисто дѣтскую вѣру, которая еще болѣе усилилась въ ней подъ влияніемъ не менѣе религіознаго Гладстона. Во время своего пребыванія въ Говарденѣ они аккуратно каждый день посѣщали свою деревенскую церковь. Ходили они туда утромъ, не пивъ даже кофе и не взирая ни на какую погоду.

Въ теченіе десяти лѣтъ супруги Гладстонъ наслаждались безмятежнымъ семейнымъ счастьемъ. Въ 1850 году ихъ постигло первое горе—умерла отъ менингита ихъ любимица-дочь, названная въ честь матери также Екатериной. Черезъ семь лѣтъ семью Гладстоновъ посѣтило новое горе: умерла одна изъ ихъ племянницъ, смерть которой супруги никогда не могли забыть.

Миссисъ Гладстонъ въ молодости была удивительно красива собой. Высокаго роста, голубоглазая, съ роскошными каштановыми волосами, она

отличалась величавой осанкой, выдѣлявшей ее среди многихъ. На туалеты свои она почти не обращала вниманія и одѣвалась въ платья, которыя шились домашней портнихой. Не любила она и посѣщать разные модные магазины.

Ея мужъ говорилъ про нее, что она родилась безъ чувства собственности и деньги для нея какъ бы не существовали. Она была прирожденной благотворительницей и дѣлала много добра людямъ, рискуя пострадать сама. Одинъ знакомый ей священникъ заболѣлъ какъ-то скарлатиной. Не взирая на опасность, мистриссъ Гладстонъ, въ цѣляхъ лучшаго за нимъ ухода, не побоялась перевезти его къ себѣ въ домъ. Въ 1866 году, когда въ Англии свирѣпствовала холера, она устроила въ Лондонѣ большой пріютъ для дѣтей лицъ, погибшихъ отъ эпидеміи. Однажды она получила письмо отъ совершенно незнакомой ей учительницы какой-то школы, умолявшей ее прійти на помощь ея заболѣвшимъ подругамъ, и мистриссъ Гладстонъ немедленно отвѣтила ей телеграммой: «Везите завтра всѣхъ въ Говарденъ». Всю свою долгую жизнь она непремѣнно о комъ-нибудь хлопотала или основывала разные благотворительныя учрежденія. Въ ея время не было въ Лондонѣ ни подземной дороги, ни трамваевъ, ни омнибусовъ, но это отсутствіе удобныхъ путей сообщенія нисколько не мѣшало ей совершать свои благотворительныя экскурсіи по всему Лондону, послѣ которыхъ она обыкновенно возвращалась до полусмерти усталая. А вечеромъ сплошь и рядомъ надо было отправляться еще въ палату общинъ, если въ этотъ день выступалъ съ рѣчью ея мужъ. Она такъ часто бывала въ дамской галлерей палаты общинъ, —такъ называется часть хоръ палаты, гдѣ помѣщаются во время засѣданія исключительно женщины, —что отъ ея локтей мѣдная рѣшетка казалась ярко начищенной.

Не особенно аккуратная по натурѣ, она никогда, однако, не заставляла своего мужа ждать себя, прекрасно понимая, какъ дорого ему время. Она не имѣла ни вкуса, ни достаточнаго терпѣнія, чтобы погружаться въ какіе-нибудь сложные запутанные научные вопросы и не любила разговаривать на богословскія темы. «Она прекрасно понимала все, что такъ или иначе вліяло на политическую карьеру ея мужа, и въ то же время питала отвращеніе къ политикѣ вообще», пишетъ про нее одна изъ ея знакомыхъ. Несмотря на то, что ея уваженіе къ сужденіямъ мужа граничило съ поклоненіемъ ему, она нерѣдко не стѣснялась прерывать эти разсужденія. За обѣдомъ, когда разговоры о томъ, какъ обезпечить шотландское духовенство, или о поземельномъ устройствѣ въ Ирландіи начинали тяготить собесѣдниковъ, гости съ надеждой устремляли на нее взоры. И, дѣйствительно, двумя-тремя ловкими замѣчаніями, брошенными съ комической серьезностью, ей всегда удавалось перевести разговоръ на какую-нибудь другую, болѣе интересную для собесѣдниковъ тему.

Въ движеніяхъ своихъ она обнаруживала живость и даже стремительность: до восьмидесяти пяти лѣтъ она не поднималась на лѣстницы, а взбѣгала.

Появлялась ли она среди взрослыхъ или дѣтей, среди людей удрученныхъ или больныхъ, ея жизнерадостная натура быстро поднимала моральную атмосферу. Однажды съ ней произошелъ такой случай. Вмѣстѣ съ одной изъ пле-

мянницъ она заѣхала однажды въ основанное ею убѣжище для выздоравливающихъ. Пока она говорила съ лицами служебнаго персонала, ея племянница прошла въ палаты и въ одной изъ нихъ встрѣтила чрезвычайно угрюмаго человѣка, читавшаго тогдашнюю литературную новинку «Исторію двухъ городовъ» Диккенса.

— Вотъ что намъ нужно—революція!—мрачно проворчалъ онъ, увидя приближавшуюся къ нему Мэри Литтлтонъ.

— Но вѣдь времена такихъ жестокостей ужъ прошли,—возразила она:—теперь люди стали добрее другъ къ другу. Возьмите хотя бы миссисъ Гладстонъ, которая послала меня сюда...

При этихъ словахъ лицо этого озлобленнаго человѣка вдругъ смягчилось и просіяло.

— Ну, мистрисъ Гладстонъ—это совсѣмъ другое дѣло,—дружелюбно отвѣчалъ онъ.

Послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія было самымъ тяжелымъ періодомъ ея жизни. Въ 1891 году она потеряла своего старшаго сына. Когда черезъ три года великій старецъ удалился отъ государственныхъ дѣлъ, эта отставка подѣйствовала на обоихъ супруговъ совершенно различно. Самъ Гладстонъ какъ бы ожилъ и съ интересомъ погрузился въ свои научныя работы. Но его жену удаленіе отъ общественной жизни, если можно такъ выразиться, пришибло, и отъ ея былой живости остались лишь блѣдныя слѣды.

Миссисъ Гладстонъ, и по мужу, и сама по себѣ, пользовалась огромнымъ уваженіемъ англійскаго общества. На похоронахъ Гладстона, происходившихъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, при ея появленіи всѣ присутствовавшіе поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Къ ней подошелъ наслѣдникъ престола, будущій король Эдуардъ VII, и, низко наклонившись, поцѣловалъ ей руку. Его примѣру послѣдовали теперешній король Георгъ V, лордъ Сольсбери, лордъ Розбери, Бальфуръ и другіе видные политическіе и государственные люди Англии. И, не теряя самообладанія, каждому изъ нихъ она сумѣла сказать какое-нибудь подходящее слово.

Черезъ два года послѣ этихъ похоронъ не стало и этой замѣчательной женщины.

— Австрійскій дворъ наканунѣ войны.—Въ февральской книжкѣ «Le Correspondant» находимъ продолженіе работы Эрнеста Додэ объ австрійскомъ дворѣ наканунѣ войны. Главы этой книжки посвящены убійству эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ.

Въ воскресенье 28-го іюня 1914 года въ небольшомъ городкѣ Сараевѣ, столицѣ Босніи, царило праздничное оживленіе. Сараево—городокъ весьма живописный, въ которомъ сохранилось еще не мало восточныхъ элементовъ. Недаромъ мусульманскіе поэты славили всегда его мечети, минареты и прохладу омывающей его рѣки. Въ этотъ день столицу Босніи долженъ былъ посѣтить наслѣдникъ австрійскаго престола эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ съ супругою, находившіяся недалеко отъ города на маневрахъ 15-го армейскаго корпуса.

Около одиннадцати часовъ утра въ толпѣ, стоявшей на улицахъ, про-

изошло движеніе: показались автомобили съ высокими поcътителями, направлявшимися къ городской ратушѣ. Въ первомъ, которымъ управлялъ офицеръ-ординарецъ, графъ Гарраxъ, сидѣли эрцгерцогъ съ супругой, командиръ 15-го корпуса генераль Потіорекъ. Во второмъ—нѣсколько адъютантовъ. Конвоя никакого не было, и на одномъ изъ уличныхъ поворотовъ автомобилю, за отсутствіемъ свободнаго прохода, пришлось замедлить ходъ.

Вдругъ раздался сильный взрывъ. Въ автомобиль эрцгерцога была брошена бомба, которую онъ инстинктивно успѣлъ оттолкнуть. Бомба упала на мостовую и разорвалась съ такою силою, что во всѣхъ сосѣднихъ домахъ полопались стекла и погнулись желѣзные ставни, которыми были закрыты магазины. Осколками снаряда было ранено около двадцати человекъ и два адъютанта, вѣхавшіе въ заднемъ автомобилѣ.

Внѣ себя отъ гнѣва, эрцгерцогъ успѣлъ, однако, овладѣть собою и поспѣшилъ къ раненымъ. Онъ велѣлъ перенести ихъ въ военный госпиталь и отдалъ нужныя распоряженія. Потомъ кортежъ двинулся далѣе. Несмотря на все происшедшее, генераль Потіорекъ счелъ лишнимъ окружить высокихъ путешественниковъ конвоемъ, и, когда автомобили подѣхали уже къ ратушѣ, графъ Гарраxъ упрекнулъ за это генерала.

— Неужели вы думаете, что Сараево—это какое-то гнѣздо убійць? Развѣ можно допустить, чтобы въ одинъ день въ одномъ и томъ же мѣстѣ произошли два покушенія?

Между тѣмъ на порогѣ городской ратуши эрцгерцогъ былъ встрѣченъ бургомистромъ, приготовившимся было начать привѣтственную рѣчь.

— Г. бургомистръ,—предупредилъ его Францъ-Фердинандъ:—мы пріѣхали въ Сараево, чтобы посѣтить васъ, а въ насъ бросаютъ бомбы. Это гнусно.

Бургомистръ смущенно молчалъ. Тогда эрцгерцогъ спокойно попросилъ его начать свою рѣчь.

Посѣтивъ ратушу, эрцгерцогъ выразилъ желаніе поѣхать въ госпиталь къ раненымъ при взрывѣ бомбы. Графъ Гарраxъ не зналъ дороги, и потому генераль Потіорекъ сѣлъ рядомъ съ нимъ показывать ему путь.

Автомобиль помчался изо всѣхъ силъ. Когда онъ огибалъ уголъ улицы Франца-Юсифа и улицы Рудольфа, какой-то молодой человекъ, видимо, ожидавшійся автомобиля, вдругъ бросился впередъ и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, произвелъ два выстрѣла. Первая пуля попала герцогинѣ въ правую часть брюшной полости. Она потеряла сознание и упала на колѣни своего супруга, который въ этотъ моментъ былъ пораженъ второю пулею въ шею. Все это произошло такъ быстро, что онъ едва успѣлъ сказать женѣ:

— Ты должна жить для дѣтей.

Но она уже не слыхала этого завѣта умирающаго мужа. Франца-Фердинанда и его супругу перенесли въ конакъ, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ они и скончались.

Между тѣмъ полиція уже овладѣла виновниками покушенія. Тотъ, который бросилъ бомбу, оказался сыномъ австрійскаго полицейскаго, типографскимъ рабочимъ Габриновичемъ. Незадолго до покушенія онъ жилъ въ Бѣлградѣ, откуда сербское правительство, подозрѣвая въ немъ австрійскаго про-

вокатора, хотѣло его выслать. Но австро-венгерское посольство выдало ему удостовѣреніе въ благонадежности. По возвращеніи въ Сараево всѣ обратили вниманіе на то, что онъ съ особеннымъ усердіемъ защищалъ сербское дѣло. Бомба, которую онъ бросилъ, была начинена гвоздями и кусками свинца. Что заставило его совершить преступленіе, осталось не выясненнымъ.

Стрѣлявшій изъ револьвера оказался студентомъ Гаврииломъ Принципомъ, родомъ изъ Грахова, девятнадцати лѣтъ. На слѣдствіи онъ заявилъ, что, будучи врагомъ австрійскаго имперіализма, онъ рѣшилъ убить эрцгерцога, какъ носителя идеи этого имперіализма. Хотя Принципъ и заявилъ, что онъ дѣйствовалъ одинъ, безъ сообщниковъ, однако несомнѣнно, что тутъ былъ цѣлый заговоръ.

Австрійская полиція утверждала потомъ, что по дорогѣ, по которой Францъ-Фердинандъ долженъ былъ возвращаться изъ Босніи въ Будалешть, было открыто большое число спрятанныхъ бомбъ. Если это такъ, то едва ли можно было ставить заговоръ противъ эрцгерцога на счетъ сербскому правительству. Надо было развѣдать все это дѣло самымъ тщательнымъ образомъ. Можетъ быть, это и сдѣлано австрійской полиціей, но результатовъ этого слѣдствія не знаетъ пока никто.

Въ тотъ же самый день вѣсть о гибели Франца-Фердинанда и его супруги пришла въ Вѣну, а оттуда въ Ишль, гдѣ находился императоръ. Съ чело-вѣкомъ такого возраста надо было принимать особыя предосторожности, и потому очень вѣроятенъ слухъ, что сообщить императору эту трагическую новость поручено было все той же г-жѣ Шраатъ. Говорятъ, что, узнавъ о сараевской катастрофѣ, Францъ-Іосифъ закрылъ лицо руками, заплакалъ и произнесъ:

— Это ужасно! Ни одно испытаніе не миновало меня!

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его близкіе погибли трагическимъ образомъ. Въ молодости былъ разстрѣлянъ въ Мексикѣ его братъ Максимилианъ, согласившійся подъ влияніемъ своей честолюбивой жены Шарлотты принять мексиканскую корону. Послѣ этой драмы въ Коретаро—новая катастрофа: гибель его любимаго сына Рудольфа въ охотничьемъ замкѣ Мейерлингѣ. Потомъ убійство итальянскимъ анархистомъ въ Женевѣ его жены, императрицы Елизаветы.

Замѣчательно, что при всѣхъ этихъ несчастіяхъ Францъ-Іосифъ умѣлъ сохранять твердость духа. На похоронахъ сына онъ слѣдовалъ за его гробомъ съ подобающимъ ему достоинствомъ, стараясь показать тридцати слѣдовавшимъ за нимъ эрцгерцогамъ, что онъ выше постигшаго его несчастья. И только въ тотъ моментъ, когда ему пришлось въ часовнѣ капуциновъ преклониться передъ гробомъ сына, самообладаніе на минуту измѣнило ему, и онъ зарыдалъ. Уткнувъ лицо въ складки драпировки, покрывавшей гробъ, онъ судорожно мялъ ее руками: слышали, какъ онъ рыдалъ, цѣлуя сына въ послѣдній разъ. Но, когда онъ поднялся, его лицо было уже спокойно.

Смерть Франца-Фердинанда не могла поразить его такъ, какъ гибель сына, въ которой онъ никогда потомъ не могъ утѣшиться. Онъ зналъ, что эрцгерцогъ боленъ болѣзнью, отъ которой нѣтъ спасенія, зналъ, что тотъ недолговѣченъ, и не желалъ, чтобы онъ царствовалъ. Seriously заболѣвъ въ 1913 году и видя

безпокойство окружающих, онъ сказалъ одному изъ близкихъ къ нему людей:

— Я готовъ умереть. Мнѣ хотѣлось бы только дожить до того, чтобы видѣть Карла (т.-е. теперешняго наслѣдника) своимъ преемникомъ.

И въ народѣ смерть наслѣдника не была встрѣчена сердечной горестью. Когда обсуждался вопросъ о томъ, какъ поступить съ Сербіей, одинъ изъ близкихъ къ убитому наслѣднику лицъ обмолвился жесткой, но характерной фразой:

— Намъ нуженъ былъ предлогъ для того, чтобы напасть на Сербію. Францъ-Фердинандъ далъ намъ этотъ предлогъ, и теперь его задача кончена.

Останки погибшихъ въ Сараевѣ были перенесены на броненосецъ «*Vigibus unitis*» и 2-го іюля прибыли въ Триестъ. Въ тотъ же день, въ шесть часовъ вечера специальный поѣздъ повезъ ихъ въ Вѣну.

Церемоніаль погребенія былъ выработанъ оберъ-церемоніймейстеромъ княземъ де-Монтенуово, который былъ обязанъ своимъ положеніемъ при дворѣ тому обстоятельству, что онъ приходится внукомъ второй женѣ Наполеона, дочери австрійскаго императора Франца, Маріи-Луизѣ. Между Монтенуово и покойнымъ эрцгерцогомъ давно уже шли большіе нелады: Францъ-Фердинандъ не могъ простить ему извѣстной привилегированности при дворѣ, а Монтенуово терпѣть не могъ будущаго императора, ибо зналъ, что тотъ немедленно устранилъ его отъ должности.

Франца-Фердинанда, какъ члена царствующаго дома, должны были хоронить въ общей усыпальницѣ Габсбурговъ, въ вѣнской церкви капуциновъ. Но его жена не имѣла на это права. Зная это, эрцгерцогъ еще при жизни выразилъ желаніе, чтобы ихъ похоронили вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого оба гроба были перенесены въ Амштеттенъ.

Немедленно послѣ сараевскаго убійства императоръ распорядился, чтобы дѣтямъ эрцгерцога были назначены соответствующіе удѣлы, и принялъ сиротъ вмѣстѣ съ ихъ воспитателемъ графомъ Туномъ. Старикъ обласкалъ ихъ, назначилъ имъ содержаніе, но этимъ дѣло и кончилось: имъ не позволили даже присутствовать на похоронахъ ихъ родителей.

Если ни при дворѣ, ни въ народѣ вѣсть о гибели Франца-Фердинанда не вызвала особыхъ сожалѣній, то въ германскомъ посольствѣ она была встрѣчена съ радостью, и англійскій писатель Стидъ, знатокъ австрійскихъ дѣлъ, рассказываетъ, что едва въ Берлинѣ узнали о сараевской драмѣ, какъ Вильгельмъ прислалъ австрійскому императору какое-то конфиденціальное посланіе. Тѣ, кому довелось его видѣть, увѣряли, что оно всячески поощряло Австрію къ войнѣ. Графъ Берхтольдъ пошелъ на это и вызвалъ такой міровой пожаръ, какого не видала еще исторія человѣчества.

— **Новая біографія Маріи-Антуанетты.**— Въ «*La Revue*» продолжается печатаніе монографіи маркиза де-Сегюра, которая посвящена біографіи Маріи-Антуанетты. Первую главу этой біографіи мы уже приводили въ извлеченіи въ предшествовавшей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Вторая глава излагаетъ жизнь Маріи-Антуанетты до восшествія Людовика XVI на престолъ. Авторъ уже указывалъ, что супружеская жизнь

этой несчастной женщины сложилась сначала довольно неудачно. Отношенія между мужем и женой были настолько ненормальны, что служили темой всевозможных сплетенъ версальскаго двора. Каждый день, плотно поужинавъ, дофинъ отправлялся въ супружескую спальню и, развалившись тамъ на софѣ, спалъ часовъ до девяти вечера, потомъ, не говоря съ женой ни слова, онъ шелъ спать къ себѣ въ спальню. Утромъ—опять то же угрюмое молчаніе, а затѣмъ отъѣздъ на охоту, которая у дофина превратилась въ настоящую страсть.

Несмотря на нелюдимость мужа, Марія-Антуанетта всегда относилась къ нему въ высшей степени привѣтливо и ласково. Благодаря этимъ качествамъ, дофинъ, довольно дикій по природѣ, мало-по-малу привыкаетъ къ присутствію своей жены, но попрежнему остается къ ней холоденъ, какъ къ женщиной. Мало-по-малу между ними завязываются разговоры, дофинъ дѣлится съ женой нѣкоторыми подробностями изъ интимной жизни Людовика XV, рассказываетъ ей о его связи съ Дюбарри, объ интригахъ Шуазеля, подъ котораго, въ свою очередь, подкапывался герцогъ д'Эгильонъ. Но этого мало. Императрица Марія-Терезія горитъ нетерпѣніемъ обзавестись скорѣе внучатами и настойчиво требуетъ отъ дочери, чтобы она объяснилась съ своимъ мужемъ. «Между дофиномъ и его супругой,—пишетъ императрицѣ 14-го іюля 1770 г. австрійскій посланникъ Мерси-д'Аржанто,—произошло очень энергичное объясненіе. Дофинъ заявилъ, что у него былъ особый планъ, что срокъ уже кончается и что въ Компьенѣ онъ заживетъ съ эрцгерцогиней, какъ этого требуетъ ихъ брачный союзъ».

Но пребываніе въ Компьенѣ не принесло никакихъ измѣненій, и ненормальное положеніе супруговъ продолжалось еще много мѣсяцевъ. По выраженію Сентъ-Бева, дофинъ былъ только зайкой, а не нѣмымъ. Онъ боялся показаться смѣшнымъ, ему было неловко передъ женой, эта неловкость съ теченіемъ времени увеличилась все болѣе и болѣе. Вмѣшательство въ этотъ деликатный вопросъ брата Маріи-Антуанетты, императора Іосифа II еще сильнѣе угнетало дофина. Съ другой стороны, и сама Марія-Антуанетта стала относиться къ нему съ холоднымъ пренебреженіемъ и искать общества его друзей. Сознаніе своей вины передъ ней дѣлало его слишкомъ снисходительнымъ къ женѣ, и этимъ именно и объясняется то, что онъ позволялъ ей дѣлать многое, чего дѣлать не слѣдовало.

Отпуская дочь во Францію, императрица Марія-Тереза поставила ей задачу прежде всего добиться расположенія короля, въ которомъ Марія-Антуанетта должна была, по ея словамъ, найти второго отца. Но Людовикъ XV, эгоистъ и скептикъ, отнесся къ ней совершенно равнодушно и дѣйствовалъ, какъ ему заблагоразсудится. Черезъ полтора года послѣ свадьбы дофина онъ рѣшилъ назначить гофмейстерину къ его супругѣ. Это встревожило Марію Антуаннетту.

— Папа,—спросила она какъ-то короля:—я надѣюсь, что вы назначите гофмейстериной кого-нибудь изъ моихъ придворныхъ дамъ.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчала Людовикъ:—но я надѣюсь, что вы примете мой выборъ съ почтеніемъ.

Выборъ Людовика оказался, впрочемъ, довольно удаченъ, и гофмейстерина де-Коссе, дочь герцога Ниверне, потомъ пользовалась если не привязанностью, то уваженіемъ Маріи-Антуанетты.

Кто окружалъ ее въ это время? Прежде всего два брата ея мужа: графъ Прованскій, мрачный и эгоистичный юноша, и графъ д'Артуа—сорванецъ, неоднократно дравшійся съ братьями, причемъ Маріи-Антуанеттѣ приходилось ихъ разнимать.

Были еще около нея тетки—три дочери Людовика XV: мадамъ Аделаида, мадамъ Викторія и мадамъ Софія. Четвертая, мадамъ Луиза, жила въ монастырѣ. Старшей изъ этихъ тетокъ было уже подь сорокъ лѣтъ. Старая дѣва, озлобленная матримональными неудачами, мадамъ Аделаида отличалась дерзостью мысли и сухостью души. Высокаго роста, угловатая и костлявая съ повелительными манерами, она внушала племянницѣ страхъ, который долго сохранялся въ ней. Остальныя двѣ мадамъ были совершенно ничтожны и вели какую-то растительную жизнь.

Сначала онѣ отнеслись въ «австріячкѣ» очень враждебно, но потомъ вдругъ, къ удивленію всего двора, круто измѣнили свою позицію. Онѣ старались залучить къ себѣ Марію-Антуанетту и даже дали ей особый ключъ отъ своихъ апартаментовъ, чтобы она могла проникать къ нимъ, когда она захочетъ. Дочери Людовика XV, очевидно, хотѣли всячески привлечь на свою сторону будущую королеву, чтобы впоследствии получить возможность проводить черезъ нее свое вліяніе при дворѣ. И, дѣйствительно, сначала Марія-Антуанетта совершенно подпала было подь вліяніе мадамъ Аделаиды, и императрицѣ Маріи-Терезіи стоило не мало труда убѣдить ее скинуть съ себя это моральное иго. Въ этомъ ей помогла и сама мадамъ Аделаида: она стала уже черезчуръ пренебрежительно относиться къ племянницѣ и возбудила противъ себя ея гордость. Марія-Антуанетта рѣзко порвала съ тетками, наживъ себѣ въ ихъ лицѣ злѣйшихъ враговъ, не останавливавшихся впоследствии ни передъ чѣмъ, чтобы отомстить ей.

Не завязались у Маріи-Антуанетты отношенія и съ ея гофмейстериней. Мадамъ Honesta, какъ ее звали при дворѣ, могла, конечно, научить супругу дофина всѣмъ тонкостямъ этикета, но была не въ силахъ привязать ее къ себѣ и пріобрѣсти на нее вліяніе. Какъ смотрѣла на нее Марія-Антуанетта, показываетъ лучше всего слѣдующій случай. Однажды, уже будучи королевой, она ѣхала верхомъ на ослѣ. Оселъ заупрямился и сбросилъ ее.

— Бѣгите скорѣй за мадамъ де-Ноайль!—сказала со смѣхомъ королева.— Она сейчасъ же объяснитъ, что требуется по этикету, когда французская королева не можетъ удержаться на ослѣ.

Единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ большое и продолжительное вліяніе на Марію-Антуанетту, былъ австрійскій посоль Мерси-Аржанто. Этотъ дипломатъ школы Кауница отличался огромной трудоспособностью и здравымъ смысломъ. Чрезвычайно вѣжливый и тихаго характера, онъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ, а его внѣшность, высокий ростъ, тонкія черты лица, безукоризненный костюмъ, давали ему видъ человѣка совершенно безстрастнаго. Какъ ни былъ онъ расположенъ къ Маріи-Антуанеттѣ, однако онъ никогда не забы-

валь, что онъ австрійскій посланникъ, и, слѣдовательно, обязанъ прежде всего соблюдать интересы своей страны. Съ этой цѣлью онъ организовалъ въ дворцѣ цѣлую систему шпіонства. «Я обезпечилъ себѣ услуги трехъ лицъ, состоящихъ на службѣ у эрцгерцогини,—писалъ онъ Маріи-Терезіи.—Это горничная и два лакея, которые даютъ мнѣ точныя свѣдѣнія о всемъ, что происходитъ внутри дворца. Я изо дня въ день получаю свѣдѣнія, о чемъ эрцгерцогиня говоритъ съ аббатомъ Вермонемъ, отъ котораго она ничего не скрываетъ. Черезъ маркиза де-Дюрфоръ я узнаю все, о чемъ говорятъ и mesdames». Благодаря такому шпіонству, онъ знаетъ всю подноготную о жизни супруговъ, знаетъ, что Марія-Антуанетта не любитъ надѣвать корсета, что иногда она забываетъ чистить себѣ зубы. Особенно возмущаетъ его, что Марія-Антуанетта перѣдко позволяетъ себѣ играть съ двумя дѣтьми своей горничной, шумными и грязными, которыя портятъ ей платье и ломаютъ мебель».

Такія донесенія раздражали императрицу Марію-Терезію, и она засыпала дочь письмами съ упреками и наставленіями, какъ вести себя. Въ свою очередь, эти постоянные выговоры и поученія оскорбляли впечатлительную натуру Маріи-Антуанетты и вносили большую холодность въ ихъ отношеніяхъ, что не замедлило отразиться и на ихъ перепискѣ. Тщетно графъ Кауницъ старался успокоить императрицу-мать и умѣрить ея желаніе поучать и наставлять: переписка по временамъ принимала острый характеръ.

Окруженная шпіонствомъ со всѣхъ сторонъ, Марія-Антуанетта держала себя безупречно. Вставала она обыкновенно въ девять съ половиною часовъ, одѣвалась, молилась Богу и, слегка позавтракавъ, отправлялась къ теткамъ, гдѣ обыкновенно встрѣчалась съ королемъ. Въ одиннадцать часовъ ее причесывали и румянили. Потомъ мужчины удалялись, около нея оставались однѣ женщины, въ присутствіи которыхъ она и облачалась въ парадный костюмъ. Въ полдень она слушала мессу вмѣстѣ съ дофиномъ, послѣ чего супруги сѣли обѣдать за столъ, вокругъ котораго тѣснилась цѣлая толпа придворныхъ. Обѣдъ продолжался не болѣе получаса. Послѣ обѣда Марія-Антуанетта могла наконецъ удалиться въ свои апартаменты. Это было время наиболее серьезныхъ занятій. Тутъ она могла почитать, написать письма. Въ три часа надо было отправляться на прогулку—пѣшкомъ или на лошади. Въ семь часовъ играли въ карты у короля часовъ до девяти. Затѣмъ ужинъ. Послѣ ужина можно было съ полчаса вздремнуть у тетокъ до прихода короля. Наконецъ, простившись съ королемъ, можно было уже лечь въ постель часовъ въ одиннадцать.

Версаль жилъ почти растительною жизнью. Тутъ не было мѣста ни наукъ, ни искусству, ни даже политикѣ. Все ограничивалось одними сплетнями и пересудами. Жизнь текла вяло и однообразно.

Нѣкоторое оживленіе въ это безцвѣтное существованіе внесло паденіе французскаго посла въ Вѣнѣ герцога Шуазеля. Паденіе это явилось слѣдствіемъ придворной интриги, которую велъ герцогъ д'Эгильонъ, поддерживаемый фавориткою короля, извѣстной мадамъ Дюбарри. Марія-Антуанетта терпѣть не могла фаворитку, несмотря на то, что ея мать всячески внушала ей, что ей необходимо искать сближенія съ этой вліятельной особой. Паденіе Шуазеля

только обострило эту неприязнь, которую не могло побороть даже неудовольствие самого короля. Марія-Антуанетта упорно не желала говорить съ Дюбарри, какъ ни хотѣлъ этого Людовикъ XV. Послѣ долгихъ уговоровъ Мерси-Аржанто Марія-Антуанетта согласилась наконецъ нарушить свое молчаніе. Сдѣлать это было рѣшено въ присутствіи придворныхъ, чтобы прекратить начавшіяся при дворѣ сплетни. Аржанто заранѣе условился о всѣхъ деталяхъ этого зрѣлища, но и Марія-Антуанетта приняла свои мѣры. И вотъ однажды, когда Мерси, остановившись передъ фавориткой, нарочно завязалъ съ нею разговоръ, къ нимъ съ привѣтливой улыбкой стала приближаться Марія-Антуанетта. Но не успѣла она дойти до бесѣдующихъ, какъ вдругъ сбоку появилась мадамъ Аделаида и громко сказала:

— Время расходиться. Идемъ.

Марія-Антуанетта разомъ остановилась и круто повернула назадъ. «Вся подстроенная сцена провалилась», въ отчаяніи писалъ въ Вѣну Мерси.

Враждебныя отношенія между супругой дофина и Дюбарри продолжались почти полтора года. Наконецъ въ нихъ долженъ былъ вмѣшаться самъ король, и Марія-Антуанеттѣ надо было уступить.

— Сегодня въ Версалѣ много народу, — сказала она какъ-то ненавистной фавориткѣ.

Это произвело огромную сенсацию: всѣ только и говорили о томъ, что наконецъ-то супруга дофина заговорила.

Но напрасно Дюбарри рассчитывала на водвореніе болѣе мирныхъ отношеній.

— Я говорила съ ней, — заявила Марія-Антуанетта мужу: — но больше эта женщина моего голоса не услышитъ.

Король былъ недоволенъ ея поведеніемъ, за что въ Парижѣ она сразу приобрѣла огромную популярность: въ ней видѣли противницу распущенности придворныхъ нравовъ.

Со временъ фронды Парижъ традиціонно считался гнѣздомъ революціи, и короли старались туда не заглядывать. Въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ своего замужества Марія-Антуанетта была тамъ всего одинъ разъ, но и то инкогнито. Замаскировавшись, они отправились въ одинъ весенній вечеръ на костюмированный балъ въ оперу.

Второй ея визитъ въ Парижъ состоялся 18-го мая 1773 года. Улучивъ удобную минуту, она обратилась къ королю съ просьбою отпустить ее въ Парижъ. Король согласился. Народъ встрѣчалъ Марію-Антуанетту восторженно. Когда она вышла на балконъ тюльерійскаго дворца, передъ нимъ собралась такая толпа, что она даже испугалась. И все это ликовало, испуская въ честь ея привѣтственные клики.

27-го апрѣля 1774 года Людовикъ XV почувствовалъ себя въ Трианонѣ дурно и на другой день вернулся въ Версалъ. Для черезъ два у него обнаружались признаки оспы. Его немедленно изолировали, и около больного остались только его дочери. Дофину и его женѣ доступъ къ королю былъ закрытъ. Къ нимъ самимъ допускали только братьевъ Людовика XVI съ ихъ женами, Мерси-Аржанто и аббата Вермона.

Четырнадцать дней прожили они в этом карантинѣ. 10-го мая около трех часов пополудни свѣча, горѣвшая на окнѣ королевской спальни, вдругъ погасла. Это былъ условленный сигналъ, что наступилъ конецъ. Въ ту же минуту залы дворца огласились шумомъ бѣгущей толпы: это стая придворныхъ неслась засвидѣтельствовать свою преданность новому королю.

Узнавъ о смерти Людовика XV, новый король и Марія-Антуанетта бросились на колѣни, моля Бога о помощи.

— Какое бремя — говорилъ Людовикъ женѣ. — Ты должна помочь мнѣ нести его.

Въ тотъ же день дворъ водворился въ Шуази, здѣсь королевская чета вела простой и скромный образъ жизни, предпринимая безъ всякой охраны отдаленныя прогулки пѣшкомъ или въ незадолго до того изобрѣтенномъ кабріолетѣ, которымъ королева любила править сама. Иногда она не прочь была подурчиться, выкинуть смѣха ради какую-нибудь шутку. Такъ, однажды къ Людовику явилась какая-то монахиня и стала поздравлять его съ благополучнымъ исходомъ привитія оспы. Растроганный король вынулъ было уже кошелекъ, какъ вдругъ монахиня залилась смѣхомъ и бросилась бѣжать.

— Это какая-то сумасшедшая, — закричалъ король. — Пусть ее арестуютъ и позаботятся о ней.

Оказалось, что подъ капюшономъ монахини скрывалась Марія-Антуанетта.

Первымъ дѣломъ новой королевы было смягчить нѣсколько строгость придворнаго этикета, не позволявшаго королю сближаться съ своими подданными. Людовикъ XV завелъ интимные ужины, на которые допускались только одни мужчины. Марія-Антуанетта стала приглашать на эти ужины принцевъ и принцессъ крови и близкихъ къ королевской семьѣ придворныхъ. Тетки короля и знатоки придворнаго этикета подняли были крикъ, но все было напрасно.

Ставъ королевой, Марія-Антуанетта развилась и физически и морально. Она приобрѣла большую самоувѣренность, умѣла во время пошутить и посмѣяться, не теряя своего достоинства. Память у нея была замѣчательная. Но она не любила серьезныхъ разговоровъ и всякій разъ, какъ поднимался какой-нибудь важный вопросъ, ея лицо принимало холодное выраженіе, и она стремилась опять вернуться къ легкой *sauserie*. Французскимъ языкомъ она владѣла въ совершенствѣ и, наоборотъ, разучилась говорить по-нѣмецки настолько, что впоследствии ей приходилось брать уроки этого языка.

Послѣ безцвѣтныхъ и скучныхъ королевъ Марія-Антуанетта явилась яркимъ исключеніемъ и имѣла всѣ данныя, чтобы приобрести особую любовь народа. «Если бы надо было создать королеву специально для французовъ, — заключаетъ одинъ современникъ: то нельзя было бы придумать никого лучше Маріи-Антуанетты».

Кѣмъ была окружена королева? Каковы была среда, въ которой ея приходилось вращаться? Каковы были вліянія на нея?

Ближе всего стояли къ ней братья короля. Старшій, графъ Прованскій, отличался лживымъ, подозрительнымъ характеромъ, жадностью, завистливымъ

честолюбием и очень посредственными умственными качествами. После смерти Людовика XV у него были найдены письма его старшего внука, в которых он велел дѣлать интригу противъ Людовика и его супруги. Марія-Антуанетта и особенно Людовикъ были страшно возмущены этимъ предательствомъ, и, когда однажды на домашнемъ спектаклѣ графъ Прованскій исполнял роль Тартюфа, король громко замѣтилъ: «Великолѣпно сыграно, каждый былъ въ своей естественной роли».

Второй братъ короля графъ д'Артуа имѣлъ болѣе подкупающую внѣшность. Къ сожалѣнію, ему вредилъ вѣчно открытый ротъ, придававшій ему глуповатый видъ. Посредственный и вульгарный, онъ былъ избалованъ своими успѣхами у женщинъ, проводилъ дѣлыя ночи напролетъ въ подозрительномъ обществѣ, вѣчно былъ въ долгахъ и могъ говорить только о своихъ кутежахъ и любовныхъ похожденияхъ. Онъ умѣлъ забавлять королеву, и это создавало ему нѣкоторую близость къ ней, противъ которой такъ возставали Марія-Терезія и Мерси-Аржанто. Но стоило только ему заболѣть въ 1776 году на продолжительное время, какъ Марія-Антуанетта, что называется, и думать о немъ забыла.

Первымъ принцемъ крови былъ ихъ двоюродный братъ герцогъ Шартрскій, впоследствии герцогъ Орлеанскій, впоследствии Филиппъ-Эгалите. Распущенный и циничный, склонный ко всякаго рода интригамъ и кознямъ, онъ былъ отъявленнымъ врагомъ королевы и впоследствии пустилъ не мало клеветъ на нее.

Таковъ былъ мужской персоналъ. Но и женскій былъ не лучше. Супруги королевскихъ братьевъ, женившихся на двухъ дочеряхъ сардинскаго короля, были неинтеллигентны и неумы. Графиня Прованская была необщительна, завистлива, скрытна. Ея сестра, по выраженію современника, была «столь же безобразна, какъ и глупа». Обѣ онѣ завидовали Маріи-Антуанеттѣ и какъ женщины и какъ королевѣ, и между этими тремя женщинами шла глухая борьба.

Тетки короля въ это время уже отказались отъ мысли держать королеву въ своихъ рукахъ. Онѣ удалились отъ двора, жили въ Бельвю и откуда злобно шипѣли противъ племянницы. Большинство слуховъ, столь повредившихъ Маріи-Антуанеттѣ, вышло именно изъ Бельвю. Это именно онѣ первыя пустили въ ходъ прозвище «австріячка».

Оставались еще двѣ сестры короля—мадамъ Клотильда и мадамъ Елизавета. Первая отличалась развѣ только своєю дородностью, за что ее прозвали при дворѣ la Gros Madame. Она скоро вышла замужъ и уѣхала въ Туринъ. Младшая, Елизавета, была ни умна, ни глупа. Во всякомъ случаѣ она была симпатичнѣе всѣхъ другихъ. Но въ это время она едва только вышла изъ дѣтскаго возраста.

Въ этой средѣ Марія-Антуанетта чувствовала себя одинокой и нравственно и физически. Вотъ почему она сильно обрадовалась, когда въ февралѣ 1775 года въ Версаль пріѣхалъ ея братъ Максимилианъ, путешествовавшій по Европѣ для завершения своего образованія. Его пребываніе продолжалось три недѣли и произвело на всѣхъ самое тягостное впечатлѣніе. Чопорный и ограниченный, онъ отнесся къ французскимъ принцамъ высокомерно, возбудилъ ихъ противъ себя и заслужилъ прозвище «Archibête». Марія-Антуанетта старалась защи-

тить брата въ этихъ столкновенияхъ и тѣмъ сильно повредила своей нарастающей было популярности.

— Король Іосифъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Извѣстный знатокъ исторіи Наполеона I и его семьи Фредерикъ Массонъ помѣстилъ въ «Revue de Paris» изслѣдованіе о пребываніи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ брата великаго императора, Іосифа Бонапарта, бывшаго короля Испаніи.

Послѣ крушенія царствованія «Ста дней» семья Наполеона собралась на семейный совѣтъ въ Мальмезонѣ, гдѣ было рѣшено бѣжать всѣмъ въ Америку. Люсьенъ Бонапартъ съ цѣлью получить подложный заграничный паспортъ направился въ Англію, но Іосифъ оказался осторожнѣе и, запасшись почти милліономъ франковъ, рѣшилъ отплыть въ страну демократіи изъ Рошфора.

Путешествіе въ Рошфоръ было сопряжено съ огромными опасностями. По всѣмъ городамъ Франціи образовались отряды такъ называемыхъ «королевскихъ волонтеровъ», которые ловили и арестовывали всѣхъ, кто имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ Наполеону. Въ городкѣ Сентъ Іосифъ Бонапартъ едва не попалъ въ руки этихъ волонтеровъ. Одинъ изъ нихъ принялъ его за самого Наполеона, схватилъ лошадей кареты, въ которой ѣхалъ Іосифъ, подъ узцы и отвелъ его въ близъ лежащую гостиницу. Присланные сюда національные гвардейцы едва могли защитить его отъ расправы возбужденной роялистами толпы. Начавшіеся въ Сентѣ беспорядки возбудили, въ свою очередь, «патріотовъ», которые бросились на роялистовъ и разсѣяли ихъ скопища. Такимъ образомъ, Іосифъ получилъ возможность вечеромъ незамѣтно выѣхать изъ города и направился въ Рошфоръ. Здѣсь одному изъ мѣстныхъ купцовъ, сынъ котораго находился въ это время въ Бордо, поручено было зафрахтовать за восемнадцать тысячъ франковъ американскій бригъ «Commerce». Пока шли переговоры и приготовленія къ отплытію, Іосифъ Бонапартъ скрывался въ уединенно расположенномъ имѣніи этого купца. Черезъ нѣсколько дней онъ перебрался въ Бордо.

Капитанъ «Commerce», англичанинъ съ острова Джерсея, натурализовавшійся въ Америкѣ, не зналъ, кого ему придется везти. Іосифъ скрывался подъ именемъ Бушара. Его спутники также назвались ложными именами.

Плаваніе было сопряжено съ еще большими опасностями, чѣмъ путешествіе на сушѣ: едва бригъ отвалилъ отъ французскаго берега, какъ навстрѣчу попалось англійское военное судно «Vaschus». «Commerce» былъ остановленъ, на его борту появились англійскіе офицеры, которые произвели осмотръ всѣхъ пассажировъ, но, зная, что Наполеонъ уже отправленъ на «Беллерофонъ», отнеслись къ этому осмотру довольно поверхностно. На другой день произошла новая тревога: показался фрегатъ «Эндиміонъ». Новый визитъ англійскихъ офицеровъ, новый просмотръ паспортовъ. Наконецъ все успокоилось, судьба послала благоприятные вѣтры, и послѣ тридцатидвухдневнаго плаванія показался островъ Лонгъ. Іосифъ Бонапартъ просилъ посадить его здѣсь, но капитанъ сталъ спорить, доказывая, что завтра утромъ «Commerce» будетъ уже въ Нью-Йоркѣ. Но, къ ужасу бѣглецовъ, у входа въ нью-йоркскій портъ оказались два англійскихъ военныхъ корабля, очевидно, караулившіе входъ въ гавань. Къ счастью

Иосифа, американскій лопманъ, человекъ молодой и отважный, провель «Соммерсе» въ гавань, держась почти самага берега, такъ что англійскіе корабли, опасаясь наткнуться на подводные камни, не рѣшились подойти къ бригу съ бѣглецами. 28-го августа 1815 года Бушаръ сошелъ на американскій берегъ и очутился въ странѣ дѣйствительно свободной, гдѣ гостепріимство не является пустымъ звукомъ.

Между тѣмъ во Франціи уже замѣтили его исчезновеніе и принялись искать, гдѣ только было можно. Парижскіе сыщики доносили, что онъ укрывается на улицѣ Побѣды у нѣкоего Леклера. Полицейскій лейтенантъ изъ Ліона сообщилъ, что, по его свѣдѣніямъ, Иосифъ Бонапартъ бѣжалъ въ кантонъ Во, куда и были посланы для его ареста особые агенты. Префектъ департамента Юры напалъ даже на слѣдъ дѣлага заговора, организованнаго будто бы въ Парижѣ. По его свѣдѣніямъ, Иосифъ находится въ Швейцаріи, откуда и сносятся съ революціоннымъ парижскимъ комитетомъ. Были даже указаны имена его корреспондентовъ, вслѣдствіе чего пострадало нѣсколько ни въ чемъ неповинныхъ лицъ, подвергшихся задержанію и обыску.

Вступавъ на американскую почву, испанскій ех-король рѣшилъ прежде всего представиться президенту Штатовъ Джеймсу Мадисону, но тотъ отказался его принять. «Защита и гостепріимство,—заявилъ глава американской республики,—не требуютъ исполненія такихъ формальностей. Какого бы сочувствія ни заслуживали несчастія этой семьи, однако она по своему прошлому поведенію не можетъ предъявлять къ американскому народу какихъ-либо требованій. Нѣтъ никакихъ основаній, чтобы правительство штатовъ принимало участіе въ этой семьѣ».

Если Иосифу Бонапарту не удалось заинтересовать собою президента, зато журнальная пресса слѣдила за нимъ довольно внимательно и несочувственно. «Корсиканскій авантюристъ Иосифъ Бонапартъ,—сообщала про него одна распространенная газета,—который соблаговолилъ бы оставаться испанскимъ королемъ, если бы лордъ Веллингтонъ и испанская нація ему это позволили, вчера вечеромъ выѣхалъ изъ гостиницы и направился на югъ. Къ сожалѣнію, вслѣдъ за этимъ авантюристомъ былъ командированъ офицеръ американскаго флота».

Послѣднее обстоятельство указываетъ, что американское правительство подозрѣвало Иосифа въ какихъ-то махинаціяхъ. Что это такъ, доказывается и тѣмъ наблюденіемъ, которому подверглись американскіе консулы, такъ или иначе соприкасавшіеся съ Бонапартами. Въ Европѣ за ними слѣдила французская полиція. Такъ, 23-го декабря 1815 года французское министерство иностранныхъ дѣлъ получаетъ донесеніе, что американскій консулъ въ Тунисѣ Коксъ ѣздилъ въ Римъ, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ имѣлъ какія-то таинственныя совѣщанія съ Люсьеномъ Бонапартомъ и кардиналомъ Фешемъ. Въ Римѣ ему были даны письма къ Иосифу и въ Парижъ.

Высадившись въ Нью-Йоркѣ, Иосифъ Бонапартъ поселился въ домъ нѣкоей Пауэлль. Несмотря на неудачу у президента, его посѣтили нью-йорскій мэръ и другіе видныя въ городѣ лица. Потомъ онъ переехалъ въ Филадельфію. Весною 1816 года онъ пріобрѣлъ въ окрестностяхъ этого города имѣніе, при-

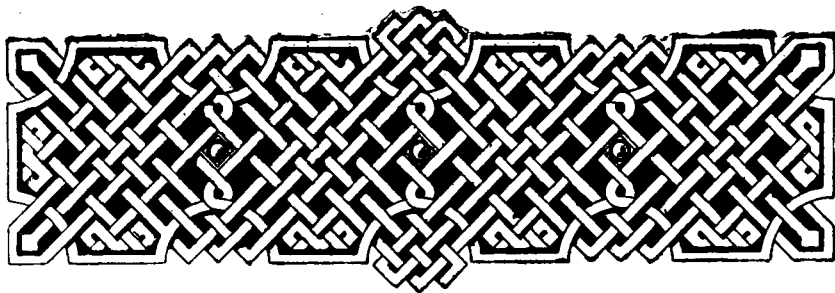
надлежавшее послѣднему англійскому губернатору штата Пенсильваніи Джону Пенну. Вслѣдъ за этой покупкой онъ приобретаетъ еще ферму на берегу Делавера недалеко отъ Бордентауна. Не ограничиваясь этими приобретениями, новый владѣлецъ начинаетъ усиленно скупать окрестныя земли и округлять свои владѣнія. Сначала эти покупки дѣлались на имя его секретаря американца Джемса Карста, который служилъ для него и переводчикомъ, а затѣмъ въ 1817 году купчая совершается уже на имя графа де-Сюрвиллье, какъ онъ себя называлъ.

Пока въ новомъ помѣстьѣ будетъ готова достойная его резиденція, ех-король беретъ за долги у одного французскаго эмигранта имѣніе Шомонъ на сѣверѣ штата Нью-Йорка и всячески приглашаетъ сюда мадамъ де-Сталь, съ которой давно поддерживаетъ дѣловыя сношенія. Зиму онъ проводитъ въ Филадельфіи, гдѣ нанимаетъ домъ французскаго банкира Жирана; а на лѣто переселяется въ роскошно отстроенный на берегу Делавера замокъ. Замокъ этотъ простоялъ, впрочемъ, не долго. Въ январѣ 1820 года въ немъ вспыхнулъ пожаръ. Едва удалось спасти часть мебели, серебро, картины и другія цѣнности. Иосифъ въ это время былъ въ путешествіи. Вернувшись домой, онъ перенесъ выпавшее на его долю несчастье съ большимъ достоинствомъ и тѣмъ приобрѣлъ большую популярность среди окрестнаго населенія.

Вмѣсто сгорѣвшаго онъ выстроилъ новый домъ, расположенный въ паркѣ, нѣсколько ниже, чтобы защититься отъ сильныхъ вѣтровъ. Эта деревенская резиденція была превращена имъ въ настоящій музей изящныхъ искусствъ.

Дворъ, окружавшій графа де-Сюрвиллье, первоначально былъ чисто французскимъ, но мало-по-малу французы были вытѣснены американцами. Кажется, черезъ ихъ посредство онъ нашелъ возможнымъ вступить въ сношеніе съ своимъ знаменитымъ младшимъ братомъ, который находился уже на островѣ Святой Елены, и есть слѣдъ, что Наполеонъ получилъ отъ старшаго брата нѣсколько писемъ. Носились слухи, что Иосифъ Бонапартъ готовилъ даже экспедицію, чтобы выручить брата изъ плѣна. По разысканію Массона, оказывается, что дѣйствительно съ этою цѣлью былъ построенъ въ Чарттонѣ особо быстроходный клиперъ «Серафимъ». Была набрана для него и команда. Командиромъ его былъ сдѣланъ гроза Мексиканскаго залива капитанъ Доминикъ Юнъ. Но смерть Наполеона помѣшала этой отчаянной экспедиціи.

С М Ъ С Ъ.

ГОДОВОЕ собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества 23-го марта, подъ предсѣдательствомъ проф. С. А. Жебелева, состоялось годовое общее собраніе Императорскаго русскаго археологическаго общества. Секретаремъ общества, проф. Б. В. Фармаковскимъ доложено о состоявшемся Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора на принятіе его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ должности августѣйшаго предсѣдателя общества. Сопровождалось успѣхомъ и ходатайство общества о командированіи представителей общества на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію для охраны памятниковъ старины въ занимаемыхъ тамъ нами мѣстностяхъ. Избраны представителями общества: академикъ Ф. И. Успенскій, Я. И. Смирновъ и Ф. И. Шмидтъ. Нуждающійся въ книгахъ варшавскій университетъ постановлено снабдить дублетами книгъ изъ библіотеки книгъ общества, а также изданіями, не относящимися до археологіи. Предсѣдательствовавшимъ доложенъ результатъ ревизіи дѣлъ общества и его денежныхъ средствъ. Все найдено въ образцовомъ порядкѣ. Медальная коммиссія, состоявшая въ текущемъ году подъ предсѣдательствомъ проф. М. И. Ростовцева, предложила присудить большую золотую медаль общества извѣстному египтологу Б. А. Тураеву за трудъ его «Исторія древняго Востока» и серебряную медаль В. К. Шулейко за описаніе коллекціи древностей Н. П. Лихачева. Общее собраніе единогласно удостоило проф. Б. А. Тураева большой золотой медали; большинствомъ голосовъ серебряная медаль присуждена г. Шулейко.

Утвержденъ прочитанный секретаремъ общества годовой отчетъ о дѣятельности общества. Число членовъ въ минувшемъ году достигло: 12 почетныхъ, 157 дѣйствительныхъ, 67 членовъ-сотрудниковъ и 59 иностранныхъ, всего 293. Дѣятельность общества заключалась въ собраніяхъ общества: общихъ, изъ коихъ одно чрезвычайное посвящено было памяти скончавшагося августѣйшаго предсѣдателя общества великаго князя Константина Константиновича, другое—памяти графа Уварова. Изданы X—XI томы «Записокъ Русск. Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи», IX томъ «Записокъ Классическаго Отдѣленія», XXII и XXIII томы «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Значительно увеличилась библіотека общества—на 467 томовъ; музей увеличился на рядъ коллекцій въ количествѣ 142 нумеровъ. Такимъ образомъ, нынѣ въ составъ коллекціи музея входитъ 14.539 нумеровъ. Изъ отчета казначея общества профессора А. К. Маркова видно, что приходъ денежныхъ средствъ общества въ отчетномъ году выразился въ общей суммѣ 15.613 р. 73 к., расходъ въ суммѣ 10.666 р. 66 к. Въ члены общества избраны г.г. Линевицъ и М. И. Максимова. Последняя была привѣтствована, какъ первая изъ женщинъ, избранная въ члены общества. До сихъ поръ въ составѣ общества изъ женщинъ была лишь графиня Уварова, предсѣдательница московскаго археологическаго общества, избранная обществомъ въ почетные члены. Въ заключеніе профессоръ М. И. Ростовцевъ и П. К. Степановъ сдѣлали доклады на тему «Эллино-скиѣскій головной уборъ». Доклады были иллюстрированы многочисленными діапозитивами и основаны на находкахъ скиѣской эпохи.

Въ петроградской ученой архивной комиссіи. 30-го марта, подъ предсѣдательствомъ М. К. Соколовскаго, въ помѣщеніи императорскаго петроградскаго археологическаго института состоялось общее собраніе членовъ петроградской губернской ученой архивной комиссіи. Произведены выборы 14 дѣйствительныхъ членовъ и 3 членовъ-сореvнователей. Утверждено выработанное совѣтомъ комиссіи новое положеніе для ея дальнѣйшей дѣятельности. Совѣту поручено въ возможно непродолжительномъ времени представить это положеніе на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Е. И. Тарасовъ прочелъ докладъ: «Неизвѣстная записка по крестьянскому вопросу, найденная въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ». Докладчикъ привелъ рядъ доказательствъ, что эта записка не могла быть написана Тургеневымъ, а принадлежит Тарновскому. Написана въ отношеніи крестьянъ и ихъ тяжкаго положенія тепло и искренне, относится къ 1856 году. Авторъ записки ратуетъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ крупными надѣлами ихъ землю. Довольно подробно излагается въ запискѣ исторія происхожденія у насъ крѣпостнаго права. С. Ф. Либровичъ сообщил любопытныя біографическія данныя по неизданнымъ архивнымъ источникамъ о двухъ іерархахъ: православномъ архіепископѣ Иннокентіи и профессорѣ католической академіи Головинскомъ. Дѣятельность обоихъ носила общій примирительный характеръ широкой вѣротерпимости и взаимнаго уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ. Крайне интересныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ архивнаго дѣла, сообщил третій докладчикъ А. В. Бородинъ. Дѣло касается суда

надъ казаками-вѣроотступниками въ 1806 году. Казаки Семеновы перешли изъ православія въ исламъ. Когда фактъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ властямъ, Семеновы были преданы сенатомъ суду. Обвиняемые оправдывались тѣмъ, что отецъ ихъ—персъ и мать, умирая, завѣщали имъ перейти въ магометанство, что они и выполнили. Интересно, что, не найдя никакихъ указаній въ законѣ, первая инстанція суда не назначила Семеновымъ наказанія. По высочайшему повелѣнію, дѣло перешло къ оберъ-прокурору синода. По предложенію митрополита Амвросія, однако, и высшая инстанція освободила виновныхъ отъ наказанія, постановивъ лишь выслать ихъ за предѣлы Россіи. Семеновы высланы были въ Киргизъ-Кайсацкую степь, за Уралъ.

Къ юбилею профессора А. А. Иностранцева. 18-го марта исполнилось 50-лѣтіе научной дѣятельности заслуженнаго профессора Петроградскаго университета и президента Императорскаго общества естествоиспытателей А. А. Иностранцева, который создалъ школу русскихъ геологовъ. Назовемъ среди нихъ покойныхъ Венюкова, Ф. П. Петца и друг., а изъ нынѣ здравствующихъ В. П. Амалицкаго, Ф. И. Левинсонъ-Лессинга, Н. И. Андрусова и друг. Университетомъ не ограничили рамки дѣятельности А. А. Иностранцева, по всей Россіи разсѣяны его ученики и слушатели, учившіеся въ Военно-Медицинской академіи на Вестужевскихъ курсахъ и въ академіи генеральнаго штаба, гдѣ проф. Иностранцевъ въ разное время читалъ лекціи. Много проработалъ онъ и на пользу родного ему Петрограда, гласнымъ думы котораго онъ состоитъ, по вопросамъ водоснабженія, а также въ дѣломъ рядѣ научныхъ обществъ, въ качествѣ основателя, руководителя и дѣятельнаго члена. Основаніе антропологическаго общества является его заслугой. Онъ сдѣлалъ свой вкладъ и въ науку о доисторическомъ человѣкѣ. Блестящее состояніе любимаго дѣтища проф. Иностранцева, геологическаго музея университета, характеризуетъ его какъ прекраснаго организатора. Въ качествѣ такового онъ былъ, между прочимъ, приглашенъ кабинетомъ Его Величества организовать геологическое изслѣдованіе Алтая. Невзирая на свои годы, онъ остается все тѣмъ же жизнерадостнымъ человѣкомъ. Въ виду войны онъ тщательно скрылъ отъ всѣхъ наступившій научный юбилей и уклонился отъ всякихъ чествованій.

Пятидесятилѣтіе общественной дѣятельности П. И. Макушина. Чествованіе Петра Ивановича Макушина по случаю пятидесятилѣтія его общественной дѣятельности въ Сибири привлекло 25-го марта въ Томскѣ въ залъ общественнаго собранія не одну тысячу горожанъ. Еще задолго до открытія торжественнаго засѣданія фойе зала стала наполняться публикой. Къ часу дня всѣ мѣста въ залѣ, балконъ, мѣста у входовъ оказались переполненными. Члены многочисленныхъ депутацій отъ общественныхъ управленій, культурно-просвѣтительныхъ организацій, различныхъ общественно-экономическихъ и благотворительныхъ обществъ и т. д. заняли нѣсколько переднихъ рядовъ креселъ. Въ часъ съ четвертью мѣста за столомъ заняли члены томской городской управы, гласные думы, члены организаціоннаго комитета съ предсѣдателемъ профессоромъ П. А. Прокошевымъ и за ними почетные гости. П. И. Макушинъ занялъ мѣсто между городскимъ головою П. Ф. Ломовицкимъ и его товарищемъ П. В. Ивановымъ. При появленіи юбиляра публика

встала и продолжительными горячими аплодисментами привѣтствовала его. Гулъ привѣтствій покрылся пѣніемъ кантаты, написанной въ честь юбиляра и положенной на музыку А. В. Апохинымъ. Кантата исполнена была подъ управленіемъ этого послѣдняго хоромъ 1-го сибирскаго хорового общества. Городской голова П. Ф. Ломовицкій открылъ торжественное засѣданіе краткимъ словомъ, обращеннымъ къ виновнику празднества, и оглашеніемъ постановленій, вынесенныхъ томской городской думой къ юбилею своего выдающагося члена и почетнаго гражданина города. По исполненіи оркестромъ музыки народнаго гимна, предсѣдатель томской городской училищной комиссіи профессоръ П. А. Прокошевъ произнесъ прочувствованную рѣчь, посвященную полувѣковой неутомимой дѣятельности юбиляра. Затѣмъ были прочитаны привѣтствія отъ томскаго городского управленія, отъ министра народнаго просвѣщенія графа Игнатъева, отъ его товарища Шевакова, отъ томскаго губернатора Володимирова. Послѣ поднесенія адреса представителемъ барнаульскаго городского управленія юбиляра привѣтствовалъ отъ западно-сибирскаго учебнаго округа окружный инспекторъ, исполняющій обязанности попечителя округа д. с. с. Алекторовъ. Главный инспекторъ училищъ д. с. с. Василенко по телеграфу изъ Иркутска привѣтствовалъ П. И. отъ имени восточно-сибирскаго учебнаго округа. Затѣмъ юбиляру поднесены были адреса,—чтеніе ихъ сопровождалось также одобреніями всего зала,—отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: директора народныхъ училищъ Томской губерніи, первой губернской мужской гимназіи, второго реальнаго училища, срѣтенскаго общества трезвости, общества доставленія средствъ сибирскимъ высшимъ женскимъ курсамъ и совѣта курсовъ общества доставленія средствъ вечернимъ общеобразовательнымъ курсамъ, совѣта этихъ курсовъ, слушателей ихъ и педагогической организациі воскресныхъ школъ Томска. Отъ вечернихъ курсовъ поднесены юбиляру цвѣты-огоньки. М. Г. Васильева-Потанина было прочитала свое стихотвореніе «25-го марта 1916 года», посвященное П. И. Далѣе предъ юбиляромъ, при сочувственныхъ аплодисментахъ публики, часто бурныхъ и продолжительныхъ, прошли со своими адресами еще свыше двадцати депутатій, а именно: отъ редакціи и сотрудниковъ «Сибирской Жизни», правленія товарищества «Сибирскаго печатнаго дѣла», томскаго общества изученія Сибири, томскаго отдѣла императорскаго музыкальнаго общества, общества содѣйствія устройству сельскихъ бесплатныхъ библіотекъ-читаленъ, отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа омской судебной палаты, томскаго общества попеченія о народномъ образованіи; томскаго общества любителей художествъ, сибирскаго хорового пѣвческаго общества, фотографическаго общества, томскаго общества народныхъ развлеченій, общества содѣйствія физическому развитію, общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ Томской губерніи, общества сибирскихъ инженеровъ, совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, западно-сибирскаго общества сельскаго хозяйства, томскаго общества взаимнаго кредита, редакцій «Жизни Алтая» и «Алтайскаго Крестьянина», служащихъ магазина П. И. Макушина, служащихъ томской переселенческой организациі, еврейской студенческой кассы взаимопомощи при томскомъ университетѣ и организаціоннаго комитета перваго сибирскаго пожарнаго съѣзда. По всѣмъ

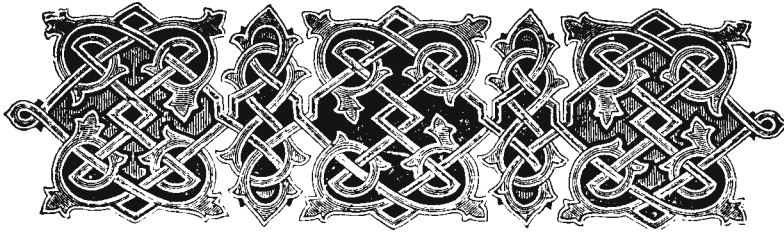
адресамъ и привѣтствіямъ красною нитью прошло выраженіе юбиляру горячей благодарности за его неустанный трудъ на пути общественно-культурной дѣятельности. Многія изъ депутацій, перечисляя заслуги П. И. въ борьбѣ съ темными силами, выражали твердую надежду, что уже скоро настанетъ часъ, когда маститый юбиляръ будетъ видѣть передъ собою обновленными Сибирь и всю великую родину. Закончилось торжество прочувствованной благодарственной рѣчью юбиляра. Многочисленныя привѣтственные телеграммы со всѣхъ концовъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней продолжали поступать въ юбилейный комитетъ.

40-лѣтній юбилей М. М. Иванова. 30-го марта былъ отпразднованъ 40-лѣтній юбилей композиторской и музыкальной-критической дѣятельности М. М. Иванова. Уроженецъ Москвы, М. М. Ивановъ родился 11-го сентября 1849 г., получилъ общее образованіе въ одной изъ московскихъ гимназій, а затѣмъ двадцати лѣтъ отъ ряду окончилъ петроградскій технологическій институтъ съ званіемъ инженера-технолога, но забросилъ свою спеціальность, отдавшись всецѣло любимому искусству и особенно музыкѣ, къ которой питалъ неопределимую страсть съ самыхъ малыхъ лѣтъ; по фортепіано онъ занимался у извѣстнаго Дюбука, профессора московской консерваторіи, а по гармоніи и композиціи у П. И. Чайковскаго. Особенно много работалъ онъ надъ своимъ музыкальнымъ развитіемъ въ продолженіе шести лѣтъ, проведенныхъ въ Римѣ, гдѣ изучалъ контрапунктъ у Стамбатти и вращался въ качествѣ ученика среди молодежи, группировавшейся около знаменитаго Франца Листа. Возвратившись въ 1876 году на родину, М. М. Ивановъ былъ приглашенъ въ «Новое Время», гдѣ и продолжаетъ работать до сихъ поръ. Какъ композиторъ, М. М. Ивановъ писалъ: оперы («Забава Путятишна», «Потемкинскій праздникъ», «Каширская Старина», «Горе отъ ума»), балетъ («Весталка»), симфоническую музыку («Восточная сюита», поэма «Кузнечикъ-музыкантъ», картина «Савонарола», поэма «Майская ночь», увертюра и музыка къ «Медѣ», картина «Полтава», кантата по случаю 200-лѣтія Петербурга, «1812 годъ» и другія). Попробовалъ онъ свои силы и на поприщѣ духовной музыки, написавъ «Реквиемъ» и первую русскую ораторію «Печальникъ земли русской» («Св. Сергій Радонежскій»). Но этимъ далеко еще не исчерпывается списокъ его композиторскихъ трудовъ: сюда еще надо прибавить: камерную музыку (струнный оркестръ, концертъ для скрипки съ оркестромъ, пьесы для віолончели, фортепіано и пр.), затѣмъ около 80 романсовъ. Изъ его литературныхъ трудовъ, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, назовемъ: «Исторію музыкальнаго развитія въ Россіи» въ двухъ томахъ, «Пушкинъ въ музыкѣ», «О прекрасномъ въ музыкѣ», переводъ книги Ганслика, «Историческое значеніе камерной музыки» (переводъ книги Ноля), «50-лѣтіе журнала «Нувелистъ», книга о современныхъ итальянскихъ писателяхъ и поэтахъ (д'Аннунціо и другихъ); кстати имъ же переведена «Джіоконда» д'Аннунціо. 40-лѣтіе дѣятельности М. М. Иванова было отмѣчено 30-го марта музыкально-художественнымъ обществомъ имени М. И. Глинки устройствомъ въ Калашниковскомъ залѣ симфоническаго концерта изъ произведеній М. М. Иванова. Тутъ были и оперные отрывки, и романсы, и инструменталь-

ныя пьесы, въ томъ числѣ оркестровыя. Вечеръ этотъ, собравшій многочисленную публику, прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Отъ отдѣла воздушнаго флота. Большое развитіе воздушной фотографіи заставляетъ озаботиться изготовленіемъ значительнаго количества фотографическихъ аппаратовъ, для которыхъ нужны объективы. Такъ какъ для воздушной фотографіи необходимы спеціальныя объективы, не изготовляющіеся въ Россіи и получить которые въ настоящее время изъ-за границы крайне затруднительно, то отдѣлъ воздушнаго флота обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ съ просьбой предоставить имѣющіеся въ ихъ распоряженіи фотографическіе объективы, удовлетворяющіе условіямъ, указаннымъ ниже въ примѣчаніи, на нужды нашей авіаціи. Отдѣлъ воздушнаго флота надѣется, что обращеніе его встрѣтитъ самое горячее сочувствіе среди всѣхъ русскихъ людей, жаждущихъ побѣды надъ нашимъ врагомъ, и поможетъ успѣшно справиться съ крайне нужнымъ и срѣднымъ изготовленіемъ аппаратовъ для цѣлей воздушной фотографіи. Списки учреждений и лицъ, пожертвовавшихъ объективы, будутъ съ благодарностью объявлены въ печати. Не могущимъ же предоставить ихъ безвозмездно отдѣлъ воздушнаго флота уплатитъ стоимость принятыхъ отъ нихъ объективовъ. (Примѣчаніе: Жертвуемые объективы отдѣльно или вдѣланные въ камеры просятъ направлять: въ отдѣлъ воздушнаго флота, Петроградъ, Офицерская ул., 35, и мѣстные комитеты по сбору пожертвованій на воздушный флотъ Высочайше учрежденнаго особаго комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія. Объективы должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣть фокусное разстояніе 18—40 сантим., 2) имѣть свѣтосилу 1:3,5—1:6,3; 3) быть слѣдующихъ типовъ и фирмъ: Бушь-Омнары, Герць: целлары, пантары и дагмары, Краусъ: тессары, Роденштокъ: эйринары, Россъ — гомоцентрики и телецентрики и икспрессы, Фохтлендеръ—геліары и коллинеары, Цейсъ—тессары и протары.

НЕКРОЛОГИ.

АРТЕМЬЕВЪ, П. А. Въ ночь на 17-е марта скончался генералъ -лейтенантъ по морскому вѣдомству Петръ Александровичъ Артемьевъ, бывший редакторъ «Новаго Края», знатокъ Китая, Кореи и Японіи. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ покойный плавалъ на различныхъ судахъ въ качествѣ строевого офицера. Затѣмъ окончилъ курсъ въ военно-юридической академіи. Служба его сосредоточилась по преимуществу на Дальнемъ Востока. Онъ находился въ составѣ штаба тихоокеанскаго флота, былъ флагманскимъ оберъ-аудиторомъ и около тридцати лѣтъ изучалъ жизнь Дальняго Востока и наши интересы у береговъ Тихаго океана. Съ присоединеніемъ Квантуна покойный явился самымъ подходящимъ лицомъ для учрежденія русской газеты. Едва русскіе устроились въ новой колоніи, какъ П. А. сталъ выпускать въ Портъ-Артурѣ при широкой правительственной поддержкѣ и редактировать «Новый Край». Въ эту газету онъ вложилъ свою рѣдкую и неутомимую предприимчивость, далъ газетѣ надлежащій тонъ, привлекъ умѣлыхъ сотрудниковъ. Въ числѣ его главныхъ помощниковъ находился тогда корреспондентъ «Новаго Времени» Д. Г. Янчевецкій. Во время войны съ Японіей покойный находился въ осажденномъ Портъ-Артурѣ, редактируя попрежнему газету. Сдача Портъ-Артура лишила покойнаго всего его богатства, накопленнаго годами, исчезли созданные имъ книжный магазинъ, типографія, переплетная. Въ послѣдніе годы П. А. жилъ во Владивостокѣ, будучи судьей, предсѣдательствующимъ въ военно-морскомъ судѣ владивостокскаго порта. Скончался онъ на 57-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14381).

† **Вильгельминъ, Г. М.** 15-го февраля скончался инженеръ-механикъ, директоръ технического училища имп. Александра II въ Вльцѣ, извѣстный дѣятель по техническому образованію Григорій Михайловичъ Вильгельминъ, Покойный предсѣдательствовалъ на съѣздахъ дѣятелей по техническому образованію и былъ директоромъ въ елецкомъ училищѣ 24 года. Г. М. оставилъ печатные труды по птицеводству. Былъ предсѣдателемъ елецкаго отдѣла русскаго общества спасанія на водахъ. Единственное техническое училище, гдѣ при ликвидации забастовокъ учащихся въ 1905 году не было пострадавшихъ,—елецкое, руководимое покойнымъ Г. М. Скончался онъ 56-ти лѣтъ.

† **Владимирскій-Будановъ, М. Ф.** 24-го марта, въ 11 часовъ вечера, въ Кіевѣ умеръ заслуженный профессоръ исторіи русскаго права въ кіевскомъ университетѣ Михаилъ Флегонтовичъ Владимирскій-Будановъ. Великороссъ по происхожденію, М. Ф. былъ сыномъ священника и родился въ 1838 г. въ селѣ Бороздинѣ Веневскаго уѣзда Тульской губерніи. По окончаніи тульской семинаріи онъ поступилъ въ кіевскую духовную академію и пробылъ въ ней три года, перейдя затѣмъ на историко-филологическій факультетъ кіевскаго университета, который и окончилъ въ 1864 году. Съ 1870 года читалъ въ ярославскомъ юридическомъ лицей курсъ исторіи русскаго права; въ 1875 году былъ назначенъ профессоромъ кіевскаго университета, по той же кафедрѣ. Изъ научныхъ трудовъ его извѣстны: «Обзоръ исторіи русскаго права», на ряду съ лекціями В. И. Сергѣевича лучшей университетскій курсъ по этому предмету, отличающийся сжатымъ изложеніемъ; «Хрестоматія по исторіи русскаго права» (3 вып.)—незамѣнимое пособие для ознакомленія съ главнѣйшими памятниками русскаго права, начиная съ «Русской Правды» до уложенія 1649 г.; тексты памятниковъ сопровождаются комментаріями. Кромѣ того, «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» (1868 г., магистерская диссертация, удостоенная Уваровской преміи), «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка» (1874 года, докторская диссертация), «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ» (1875 г.), «Уложеніе и литовскій статутъ», «Неизданные законы юго-западныхъ славянъ» (1881 г.), «Черты семейнаго права западной Россіи» (1890 г.), «Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI вѣкѣ» (1892 г.). Подъ редакціей покойнаго М. Ф. и П. Г. Виноградова было предпринято изданіе варварскихъ правдъ (вышло три выпуска). (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1916, № 86).

† **Ковалевскій, М. М.** 22-го марта въ Петроградѣ скончался членъ Государственнаго Совѣта академикъ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. Ушелъ въ могилу крупный государственный дѣятель, видный ученый, посвятившій свои знанія разработкѣ вопросовъ политической экономіи и социологіи, изслѣдователь развитія демократическихъ теорій, профессоръ, читавшій лекціи въ Стокгольмѣ, Оксфордѣ, Брюсселѣ, Парижѣ, Чикаго, Санъ-Франциско и въ послѣдніе годы въ нѣсколькихъ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, бывший издатель газеты «Страна», издатель послѣ М. М. Стасюлевича «Вѣстника Европы», гласный

петроградской городской думы. М. М. родился в 1851 году в богатой дворянской семье. Ученик Д. И. Каченовского по харьковскому университету, он по окончании курса в этом университете подготовлялся к занятию кафедры за границей и лично познакомился там со многими выдающимися представителями английской и германской науки. В 1877 году, по защите магистерской диссертации «История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I», покойный стал читать лекции в московском университете по общему государственному праву, истории политических учений, государственному праву европейских держав, сравнительной истории и т. д., видоизменяя и разнообразя их с каждым семестром. Ранее представления магистерской диссертации им издано несколько научных трудов: «Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV в. до смерти Людовика XIV», «Полиция рабочих в Англии в XIV в.», «Собрание актов и документов, служащих к характеристике английской полицейской администрации XII—XIV вв.», «Очерк истории распада общинного землевладения в кантон Ваадт». Последние три работы изданы в Лондоне в 1876—77 гг. Как представитель историко-сравнительного метода в юриспруденции и выводов новейшей этнологии и социологии, М. М. напечатал несколько работ в этой области: «Общинное землевладение», «Историко-сравнительный метод в юриспруденции», «Первобытное право» (два выпуска), «Современный обычай и древний закон», «Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». Последний труд был результатом пребывания покойного на Кавказе, где он занялся изучением родового строя и местных юридических обычаев кавказских инородцев. В начале восьмидесятых годов М. М. издавал вместе с профессором В. Θ. Миллером журнал «Критическое Обозрение». После удаления с кафедры в 1887 году он жил до 1914 года за границей. Из Москвы отправился в Стокгольм, где читал лекции в местном университете от так называемого лоренского фонда (первая попытка высшей школы общ. наук). В 1888 году был приглашен в Оксфорд, где прочел курс о современном обычае и древнем законе в России; курс напечатан в Лондоне. Затем состоял пять лет профессором в новом университете в Брюсселе, где читал историю экономического развития Европы и России. В Париже во время выставки заведывал русским отделом международной школы выставки. Продолжением этой школы была «высшая школа общественных наук в Париже», которая просуществовала пять лет, собирая до 500 человек слушателей. Одновременно покойный читал лекции в двух парижских школах: «коллегии общественных наук» и «высшей школе общественных наук» (читал об экономическом строе России, историю общественного развития Англии, о социологии Гербера Спенсера и отношении социологии к этнографии). Лекции появились затем в сборниках, напечатанных этими школами, и в отдельных сочинениях. К последним принадлежит «Общий очерк экономического положения России» и «История русских политических учреждений». В 1902 году М. М. был приглашен для прочтения курса по русскому гражданскому праву в университет, со-

зданный въ Чикаго, на средства извѣстнаго Рокфеллера. Читалъ затѣмъ также въ государственномъ университетѣ «Калифорнія» въ С.-Франциско. Въ 1895 г. онъ началъ издавать свой обширный трудъ «Происхожденіе современной демократіи (развитіе демократическихъ теорій въ связи съ общественнымъ и политическимъ строемъ Западной Европы со временъ французской революціи)». Трудъ этотъ составилъ четыре тома. Затѣмъ вышла его работа «Экономическій ростъ Европы» (три тома, переведены на нѣмецкій языкъ). Нѣкоторые изъ его курсовъ переведены затѣмъ на русскій языкъ. Такъ, напримѣръ, «Экономическій строй Россіи» переведенъ съ французскаго. Когда послѣ японской войны началось такъ называемое освободительное движеніе, М. М. пріѣхалъ въ Петроградъ и сдѣлался профессоромъ политехническаго института по кафедрѣ политической экономіи. Покойный принялъ живѣйшее участіе въ 1905 году въ выборной агитаціи при выборахъ въ первую Государственную Думу и сталъ лидеромъ имъ же образованной партіи демократическихъ реформъ. Для проведенія идей партіи покойный основалъ въ Петроградѣ политическую газету «Страна», которая, просуществовавъ годъ, была прекращена административнымъ порядкомъ. Въ 1906 году М. М. былъ избранъ депутатомъ въ Государственную Думу перваго созыва и явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Думы. Былъ избранъ въ депутацію, отправившуюся въ Лондонъ. По закрытіи Государственной Думы М. М. былъ избранъ отъ академіи наукъ и университетовъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ 1909 году вновь переизбранъ. Онъ примкнулъ къ академической группѣ, былъ членомъ постоянной коммисіи законодательныхъ предположеній и участвовалъ во многихъ коммисіяхъ временнаго характера: по земельной реформѣ, по разсмотрѣнію указа 9-го ноября, о воскресномъ отдыхѣ торгово-служащихъ, о страхованіи рабочихъ, по борьбѣ съ пьянствомъ и другихъ. Въ общихъ собраніяхъ М. М. выступалъ неоднократно съ рѣчами по поводу разныхъ вопросовъ законодательнаго характера. Одновременно онъ не прекращалъ своей профессорской дѣятельности, читалъ политическую экономію въ политехническомъ институтѣ, государственное право на высшихъ женскихъ курсахъ, исторію политическихъ учрежденій на высшихъ женскихъ курсахъ П. Ф. Лесгафта, въ психоневрологическомъ институтѣ. Состоялъ предсѣдателемъ юридическаго общества, петроградскаго отдѣла общества мира, общества имени Шевченка, общества по устройству музея имени Л. Н. Толстого, литературнаго кружка имени А. И. Герцена, петроградскаго общества народныхъ университетовъ. Онъ участвовалъ во многихъ другихъ общественныхъ организаціяхъ, вездѣ былъ желаннымъ и дѣятельнымъ. Членомъ петроградской думы состоялъ съ 1913 года, въ вольномъ экономическомъ обществѣ былъ до послѣдняго года президентомъ. Академія наукъ отмѣтила его выдающіяся ученые заслуги избраніемъ въ ординарные академики, международный институтъ социологіи въ Парижѣ потерялъ въ его лицѣ своего перваго предсѣдателя, academie de legislation въ Тулузѣ своего почетнаго члена. Война застала покойнаго за границей. Онъ оказался невольнымъ австрійскимъ плѣнникомъ. Долго хлопотали объ его освобожденіи, наконецъ удалось. М. М. вернулся въ Петроградъ уже съ подорваннымъ здоровьемъ, замѣтно похудѣлъ, какъ-то осу-

нулся. Незначительная простуда вызвала воспаление легких, сердце и нервы не выдержали. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14383).

† **Менчицъ, В. А.** Скончался въ глубокой старости нѣкогда извѣстный работникъ по народовѣдѣнію юга Россіи, Владимиръ Амвросіевичъ Менчицъ. вмѣстѣ съ В. Б. Антоновичемъ и Драгомановымъ покойный принималъ горячее и дѣятельное участіе въ работахъ по собиранію и записи памятниковъ народнаго творчества, и имя его занимало почетное мѣсто среди дѣятелей тогда еще молодой плеяды народолюбцевъ. Одно время В. А. занимался распространѣніемъ на югѣ Россіи печатныхъ произведеній, открывалъ бібліотеки, книжныя лавки и т. п. Но затѣмъ В. А. по болѣзни долженъ былъ оставить свою работу и жилъ въ полномъ уединеніи, какъ строгій аскетъ, придерживаясь принциповъ «опрошенія». Скончался В. А. на восьмидесятомъ году жизни въ Кіевѣ и погребенъ на Лукьяновскомъ кладбищѣ. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1916, № 80.)

† **Обнинскій, В. П. Въ Москвѣ** 21-го марта покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ браунинга извѣстный общественный дѣятель, переводумецъ Викторъ Петровичъ Обнинскій, сынъ извѣстнаго судебного дѣятеля эпохи великихъ реформъ, прокурора московскаго окружнаго суда П. Н. Обнинскаго. Получивъ военное образованіе, В. П. поступилъ на военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку и въ 1891—92 гг. всецѣло посвятилъ себя работѣ по оказанію помощи голодающимъ. Послѣ голоднаго года поступилъ въ статистическое отдѣленіе министерства путей сообщенія. Съ 1901 года состоялъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ въ костромскомъ земствѣ, былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ губернской земской управы, почетнымъ мировымъ судьей и т. д. В. П. принималъ дѣятельное участіе въ союзѣ освобожденія и въ земскихъ сѣздахъ. Избранный въ первую Государственную Думу, В. П. вошелъ въ составъ фракціи народной свободы. Въ Государственной Думѣ В. П. выступалъ преимущественно по аграрному вопросу, состоялъ предсѣдателемъ подкомиссіи по землеустроительнымъ учрежденіямъ и членомъ комиссіи аграрной и по запросамъ. Послѣ роспуска Государственной Думы В. П. былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими за подписание выборгскаго воззванія къ тюремному заключенію и отбылъ его въ «Крестахъ». Перу покойнаго, помимо многочисленныхъ публицистическихъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Рѣчи» и другихъ изданіяхъ, принадлежитъ рядъ трудовъ по исторіи, освободительнаго движенія: «Новый строй», «Лѣтопись», «Полгода революціи». Кромѣ того, покойнымъ написано нѣсколько беллетристическихъ произведеній—«Сказки стараго гнома» и другія. В. П. живо интересовался національными вопросами и состоялъ предсѣдателемъ совѣта общества «Единеніе народовъ Россіи», а также былъ редакторомъ издаваемаго этимъ обществомъ журнала «Народы и области Россіи». Онъ дѣятельно работалъ въ земскомъ союзѣ, завѣдуя созданнымъ по его инициативѣ отдѣломъ помощи русскимъ военнопленнымъ. Покойному было 49 лѣтъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 80).

† **Плющевскій-Плющикъ, Я. А.** 10-го апрѣля скончался членъ медицинскаго совѣта, юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ и членъ теат-

рального общества, тайный совѣтникъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ. Покойный, по окончаніи петроградскаго университета по юридическому факультету, началъ службу по судебному вѣдомству при петроградской судебной палатѣ, былъ одно время секретаремъ при прокурорѣ харьковской судебной палаты, секретаремъ петроградскаго окружнаго суда, товарищемъ прокурора того же суда и исполняющимъ должность прокурора. Въ 1881 году Я. А. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и черезъ пять лѣтъ началъ исполнять обязанности юрисконсульта министерства, а въ 1889 году былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта. Свободное отъ службы время покойный посвятилъ театральному вѣлу. Онъ печаталъ въ «Новомъ Времени» и въ «Новостяхъ» подъ псевдонимомъ «Сіис» театральныя рецензіи и статьи и состоялъ дѣятельнымъ членомъ литературно-художественнаго общества. Одно время покойный состоялъ товарищемъ предсѣдателя совѣта императорскаго русскаго театральнаго общества и много содѣйствовалъ разрѣшенію въ положительномъ смыслѣ вопроса о постановкѣ спектаклей въ Великомъ посту и по субботамъ. Я. А. перевелъ нѣсколько пьесъ французскихъ авторовъ и передѣлалъ для сцены по роману Ф. М. Достоевскаго: «Преступленіе и наказаніе». Скончался Я. А. на 71-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1916, № 2961).

† **Протопоповъ, В. В.** Въ Москвѣ проѣздомъ изъ Ялты скончался 6-го апрѣля писатель-драматургъ и журналистъ Викторъ Викторовичъ Протопоповъ, бывшій въ послѣдніе годы директоромъ Литературно-Художественнаго общества и членомъ совѣта императорскаго театральнаго общества. Покойный родился въ 1866 году, образованіе получилъ въ реальномъ училищѣ Я. Г. Гуревича. Вскорѣ по выходѣ изъ училища онъ занялся журнальнымъ трудомъ, печатая разнаго рода замѣтки въ «Новостяхъ» и «Петроградской Газетѣ». Съ тѣхъ поръ онъ непрестанно занимался журналистикой, сотрудничая въ послѣдніе годы въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и основавъ въ прошломъ году свою «Финансовую Газету». Карьеру драматурга В. В. началъ пьесой «Невольники рубля», поставленной впервые въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества. За этой пьесой послѣдовали «Рабыни веселья», «Позолоченные люди», «Падшіе», «Женская волюшка», «Обвиняемая», «Звѣзда нравственности», «Гетера Лаиса», «Любовь актрисы», «Внѣ жизни», «Черныя вороны», «Сердце мужчины» и другія. Нѣкоторыя его пьесы «Рабыни веселья» и «Черныя вороны» были подъ цензурнымъ запретомъ, но затѣмъ разрѣшены. Большинство комедій и сценъ прошли съ успѣхомъ. Досуги журнальной работы В. В. посвящаль особенно любовно коллекционированію всего того, что относится къ театру. Имъ собрано множество портретовъ артистовъ и артистокъ по преимуществу русскаго театра, статуэтокъ и разныхъ предметовъ обихода выдающихся артистовъ. Эти коллекціи вошли въ составъ его «театральнаго музея». Имъ собрана также театральная бібліотека до 5.000 томовъ большею частью рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ. Директоромъ Литературно-Художественнаго общества В. В. былъ съ 1903 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14398).

† **Радченко, З. В.** 5-го марта въ городѣ Гомелѣ скончалась на 77-мъ году

жизни извѣстная собирательница и составительница сборниковъ народныхъ пѣсенъ, Зинаида Θεодоровна Радченко. Императорское русское географическое общество еще въ 1887 году избрало ее своимъ дѣйствительнымъ членомъ и въ 1888 году издало ея сборникъ «Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)». Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ 676 пѣсенъ и 83 пословицы одной волости Гомельскаго уѣзда и даетъ полную этнографическую картинку уголка Западной Россіи. Взаимное вліяніе бѣлорусскаго, великорусскаго и малорусскаго языковъ рельефно сказывается въ пѣсенномъ творествѣ населенія этого уголка, находящагося между рѣками Днѣпромъ и Сожемъ, гдѣ нѣкогда жили радимичи. Вліяніе нарѣчій смежныхъ народностей представляетъ особый интересъ и заслуживаетъ вниманія этнографовъ и лицъ, изучающихъ фольклоръ. Кромѣ этого сборника, З. Θ. въ 1881 году Бесселемъ былъ изданъ первый ея сборникъ пѣсенъ въ напѣвами, а въ 1910 году второй сборникъ съ напѣвами 189 пѣсенъ. Сборники эти могутъ дать серьезный матеріалъ исполнителямъ народныхъ пѣсенъ и изучающимъ народное пѣснетворчество. Послѣ покойной осталось много пословицъ, поговорокъ и присказокъ, записанныхъ ею въ томъ же уголкѣ Бѣлоруссіи, которую она такъ любила. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1916, № 14384).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ «Святой человекъ» А. Н. Витмера встрѣтились слѣдующія опечатки, которыя исправляемъ по настойчивой просьбѣ автора. Напечатано (стр. 821, 6 стран. снизу) «Александръ Максимовичъ»; слѣдуетъ читать «Александръ Михайловичъ», стр. 821, 15 строка сверху напечатано: «Я не допускать не могу», слѣдуетъ читать «Я допустить не могу».

— О, я нисколько не боюсь ихъ!—воскликнула Хуанита, таинственно улыбаясь:—зато кузина Пелигросъ чуть жива отъ страха. Какъ она меня бранила за то, что я разговаривала съ ними съ террасы! Это разрушаетъ пьедесталь, на которомъ всегда должна стоять настоящая дама. А какъ ты думаешь, Марко, я стою на пьедесталѣ, или нѣтъ?

И она лукаво посмотрѣла на него сквозь складки своей мантильи. Она, очевидно, вызывала Марко на разговоръ, но онъ остался нѣмъ.

— Если они придутъ опять,—сказалъ онъ наконецъ усталымъ голосомъ:—то я хотѣлъ бы ихъ видѣть.

Но Хуанита уже успѣла переговорить на этотъ счетъ съ аптекаремъ, и было отдано строгое распоряженіе не допускать никого къ больному. Въ концѣ концовъ пришлось, однако, уступить Марко, который замѣтно поправлялся.

Первымъ былъ допущенъ въ комнату больного Короткій Ножъ. Это былъ простой человѣкъ, отъ котораго пахло овечьими шкурами, но который былъ одаренъ такимъ же тактомъ, какъ и сильные міра сего. Онъ нисколько не смутился, войдя въ комнату, и снялъ свой беретъ съ гладко остриженной головы лишь тогда, когда замѣтилъ Хуаниту. Кивнувъ Марко, онъ, нисколько не смущаясь, опять надѣлъ его на голову.

— Это вы изволили недавно пѣть баскскую пѣсню тамъ на горахъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Хуанитѣ:—вы говорите по-баскски?

— Я не могу говорить такъ хорошо, какъ Марко, но во всякомъ случаѣ понимаю этотъ языкъ.

— Ну, онъ нашъ,—промолвилъ баскъ, кивая головой въ сторону больного:—вы знаете пѣсни, которыя женщины долины поютъ своимъ дѣтямъ? Я не могу пропѣть ихъ вамъ, у меня нѣтъ голоса. Я могу пѣть только для горныхъ козловъ. А вы знаете, они очень любятъ музыку. Когда я пою, они становятся вокругъ меня и слушаютъ. Но если вы когда-нибудь будете въ горахъ, моя жена споетъ ихъ вамъ. У насъ, слава Богу, дѣтей довольно, и пѣсни помогаютъ укладывать ихъ спать.

Считая, что онъ уже достаточно побесѣдовалъ съ Хуанитой, Короткій Ножъ обратился къ Марко и заговорилъ съ нимъ по-баскски.

Хуанита вышла на балконъ и, опершись на желѣзную рѣшетку, стала смотрѣть внизъ, въ долину. Она ясно видѣла, что Марко употребляетъ всевозможныя уловки, чтобы удалить ее отъ себя, и старается найти для нея какое-нибудь занятіе въ другомъ мѣстѣ.

— Ты не долженъ оставаться безъ меня,—замѣтила она ему однажды:—я вовсе не имѣю желанія совершать прогулки съ Пелигросомъ. вѣстн.», май 1916 г., т. XLIV,

грось. Во время прогулки она только и думаетъ, что о своихъ башмакахъ и платьяхъ. Если ужъ я пойду гулять, то пойду съ Перро. Впрочемъ, я вообще не намѣрена отлучаться.

Тѣмъ не менѣе она иногда исчезала. Попытки Марко найти для нея какое-либо дѣло въ иномъ мѣстѣ какъ-то вдругъ прекратились. Хуанита обыкновенно сидѣла въ гостиной, подъ комнатою больного, и посвящала много времени музыкѣ.

Скоро она пристрастилась къ народнымъ пѣснямъ басковъ, которыя считались годными только для престопадаря. Голосъ у ней былъ не сильный, но очень пріятный, низкаго тембра, такъ что казалось, будто поетъ какая-то много жившая и страдавшая въ этомъ мѣстѣ женщина. Она очень скоро освоилась съ музыкальной манерой этихъ пѣсень—перескакивать речитативомъ отъ слова къ слову, манерой, оставшейся послѣ мавровъ.

— Когда ты поправишься,—сказала она какъ-то Марку:—ты, вѣроятно, опять начнешь ѣздить верхомъ въ долину и обратно?

— Да.

— А твои безконечныя наблюденія за карлистами?

— Они иногда приносятъ большую пользу, насколько я знаю.

И вотъ теперь, когда она стояла на балконѣ, эти разговоры припомнились ей съ особой ясностью.

До нея долетали отдѣльныя слова Марко. Онъ говорилъ о своихъ планахъ, о томъ, что онъ будетъ дѣлать, когда можно будетъ опять сѣсть въ сѣдло. И въ ея глазахъ отражалась какая-то мягкость и глубина, которую можно наблюдать у газели, когда она устремитъ на васъ свой серьезный и задумчивый взоръ.

Вдругъ внизу послышался стукъ копытъ. Отъ деревни ѣхалъ какой-то всадникъ. Ея глаза привыкли видѣть въ горахъ на огромное разстояніе. Она быстро повернулась и вошла въ комнату.

— Ёдетъ еще посѣтитель освѣдомиться о твоёмъ здоровьѣ. Синьоръ Монъ.

Отъ нея не укрылось, какъ вспыхнули черные глаза Марко.

Сарріона не было дома. Онъ рано утромъ уѣхалъ въ одну изъ окрестныхъ деревушекъ. Вѣсть объ этой поѣздкѣ, можетъ быть, уже дошла до ушей Эвазіо Мона. Сеньорина Пелигросъ предавалась отдохновенію, въ расчетѣ сохранить свои силы на вечеръ. Она принадлежала къ числу тѣхъ неудачливыхъ людей, которыхъ никогда не бываетъ налицо въ тотъ самый моментъ, когда они нужны.

— Онъ не долженъ входить въ эту комнату,—холодно сказала Хуанита:—я приму его внизу.

Эвазіо Монъ предсталъ съ самой привѣтливой улыбкой.

— Я такъ радъ,—началъ онъ:—что Марко поправляется. Я узналъ объ этомъ несчастіи въ Пампелунѣ. У меня выдался свободный денекъ, и я рѣшилъ сдѣлать визитъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но счелъ лишнимъ объяснить, относится ли этотъ визитъ къ ней, какъ къ новобрачной, или только къ больному Марко.

— Ради одной вѣжливости не стоило совершать такой длинный путь,—отвѣчала Хуанита, которой ничего не стоило въ случаѣ надобности изобразить на своемъ лицѣ такую же привѣтливую улыбку.

— Это не простая вѣжливость,—съ серьезнымъ видомъ продолжалъ Эвазіо Монъ:—я зналъ Марко съ дѣтства и постоянно слѣдилъ за его успѣхами на жизненномъ пути, не всегда, впрочемъ, съ легкимъ сердцемъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Но зачѣмъ же слѣдить за тѣмъ, что доставляетъ непріятность?

Монъ быстро разсмѣялся, желая показать, что онъ умѣетъ понимать шутку.

— Нельзя забывать своихъ друзей. Нельзя и не огорчаться, когда они погружаются...

— Во что?—спросила Хуанита, направляясь къ столу, гдѣ слуга уже поставилъ кофе.

— Въ политику.

— А развѣ заниматься политикой—преступленіе?

— Нѣтъ, но это занятіе ведетъ къ преступленіямъ. Впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ,—вдругъ перебилъ онъ самъ себя, дѣлая жестъ рукой, который показывалъ, что эта тема ему не особенно пріятна.—Вы, какъ видно, чувствуете себя счастливой,—продолжалъ онъ, оглядывая ее съ видомъ добродушія.

Эвазіо Монъ былъ человѣкъ быстрыхъ жестовъ, но медленной, обдуманной рѣчи. Онъ, повидимому, всегда хотѣлъ сказать больше того, что заключалось въ его словахъ.

Хуанита бросила на него быстрый взглядъ. Откуда онъ зналъ, что она счастлива, и какъ онъ дошелъ до этой мысли? Вѣдь Марко, дѣйствительно, весь предался политикѣ, о которой онъ, вѣроятно, говоритъ тамъ наверху и въ эту минуту. Намекъ Мона попалъ въ цѣль.

— Леонъ очень беспокоился о васъ,—продолжалъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ Эвазіо.

Это было, впрочемъ, совершенно не похоже на Леона, который не беспокоился ни о чемъ, кромѣ своей души. Но Хуанита не обратила на это вниманія.

— Почему же?

— Ему очень не нравится, что и вы вовлечены въ политику,—мягко отвѣчалъ Монъ.

— Я? Какимъ образомъ я могу быть вовлечена въ политику?

Монъ пожалъ плечами и опять сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая показать, что онъ противъ своего желанія поддерживаетъ этотъ разговоръ.

— Да,—промолвилъ онъ какъ бы про себя:—мы живемъ въ практическое время. Будемъ же практичны и мы. Онъ предпочиталъ бы, чтобы вы вышли замужъ по любви. Впрочемъ, перемѣнимъ этотъ разговоръ, дитя мое. Какъ поживаетъ Саррионъ? Надѣюсь, онъ въ добромъ здоровьѣ?

— Это очень любезно со стороны Леона, что онъ такъ заботится обо мнѣ,—твердо сказала Хуанита:—но я могу позаботиться о себѣ и сама.

— То же самое говорилъ ему и я,—мягко замѣтилъ Монъ:—я говорилъ ему—Хуанита уже не ребенокъ. Марко—честный человекъ и не станетъ ее обманывать. Онъ, вѣроятно, предупредилъ ее, что этотъ бракъ—дѣло политики, что тутъ и думать нечего о любви.

Монъ пристально посмотрѣлъ на свою собесѣдницу, и Хуанитѣ вдругъ пришло на память, что такъ именно и говорилъ ей Марко. Монъ угадалъ вѣрно.

— Съ такимъ состояніемъ, какъ у васъ,—продолжалъ онъ со смѣхомъ, —можно сдѣлать или уничтожить любое дѣло. Ваше состояніе, можетъ быть, и окажется причиной вашего несчастья, кто знаетъ?

Хуанита разсмѣялась, желая показать, что эти слова она считаетъ шуткой.

— Однако состояніе принадлежитъ мнѣ,—замѣтила она, сверкнувъ глазами:—и я предпочитаю, чтобы оно досталось Марко, а не церкви.

Эвазіо Монъ мягко улыбался.

— Конечно, конечно,—тихо сказалъ онъ:—вотъ это я и говорилъ Леону, и сестра Тереза согласна со мной. Но вѣдь могли быть и другія перспективы, и вашего состоянія не получилъ бы ни Марко, ни церковь, а оно осталось бы у васъ, какъ того и хотѣлъ вашъ отецъ, мой старинный другъ.

— Какимъ же образомъ оно могло бы остаться у меня?—спросила Хуанита, любопытство которой было уже возбуждено.

Монъ пожалъ плечами.

— Папа могъ бы уничтожить вашъ бракъ однимъ почеркомъ пера, если бы захотѣлъ.

Онъ замолчалъ и изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ пристально смотрѣлъ на нее.

— И насколько я знаю, онъ этого и желаетъ. А чего желаетъ папа, то нужно исполнять, если хочешь оставаться добрымъ католикомъ.

Хуанита улынулась. Она, видимо, не считала нужнымъ соплашаться съ папскою непогрѣшимостью въ дѣлахъ сердца, и Монъ понялъ, что онъ вступилъ на ложный путь.

— Я вдался въ сантиментальность,—заговорилъ онъ съ лег-

кимъ смѣхомъ:—мнѣ хотѣлось бы, чтобы каждая дѣвушка вступала въ бракъ по любви... Мнѣ хотѣлось бы, чтобы на любовь смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Но, видимо, я уже становлюсь старъ и отстаю отъ духа времени. Кажется, это Саррионъ?

Онъ всталъ и направился къ двери. Онъ былъ правъ. Саррионъ только что вернулся домой. Чувство гостеприимства завѣщено испанцамъ еще арабами. Монъ проѣхалъ не мало миль, и Саррионъ почти былъ радъ его видѣть.

XXIV.

Буревѣстникъ.

Покидая комнату, Хуанита слышала, какъ Саррионъ спросилъ своего гостя, завтракалъ ли онъ, а тотъ отвѣчалъ, что еще не имѣлъ для этого времени. Она пожала плечами. Она ненавидѣла его, и ей было пріятно думать, что онъ страдаетъ, хотя бы отъ голода. Что такое голодъ въ сравненіи съ разбитымъ сердцемъ?

Она была спокойна и сосредоточена. Несмотря на свою веселость и какъ бы легкомысліе, она, какъ это нерѣдко бываетъ, обладала рѣшительнымъ характеромъ. Она рѣшилась покинуть Торре-Гарду и Марко, который женился на ней только ради денегъ. Прямолинейность всегда является отличительной чертой людей рѣшительнаго характера. Они смотрятъ только впередъ и съ такимъ упорствомъ и вниманіемъ, что не видятъ никакого бокового пути, а только одну дорожку, которая должна привести ихъ къ намѣченной цѣли. Хуанита рѣшила вернуться къ сестрѣ Терезѣ, опять въ монастырскую школу въ улицѣ Dormitaleria. Ни карлисты, ни путешествіе по безпокойному краю ее не пугали.

Хуанита схватила свое пальто и собрала всѣ деньги, которыя могла найти. Она не отличалась особой аккуратностью, и деньги приходилось извлекать отовсюду: изъ футляровъ отъ драгоценныхъ вещей, изъ разныхъ кошельковъ.

Марко еще продолжалъ разговаривать о политикѣ съ своимъ горцемъ, когда она мелькнула мимо его окна. Саррионъ и Эвазіо Монъ перешли въ столовую, гдѣ къ нимъ присоединилась Пелигросъ. Она отнеслась къ Эвазіо Мону съ величайшимъ почтеніемъ, зная, что онъ на короткой ногѣ съ самыми вліятельными людьми.

Хуанита сообразила, что теперь самое удобное время для ухода: черезъ полчаса она можетъ быть уже на полдорогѣ къ Пампелунѣ.

Окна гостиной были открыты. Съ минуту она посидѣла на подоконникѣ, потомъ бросилась въ комнату и кое-какъ написала записку, которую адресовала на имя Марко. Положивъ ее на столъ и перекинувъ плащъ черезъ плечо, она пустилась внизъ къ деревнѣ, держась узкой дороги, вившейся зигзагами.

Не доходя до деревни, она нагнала какой-то извозчикій экипажъ, шажкомъ спускавшійся подъ гору.

Экипажъ былъ старомодный, на высокихъ узкихъ колесахъ.

— Куда ты ѣдешь?—спросила Хуанита извозчика, который снялъ свою шляпу и какъ будто поджидалъ ее.

— Я ѣду обратно въ Пампелуну, сеньорита. Я возилъ багажъ сеньора Мона. Самъ онъ ѣздитъ по горамъ пѣшкомъ. Разсчитываю кого-нибудь посадить до Пампелуны. Не задаромъ бы возвращался.

Такая удача была довольно странна. Положимъ, что Хуанитѣ всегда везло, и она была одной изъ тѣхъ, на долю которыхъ всегда выпадаютъ разныя маленькія удачи. Такой же удачей сочла она и встрѣчу съ извозчикомъ. Она не радовалась ей и не удивлялась.

Такія мысли приходили ей въ голову, когда она проѣзжала по маленькой горной деревушкѣ.

— Что такое? Какъ будто громъ или пушка?—спросилъ Эвазіо Монъ, сидѣвшій еще въ столовой за простымъ, но сытнымъ завтракомъ.

— Клерикальныя уши едва ли могутъ распознать пушки,—шутливо отвѣчалъ Сарріонъ:—это не пушки, это кто-то проѣхалъ по мосту въ деревнѣ.

Монъ кивнулъ головой и углубился въ свой завтракъ.

— Видь у Хуаниты счастливый и довольный,—замѣтилъ онъ, немного помолчавъ.

Сарріонъ промолчалъ. Эту манеру не отвѣчать онъ заимствовалъ у Марко, зная, что въ словесной войнѣ она иной разъ дѣйствительнѣе всякихъ словъ.

— А какъ по-вашему?

— Конечно, вы правы, Эвазіо.

Сарріонъ все старался разгадать, зачѣмъ этотъ буревѣстникъ клерикальной политики пожаловалъ въ Торре-Гарду. Его приходъ никогда не предвѣщалъ ничего добраго. Іезуитъ не любилъ рисковать, не любилъ театральныхъ эффектовъ, но неутомимо и, не покладая рукъ, работалъ въ пользу того дѣла, за которое взялся.

— Я не той стороны, которая выигрываетъ, но я увѣренъ, что я на правильномъ пути,—заявилъ онъ однажды публично. Эта фраза обошла въ свое время всю Испанію.

Покончивъ съ завтракомъ, Эвазіо сталъ говорить объ отъѣздѣ и спросилъ, можетъ ли онъ видѣть Марко, чтобы поздравить его съ избавленіемъ отъ опасности.

— Этотъ случай долженъ послужить ему урокомъ не ѣздить по ночамъ. Долго ли до бѣды въ этихъ горныхъ тѣснинахъ.

— Конечно,—медленно проговорилъ Сарріонъ.

— Я спрошу сидѣлку, можно ли войти къ нему?—сказалъ Эвазіо, вставая изъ-за стола.

— За нимъ ходитъ Хуанита. Я сейчасъ спрошу ее,—отвѣчала хозяйня, безъ перемони оглядывая всѣ столы какъ бы для того, чтобы убѣдиться, не осталось ли гдѣ-нибудь на нихъ письма или записки, которую Монъ могъ бы прочесть.

Войдя въ комнату Марко, онъ увидаль, что тотъ всталъ уже съ постели и одѣвался съ помощью слуги и горца. Быстрымъ жестомъ онъ указаль отцу на открытое окно, черезъ которое Эвазіо Монъ могъ слышать каждое восклицаніе.

— Хуанита уѣхала,—сказаль Марко отцу по-французски:— прочти эту записку. Это, конечно, его дѣло.

«Я знаю теперъ,—писала Хуанита:—почему ты боишься, чтобы я не выросла. Но я уже выросла и поняла, зачѣмъ ты женился на мнѣ».

— Я зналь, что это произойдетъ рано или поздно,—продолжалъ Марко, осторожно продѣвая въ рукавъ сломанную руку. Онъ былъ спокоенъ и сосредоточенъ, подобно человѣку, надъ которымъ давно висѣла страшная опасность. Наконецъ эта опасность разразилась и неволью принесла съ собой чувство облегченія.

Сарріонъ молчалъ. Быть можетъ, и онъ предвидѣль этотъ моментъ. Дѣвушка—это закрытая книга. Никто не зналь, что было написано внутри ея, въ самомъ сердцѣ Хуаниты.

— Она, очевидно, могла уѣхать только чрезъ долину,—продолжалъ онъ по-французски, который по матери былъ ему роднымъ языкомъ:—она, вѣроятно, уѣхала къ сестрѣ Терезѣ. Это онъ уговориль ее какъ-нибудь бѣжать. Направиль ее въ другое мѣсто онъ бы не рѣшился.

— Я слышалъ, какъ проѣхаль по мосту какой-то экипажъ,—сказаль Сарріонъ:—онъ тоже слышалъ и спросиль, что это такое. А черезъ минуту онъ заговориль о Хуанитѣ. Стукъ колесъ, повидимому, напомнилъ ему о ней.

— Это значить, что онъ и подослаль экипажъ. Онъ, должно быть, ждалъ ее въ деревнѣ. Все, что онъ предпринимаетъ, всегда бываетъ удивительно организовано. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты слышалъ этотъ стукъ?

— Около часа, а можетъ быть, и больше.

Марко взглянулъ на часы.

— Онъ, конечно, приняль всѣ мѣры, чтобы ее довели благополучно до Пампелуны.

— Въ такомъ случаѣ, куда же ты собираешься?—спросиль Сарріонъ, видя, что сынъ старается надѣть пальто, безъ котораго онъ никогда не ѣздиль въ горахъ.

— Ёду за нею.

— Ты хочешь привезти ее обратно?

— Нѣтъ.

Марко задумчиво посмотрѣлъ въ окно, откуда виднѣлись поросшія соснами вершины горъ.

— Нѣтъ,—повторилъ Марко:—нѣтъ, если только она сама этого не пожелаетъ. Уведи его, пожалуйста, изъ столовой въ библіотеку, пока я не пройду. Скажи, что на верандѣ слишкомъ жарко. Я поѣду за ней и, по крайней мѣрѣ, удостовѣрюсь, что она доѣхала до Пампелуны благополучно.

Саррионъ разсмѣялся.

— По крайней мѣрѣ, можно будетъ извлечь хоть какую-нибудь пользу изъ него. Вѣдь онъ увѣренъ, что ты лежишь въ постели, а на самомъ дѣлѣ ты будешь сидѣть въ сѣдлѣ.

— Онъ скоро догадается объ этомъ.

— Конечно, а въ это время...

— Да,—съ улыбкой сказалъ Марко:—въ это время...

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты. На порогѣ онъ остановился и черезъ плечо посмотрѣлъ назадъ. Въ его глазахъ блеснулъ гнѣвъ.

Саррионъ поспѣшилъ на веранду занимать своего неожиданнаго гостя.

— Кофе намъ подали въ библіотекѣ. Здѣсь на солнцѣ очень жарко, хотя теперь еще мартъ!

— А какова резолюція Хуаниты?—спросилъ Монъ, когда они усѣлись и закурили сигары.

— Резолюція не въ нашу пользу,—отвѣчалъ Саррионъ:—рѣшено ни въ какомъ случаѣ не допускать васъ къ Марко.

Монъ вытянулъ руки, словно готовясь принять то, что и самъ онъ считалъ неизбѣжнымъ. Онъ былъ философомъ.

— Ага!—засмѣялся онъ:—въ такого рода дѣлахъ дамы всегда имѣютъ рѣшающій голосъ. А Хуанита теперь стала настоящей дамой. Это видно: она начинаетъ уже подавать свой голосъ.

— Да,—отвѣчалъ Саррионъ, едва усмѣхнувшись:—она начинаетъ подавать свой голосъ.

Съ чисто испанской вѣжливостью Саррионъ предоставилъ въ распоряженіе Мона весь свой домъ на случай, если онъ захочетъ провести ночь въ Торре-Гардѣ. Но Монъ отклонилъ это предложеніе.

— Я—перелетная птица,—говорилъ онъ:—и къ вечеру мнѣ опять нужно быть въ Пампелунѣ. Благодаря вашему гостеприимству, я теперь хорошо подготовился къ обратному путешествію...

Вдругъ онъ замолчалъ и, прислушиваясь къ чему-то, вопросительно посмотрѣлъ на окно. Саррионъ тоже насторожился. До него доносился стукъ копытъ лошади: Марко былъ уже на мосту

— Никакъ опять пушки?—со смѣхомъ спросилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ я что-то слышалъ,—отвѣчалъ Монъ.

И, быстро поднявшись, онъ подошелъ къ окну. Саррионъ двинулся вслѣдъ за нимъ, и оба остановились другъ противъ друга у

окна. Въ этотъ моментъ черезъ горы до нихъ донесся какой-то слабый, но низкій звукъ.

— Я, кажется, былъ правъ,—сказалъ Монъ чуть не шепотомъ:— тамъ начали свое дѣло карлисты, и я, какъ человѣкъ мирный, долженъ спѣшить подѣ охрану городскихъ стѣнъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сидѣлъ въ сѣдлѣ и тихонько ѣхалъ по долинѣ Волка вслѣдъ за Хуанитой, не зная, что между нимъ и ею движется Марко Саррионъ.

XXV.

Военная тревога.

Экипажъ Хуаниты выѣхалъ изъ долины рѣки Волка на равнину, когда солнце стало уже садиться. Отъ нея не могло укрыться, что извозчикъ не обращаетъ никакого вниманія на своихъ лошадей. Въмѣсто того, чтобы смотрѣть на дорогу, онъ постоянно поворачивалъ голову вправо, рыская глазами по равнинѣ и голымъ коричневымъ холмамъ.

Наконецъ онъ остановилъ лошадей и, повернувшись на козлахъ, поднялъ вверхъ палецъ.

— Слышите, сеньорита?—спросилъ онъ, смотря на нее горящими отъ возбужденія глазами.

Хуанита поднялась и стала прислушиваться, обернувшись лицомъ, какъ и извозчикъ, къ западу. Звуки походили на громъ, только были короче и отрывистѣе.

— Что это такое?

— Проклятые карлисты!—со смѣхомъ отвѣчалъ извозчикъ, тыкая кнутомъ по направленію къ горамъ.—Видите вы темное пятно на дорогѣ?—продолжалъ онъ, натягивая опять вожжи.—Это войска изъ Пампелуны. Опять начинается.

У воротъ города стояла цѣлая толпа народа. Экипажъ долженъ былъ остановиться возлѣ деревьевъ у стѣны, чтобы пропустить войска и пушки, грохотавшія по склону. Люди смѣялись и перекликались другъ съ другомъ. Офицеры, бодро сидѣвшіе на своихъ коняхъ, повидимому, думали только о томъ, чтобы не повредить какъ-нибудь своихъ пушекъ.

Около кордегардіи за вторыми воротами пришлось опять дожидаться. Извозчикъ былъ изъ Пампелуны, и часовые его хорошо знали. Но они не знали его пассажирку и послали за офицеромъ.

— Сеньорита Хуанита де-Модженте,—пробормоталъ, увидѣвъ ее, офицеръ, сильный съ просѣдью человѣкъ, курившій папиросу.—Я помню васъ, когда вы были еще въ школѣ,—продолжалъ онъ, отвѣшивая ей поклонъ.—Извините, что васъ задержали. Пропустить сеньору де-Саррионъ!

Хуанита добралась наконецъ до маленькой скудно мебелированной приѣмной монастырской школы правовѣрныхъ сестеръ.

Въ этомъ сумрачномъ домѣ не было, повидимому, никакихъ перемѣнъ.

— Мать-настоятельница въ настоящее время на молитвѣ,— прошептала привратница.

Это была обычная формула: монахиня должна была всегда на ходиться на молитвѣ. Хуанита улыбнулась, услышавъ эти привычныя для нея слова.

— Въ такомъ случаѣ я подожду,—сказала она:—но не долго.

И она фамиллярно кивнула головой привратницѣ, какъ бы желая показать ей, что съ ней нѣтъ надобности прибѣгать къ профессиональнымъ хитростямъ.

Оставшись одна въ этой мрачной комнатѣ, Хуанита стала ждать и, незамѣтно для себя, погрузилась въ размышленія.

Здѣсь, въ стѣнахъ монастыря все было спокойно, все, казалось, носило отпечатокъ какой-то таинственности. При ближайшемъ знакомствѣ это чувство скоро уступало мѣсто другому—однообразной скукѣ. Эта монастырская таинственность можетъ интересовать только того, кто стоитъ снаружи.

Каждый камень этого безмолвнаго дома былъ извѣстенъ Хуанитѣ, и ей сталъ казаться тѣсенъ весь распорядокъ этого дома.

— Имъ нечего тамъ дѣлать,—сказала она какъ-то разъ Марко въ шутку.—Вотъ онѣ и поднимаются ни свѣтъ, ни заря.

Ей всегда казалось, что монастырь самое вѣрное и мирное убѣжище отъ житейской борьбы. Но теперь, когда она опять вернулась на прежнее пепелище, ей пришло въ голову, что лучше было бы остаться въ міру и даже принять участіе въ этой мірской борьбѣ, если ужъ это неизбежно. Но природа надѣлила ее гордымъ и крѣпкимъ сердцемъ. Нѣтъ, она предпочтетъ остаться здѣсь на вѣки, чѣмъ возвращаться къ Марко, который осмѣлился жениться на ней, не любя ея.

Дверь приѣмной открылась, и на порогѣ показалась сестра Тереза.

—Я приѣхала обратно,—сказала Хуанита:—я покинула Торре-Гарду и хочу принять монашество.

Она испытующе посмотрѣла на сестру Терезу, стоявшую неподвижно, какъ статуя.

— Такимъ образомъ, я опять къ вамъ,—продолжала Хуанита.—И опять въ монастырь.

— Нѣтъ,—твердо и спокойно промолвила сестра Тереза.

— Но я приѣхала именно для этого. Мать-настоятельница...

— Мать-настоятельница уѣхала въ Сарагоссу. Вмѣсто нея я.

Кровь Сарріоновъ заговорила въ сестрѣ Терезѣ: на ея блѣдныхъ щекахъ показался румянецъ, глаза вспыхнули и ярко го-

рѣли подѣ нависшимъ чепцомъ. Она приказываетъ, и требуетъ повиновенія—вотъ что сквозило изъ каждой черты ея лица, изъ каждой складки ея платья, вдоль котораго, казалось, безсильно повисли ея блѣдныя тонкія руки.

Хуанита молча смотрѣла на нее. Ея щеки горѣли, голова откинулась назадъ, руки сжимались въ кулаки.

— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь куда-нибудь въ другое мѣсто. Но я не понимаю васъ. Вы всегда хотѣли, чтобы я сдѣлалась монахиней...

Сестра Тереза подняла руку и прервала ея слова.

Привычка къ повиновенію такъ сильна, что люди готовы скорѣе идти на смерть, чѣмъ измѣнить ей. Этотъ жестъ Хуанита знала хорошо: его боялись въ школѣ.

— Думай хорошенько,—произнесла сестра Тереза.—Думай прежде, чѣмъ говорить подобныя вещи.

— Да, да,—настаивала на своемъ Хуанита.—Если вы и не уговаривали меня словами, зато вы употребляли все средства, чтобы склонить меня къ монашеству, хотѣли сдѣлать такъ, чтобы мнѣ не было другого выбора.

— Думай, что говоришь. Не впутывай меня въ такія дѣла.

Хуанита замолчала. И вдругъ съ фотографической точностью въ ея головѣ пронеслись воспоминанія о тысячахъ разныхъ случаевъ изъ ея школьной жизни.

— Хорошо,—заговорила она.—Въ такомъ случаѣ вы сдѣлали все возможное, чтобы я возненавидѣла это монашество.

— Вотъ какъ!—прошептала сестра Тереза съ улыбкой.

— Стало быть, вы не хотѣли, чтобы я стала монахиней,—продолжала Хуанита, подходя къ ней ближе и впиваясь глазами въ ея лицо.

Но это лицо было непроницаемо и твердо, какъ камень.

— Отвѣчайте же!—воскликнула Хуанита нетерпѣливо.

— Не все годятся для монашеской жизни,—обычнымъ поучительнымъ тономъ заговорила сестра Тереза.—Я знала многихъ, которые потомъ жестоко страдали только потому, что ложно поняли свой долгъ. Я слышала, что изъ-за этого иногда разбивалась цѣлая жизнь. Двухъ такихъ людей я знаю сама.

Хуанита, нетерпѣливо ходившая взадъ и впередъ, остановилась и посмотрѣла на сестру Терезу. Комната уже погрузилась въ вечерній сумракъ. Монастырская тишина дѣйствовала угнетающимъ образомъ.

— А вы сами годились для монастырской жизни?—неожиданно спросила Хуанита.

Отвѣта не послѣдовало.

Хуанита вдругъ опустилась на стулъ. Она явилась въ монастырь голодной и усталой, и ей стало дурно. Сѣрый сумракъ,

царившій въ этихъ стѣнахъ, казалось, намекалъ на жизнь, лишенную всякихъ надеждъ.

— Желала бы я знать, кто этотъ другой,—прошептала Хуанита про себя.

Вдругъ она вскочила съ мѣста и порывисто поцѣловала сестру Терезу.

— Я всегда боялась васъ,—заговорила она со смѣхомъ, который изумилъ ее самое.

Потомъ она опять опустилась на стулъ. Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно, и лишь окно бѣлѣло сѣрымъ четырехугольникомъ.

— Я такъ голодна и такъ устала,—промолвила Хуанита слабымъ голосомъ:—но я все-таки очень рада, что приѣхала сюда. Я не могла и часу оставаться въ Торре-Гардѣ. Марко женился на мнѣ изъ-за денегъ. Деньги нужны были для какихъ-то политическихъ цѣлей. Безъ меня ихъ нельзя было достать—вотъ меня и втянули.

Она тяжело облокотилась обѣими руками на столъ и взглянула на сестру Терезу, видимо, ожидая, что она издастъ восклицаніе удивленія и ужаса. Но та стояла неподвижно и безмолвно.

— Вы это знали?—спросила Хуанита измѣнившимся голосомъ. Вы, стало быть, тоже участвовали въ заговорѣ, какъ и дядя Рамонъ и Марко? Можетъ быть, вы и придумали все это, чтобы я вышла замужъ за Марко?

— Если ты спрашиваешь меня, то я отвѣчу тебѣ,—промолвила наконецъ сестра Тереза.—Я полагала, что ты будешь гораздо счастливѣе замужемъ за Марко, чѣмъ въ монастырѣ. Таково мое мнѣніе, таково же мнѣніе и другихъ. Есть немало дѣвушекъ, которыя...

— Вотъ какъ!—страстно воскликнула Хуанита.—Кто, напри- мѣръ?

— Я говорю вообще, дитя мое.

Хуанита взглянула на нее подозрительно.

— Я думала, что вы разумѣете Милагросъ. Онъ однажды сказалъ, что находить ее очень красивой и что ему нравятся ея волосы. Они совершенно красные, это всякій знаетъ. Кромѣ того, вѣдь мы уже обвиняны.

Она опустила голову на свои сложенные руки—школьная привычка, вернувшаяся къ ней подъ вліяніемъ знакомой обстановки.

— Мнѣ все равно, что со мной будетъ,—устало сказала она.— Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Какъ жаль, что папа умеръ, а Леонъ—такой глупецъ. Вы знаете, какой онъ.

Сестра Тереза попрежнему стояла безмолвно, выжидая рѣшенія Хуаниты.

— Я такъ устала и такъ голодна,—промолвила она.—Мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь съѣсть. Я заплачу.

— Хорошо. Тебѣ дадутъ кушать.

— Позвольте мнѣ также остаться здѣсь, хоть на сегодня.

— Нѣтъ, этого нельзя,—отвѣчала сестра Тереза.

Хуанита взглянула на нее съ изумленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, куда же мнѣ дѣваться?

— Поѣзжай обратно къ мужу,—раздался тотъ же спокойный, неумолимый голосъ.—Я могу отвезти тебя къ Марко. Отвезу сама.

Хуанита гнѣвно разсмѣялась и затрясла головой. Въ ней было немало энергіи, которая заставляла ее бороться до конца, преодолевая утомленіе и голодь.

— Вы, конечно, можете распорядиться здѣсь все́мъ, но я не думаю, чтобы вы могли выкинуть меня на улицу.

— Въ исключительномъ случаѣ я могу сдѣлать и это.

— Вотъ какъ!—пробормотала Хуанита, не вѣря своимъ ушамъ.

— Теперь такой случай и есть. А теперь прочти вотъ это.

И она положила передъ Хуанитой бумагу, которую въ темнотѣ нельзя было прочесть. Потомъ она подошла къ камину, гдѣ стояли два подсвѣчника и стала зажигать свѣчи.

Пока спички разгорались слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ, Хуанита равнодушно смотрѣла на бумагу, на которой было что-то напечатано.

— Это объявленіе о введеніи осаднаго положенія,—промолвила сестра Тереза, видя, что гостыя не изъявляетъ особаго желанія ознакомиться съ нимъ.—Оно подписано генераломъ Пачеко, который прибылъ сюда сегодня съ большими силами. Ожидаютъ, что завтра утромъ Пампелуна будетъ уже обложена. Обложение, конечно, будетъ затяжное, и легко можетъ возникнуть голодь. Каждый домохозяинъ долженъ составить списокъ все́мъ тѣмъ, кто находится подъ его крышей. Онъ не имѣетъ права впускать къ себѣ постороннихъ. Вотъ почему и я не могу принять тебя.

Сестра Тереза поставила свѣчи на столъ, и Хуанита могла теперь прочесть объявленіе сама. Это былъ краткій документъ чисто военнаго характера. Но Пампелуна не разъ уже видала подобныя вещи и прекрасно знала, что онѣ значатъ.

— Не забывай этого,—сказала сестра Тереза, складывая бумагу и пряча ее въ карманъ.—Я пришлю тебѣ сюда что-нибудь поѣсть.

Она вышла изъ комнаты, оставивъ Хуаниту раздумывать о томъ, что, какъ ни старайся иногда устраивать свою жизнь, исторія цѣлаго народа вдругъ врывается въ исторію отдѣльнаго лица и идетъ въ ней гигантскими шагами.

Какая-то монахиня принесла подносъ съ закусками и молча поставила его на столъ. Хуанита знала ее отлично, и она, конечно,

знала исторію Хуаниты, ибо на ея набожномъ лицѣ вдругъ сложились какія-то складки, свидѣтельствующія о глубокомъ разочарованіи.

Хуанита принялась съ большимъ аппетитомъ утолять голодь, не замѣчая, что ѣда была самая простая. Она покончила свой обѣдъ прежде, чѣмъ сестра Тереза успѣла вернуться и, сама того не замѣчая, оставила все обратно на подносъ, какъ это обычно дѣлалось въ столовой школы. Потомъ, отворивъ окно, Хуанита стала прислушиваться. Громъ войны отчетливо доносился до ея ушей. Отдаленный грохотъ пушекъ указывалъ на приближеніе карлистовъ. Вблизи слышны были рожки, сзывавшіе людей. По улицѣ Dormitaleria раздавался тяжелый топотъ людей, бѣжавшихъ въ разныя стороны.

— Ну,—заговорила сестра Тереза:—что же ты рѣшила дѣлать?

Хуанита, не оборачиваясь, продолжала прислушиваться къ звукамъ войны.

— Неужели это дѣйствительно карлисты?—спросила она.

— Конечно. Вѣдь они готовились цѣлую зиму.

— И Пампелуна будетъ обложена?

— Вѣроятно.

— А Торре-Гарда?

— Торре-Гарда,—отвѣчала монахиня,—вѣроятно, уже взята. Карлисты рѣшили овладѣть ею во что бы то ни стало. Вѣдь это ключъ къ долиноу, гдѣ происходитъ сраженіе.

— Въ такомъ случаѣ я возвращаюсь въ Торре-Гарду,—промолвила Хуанита.

XXVI.

У брода.

— Двухъ монахинь пропустятъ куда угодно,—говорила сестра Тереза, ведя Хуаниту въ свою келью, которая находилась въ верхнемъ коридорѣ. Она достала для Хуаниты монашеское одѣяніе, которое должно было служить имъ паспортомъ и давало возможность ходить по городу, перебраться черезъ границу и даже проникнуть на поле сраженія.

Сестра Тереза была права: у городскихъ воротъ, гдѣ стояли часовые, ихъ экипажъ пропустили совершенно свободно, кивнувъ головой кучеру.

Стояла темная, безлунная ночь. Довольно сильный вѣтеръ, дувшій съ Пиренеевъ на болѣе теплыя равнины Испаніи, срывалъ надувшіяся уже почки деревьевъ, которыми была обсажена дорога за городомъ.

— Я догадываюсь,—вдругъ сказала сестра Тереза:—что сегодня въ Торре-Гардѣ былъ Эвазіо Монъ.

— Да.

— И пока ты ѣхала сюда, онъ остался тамъ.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ мы встрѣтимся съ нимъ по дорогѣ,—сказала сестра Тереза.

Въ ея голосѣ послышалось безпокойство. Она встала въ экипажѣ и что-то тихо сказала кучеру въ самое ухо. То былъ здоровый, почтенный человѣкъ, услугами котораго пользовались главнымъ образомъ клерикальные круги благочестивой наваррской столицы. Съ нимъ можно было говорить по секрету.

Отдаленные выстрѣлы уже смолкли, и полная тишина царила надъ пустынной равниной. Здѣсь не было видно ни одного деревца, гдѣ могли бы спрятаться птицы и пощелестѣть вѣтеръ. Лошади бѣжали легкой рысцою. Хуанита, обыкновенно довольно разговорчивая, смолкла: казалось, ей нечего больше сказать сестрѣ Терезѣ. Кучеръ, вѣроятно, слышалъ ихъ разговоръ, вслѣдствіе чего, а, можетъ быть, и по другой причинѣ, сестра Тереза была молчалива.

Подѣхавъ къ холмамъ, онѣ очутились въ болѣе пересѣченной мѣстности и съ раздражающей правильностью то поднимались по дорогѣ, то начинали опять спускаться. Хуанита внимательно смотрѣла на верхушки горъ, поросшія соснами.

— Ты видишь что-нибудь?—спросила ее сестра Тереза.

— Нѣтъ. Отсюда ничего нельзя разглядѣть.

— Тамъ, на склонѣ горы, какъ будто виднѣется церковь.

— Это церковь Богородицы въ Тѣни,—коротко отвѣтила Хуанита и погрузилась въ молчаніе. Она вспомнила, какъ поразило ее это названіе, когда она впервые услышала его отъ молодого офицера.

Кучеръ повернулся на своемъ сидѣніи и какъ будто старался подслушать, о чемъ они говорятъ. Онъ, видимо, безпокоился и безпрестанно поворачивалъ голову въ разныя стороны. Наконецъ, когда лошади поднялись на вершину холма, онъ совсѣмъ обернулся къ нимъ.

— Вы не изволите ничего слышать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала сестра Тереза.—А почему ты спрашиваешь?

— Сзади насъ кто-то ѣдетъ верхомъ изъ Пампелуны,—отвѣчалъ онъ съ напускнымъ спокойствіемъ.—Онъ сдѣлалъ обходъ и теперь какъ разъ передъ нами. Я слышу, какъ онъ ѣдетъ.

И онъ слегка прикрикнулъ на лошадей, чтобы придать имъ ходу. Экипажъ подѣзжалъ къ долинѣ рѣки Волка, и въ темнотѣ слышно было, какъ ревѣли его бурныя воды. Дорога шла по самому краю его западнаго берега, на разстояніи десяти миль вполоть до того мѣста, гдѣ, не доходя Тоорре-Гарды, она переходитъ черезъ мостъ на солнечную сторону, на которой лѣпится де-

ревушка подъ развалинами стариннаго замка, давшаго ей свое названіе.

Лошади шли теперь шагомъ, и кучеръ, чтобы показать свою храбрость и беззаботность, тихонько напѣвалъ про себя какую-то пѣсенку. Вдругъ на вершинѣ одного изъ холмовъ вспыхнулъ огонь, и громкій ружейный залпъ почти оглушилъ и лошадей, и кучера. Хуанита въ эту минуту случайно смотрѣла на вершину холма, и ей видно было, какъ огонекъ сверкнулъ извилистой линіей, словно змѣя, шмыгнувшая въ траву. Въ одну минуту экипажъ повернулъ обратно, и лошади помчались опять внизъ съ холма. Кучеръ правилъ ими стоя. Покрикивая на лошадей, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ правилъ ими, ловко огибая повороты дороги. Въ то же время онъ громко выражалъ свои чувства, облекая ихъ въ такія выраженія, отъ которыхъ кузина Пелигросъ упала бы въ обморокъ.

Хуанита и сестра Тереза поднялись съ своихъ мѣстъ и смотрѣли назадъ. При свѣтѣ выстрѣловъ они замѣтили, что какой-то человекъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, карьеромъ мчится за ними, стараясь скорѣе миновать опасную полосу.

— Слышали, какъ засвистѣли пули?—въ волненіи спросила свою спутницу Хуанита.—Звукъ былъ такой, какъ будто вѣтеръ загудѣлъ въ телеграфной проволоцѣ. О, какъ бы я хотѣла быть мужчиной! Я была бы солдатомъ!

И она возбужденно засмѣялась.

Между тѣмъ кучеръ остановилъ лошадей. Онъ тоже громко разсмѣялся.

— Это войска,—сказалъ онъ.—Они вообразили, что мы—карлисты. Но кто это сзади насъ, сеньоры?

Онъ перегнулся назадъ и быстро повернулъ экипажный фонарь, такъ что свѣтъ отъ него упалъ какъ разъ на новаго спутника.

Всадникъ остановилъ лошадь и вошелъ въ область лучей. Фонарь свѣтилъ довольно ярко.

Вдругъ Хуанита испустила крикъ, который не забудетъ до конца жизни ни одинъ изъ тѣхъ, кто его слышалъ.

— Это Марко!—кричала она, прижимаясь къ сестрѣ Терезѣ.— И онъ проѣхалъ черезъ это, черезъ это!..

— Никто не раненъ?—произнесъ голосъ Марко.

— Никто, сеньоръ,—отвѣчалъ узнавшій его извозчикъ.

— А лошади?

— Цѣлы и лошади. Будь они прокляты, они чуть было не перестрѣляли насъ всѣхъ. Эти войска приняли насъ за карлистовъ.

— Нѣтъ, это не войска, а карлисты,—возразилъ Марко.—Войска отступили дальше въ долину, гдѣ и окопались. Послали въ Пампелуну за подкрѣпленіями. Карлисты засѣли здѣсь, чтобы устроить

ловушку этимъ подкрѣпленіямъ. Вашъ экипажъ они приняли за орудіе.

Извозчикъ почесалъ себѣ голову и ругнулъ хорошенько карлистовъ.

— Сегодня нельзя проѣхать въ долину,—объявилъ Марко.— Вамъ надо вернуться въ Пампелуну.

— А ты что будешь дѣлать?—твердо спросила Хуанита.

— Я пойду пѣшкомъ въ Торре-Гарду,—сказалъ Марко по-французски, чтобы извозчикъ не могъ его понять.—Здѣсь есть въ горахъ тропинка, которую знаютъ два-три человѣка.

— Дядя Рамонъ въ Торре-Гардѣ?—такъ же отрывисто спросила Хуанита.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я пойду съ тобой,—заявила она, уже открывая дверцу экипажа.

— Отсюда будетъ шестнадцать миль по крутымъ горамъ,—пояснилъ Марко.—Послѣдній переходъ можно сдѣлать только днемъ. Мнѣ придется блуждать въ горахъ цѣлую ночь.

Хуанита открыла дверцу и смотрѣла, какъ онъ садился на свою высокую черную лошадь.

— Если ты возьмешь меня съ собой, то я отъ тебя не отстану,—сказала она по-французски.

Сестра Тереза молчала. Съ тѣхъ поръ, какъ подѣхалъ Марко, она не проронила ни слова.

Едва оправившись отъ болѣзни, Марко не годился для такого путешествія. Онъ, очевидно, сильно усталъ. Хуанита догадалась, что Марко слѣдовалъ за ихъ экипажемъ отъ самой Пампелуны и, не найдя войскъ тамъ, гдѣ онъ предполагалъ ихъ найти, онъ помчался дальше, чтобы выяснитъ причину этого, и незамѣтно проскользнулъ сквозь линіи карлистовъ. Представлялось весьма сомнительнымъ, чтобы Хуанита могла совершить пѣшкомъ путь до Торре-Гарды. Въ окрестностяхъ было неспокойно. Вездѣ сильно таялъ снѣгъ. И со стороны раненаго и молодой дѣвушки было бы безуміемъ итти въ Торре-Гарду черезъ проходы, занятые непріателемъ.

Сестра Тереза молчала попрежнему. Марко неподвижно сидѣлъ на сѣдлѣ. Свѣтъ отъ фонаря не достигалъ его лица и освѣщала только Хуаниту, стоящую среди пыльной дороги въ одѣяніи монахини. Молчаніе Марко какъ бы указывало на его согласіе, и можно было подумать, что онъ только дожидался, когда Хуанита выйдетъ изъ экипажа.

Войдя въ полосу свѣта, Марко вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и сталъ ее развертывать. Хуанита узнала записку, которую она оставила въ гостиной Торре-Гарды. Расправивъ бумажку, онъ положилъ ее на запыленный кузовъ экипажа и написалъ на ней карандашомъ нѣсколько словъ.

— Поѣзжай обратно въ Пампелуну,—сказаль онъ извозчику тѣмъ повелительнымъ тономъ, который сохранился лишь кое-гдѣ въ Европѣ отъ феодальныхъ временъ.—Во что бы то ни стало. Понимаешь? Если по дорогѣ встрѣтятся подкрѣпленія, передай эту записку командиру. Непремѣнно передай и притомъ въ собственныя руки. Если не встрѣтишь войскъ, отправляйся немедленно въ домъ коменданта Пампелуны и передай эту записку ему. Наблюдайте за тѣмъ, чтобы онъ исполнилъ это,—добавиль онъ тихо, обращаясь къ сестрѣ Терезѣ.

Извозчикъ сталъ увѣрять, что только одна смерть можетъ помѣшать ему исполнить порученіе.

Марко раздумываль. Нужно было сообразить и рѣшить сейчасъ же тысячу вещей. Ему вѣдь предстояло вернуться въ долину рѣки Волка, которая была отрѣзана отъ всего міра двумя арміями, смертельно ненавидѣвшими другъ друга.

Это молчаніе было прервано спокойнымъ и тихимъ голосомъ сестры Терезы:

— Гдѣ Эвазіо Монъ?—спросила она.

Марко отвѣтилъ веселымъ смѣхомъ.

— Онъ попался теперь въ долину,—произнесъ онъ по-французски.—По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Стрѣльба прекратилась такъ же внезапно, какъ и началась. Въ долину воцарилась глубокая тишина, прерываемая только шумомъ рѣки.

— Ты готовъ?—спросила сестра Тереза извозчика.

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, трогай.

Она, по всей вѣроятности, кивнула головой Марко и Хуанитѣ, но тѣ въ темнотѣ не могли этого видѣть. Словами она съ ними не прощалась. Экипажъ тронулся, и Марко и Хуанита остались одни.

— Нѣкоторое время мы можемъ ѣхать верхомъ и переѣдемъ черезъ рѣку нѣсколько выше,—сказаль Марко.

Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что слѣдовало бы прежде всего объясниться. Хуаниту охватило самое могучее возбужденіе—возбужденіе битвы.

— Мы поѣдемъ поближе къ карлистамъ?—поспѣшно сказала она.

Кровь загорѣлась въ ея жилахъ, и по ея голосу ясно было слышно, что она охвачена нетерпѣніемъ.

— Придется,—отвѣчалъ Марко.—Придется переѣзжать рѣку какъ разъ подъ ними. Надо подвигаться безшумно. Нельзя разговаривать даже шопотомъ.

И съ этими словами онъ подвелъ свою лошадь къ одному изъ большихъ камней, которые лежали на краю дороги, чтобы было видно, гдѣ начинается обрывъ.

— Я могу подать тебѣ только одну руку,—сказалъ онъ.— Можешь ли ты сѣсть на лошадь съ этого камня?

— Сзади тебя? Какъ мы дѣлали, когда я была еще маленькой?

Какъ большинство испанцевъ, Марко выросъ въ сѣдлѣ, Хуанита тоже не боялась лошадей: она вскарабкалась на широкій крупъ лошади и, охвативъ Марко обѣими руками, усѣлась, какъ на дамскомъ сѣдлѣ.

— Если мы побѣдемъ рысью, я упаду,—со смѣхомъ шепнула она..

Они скоро съѣхали съ дороги и стали спускаться къ рѣкѣ по крутой, узкой тропинкѣ, которую можно было различить только потому, что на ней не было въ изобиліи росшихъ кругомъ кустовъ. Черезъ бродъ тропинка вела къ хижинѣ, которую изъ вѣжливости называли фермой: земли при ней едва ли можно было насчитать и акръ.

Почва была мягкая, мшистая и, благодаря шуму рѣки, не слышно было, какъ лошадь осторожно спускалась внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ они достигли воды, и лошадь храбро пошла въ бродъ. На другомъ берегу Марко шепнулъ Хуанитѣ, чтобы она слѣзла съ лошади.

— Вотъ ферма. Лошадь я оставлю здѣсь въ сараѣ.

Онъ также слѣзъ съ сѣдла.

— Подождемъ здѣсь нѣсколько минутъ. Поднимается луна. Можетъ быть, карлисты побывали и здѣсь.

Небо стало свѣтлѣть. Черезъ минуту-другую мѣсяцъ на ущербѣ выглянулъ изъ-за рѣзко очерченныхъ вершинъ холмовъ и залилъ долину красноватымъ свѣтомъ.

— Нѣтъ, все идетъ хорошо. Въ хижинѣ всѣ спятъ. Изъ-за шума рѣки они, должно быть, не слышали стрѣльбы. Тутъ мои друзья. Они насъ накормятъ и дадутъ тебѣ другую одежду. Въ этой нельзя идти.

— О,—со смѣхомъ замѣтила Хуанита:—я теперь надѣла мо нашенское платье, а его снимать ужъ нельзя.

И она протянула руки къ своему развѣвающимся капору, какъ бы желая защитить его отъ нападенія.

Вдругъ Марко обернулся, обхватилъ ее больной рукой, а здоровой зажалъ обѣ ея руки. Потомъ онъ быстро сорвалъ съ ея головы капоръ и бросилъ его въ рѣку. Накрахмаленный полотняный уборъ быстро закружился въ ея волнахъ.

Хуанита продолжала смѣяться, но Марко не отвѣчалъ на ея веселость. Она вспомнила, что однажды она уже угрожала Марко надѣть монашеское платье, вспомнила и совѣтъ Сарріона не дѣлать этого, такъ какъ это можетъ встревожить его.

Оба молчали довольно долго.

— У тебя только одна рука, но зато какая сильная,—сказала наконецъ Хуанита съ напускной веселостью.

И она украдкой посмотрѣла на него изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ.

XXVII.

Въ облакахъ.

Марко привязалъ свою лошадь къ дереву и направился къ хижинѣ. Въ ней, казалось, не было ни запора, ни рѣшетокъ. Существованіе этого брода знали немногіе, да и рѣка Волкъ пользовалась дурною славой, и это спасало хижину. Дверь растворилась настежь при первомъ же усилии, и Марко вошелъ внутрь. На очагѣ глѣбли еще дрова, и въ закопченной отъ дыма хижинѣ стоялъ какой-то кислый запахъ.

Марко окрикнулъ хозяина по имени. Въ сосѣдней комнатѣ кто-то завозился. Слышно было, какъ чиркнули спичкой. Черезъ минуту дверь открылась, и въ ней показалась старуха, державшая надъ головой лампу.

— Ахъ, это вы,—сказала она.—И ваша жена здѣсь! Что вы дѣлаете здѣсь въ такой часъ?.. Карлисты?

— Да, карлисты,—отрывочно отвѣчалъ Марко.—По дорогѣ намъ нельзя проѣхать. Мы отослали экипажъ назадъ и пойдемъ пѣшкомъ черезъ горы.

Старуха подняла руки и затрясла ими въ знакъ своего ужаса.

— О,—вскричала она:—возврата для васъ нѣтъ. Но я знаю васъ. Если вы захотите, то пройдете, хотя бы на васъ падалъ дождь скаль. Но ваша жена! Вы и не знаете, какой это ребенокъ съ блестящими глазами. Садитесь, дитя мое. Я сейчасъ дамъ вамъ все, что могу. Я одна въ этомъ домѣ. Всѣ мужчины ушли въ долину рубить дрова, да кстатѣ взглянуть, что стало теперь съ нашими хижинами тамъ на горахъ.

Марко поблагодарилъ ее и объяснилъ, что имъ нужно только поставить куда-нибудь лошадь.

— Мы идемъ въ долину сегодня же ночью,—сказалъ онъ:—и тамъ, очевидно, встрѣтимся въ вашимъ мужемъ и сыновьями! А на разсвѣтѣ поспѣшимъ въ Торре-Гарду. Но намъ нужно платье и платокъ которой-нибудь изъ вашихъ дочерей. Сеньора не можетъ идти въ этомъ платьѣ, оно слишкомъ тонко и длинно.

— Мои дочери...—начала было старуха, умоляюще складывая руки.

— Славныя дѣвицы,—со смѣхомъ перебилъ ее Марко.—Онѣ извѣстны всей долинѣ.

— Онѣ не дурны,—согласилась и мать:—но все же это капуста въ сравненіи съ цвѣткомъ. И, однако, мы можемъ укрыть цвѣтокъ въ капустныхъ листьяхъ.

И она громко разсмѣялась своей собственной шуткѣ.

— Займитесь же этимъ, пока я буду привязывать лошадь,—сказалъ Марко.

Онъ вышелъ изъ комнаты. До слуха его донеслись слова старухи, что Хуанита потеряла свою мантилью, пока они пробирались въ темнотѣ сквозь деревья.

Пока онъ привязывалъ лошадь, Хуанита переодѣвалась, и изъ хижины неслись веселые крики и смѣхъ. Хуанита выросла среди этого народа и умѣла ладить съ нимъ не хуже, чѣмъ онъ самъ.

Вернувшись въ хижину, Марко нашелъ свою жену готовою къ дальнѣйшему пути.

— Я говорила сеньорѣ,—объясняла старуха:—чтобы она не особенно разматривала нашу хижину. Я не была въ ней ужъ мѣсяцевъ шесть, а мужчины, вы знаете, что это такое. Они не лучше собакъ, право. Въ сараѣ у насъ найдется довольно сѣна и сухихъ вѣтокъ терновника, и вы можете устроить себѣ мягкую, хорошую постель и соснете часика два-три. А я дамъ сейчасъ вашей супругѣ чистое одѣяло. Смотрите, оно совсѣмъ чистое. Никто изъ насъ имъ и не накрывался,—простодушно добавила она.

Марко взялъ одѣяло, а Хуанита поспѣшила утѣшить хозяйку, говоря, что она всегда спитъ отлично и прекрасно вздремнетъ и теперь на сѣнѣ. Старуха заставила ихъ выпить кофе и подала свѣже-испеченный хлѣбъ.

→ Онъ можетъ приготовить для васъ отличный завтракъ,—прошептала она, указывая Хуанитѣ на ея мужа.—Онъ такой же, какъ и мы сами. Это всякій скажетъ вамъ въ долину. Большой баринъ долженъ умѣть и приготовить себѣ завтракъ.

Хуанита и Марко двинулись въ путь. Мѣстность была освѣщена какимъ-то желтоватымъ свѣтомъ убывающей луны. Марко шелъ впередъ, показывая дорогу по тропинкѣ, которую едва можно различить среди скалъ и обрывовъ. Раза два онъ останавливался и молча помогалъ Хуанитѣ переходить черезъ опасныя мѣста. Разговаривать было нельзя.

Часа два медленно поднимались они въ гору. Вдругъ невдалекѣ раздался лай собаки. Марко понялъ, что они уже недалеко отъ хижины.

— Кто здѣсь?—спросилъ чей-то голосъ.

— Марко де-Саррионъ,—отвѣчалъ Марко.—Не надо зажигать огня.

— Да и свѣчей у насъ здѣсь нѣтъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ голосъ.

Разговоръ велся по-баскски.

Хуанита сильно устала и присѣла на камень. Появились три человѣка: отецъ и два сына, всѣ низенькіе, коренастые, молчаливые. Они стали передъ Марко и стали разговаривать съ нимъ односложными словами, какъ это бываетъ между друзьями. Потомъ они принесли сѣна и сухихъ вѣтокъ терновника. Въ сараѣ, устроенномъ изъ четырехъ бревенъ и сверху крыши они устроили постель для

Хуаниты и натыкали кругомъ нея свѣжихъ вѣтокъ, чтобы защитить ее отъ вѣтра.

— Звѣзды вамъ будутъ видны,—сказалъ старикъ, стряхивая одѣяло, которое Марко принесъ съ собой изъ хижины.—Хорошо смотрѣть на звѣзды, когда засыпаешь. Словно святые сторожатъ вокругъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Хуанита, свернувшись подъ одѣяломъ, уже спала, словно усталый ребенокъ. Сквозь сонъ ей слышались голоса Марко и крестьянъ, бесѣдовавшихъ въ полуразрушенной хижинѣ.

Заря едва занималась, когда Марко разбудилъ Хуаниту.

— Я едва успѣла соснуть минутъ десять,—жалобно сказала она.

— Ты спала три часа,—возразилъ Марко тихимъ голосомъ, какимъ, казалось, только и можно было говорить при наступленіи зари.—Я приготовилъ кофе. Иди, выпей.

Хуанита нашла около себя ведро съ водой и сохранившійся отъ прошлаго года кусочекъ желтаго мыла, тщательно очищенный со всѣхъ сторонъ ножомъ. Нашлось и чистое полотенце.

— Я теперь понимаю, что дѣлаетъ мужчинъ цыганами,—сказала она, присоединяясь къ Марко, который хлопоталъ около костра, разложеннаго у самой двери хижины.—Теперь я всегда буду относиться къ нимъ дружелюбно. Они иной разъ спускаются прямо съ неба къ людямъ, которые снятъ въ душныхъ домахъ и умываются теплой водой.

При воспоминаніи о томъ, какъ она умывалась, ее слегка бросило въ дрожь, и она залилась веселымъ смѣхомъ.

— Гдѣ же наши хозяйева?—спросила она.

— Одинъ отправился къ Пампелуну, одинъ понесъ записку офицеру, который командуетъ подкрѣпленіями, высланными Зеленой. Третій пошелъ внизъ за матерью, которая должна печь здѣсь цѣлый день хлѣбъ. Къ вечеру здѣсь будетъ уже цѣлая армія.

Хуанита молча смотрѣла, какъ Марко старался раздуть огонь съ помощью испорченныхъ мѣховъ.

— Я полагаю, что ты объ этомъ и думалъ все время, пока мы поднимались сюда сегодня ночью,—сказала она.

— Ты угадала.

Хуанита слегка нахмурилась: ей какъ будто не хотѣлось вѣрить этому.

Совсѣмъ разсвѣло. Верхушки холмовъ окрасились розовымъ цвѣтомъ. По долинѣ стала разливаться слабая теплота, ночной холодный воздухъ падалъ внизъ въ видѣ тумана.

— О чемъ ты думаешь?—вдругъ спросилъ Марко свою жену, которая неподвижно слѣдила за его дѣйствіями.

— Я думаю о томъ, какъ хорошо, что ты привыкъ жить внѣ дома,—отвѣчала она съ беззаботнымъ смѣхомъ.

Крестьяне уже пригнали на горныя пастбища своихъ коровъ, и въ хижинѣ молока было сколько угодно. Марко приготовилъ завтракъ.

— Педро въ особенности наказывалъ мнѣ дать тебѣ чашку съ ручкой,—говорилъ онъ, наливая кофе изъ стараго, помятаго кофейника.

За завтракомъ, скуднымъ и однообразнымъ, они не разговаривали. Хуанита рѣшила, что пришелъ наконецъ моментъ, когда необходимо объясниться, хотя Марко этого объясненія и не требовалъ. Они теперь были одни, одни въ цѣломъ мѣрѣ, потому что даже коровы отошли отъ нихъ прочь. Собаки также ушли въ долину за своими хозяевами. Она знала каждую мысль Марко и никогда не чувствовала къ нему страха. Чего же ей бояться теперь?

— Марко,—заговорила она:—отдай мнѣ письмо, которое я написала тебѣ въ Торре-Гардѣ.

Онъ порылся въ карманѣ и, не глядя, отдалъ ей первый попавшійся ему подъ руку кусокъ бумаги. Хуанита развернула его. Это была записка, которую она когда-то просунула ему черезъ стѣну монастырской школы въ Сарагоссѣ. Она и забыла о ней, а Марко все время хранилъ ее про себя.

— Это не то,—серьезно сказала она и отдала записку обратно.

Марко потряхнулъ головой, какъ бы досадуя на свою оплошность. Онъ обыкновенно былъ очень аккуратенъ въ дѣлахъ. Порывшись, онъ протянулъ ей половинку ея письма, которое оказалось разорваннымъ на двое. Другая половинка съ донесеніемъ попала, очевидно, въ Мадридъ въ военное министерство. Хуанита уже готовилась въ умѣ къ объясненію. Въ этотъ моментъ она чувствовала себя госпожой положенія.

Она медленно разорвала письмо на мелкіе кусочки и бросила ихъ въ огонь.

— Ты знаешь, почему я вернулась назадъ?—спросила она, не замѣчая того, что этотъ вопросъ вовсе не входилъ въ планъ атаки

— Нѣтъ.

— Потому, что ты никогда не дѣлалъ вида, будто бы ты ухаживаешь за мной. Если бъ ты это сдѣлалъ, я никогда не простила бы этого тебѣ.

Марко не отвѣчалъ. Онъ медленно поднималъ глаза, думая, что она, вѣроятно, глядитъ куда-нибудь въ сторону. Но ея глаза какъ разъ встрѣтились съ его, она вздрогнула и сдѣлала невольное движеніе, какъ будто желая отодвинуться отъ него. Его лицо вспыхнуло румянцемъ, быстро, впрочемъ, потухшимъ. Черезъ минуту она неподвижно сидѣла около костра и глядѣла на огонь.

Вдругъ она встала, быстро подошла къ краю плато, на которомъ стояла избушка, и остановилась здѣсь, вперивъ глаза вдаль, за горы.

Тѣмъ временемъ Марко занялся приведениемъ въ порядокъ вещей хозяина избушки, ставя ихъ на то самое мѣсто, откуда онъ ихъ взялъ. Потомъ онъ принялся мѣшать огонь и выбрасывать изъ костра тлѣвшія головешки.

Хуанита черезъ плечо наблюдала за нимъ съ какимъ-то загадочнымъ упорствомъ. Подъ ея длинными рѣсницами блестѣла улыбка—улыбка торжества и нѣжности.

XXVIII.

Бархатныя перчатки.

Дальнѣйшій путь они совершили безъ всякихъ приключеній. Пренная жажда приключеній, приводившая ихъ въ эти горы, когда они были еще дѣтьми, казалось, появилась, опять, и они чувствовали себя товарищами. Хуанита была разсѣяна и карабкалась по горамъ безъ обычной своей ловкости. Въ одномъ мѣстѣ она сдѣлала неправильное движеніе, отчего сорвался и полетѣлъ внизъ по склону огромный камень.

— Будь осторожнѣй,—почти рѣзко сказала Марко.—Ты не думаешь совсѣмъ о томъ, что дѣлаешь.

Хуанита выслушала замѣчаніе съ необычной для нея кротостью и стала осторожнѣе при подъемѣ на кругую гору, гдѣ снѣгъ уже подтаялъ отъ утренняго солнца. Мало-по-малу они добрались до высшей точки долины—овальной груди камней и снѣга, изъ котораго, казалось, не было никакого выхода. Въ самомъ низу, у подножія склона, пройти который, казалось, было вовсе нетрудно, лежалъ, растянувшись, трупъ какого-то человѣка.

— Это какой-то карлистъ,—объяснилъ Марко.—Нѣсколько дней тому назадъ мы слышали, что они хотѣли отыскать себѣ другую дорогу въ Торре-Гарду. Эта долина—настоящая ловушка. Дорога въ Торре-Гарду вовсе не здѣсь, а весь этотъ склонъ покрытъ льдомъ. Смотри, около него лежитъ ножъ. Это онъ хотѣлъ высѣчь во льду ступени. Намъ надо итти въ эту сторону.

И онъ поскорѣе повелъ Хуаниту прочь.

Въ девять часовъ они прошли послѣдній откосъ и остановились какъ разъ надъ Торре-Гардой. Передъ ними лежала долина рѣки Волка, вся залитая солнцемъ. Дорога лежала въ долинѣ, словно желтая лента на широкой груди матери-природы.

Черезъ полчаса они достигли сосновой рощицы, откуда уже было слышно, какъ на террасѣ лаялъ Перро. Скоро собака бросилась имъ навстрѣчу, а за нею показался и Саррионъ, который, повидимому, нисколько не удивился, возвращенію Хуаниты.

— Тебѣ безопаснѣе было бы остаться въ Пампелунѣ,—сказалъ онъ, бросивъ на нее острый взглядъ.

— Я и здѣсь въ полной безопасности,—отвѣчала Хуанита, въ свою очередь взглядывая на него.

Саррионъ сталъ спрашивать сына, какъ его плечо и не слишкомъ ли онъ усталъ. вмѣсто Марко отвѣчала Хуанита, давая гораздо болѣе обстоятельные отвѣты.

— Вотъ что значить хорошій уходъ,—промолвилъ Саррионъ, беря Хуаниту подъ руку.

— Тутъ дѣло не въ уходѣ, а въ его крѣпкомъ здоровьѣ,—отвѣчала она, бросая пристальный взглядъ на Марко.

Тотъ, впрочемъ, этого не замѣтилъ и попрежнему продолжалъ смотрѣть впередъ.

— Дядя Рамонъ,—обратилась Хуанита къ Сарриону, когда часъ спустя они сидѣли вдвоемъ на террасѣ:—дядя Рамонъ, приходилось вамъ когда-нибудь играть въ пелоту?

— Каждый баскъ долженъ умѣть играть въ пелоту.

Хуанита кивнула головой и погрузилась въ задумчивое молчаніе: казалось, она что-то обдумывала про себя. По временамъ относительно Сарриона и самого Марка она принимала какой-то покровительственный тонъ, какъ будто бы ей было извѣстно многое такое, что было скрыто отъ нихъ, и для нея открывался доступъ въ такія сферы жизни, которыя были закрыты для нихъ.

— Вообразите себѣ,—заговорила она наконецъ:—относительно этой игры слѣдующее: что въ этой игрѣ вмѣсто мяча приходится перебрасывать женщину. Развѣ для нея не естественно полюбопытствовать, что изъ этого выйдетъ дальше? Можно даже спросить, не имѣетъ ли она даже права знать это?

— Совершенно вѣрно,—согласился съ нею Саррионъ, быстро сообразившій, что Хуанита ищетъ рѣшительнаго объясненія. Въ такіе моменты женщины говорятъ всегда рѣшительнѣе и откровеннѣе.

Онъ закурилъ сигару и легкимъ жестомъ отбросилъ далеко отъ себя спичку, какъ бы желая этимъ показать, что онъ готовъ ее выслушать.

— Почему Эвасіо Монъ хотѣлъ, чтобы я стала монахиней?—спросила Хуанита въ упоръ.

— Потому, что у тебя три милліона пезетъ.

— Если бъ я стала монахиней, то церковь присвоила бы эти деньги себѣ?

— Иезуиты, а не церковь. Это не одно и то же, хотя люди и не всегда отдають себѣ отчетъ въ этомъ. Присвоить твои деньги хотѣли иезуиты. Имъ хотѣлось ввергнуть Испанію въ новую междуособную войну, которая была бы горше всѣхъ, уже пережитыхъ нашей страной. У нашей церкви есть, конечно, враги: Бисмаркъ, англичане. Но у ней нѣтъ болѣе ожесточенныхъ враговъ, чѣмъ иезуиты, ибо они преслѣдуютъ свои собственныя цѣли.

— А какъ относитесь къ нимъ вы и Марко?

— Разумѣтся, мы противъ нихъ,—сказаль Саррионъ, пожимая плечами.

— А я, стало быть, изображаю собою мячикъ, которымъ вы перебрасываетесь?

Саррионъ взглянулъ на нее сбоку. Вотъ моментъ, котораго всегда боялся Марко!

Саррионъ тщетно ломаль себѣ голову надъ вопросомъ, почему она завела этотъ разговоръ съ нимъ, а не съ Марко. Хуанита сидѣла молча, не спуская глазъ съ отдаленныхъ горъ. Саррионъ украдкой взглянулъ на нее и замѣтилъ, что на ея губахъ играетъ слабая улыбка сожалѣнія, какъ будто она знала что-то такое, чего онъ не зналъ. Онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Да... пока мы не выиграемъ партію.

— А вы выиграете?

Саррионъ опять посмотрѣлъ на нее. Почему она не говоритъ прямо?—спрашиваль онъ самъ себя.

— Во всякомъ случаѣ, сеньоръ Монъ не знаетъ, когда онъ будетъ разбитъ,—сказала Хуанита.

Воцарилось молчаніе. Гдѣ-то вдали затрещали выстрѣлы: въ горахъ, очевидно, завязалась схватка.

— Говорятъ, что онъ очутился въ долинѣ, какъ въ ловушкѣ,— снова заговорила Хуанита.

— По всей вѣроятности.

— Стало быть, онъ явится опять въ Торре-Гарду?

— Можетъ быть. Храбрости ему не занимать стать.

— Если онъ вернется сюда, я хочу поговорить съ нимъ.

Ужъ не хотѣла ли она сама объявить Мону, что онъ разбитъ? Не даромъ Эвазіо утверждалъ, что рѣшающій голосъ всегда принадлежитъ женщинѣ.

— Во всякомъ случаѣ,—заговорила Хуанита, мысли которой, повидимому, опять направились на игру:—во всякомъ случаѣ вы играете очень смѣлую игру.

— Вотъ почему мы и выиграли ее.

— А вы не замѣчаете, чѣмъ вы рисковали?

— Чѣмъ же?

Хуанита повернулась и гнѣвно взглянула ему прямо въ лицо.

— О, вы объ этомъ, очевидно, не догадываетесь. Вѣроятно, не догадывается и Марко! Вѣдь вы могли погубить жизнь нѣсколькихъ человѣкъ!

— Но вѣдь могъ погубить ихъ и Эвазіо Монъ,—рѣзко отвѣчалъ Саррионъ.

Хуанита отскочила назадъ, какъ фехтовальщикъ, получившій ударъ.

Саррионъ откинулся на спинку кресла и бросилъ потухшую сигару. Онъ сразился съ Хуанитой на той почвѣ, которую выбрала

она сама и отвѣтила ей на вопросъ, который она не могла поставить ему изъ гордости.

Какъ и предвидѣлъ Саррионъ, Эвазіо Монъ вернулся въ Торре-Гарду. Было уже темно, когда онъ явился. Неизвѣстно, зналъ ли онъ о томъ, что Марко нѣтъ въ его комнатѣ. Онъ вообще о немъ не спрашивалъ. Слуга провелъ его прямо на террасу, гдѣ сидѣли Хуанита и кузина Пелигросъ. Саррионъ былъ у себя въ кабинетѣ и вышелъ на террасу послѣ, когда Монъ уже прошелъ мимо его окна.

— Мы всѣ оказались въ осадѣ,—началъ гость съ обычной кроткой улыбкой, садясь на кресло, которое ему величаво предложила кузина Пелигросъ.

— Намъ съ вами, сеньорита,—сказалъ Монъ, обращаясь къ Пелигросъ:—здѣсь дѣлать нечего. Мы люди мирные.

Кузина Пелигросъ махнула рукой по воздуху въ знакъ согласія.

— Я должна исполнить свой долгъ,—заявила она съ рѣшительнымъ видомъ, сквозь который проглядывалъ страхъ.

Хуанита молча смотрѣла на Сарриона, ожидая, когда онъ на нее взглянетъ. Поймавъ удобную минуту, она мигнула ему, чтобы онъ увелъ кузину Пелигросъ и оставилъ ихъ вдвоемъ съ Мономъ.

— Вы переночуете у насъ?—спросилъ онъ Мона.

— Нѣтъ, другъ мой, очень благодаренъ вамъ за приглашеніе. Я питаю надежду пробраться ночью черезъ линію стрѣльбы въ Пампелуну. Я вернулся только для того, чтобы предложить свои услуги и проводить дамъ до Пампелуны.

— Вы думаете, стало быть, что Торре-Гарда будетъ осаждена?—беззаботно спросилъ Саррионъ.

— Ничего нельзя знать заранѣе, другъ мой. Ничего нельзя знать. Миѣ кажется, что перестрѣлка приближается.

Саррионъ разсмѣялся.

— Вамъ только и слышатся пушки.

Монъ повернулся къ хозяину и меланхолично посмотрѣлъ на него.

— Да, Рамонъ, мы всю жизнь только и слышали пушки!

Въ этихъ словахъ, кромѣ очевиднаго, былъ еще какой-то другой, тайный смыслъ, понятный только Сарриону. На одну минуту его лицо просвѣтлѣло и смягчилось.

— Велите подать намъ кофе,—обратился онъ къ кузинѣ Пелигросъ.—Велите, пожалуйста, подать намъ его въ бібліотеку.

Маленькими шажками, какими умѣли ходить въ тридцатыхъ годахъ, Пелигросъ направилась въ домъ. По тогдашнему этикету, Монъ снялъ шляпу и наклонилъ голову въ ея сторону.

— Кстати,—промолвилъ Саррионъ и, не докончивъ фразы, направился за нею.

Хуанита и Эвазіо Монъ остались на террасѣ одни. Хуанита сидѣла какъ разъ противъ него на садовомъ креслѣ. Кромѣ него, было

только то, на которомъ сидѣла Пелигросъ. Эвазіо, взглянувъ на Хуаниту, подвинулъ его къ себѣ и сѣлъ. Изъ-подъ очковъ, на которыхъ отражались послѣдніе лучи заходящаго солнца, онъ пристально смотрѣлъ на свою собесѣдницу.

Онъ, очевидно, ждалъ, пока заговорить Хуанита, но та упорно разсматривала кончикъ своей туфли. И, очевидно, тоже ждала, пока заговорить Эвазіо. Оба они молчали, словно дуэлисты, выбирающіе себѣ оружіе. Монъ, повидимому, боялся, какъ бы самое острое не досталось Хуанитѣ.

Тщательная тренировка научила его быстро проникать въ мысли другого. Но Хуанита сбивала его съ толку.

— Я говорилъ только изъ дружбы къ вамъ, когда предлагалъ проводить васъ до Пампелуны,—началь наконецъ Монъ.

— Я знаю, что вы всегда говорите, какъ другъ,—спокойно отвѣчала Хуанита:—какъ мой другъ, а не Марко, конечно.

— Но ваши друзья въ то же время и друзья Марко,—произнесъ Монъ насмѣшливымъ тономъ.

— И его враги—въ то же время и мои враги,—отозвалась Хуанита, глядя прямо передъ собой.

— Конечно. Это условіе вѣдь входитъ въ число брачныхъ обязанностей.

Монъ поспѣшилъ разсмѣяться своей шуткѣ, не забывъ, передъ этимъ бросить взглядъ въ окно. Но ихъ никто не могъ слышать.

— Но почему я долженъ быть врагомъ Марко Саррiona?

Хуанита сразу перешла въ наступленіе.

— Потому, что онъ перехитрилъ васъ и женился на мнѣ.

— Изъ-за вашихъ денегъ...

— Да, изъ-за моихъ денегъ. Въ этомъ вопросѣ онъ поступилъ, какъ честный человекъ, могу васъ увѣрить. Онъ предупредилъ меня, что этотъ бракъ есть дѣло политики.

— Онъ вамъ сказалъ это?—спросилъ въ изумленіи Монъ.

Хуанита кивнула головой и опять стала смотрѣть на свою туфлю, покачивая ногой. Въ углахъ ея рта бѣгала какая-то загадочная улыбка. Казалось, она понимала то, чего Эвазіо, несмотря на свою прославленную мудрость, понять не могъ.

— И вы повѣрили ему?—спросилъ опять Монъ, смутно догадываясь, что значитъ эта улыбка.

— Онъ сказалъ мнѣ, что это единственное средство спастись отъ васъ и отъ монашества,—сказала Хуанита, не отвѣчая на его вопросъ.

— И вы повѣрили ему?—повторилъ опять Монъ.

Онъ сдѣлалъ это напрасно. Хуанита обернулась къ нему и спокойно промолвила:

— Да.

Монъ пожалъ плечами съ покорнымъ видомъ чловѣка, котораго преслѣдуютъ несчастья и который и дальше не ожидалъ ничего хорошаго.

— Въ такомъ случаѣ намъ и говорить не о чемъ,—беззаботно сказалъ онъ.—Вы предпочитаете оставаться въ Торре-Гардѣ. Пусть такъ. Но я свое дѣло сдѣлалъ и предостерегъ васъ.

— Противъ Марко?

Монъ опять пожалъ плечами.

— Въ отвѣтъ на ваше предостереженіе,—медленно заговорила Хуанита:—я скажу вамъ, что Марко никогда не дѣлалъ ничего такого, что было бы недостойно испанскаго дворянина, а лучшаго дворянина въ мірѣ не существуетъ.

Монъ повернулся въ своемъ креслѣ и съ какой-то странной усмѣшкою посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Вотъ и видно, что вы влюблены въ Марко,—сказалъ онъ.

Хуанита перемѣнилась въ лицѣ. Ея глаза вдругъ загорѣлись гнѣвомъ.

— Я не боюсь ни вашихъ словъ, ни вашихъ дѣлъ. Со мною Марко, а онъ всегда одерживалъ верхъ, когда вы вступали съ нимъ въ борьбу. Марко умнѣе и сильнѣе васъ.

Монъ медленно растягивалъ перчатки своими бѣлыми и гладкими руками.

— Разница между вами вотъ въ чемъ,—продолжала Хуанита.— Вы носите перчатки, а Марко беретъ жизнь голыми руками. Вы хотите перехитрить его, но это вамъ не удастся. Ищеть умъ, а находить сердце.

Монъ всталъ и остановился противъ нея вполоборота, такъ, что она могла видѣть только его профиль. И въ эту минуту ей стало жалко его, и эта жалость испортила ея побѣду.

Монъ медленно пошелъ по террасѣ къ открытому окну библиотеки. Черезъ него слышно было, какъ гремѣли чашками и блюдами. Хуанита долго потомъ не могла забыть молчанія, въ которомъ пошелъ мимо нея Эвазіо.

Черезъ минуту онъ уже громко разговаривалъ о чемъ-то въ библиотекѣ и смѣялся.

Въ Торре-Гарду онъ пріѣхалъ верхомъ, и Сарріонъ при отъѣздѣ провожалъ его до конюшни. Оба они были очень молодежавые для своихъ лѣтъ. Вообще на сѣверѣ испанцы отличаются худошавостью и бодрымъ видомъ. Сарріонъ подставилъ ему подъ ногу руку, и съ его помощью Монъ легко очутился на сѣдлѣ.

— Хуанита уже не ребенокъ,—сказалъ онъ, взглянувъ вверхъ на террасу.—Надо надѣяться, что она будетъ счастлива. Это вѣдь дается не многимъ.

Сарріонъ ничего не отвѣтилъ

— Мы люди не слабые,—продолжалъ Монъ тихо.—Ни я, ни

вы, ни Марко. Но повѣрьте мнѣ, у Хуаниты въ мизинцѣ больше силы, чѣмъ во всѣхъ насъ. У нея рѣшающій голосъ, amigo, у нея! И, махнувъ на прощанье рукой, онъ тронулся въ путь.

XXIX.

Желѣзная рука.

На слѣдующее утро Хуанита поднялась очень рано. Весь домъ еще спалъ, но она знала, что Марко уже вернулся: на террасѣ, передъ раскрытымъ окномъ библіотеки спокойно лежалъ Перро, грѣясь на утреннемъ солнышкѣ.

Хуанита вошла въ библіотеку и нашла тутъ Марко. Онъ писалъ письма. На столѣ сзади него лежала карта долины рѣки Волка.

— Ты все пишешь письма,—сказала она:—ты началъ писать еще на дверцѣ нашего экипажа и до сихъ поръ все пишешь.

— Я могу пригодиться своимъ знаніемъ долины,—возразилъ Марко и, бросивъ на нее быстрый взглядъ, опять принялся за дѣло.

— А я нисколько не устала послѣ нашихъ приключеній,—заговорила она опять:—а между тѣмъ я почти не спала ночью. Усталый у меня видъ?

— Нисколько,—отвѣчалъ Марко, не поднимая глазъ.

— Какой мнѣ сонъ приснился... Я видѣла его такъ ясно, что даже не знаю навѣрно, былъ ли это сонъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ я поднялась съ постели очень рано, когда луна какъ разъ начинаетъ касаться верхушекъ горъ, и выглянула изъ окна. Вся терраса была занята солдатами. Они стояли рядъ за рядомъ, словно какія-то тѣни. Въ концѣ, подъ моимъ окномъ стояла группа людей. Было здѣсь нѣсколько офицеровъ, одинъ—словно генераль Пачеко, съ такимъ же жирнымъ смѣхомъ. Другой былъ похожъ на капитана Занету, того самаго, который тогда молился въ церкви Богородицы въ Тѣни. Помнишь? Были еще какіе-то два штатскихъ, похожихъ на тебя и дядю Рамона. Не правда ли, какой странный сонъ, Марко?

— Да, дѣйствительно,—со смѣхомъ отвѣчалъ онъ.

Она стояла передъ нимъ и пристально и серьезно смотрѣла на него.

— Будетъ битва?

— Да, похоже на то.

— Гдѣ?

Онъ указалъ перомъ на долину.

— Какъ разъ около моста, если все пойдетъ такъ, какъ задумано.

Она вышла на террасу и стала смотрѣть на мирную долину, сверкавшую въ лучахъ утренняго солнца. Тонкая струйка дыма го-

лубоватымъ столбомъ поднималась уже надъ хижинами лежавшей внизу деревни. Овцы скликали по склонамъ горъ своихъ ягнятъ.

Хуанита вернулась къ окну и стала около него. Ея щеки пылали.

— Сдѣлай для меня одно одолженіе,—проговорила она.

— Съ удовольствіемъ.

Онъ поднялъ перо, но продолжалъ попрежнему смотрѣть на бумагу.

— Если здѣсь произойдетъ битва или вообще какая-нибудь схватка, побереги себя. Было бы ужаснымъ несчастіемъ... для дяди Рамона, если бъ съ тобой что-нибудь случилось.

— Хорошо,—серьезно отвѣчалъ ей Марко:—я буду беречь себя.

Хуанита все еще стояла у окна.

— А ты всегда держишь свое слово?

— Почему же мнѣ его и не держать?

— Конечно, ты слово свое сдержишь, конечно. Твое обѣщаніе—это скала, которую ничто не можетъ сдвинуть съ мѣста. Итакъ, ты не возьмешь обратно своихъ словъ.

— Нѣтъ,—просто отвѣчалъ Марко.

Завтракали въ Наваррѣ въ часъ. Къ этому времени Марко и Сарріонъ всегда бывали дома. Въ долинь, казалось, царило полное спокойствіе.

— Я увѣрена,—говорила кузина Пелигросъ, сидя за столомъ:—что перестрѣлка приближается. У меня очень тонкій слухъ. Вообще у меня всѣ чувства въ высшей степени развиты. Выстрѣлы приближаются, Марко.

— Это Занета, отстрѣливаясь, медленно отступаетъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ,—проговорилъ Марко.

— Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ? Вѣдь долженъ же онъ знать, что въ Торре-Гардѣ находятся женщины.

— Женщины не принимаютъ участія въ войнѣ,—сказала Хуанита.

Едва она сказала это, Марко, поглядѣвъ на часы, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Хуанита послѣдовала за нимъ.

— Марко,—заговорила она въ передней, плотно притворивъ за собой дверь изъ столовой:—можешь ты мнѣ сказать, когда именно начнется битва?

— Занета отступить къ мосту часамъ къ тремъ. Непріятель, очевидно, тронется вслѣдъ за нимъ.

— А ты гдѣ будешь?

— Я буду съ Пачеко и его штабомъ на холмѣ сзади мельницы Педро. Ты увидишь небольшой флагъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ Пачеко.

Тонкій слухъ кузины Пелигросъ не обмануль ея. Перестрѣлка была слышна очень близко. За мостомъ долина дѣлаетъ поворотъ

налѣво, и на холмахъ надъ этимъ поворотомъ можно было уже разглядѣть неправильную линію дымковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за угла показалась на дорогѣ темная масса отряда Занеты. Онъ добрался до моста раньше, чѣмъ ожидалъ Марко. Люди бѣжали, поднимая цѣлое облако пыли, словно стадо овецъ. Черезъ каждыя саженъ двадцать они останавливались и давали залпъ. Издали они были похожи на игрушечныхъ солдатиковъ. Они отступали въ полномъ порядкѣ, и трескъ залпа раздавался черезъ правильные промежутки времени. На мосту они остановились. Казалось, они хотѣли удержаться здѣсь, и, будь у нихъ артиллерія, они, безъ сомнѣнія, удержали бы за собой это узкое мѣсто.

Теперь уже видно было, что отрядъ былъ очень невеликъ и не могъ рисковать людьми, штурмуя гористыя позиціи непріятеля.

Перестрѣлка на время стихла. Карлисты поджидали, пока ихъ отряды стянутся съ горъ на дорогу.

Сарріонъ и Хуанита стояли на террасѣ, внимательно слѣдя за всѣмъ, что происходило внизу.

— Пачеко хорошій генераль?—спросила Хуанита.

— Отличный.

Сарріонъ не считъ нужнымъ распространяться далѣе.

— Они обманули меня,—вспомнились ему слова Пачеко, которыя онъ слышалъ отъ него всего нѣсколько дней тому назадъ.— Мнѣ обѣщали изрядную сумму, во всякомъ случаѣ достаточную сумму. Однако, когда наступило время, деньги не были доставлены. Чрезвычайно непріятное положеніе, но я какъ-нибудь сумѣю изъ него выбраться.

— Оставаясь, конечно, лояльнымъ,—замѣтилъ со смѣхомъ Сарріонъ, и на этомъ ихъ разговоръ кончился.

Хуанита смотрѣла черезъ долину по направленію къ мельницѣ Педро. Никакого флага тамъ не было. Долина, казалось, была совершенно спокойна: ни штыковъ, ни сабель не было видно, несмотря на яркое солнышко.

На мосту приближенія карлистовъ ожидала небольшая кучка людей. Черезъ минуту густой массой показались и они, усѣивая собой дорогу и боковые холмы. Кусты казались живыми отъ нихъ. Они дали залпъ, и холмы покрылись бѣловатой дымкѣй. Войска роялистовъ на мосту тоже дали залпъ и побѣжали прямо на дорогу. Нѣкоторые сбросили съ себя ранцы. Одинъ или два изъ нихъ остановились и, постоявъ немного, легли на дорогу, какъ утомленные дѣти. Другіе побѣжали по сторонамъ дороги и здѣсь сѣли.

Между тѣмъ карлисты продолжали наступленіе. Послѣдніе ряды ихъ уже огибали поворотъ дороги. Передовыя части были уже за мостомъ, и для отряда Занеты можно было отступать только въ Торре-Гарду. Солдаты были уже у подножія откоса, на вершинѣ ко-

тораго стоялъ домъ. Хуанита и Саррионъ явственно различали ихъ командира, который шелъ сзади отряда съ саблей въ рукѣ. Шелъ онъ большими, размѣренными шагами, словно пастухъ за своимъ стадомъ.

Солдаты стали подниматься въ гору. Занета занялъ позицію на камняхъ, нависшихъ надъ холмомъ. Онъ стоялъ тамъ на цыпочкахъ и караулил мостъ. Послѣдній эшалонъ карлистовъ вступилъ уже на него. Хуанита слѣдила за ними расширившимися отъ возбужденія глазами. Саррионъ кусалъ себѣ нижнюю губу. Глаза его горѣли.

Когда карлисты перебрались черезъ мостъ, Занета взглянулъ по направленію къ мельницѣ Педро и сталъ махать бѣлымъ платкомъ, высоко поднимая руку. Между деревьями, которыми была окружена мельница, показался небольшой флагъ.

Кузина Пелигросъ, несмотря на свои тонкія чувства, спустилась на террасу взглянуть, что дѣлается. Изъ предосторожности она надѣла вязанья перчатки и открыла свой зонтикъ.

— Что значитъ весь этотъ шумъ?—спросила она.

Но Саррионъ и Хуанита, казалось, не слышали ея. Они слѣдили за маленькимъ флагомъ, который тихо спускался въ долину.

Люди Занеты были уже такъ близко отъ террасы, что можно было слышать ихъ голоса.

— Мостъ, мостъ!—воскликнулъ Саррионъ, задыхаясь:—взгляни на мостъ!

Дымъ въ воздухѣ еще не разсѣялся и скрывалъ то, что происходило на мосту. Люди бѣгали тамъ впередъ и назадъ, поблескивая на солнышкѣ штыками.

— Пушки!—воскликнулъ Саррионъ.

Не успѣлъ онъ произнести это слово, какъ вся долина содрогнулась до самой своей глубины. Съ рѣки какъ будто грянулъ громъ и раскатился по холмамъ. И въ то же время зеленые откосы горъ покрылись дымомъ, словно ватой.

Хуанита видѣла, что Занета все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ съ саблей въ рукѣ, а его люди собирались вокругъ него. Потомъ онъ что-то громко закричалъ и повелъ ихъ опять внизъ. Пробѣжавъ шаговъ десять, онъ упалъ во весь свой ростъ, затѣмъ опять поднялся и во главѣ своихъ солдатъ ринулся впередъ.

Съ воемъ пронеслась снизу пуля, и звонъ разбитого стекла показывалъ, что она попала въ окно дома. Кусты въ саду какъ будто вдругъ ожили и зашумѣли. Саррионъ поспѣшилъ оттащить Хуаниту отъ перилъ.

— Нѣтъ, оставь меня,—гнѣвно сказала она.

— Не могу, я обѣщаль Марко беречь тебя,—возразилъ Саррионъ, охватывая ее руками.

Они быстро прошли въ бібліотеку. Кузина Пелигросъ была

уже здѣсь. Она сидѣла на качалкѣ, сложивъ руки на манеръ христіанской мученицы ранней эпохи.

— Никогда мнѣ не приходилось испытывать ничего подобнаго, — замѣтила она строгимъ тономъ.

Саррионъ сталъ у окна, не подпуская къ нему Хуаниту.

— Черезъ нѣсколько минутъ все это кончится, — сказалъ онъ: — хорошій будетъ имъ урокъ!

Громъ продолжался. Пелигросъ, съ ея тонкимъ слухомъ, зажала уши руками, не забывъ выдвинуть напоказъ маленькій палецъ — кокетство, казавшееся неотразимымъ ся поколѣнію.

Вдругъ перестрѣлка, словно по мановенію волшебнаго жезла, прекратилась.

— Ну, вотъ и кончено, — сказалъ Саррионъ: — они получили свой урокъ.

Онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Хуанита тоже вышла на террасу, но оттуда ничего не было видно: вся равнина была затянута дымомъ, поднимавшимся кверху желтыми клубами. Она раскашлялась отъ этого воздуха и, кашляя, вошла опять въ библіотеку.

— Хуанита, — торжественно начала кузина Пелигросъ: — я запрещаю вамъ выходить изъ этой комнаты. Я не желаю быть одной.

— Въ такомъ случаѣ позовите вашу служанку, — терпѣливо отвѣчала Хуанита.

— Куда ты хочешь опять итти?

— Я пойду съ дядей Рамономъ внизъ, въ долину. Тамъ, должно быть, сотни раненыхъ. Я могу кое-чѣмъ помочь имъ...

— Я запрещаю тебѣ итти туда. Этого только и можно было ждать отъ Марко. Вотъ какъ онъ относится къ тѣмъ, кого судьба поставитъ подъ его покровительство! Его прямая обязанность была бы защищать Торре-Гарду.

— Я здѣсь хозяйка, — отвѣчала Хуанита, едва взглядывая на Пелигросъ.

Эти слова имѣли, должно быть, двойной смыслъ, ибо, едва она успѣла затворить за собою дверь, какъ Пелигросъ разомъ поднялась съ качалки.

Хуанита выбѣжала изъ дому и пустилась внизъ по извиистой дорогѣ, которая шла къ деревнѣ. Отъ дыма у нея захватывало дыханіе; весь воздухъ былъ, казалось, насыщенъ сѣрой. Трудно было допустить мысль, что кто-нибудь могъ остаться въ живыхъ въ эти адскія минуты.

Впереди нея слѣшилъ туда же Саррионъ. Вдругъ она радостно вскрикнула: по откосу галопомъ мчался Марко. Увидѣвъ отца, онъ на всемъ скаку остановилъ лошадь. Пока онъ слѣзалъ, Хуанита была уже около нихъ.

Лицо Марко было совершенно сѣро и забрызгано кровью. Въ

глазахъ сверкала отчаянная рѣшимость. Вся его фигура какъ бы говорила, что онъ видѣлъ нѣчто такое, чего онъ никогда не забудетъ.

— Эвасіо...—запыхавшись, произнесъ онъ.

— Убить?

Марко кивнулъ головой.

— Надѣюсь, не ты это сдѣлалъ?—рѣзко спросилъ Сарріонъ.

— Нѣтъ. Его нашли между карлистами. Съ ними было пять или шесть поповъ. Его призналъ Занета, который самъ раненъ. Онъ былъ еще живъ, когда Занета подошелъ къ нему. «Проиграна игра»,—сказалъ онъ и съ этими словами умеръ.

Сарріонъ повернулся и тихо пошелъ обратно къ дому. Хуанита, повидимому, забыла о своемъ намѣреніи итти внизъ и помогать раненымъ.

Лошадь Марко, настоящая арабская, тряслась и тянула за поводъ, который онъ намоталъ себѣ на руку. Нетерпѣливо оглядываясь назадъ, онъ бросилъ поводья, которыя быстро схватила Хуанита. Медленно и спокойно она повела лошадь домой, не говоря ни слова.

Первымъ заговорилъ Сарріонъ, котораго они нагнали.

— Бѣдный Эвасіо!—промолвилъ онъ, обращаясь къ Хуанитѣ:—ему никогда не везло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ было покинулъ орденъ, чтобы жениться на одной дамѣ. Но она думала или, можетъ быть, ей такъ было внушено, что она должна устроить свою жизнь иначе...

И онъ пожалъ плечами.

— Я знаю эту исторію,—вдругъ сказала Хуанита.

XXX.

Рѣшающій голосъ.

Въ углу маленькаго кладбища въ Торре-Гардѣ виднѣется небольшое четырехугольное возвышеніе: это могила, въ которой похоронены были четыреста карлистовъ. Говорять, еще больше ихъ было унесено теченіемъ рѣки въ море.

Генералъ Пачеко далъ имъ урокъ въ устьѣ долины, гдѣ они оставили сильный отрядъ на позиціяхъ, казавшихся неприступными съ фронта. Этотъ отрядъ долженъ былъ задержать подкрѣпленія, посланные на выручку маленькаго отряда Занеты. Но этотъ отрядъ былъ атакованъ генераломъ съ тылу и почти весь уничтоженъ. Этому дѣлу Пачеко обязанъ той славой, которая до сихъ поръ держится за нимъ въ Испаніи. «Большой, но жестокой генералъ», говорятъ про него испанцы.

Къ заходу солнца все было попрежнему спокойно въ Торре-

Гардѣ. Войска такъ же незамѣтно покинули долину, какъ и явились въ нее. Потери ихъ были очень невелики, и съ полдюжины раненыхъ было оставлено въ деревнѣ. Остальные ушли опять въ Пампелуну. Списокъ раненыхъ карлистовъ былъ тоже очень малъ. Генераль Пачеко любилъ двигаться быстро, терпѣть не могъ задерживаться изъ-за перевязочныхъ пунктовъ и раненыхъ. На то онъ былъ и «великій» генераль.

Кузина Пелигросъ не вышла къ обѣду: у нея слишкомъ разошлись нервы.

— Я знаю, что такое эти нервы,—продолжала Хуанита, объявивъ, что мѣсто Пелигросъ останется незанятымъ:—не беспокойтесь о ней: она съѣстъ немного супу, да и отъ другихъ блюдъ не откажется.

Послѣ обѣда кузина прислала служанку сказать, что ей теперь лучше и что она хотѣла бы видѣть Марко.

Вернувшись съ этого свиданія, онъ нашель отца и Хуаниту въ гостиной. Лицо его было серьезно.

— Теперь ты самъ убѣдился, что съ ней ничего серьезнаго нѣтъ,—сказала Хуанита, слѣдя за выраженіемъ его лица.

— Да,—разсѣянно отвѣчалъ онъ:—ничего серьезнаго.

Онъ не садился, но продолжалъ стоять съ озабоченнымъ видомъ, смотря на огонь въ каминѣ, отъ котораго всѣ чувствовали себя особенно уютно на такой высотѣ, какъ Торре-Гарда.

— Она не хочетъ оставаться здѣсь,—сказалъ онъ, наконецъ, и собирается уѣзжать завтра.

Саррионъ слегка размѣялся и перевернулъ газету, которую держалъ въ рукѣ. Хуанита читала какую-то англійскую книгу съ помощью словаря, въ который, впрочемъ, не заглядывала, когда Марко былъ гдѣ-нибудь поблизости.

— Пускай ее ѣдетъ,—медленно и отчетливо произнесла она, отрываясь отъ книги.

Наступило неловкое молчаніе. Хуанита чувствовала, что ея лицо покрывается краской.

— Ничего другого не остается, какъ отпустить ее,—заговорилъ Марко съ принужденнымъ смѣхомъ:—съ ней теперь безпрестанно будутъ повторяться эти нервы. Она хочетъ ѣхать въ Мадридъ.

— Вотъ какъ!

— Она хочетъ, чтобы ты тоже ѣхала съ нею,—вдругъ выпалилъ Марко.

— Это очень мило съ ея стороны,—холоднымъ и ровнымъ тономъ сказала Хуанита:—ты знаешь, что я терпѣть не могу этой кузины Пелигросъ.

— Стало быть, ты не желаешь ѣхать съ нею въ Мадридъ?

Поглядывая на огонь, Хуанита, казалось, взвѣшивала всѣ доводы за и противъ этой поѣздки.

— Нѣтъ, благодарю,—промолвила она наконецъ.

— Ты знаешь,—пустился объяснять ей Марко какимъ-то страннымъ голосомъ, въ которомъ чувствовалось возбужденіе:—ты знаешь, я боюсь, что послѣ всего происшедшаго мы наживемъ себѣ плохую славу въ Испаніи. И безъ того всѣ говорятъ, что мы просто разбойники. Трудно будетъ выписать сюда кого-нибудь.

Хуанита ничего не отвѣчала. Сарріонъ попрежнему внимательно читалъ газету.

— Мнѣ нужно уѣхать въ Сарагоссу,—произнесъ онъ вдругъ изъ-за газеты:—можетъ быть, Хуанита сжалится надъ моимъ одиночествомъ?

— Ужасно жалко уѣзжать изъ Торре-Гарды, когда наступаетъ весна,—замѣтила Хуанита:—вы не находите этого?

Обращаясь къ Сарріону, она глядѣла, однако, на Марко. Оба они, видимо, чувствовали себя неловко и не знали, что сказать.

Глаза Марко какъ-то даже потускнѣли. Хуанита же держала себя холодно и сосредоточенно, чувствуя себя госпожой положенія.

— Знаешь,—началь опять Марко:—я всегда думалъ только о твоёмъ счастьѣ. Поступай, какъ найдешь нужнымъ.

— А я всегда готовъ подписаться подъ тѣмъ, что говоритъ Марко,—подтвердилъ Сарріонъ.

— Я знаю, ты у меня добрый,—воскликнула Хуанита, отбрасывая книгу и вскакивая съ мѣста:—я иду спать.

Она поцѣловала Сарріона и быстрымъ легкимъ жестомъ пригладила свои пепельные волосы.

— Спокойной ночи, Марко,—сказала она, проходя въ дверь, которую онъ открылъ для нея.

И, не глядя на него, она дружески кивнула ему головой.

На слѣдующее утро кузина Пелигросъ уѣхала изъ Торре-Гарды.

— Я умываю руки во всемъ этомъ дѣлѣ,—говорила она, дѣлая заученный жестъ.

Такъ, впрочемъ, и осталось неизвѣстнымъ, умывала ли она свои руки отъ Хуаниты, или отъ карлистовъ. Когда ея служанка усѣлась въ экипажъ сзади нея, она вздохнула и ничего не отвѣтила Сарріону, выразившему надежду, что ея путешествіе совершится благополучно.

— Я распорядился, чтобы до самой Пампелуны, васъ сопровождали два стражника, сказалъ Марко:—впрочемъ, теперь вездѣ спокойно. Пачеко водворилъ тишину.

— Благодарю васъ,—жеманясь отвѣтствовала Пелигросъ.

Она почему-то считала, что въ присутствіи домашней прислуги настоящей дамѣ не полагается быть естественной.

Экипажъ тронулся.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда Сарріонъ съ сыномъ выѣхали верхомъ въ деревню. Здѣсь былъ другой путешественникъ, которому выпало на долю отправиться въ далекое путешествіе, откуда нѣтъ возврата. Сарріонъ нашелъ его въ домѣ деревенскаго священника: тамъ на смертномъ одрѣ лежалъ человѣкъ, съ которымъ онъ когда-то игралъ въ дѣтствѣ, и съ которымъ онъ никогда не ссорился, несмотря на разницу ихъ взглядовъ. Эвазіо Монъ даже послѣ смерти старался быть всѣмъ пріятнымъ и лежалъ въ темной комнаткѣ скромнаго домика, улыбаясь.

— Я хочу отнести цвѣтовъ на его смертное ложе,—сказала Хуанита, когда всѣ обитатели Торре-Гарды сидѣли послѣ обѣда на террасѣ:—теперь я все простила ему.

Марко сидѣлъ въ сторонѣ, около самой рѣшетки, покачивая ногой и искоса поглядывая на Хуаниту.

— Ты, дѣйствительно, уже простила его?—спросилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо своими черными блестящими глазами:—мнѣ кажется, покойника легко забыть, но простить...

— Я простила его не тогда, когда онъ былъ убитъ.

— А когда же?

Хуанита улыбнулась и покачала головой.

— Этого я тебѣ не скажу,—отвѣчала она:—это тайна, оставшаяся между Эвазіо Мономъ и мною. Когда я положу цвѣты на его гробъ, онъ пойметъ, въ чемъ дѣло, насколько мужчины вообще способны понимать.

Она не стала распространяться дальше на эту тему и сидѣла молча, задумчиво поглядывая на долину. Сарріонъ сидѣлъ нѣсколько поодаль, окруженный цѣлымъ облакомъ табачнаго дыма.

— Обѣдъ будетъ сегодня въ семь часовъ, если вамъ все равно,—отрывисто сказалъ онъ, вставая.

— А въ чемъ дѣло?

— Я уѣзжаю въ Сарагоссу.

— Сегодня вечеромъ?—быстро спросила Хуанита и смолкла.

Марко сидѣлъ не шевелясь. Сарріонъ закурилъ другую сигару и какъ будто забылъ отвѣтить на вопросъ Хуаниты. Та вспыхнула и закусилла губы. Повернувъ голову, она смѣрила его съ ногъ до головы, стараясь прочесть что-нибудь на этомъ гладко выбритомъ лицѣ, которое считалось однимъ изъ красивѣйшихъ во всей Испаніи. Ей предстояло рѣшеніе ея судьбы—теперь или никогда. И она рѣшилась.

— Въ семь часовъ,—сказала она:—хорошо, я пойду и распоряжусь.

До обѣда она успѣла побывать у смертнаго одра и помолиться въ сосѣдней маленькой церкви объ упокоеніи его души. На террасу она потомъ не выходила, и Сарріоны до самаго вечера не видали ея.

За обѣдомъ старикъ Сарріонъ былъ необыкновенно веселъ, и

Хуанита быстро вошла въ его настроеніе. Онъ говорилъ о Сарагоссѣ, какъ будто она была черезъ дорогу, и мечталъ, какъ онъ будетъ ходить по городскимъ улицамъ, пока не наступитъ жара, отъ которой равнина Арагоніи дѣлается совершенно необитаемой.

— А вотъ Марко—другое дѣло,—говорилъ онъ:—Марко долженъ оберегать долину и не можетъ уѣхать отсюда даже на нѣсколько дней.

Когда настало время отъѣзда, Хуанита собственноручно закутала старика въ мѣховой воротникъ и застегнула пуговицы его пальто. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, графъ никогда не ѣздилъ въ закрытомъ экипажѣ.

Стояла темная, безлунная ночь.

— Тѣмъ лучше,—замѣтилъ Марко:—если лошади не будутъ ничего видѣть, онѣ не будутъ и бояться.

Сидя на передней скамейкѣ открытаго экипажа, Марко проводилъ своего отца внизъ до того мѣста, гдѣ когда-то былъ подъемный мостъ.

Хуанита осталась въ дверяхъ, рѣзко выдѣляясь на фонѣ освѣщенной комнаты. Она долго махала отъѣзжающему рукой.

У подъемнаго моста Марко простился съ отцомъ. На этомъ мѣстѣ они разставались, по крайней мѣрѣ, сотню разъ. Изъ Пампелуны до Сарагоссы былъ только одинъ поѣздъ, и оба они не разъ ѣздили съ нимъ. Но на этотъ разъ прощаніе носило какой-то особый характеръ, и они даже не сказали другъ другу тѣхъ обычныхъ при прощаніи словъ, которыя отъ долгаго употребленія потеряли свой первоначальный смыслъ.

Сарріонъ взявъ вожжи, выглянулъ изъ мѣховаго воротника, въ который закутала его Хуанита, и, кивнувъ сыну головой, исчезъ въ ночной темнотѣ.

Марко медленно пошелъ назадъ. Когда онъ вернулся домой, всѣ огни были потушены. Слуги ушли спать. Былъ уже одиннадцатый часъ. Только въ его кабинетѣ, окно котораго такъ и осталось незакрытымъ, горѣла лампа. Онъ потасилъ ее и, взявъ свѣчу, пошелъ наверхъ въ свою комнату. Но онъ не остался въ ней, а вышелъ на террасу, которая шла вокругъ всего дома.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ его отца долженъ былъ вѣхать на мостъ съ тѣмъ глухимъ грохотомъ, который показался Эвазіо Мону пушечными выстрѣлами.

Поднялся вѣтерокъ, и свѣча, которую Марко поставилъ на столикъ возлѣ окна, стала оплывать. Онъ задулъ ее и снова вышелъ на темную террасу. Онъ зналъ, что кресло стояло около самага окна, сѣлъ въ него и сталъ прислушиваться въ ночной тиши, дожидаясь, пока загремитъ на мосту экипажъ.

Вдругъ послышался стукъ раскрываемаго окна, и Перро, лежавшій у его ногъ, поднялъ вдругъ морду и сталъ нюхать воздухъ.

Въ противоположной сторонѣ дома по террасѣ пробѣжала широкая полоса свѣта. Это вышла Хуанита, которой тоже захотѣлось послушать, какъ застучать по мосту колеса экипажа.

Марко наклонился и сталъ ласкать Перро, который догадался, что нужно лежать смирно. Хуанита подошла къ рѣшеткѣ и, постоявъ немного, вернулась къ окну, закрывъ собою полосу свѣта.

Нѣсколько секундъ оба ждали въ полномъ безмолвіи.

Внизу тихо рычала рѣка, и вдругъ сквозь ея шумъ донесся гулкій грохотъ моста. Сарріонъ былъ уже на той сторонѣ.

Хуанита вошла въ комнату и погасила свою лампу. Ночь была теплая, и отъ сосенъ шель сильный хвойный запахъ, какой у нихъ бываетъ только весной. Сильно пахли и кусты терновника. Временами доносился откуда-то запахъ фіалокъ.

Вдругъ Перро безпокойно зашевелился и вопросительно посмотрѣлъ въ лицо хозяина. Марко инстинктивно обернулся. Сзади него стояла Хуанита.

— Марко,—спокойно сказала она:—ты помнишь,—это было давно, давно, еще въ монастырѣ въ Пампелунѣ, когда я была еще ребенкомъ... Ты тогда далъ одно обѣщаніе. Ты обѣщаль никогда не вмѣшиваться въ мою жизнь.

— Да, помню...

— Я пришла...

Хуанита вдругъ смолкла и, сложивъ руки на груди, вышла впередъ и повернулась къ нему лицомъ.

— Я пришла,—начала она опять:—чтобы освободить тебя отъ этого обѣщанія. Не потому, чтобы ты плохо соблюдалъ его, нѣтъ...

Она вдругъ оборвала свою рѣчь и весело разсмѣялась.

— Я просто не хочу этого сама.

Ея глаза, привыкнувъ къ темнотѣ, впились въ его лицо. Постоявъ секунду передъ Марко, она вернулась къ мѣсту, гдѣ онъ обнаружилъ ея присутствіе въ началѣ ихъ разговора.

— Кромѣ того, ты далъ еще другое обѣщаніе, Марко. Ты сказалъ, что мы женимся только для виду, какъ бы для шутки.

— Да, помню,—немедленно отвѣтилъ Марко, не оборачиваясь къ ней.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и замеръ на своемъ креслѣ: она положила ему на голову свои руки и тихо-тихо погладила его волосы, словно птичка коснулась ихъ крыломъ. Потомъ ея пальчики спустились ему на лобъ и нѣжно, но крѣпко закрыли ему глаза. Но была напрасная предосторожность во мракѣ ночи. Она низко это наклонилась къ нему черезъ кресло, и ея волосы, темные, какъ ночь, словно занавѣсь, упали ему на лицо.

— Это была глупая шутка,—прошептала она:—и я не хочу продолжать ея болѣе...

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежегодные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1916 г ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Философія, психологія, логика.

ГЕГЕЛЬ, Наука логики. Ц. за три тома 5 р.	МАКОВЕЛЬСКІЙ, А. Введение въ философію. Ч. 2-я. Проблема бытія. Казань. 1916. Ц. 65 к.
КОВАЛЕВСКІЙ, П. Библия и нравственность. Ц. 40 к.	

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ, А. Введение въ исторію русской литературы. Т. I. Ц. 5 р.	дѣйствійхъ и пяти картинахъ «К. Р.» Ц. 40 к.
ПУШКИНИСТЪ. Историко-литературный сборникъ. Т. II. Ц. 1 р. 75 к.	ЧЕХОВЪ, А. П. Письма Т. VI, съ иллюстраціями. Ц. 2 р. 25 к.
СПАСКІЙ, Г. Критическій обзоръ пьесы «Царь Іудейскій», драма въ четырехъ	ШЕСТАКОВЪ, С. Рѣчи Либанія, переводъ съ примѣч. Т. II. Казань. 1916. Ц. 3 р. 40 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. «Безъ суфлера». Пьесы и монологи. Ц. 1 р. 50 к.	ВЪНСКІЙ, Е. Въ тылу. Сатира, юморъ, лирика. Ц. 1 р. 25 к.
АРБОВА, Т. Записки Оли Петровой. Изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к.	ГЕССЕ, Г. Исторія одной души (Петеръ Каменциндъ). Романъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
АШУКИНЪ, Н. Скитанія. Вторая книга стиховъ. Ц. 75 к.	ГРИГОРЬЕВЪ, Р. Недавнее. Романъ. Ч. 2-я. Ц. 1 р.
БАЛЬМОНТЪ, К. Ясень. Видѣніе древа. М. 1916. Ц. 2 р.	ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Призракъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Авантюристы дипломатин. Романъ. Ц. 1 р. 60 к.	КРИНИЦКІЙ, М. Припадокъ. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ВЕРБИЦКАЯ, А. Огни заката. Т. II. Романъ. Ц. 2 р. 10 к.	КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Маги. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 80 к.
ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТЬ, М. Пѣсни забытой усадьбы. Изд. 3-е. Ц. 1 р.	ЛИДИНЪ, В. Вороные кони. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ВЕЧЕРЪ «Триремы». Стихотворенія. Ц. 60 к.	МУЙЖЕЛЬ, В. Хуторъ № 16 и другіе рассказы. Ц. 1 р. 40 к.

НАХАБОВА, П. За родину. Въ свободную минуту послѣ боя. Стихотворенія. Ц. 50 к.
ОЛИГЕРЪ, Н. Волки и другіе рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
ПОПОВЪ, Н. Жизнь идетъ. Рассказы. Ц. 25 к.
ПУШКИНЪ, А. Евгений Онѣгинъ. Съ иллюстраціями. Самоизд. Судювской, изд. 2-е. Ц. въ перепл. 12 р.
РОНИ, Ж. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Ц. 2 р.
СЛОВО. Сборникъ шестой. Андреевъ, Л. Младость и другіе рассказы. Ц. 2 р.

СОКОЛЬСКІЙ, СЕРГѢЙ. Стихотворенія и пѣсни. Пляшущая лирика. Съ иллюстраціями. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.
СОЛОГУЕВЪ, О. Ярый годъ. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
СТУДЕНЧЕСТВО жертвамъ войны. Сборникъ. Ц. 1 р. 25 к.
ТРИШАТОВЪ, А. Молодое, только молодое. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
ШАГИНЪ, М. Семь разговоровъ. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
ФЕДОРОВЪ, А. Заря жизни. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

БАЛДИНЪ, А. Очерки по исторіи Россіи XVII вѣка. Вып. 1-й. О причинахъ возникновенія перваго стрѣльчакка бунта. Ц. 60 к.
ЕВСЪЕВЪ, И. Столѣтняя годовщина русскаго перевода Библіи. Ц. 30 к.
КРЕКНИНЪ, ГР. Ревнитель свѣта—П. И. Макушинъ. 50 лѣтъ просвѣтительной дѣятельности въ Сибири. Ц. 75 к.
ПАМЯТИ Исамыла Ивановича Срезневскаго. Книга 1-я. Ц. 2 р. 50 к.

ПАНКХЕРСТЪ, Э. Моя жизнь. Записки суфражистки. Ц. 2 р.
САШЪГА, Л., князь. Мемуары. 1803—1863 гг. Ц. 3 р.
СОЛОВЬЕВЪ, Н. Исторія одной жизни. А. А. Воейкова—Свѣтлана. Т. 2-й. Ц. 10 р.
— Т. II. Исторія великой войны съ телеграммами Государя Императора, Георга, Пуанкаре, Вильгельма и послы. Ц. по подпискѣ за семь томовъ въ перепл. 45 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

ВЕЛИЧАЙШАЯ изъ великихъ войнъ за правду Божию, за свободу народомъ. Чудесное на войнѣ. Ц. 20 к.
ВИГРАБЪ, Г. Прибалтійскіе нѣмцы, ихъ отношеніе къ русской государственности и къ коренному населенію края въ прошломъ и настоящемъ. Юрьевъ. Ц. 1 р. 10 к.
ВѢТРОВЪ, А. Во что сегодня вѣрится Германія? Ц. 65 к.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ роспись доходовъ. Сводъ узаконеній, на основаніи которыхъ поступаютъ доходы, исчисляемые по государственной росписи. Ц. 1 р.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ четвертая Дума. Франція народной свободы. Военныя сессіи. Ч. 1-я. Отчетъ. Рѣчи депутатовъ. Ц. 95 к.
ДѢЙСТВІЯ Бельгійской армии съ 18-го іюля по 18-е декабря 1914 г. Оборона государства и борьба за нейтралитетъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЗДАНЕВИЧЪ, М. Для полиціи. Краткій учебникъ административнаго и полицейскаго права. Екатеринбургъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
КАНТОРОВИЧЪ, Я. Авторское право на литературныя, музыкальныя, художествен-

ныя и фотографическія произведенія. Изд. второе. Ц. въ перепл. 3 р.
КОРЧИНСКІЙ, Х. Записка къ вопросу объ оздоровленіи деревни и города и о поднятій благосостоянія народа. Ц. 80 к.
МИЛЮКОВЪ, П. Тактика фракціи народной свободы во время войны. Ц. 20 к.
МИРТОВЪ, А. Можно ли писать «по Гроту»? Ц. 30 к.
О ВЛІЯНІИ ВОЙНЫ на нѣкоторыя стороны экономической жизни Россіи. Ц. 3 р.
СУХАНОВЪ, Н. Къ кризису социализма. Ц. 30 к.
ТАГАНЦЕВЪ, Н. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 1885 г. Изд. 18-е. доп. Ц. 6 р.
ТЕРЪ-ГУКАСОВЪ, Г. Политическіе и экономическіе интересы Россіи въ Персіи. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
ТИМАШЕВЪ, Н. Религіозныя преступленія по дѣйствующему русскому праву. Ц. 1 р.
ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ, М. Соціальныя основы коопераціи. М. 1916. Ц. 3 р. 25 к.
ЧУЛКОВЪ, Г. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Ц. 65 к.

Искусство.

БЕНУА, А. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. По подпискѣ по 2 р. за выпускъ. Вышелъ выпускъ 20-й.
ВАЛЬДГАУЕРЪ, О. Античная скульптура въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Ц. 2 р.
ВЕСЕННЯЯ выставка въ залахъ Императорской Академіи Художествъ 1916 г. Альбомъ картинъ. Ц. 2 р.
ВРАНГЕЛЬ, Н. Борисовъ-Мусатовъ. Иллюстрированная монографія. Ц. 1 р. 75 к.
ДЕНИСОВЪ, В. Война и лубокъ. Ц. 1 р. 50 к.
ДМИТРИЕВЪ, В. Николай Николаевичъ Ге. Критическій очеркъ. Ц. 3 р.

ДУЛЬСКІЙ, П. Василій Туринъ, казанскій художникъ начала XIX в. Казань. 1916. Ц. 40 к.
КОМАРОВСКІЙ. Таблица и указатель главныхъ живописцевъ Европы. 1200—1800 гг. Ц. 2 р. 75 к.
КОММИССАРЖЕВСКІЙ, О. Театральныя прелюдіи. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.
ЛУКОМСКІЙ, Г. Памятники старинной архитектуры Россіи. Типы художественнаго строительства. Ц. 10 р.
ЛЯДОВЪ, АН. К. Жизнь. Портретъ. Творчество. Изъ писемъ 1901—1909 гг. Съ иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

МИРОНОСИЦКІЙ, П. Записки по гармоніи. Ц. 80 к.

— Слуховыя задачи упражненія. Ц. 25 к.

МИХАЙЛОВСКІЙ, І. Русское искусство въ эпоху Владимира Святого. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ Современникъ, кн. шестая. Февраль. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕРЕДВИЖНАЯ 44-я выставка кар-

тинъ товарищества передвижн. выставокъ. 1916. Ц. 2 р.

ПЕТРОВЪ-ВОДКИНЪ, К. Альбомъ живописи. Ц. 3 р.

ПУНИНЪ, Н. и ДМИТРИЕВЪ, В. Рисунки Врубеля. Ц. 2 р.

РАДЛОВЪ, Н. Современная графика и рисунокъ. Ц. 2 р.

РОСТИСЛАВОВЪ, А. Фарфоровый заводъ и скульптуры бар. Рауша фонъ-Траубенбергъ. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

ЮВЛЕВЪ, Н. Методъ предѣловъ и нѣкоторыя его приложения въ геометріи неизомѣримыхъ протяженій. Казань. 1916. Ц. 50 к.

ХВОЛЬСОНЪ, О. Знаніе и вѣра въ физикъ. Ц. 20 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

БАРКОВЪ, А. и СИНИЦКІЙ, Л. Очерки географіи. Вѣвропейскія страны. Съ рис. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БАНКОВАЯ энциклопедія. Т. II. Биржа. Ц. 4 р.

ВИКТОРОВА, О. Учебникъ двойной бухгалтеріи. Ц. 1 р. 20 к.

ЗИВЪ, В. Иностранные капиталы въ русской нефтяной промышленности. Ц. 1 р.

ПАРКГОРСТЪ, Ф. «Отъ директора-распорядителя и до разсылнаго».. Опытъ письменной инструкціи для служащихъ промышленныхъ предпріятій. Ц. 2 р. 75 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ПАСХАЛЬНЫЙ СТОЛЪ по репетамъ прабабушекъ и современнымъ источникамъ. Ц. 60 к.

ЩЕРБИНИНЪ, А. Доходное свиноводство. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АНДРЕЕВСКІЙ, А. Электрическіе счетчики. Устройство и проверка приборовъ, служащихъ для учета электрической энергіи. Съ 182 черт. Ц. 3 р. 50 к.

БОБРИНСКІЙ, А. Рѣзной камень въ Россіи. М. 1916. Ц. 9 р.

ГИТТИСЪ, В. Двигатели внутреннего сгорания. Ц. 3 р. 80 к.

КАРПОВЪ, В. Электрическія схемы сильнаго тока. Выпускъ 1-й. Ц. 1 р. 80 к.

КОТЕЛЬНИКОВЪ, А. Телефонія. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиология и хирургія. Ветеринарія.

ЛИНДЕМАНЪ, В. О мѣрахъ борьбы съ сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ. Кіевъ. 1916. Ц. 15 к.

ПАЛЬДРОКЪ, А. Кожныя болѣзни. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

ТРУДЫ съѣзда по улучшенію отечествен-

ныхъ лечебныхъ мѣстностей. Т. I и II. Ц. за оба тома 7 р. Т. III. 2 р. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к. Т. V. Ц. 1 р. 50 к. Т. VI. Ц. 1 р. 75 к.

ШЕНВЕРТЪ, А. Спутникъ полевого врача. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства

ГЕОРГИЕВСКІЙ, А. О веденіи внѣ-классныхъ литературныхъ чтеній. Казань. 1916. Ц. 15 к.

ОЗЕРОВЪ, Н. Очерки словесности. Ц. 1 р. 20 к.

СНЕЛЬМАНЪ, А. Вырѣзаніе изъ цвѣтной бумаги. Ц. 3 р.

СОКОЛОВЪ, П. Исторія педагогическихъ системъ. Ц. 3 р. 50 к.

УАЙТХЭДЪ, А. Введеніе въ математику. Ц. 2 р.

ШЕСТАКОВЪ, С. Греческая грамматика съ текстами для чтенія и упражненій въ греческомъ языкѣ. Казань. 1916. Ц. 80 к.

ШМУЛЕВИЧЪ, П. Справочная книга для поступающихъ въ высшія учебныя заведенія на 1916 годъ. Ч. 1-я. Ц. 2 р. 25 к.

Спортъ, охота, игры.

МОБИЛИЗАЦІЯ СПОРТА. Руководство для допризывной подготовки къ военной службѣ. Ц. 40 к.

Справочныя книги.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Туркестану и желѣзнымъ дорогамъ Средне-Азіатской и Ташкентской. Ц. въ перепл. 2 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

М. Г. Веселковой-Кильштетъ.

„Листы пожелтые“

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» (Петр., Невскій пр. д. № 40).

БИБЛИОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНІЯ В. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ

(впечатлѣнія).

4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.

1 серия. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
П С И Ш А.

Пьеса.

Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКЪ.

Цѣна 1 руб.

Бор. Горовскій.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.

Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНзуРА И ШПІОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.

Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.

Цѣна 1 р. 50 к.

ВОЙНА И ПЭМЪ

(карикатуры).

LA GUERRE ET PÈME.

1 выпускъ. 2-е изданіе
Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Подъ редак. Н. Г. Мозырева. Цѣна 75 к.

ЛАВРЕЦНІЙ (Бор. Суворинъ).

ДО ВОЙНЫ.

ПО ГЕРМАНИИ НА АВТОМОБИЛѢ.

„Въ дорогѣ“ и очерки „День за днемъ“.

Изданіе второе
Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
новая книга:

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Материалы изъ архива

графа С. Ю. Витте

съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брокгаузъ-
Ефронъ»

Петроградъ, Прачешный пер., 6.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина—„НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

Въ помощь русскимъ художникамъ, застигнутымъ войною во Франціи

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„ПАРИЖЪ НАКАНУНЪ ВОЙНЫ“

съ двадцатью красочными воспроизведеніями съ монотипны художницы Е. С. КРУГЛИКОВОЙ и ея же сдѣланными книжными украшеніями.

Въ литературномъ отдѣлѣ участвуютъ: К. Д. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКС. БЕНУА М. ВОЛОШИНЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ, В. Я. КУРБАТОВЪ, А. М. РЕМИЗОВЪ Н. К. РЕРИХЪ, ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, ГР. АЛ. Н. ТОЛСТОЙ, А. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ и ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

Художественная сторона изданія подъ наблюденіемъ художника В. Н. ЛЕВИТСКАГО.

Отпечатана книга въ худож.-граф. заведеніи «УНИОНЪ» въ количествѣ 500 нумерованныхъ экземпляровъ.

ЦѢНА НУМЕРОВАННАГО ЭКЗАМПЛЯРА 80 РУБ.

Оставшееся послѣ подписки ограниченное число экземпляровъ книги продается въ конторѣ издательства „СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО“, Пгр., Б. Казачій пер., 9 (тел. 684-36), въ художеств. магазинахъ Общины св. Евгенія Краснаго Креста и въ лучшихъ книжныхъ и художественныхъ магазинахъ Имперіи.

Въ Петроградѣ—книга доставляется на домъ. Заказы принимаются по телефонамъ: 684-36 и 565-23.

Въ провинцію книга высылается изд-ствомъ „СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО“, Петроградъ, Б. Казачій пер. 9) наложнымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ половины стоимости.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

**ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.**

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поразстоянію.

Открыта подписка на 1916 г.

НА НОВЫЙ НАЦИОНАЛЬНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ СЪ ЕЖЕМЪСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА: 1) Обзоры внутренней и вѣшной политики. 2) Статьи научно-общественныя. 3) Церковныя вопросы. 4) Областный отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянской отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Военно-морской отдѣлъ (съ картами). 10) Запросы, письма въ редакцію и др.

Въ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедѣльникъ выходитъ размѣромъ 2 печатн. листа in 4; ежемѣсячники отъ 7 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедѣльника вмѣстѣ съ приложеніями на 1916 г. съ перес. и достав. на домъ 9 р., на $\frac{1}{2}$ г. — 5 р., на $\frac{1}{4}$ г. 3 р., за границу 11 р.

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебн. завед. и для рабочихъ при непосредствен. обращеніяхъ въ главную контору допускается скидка: на годъ 7 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. 50 к.

Цѣна комплекта за 1915 г. 3 руб. 50 коп. вмѣстѣ съ приложеніями. Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к., ежемѣсячника 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостиный дв., Суконная лин. 19), въ конт. «Вечерняго Времени» (Невскій пр., 52), въ желѣзно-дорожныхъ кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Адресъ редакціи и главной конторы:

ПЕТРОГРАДЪ, Преображенская, д. 13, кв. 8; телефонъ 612-86.

Редакторъ *Б. Б. Глинскій.*

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

А. Л. КСЮНИНЪ.

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ.

(Изъ записокъ военного корреспондента).

Люблинъ—Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.— Сандомиръ.— На Варшаву.— Ракитно.— Ловичъ.— Скерневицы.— Бои вокругъ Лодзи.— Вдоль окоповъ.— Послѣ ночныхъ атакъ.— Передъ Баурой.— Противъ ста нѣмецкихъ батарей.— Праснышъ. У проволочныхъ заграждений.— Подъ Варшавой.— Сохачевъ.— Ловичъ.— Мертвый городъ.— Въ Августовскихъ лѣсахъ.— Въ Карпатахъ.— На Дунайѣ.— Львовъ.— Перемышль.— Перемышль губернской.— Старые города.— Горлице.— Ясло.— На Черемошскомъ перевалѣ.— Тяжелые дни.— Стихія-бѣженцы.— Подъ Ригой.— Присягнувшіе Россіи.— Не отъ міра сего.

Обложка художника Н. Самокиша.

ИЗДАНИЕ Б. А. СУВОРИНА

„БИБЛИОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“.

Цѣна 2 рубля.

Поступила во всѣ лучшіе книжные магазины и кіоски
жел. дор. Складъ: Контора изданій Б. А. Суворина,
Невскій, 52. («Вечернее Время»).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ 1916 г.

СТРАИ .

Историческая лѣтопись	VII—XXXII
I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XX—XXVI. (Продолженіе). Марка Басанина.	577
II. Литературныя встрѣчи и знакомства. I—XI. С. С. Окрейца.	613
III. Крѣпостная дворянка. Разсказъ-быль. Е. Карачевского.	643
IV. Изъ воспоминаній о Викторѣ Даниловичѣ Кренке. (Къ столѣтію дня его рожденія). И. М.	663
иллюстрація: Колбецкій погостъ. Могила В. Д. Кренке.	
V. Изъ воспоминаній украинскаго актера. К. И. Ванченка.	680
VI. Маланьинъ зять. (Памяти С. Н. Шубинскаго). Т. А. Мартемьянова.	701
VII. Митрополить Антоній. (По поводу книги М. Б. «Антоній, митрополить с.-петербургскій и ладожскій»). Проф. Вл. Керенскаго.	723
VIII. Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны къ неизвѣстной, писанное 1 февраля 1815 г. изъ Вѣны. Великаго Князя Николая Михайловича.	735
IX. Баронъ Ѳедоръ Романовичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. (Некрологъ). А. А. Башмакова.	745
иллюстрація: Баронъ Ѳедоръ Романовичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ.	
X. На провинціальной газетной нивѣ (Изъ литературныхъ воспоминаній). А. Дунина.	751
XI. Русскій Давось. IV—V. (Окончаніе). П. Зайкина.	759
иллюстраціи: 1) Дворецъ великаго князя Георгія Александровича.— 2) Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны, сгорѣвшій въ 1912 г.— 3) Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны.—4) Часовня на мѣстѣ кончины великаго князя Георгія Александровича.—5) Ущелье Очарованья.—6) Преддверіе Абась-Тумана. Видъ съ одной изъ горъ со стороны Ахалцихской равнины.	
XII. Критика и библиографія	777
1) Перковь Іліи Пророка въ Ярославлѣ. Текстъ Н. Первухина. Фотографія И. Лазарева. Рисунковъ обложки А. Красотина. 1915. Л. л.—2) Е. И. Щепкинъ. Варяжская вира. Одесса. 1916 г. И. Бороздина.—3) Собраніе (См. слѣд. стран.).	

сочиненій Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876 г.). Изданіе историко-филологическаго общества при императорском новороссійскомъ университетѣ подъ редакціей М. Г. Попруженка. Одесса. 1916. А. Ф.—4) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Съ высочайшаго соизволенія. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Выпускъ XV. Пгр. 1915. Мудряшева.—5) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святейшаго Правительствующаго Синода.—Томъ IX (1729 г.). Пгр. 1912 г.—Томъ XVIII (1738 г.). Пгр. 1915 г.—Томъ XIX (1739 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXI (1741 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXII (1742 г.). Москва 1914 г.—Томъ XXIX (1749 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXXII (1752 г.). Пгр. 1915 г.—Томъ XXXIV (1754 г.). Пгр. 1912 г. и томъ L (1770 г.). Пгр. 1914 г. М—лова.—6) Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Вржосова. Томъ I. Съ портретомъ и автографомъ. Томъ II. Москва. 1915. Влад. Книжнина.—7) Г. Прохоровъ. М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). Петроградъ. 1915 г. А. Вознесенскаго.—8) Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе 6-е, значительно дополненное, съ вариантами, бібліографическими примѣчаніями, біографіей, факсимиле и 2 портретами. Москва. 1915. А. Захарова.—9) Памятники міровой литературы. Народная словесность. Калевала. Изданіе 2-е. М. 1915. А. Налмова.—10) Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Составили Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Востокъ. Часть 1-я. Съ рисунками. М. 1915. С. л.—на.—11) Е. А. Рыхликъ. Поэтическая дѣятельность Франца Ладислава Челяковскаго. Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія. Кіевъ. 1915. Андрея Смиротинна.—12) Проф. И. И. Соколовъ. Вселенскіе судьи въ Византіи. Казань. 1915. Т.—13) Вар. В. Э. Нольде. Вѣшняя политика. Историческіе очерки. Пгр. 1915. А. Б.—14) Георгій Чулковъ. Вчера и сегодня. Очерки. Москва. 1916. А. м.—но.—15) Д. А. Лухинъ. Графъ С. Ю. Витте какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915. им. Б.—16) Библіографія русской періодической печати 1703—1900 г.г. (Матеріалы для исторіи русской журналистики). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Пгр. 1915. А. м.—на.—17) Федоръ Комиссаржевскій. Театральныя предюдіи. Съ иллюстраціями. Москва. 1916. Дм. м.—на.—18) Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. I. Египетъ. Вып. II. Ассирія. Переводъ Е. Е. Григоровичъ. Москва. 1916. А. Захарова.—19) Иавѣстія общества изученія Олонедской губерніи № 2—3; № 4; № 5—6. Петрозаводскъ. 1914. м.

XIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	800
XIV. Новости исторіи	803
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи.	810
1) Шекспировскій вопросъ въ новой фазѣ.—2) Еще о германскомъ вронпринцѣ.—3) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—4) Русская княжна—французская королева.	
XVI. Мининскія торжества	827
XVII. Смѣсь	835
1) Всероссийское общество редакторовъ ежедневныхъ газетъ.—2) Въ литературномъ фондѣ.—3) Портретная коллекція П. В. Гейцига.	
XVIII. Некрологи	840
1) Вогацій, Ф. Д.—2) Голицынъ, В. В. академикъ.—3) Гранкинъ, А. Л.—4) Де-Волланъ, Г. А.—5) Никитинъ, П. В.—6) Платоновъ, С. Ф.—7) Праховъ, А. В.—8) Ячевскій, Л. А.	
XIX. Замѣтки и поправки.	846
1) Отвѣтъ г. Н. Кравченку. А. Фрейганга.—2) Къ статьѣ г. Исамайлова о К. М. Фофановѣ. А. Измайлова.	

Приложенія: 1) Портретъ Виктора Даниловича Кренке. 2) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. I—IV.

СОДЕРЖАНИЕ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	СТРАН.
Историческая лѣтопись	V—XXXII, I—XXXII, VII—XXXII
Иллюстраціи: 1) Генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантерій А. Н. Куропаткинъ, главнокомандующій арміей Сѣвернаго фронта.—2) Командующій французской арміей у Вердена генераль Петенъ.	
Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XI—XXVI. (Продолженіе). Марка Басанина.	1, 305, 577
Послѣ Санъ-Стефано. VII—IX. (Окончаніе). Записки графа Н. П. Игнатьева.	32, 330
Живая-мертвая. (Быль времяя крѣпостного права). Е. С. Витковича.	55
Изъ записокъ за 47 лѣтъ. Е. К. Андреевскаго.	77, 366
Изъ дневника погибшаго героя	112
Силуэты прошлаго. (Изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щетинина.	123
Гаршины. В. П. Соколова.	130, 399
Иллюстрація: Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ въ 1884 г.	
Первый царскій поѣздъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. А. А. Танкова.	159
Сорокалѣтіе газеты «Новое Время» (1876—1916 г.г.). Д. М.	166
Иллюстраціи: Редакторы газеты: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.— 2) Владимиръ Ивановичъ Лихачевъ 3) Викторъ Петровичъ Буренинъ.— «истор. вѣстн.», июнь 1916 г	

4) Вогданъ Веніаминовичъ Гей.—5) Михаилъ Павловичъ Федоровъ.—
6) Федоръ Ильичъ Булгаковъ.—7) Михаилъ Николаевичъ Мазаявъ.—8) Бо-
рисъ Алексѣевичъ Суворинъ.

Дѣвичій институтъ царицы Маріи на Цетиньѣ. **М. П. Ватаци.** . . . 194, 491

Въ прошлыхъ вѣкахъ. (Поѣздка по Польшѣ). XI—XVIII. (Окончаніе).

С. Р. Минцлова. 214

Иллюстраціи: 1) Сандомиръ. патовскія ворота.—2) Сандомирская ра-
туша.—3) Развалины замка Оградзинска.—4) Развалины замка Уяздъ.—
5) Древній костелъ въ Климонтовѣ.—6) Ольбушь.—7) Замокъ Казимира
въ Ойцовѣ.

Подруга по институту. (Изъ записокъ бабушки). **Е. Ильиной-Пожарской.** 347

Курьезное недоразумѣніе. (По поводу легенды о Теодорѣ Кузьмичѣ).

А. Н. Витмера 427

Фердинандъ Кобургскій. (По болгарскимъ источникамъ). **П. Стоянова.** 432

Принцъ и нищій. (Изъ воспоминаній о К. М. Фофановѣ). **А. А. Измайлова.** 459

Памяти Ивана Платоновича Барсукова. **М. Барсукова.** 479

М. М. Ковалевскій и московскій университетъ. (Страничка изъ воспоминаній). **Князя Б. А. Щетинина.** 483

Иллюстрація: Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

Русскій Давосъ. **П. Зайкина.** 505 759

Иллюстраціи: 1) Абась-Туманъ; центральная часть мѣстечка; видъ съ
одной изъ горъ.—2) Нижній Абась-Туманъ; рѣка Абастуманка у парка.—
3) Главное ванное зданіе.—4) Водопадъ въ паркѣ.—5) Паркъ и Абасту-
манка.—6) Тополевая аллея въ центральной части Абась-Тумана.—
7) Французскій пансіонъ Решель.—8) Дворецъ великаго князя Георгія
Александровича.—9) Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны, сго-
рѣвшій въ 1912 г.—10) Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны.—
11) Часовня на мѣстѣ кончины великаго князя Георгія Александровича.—
12) Ущелье Очарованья.—13) Преддверіе Абась-Тумана. Видъ съ одной
изъ горъ со стороны Ахалцихской равнины.

Литературныя встрѣчи и знакомства. I—XI. **С. С. Окрейца.** 613

Крѣпостная дворянка (Разсказъ-быль). **Е. Карачевскаго.** 643

Изъ воспоминаній о Викторѣ Даниловичѣ Кренке. (Къ столѣтію днѣя его рожденія). И. М.	663
Иллюстрація: Колбецкій погостъ. Могыла В. Д. Кренке (крестъ напротивъ колокольни).	
Изъ воспоминаній украинскаго актера. К. И. Ванченко.	680
Маланьинъ зять. (Памяти С. Н. Шубинскаго). Т. А. Мартемьянова.	701
Митрополитъ Антоній. (По поводу книги М. Б. «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій»). Проф. Вл. Керенскаго.	723
Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ неизвѣстной, писанное 1 февраля 1815 г. изъ Вѣны. Великаго Князя Николая Михайловича.	735
Баронъ Ѳеодоръ Романовичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ. (Некрологъ). А. А. Башмакова.	745
Иллюстрація: Баронъ Ѳеодоръ Романовичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ.	
На провинціальной газетной нивѣ. (Изъ литературныхъ воспоминаній). А. А. Дунина.	751
Критика и библиографія	240, 526, 777

1) Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Выпускъ II. Подъ редакціей замѣстителя председателя М. К. Соколовскаго. Пгр. 1915. А. о.—2) А. Кизеветтеръ. Историческіе отклики. Москва. 1915. и. в.—3) Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. Соколовской.—4) Труды саратовской ученой архивной комисси. Выпускъ 32-й. Саратовъ. 1915. м.—5) The Tale of the arpmament of Igor. A Russian historical Epic. Edited and translated by Lestard A. Мязпуе. Oxford University Press. 1914. А. Б.—6) Памятники міровой литературы. Творенія славянъ. Сербскій народный эпосъ. Пер. Н. М. Гальковского. М. 1916. А. Малимова.—7) М. Жерлицынъ. Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса. 1915. А. Р. Рудневъ. Академикъ Н. С. Тихонравовъ и его труды по изученію памятниковъ древне-русской литературы. Опытъ историко-литературной характеристики. Изданъ подъ редакціей и наблюденіемъ профессора А. В. Михайлова. Варшава. 1915. Влад. Минимина.—8) Д. Н. Егоровъ. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. I. Матеріалъ и методъ. Москва. 1915. Томъ II. Процессъ колонизаціи. Москва. 1915. А. Захарова.—9) С. Любимовъ. Опытъ историческихъ родословій. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе, Зотовы и Остерманы. Пгр. 1915. Б. Модзалевскаго.—10) Парижскія письма протодіерея Юсифа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 г.г., изданныя съ биографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Д. К. Брод-

I*

скимъ. Петроградъ. 1915. н. г. Р.—11) Алексѣй Ксюнинъ. Народъ на войнѣ. (Изъ записокъ военного корреспондента). Библіотека «Вечернаго Времени». Пгр. 1916. д. м.—12) Начальный курсъ исторіи русскаго языка въ связи съ древне-церковно-славянскимъ. Учебникъ по русскому языку для IV класса среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ И. И. Солосинъ, преподаватель Морского корпуса и Александровской женской гимназіи въ Пгр. Пгр. 1915. л. л.—13) Борисъ Садовской. Лебединныя клики. Петроградъ. 1915. вл. кн.—14) А. Коллонтай. Общество и материнство. I. Государственное страхование материнства. Пгр. 1916. т. м.—15) А. А. Феть. (Шеншигъ). Матеріалы къ характеристикѣ. В. С. Федина. Пгр. 1915. т. м.—16) Н. П. Черепнинъ. Императорское воспитательное общество благородныхъ двѣицъ. Историческій очеркъ. 1764—1914. Томъ II. Пер. 1915. Руниевича.—17) Историческая географія. Лекціи, читанныя профессоромъ С. М. Середонинимъ въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ. Посмертное изданіе. Петроградскій археологическій институтъ. Пгр. 1916. н—ова.—18) Русская исторія въ культурно-бытовыхъ очеркахъ подъ редакціей В. Я. Ульянова. М. 1915. Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство).—Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ быта монголовъ).—П. П. Кащенко. Судъ въ Московскомъ государствѣ.—Н. Н. Коваленская. Вельможа въ фаворѣ и ссылкѣ. (Князя Долгорукіе.—М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII в. Страницы изъ жизни Ломоносова. Съ иллюстраціями. Д. м.—19) Прологъ русско-японской войны. Матеріалы изъ архива графа С. Ю. Витте съ предисловіемъ и подъ редакціей В. Б. Глинскаго. (Съ приложеніемъ портрета графа С. Ю. Витте). Пгр. 1916. с. л—на.—20) Русскіе Проиленіи. Томъ III. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Писанія И. С. Тургенева, не включенныя въ собраніе его сочиненій. Москва. 1915. вл. книжнина.—21) И. И. Гливленко, магистръ исторіи западно-европейскихъ литературъ. Хрестоматія по всеобщей литературѣ. Часть I-я. Античная и средневѣковая литература. Пгр.—Кіевъ. 1916. а. м.—22) Джемсъ Генри Брестедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. Москва. 1915. а. Захарова.—23) Ѳ. М. Россейкинъ. Первое правленіе Фотія, патріарха константинопольскаго. Сергіевъ Посадъ. 1915. Э.—24) Петръ Рысь. Италия. М. 1916. Вернонь Лп. Италия. Избранныя страницы. Театръ и музыка. Пер. Е. Урениусъ, подъ ред. П. Муратова. М. 1915. а. Нахимова.—25) М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Листы пожелтѣлыче. Стихотворенія. гр. 1916. д. м—ко.—26) Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ. Текстъ И. Первухина. Фотографіи И. Лазарева. Рисунокъ обложки А. Крассотина. 1915. л. л.—27) Е. Н. Щенкинъ. Варяжская вира. Одесса 1915. и. Бороздина.—28) Собраніе сочиненій Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876 г.). Изданіе историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ подъ редакціей М. Г. Попруженка. Одесса. 1916. а. ф.—29) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Съ Высочайшаго соизволенія. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Выпускъ XV. Пгр. 1915. Кудряшева.—30) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Томъ IX (1729 г.). Пгр. 1912 г.—Томъ XVIII (1738 г.). Пгр. 1915 г.—Томъ XIX (1739 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXI (1741 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXII (1742 г.) Москва. 1914 г.—Томъ XXIX (1749 г.). Пгр. 1913 г.—Томъ XXXII (1752 г.) Пгр. 1915 г.—Томъ XXXIV (1754 г.). Пгр. 1912 г. и томъ L

(1770 г.). Пгр. 1914 г. М—лова.—31) Каролина Павлова. Собрание сочинений. Редакция и материалы для биографии К. Павловой Валерія Брюсова. Томъ I. Съ портретомъ и автографомъ. Томъ II. Москва. 1915. Влад. Мнжнина.—32) Г. Прохоровъ. М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). Петроградъ. 1915 г. А. Вознесенскаго.—33) Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе 6-е. значительно дополненное, съ вариантами, библиографическими примѣчаніями, біографіей, факсимиле и 2 портретами. Москва. 1915. А. Захарова.—34) Памятники міровой литературы. Народная словесность. Калевала. Изданіе 2-е. М. 1915. А. Налимова.—35) Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Составили Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Востокъ. Часть 1-я. Съ рисунками. М. 1915. с. л—на.—36) Е. А. Рыхликъ. Поэтическая дѣятельность Франца Ладислава Челяковскаго. Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія. Кіевъ. 1915. Андрея Сиротинина.—37) Проф. И. И. Соколовъ. Вселенскіе судьи въ Византіи. Казань. 1915. т.—38) Бар. Ф. Э. Нольде. Вѣщія политика. Историческіе очерки. Пгр. 1915. А. Б.—39) Георгій Чулковъ. Вчера и сегодня. Очерки. Москва. 1916. д. м—ю.—40) Д. А. Лутонинъ. Графъ С. Ю. Витте какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915. им. Б.—41) Библиографія русской періодической печати 1703—1900 г.г. (Материалы для исторіи русской журналистики). Составилъ и издалъ П. М. Лисовскій. Пгр. 1915. А. м—на.—42) Федоръ Коммиссаржевскій. Театральныя прелюдіи. Съ иллюстраціями. Москва. 1916. д. м—ю.—43) Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. I. Египеть. Вып. II. Ассирія. Переводъ Е. Григоровичъ. Москва. 1916. А. Захарова.—44) Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи. № 2—3; № 4; № 5—6; Петрозаводскъ. 1914. м.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго

Вѣстника 261, 545, 800

Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго**. 265, 803

Заграничныя историческія новости и мелочи 273, 548, 810

1) Трагическая ночь бельгійскаго правительства.—2) Австрійскій дворъ наканунѣ войны.—3) Воспитаніе австрійскаго принца.—4) Екатерина Гладстонъ.—5) Австрійскій дворъ наканунѣ войны.—6) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—7) Король Юсифъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—8) Шекспировскій вопросъ въ новой фазѣ.—9) Еще о германскомъ кропприцѣ.—10) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—11) Русская княжна—Французская королева.

Мининскія торжества 827

Смѣсь 290, 564, 835

1) Въ обществѣ русскихъ писателей.—2) Годовое собраніе петроградской губернской ученой архивной комиссіи.—3) Исключеніе изъ академіи иностранныхъ подданныхъ.—4) 35-лѣтіе музыкально-критической дѣятельности В. С. Баскина.—5) 35-лѣтній юбилей К. В. Лувашевичъ.—6) Отъ организаторовъ общественныхъ заводовъ.—7) Памятникъ князю

М. И. Кутузову-Смоленскому.—8) Памяти О. В. Дубасова.—9) Отъ правленія драматическихъ и музыкальныхъ писателей.—10) Конкурсъ на соисканіе премій имени М. И. Михелсона.—11) Годовое собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества.—12) Въ петроградской ученой архивной комисси.—13) Къ юбилею профессора А. А. Иностранцева.—14) Пятидесятилѣтіе общественной дѣятельности П. И. Макушина.—15) 40-лѣтній юбилей М. М. Иванова.—16) Отъ отдѣла воздушнаго флота.—17) Всероссийское общество редакторовъ ежедневныхъ газетъ.—18) Въ литературномъ фондѣ.—19) Портретная коллекція П. В. Гейцига.

Некрологи 298, 570, 840

1) Алексѣевъ, А. С., проф.—2) Бахрушинъ, А. А.—3) Сабуровъ, А. А.—4) Саккетти, Л. А.—5) Суриковъ, В. И.—6) Томашевскій, С. П.—7) Артемьевъ, П. А.—8) Вильгельминъ, Г. М.—9) Владимірскій-Будановъ, М. Ф.—10) Ковалевскій, М. М.—11) Менцицъ, В. А.—12) Обнинскій, В. П.—13) Плющевскій-Плющикъ, Я. А.—14) Протопоповъ, В. В.—15) Радченко, З. О.—16) Богацкій, Ф. Д.—17) Голицынъ, В. В., академикъ.—18) Гранкинъ, А. Л.—19) Де-Волланъ, Г. А.—20) Никитинъ, П. В.—21) Платоновъ, С. О.—22) Праховъ, А. В.—23) Ячевскій, Л. А.

Замѣтки и поправки 302, 576, 846

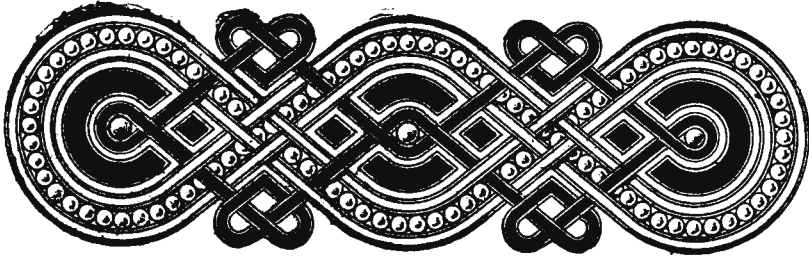
1) Къ статьѣ А. Фрейганга «Въ защиту славнаго прошлаго». А. Радецкаго.—2) Отвѣтъ г. Н. Кравченку. А. Фрейганга.—3) Къ статьѣ г. Измайлова о К. М. Фофановѣ. А. Измайлова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Михаила Алексѣевича Суворина.—2) Евгенія Константиновича Андреевскаго.—3) Виктора Даниловича Кренке.—4) Въ бархатныхъ когтяхъ. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова. (Окончаніе). 5) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея-Веймана. Переводъ съ англійскаго А. В. Михайлова. I—IV.

ВИКТОРЪ ДАНИЛОВИЧЪ КРЕНКЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОСЬМОГО марта въ Аргоннахъ происходилъ бой ручными гранатами. У Отъ-Шевоше французская артиллерія подвергла разрушительному огню германскія укрѣпленія около дороги изъ Вьень-ле-Шато въ Бинарвилль. На лѣвомъ берегу Мааса, въ районѣ Маланкуръ, продолжалась ожесточенная бомбардировка, направленная противъ деревни Фрэнъ и высоты «304». Французская артиллерія отвѣчала съ величайшей энергіей на огонь непріятельскихъ батарей. Непритель въ теченіе дня 8-го марта не дѣлалъ попытки перейти въ атаку. Въ нѣсколькихъ пунктахъ фронта къ востоку отъ Мааса и въ Веврѣ происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка. Въ Лотарингіи французская артиллерія обстрѣляла германскія оборонительныя сооруженія къ сѣверо-востоку отъ Амбермениля.

Въ Верхнемъ Эльзасѣ французская артиллерія подвергла обстрѣлу непріятельскія войска, выступившія изъ Нидерларга къ юго-востоку отъ Сепсуа. Въ теченіе дня 8-го марта одинъ изъ летчиковъ сбиль германскій аэропланъ, который упалъ, объятый пламенемъ, въ районѣ Дуомона. Въ ночь съ 7-го на 8-ое марта французскіе летчики бомбардировали желѣзнодорожныя станціи Дэнъ-сюръ-Мезъ и Одэнъ-ле-Романъ и непріятельскіе бивуаки въ районѣ Виньелля. Французскія артиллерія и войска на солунскомъ фронтѣ атаковали германскіе передовые посты близъ Матчикова съ удовлетворительными результатами.

Небольшіе пѣхотные бои съ успѣшнымъ для итальянцевъ результатомъ происходили близъ Роверетто, у Рио-Гранука и на высотахъ Горицы. Всѣ атаки нѣмцевъ на итальянскія позиціи въ ночь съ 7-го на 8-ое марта и днемъ 8-го марта

въ долину Даопе, въ долину Греста, въ долину Тераньоло и на возвышенности Равниладъ были отбиты. Отбита была также итальянцами атака нѣмцевъ у Тольмино.

На греко-болгарской границѣ болгарская стража замѣнена германской.

9-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На всемъ фронтѣ развивается рядъ боевъ. Въ рижскомъ районѣ у сел. Плаканень и въ районѣ южнѣе острова Далена наши войска имѣли столкновенія съ сильными отрядами непріятеля. Въ якобштадтскомъ участкѣ нами съ боя занята деревня и лѣсъ восточнѣе Августингофа, а равно и лѣсъ между лѣсн. Дукернекъ и д. Дельвинекъ, въ районѣ Бушгофъ. Подъ Двинскомъ перестрѣлка. Южнѣе двинскаго района оживленные пѣхотные и артиллерійскіе бои продолжаются. Наша артиллерія удачно обстрѣляла районъ сѣвернѣе Минцюны, гдѣ было обнаружено накапливаніе противника. Погушивъ огонь непріятельскихъ батарей въ районѣ Мешкеле, наши войска овладѣли линіей непріятельскихъ окоповъ на участкѣ Минцюны—озеро Секлы. Попытки противника перейти въ наступленіе южнѣе Тверечи отбиты нашимъ огнемъ. Въ районѣ Вилейты—Можеики (сѣвернѣе м. Поставы) развиваются ожесточенные пѣхотные бои; непріятель ведетъ сильныя контръ-атаки противъ нашихъ войскъ, выбившихъ мѣстами противника изъ его окоповъ и захватившихъ при этомъ непріятельскій пулеметъ. Въ районѣ Черняты—Лотва (сѣвернѣе озера Мядзіоль) послѣ усиленной огневой подготовки непріятель атаковалъ наше расположеніе. Атака противника отбита нашимъ огнемъ. У юго-западнаго берега озера Нарочь бой развивается успѣшно для нашихъ войскъ. Несмотря на выпущенные нѣмцами газы и губительный огонь, наши войска, преодолевъ три линіи проволочныхъ загражденій, стремительными атаками послѣдовательно взяли три линіи непріятельскихъ окоповъ. Попытки контръ-атакъ противника остановлены нашимъ огнемъ съ примѣненіемъ нами снарядовъ съ удушливыми и ядовитыми газами. Наши трофеи выясняются; пока зарегистрировано германцевъ 17 офицеровъ, болѣе тысячи нижнихъ чиновъ, 12 пулеметовъ, прожекторъ и бомбометы. Въ районѣ Сморгони сильная перестрѣлка. Участокъ, прилегающій къ рѣкѣ Вили, обстрѣливается непріателемъ сильнымъ огнемъ. Въ районѣ Дѣлятичи—Барановичи появлялись германскіе аэропланы надъ нашимъ расположеніемъ. Въ районѣ московско-брестскаго шоссе и сѣвернѣе д. Телеханы оживленная перестрѣлка. Въ районѣ къ юго-востоку отъ Колки наши развѣдчики захватили непріятельскую заставу. По дополнительному полученнымъ даннымъ, у Михальче, кромѣ двухъ орудій, захвачено шесть исправныхъ бомбометовъ, значительное количество ружей, ящики съ бомбами, снарядами, патронами и разнымъ снаряженіемъ. Плѣнныхъ взято 106 человекъ.

Въ Персіи послѣ боя нами занятъ городъ Исфаганъ. Населеніе этого города, измученное грабежами нѣмцевъ и ихъ наемниковъ, восторженно встрѣтило нашъ отрядъ, съ которымъ вступили въ Исфаганъ бѣжавшіе къ намъ ранѣе персидскіе генераль-губернаторъ и власти.

9-го марта дѣятельность артиллеріи отличалась большимъ напряженіемъ на разныхъ пунктахъ фронта бельгійской арміи, въ частности къ сѣверу отъ Стеенстрате.

9-го марта французское правительство увѣдомляло о слѣдующемъ:

«Къ западу отъ рѣки Мааса весьма оживленная артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Маланкуръ и Энъ и у высоты «304», особенно ожесточенная у холма Окуръ. Къ востоку отъ рѣки Мааса напряженная бомбардировка въ районѣ Во—Дамлу. На остальномъ фронтѣ ночь съ 8-го на 9-ое марта прошла спокойно.

«9-го въ Бельгiи наша артиллерiя обстрѣляла траншеи и подходы къ нимъ на непрiятельской второй линiи въ районѣ Стеенстрате. Къ сѣверу отъ рѣки Эна мы обстрѣляли артиллерiйскимъ огнемъ секторъ Вилль-о-Буа. Въ Аргоннахъ былъ сосредоточенъ огонь на германскихъ оборонительныхъ сооруженiяхъ къ сѣверу отъ Фуръ-де-Пари и Филь-Мортъ въ районѣ Монкофонъ—Нантиллуа. Между Отъ-Шевоше и высотой «265» шель успешный для насъ минный бой. Бомбардировка происходила съ особой силой въ лѣсу Маланкуръ. Къ западу отъ рѣки Маасъ послѣ ожесточенной бомбардировки, продолжавшейся весь день, германцы направили нѣсколько атакъ на нашъ фронтъ между лѣсомъ Авокуръ и селенiемъ Маланкуръ. Всѣ попытки непрiятеля выйти изъ лѣса Авокуръ были остановлены нашимъ встрѣчнымъ артиллерiйскимъ огнемъ и огнемъ пѣхоты. Непрiятелю удалось удержаться на небольшомъ холмѣ Окуръ, приблизительно въ одномъ километрѣ къ юго-западу отъ Маланкура. Къ востоку отъ рѣки Мааса напряженная бомбардировка происходила въ районѣ Дуомонъ—Во».

10-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

«Въ рижскомъ районѣ бой развивается. Въ якобштадтскомъ участкѣ наши части прорвали расположенiе противника, развивъ свой вчерашнiй успѣхъ. Подъ Двинскомъ наша артиллерiя удачно разогнала нѣмцевъ, накапливавшихся около Шишкова. Южнѣ двинскаго района до озера Дрисвяты сильный огневой бой. На участкѣ Минцоны—озеро Секлы (южнѣ озера Дрисвяты) противникъ перешелъ въ контръ-атаку и захватилъ часть взятыхъ у него на канунѣ окоповъ. Въ центрѣ этого участка идетъ сильный огневой бой. На фронтѣ Вилейты—Можейки (сѣверо-западнѣ м. Поставы) и въ районѣ озеръ Мядзюль и Нарочь бой продолжается. Юго-западнѣ озера Нарочь наши войска, отбивъ контръ-атаки противника, подъ сильнымъ огнемъ вновь продвинулись впередъ. Въ районѣ южнаго берега озера Нарочь нѣмцы стрѣляли удушливыми снарядами. Южнѣ до района Полъсья происходила мѣстами оживленная перестрѣлка. Въ Галици, въ районѣ Верхней Стрыпы, къ юго-востоку отъ Козлова нами отбита атака противника съ большими для врага потерями. Южнѣ мы нѣсколько продвинулись впередъ и закрѣпили за собой занятое пространство. На Днѣстрѣ нашими частями были съ боя заняты дд. Датачъ и Хмѣлевка.

На кавказскомъ фронтѣ продолжалась дальнѣйшее продвиженiе впередъ нашихъ войскъ.

10-го марта на французскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ рѣки Эна французы направляли разрушительный артиллерiйскiй огонь по германскимъ укрѣпленiямъ на плоскогорьѣ Воклеръ. Въ Аргоннахъ французы неоднократно сосредоточивали огонь на непрiятельскихъ сооруженiяхъ вдоль шоссеиныхъ и же-

лѣзныхъ дорогъ въ Восточныхъ Аргоннахъ и въ лѣсу Маланкуръ. Къ западу отъ рѣки Мааса поддерживалась непрерывная бомбардировка въ районѣ Маланкуръ и на французскомъ фронтѣ Бетанкуръ—Мортгомъ—Кюмьеръ. На востокъ отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ артиллерійская перестрѣлка достигла извѣстнаго напряженія. Въ теченіе дня 10-го марта никакихъ пѣхотныхъ дѣйствій здѣсь не было. Въ Вогезахъ французы бомбардировали расположенія непріятели въ окрестностяхъ Мюльбаха.

10-го марта на большемъ протяженіи бельгійскаго фронта происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Однако къ западу отъ Стеенстрате артиллерійскій поединокъ въ теченіе дня 10-го марта приобрѣлъ необычайно ожесточенный характеръ. Бельгійцы вездѣ успѣшно отвѣчали на огонь непріятельскихъ батарей.

10-го марта британская главная квартира во Франціи офиціально сообщила: «Мы произвели нѣсколько успѣшныхъ внезапныхъ нападеній на непріятельскія траншеи у дороги Гоммкуръ—Бегюнь—Лабассэ, захвативъ въ плѣнъ одного германца, забросавъ бомбами и взорвавъ три непріятельскія землянки, занятыя значительнымъ числомъ германцевъ. Непріятель взорвалъ небольшую мину къ сѣверу отъ Арраса и двѣ мины у Невшанелль, причинивъ при этомъ легкія разрушенія въ нашихъ траншеяхъ. Произведенная германцами атака ручными бомбами къ сѣверу отъ Арраса нами отбита. Продолжалась артиллерійская перестрѣлка у Фрикура, Гоммкура, Сушэ и Гогенцоллернскаго редута. У Ипра нашимъ огнемъ въ одномъ пунктѣ вызванъ сильный взрывъ въ непріятельскихъ линіяхъ».

11-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Въ районѣ Фридрихштадта наши развѣдывательныя части, переправившіяся за Двину, захватили нѣмецкій пулеметъ. На якобштадтскомъ участкѣ нѣмцы въ значительныхъ силахъ переходили у Августингофа въ контръ-атаку, успѣшно отбитую нами; сѣверо-западнѣе озера Варгунекъ наше наступленіе развивается. Подъ Двинскомъ наши части, отбивъ нѣсколько контръ-атакъ противника, продвигаются впередъ. Южнѣе двинскаго района бой продолжался. Въ районѣ сѣвернѣе м. Видзы, на участкѣ Мешкеле Клипы (сѣверо-западнѣе озера Секлы), въ теченіе ночи на 10-ое марта велся напряженный, мѣстами рукопашный бой. Несмотря на сильный огонь противника, наши войска настойчивымъ натискомъ преодолѣли всѣ полосы непріятельскихъ загражденій на участкѣ Клипы. Произведенная нѣмцами контръ-атака была отражена. Наша артиллерія во многихъ мѣстахъ держитъ подъ огнемъ участки непріятельской позиціи, препятствуя противнику исправлять поврежденія. Между озерами Нарочь и Вишневоое бой продолжался. Наши войска выбили противника изъ роць въ районѣ Близникъ—Мокрица, сильно укрѣпленныхъ и затянутыхъ силою проволокою. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, въ бояхъ 5-го—8-го марта нашими войсками взято въ плѣнъ: въ районѣ сѣверо-западнѣе Поставы 2 офицера и 180 нижнихъ чиновъ германцевъ, въ районѣ озера Нарочь 18 офицеровъ, 1.255 нижнихъ чиновъ германцевъ. Кромѣ того, нами захвачено 18 пулеметовъ, 26 полевыхъ бомбометовъ, 10 ручныхъ бомбометовъ, 2 миномета, 15-сантиметровая мортира, 4 прожектора, 637 винтовокъ, одинъ ящикъ съ бом-

бами, 300 ручныхъ гранатъ и 12 подводъ съ снаряженіемъ и боевыми припасами. Южнѣе, до района Полѣсья и въ Галиціи во многихъ мѣстахъ оживленная перестрѣлка.

На кавказскомъ фронтѣ движеніе впередъ продолжается. Въ Персіи къ югу отъ Урмійскаго озера нами разсыяно нѣсколько курдо-турецкихъ отрядовъ.

11-го марта въ Аргоннахъ, послѣ взрыва одной изъ французскихъ минъ въ Вокуа, непріятель пошелъ въ атаку и имѣлъ возможность на короткое время удержаться во французскихъ траншеяхъ первой линіи. Онъ былъ немедленно выбитъ контръ-атакой, во время которой французы захватили 30 плѣнныхъ. Дѣятельность французской артиллеріи продолжалась съ прежнимъ напряженіемъ на путяхъ сообщенія непріятеля въ Восточныхъ Аргоннахъ и въ лѣсу Маланкуръ—Авокуръ. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена продолжалась съ перерывами бомбардировка французскихъ вторыхъ линій къ западу и востоку отъ Мааса, на что французскія батареи энергично отвѣчали. Къ сѣверо-востоку отъ Сень-Миэля французы успѣшно обстрѣляли изъ дальнобойныхъ орудій станцію Виньель, гдѣ разрушенъ ангаръ и взорвался поѣздъ, находившійся на станціи.

11-го марта итальянская главная квартира сообщала:

«Непріятельскія колонны, передвигавшіяся въ районѣ Верхняго Астико при входѣ въ долину Вальдаса и на горахъ къ востоку отъ долины Ферзина, были обстрѣяны нашей артиллеріей, которая также открыла огонь по поѣзду съ грузомъ военныхъ припасовъ на станціи Кальпонацо. Въ долину Кордеволе во время свирѣпствовавшей метели наши войска расширили до Ріо-Песторть пространство, занятое на сѣверо-восточномъ отрогѣ Сассо-ди-Меццоди, а также мѣстности Валлацъ и Руацъ въ глубинѣ долины. Въ Карніи въ ночь на 10 марта непріятельскій отрядъ въ бѣлыхъ плащахъ атаковалъ наши позиціи на лѣвомъ берегу Ріо-ди-Ланца (въ Верхнемъ Кіарцо), но былъ тотчасъ же отброшенъ. Вдоль фронта Изонцо вчера попрежнему шелъ артиллерійскій поединокъ съ продолжительными перерывами, вызванными туманомъ и проливнымъ дождемъ. Наша артиллерія подвергла обстрѣлу станцію Санта-Лючіа-ди-Тольмино и деревню Модрея, гдѣ было замѣчено передвиженіе войскъ».

12-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

На рижскомъ фронтѣ происходили артиллерійская и ружейная перестрѣлка. На якобштадтскомъ участкѣ наши части продолжали развивать успѣхъ къ юго-востоку отъ Августингофа, завладѣвъ послѣ ожесточеннаго боя укрѣпленнымъ райономъ д. Епукнъ и выдержавъ здѣсь нѣсколько яростныхъ нѣмецкихъ контръ-атакъ. На лѣвомъ флангѣ якобштадтскаго района, южнѣе Ливенгофа, также завязался бой. На фронтѣ Двинскаго района наши части, закрѣпляя мѣстами захваченное пространство, продолжали продвигаться впередъ. Въ районѣ сѣвернѣе Видзы наши войска атаковали одну изъ позицій противника на участкѣ сѣверо-западнѣе озера Секлы. Не взирая на ураганный огонь противника, наши войска успѣшно преодолеваютъ многочисленныя искусственныя препятствія. Германцы вели огонь разрывными пулями. Сѣверо-западнѣе Поставы попытки противника, пользуясь снѣжной вьюгой, исправлять разрушенныя нашимъ огнемъ загражденія были остановлены во-время от-

крытымъ огнемъ нашихъ батарей. Южнѣе до Полѣсья и въ районѣ послѣдняго перестрѣлка. На нѣкоторыхъ участкахъ огонь артиллеріи принималъ очень оживленный характеръ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы уничтожили у анатолійскихъ береговъ 16 парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ движеніе впередъ нашихъ войскъ успѣшно продолжалось.

12-го марта британское адмиралтейство увѣдомило:

«16 февраля въ Сѣверномъ морѣ произошелъ бой между германскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Greif», замаскированнымъ норвежскимъ торговымъ судномъ, и британскимъ вооруженнымъ торговымъ судномъ «Alcantara». Бой кончился гибелью обоихъ судовъ. Германскій крейсеръ затонулъ отъ орудійнаго снаряда, «Alcantara» же, повидимому, отъ мины. Пять германскихъ офицеровъ и 115 человекъ экипажа были подобраны и взяты въ плѣнъ; весь же экипажъ, какъ полагаютъ, состоялъ болѣе чѣмъ изъ 300 человекъ. Британцы потеряли пять офицеровъ и 69 человекъ экипажа. Слѣдуетъ замѣтить, что во время всего боя непріятель стрѣлялъ съ судна, борты котораго были выкрашены въ норвежскіе національные цвѣта. Это извѣстіе публикуется нынѣ, такъ какъ изъ полученной германской радиотелеграммы явствуетъ, что, по свѣдѣніямъ непріятеля, «Greif», однотипный съ «Moeve», былъ уничтоженъ прежде, чѣмъ ему удалось перейти линію нашего сторожевого охраненія».

Британскія войска на правомъ берегу Тигра захватили небольшой наблюдательный постъ непріятеля. Германцы взорвали мину близъ Гогенцоллернскаго редута и заняли траншеи, но были выбиты оттуда англичанами. Два внезапныхъ нападенія противника на французскія траншеи у Круа-де-Кармъ отбиты. На балканскомъ фронтѣ, у Матчикова, происходила канонада. 22 французскихъ аэроплана сбросили бомбы въ германскій лагерь. Вслѣдствіе постановки нѣмцами минъ въ Зундѣ сообщеніе между островомъ Борнгольмомъ и Даніей затруднено. Болгары заняли на греческой территоріи Петтаросъ и Лумницу и грабятъ населеніе.

13-го марта сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Въ рижскомъ районѣ германская артиллерія открывала огонь по Шлоку и по икскюльскому предмостному укрѣпленію. На якобштадтскомъ участкѣ германцы перешли въ наступленіе въ районѣ Митавской желѣзной дороги, но были отбиты огнемъ. На нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ участка оживленный артиллерійскій огонь. Западнѣе Двинска наши войска овладѣли однимъ изъ окоповъ непріятеля, захвативъ плѣнныхъ. Въ районѣ сѣверо-западнѣе Поставы и между озерами Нарочь и Вишневское ожесточенные бои продолжаются.

На остальномъ фронтѣ до Полѣсья мѣстами сильная перестрѣлка. Южнѣе Карпиловки (западнѣе Деражно) непріятель пытался произвести атаку, но былъ разсѣянъ ружейнымъ и бомбометнымъ огнемъ. Въ Галиціи непріятель произвелъ нападеніе на одну изъ нашихъ позицій въ районѣ впаденія Стрыпы въ Днѣстръ, но также былъ отбитъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Верхняго Чороха наши части энергично продвигаются впередъ, выбивая турокъ съ высотъ, укрѣпленныхъ нѣ-

сколькими ярусами окоповъ. Въ районѣ къ юго-востоку отъ гор. Битлиса наши войска значительно продвинулись впередъ.

Примѣчаніе: Приведенный въ сообщенія штаба 11 марта фактъ взятія нами 18 офиц. и 1.255 нижн. чиновъ германцевъ при атакѣ и занятія ихъ окоповъ въ германскомъ сообщеніи переданъ словами: «Маленькій дугообразный участокъ нашего фронта южнѣе озера Нарочь мы отодвинули назадъ на нѣсколько сотъ метровъ, на высоты у д. Близники, дабы укрыться отъ концентрическаго огня».

13-го марта утромъ британскіе аэропланы атаковали германскіе воздухоплавательные ангары въ Шлезвиг-Голштиніи, къ востоку отъ острова Сильта. Гидропланы были доставлены къ исходному пункту близъ германскаго побережья подъ конвоемъ легкихъ крейсеровъ и контръ-миноносцевъ «Medusa» и «Lachegok». Вслѣдствіе бурной погоды произошло столкновение судовъ, во время котораго, какъ опасаются, погибъ контръ-миноносецъ «Medusa». Въ отношеніи экипажа опасеній пока не имѣется. Англійскіе четыре контръ-миноносца потопили два германскихъ вооруженныхъ сторожевыхъ судна.

На границѣ между Гевгели и Дойраномъ произошло столкновение между французскими и нѣмецкими постами.

Положеніе подъ Верденомъ къ 13 марта обрисовывалось въ такомъ видѣ:

«Уже четвертый день непріятель не предпринимаетъ нѣхотныхъ атакъ. Его тяжелая артиллерія продолжала съ нѣкоторыми перерывами обстрѣливать французскія позиціи къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ. Особенно напряженнымъ огонь былъ на западѣ противъ французскихъ позицій первой линіи на пространствѣ между селеніемъ и лѣсомъ Маланкуръ, а также противъ французскихъ второлінейныхъ траншей на возвышенности «304» у Эна. Французы успѣшно отвѣчали на артиллерійскій огонь германцевъ и препятствовали сосредоточенію войскъ, обстрѣливая въ особенности въ Аргоннахъ пути сообщенія и центральный пунктъ снабженія германцевъ припасами, чтобы воспрепятствовать новой организаціи и перегруппировкѣ войскъ на этомъ фронтѣ, къ чему, германцы, несомнѣнно, стремятся, такъ какъ они матеріально и нравственно слишкомъ связаны съ операціями противъ Вердена, чтобы окончательно отказаться отъ нихъ».

14-го марта штабъ Верх. Главн. извѣстилъ о томъ, что бой къ западу и югу отъ Августингофа (на фронтѣ якобштадтскаго района) продолжался. На всемъ фронтѣ Двины участились полеты нѣмецкихъ аэроплановъ. Въ Двинскѣ ими сброшено 20 бомбъ. Въ районѣ сѣверо-западнѣе Поставы наши войска послѣ упорнаго боя овладѣли двумя линіями непріятельскихъ окоповъ. Наступленіе нашихъ войскъ въ районѣ между озерами Нарочь и Вишневское встрѣтило упорное сопротивленіе непріятели. На станціи Столбцы и Кайданово (юго-западнѣе Минска) непріателемъ сброшены бомбы.

На остальныхъ участкахъ фронта боевыя дѣйствія также развивались.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка, пода огнемъ батарей Зунгулдака, потопила пароходъ, имѣвшій на буксирѣ баржи съ углемъ, которыя выбросились на берегъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши войска, сбивъ турокъ, перешли въ наступленіе на лѣвый берегъ рѣки Балтачи-Дараси) впа-

дающей въ Черное море у с. Балтаджи); на остальныхъ участкахъ наше движение продолжалось.

14-го марта итальянская главная квартира доносила: «Днемъ 12 марта снова завязался артиллерійскій поединокъ въ районѣ Роверетто и у верховьевъ Астилико. Наблюдалось передвиженіе непріятельскихъ войскъ при входѣ въ долину Ашистикко и прибытіе поѣздовъ на станцію Кальдонаццо. Въ эту станцію нѣсколько разъ попадали наши снаряды. На Верхнемъ Бугѣ послѣ усиленной артиллерійской подготовки непріятель атаковалъ наши позиціи у Паль-Пикколо, добиваясь занятія одной траншеи. Послѣ нашей ожесточенной контръ-атаки на протяженіи всего фронта отъ Моте-Кроче до Паль-Гранде мы заняли укрѣпленные траншеи непріятеля на Селлетта (Фрейкофель) и перевалѣ Кавалло, гдѣ захватили 63 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 3 офицеровъ.

«У Паль-Пиколло ожесточенный бой продолжался 30 часовъ. Послѣ шести бѣшеныхъ атакъ наша пѣхота штыковымъ ударомъ ворвалась въ потерянную нами траншею и окончательно ею завладѣла. Сотни непріятельскихъ труповъ остались на полѣ битвы. Вдоль остального фронта происходила артиллерійская перестрѣлка, особенно напряженная на высотахъ къ сѣверу-западу отъ Горицы.

«14-го марта утромъ отряды непріятельскихъ летчиковъ поднялись надъ равниною между Изонцо и Пиаве съ цѣлью обстрѣла нашихъ тыловыхъ сообщеній и поврежденія мостовъ. Но налетъ этотъ не удался. Принужденные огнемъ нашей артиллеріи держаться на большой высотѣ, летчики сбросили нѣсколько десятковъ бомбъ, которыми, однако, никто не былъ убитъ и не было причинено вреда. Мѣткій огонь нашихъ орудій сбиль одинъ изъ аэроплановъ близъ Аджіелло и гидропланъ въ лагунѣ Градо; третій аэропланъ былъ сбитъ ружейнымъ огнемъ близъ моста Приула (Пиаве). Изъ шести непріятельскихъ летчиковъ одинъ майоръ, командиръ отряда, былъ убитъ и пять другихъ летчиковъ взяты въ плѣнъ».

Въ Лотарингіи въ лѣсу Паруа Французы взорвали непріятельскія укрѣпленія. Попытки германцевъ напасть на французскія траншеи первой линіи между Соммой и Авромъ совершенно не удались.

На фронтѣ британскихъ войскъ во Франціи англичане послѣ взрыва минъ успѣшно заняли у Сентъ-Эдуа двѣ линіи окоповъ на фронтѣ въ 600 ярдовъ линіи и захватили плѣнныхъ.

15-го марта штабъ Верх. Главн. сообщилъ, что въ рижскомъ участкѣ происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Наша артиллерія удачно обстрѣляла окопы и батареи противника западнѣ Олая и передъ икскульскимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. На якобштадтскомъ участкѣ Нѣмцы послѣ сильнаго артиллерійскаго огня повели атаку въ районѣ с. Варгунекъ, но были отбиты. Въ районѣ сѣверо-западнѣ Поставы непріятель оказываетъ упорное сопротивленіе, переходя мѣстами въ яростныя контръ-атаки. Въ районѣ западнѣ озера Нарочь противникъ занялъ лѣсъ, что къ югу отъ д. Мокрица; нашей контръ-атакой германцы были выбиты изъ сѣверной части лѣса, причемъ нами захвачены два пулемета и плѣнные четырехъ разныхъ полковъ. Въ Полѣсьѣ и на участкахъ фронта, примыкающихъ къ нему съ сѣвера и юга, боевыя столкновенія не прекращаются.

Въ Галиціи, въ районѣ къ сѣверу отъ Бояна, нами одновременно было взорвано 13 горновъ, послѣ чего наша пѣхота быстро прошла двѣ линіи непріятельскихъ окоповъ. Оставшіеся послѣ взрыва горновъ защитники укрѣпленій были большею частью истреблены ручными гранатами и въ рукопашной схваткѣ. Одинъ кадетъ и 125 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Кромѣ того, захвачено 2 пулемета, минометъ, бомбометъ, прожекторъ и много ручного оружія. Пять непріятельскихъ орудій, захваченныхъ въ бою, за невозможностью ихъ вывезти приведены въ полную негодность. Несмотря на рѣзкое ухудшеніе погоды на всемъ фронтѣ и чрезвычайно тяжелыя почвенныя условія, наши войска самоотверженно продолжаютъ выполненіе поставленныхъ имъ задачъ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы уничтожили у береговъ Анатоліи 10 парусныхъ судовъ, разрушили 2 моста и сожгли складъ съ припасами.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши войска, преодолевая упорное сопротивленіе турокъ, послѣ артиллерійской подготовки судовой артиллеріи, сбили противника съ позицій въ районѣ рѣки Балтачи-Дараси и съ боя заняли на берегу Чернаго моря городъ Офъ. Съ наступленіемъ темноты турки на всемъ приморскомъ участкѣ непрерывно вели контръ-атаки, которыя успѣшно нами отражались. Къ юго-востоку отъ Битлиса въ ночь съ 11 на 12 марта нами съ боя взято мѣстечко Хизанъ; турки, оборонявшіе его, бѣгутъ на югъ.

15-го марта членъ Государственнаго Совѣта генераль-отъ-инфантеріи Поливановъ Всемилоствѣйше былъ уволенъ, согласно прошенію его, отъ должности военнаго министра, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Главный полевой интендантъ генераль-отъ-инфантеріи Шуваевъ Всемилоствѣйше назначенъ военнымъ министромъ.

Подъ Верденомъ возобновилось съ удвоеннымъ ожесточеніемъ наступленіе германцевъ; французы отразили рядъ сильныхъ атакъ, причѣмъ непріятель понесъ большой уронъ отъ огневой завѣсы противника. Въ Аргоннахъ французская артиллерія продолжала дѣятельно обстрѣливать непріятельскія сооруженія, вызвавъ сильный взрывъ въ германской батарее у лѣса Монфоконъ.

Въ Веврѣ и въ Вогезахъ происходили оживленные артиллерійскіе бои. Несмотря на весьма сильный артиллерійскій огонь, англійская пѣхота успѣшно удерживала занятую наканунѣ англичанами территорію у Сентъ-Элуа.

Въ Парижѣ закрылась конференція представителей союзныхъ державъ, единогласно принявшая резолюцію, подтверждающую полное согласіе и солидарность союзниковъ въ отношеніи мѣръ какъ финансовыхъ, такъ и принятыхъ для единства дѣйствій на всемъ протяженіи фронта.

16-го марта штабъ Верх. Главн. увѣдомилъ:

На фронтѣ двинскаго района продолжался бой. Южнѣ двинскаго района мѣстами имѣлъ мѣсто сильный артиллерійскій огонь. Въ районѣ западнѣе озера Нарочь противникъ былъ выбитъ и изъ южной части роци, что въ югу отъ д. Мокрица. Послѣдовавшая контръ-атака противника отбита огнемъ. Въ районѣ Огинскаго канала мѣстами сильная перестрѣлка. У д. Сомино наши части прорвались за проволочныя загражденія сторожевого охраненія противника и выбили его изъ окоповъ. Германцы бѣжали за каналъ. Непріятельскими

летчиками были сброшены бомбы въ районѣ ст. Полицы и Лунинецъ. На фронтѣ Средней Стрыпы нами были отбиты попытки противника приблизиться къ окопамъ. На всемъ фронтѣ наступила ростепель, болотистыя и озерныя пространства заливаются водою. Ледъ на рѣкахъ и озерахъ не только южнаго, но и всего сѣвернаго района покрывается водою и у береговъ рыхлѣть. Таяніе глубокаго снѣжнаго покрова и полотна дорогъ на всемъ сѣверномъ районѣ создаетъ необычайныя трудности для движенія войскъ и артиллеріи.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ участкѣ наши части, занявшія высоты на лѣвомъ берегу р. Огене-Дере, 14 марта въ теченіе ночи выдержали рядъ отчаянныхъ контръ-атакъ противника. Всѣ контръ-атаки были отбиты, и турки, понеся огромныя потери, отступили, нами захвачены плѣнные и одно орудіе. На эрзинджанскомъ направленіи нами были также взяты плѣнные.

Три контръ-атаки нѣмцевъ въ направленіи занятыхъ французами позицій въ лѣсу Авокуръ успѣшно отражены. У д. Маланкуръ нѣмцы удержались въ выдвинутомъ укрѣпленіи къ сѣверу отъ Маланкура и захватили два дома въ деревнѣ.

Бой у Горицы, длившійся около 40 часовъ, окончился благопріятно для итальянцевъ.

17-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Въ рижскомъ районѣ германцы обстрѣливали икскульское предместное укрѣпленіе ураганнымъ артиллерійскимъ огнемъ. На якобштадтскомъ участкѣ противникъ сильно обстрѣливалъ окрестности дер. Епукнѣ (юго-восточнѣе Августингофа) и затѣмъ перешелъ въ наступленіе, но нашимъ огнемъ былъ отбитъ. Части противника, наступавшія въ районѣ рѣки Олдевейнца, отогнаны были нами обратно за рѣку. Подъ Двинскомъ происходила перестрѣлка.

Южнѣе двинскаго района мѣстами оживленная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Наступленіе противника къ югу отъ м. Видзы отбито огнемъ. Къ западу отъ озера Нарочь накапливаніе противника въ окопахъ южнѣе дер. Мокрица разсѣяно нашимъ огнемъ. Въ районѣ Огинскаго канала велся сильный артиллерійскій огонь. Южнѣе Припяти и въ Галиціи перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. Нашимъ ружейнымъ огнемъ подбитъ непріятельскій аэропланъ, упавшій въ районѣ Трёмбовли. Два летчика, капитанъ и лейтенантъ, захвачены въ плѣнъ.

На всемъ фронтѣ ростепель и усиленное таяніе снѣговъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ бояхъ по приморскому району нами было захвачено въ плѣнъ 10 турецкихъ офицеровъ и до 400 аскеровъ одного изъ турецкихъ полковъ, участвовавшихъ въ бояхъ на Галлипольскомъ полуостровѣ. Во главѣ этого полка, по показаніямъ плѣнныхъ, стоитъ нѣмецкій офицеръ. Въ районѣ къ сѣверо-западу отъ гор. Муша наши войска, выбивъ противника изъ занимаемыхъ имъ позицій, заняли монастырь Сурбъ-Карапеть-Чанки-Килису.

17-го марта французскія официальные сообщенія гласили:

Къ югу отъ рѣки Соммы мы бомбардировали станціи со складами провіанта въ Пуэзо и Галлю (районъ Шонъ). Къ западу отъ Нувіона непріятельскій аэропланъ былъ сбитъ нашими специальными орудіями. Аппаратъ упалъ въ пяти

метрахъ впереди нашихъ траншей. Бывшіе въ немъ летчики убиты. Мы перенесли на наши линіи пулеметь съ аэропланомъ. Къ сѣверу отъ рѣки Эна огонь нашихъ батарей, направленный на непріятельскія сооруженія на возвыш. Воклеръ, вызвалъ сильный взрывъ. Въ Шампани наши спеціальныя орудія сбили германскій аэропланъ, который упалъ на непріятельскихъ линіяхъ близъ Сентъ-Мари-Апи. Въ Аргоннахъ мы энергично бомбардировали Маланкурскій лѣсъ. У Фильморть одна изъ нашихъ минъ разметала германскія траншеи, а другая разрушила непріятельскій постъ на возвышенности «285».

«Къ западу отъ рѣки Мааса въ теченіе дня бомбардировка продолжалась въ районѣ Маланкура безъ участія пѣхоты. Къ востоку отъ рѣки Мааса германцы утромъ направили на наши позиціи въ окрестностяхъ форта Дуомона ожесточенную атаку, сопровождавшюся выбрасываніемъ горячей жидкости. Непріятель былъ вполне успѣшно отраженъ. Нѣсколько позже на томъ же пунктѣ произведена была вторая атака, которая имѣла небольшой успѣхъ и стоила германцамъ также весьма чувствительныхъ потерь. Въ Веврѣ шла съ перерывами артиллерійская перестрѣлка. Въ Вогезахъ нашимъ встрѣчнымъ огнемъ разсѣянъ сильный развѣдочный отрядъ непріятеля, пытавшійся подойти къ нашимъ траншеямъ къ сѣверу отъ Виссенбаха.

«Въ теченіе дня 17-го марта наши летчики были очень дѣятельны. Въ Шампани, въ районѣ Донтриена, одинъ изъ нашихъ пилотовъ сбилъ аппаратъ Фокера, упавшій, объятый пламенемъ, на непріятельскихъ линіяхъ. Въ районѣ Вердена пять германскихъ аэроплановъ были сбиты въ непосредственной близости отъ линіи. Въ наши аппараты попало много выстрѣловъ, но всѣ наши пилоты вернулись невредимыми.

«На восточномъ фронтѣ:

«14-го марта непріятельскій цеппелинъ и аэропланы бомбардировали Солунь. Въ сообщеніи указывается, что изъ греческаго гражданскаго населенія убито 20, ранено 25. Наши аэропланы преслѣдовали непріятеля и сбили три его аппарата. 16-го марта отрядъ французской кавалеріи вошелъ въ соприкосновеніе съ непріятельскимъ отрядомъ у Кандели на греческой территоріи, между Гевгели и Дойраномъ. Германцы обратились въ бѣгство. Вдоль всей границы германская артиллерія проявляетъ довольно сильную дѣятельность».

19-го марта штабъ Верх. Главн. увѣдомилъ:

Нѣмцы продолжали обстрѣль иксюльскаго предмостнаго укрѣпленія и повели на него наступленіе, отраженное нашимъ огнемъ. Въ томъ же районѣ половодье вынудило непріятеля устраиваться на брустверѣ окоповъ, однако огнемъ нашей артиллеріи онъ былъ снова загнанъ въ окопы. Наша батарея подбила нѣмецкій аэропланъ, спланировавшій въ наше расположеніе южнѣ Ливенгофа; аппаратъ мало поврежденъ, летчики взяты въ плѣнъ. Подъ Двинскомъ происходила перестрѣлка. На Двинѣ начался ледоходъ. Южнѣ Двинскаго района нашей артиллеріей удачно обстрѣяны непріятельскій поѣздъ на ст. Турмонтъ и части противника, производившія смѣну у д. Мешке (сѣвернѣ м. Видзы). Нѣмцы бѣжали. На фронтѣ Видзы—оз. Нарочь мѣстами наблюдался сильный артиллерійскій огонь. Южнѣ до Полѣсья мѣстами оживленная перестрѣлка. Въ районѣ юго-восточнѣ м. Колки противникъ

«истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. схлв.

II

бросилъ первую линію окоповъ и отошелъ во вторую. Къ югу отъ м. Олыка противникъ овладѣлъ было высотой, отнятой у него на дняхъ нашими развѣдчиками, но вскорѣ контръ-атакой нашихъ частей вновь былъ оттуда выбитъ. Во время одной изъ отбитыхъ нами 18-го марта на Средней Стрыпѣ атакъ противника захвачено въ плѣнъ 71 человекъ и подобрано много винтовокъ.

На Черномъ морѣ 17-го марта, въ 8 ч. утра, русско-французскій госпитальный пароходъ «Португалія», находясь вблизи Офы, въ восточной части Анатолиі, куда онъ былъ посланъ для пріема раненыхъ съ берега, былъ атакованъ и взорванъ нѣмецкой подводной лодкой. Послѣ второй мины, попавшей въ машинное отдѣленіе, судно въ срокъ менѣе минуты пошло ко дну. Шедшимъ за судномъ катеромъ и шлюпками изъ 26 сестеръ спасены 11. Не досчитываются уполномоченнаго Краснаго Креста графа Татищева, врача Панкрышева, Тихменовой, старшей сестры баронессы Мейендорфъ и 14 сестеръ милосердія, изъ русской команды и санитаровъ 50, изъ французской команды 29 человекъ. На борту находилось 273 человекъ, спасено 158. Пароходъ «Португалія» признанъ турецкимъ правительствомъ какъ госпитальное судно и былъ выкрашенъ въ установленные цвѣта. Атака была произведена днемъ, причемъ подводная лодка обошла вокругъ парохода и выстрѣлила въ упоръ. Это дѣйствіе нѣмцевъ, бесполезное съ военной точки зрѣнія, достойно негодованія. Оно вновь доказываетъ, что съ врагомъ, безразсудно попирающимъ законы Божескіе и человѣческіе, миръ невозможенъ, покуда непріятель не будетъ уничтоженъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ мушскомъ районѣ послѣ боя у монастыря Сурбъ-Аперикъ, наши части, преслѣдуя противника, ворвались въ Махбубанкъ и, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ, выбили ихъ и изъ этого пункта.

Къ востоку отъ Мааса атака непріятеля была отбита артиллеріей французовъ, во время второй атаки непріятелю удалось захватить западную часть селенія Одремонъ. Французскій аванпостный батальонъ эвакуировалъ д. Маланкуръ.

Во время морского сраженія у Силта два германскихъ контръ-миноносца были объаты пламенемъ, а третій потопленъ британскимъ судномъ «Клеопатра».

Итальянцы обратили въ бѣгство непріятеля въ долину Даоне. Итальянскія войска на Изонцо захватили непріятельскіе окопы и полевые укрѣпленія.

На восточныя графства Англіи произвели налетъ пять цеппелиновъ, съ которыхъ было сброшено 90 бомбъ. У устья Темзы спустился поврежденный цеппелинъ, команда котораго сдалась англійскимъ патрулямъ.

20-го марта штабъ Верх. Главн. доносилъ: Въ районѣ икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія было нѣсколько мелкихъ столкновеній. Въ районѣ Новоселки (къ югу отъ м. Крево) взрывомъ двухъ камуфлетовъ нами разрушена минная галерея противника. Въ районѣ сѣвернѣе ст. Барановичи группа нѣмцевъ повела наступленіе, но была отброшена обратно въ свои окопы. Надъ станціей Замирье, на желѣзной дорогѣ Минскъ—Барановичи, непріятель съ аэроплана бросалъ бомбы. Къ югу отъ м. Олыка противникъ повторилъ атаку на занятую нами высоту, но, отбитый ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ въ беспорядкѣ отхлынулъ, понеся значительныя потери. Въ районѣ Верхней и Средней Стрыпы разсѣяно нѣсколько партій противника. Захвачены плѣнные Половодье на фронтѣ продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ. Въ бассейнѣ Верхняго Чороха наступленіе нашихъ пластуновъ и стрѣлковъ по горнымъ массивамъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ, продолжается. Въ означенномъ районѣ наши части, выбивъ противника изъ укрѣпленныхъ позицій, овладѣли нѣсколькими селеніями.

Атака германцевъ между Дуомонскимъ фортомъ и селеніемъ отражена французами. Германской подводной лодкой потоплены въ Сѣверномъ морѣ два норвежскихъ и одно шведское судно. Три атаки непріятели на новыя позиціи британскихъ войскъ близъ Стерела отражены англійскими войсками.

Греческое правительство вторично отвѣтило на ноту державъ согласія по эпирскому вопросу, объясняя присоединеніе «необходимостью административной ассимиляціи».

21-го марта, по сообщенію штаба Верх. Главн., послѣ полуторачасового обстрѣла ураганнымъ огнемъ тяжелой артиллеріи и легкой нѣмцы атаковали икскульское предмостное укрѣпленіе, но были отброшены. Подъ Двинскомъ и южнѣ велась перестрѣлка. На нѣкоторыхъ участкахъ войскъ генерала Эверта непріятельская артиллерія проявляла большую дѣятельность. Во время отмѣченнаго 20 марта наступленія германцевъ въ районѣ сѣвернѣ ст. Барановичи непріятель стрѣлялъ разрывными пулями. Въ районѣ Ляховичи утромъ 20 марта значительная партія германцевъ, переправившись черезъ Шару, пошла въ атаку на наше охраненіе; послѣднее отбило нападеніе германцевъ. На нѣкоторыхъ участкахъ фронта какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Полѣся непріятельскіе летчики проявляли оживленную дѣятельность.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ нами захвачено въ плѣнъ около 100 аскеровъ. При наступленіи въ бассейнѣ Верхняго Чороха мы овладѣли сильно укрѣпленными горными массивами, имѣющими высоту болѣе 10.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Нами была взята въ плѣнъ рота турокъ. При преслѣдованіи противника въ районѣ монастыря Сурбъ-Карапета мы захватили турецкій палаточный лагерь и запасъ ручного оружія. Къ юго-востоку отъ Муша, въ районѣ селенія Махбубунка, наши части разсѣяли нѣсколько конныхъ турецкихъ отрядовъ.

Русское правительство разослало протестъ противъ потопленія госпитальнаго судна «Португалія» всѣмъ державамъ, не исключая и воюющихъ.

Англійскій броненосецъ проникъ въ Смирнскую бухту и разрушилъ форты Св. Георгія и Санджака. Нѣмцамъ на фронтѣ Дуомонъ—Во послѣ четырехъ штурмовъ удалось занять небольшой лѣсъ Лакайеттъ, который былъ затѣмъ вновь занятъ французами. Надъ побережьемъ Шотландіи цепелины сбросили нѣсколько бомбъ. Цепелинъ сбросилъ 8 бомбъ надъ Дюнкеркомъ.

Итальянскія войска въ Верхнемъ Ріенцо зашли въ тылъ непріятельскихъ позицій на Раухкопфѣ и овладѣли тремя австрійскими блокгаузами.

22-го марта, по извѣстіямъ отъ штаба Верх. Главн., нѣмцы продолжали обстрѣль икскульскаго предмостнаго укрѣпленія тяжелыми и легкими снарядами. Южнѣ Двинска, противъ д. Малоогольской, нѣмцы при оставленіи своихъ залитыхъ водою окоповъ были удачно обстрѣляны нашимъ артиллерійскимъ огнемъ. Непріятельскіе летчики во многихъ мѣстахъ летали надъ расположеніемъ нашихъ войскъ. Въ мѣст. Ляховичи ими сброшено 9 бомбъ.

Къ сѣв.-вост. отъ ст. Олыка, въ районѣ с. с. Богуславка и Башлыки, отбиты попытки противника приблизиться въ нашимъ окопамъ. Непріятельскіе самолеты бросали бомбы въ Ровно и Сарнахъ. Къ сѣверо-западу отъ Кременца, въ районѣ Сопанова, противникъ взорвалъ передъ нашими окопами 2 горна, но не былъ въ состояніи овладѣть образовавшимися воронками. Наступленіе противника въ районѣ желѣзной дороги къ западу отъ Тарнополя было отбито. Къ сѣверу отъ Бояна противникъ также взорвалъ горнъ передъ нашими окопами. Попытка его занять воронку была безуспѣшна.

На Кавказскомъ фронтѣ. Въ бояхъ за 20 марта нами взяты въ плѣнъ въ полномъ составѣ еще двѣ роты турокъ одного изъ полковъ, вновь прибывшаго на армянскій театръ. Въ мушъ-битлискомъ районѣ мы продолжали успѣшно продвигаться въ юго-западномъ направленіи.

22-го марта происходила артиллерійская перестрѣлка въ окрестностяхъ Суше, Ангра, Сентъ-Элуа и Ипра. Минный бой, незначительныхъ размѣровъ, происходилъ въ окрестностяхъ Невилль-Сентъ-Вааста, Гюллюха и Гогенцоллерн-скаго редута.

Ожесточенный артиллерійскій бой происходилъ въ окрестностяхъ Дикемюде, а также въ районѣ Стеенстрате.

22-го марта по всему итальянскому фронту происходила артиллерійская перестрѣлка, болѣе напряженная въ районѣ между долиной Лагарина и долиной Сугана и на возвышенностяхъ къ сѣверу-западу отъ Горицы.

23-го марта штабъ Верх. Главн. извѣстилъ:

Въ рижскомъ, якбштадтскомъ и двинскомъ районахъ происходила мѣстами ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Южнѣе двинскаго района во многихъ мѣстахъ появлялись неприятелискіе аэропланы. Нѣкоторые изъ нихъ сбрасывали бомбы или стрѣляли изъ пулеметовъ. Въ районѣ восточнѣе Барановичей въ ночь на 22-е появлялись цеппелины. Въ Галиціи, въ районѣ западнѣе Тарнополя значительная партія неприятели повела наступленіе, но нашимъ штыковымъ ударомъ была отбита, оставивъ убитыхъ и тяжело раненыхъ у разрушенныхъ проволочныхъ загражденій. Въ районѣ сѣвернѣе Латача наши части заняли дер. Свѣржковце и окрестныя рощи.

На Кавказскомъ фронтѣ. Въ приморскомъ районѣ турки, поддержанные артиллерійскимъ огнемъ съ крейсера «Бреслау», вели на нашъ правый флангъ атаки, которыя были нами отбиты съ большими для врага потерями. Въ то же время наши войска атаковали въ означенномъ районѣ центръ противника и овладѣли частью его позицій. Въ бассейнѣ Верхняго Чороха мы выбили противника изъ ряда сильно укрѣпленныхъ горныхъ позицій.

Атаки неприятели въ Терджанской долинѣ повсюду отбиты. Англо-французской эскадрой потоплена германская подводная лодка. Офицеры и экипажа были подобраны и взяты въ плѣнъ. Всѣ попытки неприятели противъ деревни Бетенкуръ были отбиты огнемъ французовъ. Съ огромными потерями неприятели овладѣли деревней Окуръ.

Ожесточенная атака неприятели на новыя итальянскія позиціи на Раукоф-фелъ была отражена съ большими потерями для неприятели. На Верхнемъ и Сред-

немъ Изонцо непріятельскіе отряды къ востоку отъ Подзаботина были отброшены и разсѣяны.

Англичане близъ Гюллуха взорвали мину и разрушили сторожевые посты. Цепелинъ, совершившій налетъ на сѣверо-восточное побережье Англій и сбросившій бомбы, былъ обращенъ въ бѣгство.

На Корфу, въ Солуни и въ Бизертѣ сформирована новая сербско-черногорская армія, достигающая 180.000 человекъ.

Британскія войска въ Месопотаміи на рѣкѣ Тигрѣ атаквали и захватили непріятельскія укрѣпленныя позиціи.

24-го марта штабъ Верх. Главн. сообщилъ, что на фронтѣ рѣки Двины во многихъ мѣстахъ появились непріятельскіе летчики; иногда сбрасывавшіе бомбы. Ледоходъ продолжается; болота оттаиваютъ; дороги грязны и тяжелы для движенія. На нѣкоторыхъ участкахъ якобштадтскаго и двинскаго районовъ велась оживленная артиллерійская перестрѣлка.

Наши летчики совершили нѣсколько удачныхъ полетовъ. Въ районѣ юго-западнѣе Двинска летчикъ поручикъ Барбасъ сбилъ непріятельскій самолетъ, упавшій въ расположеніи непріятеля.

Южнѣе Двинскаго района артиллерія непріятеля развивала сильный огонь въ районѣ м. Визды, къ сѣверу отъ оз. Мядзіоль и въ районѣ между озерами Мядзіоль и Нарочь. Надъ большею частью фронта войскъ генерала Эверта также летали непріятельскіе аэропланы, сбрасывавшіе во многихъ мѣстахъ бомбы. Въ районѣ Верхней Стрыпы нашими развѣдчиками разогнаны рабочіе противника и засыпаны возводившіяся ими укрѣпленія.

Выяснилось, что при занятіи нами дер. Свѣржковце нашими частями было вырыто 42 фугаса и захвачено много ружейныхъ патроновъ и ручныхъ гранатъ. Вчера противникъ пытался отбить д. Свѣржковце, но былъ отбитъ огнемъ.

На Черномъ морѣ нашими подводными лодками былъ потопленъ вблизи Востора пароходъ, конвоировавшійся миноносцемъ типа «Милеть», и уничтожены 11 парусныхъ судовъ, груженныхъ углемъ. Одинъ изъ нашихъ линейныхъ кораблей обстрѣлялъ съ дальнихъ дистанцій крейсеръ «Вреслау», быстро удалившійся.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ турки дѣлали попытки атаковать насъ, но все онѣ были прекращены нашимъ огнемъ и ручными гранатами. Въ районѣ Верхняго Чороха наши части, сбивъ турокъ съ укрѣпленныхъ позицій, еще продвинулись въ западномъ направленіи. Въ Терджанской равнинѣ противникъ велъ атаки на широкое фронтѣ, которыя нами всюду были успѣшно отбиты.

Къ юго-западу отъ форта Дуомонъ произошелъ рядъ небольшихъ боевъ, давшихъ возможность французскимъ войскамъ продвинуться въ траншейныхъ ходахъ непріятеля на 200 метровъ, на фронтѣ въ 500 метровъ. За мартъ мѣсяць французскіе летчики сбили 35 германскихъ летательныхъ аппаратовъ.

Итальянцы на Карсо отразили двѣ непріятельскія атаки на горѣ Санъ-Микеле.

Во время новаго налета цепелиновъ на Англію былъ убитъ одинъ ребенокъ, ранено двое мужчинъ, женщина и 5 дѣтей. Германская подводная лодка безъ

предварительнаго предупрежденія потопила миной пароходъ «Zent», изъ состава команды погибло 50 человекъ.

Британскія войска на Тигръ овладѣли пятью линіями непріятельскихъ траншей, проникнувъ вглубь непріятельскаго расположенія на 2.500 ярдовъ.

25-го марта, по свѣдѣніямъ изъ штаба Верх. Главн., на фронтѣ рижскаго района и на участкѣ Двины ниже Фридрихштадта мѣстами наблюдался оживленный артиллерійскій огонь. Непріятельскій автомобиль, появившійся въ районѣ юго-западнѣе Ремерсгофа и обстрѣлявшій изъ скорострѣльныхъ орудій наши окопы, огнемъ нашей артиллеріи принужденъ былъ скрыться.

На фронтѣ двинскихъ позицій велась перестрѣлка. Отмѣчается конецъ ледохода и уменьшеніе половодья.

Въ районѣ юго-западнѣе озера Нарочь 24 марта весь день продолжался сильный огневой бой. Къ вечеру нашими войсками были заняты нѣкоторые пункты позицій противника въ районѣ дер. Близники, причѣмъ захвачено въ плѣнъ 1 офицеръ и 77 нижнихъ чиновъ. При отраженіи атаки германцы примѣняли душшливые газы.

Въ районѣ оз. Сосно (къ югу отъ Пинска) германцы произвели поискъ на лодкахъ, но были отражены. Въ районѣ къ сѣверу отъ Чартгорійска германскіе самолеты сбрасывали бомбы. Въ районѣ Верхней Стрыпы нами удачно обстрѣляны батареи противника; наблюдались прямыя попадания и многочисленные взрывы. Попытки противника вывести нѣкоторыя батареи изъ-подъ огня успѣхомъ не увѣнчались, къ сѣверу отъ Бояна противникъ впереди нашихъ окоповъ взорвалъ одинъ горнь.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши войска неожиданнымъ ударомъ сбили противника съ позицій на правомъ берегу рѣки Кара-Дере и отбросили его за эту рѣку. Въ бассейнѣ Верхняго Чороха наши части, несмотря на сильный морозъ и метель, продвигаются впередъ.

25 марта, согласно правительственнымъ французскимъ сообщеніямъ, въ Бельгій французская тяжелая артиллерія обстрѣляла разрушительнымъ огнемъ германскія полевыя укрѣпленія у Мидлькерке и Лангемарка. Къ западу отъ рѣки Мааса непріятель послѣ ожесточенной бомбардировки, длившейся нѣсколько часовъ, направилъ на французскія позиціи на югѣ и у юго-восточнаго выхода изъ деревни Окуръ сильную атаку на фронтѣ приблизительно въ два километра.

Остановленные заграждающимъ огнемъ французской артиллеріи и усиленнымъ огнемъ пулеметовъ, германцы не могли достигнуть своей цѣли и принуждены были вернуться въ свои траншеи, оставивъ на мѣстѣ многочисленные трупы.

Къ юго-востоку отъ Бетенкура французы нѣсколько продвинулись съ боемъ ручными гранатами въ траншейныхъ ходахъ и частяхъ траншей, захваченныхъ съ 24 на 25 марта ночью непріателемъ между Бетенкуромъ и высотой «265».

Происходила ожесточенная бомбардировка Мортонмъ и селенія Кюмьеръ. Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ имѣлъ мѣсто артиллерійскій бой, во время котораго французскія батареи проявили весьма усиленную дѣятельность и разсѣяли нѣсколько скопленій непріятеля. На остальномъ фронтѣ продолжалась обычная артиллерійская перестрѣлка.

Французскоеофициальное донесеніе о потопленіи «Sussex» установило: 1) па-

роходъ не былъ вооруженъ; 2) капитанъ, нѣсколько офицеровъ и пассажировъ видѣли мину; 3) подводная лодка не могла не знать, что совершила нападеніе на почтовый пароходъ, такъ какъ контуры судна, часть его прохожденія и мѣсто назначенія хорошо извѣстны. Въ виду изложеннаго потопленіе «Sussex» является предумышленнымъ нападеніемъ на безоружное торговое судно, совершеннымъ безъ предупрежденія. Кромѣ того, подводная лодка пыталась потопить контръ-миноносець, снявшій пассажировъ, и баркасъ, посланный для сообщенія о катастрофѣ. Подводная лодка оставалась вблизи парохода «Sussex» съ цѣлью потопленія судовъ, шедшихъ ему на помощь.

Сильная непріятельская колонна, пытавшаяся атаковать непріятельскія позиціи на Карсо у Зальца, была отброшена съ большими потерями. Въ районѣ Гевгели германская тяжелая артиллерія разрушила нѣсколько французскихъ траншей на лѣвомъ берегу Вардара.

Конница бурскаго генерала фонъ-дерь-Фантерса окружила германскій отрядъ въ Восточной Африкѣ на горномъ укрѣпленіи Аруша. Непріятель сдался.

Французская подводная лодка потопила въ Адриатическомъ морѣ австрійскій транспортъ. Германское правительство увѣряетъ Голландію, что въ моментъ гибели «Palembang» близъ мѣста катастрофы не находилось ни одного германскаго судна. Русскіе представители за границей передали нейтральнымъ странамъ протестъ противъ потопленія «Португалии».

26-го марта штабъ Верх. Главн. увѣдомилъ, что въ рижскомъ районѣ противникъ обстрѣливалъ м. Шлокъ. Въ якобштадтскомъ районѣ велась оживленная перестрѣлка. Въ двинскомъ районѣ нѣмцы взорвали камуфлетъ у одной изъ нашихъ сапъ. Во многихъ мѣстахъ фронта р. Двины появлялись германскіе летчики, сбрасывавшіе бомбы. Наши летчики произвели нѣсколько удачныхъ полетовъ. Въ рижскомъ районѣ леталъ «Муромецъ», сбросившій нѣсколько бомбъ въ расположеніе германцевъ. Въ районѣ противъ Поставы и къ сѣверу отъ оз. Нарочь происходила сильная перестрѣлка, причемъ въ послѣднемъ районѣ послѣ артиллерійской стрѣлбы нѣмцы пытались подойти къ нашимъ окопамъ, но были отбиты.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ въ ночь на 25 марта турки трижды безрезультатно атаковали наши части, укрѣпившіяся на правомъ берегу р. Кара-Дере. Въ бассейнѣ Верхняго Чороха наши войска еще продвинулись впередъ.

26-го марта на французскомъ фронтѣ къ югу отъ Авра огнемъ французской артиллеріи была разрушена мельница Сентъ-Обень, гдѣ находился наблюдательный пунктъ, и были разрушены непріятельскія траншеи къ сѣверу отъ Беврена. Въ Шампани въ районѣ Наваренъ французы отвѣчали встречнымъ огнемъ на ожесточенную бомбардировку непріятели, которая указывала на его намѣреніе произвести атаку. Непріятель изъ окоповъ не выходилъ. Въ Аргонахъ французы сосредоточили огонь на непріятельскихъ батареяхъ въ лѣсу Шеппи и районѣ Монфоконъ—Маланкуръ. Въ районѣ Вердена ничего особенно выдающагося не произошло, кромѣ довольно сильнаго артиллерійскаго обстрѣла нашего фронта Бетенкуръ—Ле-Мортоммъ—Кюмьеръ. Въ Вогезахъ французская артиллерія проявила значительную дѣятельность въ долинѣ Фехта.

Въ Тулонъ прибылъ французскій вспомогательный крейсеръ «Colbert», атакованный непріятельской подводной лодкой въ Средиземномъ морѣ и потерпѣвшій незначительныя поврежденія.

Итальянскія войска въ секторѣ Кристалло, вслѣдствіе сосредоточеннаго огня непріятельскихъ батарей, очистили передовую линію позицій на Раухкофелѣ. На Водилѣ атака Нѣмцевъ отражена итальянцами, взято 76 плѣнныхъ. На Среднемъ Изонцо окруженъ и сдался непріятельскій передовой постъ.

27 марта французскія войска у Дуомона завладѣли 150 метрами непріятельскихъ траншей. Отражены были двѣ атаки у лѣса Кайеттѣ; внезапное нападеніе непріятели въ районѣ Эмбергъ—Мениля окончилось полной неудачей.

Бои 27 марта подъ Верденомъ знаменуютъ собою первую со стороны непріятели энергичную попытку общаго наступленія на фронтѣ протяженіемъ болѣе 20 километровъ, однако германцы нигдѣ не добились существенныхъ результатовъ, особенно если принять во вниманіе произведенныя усилія и понесенныя потери, о размѣрахъ которыхъ свидѣлствуютъ груды труповъ, лежащихъ передъ французскими линіями.

27 марта англійскій невооруженный пароходъ «Yonne» потопленъ безъ предупреденія. Команда въ числѣ 40 человекъ успѣла сѣсть въ шлюпки, и послѣ 6-часоваго плаванія была подобрана. Пароходъ «Silksworth Hall», въ 4.777 тоннъ водоизмѣщенія, потопленъ; штурманъ и 30 человекъ команды спасены. Потопленъ также пароходъ «Glensmond», въ 2.888 тоннъ водоизмѣщенія; команда спасена.

На итальянскомъ фронтѣ 27 марта велась артиллерійская перестрѣлка, особенно напряженная въ районѣ Верхняго Астико, по линіи фронта отъ Верхняго Бута до Верхняго Дегано и на высотахъ къ сѣверо-западу отъ Горицы.

28-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ рѣки Двины наблюдалась ружейная и артиллерійская перестрѣлка. На многихъ участкахъ нѣмцы пытались производить работы по улучшенію своихъ окоповъ и выкачиванію изъ нихъ воды, но нашимъ огнемъ эти работы всюду прекращались. Нѣмецкіе аэропланы сбрасывали бомбы въ районъ станціи Ремерсгофъ и въ Двинскъ. Сѣверо-восточнѣ оз. Вишневаго непріятельская артиллерія проявляла большую дѣятельность. На Огинскомъ каналѣ непріятель бросалъ въ наше расположеніе бомбы съ аэроплановъ. Въ районѣ д. Комора (юго-западнѣ Пинска) къ нашему расположенію подплывали на лодкахъ непріятельскія партіи, но были отбиты нашимъ огнемъ. На одномъ изъ участковъ района Нижней Стрыпы нами былъ захваченъ непріятельскій окопъ и взяты плѣнные.

На байбуртскомъ направленіи наши войска, выбивая турокъ съ горныхъ массивовъ, успѣшно продвигаются впередъ. Попытки противника переходить въ контръ-атаки терпятъ неизмѣнно неудачи. Непріятель несетъ большія потери отъ нашего огня. Наши части ведутъ атаки въ очень глубокомъ снѣгу, преодолевая при этомъ большое количество горныхъ расщелинъ. На діарбекирскомъ направленіи мы сильно потѣснили противника въ районѣ равнины Гойнукова. Въ битлискомъ районѣ нами отбито нѣсколько турецкихъ атакъ.

Къ югу отъ Урмійскаго озера столкновенія съ большими курдскими скопищами, поддержанными регулярной турецкой пѣхотой.

Къ западу отъ рѣки Мааса происходило ожесточенное сраженіе отъ Авокура до Кюмбера; послѣ эвакуаціи Бетенкура французскія войска выдержали самые яростные приступы. Итальянцы во время боевъ между Мрзли и Водиле захватили 131 человекъ и 5 офицеровъ. Германскій фоккеръ спустился въ британскихъ линіяхъ. Фетвой шейхъ-уль-исламъ призываетъ албанцевъ къ войнѣ.

Португальскія экспедиціонныя войска 28 марта заняли Кіонту въ германской Восточной Африкѣ.

Британскимъ войскамъ въ Месопотаміи, перешедшимъ 27 марта въ наступленіе противъ непріятельскихъ позицій у Санайта, не удался лишь прорывъ непріятельскихъ линій, которому сильно помѣшала разливъ воды.

На лѣвомъ берегу р. Мааса 28 марта къ концу вечера германцы произвели атаку противъ французскихъ позицій у Мортomma, ведя наступленіе изъ лѣса Корбо, но были отражены заградительнымъ и пѣхотнымъ огнемъ французовъ за исключеніемъ восточнаго фланга, гдѣ непріятелю удалось овладѣть незначительными частями траншей. На правомъ берегу Мааса германцы пытались ночью выбить французовъ изъ захваченныхъ ими въ бояхъ послѣднихъ дней траншей, къ югу отъ деревни Дуомонъ. Попытка эта, сопровождавшаяся также разбрасываніемъ воспламеняющейся жидкости закончилась кровавой неудачей. Въ районѣ Дуомонъ—Во происходитъ ожесточенная бомбардировка. Въ Веврѣ артиллерія нѣсколько разъ развивала ураганный огонь.

Въ Средиземномъ морѣ австрійской подводной лодкой потопленъ безъ предупрежденія датскій пароходъ «Saledonia», Англія и Франція довели до свѣдѣнія греческаго правительства о минированія залива Аргостоли на о. Кефалоніи.

29-го марта, по свѣдѣніямъ изъ штаба Верх. Главн., на фронтѣ рѣки Двины мѣстами велась артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ Икскульскаго передмостнаго укрѣпленія нѣмцы пытались наступать, но безуспѣшно. Въ двинскомъ районѣ и южнѣе, въ районѣ озеръ, артиллерія обѣихъ сторонъ на нѣкоторыхъ участкахъ проявляла оживленную дѣятельность.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ меридіана Эрзерума наши войска продолжали захватывать новые участки территоріи противника.

29-го марта французское официальное сообщеніе гласило: «Къ сѣверу отъ рѣки Эна наша артиллерія подвергала обстрѣлу сильную германскую колонну, передвигавшуюся по дорогѣ Шемень-де-Дамъ. Мѣтко направленный огонь причинилъ серьезныя потери непріятелю. Въ Аргоннахъ наша артиллерія проявила энергичную дѣятельность на всемъ протяженіи непріятельскаго фронта. Къ западу отъ рѣки Мааса нашъ фронтъ у Мортomma—Кюмберъ подвергся довольно сильной бомбардировкѣ. Пѣхотныхъ боевъ не было. Послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки, дополненной стрѣльбой снарядами, вызывающими слезотеченіе, германцы произвели около четырехъ часовъ дня сильную атаку на наши траншеи между Дуомономъ и Во. Непріятель, которому удалось занять нѣкоторыя выдвинутыя впередъ части нашихъ линій, былъ

вскорѣ выбить оттуда нашей контръ-атакой, во время которой взято въ плѣнъ около 100 не раненыхъ германцевъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ. Въ Веврѣ происходилъ артиллерійскій бой на участкахъ Муленвилъ, Бонво и Шатильонъ. Къ сѣверо-востоку отъ Сень-Міэля наши дальнобойныя орудія успѣшно обстрѣляли поѣздъ, остановившійся къ сѣверу отъ вокзала Эйдикуръ. Въ ночь съ 28 на 29 марта наши воздушныя эскадры въ два приѣма сбросили сначала 27, а затѣмъ 21 снарядъ надъ вокзаломъ Нантиллауа и Бриэль. Та же эскадра покрыла бомбами мѣсто установки дальнобойныхъ 380-милим. орудій».

30-го марта штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

На фронтѣ р. Двины и къ югу отъ Двинскаго района мѣстами происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка. Артиллерія противника 29 марта нѣсколько разъ обстрѣливала районъ икскульскаго предмостнаго укрѣпленія. Въ районѣ Любина, юго-западнѣе Пинска, было нѣсколько удачныхъ для насъ столкновений партизановъ съ германскими развѣдчиками. Къ сѣверу и къ югу отъ ст. Олыка нами были отражены попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ и закрѣпиться вблизи ихъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ меридіана Эрзерума наши войска овладѣли новыми участками позицій турокъ. Въ Витлисскомъ районѣ всѣ атаки противника были нами успѣшно отражены. Къ югу отъ Урмійскаго озера разбитые нами курдскіе отряды послѣдно отступали на югъ.

Днемъ 30 марта британскія войска, оперирующія на правомъ берегу Тигра, оттѣснили непріятельскія линіи на разстояніе отъ полуторы до трехъ миль. Чтобы достигнуть этой цѣли, войскамъ пришлось пройти наводненный участокъ, перерѣзанный глубокими канавами, шириною въ 500—1.200 метровъ, простирающійся отъ Тигра до болотъ Уммъ-эль-Брахмъ. На лѣвомъ берегу рѣки болотная вода была нагнана бурей въ нѣкоторыя непріятельскія траншеи у Саннайята. Непріятель сильно пострадалъ, когда, спасаясь отъ наводненія, переходилъ на новыя позиціи.

Въ долинѣ Ледро итальянцы путемъ систематическихъ наступательныхъ операций продвинулись на возвышенностяхъ къ сѣверу отъ Ріо-Понале между долиной Кончеи и озеромъ Гарда. Итальянская пѣхота при обычной энергичной поддержкѣ артиллеріи взяла штурмомъ линію сильныхъ окоповъ и редутовъ, тянувшихся по южнымъ склонамъ Монте-Пари и Чима-д'Оро, а также на утесахъ Монте-Перроне. Непріятелю, понесшему при этомъ тяжелыя потери, все же удалось, пользуясь пересѣченностью мѣстности, отступить

Въ Бельгіи артиллерія проявила дѣятельность въ районѣ Лангемарка. Между Соммой и Узой веденная французами артиллерійская стрѣльба на разрушеніе разметала траншеи къ западу отъ Парвиллера (районъ Руа). Въ Аргоннахъ французы взорвали четыре камуфлета у Ла-Филь-Мортъ, въ Отъ-Шевоше и Вокуа. Послѣ боевъ ручными гранатами французскія войска заняли южные края двухъ воронокъ передъ французскими траншеями на участкѣ Куртъ—Шоссъ. Къ западу отъ рѣки Мааса продолжалась ожесточенная бомбардировка высоты «304» въ районѣ Эна и Мортomma. Къ востоку

отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ поддерживался артиллерійскій огонь средней силы.

Въ районѣ Вердена ночь съ 30 на 31 марта прошла спокойно. Подготовлявшаяся 30 марта къ концу дня германская атака на позиціи французовъ высоты «304» не осуществилась. Сосредоточенный артиллерійскій огонь французскихъ батарей не позволилъ германцамъ выйти изъ окоповъ. Обстрѣлъ нашими батареями съ сосѣдняго сектора непріятельскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Маланкурскомъ лѣсу, повидимому, съ своей стороны, предупредилъ осуществленіе этой операціи.

31-го марта штабъ Верх. Главн. увѣдомилъ, что германцы послѣ артиллерійскаго обстрѣла пытались приблизиться къ одному изъ участковъ иксюльскаго предмостнаго укрѣпленія, но были отбиты огнемъ. На фронтѣ якобштадтскаго и двинскаго районовъ велась артиллерійская перестрѣлка. Западнѣ оз. Нарочь 30 марта, около 6 час. вечера, противникъ открылъ сильный огонь по нашему расположенію и вскорѣ послѣ этого перешелъ въ наступленіе со стороны д. Мокрицы, сначала одиночными людьми, а потомъ и густыми цѣпями. Нашимъ артиллерійскимъ огнемъ наступавшіе были разсѣяны и загнаны снова въ свои окопы.

На Кавказскомъ фронтѣ попытки турокъ вновь овладѣть захваченными у нихъ недавно важными участками фронта закончились полнѣйшей неудачей. Противникъ въ бою пользовался особой ядовитой жидкостью, которой обливалъ нашихъ стрѣлковъ

Три атаки германцевъ къ сѣверо-востоку отъ Карнуа были отбиты британскими войсками. Нѣмцы атаковали траншеи британскихъ войскъ близъ Лабуассель, но были немедленно выбиты изъ нихъ. Итальянцы контръ-атакой отбили потерянные позиціи на Монте-Спероне и продвинулись дальше по склонамъ горы. Въ бассейнѣ Плеццо итальянцы артиллерійскимъ огнемъ остановили атаки нѣмцевъ въ Равнилацѣ и контръ-атакой отбросили ихъ.

1-го апрѣля штабъ Верх. Главн. сообщилъ: Въ районѣ иксюльскаго предмостнаго укрѣпленія артиллерійская перестрѣлка. Вечеромъ 30 марта германцы перешли въ наступленіе въ промежуткѣ между озерами Свентень и Ильзенъ, но были отброшены назадъ. Послѣ артиллерійской подготовки они на томъ же участкѣ вторично перешли въ наступленіе, но снова были отражены нашимъ огнемъ, оставивъ впереди нашихъ окоповъ большое количество убитыхъ и раненыхъ. Артиллерія непріятеля проявила оживленную дѣятельность въ районѣ озера Мядзіоль и сѣвернѣ, а также въ районѣ оз. Нарочь и сѣвернѣ м. Сморгонь. У ст. Сеславино нашей батареей подбитъ непріятельскій аэропланъ, спустившійся у м. Глубокое. Въ Галиціи, въ районѣ Тржибуховце, юго-восточнѣ Булача отражена атака противника. Въ районѣ устья р. Стрыпы нашими частями захвачена высота Попова Могила и окопы южнѣ ея. Двѣ контръ-атаки противника съ цѣлью овладѣть захваченнымъ нами участкомъ позиціи отражены съ большими для непріятеля потерями. По полученнымъ пока даннымъ, нами въ этомъ бою захвачено болѣе 100 плѣнныхъ при 5 офицерахъ. На лѣвомъ флангѣ, у Хотина, около 11 часовъ утра 30 марта непріятельскій аэропланъ, приле-

тѣвшій со стороны Бояна, былъ встрѣченъ нашими аэропланами и вынужденъ вернуться обратно. Въ это же время другому непріятельскому аэроплану удалось долетѣть до Жванца на Днѣстрѣ противъ Хотина и сбросить здѣсь 5 бомбъ. Осколками одной изъ нихъ былъ раненъ стоявшій на посту рядовой Анатолій Поставцевъ. Освѣдомившись о семъ, Государь Императоръ, объѣзжавшій въ это время войска въ 6 верстахъ сѣвернѣе Жванца, повелѣлъ наградить раненаго георгиевскимъ крестомъ 4-й степени.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ меридіана Эрзерума бои продолжались. Шестидневныя атаки турокъ на центръ кавказской арміи были нами успѣшно отбиты; непріятель, понеся большія потери, повсюду въ безпорядкѣ отступаетъ; наши части ведутъ энергичное преслѣдованіе.

Итальянскія войска на Мрзли послѣ атаки непріятеля, продолжавшейся весь день, окончательно выбили нѣмцевъ изъ траншей. Въ зонѣ Адамелла итальянцы во время бури атаковали позиціи непріятеля на краяхъ Лоббиа-Альта и Дессонь-ди-Дженова, заняли ихъ приступомъ и укрѣпились. Германцы разставили минныя загражденія у южнаго побережья Швеціи между Фальстербо и Лиллегрундомъ.

2-го апрѣля донесеніе отъ штаба Верх. Главн. гласило: Въ двинскомъ районѣ наши стрѣлки въ ночь на 1 апрѣля перешли въ наступленіе на участкѣ дер. Гиновка. Къ югу отъ д. Гарбуновка, прорвавъ 4 ряда проволочныхъ загражденій, они заняли двѣ высоты западнѣе и южнѣе этой деревни. Противникъ сосредоточилъ по этимъ высотамъ артиллерійскій и ружейный огонь и затѣмъ нѣсколько разъ переходилъ въ контръ-атаки, но каждый разъ былъ отбрасываемъ обратно. Поле боя между занятыми высотами и слѣдующими нѣмецкими окопами усеяно трупами противника. На перешейкѣ между озерами Мядзіоль и Нарочь и въ районѣ Сморгони артиллерійская перестрѣлка. Послѣ артиллерійской подготовки партіи нѣмцевъ перешли въ наступленіе въ районѣ сѣверо-восточнѣе Сморгони, но были отбиты нашимъ огнемъ.

Въ районѣ къ югу отъ ст. Олыка наши части продвинулись впередъ, гдѣ и укрѣпились, несмотря на ураганный огонь противника.

Въ бою въ ночь на 31 марта восточнѣе Тржсибуховце австрійцы, вооруженные, кромѣ винтовокъ со штыками, еще и кинжалами, приблизившись къ нашимъ окопамъ, бросили ружья и, поднявъ руки, кричали, что сдаются. Подойдя же вплотную, стали наносить удары кинжалами. 1 апрѣля 14 нашихъ аэроплановъ сбросили 50 бомбъ на станціи Зучка и Черновцы-Сѣверная. Всѣ аэропланы благополучно вернулись. По дополнительно полученнымъ даннымъ, при взятіи Поповой Могилы захвачено въ плѣнъ 5 офицеровъ и 238 нераненыхъ нижнихъ чиновъ и 30 раненыхъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наши войска, разбивъ въ районѣ Битлиса въ многодневныхъ бояхъ одну изъ турецкихъ дивизій, недавно прибывшую въ Арменію со стороны Константинополя, энергично преслѣдуютъ отступающія ея части; нами взято въ плѣнъ 13 офицеровъ и 350 аскеровъ и захвачены пулеметы.

На балканскомъ фронтѣ воздушный отрядъ союзниковъ бомбардировалъ германскія военныя сооруженія у Гевгели. Другой отрядъ бросилъ

большое число бомб надъ лагерями и батареями противника у Богородиона.

Итальянская артиллерія разбила непріятельскій редутъ на вершинѣ горы Санъ-Микеле. Въ долинѣ Сутаны итальянскія войска овладѣли непріятельской позиціей у Санта-Освальдо и укрѣпились на ней.

Британскія войска во Франціи отбили нѣсколько атакъ непріятеля въ районѣ Этеля.

Австралийскія войска въ Египтѣ произвели удачную развѣдку въ районѣ Джифъ-Джафа, атаковали непріятельскій лагерь и заняли его.

Итальянская палата депутатовъ выразила протестъ противъ поголовнаго госпиталянаго судна «Португалія». Соинно присоединился отъ имени правительства и заявилъ, что сообщить объ этомъ протестъ русскому правительству.

3 апрѣля отъ штаба Верх. Главн. сообщили:

Артиллерія противника обстрѣливала исключительное предместное укрѣпленіе. Въ районѣ сѣвернѣ Сморгони нѣмцы съ разсвѣтомъ 2 апрѣля снова перешли въ наступленіе. Попытки противника продвинуться впередъ, встрѣченныя нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ, успѣха не имѣли. Во время подготовки атаки противникъ стрѣлялъ снарядами съ удушливыми газами. Къ югу отъ ст. Олыка мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ продвинулись впередъ

На Кавказскомъ фронтѣ на Черноморскомъ побережьѣ и южнѣ наши войска послѣ упорнаго горячаго боя при содѣйствіи сухопутной и судовой артиллеріи сбили турокъ съ сильно укрѣпленной позиціи лѣваго берега Кара-Дере, въ 25 верстахъ восточнѣ Трапезунда. Ведется настойчивое преслѣдованіе. Многократныя атаки противника на Байбуртскомъ направленіи нами отражены съ большими для турокъ потерями.

3-го апрѣля были получены слѣдующія извѣстія о положеніи дѣлъ въ Албаніи:

«Несмотря на всѣ старанія болгарскихъ властей пріобрѣсти симпатіи мусульманскаго и албанскаго населенія, въ особенности въ Охридѣ, Стругѣ, Дибрѣ и Подградцѣ, четы комитаджіевъ, противъ которыхъ болгары не могутъ или не желаютъ принять репрессивныя мѣры, своими грабежами, изнасилованіемъ женщинъ и другими звѣрствами сдѣлали то, что мусульманское населеніе сторонится отъ болгаръ.

«Болгары предложили городу Подградцу выставить отъ двухъ до трехъ тысячъ вооруженныхъ албанцевъ и гор. Чокюсъ 1.000 съ тѣмъ, чтобы эти албанцы выступили съ болгарами противъ сербовъ. Однако албанцы категорически отказались это сдѣлать, заявивъ, что если болгары прибѣгнутъ къ силѣ, то албанцы также возьмутся за оружіе и вытѣснятъ болгаръ. Болгары отомстили албанцамъ за это, заманивъ къ себѣ нѣкоторыхъ видныхъ ихъ представителей и перебивъ ихъ.

«Албанское населеніе также претерпѣваетъ всѣ ужасы голода и терроризуется болгарскими солдатами. Совершивъ насиліе надъ четырьмя мусульманками въ окрестностяхъ Пишкопей, болгарскіе солдаты покушались на такую же гнусность въ самомъ городѣ, однако мѣстное населеніе взялось за оружіе и преду-

предило насиліе. Въ результатѣ болгарскія войска были вынуждены покинуть эту мѣстность и туда больше не возвращались. Болгары приложили всѣ старанія къ тому, чтобы поднять мѣстное населеніе противъ сербовъ, но не достигли успѣха, и вся ихъ дѣятельность свелась къ тому, что они передали смерти рядъ лицъ, заподозрѣнныхъ ими въ дружественныхъ отношеніяхъ къ сербамъ.

Неприятель ожесточенно обстрѣливалъ французскія позиціи въ Авокурскомъ лѣсу и высоту «304». Къ востоку отъ Рамскапелле бельгійскія войска разрушили неприятельскій наблюдательный постъ и бетонныя прикрѣпленія.

Британскія войска продвинулись впередъ по правому берегу Тигра.

Аэропланы союзниковъ совершили полетъ на Царьградъ и Адрианополь. Военныя суда союзниковъ стали на якорь въ Судской бухтѣ.

4-го апрѣля донесеніе штаба Верх. Главн. гласило: На фронтѣ рѣки Двины германская артиллерія развивала огонь по икскольскому предмѣстному укрѣпленію и на участкѣ двинскихъ позицій къ югу отъ Гарбуновки. Южнѣ двинскаго района также велась мѣстами артиллерійская перестрѣлка, болѣе энергичная между озерами Мядзіоль и Нарочъ. Противникъ примѣнялъ аэропланы съ нашими опознавательными кругами на крыльяхъ. Въ Галиціи въ районѣ Верхней и Средней Стрыпы, было отражено нѣсколько попытокъ противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши войска, занявъ Сюрмене, при дальнѣйшемъ преслѣдованіи отступающаго врага достигли селенія Арсень-Келеси, что въ 18 верстахъ къ востоку отъ Трапезунда. Успѣшныя на насъ бои въ бассейнѣ Верхняго Чороха продолжаются.

Морской генеральный штабъ опубликовалъ по поводу потопленія нашего госпитальнаго судна «Португалія» слѣдующее заявленіе:

Турецкое правительство нашло, наконецъ, возможнымъ отозваться по поводу потопленія госпитальнаго судна «Португалія», приведа въ своемъ сообщеніи нижеслѣдующія указанія: 1) судно было замѣчено подводной лодкою еще ночью, когда оно шло къ берегу, неся топовый огонь; 2) съ разсвѣтомъ было установлено, что русское судно имѣло на буксирѣ нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ солдатами; 3) командиръ подводной лодки передъ взрывомъ убѣдился, что имѣетъ передъ собою выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ съ красной полосой военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ припасовъ; 4) на суднѣ не имѣлось никакихъ опознавательныхъ знаковъ Краснаго Креста; 5) атакуя «Португалію», лодкѣ удалось попасть въ нее лишь второй миною, взорвавшейся подъ мостикомъ и вызвавшей взрывъ большого количества взрывчатыхъ веществъ, несомнѣнно, находившихся на суднѣ, 6) если при этомъ, дѣйствительно, погибли люди, принадлежащіе къ личному составу Краснаго Креста, то турецкое правительство изъявляетъ свое глубокое сожалѣніе, указывая, однако, что вина въ этомъ падаетъ на русскихъ, допустившихъ присутствіе личнаго состава Краснаго Креста на суднѣ, которое служило военнымъ цѣлямъ и имѣло нанести вредъ турецкому правительству.

По этому поводу морской генеральный штабъ напоминаетъ, что атака «Португалія» была произведена въ ясное свѣтлое утро и на разстояніи всего лишь 25 сажень, послѣ того, какъ лодка обошла судно кругомъ подъ кормою съ одного борта на другой вплотную. При такомъ условіи командиръ подводной лодки не могъ ошибиться, не могъ не увидѣть опознавательныхъ знаковъ Краснаго Креста съ бѣлою окраскою судна, не могъ принять боты, предназначенныя для перевозки раненныхъ, за шлюпки, наполненные солдатами, не могъ предположить, что имѣетъ передъ собою военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ запасовъ, и не могъ принять эффектъ взрыва своей мины за детонацію какихъ-то взрывчатыхъ веществъ, якобы находившихся на «Португаліи».

Кромѣ того, само же турецкое сообщеніе указываетъ, что лодка еще ночью уви дѣла топовый огонь госпитальнаго судна, идущаго совершенно открыто и безъ какой бы то ни было защиты. Между тѣмъ, всѣмъ военнымъ морякамъ извѣстно, что во время войны войсковые транспорты, идя въ сферѣ вѣроятнаго воздѣйствія непріятеля, огней ночью не несутъ и идутъ въ сопровожденіи необходимой защиты, отнюдь не останавливаясь открыто въ непріятельскихъ водахъ.

Такимъ образомъ, редакція непріятельскаго сообщенія, рассчитанная, повидимо му, на то, чтобы внушить обществу предположеніе объ ошибкѣ командира подводной лодки, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни въ чемъ не мѣняетъ нашего мнѣнія о безнравственныхъ методахъ, примѣняемыхъ непріятелемъ во время настоящей войны, и не уменьшаетъ ответственности турецкаго правительства за противозаконное потопленіе госпитальнаго судна «Португалии».

Въ долину Сугана противникъ, атаковавшій итальянскія позиціи между рѣчкой Ларганца и Монте-Коло, былъ, въ свою очередь, атакованъ и отброшенъ.

На пространствахъ отъ рѣки Мааса до Дуомона нѣмцы послѣ артиллерійской подготовки пошли въ атаку и были отбиты французскимъ огнемъ, кромѣ небольшого выступа къ югу отъ Шоффурскаго лѣса.

5-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

«Въ икскульскомъ районѣ и на участкѣ нашихъ позицій западнѣе Якобштадта артиллерійская перестрѣлка. Попытка непріятеля продвинуться впередъ на участкѣ у ф. Невѣришки (южнѣе м. Крево) была отбита нашими развѣдчиками.

«Въ Галиціи противникъ 3 апрѣля велъ крупными силами ожесточенныя атаки на Попову Могилу, причѣмъ фронтъ одной атаки былъ болѣе двухъ верствъ. Атаки отбиты съ большими для врага потерями. По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ, при взятіи нами 31 марта Поповой Могилы захвачено много ручнаго оружія, патроновъ, телефоннаго имущества, перископовъ, щитовъ, фугасовъ, а также бомбометъ съ 4 ящиками бомбъ.

«На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наши части, преслѣдуя турокъ, заняли селеніе Дрона (въ 10 верстахъ къ востоку отъ Трапезунда). Къ западу отъ Эрзерума наши войска послѣ горячаго боя сбили турокъ съ цѣлаго ряда сильно укрѣпленныхъ позицій.

«Трапезундъ взятъ.

«Дружная боевая работа войскъ кавказской арміи и черноморскаго флота увѣнчалась овладѣніемъ нами этимъ важнѣйшимъ укрѣпленнымъ пунктомъ Анатоійскаго побережья. Доблестныя войска кавказской арміи послѣ кровопролитнаго боя 1 апрѣля на рѣкѣ Кара-Дараси, безостановочно тѣснили турокъ, преодолевая невѣроятныя трудности и всюду сокрушая упорнѣйшее ихъ сопротивленіе. Искусныя дѣйствія флота дали возможность блестяще произвести смѣлую десантную операцію и оказывать постоянную огневую поддержку сухопутнымъ войскамъ, оперировавшимъ въ приморскомъ районѣ. Новой побѣдѣ способствовала товарищеская поддержка, оказанная остальными войсками кавказской арміи, дѣйствовавшими на прочихъ направленіяхъ въ Малой Азіи. Постоянными упорными боями и геройскими своими подвигами они сдѣлали все возможное, чтобы облегчить задачу приморскаго отряда.

«Подробности выясняются».

Британскія войска во Франціи отбили двѣ атаки нѣмцевъ у Сентъ-Элуа и

дважды проникли въ непріятельскія траншеи. Вслѣдствіе ожесточенныхъ контръ-атакъ турокъ на правомъ берегу Тигра британскимъ войскамъ пришлось мѣстами отойти на 500—800 ядровъ.

Маневръ германцевъ у Вердена, имѣвшій цѣлью окруженіе возвышенности Шуавръ, окончился полной неудачей.

Итальянцы продолжали продвигаться впередъ по склонамъ Монте-Спероне и въ долину Ледро. Въ долину Сугана итальянцами была отброшена атака непріятеля и взято 206 плѣнныхъ, изъ нихъ три офицера.

6-го апрѣля штабъ Верх. Главн. сообщилъ, что въ двинскомъ районѣ южнѣе д. Гарбуновки въ ночь на 5 апрѣля нѣмцы открыли ураганный огонь по одному изъ окоповъ д. Гиновки, послѣ чего бросились въ атаку и захватили этотъ окопъ. Однако нашей контръ-атакой непріятель былъ выбитъ.

Въ районѣ западнѣе Поставы наша артиллерія разсѣяла колонну противника.

Въ районѣ къ сѣверо-западу отъ Кременца и въ районѣ Верхней Стрыпы противникомъ было взорвано нѣсколько горновъ.

На Ченномъ морѣ наша подводная лодка, подвергшись безрезультатной атакѣ непріятельскаго самолета, потопила подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей у самаго входа въ Босфоръ пароходъ и парусный бригъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Въ ашкалинскомъ районѣ (къ западу отъ Эрзерума) наши войска ночью штурмомъ овладѣли сильно укрѣпленнымъ гребнемъ съ высотой около 2½ верстъ надъ уровнемъ моря. Мы захватили въ плѣнъ 4 турецкихъ офицера и болѣе 120 аскеровъ. На мѣстѣ боя противникъ оставилъ нѣсколько сотъ труповъ; нѣкоторыя войсковыя части, только что прибывшія съ Галлипольскаго полуострова, совершенно нами уничтожены, остальные же турецкія войска, принимавшія участіе въ этомъ бою, понесли отъ нашего огня и штыка тяжкія потери.

Въ районѣ Адамелло итальянскіе альпійскіе стрѣлки заняли и укрѣпили горный переходъ на Монте-Фумо на высотѣ 3402 метровъ надъ уровнемъ моря.

На Коль-ди-Лана итальянскія войска атаковали и заняли крайній западный кряжъ горы, находившійся еще въ рукахъ непріятеля.

У Эпаржа атаки германцевъ противъ французскихъ позицій были отражены. На правомъ берегу Мааса французы произвели сильную атаку противъ германскихъ позицій у пруда Во, заняли нѣсколько частей непріятельскихъ траншей и взяли въ плѣнъ 26 офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и 214 нижнихъ чиновъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ¹⁾.

(Романъ изъ купеческой жизни).

XX.

ПРОКО и весело, съ не замкнутыми, какъ бывало, а съ настежь раскрытыми дверями жилъ Бахваловскій домъ.

Но настоящаго веселья все-таки не было. Чуялось что-то грозное и недоброе, что-то мрачное и тяжелое, неуловимое, необъяснимое, но мучительно ошутимое, что угнетало душу, у однихъ меньше, у другихъ больше. И самимъ обитателямъ Бахваловскаго дома страннымъ и зловѣщимъ казалось то, что даже и теперь, когда уже не было на нихъ никакой грозы, когда всѣ уже знали, что самъ «не обращаетъ вниманія» и что все дозволено, и каждый можетъ жить, какъ ему хочется, хоть на головѣ ходи, что даже и при этомъ новомъ курсѣ бахваловскаго корабля у всѣхъ сердце было не на мѣстѣ, и всѣ передъ чѣмъ-то трепетали, чего-то

ждали, предчувствуя катастрофу.

И дѣйствительно, она уже надвигалась на Бахваловскій домъ, неумолимая, жестокая и чреватая послѣдствіями.

Медленно и неслышно подходила она, и ужъ только потомъ, много времени спустя, когда все совершилось, начало ея стали связывать съ кончиной бабиньки.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXLIV, стр. 305.
«истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. CXLIV.

Очень слаба стала Анна Васильевна. Съ кресла почти совсѣмъ ужъ перестала вставать и кушать стала мало, на удивленіе, ни на что не жаловалась, никакой боли не испытывала, но съ каждымъ днемъ становилась все худѣе и блѣднѣе, таяла, какъ говорили люди.

Въ мірскую жизнь совсѣмъ перестала входить, все шептала молитвы да просила читать божественное и больше всего любила, чтобы читала ей Ниночка.

Сильно привязалась къ правнучкѣ, и чуть Ниночка уйдетъ, ужъ она скучаетъ и зоветъ ее и тоскливо мечется, такъ что подъ конецъ Ниночка и совсѣмъ переселилась къ ней.

Пріѣзжали навѣщать бабиньку монахи и монахини. Изъ Дѣвичьяго монастыря была даже два раза сама игуменья. Никого бабинька не обидѣла, всѣхъ помянула въ завѣщаніи.

Причащалась, соборовалась и совсѣмъ ужъ приготовилась перейти въ тотъ міръ.

Въ домѣ гостили монашки, приходили и уходили приживалки и странники, но бабинька уже не пользовалась ихъ обществомъ.

Люди становились ей въ тягость. Душа алкала тишины и мира, и хотѣлось видѣть только одну Ниночку, молчаливую, задумчивую, кроткую, послушную и тихую, съ глазами, устремленными куда-то въ пространство и какъ бы всегда чѣмъ-то изумленными, съ движеніями неспѣшными, робкими и такими легкими, что они сообщали ей заодно съ блѣдностью и прозрачностью ея кожи и нѣжной воздушностью всей ея фигуры что-то призрачное, неземное.

А монашки, приживалки и странники были даже довольны, что предоставлены самимъ себѣ.

Всѣ капиталы, всѣ вещи бабиньки были уже распределены, всѣ уже знали, кто и что получить, и никому не казалось интереснымъ часами сидѣть около живого мертвеца, не смѣя проронить лишняго слова. Гораздо пріятнѣе было собраться своей компаніей въ одной изъ заднихъ комнатъ или гдѣ-нибудь въ людской и за обильной ли трапезой, за нескончаемымъ ли чаепитіемъ, или просто за сладкими заѣдками, щелкая орѣхи и лакомясь медомъ, вареньемъ, пряниками и пастилой, отводить душу, судача про богатые купеческіе и барскіе дома, или вести споры и дебаты на религіозныя темы.

Мало-по-малу попеченіе о бабинькѣ цѣлкомъ пало на плечи Ниночки. День и ночь безсмѣнно находилась она около старухи и именно теперь особенно нѣжно, особенно сильно привязалась къ ней. По временамъ горько ей было думать о томъ, что какъ ни любила она всегда бабиньку, но почему-то никогда раньше не была такъ близка ей, никогда такъ не была ей понятна душа ея.

Такъ сроднились онѣ, такъ стали дороги другъ другу, и вотъ бабинька уже уходитъ. Какой-нибудь день, другой, третій, и она

уйдетъ въ тотъ невѣдомый, чудесный міръ, въ который она такъ беззавѣтно просто вѣрится, и ужъ навсегда Ниночка останется одна. Тогда ужъ совсѣмъ одна. Эти мысли наполняли сердце Ниночки жгучей жалостью и болью за себя и за бабиньку, но зато радовало и восхищало ее то, что только тѣло бабиньки ослабѣло и износилось, а духъ ея сталъ выше, все сильнѣе и то, что она говорила Ниночкѣ, казалось ей исполнено чрезвычайнаго значенія, первостепенной важности.

Бабинька въ глазахъ Ниночки сохранила всю ясность ума и всю память, и даже по отношенію къ далекому, какъ это часто наблюдается у стариковъ, послѣдняя обострилась у нея, и Ниночка сидѣла, какъ очарованная, когда бабинька тихимъ, раздѣльнымъ, яснымъ шепотомъ рассказывала ей про свою жизнь, или въ прозрѣніи будущей вѣчной жизни рисовала ей загробный міръ, погружая ея юную душу въ мистическій трепетъ передъ таинственнымъ.

Такъ проводили онѣ часы, нѣжная юность и глубокая старость, въ тѣсномъ дружескомъ общеніи.

Крѣпко и сладко спала ночь усталая Ниночка, проснулась рано на разсвѣтѣ въ ногахъ бабинькиной постели, гдѣ каждый вечеръ свертывалась комочкомъ подъ любимымъ одѣяломъ, темно-малиновымъ шелковымъ, стеганнымъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ искусными руками рукодѣльницъ-послушницъ затѣйливымъ орнаментомъ разноцвѣтными шемаханскими шелками, на легкомъ лебяжемъ пуху, подбитымъ пушистымъ мягкимъ и теплымъ лисьимъ мѣхомъ.

Тепло и уютно было подъ этимъ одѣяломъ, подъ «мѣховушкой», какъ называла его Ниночка, и отрадно было, что бабинька еще тутъ, и Ниночка, уже такая взрослая и большая, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, нѣжится у нея въ пышныхъ пуховыхъ перинахъ, на тонкихъ батистовыхъ съ широкими выдернутыми по ниточкѣ прошивкамъ простыняхъ.

Ниночка вскочила, сунула ноги въ вышитыя суконныя туфельки, накинула фланелевый сѣрый капотикъ, обшитый у ворота узенькой красной ленточкой, и наклонилась надъ бабинькой.

Бабинька спала спокойно и ровно дышала, но тотчасъ же открыла глаза, почувствовавъ близость Ниночки, и сказала:

— Поднялась уже. И хорошо. У насъ съ тобой сегодня много дѣла, Нина. Только напередъ помолимся. Прочти-ка ты мнѣ «Да воскреснетъ Богъ».

— Бабинька, это молитва вечерняя.

— Вечерняя. Ее и надо читать. Для меня теперь вечеръ. Закатъ моей жизни насталъ, Нина.

Ниночка помогла бабинькѣ подняться и сѣсть на постели и, стоя, обратившись къ углу въ изголовьи, увѣщенномъ образами, прочла молитву медленно и благоговѣйно, вкладывая въ каждое

слово то чувство, то значеніе, какія только недавно вызывала въ ней молитва.

Бабинька перекрестилась и торжественно сказала:

— Можетъ быть, и до полудня не доживу, Нина. Хочу, чтобы приняла ты мою послѣднюю волю. Поди-ка посмотри, заперты ли двери, а нѣтъ—такъ запри.

Ниночка отворила дверь въ сѣнцы. Тамъ еще никого не было. Заперла обѣ двери изъ сѣнецъ въ коридоръ и изъ бабинькиныхъ комнатъ въ сѣнцы и вернулась печальная и серьезная.

— Слушай, Нина,—сказала бабинька.—Вотъ тебѣ мой завѣтъ. Дамъ я тебѣ деньги, которыя ужъ давно храню у себя. Про нихъ никто не знаетъ. Убери ихъ до поры, до времени. Сколько всего у меня, не знаю. Тогда, какъ взяла ихъ изъ банка, сочли мнѣ тамъ, да ужъ теперь забыла, да, чай, и проценты выросли. Эти деньги твои. Сколько хочешь изъ нихъ, себѣ возьми. Только одно обѣщай мнѣ: все остальное отдай на добрыя дѣла. Въ монастыри и въ общества не отдавай и другимъ людямъ тоже не довѣрай, а сама, кто придетъ къ тебѣ съ великой нуждой или узнаешь про кого,—тому дай, и опять-таки не давай по малу, а сколько нужно, чтобъ человекъ на ноги всталъ или дѣла свои поправилъ. Это ужъ ты сама поймешь. Думала я тебѣ только ключикъ передать, да боюсь, неспокойна я, какъ умру, ототрутъ тебя, всюду будутъ рыться. Снимика съ шеи у меня ключъ.

— Сняла, бабинька.

— А теперь стѣнной шкапчикъ отвори, а этимъ ключомъ отопри маленькій выдвижной ящикъ.

Ниночка отворила шкапчикъ, висѣвшій передъ постелью, и выдвинула ящикъ.

— Мѣшочекъ нашла?

— Бисерный, бабинька?

— Дай-ка его мнѣ сюда.

Ниночка подала бабинькѣ сплошь вышитый зеленымъ бисеромъ мѣшочекъ, собранный въ широкомъ серебряномъ кольцѣ,—старинный, старинный кошелекъ.

Бабинька сняла колечко и вынула изъ мѣшочка довольно большой, круглый, оригинальной формы ключъ.

— Вотъ тебѣ ключъ,—сказала она.—Деньги-то у меня хорошо были спрятаны, Ниночка. Настоящія свои деньги я всё берегла у себя. Это что въ завѣщаніи назначено, все въ банкѣ лежитъ, и ужъ цѣло ли тамъ все, я не знаю. Чай, и раскрали много за столько-то лѣтъ. А ужъ эти—всѣ тутъ. Развѣ бы только сгорѣть могли во время пожара, такъ ужъ это воля Божья. Да и миловалъ Богъ. А какъ ты думаешь, Ниночка, гдѣ у меня деньги?

— Въ комодѣ, бабинька, въ косяной шкатулочкѣ.

Бабинька даже улыбнулась.

— Глупенькая еще ты, Ниночка. Въ шкатулочкѣ развѣ столько денегъ уложишь? А въ комодѣ у меня ихъ Манеѳа ужъ давно бы вытащила. Подкати-ка ты мнѣ кресло, Ниночка.

Ниночка придвинула къ постели большое кресло на колесахъ, старинное, какихъ она нигдѣ больше не видѣла. И колеса-то,—ихъ было три,—какія-то были особенныя, цѣльныя стальные, широкія и толстыя, какъ тѣ, что бываютъ у тачекъ. Обито оно было буйволовой кожей, и тоже, должно быть, въ незапамятныя времена. Кожа потеряла свой лоскъ и блескъ, засалилась, замшилась, но все еще была попрежнему крѣпка.

— Сними, Ниночка, подушку,—сказала бабинька.

Ниночка не безъ труда выдвинула тяжелое четырехугольное сидѣніе и прислонила его къ стѣнѣ.

— А теперь снизу отъ подножья выдвинь и другую.

Ниночка довольно долго возилась прежде, чѣмъ ей удалось приподнять боковую съ мягкой обивкой стѣнку, а когда она выдвинула ее кверху, передъ ней обнаружился ящикъ съ замочной скважиной.

— Бабинька, въ креслѣ деньги?—съ недоумѣніемъ спросила она.

— Въ креслѣ, дѣточка. А ты что думала? Бабка хитрая. Кресло-то, вѣдь, наше, мѣшковское. На немъ бабка моя Аноѳа Семеновна умерла. Полжизни на немъ просидѣла. На большихъ деньгахъ сидѣла, и никому невдомекъ было. У маменьки покойницы оно въ моленной стояло, чтобы изъ мірянъ никто на него не садился, пустое, ужъ такъ только для почету, а мнѣ по наслѣдству досталось. Смѣялись Барышниковы да и наши Бахваловы на него, какъ привезли-то его, а я молчу про себя. Видишь, оно какое? Кто не знаетъ,—ни за что не догадается. Свои вѣдь дѣлали-то. Не простые столяры, а тоже старой вѣры люди. Да долго оно и у меня впускѣ стояло, а какъ потомъ наслѣдство-то выдѣлили, я куда побольше половины наслѣдственныхъ-то денегъ все въ процентныхъ бумагахъ въ него и убрала. Раскрыла ящикъ-то?

— Раскрыла, бабинька.

— Ну-ка, вынимай пачки.

Ниночка стала выкладывать на постель къ бабинькѣ объемистыя и довольно тяжелыя пачки, сложенныя то прямо листами, а иные вчетверо и въ такихъ листы были такіе большіе, какихъ она никогда и не видывала.

— Все, что ли?—спросила старуха.

— Все, бабинька.

— Теперь ты ящикъ-то запри, да подушечки получше вдвинь. Вотъ такъ. Умру,—до всего доберутся людишки, знаю. Да только денегъ-то ужъ не найдутъ. Иди-ка сюда, Ниночка. Во что бы тебѣ это завернуть. Да куда бы спрятать, чтобы у тебя не отняли?

— Бабинька, я въ свою комнату отнесу. У меня тамъ шкапъ хорошо запирается, а комнату тоже запру.

— Замѣтятъ, какъ понесешь-то.

— Такъ, вѣдь, никто же этого не подумаетъ, бабинька. Никому въ голову не придетъ.

— Ну, ладно. Воиъ, возьми у меня шаль турецкую да въ нее все и заверни. Послѣ ужъ, какъ меня проводишь, сосчитаешь. Считать-то ужъ намъ съ тобой теперь некогда.

Ниночка принялась завертывать и свертокъ вышелъ большой и тяжелый. И только что она кончила возиться съ нимъ, какъ послышался стукъ въ дверь.

— Сунь его подъ одѣяло мнѣ,—сказала бабинька.—Это Манеа стучитъ, ты отвори. Только не пускай, устала я очень, Ниночка. Велика ты ей позвать ко мнѣ домашнихъ, можетъ, кто и всталъ. Ипполитъ пусть придетъ. Да за Николаемъ послали бы. Проситься со всѣми нужно.

Бабинька откинула голову на подушку и закрыла глаза. Лицо ея такъ поблѣднѣло, что Ниночка испугалась. Она поняла, что бабинька очень утомилась, пока доставали деньги.

Въ дверь опять постучали.

Ниночка отворила и увидѣла хитрое, острое лицо Секлетей.

— Чай кушать, барышня, пожалуйста,—сказала она.—Совсѣмъ вы у насъ заморились съ бабинькой-то.

Ниночка отказалась отъ чая и передала распоряженіе бабиньки.

— Слушаюсь, всѣхъ позову и за Николаемъ Викуловичемъ пошлютъ, а ужъ вотъ Сосипатра Викуловича, не знаю, найдутъ ли. Москва-то, вѣдь, велика, гдѣ его найдешь. Ясна сокола?

— Ниночка, не уходи,—сказала бабинька:—посиди, милая, около меня до послѣдняго вздоха. Требникъ-то ты знаешь ли, гдѣ лежитъ?

— Знаю, бабинька, онъ на угольникѣ въ вашей комнатѣ.

— Ты тамъ отходную найди, Ниночка. Красной закладкой она у меня заложена. Манеа хотѣла по мнѣ отходную-то читать, а мнѣ не хочется. Не полѣнись, прочти ужъ ты, Ниночка. Услужи бабинькѣ въ послѣдній разъ.

— Не беспокойтесь, бабинька. Я Манею не дамъ, сама буду читать.

Бабинька кинула ей благодарный взглядъ и опять закрыла глаза, утомленная.

Ниночка тихо, не шевелясь сидѣла въ ногахъ..

О свертокѣ съ деньгами, что лежалъ сзади ея, она не думала, даже совсѣмъ забыла. Душа ея была исполнена торжественнаго всепоглощающаго чувства и погружена въ созерцаніе. Не было опредѣленныхъ мыслей и думъ, было только ощущеніе чего-то великаго, таинственнаго, что наполняло все существо ея благоговѣйной, безропотной покорностью и мистическимъ умилениемъ.

И въ этомъ ея настроеніи такъ желанна, такъ драгоценна и свята была царившая вокругъ нея тишина.

До бабинькиной комнаты, такой удаленной отъ другихъ покоевъ, особенно въ этотъ, еще ранній часъ не долетали ни шумы, ни стукки, ни разговоры, и всего Бахваловскаго дома какъ бы не существовало.

Ниночка чутко вслушивалась въ безмолвную тишину, и казалось ей, что въ ней улавливаетъ она какія-то легкія, едва постижимыя обычными человѣческими чувствами вѣяніе и дуновение. Что это такое? Смерть ли бродитъ по комнатѣ легкой, коварной поступью и то приближается къ постели, то отступаетъ назадъ, неторопливая, выжидающая, и прячется въ темнотѣ угловъ? Или то безшумными крылами рѣютъ въ вышинѣ небожители, посланные по усталую душу, свершившую свой земной кругъ, и готовые принять ее, чтобы вознести въ инья, свѣтлые и неизреченные міры?

Тихо, глубоко спокойно и хочется плакать отрадными и свѣтлыми слезами.

— Ниночка!—позвала бабинька.

Ниночка вздрогнула, точно пробудилась отъ сна.

— Я здѣсь, бабинька.

— Чую, что здѣсь, родненькая. Пора бы ужъ начинать отходную читать. Да вотъ ужъ какъ попросаюсь со всѣми. Шкатулку костаную дай мнѣ сюда изъ комода. У меня тамъ всѣмъ подарочки приготовлены и послѣднее благословеніе, чтобы у каждаго памятка была. Долго не идутъ, Ниночка, устала я. Поправь на мнѣ косыночку да подыми меня повыше. Думается мнѣ, какъ будто идетъ кто-то.

Ниночка исполнила просьбу бабиньки.

А въ дверь уже стучались.

Бабинька еще успѣла шепнуть:

— О деньгахъ помни, Ниночка, и завѣтъ мой помни.

Ниночка кивнула бабинькѣ головой и побѣжала въ сѣнцы.

XXI.

Вѣсть о томъ, что бабинька прощается, уже облетѣла Бахваловскій домъ и заставила раньше обыкновеннаго подняться бабѣ царство. Вскочили съ постели, заторопились Викуловны и еще не причесанныя, въ наскоро накинутыхъ капотахъ, всѣ вмѣстѣ первыя пришли къ бабинькѣ.

За послѣднее время навѣщали онѣ ее очень рѣдко и исполнены были равнодушія къ ней, но въ этотъ моментъ всѣхъ ихъ влекло сложное и смутное чувство, въ которомъ сознаніе необходимости отдать послѣдній долгъ, почтеніе и привязанность боролись съ лю-

бопытствомъ и съ тайной надеждой, что вдругъ неожиданно кого-нибудь изъ нихъ старуха вздумаетъ надѣлать щедрой подачкой.

Больше всѣхъ за эту мысль цѣплялась Лидія, ей больше всѣхъ было жаль старуху, и казалось, что за ея любовь бабинька должна отличить ее и наградить особо отъ другихъ.

Каждая, подойдя, поцѣловала высохшую, похожую на птичью лапку руку.

Бабинька высоко лежала, вся бѣлая, въ бѣлыхъ подушкахъ.

Ниночка подвинула ей шкатулку, и она стала вынимать оттуда потемнѣвшіе отъ времени рѣзные кипарисные крестики и мелкія золотыя вещицы.

Каждую внучку поцѣловала она въ лобъ и перекрестила, говоря:

— Вотъ вамъ памятка и благословеніе. А меня простите, Христа ради.

Видно было, что ей ужъ тяжело говорить, и Викуловны, не желая утомлять умирающую, въ послѣдній разъ приложились къ рукѣ и вышли.

А въ коридорѣ уже ждали прочіе домочадцы, причитали и крестились вѣковуши, сами сѣденькія, старенькія, мало чѣмъ отличавшіяся отъ матери, широко зѣваль и потягивался плохо выспавшійся, привезенный прямо изъ Грузинъ расторопнымъ Сеней, видный, красивый и даже и въ этотъ моментъ брызжущій какимъ-то буйнымъ весельемъ Сосипатръ.

Къ нему робко жался забитый, чувствовавшій себя чужимъ въ Бахваловскомъ домѣ и, какъ всегда, пьяненькій и склонный къ чувствительности Николай, съ трудомъ державшійся на распухшихъ, большихъ ногахъ.

Шурша новымъ шелковымъ капотомъ, съ прикрытой кружевами декольтированной пышной бѣло-розовой шей, въ новомъ рыжемъ парикѣ и въ модныхъ браслетахъ изъ тонкихъ золотыхъ колечекъ, вперемежку съ крупными брильянтами, на изумительно выхоленныхъ обнаженныхъ рукахъ съ чудесно отдѣланными ногтями и съ драгоценными перстнями на пальцахъ, волоча за собой длинный шлейфъ, покачивая бедрами на ходу и всѣмъ даря обворожительныя улыбки, прослѣдовала къ бабинькѣ Аграфена Асафовна.

Ее дотналъ, щелкнувъ пальцами и облизнувшись, Сосипатръ, и вмѣстѣ подошли они прощаться къ бабинькѣ.

Старуха подняла на нихъ глаза, хотѣла что-то сказать, но только слабо махнула рукой.

Перевела взоръ на Ниночку, и та тотчасъ же протянула ей два кипарисовыхъ крестика на шелковыхъ шнурочкахъ, но старуха не взяла ихъ, глаза ея опять отдали приказаніе Ниночкѣ, и та надѣла крестикъ черезъ голову Сосипатру.

Пышно причесанная голова Аграфены Асафовны не прошла въ узкій кругъ шнурочка, и она надѣла крестикъ себѣ на руку.

Бабинька легкимъ движеніемъ головы отпустила ихъ.

А въ комнату уже входили вѣковуши и за ними ихъ обычная свита: монашки, приживалки, странники. Бабинька всѣхъ крестила слабымъ мановеніемъ безсильно падающей руки, къ каждой наклонявшейся къ ней головѣ прикладывалась безпвѣтными, побѣлѣвшими губами, монотонная, ко всѣмъ одинаковая, и трудно было судить, была ли она такъ слаба, что уже плохо различала своихъ и чужихъ, или для нея, уже почти освобожденной отъ земныхъ узъ, въ эти послѣднія торжественныя минуты, дѣйствительно, всѣ были равны.

Ниночка съ опасеніемъ гладѣла на бабиньку: она видѣла, что силы ея таютъ, и съ пугливой тоской взглядывала на тѣснившихся къ постели людей.

Ей хотѣлось сказать имъ, чтобы они уходили. И многое еще могла бы она сказать имъ, но не рѣшалась и только молча страдала.

Но изъ коридора и сѣнецъ донеслись голоса, тамъ произошло какое-то движеніе, вдругъ опустѣла бабинькина спальня и комната, и Ниночка облегченно вздохнула, увидѣвъ, что вошелъ отецъ.

Ипполитъ Викуловичъ былъ очень блѣденъ, и глаза его смотрѣли сумрачно и строго.

Ниночка всегда боялась этихъ глазъ, убѣгающихъ и уклончивыхъ.

И теперь она робко подняла на отца взглядъ, хотѣла встать и поздороваться съ нимъ, но не успѣла.

Ипполитъ Викуловичъ поцѣловалъ ее въ голову и сказалъ:

— Поди отсюда, Нина.

Ниночка встала, но не сразу вышла, глаза ея спрашивали у бабиньки, не остаться ли ей?

— Иди, Ниночка,—повторилъ отецъ.—Посиди пока въ сѣнцахъ, а двери запри.

Ниночка вышла.

Передъ тѣмъ, какъ запереть сѣнцы, она заглянула въ коридоръ, но тамъ уже ни души не было: всѣ знали, что у бабиньки «самъ», и никто бы не рѣшился мѣшать ихъ послѣднему свиданію или даже просто попасться некстати на глаза хозяину.

Ипполитъ самъ заперъ дверь изъ комнаты въ сѣнцы, потомъ подошелъ къ постели, опустился передъ ней на колѣни и склонилъ голову.

Старуха положила на нее руку и раза два тихонько провела ею по сильно порѣдѣвшимъ и посѣдѣвшимъ волосамъ.

Меньше всѣхъ любила она этого внука, всегда онъ былъ далекъ отъ нея и какъ-то мало понятенъ ей, всѣхъ больше напоминалъ и видомъ, и характеромъ сына Викулу, тоже мало любимого, но почему-то въ этотъ моментъ въ сердцѣ ея проснулась нѣжность къ нему,

и съ болью и съ жалостной лаской гладила она эту склоненную голову.

— Бабинька,—сказаль Ипполитъ Викуловичъ:—проститесь я съ вами пришелъ, прощенія у васъ хочу просить.

Онъ умолкъ.

— Николушку не обижай,—сказала старуха:—отдѣли его. Дѣвушкамъ приданое хорошее дай. Нина въ монастырь просится, не препятствуй.

— Слушаю, бабинька,—отвѣтилъ Ипполитъ Викуловичъ:—все, что приказываете, исполню въ точности. Молода Нина, пусть бы подождала. О Николаѣ не беспокойтесь.

— Людей и служащихъ я сама хотѣла одѣлать, говорила Нинѣ, по скольку кому дать, думаю, не успѣть мнѣ самой-то, силъ нѣтъ.

— Награжу всѣхъ,—сказаль Ипполитъ Викуловичъ.

— Никого не забудь. Меньше пятисотъ рублей никому не давай. У кого семья, тому больше дай, а на малолѣтнихъ положи деньги.

— Слушаю,—повторилъ Ипполитъ.—Не жаль мнѣ денегъ, бабинька, и пришелъ я къ вамъ не о деньгахъ говорить. Душа болитъ. Облегчите душу мою. Вы уходите туда, помолитесь за меня. Хочу вамъ все рассказать, чтобъ знали вы и замолили мой грѣхъ.

Старуха раскрыла глаза и насторожилась.

Что-то похожее на тревогу и на удивленіе мелькнуло въ ея взглядѣ. Странно было видѣть Ипполита на колѣняхъ, и удивляло и пугало лицо его, разстроенное и блѣдное, по которому медленно скатывались рѣдкія, крупныя слезы. Да ужъ Ипполитъ ли это?

Она всегда помнила его холоднымъ и замкнутымъ, а когда разойдется, наглымъ и дерзкимъ.

А онъ подвинулся къ ней еще ближе, какъ бы боясь, что она его не услышитъ, и, опершись локтями на край постели и опираясь на сложенные руки подбородкомъ, изо всѣхъ силъ стараясь удержатъ прыгающую отъ нервнаго возбужденія нижнюю челюсть, прерывистымъ, но явственнымъ шепотомъ выговариваль, ясно и раздѣльно, жестокія страшныя слова, наполнявшія смертельнымъ ужасомъ и болью уже отрѣшившуюся отъ земного, умиротворенную, отстоявшуюся отъ всего житейскаго, просвѣтленную душу.

— Бабинька, молитесь за меня. Нѣтъ моихъ силъ! Примите покаяніе мое. Не своей смертью умеръ отецъ, я задушилъ его. Самъ задушилъ. Подушкой накрылъ и задушилъ. Молитесь за меня, спасите меня!

Онъ говорилъ, и глаза его съ мольбою были устремлены на бабку, но онъ не видѣлъ ни ея и ничего кругомъ. И лица ея онъ не видѣлъ. Не видѣлъ, какъ передернулось оно, какъ перекосился ротъ, какъ широко раскрылись и полные ужаса остановились на немъ ея глаза и вдругъ померкли подъ дрогнувшими вѣками.

Не видѣлъ и все говорилъ, теперь уже тихимъ шепотомъ, безсвязно лепеча о томъ, что терзало и мучило его, теряя сознание, весь во власти послѣднихъ судорогъ нервнаго аффекта.

Внезапно онъ вскочилъ на ноги, вдругъ ощутивъ ужасъ передъ всѣмъ, что было здѣсь около него: передъ темными ликами иконъ, загромаждавшихъ стѣны крошечной каморки, передъ этими бѣлыми подушками и больше всего и острѣе всего передъ этимъ восковымъ желтымъ лицомъ съ полуоткрытыми, точно подмигивающими, стекловидными глазами.

И сразу онъ понялъ, что бабинька уже скончалась.

Онъ бросился къ двери, едва нашель ключъ и едва повернулъ его. Растерянно, мертвенно-блѣдный, кинулся къ сидѣвшей въ сѣнцахъ у окошечка Ниночкѣ и выкрикнулъ какимъ-то не своимъ, чужимъ, удивившемъ ее голосомъ:

— Ниночка, она умерла. Умерла!

И съ изумленіемъ увидѣла Ниночка, какъ онъ схватилъ себя за голову и, крѣпко сжимая ее въ вискахъ и раскачивая ею, шатаясь, пошелъ по коридору.

Ниночка такъ и не стала затворять за нимъ дверей.

Она отыскала на угольникѣ старинную въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками книгу, открыла ее на красной закладкѣ, стала въ ногахъ постели и начала читать, не громко, но внятно, неспѣшно и проникновенно.

XXII.

А въ столовой въ бабьемъ царствѣ уже накрытъ былъ завтракъ, и шумно разсаживались за раздвинутымъ столомъ Викуловны, Викуловничи, монахини, приживалки и кое-кто изъ близкихъ знакомыхъ.

Аграфена Асафовна, щеголяя своими прекрасными руками, на спиртовкѣ кипятила въ серебряной кастрюлѣ красное вино, къ которому она привыкла въ Парижѣ.

Сосиатръ, расположившійся рядомъ съ ней, дѣлалъ видъ, что помогаетъ ей и, къ великому соблазну монахинь и богобоязненныхъ старушекъ, открыто ухаживалъ за красавицей-мачехой.

Николая посадили по другую руку Аграфены Асафовны и рядомъ съ нею онъ, такой неказистый, небрежно одѣтый, давно небритый, казался особенно жалкимъ и опустившимся.

За сына Аграфены Асафовны посторонній человѣкъ его бы ужъ никакъ не могъ принять.

Лакей генеральши Симонъ, служившій у стола, еще не успѣли всѣ сѣсть за столъ, уже поставилъ передъ Николаемъ графинчикъ любимой имъ перцовки и, едва онъ осушилъ его, закусывая чернымъ хлѣбомъ съ солью, подалъ ему коньякъ и нарѣзанный тонкими ломтиками лимонъ.

Послѣ рюмки коньяку Николай сразу оживился и повеселѣлъ.

Дома ему позволяли пить только водку, и на коньякъ, къ которому онъ чувствовалъ слабость, онъ всегда смотрѣлъ, какъ на тонкое лакомство.

Впрочемъ, вино было подано въ изобиліи, и его пили всѣ, и дамы, и монахини, и богобоязненные старушки.

Постепенно развязывались языки, говоръ становился все шумнѣе. Громко хохотали Викуловны, слушая рассказы Сосипатра и жалѣя, что нѣтъ налицо его бывшей жены, урожденной Салотоповой, а опьянѣвшій Николай лѣзъ цѣловаться къ Аграфенѣ Асафовнѣ и, плача пьяными слезами, расчувствовавшись, лепеталъ:

— Маменька, красавица моя, пожалѣйте вашего злосчастнаго сына, воззрите на него благоволительнымъ окомъ. Маменька, я васъ всегда почиталъ, а вы меня, бѣднаго сиротку, бросили, совѣмъ забыли. Красавица вы моя писаная!

И, вдругъ откинувшись на спинку стула, онъ долго созерцалъ Аграфену Асафовну, дѣлая удивленное лицо, высоко поднимая брови и плаксиво причитая:

— Недостоинъ, сознаю. У такой великолѣпной матери и такой ничтожный сынъ. Невѣроятно, но фактъ.

И снова простиралъ объятія къ матери.

Аграфена Асафовна отвертывала отъ него лицо, дрожая за свои искусно покрашенные губы и щеки, и отстраняла его своими прекрасными руками, а онъ ловилъ эти руки, цѣловалъ мокрыми губами, обливалъ пьяными слезами и все повторялъ:

— Нѣтъ! Почему вы даже меня не навѣстили? Ни разу, ни единого разочка.

Аграфена Асафовна, вообще равнодушная къ своимъ дѣтямъ и успѣшая совершенно отвыкнуть отъ нихъ, дѣйствительно, такъ и не захотѣла поѣхать къ Николаю, отговариваясь тѣмъ, что не можетъ же она ѣхать первая съ визитомъ къ женѣ своего сына и что не виновата же она, что въ Бахваловскомъ домѣ его жену не принимаютъ. Кругомъ смѣялись, глядя на эту сцену, а въ концѣ стола, собравъ губы въ сборочку и потупя глаза въ наложенныя верхомъ тарелки, чинно сидѣли монахини и приживалки.

Онѣ жадно ѣли и много пили, но не рѣшались говорить, зная, что теперь рѣчи ихъ не ко двору, что слушать ихъ никто не станетъ и что съ кончиной бабиньки пришелъ конецъ ихъ сладкому угощенію въ Бахваловскомъ домѣ, гдѣ уже некому будетъ осыпать ихъ щедрыми даяніями.

Столъ былъ заставленъ яствами, все подавалось въ изобиліи, но каждый разъ, какъ человѣкъ появлялся съ новымъ блюдомъ, онѣ жадными взглядами слѣдили за тѣмъ, какъ уменьшалось на немъ число кусковъ, пока обносили противоположный конецъ, и кивали лакею:

— Сюда, Симонушка! Тутъ не брали еще.

А наглый Симонъ, пользуясь свободой нравовъ, царившей въ Бахваловскомъ домѣ, своимъ положеніемъ личнаго лакея генеральши и шумомъ, стоявшимъ въ комнатѣ, нахально отгрызался:

— Что у меня десять рукъ, что ли? Наймите своего лакея да и туркайте. Подождете, не съ голоду умираете.

Или, пронося мимо въ буфетную блюдо, авторитетно рѣшалъ:

— Это рябчики-съ. Не про васъ. Скромное. Для васъ судачья котлетки сейчасъ подамъ.

И, снимая со стола тарелки съ объѣдками, внезапно вырываетъ изъ-подъ носа увлекшейся монахини хрустальный боченокъ съ зернистой икрой и злобно шипѣлъ:

— Что жъ вамъ зернистая икра гречневая каша, что ли?

Въ самый разгаръ веселаго пиршества, когда всѣ уже кончили ѣсть, но еще сидѣли за столомъ и пили кто чай, кто кофе, кто вино, заѣдая разными сладостями, вбѣжала Секлетей, остановилась на порогѣ, перекрестилась и торжественно объявила:

— Бабинька преставилась.

Всѣ разомъ поднялись со своихъ мѣстъ, и столовая мигомъ опустѣла. Остался только Николай Викуловичъ, совершенно пьяный. Симонъ помогъ ему пересѣсть на диванъ, послалъ горничную велѣть подать сани и, когда ихъ подали, свелъ сына Аграфены Асафовны въ переднюю, надѣлъ на него пальто, нахлобучилъ шапку, усадилъ и сказалъ кучеру:

— Вези домой. Да духомъ назадъ. Приказчикъ въ магазины поѣдетъ.

Зинаида, охмелѣвшая, разомлѣвшая, обхвативъ за талию Раису, подвела ее къ двери своей комнаты, вынула изъ кармана ключъ, отворила дверь, и сестры, едва переступивъ порогъ, очутились лицомъ къ лицу съ докторомъ.

Хитрый грекъ, славившійся въ Бахваловскомъ кругу не столько своими медицинскими познаніями, сколько своей густой шевелюрой и классической красотой, встрѣтилъ ихъ сурово и сердито сказалъ:

— Чортъ знаетъ, что такое! Вы, наконецъ, меня ужъ стали запирать.

Зинаида громко расхохоталась.

— Вотъ потѣха! Не сердитесь, Агаѳангель Христодуловичъ. Вѣдь я это машинально. Совсѣмъ забыла, что вы еще спите. Это все изъ-за бабиньки. Всѣ эти прощенья, благословенья. Изъ ума вонъ, что вы у меня тутъ въ одиночномъ заключеніи.

— Зачѣмъ было запирать двери?—буркнулъ докторъ.

— Я всегда запираю дверь. Мало ли что можетъ случиться. Всюду разбросаны драгоценности. Наконецъ, васъ я считаю тоже драгоценностью. Довольно дуться. Вы хотѣли уѣзжать? Уѣзжайте.

Я люблю только людей, которые меня забавляютъ, а такой бука мнѣ не нуженъ. Скатертью дорога!

И, когда докторъ вышелъ, Зинаида упала на низенькій атласный оттоманъ, задыхаясь отъ хохота.

— Нѣтъ, вѣдь, надо же мнѣ было запереть его!—говорила она, хохоча до того, что на глазахъ у нея показались слезинки.— Воображаю, какъ онъ злился.

Раиса все съ тѣмъ же изумленіемъ, съ какимъ она столкнулась съ докторомъ, продолжала смотрѣть на хохочущую Зинаиду.

— Такъ что же это такое?—выговорила она наконецъ:—значить, онъ...

Зинаида вдругъ перестала хохотать, но все лицо ея еще продолжало смѣяться. Потомъ встала, остановилась передъ сестрой и вызывающе спросила:

— А тебѣ что за дѣло, что это значить?

Раиса опѣшила, потомъ презрительно улыбнулась и сказала:

— Подбирай, твое счастье. Этотъ мерзавецъ, вѣдь, и мнѣ объяснялся въ любви.

— Ну, а мнѣ не объяснялся,—надменно отрѣзала Зинаида:— я объясненій въ любви не люблю, они прѣсны и глупы.

— Ну, такъ я отъ тебя отобью князя,—поджимая губы, сказала Раиса.

— Не Шегалидзе ли? Пожалуйста. Этотъ шалтай-болтай мнѣ даромъ не нуженъ.

Раиса круто повернулась и пошла къ двери.

Зинаида подошла къ зеркальному шкапу, комически развела руками и по-бабьему пропѣла:

Ну, народъ. Постой у воротъ, скажутъ на улицѣ была.

Потомъ вдругъ бросилась за сестрой и крикнула ей вдогонку:

— Рая, хочешь дамъ тебѣ добрый совѣтъ?

— Ну?—на ходу обернулась Раиса.

— Не балуй въ серьгахъ, позолота сойдеть.

Засмѣялась и хлопнула дверью.

XXIII.

Первую панихиду по бабинькѣ служили вечеромъ въ большомъ парадномъ залѣ.

Всѣ Викуловны уже были въ глубокомъ траурѣ, а за ними и все бабье царство облеклось въ черное, и только одна Ниночка, о которой никто не подумалъ и про которую за поднявшейся въ домѣ суматохой совсѣмъ забыли, стояла панихиду въ своемъ старомъ гимназическомъ коричневомъ платьицѣ, изъ котораго она уже

успѣла вырасти, и въ черномъ фартучкѣ съ кармашками и помочами.

Тотчасъ послѣ панихиды все собралось у Марины Викуловны, куда велѣно было подать и самоваръ.

Съ усмѣшкой и пожимая плечами показывали Викуловны памятки, которыми одѣлила ихъ бабинька.

Изъ рукъ въ руки переходили старинныя вещички, тонкія колечки съ бирюзовыми камешками въ видѣ незабудки, съ брильянтикомъ въ серединѣ, сережки въ видѣ змѣекъ съ рубиновыми глазками, дугтя браслетки съ замочкомъ боченочкомъ, съ вставленнымъ въ него микроскопическимъ ключикомъ.

Какъ всегда, томно и снисходительно улыбалась генеральша:

— Конечно, этихъ вещей носить нельзя,—говорила она:—это все только именно сувениры.

— Хорошъ сувениръ, который даже и надѣть нельзя. Могла бы бабинька приготовить внучкамъ что-нибудь получше. Да и были у бабиньки хорошія вещи,—говорила Раиса:—и брильянтовыя парюры и жемчужныя ожерелья, и дѣдинька много дарилъ, и послѣ матери ей досталось. Бывало, намъ бабинька ихъ показывала. Помню, я была еще дѣвочкой. Интересно знать, куда это все пчезло.

И уже съ негодованіемъ говорила Лидія:

— Очень просто куда. А жертвованныя въ монастыри и церкви иконы въ низанныхъ ризахъ? А бабинька свита, чернорясники и Божьи люди? Все ушло туда.

— Зато все серебро вамъ оставлено,—сказала Аграфена Асафовна.

Зинаида фыркнула:

— На четырехъ-то человѣкъ? Есть тамъ что дѣлить.

— Я отъ своей доли отказываюсь,—вставила Марина Викуловна.

— Да и что радости въ этомъ серебрѣ?—сказала Раиса:—все, вѣдь, это старина матушка. А вотъ капиталъ намъ улыбнулся.

— А по десяти тысячъ каждой намъ на обстановку,—вставила Зинаида:—забыла?

— Замѣть, когда выйдемъ замужъ,—поправила Лидія.—И только подумать, что все остальное прошло у насъ мимо рта?

— А, вѣдь, у бабиньки гораздо больше должно быть,—заговорила генеральша:—мы, вотъ, высчитывали съ Аграфеной Асафовой, сколько должно быть у нея денегъ,—и по-нашему не хватаетъ по крайней мѣрѣ милліона.

— Положимъ, она могла прожить эти деньги,—вставила Аграфена Асафовна.

— Полноте, дорогая моя, вѣдь, она имѣла все готовое, а траты у нея были самыя ничтожныя. Я думаю, она въ десять лѣтъ разъ

себѣ платье шила,—возразила генеральша:—я, напримѣръ, шляпу у бабиньки всю жизнь помню одну.

— Но, вѣдь, могутъ быть еще и добавочныя распоряженія,— сказала Аграфена Асафовна.

— Ну, это врядъ ли,—возразила Марина Викуловна:—вѣдь, завѣщаніе всѣмъ извѣстно.

Уже давно унесли самоваръ и убрали со стола, а бабѣ царство все еще не расходилось.

Не все еще было переговорено, да и вечеръ хотѣлось провести всѣмъ вмѣстѣ.

Всѣ привыкли ложиться поздно, а между тѣмъ поѣхать никуда было нельзя, и въ гости пріѣхать тоже никто не могъ.

Марина Викуловна приказала подать къ себѣ закусокъ, винъ и фруктовъ и отпустила слугъ.

Постепенно въ Бахваловскомъ домѣ все затихло, только въ департаментахъ Марины Викуловны велась оживленная и непринужденная бесѣда, да въ нижнемъ этажѣ въ пустой квартирѣ изъ шести комнатъ, когда-то предназначавшейся для Ипполита Викуловича, безпокойно металась изъ комнаты въ комнату со свѣчой въ рукѣ Ниночка.

Въ красивой голубой комнаткѣ, которая отдѣлялась для нея и въ которой она давно не жила, спрятанъ былъ ею въ ящикѣ гардеробнаго шкапа свертокъ съ бабинькиными деньгами.

Ниночка хотѣла лечь спать и не могла.

Было страшно и одиноко.

Тревожило опасеніе за деньги: а вдругъ кто-нибудь влѣзетъ въ окно и украдетъ ихъ?

Уйти отсюда? Но тогда надо взять съ собою и деньги.

Развѣ пойти къ бабинькѣ въ комнату? Тамъ теперь никого нѣтъ, можно запереться тамъ и пересчитать деньги. Вѣдь, надо же ихъ сосчитать. Бабинька просила раздать ихъ. Такъ, вѣдь, надо же хоть знать, кому и сколько можно дать.

Въ нерѣшимости бродила Ниночка изъ комнаты въ комнату, пока, наконецъ, не поняла, что не можетъ остаться здѣсь.

Стало вдругъ невыносимо жутко. Захотѣлось свѣта, людей, чьихъ-нибудь голосовъ, человѣческой рѣчи.

Черезъ кухню она вышла на черное крыльцо.

Въ темную тишину былъ погруженъ дворъ, и только изъ двухъ оконъ третьяго этажа падали изъ-за тюлевыхъ гардинъ двѣ свѣтлыя полосы на черную землю.

Значитъ, въ бабьемъ царствѣ еще не всѣ спятъ? Это окна гостиной генеральши. Тетя Марина еще сидитъ. Можно пойти къ ней.

Ниночкѣ не разъ приходилось ночевать у генеральши, и всегда она чувствовала себя тамъ хорошо и уютно.

Ниночка вернулась къ себѣ, заперла изъ кухни квартиру, вынула свертокъ съ деньгами, вышла въ коридоръ, изъ котораго узенькая, деревянная лѣсенка поднималась въ бельэтажъ.

На цыпочкахъ, осторожно прошла изъ боковой комнаты подъ изумленными взглядами читавшихъ псалтырь монахинь черезъ залъ, въ которомъ на высококомъ катафалкѣ лежало тѣло бабиньки.

Почти бѣгомъ миновала анфиладу парадныхъ комнатъ, поднялась по лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ и, взволнованная, съ сильно бьющимся сердцемъ, остановилась у знакомой двери.

Оттуда неслись голоса, смѣхъ и звонъ посуды.

Ниночка распахнула дверь и остановилась на корогѣ.

Тяжелый свертокъ, который она держала подъ мышкой, стѣснялъ ее, и она бросила его на первый попавшійся стулъ.

Всѣ обернулись къ ней, изумленные ея неожиданнымъ появленіемъ.

Она чувствовала себя смущенной большимъ обществомъ, которое она нашла. Нерѣшительно подошла она къ генеральшѣ и сказала:

— Мнѣ такъ стало страшно одной. Можно остаться у васъ, тетя?

Генеральша притянула ее къ себѣ и нѣжно поцѣловала.

— Да, конечно, дѣтка. Надо было давно прійти. Прямо непростительно, что мы всѣ забыли про тебя. Садись, кушай. Выпей немного вина. Ты страшно блѣдна.

Ниночка сѣла и только опасно посмотрѣла на свертокъ.

Никто не замѣтилъ его, и никто не обращалъ на него вниманія. Но присутствіе Ниночки всѣхъ стѣсняло, и Аграфена Асафовна наконецъ сказала:

— Ты съѣшь чего-нибудь, Ниночка, и ложилась бы, милая, спать. Дѣти не должны сидѣть такъ долго, какъ большіе.

— Я не хочу спать,—сказала Нина:—и ни за что не засну. Мнѣ все будетъ казаться, что бабинька придетъ и сядетъ около меня.

— Оставьте ее,—заступилась генеральша:—пусть ужъ побудетъ съ нами.

У Раисы уже давно шевелилась безпокойная мысль, которую она не умѣла оформить, но которая, съ появленіемъ Ниночки, нашла себѣ выраженіе.

— А про Ниночку мы и забыли,—сказала она:—ну, такъ я вамъ скажу, что особья распоряженія непременно должны быть, потому что бабинька, навѣрное, наградила Ниночку хорошимъ приданымъ. Тебѣ ничего не говорила бабинька, Ниночка?

Блѣдное личико Ниночки вспыхнуло: сказать имъ, или ничего не говорить?

Но Раисѣ, которая за ней наблюдала, уже что-то выдало ее.

— Ниночка, ты что-то скрываешь. Бабинька, навѣрно, сказала тебѣ, сколько она тебѣ оставитъ.

Ниночка молчала.

Непріятное чувство неловкости и страха все сильнѣе овладѣвало ею, и хотѣлось взять свертокъ и поскорѣе убрать его куда-нибудь подальше, и потому взоръ ея упорно обращался къ креслу, на который она его бросила.

Ниночка вдругъ поднялась.

— Я устала,—сказала она:—голова кружится.

У нея въ самомъ дѣлѣ кружилась голова.

Давало себя чувствовать то переутомленіе, въ которомъ она себѣ не отдавала отчета, ухаживая за бабинькой.

— Баиньки, баиньки,—ласково сказала Аграфена Асафовна:—я, вѣдь, говорила тебѣ.

— Покойной ночи, Ниночка,—сказала генеральша:—иди-ка ко мнѣ въ спальню да укладывайся у меня на постели. Если бы я знала, я бы велѣла постлатъ тебѣ на кушеткѣ, ну, да намъ мѣста хватить.

Ниночка со всѣми перецѣловалась, обходя кругомъ столъ, и мимоходомъ захватила свой свертокъ.

Теперь ея тревога совсѣмъ улеглась: она видѣла, что свертокъ не привлекъ ничьего вниманія. Но въ самый тотъ моментъ, какъ она уже готова была скрыться за дверью въ спальню, Марина Викуловна засмѣялась и сказала:

— Что это ты притащила съ собой, Ниночка? Неужели книги?

И тотчасъ же вскочила со своего мѣста Раиса.

— Боже мой, да вѣдь это бабинькина турецкая шаль. Что у тебя завернуто въ ней, Ниночка? Покажи намъ, что подарила тебя бабинька?

И Раиса теребила свертокъ, стараясь вырвать его у Ниночки.

Ниночка съ силой оттолкнула ее.

— Оставьте меня, тетя Рая. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго. И я... я ужасно устала.

— Въ самомъ дѣлѣ, оставьте дѣвочку въ покоѣ,—вмѣшалась Аграфена Асафовна:—иди себѣ, Ниночка.

— Ужасно скрытная дѣвчонка,—сказала Раиса, садясь на свое мѣсто.

— Просто, она очень одинока,—заступилась генеральша:—вѣдь, она самая младшая, и всѣ мы не годимся ей въ подруги.

— А, по-моему, она тоже хитритъ и что-то скрываетъ,—отозвалась Зинаида.

— Положимъ, скрывать-то нечего,—сказала Лидія:—я отлично знаю все, что можетъ заключаться въ этомъ сверткѣ: бабушкина костаная шкатулка, а въ ней дѣдинькинъ вышитый бисеромъ бумажникъ, пряжки отъ бабинькиныхъ свадебныхъ туфель, сал-

феточное кольцо, щипчики для сахару, полдюжины носовыхъ батистовыхъ платковъ, граненый флакончикъ отъ духовъ, ну, и еще тамъ какая-нибудь дребедень. Помните, бывало, мы заберемся къ бабинькѣ, а она вынетъ намъ свои шкатулки, и мы роемся въ нихъ, и каждый пустякъ кажется намъ сокровищемъ. Ну, вотъ и для Ниночки это все сокровища. Очень можетъ быть, что сюда же завернута и бабинькина кашемировая шаль. Ниночка можетъ себѣ сдѣлать изъ нея ватное одѣяло.

А Ниночка торопливо раздѣлась, сунула свой свертокъ подъ подушку, укуталась въ пуховое атласное одѣяло и тотчасъ же крѣпко заснула.

И не слыхала она, какъ минутъ пять спустя вошла въ спальню Марина Викуловна, поправила блѣдно-розовый фарфоровый экранчикъ, за которымъ мигала нагорѣвшая стеариновая свѣча, улыбнулась на спящую Ниночку, порозовѣвшую и похорошѣвшую въ розоватомъ сумракѣ, и осторожно высвободила у нея изъ-подъ подушки свертокъ.

Сдѣлала она это совершенно машинально, и первая мысль была та, что Ниночкѣ неловко лежать и что свертокъ мѣшаетъ ей.

А потомъ пришла и другая.

На цыпочкахъ вышла она со сверткомъ изъ комнаты, затворила дверь, задернула портьеру и, кладя свертокъ на столъ, сказала:

— Дѣвочка спитъ, какъ ангель. Давайте-ка посмотримъ на слѣдство бабиньки.

Зинаида стала вынимать французскую булавку, но уколола себѣ палецъ и, оттолкнувъ отъ себя свертокъ, съ досадой сказала:

— Какъ это все глупо! Пожалуйста, развертывайте, кто хочетъ. Что жъ ты сидишь, Раиса?

Но Раиса, которая всегда отличалась быстрой смѣлой аффектовъ, только пожала плечами:

— Мнѣ-то что за дѣло!

Съ другого конца стола подошла Лидія, методически расколола булавки и развернула шаль.

— Полное разочарованіе, господа,—сказала она:—какія-то бумаги, и больше ничего.

Но, уже кончая эту фразу, она почувствовала, какъ всю ее охватило волненіе, и подозрѣніе, даже испугавшее ее, хотя еще и смутное, шевельнулось въ умѣ.

И въ тотъ же моментъ воскликнула Зинаида:

— Машерочки, но вѣдь это деньги!

Сразу протянулось нѣсколько рукъ къ бумагамъ. Всѣ встали со своихъ мѣстъ, всѣ жались къ свертку, ошеломленные, почти испуганные и лихорадочно возбужденные.

Всѣхъ спокойнѣе была Марина Викуловна.

— Ну, кто бы могъ ожидать,—сказала она:—интересно знать, дѣвочка знала, что у нея въ сверткѣ, или нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ,—сказала Зинаида.

— Отлично знала,—крикнула Раиса такъ громко, что Аграфена Асафовна остановила ее:

— Да не кричи ты такъ, пожалуйста.

— Что же, однако, мы будемъ съ ними дѣлать?—спросила Лидія.

Раиса хихикнула:

— Завернемъ аккуратно и положимъ на прежнее мѣсто.

Аграфена Асафовна нервно теребила свой золотой, украшенный брильянтовой монограммой лорнетъ.

Выпуклые, близорукіе глаза ея, темные и все еще красивые, казались совсѣмъ черными, такъ расширились зрачки.

Лидія, вся блѣдная, крѣпко прижимала къ столу обѣими руками пачки, точно боялась, что ихъ сейчасъ вырвутъ у нея.

Тяжело дыша, перегнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, точно деньги притягивали ее, стояла Раиса, и на смугломъ цыганскомъ лицѣ ея ярко рдѣли два алыя пятна, отчего она казалась красивѣе и моложе.

— Эхъ, и можно же кутнуть на эти денежки!—вырвалось вдругъ у Зинаиды.

И, какъ всегда, когда слетала съ нея обычная лѣнивая апатія, вся она стала вдругъ совсѣмъ другая, точно ее подмѣнили. Ожило кукольное лицо, загорѣлись глаза, и жестъ ея и вся фигура выразили порывъ и размахъ.

Она тряхнула бѣлокурой головой и вдругъ засмѣялась залихватымъ, звенящимъ, захлебывающимся, какимъ-то безудержно-веселымъ и подмывающимъ смѣхомъ.

Раиса злобно прикрикнула на нее:

— Дура! Хочешь разбудить весь домъ?

И, вся дрожа, шопотомъ, съ мольбой повторяла Лидія:

— Тихе! Тихе, Бога ради! Ради самого Создателя, тихе!

Съ высокомернымъ презрѣніемъ уронила съ своихъ губъ Аграфена Асафовна:

— Боже мой, какъ вы всѣ взволновались. Можно подумать, что вы никогда не видали денесь. Вотъ и видно сразу, что недавно еще богаты Бахваловы.

— А Барышниковы скоро будутъ нищими, — огрызнулась Раиса.

Зинаида продолжала смѣяться, уже тихо, неслышно, и, показывая свои великолѣпные зубы, играя и подмигивая глазами, щелкая пальцами обѣихъ рукъ, она шевелила плечами и бедрами и, приплясывая на мѣстѣ, вполголоса пѣла простонароднымъ говоркомъ:

Полушалки всѣ сносились,
Одна шаль въ сохранности.
Всѣ красавцы поженились,
Одна шваль въ останности.

— Надо деньги сосчитать,—сказала Марина Викуловна:—это прежде всего. Вѣдь даже неизвѣстно, сколько ихъ.

— Конечно, прежде всего подсчитать,—поддержала Аграфена Асафовна, и добавила тихо и внушительно:—а потомъ раздѣлить поровну и безобидно.

— На четверыхъ?—рѣзко обернулась къ ней Раиса.

— На пятерыхъ, я думаю,—отвѣтила очень спокойно Аграфена Асафовна и снисходительно пояснила:—вѣдь, насъ здѣсь пять.

— Значитъ, и вы бабинькина внучка?—уже дерзко возразила Раиса.

— Деньги эти свалились намъ на голову совершенно случайно,—все тѣмъ же тономъ, невозмутимымъ и снисходительнымъ, отпарировала Аграфена Асафовна:—чисто случайно также и то, что здѣсь оказалось столько внучекъ. Могло бы вѣдь случиться, что вмѣсто одной изъ нихъ была, на примѣръ, Манеѳа? И мое мнѣніе, что въ послѣднемъ случаѣ даже и Манеѳѣ пришлось бы дать долю въ дѣлежѣ.

Раиса порывалась что-то возразить, но Марина Викуловна строго сказала:

— Мнѣ кажется, уже довольно сказано лишнихъ словъ. Берите каждая по пачкѣ и считайте. А прежде всего закройте двери.

Минуту спустя въ комнатѣ царил тишина.

Всѣ напряженно считали процентные листы, и только одна Зинаида все еще нѣтъ-нѣтъ да прищелкивала пальцами и вполголоса, съ удалствомъ напѣвала:

Эхъ вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте мнѣ бумажки мои.
А бумажки-то все новенькія,
Двадцатипятирублевенькія.
Ой жги, жги, жги, говори.
Рукавички барановыя,
Онѣ новыя, не маранныя.

Но подъ конецъ и она уходилась. Затихла и потускнѣла.

Разсвѣтало, когда наконецъ окончены были подсчеты.

Денегъ насчитали два милліона пятьсотъ тридцать семь тысячъ четыреста рублей.

У всѣхъ были блѣдныя, измученныя лица, всѣ страшно устали, но никто не хотѣлъ спать.

Начали дѣлежку. Очень скоро раздѣлились. Каждой хотѣлось поскорѣе получить деньги, и всѣ понимали, что надо кончать.

И ужъ когда каждая получила по пачкѣ, Марина Викуловна сказала:

— Мнѣ кажется, мы сдѣлали большую несправедливость, обдѣливъ Ниночку: шестая часть безспорно принадлежитъ ей.

Викуловны тотчасъ же единодушно напали на нее:

— Вотъ еще новости! Зачѣмъ дѣвчонкѣ такія деньги? Ей и говорить о нихъ ничего не слѣдуетъ, вѣришь всего, что она даже и не знала о нихъ?

— А если знала,—предположила генеральша.

— А если знала,—сказала Лидія:—такъ ее слѣдуетъ еще и пожуричь: она должна была не прятать деньги, а принести ихъ къ старшимъ.

Споры прекратила Аграфена Асафовна.

— О томъ, что здѣсь было, никто и ничего не долженъ знать,—сказала она:—я лично никакихъ денегъ не видала и ничего о деньгахъ не знаю. У Ниночки никакихъ денегъ не было, да и не могло быть. Можетъ быть, дѣвочка и будетъ объ этомъ рассказывать,—но кто же ей повѣритъ? И все-таки я сознаю, что мы Ниночку обидѣли. Не знаю, какъ поступать остальныя, но со своей стороны даю честное слово, что пятую часть положу на имя Ниночки.

— Дорогая моя, это очень хорошо съ вашей стороны,—сказала Марина Викуловна:—и я думаю, что вы поймете меня, если я вамъ скажу, что всю мою долю, такъ неожиданно попавшую въ мои руки, я кладу на имя Ниночки, на ея приданое. Изъ этого вы можете заключить, что и урожденная Бахвалова,—хотя Бахваловы еще недавно богаты,—иной разъ сумѣетъ постоять за себя и не уступить урожденной Барышниковой.

Аграфена Асафовна нѣжно расцѣловалась съ Мариной Викуловной.

— My darling, вы единственны. Я горжусь такой падчерицей. Я сама охотно поступила бы такъ же, но, къ сожалѣнію, вы знаете, сейчасъ je suis à sec (я на мели). А въ будущемъ, когда мои дѣла поправятся, я не забуду Ниночку.

Теперь всѣ спѣшили разойтись, и, уже распрощавшись, вдругъ съ порога вернулась Зинаида и сказала:

— Но литки-то, господа, мы должны устроить, и грандіозныя. Идетъ по пятисотъ съ сестры?

— Много,—точно вздохнула Лидія, прижимая къ груди завернутую въ газету пачку.

— Ахъ, ты, сквалыга!—сказала Зинаида.

— По триста будетъ довольно,—вмѣшалась Раиса:—вѣдь, и такъ тысяча пятьсотъ выйдетъ. Что жъ, мы полы шампанскимъ мыть будемъ?

Зинаида опять расхохоталась.

— Полы! Какія глупости! Я лучше вымою шампанскимъ голову моему доктору.

— Видишь, какъ ты его мало уважаешь,—отвѣтила Раиса:— ниже ставишь полупудовскихъ лошадей, которымъ, рассказываетъ Сосипатръ, Полупудовъ шампанскимъ моетъ хвосты.

Но за дверью всё разговоры смолкли.

На цыпочкахъ, тихо, тихо, подбирая шелковые юбки, чтобы не шумѣть ими, сестры разошлись по своимъ покоямъ.

Проведивъ Аграфену Асафовну, Марина Видуловна перешла къ себѣ въ будуаръ, маленькую, уютную, всю отдѣланную желтымъ плюшемъ комнату.

Тамъ она еще разъ, аккуратно, не спѣша, пересчитала всё билеты, записала въ записной книжечкѣ всё нумера и, когда кончила, сказала себѣ:

— Хорошая сумма! И, вѣдь, это только по номинальному подсчету. А вотъ эта розовая бумажка, напримѣръ, все повышается и повышается.

Затѣмъ она вынула изъ бюро нѣсколько конвертовъ, разложила по нимъ бумаги, тщательно заперла ихъ въ бюро и рѣшила завтра же отвезти ихъ въ банкъ.

XXIV.

Спать ей совсѣмъ не хотѣлось, и она задумчиво сидѣла, утонувъ въ мягкомъ креслѣ, и лѣниво проплывали въ головѣ мысли, вспоминалось прошлое, молодость...

— Тетечка, милая тетечка, гдѣ бабинькина турецкая шаль?

Генеральша вздрогнула и подняла голову.

Ниночка стояла на порогѣ въ одной рубашкѣ.

Лицо ея было растерянно и испуганно.

— Ниночка, что съ тобой? Ты простудишься босикомъ. Иди, ложись, я тоже сейчасъ приду.

— Тетечка, кто взялъ у меня тотъ свертокъ? Тетечка, отдайте мнѣ его.

— Ниночка, милая, успокойся. Пойдемъ въ спальню, поищемъ. Если онъ былъ, онъ долженъ быть тамъ.

Ниночка послушно позволила себя вести.

Вѣдь она могла ошибиться. Это она сиросонья такъ испугалась.

Но въ столовой такъ и осталась на столѣ бабинькина шаль, опустошенная.

Ниночка бросилась къ ней.

— Вотъ она, вотъ она! Тетечка, милая, гдѣ деньги? Гдѣ бабинькины деньги?

— А развѣ тамъ были деньги, Ниночка?

— Много, много денегъ, тетечка. Бабинька велѣла мнѣ раздать ихъ бѣднымъ, а теперь ихъ нѣтъ. Кто взялъ ихъ? Тетечка, что мнѣ дѣлать?

Генеральша, обнявъ трепещущую, разстроенную дѣвочку, нѣжно, но рѣшительно увлекла ее въ спальню.

— Не волнуйся такъ, Ниночка. Дѣтка, пойми, вѣдь пропасть деньги не могли: чужихъ въ моихъ комнатахъ никого не было. Ложись подъ одѣяло, согрѣйся.

— Но гдѣ же онѣ, тетечка? Гдѣ онѣ—съ тоскливымъ недоумѣніемъ вопрошала Ниночка.

— Ниночка, сколько было денегъ?

— Тетечка, я не знаю. И бабинька не знала. Но вѣдь это все равно. Я должна была ихъ все раздать. Мнѣ такъ приказала бабинька, и я обѣщала ей. Что же теперь я буду раздавать? Тетечка, что мнѣ дѣлать?

Ниночка стояла на шкурѣ огромнаго бѣлаго медвѣдя, разостланной у кровати, вся дрожа отъ лихорадки, и вся поза ея, и сложенные на груди ладонями руки, и блѣдное личико, и скорбные, полные слезъ глаза молили о пощаду, говорили о жестокой драмѣ, разыгрывающейся въ ея душѣ.

Генеральша насильно посадила ее на кровать.

Въ первый разъ близко и съ чувствомъ какой-то печальной нѣжности она ощутила до сихъ поръ всегда далекую, глубоко спрятанную отъ всѣхъ сущность Ниночки, непонятную, загадочную, а самое ужасное—никому неинтересную.

Всегда казалось Маринѣ Викуловнѣ, что она любитъ племянницу. Чаше другихъ брала она ее съ собой кататься, покупала ей конфеты, даривала бездѣлушками. Но только теперь, вотъ сейчасъ поняла, что все это было внѣшне, поверхностно, что душа Ниночки всегда для нея была закрыта, и никогда не думала она заглянуть въ нее и только теперь, неожиданно для самой себя и мимолетно, заглянула въ нее и ужаснулась.

Раскрылось передъ ней глубокое, полное одиночество юной души, темная и тяжелая безотрадность юнаго и наивнаго существа, не находящаго ни въ комъ отклика и научившагося не ждать его, страшная пустыня, по которой шла эта юная странница, всегда одна, никѣмъ не любимая и никого не любя, со смерти бабиньки потерявшая единственную привязанность, единственный теплый и свѣтлый лучъ, мерцавшій въ безднѣ безразличнаго. Жалость, жгучая, мучительная, о какой раньше не имѣла представленія генеральша, потрясла ее, до того невѣдомая ея лѣнивому, спокойному, самодовольному самочувствію.

— Ниночка, милая, не огорчайся такъ.

Генеральша бросилась къ ней, укрыла ея ноги одѣяломъ, дѣловала ее, гладила похолодѣвшіе, еще острые, не сложившіеся плечики и худыя руки и уговаривала, какъ ребенка:

— Ниночка, деньги спрятали у меня. Онѣ твои, дитя мое. Я не трону изъ нихъ ни копейки. Это твое приданое. Когда ты выйдешь замужъ, онѣ всѣ будутъ твои.

Съ тоскливымъ нетерпѣніемъ прервала ее Ниночка:

— Отдайте мнѣ мои деньги, тетечка. Отдайте! Я не хочу замужъ, тетечка, я никогда не пойду замужъ.

— Ну, хорошо, хорошо, Ниночка. Не выходи замужъ, но деньги все равно тебѣ нельзя дать въ руки: молоденькимъ дѣвушкамъ не позволяютъ имѣть деньги.

— Не позволяютъ?—спросила Ниночка, точно стараясь уяснить себѣ смыслъ этого слова.

— Да, дѣтка. Вѣдь ты еще несовершеннолѣтняя и по закону ты не можешь имѣть собственности. Ну, я отдамъ тебѣ деньги,— у тебя все равно отымутъ ихъ. Тебѣ не дадутъ распоряжаться ими.

— Кто?—почти съ ужасомъ воскликнула Ниночка.

— Законъ, дитя мое.

— А бабинька велѣла мнѣ ихъ раздать, сколько кому нужно,— какъ бы про себя говорила Ниночка:—тетечка, раздадимте эти деньги.

— Хорошо, милая. Только не теперь. Я тоже не имѣю права распоряжаться твоими деньгами. Пусть онѣ лежатъ.

— А бѣдныя, тетечка? Вѣдь они не могутъ ждать?

— Бѣдныхъ очень много, Ниночка, и можно истратить миллиарды, и все-таки не уничтожить нищеты. Ложись, Ниночка. Не думай объ этомъ. Вѣдь ты вѣришь мнѣ? Деньги твои будутъ цѣлы. Если хочешь, поговори объ этомъ съ отцомъ.

Ниночка вздрогнула.

— Съ папой? Не говорите ему ничего, тетечка. Лучше ужъ я буду ждать.

— Ниночка, я устала, я ложусь. Укладывайся къ стѣнкѣ.

— Тетечка, милая, позвольте мнѣ посидѣть. Мнѣ такъ холодно и такъ страшно.

Торопливо раздѣваясь, генеральша украдкой посматривала на дѣвочку.

Казалось, она успокоилась: сидѣла тихо, не шевелясь, безропотная, смирившаяся.

Генеральша съ наслажденіемъ протянулась въ мягкой постели.

— Ниночка, я засыпаю. Покойной ночи, милая.

Ниночка осторожно, стараясь не разбудить спящую генеральшу, высвободилась изъ-подъ одѣяла и поспѣшно стала одѣваться.

Сердце у нея билось, стучали виски и было невыносимо душно и трудно было дышать въ небольшой комнатѣ, тѣсно заставленной мягкой мебелью, укрытой пушистыми коврами, увѣшанной тяжелыми драпировками.

Безшумно выскользнула изъ спальни Ниночка, повернула ключъ запертой двери въ гостиную и очутилась въ коридорѣ.

Безцѣльно, еще не отдавая себя отчета, куда и зачѣмъ она идетъ, проходила она мимо наглухо закрытыхъ дверей и по пустымъ общимъ комнатамъ бабьяго царства, исполненная смутной тревоги и съ болью въ сердцѣ, чужой и нездѣшной гостьей.

Не замѣтила, какъ очутилась въ бѣломъ огромномъ залѣ, передъ высокимъ катафалкомъ.

Монахиня съ низко надвинутымъ по самыя брови острымъ клобукомъ быстро и нагѣвно читала какія-то незнакомыя, мало понятныя и пугающія слова, и въ блѣдномъ утреннемъ сумракѣ загадочно мигали огоньки свѣчей въ окутанныхъ чернымъ флеромъ подсвѣчникахъ, и весь залъ, просторный и высокій, съ бѣлыми стульями и банкетками, полонъ былъ какой-то мертвенной синевы, въ туманѣ которой вставали, какъ привидѣнія, окутанныя коленкоромъ зеркала.

Ниночка поднялась на двѣ ступеньки катафалка и съ робкимъ, тревожнымъ любопытствомъ заглянула въ лицо бабиньки. И не узнала его. Оно было какое-то совсѣмъ новое, исполненное величаваго и суроваго спокойствія, не имѣющаго ничего общаго съ земнымъ.

Съ удивленіемъ всматривалась въ него Ниночка, ища знакомой старческой улыбки и не находя ея, и въ этомъ удивленіи, глубокомъ и жуткомъ, не было мѣста ни жалости, ни печали.

Только одно поняла Ниночка очень ясно и твердо сказала себѣ:

«Бабинька ушла, и здѣсь не осталось ничего отъ ея души, только эта брэнная оболочка, до которой ей тамъ нѣтъ никакого дѣла.

Машинально перекрестилась она подъ испытующимъ и строгимъ взоромъ прекратившей чтеніе монахини, низко наклонила голову и пошла дальше.

У окна буфетной остановилась и поглядѣла на дворъ.

Прямо изъ него видна была вилла, которую теперь звали бѣлымъ домомъ, съ усыпанной толченымъ кирпичомъ дорогой передъ подъездомъ. Тамъ жилъ ея отецъ съ молодой женой, и оба они были ей чужіе.

На одно мгновеніе мелькнула въ головѣ мысль: пойти туда, позвонить у подъезда, потребовать, чтобъ разбудили отца, и что-то сказать ему, такое важное, такое необходимое и для нея, и для него, и послѣ этого должно начаться что-то особенное, совсѣмъ необыкновенное и прекрасное. Но, не досказанное и не оформленное, упало желаніе. Дикой, бессмысленной мечтой показалось оно.

Ниночка вздохнула и повернула въ длинный, широкій коридоръ.

Въ самомъ концѣ его остановилась въ нерѣшимости.

Куда же она это идетъ? И зачѣмъ?

Какъ скучно и какъ болитъ душа. И почему такъ тихо?

Такъ хорошо было бы, если бы кто-нибудь встрѣтился и заговорилъ съ нею.

Полуотворенная дверь привлекла ея вниманіе, машинально потянула ее за ручку и вошла.

Сразу вспомнила комнату. Сюда приводили ее навѣщать умиравшаго дѣдушку Викулу Прововича.

Какъ была она, такъ и осталась: такъ же стояло въ углу мягкое, кожаное, темно-зеленое кресло, въ которомъ, бывало, сидѣла сестра милосердія, и тѣмъ же бѣлыми пятнами выдѣлялись выкрашенные въ бѣлую краску столики, стулья, этажерка съ лекарствами, умывальникъ, шкапчикъ у постели и покрытая большой бѣлой простыней кровать и подушки.

Живо встало въ памяти поразившее ея воображеніе лицо умиравшаго дѣда, страшное въ своей заострившейся худобѣ, его провалившіеся глаза, съ которыми она боялась встрѣчаться, его костлявыя руки. Съ того времени Ниночка ни разу не была въ этой комнатѣ. Да и никто не былъ.

Все время она стояла нежилая и запертая.

Ниночка не знала, что открыли ее только вчера утромъ, чтобы начать въ ней уборку, которой помѣшала смерть бабиньки.

Бабѣ царство единогласно постановило отвести эту комнату и смежную съ ней, гдѣ была спальня сестры милосердія, для Аграфены Асафовны, которой въ третьемъ этажѣ приходилось тѣсниться въ боковушѣ.

Ниночка заглянула въ зеркало. Неужели это ея лицо? Какое незнакомое, блѣдное и некрасивое.

На этажеркѣ, какъ и тогда, стояли банки, склянки и коробочки съ лекарствами.

Ниночка нашла между ними высокую цилиндрическую коробку и сняла крышку.

Ну, да, конечно, это то самое.

Она сразу узнала затѣйливый темно-коричневый пузырекъ, очень широкій внизу и очень узкій вверху, съ горлышкомъ кувшинчикомъ, съ притертой стеклянной пробкой.

Она помнитъ, какъ сестра милосердія осторожно капала изъ него въ хрустальный стаканчикъ каплю за каплей безцвѣтной жидкости для дѣдушки и объясняла ей, что, если накапать больше, чѣмъ слѣдуетъ, можно умереть.

Ниночка вынула пробку и ощутила знакомый, острый, пріятно-горькій запахъ миндаля.

Въ большомъ хрустальномъ графинѣ на шкапчикѣ у постели еще оставалась на днѣ вода. Она вылила ее въ стаканъ; вышло

немного меньше полстакана, и, сидя на постели, медленно стала капать каплю за каплей.

Долго капала, старательно и осторожно. Отсчитала тридцать капель. Потомъ рѣшила прибавить еще десять и, прибавивъ, языкомъ попробовала питье. Рѣшила для вкуса прибавить еще десять капель. Потомъ закупорила пузырекъ; убрала его въ коробку, хотѣла отнести на мѣсто, но вдругъ стало ужасно лѣнь, показалось, что все очень нелѣпо и ненужно, и внезапно все тѣло охватила какая-то больная усталость.

Она сбросила туфли и прилегла на постель.

Поднесла къ губамъ стаканъ и сдѣлала маленькій глотокъ.

Вкусъ былъ саранный и горькій, но скорѣе пріятный, и раздражающе щекоталъ нервы запахомъ горькаго миндаля.

Страшно захотѣлось пить, и, уже не размышляя, она закинула голову и залпомъ выпила все.

Дрожащая рука еще успѣла поставить стаканъ на уголокъ стола безсознательнымъ движеніемъ.

XXV.

Генеральша встала поздно и не слишкомъ удивилась, не найдя подлѣ себя Ниночки.

Спалось ей такъ сладко, что, взглянувъ на часы, она убѣдилась, что, если не поторопиться, опоздастъ на панихиду.

Она долго одѣвалась съ помощью неловкой, молодой горничной и еще дольше причесывалась.

Ради торжественнаго случая всѣхъ причесывалъ на этотъ разъ парикмахеръ Аграфены Асафовны, Гюставъ, котораго она вывезла изъ Парижа и который уже успѣлъ въ сосѣдствѣ Кузнецкаго моста открыть свой салонъ.

Это былъ очень молодой, бойкій и смазливый французъ съ развязными манерами, сладкой улыбкой, льстивою рѣчью и наглыми свѣтло-карими глазами.

Дѣла у него сразу пошли хорошо, такъ какъ всѣ Викуловны стали чесаться у него, не желая быть причесанными хуже Аграфены Великолѣнной, какъ онѣ звали между собой мачеху.

Надъ Гюставомъ онѣ подшучивали, давали ему разныя клички, называли его *petite chose*, *son dernier amour*, герой романа и т. п. Но отъ искусства его были въ восторгѣ, и мало-по-малу Гюставъ сдѣлался необходимъ. И его все чаще и чаще можно было видѣть въ Бахваловскомъ домѣ. Священнодѣйствуя надъ головой генеральши, онъ все время бойко и весело болталъ, передавая московскіе сплетни и слухи, происшествія и скандалы, и при этомъ такъ смѣшно коверкалъ имена и фамиліи, что Марина Викуловна не могла не смѣяться.

Въ столовой, куда она заглянула, на неубранномъ столѣ остывалъ ведерный самоваръ, «семейный», какъ звали его у Бахваловыхъ.

Она поспѣшила сойти внизъ, въ залъ, гдѣ стояла покойница и гдѣ уже собралась густая толпа.

Были, однако, только свои, домашніе, служащіе и депутація отъ рабочихъ.

Ждали духовенства, которое замѣшкалось.

Впереди ужъ стояли всѣ представительницы бабьяго царства.

Генеральша среди кивающихъ почтительно головъ пробралась къ нимъ и только, когда стала на мѣсто и оглядѣлась, успокоилась.

Не было еще Ипполита Викуловича съ женой.

Отсутствовали и Сосипатръ, и Николай.

Послѣдняго подняли наканунѣ, чтобы проститься съ бабинькой, прямо съ постели, съ которой не вставалъ онъ недѣлями, и въ это время почти не ѣлъ и поддерживалъ свою жизнь только водкой, которую уже теперь врачи не запрещали ему пить.

А про Сосипатра всѣ знали, что въ это время дня онъ или отсыпается у себя послѣ «всенощнаго бдѣнія», какъ говорили Бахваловы, или еще хороводится по хорамъ и по трактирамъ. Совсѣмъ назади въ дверяхъ увидѣла она блѣднаго вихрястаго Ивана Бахвалова въ потертомъ, порыжѣвшемъ студенческомъ сюртукѣ. Поискала глазами двухъ другихъ братьевъ, Арсенія и Сергѣя, не нашла ихъ и вдругъ вспомнила про Ниночку.

Но въ это время, ведя жену подъ руку и высоко держа голову, вошелъ Бахваловъ, и генеральша все свое вниманіе перенесла на молодую.

Быстрымъ, но наблюдательнымъ взглядомъ оцѣнила ея фигуру, тоненькую, хрупкую, еще дѣвичью, ея лицо, усталое и блѣдное, въ сѣрыхъ глазахъ котораго сквозила какая-то недоумѣнная печаль, роднившая ее, какъ показалось генеральшѣ, съ Ниночкой, и уже потомъ бѣгло скользнула по гладкому черному платью съ бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ, безъ отдѣлокъ, безъ украшеній.

Генеральшѣ, любившей туалеты, эта простота костюма даже показалась неловкой, и она подумала про себя:

«Бѣдная гувернантка,—вотъ она кто. И одѣта гувернанткой, и смотритъ гувернанткой».

Залъ зашумѣлъ, задвигался, протискались впередъ священники и за ними два дородныхъ, видныхъ, чернобородыхъ іеромонаха.

Замелькали въ мерцаніи огней свѣчи, и началась панихида.

Никто не плакалъ. Всѣ были прилично печальны.

Все совершалось торжественно и холодно-чинно, но что-то тревожное, безпокойное и пугающее какъ бы нарастало въ сумрачномъ бѣломъ залѣ и прокрадывалось въ душу присутствующихъ.

Откуда-то издалека шли еще неуловимые, еще смутные шорохи, шумы и крики, и жалобы.

Хоръ пѣвчихъ загремѣлъ: «Вѣчная память».

Молодой псаломщикъ въ бѣломъ стихарѣ подошелъ къ дамамъ и принялъ отъ нихъ свѣчи.

Сизыя, чадныя струйки потянулись отъ потушенныхъ огней.

Вдругъ генеральша съ изумленіемъ и страхомъ, которому она сама не находила объясненія, увидѣла большого, неуклюжаго, сѣдобородаго Архиша.

Онъ расталкивалъ толпу, и въ той неуклонности, съ которой этотъ рослый бородатый мужикъ шелъ впередъ, и въ выраженіи его лица, тупого и важнаго, было что-то страшное.

Генеральша видѣла, какъ онъ протолкался до самого Ипполита Викуловича, зашелъ сзади, наклонился къ уху хозяина и зашепталъ. Страшно поблѣднѣлъ Ипполитъ, выпустилъ руку жены и почти бѣгомъ бросился за Архипомъ.

Сразу всѣ исполнились смятенія.

Еще не знали, что случилось, но уже ясно понимали, что произошло несчастье, большое, непоправимое.

Точно въ гипнотическомъ снѣ, не видя ни лицъ, ни вещей, шелъ Бахваловъ, томимый страшнымъ предчувствіемъ, въ предвкушеніи великаго и жестокаго удара судьбы.

Дверь роковой комнаты была настежь раскрыта, той ужасной комнаты, о которой онъ почти началъ забывать.

На порогъ онъ остановился.

На той самой постели, на тѣхъ самыхъ подушкахъ лежала его дочь, странная, чуждая ему дѣвочка, которая такъ была далека отъ него, о которой думалъ онъ такъ мало, но которую теперь, въ этотъ мигъ, безумно, мучительно-страстно хотѣлось видѣть живой, жизнерадостной и счастливой.

И рядомъ съ жестокой ясностью горѣла въ сознаніи увѣренность, что все кончено, что никогда уже не окрасится розовымъ румянцемъ это холодное, новое и страшное въ необычайной значительности лицо, никогда уже не взмахнуть темными шелковыми рѣсницами тяжело опущенныя, плотно закрытыя вѣки и не блеснетъ изъ-подъ нихъ отрадная и прекрасная молнія живого человеческого взгляда, и никогда уже не раздвинутся въ свѣтлой улыбкѣ эти поблѣвшія, съ легшими на нихъ мертвенно-синими тѣнями уста. Никогда, никогда!

А самъ выкрикнулъ громко, повелительно:

— Докторовъ сюда! Живо!

И тутъ же съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

Въ коридорѣ уже толпились люди, входили въ комнату свои и чужіе.

Внезапно вбѣжала растерянная и виѣ себя генеральша.

Бросилась на колѣни передъ постелью и, забывъ о великолѣпной прическѣ, забывъ объ артистическомъ макильжѣ, который могъ пострадать отъ слезъ, съ плачемъ и рыданіемъ припала къ свѣсившейся съ постели, уже закованной, худенькой ручкѣ.

И билась головой и кричала:

— Ниночка, Ниночка, что мы съ тобой сдѣлали?

Явился всегда и всюду кстати поспѣвающій Гиршфельдъ.

Пользуясь условіями момента, фамильярно обхватилъ Ипполита Викуловича за талію и сказалъ:

— За докторомъ я послалъ, хотя это уже бесполезно. Пойдемте.

Съ порога онъ обернулся назадъ, глазами подозвалъ щеголеватаго и наглаго Симона и властнымъ тономъ человѣка, который знаетъ, что и какъ нужно дѣлать, приказалъ:

— Всѣхъ чужихъ вонъ! Барынь просить къ себѣ. Домъ и ворота на запоръ. Пріѣдетъ докторъ, доложить мнѣ. А пока попросите Ивана Ипполитовича.

XXVI.

Въ бѣломъ домѣ Бахваловъ тоже не нашель успокоенія.

Анну Петровну страшно потрясла смерть Ниночки.

Ужасъ и мука были написаны на ея лицѣ, когда она выбѣжала навстрѣчу мужу.

— Отчего? Отчего умерла она?—истерически вскрикивала она, ломая руки.

Тщетно старался Бахваловъ успокоить ее.

Она не находила утѣшенія.

Въ отчаяніи она твердила, что всѣ виноваты въ смерти Ниночки, и она больше всѣхъ. Почему она не подошла къ ней ближе? Не сумѣла ее привлечь, приласкать? Была такъ равнодушна къ ней? Это преступное равнодушіе всѣхъ кругомъ убило Ниночку.

Она была несчастлива. У нея было какое-то свое большое горе и ей не съ кѣмъ было раздѣлить его. Не къ кому прійти съ нимъ. Въ цѣломъ большомъ домѣ, гдѣ было такъ много людей, такъ много женщинъ, у нея не было друга.

Она металась по комнатѣ, не находя себѣ мѣста, не слушая Бахвалова.

Но онъ и самъ потерялъ голову.

Изъ глубины его души ползла, какъ черная ядовитая змѣя, ужасная, пугавшая его мысль, что смерть Ниночки все-таки еще не настоящій ударъ.

Спрашивая себя, какъ онъ принялъ ее, онъ отвѣчалъ себѣ, что она все-таки не поразила его окончательно, что онъ встрѣтилъ ее сравнительно легко, и теперь понималъ, что самое страш-

ное въ этой смерти не она, что страшно въ ней только предупреждение и что надо готовиться къ грядущему грозному.

Большими шагами ходилъ онъ по уютной спальнѣ въ коврахъ и мягкихъ тканяхъ, остапавливаясь по временамъ передъ бывшей въ пестрикѣ молодой женщиной, и машинально повторялъ:

— Первая жертва! Первая жертва!

И вдругъ бросался къ женѣ.

— Аня, не мучь меня! Перестань. Я, одинъ я виноватъ. Это—наказаніе. Кара. Я расскажу тебѣ все. Ты будешь моей совѣстью. И ты увидишь, что преступникъ я.

И отступалъ назадъ передъ ея взглядомъ, устремленнымъ на него.

Ужасъ и недовѣріе читалъ онъ въ этомъ взглядѣ.

— Нѣтъ. Ей ничего нельзя сказать. Она ничего не должна знать. Онъ убьетъ ее и потеряетъ ее навѣки.

Къ вечеру Анна Петровна слегла въ бреду, съ повышенной температурой.

А на другой день стало извѣстно, что у молодой менингитъ, какъ опредѣлили Иванъ Ипполитовичъ. Гиршфельдъ полетѣлъ на автомобилѣ сзывать на консилиумъ всѣхъ московскихъ знаменитостей.

Бахваловъ не жалѣлъ денегъ.

Но весь онъ какъ-то застылъ въ безучастіи.

На жену онъ смотрѣлъ, какъ на обреченную. Онъ твердо зналъ, что и она уйдетъ за Ниночкой, просто потому, что ей нечего дѣлать въ Бахваловскомъ домѣ, и еще потому, что это такъ нужно.

А въ большомъ домѣ на рѣдкость пышно, съ неслыханной даже и для бахваловскаго круга роскошью провожали въ лучшей мірь Ниночку.

Тяжелый накладного серебра гробъ стоялъ рядомъ съ дубовой колодой бабиньки.

Дряхлый, уже почти ослѣпшій Веденецъ, едва двигавшійся на старыхъ, больныхъ ногахъ, почти не показывался изъ своей комнаты, и всѣмъ распорядился Михаилъ Яковлевичъ и, надо ему отдать справедливость, сумѣлъ показать и вкусъ, и умѣнье, и угождать всѣмъ, и своимъ, и постороннимъ.

Помогло и то, что необычайную щедрость, даже нѣсколько изумившую домашнихъ, выказали и Викуловны, и Аграфена Асафовна.

Великолѣпно было надѣтое на Ниночкѣ бѣлое шелковое, отдѣланное настоящими алансонами и расшитое бургиньонами платье.

Настоящимъ жемчугомъ были осыпаны золотыя пряжки бѣлыхъ плюшевыхъ туфельекъ.

Точно въ снѣгу, въ бѣлыхъ розахъ, лиліяхъ и ландышахъ утопалъ гробъ и коробился на немъ тяжелый, изъ толстой серебряной парчи тысячный покровъ.

. Самыя юныя, нарочно отобранныя въ двухъ дѣвичьихъ монастыряхъ монашки дежурили по очереди у гроба.

На панихидахъ пѣли два хора пѣвчихъ. А сами Викуловны уже къ первой панихидѣ по Ниночкѣ вышли всѣ въ глубокомъ траурѣ, въ платьяхъ, обшитыхъ бѣлыми суконными, подъ сѣрымъ дымчатымъ газомъ плерезами, и въ черныхъ косыночкахъ на головахъ.

Въ одинъ день хоронили и бабиньку, и Ниночку при огромномъ стеченіи народа и цѣлую недѣлю, три дня по бабинькѣ и три дня по Ниночкѣ, и день и ночь должны были горѣть въ переулкѣ кутанные черной марлей уличные фонари. И густо засыпана была булыжная мостовая зеленымъ можжевельникомъ.

Съ похоронъ вернулся поздно.

Часа четыре сидѣли за поминальнымъ обѣдомъ, на который съѣхалось полъ-Москвы, и, когда наконецъ проводили гостей, на улицахъ уже горѣли огни.

Всѣ были измучены, всѣ устали и, кажется, больше всѣхъ усталъ Гиршфельдъ.

На похоронномъ обѣдѣ, за отсутствіемъ Ипполита Викуловича, который былъ только на выносѣ и на кладбище не ѣздилъ, боясь оставить большую жену, Гиршфельду пришлось играть роль хозяина.

И съ этой ролью онъ справился блестяще.

Проводивъ послѣднихъ гостей, обойдя для порядка бельэтажъ и отдавъ кое-какія распоряженія, онъ поднялся въ бабье царство съ тѣмъ, чтобы откланяться.

Въ темномъ, не освѣщенномъ коридорѣ его окликнула Раиса.

— Это вы, Михаилъ Яковлевичъ? Слава Богу, наконецъ-то. Я ужъ послала искать васъ. Вы мнѣ страшно нужны. Идите ко мнѣ. Мнѣ нужно говорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ.

— А нельзя ли отложить до завтра, Раиса Викуловна?—попробовалъ уклониться Гиршфельдъ.

— Идите, идите.

Раиса почти втолкнула его въ свою комнату.

И только тутъ, въ яркомъ свѣтѣ электричества, Гиршфельдъ замѣтилъ, что Раиса очень блѣдна и даже какъ-то осунулась.

Раиса освободила для него мѣсто на диванѣ, побросавъ на кресла и сбивъ тутъ же въ кучу валявшіеся въ теченіе всѣхъ этихъ дней юбки, платья и корсеты, не много, впрочемъ, прибавляя къ общему беспорядку, всегда царившему въ ея комнатѣ.

— Садитесь,—сказала она.—У меня случилось ужасное несчастье. Я думаю, только вы можете помочь мнѣ.

Гиршфельдъ сѣлъ.

Что-то было въ лицѣ Раисы и въ ея голосѣ, что заставило его насторожиться.

— У меня украли деньги,—сказала Раиса.

— Деньги?—перспросилъ Гиршфельдъ.—Много?

— Двѣсти тысячъ.

— Двѣсти тысячъ?—недовѣрчиво протянулъ Гиршфельдъ.—
Будто у васъ были такія большія деньги, Раиса Викуловна?

— Вы не вѣрите?—вскричала Раиса.—Я вамъ говорю, у меня украли двѣсти тысячъ. Другія двѣсти вотъ онѣ, у меня.

Она отодвинула ящикъ комода и швырнула на столъ пачку процентныхъ бумагъ.

Гиршфельдъ подержалъ ее въ рукахъ и тихо положилъ на прежнее мѣсто.

— Уберите ваши деньги, Раиса Викуловна. Я не зналъ, что у васъ есть такія большія суммы. Вы говорите, у васъ украли двѣсти тысячъ?

— Я сама отдала ихъ,—сказала Раиса.

— Сами отдали?—спросила Гиршфельдъ.—Кому же?

— Князю Шигалидзе. Вы его помните? Онъ еще одно время такъ ухаживалъ за Зинаидой.

— А!—вспомнилъ Гиршфельдъ.—Это красавецъ въ черкескѣ? Но, Раиса Викуловна, вѣдь онъ просто шуллеръ. Когда вы ему отдали деньги?

— Вечеромъ въ день смерти Ниночки. Я побоялась держать такія большія деньги у себя. А тутъ онъ подвернулся. Я вѣдь уже почти рѣшила, что выйду за него замужъ. И вдругъ, представьте, сегодня на похоронахъ я у него спрашиваю: хорошо ли вы спрятали мои деньги, князь? А этотъ наглець мнѣ отвѣчаетъ: «Свои я очень хорошо спряталъ, а вашихъ денегъ у меня нѣтъ». Точно онъ меня обухомъ по головѣ хватилъ.

— Будемъ смотрѣть такъ,—сказалъ Гиршфельдъ:—что эти деньги вашъ подарокъ жениху.

Раиса вскочила.

— Да вы что же воображаете, что я пойду за этого прохвоста? За этого вора? Это воръ, воръ! Поймите. Да и въ домъ къ намъ онъ больше не пріѣдетъ. Научите, Михаилъ Яковлевичъ, что дѣлать? Найдите мнѣ эти деньги.

Гиршфельдъ задумался.

Раиса смотрѣла на него напряженнымъ, умоляющимъ взглядомъ.

Только одинъ онъ, такой умный, дѣловой и вмѣстѣ скромный, умѣющій молчать, могъ спасти ее.

И какъ она не догадалась съ самаго начала обратиться за совѣтомъ къ нему.

Это смерть Ниночки напугала ее, и она, какъ дура, рѣшилась передать такую большую сумму Шигалидзе.

Гиршфельдъ поднялъ голову.

— Раиса Викуловна, — вѣско заговорилъ онъ: — у меня найдутся кое-какія добрыя связи въ административномъ и полицейскомъ мірѣ. Я думаю, что въ концѣ концовъ мы накроемъ этого негодяя и вернемъ деньги, такъ что пока этотъ вопросъ остается открытымъ. Но вотъ что бы я вамъ посоветовалъ: не держите въ домѣ такихъ большихъ денегъ и остальную сумму завтра же положите въ банкъ.

— Сдѣлайте это вы. Я вамъ вѣрю.

— Нѣтъ, нѣтъ, — рѣшительно возразилъ Гиршфельдъ: — завтра утромъ пораньше побѣжайте сами. Если вамъ угодно, я приѣду проводить васъ и помогу вамъ во всѣхъ формальностяхъ. Но ваши деньги должны быть у васъ.

— А мы вернемъ тѣ деньги, какъ вы думаете?

Гиршфельдъ пожалъ плечами.

— Я не знаю, Раиса Викуловна. Вѣдь надо имѣть въ виду, что вы, вѣроятно, не пожелаете огласки. А мало ли, что можетъ наболтать князекъ, когда ему прищемить хвостъ. Но вы не должны ужъ такъ сильно огорчаться и, если вы позволите помочь вамъ, то я могу вамъ обѣщать, что съ тѣмъ капиталомъ, который у васъ есть, легко заработать другія двѣсти тысячъ.

— Какъ же это такъ? — съ недоумѣніемъ спросила Раиса.

Гиршфельдъ пренебрежительно тряхнулъ головой.

— Это не такъ важно, это потому, — сказалъ онъ. — Я хочу поговорить съ вами совсѣмъ о другомъ, Раиса Викуловна. Видите ли, я не охотникъ до громкихъ словъ и, конечно, я не могу выгладѣть такимъ красавцемъ, какъ кавказскій князь. Но вѣдь это и не нужно для жизни, Раиса Викуловна. Подумайте, быть можетъ, вы не откажетесь выйти за меня замужъ. Я искренно расположенъ къ вамъ. Вы уже не дѣвочка и понимаете, что жизнь не ждетъ и ее надо брать. Зачѣмъ вамъ эти голоштанные князья и графы? Я же, съ своей стороны, могу обѣщать, что за кого бы вы ни вышли, вы не получите такого большого приданого, какое у васъ будетъ, если вы выйдете за меня. Конечно, къ вашимъ деньгамъ я не протягиваю рукъ. У меня у самого будутъ очень хорошія средства. Можетъ быть, завтра вы дадите мнѣ отвѣтъ?

— Я не люблю ломаться, — сказала Раиса. — Что тамъ откладывать до завтра. Я согласна.

— Благодарю васъ, — сказалъ Гиршфельдъ, цѣлуя ея руку, — и до свиданья, завтра утромъ я приѣду.

Нѣсколько времени Раиса стояла посреди комнаты, прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ. Потомъ, когда они затихли, она вдругъ почувствовала бурный приливъ радости.

Пропажа денегъ уже не пугала. Пусть о нихъ думаетъ Гиршфельдъ; онъ-то ужъ знаетъ, какъ найти ихъ. Но хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться тѣмъ, что она невѣста.

Когда въ дверь къ ней заглянула Лидія, она обрадовалась.

— Лида, это ты? Входи, пожалуйста. Какъ хорошо, что ты пришла.

— У насъ всѣ ложатся спать,—сказала Лидія:—всѣ страшно устали. Я тоже устала, но чувствую, что не засну. Такъ жаль бѣдную Ниночку. Думаешь ли ты, Раиса, о томъ, что мы виноваты въ ея смерти?

— Только не теперь. Только не теперь,—вскричала Раиса:—я не хочу возвращаться къ печальному, Лида. Я хочу быть счастливой. Хочу новой жизни.

И, встрѣтивъ недоумѣвающей взглядъ Лидіи, она пояснила:

— Поздравь меня. Я выхожу замужъ.

— Неужели за этого прохвоста Шигалидзе?—неудержимо вырвалось у Лидіи.

— Ну, вотъ еще,—пренебрежительно отозвалась Раиса.—Шигалидзе годится только для флирта. Нѣтъ. Я выхожу за Гиршфельда.

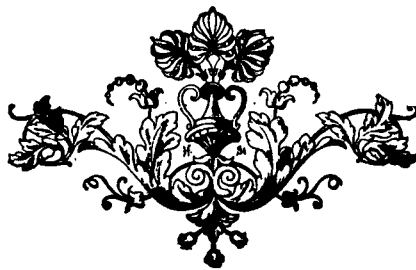
— За Гиршфельда?—воскликнула Лидія и засмѣялась.—Нѣтъ, это, дѣйствительно, великолѣпно. Гиршфельдъ—это партія. Даже и для Бахваловой.

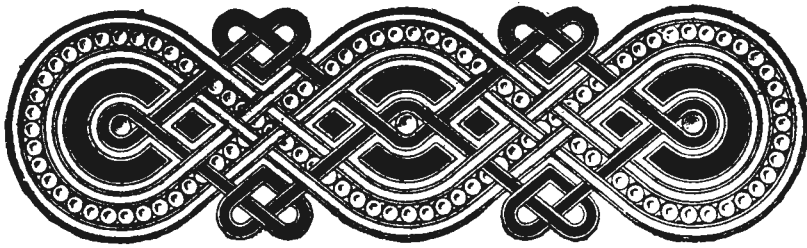
— Ты, кажется, издѣваешься и надъ нимъ, и надо мной?—спросила Раиса, хмурясь.

— Нисколько,—сказала Лидія,—и, чтобъ тебя успокоить, скажу одно: за Гиршфельда вышла бы и я. Это человѣкъ большихъ возможностей. Это говорю не я. Это сказалъ Арсеній.

Маркъ Басанинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

I.

ВЪ ИСХОДѢ сороковыхъ годовъ я жилъ съ покойнымъ отцомъ въ Петербургѣ, на бывшей Госпитальной улицѣ. Теперь она называется какъ-то иначе. Улица была захолустная, застроенная ветхими деревянными домами въ одинъ этажъ. Два или три каменныхъ дома не скрашивали ея. Улица шла отъ Загороднаго проспекта къ Обводному каналу и Семеновскому плацу. За Обводнымъ каналомъ не было зданій, а на Семеновскомъ плацу—пыльная пустыня. У Загороднаго проспекта стояла маленькая станція Царскосельской желѣзной дороги, а къ Обводному каналу высился валъ и стояли мишени: здѣсь солдаты учились стрѣлять—плохо стрѣляли; наѣзжали и ругались сердитые генералы. По утрамъ бывали учения, маршировки, равненіе рядовъ, тихій учебный шагъ и... неизбежныя экзекуціи, если качнулось ружье во время марша, разстроилось равненіе и тому подобное. Командиры опять же скверно ругались. Но это было въ обычаѣ того времени.

Спрашиваю разъ отца: зачѣмъ бьютъ солдатъ за ошибки въ маршировкѣ, за нарушеніе красоты рядовъ и качанье ружьемъ на ходу? Помогаетъ это на войнѣ?

Отецъ мой былъ серьезный, пожилой человекъ. Онъ усмѣхнулся на мой наивный вопросъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, на войнѣ маршировка, тихій учебный шагъ, выравниваніе рядовъ бесполезно.

— Тогда зачѣмъ же бьютъ солдатъ?

— Трудно сказать, зачѣмъ? Вѣроятно, согласно пословицѣ, что за одного битаго даютъ двухъ не битыхъ.

Отецъ, очевидно, шутилъ. Помолчавъ, я поставилъ ребромъ вопросъ:

— Если правда, что за одного битаго даютъ двухъ не битыхъ, то почему же ты никогда не бьешь меня?

Отецъ не наказывалъ меня. Я тогда приготавливался къ экзаменамъ въ Морской корпусъ,—плохо приготавливался. Не то, чтобы я былъ лѣнивъ или тупъ, но меня одолѣвала страсть къ чтенію. По утрамъ отецъ, имѣвшій частныя работы (онъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи преподавалъ математику), уходилъ изъ дому, а я сейчасъ же бросалъ учебникъ и принимался за чтеніе. У меня имѣлись «Арабскія сказки»—старое изданіе въ восемнадцати томахъ, теперь оно—библіографическая рѣдкость; «Путешествіе на сѣверъ», много романовъ. «Черная женщина» Греча, «Выжитинъ» Булгарина, «Таинственный монахъ» и разныя московскія книжки, включительно до «Битвы русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга». Но путешествій было больше всего. Библіотеку свою я пополнялъ изъ книжныхъ ларьковъ на старомъ толкучемъ рынкѣ, что былъ тогда у Чернышева моста. Знакомый сѣдобородый мужичекъ, Кузьмичъ, позволялъ мнѣ рыться въ его книжномъ хламѣ, затѣмъ облюбованную книгу или мѣнялъ съ небольшой копеечной придачей на уже прочитанную мною, или же продавалъ за двадцать-тридцать копеекъ, рѣдко за полтину. Но если бралъ полтину, на примѣръ, за томъ Дюмовъ Дюрвиля, то добросовѣстно принималъ обратно прочитанный томъ въ сорока или тридцати пяти копейкахъ.

Боже мой! сколько я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, перечиталъ всякой всячины за это время.

— Читай, читай!—говаривалъ мой отецъ, въ особенности одобряя чтеніе путешествій.—Надо развивать воображеніе. Человѣкъ безъ воображенія—тупица.

Мы занимали двѣ меблированныя комнаты у чиновника Трескина, горькаго пьяницы, вѣчно воевавшего съ женою, не дававшего ему денегъ на пропой. У нихъ было двое дѣтей: мальчикъ Коля, золотушный, почти идиотъ, и дѣвочка Оля—милая, уменькая, хорошенькая; съ голубыми глазками—моя подруга и предметъ первой дѣтской, чистой любви. Я былъ мальчикъ не веселого и не игриваго характера. Съ Олей мы часто ходили на Обводный каналъ тогда совершенно пустынный. Тамъ росла густая трава, зеленѣли березки, что очень намъ было до душъ. Трескинъ часто приносилъ изъ департамента нумера въ ту эпоху очень популярной «Сѣверной

Пчелы». Я охотно прочитывалъ болгаринскую «Пчелку», игривый, но лишенный своего рода остроумія фельетонъ.

— Булгаринъ великій писатель?—спрашивалъ я отца.

Онъ улыбался въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, Ѳаддей Венедиктовичъ не великій писатель.

— «Пчелки» его хороши?

— Иногда. Но я тебѣ дамъ прочесть повѣсть дѣйствительно великаго писателя.

И отецъ принесть мнѣ «Капитанскую дочку» Пушкина. Боже мой! въ какой восторгъ она привела меня. Впечатлѣнія болгаринской «Пчелки» поблѣднѣли. А когда мнѣ послѣ пришлось прочесть «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», я совершенно разочаровался въ Булгаринѣ.

II.

И, однакоже, Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ былъ первый литераторъ, котораго мнѣ довелось увидать. Мы съ отцомъ какъ-то гуляли по Семеновскому плацу, ожидая прихода поѣзда. Локомотивъ съ длинною вереницею вагоновъ, шибко бѣгущій по рельсамъ и выбрасывающій клубы чернаго дыма, былъ въ тѣ поры диковинкою. Сбѣзжались даже нарядныя дамы въ экипажахъ къ приходу поѣздовъ. Отецъ, по возможности, объяснялъ мнѣ силу пара и механизмъ локомотивовъ. Я ему вѣрилъ, но относительно устройства паровозовъ и силы, ими двигавшей, имѣлъ особое понятіе. По моему убѣжденію, въ желѣзномъ ящикѣ локомотива сидѣлъ чортъ. Нѣмецъ-машинистъ билъ его раскаленною желѣзною кочергою и заставлялъ вертѣть колеса. Чортъ злился и кричалъ.

Оля, которой я излагалъ мою теорію локомотива, задала мнѣ какъ-то такой вопросъ:

— Если нѣмецъ-механикъ мучить бѣднаго чорта и бьетъ его, почему сильный чортъ не разорветъ своей тюрьмы и не убѣжитъ?

Но казусный вопросъ все же не смутилъ меня. Подумавъ, я такъ извернулся:

— Ящикъ паровоза окропленъ святой водою самимъ митрополитомъ, и никакой чортъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, изъ него не прорвется. Святая вода его обезспливааетъ.

Оля говорила мнѣ:

— У насъ одна желѣзная дорога въ Царское Село. Почему не строить дороги въ Москву? У меня тамъ живетъ добрая тетя Анна. Я бы туда поѣхала.

— Ахъ, Оля! какъ ты этого не понимаешь,—резонировалъ я.— Ну, выстроятъ дорогу до Москвы. А откуда взять паровозовъ? Надо будетъ наловить много чертей. Не такъ это легко, Олечка.

И Олечка слѣпо мнѣ вѣрила и крестилась, когда, свистая и громыхая, подходилъ паровозъ.

Но возвращаюсь къ моему знакомству съ Булгаринымъ. Мы съ отцомъ, какъ я уже выше писалъ, прогуливались по Семеновскому плацу, въ ожиданіи прихода поѣзда. Впереди, у самаго барьера желѣзнодорожнаго пути, стоялъ средняго роста господинъ въ полосатомъ, гороховаго цвѣта пальто, изъ котораго виднѣлись толстыя, какъ тумбы, огромныя ноги. На головѣ у него была сѣрожелтая фуражка блинкомъ.

— Да это Булгаринъ, — сказалъ мнѣ отецъ. — Ты любишь читать его «Пчелки». Пойдемъ, я тебя съ нимъ познакомлю.

Сердце мое усиленно забилося. О литераторахъ тогда я имѣлъ очень высокое понятіе. Это были, по моему наивному убѣжденію, люди особаго геніальнаго пошиба, а Булгаринъ, ежедневно писавшій цѣлый большой листъ (я думалъ тогда, что въ газетѣ пишетъ все самъ редакторъ), былъ, конечно, умница между умницами. Булгаринъ встрѣтилъ отца дружелюбно, какъ стараго знакомаго, попрекнулъ, что тотъ не заходитъ къ нему, а меня погладилъ по головѣ.

— Ты куда его готовишь?

— Въ морской корпусъ, — отвѣтилъ отецъ. — Только плохо готовится. Обуяла страсть къ чтенію.

— Это хорошо. Пусть его читаетъ. Почему, однако, готовишь сына непременно въ морской корпусъ!

— Не хочу, чтобы онъ сдѣлался чиновникомъ-чернилопроливцемъ и казнокрадомъ; не хочу чтобы онъ превратился въ плантатора. Въ Вѣлоруссіи у меня сестра владѣетъ имѣніемъ, многими человѣческими душами. Если сына не отдамъ въ корпусъ, она требуетъ его въ деревню, воспитаетъ по своему и сдѣлаетъ мужикодавомъ.

Булгаринъ улыбнулся.

— Ого, другъ Христофоръ! ты не мѣняешься и такой же либераль, какимъ былъ въ двадцать пятомъ году.

— Зачѣмъ мѣняться мнѣ? Вотъ ты такъ сильно перемѣнился.

Улыбка пропала съ лица Булгарина.

— Ты съ Дуббельтомъ незнакомъ?

— Разумѣется, незнакомъ.

— То-то же! А я, какъ издатель газеты, по необходимости знакомъ. Ну, и то, во что вѣрилъ въ двадцать пятомъ году, прячу подалше.

Отецъ съ Булгаринымъ былъ на «ты» и, сколько могу судить по отрывку приведеннаго разговора, отецъ былъ знакомъ съ декабристами. Но объ этомъ онъ никогда ничего мнѣ не рассказывалъ.

Я хорошо рассмотрѣлъ Булгарина. У него была голова, напоминавшая формою тыкву, толстое лицо, большой носъ и маленькіе, живые черные глаза. Талии нельзя было замѣтить; все было у него ровно, даже животъ не выдавался; коротенькія руки походили на

обрубки. Онъ имѣлъ привычку прятать ихъ въ карманы своего гороховаго пальто. Услыхавъ о моей страсти читать, Ѳаддей Венедиктовичъ одобрительно качнулъ головой и замѣтилъ:

— Читай, малецъ, читай. Вырастешь—будешь писателемъ. Да, я тебѣ, Христофоръ, предсказываю: сынъ твой будетъ писателемъ.

— Избави, Господи!

— Почему же? Писатели—свѣточн въ народѣ.

— Да, такіе, какъ Пушкинъ или Гоголь, а мелкотравчатые—пустые люди. У тебя много такихъ околачивается. Скажу по совѣсти: чего они стоятъ? Пусть лучше сынъ мой будетъ морякомъ, увидитъ свѣтъ широкій и не изъ петербургскаго только быта.

Улыбка снова появилась на мясистыхъ губахъ Булгарина.

— Будучи морякомъ, онъ можетъ быть и писателемъ. Такъ-то, друже Христофоръ!

— И познакомится съ Дуббельтомъ.

— Дуббельтъ не вѣченъ, а литература—вѣчна. Кто знаетъ, что дастъ намъ будущее.

Отецъ ничего не отвѣтилъ. Мы ушли, а Ѳаддей Венедиктовичъ предрекъ мнѣ судьбу, напутствуя словами, что я непременно буду литераторомъ.

III.

Вторымъ писателемъ, котораго я видѣлъ, былъ довольно извѣстный польскій поэтъ Ѳома Занъ—другъ Мицкевича. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году. Въ морской корпусъ я не поступилъ. Какъ отецъ предсказывалъ, такъ и случилось: тетка меня вызвала изъ столицы и отдала въ витебскую гимназію. Когда-нибудь я расскажу про порядки тогдашнихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Плохіе педагоги плохо насъ учили, а воспитывать—совсѣмъ не воспитывали. Ученики—сынки дворянъ-помѣщиковъ—переползали изъ класса въ классъ, благодаря частнымъ урокамъ у разныхъ педагоговъ. На экзаменахъ такимъ привилегированнымъ заранѣе было извѣстно, что у кого спросятъ. Добравшись до шестого или даже только до пятаго класса, воспитанники побогаче выбывали изъ гимназіи и принимались хозяйничать. Не трудно было тогда хозяйничать: крѣпостной мужикъ работалъ: сѣялъ, пахалъ, молотилъ и прочее, а исправный экономъ съ плеткою придавалъ работающимъ нужную энергію. Помѣщики ѣздили другъ къ другу въ гости, танцевали, много и охотно танцевали; веселились, влюблялись, женились и, что еще было пріятнѣе, совершали большими компаніями экскурсіи въ хорошую погоду къ разнымъ мѣстнымъ чудотворнымъ святынямъ.

Веселое для насъ, дворянъ, хорошее было это время!

Тетка моя, Урсула Козничъ, была властная, старая женщина. Она не дозволила мнѣ улизнуть изъ витебскаго храма наукъ до

окончанія курса. Закончилась памятная севастопольская брань, и въ затхлую атмосферу жизни сороковыхъ годовъ ворвалась струя свѣжаго воздуха. Я былъ уже въ послѣднемъ седьмомъ классѣ и, вернувшись съ каникулъ, не узналъ своей гимназіи. Гимназія, правда, попрежнему помѣщалась въ старомъ, ветхомъ зданіи на высокомъ берегу Двины. Но порядки были уже не тѣ. Инспекторъ, Лука Цыбуличъ—сѣкундаторъ, для котораго глаголомъ высѣчь исчерпывалась вся педагогическая задача,—вышелъ въ отставку, и на его мѣсто пріѣхалъ молодой либераль Тихоцкій, начавшій съ того, что собравъ учениковъ, сказалъ имъ рѣчь о томъ, что тѣлесныхъ наказаній болѣе не будетъ, карцера тоже не будетъ. Храмъ наукъ не тюрьма. Желаютъ учиться—пусть учатся, а кто не желаетъ—можетъ уходить. Розги, дранье за уши, карцеръ—средства не педагогическія. Такая рѣчь намъ, гимназистамъ очень понравилась. Тихоцкій сразу завоевалъ популярность. Старики-преподаватели уходили. Удалился на покой учитель географіи Мержевскій, твердившій, что по его предмету всякія объясненія излишни. Напечатано въ руководствѣ Ободовскаго: Парижъ на Сенѣ, Мадридъ на Мансанаресѣ—и тверди: на Сенѣ, на Мансанаресѣ. Волга... Ну, Волга и есть. Что тутъ объяснять! Умеръ историкъ Паперецъ, требовавшій, чтобы отвѣчали урокъ отъ слова до слова, заставлявшій зубрить длинные ряды разныхъ римско-нѣмецкихъ императоровъ и королей, до Генриха Птицелова включительно.

Чортъ его знаетъ, что это былъ за Птицеловъ, право, и по сей день я не соображу!

Былъ я уже въ послѣднемъ классѣ и вмѣстѣ съ другими получили отъ инспектора приглашеніе по субботамъ вечеромъ посѣщать его квартиру для педагогическихъ бесѣдъ и пользованія его библіотекой. Въ одинъ холодный и дождливый субботній вечеръ я и товарищъ мой Домбровскій послѣ нѣкотораго колебанія,—форменныя шинели плохо защищали отъ холода,—однакоже пошли къ инспектору на Смоленскій рынокъ—мѣстность очень отдаленную отъ нашей ученической квартиры. Въ маленькихъ, уютныхъ комнатахъ квартиры Тихоцкаго застали мы много народу. Кромѣ гимназистовъ, тутъ были ксендзъ де-Вальденъ—жирный, слейный старикъ; были преподаватель таксаторскихъ классовъ Нарбутъ, домовладѣлецъ Пютухъ и совершенно незнакомый намъ пожилой, полный, лысый господинъ, съ которымъ все обращались съ большимъ почтеніемъ.

Это былъ польскій поэтъ Юмаъ Занъ, возвращенный изъ ссылки изъ Сибири. О, въ какой восторгъ пришли мы, молодежь, когда узнали, кто такой гость Тихоцкаго, какъ жалѣли тѣ, которымъ не удалось быть у инспектора въ эту памятную субботу! Старикъ Занъ—добрый и кроткій человекъ—обнялъ и перецѣловалъ всю молодежь, а мы цѣловали его руки, на которыхъ были оковы каторж-

ника. Намъ ксендзь де-Вальденъ рассказывалъ, что поэтъ выстрадалъ десятки лѣтъ въ ссылкѣ, работалъ въ рудникахъ, былъ прикованъ къ тачкѣ...

Разумѣется, все это было вздоръ, выдумки. Занъ былъ просто сосланъ на поселеніе. Но мы де-Вальдену слѣпо вѣрили. Самъ поэтъ ничего подобнаго о своемъ пребываніи въ Сибирь не говорилъ. Онъ искренно расплакался, знакомясь съ нами, и, всхлипывая, говорилъ:

— Милая, дорогая, благородная молодежь! Я вижу, я теперь вѣрю: Польша наша дорогая мать, не погибла. У нея такіе достойные сыны. Богъ сохранивъ и благословить васъ, дѣтки.

Рыданія прервали его слова. Мы всё тоже плакали и стали вокругъ его на колѣни. Тихоцкій тоже хотѣлъ стать. Но Занъ не допустилъ его преклониться, а обнялъ и поцѣловалъ, какъ руководителя такъ хорошо воспитанной молодежи. Занъ приподнялся со стула, что при его толщинѣ и старости было ему не легко, и сказалъ намъ: «Любите ваше отечество. Любовь къ роднѣ самое благородное чувство. Патріотъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ». Кто-то упомянулъ о москаляхъ. Но, къ нашему удивленію, старый поэтъ не одобрилъ этого и замѣтилъ:

— Не надо никакой и ни къ кому злобы. Москали! я ихъ знаю. И между ними много хорошихъ людей. Я не разъ испыталъ это въ дни моей ссылки. Русскіе не меньше насъ страдаютъ отъ деспотизма.

Ксендзу де-Вальдену и Тихоцкому, кажется, не очень понравилась рѣчь Зана. Но, какъ другу Мицкевича, они и думать не могли противорѣчить ему. Больше мы Зана не видѣли. Я добылъ одну изъ его поэмъ «Твардовскій»—нѣчто въ родѣ похощеній польскаго Калиостро. Но она не особенно мнѣ понравилась. Послѣ поэмъ Мицкевича, въ особенности «Валленрода», она казалась мнѣ и холодной, и безсодержательной.

Въ этомъ же году въ Могилевѣ было дворянское собраніе. Помѣщики, собравшіеся на выборы, купили Зану небольшое имѣніе въ Оршинскомъ уѣздѣ. Рассказывали, дѣло происходило такъ. Князь Любомирскій, губернскій предводитель, обратился къ поэту съ заявленіемъ, что дворянство считало бы за честь, если бы другъ Мицкевича купилъ имѣніе и поселился между ними.

— А на какія деньги мнѣ купить имѣніе,—возразилъ Занъ:—когда у меня всего состоянія только и есть, что вотъ эта монета?

Въ рукѣ у него былъ двугривенный. Но энтузіасты-дворяне сейчасъ же сдѣлали складчину. Любомирскій далъ тысячу рублей, другіе кто сколько пожелалъ, и имѣніе было куплено, маленькое, плохое, гдѣ-то около мѣстечка Смолянъ. Занъ былъ плохой хозяинъ. Когда онъ умеръ, жена его продала имѣніе и уѣхала въ Вильну.

IV.

Прошли года. Прощумѣло возстаніе 1863 года. Надоѣло мнѣ служить въ новосозданномъ акцизѣ. Да и вообще я былъ плохой чиновникъ. Съ обычною своею стремительностью въ рѣшеніяхъ я вышелъ въ отставку и порѣшилъ жить въ Петербургѣ. Съ какой цѣлью? Захотѣлось быть литераторомъ. Изъ Могилева я посылалъ статьи въ «Искру» и въ «Экономическій Указатель» Вернадскаго. У меня былъ уже готовъ большой романъ «Послѣдніе язычники», напечатанный много лѣтъ спустя. На него я возлагалъ всѣ свои надежды... Но прежде Петербурга мнѣ необходимо было побывать въ Вильнѣ, гдѣ жила моя любимая сестра Лиза, бывшая замужемъ за артиллерійскимъ офицеромъ. Въ Динабургѣ, хотя Муравьева уже не было, существовали еще муравьевскіе порядки: у ѣхавшихъ въ Вильну или на Варшаву осматривали багажъ. Жандармскій унтеръ-офицеръ раскрылъ мой чемоданъ и буквально пришелъ въ ужасъ: чемоданъ былъ переполненъ рукописями. Приглашенный жандармскій капитанъ, перелиставъ нѣсколько тетрадокъ, пожалъ плечами:

— Просмотрѣть всѣ эти рукописи недѣли мало. А пропустить такъ я не могу.

— Но какъ же мнѣ быть?—спрашиваю.

— А ужъ не знаю. Поѣзжайте въ Петербургъ, тогда я васъ пропущу.

— Но мнѣ надо въ Вильну.

Капитанъ задумался и вдругъ неожиданно объявилъ:

— Ну, хорошо. Я вамъ разрѣшаю ѣхать въ Вильну.

«Какой добрый», подумалъ я.

Чемоданъ мой закрыли, сдали въ багажъ, и я поѣхалъ.

У виленскаго вокзала, однако, обнаружилась подкладка доброты голубого капитана: по его телеграммѣ меня арестовали, посадили въ особую комнату; принесли туда же мой багажъ и поставили у двери часового. Запрещеннаго, компрометирующаго у меня ничего не было, но все же приключеніе было пренепріятнаго свойства. Я боялся за свои рукописи. Прошло около часу, пока занятый при отходѣ поѣздовъ толстый и пыхтящій отъ жиру (былъ іюль мѣсяць) полковникъ въ голубомъ мундирѣ заглянулъ въ комнату.

— Это все польскія рукописи?—обратился онъ ко мнѣ, заглядывая въ мой чемоданъ.

— Ни одной нѣтъ польской, все русскія,—отвѣчаю ему.

— Зачѣмъ же васъ задержали?

— Не знаю.

— Глупо. Чортъ знаетъ что! Вы русскій литераторъ?

— Хочу быть имъ.

— А зачѣмъ пріѣхали въ Вильну?

— Здѣсь замужемъ моя сестра за артиллерійскимъ капитаномъ.

— Фамилія капитана?

Я сказалъ фамилію. Толстый полковникъ пожалъ плечами.

— Знаю капитана. Вполнѣ благонадеженъ.

Онъ задумался, сѣлъ на стулъ, вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и объяснилъ мнѣ:

— Арестъ вашъ одно недоразумѣніе. Отпустить васъ я, конечно, могу, но рукописи обязанъ представить для разсмотрѣнія въ комиссію. Это васъ не устраиваетъ?

— Совсе не устраиваетъ. Комиссія задержитъ надолго рукописи, а я спѣшу въ Петербургъ.

— Гм! комиссія задержитъ, навѣрное, задержитъ рукописи и, что еще хуже, половину растеряетъ. Знаю я ихъ, этихъ членовъ комиссіи.

— Какъ же быть?

— А ужъ не знаю!

Посмотрѣвъ на часы и найдя, что пора обѣдать, полковникъ разрѣшилъ затрудненіе очень остроумной комбинаціей:

— До свиданія, господинъ литераторъ. Я уйду и солдату велю итти за собою. Дверь открыта. Берите вашъ чемоданъ и уходите.

Видя, что я нѣсколько изумленъ, онъ, улыбаясь, пояснилъ:

— Мой коллега въ Динабургѣ поступилъ по закону правильно; я поступаю произвольно, но тоже правильно и не чувствую укоровъ совѣсти: въ вашемъ чемоданѣ могутъ быть очень хорошія статьи, ихъ я спасаю отъ когтей комиссіи. Такъ-то лучше.

Надо ли говорить, что я, не медля захвативъ чемоданъ, черезъ полчаса былъ уже въ квартирѣ сестры.

Въ Вильнѣ у меня тоже были встрѣчи и знакомства съ литераторами. Наиболѣе симпатичный и сильно понравившійся мнѣ былъ Василій Осдоровичъ Ратчъ, генераль-лейтенантъ и начальникъ артиллеріи въ вилевскомъ округѣ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» только что была напечатана его полубеллетристическая статья «Недѣля безпорядковъ въ Могилевской губерніи». Статья отличалась рельефностью, сжатостью и прекраснымъ языкомъ. Во время моего пріѣзда въ Вильну Ратчъ трудился надъ многотомнымъ сочиненіемъ «Исторія польскихъ конспирацій въ Западномъ краѣ». Программа работы была очень обширна, рассказъ начинался чуть ли не съ Ядвиги и Ягеллы. До настоящаго интереснаго 1863 года почтенный генераль такъ и не дошелъ, а на серьезное историческое изслѣдованіе давно минувшихъ эпохъ у него не хватало знанія и даже источниковъ. Онъ не зналъ ни польскаго, ни латинскаго языковъ. Выпустилъ онъ, кажется, два тома съ текстомъ крайне скучнымъ и

растянутымъ. Ратчу ежемѣсячно выдавалось, кажется, пятьсотъ рублей за работу и для напечатанія его рукописей. Торопиться не было повода, а затягивать работу было, напротивъ, очень солидный поводъ. Онъ пригласилъ меня помогать ему: дѣлать конспектъ изъ дѣлъ сѣдственной комиссiи, переводить съ польскаго и платить за эти занятія, помните, по шестидесяти рублей помѣсячно. Денежные ресурсы мои въ тѣ поры были плохи, и я охотно согласился работать у Ратча. По его протекциі тогдашній попечитель виленскаго учебнаго округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ, далъ мнѣ мѣсто второго библіотекаря въ виленской публичной библіотекѣ, тогда еще только устроенной. Лично, какъ человекъ, Василій Ѳеодоровичъ Ратчъ былъ прѣмилый господинъ. Худошавый, малѣнькій, нервный, любитель поговорить, онъ отличался добротою, желаніемъ всякому сдѣлать добро и наивностью ребенка. Супруга его была полная, сырая, флегматичная генеральша, какихъ много на Руси. У нея было хорошее, независимое состояніе, позволявшее Ратчу быть широко гостепріимнымъ. У него бывали люди всѣхъ партій и направленій, муравьевцы и кауфманисты (Кауфманъ былъ тогда генераль-губернаторомъ), далеко не согласные во взглядахъ; бывало много духовныхъ, и въ ихъ числѣ часто появлялся съ длиннымъ лицомъ, хитрыми глазами и елеяною рѣчью протоіерей Гомолицкій, женатый на родной племянницѣ митрополита Семашка. Значеніе его было велико, благодаря престарѣлому Семашку, который безъ совѣта Гомолицкаго ни на что важное не рѣшался. Протоіерей былъ изъ униатовъ; кое-что ксендзовское въ немъ сохранилось, и древле-православные священники Вильны недолюбливали отца Викторъ. Мнѣ отецъ Викторъ нравился, больше, можетъ быть, потому, что его милыя и хорошенкія дочки мнѣ въ тѣ поры тоже очень нравились. Приведу одинъ случай для характеристики дѣятельности отца Викторъ. Умиралъ какой-то старый чиновникъ, членившійся православнымъ (ради сохраненія мѣста) но въ душѣ католикъ. Онъ умолялъ близкихъ признать для исповѣди ксендза. Но ни одинъ ксендзъ не рѣшался ѣхать къ умирающему. Гомолицкій, узнавъ, въ чемъ дѣло, самолично и подъ своею отвѣтственностью привезъ ксендза. Объ этомъ, конечно, сейчасъ же донесли Кауфману. Генераль-губернаторъ вытребовалъ отца Викторъ и принялъ его довольно немилостиво.

— Какъ вы могли къ православному привозить католическаго патера для исполненія требъ?—спросилъ онъ его.—Я этого не потерплю.

Протоіерей, однако, не испугался и отвѣтилъ:

— Сдѣлано мною это для спасенія души христіанской. Больной могъ умереть безъ покаянія, а что умирающаго напутствовалъ патеръ, а не православный священникъ и что я все взялъ на свой отвѣтъ, то, ваше высокопревосходительство, въ этомъ моя іерейская совѣсть меня не упрекаетъ.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ доводилъ строгость системы Муравьева очень часто до предѣла, до котораго самъ Муравьевъ никогда бы ея не довелъ.

Нѣкій не въ мѣру усердный чиновникъ Рачинскій добылъ на какомъ-то кладбищѣ надгробную плиту одного изъ графовъ Тышкевичей, несомнѣнно доказывающую, что погребенный подъ оной Остафій Тышкевичъ былъ православный. Плиту вставили въ стѣву пріемной зданія музея и помѣшавшейся тамъ же публичной библиотекѣ. На освященіе зданія пріѣхалъ Кауфманъ со свитою, въ которой былъ и графъ Тышкевичъ. Подойдя къ плитѣ, генераль-губернаторъ громко прочелъ надпись на плитѣ и обратился къ Тышкевичу:

— Графъ, вашъ предокъ былъ православный. Что бы и вамъ теперь вернуться къ вѣрѣ вашихъ предковъ? А! какъ вы думаете?

Рачинскій, Кулинъ (помощникъ попечителя учебнаго округа) и другіе ярые кауфманисты съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждали, что отвѣтитъ Тышкевичъ. Но графъ не смутился и съ поклономъ хладнокровно заявилъ, что онъ, пожалуй, и не прочь вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, но встрѣчаетъ затрудненіе:

— Какое же можетъ быть тутъ затрудненіе?—удивился Кауфманъ.

— Мои предки точно были въ XVI вѣкѣ православными, но еще раньше они были язычники. Я и затрудняюсь, къ которому изъ вѣровацій моихъ предковъ мнѣ присоединиться.

Конечно, это было глумленіе, но отвѣтъ удачный.

Помолчавъ минуту, Тышкевичъ съ новымъ поклономъ добавилъ:

— Я просилъ бы ваше высокопревосходительство камень съ могилы моего предка, Остафія Тышкевича, вернуть обратно изъ передней музея, гдѣ ему быть вовсе не мѣсто. Ограбленіе могилъ по русскимъ законамъ не допускается.

Пресловутый надгробный камень Остафія Тышкевича, однакоже, убранъ не былъ. Уѣзжая изъ Вильны въ 1869 году, я самъ его видѣлъ въ стѣнѣ прихожей музея.

Кауфмана смѣнилъ графъ Барановъ, болѣе умѣреннаго и примирительнаго образа мыслей.

V.

Вильна во время моего пребыванія въ ней буквально была переполнена литераторами, правда, не высокой марки, но все же литераторами. Большинство писало въ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости». Въ обществѣ я встрѣчалъ Воскобойникова, но близко съ нимъ не сходилъ. Воскобойниковъ былъ среднихъ лѣтъ, очень напыщенный господинъ и игралъ въ Вильнѣ значительную роль, такъ какъ называлъ себя представителемъ Каткова, тогда

находившагося въ апогеѣ своей славы. Я его раза два встрѣчалъ у Ратча, но и до сего дня не знаю, служилъ ли онъ гдѣ-либо, или считался только при комъ-то изъ сильныхъ міра, а такихъ въ Вильнѣ тогда было много. Совершенною противоположностью Воскобойникову былъ Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій, петербургскій литераторъ, авторъ шумѣвшаго въ свое время романа «Петербургскія трущобы». Ратчъ былъ съ нимъ сосѣдъ по имѣнію. Онъ, конечно, зналъ, зачѣмъ Крестовскій явился въ Вильну, но я ничего даже не подозрѣвалъ, когда принялъ Крестовскаго къ себѣ на квартиру. Ему, по его словамъ, надо было прожить въ Вильнѣ недѣли двѣ, а жить въ гостиницѣ не хотѣлось. Онъ и прожилъ у меня около двухъ недѣль; рѣдко бывалъ дома, со всѣмъ русскимъ обществомъ скоро перезнакомился, особеннымъ успѣхомъ онъ пользовался у дамъ. Романомъ его всѣ тогда зачитывались.

Черноглазый, красивый брюнетъ, нѣсколько смахивавшій чертами лица на армянина, Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій прекрасно читалъ стихи свои и чужіе, рассказывалъ анекдоты еврейскіе и армянскіе и буквально, живя въ Вильнѣ, катался, какъ сыръ въ маслѣ. Но что меня тогда въ немъ поражало, это его полное равнодушіе къ литературѣ.

— Ну ее ко всѣмъ чертямъ эту литературу!—говорилъ онъ мнѣ:—вотъ какъ она мнѣ надоѣла.

— А твои «Петербургскія трущобы»?

Онъ поморщился.

— Двухъ такихъ романовъ не напишешь. А деньги, полученные за «Трущобы», я прожилъ. Слава... не хлѣбъ. У меня теперь другіе планы.

— Неужели думаешь бросить литературу?—удивился я.

— Зачѣмъ бросать?—усмѣхнулся Крестовскій.—Но одною литературою ограничивать свою дѣятельность я не намѣренъ.

Проживъ у меня дней десять, Крестовскій вдругъ исчезъ. Возвратившись, онъ уже остановился не у меня, а въ гостиницѣ и прислалъ за своими вещами.

Не разсердился ли онъ на меня?—пришло мнѣ въ голову:—но чѣмъ же я могъ его обидѣть?

Придя вечеромъ къ Ратчу, я въ его гостиной засталъ юнкера въ уланскомъ мундирѣ. Это былъ Крестовскій. Разумѣется, я удивился.

— Ну, какъ я тебѣ нравлюсь въ новомъ видѣ?—спросилъ онъ меня.

Я былъ озадаченъ и почему-то считалъ себя даже обиженнымъ.

— Совсе не нравишься,—отвѣтилъ я:—что это тебѣ вздумалось въ тридцать лѣтъ юнкерствовать?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Больше онъ у меня не былъ. Въ Вильнѣ оставался недолго и скоро уѣхалъ въ свой эскадронъ.

Много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ Крестовскаго въ Петербургѣ, на Невскомъ, уже полковникомъ. Онъ сдѣлалъ карьеру. Всѣ романы, которые имъ написаны уже на военной службѣ, были по достоинству много слабѣе первыхъ его сочиненій. Я говорю про большіе его романы. Въ очеркахъ и повѣстужкахъ онъ оставался прежнимъ удобочитаемымъ Крестовскимъ. Въ тѣ поры я вель въ «Дѣль», журналъ Благосвѣтлова, отдѣлъ библиографіи и давалъ о странныхъ, чтобы не сказать болѣе, новыхъ романахъ Крестовскаго довольно рѣзкіе отзывы. Вѣроятно, по этой причинѣ, встрѣтившись на Невскомъ, мы точно не узнали другъ друга и разошлись, не обмѣнявшись словомъ.

Не могу обойти въ моихъ воспоминаніяхъ Кулина, тоже если не заправскаго литератора, то во всякомъ случаѣ человека, баловавшагося литературою. Тогда литераторомъ считали всякаго, кто написалъ въ газетѣ двѣ-три корреспонденціи. Кулинъ много ихъ написалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости». Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, худошавый, несомнѣнно, умный, занимавшій въ виленскомъ учебномъ округѣ видный постъ. Попечитель, Иванъ Петровичъ Корниловъ, не терпѣлъ своего помощника Траутфетера, какъ нѣмца и лютеранина, и всецѣло былъ подъ вліяніемъ Кулина. У Кулина по субботамъ собирались кауфманисты—партія, если такъ можно выразиться, свехрусская. На этихъ собраніяхъ бывалъ раза два и я, но скоро потомъ уклонился отъ нихъ. Дѣло въ томъ, что кулинисты, какъ все, впрочемъ, въ то время въ Вильнѣ, постоянно обсуждали вопросъ: какъ освободить Литву отъ польскаго вліянія? Кулинъ думалъ, что нѣтъ иного выхода, какъ принудительно обратить всехъ шляхтичей-католиковъ въ православіе, а у дворянства отчуждать ихъ имѣнія, переселять ихъ вглубь Россіи, а на ихъ мѣста посадить чиновниковъ русскихъ. Это обойдется казнѣ дорого, говорилъ Кулинъ, но зато край сдѣлается русскимъ.

Я не вѣрилъ въ хозяйственныя способности чиновниковъ, и еще болѣе мнѣ претило смѣшеніе политики съ религіей. Кулинисты обозвали меня полякующимъ. Я занималъ мѣсто второго бібліотекаря устранившейся тогда виленской публичной бібліотеки, и скоро почувствовалъ шатаніе подъ собою почвы. Корниловъ былъ добрякъ, не очень бойкій и, главное, лишенъ былъ самостоятельности. Ратчъ мнѣ покровительствовалъ, но дружески совѣтовалъ не раздражать кулинистовъ.

— Это народъ дикій, — говорилъ онъ: — не всегда трезвыи. Они васъ непременно изъ Вильны выживутъ.

Такъ именно и случилось.

«истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. сxliv.

Кулнть, сколько помню, былъ сладкорѣчивъ; обладалъ необыкновенно гибкимъ становымъ хребтомъ. Онъ никогда не доходилъ до рѣзкостей, но и никогда не забывалъ тѣхъ, кто дерзалъ ему поперечить. Съ нимъ въ тѣсной дружбѣ пребывалъ завѣдывавшій археологическимъ отдѣломъ, недоучившійся студентъ Г—ъ. Это тоже былъ, или, по крайней мѣрѣ, считалъ себя литераторомъ. Насколько глубоки были его познанія въ археологiи, рѣшать не берусь. Но въ водкѣ онъ зналъ толкъ. Работалъ мало. Придя въ свой отдѣлъ обычно выпивши, онъ клалъ голову на столъ и мирно засыпалъ.

Впрочемъ, при устройствѣ виленской библіотеки мы все работали, не надрываясь, не торопясь, за исключеніемъ завѣдывавшаго библіотекою Владимірова. Этотъ усердно работалъ. Женатый на англичанкѣ, онъ корчилъ англичанина, одѣвался полосатымъ, говорилъ въ носъ и отрывисто. Пьянствовавшего Г—да онъ терпѣть не могъ. Придетъ, бывало, заглянетъ въ археологическій залъ и плюнетъ по адресу Г—да.

— Видишь ли? Нѣмецъ опять нарѣзался.

— Ну, нарѣзался, какъ всегда,—отвѣчаю я, всецѣло занятый подборомъ эльзевировъ и альдовъ—дорогихъ первопечатныхъ книгъ.

— Свиныя! Вотъ уже застанетъ его попечитель.

Но попечитель, Иванъ Петровичъ Корниловъ, былъ добрякъ. Г—да онъ не разъ заставлялъ спящимъ и обыкновенно махалъ только рукою и говорилъ:

— Пусть его спитъ. Выпилъ—не бѣда. Не будите его. Онъ дѣло свое знаетъ.

VI.

Послѣднимъ виленскимъ литераторомъ, о которомъ я буду здѣсь говорить, былъ Адамъ Карловичъ Киркоръ. Писалъ онъ по-русски и по-польски; ему принадлежитъ «Описаніе Вильны». Онъ редактировалъ сперва польскій «Виленскій Курьеръ», а потомъ уже при Муравьевѣ русскій «Виленскій Вѣстникъ», но, что важнѣе, былъ основателемъ нынѣ широко извѣстной газеты «Новое Время». Если вы матераго медвѣдя поставите на заднія ноги, получится фигура, напоминающая Киркора. Съ нимъ былъ друженъ извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), посвятившій ему нѣсколько насмѣшливыхъ стихотвореній, въ которыхъ обзывалъ своего пріятеля пузыремъ, надутымъ вѣтромъ. Киркоръ развелъ его съ женою и женился на его женѣ. Когда я пріѣхалъ въ Вильну, онъ уже успѣлъ развестись съ женою Сырокомли и въ третій разъ женился на милой и умной Маріи Ивановнѣ Бочковской.

Впослѣдствіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ она была дружна съ Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ, иногда ради ея заглядывавшимъ къ Киркору. Имени своего въ тогдашнее «Новое Время» Костомаровъ не далъ, но деньги, кажется, давалъ. У Киркора имѣлся обширный кабинетъ, обставленный полдюжиной шкаповъ съ выдвижными ящиками. Надъ каждымъ была прибита бронзовая буква. Онъ собирался издавать энциклопедическій словарь. Нѣчто въ родѣ попытки, какъ легендарный Атласъ, поднять цѣлое небо на свои плечи. Киркоръ былъ предприимчивый человѣкъ, имѣлъ собственную типографію и небольшія деньги. Въ ту пору получить разрѣшеніе на изданіе большой газеты было дѣло нелегкое. Но, благодаря тому, что главноуправляющимъ по дѣламъ печати былъ Похвистневъ, бывший прежде губернаторомъ въ Вильнѣ, Киркоръ получилъ разрѣшеніе. Я бывалъ у него довольно часто, писалъ кое-что для его словаря, но главнымъ образомъ влекли меня его свояченицы—хорошенькія дѣвушки Зося и Аделя. Получивъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ большой газеты, онъ сейчасъ же принялся убѣждать меня бросить Вильну. Сестры моей тогда уже въ Вильнѣ не было, кулинисты допекали меня, а съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ графа Баранова прекратились субсидіи Ратчу на изданіе его книгъ. Моя пенсія тоже прекратилась.

— Что вамъ торчатъ въ этой дырѣ?—говорилъ мнѣ Киркоръ:—въ Петербургѣ, въ редакціи большой газеты, вы составите себѣ имя.

И я, не долго думая, рѣшился: отъ мѣста второго бібліотенаря отказался. Владимировъ не одобрилъ моего легкомысленнаго рѣшенія и сказалъ:

— Напрасно вы такъ поспѣшили. Я скоро уйду. Меня назначаютъ посредникомъ. Мѣсто спокойнѣе и выгоднѣе. Вы могли бы занять мое мѣсто.

— Кулинисты!—возразилъ я:—развѣ они допустятъ?

— Плюньте вы на нихъ. Я уже говорилъ о васъ попечителю. Кому и быть завѣдывающимъ, если не вамъ. Вы трезвый человѣкъ, а кулинисты горькіе пьяницы.

Хорошо бы я сдѣлалъ, если бы тогда послушалъ Владимирова, но я не послушался. Жить въ столицѣ, быть редакторомъ большой газеты меня очень привлекало. Уговоры Киркора пали на благодарную почву. Отказавшись отъ занятій въ бібліотекѣ, я буквально промѣнялъ воробья въ рукахъ на журавля въ облакахъ. Сколько я вынесъ въ первые годы въ невской столицѣ—вспомнать страшно. Довольно того, что приходилось сидѣть по нѣскольکو дней безъ обѣда и самому домашними средствами подшивать подметки подъ ботинки.

Киркоръ былъ человѣкъ малодаровитый и совѣстливостью, твердостью убѣжденій не отличался и врядъ ли онъ даже принадле-

жалъ къ польской національности. Вѣриѣ всего, онъ былъ татаринъ—потомокъ еще Витовтомъ поселенныхъ въ Литвѣ плѣнныхъ татаръ. Но Муравьеву онъ чѣмъ-то услужилъ и при немъ продолжалъ служить и редактировать реформированный «Виленскій Вѣстникъ». Кауфманъ его на первыхъ порахъ устранилъ. Думаю, на сей разъ Кауфманъ поступилъ правильно.

Задумывая издавать большую газету, Киркоръ первоначально думалъ назвать ее «Переходъ».

— Отъ чего и къ чему?—задалъ я ему вопросъ.

— Отъ революціоннаго террора къ спокойствію и правильной гражданской жизни.

— До этого еще очень далеко. И газета ваша будетъ ни то, ни се, будетъ переходная.

Вскинувъ очки на лобъ, Киркоръ спросилъ:

— Какъ же бы вы ее посовѣтовали назвать?

— Назовите ее «Новое Время».

Марья Ивасовна Киркоръ, присутствовавшая при нашемъ разговорѣ, сейчасъ же одобрила мою мысль и заявила:

— Теперь наступаетъ новое время, и газета «Новое Время» подойдетъ. Нельзя и выдумать удачнѣе названіе.

Киркоръ написалъ о переимѣнѣ названія своему соиздателю Юматову, тотъ согласился. Такимъ образомъ и народилось «Новое Время».

Въ ожиданіи петербургской дѣятельности я и послѣ отъѣзда Киркора продолжалъ нѣкоторое время заниматься въ библіотекѣ Кауфмана уже не было въ Вильнѣ, и генераль-губернаторствовалъ графъ Барановъ. При немъ Вильну, впервые послѣ мятежа, посѣтилъ покойный государь Александръ II. Въ библіотекѣ, разумѣется, готовились къ высочайшему посѣщенію. Весь нашъ штатъ, съ попечителемъ во главѣ, ежедневно собирался къ одиннадцати утра и ждалъ. Графъ Барановъ предупредилъ, что государь зайдетъ въ библіотеку и осмотритъ музей. Такъ прошло два дня. На третій день узнали, что государь уѣхалъ съ Барановымъ на дачу въ Закреть, гдѣ будетъ обѣдать, а на утро уѣдетъ въ Варшаву.

— Значитъ, библіотеку не посѣтитъ,—рѣшилъ попечитель.

Корниловъ и всѣ, дождавшись четырехъ часовъ, разошлись. Остался одинъ я, въ тотъ день дежурный. Какъ теперь помню, гляжу отъ скуки въ окно и вижу—на дворцовую площадь въѣхала коляска и прямо направилась къ нашему подъѣзду. Въ коляскѣ рядомъ сидѣли въ одинаковаго цвѣта свѣтло-сѣрыхъ шинеляхъ государь и Барановъ. Къ счастью, на мнѣ былъ фракъ и бѣлый галстукъ; я успѣлъ встрѣтить на крыльцѣ високаго посѣтителя. Барановъ назвалъ меня библіотекаремъ и мнѣ пришлось объяснять наши библіотечные порядки и показывать любопытныя и рѣдкія

изданія. Пока дѣло касалось книжнаго отдѣла разныхъ старопечатныхъ книгъ, альбовъ, эльзевировъ и великолѣннаго собранія сеймовыхъ актовъ (высоко оцѣненныхъ П. И. Костомаровымъ), все шло прекрасно. Но съ переходомъ въ археологическій залъ пришлось говорить наугадъ. Въ музеѣ, помѣщавшемся во второмъ этажѣ, стало еще труднѣе. Къ счастью, государь, очевидно, торопившійся,—начинало уже темнѣть,—прошелъ только по заламъ музея и сдѣлалъ два-три поверхностныхъ вопроса. Выходя на лѣстницу, Александръ II сказалъ по моему адресу: «спасибо». Внизу въ приемной библиотеки ждали его величество слѣшно вытребованные попечитель Корниловъ и весь нашъ библиотечный штатъ. Послѣдовало снова царское спасибо, а надѣвъ уже шинель, государь въ третій разъ по моему адресу сказалъ третье спасибо.

Меня поздравилъ попечитель за то, что я не растерялся, а Владимировъ, взявъ подъ руку и отведя къ амбразурѣ окна, спросилъ:

— Что же вы? И послѣ этой царской милости думаете бросить библиотечку и ѣхать за Киркоромъ искать невѣдомыхъ петербургскихъ благъ? Подумайте!

— И думать нечего,—отвѣтилъ я:—ѣду въ Петербургъ.

Пожавъ плечами, Владимировъ больше не продолжалъ разговора.

Бѣдствуя въ Петербургѣ, я нѣсколько разъ вспоминалъ совѣтъ Владимирова и жалѣлъ, что промѣнялъ воробья, который былъ уже у меня въ Вильнѣ въ рукахъ, на литературнаго петербургскаго лебедя въ облакахъ.

Кто самъ не былъ писателемъ, не предавалъ тишенію выраженныхъ на бумагѣ своихъ мыслей и грезъ, тотъ не пойметъ того зуда, той страсти, съ какими люди, тронутые писательскою болѣзнію, бросаются въ литературный омутъ!

— Прощай, Вильна,—сказалъ я съ легкимъ сердцемъ, садясь 7-го октября 1868 года въ вагонъ желѣзной дороги.

Въ чемоданѣ моемъ, когда я ѣхалъ въ Петербургъ, лежала рукопись перваго моего романа «Послѣдніе язычники». На него я смотрѣлъ, какъ на залогъ не только моей извѣстности, но и матеріальнаго обезпеченія.

Увы! Мечты вообще, и литературныя въ особенности, я не скажу: гдѣ ваша сладость, а спрошу: сбываются ли онѣ когда-либо?!

VII.

Мое петербургское литературное поприще—тернистый путь, который, однакоже, мнѣ до сихъ поръ дорогъ и милъ. Небольшія замѣтки объ этой эпохѣ моей жизни я уже помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Дополню ихъ тѣмъ, что еще сохранилось

въ моей памяти и въ моихъ нотаткахъ. Крушеніе киркоровскаго «Новаго Времени», благодаря бездарности и сидѣнію мало почтеннаго редактора на двухъ стульяхъ, и мое отсиживаніе въ долговомъ отдѣленіи (Тарасовкѣ) за участіе въ этомъ дѣлѣ, мною уже разсказано въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Дополнять тутъ нечего. Перехожу къ моему пребыванію въ редакціи «Петербургскаго Листка», когда этою газетою еще управлялъ Стопановскій—заправскій литераторъ, хорошаго сердца человѣкъ, но неисправимый лѣнтяй и къ редактированію бульварнаго «Листка» вовсе не пригодный. Онъ очень хлопоталъ о литературности статей, о томъ, чтобы проходили намеки на тѣ надежды и уловія, которыми были переполнены тогдашнія книги большихъ журналовъ, забывая, что девяносто девять процентовъ читателей «Листка»—посѣтители пивныхъ и трактировъ третьяго сорта, приказчики, мастера и мелкіе торговцы. Можетъ быть, теперь этотъ людъ и смотритъ дальше своего «сегодня», но въ тѣ поры было иначе. Въ «Листкѣ» искали «интереснаго», искали внѣшняго отраженія жизни громадной столицы. Надо было быть даже до извѣстной степени гаеромъ, чтобы «Листокъ» охотно читался. Стопановскій ничего этого не понималъ. Газета шла плохо. Издательница, Гельфрейхъ, давала деньги на покрытіе хроническихъ дефицитовъ. Тогда, благодаря концессионной системѣ, издатели были народъ привилегированный, по выраженію А. Майкова, были «какъ городъ, на горѣ стоящій». Гельфрейхъ, женщинѣ вовсе не литературной, было лестно считаться издательницею, но вовсе не улыбалось вмѣсто прибылей получать неоплаченные счета. Какъ-то даже мнѣ, новому и начинающему литератору, она выразила свои жалобы и неудовольствія на Стопановскаго.

Поступивъ въ число сотрудниковъ «Листка», я засталъ въ числѣ товарищей довольно извѣстнаго впослѣдствіи литератора Александра Соколова, печатавшаго въ фельетонахъ свой первый романъ «Театральныя болота»; романъ нравился публикѣ, розничная продажа поднималась, но Стопановскій находилъ романъ плохимъ. Настоящихъ литературныхъ достоинствъ, дѣйствительно, было въ немъ немного. Смѣшно и несправедливо было бы, однако, мѣрить фельетонный романъ въ небольшой газеткѣ аршиномъ критики, удобнымъ для крупныхъ произведеній въ родѣ «Тысячи душъ» Писемскаго или «Рудина» Тургенева. У Соколова съ редакторомъ по случаю купюръ въ романѣ случались горячія схватки. «Это пошло! Это просто анекдотъ!» говорилъ Стопановскій и вычеркивалъ цѣлыя главы. Соколовъ возненавидѣлъ его за это и не замедлилъ отомстить, ловко вырвавъ у него газету. Высокій, плечистый, съ большой рыжей бородой, съ большимъ если не краснорѣчіемъ, то умѣніемъ говорить, Александръ Алексѣевичъ Соколовъ близко познакомился съ Гельфрейхъ и предложилъ ей от-

дать ему въ аренду газету за очень небольшую плату, которая все же была ей выгоднѣе приплатъ, постоянно требуемыхъ Стопановскимъ. При посредствѣ конторщика К., пользовавшагося довѣріемъ Гельфрейхъ, въ одинъ день былъ написанъ и засвидѣтельствованъ у нотаріуса арендный договоръ на восемь лѣтъ, отдаваеишій Соколову изданіе, и Соколовъ явился въ редакцію уже полнымъ властелиномъ. Стопановскаго еще не было. Новый издатель объявилъ:

— Господа! Кому нуженъ авансъ—берите. Я разрѣшаю выдачу.

Мы переглянулись, не понимая, что это значить. Но, помнится, Лейкинъ и я поспѣшили къ кассиру и получили. Въ эту минуту вошелъ ничего не знавшій о контрактѣ Стопановскій и сердито спросилъ у кассира:

— Кто разрѣшилъ выдавать деньги?

— Александръ Алексѣевичъ Соколовъ. У него, говоритъ, есть контрактъ съ г-жою Гельфрейхъ.

Стопановскій въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Соколова, который уже сидѣлъ на его редакторскомъ мѣстѣ.

— Да, контрактъ налицо. Я взялъ газету въ аренду, и она теперь моя.

— А я? Какъ же я?—уже совсѣмъ инымъ тономъ спросилъ сконфуженный Стопановскій.

— Оставайтесь сотрудникомъ. А, впрочемъ, какъ знаете.

Стопановскій молча ушелъ. Мнѣ искренно жаль было этого человѣка, тѣмъ болѣе, что, редакторствуя, онъ ничего не отложилъ. Стопановскій вошелъ въ редакцію «Листка» бѣднякомъ и бѣднякомъ ушелъ изъ нея.

Скажу кстати слова два здѣсь объ умершемъ не такъ давно Соколовѣ.

Сынъ театральнаго парикмахера, почти безъ всякаго образованія, такъ какъ окончилъ только театральное училище, онъ служилъ помощникомъ режиссера. До своего редакторства терпѣлъ нужду. Когда «Листокъ» подъ его умѣлымъ управленіемъ сталъ давать большіе доходы—тысячъ двѣнадцать и даже пятнадцать тысячъ въ годъ, онъ бросалъ деньги зря и ничего не припасъ про черный день. Способности у него были незаурядныя, были и воображеніе и бойкій слогъ. Кромѣ редакторской работы, довольно большой,—въ противоположность Стопановскому онъ все прочитывалъ, что доставлялось въ редакцію,—Соколовъ писалъ по двѣ и даже по три повѣсти въ годъ и еще могъ цѣлыя ночи посвящать кутежамъ. Обыкновенно онъ таскалъ меня съ собою. И гдѣ только мы съ нимъ не перебивали: по разнымъ театрамъ, ресторанамъ, у цыганъ, но за полночь всегда поспѣвали въ типографію, гдѣ читали внимательно корректуру. Я часто клевалъ носомъ и едва разбиралъ строки, но Соколовъ, обычно болѣе меня выпившій, былъ,

что называется, «ни въ одномъ глазу» и распоряжался съ рубриками и содержаніемъ газеты умѣло и внимательно. Время было строгое, пропустить что-либо, хотя бы въ хроникѣ, значило нарваться на непріятности съ цензурой. Покончивъ съ корректурой, мы снова еще куда-нибудь ѣхали. На другой день я спалъ за полдень и чувствовалъ себя разбитымъ, а Соколовъ къ десяти—одиннадцати часамъ утра уже сидѣлъ за работой въ редакціи. Исписанные листки романа, разсказа, замѣтокъ, рецензій и т. п. быстро плодилось подъ его перомъ. Поступившій матеріалъ въ редакцію онъ тутъ же прочитывалъ и все подходящее сдавалъ въ наборъ.

Посѣтителей (заурядныхъ) обыкновенно принималъ секретарь редакціи Петръ Суворовъ, интендантскій капитанъ, личность бездарная и очень самолюбивая. Тогда онъ былъ либераль и надѣдалъ Благосвѣтлову своими дубоватыми стихами на гражданскія темы. Потомъ, въ качествѣ завзятаго консерватора, сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Когда его выбросили изъ интендантской службы, кажется, по дѣлу о бумажныхъ подметкахъ, онъ снова сталъ либераломъ.

— Глуповатъ малый,—говорилъ про него Соколовъ:—но на немъ почти военный мундиръ. Пускай онъ объясняется съ публикою. Все же это внушительнѣе.

У Соколова на рукахъ и на иждивеніи, сколько мнѣ помнится, всегда было двѣ и даже три милыхъ дамы. Какъ только его хватало на все!

VIII.

Въ «Листкѣ» работало много народу, между ними было немало способныхъ, талантливыхъ людей. Работали: Лейкинъ—описывавшій купцовъ рельефно и съ живымъ, но безобиднымъ юморомъ, Жулевъ—поэтъ-юмористъ, Максимовъ Ганничка—родной братъ знаменитаго артиста; Кушевскій—автора романа «Благополучный россиянинъ», напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова; Парвовъ, служившій въ сыскномъ отдѣленіи и напечатавшій повѣсть въ «Вѣстникѣ Европы», Скроботовъ, Сергѣй Худековъ, я,—оба мы перешли въ «Листокъ» изъ погибшаго киркоровскаго «Новаго Времени». Много еще толкалось народу въ редакціи, пишущаго и не пишущаго вовсе. Въ редакціи «Листка» я познакомился съ высокодаровитыми представителями царившей въ тѣ дни на сценѣ оперетки: Лядовой, Монаховымъ, Сазоновымъ и другими. Частенько заходилъ въ редакцію Бурдинъ—драматическая оглобля, какъ его обозвалъ, кажется, Аполлонъ Григорьевъ. Лядова была симпатичная простая русская натура; другъ ея Монаховъ вѣчно молчалъ и пилъ...

— Монаховъ пьеть, какъ лошадь, а не какъ человѣкъ,—говорилъ про него Соколовъ.

Всѣ эти люди были люди, признававшіе въ жизни одно «сегодня», впрочемъ, за исключеніемъ Лейкина, и въ тѣ поры уже начинавшаго прикапывать рубли. Вотъ характерный случай. Толстый, съ брюшкомъ, сильно испивавшій Куцевскій былъ очень бѣденъ, до того бѣденъ, что на зиму обычно удалялся въ больницу на даровые хлѣба и квартиру. При немъ состояла въ качествѣ не то подруги жизни, не то просто кухарки невзрачная баба лѣтъ сорока. Профессіональное ея занятіе было мытье бѣлья. И жили эти странные Филемонъ и Бавкида далеко не мирно.

Въ періодъ запоя несчастный Куцевскій все пропивалъ, что попадало ему въ руки, и буйствовалъ. Зимой въ Обуховской больницѣ, избавившись отъ delirium tremens, онъ написалъ свой романъ, очень понравившійся Щедрину-Салтыкову. Куцевскому выплатили порядочную сумму. Онъ, радостный, явился къ намъ въ редакцію, показывалъ сторублевки и заявилъ:

— Всѣхъ, господа, зову на мою свадьбу. Пошируемъ!

Куцевскій рѣшилъ сочетаться бракомъ со своей кухаркой-хозяйщицей. Затѣмъ пошла прежняя жизнь: пьянство, пропаданіе изъ квартиры на нѣсколько дней и безобразное швыряніе денегъ.

— А ты бы, братецъ, маленько поостепенился,—пробовалъ его усовѣщевать практическій Лейкинъ:—скопилъ бы что-нибудь.

— На кой мнѣ это прахъ?—грубо и запальчиво возражалъ Куцевскій.

— Какъ на какой прахъ? Проживешь деньги, полученныя за свой романъ, и опять будешь нуждаться.

— И не подумаю. Напишу второй романъ и еще больше денегъ добуду.

Но второй романъ ему не удался. Онъ, рассказывали, отнесъ свою рукопись къ Салтыкову, извиняясь, что не успѣлъ переписать набѣло. Тотъ покачалъ головой, что-то проворчалъ и велѣлъ за отвѣтомъ прійти дней черезъ десять.

— Ну, и что же?—спрашиваемъ мы.—Былъ ты у Салтыкова?

— Ну, былъ!

— Расхвалилъ тебя? Напечатаетъ твой романъ?

— Не напечатаетъ. Обругалъ, сказалъ, вы романъ не написали, а набоборыкали.

Всѣ мы въ редакціи разсмѣялись. Куцевскій сидѣлъ унылый и, вздыхая, обратился къ Соколову:

— Вели, Александръ Алексѣевичъ, кассиру выдать мнѣ авансомъ рублей двадцать.

— Нѣтъ, не велю.

— А почему такъ?! Думаешь, не заработаю?

— Куда тебѣ. Наборыкаешь, а не напишешь. Развѣ ты те перь пишешь—бобыркаешь. Я твой разсказъ намени изъ номера выбросилъ. Понимаешь: плохъ!

— Саша!—встревожился несчастный.—Что же ты это! На тебя вся надежда. Знаешь: два дня ничего въ домѣ не готовили.

— А все-таки аванса не дамъ. Потому—пропадутъ деньги Запешь. Вотъ, если желаешь, получи рубль.

И Соколовъ бросилъ ему рублевку.

Минуту Куцевскій колебался, поднимать ли рублевку съ полу,— и поднѣлъ. Ни слова не говоря, онъ сейчасъ же ушелъ. Тяжелая, скверная сцена это была. Вскорѣ онъ умеръ. Миръ его праху. Не бездарный былъ человѣкъ и добрякъ. Водка стубила...

Въ «Листкѣ» работалъ одно время хромоногий Р. Впослѣдствіи онъ отлично устроился, но тогда нуждался. Въ пассажѣ торговалъ, кажется, бирюзой и еще какой-то дрянью нѣкій восточный человѣкъ, не то татаринъ, не то армянинъ. Р—ъ познакомился съ нимъ, назвался редакторомъ «Листка» и общалъ, конечно, не даромъ, рекламировать его товаръ. Реклама Р—ъ была написана и сдана въ типографію. Соколовъ выбросилъ замѣтку и самъ написалъ, что товаръ восточнаго человѣка—дрянь, заваль. Разъяренный торговецъ прибѣжалъ въ редакцію.

— И гдѣ, покажите сейчасъ, вашъ редакторъ?—кричалъ онъ.

— Я редакторъ,—удивился Соколовъ.—Чего вы кричите?

— Деньги биралъ, кислый рекламъ печаталъ... Зачѣмъ? Да ты и не редакторъ. Тотъ, что деньги биралъ и кислый рекламъ печаталъ, черный. Ходи одначе ты ко мнѣ.

— Зачѣмъ я буду ходить?—еще болѣе недоумѣвалъ Соколовъ.

— Прямо будешь ходить—не ты деньги биралъ. Станешь хромать—сейчасъ тебя бить учну за кислый рекламъ. Отдавай деньги назадъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Р—ъ и заковылялъ къ дивану Армянинъ превратился въ тигра и ухватилъ Р—а за плечо.

— Вотъ кто кислый рекламъ печаталъ и деньги биралъ,—кричалъ онъ.

Насилу выпроводили его изъ редакціи и выплатили ему изъ кассы взятыя у него деньги.

— И не стыдно вамъ?—обратился Соколовъ къ Р—у.

— Нимало не стыдно. Вотъ я въ Парижѣ жилъ. Тамъ за всѣ рекламы платятъ. Огромный источникъ дохода. Вольно же вамъ пренебрегать этимъ.

Впослѣдствіи я убѣдился, что циническій афоризмъ Р—а упалъ на благодарную почву. Но въ тѣ поры, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ явно, открыто, не допускалось.

IX.

Жулевъ былъ актеръ, впрочемъ, посредственный, но очень остроумный писатель. Покойный В. Курочкинъ дорожилъ имъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ и пріятный собесѣдникъ, съ оговоркою, однако: только въ трезвомъ видѣ. Напившись, онъ дѣлался назойливъ, дерзокъ и вообще нестерпимъ. Кутежи его почти всегда кончались бѣлой горячкой. И какихъ только чудесъ онъ тогда не выдѣлывалъ. Какъ и всѣхъ бѣлогорячечныхъ, его одолевали галлюцинаціи: видѣнія чертей. У него былъ любимецъ—большой сѣрый котъ; съ нимъ онъ спалъ; съ нимъ онъ, кажется, и ѣлъ съ одной тарелки.

Въ одинъ изъ припадковъ бѣлой горячки Жулевъ затѣялъ обычную войну съ чертями, и вдругъ ему вообразилось, что отъ его преслѣдованій черти прячутся въ сѣрый васькинъ хвостъ. Поймавъ несчастнаго кота, онъ кухоннымъ ножомъ отрубилъ коту хвостъ при самомъ основаніи. Котъ издохъ. Жулевъ очень жалѣлъ кота.

— Почему, однако, всѣмъ пьяницамъ непременно грезятся черти?—философствовалъ онъ.—Есть же тутъ какая-либо связь? Почему пропойца всюду видятъ чертей, а не рыбъ, не птицъ или что-либо тому подобное?

Напрасно ему объясняли, что это галлюцинаціи, а чертей никакихъ нѣтъ.

— Толкуйте!—говорилъ онъ.—Чертенятъ я самъ видѣлъ, даже ловилъ... Черненькіе, маленькіе, съ рожками и хвостиками. Поймаешь, нажмешь пальцами, и лопнетъ.

И это пресерьезно утверждалъ человѣкъ не глупый, талантливый. Помню одно характерное четверостишіе Жулева:

Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли!
Ужъ мы пили, пили, пили,
Такъ что еле, еле, еле
По домамъ насъ растащили..

И это было высказано совершенно вѣрно. На разныхъ пирушкахъ, чаще всего на именинахъ и дняхъ рожденія Соколова, его гостей буквально растаскивали по домамъ. Такое тогда было время.

Продолжаю мои характеристики. Федоръ Федоровичъ Парвовъ, врагъ монаховъ и поповъ, какъ онъ себя аттестовалъ, былъ угрюмый, необщительный человѣкъ и терпѣть не могъ, когда ему напоминали объ его alma mater—сыскномъ отдѣленіи. Приземистый, плечистый, всегда скверно одѣтый, Парвовъ, приходя въ редакцію, прежде всего требовалъ водки. Таковая всегда имѣлась въ запасѣ. До выпивки онъ никакихъ сообщеній и замѣтокъ не давалъ. Выпи-

валъ онъ обычно изъ чайной чашки, никогда и ничѣмъ не закусывалъ, хотя закуска всегда была налицо.

Говоришь ему, бывало:

— Что же ты, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?! Закусилъ бы.

— Я всегда языкомъ, однимъ языкомъ закусываю.

— Да нѣтъ тутъ языка.

— И не надо. Я своимъ собственнымъ языкомъ, что у меня во рту, закусываю.

Какъ-то онъ долго не приходилъ и явился чисто одѣтый и даже въ чистой рубашкѣ.

— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ его Соколовъ.—Мазуриковъ выслѣживалъ?

— Нѣтъ. У Стасюлевича въ редакціи «Вѣстника Европы» побывалъ.

— Ну! врешь. Тебѣ-то ужъ тамъ не мѣсто.

— А вотъ же былъ. Повѣсть отдалъ. Напечатають. Стасюлевичъ самъ просилъ писать еще.

Повѣсть его дѣйствительно была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», но только одна. На этомъ его сотрудничество въ большой прессѣ и прекратилось. Въ «Листокъ», благодаря своей профессіи, онъ много давалъ интересныхъ сообщеній. Писалъ онъ тяжело, широкофѣщательно, какъ и подобаетъ заправскому семинаристу.

Скажу нѣсколько словъ о Дмитріи Дмитріевичѣ Минаевѣ, тоже частенько заглядывавшемъ въ «Листокъ». Вѣчно нуждавшійся, несмотря на свое блестящее дарованіе, Минаевъ разсыпалъ свои поэмы, стихи на случай, всякіе экспромты, эпиграммы безъ расчета, гдѣ попало, и о величинѣ гонорара, казалось, мало заботился. Платили ему полтинникъ, даже рубль за строку—бралъ. Предлагали по двугривенному, на примѣръ, въ «Листкѣ», Дмитрій Дмитріевичъ молча бралъ. Когда я впоследствии издавалъ журналъ «Дешевую Библиотеку», онъ, освѣдомившись, нѣтъ ли въ числѣ сотрудниковъ пошлецовъ (консерваторовъ), далъ и мнѣ для февральской книги цѣлую поэму «Углы». Я могъ предложить ему только гривенникъ за строку. Никакого протеста, даже кислой мины это у него не вызвало. Но если дѣло касалось убѣжденія или того, что онъ обзывалъ «подлостью», овечка-Минаевъ превращался въ волка.

Язвительны, злы были эпиграммы и словечки Дмитрія Дмитріевича Минаева, но самъ онъ былъ не злой человѣкъ. Семейная жизнь его была самая неприглядная. И пилъ онъ, главнымъ образомъ, отъ разныхъ горечей своей семейной жизни.

— Зачѣмъ ты, Митя, пьянствуешь?—спросилъ я его какъ-то.

— Потому, что я женатъ.

— Что за вздоръ городишь?.

— А ты прежде женись, да попади на такую женщину, которая..., а затѣмъ и уразумѣешь.

Минаевъ не былъ постояннымъ сотрудникомъ «Листка». При безденежьи отъ давалъ стихи Соколову, получалъ деньги и исчезалъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Отвѣтственнымъ редакторомъ въ журналѣ «Дѣло» былъ Николай Ивановичъ Шульгинъ—майоръ и добрыйшій человекъ. Онъ тоже заглядывалъ въ редакцію «Листка». Онъ и Шеллеръ-Михайловъ являлись тогда столпами благосвѣтловской редакціи. Послѣ на первый планъ выступилъ Шелгуновъ. Этого я почти не зналъ лично. Но Берви (Флеровскій), Федоровъ-Омулевскій, Старостинъ, нынѣ окончательно забытый, были мнѣ хорошо знакомы: Берви—энтузіастъ, утопистъ, проповѣдывалъ скороснѣлую революцію и даже дюжину грядущихъ Пугачевыхъ. Таланта въ немъ было немного, но искренности, порывовъ, упованій—хоть отбавляй.

Федоровъ-Омулевскій написалъ одинъ хорошій романъ, въ которомъ, однако, помѣстилъ интеллигентную польку, изъ принципа, что всѣ люди равны, живущую съ мужикомъ. Онъ договорился до лошадиной революціи. Лошадь покорена человекомъ, но настанетъ время, когда лошади сбросятъ его.

Дальше, какъ лошадиная революція, кажется, идти было уже некуда.

Я упомянулъ о Шеллеръ-Михайловѣ. Съ нимъ я былъ близокъ на зарѣ и его, и моей литературной карьеры. Онъ кончилъ, а я нынѣ кончаю далеко не такъ, какъ бы слѣдовало кончить. Шеллеръ одно время считался въ первомъ ряду, чуть не гениемъ; это послѣ напечатанія его романа «Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ». А тогда не такъ легко было выдвинуться впередъ романомъ. Жили и писали Тургеневъ, Писемскій и расцвѣталъ Л. Н. Толстой. Послѣ «Шупова» талантъ Шеллера пошелъ на ущербъ. Странная манера у него была творчества. Жилъ онъ съ отцомъ и матерью въ казенномъ зданіи для дворцовыхъ служителей, что у Прачечнаго моста, занималъ одну большую комнату. Его отецъ былъ придворный служитель, что нимало не скрывалось Шеллеромъ. Онъ зашелъ, кажется, въ іюль 1869 года ко мнѣ и говоритъ:

— Поѣдемъ сегодня въ Петергофъ.

— Почему именно въ Петергофъ и сегодня?

— Отецъ мой будетъ служить за царскимъ столомъ. Я тебѣ его покажу.

Мы поѣхали. Высочайшій обѣдъ былъ въ большомъ петергофскомъ дворцѣ. Окна были открыты. И я видѣлъ стараго Шеллера стоящимъ съ тарелкою за стуломъ Александра II.

Шеллеръ работаль, если такъ можно выразиться, черезчуръ систематично. Начиная писать романъ, Александръ Константиновичъ бралъ нѣсколько листовъ бумаги и озаглавливалъ: вступленіе, завязка... Пустыя мѣста оставлялись для будущихъ замѣтокъ. Затѣмъ шелъ рядъ листовъ съ означеніемъ главъ и краткими замѣтками ихъ содержанія.

Ни капли свободнаго творчества. Завѣтъ Пушкина, что даль свободнаго романа чрезъ магическій кристалль онъ не ясно различаль, положительно отрицался Шеллеромъ. Его романы до написанія были уже обдуманы до мелкихъ подробностей. Едва ли это, однако, правильный приемъ.

Незадолго до его смерти я, вернувшись изъ моихъ провинціальныхъ скитаній, зашелъ къ нему. Онъ жилъ въ домѣ Добродѣева и редактировалъ его изданія.

— Боленъ онъ. Не принимаетъ никого,—сказала мнѣ среднихъ лѣтъ дама, сама отворившая дверь.—Кто вы?

Я сказалъ. Изъ маленькаго кабинетика возлѣ передней Шеллеръ крикнулъ:

— Тебѣ приму. Входи скорѣе.

Не прежній Шеллеръ, а развалина поднялась съ дивана при моемъ входѣ. Просидѣлъ я у него часа два, и все время онъ бранился: о всѣхъ отзывался съ желчью, ничего хорошаго не видѣлъ. Новые люди литературы его забыли. Онъ не шелъ къ нимъ навстрѣчу, они не хотѣли его знать. Атмосфера «Сына Отечества» и «Иллюстраціи» господина Добродѣева его тяготила. Силь уже не было; не было и успѣха руководимыхъ имъ изданій. Бѣдный Шеллеръ!

Х.

Я ушелъ въ 1871 году изъ «Петербургскаго Листка». Атмосфера оказывалась очень ужъ затхлою. Новые сотрудники газеты были другого подбора. Издавалъ я въ 1871 году «Дешевую Библіотеку», въ которую для первыхъ книжекъ дали свои статьи, какъ я уже упомянулъ: Минаевъ, Шеллеръ, Глѣбъ Успенскій, Левитовъ. Но журналъ не пошелъ. Не умѣлъ я рекламировать, и средствъ не хватило. На свою пагубу приобрѣлъ я отъ покойнаго Мануила Хана журналъ, выходившій безъ предварительной цензуры, «Всемирный Трудъ» и... провалился самымъ неожиданнымъ образомъ.

Въ объявленіи о переходѣ журнала подъ мою редакцію проскользнуло слово «радикальное»—не то направленіе, не то измѣненіе программы. Михайлъ Лонгиновъ, тогдашній главноуправляющій по дѣламъ печати, вызвалъ меня. Кто изъ насъ, литераторовъ, не помнитъ знаменитой приемной главнаго управленія, двери начальника со стоящимъ на стражѣ унтеромъ и группы сидящихъ въ ожиданіи приема: чающіе движенія воды въ этой овчей купели. Усѣв-

шнсь въ креслѣ у окна, я ждалъ. И, признаюсь, ждалъ далеко не спокойно. Двоихъ чающихъ пригласили въ кабинетъ. Я продолжалъ сидѣть и ждать. Вдругъ дверь отворилась, и не вышелъ, а буквально выскочилъ толстый господинъ, плечистый, черноволосый, въ золотыхъ очкахъ. Это былъ Михайла Лонгиновъ.

— Издатель «Всемирнаго Труда!»—закричалъ онъ.

Я подошелъ.

— Радикаль!! вы, сударь, радикаль!—раздался еще болѣе грозный окрикъ.—Я вамъ покажу радикализмъ.

Глаза у него горѣли, онъ просто рычалъ, не давалъ говорить. Приходилось отмалчиваться.

Лонгиновъ продолжалъ неистовствовать:

— У васъ два предостереженія на журналъ.

— За время редакціи Хана,—ввернулъ я слово.

— Знаю. Я дамъ вамъ третье предостереженіе и на шесть мѣсяцевъ приостановлю изданіе.

Слѣдовало покориться. Но какой-то бѣсъ подтолкнулъ меня противорѣчить.

— Въ книгѣ, которую я выпущу за мартъ,—началъ я:—не будетъ ничего предосудительнаго. Рассчитываю, что ваше пресвосходительство предостереженія, мнѣ не дадите.

— Дамъ. Сто разъ вамъ повторять: непременно дамъ.

Озлотившись, я выкинулъ такую штуку. У меня была переводная повѣсть съ нѣмецкаго «Полицейскій тиранъ» Фридриха Фридриха. Подлинникъ этой повѣсти я представилъ въ кабинетъ иностранной цензуры и безъ затрудненія получилъ разрѣшеніе на помѣщеніе перевода. Этого «Полицейскаго тирана» я поставилъ во главѣ книги за мартъ. И какъ разъ случилось то, на что я рассчитывалъ: мнѣ было дано третье предостереженіе съ указаніемъ на злосчастнаго «Полицейскаго тирана».

Къ Лонгинову съ объясненіемъ я не пошелъ, а явился въ пріемный день къ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву. Въ пріемной было человекъ десять. Бывшій могилевскій губернаторъ Беклемишевъ (причисленный къ министерству), знавшій меня хорошо, спросилъ:

— Вамъ что же надо? Министръ вами недоволенъ.

— Все равно. Будьте добры, доложите.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ министръ и прямо подошелъ ко мнѣ со словами:

— Я васъ не прощу и предостереженія не отмѣню. Вы—радикаль.

— Ваше высокопревосходительство,—началъ я.—Вы введены въ заблужденіе, васъ подвели.

— Что такое?! Какъ вы смѣете это утверждать?

— Смѣю потому, что это правда.

Тутъ я подалъ ему разрѣшеніе иностранной цензуры на переводъ

и печатаніе повѣсти Фридриха Фридриха, а между тѣмъ именно за эту повѣсть мнѣ дано предостереженіе.

Министръ побагровѣлъ и началъ на меня кричать. Недолго думая, не ожидая конца гнѣвныхъ вскриковъ, я сдѣлалъ поклонъ и ушелъ.

Черезъ двѣ недѣли «Всемирный Трудъ» былъ запрещенъ навсегда. Кромѣ того, въ редакцію «Листка» было дано знать, чтобы тамъ никакихъ статей отъ меня не принимали.

Полное разореніе стряслось надо много.

XI.

Прошли годы тяжелыхъ скитаній, и я снова очутился въ Петербургѣ. Лонгинова уже не было. Вольнѣе дышалось. Какъ будто начиналась весна. Обманчивая, впрочемъ, весна. На то Петербургъ. Трудно было мнѣ снова куда-нибудь пристроиться. Соколовъ сдалъ «Листокъ» Владимирскому, остался редакторомъ, попрежнему моталъ во всю и поправлялъ ресурсы своимъ многописаніемъ. Помѣстить что-либо было мудрено.

Какъ-то, ужъ и самъ не знаю, удалось мнѣ попасть къ Пятковскому. Сперва въ его «Наблюдатель», а когда онъ началъ издавать ежедневную газету «Гласность», даже въ завѣдывающіе этой газетой. Газета, по недостатку средствъ, скоро прогорѣла, но «Наблюдатель» просуществовалъ до смерти Пятковского, до начала девятидесятыхъ годовъ. О Пятковскомъ въ литературной средѣ осталось не совсѣмъ хорошее, скорѣе, неопредѣленное мнѣніе. И совершенно несправедливо. Дѣла его были болѣе чѣмъ плохи; онъ торговался съ авторами, урѣзывалъ гонораръ, но что платить условился— всегда платилъ. Закладывалъ даже часы и кольца и должное выплачивалъ. Въ крайнемъ случаѣ не сказывался дома. Но какъ только гдѣ разживался деньгами, сейчасъ расплачивался. Евреевъ онъ ненавидѣлъ, а могъ бы получать и много получать отъ банковъ и богачей. Въ отношеніи подкупа Пятковскій былъ чистъ. Жилъ очень скромно, самъ писалъ много, самъ держалъ корректуру и вообще былъ работникъ. Таланта у него не было; вкусу, редакторской смѣтки тоже не было. Однажды передъ подпискою, когда я пришелъ въ редакцію, Пятковскій съ просвѣтленнымъ лицомъ сказалъ мнѣ:

— Ну, за подписку я теперь покоень. У, какую крупную рыбицу выудилъ!

— Что вы приобрѣли, какъ гвоздь для будущаго года?—спрашиваю.

— Романъ Михайлова-Шеллера. И заплатилъ же я за него. Деньги впередъ по пятидесяти рублей за листъ, листовъ двадцать.

Надо ли говорить, что романъ Шеллера оказался плохимъ, подписки не привлекъ и окончательно подорвалъ Пятковского.

Въ «Наблюдателѣ» я писалъ внутреннее обозрѣніе и политику. Самъ Пятковскій писалъ фельетонъ. Разборъ книгъ тоже лежалъ на мнѣ. За всѣ эти работы онъ платилъ мнѣ въ мѣсяць 75 рублей. Мало, очень мало, но... не разъ мнѣ случалось замѣчать, когда я приходилъ за деньгами, что шуба Пятковского отправлялась въ закладъ. Не хватало духу просить прибавки. Въ «Наблюдателѣ» я помѣстилъ нѣсколько моихъ романовъ. За послѣдній «Далекіе годы» Пятковскій заплатилъ мнѣ тѣмъ, что принялъ печать и бумагу для отдѣльнаго изданія «Далекихъ годовъ» на свой счетъ. Пришлось что-то не свыше одиннадцати рублей съ печатнаго листа.

Послѣ выхода книги, когда я по обычаю принесъ мое «Внутреннее обозрѣніе», Пятковскій взялъ меня подъ руку и увелъ въ кабинетъ.

— Хорошая книга,—сказалъ онъ, похлопывая рукой по моей книгѣ.—Знаете, что мнѣ сказалъ предсѣдатель цензурнаго комитета: у насъ, говорить, вчера обсуждали книгу Окрейца. Надо бы запретить, но рука не поднимается.

Мнѣ, разумѣется, было пріятно это слышать. Пятковскій помолчалъ немного и снова началъ:

— Вы посвятили книгу Суворину. Лично вы его знаете?

— Нѣтъ. Знаю только, какъ издателя лучшей у насъ газеты и какъ автора «Маленькихъ писемъ».

— Высокодаровитый человекъ. Но вамъ это посвященіе даромъ не пройдетъ отъ нашихъ лѣвыхъ братій. Васъ замолчатъ. Что бы вы ни написали, нигдѣ ни слова не будетъ сказано.

Я пожалъ плечами. Но оказалось, что не всѣ лѣвые были противъ меня. Покойный Скабичевскій посвятилъ два фельетона разбору моихъ «Далекихъ годовъ» и очень высоко ставилъ книгу. Суворинъ купилъ у меня все изданіе, но и тутъ вышелъ для меня скверный казусъ: управлявшій магазиномъ, теперь уже покойный, Колесовъ, обидѣлся, зачѣмъ все дѣло рѣшилось безъ его вѣдома и участія.

— Деньги вы получите,—сказалъ онъ мнѣ:—но книга ваша не пойдетъ.

Не было ни объявленій, ни помѣщенія въ каталогъ. Всѣ экземпляры просто запрятали въ кладовую. Даже въ витрину не попали мои книги.

Очень ужъ трудно было жить на 75 рублей въ мѣсяць, и работы по «Наблюдателю» было много. Кстати подвернулся Езерскій и пригласилъ меня въ Москву редактировать его счетоводный журналъ. О счетоводствѣ итальянскомъ, англійскомъ и русскомъ (изобрѣтеніе самого Езерскаго) я не имѣлъ даже приблизительнаго понятія. Езерскій увѣрялъ, что это «ничего».

истор. вѣстн., июнь 1916 г., т. схлѣв.

5

Я долженъ былъ писать только общія статьи, для приданія журналу литературности, а Езерскій писалъ самъ о счетоводствѣ. Плохое это было изданіе. Самъ Езерскій былъ чудодѣй и, главнымъ образомъ, хлопоталъ получить дѣйствительнаго статскаго, какъ изобрѣтатель русской тройной булгалтеріи. Желанный чинъ онъ скоро получилъ и затѣмъ прекратилъ свой счетоводный журналъ. И вотъ я остался въ Москвѣ, какъ говорится, при пиковомъ интересѣ.

Дай Богъ здоровья Ал—рову, управляющему акцизной системой въ Москвѣ: онъ далъ мнѣ, внѣ очереди, мѣсто продавца въ винной лавкѣ. Годъ просидѣлъ я въ лавкѣ въ Хамовникахъ, видѣлся нѣсколько разъ съ Л. Н. Толстымъ, благо его домъ былъ недалеко отъ лавки. Не имѣлъ я ни малѣйшей способности къ торговлѣ и даже считалъ плохо. Все дѣло велъ мой помощникъ—и въ результатѣ оказался недочетъ на нѣсколько сотъ рублей. Залогъ мой пропалъ и пришлось продать женинъ рояль и библиотечку, снова перебраться въ Петербургъ.

Въ Москвѣ, кромѣ журнала Езерскаго, я немного работалъ у Козицкаго въ его «Русскомъ Листкѣ» (переименованъ въ «Раннее Утро») и въ «Русскомъ Словѣ» у И. Сытина. Козицкій платилъ очень неаккуратно, а у Сытина на меня ополчилась дюжина Кугелей. Дорошевича еще не было. Газета шла не бойко, и воевать съ евреями мнѣ надоѣло. Какъ я сказалъ выше, недолго думая, я переѣхалъ въ Питеръ.

С. С. Окрейцъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРѢПОСТНАЯ ДВОРЯНКА.

Разсказъ-быль.

I.

ОГДА сходишь на Подоль въ Кіевѣ по одному изъ маленькихъ сходовъ, можно было замѣтить нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщавшійся тамъ ларекъ, въ которомъ торговалъ хозяинъ его различными дешевыми товарами, лубочными книжонками, спичками, папиросами, иногда у него появлялись откуда-то подержанныя вещи изъ обихода, обтрепанныя зачитанныя книжки.

Проходя однажды къ контрактному дому, я замѣтилъ сваленную около ларька небольшую кучку разорванныхъ изданій, листовъ старинной гербовой бумаги, тетрадокъ и т. п.

Я поднялъ нѣсколько изъ этихъ тетрадокъ и сталъ разсматривать: онѣ оказались расходными книжками, записью бѣлья, но одна изъ нихъ, значительно толще другихъ, съ обрывкомъ переплета изъ толстой синей бумаги, меня заинтересовала. Наскоро перелиставъ ее, я убѣдился, что это какая-то рукопись, написанная кудрявымъ затѣйливымъ почеркомъ, и почему-то захотѣлъ ее приобрести.

Ларечникъ не сталъ торговаться и за гривенникъ охотно уступилъ ее мнѣ.

Содержаніе этой тетради я и передаю здѣсь въ немного передѣланномъ и сокращенномъ видѣ.

Какой-то полтавскій мѣщанинъ, а ранѣе крѣпостной дворовый, Иванъ Астафьевъ Лопухъ вздумалъ сообщить для общаго свѣдѣнія очень интересный фактъ изъ мѣстной помѣщичьей жизни, но

такъ какъ, повидимому, не зналъ грамоты, или плохо ее разумѣлъ, то, по его разсказу, всю эту тетрадку написалъ священнической сынъ, Александръ Козыревъ. По крайней мѣрѣ, такъ сообщалось на переднемъ листѣ и, судя по подписи этого Козырева, написано было въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія.

Точное заглавіе тетрадки было таково: «Описаніе нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ и печалающихъ до сихъ поръ меня случаевъ изъ моей брэнной жизни, кои для назиданія потомству написалъ, по моей личной просьбѣ, по моему сказанію священнической сынъ Александръ Козыревъ. Что сіе писаніе не ложно и всю справедливость доказываетъ, при семъ подписуюсь бывшій дворовый господъ Кадьяновъ, а засимъ господъ Милорадовичей, Иванъ Астафьевъ Лопухъ, а нынѣ полтавогородскій мѣщанинъ».

Видимо, самъ Лопухъ или не умѣлъ подписать, или его рукою водилъ кто-нибудь другой, но на мѣстѣ подписи находились какія-то неразборчивыя каракули.

Годъ точный писанія этой тетрадки не показанъ. Иногда стиль писавшаго настолько витіевать и мало понятенъ, что пришлось его значительно опрощать. Въ особенности начало такъ риторично, что ради оригинальности привожу его въ подлинникѣ.

«Не должно и противоестественно открывать тяжелыя двери гробницъ, тревожить покоящіеся въ нихъ прахи, уже предавшіеся тлѣнію, и вспоминать о дурныхъ дѣянїяхъ почившихъ, объ ихъ злонамѣренныхъ поступкахъ, но совѣсть, долгое время молчавшая, невольно растравляетъ не успокоившіяся раны сердца и вопіеть о должномъ возмездїи злодѣйскимъ поступкамъ. По сей причинѣ, чувствуя приближеніе конца своей брэнной жизни, я пишу сіи строки, дабы облегчить боль моихъ ранъ и открыть добродѣтельнымъ людямъ о злодѣянїи, коего я былъ невольнымъ пособникомъ. Да простить меня Всевышній, что до сихъ поръ уста мои были полны молчанїемъ, но теперь они отверзлись».

Вотъ каюво начало. Я продолжаю уже обыкновеннымъ языкомъ это случайно попавшее мнѣ сообщеніе.

Еще родитель мой былъ куплень помѣщикомъ Кадьяномъ, отцомъ моего барина, Михаила Ивановича; я самъ родился здѣсь у него въ усадьбѣ, тутъ умерли мои всѣ дѣти, и когда я откупился на волю вмѣстѣ съ женою, то имѣніе принадлежало уже господамъ Милорадовичамъ. Вотъ почему я вполнѣ сжился съ семьею моего прежняго барина, Михаила Ивановича, вошелъ къ нему въ довѣріе и долгое время правилъ у него обязанности бурмистра. Довѣрялъ мнѣ покойный во всемъ, частенько и совѣтовался со мной во многомъ, въ особенности, когда была жива его первая супруга, Меланія Егоровна, добрѣйшей души женщина.

Однимъ словомъ, я былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ въ то время.

Пришла злая година—скончалась добрая барыня, отлетѣла ея ангельская душенька прямо на небо. Послѣ родовъ это случилось. Породила мужу дочку Фросеньку и умерла.

Горько плакалъ мой баринъ, подполковникъ Михаилъ Ивановичъ. Кажись, и утѣшиться не могъ никогда, да въ жизни все забывчиво, все проходить...

Не больше года прошло съ той поры, все время онъ убивался по покойной супругѣ, къ сосѣдямъ и глазъ не показывалъ, только въ поле выѣзжалъ, со мной посовѣтоваться звалъ меня къ себѣ. Пыхаетъ дымомъ изъ длиннаго черешневаго чубука, изрѣдка на меня поглядываетъ да спрашиваетъ. А я около стола стою, всѣ ему дѣла выкладываю, объясняю. А то поѣдетъ по осени по первой порошокъ зайцевъ полевать, лисицу желторудую съ борзыми взять въ норѣ норовить, на волка матерого не боялся хаживать,—медвѣдей въ нашемъ мѣстѣ не имѣется, поспуганы, дальше ушли въ лѣса.

Ребенкомъ своимъ, новорожденной дочкой, любитъ, ласкаетъ ея пухлыя щечки, смотреть, смотреть, а тамъ порой и взгрустнетъ, слезы изъ глазъ закапаютъ, Фросеньку рукой оттолкнетъ, точно и не мила ему сразу станеть.

А я тутъ какъ тутъ и спрашиваю:

— Что это вы, дескать, баринъ милый, младенца столь жестоко оттолкнули?

Сурово на меня посмотреть, но отвѣтить бывало:

— Лопухъ твое прозвище есть, и дѣйствительно ты доухомъ оказываешься! Пойми своимъ рабымъ умомъ, какъ же я могу привѣтъ ей и ласку оказывать, когда она причиной смерти моего ангела Маланьюшки является!

Да такъ и залетъ слезами.

Ну, ужъ тутъ съ нимъ не разговоръ! Тихонько уйдешь изъ горницы, оставишь его одного скорби своей предаваться о покойной супругѣ-то.

А время все же взяло свое. Къ концу года сталъ мой баринъ кое-куда и по сосѣдямъ выѣзжать, скучно одному-то все сидѣть. Зачастил онъ больно тутъ къ одной сосѣдкѣ, вдовѣ, Вѣрой Петровной звали, изъ мелкопомѣстныхъ была. Земли мало, что у однодворца имѣется, домишка старый, развалюга, да и хозяйство плохонькое, никакой справки не было. Раньше-то была она замужемъ за понычникомъ въ судѣ, тотъ всѣми правдами и неправдами этотъ хуторокъ перекупилъ, да на немъ и засѣлъ, когда изъ суда-то за нехорошія дѣла погнали. А тутъ кстати въ половодье какъ-то простудился, рѣчонку въ бродъ переходилъ, слегъ да недолгѣ и померъ.

Осталась понычкова вдова какъ есть безъ ничего, пропитаться хуторомъ и думать нельзя. Было затѣяла она ужъ въ го-

родъ перебраться и тамъ себѣ какое занятіе подыскать, да случилось иначе.

Еще по зимѣ ходилъ нашъ баринъ въ поле на волковъ, далеко забрался отъ дому, а морозъ все крѣпчалъ, иззябъ, коченѣть было сталъ... Огонекъ запримѣтилъ, ну, и пошелъ, вразъ ея хуторъ тутъ и былъ.

Бѣдна не бѣдна вдова, а все жъ чѣмъ пригрѣтъ случайнаго гостя у ней нашлось: и наливки, и свинины, что рѣзала о святки, оставалось, ну, тамъ того, другого, сбитнемъ горячимъ напоила, обогрѣла моего барина, пригрѣлся онъ у ней, да, должно, быть разговоръ съ красной вдовой по нраву ему пришелся, дня того нѣтъ, чтобы къ ней на лошади верхомъ не порскнулъ, все у ней да у ней.

Сперва невдомекъ намъ, дворовымъ, это было, ѣздить, молъ, баринъ, на полеванье, радуемся, что развеселился немного, о печали своей позабылъ, только примѣчали мы, что младенца совѣмъ пересталъ привѣтать къ себѣ, днями къ ней въ комнатушку не зайдетъ, ласковымъ словомъ не обмолвится, головку не погладитъ...

Недѣлю-другую сминовали, а тутъ дѣло-то все и повяяснилось: видимъ, что нашъ подполковникъ ко вдовѣ прилигъ, стаялъ отъ ея черныхъ очей, отъ бѣлаго лица, причаровала она его къ себѣ и походкой своей, и станомъ гибкимъ, тѣломъ бѣлымъ, красовита она была на рѣдкость. А тутъ еще бабы изъ другого села,—вѣдь бабамъ прежде всѣхъ вѣдомо,—принялись сплетню плести, что, дескать, баринъ нашъ дюже со вдовой-то запутался, слово какое-то ей сказалъ и по своей дворянской чести назадъ его взять не хочетъ.

Исперва не вѣрилось мнѣ, зналъ я барина за человѣка рѣшительнаго, достойнаго, ужъ если задумалъ бы жениться, ему любую барышню изъ уѣзда бы дали, каждый сосѣдь-помѣщикъ не погнушался бы съ нимъ породниться, дочку свою за него выдать. А какія дѣвчата все были, какъ на подборъ! Добрыя, красивыя, всѣмъ взяли! А вотъ склалось, якъ не ждалось! Не думали мы, не гадали, апосля Пасхи позвалъ меня какъ-то баринъ къ себѣ въ горницы и сказываетъ:

— Ну, Иванъ, хоть и сказано, что первая жена отъ Бога, а вторая отъ дьявола, должно быть, я грѣшенъ много, что рѣшился второй разъ обабиться.

— Доброе дѣло, баринъ Михаилъ Ивановичъ, надумали, это сказъ вовсе не про вторую жену говорится, что отъ дьявола, а про третью, а вторая жена—отъ людей.

— Ну, что тамъ растолковывать, сказано, какъ оно есть, такъ оно должно бывать, нужно мнѣ и себѣ бабу подыскать, не старъ я еще, да и Фросѣ мать заботливую найти.

Говорить, а самъ на меня все такъ и поглядываетъ. Я жду, что баринъ скажетъ дальше. Замолчалъ онъ. Вижу, что хочетъ, чтобы я его спросилъ, привыкъ вѣдь я къ его обычаямъ.

— Какую такую королевну аль графиню, батюшка баринъ, себѣ нашли? Аль еще въ помыслахъ только держите, на которую удариться?

Усмѣхнулся, усъ позакрутиль, а въ усѣ ужъ сѣдина прибавается.

— Не по стати мнѣ королевны да и графинь я не ищу, нашлась такая, которая за меня вольной волею, по любви, по зазнобѣ согласна выйти...—и точно боясь, что я его упрежу, сразу-то мнѣ и бухнулъ:—Вѣру Пегровну Осаченко, поди, знаешь? Вотъ вдова, на хуторѣ живетъ? Такъ на ней я рѣшилъ жениться.

Вѣдомо мнѣ было это ужъ давно, а все жъ съ ноги на ногу перестуилъ, замаялся, слово чуть не вырвалось противное, да удержался.

— Что жъ, коли такъ надумали, любу себѣ выискали, пусть будетъ по-вашему, по барской вашей волѣ, совѣтъ вамъ да любовь.

Поклонился я ему низко и больше ничего не прибавилъ, изъ горницы вышелъ.

А тутъ вскорѣ, съ недѣлю не прошло, поженился нашъ баринъ, вдову къ себѣ въ домъ перевелъ, хозяйкой объявилъ, коханится съ нею да любится, на время и о хозяйствѣ, и о насѣ, дворовыхъ, забылъ, а о дѣвочкѣ своей, о Фросенькѣ-малюткѣ, и не вспомнить!

Грѣхомъ не стану вспоминать, въ тѣ поры молодая барыня со всѣми нами ласкова была, мужа, должно, боялась, а если когда насупится на кого да крикнетъ, такъ безъ барина, и то боится, чтобы ему не пожаловались.

А все же пошла у насъ жизнь иная, новая метла по-новому мететь, чую, что я отошелъ отъ барина, да и для другихъ сталъ онъ чуждымъ, все больше съ нею, съ Вѣрою Петровной, совѣтуется, на ея слова полагается, ей вѣрить.

II.

Годъ прошелъ. Много перемѣнъ случилось. Чую, что нѣтъ моего больше барина такого, какъ онъ раньше былъ, истинно обабился, совсѣмъ въ руки забрала его молодуха, ужъ теперь онъ самъ и крикнуть на нее не смѣетъ, а больше она на него покрикиваетъ, а насъ, дворовыхъ, такъ прямо поѣдомъ ѣстъ, изъ бурмистровъ меня не разъ хотѣла уволить, какого-то вольнаго своего знакомаго на мое мѣсто поставить хотѣла, да баринъ отстоялъ, спасибо ему!

А малютка отъ первой-то жены совсѣмъ въ загонѣ, два года ребятенку, а онъ и говорить не можетъ, гдѣ-то на задворкахъ съ курами копошится, а зима придетъ, тоже въ закутѣ сидитъ и пристрахотра за нимъ нѣтъ. Иной разъ, если кто изъ прислугъ не накормить Фросеньку, такъ голодная и просидитъ.

Диву мы всё даемся, почему бы это такъ было, отецъ родной чужимъ человѣкомъ объявляется своему дитяти. Тутъ мнѣ какъ-то Дуняшка, что за новой барыней ходила, потайно и сказываетъ:

— Увѣрила наша-то барина, что Фрося не его дочка, а, дескать, прибудила твоя первая жена съ кѣмъ другимъ, не то съ бариномъ сосѣдскимъ, а то просто со своимъ дворовымъ.

— А Михайль-то Иванычъ неужто повѣрилъ такому навѣту лживому?—спросилъ я Дуняшу.

— Спервоначалу такъ закричалъ на барыню, убить даже хотѣлъ ее, да она, словно змѣя подколотная, укрылась, въ колоду ушла, смиренной притворилась, я-де такъ да такъ, думала, мнѣ-де сказывали, а мало ли люди всякой лжи болтають! А такъ, какъ ввечеръ спать итти, такъ и начнетъ ему намеки закидывать, оболочкѣ дѣлать, а ужъ послѣ явно въ доказъ пошла. «Ты, говоритъ, посмотри: развѣ дѣвчонка на тебя аль на мать свою покойную схожа лицомъ-то? Вовсе нѣтъ».

— Такъ неужто-же баринъ и впрямь увѣрилъ?—заколодавъ сердцемъ, спросилъ я Дуняшку.

— Да должно быть, что такъ, увѣрился, спервоначалу Фросеньку-то брали къ себѣ въ спальню, въ лицо онъ ей всматривался, ручки, ножки разглядывалъ, точно испытать хотѣлъ...

Понялъ я, что увѣрила его молодуха въ этомъ. Отсюда и остуда у отца къ дочкѣ пошла и небреженіе!

Годъ скоро, какъ поженился нашъ баринъ, перемѣна съ нимъ большая: и похудѣлъ онъ, и развязности прежней нѣтъ, выходка не та стала, осѣлъ, старикомъ глядѣть сталъ, усы совсѣмъ посѣдѣли. На поле никогда и выѣзжать не сталъ, все больше дома сидеть.

Какъ-то замѣтилъ я, что и до чарки охочъ больше сталъ; до-прежъ того времени никогда хмельнымъ Михаила Ивановича не видывалъ, а тутъ зачастую посоловѣвшій у стола сидѣть и отъ графинчика не отрывается.

Лѣто пришло. Второе ужъ послѣ, какъ поженился нашъ баринъ. Работами завѣдую все жъ я, онъ никогда на нихъ и не побывалъ, а тутъ повадилась завсе молодая барыня все въ городъ да въ городъ ѣздить, по какимъ такимъ дѣламъ намъ невѣдомо, велитъ коляску заложить парюю, Трифона на козлы посядеть и поѣдутъ.

Пытался я Трифона пытать, куда, дескать, зачѣмъ ѣздить. Ухмыляется только парень.

— Должно, что по дѣламъ барыня ѣздить, въ судъ больше повѣтовый, на постоянный дворъ, гдѣ мы останавливаемся, къ ней повытчики все ходять, бумага какія-то пишутъ.

Задалось мнѣ въ голову: ужъ не подвохъ ли какой подъ барина подстраиваютъ? Онъ тутъ сидитъ, ничего не вѣдаетъ, а тамъ ему зло куютъ.

Думалъ я, думалъ и рѣшилъ, какъ барыня опять въ городъ поѣхала, пройти къ нему въ горницу да и потолковать. Вхожу. Сидитъ мой Михайлъ Иванычъ за столомъ, изъ чубука курить, полынную настойку потягиваетъ и молчитъ. Я къ нему съ поклономъ. Вскнулся на меня глазами.

— Что тебѣ?—хрипло такъ спрашиваетъ, по имени не зоветъ. Помялся я тутъ, въ горлѣ слово застряло.

— Не во гнѣвъ вашей милости будетъ, хотѣлъ я васъ спросить: правда ли, что вы часть земли своей запродавать желаете?—схрипнулъ я.

Хоть и разстроены были чувствіемъ баринъ, а все жъ встрепелся.

— Откуда ты это, Иванъ, наслышанъ о такомъ дѣлѣ? И въ мысляхъ своихъ не держалъ родовое помѣстье дробить!

— Значить, такъ, зря люди болтаютъ, мало ли что надумаютъ. Барыня наша зачастила въ городъ въ судъ ѣздить, ну, и взбрело людямъ на разумъ, что продажу чинить хотите.

— Ѣздитъ Вѣрочка въ городъ лечиться, къ доктору, потому что на сносяхъ она находится,—признался мнѣ баринъ:—а все не въ судъ.

Не въ судъ, такъ не въ судъ, наше дѣло холопское, значить, парнишка нагаль мнѣ все, а что Господь благословилъ Михаила Ивановича наслѣдіемъ новымъ, это въ Его святой волѣ! А все жъ я не утерпѣлъ, Дуняшкѣ объ этой новости передалъ.

Засмѣялась мнѣ дурная прямо въ лицо.

— Ну, дяденька Иванъ Астафьичъ, что вы мнѣ вертите голову, небылицы рассказываете, никогда наша барыня на сносяхъ не бывала, яловая она,—а сама гогочетъ, какъ гусыня.

Опять заминка у меня въ головѣ объявилась, неладное о барынь подумалось, ужъ коли она мужа обманываетъ, говорить ему одно, а въ городъ по другому дѣлу ѣздить, значить, дѣло не чисто.

Жалко мнѣ стало нашего подполковника, свой же, ближній, у него родились, въ его волѣ обрѣтаемся.

Надумалъ я въ городъ слетать и всю подноготную начистую выложить.

Не лиха бѣда, что я грамоту плохо разумѣю, благопріятели тамъ найдутся, на самое дѣло наведутъ и наставятъ, что и какъ.

Отпросился я у барина съѣздить по дѣлу въ одно помѣстье дальнее, о сѣменной ржи на озимый засѣвъ поспросать, да вмѣсто того въ городъ и поѣхалъ. Былъ у меня тамъ одинъ благопріятель, звали его Василько Семенычъ Карноухій. Маклерилъ онъ на базарѣ, по купцамъ и приказнымъ знакомство имѣлъ, а тутъ какъ разъ кстати онъ мнѣ на городскомъ вѣздѣ и повстрѣчался. Пошли толковать. Я его и спрашиваю:

— Нельзя ли какъ-нибудь разузнать въ судѣ, правда ли, что

наше имѣніе продается, потому что мы всѣ, дворовые, этимъ дѣломъ обезпокоены, объ участи своей знать желаемъ.

Не сталъ я ему сказывать правду-то настоящую.

— Можно,—отвѣчаетъ,—алтыновъ пять придется заплатить, есть такой паренекъ, который все мнѣ разузнаетъ, до самаго дѣла дойдетъ.

Ну, и разузналъ.

Когда я домой поѣхалъ, такъ и не помнилъ себя, и диковинно, и страшно мнѣ показалось, сердце заглодало даже, порой казалось, не нагаль ли мнѣ тотъ парень-то, что справку добывалъ.

Вотъ что мнѣ онъ сообщилъ:

Барыня наша ѣздитъ сюда въ городъ и распродаетъ все имѣніе по частямъ, какъ будто бы онъ имени мужа, почему-то все заднимъ числомъ бумаги дѣлаютъ, и фамиліи нѣкоторыхъ покупищиковъ назвалъ, знаю я ихъ, недалекіе наши сосѣди, слухъ о нихъ хорошей идетъ.

Что дѣлать-то? Какъ все дѣло барину открыть, не повѣрить, сейчасъ женѣ перескажетъ, а та его улестить, умаслить, меня же въ виновники поставить, всю дорогу замететь, тогда что и дѣлать?

Ѣду, а думаю думаю крѣпкую. И домой пріѣхалъ, ничего не вырѣшилъ. Весь августъ такъ проходилъ, сентябрь ужъ сталъ холодѣть, листь съ деревъ повалился, въ закромы хлѣбъ убрали, только тутъ ужъ не выдержалъ я больше.

Пришелъ къ намъ на токъ, гдѣ хлѣбъ молотили, баринъ, невеселый такой, сумрачно глядитъ, улучилъ я минуту, что ребята въ сторону отошли, да прямо передъ нимъ на колѣни и упалъ.

— Не гнѣвись, батюшка Михаилъ Ивановичъ, коли я тебѣ всю правду-матку открою, все зло, которое тебѣ готовятъ, расскажу!

Пощатнулся баринъ, плечи пообвисли у него съ прежней поры, не такимъ ужъ молодцомъ выглядѣлъ, пообмялся.

— Что ты, Лопухъ, болтаешь, какое зло такое на меня имѣютъ? Сказывай, ужъ коль зачалъ, послушаю твоей болтовни.

Я ему все и выложилъ.

Задумался, хлысть въ рукѣ былъ, по ногѣ себя хлопнулъ, картузь на глаза надвинулъ.

— Правду говоришь, аль клеветцешъ, самъ знаешь на кого, на барыню, на мою супругу!—такимъ голосомъ проговорилъ, точно его давятъ:—попомни Иванъ, не пожалѣю тебя, расправлюсь по-свойски.

— Воля твоя, баринъ, что сказалъ, то отъ сердца было, ты въ жизни и смерти нашей холопской воленъ,—только и могъ я ему сказать.

Ушелъ онъ и не обернулся.

Заныло у меня сердце: и барина жалко, да и своя шкура трещить. А что если барыня все по-другому повернетъ, вѣдь, запорютъ! Эхъ, была не была!

День - другой миноваль, барина не вижу, съ недѣлю прошло, все его нѣтъ, не знаю, что и думать. Больше десятка дней прошло, когда я съ нимъ повстрѣчался, опять въ полѣ пришлось съ нимъ свидѣться.

Сурово смотритъ, но не зло и тихо такъ мнѣ говоритъ:

— Иванъ, хотя дѣла всего я не разузналъ, но чую, что ты правъ, жена мнѣ злое готовить, письмо одно мнѣ ея попало, я о той недѣлѣ, можетъ, самъ навѣдаюсь въ городъ, разузнаю и по-свойски поступлю. Спасибо тебѣ.

Обрадовался я, въ поясъ поклонился барину, а самъ молитву шепчу:

— Слава тебѣ, Господи, что уразумѣлъ нашъ баринъ-то и правду всю выищеть!

III.

А въ городъ все жъ не пришлось ему ѣхать. Такъ дѣло сложилось. Не выдержалъ онъ, что ли, нрава своего, аль слово какое барыня ему сказала, только вышелъ промежъ нихъ разладъ большой, мнѣ Дуняшка сказывала, она подъ дверью слушать любила и себѣ на усъ мотала.

— Какъ въ вечеръ заперлись баринъ съ барыней въ спальнѣ, а я тутъ, какъ тутъ, слушаю. Ну, и зачали браниться, сперва ничего, такъ тихо говорили, а потомъ что-то барыня досадила Михаилу Иванычу, онъ рѣзко на нее крикнулъ и пошелъ ее отчитывать.

— А не билъ онъ барыню?—спрашиваю.

— Не, должно, только грозился, тутъ одной минутой она завизжала больно, за дверь рванула, какъ есть въ одной рубашкѣ въ сѣнцы выскочила, я чуть было ей подъ ноги не попала, въ баринномъ кабинетѣ такъ на креслѣ и проспала всю ночь.

Хотѣлъ, видно, было подполковникъ нашъ въ городъ на утро ѣхать, да что-то занедужилъ, должно, сразила его бесѣда съ барыней. Съ недѣлю въ постели лежалъ. Хоть съ ней онъ и не помирился, а все она около него вертѣлась, словами утешала, лекарствомъ поила. Нехотя слушалъ онъ ее, въ постели къ стѣнкѣ отвернувшись, лежалъ.

Мы, вся дворня, не знаемъ, что и подумать, чѣмъ рѣшить.

Зашелъ я какъ-то къ барину провѣдать его, замѣчаю, сильно онъ ослабъ, языкомъ плохо сказывается, глаза мутные, а барыня тутъ при немъ.

Не посмѣлъ я его о томъ-то, о судейскомъ дѣлѣ разспросить, о продажѣ вывѣдать, барыня мнѣ мѣшала. Только онъ самъ какъ-то минуту выбралъ, она за дверь увернулась, машетъ мнѣ такъ ручкой. Я наклонился къ нему, шепчетъ:

— Не бойся, Иванъ, все дѣло разузнаю, все вывѣдаю, дай только оправиться, — и замолчалъ — барыня подошла.

Я ушелъ. Еще дней съ пятокъ пролежалъ онъ, а тутъ братецъ его, Павелъ Ивановичъ, невзначай наѣхалъ, говорю, невзначай, а, можетъ, съ барыней уговоръ заранѣе былъ.

Приѣхалъ, съ барыней запершись, долго толковалъ, все гр-гр-гр промежъ себя, а потомъ ужъ и не спорили, видимо, согласились. Дуняшка мнѣ сказывала, что Павелъ Ивановичъ подполковника все о чемъ-то уговаривалъ, упрашивалъ, а тотъ головой качалъ и отказывался...

Еще дня за три зашло послѣ того, прибѣжала ко мнѣ въ избу Парашка, малолѣтка, что на послугахъ въ домѣ служила, прибѣжала и голосить:

— Ой, дяденька, страшно у насъ каково, баринъ, кажись, умираетъ, стонетъ завсе!

Я испугался, бросился въ господскій домъ, прямо въ спальню къ барину, ни на кого не смотрю, Подбѣжалъ къ кровати, слабо стоналъ Михаилъ Ивановичъ, а руками словно воздухъ все хваталъ.

— За священникомъ прикажете сбѣгать? Приобщить бы надо, — говорю я братцу его, Павлу Ивановичу, онъ тутъ же стоялъ.

— Подожди, не торопись, можетъ, отойдетъ еще, что зря пугать-то?—остановилъ онъ меня.

Какое тутъ отойдетъ! Вижу, совсѣмъ умираетъ, но волѣ барской не посмѣлъ перечить, стою у притолоки, а самъ весь трясусь, а тутъ, немного помедля, баринъ нашъ Михаилъ Иванычъ и отошелъ ко Господу...

Похоронили. Честь честью поминальный обѣдъ справили, ждемъ, пождемъ, когда все объявится, кому мы во владѣніе переходимъ. При Вѣрѣ ли Петровнѣ остаемся съ падчерицей малолѣткой, али часть которая изъ крестьянъ и земель къ Павлу Ивановичу поступить.

И дождались!

Понаѣхали власти, стали писать бумаги, сосѣди кое-которые пособрались, меня позвали, читать бумагу зачали.

Оказалось, что имѣніе все продано по частямъ сосѣдямъ помѣщикамъ Милорадовичамъ, двумъ братьямъ Андрющенконымъ, одна часть досталась Павлу Ивановичу, брату покойнаго барина, а остальное подѣлили между собою барыня сама да майоръ Савицкій.

Мы, крестьяне, всѣ достались Милорадовичамъ.

Раздѣлилось старое гнѣздо, какъ и говорилъ мнѣ тогда въ городѣ тотъ человѣкъ.

Выводить крестьянскія семьи на другія земли наши новые господы до весны не думали, оставили пока здѣсь, попрежнему, а весной, намъ сказывали, хотѣли перегнать въ другое свое имѣніе. Для людей въ умаленіе было.

Что пока—правиль я свое старое дѣло, за людьми смотрѣлъ, землю, которая къ новымъ господамъ перешла, наблюдалъ.

Впопыхахъ-то заботъ много оказалось, какъ-то изъ ума совѣтъ вонь о барскомъ дитѣ было. Хоть и въ негляженіи оно у мачехи находилось, а все же покойнаго барина ребенокъ законный, и на его долю должно было наслѣдіе какое остаться.

Пожалуй, недѣли съ двѣ прошло, какъ мы барина похоронили, зашелъ я въ кухню въ барскомъ домѣ, смотрю, Фросенька сиротливо такъ около стряпки топчется, спрашиваю:

— Ты, что ль, Степанида, за дитей приглядываешь?

— Да какъ бы не я, Астафичъ, некому было бы ее и накормить. Барыня, кажись, о ней и позабыла, а покойнаго барина братецъ и смотрѣть на нее не хочетъ, «пащенкой» кличетъ.

Пожалѣлъ я дѣвочку, по головкѣ погладилъ.

Никто, какъ Богъ, думаю, сиротскія слезы не пропадутъ, вызволить ее Творецъ небесный изъ бѣды,—и хотѣлъ было уже вонь уходить, а тутъ мнѣ кухарка опасливо такъ и сказываетъ:

— Онодась приѣзжала къ намъ барыня дальняя, Мизиновой, слыхала я, ее кликали, Елизаветой Александровной, хотѣла дѣвочку къ себѣ взять.

— Что жъ, если добрый человекъ, ей тамъ лучше будетъ!

— Да ты пойми, Астафичъ, какъ взять-то: укупить хотѣла!

— Купить?—подивился я.

— Наша-то барыня, Вѣра Петровна, ее въ крѣпость отдавала, вотъ какъ бы и насъ, невольныхъ людей; она, говорить, не барская дочка, а отъ такого же, какъ и другіе, крѣпостного рождена!

Ужаснулся я только: какъ возможно вольное дворянское дите закрѣпостить.

— Дуняшка сказывала мнѣ, что, слышала, по рукамъ ударили, за пятнадцать рублевъ Фросеньку наша барыня той приѣзжей продала, а послѣзавтра и возьметъ она къ себѣ ее.

Вотъ-те бѣда! Ну, думаю, безъ бумагъ все жъ не можетъ оформить, а потомъ оказалось, что она за сироту ее безродную продала.

И впрямь увезла ее Мизинова къ себѣ. Тутъ и слѣдъ я Фросеньки потерялъ, хоть душою болѣлъ, что помощь никакую не могу ей оказать, до суда неправду довести и все яснѣ солнца высказать.

По веснѣ насъ всѣхъ, крестьянъ, новые помѣщики не перевели, а здѣсь оставили. земли еще прикупили, и жили мы у нихъ по-прежнему, мнѣ даже бурмистровское право оставили. А на томъ клочкѣ, которымъ Вѣра Петровна съ майоромъ Савицкимъ завладѣли, тамъ только нѣсколько дворовыхъ людей осталось, земля самая пустячная, обрабатывать ее не Богъ знаетъ сколько людей надо, а Павелъ-то Ивановичъ повладѣлъ, повладѣлъ землицей, что ему осталась, нашимъ же господамъ продалъ, а самъ куды-то тамъ уѣхалъ, въ Москву или въ Петербургъ, къ мѣсту казенному пристроился: онъ и раньше служилъ, и семья у него тамъ гдѣ-то проживала.

Настоящая-то наша законная владѣлица, которую я считаю. Афросинья Михайловна, невѣдомо мнѣ, гдѣ жила, и не было о ней ни слуху, ни духу.

О кадьяновскомъ имѣннн стали всѣ позабывать, другимъ оно теперь принадлежало, какъ вдругъ неожиданно для всѣхъ и выпалъ опять сказъ о прежнемъ владѣльцѣ нашемъ, о потомствѣ барина Михаила Ивановича.

IV.

Какъ громомъ были поражены всѣ тѣ люди, которые подѣлили между собою имѣние моего барина. Пришли къ нимъ изъ повѣтоваго суда повѣстки, въ судѣ вызываютъ: отвѣчайте, молъ, какимъ образомъ завладѣли чужимъ имѣниемъ, когда никакихъ бумагъ форменныхъ въ судѣ не имѣется? А просьба-то подписана по довѣренности Афросиньи Михайловны. Она ужъ взрослой дѣвицей теперь объявилась, въ разумъ полный вошла и отъ рабства освободилась.

Ужъ я потомъ разузналъ, что нашелся какой-то добрый человекъ, взялъ просьбамъ сиротки Фросеньки, когда она ему объяснила, что насильно, помимо воли своей, въ крѣпость взята.

Сталъ тотъ человекъ доискиваться, докапываться, все разузналъ, развѣдалъ, прошеніе на имя всемилостивѣйшаго государя подалъ, и барышню мою, Афросинью Михайловну, въ своихъ правахъ дворянскихъ возстановили, свободной задѣлали, отъ Мизиновой отобрали.

Живеть она у того, у благодѣтеля-то своего, а онъ хлопочеть, чтобъ и дальше весь узелъ распутать и имѣние ей родовое вернуть, и пошелъ, и пошелъ!

Богъ-то всегда сиротамъ помогаетъ, Онъ обиженному защитникъ! Приглянулась Мизиновой Фросенька, какъ дѣвочкой-то была, она ей выучку настоящую дать соизволила, не такъ, какъ крестьянской рабѣ доводится, и грамотѣ научила, и рукодѣлію разному, потому-то Фросенька съ тѣмъ господиномъ, съ благодѣтелемъ-то своимъ познакомилась. А ей-то самой объ отцѣ ея покойномъ и о томъ, что она дворянскаго рода, крѣпостная дѣвка, что нянчила ее у Мизиновой, все доподлинно открыла и рассказала.

Встревожились всѣ помѣщики, и наша госпожа Милорадовичъ, и братья Андрющенковы, а что про мачеху сказать—и не могу,—не знаетъ, что и дѣлать, ко всѣмъ знакомымъ повытчикамъ въ городъ ѣздить, деньги расходуетъ, въ судахъ задариваетъ, да ничто не помогло.

Благодѣтель-то Фросенькинъ за дѣло рьяно принялся, какъ дать, доказалъ, что настоящихъ крѣпостей на землю не было сдѣлано, а такъ, безъ бумагъ, даже безъ опроса крестьянъ во

владѣніе ввели. У одного Савицкаго крѣпость оказалась, да и то партикулярная, и покойнымъ нашимъ бариномъ не подписанная.

Чудно мнѣ стало: какъ же тамъ въ судѣ-то судили и рядили, землю-то чужимъ людямъ роздали.

Такъ все это дѣло закипѣло, что и сказать не могу. Почитай, недѣли той не было, чтобы кто-нибудь изъ суда къ намъ не пріѣзжалъ, у крестьянъ выспрашивали, визнають правду-то, да у сосѣдей непрічастныхъ ко всему этому дѣлу вывѣдываютъ.

Съ годъ, пожалуй, больше все это тянулось, а потомъ и вышло рѣшеніе: генераль нашъ губернаторъ малороссійскій, кавалеръ его сіятельство князь Лобановъ-Ростовскій приказалъ всѣ имѣнія у нашихъ помѣщиковъ и у другихъ отобрать и вернуть, какъ законное наслѣдіе, сиротѣ моего барина, Афросинѣ Михайловнѣ Кадьяновой.

Порадовалось мое сердце, какъ затряслись всѣ, что неправильно чужимъ добромъ завладѣли, исперва хорохорились выѣзжать изъ домовъ, съ земель не хотѣли, повѣстоковъ судейскихъ о выселеніи не принимали, взятками отвертѣться думали, но не тутъ-то было.

Ни повытчики знакомые, ни приказные въ судѣ не помогли, твердо его сіятельство настоялъ: свести ихъ съ чужихъ земель!

И свели.

Ужъ больше всѣхъ не хотѣла лишиться лакомаго куска наша бывшая барыня, Вѣра Петровна, да сила солому ломить, пришлось покориться.

Какъ сейчасъ помню: выѣхала она на тарантасѣ, за наплатинку выѣхала и обернулась къ дому, встала во весь ростъ, кулакомъ грозитъ, сама вся растрепанная, злая и ореть:

— Чтобы тебѣ ни дна, ни покрышки не было, пашенка проклятая, изъ-за тебя добрыхъ людей изъ родныхъ домовъ выгоняютъ!

Ругалась она, ругалась, кричала, кричала, да прежней силы ужъ не имѣла: никто ее не слушалъ, такъ и уѣхала въ городъ.

Прежній ея хуторокъ, гдѣ она вдовой жила, раньше еще былъ проданъ.

Майоръ Савицкій не сталъ дожидаться, пока его выселятъ, уѣхалъ.

Пришлось и братьямъ Андрющенковымъ разстаться съ землицей, ну, а наша барыня Милорадовичъ проживала въ другомъ имѣніи, судомъ только были отобраны земля отъ нея да мы, крестьяне.

Отъ случайныхъ господъ избавились, а новыхъ не видимъ, ждемъ-пождемъ, а все нѣтъ. Должно быть, не довели до нея еще по суду, что супостаты ея всѣ отсюда уѣхали.

Я за старшаго правлю, порядки чиню. Вѣдь теперь четыре куска разные, какъ ихъ снова склеишь! Слава Богу, наладилъ.

Дождались все-таки. Приѣхала наша исконная владѣлица, барышня Афросинья [Михайловна. Сразу по облику ея догадался, кто она—вылитый портретъ покойнаго барина. Такая же плечистая, рослая и голосомъ какъ будто схожая, а повадки всѣ его, какая тутъ пашенка, и сомнѣваться нечего, Кадьяновская порода настоящая!

Привѣтливо такъ всѣхъ насъ приняла, ласковымъ словомъ подарила.

— Какъ вы моимъ родителямъ служили, такъ и у меня будете жить, никакой обиды чинить вамъ не стану, вы меня только берегите да старайтесь.

Опять я бурмистромъ остался, на себя всѣ тяготы принялъ, попрежнему дѣло завелъ.

Въ старый домъ приѣхала наша барышня, все поновила, въ порядокъ привела, со мной совѣтуется о дѣлахъ, когда, какъ и что, а тутъ ея благодѣтель, старичекъ Иванъ Панкратъичъ Бѣлохлѣбовъ, наѣхалъ, ей тоже совѣтомъ помогаль, недѣли съ двѣ прогостилъ, а тамъ и восвоися собрался.

Упрашивала его барышня, чтобъ побольше пожилъ у нея, умуразуму наставилъ—не остался, уѣхалъ.

Должно быть, такъ нужно случиться, осенью дѣло было, рѣки вздулись, время вѣтреное, темное, переѣзжалъ рѣчку отъ насъ верстахъ въ двадцати, паромъ ли ветхій былъ, аль самъ паромщикъ не доглядѣлъ, снесло теченіемъ въ сторону, бричку съ тесанинъ въ воду опрокинуло, кучеръ выплылъ, а Бѣлохлѣбовъ и лошади захлебнулись.

Только на другой день отыскали ихъ съ версту пониже, въ омуткѣ.

Поплакала наша барышня о благодѣтелѣ, на него большія надежды возлагала, совѣтами его пользовалась, во всемъ его слушала. Можетъ быть, поживи онъ еще годъ-другой, научилъ бы онъ Афросинью Михайловну, какъ всѣмъ дѣломъ управляться, какъ вести его, да умеръ не во время, рано слишкомъ.

Съ полгода миновало. Зима отошла, къ пахоти готовиться стали. Живемъ тихо, по-Божьему, кое-кто изъ сосѣдей изъ старыхъ знаемыхъ наѣзжать къ барышнѣ сталъ, полуднѣ стало.

Новая гроза грянула. Нашли ходы, лазы пролазанные тѣ, супостаты-то наши, ободрило ихъ, что Бѣлохлѣбовъ померъ, некому-де за сироту больше заступиться. Написали въ судъ жалобы, что неправильно-де ихъ лишили имѣнія и вернули нашей барышнѣ. «Незаконная», молъ, она дочка Кадьянова, а такъ приبلудила мать ее съ чужимъ человѣкомъ, а потому наследовать она подполковнику Михаилу Ивановичу Кадьянову не должна.

И пошла новая кляуза, неправда голову подняла, словно змѣя зашипѣла! Должно, въ судѣ мзду большую приказные взяли,

заработали повыткики, заскрипѣли гусиными перьями, чернилъ сколько извели, и правое дѣло стало неправымъ.

Слышимъ, прослышимъ, что судъ какъ будто рѣшилъ отнять всѣ земли у нашей барышни и опять ее дать тѣмъ супостатамъ.

Услыхали и не вѣрили.

— Да неужто нѣтъ Божьей правды на землѣ, все одной кривдой обволось?

И впрямь, кривда-то правду отгѣснила.

V.

Снова понаѣхали приказные къ намъ въ домъ. Вездѣ ихъ лисьи рыльца показались. Все вынюхиваютъ, высматриваютъ, бумагу съ собой привезли, приказъ барышни прочитали.

Затряслась, замлѣлась та, какъ былинка, да такимъ слабымъ голосомъ и спрашиваетъ:

— Да неужто правда, что я изъ своего родового дома снова уйти должна и моимъ злодѣямъ все отдать принуждена?

Ухмыляются только повыткики. Знаютъ, сколько къ нимъ въ карманы взятокъ пересыпано.

А я крѣплю барышню, держу ея руку, шепоткомъ ей сказываю: держитесь, молъ, Афросинья Михайловна, не уѣзжайте съ первораза, може, какой подвохъ еще, пусть отъ генераль-губернатора бумагу привезутъ.

Ободрилась Фросенька. Краска на лицѣ выступила, дворянская кровь заговорила, ногой на нихъ топнула, на приказныхъ-то:

— Вонъ,—кричитъ,—изъ моего дома, чтобы духу вашего здѣсь не было; коли выѣзжать мнѣ отсюда надобно, пусть его сѣятельство самъ приказъ такой пришлетъ, а до той поры за порогъ не переступлю.

Такъ и уѣхали, не солоно хлебавши, приказные-то повыткики.

Ну, думаю, отбоярились мы отъ нихъ, авось назадъ не вернутся, если неправильную бумагу привезли.

Расхрабрилась и барышня наша, тиха, тиха, а тутъ сразу другою задѣлалась.

Ой, не долго мы радовались и надъ супостатами тѣшились: съ недѣлю, побольше только прошло, смотримъ, поутру какъ-то ѣдетъ брика, за ней другая, въ первой засѣдатель сидитъ, съ нимъ писарь, а во второй другіе чины, судейскіе. На этотъ разъ повѣсили мы головы, самъ его сѣятельство генераль-губернаторъ приказъ прислалъ очистить имѣніе и другимъ людямъ его передать.

Въ тѣ поры наѣхали и супостаты наши, откуда ни взялась Вѣра Петровна, раньше другихъ прискакала, кричать было зачала на мою барышню, да засѣдатель остановилъ ее:

— Кричать вы на Афросинью Михайловну не вольны, не крѣпостная она ваша, а такая же дворянка, какъ и вы сами.

— Не дворянка она, а пащенка!—разсердилась вдова, а за сѣдатель ей въ отвѣтъ:

— Приказъ объ отобраніи имѣнія у меня имѣется, а чтобы лишить званія дворянскаго эту дѣвицу я права не имѣю, и никто объ этомъ не искалъ и не просилъ.

Спасибо ему, хоть доброе слово моей барышнѣ сказалъ и защитилъ.

Со слезами распростился я съ моей законной барышней Афросиньей Михайловной, и она плачетъ, положила голову ко мнѣ на плечо и рассказываетъ:

— Буду я всемилостивѣйшаго государя о моей тѣснотѣ и обидѣ колѣнопреклонно молить, пусть онъ правду сыщетъ на моихъ обидчиковъ, у него, всемилостивѣйшаго государя, правды много.

Съ этимъ и я согласился. Къ кому же, окромѣ императора нашего, самодержца нашего, прибѣгнуть мы должны, на землѣ онъ для насъ что Богъ на небеси, отъ него одного правда исходитъ.

Задержать было хотѣла мачеха вещи кое-какія, да тотъ же за сѣдатель воспрепятствовалъ:

— Имѣніе приказано отобрать только недвижимое, а движимое все принадлежитъ дѣвицѣ Кадьяновой.

Открыли его слова насъ обоихъ—барышню и меня. Сейчас же я подводы приказалъ подать, дочиста весь домъ очистили, все вывезли, по комнатамъ словно Мамай прошелъ, стула единого, чтобы сѣсть, не осталось.

Потѣшились вы, думаю, надъ барышней, такъ и вамъ, злодѣямъ, обида будетъ.

Чуялъ я, что не простить мнѣ Вѣра Петровна моей съ ней повадки, такъ ли, иначе отплатить. И впрямь: какъ проводилъ я мою барышню съ подводами въ городъ, такъ и налетѣла вдова на меня коршуньей, чуть не бить собирается.

— Какъ ты смѣлъ, холопъ, моей волѣ воспрепятствовать?

— Холопъ, да не вашъ,—отвѣтилъ я ей:—есть у меня собственная барыня—коллежская ассесорша, госпожа Милорадовичъ, и вы на меня никакого права не имѣете.

Общались на меня ей пожаловаться, да, должно быть, та не приняла ея жалобы въ резонъ, никакого наказанія мнѣ не послѣдовало.

Такъ во второй разъ разорился Кадьяновскій уголь и по чужимъ рукамъ распался.

IV.

Сталъ я подумывать, какъ бы откупиться у моей хозяйки и начать помогать моей законной барышнѣ.

Когда я въ первый разъ объявилъ моей барышнѣ Милорадовичъ, что прошу ее отпустить меня въ оброкъ, она не воспротивилась и готова была согласиться на мою просьбу, причемъ намекъ мнѣ дала:

— Если выкупиться ты хочешь, Иванъ, то, пожалуй, я бы согласилась на это, крестьянъ вашихъ я надумала продать, да и съ самимъ клочкомъ земли этимъ разстаться, дразгъ здѣсь много да споры всякіе, лучше мнѣ по добру уйти отсюда, благо покупатель нмѣется!

Ко мнѣ она была милостива, это я ужъ не разъ замѣчалъ, разъ такое дѣло выходило, что къ другому господину переходить приходилось, то я ее за милость поблагодарилъ и сказалъ, что подумаю.

Подумать-то я подумалъ, а гдѣ денегъ-то найти на выкупъ? Разметнулъ умомъ, старухѣ своей сказалъ, стали вмѣстѣ думать.

Въ городѣ одинъ благопріятель имѣлся, къ нему съѣздилъ, тоже поговорилъ, попросилъ, обѣщалъ помочь.

— Ты бы толкомъ спросилъ у барыни, сколько за тебя она за выкупъ взять хочетъ,—сказалъ мнѣ благопріятель:—узнаешь, приходи ко мнѣ, все, какъ слѣдъ, обтолкуемъ!

Съ барыней столкнулся, все обладить удалось, цѣну назначила не особъ высокую.

Благопріятель на помощь пришелъ да своихъ кое-какихъ деньжонокъ въ залежкѣ было, ну, и выкупился вмѣстѣ со старухой. Въ городъ перебрался, присмотрѣться хотѣлъ, за что принялся. А тутъ спустя немного времени всѣхъ нашихъ остальныхъ крестьянъ барыня Павлу Ивановичу Кадьянову уступила, малую малость денегъ съ него взяла, а на остальное выдалъ онъ ей заемное письмо.

Поселился въ городѣ, недалеко отъ моей барышни, торговлишку кое-какую затѣялъ. Она тоже вязаньемъ да шитьемъ промышляла. Такъ и жили. А я ее все надоумливаю:

— Матужка барышня, что жъ вы такъ злодѣямъ-то спустили свое разореніе, сами же затѣивали все милостивѣйшему государю нашему просьбу подать.

— Да я,—говорить,—все это на мысли держу, сама написать просьбы такой не умѣю, а приказныхъ и повѣтчиковъ судейскихъ боюсь, всѣ они моихъ недруговъ руку держать, нужно челоуѣка найти, чтобы онъ написалъ это прошеніе.

Принялся я искать такого человѣка, по всему городу изрыскалъ, у всѣхъ поразспросилъ. Тотъ мой благопріятель, который деньги мнѣ на выкупъ ссудилъ, обѣщаль отыскать и по скорости въ дѣйствительности отыскалъ.

Старичекъ такой былъ, раньше въ Санктъ-Петербургѣ служилъ, въ правительствующемъ сенатѣ, копистомъ, а за выслугой лѣтъ и преклонными лѣтами въ отставку вышелъ и къ намъ въ Полтаву пріѣхаль. Человѣкъ знающій, какъ бумаги писать и кому ихъ подать.

Пошелъ я къ нему, чтобы переговорить. Старый, совсѣмъ ужъ ветхій онъ оказался, шамкаетъ, еле спрашиваетъ, что мнѣ нужно.

Я ему подробно все дѣло выложилъ, объяснилъ, бумаги, какія у барышни были, принесъ, все прочиталь, задумался онъ, а тамъ и говорить:

— Пусть сама барышня придетъ и еще мнѣ разъ расскажетъ, а я прошеніе на высочайшее имя всемилостивѣйшаго государя написать могу.

— А сколько возьмешь, дѣдушка?—спрашиваю я.

— Какая ужъ мнѣ корысть, видишь самъ, что я одной ногою въ могилѣ стою, что пожалуетъ барышня, и на томъ спасибо скажу, дорого мнѣ ласковое слово да привѣтъ,—прошамкалъ мой старичекъ, а самъ ухмыляется.

Привелъ я мою барышню. Опять старый копистъ послушалъ ее, что она ему сказывала про свои дѣла, а тамъ взялъ листъ бумаги, который мы принесли съ собой, и началъ писать.

Долго писалось прошеніе, почитай, дня три, руки старья, ходуномъ ходять, да и голова не молодая, мыслить скоро не можетъ.

Когда писать кончилъ и прочиталь намъ обоимъ, такъ я даже умилился, оченно складно и просительно написано.

— Я,—говорить,—вамъ и копійку пишу, чтобы барышня видѣла было и чего бы не запмятовала.

Эту копію я здѣсь на тетрадкѣ приклеилъ для видимости.

Запечатали мы въ конвертъ, отослали и ждемъ-ждемъ, когда воля царская до барышни выйдетъ, милость ей объявить.

(Въ этомъ мѣстѣ въ тетрадкѣ помѣщено самое прошеніе, написанное на старинной сѣрой бумагѣ, на нѣсколькихъ листахъ. Часть его и здѣсь выписываю, приводить его все заняло бы много мѣста).

«Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій, великій государь, императоръ самодержецъ всероссійскій, Александръ Павловичъ!

«Просить проживающая въ городѣ Полтавѣ подполковника Кадьяна дочь, дѣвица, Михаила Ивановича дочь, Кадьянова, о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

Первый.

Прошлаго, 1814 года, сентября отъ 22-го числа, посланнымъ мною черезъ почту въ Правительствующій Сенатъ по третьему департаменту прошеніемъ, жаловалась я, что по смерти отца моего подполковника Михаила Кадьянова, оставшись я при мачехѣ своей въ трехлѣтнемъ возрастѣ, была взята коллежскою ассесоршею Мизиновой въ домъ ея и записана за нею въ крестьянское рабство. Но повѣтовымъ судомъ за присяжными свидѣтелями доказательствомъ о породѣ моей, прошлаго 1808 года, апрѣля 24-го дня съ подѣ ига того освобождена; имѣніе по смерти родителя моего, состоящее въ сѣнокосныхъ поляхъ, лѣсахъ, лугахъ, грунтахъ, двадцати трехъ душъ обоого пола крестьянахъ и въ разной движимости, завлажено разными лицами, безъ всякихъ законныхъ документовъ, какъ-то: майоромъ Семеномъ Савицкимъ— два хутора, низшій и высшій, съ ставами, мельницами, лѣсами, пахотнымъ и сѣнокоснымъ полемъ—дядею моимъ, майоромъ Павломъ Кадьяномъ, душъ крестьянъ; дворяниномъ Степаномъ Выдитемъ луга посѣвные и пахотная земля, помѣщицею Милорадовичею сѣнокосные луга Лисовскіе, въ урочищѣ Жидовскомъ; лѣсъ и лугъ; корнетомъ Матвѣемъ и прапорщикомъ Ивановъ Андрущенкою лука съ лугомъ близъ села Позниковъ. Да въ въ Трипецкомъ повѣтѣ часть грунта, гай и два поля, изъ коихъ половинной частью владѣетъ мачеха моя, подполковница Кадьянова. По жалобамъ моимъ отъ господина малороссійскаго генералъ-губернатора и кавалера князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго лохвицкому повѣтовому и нижнимъ земскимъ судамъ приказано отвращенія самоуправства и водворенія меня по праву наслѣдства въ отцовскомъ имѣніи...»

Далѣе слѣдовало:

«Всепокорнѣйше прошу доставить Правительствующему Сенату на благоразсмотрѣніе и посужденія о сиротской истинѣ. Поставивъ оную осиротѣлую и отягощенную долговременными волоки-тами, издержками по суднымъ мѣстамъ безъ должнаго по законамъ и правосудію удовлетворенія. По тому моему прошенію Правительствующій Сенатъ надѣ всякое чаяніе мое во всѣхъ тѣхъ прописанныхъ мною истинныхъ справедливостяхъ не уважилъ гласу стонъ моихъ».

Заканчивается прошеніе слѣдующими словами:

«Нахожусь, всемилостивѣйшій государь, еще въ горестнѣйшемъ и нищезобразномъ состояніи, такъ что не имѣю нигдѣ своей осѣдлости и пристанища, принуждена развѣ буду такожде по чужимъ квартирамъ служить и питаться съ одного токмо подаенія добротными дателями милостыни».

Не вякъль воплямъ несчастной сироты пресвѣтлый государь, не приказаль отнять у обидчиковъ исконно принадлежащее ей имѣніе!

Что же приходилось теперь дѣлать моей барышнѣ—въ горести источать слезы, тяжка была ея судьба, обездоленная сирота жила только помоогою отъ моей скудной торговлишки, но не долго продолжалось ея бѣдственное житіе: спустя два года барышня моя Афросинья Михайловна Кадьянова предстала ко Господу, понеся къ высокому престолу Его жалобу на своихъ обидчиковъ и разорителей.

Мы же съ женою оплакиваемъ до сихъ поръ ея голубиную кротость и незлобіе, оплакиваемъ и съ тихой грустью вспоминаемъ о тѣхъ краткихъ счастливыхъ дняхъ, когда она была нашей владѣлицею и покровительницею.

Здѣсь рукопись оканчивается, хотя падкій на витіеватый стиль сынъ священника не удержался, чтобы не добавить:

«О, сколь всеильна несправедливость человѣческая, подобно ехиднѣ, она торжествуетъ надъ добродѣтелью и поражаетъ своимъ ядомъ невинныхъ!»

Е. Карачевскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВИКТОРѢ ДАНИЛОВИЧѢ КРЕНКЕ.

(Къ столѣтію дня его рожденія).

ВИКТОРЪ Даниловичъ Кренке родился 13-го іюня 1816 года въ семьѣ одесскаго городского врача. По окончаніи курса въ Дворянскомъ полку служилъ въ корпусѣ инженеровъ, состоялъ окружнымъ интендантомъ, былъ начальникомъ 26-ой пѣхотной дивизіи; въ войну 1877—78 гг. состоялъ начальникомъ инженеровъ на Шипкѣ, а затѣмъ—военнаго сообщенія въ балканскихъ государствахъ.

Въ настоящее время признано, что Кренке былъ выдающимся инженеромъ, и его инженерная дѣятельность изучается специалистами. Въ дни войны онъ пользовался большимъ расположеніемъ главнокомандующаго, который сносился съ нимъ непосредственно, минуя его непосредственнаго начальника—Радецаго. Наконецъ, Кренке выдѣлялся своею добросовѣстностью, и его называютъ самымъ «честнымъ генераломъ» временъ турецкой кампаніи. Очевидно, Кренке имѣлъ вліятельныхъ недоброжелателей, происки которыхъ не позволили ему достигнуть положенія, соотвѣтствовавшаго его дарованіямъ и душевнымъ качествамъ.

В. Д. Кренке извѣстенъ, какъ образцовый сельскій хозяинъ-практикъ, какъ общественный дѣятель и культурный работникъ деревни.

Послѣ войны до своей кончины онъ безвыѣздно жилъ въ собственной усадьбѣ Переходъ Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи, въ погостѣ Колбягахъ. Въ свое время усадьба Кренке

была маякомъ для мѣстнаго населенія; дѣятельный хозяинъ ея училъ народъ грамотѣ, старался поднять деревенское благосостояніе сообщеніемъ сельскохозяйственныхъ знаній и организаціею мелкаго кредита, привлекалъ лучшихъ представителей деревни къ общественной дѣятельности и училъ ихъ работать...

Новгородскому краю вообще Кренке памятенъ, какъ инициаторъ постановки памятника тысячелѣтія въ Новгородѣ (см. его статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 г., кн. 11). Онъ же на Тихвинской системѣ открывалъ памятникъ начинателю ея—Петру Великому.

В. Д. Кренке извѣстенъ также какъ писатель. Участвовалъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1865—68 гг., иногда подписываясь псевдонимомъ—Дихеусъ. Помѣстилъ статьи: «О сапожномъ товарѣ» (1865 г., №№ 7 и 12), «Объ эмеритальной кассѣ» (1868 г., № 5), «О саперныхъ работахъ» (№ 7), «Грамотность въ арміи» (№ 12). Писалъ по сельскому хозяйству въ специальныхъ изданіяхъ и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» (1882—1890 гг.). Въ историческихъ журналахъ помѣстилъ рядъ воспоминаній. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» появились:

1) «Кадетскій бытъ 20—30-хъ годовъ» (1882, томъ VIII, 110—126, 344—363).

2) «Къ исторіи войны 1853—54 гг.» (тоже, т. X, 148—155).

3) «Къ исторіи памятника тысячелѣтія Россіи» (1884, № 11, 446—449).

4) «Бытъ саперовъ 50 лѣтъ назадъ». (1885, т. XXI, 265).

5) «Бытъ саперовъ 25 лѣтъ назадъ». (1886, т. XVI, 85—120).

6) «Воспоминанія» (1893, августъ).

Въ «Русской Старинѣ», томы 34 и 35, напечатаны отрывокъ изъ записокъ «Первые годы спб. окружнаго интендантства 1861—66 гг.».

Отдѣльными изданіями вышли: 1) «О сельскомъ хозяйствѣ». Три изданія (1868, 1872, 1891—93).

2) «Азбука для народныхъ школъ съ наставленіемъ для учителя». 1880 г.

3) «Картофель». 1884. Изданіе комитета грамотности, № 21.

4) «Оборона Балтійскаго побережья». 1886.

В. Д. Кренке скончался 31-го мая 1893 г. и погребенъ на кладбищѣ Колбецкаго погоста.

Въ текущемъ году исполняется столѣтіе со дня его рожденія, и тихвинцы будутъ чествовать память своего незабвеннаго дѣятеля.

Мнѣ было съ небольшимъ лѣтъ четырнадцать отъ роду, когда я, въ 1885 году, вступилъ въ «значительную» для моихъ лѣтъ должность волостнаго писаря. Если принять во вниманіе, что въ старые годы даже государственную службу фактически начинали съ десятилѣтняго возраста,—напримѣръ, пресловутый «хронологъ»

П. В. Хавскій,—а въ уѣздныхъ канцеляріяхъ нерѣдко встрѣчались регистраторы, едва достигшіе четырнадцатилѣтія,—если еще въ шестидесятыхъ годахъ бывали двадцатилѣтніе исправники,—то нѣтъ ничего удивительнаго, что, я, мальчишка, окончившій, однако, уѣздное училище, былъ офиціально возведенъ въ чинъ «исправляющаго должность волостного писаря».

Началь я свою службу въ большегорскомъ волостномъ правленіи (Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи), въ погостѣ, который именовался по документамъ—Колбяги, а по народному—Колбики. Судя по писцовымъ книгамъ 1583 года, погостъ занималъ въ древности площадь въ девятьсотъ квадратныхъ верстѣ и располагался, какъ и теперь, по рѣкѣ Воложбѣ, той самой «Воложь», которая упоминается въ перечнѣ рѣкъ, входящихъ въ составъ водныхъ путей изъ «варягъ» на Волгу и въ Среднюю Россію. Если припомнить еще колбяга «Русской Правды», то нельзя не сознаться, что Колбяги являются для любителя древности краемъ весьма занимательнымъ.

Жилъ я въ семьѣ волостного старшины Никифора Андреевича, дѣти котораго, уже взрослые, почти ежедневно ходили въ соседнюю усадьбу «Переходъ» къ генералу «Кренкину». Я давно зналъ объ этомъ генералѣ и слышалъ о немъ много хорошаго отъ колбецкихъ мужиковъ, пріѣзжавшихъ въ городъ за покупками. Разговорившись съ колбецкимъ учителемъ, моимъ городскимъ пріятелемъ, Алексѣемъ Васильевичемъ Боголюбовымъ, я узналъ, что Викторъ Даниловичъ Кренке—генералъ «знаменитый», что онъ—писатель и что у него большая бібліотека. Я питалъ тогда огромное благоговѣніе къ писателямъ и любилъ запойно читать, увлекаясь преимущественно исторіей. Сообщение Боголюбова поразило меня, и я сталъ искать случая познакомиться съ генераломъ и полакомиться его книгами.

Уже въ день моего прибытія генеральская усадьба узнала, что въ волостномъ правленіи «завелся новый писарекъ».

Какъ горожанинъ и человѣкъ, воспитавшійся въ весьма своеобразныхъ условіяхъ, я для своихъ новыхъ знакомыхъ, простыхъ деревенскихъ обывателей, представлялъ собою забавнаго и рѣдкаго звѣрька, въ житейскомъ отношеніи наивнаго, а въ духовномъ—непонятнаго и посему—«блаженнаго».

Въ усадьбѣ скоро узнали, что новый писарекъ много читаетъ, что онъ умѣетъ рисовать,—«дѣлать карандашомъ, какъ живое». Каюсь, я въ первые же дни, не утерпѣвъ, похвасталъ своими талантами и привелъ своихъ новыхъ пріятелей въ изумленіе. Мною заинтересовались. Въ волостное правленіе однажды явились съ почтою племянница генерала Маргарита Константиновна Кренке, его внучка, которую звали «маленькой Катенькой», и ея гувернантка—Августа Ивановна. Поговорили со старшиною, посмо-

трѣли на меня и,—я скоро же узналъ,—благосклонно отозвались о моей внѣшности въ усадьбѣ.

Послѣ этого дочь старшины перенесла въ усадьбу вѣсть, что я сочиняю стихи. Генераль подробно распросилъ ее о такомъ необычномъ здѣсь явленіи и поручилъ ей достать рукописи моихъ стиховъ для просмотра.

Я заволновался, когда мнѣ сообщили объ этомъ. Что дать знаменитому генералу и какъ дать? Изъ «Русскаго Архива» и «Русской Старины», которыми я тогда увлекался, я зналъ, что литераторы пишутъ свои творенія на отдѣльныхъ листкахъ. Припомнилось сообщеніе «Русскаго Архива», что И. А. Крыловъ однажды представилъ императрицѣ листки своихъ басенъ, сколовъ ихъ булавкой. И вотъ, отобравъ десятокъ наилучшихъ, по-моему, стишковъ, я переписалъ ихъ на листочкахъ почтовой бумаги и съобезьяничалъ Крылова,—тоже скололъ ихъ булавкой. Отправивъ свои творенія въ усадьбу, я вдругъ забеспокоился, разстроился, заволновался, такъ что сумрачный старшина удивился и спросилъ:

— Никакъ тебѣ гвоздь забили?

Дня черезъ три я получилъ приглашеніе явиться въ усадьбу,—и очень струсилъ: боялся услышать дурной отзывъ о стихахъ, а еще пуще боялся большущихъ усадебныхъ собакъ. Дочь старшины, Марья Никифоровна, пошла со мною и отвела отъ меня собачью опасность.

Встрѣтила меня супруга Виктора Даниловича—Александра Александровна, очень тучная и очень добрая женщина...

— Вы поэтъ, вы сочинитель, вы пишете стихи... Это очень хорошо...

Она говорила очень долго. Но я слышалъ только начало, ибо лестная похвала «вскружила мнѣ голову», не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ слова. Я только краснѣлъ да кланялся.

Генераль оказался сѣдымъ, но молодцоватымъ старикомъ, съ добрыми маленькими глазами, съ очень широкимъ носомъ и раздвоенною окладистою бородою. Въ петличкѣ военнаго сюртука висѣлъ бѣленькій крестикъ.

— Вы пишете,—это хорошо. А читаете?

— Да, читаю.

— Ну, что вы, напримѣръ, читали?

Я рассказалъ, что перечиталъ всѣ книги изъ тихвинской публичной библіотеки, начиная съ Кантемира и кончая Рокамболомъ.

Викторъ Даниловичъ улынулся и спросилъ:

— А что любите читать?

— Книги по исторіи, историческіе журналы...

— Ну, мнѣ кажется, это ужъ черезчуръ... А вотъ я вамъ дамъ,—почитайте-ка... А потомъ мы поговоримъ...

И онъ подалъ мнѣ цѣлую горку свѣженькихъ, только что вышедшихъ въ свѣтъ изданій «Посредника».

На этомъ пока и закончился мой первый визитъ.

Перечитавъ книжки, я зачастилъ въ Переходъ и бѣгалъ туда чуть ли не ежедневно.

Усадьба находилась въ верстѣ разстоянія отъ волостного правленія и деревни Большой Горы, стоявшей у самаго погоста; она была расположена на правомъ холмистомъ берегу Воложбы; отъ барскаго простенькаго, но уютнаго дома спускался къ рѣкѣ большой садъ, въ концѣ котораго находилось прочно устроенное, отштукатуренное по-«кренковски» зданіе библіотеки.

Викторъ Даниловичъ очень дорожилъ своимъ собраніемъ книгъ и поэтому старался обезопасить его отъ пожара и всякихъ бѣдъ. На крышѣ были поставлены громоотводы. Вода находилась близко. Стѣны были огнестойки. Увы! Не огонь погубилъ сокровища восторженнаго книжника, а стихія болѣе опасная—народное невѣжество.

Кренковская штукатурка—вещь основательно забытая—придавала огнестойкость деревяннымъ строеніямъ и была даже въ модѣ въ нашихъ краяхъ. Для нея приготовлялась глина въ смѣси съ мелко рубленной соломой и коровьимъ поземомъ. Стѣны постройки покрывались рядами деревянныхъ клинышковъ, иногда перепутанныхъ бечевкой; глина нашлапывалась на эти клинышки, размазывалась, а по просушкѣ отбѣливалась мѣломъ. Зданія послѣ такой обдѣлки принимали видъ каменныхъ, но такъ какъ у насъ съ частою отбѣлкою возиться не любятъ, то стѣны вскорѣ становились очень некрасивыми, облѣзлыми.

Придумавъ такой способъ, Викторъ Даниловичъ собралъ колбецкую молодежь—преимущественно дѣвушекъ—и самолично обучилъ огнестойно-штукатурному дѣлу. Артель этихъ дѣвушекъ потомъ работала по уѣзду и въ городѣ и зарабатывала недурно.

Около барскаго дома отдѣльною постройкою стояла кухня и людская съ квартирою усадебнаго старосты, моего пріятеля солдата Алексѣя Петровича. Далѣе располагались многочисленныя хозяйственныя службы. Изъ послѣднихъ я очень поражаюсь огромнымъ свиннымъ дворомъ; онъ былъ обнесенъ булыжною стѣнкою,—матеріалъ, который собирался на поляхъ. Впрочемъ, Викторъ Даниловичъ рѣдко утилизировалъ камень, а любилъ живыя изгороди изъ кустарника; такія изгороди можно было встрѣтить всюду—и въ Переходѣ, и на погостѣ, и въ имѣніи его сына—Александра Викторовича—«Табашѣ».

Кромѣ сына, состоявшаго въ тѣ времена мировымъ судьей, Викторъ Даниловичъ имѣлъ еще дочь—Екатерину Викторовну, дѣвицу. Въ усадьбѣ жила еще племянница Маргарита Константиновна и внучка—маленькая Катенька. Бывалъ изрѣдка слаботумный племянникъ,—имени его не помню,—который былъ потомъ помѣщенъ въ Дымскій монастырь.

Штатъ усадьбы состоялъ изъ дѣвиць, мѣстныхъ крестьянокъ. Каждая имѣла свою опредѣленную должность и своеобразную кличку. «Переходскія дѣвки» считались модницами и всегда пользовались благосклоннымъ вниманіемъ деревенскихъ парней, какъ завидныя «статейки»; такимъ страннымъ именемъ назывались тогда въ Колбикахъ «предметы воздыханій», представители флиртующей пары. Къ служащимъ семья Виктора Даниловича относилась крайне сердечно.

Многочисленные родственники переходской дворни со всякою нуждою шли въ усадьбу, какъ домой, и получали щедрую помощь. Собственно тянуло къ усадьбѣ все окрестное населеніе, и усадьба задавала тонъ всей колбецкой жизни.

Изъ разговоровъ съ мѣстными жителями я узналъ, какъ жилъ и что дѣлалъ здѣсь Викторъ Даниловичъ до моего появленія въ Колбикахъ. Деревенская молодежь хвастала, что генераль вмѣстѣ со своею дочерью, Екатериною Викторовною, всѣхъ научилъ читать по своей азбукѣ. Оказалось, что въ Колбикахъ существовала неофициальная воскресная школа. Почти въ каждой избѣ я нашелъ генеральскую азбуку (суворинское изданіе 1880 г.); ребята со смѣхомъ вспоминали нѣкоторыя фразы изъ учебнаго матеріала, вродѣ—«Грунька, почини сарафанъ»,—но утверждали, что учиться по этой азбукѣ было легко и выучились они скоро. Кромѣ грамоты, въ школѣ проходилъ краткій курсъ ариметики, и нѣсколько уроковъ удѣлялось чтенію рукописнаго. Задача Виктора Даниловича была не широка, но вполне отвѣчала насущнымъ запросамъ деревни того времени; воскресники могли при случаѣ расписаться, прочитать повѣстку или письмо и подвести несложный счетъ.

Потомъ Викторъ Даниловичъ устроилъ въ Колбикахъ ссудо-сберегательное товарищество. Для участія въ послѣднемъ требовались паевые взносы,—первоначально не менѣе рубля; пай ежегодно пополнялись до предѣла въ сто рублей. Дѣло началось съ того, что семья Кренке вложила сразу свои максимальные пай, а генераль объявилъ, что желающимъ выдаются деньги взаймы. Потянулись нуждающіеся; имъ объяснили, что надо быть членами, денегъ дали, но изъ выдачъ засчитали по рублю въ пай и каждого наградили членскою книжкою. Деревенскіе грамотеи, ознакомившись съ правилами товарищества, нашли дѣло выгоднымъ,—и окрестные богатѣи, довѣряя огромной честности Виктора Даниловича, тоже вложили свои максимальные пай. А когда получили первые проценты, то притокъ членовъ сильно возросъ. Товарищество расцвѣло и стало называться въ народѣ «генеральской банкой».

Викторъ Даниловичъ былъ великолѣпный сельскій хозяинъ. Онъ написалъ дѣльное руководство по сельскому хозяйству, ко-

торое было первоначально издано въ 1869 году гдѣ-то въ Западномъ краѣ; послѣднее изданіе, сильно увеличенное въ объемѣ, вышло у Суворина въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. До сихъ поръ этотъ трудъ Кренке цѣнится сельскими хозяевами, какъ богатѣйшее по матеріалу, сжатое и ясное по изложенію пособіе. Хозяйство при усадьбѣ было поставлено образцово, но проповѣдь сельскохозяйственныхъ улучшеній среди крестьянъ ни къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ не привела. Конечно, мужики во всемъ соглаша-

Колбецкій погостъ. Могила В. Д. Кренке (крестъ напротивъ колокольни).

лись съ генераломъ, поддакивали ему, но за глаза только посмѣивались.

Всякіе хозяйственные опыты въ усадьбѣ казались народу странными. Когда Викторъ Даниловичъ хлопоталъ надъ какимъ-нибудь нововведеніемъ, то дворня и мужики говорили:

— Что жъ ему? Забавляется!

А когда опыты не удавались,—кругомъ злорадствовали. Мнѣ, какъ смѣшной анекдотъ, рассказывали, какъ не удалось генералу силосованіе корма и какъ онъ сердился. А, рассказавъ, ехидно хихикали:

— Вишь, чего захотѣлъ! Ну, и получилъ! Ученъ-ученъ, а все жъ таки по этой части винтовъ у него не хватаетъ.

Когда опытъ повторился, мужики говорили:

— Что жъ ему? Пенсіёнъ получаетъ, ну, и кидается денежками зря.

Опытъ удался, но мужики только смѣялись:

— Выдумаль тоже! Будеть тебѣ корова этакую штуку ѣсть!

А когда генеральскія коровы начали «этакую штуку» ѣсть,—мужики объясняли:

— Съ голодухи-то, братъ, и не то сожрешь. У насъ вонъ коровы иной разъ ажъ стѣны грызуть. Вѣдь, подумай-ка,—бревно. А тутъ, какъ-никакъ, оно мягкое.

Викторъ Даниловичъ любилъ бесѣдовать съ крестьянами о хозяйствѣ и, приводя примѣры мѣстнаго безпорядка, журилъ ихъ, впрочемъ, весьма деликатно. Но эта журьба очень не нравилась собесѣдникамъ, и они съ неудовольствіемъ опредѣляли ее:

— Какъ деревянная пила!

При своей богатой библиотекѣ Викторъ Даниловичъ устроилъ отдѣлъ народныхъ книгъ, которымъ пользовались всѣ мѣстные читатели. Книги частенько не возвращались владѣльцу, но генералъ не сердился на это и только упрасивалъ не рвать листовъ на «цыгарки».

Въ Переходъ меня притягивала именно эта библиотека. Книгъ и папокъ здѣсь было очень много, мнѣ кажется,—до пяти тысячъ нумеровъ. Почти всѣ книги были въ переплетахъ. На переплетныя и брошюровочныя работы ежегодно тратились значительныя суммы. Существовалъ каталогъ, а корешки книгъ снабжены были нумерованными ярлычками. Библиографическія рѣдкости Викторъ Даниловичъ отмѣчалъ приложеніемъ своей сургучной печати.

Планы, карты и чертежи, по большей части наклеенные на холстъ, сохранялись въ особыхъ картонныхъ футлярахъ. Въ этомъ отдѣлѣ было много рѣдкостей.

Книги на домъ я бралъ рѣдко. У насъ составила своя читательская компанія, въ свободное время засѣдавшая въ комнаткѣ усадебнаго старосты Алексѣя Петровича; читали вслухъ, поочередно, онъ, староста, я и сынъ старшины—Иванъ Никифоровичъ Андреевъ. Иногда у насъ были слушатели—молодые ребята изъ сосѣдней деревни. Увлекались чтеніемъ не серьезнымъ, вродѣ «Монте-Кристо» Дюма и «Арабскихъ сказокъ». А домой я бралъ книжки посерьезнѣе и дѣлалъ изъ нихъ выписки.

Колбецкое ссудо-сберегательное товарищество работало только по воскреснымъ днямъ. Викторъ Даниловичъ пріѣзжалъ съ денежнымъ сундукомъ и книгами въ школу, на погостъ, и засѣдалъ здѣсь съ ранняго утра до полудня. Письмоводствомъ при немъ занимался учитель Алексѣй Васильевичъ.

Однажды пріобѣгаетъ ко мнѣ церковный сторожъ и сообщаетъ:

— Васъ Викторъ Даниловичъ въ школу требуетъ.

Прихожу. Школа набита народомъ, а Кренке сидитъ у сундука и ворчитъ. Увидавъ меня, обрадовался и спросилъ:

— Вы сейчасъ свободны?

— Да, свободенъ.

— Помогите намъ въ письмоводствѣ.

— Съ удовольствіемъ.

Викторъ Даниловичъ показалъ мнѣ, какъ надо писать долговья расписки; форма оказалась несложною, и я проработалъ въ товариществѣ до закрытія его дѣйствій. Потомъ мужики, уже въ правленіи, благодарили меня, что я вырубилъ ихъ:

— Раскричался генераль и денегъ не даетъ... Учитель-то, видишь ты, въ гости ушелъ, а въ банку-то и не явился. Уперся генераль,—некому, говорить, писать, да и все тутъ. Да ужъ мы уговорили,—пошли ты хоть за писаремъ-то...

Дня черезъ три старшина заявилъ мнѣ:

— Генераль хочетъ, чтобъ ты и въ банкѣ писалъ. Ты ужъ согласишься. По утрамъ въ воскресенье все равно у насъ работы нѣтъ. Да запишись въ члены, внеси рублевку паю...

— А можно ли мнѣ?

— Конечно, можно.

Въ ближайшее воскресенье я вступилъ въ члены колбечкаго ссудо-сберегательнаго товарищества и принялъ въ немъ письмоводительскія обязанности.

Викторъ Даниловичъ пріѣзжалъ рано, часовъ въ семь утра, а иногда даже раньше. Замѣтивъ изъ окна, что у школьнаго крыльца уже стоитъ его старенькая телѣжка, я тотчасъ же шелъ въ школу. Здоровались и усаживались—онъ за столъ, я за парту.

Во время обѣдни народъ заходилъ къ намъ рѣдко, и мы бесѣдовали. Бесѣды эти были для меня хорошей школой и дали много познаній, идей и руководящихъ правилъ для моей послѣдующей общественной дѣятельности.

Онъ очень интересовался моимъ писарствомъ. А я откровенно жаловался на свою неподготовленность, неумѣнье, на странныя для меня особенности волостной жизни.

— Все хорошо, да вотъ съ волостнымъ судомъ не знаю, что дѣлать. Старшина уйдетъ, по закону ему быть тутъ нельзя,—и посоветоваться не съ кѣмъ. Судьи ничего не умѣютъ да и я тоже. Вотъ в судимъ.

Викторъ Даниловичъ понюхаетъ табачку и начинаетъ поучать:

— Выпишите себѣ книжку Скорова,—вотъ я записку дамъ; потомъ читайте отвѣты «Сельскаго Вѣстника» и что нужно,—отмѣчайте для себя въ особый реестрикъ... Вотъ и законы узнаете, и всякую такую казуистику...

Однажды жалуясь, что мѣстный дѣлецъ завалилъ насъ про-

шеніями о взисканіяхъ за поправки по «такціи». Усмѣхнулся Викторъ Даниловичъ и говорить:

— Это большой мерзавецъ, сутяга, старый подьячій... А вы его дѣла назначайте къ слушанію почаще, да не оптомъ, а по одному. Свидѣтели взвоютъ, перестанутъ ходить, а вы, пользуясь этимъ, отказывайте въ искахъ. Побьется да отстанетъ. Да скажите дураку старостѣ, чтобы бѣгалъ отъ него.

О волостной службѣ вообще говариваль:

— Не бойтесь. Всему научитесь. Только не учитесь плутовать. Лучше быть худымъ писаремъ, да честнымъ. Народу нужны слуги честные. А ихъ-то и нѣтъ.

Часто я сводилъ бесѣду на сельскохозяйственные вопросы. Разспрашиваль о старинѣ. На всѣ мои разспросы онъ отвѣчалъ охотно.

Похвасталъ какъ-то я, что разыскалъ въ одной деревнѣ остатки барской библиотеки. У него и глаза разгорѣлись.

— А какія книги?

— Штукъ двадцать записокъ вольнаго экономическаго общества екатерининскихъ временъ.

И продолжать не даль.

— Это продайте мнѣ. Вамъ куда же? Книжки для васъ неинтересныя.

Я согласился, принесъ книжки, и сдѣлка моментально состоялась. Съ тѣхъ поръ неизмѣнно спрашиваль:

— Ну, не нашли ли чего?

Дочь старшины, возвратясь однажды изъ усадьбы, принесла цѣлую пачку писанной бумаги для оклейки кухни. Сталъ я пересматривать эту пачку и нашель цѣлую рукопись Виктора Даниловича— черновикъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Рукопись я уташилъ и спряталь, какъ весьма цѣнный для меня автографъ.

А въ воскресенье дернула меня нелегкая отвѣтить на обычный вопросъ:

— Нашель вашу рукопись.

Викторъ Даниловичъ очень удивился и спросиль:

— Какую?

Я рассказалъ. Онъ вдругъ заволновался:

— Это чужь! На что вамъ рукопись? Надо ее уничтожить. Вы отдайте. Надо уничтожить. Я скажу Никифору Андреевичу, чтобы онъ взялъ отъ васъ, а я сожгу.

Я очень удивился. А онъ такъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не сжегъ отобранные отъ меня листы.

Моя наивность и то уваженіе, которое я питаль къ Виктору Даниловичу, привели меня опять къ одной досадной неудачѣ въ стремленіи сохранить память о немъ.

Почему-то ему понадобилось переписать его послужной списокъ особымъ образомъ—четко, красиво и очень мелко. Онъ поручилъ эту работу мнѣ. Исполнивъ ее, я вздумалъ оставить для себя копию. Меня поразили тамъ отмѣтки о нѣкоторыхъ отличіяхъ Виктора Даниловича. Помню, напримѣръ, записъ о томъ, что онъ на проведеніе дороги черезъ Шипку израсходовалъ только одиннадцать рублей съ копейками, купивъ на эти деньги ракин (водки) для болгаръ-рабочихъ. Помню отмѣтку о томъ, что онъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ былъ министромъ путей сообщенія въ Болгаріи, Сербіи и Румыніи.

Для снятія копии надо было задержать по крайней мѣрѣ на одинъ день послужной списокъ у себя. Я не посмѣлъ сдѣлать это безъ разрѣшенія Виктора Даниловича.

Повторилась прежняя исторія.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ...! Куда вамъ, на что?... Нѣтъ, нельзя...

Такъ и не далъ. А за работу благодарилъ и принудилъ взять вознагражденіе, отъ котораго я отбоивался...

Я такъ и не знаю, чѣмъ объясняются эти факты. Боялся ли онъ какого-нибудь подвоха съ моей стороны, или не довѣрялся моей восторженности, или онъ былъ до болѣзненности скромень?—Загадка.

Въ концѣ 1886 года онъ спросилъ у меня:

— Ну, что же, вы навсегда рѣшили остаться волостнымъ писаремъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—скоро я уйду.

— Развѣ здѣсь худо?

— Не худо, но мнѣ хочется учиться.

— Куда же вы пойдете?

— Въ учительскую школу.

— Вы хотите быть народнымъ учителемъ?

— Да, это—моя мечта.

Онъ недовѣрчиво покосился на мою сторону. Это меня задѣло, и я съ ребяческой горячностью сталъ доказывать, что я понимаю суть учительства. А въ концѣ не утерпѣлъ,—похвасталъ, что я уже немножко знакомъ съ педагогическою литературою и теперь читаю «Семью и Школу».

Онъ улыбнулся и спросилъ:

— Дѣтскій отдѣлъ?

Я гордо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, педагогическій.

Посѣтители помѣшали дальнѣйшей бесѣдѣ. А когда окончились занятія, онъ вдругъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ну, дай Богъ. Намъ нужны дѣльные учителя и честные люди.

Народу приходило къ намъ всегда много. Процессъ займа былъ

несложенъ, но обставлялся нѣкоторыми формальностями, по милости которыхъ разыгрывались прелотѣшныя сцены.

Бывало, иной чудакъ упрасиваетъ:

— Дай ты мнѣ, Викторъ Данилычъ, десяточку до Николы.

— Ты членъ?

— Нѣ, какой членъ, что ты!

— Нельзя.

— Ну, пятерочку.

— Нельзя.

— А вонъ Митрохѣ даль. А почему мнѣ нельзя? Чѣмъ онъ просвятилъ, а я согрѣшилъ?

— Митроха—членъ, пай внесъ.

— Такъ ты дай десятку-то, а цѣлковый-то возьми. Ужъ Богъ съ тобой!

— Найди себѣ поручителя.

— Гдѣ найдешь-то? Ужъ поищи ты самъ, Викторъ Данилычъ, сдѣлай Божецку милость.

Викторъ Данилычъ оглядываетъ толпу и манить къ себѣ пальцемъ какого-то рыжаго мужика:

— Гаврилушка!

— Да у меня, Викторъ Даниловичъ, въ прошлое воскресенье все выбрали. На весь пай напоручался.

— Ну, позови тогда Никифора Андреича.

Приходитъ старшина.

— Никифоръ Андреевичъ, поручись, пожалуйста, въ двѣнадцати рубляхъ.

Тотъ кланяется и заявляетъ:

— Съ удовольствіемъ.

Я пишу поручную запись; за неграмотнаго мужика на ней расписывается нашъ непремѣнный членъ—церковный сторожъ Алексѣй Дмитріевичъ. Заемщикъ получаетъ десять рублей съ копейками. А Викторъ Даниловичъ долго толкуетъ ему, куда и на что ушли остальные деньги и каковы обязанности члена. Мужикъ ничего не понимаетъ, кланяется и благодарить, а потомъ въ сѣняхъ хвастается:

— Нельзя, говорить... А я говорю: Митрохѣ такъ дали? Чѣмъ онъ святой, а я—окаянный? Ну, и сичасъ смякъ. Въ точку я ему, значить, попалъ...

Познакомившись поближе съ дѣломъ, я замѣтилъ, что въ товариществѣ не все благополучно.

Обязательность поручительства создавала для членовъ-кулаковъ возможность стричь съ заемщиковъ еще особые проценты въ «генеральской банки». За поручительство устанавливались благодарности, подчасъ весьма значительныя, въ видѣ работы или уплаты зерномъ. Узнавъ о такихъ случаяхъ, я возмутился и пересказалъ

факты Виктору Даниловичу. Онъ сердился и публично распекать дѣльцовъ-поручителей, выясняя всю гнусность ихъ поступка, но пользы отъ этого было мало. Тайный процентъ продолжалъ существовать, а меня ругали за то, что я наушничаю генералу.

Другимъ зломъ являлась неправильная постановка дѣла о возвратѣ ссуды. Заемщики цѣлыми годами не платили своихъ долговъ, а только переписывали свои обязательства. Ссуды выдавались безъ должной осмотрительности иногда людямъ завѣдомо не кредитоспособнымъ; сплошь и рядомъ даже надежные члены оказывались людьми темными, неспособными понять цѣли товарищества и уразумѣть интересы послѣдняго. Они затягивали уплату долговъ, утѣшаясь тѣмъ, что «у генерала денегъ много; если и пропадетъ малость, такъ не велика бѣда».

Но Викторъ Даниловичъ умѣлъ какъ-то выходить изъ всѣхъ затрудненій. Онъ рѣдко обращался къ волостному правленію съ просьбами о взысканіи долговъ, а если и обращался, то въ бесѣдѣ со старшиною просилъ принимать мѣры не крайнія и дѣйствовать не принужденіемъ, а убѣжденіемъ.

Для воспитательнаго воздѣйствія на членовъ онъ завелъ при товариществѣ небольшой складъ книжекъ по вопросамъ мелкаго кредита, литература о которомъ была бѣдна и малодоступна пониманію читателей изъ народа. Книжки раздавались бесплатно наиболѣе сильнымъ грамотеямъ, но особаго интереса къ себѣ и дѣлу не возбуждали.

Сознаюсь, что я не вѣрилъ тогда въ успѣхъ товарищества.

«Вотъ,—думалось,—умретъ генераль, и дѣло рухнетъ. Все растащатъ и испортятъ».

Къ счастью, я ошибся. Любимое дѣтище Кренке оказалось долговѣчнымъ и здоровымъ. Очевидно, были заложены крѣпкіе корни, которыхъ я тогда, по своей ребяческой неопытности, не замѣтилъ.

Къ работѣ въ товариществѣ Викторъ Даниловичъ относился, какъ къ обязательной и требовательной службѣ. Терпѣть не могъ манкировокъ, запаздываній, легкомысленности; кто сотрудничалъ ему «спустя рукава», тотъ только его раздражалъ.

Викторъ Даниловичъ любилъ, чтобы всѣ бумаги, расписки, книжки писались четко, чисто и изящно. Кассовую книгу онъ всегда велъ самъ и только два довѣрилъ ее мнѣ, когда, по болѣзни, въ товарищество не явился. Онъ часто прихварывалъ, но манкировалъ занятіями только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Въ изложеніи бумагъ онъ любилъ точность и сжатость. За мою полуторагодичную службу при «банкѣ» онъ привилъ мнѣ много хорошихъ навыковъ, и я глубоко ему благодаренъ за это.

Въ своей личной жизни Викторъ Даниловичъ былъ чрезвычайно скромнень. Обстановка дома была не роскошна; драгоценностью являлся только огромный коверъ, висѣвшій въ гостиной на стѣнѣ,—

подарокъ императора Александра II. По краямъ ковра Екатериною Викторовною была вышита надпись, излагающая исторію подаренья. Государь посѣтилъ Виктора Даниловича въ его палаткѣ, гдѣ-то на Балканахъ. Полъ былъ земляной, холодный.

— Это скверно!— замѣтилъ государь.— Ты побереги себя. Я тебѣ пришлю коверъ, а ты прикрой хорошенько полъ.

Получивъ коверъ, Викторъ Даниловичъ полюбовался на него, потомъ завернулъ въ трубку и бережно хранилъ, въ продолженіе всей войны ужасно безпокоясь объ его цѣлости.

— Было у меня съ нимъ хлопотъ,— говариваль онъ.— Зато смотрите, какая сохранность! Вѣдь это собственный императорскій коверъ. Изъ его палатки!...

Главнѣйшею драгоценностью всей усадьбы была библіотека.

Викторъ Даниловичъ говариваль:

— Пусть горитъ вся усадьба,— мнѣ не жаль; но если сгоритъ моя библіотека,— я умру.

Въ библіотекѣ проходила большая часть деревенской жизни Кренке. Вѣчно онъ копошился въ ней, читаль, писалъ, чертилъ...

Въ мое время онъ работалъ надъ воспоминаніями. Въ Питерѣ печаталась его книга «Оборона Балтійскаго побережья», и я очень заботился, чтобы пересылаемые ему корректуры не задерживались на земской почтѣ.

Кабинетный трудъ разнообразился у него работами по хозяйству. Никуда онъ не ѣздилъ и жилъ прямымъ отшельникомъ. Дѣтей своихъ и особенно внучку страстно любилъ.

Въ февралѣ 1887 года неожиданно застрѣлился мой старшина почти наканунѣ волостного схода. Я остался единственнымъ дѣльцомъ въ волостномъ правленіи и вскорѣ такъ измаялся отъ денно-нощной безпрестанной работы, что взвылъ и сталъ проситься у начальства въ отставку. Въ началѣ мая явился новый писарь, и я сдалъ ему волостныя дѣла. Послѣ этого пошелъ въ Переходъ проститься съ Викторомъ Даниловичемъ.

Онъ встрѣтилъ меня замѣчаніемъ:

— А послѣ васъ у насъ, говорятъ, большая шельма заводится.

— Человѣкъ опытный,— отвѣтилъ я.

— А нуженъ честный. Куда же вы теперь дѣнетесь?

— Поѣду домой и буду готовиться къ экзамену. Осталось только два мѣсяца, а въ знаніи программы я очень слабъ.

— Ну, ничего, не бойтесь. Вотъ я заготовилъ письмо, передайте моему Сашѣ (сыну). У него въ земствѣ много знакомствъ, и онъ похлопочетъ, чтобы васъ приняли.

Викторъ Даниловичъ сердечно простился со мною. Я въ это время видѣлъ его въ послѣдній разъ. Наканунѣ моего отъѣзда онъ мнѣ прислалъ сердечное письмо и книжку о сельскомъ хозяйствѣ съ своею надписью. Письмо это у меня затерялось, но книжку я храню,

какъ дорогую память о человѣкѣ, котораго считаю своимъ первымъ учителемъ въ общественной работѣ.

Воспоминанія мои поверхностны и невыразительны. Но я не могу сказать большаго, такъ какъ, въ силу своего малолѣтства, многого не понималъ и многого не наблюдалъ. Я не пытаюсь дать яркой и выпуклый образъ крупной фигуры Виктора Даниловича, а дѣлаю только бѣглый набросокъ, даже не контуръ, а намекъ... Въ данномъ случаѣ я руковожусь не только чувствомъ личной признательности. Нѣтъ. Меня просто поражаетъ типъ этого выдающагося генерала, ставшаго для деревни рядовымъ работникомъ, отнюдь не опекуномъ въ чинѣ превосходительства, а добрымъ и просвѣщеннымъ сосѣдомъ.

Судьба не позволила мнѣ встрѣтиться съ Викторомъ Даниловичемъ впослѣдствіи. Онъ скончался 13-го іюня 1893 года въ своемъ Переходѣ и погребенъ на Колбецкомъ погостѣ, вблизи бывшей школы, а нынѣ церковной сторожки, гдѣ мы, бывало, засѣдали. Его дѣти — сынъ и дочь — скончались ранѣе. Должно быть, очень грустны были послѣдніе дни жизни незабвеннаго дѣятеля...

Въ 1906 году я возвратился въ Тихвинъ, потерявъ многое и сохранивъ для себя только званіе «бывшаго народнаго учителя». Жилъ я очень скромно, полнымъ затворникомъ. Много работалъ и тосковалъ о своей библіотекѣ, которую считалъ погибшею въ ураганѣ предшествующаго года. И вотъ однажды одинъ изъ моихъ друзей сообщаетъ, что въ амбарахъ городской управы валяется какая-то кренковская библіотека.

— Не продадутъ ли?

Я такъ и ахнулъ. Неужели это драгоценность Виктора Даниловича? Сталъ разспрашивать и узналъ, что послѣ его смерти наследники пожертвовали значительную часть книгъ мѣстной городской библіотекѣ. Книги привезли изъ деревни и свалили въ сарай. Учредили комиссію, которая выбрала сотни двѣ «неустарѣлыхъ книгъ», а остальное оставила гнить тамъ, гдѣ оно было. Моя жена сходила и убѣдилась, что сарай полонъ книгъ, которыя горами навалены на полу.

Сходилъ и я.

Сарай былъ каменный, съ небольшими окошками безъ рамъ и стеколъ и съ какими-то отверстіями на уровнѣ пола, сквозь которыя въ помѣщеніе проникалъ снѣгъ. Часть книгъ стояла на полкахъ около стѣнъ, а на полу возвышались книжныя горы. Я съ несомнѣнностью убѣдился, что передо мною находится сокровище Виктора Даниловича, надъ которымъ онъ такъ дрожалъ, которое такъ берегъ. Я едва удержалъ слезы. Мнѣ казалось, что болѣе сквернаго надругательства надъ памятью нашего свѣтлаго дѣятеля нельзя придумать. И ошибся, ибо все еще былъ наивенъ.

У меня не было денегъ, чтобы скупить всю эту заброшенную

библіотеку, но я отдалъ все, что у меня имѣлось, и взялъ то, что можно было за предложенную цѣну взять. Отобралъ я преимущественно тѣ изданія, съ которыми связывались у меня воспоминанія моего отрочества; взялъ и тѣ книжки, которыя когда-то продалъ Виктору Даниловичу; а въ одной книжечкѣ (въ словарѣ) нашелъ свою тетрадочку съ разными замѣтками...

Прошло года три. Мнѣ сообщили, что сарай понадобился городскимъ заправиламъ и библіотеку Кренке перевозятъ въ пожарное депо... Книги грузились на телѣги невѣроятнo безобразными кучами, падали на дорогѣ, а ребяташки и бродяги подбирали ихъ, не упуская случая вытащить кое-что и изъ воза. Въ пожарномъ депо книги бросили въ конюшни прямо на навозъ. Пожарные, выбирая наиболѣе красивые по переплетамъ томы, продавали ихъ въ кабакахъ и на толкучкѣ; огромные переплетенные фоліанты газетъ употреблялись для «цыгарокъ» и надобностей отхожаго мѣста. Огромные листы картъ и плановъ, очевидно, уходили на оклейку стѣнъ...

Ничего подобнаго я не могъ себѣ представить, и только, убѣдившись, что все это—правда, понялъ, на что способна «торжествующая свинья», и ужаснулся той темени, за которую мы сейчасъ такъ дорого расплачиваемся...

Я сильно вознегодовалъ и попытался употребить все свои усилія, чтобы спасти отъ гибели остатки кренковскаго сокровища. Писалъ значительнымъ людямъ, кричалъ въ газетахъ, рискуя попасть подъ судъ, ругался въ печати самыми послѣдними словами, но ничего сдѣлать не могъ.

А потомъ дошла до меня обычная очередь отбывать крѣпостное заточеніе. Закинутый въ далекій городъ, я сильно заболѣлъ и, готовясь къ смерти, снова вспомнилъ о кренковскихъ книгахъ и написалъ о нихъ одному душевному и славному человѣку, проживавшему въ столицѣ.

И человѣкъ этотъ спасъ остатки кренковской библіотеки, къ сожалѣнію, сильно расхищенной. Онъ скупилъ ихъ.

Книги перевезли въ усадьбу, гдѣ построили для нихъ особый домикъ. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ книги лежали подъ слоемъ навоза, то отъ нихъ сильно воняло. Въ хорошую лѣтнюю погоду ихъ провѣтривали, вынося на открытое мѣсто, но навозный запахъ сохранился еще доселѣ. Возвратившись домой, я сѣзидилъ посмотрѣть на многострадальную библіотеку, хранящую отнынѣ не только память о В. Д. Кренке, но и о «тихвинскихъ варварахъ». Изъ того богатства, что лежало въ сараѣ городской управы, осталась только пятая часть, не болѣе. Остальное утрачено и уничтожено.

Недавно я побывалъ мимоѣздомъ въ Колбикахъ, зашелъ на кладбище и поклонился могилкѣ Виктора Даниловича. Прежніе деревенскіе ребяташки уже стали бородатыми мужиками; сынъ нашего

покойнаго расписчика церковнаго сторожа Алексѣя Дмитриевича, занимающій нынѣ должность своего отца, узналъ меня и посодѣйствовалъ осмотру кладбища, указавъ забытыя могилы. Старики, члены ссудо-сберегательнаго товарищества, помнятъ Виктора Даниловича и ежегодно совершаютъ по немъ панихиды. Товарищество нынѣ официально именуется Кренковскимъ.

А усадьба опустѣла. Домъ и постройки разрушаются. Садъ одичалъ. Свѣтлаго, культурнаго гнѣзда уже нѣтъ...

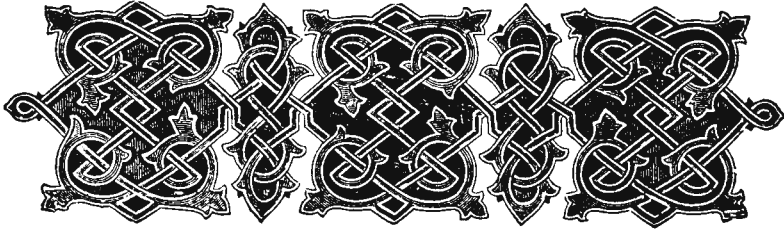
Совсѣмъ уже недавно въ одномъ маленькомъ провинціальномъ обществѣ я прочиталъ коротенькій докладъ о позабытомъ Викторѣ Даниловичѣ. И, читая, вдругъ вспомнилъ его прежнюю сердитую воркотню:

— Чушь! Ничего этого не надо...

Да, ему, конечно, не надо. Онъ прожилъ добрую, дѣятельную, честную жизнь и ушелъ отъ нея со спокойною совѣстью. Но это надо намъ, живымъ, надо странѣ и народу, который не умѣетъ жить дѣятельно и честно, ибо темень. Поминки воспитываютъ, зовутъ къ свѣту, побуждаютъ совершенствоваться. Отчетливо сознавая это, я постарался забыть воркотню Виктора Даниловича и написалъ то, что написано...

И. М.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ УКРАИНСКАГО АКТЕРА.

Маленькое предисловіе.

Маленькое предисловіе.—Исправникъ города Дубна.—Полицеймейстеръ города Кременчуга.—Полицеймейстеръ города Мариуполя.—Грозный исправникъ города Тюмени.—Бѣловъ—полицеймейстеръ Воронежа.

А СВОЕ ПОЧТИ тридцатипятилѣтнее служеніе театру исколесилъ я матушку Россію вдоль и поперекъ. Чего не пережилъ и не переиспыталъ въ минувшемъ? Съ какими типами не приходилось сталкиваться и имѣть дѣло... Само собою, мнѣ, какъ театральному предпринимателю и какъ режиссеру, прежде всего и чаще всего приходилось сталкиваться съ лицами администраціи, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе спектаклей и афишъ. Въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ я и опишу лишь немногихъ лицъ, инциденты и столкновенія съ которыми на почвѣ театральнаго дѣла порой не лишены забавныхъ курьезовъ и юмористики.

Опишу, какъ смогу... Да не посѣтуетъ на меня читатель, если въ формѣ изложенія будутъ погрѣшности.

Исправникъ гор. Дубна.

Въ восьмидесятихъ годахъ случилось мнѣ одно время вояжировать съ небольшой малорусской труппой по городамъ Юго-Западнаго края.

Вторымъ или третьимъ этапомъ нашего вояжа былъ городъ Дубно (Волинской губ.), куда мы заѣхали лишь на нѣсколько спектаклей.

Маленькій еврейскій городишко въ нѣсколько тысячъ народонаселенія, съ крошечной сценой лѣтняго сарая-театра не обѣщаль ничего хорошаго. Но такъ какъ сюда актеры наѣзжали очень рѣдко, то пріѣздъ нашей труппы, да еще малорусской, былъ своего рода событіемъ, и спектакли, конечно, сообразуясь со средствами города, имѣли матеріальный успѣхъ, а сценническій даже большой.

Исправникомъ въ Дубнѣ въ то время былъ малороссъ—Иванъ Калиновичъ К—ко. До того онъ служилъ помощникомъ исправника въ какомъ-то глухомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, но когда полтавскій губернаторъ Я—скій былъ переведенъ губернаторомъ волынскимъ, то, какъ это обыкновенно бываетъ, многихъ полицейскихъ чиновъ перетасилъ за собой въ Волынь. Вотъ и К—ко былъ переведенъ съ повышеніемъ и назначенъ сюда исправникомъ.

О странностяхъ и чудачествахъ К—а рассказывали много въ городѣ. Между прочимъ слѣдующее: когда онъ получилъ назначеніе на должность исправника и выѣхалъ изъ Полтавщины въ Дубно, вдругъ пропалъ безъ вѣсти, и его цѣлый мѣсяцъ не могли разыскать, несмотря на запросы губернатора. Оказалось, К—о отправился въ Дубно не по желѣзной дорогѣ, а снарядилъ двѣ фуры, погрузилъ на нихъ своихъ домочадцевъ и домашній скарбъ и тащился грунтовой дорогой болѣе мѣсяца, тогда какъ по желѣзной дорогѣ онъ могъ доѣхать за два дня.

— Боюсь я этихъ новыхъ сооруженій и выдумокъ, все это не отъ Бога; не оглянешься, какъ голову свернешь, пропадешь безъ поа и покаянія... Есть умная пословица: «Тихе ѣдешь—дальше будешь». Полсотни годковъ прожилъ я на бѣломъ свѣтѣ, не ѣздилъ по этимъ костоломкамъ и не поѣду, хочу умереть своею смертью.

Такъ объяснилъ онъ свое опозданіе и губернатору.

Я уже сказалъ, что Дубно, какъ незначительный городокъ, актеры посѣщали очень рѣдко. Всякій же пріѣздъ актеровъ и концертантовъ К—ко считалъ, по его выраженію, «Божьимъ наказаніемъ». Онъ ненавидѣлъ театръ и на спектакляхъ или какихъ-нибудь другихъ представленіяхъ никогда въ жизни не бывалъ.

Пьесы разрѣшалъ только по цензурованнымъ экземплярамъ главнаго управленія по дѣламъ печати и на афишахъ, кромѣ названія пьесъ, не позволялъ добавлять ни единого слова. Старыя пьесы, на которыя цензурованныхъ экземпляровъ не требуется,—онъ обозначены въ спискахъ,—онъ совсѣмъ не разрѣшалъ за неимѣніемъ у него въ управленія этихъ списковъ. Достаточно того, что онъ не разрѣшилъ старинной «Наталки-Полтавки».

— Понеже,—говорилъ онъ,—циркуляръ министерскій гласить: разрѣшать театральныя пьесы по спискамъ и цензурованнымъ экземплярамъ за шнуромъ и печатью, мнѣ вынь да положь цензурованный экземпляръ, а списковъ у меня при дѣлахъ канцеляріи

никакихъ не имѣется, вѣроятно, жена моего предмѣстника пекла на нихъ пироги,—остриль онъ:—то посему я и не могу разрѣшать вещи не цензурованныя. Почему я могу знать, дозволена она, или не дозволена!.. Да вообще всѣ эти ваши театры грѣховная забава, баловство. Я никогда отродясь въ театрахъ не былъ и не буду, можно, значить, обойтись и безъ нихъ... А лучше, если бы вы убрались по добру, по здорову куда-нибудь въ другой городъ, не смущали бы мнѣ здѣсь народъ.

Удивительно и то, что этотъ чудакъ, будучи урсженцемъ Полтавщины, самымъ кровнымъ малороссомъ и не умѣвший чисто говорить по-русски, а на какомъ-то чиновно-малорусскомъ нарѣчїи, чуждался всего своего родного. А малорусскихъ спектаклей боялся и боялся потому, что одно время спектакли на малорусскомъ нарѣчїи были запрещены въ кїевскомъ генераль-губернаторствѣ при генераль-губернаторѣ Дрептельнѣ.

— Чортъ сюда носитъ этихъ малороссовъ,—злился онъ:—съ вами, пожалуй, бѣду наживешь, недаромъ же ваши спектакли запрещало начальство, было, значить, что-то незаконное. А какъ я услѣжу за вами, ежели въ театрахъ не бываю и ничего не смыслю.

Боялся онъ, когда угрожали жалобой губернатору. Такими угрозами мы иногда заставляли его дѣлать нѣкоторыя уступки. А боялся онъ жалобъ вотъ почему: какіе-то концертанты, которымъ онъ совсѣмъ не разрѣшилъ концерта и даже запретилъ въѣздъ въ городъ, жаловались губернатору. Губернаторъ потребовалъ отъ него объясненїя.

— Что я могъ объяснить его превосходительству?—разсказывалъ онъ.—Я и написалъ, что, по моему убѣжденїю, это были жидажулики, чтобы эксплуатировать публику. Представьте, мерзавцы эти оказались лично извѣстными губернатору артистами, и онъ мнѣ сдѣлалъ служебное замѣчанїе и приказалъ напередъ не мудрствовать, а руководствоваться существующими на сей предметъ узаконенїями. Очень мнѣ это было огорчительно и непрїятно. Добро бы по службѣ за какое-нибудь упущенїе получилъ такой репримандъ, а то за какихъ-то паршивыхъ комедїантовъ. Вообще эти актеры самый, можно сказать, неблагонадежный народъ... Или вотъ еще такая исторїя вышла: является какой-то фокусникъ. Читаю афишу: профессоръ черной магіи или индїйскїй факиръ, по фамиліи—французъ, де-ля-Резъ... Глянулъ я на него, а у него, мерзавца, на груди два русскихъ настоящихъ ордена прицѣплено—Станиславъ и Анна. Это что такое? Арестовать и конфисковать!.. Что жъ бы вы думали? Этотъ профессоръ-французъ по документу оказался русскїй офицеръ, штабсъ-капитанъ въ запасѣ и дѣйствительно имѣеть ордена... Извинился, а то бы опять вскочилъ у непрїятность.

Какъ малороссъ, онъ былъ словоохотливъ, не въ мѣру откровененъ и наивно-простодушенъ. Иногда по часу держалъ меня за пустымъ разговоромъ, совершенно къ дѣлу не относящимся.

Когда я являлся къ нему, онъ вскакивалъ съ мѣста, бѣгалъ по кабинету, злился, кричалъ:

— Вы опять со своими глупостями? Миѣ сегодня не то что заниматься вашими афишами, а въ гору некогда глянуть. Необходимо сейчасъ же ѣхать въ уѣздъ на мертвое тѣло, лошади ждутъ. Зайдите, пожалуйста, дня черезъ два.

— Вы шутите, спектакль идетъ завтра,—настоятельно говорилъ я.

— Не могу же я изъ-за вашихъ спектаклей тормозить свои служебныя обязанности.

— Подписать афишу для васъ минутное дѣло, а у меня сорокъ человѣкъ народа, которымъ ѣсть надо. Не будетъ завтра спектакля, значить, они должны голодать... Не подписывайте... Я всѣхъ пришлю къ вамъ,—кормите ихъ.

— Тю! Это еще что за новости? Отъ васъ и этого можно ожидать. Вы, комедіантчики, на все способны. Господи, вотъ народъ! Ни страха передъ начальствомъ, ни совѣсти, ни Бога въ сердцѣ... У человѣка экстренное казенное дѣло, а они съ глупостями... Когда уже васъ чертяга выпретъ отсюда?

— Дѣла идутъ недурно, зачѣмъ же намъ уѣзжать?

— Да, слыхаль, всѣ говорятъ, что у васъ много публики бываетъ... Хвалить... Не понимаю, что тамъ у васъ интереснаго?

— Приходите, посмотрите.

— Нѣтъ, покорно благодарю! И отецъ мой—священникъ—никогда въ театрахъ не бывалъ, и меня не заманите. Я старый человѣкъ, миѣ о спасеніи души надо думать... А тутъ жена, если бѣ узнала, что я смотрѣлъ размалеванныхъ бабъ,—задала бѣ миѣ такого трезвону, что и небу было бѣ жарко... хе-хе-хе!

Онъ смягчался, садился къ столу, надѣвалъ очки.

— Садитесь,—приглашаетъ онъ.

— Ну, давайте, что тамъ у васъ?

Я подавалъ написанную афишу и цензурованный экземпляръ пьесы... Читаетъ вслухъ.

— «Дай сердю волю—заведе у неволю»... Это хорошая хохлацкая пословица... «драма на чотыры діи...» такъ... Безнравственнаго ничего нѣтъ?

— Помилуйте, самая наивная пьеса изъ народной деревенской жизни.

— Ну, не говорите, теперь народъ распушенъ и по селамъ такое дѣлается, что не приведи Богъ. Вотъ недавно у меня былъ случай въ уѣздѣ: три парубка поймали въ лѣсу дѣвицу и обезчестили.

Онъ долго разсматривалъ цензурованный экземпляръ, смотрѣлъ на цѣлость печати и скрѣпы, сличалъ съ написанной афишей, бралъ гусиное перо и медленно подписывалъ.

— У васъ, говорятъ, поютъ хорошо?

— Да, есть хорошіе голоса.

— Басы, напримѣръ, есть?

— Есть и басы.

— Мой братъ Иннокентій дьякономъ въ соборѣ въ Хоролѣ, такъ такой басина, что держись... Какъ читаетъ евангеліе, или провозглашаетъ многолѣтіе, такъ окна дрожать. Сколько разъ владыка предлагалъ ему въ Полтаву въ соборъ,—не можетъ по семейнымъ обстоятельствамъ... Я люблю, ежели хорошій басъ въ хорѣ. Пѣніе я люблю, знаю много хорошихъ малорусскихъ пѣсень и самъ въ молодости пѣвалъ, у насъ въ роду всѣ голосистые... А вотъ у меня была невѣста—поповна, такъ пѣвушня, что твой курскій соловей... Бывало, запоешь...

Онъ запѣвалъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ:

«Віють вітры, віють буйні;
«Ажъ дерева гнутця!»

— Не привелъ намъ Богъ сочетаться съ ней законнымъ бракомъ,—онъ подавилъ вздохъ:—родители не сошлись на приданомъ... Я женился на другой, да на такого чорта натрафилъ, что и жизни своей не радъ... Эхъ-хе!

Старикъ на нѣкоторое время задумывался и барабанилъ пальцами по столу.

— Ну, вотъ видите...—спохватывался вдругъ онъ и соскакивалъ съ мѣста:—вы меня отвлекаете отъ дѣла. Я съ вами заболтался, а мнѣ некогда и въ гору глянуть... Уѣзжайте вы, ради Бога, уѣзжайте, не смущайте вы мою душу! Съ вами одинъ грѣхъ, одинъ грѣхъ!

Я откланивался и исчезалъ съ подписанной афишей.

Такія сцены происходили чуть ли не каждый разъ.

Наконецъ подаю ему афишу послѣдняго спектакля... Прочиталъ... Радостная улыбка заиграла у него на лицѣ.

— Это правда, что вы уѣзжаете и это послѣдній вашъ спектакль?

— Да, уѣзжаемъ.

— Слава Богу!

Чудакъ облегченно вздохнулъ и даже перекрестился.

Въ афишѣ между прочимъ было помѣщено, что послѣ спектакля данъ будетъ «дивертисментъ».

— Это что еще за штука?... Ди-вер-тис-ментъ?... Какое-то иностранное слово... Я этого не понимаю и не обязанъ понимать...

А такъ какъ у насъ здѣсь казеннаго переводчика нѣтъ, придется вамъ эту афишу посылать въ губернскій городъ Житомиръ...

— Что вы, шутите?

— Ей-Богу, вѣрно говорю... Я иностранныхъ словъ не обязанъ понимать, а вѣрить могу переводу только казеннаго переводчика... Что же это собственно означаетъ?

— Послѣ пьесы будетъ пѣніе, хоры, пляски.

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста цензурованный экземпляръ.

— На дивертисменты цензурованныхъ экземпляровъ не бываетъ,—исполняется пѣніе изъ цензурованныхъ пьесъ, въ родѣ какъ бы концертъ.

— Концертъ? Концертъ-то я знаю, что такое. Онъ у меня вотъ здѣсь сидитъ!

К—ко ударилъ себя ладонью по затылку.

— Такъ вы такъ и пишете.

Схватилъ перо, зачеркнулъ слово «дивертисментъ» и написалъ «концертъ». Читаетъ дальше программу дивертисмента.

— Это что еще за фокусы? Хоръ исполнить: «Засвыстали козаченки...» Подумаешь, какія нѣжности... ласкательное слово...

И, зачеркнувъ слово «козаченки» съ такой силой, что гусиное перо издало звукъ наподобіе «кrrr» и чернильные брызги вѣеромъ разлетѣлись по бумагѣ, написалъ «козаки», подписалъ, подалъ мнѣ и сказалъ:

— Извольте... Прощайте! Надѣюсь, мы больше съ вами не увидимся?

— Надѣюсь,—сказалъ и я.

Да, мы никогда больше не видались.

Полицеймейстеръ гор. Кременчуга.

Съ очень похожимъ чудакомъ-полицеймейстеромъ, но добрѣе и мягче дубенскаго исправника, мнѣ затѣмъ пришлось столкнуться въ городѣ Кременчугѣ Полтавской губерніи.

Предварительно я долженъ рассказать случай, происшедшій тамъ до назначенія этого полицеймейстера.

Въ мѣстномъ городскомъ саду бывали ежедневно гулянья, и подвизались на открытой сценѣ разные куплетисты, пѣвички, рассказчики, акробаты и проч., нѣчто вродѣ кафе-шантана. Объ этихъ гуляньяхъ выпускались широковъщательныя афиши саженой величины и каждый разъ носили новыя громкія названія вродѣ: «Вечеръ въ Венеціи», «Праздникъ въ Парижѣ», «Въ цыганкомъ таборѣ» и др. Само собою разумѣется, что это были лишь названія,—плодъ фантазіи рекламиста, ибо и на «Вечерѣ въ Венеціи», и въ «Цыганскомъ таборѣ» происходило одно и то же, по одной и

той же программѣ. Надо же было чѣмъ-нибудь заинтересовать публику, падкую на всякаго рода рекламу.

Какъ-то появляется афиша съ названіемъ: «Вечеръ смѣха и забавы». Между прочимъ выдвинуто крупнымъ же шрифтомъ слѣдующее: «физикомъ Краузе будетъ показана туманная картина «Крушеніе императорскаго поѣзда на станціи Борки». При чтеніи афиши рѣзко выдѣлялось: «Вечеръ смѣха и забавы» и «Крушеніе поѣзда». Конечно, такая дерзкая несуразность могла произойти совершенно случайно,—по безграмотности писавшаго афишу или по недосмотру наборщика и типографіи. Однако это не прошло незамѣченнымъ. На афишу обратилъ вниманіе находившійся въ то время въ Кременчугѣ по дѣламъ службы чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и представилъ въ Полтавѣ начальнику губерніи. За недосмотръ былъ уволенъ мѣстный полицеймейстеръ, а на его мѣсто назначенъ исправникъ уѣзднаго города Пярятина, о которомъ я и поведу рѣчь.

Пресимпатичный и добродушный старикашка, типичный малороссъ, приземистый, съ нѣсколько сторбленной фигурой, съ отвислымъ круглымъ брюшкомъ, посомъ грушей, большой розовой лысиной и торчащими книзу сѣдыми усами, какъ у Шевченка, даже и лицомъ въ общихъ чертахъ нѣсколько схожій съ лицомъ этого великаго украинскаго поэта, по типу онъ ни въ какомъ случаѣ не походилъ на грозныхъ полицеймейстеровъ другихъ городовъ могучей Россіи, съ какими въ доброе старое время мнѣ приходилось сталкиваться. То народъ былъ все больше крупный, атлетическаго сложенія, съ молніеноснымъ взглядомъ, съ голосомъ, рыкающимъ, аки левъ. Иной, бывало, какъ рявкнетъ на тебя,—душа въ пятки уходитъ, дрожишь передъ нимъ, какъ осиновый листъ, не зная, на какую ногу ступить и какъ начать рѣчь, ибо языкъ прилипалъ къ гортани. А сей мягкосердый градоправитель, когда къ нему являлись актеры за разрѣшеніемъ спектаклей или за подписью афишъ, обыкновенно говорилъ самымъ ласковымъ заискивающимъ тономъ и на чистомъ малорусскомъ языкѣ:

— Голубчики, роднесенъки, я вамъ все сдѣлаю, все разрѣшу, все подпишу, толькo не подведите меня, Христа ради, какъ подвели актеры моего предмѣстника. Вы знаете, какъ его подвели?

Тутъ онъ со всей подробностью рассказывалъ о злополучной афишѣ «Вечеръ смѣха и забавы», какъ она попала къ губернатору и какія вышли послѣдствія.

— И вотъ человекъ постраждалъ, можно сказать, безвинно постраждалъ, потерялъ доброе имя, службу, положеніе... жена, дѣти... Причисленъ въ штатъ губернскаго правленія, а вы знаете, что для нашего брата полицейскаго, ежели причислятъ въ штатъ губернскаго правленія, значить, какъкъ, крышка на всю карьеру, тамъ тебѣ жаба и цицьки дасть.

Все это онъ рассказывалъ такимъ плачущимъ тономъ, что его, дѣйствительно, становилось отъ души жалко.

— Не подведите и вы меня. Мнѣ осталось всего два года до полнаго пансіона, формуляръ мой не запятнанъ, дослужу, и Богъ съ ней, съ этой службой. Жилъ я себѣ въ Прилукахъ какъ у Христа за пазухой, тихо, покойно, а меня вдругъ ни съ сего, ни съ того перевели въ такой большой городъ. Въ Пирятинѣ я былъ самъ себѣ пань. Если прїѣзжали актеры или какіе-нибудь комедіантчики, я съ ними не церемонился: напьются, передерутся, я ихъ прямо въ участокъ до вытрезвления, на другой день еще и спасибо скажутъ. А тутъ прїѣзжаютъ всякія знаменитости, я не знаю, какъ съ ними и обращаться... Полтава подъ бокомъ, тамъ начальство, того и гляди—вскочишь въ какую-нибудь исторію... Подумать страшно, какъ я дослужу эти два года... Охъ, не подведите меня, не подведите, голубчики, родные!

— Кто же будетъ васъ подводить?—успокаивали мы.

— Ну, не скажите, а и со мной уже былъ подходящій случай... Вы послушайте, какъ и меня подвели эти самые актеры... Выпускаютъ мною подписанную афишу... Я же подписываю простой листъ бумаги, а Богъ ихъ знаетъ, какъ они напечатаютъ... Приносятъ мнѣ афишу, читаю, и... о, ужасъ!.. До чего додумались, негодяи: текстъ напечатанъ по нарисованной малорусской хатѣ. Хата съ трубой, изъ трубы клубится дымъ, а въ этомъ дыму напечатано: «съ разрѣшенія начальства...» А? Какъ вамъ это покажется?.. Съ дымомъ пустили начальство!.. Конечно, я приказалъ городовымъ сорвать такое безобразіе и уничтожить. А, не приведи Богъ, начальство узнало бы, и меня постигла бы участь моего предмѣстника... А мнѣ осталось всего два года службы... Не подведите же меня, миленькіе, ради Бога!

И онъ вновь дѣлалъ умоляющее лицо, скрещивалъ на груди руки и подкатывалъ масляные глазки.

Впрочемъ, за два мѣсяца нашего пребыванія въ Кременчугѣ у насъ съ нимъ никакихъ пререканій не произошло, и мы его не подвели.

Единственный разъ не позволилъ онъ намъ поставить водевиль «По ревизіи». И не то, чтобы не дозволилъ, а скорѣе упросилъ...

— Я знаю почти наизусть этотъ водевиль,—говорилъ онъ:—мнѣ сынишка-гимназистъ привезъ его изъ Полтавы... Очень правдиво и хорошо написано, такое именно бываетъ по селамъ... Только ужъ черезчуръ карикатурно выведены сельскія власти. По-моему, такого не слѣдуетъ обнаруживать публично. Они тоже въ своемъ родѣ начальники и до такого безобразія доходятъ въ присутственномъ мѣстѣ. Этакъ могутъ и меня осмѣять, и другое начальство, повыше меня... Пожалуйста, если можно, обойдитесь и не ставьте его.

Я согласился съ его желаніемъ и водевилъ снялъ съ афиши.

Про него рассказывали еще такой забавный курьезъ.

Это было вскорѣ по приѣздѣ его въ Кременчугъ на должность полицеймейстера. Прислали ему для подписи афишу того же пресловутаго сада. Въ афишѣ, между прочимъ, значилось: «сегодня первый дебютъ извѣстнаго артиста столичныхъ театровъ, комика-куплетиста Моисея Ильича Вильде».

Полицеймейстеръ потребовалъ документъ артиста.

Вообразите негодование дебютанта и удивленіе публики, когда на другой день появилась на витринахъ афиша съ такимъ текстомъ: «сегодня первый дебютъ шкловскаго мѣщанина Мошки Эліовича Пурица».

Оказывается, чудакъ въ афишѣ зачеркнулъ сценической псевдонимъ куплетиста и написалъ настоящее званіе и фамилію его по документу, а типографія напечатала по исправленному.

Полицеймейстеръ Мариуполя.

Одно время я держалъ русскую оперетку и вояжировалъ по южнымъ городамъ. Случилось мнѣ завернуть въ городъ Мариуполь, при Азовскомъ морѣ. Тогда это былъ небольшой городокъ, довольно грязный и неказистый.

Представляю полицеймейстеру:

— Имѣю честь представиться, господинъ полковникъ... и т. д.

Оговорюсь,— между актерами принято называть полицеймейстеровъ и исправниковъ «полковниками». Замѣчено: льстить ихъ самолюбію, а особенно чиновъ гражданскихъ.

— А-а, весьма и весьма пріятно! Садитесь, прошу!

Такъ привѣтствовалъ меня градоправитель. Немолодой уже, тяжеловѣсный мужчина военной складки, широкоплечій, круглолицый, въ бакахъ, съ громадными усищами. Фигурой онъ напоминалъ кипящій самоваръ.

— Опереточка, опереточка, это очень хорошо! Расшевелите, расшевелите нашу уснувшую публику. Тоска и скука здѣсь одолеввають... Люблю оперетку, грѣшнымъ дѣломъ, большой поклонникъ этого жанра... я всѣ оперетки знаю...

Три богини спорить стали
На зарѣ въ вечерній часъ,
Эво-э, богини эти,
Чтобы юношу плѣнить!».

— пропѣлъ онъ хриплымъ басомъ.

— Хе-хе-хе! У васъ, вѣроятно пойдетъ безсмертная «Бель-Елень»? Чудная вещь!.. Шедевр!.. А Елена у васъ красивая особа? Платье съ разрѣзомъ, трико розвое, пиканте! Хе-хе-хе!

Прошлымъ лѣтомъ удостоился лицезрѣть въ этой роли несравненную Серафиму Бѣльскую! Вотъ кого-съ! Шикъ что такое! Когда я былъ въ Екатеринославѣ приставомъ, ни одной оперетки не пропускалъ... Доставалось мнѣ отъ покойницы жены,—бѣда! Я придумывалъ всевозможные предлоги и стремился въ оперетку, люблю... Балетъ и оперетка—моя страсть... Я старый театраль... театраломанъ... Да, посмотримъ, посмотримъ... очень радъ вашему прїѣзду... Все же долженъ васъ предупредить,—я формалистъ, страшный формалистъ. Вамъ, конечно, извѣстны циркуляры и распоряженія правительства касательно театральныхъ зрѣлищъ? Пьесы должны быть разрѣшаемы по цензурованнымъ экземплярамъ и по спискамъ управления по дѣламъ печати. Но вотъ бѣда, у меня эти списки не полные, многіе затеряны еще моимъ предмѣстникомъ, и тѣ пьесы, которыхъ не нахожу въ своихъ спискахъ, я требую цензурованныя. На этой почвѣ происходятъ у меня постоянныя недоразумѣнія съ прїѣзжими актерами... Господинъ Кацъ!

На зовъ явился плюгавый субъектъ въ мундирѣ околотчнаго, съ перомъ за ухомъ, въ очкахъ на кончикѣ носа, съ подслѣповатыми слезливыми глазками и настоящимъ еврейскимъ типомъ лица.

— Отберите вотъ отъ господина антрепренера подписку, что ему извѣстны циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати относительно разрѣшенія пьесъ... Да, вотъ еще,—вернулся онъ ко мнѣ:—документы вашихъ артистовъ должны быть исправны и представлены лично мнѣ, на это тоже имѣется циркуляръ. Я, батенька мой, и по части документовъ очень строгъ... Городъ приморскій, претъ сюда всякая сволочь... Въ особенности съ вашимъ братомъ актеромъ надо держать ухо востро... Массу примѣровъ знаю, будучи еще въ Екатеринославѣ приставомъ, какъ подъ псевдонимами актеровъ скрывались даже государственные преступники. У меня, ежели документъ не въ порядкѣ, я сейчасъ—фюить,—проходное свидѣтельство и за черту города... У васъ, конечно, жида есть?

— Есть въ оркестрѣ, хорѣ.

— Бестія! Терпѣть не могу этого проклятаго племени и весь у нихъ въ рукахъ, долговъ по маковку... Гдѣ только возможно, всегда жиду сдѣлаю пакость. Неужели и вы не можете обойтись безъ этихъ мерзавцевъ?

— Невозможно,—лучшіе музыканты, пѣвцы, не пьяницы, аккуратны на службѣ.

— Да, надо отдать справедливость,—способно бѣсово племя и въ то же время ужасно вредно, ужасно. Вотъ и у меня сей типъ тоже жидъ, крещеный жидъ.

Онъ указалъ на околотчнаго, который въ это время подошелъ съ циркулярами и подписками.

— Обратите вниманіе на рожу,—пархъ настоящій! Крестиль его, мочилъ, культивировалъ, а типа не выкрестиль, морда такъ и осталась жидовская, съ чесночнымъ запахомъ... Ха-ха-ха! Тоже, бестія, лучший чиновникъ, сыщикъ, а какъ ловко умѣетъ деньги занимать, что твой Рыковъ въ Скопинскомъ банкѣ. Всѣмъ дѣломъ у меня въ управленіи ворочаетъ, обойтись не могу безъ этого парха... хе-хе-хе!

— И что это у васъ, Семень Николаевичъ, за привычка постоянно ругаться при постороннихъ людяхъ! Они подумаютъ на самомъ дѣлѣ,—полушутя обидѣлся господинъ Кацъ.

— Ахъ ты, дурачекъ, да развѣ я тебя ругаю всерьезъ,—я шучу.

— Вѣчно—пархачъ, пархачъ... И ничего въ минѣ жидовскаго давно нѣтъ, я вже два года, какъ искрестился. Кто и не подумаетъ, что я изъ жидовъ, а вы сейчасъ отрекомендуете.

— Ха-ха-ха! Да кто же, глянувъ на тебя, можетъ не подумать, что ты жидъ?.. Наконецъ слово «пархачъ» для жидовъ вовсе не обидное. Миѣ одинъ каналья-жидъ объяснилъ такъ: евреи, говорить, какъ птицы, порхаютъ съ мѣста на мѣсто, поэтому ихъ и называютъ «пархачи», отъ слова «порхать», понимаете?.. Ха-ха-ха!..—острилъ полицеймейстеръ и хохоталъ.

При этомъ какъ-то надувался, краснѣлъ, пыхтѣлъ, поздри расширились, и онъ еще больше походилъ на кипящій самоваръ.

Афиши первыхъ двухъ спектаклей подписалъ,—пьесы оказались въ спискахъ. Я, въ свою очередь, далъ подписку, что циркуляры миѣ извѣстны, и мы «разстались друзьями». Онъ любезно проводилъ меня до выхода, все время шутилъ, острилъ и напѣвалъ мотивы изъ оперетокъ.

Вызываетъ меня на другой день... Мраченъ и сердитъ, разсматриваетъ наши документы.

— Батюшка, такъ невозможно. Оказывается, у васъ ни одного документа нѣтъ въ порядкѣ, то просроченъ, то отсроченъ. А какая-то сударыня проживаетъ чуть ли не по исполнительному листу мирового судьи... Что это за документъ?

Онъ вынулъ изъ пачки и швырнулъ миѣ четвертушку бумаги. Это было дѣйствительно удостовѣреніе мирового судьи, что документъ такой-то находится при искомомъ дѣлѣ.

— Это безобразіе! Жиды у васъ и тѣ съ просроченными документами. Чтобы ихъ духу здѣсь не было! Вы антрепренеръ, вы воюжете изъ города въ городъ, прежде всего должны были озаботиться о исправности документовъ вашихъ служащихъ, а вы возите шайку какихъ-то бродягъ!

Напрасно я старался его урезонить, что именно вслѣдствіе частыхъ переѣздовъ группы изъ города въ городъ артисты лишены возможности мѣнять документы. Не могутъ съ точностью указы

вать адреса, куда высылать ихъ, и за многими новые документны досылаются изъ города въ городъ и не могутъ найти.

— Объ этомъ надо было подумать раньше.

— Я вояжирую съ трупой уже второй годъ, а документы обыкновенно выдаютъ годовые.

Никакіе доводы не помогали.

— У васъ тутъ всякій сбродъ... Быть можетъ, многіе изъ нихъ за это время совершили рядъ преступленій, ихъ ищутъ и не могутъ разыскать, ибо они скрываются подъ вашей защитой.

Пушилъ онъ меня, пушилъ и безапелляціонной резолюціей положилъ: двухъ музыкантовъ и одного хориста—свреевъ, документы которыхъ были просрочены, немедленно выселить изъ города.

Я принужденъ былъ отправить ихъ въ Таганрогъ, гдѣ они и ожидали приѣзда труппы изъ Мариуполя. Особу съ «исполнительнымъ листомъ», какъ онъ называлъ, милостиво оставилъ.

— Жалко, хорошенькая канашка, вчера въ роли Жерменъ была безподобна... Ея фамилія по сценѣ З—ская? Она дѣвица, дама?

— Дѣвица...

— А, это хорошо... Такъ и быть, я ее оставляю, оставляю на свою отвѣтственность, такъ ей и передайте.

Этимъ не кончилось; онъ прислалъ пристава, который, собравъ всю труппу на сценѣ, свѣрялъ документы каждаго лично по приѣтамъ.

Прошло четыре спектакля безъ особыхъ инцидентовъ и придинокъ со стороны строгаго полицеймейстера. Посылаю афишу: «Прекрасная Елена».

Является посланный, сообщаетъ, что афиши не подписываетъ, нѣтъ въ спискахъ. Кричитъ и ругается... Почему, говоритъ, самъ антрепренеръ не является ко мнѣ съ докладомъ, а присылаетъ какихъ-то дураковъ. Что онъ за великая птица?

Иду самъ.

— Не подпишу, не нахожу въ спискахъ.

— Что вы, г. полковникъ. Самая старая изъ оперетокъ, пощите въ самыхъ старыхъ спискахъ.

— А вотъ именно этого-то стараго списка у меня и нѣтъ. Потрудитесь представить цензурованный экземпляръ, иначе не подпишу.

— Гдѣ же я его сейчасъ возьму? Цензурованныхъ экземпляровъ старыхъ пьесъ у меня совсѣмъ нѣтъ, повсемѣстно разрѣшаютъ по спискамъ. Я же не виноватъ, что у васъ этихъ списковъ нѣтъ.

— А я вотъ не могу подписать да и только. Какое же у меня будетъ доказательство, что пьеса разрѣшена?

— Помилуйте, г. полковникъ, какъ не разрѣшена? Я вамъ представлю двадцать афишъ другихъ городовъ, гдѣ я игралъ, въ томъ числѣ вашего же губернскаго города Екатеринослава.

— Для меня это не составит законнаго основанія и доказательства. Меня спросятъ: на какомъ основаніи вы разрѣшили оперетку «Прекрасная Елена», когда въ вашихъ спискахъ ея нѣтъ? А я имъ покажу въ доказательство вашу афишу... Да меня, батюшка, за это такъ взбутафенять, что небу будетъ жарко!

— Кто же не знаетъ «Прекрасной Елены»? Вы же сами, г. полковникъ, говорили, что видѣли въ Екатеринославѣ?

— Видѣлъ и не разъ видѣлъ, десять разъ видѣлъ и всю чуть ли не наизусть знаю, а разрѣшить не могу, согласно циркуляру.

Несмотря ни на какіе доводы, увѣренія и просьбы, не подписалъ.

Случилось затѣмъ мнѣ быть въ компаніи, такъ сказать, сливокъ маріупольскаго общества. Тамъ были: городской голова, нѣсколько офицеровъ мѣстнаго гарнизона, ротмистръ жандармеріи, адвокаты, купечество, присутствовалъ и полицеймейстеръ.

Одинъ изъ офицеровъ обратился ко мнѣ:

— Почему вы не поставили «Прекрасную Елену»?

— Да вотъ, говорю, г. полковникъ не разрѣшаетъ.

— Какъ? Почему?—удивились всѣ.

— У меня цензурованныхъ списковъ нѣтъ,—былъ отвѣтъ градоправителя.

Всѣ стали увѣрять, что оперетку видѣли, знаютъ, дозволена, ручаются, давали подписку, просили, но полицеймейстеръ остался непоколебимъ.

Такъ мы и уѣхали изъ Маріуполя, не поставивъ «Прекрасной Елены».

Грозный тюменскій исправникъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ служилъ я режиссеромъ въ труппѣ антрепренера Г. О. Любимова-Дергача. Сей театральннй дѣятель былъ извѣстенъ своею толщиною, вѣсилъ что-то болѣе восьми пудовъ и прославился въ свое время неудачной поѣздкой въ Парижъ съ труппой малороссовъ, откуда его злосчастная труппа вернулась въ Россію чуть ли не по образу пѣшаго хожденія.

Лѣтомъ мы кочевали по Уралу, а къ зимѣ закинуло насъ въ далекую Тюмень. Это уже территорія необъятной Сибири.

Тюмень въ то время и городомъ нельзя было назвать, скорѣе большимъ торговомъ селомъ. Десятка два кирпичныхъ зданій да мельница съ театромъ, принадлежавшимъ мѣстному богачу Такутеву. Все же остальное—убогія избушки-лачуги, раскинутыя въ беспорядкѣ по склону горы къ рѣкѣ Тюменкѣ, теперь занесенныя свѣгомъ и инеемъ, казались большими сугробами... Зима стояла лютая, морозы доходили до сорока градусовъ.

Скверно намъ было въ Тюмени, охъ, какъ скверно! Дѣль, что называется, никакихъ, а составъ труппы болѣе пятидесяти человекъ,

совсѣмъ не по такому убогому городу. Покойничекъ Дергачъ, не тѣмъ будь помянуть, никогда не стѣснялся въ составѣ труппы и бюджетѣ, ибо, если дѣла шли хорошо, платилъ жалованье, а дѣлъ не было—и денегъ не было. Словомъ, это былъ предприниматель безъ риска. Условія съ Тюменью—сезонъ до поста—съ такимъ громаднымъ составомъ немыслимо выдержать, и только антрепренеръ, ничѣмъ не рискующій, каковымъ былъ Дергачъ, могъ принять. Перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ и терпѣливо ждали чего-то, ждали Рождества. Вотъ, молъ, праздниками дѣла поправятся, и жизнь улыбнется. Да не тутъ-то было, дождались и праздниковъ, однако дѣла улыбнулись мало. Заѣдала насъ конкуренція: народные спектакли любителей въ ужаснѣйшемъ циркѣ, куда публику пускали чуть ли не даромъ, и маскарады въ общественномъ клубѣ. Маскарады, доступные всѣмъ, а потому съ вѣчными скандалами, драками и прочими инцидентами. Удивительно, что эти-то скандалы и усугубляли къ маскарадамъ интересъ публики. Захолустная публика такихъ медвѣжьихъ уголковъ, какъ Тюмень, очень падка на подобныя, къ тому же даровыя зрѣлища. Выкинетъ какой-нибудь фортель разгулявшійся мѣстный саврасъ безъ узды, и пойдутъ толки и пересуды на цѣлую недѣлю, а тамъ вновь ждутъ съ нетерпѣньемъ маскарада и новаго скандала. И вотъ такими развлеченіями заполняется скучная, сѣрая и неприглядная захолустная жизнь. И не только въ далекой Сибири, а, я помню, и въ коренной Россіи, въ нѣкоемъ градѣ Муромѣ, во время моего тамъ пребыванія съ труппой, когда закучивалъ мѣстный тузъ-фабрикантъ, онъ же городской голова, въ театрѣ у насъ бывало несравненно больше публики. Шли въ театръ въ ожиданіи, что сей саврасъ явится на спектакль и обязательно выкинетъ какой-нибудь трюкъ. И дѣйствительно, однажды на спектаклѣ, во время самой драматической сцены, онъ вдругъ сорвался съ мѣста, схватилъ на руки рядомъ сидѣвшую даму и съ крикомъ «ура!» поднялъ ее на воздухъ и закачалъ. Пока его урезонивали и выводили изъ залы, пришлось среди акта опустить занавѣсъ.

Такъ и въ Тюмени рѣдкій маскарадъ въ клубѣ обходился безъ скандала, и публика туда валомъ валила, ожидая новыхъ трюковъ мѣстныхъ саврасовъ безъ узды. Трюки эти бывали самаго грубаго и пошлаго свойства: то пьяный купчина уляжется въ танцевальномъ залѣ и хватаетъ за ноги танцующихъ дамъ, то какой-то шутникъ обсыплетъ порошкомъ іодоформа платья дамамъ, то маски передерутся между собой изъ ревности, то пьяная компанія публично обнажить дѣвицу сомнительнаго поведенія и пр. въ этомъ родѣ. Очень миленькія шуточки, не правда ли? А публикѣ вотъ это и правилось.

Встрѣчаю мѣстнаго обывателя.

— Какъ проводите время?

— Вчера былъ на маскарадѣ въ клубѣ...

Въ голосѣ его звучитъ разочарованіе и неудовольствіе.

— Опять скандалъ?

— Какое? Всѣ ждали, что С. опять выкинетъ что-нибудь. Представьте, обошлось благополучно... Такая досада, даромъ пропала вечеръ, лучше пошелъ бы къ вамъ въ театръ.

И это говорилъ интеллигентъ. Быть свидѣтелемъ безобразнаго, скандальнаго инцидента на маскарадѣ онъ предпочиталъ всякимъ разумнымъ развлечениямъ.

Да, «веселая» публика населяла этотъ медвѣжій уголокъ! Отъ такой публики театру трудно ожидать успѣха.

Пьесы серьезнаго репертуара положительно ничего не давали, попробовали ставить «чорта въ стулѣ», и дѣла нѣсколько оживились.

Въ одной изъ такихъ пьесъ, одно названіе которой доказываетъ, какого это сорта фруктъ (полный сборъ), а именно: «Солдаты Яшка—красная рубашка», или «Чертовщина на Лысой горѣ», чортъ Анчутка докладываетъ въ аду сатанѣ о своихъ похожденияхъ на землѣ и про дѣла мірекія ¹⁾. Актеръ П., изображавшій Анчутку, скажи отъ себя слѣдующее: «Былъ и въ Тюмени, бывалъ въ клубъ на маскарадахъ, скандалилъ, дрался, хваталъ дамъ за ноги, обсыпалъ іодоформомъ, обнажалъ дѣвицы...»

«— И что же, публика послѣ твоихъ скандаловъ посѣщаетъ такой клубъ? —спрашиваетъ сатана.

«— Валою валить, любить скандалы... Но какая же это публика? Конечно, порядочная публика не станетъ посѣщать такое учрежденіе, она идетъ въ театръ, а шушера всякая идетъ на маскарадъ».

«— И что же, эти продѣлки твои на маскарадахъ прошли безнаказанно?

«— Напротивъ, отъ старшинъ клуба депутація приходила благодарить и просила слѣдующій разъ выкинуть еще что-нибудь попикантнѣе. По-ихнему, это большая реклама для просвѣтительнаго значенія клуба. Разъ хотѣли было вывести, я, по правдѣ сказать, такое выкинулъ, что и рассказывать неприлично, такъ стражника нигдѣ не нашли. Тамъ и стражники веселые ребята, на постахъ не стоятъ, холодно, морозы, они и грѣются по кабачкамъ».

На другой день, раннимъ утромъ, антрепренера, меня и актера П. потребовалъ исправникъ.

Мы, конечно, догадались, въ чемъ дѣло. Намъ послѣ спектакля уже предупредалъ дежурный приставъ, что намъ за эти разговоры нагорить отъ исправника.

Значитъ, насъ тянули на цугундеръ... Что жъ? Особеннаго ничего не было, обыкновенная шутка, только для Тюмени это ново и

¹⁾ По пьесѣ допускаются разговоры на мѣстную глобу дня.

неслыханно. Конечно, никогда не могли мы ждать того, что произошло.

Являемся. Антрепренерь не пошелъ, онъ казался больнымъ.

Исправникъ, внушительный господинъ съ вклокоченной шевелюрой, съ громадной рыжей окладистой бородой, весь красный и лоснящійся, какъ спѣлый помидоръ, съ глазами навывать, налитыми кровью, вѣроятно, отъ безсонной ночи, сразу накинулся на насъ, аки левъ рыкающій:

— Вонь! Въ 24 часа вонь! Чтобы и васъ, и вашего антрепренера, и трупы вашей въ городѣ не было!

Мы замерли.

— Позвольте узнать, за что?—робко спросилъ я.

— Вы оскорбили все тюменское общество! Вы задѣли мѣстное начальство! Этотъ господинъ,—онъ указалъ на актера П., какъ мнѣ доложили, на вчерашнемъ спектаклѣ осмѣлился острить по адресу мѣстнаго клуба, и негодяй позволилъ...

— Господинъ исправникъ, попрошу такъ не...

— Молчать! Позволилъ себѣ сказать, что никто порядочный въ клубѣ не бываетъ... Какъ это никто порядочный не бываетъ? Я учредитель этого клуба, я бываю тамъ ежедневно, моя жена, мои дочери... Все избранное и интеллигентное общество города—члены клуба, и вы осмѣлились такое сказать? Ну, благодарите Бога, что я не былъ на вчерашнемъ вашемъ представленіи, я показалъ бы вамъ остроты. Вы бы и спектакль не кончили... Мерзость, пакость, безобразіе!.. Гдѣ же эта жирная скотина, вашъ антрепренерь? Почему не явился?

— Воленъ, въ постели.

— Притворяется, каналья! Ладно! Я его со стражниками приволоку!.. Вы режиссеръ,—набросился на меня:—какъ вы могли допустить подобное безобразіе на сценѣ?

— Въ цензированной пьесѣ есть оговорка, что допускаются разговоры на мѣстную злобу дня.

— А я сказалъ только то, что было и всѣмъ въ городѣ извѣстно,—оправдывался П.

— Молчать!—рявкнулъ исправникъ и ударилъ кулакомъ по столу.—Какъ вы смѣли сказать, что стражники не бываютъ на постахъ?

— Г. исправникъ, смѣю васъ увѣрить, что я лично послѣ каждаго спектакля съ вашими постовыми стражниками бываю въ кабачкѣ.

— Врете! Этого быть не можетъ! Уйдите изъ глазъ! А то я за себя не поручусь! Уберите, уберите его! Я видѣть не желаю его противную рожу.

Въ дверяхъ показался полицейскій стражъ, но П. благоразумно вышелъ самъ.

— Негодяй, каналья, смѣетъ еще разговаривать!

— Можетъ, и мнѣ лучше удалиться, а то вы, г. исправникъ, слишкомъ волнуетесь,—замѣтилъ я.

— Оставайтесь. Съ кѣмъ же я буду разговаривать?.. Впрочемъ, что тутъ долго разговаривать... Въ 24 часа чтобы васъ всѣхъ не было! Такъ и передайте вашему антрепренеру.

— Хорошо,—согласился я:—но прошу васъ оформить этотъ приказъ и выдать намъ копию.

— Это зачѣмъ?

— Вы власть не безапелляціонная, мы будемъ жаловаться.

— Хорошо, можете жаловаться кому угодно... А пока ступайте и объявите всѣмъ, чтобы были готовы оставить городъ къ вечернему поѣзду, который отходить въ одиннадцать часовъ ночи, иначе я приму принудительныя мѣры.

— Во всякомъ случаѣ выбраться изъ города въ 24 часа, какъ вы говорите, мы не можемъ. Насъ болѣе пятидесяти человекъ, дѣла, какъ вамъ извѣстно, плохи, антрепренеръ жалованья не платитъ. Всѣ задолжали за квартиры, обѣды и пр. Вамъ тогда самимъ придется улаживать наши дѣла, т. е. разсчитываться за квартиры и обѣды, кромѣ того, дать проѣздъ до ближайшаго города.

— Это почему?

— А потому, что у насъ нѣтъ средствъ на выѣздъ, еще разъ повторяю.

— И не будетъ. Вы озлобили противъ себя всѣхъ и хотите, чтобы у васъ были сборы... Кто же захочетъ ходить туда, гдѣ его оскорбляютъ? Все равно къ вамъ въ театръ теперь никто не пойдетъ, можете закрывать лавочку, и вамъ лучше всего убираться по добру, по здорову, а то подохнете съ голоду.

— Вчера вотъ былъ полный сборъ.

— Еще бы, вы тамъ какихъ-то чертей разыгрывали и всякую чушь болтали.

— До конца сезона остался всего одинъ мѣсяць, дѣла могутъ поправиться, а тамъ видно будетъ, какъ мы ковчимъ сезонъ. Тогда и сами найдемъ средства къ выходу, а сейчасъ вы насъ гоните изъ города и гоните безъ достаточнаго повода.

— Какъ безъ повода? Это мнѣ нравится! Я поступаю по закону.

— Не думаю, чтобы существовалъ законъ о выселеніи изъ города корпораціи въ пятьдесятъ человекъ за пустую шутку одного лица.

— Это не шутка, это оскорбленіе властей и гражданъ города.

— Клубъ можетъ считать себя оскорбленнымъ, да. Хотя, простите, не понимаю чѣмъ? Все это было, всѣмъ извѣстно. А полета членовъ клуба не составляютъ еще цѣлаго города, въ которомъ насчитываютъ до двадцати тысячъ жителей. Впрочемъ, я сейчасъ пришло къ вамъ всю труппу въ полномъ составѣ съ чадами и домочадцами, объяснитесь съ ними.

Я повернулся къ выходу.

— Пойдите! Вы въ самомъ дѣлѣ направите ко мнѣ всю вашу ораву, что мнѣ съ ними объясняться?.. Гм... Надо это какъ-нибудь уладить... Не можетъ же такой подлый и дерзкій поступокъ вашего товарища остаться ненаказаннымъ... Ну... выселять трупы я, конечно, не стану... Хотя на это имѣю законное основаніе, тутъ и оскорбленіе властей и прочее... А этого негодяя П. гоните вонъ! Гоните, чтобы духу его въ городѣ не было!

— Выгнать его среди сезона изъ такого далекаго города мы, по нашимъ театральнымъ правиламъ, тоже не можемъ. Мы можемъ оштрафовать его, да...

— Ну, оштрафуйте.

— Я его оштрафую на двадцать пять рублей.

— Хорошо... Объявленіе о наложеніи штрафа напишите по приказанію исправника, за.. за... позволенную дерзость со сцены въ спектаклѣ такомъ-то. Вывѣсите это объявленіе на видномъ мѣстѣ при входѣ въ театръ, чтобы публика могла читать... и передайте этому нахалу, если онъ попадется еще разъ въ чемъ-нибудь, я съ нимъ расправлюсь по-своему... Я его по этапу отправлю! Ступайте!

Конечно, мы все исполнили по приказанію начальника: штрафъ вывѣсили на видномъ мѣстѣ по личному указанію присланнаго исправникомъ полицейскаго чиновника, и плакать этотъ красовался у кассы до конца сезона.

Закончили сезонъ въ Тюмени благополучно и никакихъ столкновеній съ исправникомъ не имѣли. Только послѣ описаннаго за кулисами на репетиціяхъ и спектакляхъ дежурилъ полицейскій чинъ, на обязанности котораго лежало «неукоснительно» слѣдить, не прибавляютъ ли актеры отъ себя чего недозволеннаго, и доносить строгому градоправителю.

Бѣловъ—полицеймейстеръ Воронежа.

А вотъ хорошаго человѣка и снисходительнаго къ нашей актерской братіи всегда помянешь добрымъ словомъ... Покойникъ онъ давно, и да будетъ ему земля пухомъ!

Въ Воронежѣ что-то очень долго былъ полицеймейстеромъ полковникъ Бѣловъ. Этого идеальнаго во всѣхъ отношеніяхъ градоправителя и до сихъ поръ старожилы поминаютъ добромъ, и не только граждане Воронежа, но и актеры, антрепренеры и всѣ вообще, кому съ нимъ приходилось сталкиваться и имѣть дѣло. Кто изъ служившихъ въ то время въ Воронежѣ актеровъ не помнитъ этого симпатичнаго, маститаго старца? Его статной, молодцоватой фигуры, красиваго лица съ громадной сѣдой окладистой бородой и вѣчной ласковой улыбкой при встрѣчѣ? Кто не припомнитъ его любезнаго обращенія, его шутокъ, прибаутокъ при мирномъ улаживаніи вся-

кихъ актерскихъ недоразумѣній, споровъ и инцидентовъ? Это былъ поистинѣ другъ и заступникъ актеровъ.

Никогда онъ по театру ни къ чему не придирался и даже законныя свои требованія онъ выражалъ въ такой мягкой формѣ, что они скорѣе походили на просьбу. Безпрекословно подписывалъ анонсы, афиши и рекламы и никакихъ цензурованныхъ экземпляровъ не требовалъ.

Кто того не знаетъ, сколько при придирчивыхъ администраторахъ и формалистахъ приходится затрачивать времени и чиновникамъ полицейскаго управленія, и театральнымъ служащимъ на одно отыскиваніе пьесъ по многочисленнымъ спискамъ главнаго управленія? Иногда роешься, роешься самъ, отыскивая по алфавиту пьесу, и другихъ отрываешь отъ дѣла, а она, проклятая, заберется въ какое-нибудь дополненіе или прибавленіе и точно издѣвается надъ тобой. Ищешь часъ, другой, пока на нее натрапишь. Или въ томъ случаѣ, когда вдругъ является необходимость спѣшной постановки новой или злободневной пьесы, а цензурованный экземпляръ или не полученъ, или затерянъ. Посылай, значить, въ Петроградъ. Пока пошлешь, пока получишь, пройдетъ мѣсяць, иногда и болѣе, постановка откладывается, а тамъ пропадаетъ къ ней интересъ, и получается явный ущербъ дѣлу.

Не то было при симпатичномъ Бѣловѣ. Онъ говорилъ такъ:

— Я думаю, вы и сами ничего незаконнаго не совершите, такъ какъ за это подвергаетесь отвѣтственности. Кому же охота подводить себя подъ отвѣтственность? Я читалъ, что пьеса прошла въ Петербургѣ, въ Москвѣ, значить, она дозволена. Тамъ, я думаю, слѣдять за этимъ лучше нашего, на томъ основаніи и я разрѣшаю.

Добрякъ часто, за неимѣніемъ времени, подписывалъ афиши на ходу, не читая, и однажды вмѣсто афиши подписалъ сценарій выходовъ, который ему по ошибкѣ подалъ нашъ помощникъ режиссера.

Представьте же мое огорченіе, я такого обязательнаго человѣка однажды совершенно неумышленно подвелъ подъ непріятность. Въ этомъ и сейчасъ глубоко раскаиваюсь.

Ставимъ мы пьесу «Карпатскіе охотники»—переводная мелодрама изъ жизни карпатскихъ горцевъ-русиновъ. Къ этой мелодрамѣ написана музыка тамошнимъ извѣстнымъ композиторомъ, уніатскимъ священникомъ Воробкевичемъ.

Выпускаемъ афишу.

Въ день спектакля на репетицію является Бѣловъ, вызываетъ меня.

— Что вы, батюшка, надѣлали? Вы меня съ своей сегодняшней пьесой поставили въ прескверное положеніе,

— Что такое? Пьеса самая безобидная, цензурованная, безъ единой вымарочки.

— Не въ томъ дѣло. Зачѣмъ вы на афишѣ написали, что музыка какого-то священника?

— Музыка и есть священника Воробкевича.

— Ну, вотъ... Сегодня вызываетъ меня архіерей... Что, думаю, такое случилось, зачѣмъ я понадобился владыкѣ? Пріѣзжаю... Спрашиваетъ меня: а какой это такой священникъ сочиняетъ музыку къ театральнымъ опереткамъ? Я, по обыкновенію, не читалъ афиши и не знаю, что вы тамъ пишете. Стою столбъ-столбомъ, разинувъ ротъ, и бессмысленно ворочаю глазами... Тутъ владыка показываетъ мнѣ сегодняшнюю вашу афишу и тычетъ пальцемъ. Читаю, дѣйствительно напечатано: музыка священника... «Какъ же это вы не знаете, что разрѣшаете?» замѣчаетъ недовольнымъ тономъ владыка. Приказалъ немедленно разслѣдовать: гдѣ находится этотъ священникъ, какого прихода, имя, отчество, словомъ, все подробно, и доложить ему.

— Объясните его преосвященству, что пьеса не оперетка, а мелодрама и музыка къ ней написана не нашимъ русскимъ священникомъ, а уніатомъ австрійской провинціи Галиціи. Пьеса переводная, изъ быта карпатскихъ русиновъ, самая безобидная по содержанию и дозволена цензурой безусловно.

— Почему же у этого попа фамилія русская?

— Потому, что Галиція есть украинская провинція, отошедшая подъ владычество Австріи, какъ, на примѣръ, наша та же Малороссія. Тамъ не такъ, какъ у насъ, попы и театры посѣщаютъ, пишутъ и пьесы и музыку свѣтскую.

— Я же объ этомъ никакого представленія не имѣю и само собою не могъ ничего объяснить владыкѣ, стою да ушами хлопаю... Напишите, пожалуйста, все это на бумагѣ подробно, я доложу владыкѣ... То есть это такъ вышло неловко... Ужасно неловко... Угораздило васъ написать «священникъ».

— Я же не могъ предположить, что изъ этого что-нибудь выйдетъ, наконецъ въ цензурованномъ экземплярѣ главнаго управленія по дѣламъ печати не вымарано.

— Признаться, если бы я и читалъ афишу, все равно не обратилъ бы на это вниманія. Какое мнѣ дѣло, кто тамъ музыку пишетъ— священникъ или монахъ?.. Опишите все и дайте мнѣ этотъ цензурованный экземпляръ... Дорогой мой, пожалуйста, прошу васъ, напередъ никогда не путайте поповъ въ это ваше театральное дѣло.

Я изложилъ подробное объясненіе и далъ цензурованный экземпляръ.

Полицеймейстеръ помчался къ владыкѣ. Затѣмъ прислалъ сказать, что его преосвященство удовлетворился объясненіемъ, но приказалъ въ расклеенныхъ по городу афишахъ зачеркнуть слово «священникъ», что и было исполнено постовыми городовыми.

Кажется, вотъ поступали и по цензурованному экземпляру, а вышла чловѣку непріятность.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ кряду я и самъ держалъ дѣло въ Воронежѣ и наѣзжалъ съ другими труппами и, кромѣ описаннаго инцидента, никакихъ недоразумѣній у насъ съ полковникомъ Бѣловымъ не происходило.

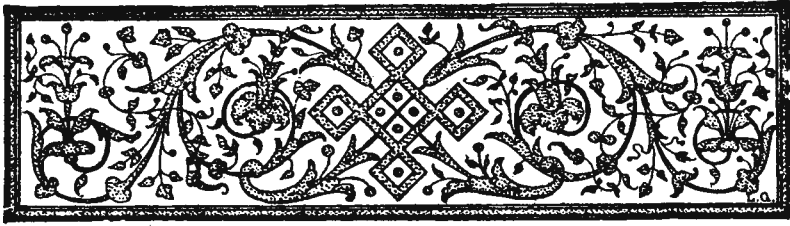
А не стало Бѣлова, въ слѣдующій же мой пріѣздъ вышла непріятность. По приказанію его замѣстителя былъ составленъ на меня протоколъ, и дѣло фигурировало и у мирового судьи. Меня обвинили въ томъ, что, играя въ малорусскомъ водевилѣ «Бувальщина» заштатнаго пономаря, былъ одѣтъ въ подрясникъ съ длинными волосами и въ гримѣ, напоминавшемъ дьякона мѣстнаго собора. А, видитъ Богъ, я не имѣлъ никакого злого умысла и дьякона этого никогда не видѣлъ и до того игралъ сто разъ въ такомъ же гримѣ. Значить, вышла простая случайность въ сходствѣ лица и фигуры. Одѣтъ былъ тоже не въ подрясникъ, а скорѣе въ длиннополый еврейскій лапсердакъ.

Однако мировой судья обвинилъ меня и оштрафовалъ на... одинъ рубль.

К. И. Ванченко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МАЛАНЬИНЪ ЗЯТЬ.

(Памяти С. Н. Шубинскаго).

Я, вѣдь, не Маланьинъ зять;

Народное присловье.

ОМУ на Руси не извѣстны довольно многочисленныя народныя присловья, связанныя съ именемъ Маланья? Широкая Маланьяна свадьба, Маланьины (долгіе) сборы, собирается (долго), какъ на Маланьиву свадьбу, Маланьинъ счетъ (запутанный), наварила-напекла, какъ на Маланьину свадьбу,—вотъ цѣлый рой «крылатыхъ словъ», гдѣ неизмѣнно упоминается загадочная, но, видимо, очень популярная Маланья.

Въ нашей статьѣ: «Маланьяна свадьба», напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1907 годъ, на основаніи указанныхъ въ ней данныхъ, высказано наше предположеніе, что всѣ эти многочисленные присловья—краткая метафорическая народная исторія второго брака Петра Великаго—его женитьбы на безродной шведской полонянкѣ Мартѣ, царствовавшей впоследствии подъ именемъ Екатерины I.

Здѣсь не мѣсто, конечно, повторять всѣ доводы, которые приведены были тамъ въ пользу этой догадки: для ясности настоящей статьи достаточно коснуться лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Свадьба, по нашему мнѣнію, названа Маланьиною—въ честь неврѣсты, второй супруги Петра, которая въ прежнихъ «сатирическихъ свят-

цахъ» была очень популярна подъ этимъ «крылатымъ именемъ». Напримѣръ, на старинной, появившейся вскорѣ послѣ смерти Петра I лубочной картинкѣ: «Какъ мыши кота погребаютъ» самъ великій царь выведенъ былъ подъ именемъ знатнаго «Алабрыса» (à la брысь), а будущая императрица Екатерина I подъ прозрачнымъ псевдонимомъ безутѣшной вдовы-адмиральши чухонки Маланьи, отъ которой везутся главныя поминки («мышь отъ чухонки Маланьи везетъ полны сани оладьевъ» и пр.). Весьма распространенная въ былое время картинка эта считается, и не безъ основанія, раскольничьею сатирою на «перваго русскаго интеллигента», какъ иногда у насъ, для красоты слога, принято называть нашего «державнаго плотника».

Такимъ образомъ, уже по самому имени невѣсты народное при словье о «свадьбѣ» легко приурочивается ко второму браку Петра, къ этому несомнѣнному «мезальянсу», оглашать который долго не рѣшался царственный женихъ.

Остальныя приведенныя выше присловья тоже не трудно согласовать съ «детальями» того же соблазнительнаго и въ свое время вызвавшаго не мало толковъ царскаго романа. Напримѣръ, крылатое слово «собирается (долго), какъ на Маланьину свадьбу»—можно легко принять за характеристику затяжнаго царскаго романа, который, начавшись въ 1703 году, вскорѣ послѣ «плѣненія» невѣсты, «плѣнившей» потомъ, въ свою очередь, самого царя, окончился официальнымъ бракомъ лишь много лѣтъ спустя. Только въ 1712 г. была «сыграна», съ допущеніемъ нѣкоторой публичности, «старая свадьба его величества», окончательнo «упорядоченъ» былъ прежній долготѣтній «царскій романъ». У вѣнчавшейся четы въ это время имѣлось въ живыхъ уже двѣ дочери, прижитыя еще до брака. Не совсѣмъ удобное для царской четы обстоятельство это, отмѣченное даже на одной тогдашней гравюркѣ, изображавшей вѣнчаніе Петра и Екатерины съ двумя «привѣнчанными» дѣвочками по бокамъ невѣсты и жениха, вызвало отголосокъ также и въ народѣ—въ видѣ крылатога слова о «Маланьинѣ счетѣ», т. е. о такомъ, когда дѣтки появляются на свѣтъ съ нѣкоторымъ нарушеніемъ «чина естества»—«гораздо раньше», чѣмъ бы слѣдовало. Наконецъ, крылатое слово «наварила-напекла, какъ на Маланьину свадьбу», т. е. сдѣлала обильную и дорогую заготовку провизіи и напитковъ,—это, на нашъ взглядъ, только болѣе или менѣе вѣрная характеристика того «широкаго пиршества», которымъ была ознаменована при дворѣ память о «старой», сильно запоздавшей царской свадьбѣ. Вотъ и все, что собственно мы нашли не лишнимъ сказать здѣсь о «Маланьиной свадьбѣ»; интересующіеся большими подробностями могутъ, конечно, обратиться за ними къ статьѣ объ этой «свадьбѣ», напечатанной въ журналѣ въ 1907 году.

Здѣсь же, въ настоящемъ очеркѣ, мы намѣрены поговорить те-

перь о происхожденіи еще одного, тоже очень любопытнаго въ историческомъ отношеніи присловья, касающагося, между прочимъ, въ значительной степени той же счастливой Маланьи. Мы имѣемъ въ виду народныя крылатыя слова о «Маланьиномъ зятѣ», который встрѣчается подъ этимъ многознаменательнымъ нарицательнымъ именемъ въ одномъ присловьи и еще въ одномъ пѣсенномъ отрывкѣ, приводимомъ нами ниже съ историческимъ освѣщеніемъ его. Намъ кажется, что безымянный «Маланьинъ зять» этихъ крылатокъ—это дѣйствительный зять все той же привлекавшей къ себѣ народное вниманіе «Маланьи», свадьба которой, даже съ подробностями ея романа, послужила въ XVIII вѣкѣ «сюжетомъ» для многочисленныхъ и характерныхъ народныхъ присловій и обратилась, можно сказать, въ народный «историческій ребусъ».

Какъ и сама «крылатая» Маланья, «Маланьинъ зять», намъ кажется, дѣйствительное историческое лицо. По-нашему, это знаменитый въ своемъ родѣ герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ, зять императрицы Екатерины I (она же Маланья народныхъ присловій), женившійся на любимой ея дочери Аннѣ Петровнѣ въ 1725 году, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго. Какъ извѣстно, отъ этого брака впослѣдствіи родился великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, царствовавшій даже потомъ у насъ, очень короткое, впрочемъ, время, подъ именемъ Петра III.

Теперь намъ остается представить вниманію читателя наши историческія, такъ сказать, основанія въ пользу этой догадки. Мы сейчасъ же этимъ и займемся. Начать намъ приходится нѣсколько издалека, съ біографіи «Маланьиного зятя», безъ которой, конечно, наша аргументація была бы очень неясна и недостаточно наглядно убѣдительна.

Единственный сынъ старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софіи, и Фридриха IV, герцога голштинскаго, герцогъ Карлъ-Фридрихъ, являлся, такъ сказать, прямымъ наслѣдникомъ послѣ своего воинственнаго дядюшки—Карла XII. Но, увы!—злополучный король Швеціи увлекъ за собою на дно погибели и своего племянника, который не только долженъ былъ проститься съ надеждою вступить на шведскій престолъ, но даже распротиться и съ значительною частью собственнаго отцовскаго наслѣдія, захваченнаго Даніей, такъ что ему теперь не оставалось ничего болѣе, какъ просить пріюта и убѣжища въ Россіи, гдѣ его ожидало нежданное и поистинѣ ничѣмъ не заслуженное счастье. Болѣзненный, хилый, невзрачный и недалекий по уму, онъ не обладалъ рѣшительно ничѣмъ, чтобы нравиться; тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, онъ сумѣлъ понравиться Екатеринѣ настолько, что она пожелала назвать его своимъ зятемъ, своимъ «возлюбленнымъ голштинскимъ сыномъ». Петръ также наконецъ одобрилъ этотъ выборъ, на что у него были свои основанія: въ качествѣ претендента на шведскій престолъ и законнаго

государя узурпированнаго Даніей герцогства, этотъ невзрачный молодой человѣкъ являлся весьма удобнымъ орудіемъ для дальновидныхъ политическихъ комбинацій Петра.

Въ Россіи герцогъ появился въ 1721 году. Это былъ тогда еще молодой человѣкъ 21 года. Какъ и всѣ его нѣмецкіе соплеменники, онъ пожаловалъ на Русь съ чисто-практическою цѣлью—«для ловли счастья и чиновъ», искать полезныхъ связей, искать денегъ, вообще «помощи». Обладая, какъ владѣтельная особа, знатнымъ титуломъ «королевскаго высочества», герцогъ стремился и жить, какъ подобаеть коронованной нѣмецкой персонѣ, пышно, «на широкую ногу», совершенно беззаботно, хотѣлъ кутить, пошлавать съ метресками и имѣть блестящую и внушительную свиту. А тутъ, какъ на грѣхъ, на сцену выступаютъ неустрашимыя финансовыя препятствія. Бѣдный принцъ, даже владѣтельный, на «ярмаркѣ житейской суеты» совсѣмъ, конечно, не важная птица: нѣтъ придворнаго блеска, теряется и уваженіе къ знатности особы.

Голштинскій же гость, какъ мы уже говорили, сильно страдалъ именно отъ бѣдности. Его весьма урѣзанныя датчанами голштинскія владѣнія приносили ему очень скудные доходы, на скорое увеличеніе которыхъ положительно нельзя было рассчитывать, такъ какъ для этого пришлось бы принудить Данію вернуть герцогу отобранный у него Швезвигъ, для чего у герцога не было подъ руками достаточныхъ военныхъ силъ. Поневолѣ приходилось «сидѣть у моря да ждать хорошей погоды»—занятіе, само по себѣ очень скучноватое и ничего утѣшительнаго, въ сущности, не обещающее.

Надо было подыскать другое, болѣе надежное средство для улучшения своихъ дѣлишекъ, въ особенности по части финансовъ. Руководимый своими тоже проголодавшимися совѣтниками-нѣмцами, герцогъ остановился на бракѣ, какъ на лучшемъ средствѣ съ честью выйти изъ всѣхъ своихъ затрудненій. Какъ еедотовскій майоръ («Сватовство майора» съ стихотворнымъ текстомъ къ ней знаменитаго художника-жанриста Еедотова), высокій голштинскій гость еще у себя на родинѣ рѣшается «дать щелчокъ судьбѣ рогатой и жениться на богатой»—на дочери богатаго и могущественнаго русскаго царя. На какой—ему было рѣшительно все равно, только бы отдали. Проектировался просто чисто «нѣмецкій бракъ»—«бракъ по расчету» и только. Бракъ этотъ долженъ былъ прежде всего открыть кочующему нѣмецкому принцу путь къ царской шкатулкѣ, чтобы можно было сильно оскудѣвшему его королевскому высочеству свободно, на правахъ царскаго зятя, черпать отсюда великолѣпное русское золото. Это было и самое первое и самое важное, какъ для герцога, такъ и для его изголодавшей свиты. Потомъ,—и здѣсь герцогъ тоже не ошибался,—можно было бы подумать и о приращеніи собственныхъ сильно упавшихъ голштинскихъ доходовъ:

царь поможетъ его высочеству зятю отобрать у датскаго короля захваченныя имъ голштинскія земли.

Итакъ, бракъ для герцога на русской царевнѣ и политически, и экономически являлся величайшею для него необходимостью. Собственно о любви здѣсь не могло быть и помина. Правда, у русскаго царя были тогда двѣ дочери—Анна и Елизавета, обѣ юныя красавицы. Слѣдовательно, было въ кого и влюбитья. Но недалекій женихъ «изъ нѣмецкой земли» меньше всего объ этомъ помышлялъ. Онъ дѣлалъ видъ, что влюбленъ, даже очень влюбленъ. Но именно только дѣлалъ видъ.

Какую цѣну имѣла эта «показная любовь», можно судить уже по тому, что пылкій женихъ до самой своей помолвки (а это случилось лишь спустя болѣе трехъ лѣтъ со дня прибытія его на берега Невы) не могъ толкомъ сказать, въ кого же собственно изъ двухъ невѣсть-царевенъ онъ дѣйствительно влюбленъ. Обѣимъ онъ одинаково учтиво отвѣшивалъ церемоніальные поклоны и цѣловалъ ручки. Но вопросъ, на комъ собственно изъ двухъ царскихъ дочерей ему жениться, меньше всего тревожилъ вообще не привыкшую въ безпокойству герцогскую голову. Лишь бы только поскорѣе свадьба, потому что владѣтельный женихъ мучится, переноситъ нестерпимыя страданія, финансовыя, конечно: герцогъ со своею свитою едва перебывался, обрѣзывалъ содержаніе своихъ придворныхъ, не зналъ, чѣмъ бы помочь плѣннымъ шведамъ, которыхъ этотъ претендентъ на шведскую корону очень старался задобрить предъ отправленіемъ ихъ изъ Россіи въ Швецію. А свадьба какъ на бѣду сильно затягивалась: свыше трехъ лѣтъ тянулся герцогскій романъ. И въ теченіе столь долгаго срока—почти никакой поддержки отъ русскаго двора.

Русскій царь не хуже любого нѣмца былъ очень скуповать на дары—даже гостямъ съ титуломъ высочества. На эти дары до свадьбы особенно рассчитывать не приходилось. Герцогъ, напримѣръ, ждетъ какого-либо существеннаго подарка, а царь вдругъ, смотришь, осчастливитъ его лишь какою-нибудь мелочью, не имѣющею въ глазахъ голштинскаго гостя рѣшительно никакой реальной цѣнности; въ Свѣтлое воскресенье, напримѣръ, онъ даритъ ему простое красное яичко; порой же просто, словно какому-нибудь приживальщику, пришлетъ его высочеству такіе въ сущности пустяки, какъ продукты натурой для герцогскаго стола, и д. т.

Но и это еще доставалось голштинскому высочеству далеко не даромъ. Надо было отблагодарить царя чѣмъ-нибудь; напримѣръ, серенадой въ день именинъ Екатерины, для чего опять-таки нужны были деньги на музыкантовъ, которыхъ, впрочемъ, запасливый герцогъ привезъ съ собою изъ Голштиніи цѣлый оркестръ, явившись, такимъ образомъ, на берегахъ Невы чуть ли не въ роли «перваго антрепренера нѣмецкаго музыкальнаго хора-монстръ».

«истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. сxliv.

Болѣе внимательная къ особѣ герцога, императрица Екатерина тоже на первыхъ порахъ какъ-то мало интересовалась вопросомъ о матеріальномъ благополучіи своего будущаго «голштинскаго сына», какъ она позже величала своего зятя. Между тѣмъ, сильно стѣсненный въ своихъ средствахъ, герцогъ самъ вынужденъ былъ порою поневолѣ сорить деньгами, несмотря на переживаемое его высочествомъ «оскудѣніе». Вдругъ, напримѣръ, появляется царскій приказъ: шить новые костюмы на всю герцогскую свиту для предстоящаго маскарада. Не успѣетъ онъ раздѣлаться съ этимъ неизбѣжнымъ расходомъ, смотришь, уже опять въ томъ же родѣ новость: строить подмостки для какихъ-нибудь иллюминацій или готовиться къ немедленному отъѣзду въ Москву со своею свитою. Все это расходы да расходы, совершенно непосильные для скуднаго герцогскаго кармана. А въ награду за все это пока только либо улыбка царицы, или шутка да развѣ нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей.

Мы не будемъ описывать со всѣми подробностями длительного «романа» голштинскаго гостя на берегахъ Невы: въ этомъ нѣтъ надобности для нашей цѣли. Но нѣкоторыхъ сторонъ этого романа все же мы должны коснуться: онѣ рельефнѣе опредѣляютъ намъ, почему именно герой этого романа получилъ кличку «Маланьина зятя», любимца жизненной спутницы царя-реформатора.

Какъ новый Иаковъ, герцогъ провелъ въ ухаживаніи за царскими дочерьми около четырехъ лѣтъ, пока наконецъ Петръ благоволилъ согласиться на бракъ его съ Анною Петровною.

Любопытно, какъ проводилъ свое время голштинскій женихъ въ теченіе этого длительного періода. Прежде всего онъ старался привлечь высокое вниманіе государя къ своей особѣ. Надо было для этой цѣли почаще видѣть его, побольше проводить время въ его обществѣ. Учрежденный царемъ шутовской «всепьянѣйшій соборъ» съ его гомерическими попойками являлся едва ли не лучшимъ во время пирушекъ мѣстомъ, гдѣ легче всего можно было подлаться къ государю. И герцогъ, дѣйствительно, добивается чести быть членомъ этой «сумасбродной коллегіи», о подвигахъ которой сохранилось не мало любопытныхъ указаній въ запискахъ его камеръ-юнкера Берхгольца. Но «близость» голштинскаго гостя къ царю на безшабашныхъ соборныхъ пирушкахъ кончается для него очень плохо; усердно состязаясь тамъ съ закаленными, въ бояхъ съ могущественнымъ Ивашкою Хмельницкимъ «соборными бахусо-подражателями», тщедушный нѣмецъ не выдерживаетъ и, въ концѣ концовъ, стараясь угодить царю, совершенно спивается. Настоящая неудержимая страсть къ пьянству вскорѣ является главною и почти единственною точкою соприкосновенія «голштинскаго высочества» съ русскими вельможами, состоявшими членами петровскаго «бахусоподражательнаго сонмища». Вращаясь нерѣдко среди

«сборныхъ шутовъ», герцогъ не только спивается, но, при своей образцовой умственной ограниченности, совсѣмъ чуть ли и самъ не превращается въ настоящаго шута. Не даромъ мы видимъ проявленіе этого шутовства во многомъ даже и внѣ «всепьянѣйшей» царской коллегіи.

Пока «герцогскій романъ» находился еще въ періодѣ своего предварительнаго развитія, безконечные «досуги» его высочества, дѣйствительно, нерѣдко «наполняются» либѣ гомерическими попойками, либѣ такимъ шутовскимъ времяпровожденіемъ, въ которомъ проявлялись нелѣпые вкусы тогдашнихъ карикатурныхъ и миниатюрныхъ германскихъ двориковъ, смѣшные формальность и этикетъ, растворенные казарменностью.

Полный чисто нѣмецкой искательной угодливости, герцогъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался также по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ подражать въ своемъ домашнемъ обиходѣ и «сумасбродствамъ» «всешутѣйшаго собора». Въ результатѣ—все времяпровожденіе «голштинскаго высочества» носило чуть ли не сплошной, вольный или невольный, шутовской характеръ. Голштинскій высокій гость весь уходилъ въ такія, напримѣръ, важныя дѣла, какъ учрежденіе изъ своихъ придворныхъ то форъ-шнейдеръ коллегіи, то тостъ-коллегіи, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какого-то «обыкновеннаго» своего общества, гдѣ могутъ участвовать только избранные. Владѣтельные особы учреждаютъ иногда «почетные ордена». У «голштинскаго высочества» и это право государей принимаетъ напыщенно-шутовской характеръ. Герцогъ то вдругъ совершенно неожиданно установитъ какой-нибудь орденъ «виноградной кисти»; чрезъ нѣсколько же времени при дворѣ его высочества появляется уже новый орденъ «тюльпана» или «дѣвственности». И обездоленный повелитель Голштиніи съ важностью торжественно жалуетъ знаки этихъ шутовскихъ орденовъ нѣкоторымъ своимъ приближеннымъ, которые почтительно принимаютъ это «высокое пожалованіе». Лѣтомъ на дачѣ герцогъ обыкновенно превращалъ свою свиту въ войско, располагая его въ лагерь, мучилъ «муштровкой», а иногда просто забавлялся имъ— «игралъ въ войну» и т. п.

Таковы, въ сущности, были тогдашнія упражненія этого молодого человѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ своей маленькой Голштиніи, но и царствовать въ Швеціи и управлять Россіей.

Но эти едва ли достойныя серьезнаго, умѣющаго цѣнить себя человѣка шутовскія «арлекинады», которымъ почти всецѣло посвящалъ себя голштинскій гость, нисколько, къ нашему удивленію, не помѣшали ему достигнуть намѣченной имъ себѣ цѣли—получить руку одной изъ дочерей гениальнаго русскаго самодержца, сдѣлаться «счастливымъ» Маланьинымъ зятемъ и затѣмъ послѣ длитель-

ной и сильной финансовой голодовки болѣе или менѣе свободно располагать и собственною царскою шкатулкою, и даже завѣтнымъ русскимъ казеннымъ сундукомъ.

И это случилось, вдобавокъ, вовсе не по капризу какой-либо волшебной феи, а просто какъ-то само собою, въ силу такого стеченія обстоятельствъ, которое все болѣе и болѣе складывалось въ пользу заѣзжаго голштинскаго гостя.

Въ сущности, смѣлая затѣя захудалаго герцога добиться руки дочери могущественнаго европейскаго государя довольно продолжительное время мало подавала надежды на полный успѣхъ. Самъ царь, хотя и видѣлъ въ немъ, какъ мы уже говорили, полезное для Россіи политическое орудіе—и по этой причинѣ готовъ былъ бы осчастливить его «рукою» одной изъ царевенъ, но, съ другой стороны, его, кажется, сильно удерживали отъ этого шага пустота, ограниченность, тщедушность и худосочность голштинскаго «претендента». О Петрѣ сохранилось любопытное и характерное преданіе, гласящее, что, встрѣтивъ умнаго человѣка (а царь быстро это угадывалъ), онъ въ восхищеніи спѣшилъ въ знакъ своего высокаго уваженія поцѣловать его въ чело. Если преданіе это историческо вѣрно, то недалекій «голландскій гость» едва ли когда-либо былъ удостоенъ такого лестнаго отличія, какъ царскій поцѣлуй въ чело. И торопиться породниться «съ голландскимъ гостемъ» великому царю, кажется, уже по одной этой причинѣ нечего было. Петръ и на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не торопился, несмотря на нѣмецкую настойчивость, съ которой вели здѣсь «атаку» на него какъ самъ голландскій женихъ, такъ и его свита, которымъ долго ждать совсѣмъ было не въ ихъ интересахъ по недостатку матеріальныхъ ресурсовъ.

Какъ бы тамъ ни было, только проницательный царь, къ величайшему огорченію неотвязчивыхъ, неугомонныхъ голландскихъ сватовъ, далеко не сразу «снизошелъ» на ихъ домогательства. Первое время послѣ появленія предприимчиваго голландскаго жениха на берегахъ Невы царь по своей неудержимой страсти къ всякимъ шуткамъ просто, кажется, смотрѣлъ на ограниченнаго и неуклюжаго «претендента», только какъ на «отличный новый матеріалъ» для проявленія неизякаемаго царскаго юмора, не больше.

Правда, гость принятъ былъ у насъ хорошо: Петръ ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, даже время отъ времени, особенно подъ веселую руку, являлъ знаки своего какъ бы особаго расположенія къ нему, въ видѣ мелкихъ подарковъ и т. п. Но дѣла герцога все-таки не подвигались впередъ ни въ отношеніи брака, ни въ отношеніи династическихъ притязаній. Все пока оканчивалось полуобѣщаніями да шутками, на которыя Петръ былъ большой мастеръ.

Вообще на долю герцога на первыхъ порахъ при царскомъ дворѣ выпала, въ сущности, довольно жалкая, чуть не шутовская роль. Для представленія всей ничтожности голландскаго претен-

дента и той роли, какая выдалась ему въ періодъ «сватовства», съ 1721 года по ноябрь 1724 года, считаемъ не лишнимъ дать здѣсь небольшую выдержку изъ дневника камеръ-юнкера Берхгольца, этого вѣрнаго слуги герцога и историка его приключеній при русскомъ дворѣ. Вотъ что говоритъ Берхголецъ о незавидномъ положеніи своего повелителя въ этотъ періодъ при русскомъ дворѣ: «Во все это время Петръ съ нимъ (герцогомъ) шутить, поить и спиваетъ его, и большею частью во всемъ этомъ просвѣчиваетъ какое-то небрежное покровительство; а иногда онъ не только не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія. Всѣ (приближенные герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается лишь неловкими реверансами или этикетнымъ цѣлованіемъ руки. Вотъ, кажется, блеснулъ лучъ надежды на скорое обрѣченіе. Опять не тутъ-то было. Голштинскія надежды быстро рушатся: княжечь-невѣсть внезапно увозятъ куда-нибудь или герцога вдругъ перестаютъ звать во дворецъ либо за отъѣздомъ Петра, либо по другимъ причинамъ».

Разбирайтесь, послѣ этого, въ царскихъ планахъ и видахъ. Угадывайте, что онъ думаетъ о герцогѣ и о его марьяжѣ.

Несмотря, однакожь, на всѣ свои разочарованія, упрямые голштинцы не терялись окончательно—и послѣ всякой постигшей ихъ неудачи снова упорно продолжали свою работу: слишкомъ ужъ соблазнителенъ былъ для нихъ тотъ лакомый «призъ», которымъ должна была увѣнчаться—и увѣнчалась наконецъ эта работа.

Встрѣчая нѣкоторыя явныя неудачи, такъ сказать, съ «русскаго фронта», со стороны самого царя, неунывающіе нѣмцы сдѣлали попытку «ударить» «во флангъ», войти въ милость императрицы Екатерины. И въ своихъ тонкихъ расчетахъ тутъ они не ошиблись. Екатерина съ первыхъ же шаговъ оказалась гораздо стоворчливѣе и снисходительнѣе своего великаго супруга. И, дѣйствуя съ этой стороны, очаровавъ императрицу, голштинцы наконецъ одержали, можно сказать, «полнѣйшую побѣду»: герцогъ достигъ своей важнѣйшей цѣли—сдѣлался-таки «Маланьинимъ зятемъ».

Что же, однако, побудило Екатерину принять голштинскую сторону и съ своей стороны облечить нелегкую задачу герцога?

На это исторія даетъ намъ любопытный отвѣтъ. Причина тутъ была, во-первыхъ, романтическаго, такъ сказать, характера. Рожденная въ «низкой долѣ», «въ рабскомъ образѣ», крѣпостною литовскихъ магнатовъ Сапѣгъ, потомъ простая служанка пастора, Марта, будущая императрица, въ молодости, конечно, и мечтать не смѣла о томъ высокомъ положеніи, на которое нѣсколько позже возносить ея капризная богиня счастья Фортуна. Когда она достигла брачнаго возраста, то ея воспитатель и господинъ—пасторъ Глюкъ—спѣшитъ выдать рано созрѣвшую дѣвушку замужъ за простого шведскаго кавалериста, и Марта была, повидимому, совер-

шенно довольна столь скромною партією. Служа у пастора, чело-
вѣка по своему времени очень образованнаго, содержавшаго по-
томъ даже школу въ Москвѣ, она, однако, не мало слышалась
здѣсь о величїи и славѣ королевскаго шведскаго дома Ваза, въ под-
данствѣ котораго состоялъ тогда край, гдѣ родилась и жила Марта.
Простой служанкѣ, конечно, не могла и грезиться возможность
не только вступить въ родство съ блестящей тогда шведской коро-
левской династіей, но даже самой быть на престолѣ, а въ лицѣ
своего потомства имѣть ближайшихъ кандидатовъ не только на
шведскій, но и на русскій престолъ.

И вдругъ, неожиданно-негаданно самый невѣроятный на свѣтѣ
сонъ превратился въ дѣйствительность, сбился воочию наяву. Какъ
въ волшебныхъ сказкахъ Востока, совершается изумительная ме-
таморфоза, какую только можетъ допустить самая пылкая фанта-
зія. Безродная пасторская служанка, жена ничтожнаго шведскаго
кавалериста, ничего ровно не имѣвшая за душою, кромѣ своего
«увеселительнаго характера», быстро, словно по шучьему велѣнію,
изъ русской плѣнницы-служанки, изъ «солдатской портомои»
дѣлается сперва интимною подругою великаго Петра, «царскою
метрескою», а потомъ вскорѣ даже императрицею, прахъ которой,
послѣ ея непродолжительнаго «самодержавнаго» царствованія,
находить наконецъ себѣ упокоеніе въ величественной усыпаль-
ницѣ русскихъ императоровъ—въ Петропавловскомъ соборѣ. Обѣ
дочери ея, рожденныя еще до брака, получаютъ высокое званіе це-
саревень, титулуются «императорскими высочествами», хотя, когда
онѣ впервые увидѣли Божій свѣтъ, мать ихъ носила очень скром-
ный «чинъ», считалась въ придворномъ обиходѣ просто «женою
повара», «пригожею поварихою».

Всѣ эти чудесныя блестящія превращенія—не сказка ли все это
изъ «Тысячи одной ночи», гдѣ для необузданной и пылкой восточ-
ной фантазіи все допустимо, нѣтъ ничего невозможнаго? Да даже
и въ этихъ сказкахъ какая «волшебная лампа» Аладина могла бы
натворить въ короткое время столько изумительныхъ чудесъ?

Но цесаревны растутъ, скоро придется ихъ «пристраивать», вы-
давать замужъ. Какъ и за кого?—вотъ мучительные вопросы, ко-
торые не могли не тревожить сердце любящей матери. И—вдругъ
женихъ, правда, небогатый, но изъ «хорошей нѣмецкой фамиліи»,
«герцогъ», «королевское высочество». И, вдобавокъ, по матери—
не только изъ славнаго царственнаго дома Ваза, предъ которымъ
Марта-Екатерина, можно сказать, «отъ молодыхъ ногтей» привыкла
благоговѣть, но даже прямой теперь кандидатъ на осиротѣвшій
шведскій престолъ; слѣдовательно, потомство ея, Марты, когда-то
пасторской служанки и «солдатской портомои», возсядетъ уже не
на одномъ, но даже на двухъ царскихъ престолахъ: русскомъ и
шведскомъ.

Это ли еще не волшебное возвеличеніе ничтожнаго рода «Марты Василевской»! Отъ такого неслыханнаго счастья, пожалуй, у всякаго бы «въ зобу дыханье сперло...»

Восторгъ же Екатерины былъ тѣмъ сильнѣе, что шведскій королевскій домъ, какъ и вообще все шведское, были всегда милы и дороги сердцу этой ливонской плѣнницы, несмотря даже на то, что шведскій король Карль XII очень долгіе годы былъ «великимъ непріателемъ» ея царственнаго супруга, велъ съ нимъ ожесточенную войну.

Эта ничѣмъ не искоренимая ея слабость ко всему шведскому не укрылась также ни отъ самого Петра I, относившагося къ ней, впрочемъ, шутивно-нисходительно, ни отъ народной зоркости. Петръ любилъ порой добродушно пошутить надъ Екатериною, какъ надъ шведкою, какъ надъ своею «непріятельницею»; такъ, когда, напримѣръ, съ шведами былъ условленъ размѣнъ плѣнныхъ, то государь, смѣясь, говорилъ своей супругѣ, что не знаетъ, что теперь дѣлать: по договору она должна быть возвращена теперь «шведамъ», какъ плѣнница, а ему съ нею разставаться не хочется. И это далеко не единичный случай подобной царской шутивности, въ перепискѣ Петра съ Екатериною можно найти не мало и другихъ.

Русскій народъ, неоднократно выводившій въ «потѣшныхъ лубочныхъ картинкахъ» нашу счастливую ливонку, эту «свейскую пѣмку», сумѣвшую очаровать самого русскаго царя, съ своей стороны, не упускаетъ случая отмѣтить и здѣсь ея «шведскую слабость». На одной, напримѣръ, такой картинкѣ «Реестръ пѣвѣсть» говорится, что она «ходитъ по-нѣмецки, говоритъ по-шведски».

Голштинскаго жениха уже по одной этой «романтической причинѣ» Екатерина готова была заранѣе нѣжно полюбить, какъ собственнаго сына,—такъ онъ въ послѣдствіи и назывался («нашъ голштинскій сынъ», «его любовь»)—вотъ нѣжные титулы, которые императрица давала своему зятю).

Но пронырливая герцогская свита, во что бы то ни стало добивавшаяся брака своего захудалаго повелителя съ царской дочерью, нашла еще и другіе каналы къ нѣжному материнскому сердцу императрицы. Каналы эти были тоже нѣмецкіе, они шли черезъ камергера Монса, которій при своей нѣмецкой тароватости изъ кабатчика въ Нѣмецкой слободѣ въ короткое время успѣлъ сдѣлаться фаворитомъ русской императрицы. Пользуясь своимъ необыкновеннымъ фаворомъ у этой женщины, имѣвшей какое-то тайное могущественное вліяніе на своего державнаго супруга, Монсъ съ чисто нѣмецкою сметкою началъ выгодно для себя спекулировать своею «фортуною»; онъ доставлялъ желающимъ за приличное, конечно, въ его пользу вознагражденіе всякія царскія милости, которыя, по высокой «протекціи» государыни не имѣвшей силы

отказать фавориту, изобильно сыпались съ высоты престола на тѣхъ «просителей», за кого только брался хлопотать фаворитъ. «Голштинскій гость» не преминулъ и въ своихъ «марьяжныхъ» видахъ использовать «силу», представляемую тогда этимъ нѣмцемъ и его сестрою, Матреною Балкъ. Чины герцогской свиты начали усердно заискивать у выскочки-фаворита изъ московской Нѣмецкой слободы. Монсъ, со своей стороны, охотно готовъ былъ помогать своимъ голштинскимъ соплеменникамъ. Только, вѣрный своей хищнической нѣмецкой натурѣ, этотъ алчный фаворитъ и къ «голштинскому высочеству» совсѣмъ не прочь былъ, однако, примѣнить свои обычные приемы взяточничества. И герцогъ, насколько позволяли тогдашніе его довольно скудные достатки, безропотно платилъ всеильному фавориту. «Дары» его не пропадали понапрасну. Благородный Монсъ, въ свою очередь, принимается теперь усердно хлопотать «о сочиненіи брачнаго союза одной изъ дочерей великаго государя» съ голштинскимъ высочествомъ.

Интрига эта, о которой самъ царь долгое время совершенно не подозрѣвалъ даже, вполнѣ удалась: фаворитъ скоро добился того, что Екатерина просто, можно сказать, души не чаяла въ невзрачномъ голштинскомъ гостѣ и всецѣло перешла на его сторону, осыпая его не только самымъ нѣжнымъ «материнскимъ» вниманіемъ, но даже и цѣнными подарками, что для герцога, при его скудости, было, конечно, какъ нельзя болѣе кстати.

Вообще «фонды» герцога теперь стали быстро подниматься. Тѣмъ не менѣе, самъ государь все еще не спѣшилъ со своимъ соизволеніемъ на бракъ. Осенью же 1724 года внезапно разыгралось такое событіе, которое грозило совершенно опрокинуть всѣ многолѣтніе голштинскіе труды по подготовкѣ брака.

Исторія этого любопытнаго событія такова.

Производя радикальную ломку старыхъ устоевъ русской жизни, Петръ довольно легкомысленно, очень либерально отнесся и къ супружеской вѣрности. Съ его, можно сказать, царскаго благословенія, въ семейномъ быту придворной знати «адюльтеръ» получилъ вскорѣ широкое право гражданства. На игривомъ тогдашнемъ придворномъ языкѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ писемъ царя, супружеская невѣрность называлась даже особымъ картинно-символическимъ крылатымъ словомъ—«Өминъ понедѣльникъ». Легкость въ этомъ отношеніи нравовъ придворной знати Петра нисколько не беспокоила. Напротивъ, онъ даже охотно подшучивалъ надъ всѣми, у кого только гостилъ символическій «понедѣльникъ».

Но вотъ наконецъ дошла очередь и до самого царя: «Өминъ понедѣльникъ» разыгрался въ лицахъ у собственнаго царскаго домашняго очага. Тутъ ужъ, совершенно забывши о своемъ прежнемъ либерализмѣ, Петръ не на шутку разыгралъ роль настоя-

шаго, неукротимаго въ своей ревности Отелло. Какъ только царь довѣдался о поправіи его супружеской чести, онъ сгѣшить самолично «учинить самый жесточайшій розыскъ», который все подтвердилъ. Какъ громомъ поразило царя это «откровеніе». У фаворита-соперника, нѣмца Монса, быстро съ плечъ скатилась голова. «Другую сторону» Петръ, по совѣту своихъ приближенныхъ, не рѣшился судить: скандальный процессъ только повредилъ бы всей царской семьѣ, а «оскорбленія» все равно не смылъ бы.

Но «розыскъ», кромѣ «Юмина понедѣльника», обнаружилъ и еще кое-какія «художества» и, между прочимъ, вывелъ также на чистую воду всѣ ухищренія и продѣлки, посредствомъ которыхъ голштинскій гость снискалъ вниманіе и любовь Екатерины. Царь воочию убѣдился теперь, что тутъ опять все происки того же фаворита, чье имя сдѣлалось ему уже ненавистнымъ. «Голштинское высочество» попросту подкупалъ ужаснаго Монса и его достойную сестрицу, Матрену Балкъ, а тѣ, чрезъ Екатерину, дѣйствовали уже на самого царя въ пользу кочующаго голштинскаго гостя. Итакъ, «сочинителями», и даже очень удачными, «голштинскаго брака» были все тѣ же сильно насоловившіе царю нѣмцы—Монсъ и Балкъ. Обнаружилось даже, какими дарами отплатилъ имъ за это «тароватый женихъ». По собственному сознанію «голштинскаго высочества», Матрена Балкъ получила отъ него два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ, и ленту; вообще же, чтобы снискать пріязнь фаворита и его сестры, герцогъ одарялъ ихъ золотыми табакерками, лентами, собачками и тому подобными игрушками и бездѣлушками.

Выходило, что Петра тутъ хотѣли сдѣлать просто жертвою нѣмецкой интриги, хитро проведенной величайшимъ оскорбителемъ царской чести.

Надъ Екатериною и герцогомъ нависла теперь грозная царская опала; въ особомъ указѣ царь провозгласилъ даже всѣхъ (а слѣдовательно—и герцога), обращавшихся за помощью къ Монсу, плутами... Казалось, теперь о голштинскомъ бракѣ, такъ ловко подготовленномъ, нечего было уже и думать. Но Екатерина недаромъ въ народной молвѣ слыла волшебницей, которая «кореньемъ обвела царя». Чары ея, несмотря на скандальную исторію съ Монсомъ, и на этотъ разъ опять-таки восторжествовали. Подъ неотразимымъ влияніемъ этихъ чаръ, неподатливый раньше государь теперь не могъ уже дольше устоять и началъ примиряться съ мыслью о неизбежности «голштинскаго марьяжа».

Герцогское счастье теперь было «уже такъ близко, такъ возможно». 24-го ноября 1724 года, въ торжественный день именинъ императрицы, т.-е. всего лишь нѣсколько дней спустя послѣ казни Монса, совершилось наконецъ то великое событіе, которое такъ нетерпѣливо, но тщетно ожидалось герцогомъ и его вѣрными гол-

штинцами болѣе трехъ лѣтъ. Съ соизволенія Петра, въ этотъ день состоялось обрученіе голштинскаго гостя съ старшею царскою дочерью цесаревною Анною Петровною. Имя своей высокой нареченной герцогъ впервые окончательно узналъ лишь за два дня до обрученія, 22-го ноября, когда, по волѣ царя, былъ подписанъ свадебный контрактъ. Полный восторга, голштинскій женихъ на другой же день устроилъ уже серенаду подъ окнами государыни и невѣсты. Екатерина милостиво приглашала его въ покои, поила изъ своихъ рукъ виномъ, а не такъ давно еще потѣшавшійся надъ недалекимъ голштинскимъ высочествомъ государь на этотъ разъ уже ласково звалъ его къ домашнему столу обѣдать.

Обрученіе молодой четы 24-го ноября сопровождалось торжественнымъ блестящимъ праздникомъ. «И былъ,—гласить современная отмѣтка въ календарѣ 1724 года, хранящемся въ государственномъ архивѣ,—въ этотъ день фейерверкъ: на планѣ изображена была Венусъ (Венера) въ колесницѣ, которую везли лебеди, съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ, въ залѣ, до двѣнадцати часовъ при ихъ высочествахъ всѣ господа, гдѣ была изрядна музыка и танцовали».

Затѣмъ, 7-го декабря графъ П. А. Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской Сторонѣ даетъ торжественный обѣдъ въ честь обрученныхъ. На этотъ обѣдъ пожаловали императрица съ дочерьми, придворными дамами и кавалерами; былъ, разумѣется, и герой праздника—герцогъ—со своею свитою. Не было только самого государя—и не было по весьма уважительной причинѣ. Пиромъ заправлялъ весельчакъ и незамѣнимый собутыльникъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, государевъ любимецъ, величайшій знатокъ «честнаго обхожденія съ крѣпкими напитками». Нѣтъ ничего, конечно, послѣ этого мудренаго, что «страстно влюбленный» голштинскій гость на обѣдѣ скоро оказался не только навеселѣ, но даже совершенно пьянымъ. Это, однако, нисколько не помѣшало Екатеринѣ проявить здѣсь къ нему самыя горячія симпатіи. «По глазамъ императрицы,—отмѣчаетъ наблюдательный Берхгольцъ,—видно было, съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обоихъ высокихъ обрученныхъ».

Но самъ царь все-таки на этой пирушкѣ не былъ. И не былъ по причинѣ, еще недавно грозившей, какъ мы уже замѣтили, совершенно разрушить столь долго жданный герцогомъ голштинскій бракъ. Царю было тогда совсѣмъ не до бала: онъ переживалъ «великую кручину», внезапно обрушившуюся на него, въ видѣ только что окончившагося дѣла Монса. Можно было даже ожидать теперь, что у царя появится новая вспышка ревности и свадьба едва ли состоится, а жениху скоро, пожалуй, ни съ чѣмъ придется отъѣхать во-свояси. Но «фортуна» продолжала быть милостивою къ голштинскому гостю.

Отъ этой ли кручины, или, быть можетъ, отъ иной причины, только царь вскорѣ занемогъ и даже слегъ. Еще не окончилсѣ ближайшій январь, какъ его величество переселился уже въ «небесные чертоги». На русскій престолъ теперь, можно сказать, «явочнымъ порядкомъ», безъ всякаго законнаго права, вступила императрица-вдова Екатерина, высокая покровительница герцога...

Еще недавно герцогъ, быть можетъ, трепеталъ за свою судьбу, не зная, какъ она рѣшится царемъ окончательно. Теперь все стало ясно: опасность миновала, и судьба голштинскаго высочества совершенно обезпечена. Свадьбы еще не было, но Екатерина уже осыпала дорогого нареченнаго всякими милостями, ласками и почетомъ.

Вообще воцареніе Екатерины выдвинуло чуть ли не на первый планъ захудалаго, невзрачнаго голштинца. Уже прямо послѣ смерти Петра, при погребеніи его, герцогу публично оказывается такой высокій почетъ, который не могъ не смутить русскихъ людей, интересующихся судьбами своего отечества. Мы говоримъ о «первенствѣ», которое по погребальному церемоніалу герцогъ имѣлъ здѣсь предъ великимъ княземъ Петромъ Алексѣвичемъ, въ которомъ русскій народъ видѣлъ тогда единственнаго прямого престолонаслѣдника. Это оскорбительное для русскихъ возвышеніе непопулярнаго голштинца въ «народной исторіи» не прошло, да и не могло, конечно, пройти, безслѣдно. Оно было столь обидно для русскаго національнаго чувства, что, несомнѣнно, вызвало въ свое время народный ропотъ. Недовольство это, кажется, нашло себѣ даже выраженіе въ народной картинкѣ «Погребеніе kota»; въ персонажѣ этой «шутовской литіи» «мышь головна (главная), весьма непроворна, оступилась въ яму помойну, замаралась по горло», повидимому, можно видѣть именно внезапно возвысившагося неуклюжаго и нерасторопнаго голштинскаго гостя, неожиданно для всѣхъ заняшаго очень почетное, выше даже самого русскаго престолонаслѣдника, мѣсто на похоронахъ нашего перваго императора...

Но вотъ наконецъ 21-го мая 1725 года сыграли и герцогскую свадьбу, отложенную зимой изъ-за траура по случаю кончины Петра. Герцогъ, такимъ образомъ, сдѣлался теперь зятемъ русской императрицы, этой «Маланьи» народной исторіи.

Тутъ же, впрочемъ, онъ успѣлъ показать себя въ глазахъ своей царствующей тещи съ самой невыгодной стороны, какъ вѣтреныи ферлакуръ, повѣса и неисправимый волокита. Спустя всего лишь три дня послѣ торжественнаго бракосочетанія резидентъ саксонскаго двора писалъ уже своему королю: «При дворѣ всѣмъ достоверно извѣстно, что герцогъ голштинскій всѣ эти три ночи не почевалъ у себя,—по причинѣ отвращенія къ своей новобрачной или изъ-за московской гризетки, которая въ настоящее время на-

ходится здѣсь. Мать въ отчаяніи,—добавлялъ резидентъ,—отъ жертвы, принесенной ея дочерью». Но это «отчаяніе», кажется, было непродолжительно; императрица, видимо, скоро утѣшилась, быть можетъ, и потому, что сама новобрачная герцогиня, тоже не чувствовавшая къ своему неказистому супругу никакого влеченія, не придавала его донъ-жуанскимъ приключеніямъ никакого особаго значенія и далека была отъ мысли смотрѣть на себя какъ на жертву.

Такимъ образомъ, куралесившій во-всю голштинскій зять не утратилъ симпатіи императрицы. Напротивъ, сила и значеніе герцога, несмотря на его безсудства, съ каждымъ днемъ все больше и больше возрастали. Вскорѣ этотъ голштинецъ, давно уже сдѣлавшійся повѣреннымъ всѣхъ тайнъ и ближайшимъ совѣтникомъ своей тещи, сталъ даже чѣмъ-то въ родѣ регента въ нашей странѣ совмѣстно со своимъ приближеннымъ и другомъ Бассевичемъ. Голштинцы могли уже теперь позволить себѣ мечтать о томъ, какъ, по милости Екатерины, со временемъ русскій престолъ окончательно фактически перейдетъ въ руки герцога, съ устраненіемъ отъ наслѣдованія великаго князя Петра Алексѣевича. И въ народѣ пошла глухая молва объ этомъ весьма возможномъ государственномъ переворотѣ, угрожавшемъ, по словамъ подметныхъ писемъ того времени, «погибелью Россійскому государству, какъ при Годуновѣ».

Въ чемъ заключалась тайна невѣроятныхъ успѣховъ худосочнаго голштинскаго принца, мы уже говорили выше. Это, однако, еще не все; многіе современники склонны были видѣть «секретъ» здѣсь еще въ томъ, что неразборчивый голштинскій гость не оставилъ даже передъ тѣмъ, чтобы, для полнаго успѣха своего, довести свое донъ-жуанство до крайнихъ предѣловъ, такъ что его теща въ концѣ концовъ сдѣлалась даже несравненно болѣе близкой ему, чѣмъ его супруга...

Увлеченіе императрицы своимъ зятемъ, котораго она величаетъ самыми нѣжными ласкательными названіями вродѣ: «его любовь», нашъ возлюбленный «голштинскій сынъ»¹⁾, выдвигаетъ на сцену вопросъ не только о широкихъ финансовыхъ запросахъ голштинскаго высочества, но и его политическихъ дѣлахъ въ Шлезвигѣ, захваченномъ Даніей.

¹⁾ Счастье «перваго голштинскаго сына» было настолько завидно даже для его «кровныхъ», что одинъ изъ нихъ, Карлъ, титулярный епископъ любекій, рѣшилъ прямо итти по стопамъ счастливаго герцога и свататься за цесаревну Елизавету Петровну; въ письмѣ его къ Екатеринѣ I по этому поводу между прочимъ читаемъ слѣдующее: «Ежели бы предвидѣніе всевысочайшаго Бога то такъ устроило, чтобы я, съ моей стороны, не зналъ себѣ на свѣтѣ вѣщаго счастья желать, какъ чтобы и я удостоенъ быть могъ отъ вашего императорскаго величества вторымъ голштинскимъ сыномъ (für einen zweiten Holsteinischen Sohn) въ вашу императорскую высокую фамилію воспріату быть».

Съ этого времени и до вступленія на престоль Анны Ивановны, не только не любившей, но даже страшно ненавидѣвшей «Маланьина зятя» изъ Голштиніи, русской дипломатіи почти постоянно приходится считаться съ чуждыми намъ политическими интересами голштинскаго герцога; само собою разумѣется, что интересы эти только совершенно напрасно, но сильно осложняли и путали нашу дипломатическую дѣятельность.

Мы уже видѣли, какъ въ тогдашней популярной лубочной картинкѣ «Погребеніе кота» герцогъ, подъ именемъ «главной мыши», на ряду со своею тещею, выведенною тамъ подъ псевдонимомъ «Маланьинъ», былъ осмѣянъ въ грубоватой формѣ, свидѣтельствующей о накопившейся тогда къ нему ненависти среди русскаго народа.

Подметныя письма того времени также очень опредѣленно и, пожалуй, не менѣе рѣзко отмѣчаютъ намъ это явленіе. Для характеристики такихъ писемъ, по поводу необыкновеннаго фавора голштинскаго нѣмца, намъ кажется, достаточно будетъ привести здѣсь уже упоминавшееся выше письмо о гибели царства, являющееся какъ бы сплошнымъ воплемъ всего взволнованнаго русскаго народа; вотъ оно: «Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся гибели Россійскому государству, какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Дмитріемъ учинено: понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство россійское голштинскаго князя. О горе, Россія! Смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы».

Русскій народъ «преданъ», «проданъ принцу»,—вотъ какъ разсуждали русскіе люди, глядя съ изумленіемъ на то, что творилось при русскомъ дворѣ прямо послѣ смерти Петра. Страхъ обуялъ тогда всю русскую землю,—и страхъ этотъ далеко былъ не напраснымъ. Нашему отечеству тогда, дѣйствительно, грозило такое «вражеское нѣмецкое засилье», которое могло совершенно «пустить ко дну» корабль русской государственности.

И тогдашнія тревожныя событія русской исторіи находили себѣ отраженіе не въ однихъ только подметныхъ письмахъ. Народная словесность, въ свою очередь, спѣшила отмѣтить и запечатлѣть ихъ «на своихъ страницахъ»—въ видѣ краткихъ, но характерныхъ крылатыхъ словъ.

Центромъ этихъ присловій является знаменитый «Маланьинъ зять»—этотъ всѣмъ, кромѣ самой императрицы, ненавистный на Руси счастливчикъ—герцогъ голштинскій. Въ самомъ дѣлѣ, кто отъ него у насъ былъ въ восторгѣ? Кромѣ Екатерины, рѣшительно никто. Сама герцогиня Анна Петровна совсѣмъ не любила его, даже, можно сказать, презирала. Петръ I тоже относился къ нему скорѣе отрицательно; недалекій, невѣжественный нѣмецкій принцъ совсѣмъ былъ не во вкусѣ царя, высоко цѣнившаго умъ и знаніе, ко-

торыхъ у герцога и слѣдовъ не было. И если Петръ не разрушилъ обрученія своей дочери съ герцогомъ, то, намъ кажется, только потому, что, ошеломленный и надломленный измѣною въ собственной семьѣ, онъ слишкомъ скоро послѣ обрученія переселился «въ небесные чертоги». Поживи царь подольше, свадьбѣ, намъ кажется, совсѣмъ не бывать бы; настойчиваго, пронырливаго голштинскаго жениха царь, по всей вѣроятности, пбспѣшилъ бы выпроводить изъ Россіи, не удостоивъ его чести сдѣлаться царскимъ зятемъ. Открытія по дѣлу Монса отлично освѣтили уже въ глазахъ царя всѣ непривлекательныя, даже отталкивающія черты «голштинскаго высочества», прикатившаго на Русь исключительно для устройства своихъ личныхъ дѣлишекъ, совсѣмъ не стѣсняясь въ средствахъ.

Елизавета Петровна, дочь императора, тоже отлично понимала все ничтожество голштинскаго гостя, который скоро сдѣлался даже мишенью для ея сценческихъ насмѣшекъ. Веселая и беззаботная, эта «искра Петрова», при своей замѣчательной наблюдательности, очень тонко подмѣтила многія чисто комическія черты какъ въ характерѣ, такъ и въ фигурѣ неуклюжаго, безцвѣтнаго, недалекаго, но напыщеннаго голштинскаго гостя. Неподражаемо великолѣпно умѣла она имитировать ихъ, шаржируя все это до крайнихъ предѣловъ; зрители прямо, говорятъ, помирали со смѣху, когда цесаревна, будучи въ ударѣ, представляла имъ голштинское высочество во всемъ его глубоко-комическомъ великолѣпіи.

Народная словесность пошла тутъ по слѣдамъ «искры Петровой»; она тоже во всѣхъ трехъ извѣстныхъ намъ случаяхъ (погребеніе кота, присловье и пѣсенный отрывокъ) въ общемъ даетъ намъ довольно комическій портретъ «Маланьина зятя», нисколько, однакожъ, этимъ не нарушая исторической правды.

Указывая въ подметныхъ письмахъ на великую опасность для родной страны отъ неслыханнаго «фавора» голштинскаго нѣмца, народъ нашъ въ то же время, вѣрный своему исконному обычаю кратко отмѣчать, себѣ и далекому потомству на память, въ многознаменательныхъ присловьяхъ такія событія русской исторіи, которыя почему-либо особенно обратили на себя его вниманіе, удостоилъ своимъ «крылатымъ словомъ» и неожиданно быстрое возвышеніе удачливаго голштинца, который, по пословицѣ, родился не хорошъ, не пригожъ, а счастливъ; на ряду съ его еще болѣе чудесно возвысившеюся тещею онъ былъ прежде всего внесенъ на скрижали народной лѣтописи въ ироническомъ присловьи:

Я вѣдь не Маланьинъ зять,
Съ меня нечего взять.

Здѣсь вполне ясно и исторически вѣрно засвидѣтельствовано о дѣйствительно завидной долѣ быть «Маланьинимъ зятемъ», на ко-

того со всѣхъ сторонъ сыплются сказочныя щедроты и милости. Какъ полная противоположность этому Крезу, «не Маланьинъ зять», по сравненію съ нимъ, жалкій бѣднякъ, это просто—несчастнѣйшій голышъ, съ котораго, какъ говорится, взятки гладки, ничего не выкусишь... Въ присловьи сквозить прямо какая-то зависть къ счастливцу, «Маланьину зятю».

Такъ, когда создавалось это присловье, въ царствованіе Екатерины I, было и на самомъ дѣлѣ; голштинскій зять восшедшей на русскій престолъ Маланьи народныхъ присловій, дѣйствительно, переживалъ въ это время самые лучшіе дни своей жизни, какъ сыръ въ маслѣ, катался. И деньги, и высокій почетъ, все было теперь къ его услугамъ.

Послѣ смерти Екатерины для счастливаго «голштинскаго сына» въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы кончается «вѣчный праздникъ», и наступаютъ «сѣроватыя дни». На престолѣ теперь государь ребенокъ—Петръ II Алексѣевичъ. Но государствомъ фактически править всемогущій временщикъ, князь Меншиковъ.

Рѣшивъ еще при жизни своей покровительницы Екатерины даровать нашему отечеству династію «Романовыхъ-Меншиковыхъ» путемъ брака юнаго царя съ дочерью князя, онъ тогда же встрѣчаетъ уже жестокую дружнюю оппозицію этой затѣѣ какъ со стороны обѣихъ дочерей императрицы, такъ и со стороны ея зятя, которые видѣли здѣсь не болѣе, не менѣе, какъ прямое покушеніе «подлаго и неблагодарнаго раба» осквернить благородную царственную кровь Романовыхъ, смѣшавъ ее съ кровью жалкаго пирожника. Но при жизни Екатерины оппозиція эта не могла имѣть успѣха, какъ какъ императрица сама «одобрила» марьяжный планъ князя; послѣ же кончины государыни «Данилычъ» слышитъ уже самъ дать энергичный отпоръ этой оппозиціи.

Прежде всего, по настоянію всесильнаго князя, глава оппозиціи, чрезчуръ долго зажившійся на Руси герцогъ голштинскій, долженъ былъ немедленно оставить предѣлы гостепріимной Россіи. Недавно еще счастливому зятю «Маланьи» пришлось волей-неволей помириться съ этимъ ударомъ: борьба съ могущественнымъ временщикомъ, захватившимъ бразды правленія на Руси, представлялась для него теперь совершенно непосильной и безнадѣжной. Поторговавшись хорошенько, по нѣмецкому обычаю, насчетъ того, чѣмъ «за мирное отплытіе» отблагодарить его Россія, герцогъ, хотя и изрядно надѣленный русскимъ золотомъ, все-таки вскорѣ принужденъ былъ оставить берега Невы и отправиться съ супругою въ свою голштинскую столицу Киль.

Оппозиція, такимъ образомъ, была, можно сказать, въ корнѣ уничтожена, а герцогъ—даже посрамленъ.

Нечего, конечно, и говорить, что внезапный отъѣздъ всѣмъ намозолившаго глаза «Маланьина зятя» восвосяи русскимъ нар-

домъ встрѣченъ былъ съ чувствомъ полного удовлетворенія, какъ побѣда, хотя еще и не особенно крупная, надъ нѣмцами, еще такъ недавно занимавшими очень крѣпкую позицію у трона. Нашъ пѣсенный отрывокъ и относится, какъ намъ кажется, именно къ этому радостному, съ русской точки зрѣнія, историческому эпизоду. Отсюда и бросающійся въ глаза ликующей побѣдный тонъ.

Вотъ онъ, этотъ исторически любопытный отрывокъ:

Онъ ушелъ, ушелъ,
Онъ уѣхалъ, уѣжалъ,
Не Маланьинъ зять,
Его негдѣ взять ¹⁾.

Тутъ все налицо: и торжество по поводу того, что «онъ»—конечно, счастливый голштинскій гость—наконецъ-таки отъ насъ «ушелъ, ушелъ», даже не просто ушелъ, но съ нѣкоторою поспѣшностью—«уѣхалъ-уѣжалъ». Ясенъ и конецъ отрывка. Не безъ ядовитой ироніи здѣсь подчеркивается, что этотъ бѣжавшій теперь больше «не Маланьинъ зять», (такъ какъ императрицы-тещи тогда не было на свѣтѣ,—она обрѣталась уже въ «небесныхъ чертогахъ»), слова же «его негдѣ взять» звучатъ, повидимому, какъ радостная вѣсть о томъ, что «Маланьинъ зять», къ счастью русскаго народа, навсегда останется въ своей Голштиніи: на Русь онъ больше не вернется.

Такъ это и на самомъ дѣлѣ случилось. Впрочемъ, великолѣпный герцогъ и тамъ не склоненъ былъ оставить окончательно осчастливившую его Россію въ покоѣ.

«Оперившись» ²⁾ на счетъ русской казны, онъ продолжалъ и въ Голштиніи вести веселую жизнь—жуировалъ, ферлакурствовалъ и беспросыпно кутилъ, короче—прожигалъ жизнь; какъ настоящая владѣтельная «нѣмецкая особа» той эпохи. О безпардонномъ донъ-жуанствѣ этого любимца Екатерины мы имѣемъ любопытныя свѣдѣнія въ одномъ изъ голштинскихъ писемъ его супруги; герцогиня писала здѣсь своей сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ: «Доношу вамъ, что герцогъ да Маврушка изволочились: ни одного дня дома не сидятъ, все въ одной каретѣ ѣздятъ, либо въ гости, либо въ комедію». Недаромъ сказано: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.

¹⁾ А. И. Соболевскій, «Великорусскія народныя пѣсни», т. VII, Спб., 1902 г. стр. 217.

²⁾ «Голштинское родство» вообще обошлось Россіи очень недешево. Предпримчивый герцогъ не упускалъ счастливаго случая извлекать «свою пользу», гдѣ только можно и какъ только можно было. Недаромъ же «голштинское высочество» предусмотрительно помѣстилъ въ завѣщаніе Екатерины I (оно считается подложнымъ произведеніемъ князя Меншикова и герцога) такія любопытныя слова: «Что его королевское высочество герцогъ здѣсь по сіе число получалъ, не имѣетъ никогда назадъ требовано или на счетъ поставлено быть».

Скоро, однако, этотъ любитель «Маврушекъ» и «комедій» окон; чательно прокутился и спустилъ все добытое имъ на Руси золото-«вѣрные» же голштинцы, повидимому, совсѣмъ не спѣшили пополнить опустошенные карманы его королевскаго высочества. Настала опять печальная полоса «оскудѣнія» въ веселой и беззаботной доселѣ жизни «Маланьина зятя».

И вотъ въ эти-то «минуты жизни трудныя» изобрѣтательный герцогъ, какъ чистый нѣмецкій гешефтмахеръ, уже въ царствованіе Анны Ивановны, опять старается закинуть удочку въ русскій казенный сундукъ; онъ не теряетъ надежды, что авось и на этотъ разъ ему что-нибудь да очистится на Руси, благо у кормила правленія здѣсь стоялъ тогда новый баловень судьбы нѣмецкой же породы—Биронъ, этотъ недавно еще простой конюхъ, а теперь фаворитъ императрицы, увѣнчанной ею курляндскою герцогскою короною.

Но теперь «голштинское высочество» неожиданно получаетъ здѣсь уже жестокой «репримандъ», несмотря даже на усердную защиту его домогательствъ со стороны самого фаворита, которому императрица, обыкновенно, ни въ чемъ не рѣшалась отказывать. Прокутившійся герцогъ, побуждаемый своими стѣсненными обстоятельствами, просилъ своего единоплеменника-фаворита исходатайствовать ему отъ русскаго двора пособіе въ сто тысячъ рублей. Ему всего на всего нужна теперь какая-нибудь сотняжка тысячъ—капиталь по тому времени, впрочемъ, очень крупный. Но онъ отлично понималъ, что алчный Биронъ даже для нѣмецкаго высочества даромъ хлопотать не станетъ: надо было, прежде всего, хорошенько заинтересовать его. По своему обыкновенію, «Маланьинъ зять», создавшій самъ себѣ великолѣпную карьеру на русскомъ марьяжѣ, и теперь старается соблазнить «курляндскаго конюха» марьяжнымъ же проектомъ; только теперь въ роли жениха-искусителя выступаетъ уже не самъ герцогъ, а его малолѣтній сынъ, будущій императоръ Петръ III; отецъ предлагаетъ устроить бракъ его съ дочерью Бирона, «за приличное вознагражденіе отъ русскаго двора». И тщеславный фаворитъ готовъ было уже клюнуть на эту «удочку»: брачное родство съ голштинскими герцогскимъ домою казалось ему, недавно еще простому конюху, очень лестнымъ. Но когда онъ показалъ письмо герцога императрицѣ и спросилъ ея мнѣнія, то Анна Ивановна, отъ всей души ненавидѣвшая и «Маланьина зятя», и его сына, какъ возможнаго наслѣдника русскаго престола, тотчасъ же съ досадой разорвала письмо «голштинскаго высочества»; затѣмъ, бросивъ голштинское письмо въ каминъ, она гнѣвно отрѣзала: «Этотъ пьяница ошибается, думая выманить у меня подобнымъ предложеніемъ деньги; кромѣ презрѣнія, онъ ничего отъ меня не дождется».

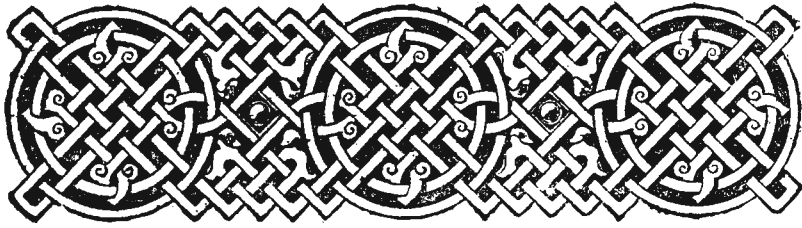
Такъ на этотъ разъ внезапно разсыпались прахомъ грандіоз-

ные, за счет русской казны, конечно, марьяжные и финансовыя планы двухъ нѣмецкихъ герцоговъ—голштинскаго и курляндскаго, разрушенныя императрицею, несмотря на всѣ «подходы» самого обожимаго ею фаворита. Герцогъ совершенно въ правѣ былъ теперь воскликнуть: «сорвалось».

Но онъ все-таки, этотъ «пьяница», остается превосходенъ и здѣсь—въ своемъ послѣднемъ хитроумномъ походѣ на всегда дорогое сердцу его высочества русскіе рубли... Но, увы! Теперь онъ ужъ не счастливый, какъ прежде, «Маланьинъ зять» и на берегахъ Невы ему ничего уже больше не удастся «сорвать»...

Т. А. Мартемьяновъ.

МИТРОПОЛИТЪ АНТОНІЙ.

(По поводу книги М. Б. «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій»).

В 1915 ГОДУ обществомъ распространенія религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви издана книга М. Б. «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій». Книга эта и содержательна, и интересна, и исторически вѣрна при характеристикѣ личности покойнаго петроградскаго митрополита. Нельзя, конечно, отрицать того, что книга носитъ нѣсколько субъективный характеръ, присутствіе коего въ ней, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что авторъ, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, 24 года былъ знакомъ съ митрополитомъ Антоніемъ и находился подъ его духовнымъ руководствомъ. И такъ какъ въ митрополитѣ Антоніи, какъ справедливо выразился преосвященный Иннокентій, экзархъ Грузіи, въ надгробной рѣчи надъ нимъ, «спаялись Христовы завѣты любви, кротости и смиренія» ¹⁾, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ сознаніи автора духовный обликъ покойнаго петроградскаго митрополита запечатлѣлся въ томъ исключительномъ видѣ, совершенно чуждомъ какихъ-либо отрицательныхъ чертъ, какимъ онъ представляется въ книгѣ. Простимъ поэтому автору нѣкоторый субъективизмъ и поблагодаримъ его за

¹⁾ Рѣчь преосвященнаго Иннокентія надъ прахомъ митрополита Антонія. См. М. Б. «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій». 1915 г. Стр. 265.

то, что онъ преподнесъ русской читающей публикѣ хорошую книгу, въ которой митрополитъ Антоній въ общемъ представленъ исторически вѣрно. Могу это смѣло утверждать потому, что и въ моихъ личныхъ впечатлѣнiяхъ покойный митрополитъ представляется именно такимъ, какимъ онъ выставляется въ указанной книгѣ. Начало моего личнаго знакомства съ митрополитомъ Антоніемъ относится къ 1901 году ¹⁾. Въ этомъ году, будучи еще доцентомъ казанской духовной академіи, я, какъ уже привыкшій, благодаря заграничнымъ командировкамъ, къ лѣтнимъ шатаніямъ по заграничнымъ государствамъ, особенно Швейцаріи, отправился въ лѣтнія каникулы въ Кисловодскъ и здѣсь съ самаго же моего пріѣзда подпалъ подъ руководство покойнаго профессора казанской духовной академіи и казанскаго университета И. С. Бердникова, который даже и помѣстилъ меня на той же дачѣ, на которой жилъ онъ самъ (на дачѣ Бойко), лежащей совсѣмъ недалеко отъ дачи Ярошенко, на которой обычно останавливался покойный митрополитъ Антоній. Обладая въ званіи доцента академіи капиталами совсѣмъ не великими, я, само собою понятно, на дачѣ Бойко поселился въ комнатѣ, далеко не комфортабельной: она помѣщалась въ нижнемъ этажѣ и въ ней были: одно окно, одинъ столъ, одинъ стулъ и невзыскательная койка. Мой руководитель по кисловодскому житію И. С. Бердниковъ, однакожь, отнесся очень одобрительно къ моему жилищу, указывая на то, что для меня требуются не обширная комната и не роскошная обстановка, а воздухъ и горы Кисловодска, которыми я долженъ былъ наслаждаться и дѣйствительно наслаждался цѣлые дни. Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Кисловодскъ прибылъ для леченія въ немъ митрополитъ Антоній. И. С. Бердниковъ, очень хорошо знавшій покойнаго митрополита, какъ сослуживецъ его по академіи, счелъ нужнымъ, конечно, сдѣлать ему визитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ и мнѣ итти съ нимъ къ преосвященному Антонію, основывая это свое предложеніе на томъ, что митрополитъ Антоній заочно зналъ меня, какъ читавшій въ качествѣ синодальнаго рецензента мою магистерскую диссертацию о старокатолицизмѣ. Придерживаясь мудраго житейскаго принципа «отъ большихъ людей подальше», я, не зная митрополита Антонія, первоначально сопротивлялся предложенію И. С. Бердникова, но послѣдній былъ настолько настойчивъ въ своемъ предложеніи, что я, чтобы не оскорбить своего учителя, долженъ былъ уступить и отправился вмѣстѣ съ И. С. дѣлать первый визитъ петроградскому митрополиту. Не скрою того, что хотя я и шелъ къ преосвященному Антонію подъ покровительство моего авторитетнаго компаньона,

¹⁾ За точность годовъ въ моихъ отношеніяхъ къ митрополиту Антонію, указываемыхъ въ настоящей статьѣ, вполне не ручаюсь.

который убѣждалъ меня всю дорогу въ томъ, что митрополитъ очень пріятный человѣкъ, я все-таки чувствовалъ нѣкоторое смущеніе, потому что предполагалъ, что первоіерархъ русской церкви будетъ держать себя нисколько не менѣе и даже, можетъ быть, болѣе величаво, чѣмъ большинство православныхъ архіереевъ. Къ моему удивленію, митрополитъ Антоній оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ представлялся въ моемъ сознаниі: онъ принялъ не только И. С., но и меня очень любезно, угощаль чаемъ, разспрашивалъ о казанскихъ новостяхъ, бесѣдовалъ по ученымъ и церковнымъ вопросамъ, въ частности и по модному въ то время старокатолическому вопросу и проч.

Вскорѣ послѣ того первоіерархъ русской церкви сдѣлалъ отвѣтныя визиты не только И. С., но и мнѣ, бѣдному доценту казанской духовной академіи, хотя и не нашелъ меня въ моей квартирѣ, потому что эта послѣдняя, какъ я уже замѣтилъ, была настолько не комфортабельна, что я не счелъ возможнымъ принять въ ней петроградскаго митрополита и убѣждалъ въ кисловодскія горы, тѣмъ болѣе, что и мой руководитель по кисловодскому житію И. С. Бердниковъ, кажется, одобрительно отнесся къ этому моему поступку, вѣроятно, правильно разсудивъ, что принимать въ моей квартирѣ митрополита не совсѣмъ удобно. Я поэтому не видѣлъ преосвященнаго Антонія отдававшимъ мнѣ визитъ, а только получилъ отъ него визитную карточку. Какъ бы то ни было, съ того времени началось мое личное и заочное знакомство съ покойнымъ митрополитомъ, съ теченіемъ времени становившееся все болѣе и болѣе близкимъ, хотя эта близость вращалась исключительно въ сферѣ научной.

Кажется, черезъ годъ или черезъ два, переѣхавши лѣтомъ изъ Кисловодска въ крымскій курортъ Гурзуфъ, я неожиданно въ паркѣ встрѣтилъ митрополита Антонія, который поздоровался со мною уже какъ съ хорошимъ знакомымъ и даже пригласилъ меня «каждый день бывать» въ такъ называемомъ Пушкинскомъ домикѣ, въ коемъ онъ жилъ во время пребыванія въ Гурзуфѣ. Несмотря на столь любезное предложеніе, я все-таки опять не счелъ возможнымъ воспользоваться имъ, впрочемъ, не потому, что боялся нарушить свой мудрый принципъ «отъ большихъ людей подальше», такъ какъ я уже тогда убѣдился въ томъ, что митрополита Антонія при его добротѣ бояться нечего, а главнымъ образомъ потому, что митрополиту не было покоя отъ различныхъ посѣтителей, нерѣдко обращающихся къ нему съ различными просьбами, а между тѣмъ уже ему тогда требовался несомнѣнный покой, потому что уже въ то время, въ 1903—4 годахъ, онъ высматривалъ очень утомленнымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ, что въ Гурзуфѣ я только однажды былъ у высокопреосвященнаго. Можетъ быть, митрополитъ понялъ причину моего

нелюбзнаго отношенія къ его любезному предложенію и потому впослѣдствіи уже не дѣлалъ мнѣ болѣе предложеній, подобныхъ вышеуказанному, но зато въ свою бытность въ Кисловодскѣ, въ который онъ ѣздилъ почти ежегодно, требовалъ меня къ себѣ по крайней мѣрѣ однажды въ лѣтній сезонъ, даже и тогда, когда онъ чувствовалъ себя очень плохо и доступъ къ нему былъ рѣшительно запрещаемъ со стороны врачей даже для лицъ, хорошо знавшихъ его и близко знакомыхъ съ нимъ. Въ такихъ случаяхъ, узнавъ о моемъ пребываніи въ Кисловодскѣ, онъ обычно присылалъ ко мнѣ на дачу своего служителя съ приглашеніемъ навѣстить его въ пять-шесть часовъ вечера. Въ тѣ годы, когда митрополитъ Антоній чувствовалъ себя болѣе или менѣе удовлетворительно (до 1906—1907 гг.), мои посѣщенія его иногда продолжались болѣе или менѣе значительное время, и онъ, помимо подробнаго опроса о всѣхъ болѣе или менѣе знакомыхъ ему въ Казани лицахъ, интересовался нѣкоторыми чисто научными вопросами, имѣющими отношеніе главнымъ образомъ къ соединенію православной церкви съ церквами старо-католической и англиканской. Его интересъ къ указаннымъ вопросамъ, несомнѣнно, зиждился на твердомъ убѣжденіи въ томъ, что на православной церкви, какъ хранительницѣ истинныхъ завѣтовъ Христа, лежитъ обязанность содѣйствовать осуществленію пожеланія Христа «да вси едино будутъ» и что рано или поздно это Христово пожеланіе найдетъ осуществленіе для себя. Во время послѣднихъ посѣщеній мною митрополита (въ 1910—1911 гг.), когда онъ былъ совсемъ боленъ, конечно, съ нимъ нельзя было бесѣдовать по какимъ-либо богословскимъ научнымъ вопросамъ, какъ того требовали и врачи, пользовавшіе митрополита.

Во время этихъ посѣщеній я могъ лишь убѣдиться въ справедливости словъ М. Б.: «Казань и казанцевъ при жизни владыка любилъ и отличалъ своимъ особеннымъ вниманіемъ»... Особенно памятно мнѣ предпоследнее посѣщеніе митрополита Антонія въ 1910 г. Какъ я услышалъ по приѣздѣ въ Кисловодскъ, онъ прибылъ на курортъ настолько слабымъ, что его вынесли изъ вагона на рукахъ. Всякій доступъ къ нему былъ рѣшительно запрещенъ, и я не могъ даже и думать, чтобы мнѣ удалось видѣть владыку и передать ему поклоны и благопожеланія отъ казанцевъ. Но вдругъ незадолго до моего отъѣзда изъ Кисловодска ко мнѣ на дачу прибылъ слуга отъ митрополита съ требованіемъ явиться къ нему въ обычное время—часовъ въ пять-шесть вечера. Когда я прибылъ на дачу Ярошенко, на которой попрежнему останавливался покойный митрополитъ, меня встрѣтилъ на дворѣ врачъ съ заявленіемъ, что у владыки можно оставаться не больше пяти-десяти минутъ. Войдя къ митрополиту, я нашелъ его лежащимъ на койкѣ въ простомъ священническомъ полукафтанѣ и едва узналъ его.

Видимо, душевныя волненія, переживаемыя по поводу жестокой травли, ведомой противъ него и въ печати и въ жизни, совсѣмъ пошатнули его сильный организмъ. Посадивъ меня на стулъ рядомъ со своей койкой, на которой митрополитъ продолжалъ лежать, онъ началъ спрашивать меня о житьѣ-бытьѣ знакомыхъ ему профессоровъ родной академіи, о его бывшихъ сослуживцахъ Я. А. Богородскомъ, С. А. Терновскомъ, И. С. Бердниковѣ, Ѳ. А. Кургановѣ, М. И. Богословскомъ и другихъ, обнаруживая при этомъ интересъ даже къ мелкимъ подробностямъ ихъ домашней жизни. Казалось, предъ умственнымъ взоромъ умирающаго первоиерарха русской церкви воскресала его прежняя казанская жизнь въ званіи преподавателя академіи съ ея, правда, бѣдною, но во всякомъ случаѣ пріятною обстановкою. Казалось, онъ жалѣлъ объ этой жизни, сравнивая ее съ тяжелою жизнью петроградскаго митрополита, котораго травятъ со всѣхъ сторонъ. И мнѣ казалось, что при вопросахъ, обращенныхъ ко мнѣ, его голосъ дрожалъ и на глазахъ были слезы... Помня о томъ, что мой визитъ у владыки долженъ продолжаться не болѣе пяти-десяти минутъ, я нѣсколько разъ дѣлалъ попытки уйти отъ него, но былъ останавливаемъ словами: «Погодите», «да погодите же...» Пришлось поэтому пробыть у митрополита, конечно, болѣе положеннаго врачомъ срока.

Послѣднія мои посѣщенія митрополита въ Кисловодскѣ относятся къ 1911 году. Онъ призывалъ меня къ себѣ дважды и при обоихъ посѣщеніяхъ показался мнѣ болѣе бодрымъ, чѣмъ при посѣщеніи въ 1910 году, хотя и теперь ясно можно было видѣть, что поправленіе здоровья его не прочно, что конецъ его земнаго житія не далекъ. Объ этомъ можно было судить уже по одному тому, что онъ былъ очень нервентъ: всякое напоминаніе о современной политической и церковной жизни, видимо, сильно волновало его, и онъ поэтому попрежнему свою бесѣду со мною сосредоточивалъ преимущественно на событіяхъ и лицахъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ казанскимъ академическимъ кругомъ.

Мои свиданія съ митрополитомъ Антоніемъ въ 1911 году были послѣдними. Послѣ того я митрополита не видѣлъ, такъ какъ въ 1912—13 гг. былъ за границей, а онъ въ 1912 г. скончался. При всей кратковременности вышеописанныя встрѣчи мои съ высокопреосвященнымъ Антоніемъ дали мнѣ возможность прісмотреться къ нему и составить представленіе объ его духовномъ обликѣ. Изъ этихъ встрѣчъ я именно вынесъ то убѣжденіе, что покойный петроградскій митрополитъ былъ человѣкомъ рѣдкой сердечной доброты, какъ это отмѣчаетъ и авторъ книги ¹⁾, а потому и главнымъ стимуломъ его дѣятельности въ общественномъ служеніи было творить кругомъ себя возможно болѣе добра. Эта черта его

¹⁾ М. Б. «Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій», 1915 г.

характера сказывалась и въ его обширной благотворительности, какъ искренней, совершавшейся имъ тайно и потому обнаружившейся только послѣ его смерти, и въ его посѣщеніяхъ заключенныхъ въ темницахъ и ходатайствахъ за послѣднихъ и даже поручительствахъ за нихъ, и въ его вниманіи и памятованіи о совѣмъ маленькихъ людяхъ, когда-либо соприкасавшихся съ нимъ по его служебному положенію: простыхъ сторожахъ и проч. Объ его вниманіи къ этимъ послѣднимъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій выразительный фактъ. При редакціи казанскаго академическаго журнала «Православный Собесѣдникъ» очень долгое время—свыше двадцати пяти лѣтъ—состоялъ въ качествѣ служителя Ксаверій, полякъ по происхожденію. Это тотъ самый Ксаверій, отъ дѣтей коего заразились дифтеритомъ дѣти покойнаго митрополита въ бытность его профессоромъ казанской духовной академіи и редакторомъ «Православнаго Собесѣдника», потомъ скончавшіяся. Невзирая на это, любвеобильный митрополитъ сохранилъ искреннее благорасположеніе къ редакціонному служителю и, когда исполнилось двадцатипятилѣтіе его службы при редакціи, прислалъ ему дорогой подарокъ.

Считая, что сердечность должна отличать всѣхъ вообще людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, митрополитъ Антоній особенно требовалъ ея отъ лицъ, стоящихъ во главѣ тѣхъ или иныхъ управленій и въ частности и преимущественно отъ лицъ, стоящихъ во главѣ церковнаго управленія, т.-е. епископовъ, вообще представителей высшаго церковнаго клира, какъ долженствующихъ болѣе другихъ обнаруживать въ своемъ поведеніи слѣдованіе завѣтамъ Божественнаго Учителя. Мнѣ приходилось поэтому слышать, какъ скорбѣлъ митрополитъ, зная, что тотъ или другой епископъ крутъ въ своей епархіи. Этою характерною чертою духовнаго облика покойнаго митрополита объясняется другая черта того же облика послѣдняго, отмѣченная г-жою Б.,—его простота въ отношеніяхъ къ людямъ. Онъ былъ одинаковъ со всѣми, какого бы званія и состоянія человѣкъ ни являлся къ нему, и потому всякій человѣкъ шель къ нему безъ страха и трепета, обычно сопровождающихъ маленькихъ людей, имѣющихъ нужду въ лицахъ высокопоставленныхъ у насъ на Руси. Послѣднею чертою своихъ отношеній ко всѣмъ вообще людямъ покойный митрополитъ напоминалъ мнѣ епископовъ западныхъ церквей—старо-католической, англиканской и даже римской, высокой санъ коихъ не препятствуетъ имъ держать себя въ отношеніяхъ ко всѣмъ вообще, какого бы званія и состоянія они ни были, просто и доступно и высокой санъ коихъ отъ этого не только не унижается, но, напротивъ, возвышается.

Вообще въ митрополитѣ Антоніи, по моему наблюденію, было совѣмъ мало той былой византійской замкнутости, которая со-

ставляетъ и доселѣ характерную черту нѣкоторыхъ членовъ нашего высшаго церковнаго клира.

Отличительною особенностью духовнаго склада митрополита Антонія, какъ вполнѣ справедливо подмѣчено въ книгѣ М. Б., была далѣе его глубокая религіозность. Съ точки зрѣнія религіозной онъ оцѣнивалъ свои отношенія къ людямъ, съ точки же зрѣнія религіозной онъ смотрѣлъ и на всѣ событія въ своей жизни— крупныя и мелкія, главнымъ образомъ въ религіи онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ трудныя минуты жизни. Эта религіозность его, однакожь, отнюдь не была безконфессіональной, напротивъ, онъ былъ православный человѣкъ. Въ особенности это сказалось на его отношеніяхъ къ западнымъ христіанскимъ церквамъ. Очень просвѣщенный человѣкъ, онъ, какъ это видно и изъ его писемъ, цѣнилъ западную культуру, поддерживалъ дружественныя отношенія съ представителями почти всѣхъ наиболѣе видныхъ западныхъ церквей—римско-католической, англиканской и старокатолической и даже мечталъ о соединеніи послѣднихъ съ церковью православной, и въ то же время твердо стоялъ на томъ, что въ рѣшеніи вопроса о соединеніи церквей православная церковь, какъ единственная хранительница вселенскаго преданія, не можетъ сдѣлать никакихъ уступокъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ не только его дѣятельность, какъ предсѣдателя с.-петербургской комиссіи, но и тѣ сужденія и инструкціи, которыя приходилось мнѣ лично слышать отъ него въ моей литературной дѣятельности, имѣющей отношеніе къ старокатолицизму и англиканству. покойный митрополитъ болѣе всего, несомнѣнно, сочувствовалъ старокатолическому движенію. Но это сочувствіе его послѣднему не переступало границъ должнаго, какъ это мы видимъ у двухъ лицъ, одновременно съ нимъ работавшихъ по вопросу о соединеніи съ православною церковью старокатоликовъ и англиканъ— І. Л. Янышева и особенно А. А. Кирѣева. У послѣдняго сочувствіе къ старокатолической церкви доходило до того, что онъ уже считалъ вполнѣ возможнымъ соединеніе старокатоликовъ съ православною церковью. Онъ поэтому сердился на меня за то, что я считалъ рѣшеніе этого вопроса нѣсколько преждевременнымъ въ виду еще неустойчивости старокатоличества, какъ религіознаго движенія. Его недовольство мною за мои предостереженія по данному вопросу иногда, невзирая на деликатность А. А. Кирѣева, прорывалось наружу: въ нѣкоторыхъ письмахъ ко мнѣ онъ былъ даже рѣзокъ, причемъ никакіе доводы на него, повидимому, не дѣйствовали. Конечно, выше А. А. Кирѣева въ томъ же вопросѣ стоялъ І. Л. Янышевъ: онъ также иногда сердился на то, что я торможу дѣло о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковью, но когда ему приходилось устно или письменно выяснять смущавшіе меня вопросы, имѣвшіе отношеніе къ

старокатолическому движенію, онъ не только не сердился, но и благодарилъ, вообще обнаруживалъ болѣе осмысленности въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ соединеніе церквей. И, несомнѣнно, выше обоихъ этихъ лицъ въ рѣшеніи вопроса о соединеніи старокатоликовъ съ православною церковью стоялъ покойный митрополитъ Антоній. Въ своихъ личныхъ бесѣдахъ со мною, когда заходила рѣчь о соединеніи православной и старокатолической церквей, онъ обычно говорилъ мнѣ: «Пишите о нихъ, т.-е. о старокатоликахъ, одну лишь правду, не приукрашивайте ихъ и не черните»... Въ своихъ личныхъ докладахъ изъ-за границы я старался исполнить это пожеланіе покойнаго митрополита, и онъ, можетъ быть, во время своего путешествія въ центръ старокатолицизма— въ Боннъ въ 1897 г., убѣдившись въ справедливости моихъ донесеній, невзирая на всѣ успія І. Л. Янышева и особенно А. А. Кирѣева, твердо держался того взгляда, что время соединенія старокатоликовъ съ православною церковью еще не наступило. То же самое я имѣлъ возможность наблюдать и на отношеніяхъ митрополита Антонія къ англиканской церкви. Какъ человекъ мира, покойный митрополитъ сочувствовалъ и указанной церкви и, несомнѣнно, въ дѣлахъ уясненія ея вѣроисповѣдной системы постарался привлечь и меня къ внимательному изученію этой церкви. Еще въ 1903 году, увидавшись со мной въ Кисловодскѣ, онъ предложилъ мнѣ заняться уясненіемъ вѣроисповѣдной системы англо-американской церкви по тѣмъ документамъ, которые были пересланы ему извѣстнымъ епископомъ англо-американской церкви Графтономъ. Уѣхавъ за симъ изъ Кисловодска въ Гурзуфъ, онъ изъ этого курорта въ томъ же 1903 году писалъ мнѣ: «Многоуважаемый Владимиръ Александровичъ! Книги, просимыя вами, у меня въ Петербургѣ. По приѣздѣ ихъ вамъ вышлю. Обратитесь къ преосвященному Тихону за нужными вамъ свѣдѣніями сами. Адресуйте ему такъ: С.-Петербургъ. Синодъ. Потрудитесь поработать по этому вопросу. Я думаю по поводу его писать патриарху Іоакиму III. Благослови васъ Господь». И это сочувствіе преосвященнаго Антонія англиканству, какъ и старокатолицизму, однакожь, не простиралось далѣе должныхъ предѣловъ. Сочувствуя англиканской церкви, покойный митрополитъ въ то же время признавалъ, что вопросъ о соединеніи этой церкви съ церковью православной не менѣе, даже болѣе труденъ, чѣмъ вопросъ о соединеніи старокатолической и православной церквей. Особенно смущалъ его вопросъ о дѣйствительности англиканской іерархіи, и онъ склонялся къ тому возрѣнію, что если и возможно признать англиканскую іерархію дѣйствительною, то лишь условно.

Характерною чертою духовнаго облика покойнаго митрополита Антонія, какъ это отмѣчено и въ книгѣ М. Б., считаю засимъ его любовь къ наукѣ, особенно богословской. Невзирая на слож-

ность своихъ обязанностей какъ первоверховнаго іерарха православной церкви, онъ все-таки живо интересовался различными богословскими вопросами и занимался ими. Въ своихъ бесѣдахъ со мною покойный митрополитъ не разъ заявлялъ, что онъ цѣнить старокатолическое движеніе уже за одно то, что оно заставило его заниматься серьезно богословіемъ. «Только со времени старо-католическаго движенія,—говорилъ онъ,—я началъ основательно изучать православную догматику». Вполнѣ естественно то, что преосвященный Антоній съ большимъ сочувствіемъ относился къ тѣмъ лицамъ, которыя серьезно относились къ богословской наукѣ. Онъ, напримѣръ, положительно преклонялся предъ тѣми немногими іерархами православной церкви, которые помимо епархіального управленія интересуются и богословіемъ. Бесѣдуя со мною по поводу перевода одного изъ наиболѣе ученыхъ нашихъ архипастырей съ с—ой кафедры на к—ую кафедру, онъ съ искреннимъ уваженіемъ говорилъ объ его учености и, хотя мнѣ предстояла скорая возможность увидать этого іерарха, высокопреосвященный Антоній потребовалъ, чтобы я въ день же свиданія съ нимъ въ Кисловодскѣ отправилъ письмо къ указанному іерарху съ засвидѣтельствованіемъ уваженія послѣднему отъ него, митрополита. Вполнѣ естественно далѣе и то, что митрополитъ Антоній очень сочувственно относился ко всѣмъ стремленіямъ русскихъ богослововъ обогащать свои богословскія познанія посѣщеніемъ западныхъ университетовъ и академій. Этимъ объясняется то обстоятельство, что онъ старался снабжать лицъ, отъѣзжающихъ за границу съ научною цѣлью, денежными субсидіями изъ синодскихъ капиталовъ, иногда даже безъ всякихъ ходатайствъ съ ихъ стороны. Могу сказать это, по крайней мѣрѣ, о себѣ, потому что мнѣ внослѣдствіи стало извѣстно, что, благодаря, главнымъ образомъ, митрополиту Антоңю, я получалъ денежные субсидіи для заграничныхъ командировокъ иногда безъ всякихъ моихъ просьбъ и ходатайствъ со стороны совѣта родной мнѣ академіи. Говоря о просвѣщенности митрополита Антонія, нельзя далѣе не указать на то, что онъ нерѣдко касался вопроса объ улучшеніи положенія богословской науки въ нашихъ академіяхъ и семинаріяхъ. Не зная о томъ, принималъ ли онъ участіе въ омонашествованіи нашихъ духовныхъ академій по новому академическому уставу и если принималъ, то насколько сильнымъ было это его участіе, могу отъ себя замѣтить лишь то, что онъ, вообще почитатель монашества въ лучшемъ его видѣ, все-таки полагалъ, что господство монашескаго элемента въ академіи не возвыситъ, а ослабитъ ученую производительность академій, потому что, какъ онъ полагалъ, наука требуетъ усиленныхъ и продолжительныхъ сидѣній на одномъ и томъ же мѣстѣ, чего нельзя ожидать отъ лицъ монашествующихъ. Не ожидалъ митрополитъ Ан.

тоній отъ господства монашескаго элемента въ академіи и усиленія въ нихъ православнаго духа. Можетъ быть, на него вліяли при этомъ печальные примѣры архимандрита Михаила и іеромонаха Иліодора и др., а можетъ быть и опытъ заграничныхъ римско-католическихъ академій и университетовъ, въ коихъ, невзирая на присутствіе монашескаго элемента, все болѣе и болѣе усиливается модернистское направленіе при разработкѣ богословской науки. Этимъ отношеніемъ къ господству монашескаго элемента въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, несомнѣнно, объясняется то обстоятельство, что митрополитъ Антоній, какъ вполне справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ авторъ ея, отнюдь не былъ сторонникомъ исключенія изъ тѣхъ же духовно-учебныхъ заведеній свѣтскихъ предметовъ. Онъ, напротивъ, признавалъ, что безъ общеобразовательныхъ знаній богословское образованіе невозможно, такъ какъ, во-первыхъ, «философія, психологія, исторія и литература находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ содержаніемъ богословскихъ дисциплинъ, взятыхъ не въ сухомъ, схоластическомъ, а въ живомъ и жизненномъ видѣ», и такъ какъ, во-вторыхъ, «пасомые должны видѣть въ священникѣ просвѣщеннаго руководителя, къ которому могли бы обращаться за удовлетвореніемъ различныхъ запросовъ, возникающихъ въ ихъ жизни»... Митрополитъ Антоній былъ поэтому рѣшительнымъ противникомъ тѣхъ нелѣпыхъ проектовъ, развиваемыхъ нелѣпыми церковными реформаторами, будто для представителей церкви ничего не требуется, кромѣ благочестія.

Справедливы сужденія автора и относительно взглядовъ покойнаго митрополита Антонія на взаимоотношеніе между свѣтскою и церковною властью въ Россіи. Онъ дѣйствительно старался «освободить церковь отъ излишней опеки свѣтской власти и потому отвергалъ слишкомъ широкіе предѣлы власти оберъ-прокурора и желалъ, чтобы русскіе государи въ основныхъ законахъ именовались «верховными защитниками православной церкви», но не «блюстителями догматовъ» и проч.

Какъ извѣстно, эти взгляды покойнаго митрополита послужили главнымъ предлогомъ къ многочисленнымъ и усиленнымъ нападкамъ на него; какъ человѣка либеральнаго. Въ дѣйствительности, однакожъ, можно лишь удивляться подобнымъ нападкамъ на него. Что «блюстителемъ догматовъ въ православной церкви» является не отдѣльное лицо, какое бы выдающееся положеніе оно ни занимало въ церкви или государствѣ, а вся совокупность православныхъ вѣрующихъ—пастырей и пасомыхъ, руководимыхъ самимъ Духомъ Святымъ,—это азбучная догматическая истина, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, на примѣръ, посланіе патріарховъ восточно-каѳолической церкви въ словахъ, что только «вселенская церковь, такъ какъ она никогда не говорила

и не говорить отъ себя, но отъ Духа Божія, котораго она непрестанно имѣть и будетъ имѣть своимъ учителемъ до вѣка, никакъ не можетъ погрѣшать, ни обманывать, ни обманываться (глава вторая).

Что предѣлы оберъ-прокурорской власти въ русской православной церкви принимали иногда слишкомъ широкіе размѣры— это также истина несомнѣнная для всякаго, болѣе или менѣе знакомаго съ исторіей русской церкви. Въ этомъ стремленіи освободить церковь отъ излишней опеки свѣтской власти митрополита Антонія руководило пржеде всего то соображеніе, что оберъ-прокурорами могли и могутъ быть лица маловѣрующія и вѣрующія неправославно, въ силу чего православная церковь могла и можетъ находиться подъ высшимъ руководствомъ лицъ, могшихъ и могущихъ тормозить и даже вредить ея внѣшнему и внутреннему росту, какъ это наблюдалось въ исторіи русской церкви. Съ другой стороны, его въ томъ же стремленіи могло руководить и то соображеніе, что ничто такъ не унижало и не унижаетъ положенія православной церкви среди другихъ инославныхъ церквей христіанскаго міра и ничто такъ не ослабляло и не ослабляетъ ея миссіонерскую дѣятельность среди этихъ церквей, какъ ненормальное отношеніе свѣтской власти къ ней. Сужу это по личному опыту. Мнѣ, какъ занимающему каедру обличительнаго богословія въ одной изъ духовныхъ академій, приходилось и приходится имѣть дѣло съ многочисленными полемическими изслѣдованіями инославныхъ ученыхъ противъ православной церкви, встрѣчаться, особенно во время заграничныхъ командировокъ, съ многочисленными западными учеными, и ничто такъ не ставило меня въ тупикъ въ бесѣдѣ съ ними, какъ встрѣчающіяся даже въ нѣкоторыхъ официальныхъ нашихъ документахъ выраженія, какъ, напримѣръ, въ присягѣ обязательной для членовъ «духовной коллегіи», приводимой въ указѣ Петра Великаго объ учрежденіи Святѣйшаго Синода отъ 25-го января 1721 года: «исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегія быти Самого Всероссійскаго Монарха Государя нашего Всемилостивѣйшаго» ¹⁾, или въ Сводѣ законовъ: «Святѣйшій Синодъ есть установленіе государственное, посредствомъ коего Верховная Самодержавная Власть дѣйствуетъ въ управленіи церковными дѣлами православной вѣры...» ²⁾, или въ указѣ о престолонаслѣдіи, обнародованномъ при Павлѣ I въ 1797 году: «государи россійскіе суть главы церкви» ³⁾ и проч.

¹⁾ «Римскій папа и папы православной восточной церкви». Фрейбургъ на Бригавѣ. 1899 г., стр. 32.

²⁾ Сводъ законовъ, I, зак. осп., стр. 40, 42, 43. Алфавитный указатель къ своду законовъ Россійской имперіи, стр. 607 и 1023. Сравни. «Римскій папа и папы православной восточной церкви», стр. 38.

³⁾ Полное собраніе законовъ. XXIV (17910) 5-го апрѣля 1797 г., стр. 588. Сравни. «Папа римскій», стр. 56.

Конечно, наши государи всегда были покровителями православной церкви въ самомъ хорошемъ смыслѣ этого слова: они заботились о внѣшнемъ устроении и развитіи церкви и никогда не посягали на внутреннюю, т.-е. вѣроисповѣдную жизнь ея, и при всемъ томъ существованіе вышеприведенныхъ выраженій касательно отношенія свѣтской власти къ церковной въ Россіи въ официальныхъ документахъ—печальный фактъ, дающій врагамъ православной церкви сильное оружіе въ борьбѣ съ нею, какъ якобы находящейся въ Россіи въ ненормальномъ положеніи, результатомъ чего является отпаденіе отъ православной церкви очень многихъ даже и хорошихъ сыновъ. Имѣя въ виду исключительно эти печальные результаты ненормальнаго положенія православной церкви въ Россіи, а отнюдь не какіе-либо своекорыстные расчеты, митрополитъ Антоній и стремился для поддержанія церкви возстановить соборность церковнаго управленія съ ослабленіемъ власти оберъ-прокуроровъ.

Сходясь такимъ образомъ съ авторомъ книги въ общей характеристикѣ митрополита Антонія, какъ іерарха и человѣка, я при всемъ глубокомъ уваженіи къ почившему іерарху не могу согласиться съ авторомъ лишь въ томъ, будто онъ былъ всегда прочнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Мнѣ кажется, онъ, напротивъ, былъ слишкомъ добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, особенно въ отношеніяхъ къ людямъ. Объ этомъ можно судить уже по одному тому, что его, особенно въ послѣдніе годы, трвили самымъ безцеремоннымъ образомъ какъ самаго обыкновеннаго смертнаго и при томъ безъ всякихъ основаній. И онъ молча переносилъ эту травлю, не предпринимая почти никакихъ даже словесныхъ протестовъ противъ нея, хотя, несомнѣнно, очень страдалъ отъ нея. По крайней мѣрѣ, я отъ него никогда не слышалъ ни жалобъ, ни даже простыхъ указаній на тѣхъ, кто вель себя съ нимъ безцеремонно. Конечно, можно указать въ обоснованіе подобнаго отношенія его къ лицамъ, обижающимъ его, на примѣръ Христа, но вѣдь и Христосъ иногда весьма ядовито изобличалъ книжниковъ и фарисеевъ, и даже иногда прибѣгалъ къ плетямъ по отношенію къ лицамъ безцеремоннымъ. Почему бы и митрополиту Антонію не показать, что онъ большая персона и въ церкви и въ государствѣ и что его нельзя обливать грязью безъ достаточныхъ основаній. Тогда бы, можетъ быть, получились иные результаты отъ ведомой противъ него травли: онъ, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ сохранилъ свою жизнь и русская церковь доселѣ имѣла бы мудраго іерарха, столь необходимаго для нея при настоящихъ условіяхъ ея жизни.

Проф. Вл. Керенскій.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ КЪ НЕИЗВѢСТ-
НОЙ, ПИСАННОЕ 1 ФЕВРАЛЯ 1815 Г. ИЗЪ ВѢНЫ.

Копія письма императрицы Елизаветы Алексѣвны къ неизвѣстной
(Рукописн. отд. II. 3 к. 25).

ЕДАВНО, перебирая часть архива покойнаго великаго князя Сергѣя Александровича, переданнаго въ собственную Его Императорскаго Величества библиотечку, я наткнулся на отдѣльное письмо къ неизвѣстной, цѣликомъ написанное рукой императрицы Елизаветы, которое было, вѣроятно, случайно вложено въ другія бумаги и не попало въ собранный великимъ княземъ матеріалъ для ея биографіи, которымъ я пользовался, когда писалъ свое изслѣдованіе.

V. (ienne) ¹/₁₃ Fevrier 1815.

J'éprouve un soulagement véritable de pouvoir enfin m'entretenir de nouveau avec mon amie avec celle que j'étais accoutumé pendant les 14 meilleures années de ma vie de regarder comme un autre moi-même. Hélas que te dirai-je de moi?—Tu m'a vu les derniers temps que nous avons passé ensemble, tu a pu te convaincre de l'état de souffrance dans lequel se trouvait tout mon être.

Si je te dis que mon état n'a fait qu'empirer depuis cela serait encore rendre faiblement ce que j'éprouve. Tous les jours cet état d'isolement me devient plus affreux et cependant nul être ne se présente ni à mon imagination ni à mon âme tel à pouvoir compenser celui que j'ai perdu. Tous les jours le sacrifice que je nommerai im-

posé me parait plus terrible et dans l'état dans lequel je me trouve si ce sacrifice était à refaire je crois que je n'en aurai plus la force. Toutes les choses se présentent à mes yeux sous un autre point de vue. Je ne sais plus que désirer, tout a l'air d'être éteint pour moi et je puis dire que je suis malheureuse dans toute la force du terme sous ce rapport. Mes souffrances puissent elles du moins être agréables à l'Être Suprême.

Quand à mon éloignement pour certain personnage, loin de diminuer me semble croître au contraire et avec ma manière de sentir, je défie qu'on puisse se trouver dans des situations plus pénibles que celles dans lesquelles je me vois placé à chaque pas. La volonté de Dieu doit se faire et c'est ce que je me repète sans cesse, mais comment n'avourai-je pas les combats cruels que je me livre sans cesse. Une sorte de découragement s'empare de moi. Un mur impénétrable a l'air d'être élevé de tout côté pour moi sans nulle possibilité de le franchir. Toute idée de bonheur personnel est fini pour moi où puis je le chercher quand l'être le créat pour moi, dans qui sont toutes mes affections se concentrent dans cet être se trouve séparé de moi pour la vie. Je connais encore quelques plaisirs à remplir avec succès mes devoirs publics, mais que c'est loin de ce bonheur domestique qui faisait tout le charme de ma vie privée.

Mes seules consolations je les trouve dans Dieu, mais je ne puis pas me cacher en même temps que je me sens trop faible pour me contenter uniquement de ce genre de consolation; le besoin de contenter non mes désirs physiques, mais ceux de mon âme d'avoir une compagne, une amie, ce besoin dis-je est d'une force qui semble croître tous les jours. Voilà l'état, être chérie, dans lequel je me trouve pendant tout le temps si long qui s'est déjà écoulé depuis que nous nous sommes quittés.

Mais hélas quel triste et cruel retour!

Plus d'époux, d'amie à en trouver plus de cet être dans lequel je mettais la consolation de ma vie, je reviendrai chez moi, mais pour être seule, délaissée dans un isolement désolant. Voilà la perspective cruelle qui se présente pour moi et qui empoisonne tous mes instants. Je sens en même temps qu'il n'y a pas de remède à ce mal et quelle chose que je fasse j'empirerai ma situation au lieu de l'améliorer; car me livrer à quelque fantaisie ce qui ne serait pas même me procurer du soulagement se trouve si contraire à mes principes, à mes idées religieuses, que je ne crois pas même pouvoir vaincre la répugnance que j'éprouve. Me livrer à quelque nouveau sentiment d'attachement serait encore me faire renverser l'ordre des choses légales au quel je viens de sacrifier le véritable bonheur de ma vie en me séparant de l'être qui me l'a fait goûter pendant 14 ans.

D'ailleurs où serait l'être qui me ferait éprouver un sentiment d'attachement et qu'aurait en lui cet attrait qui faisait ma félicité

auprès de toi? Ces reflexions et d'autres aussi tristes ne me quittent pas et ont données à mon être un teint de melancolie que tous les plaisirs de Vienne ne peuvent dissiper et qui semble devoir rester mon apanage.

Elle produit des jours où je suis d'un noir si insurmontable, que je suis obligé de fuir tout le monde et de m'enfermer dans ma chambre; c'est là que donnant un libre cours à mes larmes je cherche quelque adoucissement à ce poids cruel qui m'opresse.

(Изъ архива великаго князя Сергѣя Александровича).

Переводъ:

Вѣна, 1-го февраля 1815 г.

Я испытываю особое чувство удовольствения, имѣя снова возможность побесѣдовать со своей подругой, съ той, которую въ теченіе четырнадцати лѣтъ жизни я привыкла считать какъ самое себя. Къ сожалѣнію, что я могу тебѣ сообщить о себѣ? За послѣднее время, что мы провели вмѣстѣ, ты могла убѣдиться въ тѣхъ страданіяхъ, которыми объято все мое существо. Если я тебѣ скажу, что это состояніе еще усугубилось, то и это будетъ слабымъ отраженіемъ дѣйствительности. Съ каждымъ днемъ чувство одиночества дѣлается для меня тягостнѣе, но, несмотря на это, я не могу подобрать въ моемъ воображеніи другую личность, которая могла бы замѣнить ту, которую я потеряла. Съ каждымъ днемъ я сильнѣе чувствую свою ужасную потерю. Состояніе, въ которомъ я теперь нахожусь, таково, что вторично я не могла бы перенести потерю, подобную первой. Все мнѣ представляется въ другомъ свѣтѣ. Право, не знаю, чего желать; все погружено во мракъ, и я только могу подтвердить, что во всѣхъ отношеніяхъ и въ полной мѣрѣ несчастна. Лишь бы мои душевныя страданія не прогнѣвили Господа Бога! Что же касается моего удаленія отъ извѣстной тебѣ личности, то оно не только не уменьшается, но растетъ, я ручаюсь, что нельзя найти болѣе тяжелой обстановки, чѣмъ та, съ которой я сталкиваюсь на каждомъ шагу.

Я знаю, что воля Божія должна совершиться; сама себѣ я мысленно повторяю это, но, откровенно говоря, цѣною какой борьбы дохожу я до такого убѣжденія и, право, прихожу въ отчаяніе. Какая-то китайская стѣна окружила меня со всѣхъ сторонъ, и выходы всѣ заперты. Всякое помышленіе о личномъ моемъ счастьи кончено,—гдѣ мнѣ искать такого счастья, когда существо, которое я люблю всей душой, отторгнуто отъ меня навѣки.

Я въ состояніи исполнить еще свои общественныя обязатель-

ства, но счастье домашняго очага далеко отъ меня, а это было когда-то прелестью частной моей жизни.

Единственное утѣшеніе я нахожу въ молитвѣ, но сознаюсь, что вполнѣ удовлетвориться только такого рода утѣшеніемъ не могу. Я болѣе не чувствую какихъ-либо физическихъ вожделѣній, но душа жаждетъ имѣть около себя или подругу, или близкую сердцу; это влеченіе излить свою горечь другой ежедневно во мнѣ растеть.

Вотъ, милѣйшая моя, то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались. Но, увы, какое будетъ грустное возвращеніе!

Нѣтъ болѣе мужа, нельзя найти подруги, той, которая была всегда утѣшеніемъ моей жизни; вернусь я восвоюи (т.-е. въ Россію), но только для того, чтобы одинокой влачить дальше эту тяжелую лямку. Вотъ та пріятная перспектива, которая ожидаетъ меня въ ближайшемъ будущемъ, и все это мнѣ отравляетъ настоящія минуты. Я отлично понимаю; что нѣтъ средствъ выйти изъ этого состоянія, и, что бы я ни предприняла, все только ухудшитъ мое положеніе, а отнюдь не поправитъ его. Если бы, давъ волю своему воображенію, я пустилась бы на какое-либо предпріятіе, то не только оно бы не облегчило меня душевно, но было бы противно всѣмъ моимъ принципамъ и религіознымъ убѣжденіямъ, и я бы не могла безъ отвращенія оправиться отъ затѣяннаго.

Привязаться къ кому-либо другому было бы нарушеніемъ всего законнаго, именно того, чѣмъ я пожертвовала лучшими годами жизни и чѣмъ такъ дорожила.

А теперь онъ отшатнулся отъ меня послѣ четырнадцати лѣтъ, четырнадцати лѣтъ счастья¹⁾! Впрочемъ, кто можетъ замѣнить тебя послѣ тѣхъ лѣтъ счастья, данныхъ мнѣ тобой! Всѣ эти грустные соображенія не покидаютъ меня и навѣваютъ глубокую меланхолю, которую не могли стереть всѣ вѣнскія увеселенія, и эта грусть навсегда останется моимъ удѣломъ. Бываютъ дни такого маразма, что я скрываюсь отъ всѣхъ и запираюсь въ свою комнату; тамъ, наединѣ, я горько плачу и въ этихъ слезахъ нахожу каплю утѣшенія въ своей житейской горечи.

Загадка заключается въ томъ, кому были адресованы эти строки изъ Вѣны въ разгаръ конгресса и тѣхъ увеселеній, которыя продолжались изо дня въ день въ столицѣ Австріи въ это памятное время. Возможно сдѣлать два предположенія. Письмо написано

¹⁾ Какъ считала Елисавета эти 14 лѣтъ? Отъ брака въ 1793 году до 1807 года или со своего восшествія на престолъ въ 1801 году и до 1815? По смыслу письма надо допустить послѣднее.

въ такихъ интимныхъ выраженіяхъ, что могло быть послано или дорогой подругѣ, или одной изъ сестеръ.

Кромѣ княгини Нат. Ѳ. Голицыной, рожденной княжны Шаховской и скоичавшейся еще въ 1807 году, Елисавета была дружна съ графиней Варварой Головиной, графиней Анной Толстой (рожденной княжной Барятинской) и немного поздиѣ съ графиней Софіей Владимировной Строгановой (рожденной княжной Голицыной). Но съ графиней Головиной произошла крупная размолвка въ юныхъ годахъ, и хотя примиреніе состоялось поздиѣ, но прежнихъ отношеній не возобновлялось. Графиня же Строганова проживала въ Россіи въ 1815 году, а Головина и Толстая въ Парижѣ.

Остается возможность допустить, что письмо могло быть написано графинѣ Толстой, хотя изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ къ ней императрицы всѣ неизмѣнно начинаются словами «*chère Longue*» (ея прозвище) и были писаны на «вы». Графиня Толстая могла посѣтить императрицу въ Баденѣ, а когда она скончалась въ 1825 году ¹⁾, за годъ до Елисаветы, то всѣ письма ея величества къ ней были возвращены государынѣ сыномъ покойной. Мужъ ея, графъ Николай Александровичъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, былъ постояннымъ спутникомъ императора Александра во всѣхъ его путешествіяхъ, но, уже больной, не сопровождалъ государя въ Вѣну и скончался въ Петербургѣ 9-го декабря слѣдующаго 1816 г. Но, повторяемъ, письмо было писано на «ты», а потому правдоподобно, что оно обращалось къ одной изъ сестеръ и именно къ старшей, незамужней принцессѣ Амаліи, пробывшей въ Россіи какъ разъ четырнадцать лѣтъ (1796—1810 гг.).

Амалія была на три года старше Елисаветы, равно какъ и Каролина Баварская, — сестры были близнецами, — сестра же Фредерика, вышедшая замужъ за короля шведскаго Густава IV, была на годъ моложе императрицы. Младшая, Фредерика, при выборѣ невѣсты для Александра, была съ маркграфиней матерью въ 1793 году въ Россіи; Амалія пріѣхала лишь въ 1796 году, а Каролина, рано отданная замужъ за Максимилиана Баварскаго, вовсе не была въ Россіи. Въ 1815 году Каролина находилась въ Мюнхенѣ, пріѣзжала также въ Вѣну съ супругомъ, а Фредерика и Амалія жили въ баденскихъ владѣніяхъ, то въ Карлсруэ, то въ Брухзалѣ. Обѣихъ Елисавета навѣстила до конгресса, а послѣ намѣревалась вернуться обратно въ Баденъ. Такъ какъ въ письмѣ упоминается о недавнемъ свиданіи, то вѣроятность, что оно было писано Амаліи, еще болѣе возрастаетъ.

Читая выше напечатанное письмо, недоумѣваешь, отчего именно въ Вѣнѣ, гдѣ Елисавета появлялась всюду и проводила вечера на балахъ, спектакляхъ и всякихъ свѣтскихъ увеселеніяхъ, съ ней

¹⁾ Погребена въ Парижѣ, на кладбище *Le calvaire du Mont-Valerien*.

совершился такой взрывъ нравственнаго угнетенія и полнѣйшаго отчаянія. Гдѣ кроются причины такого душевнаго состоянія? Что дало поводъ къ такому состоянью, и отчего мысли обращены были на давно прошедшія времена? Единственнымъ подходящимъ объясненіемъ я могу допустить неожиданную встрѣчу съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ ¹⁾, котораго императрица болѣе не видала послѣ увольненія съ поста управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (1806 г.), въ перепискѣ же съ нимъ она не состояла. Между тѣмъ, именно въ Вѣнѣ Елисавета Алексѣевна часто съ нимъ видѣлась, и онъ неоднократно посѣщаль ее между торжествами, о чемъ упоминается въ неизданной части его воспоминаній. (Въ мемуарахъ князя, изданныхъ Мазадомъ съ большими пропусками, они прерываются 1809 годомъ). Оригиналъ этихъ воспоминаній находится въ Краковѣ, въ музеѣ князей Чарторыйскихъ, и выдержки изъ нихъ мнѣ удалось видѣть.

Когда года за три до нынѣшней войны пріѣзжалъ въ Петроградъ профессоръ Аскенази, онъ передавалъ мнѣ, что намѣренъ скоро издать не только подробную біографію князя Адама Чарторыйскаго, но и ту часть воспоминаній, которая еще не издана. Онъ же мнѣ подтвердилъ, что князь Адамъ довольно подробно повѣствуетъ о Вѣнскомъ конгрессѣ и пребываніи въ Вѣнѣ; въ частности же о своихъ разговорахъ съ русской императрицей и о томъ впечатлѣніи, которое она на него произвела въ ту пору.

Вполнѣ достовѣрнымъ является тотъ фактъ, что не только императрица, но и побѣдоносный освободитель Европы отъ ига Наполеона видѣлись почти ежедневно съ княземъ Чарторыйскимъ. Оно и не мудрено, такъ какъ князь Адамъ состоялъ въ свитѣ государя, хотя и негласно, но какъ представитель польскихъ интересовъ. Русскіе же интересы были сосредоточены въ рукахъ трехъ сановниковъ, изъ которыхъ только одинъ былъ чистокровнымъ русскимъ, князь Андрей Разумовскій, двое же остальныхъ: графы Нессельроде и Поццо-ди-Борго, были оба чужды Россіи и враждебно настроены къ Польшѣ. Всѣмъ руководилъ самъ императоръ Александръ, и польскимъ вопросомъ особенно ретиво, при сотрудничествѣ бывшего друга юности, князя Адама. Конечнымъ результатомъ этой совмѣстной работы была командировка князя Чарторыйскаго въ Варшаву въ маѣ 1815 года. Приводимъ письмо, адресованное къ князю Адаму изъ Вѣны 13-го (26-го) мая 1815 г.

Vienne, 13—25 mai 1815.

«Pendant le temps que vous avez passé auprès de moi, vous avez eu l'occasion de connaître mes intentions sur les institutions que je veux établir en Pologne et sur les améliorations que je désire introduire dans ce pays. Vous aurez soin de ne jamais les

¹⁾ Род. 14 января 1770 г., ум. 15 іюля 1861.

perdre de vue dans les délibérations du conseil et d'y attirer toute l'attention de vos collègues, afin que la marche du gouvernement et les réformes qu'il est obligé d'opérer soient d'accord avec ma manière de voir. Vous n'omettez pas, si le besoin s'en présentait, de prendre à cet égard l'initiative pour hâter les résultats et présenter des projets conformes au système adopté.

Comme vous n'êtes pas moins instruit de mes idées sur l'esprit dans lequel je prétends que le choix des divers employés se fasse, vous ne manquerez pas de veiller à ce qu'il soit dirigée dans ce sens. Dans un pays ballotté depuis si longtemps par tant de dérangements et de révolutions, il est de la plus grande importance que l'on suive une marche uniforme bien combinée. Voilà ce que j'ai voulu vous rappeler encore une fois par cet écrit, que je vous permets même d'exhiber afin de donner plus de foi à ce que vous aurez à dire pour satisfaire à mes intentions.

«Alexandre».

Тотъ же профессоръ львовскаго университета Аскенази въ бесѣдахъ со мной приходилъ въ ярость, когда я намекалъ на происхожденіе князя Адама Чарторыйскаго. Извѣстно, что онъ былъ сыномъ князя Н. В. Репнина, бывшаго долго въ связи съ его матерью.

Хотя Аскенази увѣрялъ, что это происхожденіе князя не доказано, но сходство не только князя Адама, но и нынѣшняго представителя этого рода съ княземъ Репнинымъ бросается въ глаза и не требуетъ другихъ доказательствъ.

Желая меня уязвить, историкъ-адвокатъ переходилъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ со мной на другую тему. Аскенази увѣжденно доказывалъ, что, по его изслѣдованіямъ, Елисавета Алексѣевна, будучи великой княгиней, была въ связи съ княземъ Адамомъ и что подтвержденіе этого факта будетъ обнаружено при изданіи всѣхъ бумагъ польскаго князя. Я старался ему доказать противное, но безуспѣшно. Вовсе не отрицая, что въ концѣ 90-хъ годовъ князь Чарторыйскій былъ влюбленъ въ великую княгиню и за ней ухаживалъ, насколько ему позволялъ строгій этикетъ при дворѣ императора Павла и его супруги императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы нигдѣ не видимъ слѣдовъ увлеченія великой княгини Чарторыйскимъ, и пока не имѣется ни одного письменнаго документа въ подтвержденіе этой версіи. Какъ извѣстно, по повелѣнію императора Павла, князь Адамъ былъ высланъ въ почетную ссылку въ качествѣ посланника въ Сардинію въ августѣ 1798 года., возможно вслѣдствіе его ухаживанія за великой княгиней, но при характерѣ Павла такіе выѣзды повторялись часто и безъ всякой обоснованной причины. Намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы въ краковскомъ музеѣ нашлись письма или записки Елисаветы Алексѣевны. Къ чести самого князя Адама, надо ему отдать справедливость, что за всю свою долгую жизнь князь всегда благоговѣлъ передъ памятью Елисаветы, несмотря на всѣ его разочарованія въ Александрѣ и въ русской политикѣ по польскому вопросу, и нигдѣ не проронилъ даже намекъ на свое временное увлеченіе молодой великой княгиней. Въ изданныхъ уже его мемуарахъ Мазадъ не постѣснялся бы

оставить хоть намеки за этотъ періодъ сто воспоминаній, но ихъ не имѣется. А до тѣхъ поръ, пока историкъ-адвокатъ, а нынѣ зрѣй руссофобъ, Аскенази не приведетъ достовѣрныхъ источниковъ къ подтвержденію своего предположенія,—мы остаемся твердо на нашей точкѣ зрѣнія. Аскенази до того увлекался, бесѣдуя со мной, что увѣрялъ меня, будто въ 1815 году въ Вѣнѣ, при встрѣчѣ князя съ Елисаветой, романъ возобновился въ полной мѣрѣ!

Аскенази обѣщаль привести и къ этой новой версіи какія-то письменныя доказательства, но пока ихъ нѣтъ, лучше вдуматься въ тонъ письма, нынѣ печатаемаго, а также и другого, писаннаго матери на другой день послѣ отправки перваго къ неизвѣстной.

Читая оба эти письма, какая-либо мысль о любовной связи 36-лѣтней нравственно-больной женщины неминуемо отпадетъ.

Текстъ письма къ матери по-французски и переводъ.

«Vienne, ce 2 Février 1815 Jeudi, à 1 heure 1/2.

Chère maman!

De jour en jour je sens combien il me sera difficile de vous quitter définitivement. A présent je ne me regarde pas comme entièrement séparée de vous, mais quelquefois il me semble qu'il me deviendra physiquement impossible de quitter probablement pour toujours l'Allemagne. Tant que j'y suis, il me semble que je ne suis que dans une grande maison, où je suis logée, à la vérité, loin de ceux que l'aime, mais où je puis les retrouver quand je veux, tandis qu'une fois hors de l'Allemagne, ce sera fini. Pardon, maman, de nous entretenir de mes tristes idées. Le départ de Caroline les a réveillées. C'est avant-hier qu'elle est partie, et je dois cependant à la justice de dire que l'Empereur a été aimable pour moi à cette occasion, qu'il m'a proposé de lui-même de dîner plus fréquemment chez lui, et même tête-à-tête avec moi lorsque je serai seule. Il faut apprécier les choses selon les caractères des individus, et c'est beaucoup pour lui ...»

Переводъ:

«Вѣна, 2-го февраля 1815 года, четвергъ 1 1/2 пополудни.

«Милая матушка.

«Съ каждымъ днемъ я чувствую, насколько мнѣ будетъ трудно разстаться съ вами окончательно. Теперь я только временно удалена отъ васъ, а часто мнѣ кажется, что физически мнѣ будетъ не-

возможно покинуть, вѣроятно, навсегда Германію. Пока я нахожусь здѣсь, мнѣ рисуется, что я нахожусь въ большомъ домѣ и хотя далеко отъ тѣхъ, кого люблю, но при возможности когда угодно съ ними встрѣтятся; а разъ я буду за предѣлами Германіи, тогда все кончено. Извините, что досаждаю вамъ своими грустными мыслями. Это отъѣздъ сестры Каролины разбудилъ такія чувства. Она уже уѣхала третьяго дня, но я должна сознаться, что ввиду сего отъѣзда государь былъ внимателенъ ко мнѣ; онъ самъ мнѣ предложилъ чаще съ нимъ обѣдать и даже вдвоемъ, когда я останусь одинокой. Надо умѣть цѣнить порывы согласно характера людей, а для него это уже очень много...»

И это письмо свидѣтельствуеть о душевной тоскѣ той, которая была разочарована жизнью, а чтеніе обоихъ писемъ только подчеркиваетъ впечатлѣніе о тѣхъ сложныхъ, отношеніяхъ между супругами, о которыхъ мнѣ уже приходилось писать раньше. Чтя память Елисаветы Алексѣевны, мы не намѣрены распространяться о томъ романѣ, который она пережила во дни Аустерлица, будучи уже одинокой и въ ту пору.

Историческая литература уже не разъ затрагивала эту поэтично-грустную тему; Е. С. Шумигорскій написалъ даже цѣлую повѣсть по этому вопросу ¹⁾,—мы же добавимъ, что это увлеченіе было единственнымъ въ безотрадной жизни Елисаветы.

Возвращаясь къ печатаемому письму, мы безусловно допускаемъ, что бесѣды съ княземъ Чарторыйскимъ могли вызвать много грустныхъ мыслей о прошломъ, выразившихся въ изліяніяхъ ея пера. Кромѣ того, Елисаветѣ стало извѣстнымъ новое увлеченіе Александра мистической философіей баронессы Криденеръ, и врядъ ли такое открытіе могло ее порадовать.

За этотъ періодъ жизни Елисаветы сказалось вліяніе на нее ея матери маркграфини. Мать сумѣла всячески успокоить нервно разстроенную дочь передъ возвращеніемъ ея въ Россію, и при вторичномъ посѣщеніи Бадена въ 1818 году уже наступило замѣтное успокоеніе въ состояніи императрицы. Въ свое время мы уже отмѣтили перемѣну, происшедшую въ Елисаветѣ въ 1817 году, во время долгаго ея пребыванія въ Москвѣ.

Извѣстно, что въ послѣдующіе годы, до самой кончины императора Александра, сближеніе между супругами постепенно возрастало и въ послѣдніе, таганрогскіе дни закончилось лебединой пѣснью полнѣйшей дружбы, взаимной откровенности и счастья. Но въ 1815 году, и особенно за время пребыванія въ Вѣнѣ, произошла кризисъ, конечно, весьма острый, въ отношеніяхъ между

¹⁾ «Романъ принцессы Іеверской», «Истор. Вѣстн.», 1915 г., № 1 и 2; отдѣльно изданъ въ сборникѣ «Тѣни минувшаго». Петроградъ. 1916.

супругами, чуть-чуть не приведшій къ окончательному разрыву, не будь вліянія маркграфини-матери и подчиненія Елисаветы своей горькой судьбѣ.

Словомъ, чѣмъ болѣе изучаешь личность Елисаветы Алексѣевны, тѣмъ болѣе она становится симпатичной, и мнѣ хотѣлось отгѣнить это чувство въ предлагаемомъ очеркѣ. Если мнѣ удалось убѣдить читателя, то я считалъ бы цѣль свою достигнутой.

23-го апрѣля 1916 года.

Великій Князь Николай Михайловичъ.

БАРОНЪ ѲЕДОРЪ РОМАНОВИЧЪ ФОНЪ-ДЕРЪ ОСТЕНЪ-САКСЕНЪ.

(Некрологъ.)

ЕВЯТНАДЦАТАГО апрѣля скончался восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду извѣстный государственный дѣятель, географъ, ботаникъ, путешественникъ и дипломатъ Ѳедоръ Романовичъ Остенъ-Сакенъ. При увольненіи его отъ службы въ 1908 году во всеилостивѣйшемъ рескриптѣ на имя заслуженнаго и маститаго дѣятеля было отмѣчено, что Государь Императоръ «призналъ справедливымъ выразить ему Свою искреннюю признательность за пятидесятичетырехлѣтнюю службу». Но не одною рѣдкою продолжительностью замѣчательна была карьера этого человѣка. Въ его лицѣ отошла въ вѣчность одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя не забываются тѣми, кто имѣлъ счастье встрѣтить ихъ на своемъ жизненномъ пути. Я имѣлъ это счастье, сначала по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а въ послѣдніе годы—удостоившись личной дружбы этого учителя. Могу засвидѣтельствовать, что не встрѣчалъ болѣе свѣтлой личности, болѣе глубокаго ума, болѣе обогащающаго своимъ прикосновеніемъ человѣка. Въ Ѳедорѣ Романовичѣ, по широтѣ воззрѣній, по простотѣ обращенія, по глубинѣ ума и по научной силѣ мышленія, было что-то гумбольдтовское, что-то стремившееся къ энциклопедическому всеохватыванію суммы познаній своего вѣка. Его спеціальныя познанія связывали его ближе всего съ природою растительнаго цар-

ства, подобно тому, какъ его старшій братъ (другъ Агасиса) былъ первымъ въ мѣрѣ авторитетомъ въ познанин двукрылыхъ (*Dipterae*). Но ботаника послужила лишь фундаментомъ для работы его мыслительнаго аппарата. Федоръ Романовичъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ изучилъ флору Лужскаго уѣзда, а въ 1869 г., послѣ своей смѣлой рекогносцировки въ дебри неизвѣстнаго тогда Тянь-Шанскаго хребта, опубликовалъ (вмѣстѣ съ академикомъ Рупрехтомъ) свое описаніе тянь-шанской флоры. Впрочемъ, ботаника не поглотила его. Остенъ-Сакену суждено было быть живымъ дѣятелемъ въ практической политикѣ, и научное мышленіе оставалось лишь его убѣжищемъ, его личнымъ счастьемъ, замѣнявшимъ ему семейныя радости,—способомъ закалыванія своихъ мыслей и воли.

Вся практическая дѣятельность Федора Романовича прошла на пользу русской дипломатической службы и отечественной географіи, по вѣдомству министерства иностранныхъ дѣлъ и императорскаго русскаго географическаго общества. Азіатскій департаментъ поглотилъ всѣ силы барона Остенъ-Сакена съ 1853 по 1875 гг., когда онъ былъ назначенъ на должность директора департамента внутреннихъ сношеній (нынѣшняго второго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ). Четверть вѣка спустя мнѣ довелось слышать отъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, что глубокой слѣдъ организаторской и идейной дѣятельности барона Остенъ-Сакена продолжалъ держаться, какъ цѣнная традиція, среди наиболѣе серьезнаго элемента азіатскаго департамента (онъ же первый). Въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ во главѣ азіатскаго департамента стоялъ молодой генераль-майоръ Н. П. Игнатьевъ, въ ореолѣ успѣха недавно имъ заключеннаго пекинскаго договора; а при немъ (начальникомъ второго отдѣленія) былъ тридцатилѣтній Остенъ-Сакенъ. Я полагаю, что не ошибся, когда въ худшіе годы нашего позднѣйшаго упадка я говорилъ о забытыхъ традиціяхъ «игнатьевской школы дипломатіи». О ней читатель можетъ составить себѣ живое представленіе по замѣчательной книгѣ покойнаго генераль-лейтенанта И. Ѳ. Бабкова «Воспоминанія о моей службѣ въ Западной Сибири (1859—1875 гг.). Разграниченіе съ Западнымъ Китаемъ 1869 г.» (Спб. 1912 г.). Многолѣтняя, крайне трудная дѣятельность Бабкова въ Средней Азійи привела къ окончательному результату—упроченію за Россіей огромныхъ и плодородныхъ территорій, которыя долго оспаривались Китаемъ. Это важное государственное дѣло осуществлено было неимоვნно трудными усиліями, при которыхъ замѣчательная энергія Бабкова не привела бы ни къ чему, если бы его не поддержала неустанная прозорливость и выдержка тогдашняго азіатскаго департамента, гдѣ главными руководящими силами были Н. П. Игнатьевъ и Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

Затѣмъ, съ 1864 до 1877 гг. простирается замѣчательная эпоха

активной дѣятельности Н. П. Игнатьева въ Константинополѣ, дѣятельности—какъ теперь уже стало извѣстно—постоянно парализовавшейся тщеславнымъ и недалекимъ княземъ А. М. Горчаковымъ. Одному Богу извѣстно, до какой степени удалось бы бездушнымъ столичнымъ вліяніямъ задавить всё гениальное проблиски Игнатьева, если бы здѣсь, въ пѣдрахъ министерства, не бодр-

Баронъ Ѳедоръ Романовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

ствовалъ свѣтлый и дружескій глазъ барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, назначеннаго вице-директоромъ азіатскаго департамента съ 1871 г. Не даромъ впослѣдствіи про него говорилъ К. П. Побѣдоносцевъ: «Я знаю только одного вполне русскаго человѣка въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, это—баронъ Ѳедоръ Романовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ».

Четверть вѣка, проведенная барономъ Ѳедоромъ Романовичемъ во главѣ департамента внутреннихъ сношеній (второй департаментъ

министерства иностранныхъ дѣлъ) — въ качествѣ его директора, — вложила на это учрежденіе тотъ особый отпечатокъ умственности и серьезнаго труда, который и засталъ въ немъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Тутъ сосредоточены были всѣ законодательныя предположенія и управленіе консульскими установленіями двухъ полушарій, равно какъ и систематизація консульскихъ матеріаловъ, могущихъ послужить къ переработкѣ давно устарѣвшаго «консульскаго устава». Душою этихъ трудовъ, вдохновителемъ молодыхъ наиболѣе серьезныхъ силъ вѣдомства, былъ тотъ же баронъ Э. Р. Остенъ-Сакенъ. Но одно только формальное, пассивное отбываніе службы его не удовлетворяло. Федоръ Романовичъ искалъ своей кипучей энергіей корней каждаго дѣла; онъ искалъ его жизненной сути, а не одного его бумажнаго выраженія или довершенія. Такъ, напримѣръ, онъ въ мѣсяцы досуга отправляется на берега рѣки Торнео, подъ полярнымъ кругомъ, дабы подробно изучить на мѣстѣ рыбный вопросъ, изъ-за котораго возникали дипломатическія затрудненія. Онъ принимаетъ, внѣ обязательной службы, дѣятельное участіе въ снаряженіи географическимъ обществомъ экспедиціи для изученія хлѣбной торговли и производительности въ Европейской Россіи. Онъ отправляется безъ громкаго officialнаго облика въ пограничныя области Австріи, дабы изучить своими глазами положеніе дѣлъ въ Галиціи, причѣмъ австрійскія власти его арестовали и продержали нѣкоторое время безъ всякаго серьезнаго повода, изъ-за чего возникъ особый дипломатическій инцидентъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, будучи уже семидесятилѣтнимъ человекомъ, но сохранивъ еще изумительную бодрость, баронъ Федоръ Романовичъ отправился лѣтомъ на Мурманъ для изслѣдованія быта нашихъ поморовъ и вопроса о незамерзасмой гавани. Не мудрено, что при такихъ качествахъ живой природы Федоръ Романовичъ оставилъ всюду среди подчиненныхъ и сослуживцевъ обаятельное воспоминаніе; тѣмъ болѣе, что для маленькихъ людей онъ былъ настоящимъ благодѣтелемъ.

Ученая дѣятельность барона Э. Р. Остенъ-Сакена тѣсно и неразрывно связана съ жизнью нашего географическаго общества за послѣдніе полвѣка. Въ 1857 году, не прерывая службы въ азиатскомъ департаментѣ, онъ откомандировывается къ знаменитому генераль-адъютанту графу Путятину — въ тотъ періодъ его дѣятельности, когда этотъ выдающійся адмиралъ успѣлъ уже окончить свою японскую миссію («Фрегатъ Паллада» Гончарова) и получилъ новую командировку въ Китай, закончившуюся заключеніемъ Тянь-Цзинскаго трактата 1858 года, въ силу коего русскіе пріобрѣли право свободнаго посѣщенія внутреннихъ областей Китая и право производства морской торговли въ китайскихъ портахъ. Стало быть, разработка матеріаловъ къ этому договору не могла обой-

тись безъ активнаго участія Федора Романовича, подтвержденіе какового предположенія должно быть найдено въ его личномъ архивѣ, всегда поражавшемъ меня тщательнымъ порядкомъ его бумагъ. Къ этому времени относятся путешествія Федора Романовича на островъ Цейлонъ, на Филиппинскіе острова, гдѣ онъ изучалъ этнографію, наконецъ, къ русскимъ берегамъ Японскаго моря.

Помнится слѣдующій его рассказъ, относящійся къ этой эпохѣ. Въ день полученія въ Петроградѣ первыхъ телеграммъ о бомбардировкѣ фортовъ Таку въ устьѣ рѣки Пей-Хо, въ іюнѣ 1900 года, я встрѣтилъ барона Федора Романовича и обмѣнялся мыслями о неожиданно возникшихъ грозныхъ событіяхъ. Настроеніе общества было тогда приподнятое, первый потокъ русской крови волновалъ всѣхъ; живо обсуждался вопросъ о томъ, виновата ли наша дипломатія, или нѣтъ въ томъ, что она не сумѣла предвидѣть эти событія; мы еще не успѣли притерпѣться, какъ въ послѣдующіе годы, къ несравненно болѣе тяжкимъ ударамъ.

— Развѣ только громъ и молніи могутъ раскрыть глаза незрячимъ! — воскликнулъ тогда Федоръ Романовичъ, возвращаясь къ нашей любимой темѣ о вѣчной невооруженности и недомоганіи нашей дипломатіи. При этомъ онъ добавилъ: «Событія дня оживляютъ во мнѣ воспоминанія о томъ, какъ ровно сорокъ два года назадъ мнѣ довелось присутствовать при первой бомбардировкѣ фортовъ Таку (во время англо-французской экспедиціи 1858—1860 гг.). Съ палубы корабля въ устьѣ Пей-хо я наблюдалъ за бомбардировкой, и помнится, что китайское ядро пролетѣло надъ моей головой и ударилося въ рубку нашего судна».

Впрочемъ, тѣ же качества личной отваги этотъ маленькаго роста, вовсе не мускулистый, скорѣе тщедушный съ виду человѣкъ проявилъ въ замѣчательной степени въ 1867 году, когда, присоединившись, въ мѣсяцы личнаго досуга, къ экспедиціи полковника (впослѣдствіи генераль-лейтенанта) В. А. Полторацкаго въ Нарынскій край (Тянь-Шань), баронъ О. Р. Остенъ-Сакенъ съ почти безумной смѣлостью отдѣлился отъ военной колонны и, собирая растенія для своего гербарія, проникъ черезъ главный кряжъ до верховныхъ долинъ южнаго склона, почти къ самому Кашгару, гдѣ тогда владычествовалъ лютый Якубъ-Бекъ, врагъ Россіи; если бы баронъ Остенъ-Сакенъ попалъ въ его руки, ему, вѣроятно, пришлось бы тогда проститься съ жизнью.

Научная дѣятельность Федора Романовича до того разнообразна, что она составляетъ какъ бы сильныя проблески во всѣ направленія природовѣдѣнія, исторіи, политики и т. д., не ограничиваясь ботаникой—его главной наукой. Онъ занимался изслѣдованіемъ озера Иссыкъ-Куль и остатками на его днѣ древнихъ построекъ; въ 1872 году онъ участвовалъ въ трудахъ по изданію этнографической карты Россіи; онъ работалъ въ комиссіи по изданію писцовыхъ

книгъ древней Руси; въ 1890 году онъ принимаетъ участіе въ разработкѣ вопроса объ учрежденіи при географическомъ обществѣ особаго повременнаго изданія, посвященнаго вопросамъ метеорологіи. По его инициативѣ министерство издало матеріалы объ экспедиціи Норденшельда въ полярныхъ моряхъ (1880 г.), также матеріалы, касающіеся сѣвера Россіи (1883 г.). Пройдя цѣлый рядъ ступеней, Ѳедоръ Романовичъ былъ предсѣдателемъ въ одномъ изъ отдѣленій географическаго общества, а затѣмъ помощникомъ предсѣдателя и почетнымъ членомъ общества.

Простота въ обхожденіи этого «сановника» была поразительна. Она прямо шла въ разрѣзъ съ пустою важностью и важной пустою, составляющими въ нѣкоторыхъ «ярусахъ» какъ бы обязательную догму жизни. Нѣсколько штриховъ съ натуры пояснятъ нашу мысль.

Когда баронъ Ѳедоръ Романовичъ выходилъ съ званныхъ обѣдовъ, гдѣ онъ долженъ былъ облечь ордена, коихъ у него, какъ видно изъ его формуляра, было изрядное множество, онъ только ждалъ минуты, когда кончались тягостныя для него церемоніи. Какъ только онъ оказывался вдали отъ глазъ наблюдателей, даже не дойдя до своего дома, онъ поспѣшно снималъ знаки отличія и засовывалъ ихъ по карманамъ.

Разъ, будучи уже весьма немолодымъ и притомъ «сановнымъ» человѣкомъ, онъ въ окрестностяхъ Петрограда былъ на прогулкѣ, въ сопровожденіи знакомыхъ. Вдругъ изумленные друзья видятъ Ѳедора Романовича соскакивающего съ дороги на откосъ и подымостъ, къ берегу ручья... Онъ замѣтилъ рѣдкій экземпляръ растенія и весь отдался страсти изслѣдователя, влюбленнаго въ природовѣдѣніе.

Грустно и пусто послѣ ухода такихъ людей! Ихъ ряды рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ. Досадно и намъ, «молодымъ», когда за уходомъ этихъ маститыхъ старцевъ мы переходимъ на неприятное амплу старѣйшихъ. Это какъ будто пожалованный отъ природы почетъ; однако мы бы охотно отказались отъ него; была бы только привилегія куда-то ускользающей молодости... Но хуже всего то, что уходящихъ аристократовъ духа, людей старой культуры, олицетворяющихъ въ себѣ какую-то утонченную, чисто «сократическую» цѣльность ума и сердца, никто, вслѣдъ за ихъ уходомъ, не замѣняетъ. Гумбольдты больше не рождаются. Отчего? «Некогда»—вотъ лозунгъ нашихъ дней.

Счастливы тотъ, кто прикоснулся къ ризѣ мудреца. И я этимъ счастьемъ хотѣлъ подѣлиться съ читателями. Удалось ли это мнѣ? Судить не буду. Но если да, то вы сохраните въ памяти такъ же, какъ мы, его ученики и поклонники, свѣтлый образъ Ѳедора Романовича Остенъ-Сакена.

Вѣчная ему память!

А. Башмаковъ.

НА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГАЗЕТНОЙ НИВѢ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ газетная нива—тернистая стезя, по которой мнѣ пришлось странствовать въ первые годы моего писательства, начавшагося въ «Самарскомъ Вѣстникѣ», гдѣ въ то время писали А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій), Гаринъ (Михайловскій), Петровъ (Скиталець) и другія крупныя силы. Тиражъ «Самарскаго Вѣстника» доходилъ до 10 тысячъ; номеръ «Вѣстника» въ розничной продажѣ—до рубля; чтобы получить газету, публика дежурила у дверей редакціонной конторы такъ, какъ нынѣ меломаны дежурятъ на Шалляйна. Максимъ Горькій тогда былъ еще величиною совершенно неизвѣстной, Скиталець же пользовался большою популярностью. Впослѣдствіи, когда ссоставъ редакціи «Самарскаго Вѣстника», за прекращеніемъ изданія, перешелъ въ «Самарскую Газету», изданіе Костерина, коммерсанта, популярность Скитальца въ мѣстномъ обществѣ выросла до грандіозныхъ размѣровъ. Онъ писалъ очень красивыя фельетоны въ стихахъ, въ которыхъ лирика, касавшаяся красотъ волжской природы, остроумно смѣшивалась съ ѣдкими сарказмами надъ мѣстными нравами, надъ «сплиномъ» городской думы, хулиганствомъ и пр.

«Самарскую Газету» читали нарасхватъ, и тиражъ ея достигалъ 12 тысячъ ¹⁾. О такомъ тиражѣ нынѣшніе издатели провинціальныхъ газетъ не смѣютъ и мечтать. Тѣмъ не менѣе, положеніе газетнаго работника было тяжелое, необезпеченное. За статьи, не исключая и беллетристики и передовицъ, платили построчно по 3 коп., за хронику и рецензіи—по 2 копейки. Завѣдующій отдѣ-

¹⁾ Свѣдѣнія эти относятся къ 1897 году.

ломъ хроники получалъ мѣсячное жалованье въ 75 рублей. Должностей завѣдующихъ другими отдѣлами въ редакціи не полагалось, и все было возложено на редактора, который долженъ былъ вѣдать и художественный отдѣлъ, и библіографію, и политику; даже телеграммы онъ самъ редактировалъ. За свой огромный трудъ редакторъ получалъ 150 руб. въ мѣсяцъ. Большая часть матеріала перепечатывалась изъ другихъ газетъ. Сотрудники, стѣсненные и мѣстомъ и гонораромъ, бѣдствовали ужасно, не хуже нынѣшнихъ актеровъ. Выбиваясь изъ силъ, они должали лавочникамъ, квартирнымъ хозяевамъ и перекочевывали отъ кредиторовъ на другія улицы. Ихъ, разумѣется, преслѣдовали.

Я помню такой случай.

Дѣло было зимой. Иду въ редакцію, которая помѣщалась на Алексѣевской площади, противъ памятника императору Александру II. Вижу: навстрѣчу мнѣ идетъ нашъ хроникеръ N., бывший сельскій учитель, уволенный за «политику». Здравуюсь и спрашиваю:

— Вы изъ редакціи?

— Нѣ-ѣтъ... видите ли, мнѣ бы надо попасть въ редакцію, но... меня сторожатъ, чортъ возьми!

— Сторожать?!—изумился я:—но кто же васъ сторожитъ? И тутъ же подумалъ: навѣрно, жандармы.

— Да кто, кромѣ кредиторовъ,—отвѣтилъ N.—Третій день сторожатъ, будь они прокляты! Вѣдь, знаютъ, что у меня сейчасъ ни гроша! Такъ, нѣтъ, говорятъ, подай! А то—оскандалимъ. А гдѣ же я возьму? Не въ петлю же мнѣ лѣзть, въ самомъ дѣлѣ!

— Да сейчасъ-то васъ кто сторожитъ?

— Хозяинъ, квартирный хозяинъ... Лебединъ...—съ досадой прибавилъ N.—Вы съ нимъ знакомы... Я отъ него переѣхалъ и за-должалъ десять съ половиной... Вызвольте, пожалуйста!

— Я—не при деньгахъ теперь...

— Да не о деньгахъ рѣчь!—воскликнулъ N.—Вы его, подлеца, только отвлеките куда-нибудь...—ну, въ пивную, что ли, пригласите... А то онъ торчитъ у редакціонныхъ дверей, какъ сычъ.

Я расхохотался и—что подѣлаете?—надо же выручить товарища—согласился.

Подхожу къ редакціи, смотрю: дѣйствительно, мѣщанинъ Лебединъ торчитъ, «какъ сычъ», и презрительно посматриваетъ на каждого, входящаго въ двери.

— Послушайте!—обратился онъ ко мнѣ:—вы не знаете, г. N. будутъ сегодня?

— Ахъ, да!—г. N. уѣхалъ.

— Какъ? Уѣхалъ? Совсѣмъ изъ Самары уѣхалъ?

— Да, совсѣмъ уѣхалъ.

— А вы знаете, что онъ мнѣ остался долженъ?

— Знаю. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, что деньги вышлетъ черезъ мѣсяць, въ чемъ я вамъ ручаюсь.

Я кое-какъ убѣдилъ Лебедкина, что онъ деньги получить (и онъ ихъ дѣйствительно впослѣдствіи получилъ), и, такимъ образомъ, «снялъ осаду».

Но въ «Самарской Газетѣ», сравнительно съ сотрудниками казанскихъ газетъ, мы благоденствовали.

Издателемъ, если не ошибаюсь, «Казанской Газ ты» одно время былъ купецъ, державшій мыловаренный заводъ. Издателемъ онъ сдѣлался «по недоразумѣнію». Рассказывали, что онъ съ кѣмъ-то изъ купцовъ крупно поссорился, причемъ мыловара обидѣли, а скандалъ, въ комическомъ видѣ расписали на страницахъ мѣстной печати. Мыловаръ взѣлся на обидчика. «Ага! вы такъ... въ газетахъ меня пропечатали... Погоди жъ, голубчики, мы и сами газету откроемъ»... И, дѣйствительно, мыловаръ вскорѣ выступилъ издателемъ вышеупомянутой ежедневной газеты. Къ нему поступилъ готовый контингентъ сотрудниковъ; съ ними онъ не былъ знакомъ и, какъ челоуѣкъ другой среды, совершенно не понималъ ихъ.

— Ну, что вы пишете?—говорилъ онъ, обращаясь къ «передовику»:—какія это такія «современныя теченія мысли»? Развѣ мысль можетъ течь? Вода текеть, а мысль работаетъ.

Сотрудники помирали со смѣху.

Однажды явился онъ въ редакцію съ статьей обличительнаго характера, направленной противъ его конкурента. Прочитавъ статью, редакторъ такъ и ахнулъ. Статья была наполнена бранью, которой позавидовали бы извозчики, цитатами изъ священнаго писанія и заканчивались угрозами, что конкурента за фальсификацію товара «черти на томъ свѣтѣ будутъ жарить на каленой сковородѣ».

Обстоятельно объяснили ему, что его статья въ такомъ видѣ пойти не можетъ.

— Какъ не можетъ?—изумился импровизированный издатель.— Развѣ я въ своей газетѣ не хозяинъ? Да кто мнѣ можетъ указать?

— Цензоръ.

— Я самъ съѣзжу къ цензору. Прикажете набрать.

Диковинную статью, какой, вѣроятно, не видывала ни одна изъ російскихъ типографій, набрали и гранки вручили издателю. Онъ прочиталъ ихъ съ довольнымъ видомъ и сказалъ:

— Чѣмъ не статья! Никто не забракуеть.

Вернулся онъ отъ цензора красный, какъ ракъ, и, напѣвая подъ носъ псалмы царя Давида, долго ходилъ по редакторскому кабинету, вся мебель котораго была заполнена образцами сѣраго мыла и сала, издававшими специфическій запахъ, распространявшійся по всему редакціонному помѣщенію.

— Ну, что?—спросилъ редакторъ.—Были у цензора?

— Что, что!—сердито огрызнулся онъ.—Зачеркнулъ. Цѣли-

«истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. сxliv.

12

комъ! Въ своей газетѣ, съ позволенія сказать, нельзя выругаться...
Всю бы эту цензуру надо упразднить...

Цензоръ не только зачеркнулъ всю статью, но, какъ мы потомъ узнали, далъ мыловару еще хорошую головомойку.

Газета вскорѣ получила прозваніе «Мыльной Газеты», и постепенно всѣ лучшіе сотрудники изъ нея разбѣжались—кто куда могъ. Остались хроникеры да театральные рецензенты, которые и заняли амплуа сотрудниковъ, бѣжавшихъ изъ другихъ отдѣловъ. Газету не читали, и она стала хирѣть. Когда издателю пришлось оплачивать дефицитъ изъ своего кармана,—онъ «во едину изъ субботъ», когда сотрудники получали гонораръ, вдругъ круто «забастовалъ».

— Гдѣ жъ я теперь деньги возьму?—спросилъ онъ, довольно безцеремонно мѣряя взглядами небольшую кучку сотрудниковъ, толпившихся у кассы.—Денегъ у меня нѣтъ. Вотъ, если хотите, берите мыломъ...

— То есть какъ же это такъ—мыломъ?—спросилъ хроникеръ.

— Очень просто... Вамъ сколько слѣдуетъ?

— Восемь рублей девятнадцать копеекъ.

— Такъ вотъ... я вамъ дамъ записку на заводъ. Вы получите два пуда и два фунта мраморнаго мыла. Цѣну я ставлю оптовую—по четыре рубля за пудъ.

Сотрудники запротестовали.

— Да вы что! Смѣетесь надъ нами, что ли? Мыло ѣсть не будешь...

— Что жъ? Продадите татарамъ. А не хотите, какъ знаете, и ничего не получите.

Что было дѣлать? Отказаться отъ мыла—остаться безъ денегъ; если же согласиться получить мыломъ, то куда его сбыть,—вотъ вопросъ?

— Господа!—обратился одинъ изъ сотрудниковъ къ товарищамъ:—сколько же намъ всѣмъ слѣдуетъ мыла?

Это обращеніе, какъ ни печальна была дѣйствительность, вызвало у всѣхъ веселое настроеніе.

Стали подсчитывать. Оказалось: съ чѣмъ-то двадцать пудовъ.

— Ого! Цѣлый возъ!

— Кому же продать?

— Валіеву, больше некому...

Валіевъ былъ скупщикъ всего, что можно купить и продать съ барышомъ, и имѣлъ дѣла съ хроникерами.

Рѣшили сойчасъ же командировать одного изъ членовъ редакціи къ Валіеву и договориться съ нимъ о цѣнѣ, а потомъ уже поѣхать на заводъ, находившійся за городомъ, забрать тамъ мыло и отвезти къ Валіеву.

Валіевъ назначилъ цѣну 3 руб. 80 коп. за пудъ. Сотрудники теряли, считая расходы на извозчика, около пяти рублей.

— Чортъ съ нимъ,—рѣшили всѣ.—Только бы деньги получить.

Послѣ этого «казуса» вплоть до ликвидаціи дѣль издатель рассчитывалъ сотрудниковъ «натурою»,—что продолжалось около мѣсяца,—и сотрудники, благодаря натуральной системѣ расчета, приобрѣли громкую извѣстность на всю Казань. Нашелся даже какой-то шутникъ, который разослалъ по адресу каждаго изъ нихъ юмористическій циркуляръ, адресованный «Господину де-мыло такому-то. Сообщите,—спрашивалъ шутникъ:—какое мыло вы купаете: туалетное или простое? И что изъ него приготовляете?» и т. д.

Около этого времени въ Казани жилъ Максимъ Горькій. Не знаю, засталъ ли онъ «мыльный» періодъ казанской прессы,—я въ Казань приѣхалъ позже, въ 1901 году,—но слышалъ, что мѣстная печать отнеслась къ нему крайне неблагосклонно. Алексѣй Максимовичъ, еще не имѣвшій теперешняго громкаго имени, бѣдствовалъ ужасно... Впрочемъ, объ этомъ извѣстно изъ его автобіографіи. Редакторы не понимали его и печатали мало; но, когда онъ сдѣлалъ первый подъемъ въ «царство боговъ», когда о немъ заговорили всюду, какъ о яркомъ талантѣ необычайной цѣнности,—Боже, какія па начала тогда продѣлывать казанская пресса! Не припомню теперь названія одной изъ казанскихъ газетъ—не то «Волжское Слово», не то «Волжскій Вѣстникъ», помню, что редакторомъ въ ней считалось лицо, носившее фамилію Рейнгартъ,—такъ вотъ, въ этой газетѣ на первой страницѣ появился анонсъ, набранный огромнѣйшими буквами и вѣщавшій, что «на дняхъ начнутся печатаніемъ неизданныя сочиненія Максима Горькаго». Понятно, всѣ набросились на газету, стораая желаніемъ ознакомиться съ новыми твореніями популярнаго писателя. Но—увъ!—какое разочарованіе постигло всѣхъ, когда оказалось, что редакція откопала всѣ, рѣшительно всѣ рассказы и очерки Горькаго, нѣкогда имъ сданные для печати и отвергнутые редакціей. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній были далеки отъ художественнаго совершенства, и Горькій, конечно, не поблагодарилъ бы редакцію находчивой газеты за медвѣжья услуги...

Однажды судьба поставила меня въ «тиски». Волею судебъ, въ эпоху Плеве безъ гроша въ карманѣ попалъ я въ одинъ изъ захолустныхъ южныхъ городовъ, носящихъ нелестную репутацію «ссылныхъ». Первое время, пока не осмотришься, тоска, «жуть» охватываетъ душу... Словомъ—«богоспасаемый градъ», въ которомъ, по замѣчанію поэта, «прилично родиться да умереть». Для меня было все закрыто, всякая общественная дѣятельность, а частная—настолько ограничена, что не знаешь—за что и взятыся. Пробовалъ давать уроки,—запретили, пробовалъ заняться юридической практикой,—тоже запретили, «съ предупрежденіемъ» объ усиленіи гласнаго надзора. Да и какая можетъ быть дѣятельность, когда всюду слѣ-

дить околотокъ или городской? Что дѣлать? какъ, хотя бы немного, смягчить положеніе? Посовѣтовался съ товарищами.

— Ты—историкъ,—сказаль С—въ:—попробуй, братъ, работать въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»... Но, ради Бога, безъ обобщеній... обобщенія можешь оставить для широкой печати. Можетъ быть, когда ты въ достаточной степени покроешься архивной пылью, администрація, убѣдившись въ твоей лояльности, взглянетъ на тебя благосклонно и сниметъ тягостное бремя надзора черезъ околотка и городского.

— Возможно,—согласился я.—Попробую.

Сотрудники имѣли право входа въ губернаторскій архивъ, заключавшій массу интересныхъ историческихъ матеріаловъ и почти совершенно не изслѣдованный, и этого обстоятельства было достаточно, чтобы я «задѣлался» сотрудникомъ «неофициальной части» губернскаго офиціоза.

Въ то время, чрезвычайно глухое въ исторіи русской культуры, въ городѣ, кромѣ «Губернскихъ Вѣдомостей» да одной захудалой газетки, выходившей три раза въ недѣлю, ничего больше не было,—хоть шаромъ покати. Обѣ газеты влачили жалкое существованіе, и подписчики употребляли ихъ больше для извѣстной надобности, чѣмъ для чтенія, особенно «Вѣдомости», которыя редактировалъ чиновникъ губернскаго управленія, кончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ и начавшій карьеру «трудомъ» съ должности простого писца полицейскаго управленія. Цензоромъ былъ совѣтникъ губернскаго правленія, проложившій себѣ путь къ карьерѣ, подобно редактору, также «трудомъ». — «Трудомъ-съ, — говорилъ онъ, покашливая.—Э-гэм! трудомъ-съ, милостивый государь. И взысканы были»... И редакторъ, и цензоръ—оба были уже «въ лѣтахъ» (сумма лѣтъ обоихъ составляла число 125), люди солидные, составлявшіе, такъ сказать, дополненіе другъ къ другу, чрезвычайно рѣдкое. Цензоръ неуклонно слѣдилъ, чтобы въ «Вѣдомостяхъ» не было «этого духу», редакторъ—тоже... Но «духъ», ретиво изгоняемый тѣмъ же цензоромъ изъ частной газетки, случалось, впопыхахъ и по недоразумѣнію, залеталъ и въ редакцію нашего офиціоза. Его заносили, подобно мнѣ, или «случайные» сотрудники, попавшіе въ городъ «по независящимъ обстоятельствамъ», или же разошедшійся не въ казенную мѣру репортеръ Я., обслуживавшій и казенную и частную газету. И однажды, какъ «ни глядѣли въ оба» и редакторъ и цензоръ, все-таки имъ «подложили свинью».

Въ одномъ изъ номеровъ «Губернскихъ Вѣдомостей», въ «неофициальной части», появилась аллегорія, изображавшая въ комическомъ видѣ одного изъ представителей высшей губернской администраціи, «персоны» въ своемъ родѣ. Положеніе «персоны» вышло скандальное. «Помилуйте,—жаловалась сія «персона» по инстанціи другой «персонѣ»:—въ своемъ же органѣ, у себя, такъ ска-

затѣ, дома и—не угодно ли!—осмѣяли самымъ жестокииъ образомъ! Это анархія какая-то, ваше превосходительство».

И цензору, и редактору, какъ водится, «влетѣло по первое число». Къ сожалѣнію, статья, надѣлавшая переполоху въ бюрократическомъ муравейникѣ, прошла незамѣченной для широкаго общества и, собственно по той причинѣ, что, какъ я говорилъ выше, «Губернскихъ Вѣдомостей» никто не читалъ. Редакторъ и цензоръ, получивъ «нахлобучку», призадумались не на шутку: а какъ да опять «подложить свинью»,—чѣмъ чортъ не шутить?...

— Надо будетъ принять мѣры, Павелъ Вячеславовичъ,—сказалъ цензоръ.—Такъ сказать, гарантировать себя... э-гэмъ!—на будущее время...

— Гм... Подумать надо, Иванъ Ивановичъ...

— А что жъ?..—э-гэмъ!—и подумайте...

Редакторъ оказался въ своемъ родѣ Тайлераномъ и, дѣйствительно, придумалъ выходъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ этого «аллегорическаго» событія городской, исполнявшій при редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей» обязанности разсылнаго, пришелъ ко мнѣ на квартиру.

— Вы что?—спрашиваю.—Корректурѣ?

— Никакъ нѣтъ. Пожалуйте, ваше благородіе, васъ господинъ ледахтуръ просятъ.

— Меня?

— Такъ точно. Сей минутъ.

— Зачѣмъ же?

— Не могу знать. Не одного васъ, а и другихъ. Въ родѣ какъ бы на собраніе....

Разсылный усмѣхнулся.

Смутно догадываясь, въ чѣмъ дѣло, я поплелся въ редакцію. Не любилъ я ее ужасно. Казарменное зданіе старинныхъ присутственныхъ мѣстъ, затхлый воздухъ, пахнувшій солдатскими щами, начинавшійся съ лѣстницы съ избитыми каменными ступенями и возраставшій crescendo по мѣрѣ приближенія къ редакціонному коридору, гдѣ мелькали чиновничьи виць-мундиры, сюртуки курьеровъ и «селедки» городскихъ,—все это надоѣло до тошноты, вызывая у меня всегда одинъ и тотъ же недоумѣнный вопросъ: для чего нужно содержать такую газету, которая никому не приноситъ ни вреда, ни пользы и стоитъ огромныхъ денегъ?

Въ редакціонной комнатѣ, заваленной рукописями и газетами, кромѣ меня, были еще трое «случайныхъ» сотрудниковъ, попавшихъ въ «Вѣдомости» по необходимости, въ надеждѣ сдѣлать что-нибудь путное.

Къ намъ вышелъ редакторъ. Но—Боже!—какой у него былъ видъ! Какой-то сѣрый, какъ старое зданіе присутственныхъ мѣстъ, гдѣ помѣщалась редакція, и такой же холодно-каменный.

— Милостивые государи!—началъ онъ и—запнулся...

Мы улынулись: съ «милостивыхъ государей» началъ: ново и странно.

— Милостивые государи! вы можете считать себя съ сегодняшняго дня свободными отъ всякихъ обязательствъ ко ввѣренной мнѣ редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей». Кому причитается гонораръ, — получите отъ казначея.

— Но что это значить, позвольте узнать?—обратился къ редактору одинъ изъ товарищей.

— А то значить, милостивый государь, что я аллегорій тамъ разныхъ больше не намѣренъ печатать и непріятностей отъ начальства терпѣть не хочу!

Далѣе выяснилось, что онъ, «пока живъ и служить», упраздняетъ сотрудничество экстерновъ, которое замѣнить трудомъ «способныхъ чиновниковъ губернскаго правленія».

Довольный своей «находчивостью», редакторъ величественно раскланялся съ нами и скрылся въ кабинетъ.

— Вотъ тѣ, бабушка, и Юрьевъ день!—разсмѣялся кто-то изъ товарищей.

— Пойдемте къ казначею. Мнѣ, кажется, надо что-то получить...

Пришли къ казначею. Высокій старикъ въ серебряныхъ очкахъ, съ малиновымъ носомъ и доброй лукавой усмѣшкой въ сѣдыхъ усахъ. Виць-мундиръ «сшить до Ноева потопа».

— Что, голубчики!—встрѣтилъ онъ насъ.—Налетѣли! За расчетемъ пожаловали?

Славный старикъ. Мы его всѣ любили.

— Вотъ вамъ, Сергѣй Петровичъ, четыре рубля и сорокъ четыре копейки. Пожалуйте. Распишитесь.

— Что-то мало...

— Какъ мало? Передовая статья 222 строки по двѣ копейки. Не сумлѣвайтесь, у меня вѣрно, какъ въ аптекѣ.

Получили мы расчетъ и, вмѣстѣ съ старикомъ-казначеемъ in corpore отправились въ одинъ веселый трактирчикъ, причемъ Сергѣй Петровичъ съ горя пропилъ всѣ двѣсти двадцать двѣ строчки.

Послѣ этого «инцидента» мы перекочевали въ частную газету, гдѣ долго изощрались въ борьбѣ съ цензоромъ, пока онъ не «прихлопнулъ» изданіе на девять мѣсяцевъ.

Наборщикъ З., отчаянный парень, набралъ верхковыми буквами огромный плакатъ — анонсъ о приостановкѣ газеты и въ десяти экземплярахъ вывѣсилъ его въ разныхъ мѣстахъ на улицахъ и у входа въ редакцію.

Плакатъ гласилъ:

«К—я газета», органъ прогрессивной печати, приостановленъ цензурою на родильный періодъ».

Полиція посрывала плакаты и долго искала «виновнаго», но— безуспѣшно.

А. Дунинъ.

РУССКІЙ ДАВОСЬ¹⁾.

IV.

Пребываніе въ Абасъ-Туманѣ нынѣ въ Бозѣ почивающаго послѣдника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича.—Абасъ-туманскій день.—Окрестности Абасъ-Тумана: «Замокъ Тамары.—«Ворота очарованья».—Охотничій домикъ.—Карагеоль (Черное озеро).

АКОВО состояніе Абасъ-Тумана сейчасъ, но онѣ зналъ и лучшія времена.

Это было время, когда Абасъ-Туманъ являлся резиденціей нынѣ въ Бозѣ почивающаго послѣдника цесаревича и великаго князя Георгія Александровича. Тогда въ Абасъ-Туманѣ существовали на дѣлѣ и санитарный надзоръ, и строгіи порядоки. Тогда больные не сѣяли вокругъ себя заразы, тогда всѣ абасъ-туманскія помѣщенія, сдающіяся внаймы, ежегодно дезинфицировались, вещи умершихъ больныхъ сжигались и т. д., и Абасъ-Туманка, сейчасъ являющаяся естественнымъ каналомъ для спуска зараженныхъ и незараженныхъ нечистотъ и всякихъ отбросовъ и мусора, тогда была раздѣлена особыми желѣзными рѣшетками на участки, сообразно дачнымъ усадьбамъ, и за всякій соръ, застрявшій въ рѣшеткѣ, владѣлецъ соответственнаго участка платился штрафомъ. Теперь отъ этихъ рѣшетокъ, конечно, не осталось и слѣда...

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СXLIV, стр. 505.

То обстоятельство, что мѣстомъ пребыванія августѣйшаго больного былъ избранъ именно Абасъ-Туманъ, является лучшимъ доказательствомъ высокоцѣлебныхъ свойствъ этого мѣста. Славѣ Абасъ-Тумана, какъ климатическаго курорта, кончиной великаго князя Георгія Александровича былъ какъ бы нанесенъ ударъ, но это несчастье не можетъ быть отнесено за счетъ Абасъ-Тумана. Причина его, какъ извѣстно, другая: катастрофическое паденіе великаго князя съ мотоциклетки. Съ тѣхъ поръ прошло почти 17 лѣтъ, но въ Абасъ-Туманѣ еще многое напоминаетъ о великомъ князя и прежде всего дворець его, сохраняемый въ неприкосновенномъ видѣ, производящемъ впечатлѣніе, будто его высокій хозяинъ только что покинулъ его.

Дворецъ этотъ, расположенный въ верхней части Абасъ-Тумана, среди прекраснаго парка-лѣса, на обширной площадкѣ, представляетъ собою сравнительно небольшое, изящное деревянное зданіе. Онъ содержится въ полнѣйшемъ порядкѣ, охраняется военнымъ карауломъ и имѣетъ тотъ же штатъ управленія и многочисленной прислуги, что и при жизни его высочества.

Напротивъ дворца отъ шоссе поднимается въ горы довольно широкая, отлогая дорожка съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими скамейками, посящая названіе «Морской». Эта дорожка въ значительной части проложена лично руками наслѣдника цесаревича. Имѣя протяженіе нѣсколько верстъ, она вбѣгаетъ на самую вершину одного изъ хребтовъ горнаго узла и незамѣтно спускается въ самой серединѣ мѣстечка.

Другая такая же дорожка была проложена для великаго князя мѣстной караульной ротой къ развалинамъ «замка Тамары», находящимся при вѣздѣ въ Абасъ-Туманское ущелье, на одномъ изъ утесовъ. Эти дорожки даютъ возможность даже больнымъ предпринимать довольно продолжительныя прогулки пѣшкомъ по абасъ-туманскимъ горамъ, очень крутымъ, неудобнымъ для путешествій.

И дворець, и дорожки, и многое другое невольно порождаетъ воспоминанія о юномъ отшельникѣ и его трагедіи. Но въ сердцахъ мѣстныхъ жителей память о немъ живетъ и безъ этихъ молчаливыхъ свидѣтелей его вынужденнаго отшельничества. Въ Абасъ-Туманѣ вы можете услышать изъ ихъ устъ безчисленное множество разказовъ, свидѣтельствующихъ о необычайной простотѣ, привѣтливости и скромности великаго князя.

Одного, безъ всякой свиты, его можно было всегда видѣть ежедневно въ городкѣ, черезъ который онъ ходилъ пѣшкомъ въ ванное зданіе или въ военный госпиталь. Держался онъ такъ просто, что многіе изъ пріѣзжихъ, видя скромнаго молодого морскаго офицера, проходили мимо него, отдавая почести его адъютанту... Присутствуя на общественныхъ вечеринкахъ, наслѣдникъ цесаревичъ всегда

стремился не быть въ центрѣ вниманія и старался ступеваться въ толпѣ.

Насколько простъ и свободенъ былъ режимъ дворцовой жизни, между прочимъ, видно изъ того, что въ трагической моментъ неожиданнаго несчастья съ великимъ княземъ около него не оказалось никого изъ приближенныхъ: его докторъ, какъ говорятъ, находился на прогулкѣ у замка «Тамары» въ шести верстахъ отъ мѣста случившейся катастрофы, а адъютантъ въ гостяхъ у кого-то изъ абасъ-туманскихъ обывателей...

На мѣстѣ безвременной кончины великаго князя Георгія Александровича воздвигнутъ прелестный памятникъ-часовня изъ нѣж-

Дворецъ великаго князя Георгія Александровича.

наго розоваго мрамора съ золотой крышей и зеркальнымъ крестомъ. Когда заходитъ солнце, крестъ этотъ ярко блеститъ въ его лучахъ, и если въ этотъ моментъ смотрѣть на него съ одного пункта абасъ-туманскихъ горъ, откуда самой часовни не видно, то кажется, будто онъ виситъ въ воздухѣ...

Какъ я уже отмѣчалъ, когда вы въѣзжаете въ Абасъ-Туманъ;—обычно это, по условію сообщенія съ Боржомомъ, бываетъ вечеромъ, когда уже садится солнце,—абасъ-туманское ущелье кажется вамъ мрачнымъ, зловѣщимъ мѣстомъ, откуда уже не вырваться на свѣтъ и просторъ, но стоитъ вамъ лишь переночевать, какъ это впечатлѣніе исчезаетъ, какъ дымъ...

Передъ вами лежитъ веселенькій, тонуцій въ зелени, чистенькій по виѣшности городокъ, залитый южнымъ солнцемъ, заключенный въ пышную темную рамку хвойныхъ лѣсовъ, покрывающихъ окрестныя горы. Если утро раннее, въ воздухѣ свѣжо настолько, что пріятно побыть на солнцѣ. Тихо и радостно. Горная рѣчонка, роясь въ камняхъ, сбѣдая отъ лѣны, если ночью былъ дождикъ гдѣ-нибудь въ горахъ, о чемъ-то немолчно шумитъ ровнымъ, успокаивающимъ нервы шумомъ или тихо журчить, если давно не было дождей.

Наскоро перекусивъ, вы дѣлаете нѣсколько шаговъ въ сторону отъ шоссе и уже въ лѣсу. Вы начинаете подниматься по тропинкѣ все выше и выше, солнце пригрѣваетъ лѣсъ все сильнѣе и сильнѣе, воздухъ начинаетъ пахнуть смолистой сосной, а если стоитъ конецъ мая или начало іюня, то и тонкимъ, сладковатымъ запахомъ горной азалии, кусты которой, усыпанные яркими желтыми, очень похожими на комнатную азалию, только болѣе крупными цвѣтами, горятъ на солнцѣ въ просвѣтахъ лѣсной чащи.

И чѣмъ сильнѣе пригрѣваетъ солнце, тѣмъ туже дѣвается ароматъ сосны, и у васъ отъ него даже кружится, слегка и пріятно-голова. Вы поднимаетесь выше, взбираетесь на одну изъ безчисленныхъ вершинъ, и у ногъ вашихъ разверзаются безграничныя пространства лѣсовъ, мягко кроющихся собою и широкія горныя котловины, и острыя вершины скалъ. А вдали къ небу вздымаются горныя великаны, голыя спины которыхъ поднимаются за линію снѣговъ, которые стають только въ іюнѣ, съ тѣмъ, чтобы въ августѣ выпасть снова.

Дико и величественно. Одурающе пахнетъ сосною въ лѣсу, столѣтніе великаны—лапчатые ели—млѣютъ на солнцѣ. Тихо, только гдѣ-то дѣловито стучитъ дятель, да бѣлогрудый ползунъ меланхолично попискиваетъ, изслѣдуя ближайшій отъ васъ дуплистый стволъ сосны.

Гдѣ-то течетъ шумная жизнь, гдѣ-то грохочутъ поѣзда, лебедки и станки, гудятъ пароходы и моторы, идетъ борьба за существованіе съ взаимнымъ пожираниемъ борющихся при помощи самоновѣйшихъ способовъ и приѣмовъ, а здѣсь первобытно-величественно, какъ тысячу лѣтъ назадъ. . .

Вы долго сидите на вершинѣ горы и глядите, какъ зачарованный, на открывающіеся передъ вами необъятные горизонты, вдыхаете ароматъ пригрѣтой солнцемъ сосны и слушаете, какъ гдѣ-то внизу шумитъ далекая, невидимая горная рѣчонка, и чувствуете, какъ нервы ваши, возбужденныя городской жизнью, болѣзненные, словно обнаженные, начинаютъ успокаиваться, тревожныя, не покидавшія васъ до сихъ поръ мысли куда-со исчезаютъ, и жить кажется легко и пріятно, и хочется съ веселымъ смѣхомъ побѣжать внизъ съ горы, какъ вы это дѣлали когда-то въ юности.

Умиротворенный, успокоенный, чувствуя приливъ душевной и физической бодрости, вы спускаетесь внизъ и съ жадностью принимаетесь за ѣду.

До вечера время еще есть, но забираться куда-нибудь далеко уже поздно, да и нѣкоторая усталость чувствуется, но усидѣть вы не въ силахъ и снова бредете по сосѣдству въ лѣсъ собирать грибы, которые появляются въ абась-туманскихъ лѣсахъ съ весны,

Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны, сгорѣвшій въ 1912 г.

или отправляетесь на какую-нибудь веселую лѣсную полянку за земляникой, если время, а вѣтъ—просто за цвѣтами. Если вы охотникъ, берете удочку съ тонкой леской, наживляете ее кузнечикомъ и, шествуя вдоль рѣчки, забрасываете ее въ наиболѣе кипящія мѣста. Такимъ способомъ можно поймать нѣсколько штукъ горныхъ форелей, величина которыхъ, кажется, не превышаетъ 4—5 вершковъ, но вкуснѣйшихъ изъ рыбъ.

Къ сумеркамъ, а онѣ наступаютъ въ 7 часовъ, вы возвращаетесь домой и располагаетесь на балконѣ за самоваромъ. Темнѣетъ бы-

стро: въ 8 часовъ уже ночь, и безоблачное небо осыпается тысячами яркихъ южныхъ звѣздъ, или яркая луна льетъ свой серебристый свѣтъ съ темно-синяго неба. Въ роцѣ играетъ военный оркестръ, нѣжный корнетъ-а-пистонъ поетъ что-нибудь изъ «Фауста» или «Евгенія Онѣгина», и звуки музыки плывутъ по ущелью...

Тянетъ ко сну... Въ воздухѣ холодно до того, что приходится надѣть пальто. Вы уходите въ комнату, закрываете окно и забираетесь подъ теплое одѣяло, слегка философствуя на тему: много ли въ сущности человѣку нужно.....

Горы и лѣсъ, лѣсъ и горы, дикія ущелья среди фантастически нагроможденныхъ скалъ, гроты, убранные пушистымъ изумруднымъ мхомъ, сквозь который свисаютъ внизъ прозрачныя, вѣчно звенящія струны горныхъ водъ, говорливыя горныя рѣчонки, коегдѣ развалины замковъ,—вотъ окрестности Абась-Тумана.

Среди нихъ есть излюбленная публикой мѣста,—это «Замокъ Тамары», «Ворота очарованья», Карагеоль (Черное озеро), охотничій домикъ и др. «Замокъ Тамары», вѣроятно, не имѣетъ никакого отношенія къ этой царицѣ, но ужъ таковъ кавказскій обычай называть именемъ этой замѣчательной женщины всѣ развалины, истинная исторія которыхъ не сохранилась въ народной памяти. Абась-туманскій замокъ, какъ полагаютъ, былъ построенъ въ XI в. и игралъ роль сторожевого укрѣпленія при входѣ или, вѣрнѣе, при выходѣ изъ Абась-Туманскаго ущелья на ахалцихскую равнину. Онъ расположенъ на вершинахъ горъ и представляетъ собою небольшую крѣпостцу съ прекрасно до сихъ поръ сохранившимися съ двухъ сторонъ стѣнами, высотой въ трехъэтажный домъ, съ многими комнатами и подземными помѣщеніями. На стѣнахъ его уже выросли толстыя деревья, а онѣ стоятъ такія непоколебимыя, будто ихъ вывели только вчера. Въ амбразурахъ оконъ и гнѣздахъ для половыхъ балокъ второго этажа до сихъ поръ видны куски трухляваго дерева, и эти жалкіе органическіе остатки почему-то производятъ на васъ несравненно больше впечатлѣнія, чѣмъ самыя стѣны, гораздо больше говорятъ вашему воображенію, чѣмъ бездушный, не знающій времени и тлѣнія камень.

Замокъ состоитъ изъ башни и продолговатой пристройки къ ней. Въ башнѣ прекрасно сохранилось находящееся въ одномъ изъ ея угловъ сооруженіе изъ кирпича, изнутри являющее собою гигантскую бутылъ, горлышко которой выходитъ на крышу замка. Проникнуть въ эту бутылъ можно черезъ проломъ стѣны. При видѣ ея невольно напрашивается предположеніе, что это цистерна для воды, но замѣчательно сохранившаяся тончайшая оштукатурка этого сооруженія бѣлаго, алебастроваго цвѣта уничтожаетъ это предположеніе; свидѣтельствуя о томъ, что въ этомъ странномъ сооруженіи, имѣющемъ единственный узкій выходъ на крышу, никогда не было то только воды, но и сырости.

Внутри пристройки къ башнѣ обращаетъ на себя вниманіе какое-то просторное помѣщеніе со слѣдами очага въ стѣнѣ, съ каменнымъ полукруглымъ перекрытіемъ надъ нимъ, половина котораго прекрасно сохранилась до сихъ поръ. Этотъ широкій и тонкій сводъ изъ осколковъ камней точно виситъ въ воздухѣ, свидѣтельствуя о высокомъ техническомъ искусствѣ строителей замка.

Стѣны замка до самой вершины изнутри и снаружи исписаны фамиліями посѣтителей. «Муся Иванова»... «Павликъ Туношенскій»... «Григорій Орловъ изъ Ростова, 26 іюля 1998 г.» «Клавдія и Георгій Недоносковы, 15 мая 1909 г.»... «Губернскій секретарь

Дворецъ великой княгини Ксеніи Александровны.

Н. Б. Труневъ»... и т. д. Большинство изъ этихъ надписей сдѣланы масляными красками всѣхъ цвѣтовъ, огромными, нерѣдко въ аршинъ; печатными буквами, и старинный замокъ похожъ на столичный заборъ, залѣпленный рекламами.

Некультурные россияне и россиянки жаждутъ сохранить для потомства свои никому неизвѣстныя, безславныя имена, и теперь весь Кавказъ, недавно сдѣлавшійся излюбленнымъ мѣстомъ лѣтнихъ экскурсій, загаженъ аршинными надписями....

Времена застѣнчивыхъ гимназистовъ, скромно выдалбливавшихъ въ камнѣ или вырѣзавшихъ на корѣ дерева кончикомъ пожа молчаливые инициалы своей «симпатіи» рядомъ со своими, прошли безслѣдно. «Замѣты сердца» никому не нужны больше; теперь

стремятся къ тому, чтобы всякій зналъ, что онъ, Иванъ Петровичъ Ивановъ, былъ здѣсь съ ведромъ синей краски такого-то числа, такого-то мѣсяца и года...

Чтобы не видѣть этой обывательской пошлятины, отворачиваешь-ся отъ замковыхъ стѣнъ, нѣмыхъ свидѣтелей восьми столѣтій, и смотришь вдаль... Съ одной стороны весь Абасъ-Туманъ какъ на ладони, крохотный, словно игрушечный, а съ другой—веселая зеленая, холмистая Ахалцихская низменность, на горизонтѣ замкнутая горами... И сидишь у стѣны на большомъ гладкомъ камнѣ часъ за часомъ и не можешь отвести глазъ отъ этой шири, отъ этого зеленого простора... «Ворота очарованья» это прелестный дикій уголокъ—ущелье въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Абасъ-Тумана. Туда ѣздятъ на фаэтонахъ, кстати сказать, такихъ изящныхъ и покойныхъ, на резиновыхъ шинахъ, какихъ нѣтъ на биржѣ даже въ столицѣ. Ёдутъ по великолѣпному шоссе мимо дворцовъ великаго князя Георгія Александровича и великой княгини Ксеніи Александровны,— послѣдній сгорѣлъ въ прошломъ году,— затѣмъ идутъ пѣшкомъ. Прогулка эта очень легка и доступна даже больнымъ. Еще ближе находится отъ Абасъ-Тумана стоящій среди веселой горной полянки, заросшій цвѣтами и травой миниатюрный охотничій домикъ великаго князя Георгія Александровича. Туда отправляются цѣлыми компаніями, съ провизіей, на весь день.

Это мѣсто ближайшихъ прогулокъ. Тѣ же изъ абасъ-туманцевъ, которые могутъ предпринимать и болѣе далекія путешествія, отправляются на Черное озеро, верстахъ въ 8-ми отъ Абасъ-Тумана, въ горахъ. Это одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ окрестностяхъ курорта.

V.

Звѣри.—Населеніе.—Лѣса.—Лѣсныя кладбища.—Лѣсные пожары.—Какъ ихъ тушить.—Зекарскій переваль.—Заключеніе.

Непроходимые абасъ-туманскіе лѣса изобилуютъ всякой ягодой: земляникой, ежевикой, малиной и т. д. Благодаря этому, въ нихъ держится много медвѣдей, порою появляющихся и у самаго курорта.

Лѣтомъ 1912 года въ Абасъ-Туманѣ имѣлъ мѣсто, на примѣръ, такой случай...

Одна изъ курортныхъ дамъ возвращалась съ прогулки со своимъ десятилѣтнимъ сынишкой. Уже вечерѣло. Тропинка крутыми зигзагами бѣжала по густому еловому лѣсу, въ которомъ было уже почти темно. Когда оставалось до Абасъ-Тумана не болѣе версты, дама услышала вдругъ въ заросляхъ, въ сторонѣ тропинки, потрескиваніе сухихъ вѣтокъ подъ чьими-то тяжелыми, но мягкими шагами и легкое хрюканье и урчанье. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, она ускорила шаги, и скоро звуки эти прекратились, но на слѣдую-

щемъ заворотѣ тропинки, снова стали слышны, снова стихли и снова появились. Для дамы стало ясно, что это медвѣдь, спускающійся съ горы напрямикомъ по тому же направленію, по какому идетъ и она, лишь зигзагами тропинки то приближаясь къ звѣрю, то удаляясь отъ него. Ребенокъ тоже услышалъ эти таинственные звуки, но не растерявшаяся мать успѣшила его успокоить и, чтобы не привлечь къ себѣ особеннаго вниманія медвѣдя, не измѣняя ровнаго, хоть и быстрого шага, спустилась съ мальчикомъ въ рощу. Урчанье и хрюканье прекратились лишь у самой рощи, гдѣ играла музыка.

Часовня на мѣстѣ кончины великаго князя Георгія Александровича

Сильно перепуганная женщина, придя домой, рассказала объ этомъ случаѣ, выразивъ уверенность, что за нею слѣдовалъ медвѣдь, но надъ нею лишь посмѣялись. Однако ея предположеніе на другой же день подтвердилось. По той же тропинкѣ проходилъ какой-то крестьянинъ-туземецъ. Услышавъ, какъ и дама, медвѣжье хрюканье, онъ пустился бѣжать, а, когда побѣжалъ, изъ чащи выскочила пара медвѣжатъ, которые, наподобіе играющихъ щенковъ, бросились въ погоню за нимъ. Туземецъ, увидѣвъ ихъ, понесся со всѣхъ ногъ, медвѣжата повисли у него на пяткахъ, а за ними, безпокойно ворча и тщетно стараясь удержать несмысленныхъ дѣтенышей, бросилась и медвѣдица. Наконецъ перепуганный крестьянинъ вбѣжалъ въ самую рощу, медвѣжата за нимъ, здѣсь онъ изъ преслѣдуемаго быстро обратился въ преслѣдователя,

поймалъ медвѣжатъ за шиворотъ и тутъ же продалъ ихъ собравшейся на мѣстѣ происшествія публикѣ...

Такимъ образомъ, встрѣча съ медвѣдями для дамы и ея ребенка окончилась вполне благополучно, а сообразительный туземецъ на этомъ приключеніи даже подработалъ, но, во-первыхъ, происшествіе это могло принять и другой оборотъ, а, во-вторыхъ, послѣ этого случая у многихъ пріѣзжихъ пропала охота ходить въ лѣсъ, что въ Абасъ-Туманѣ равняется почти полному лишенію прогулокъ.

Безъ сомнѣнія, въ Давосѣ такихъ приключеній не знаютъ...

Въ то же лѣто было и нѣсколько другихъ встрѣчъ съ медвѣдями, окончившихся, къ счастью, столь же благополучно, но такъ какъ онѣ произошли за предѣлами Абасъ-Тумана, то рассказывать о нихъ я не буду,—это явленіе въ тѣхъ мѣстахъ обычное.

Но справедливость требуетъ сказать, что медвѣди—это единственное, что дѣлаетъ опасными прогулки въ окрестностяхъ Абасъ-Тумана. Людей опасаться не приходится. Мѣстное осѣдлое населеніе, преимущественно грузины, когда-то насильственно обращенные въ исламъ,—мирные, тихіе, трудолюбивые и деликатные люди. Они рубятъ въ горахъ лѣсъ и возятъ его въ ахалцихскую долину, къ рѣкѣ, пасутъ стада свои на вершинахъ горъ, на альпійскихъ пастбищахъ, воздѣлываютъ въ долинѣ хлѣбъ—кукурузу, ячмень, пшеницу. Какъ мусульмане, они не пьютъ даже винограднаго вина, и озорства и хулиганства, какъ и вообще въ Закавказьѣ, гдѣ нѣтъ винной монополіи и гдѣ сохранились еще патріархальныя формы жизни, среди нихъ абсолютно не наблюдается. По праздникамъ въ ихъ деревняхъ устраиваются танцы, борьба, и деревенское веселье и развлечения носятъ трезвый и патріархальный характеръ. Не знаютъ въ Абасъ-Туманѣ и кражъ, и двери домовъ не запираются ни днемъ, ни ночью, даже когда всѣ уходятъ изъ дому. При встрѣчѣ въ лѣсу съ женщиной или ребенкомъ мѣстные жители никогда не обидятъ ихъ и всегда охотно и безвозмездно придутъ на помощь заблудившемуся и вообще попавшему въ затрудненіе туристу. Поэтому абасъ-туманская публика свободно гуляетъ въ окрестностяхъ Абасъ-Тумана, и не рѣдкость встрѣтить въ нѣсколькихъ верстахъ отъ городка компанію однѣхъ женщинъ или стайку ребятъ, не вѣдающихъ о «медвѣжьей» опасности.

Даже знаменитые кавказскіе разбойники обыкновенно не страшны для публики. Не страшны, во-первыхъ, потому, что они берутъ деньги, но не убиваютъ и даже не обижаютъ словами, если имъ не сопротивляться, и никогда не тронуть женщинъ, не въ примѣръ нашимъ російскимъ, изъ-за двугривеннаго вырѣзывающимъ цѣлыя семьи, насилующимъ женщинъ, разбивающимъ дѣтямъ головы о стѣпы... А, во-вторыхъ, они избираютъ объектомъ своего вниманія исключительно тѣхъ, у кого или при комъ, по ихъ свѣдѣні-

ямъ, имѣются деньги въ суммѣ, изъ-за которой, съ ихъ точки зрѣнія, стоитъ рискнуть головой. Если при такихъ оказіяхъ въ разставленные ими сѣти попадется и другая публика, они ужъ и ея не выпускаютъ безданны.

Абасъ-Туманъ лежитъ на границѣ самой разсѣйничьей въ Закавказьѣ области — Кутанской губерніи, гдѣ наглость разбойниковъ доходитъ до того, что они въ самомъ Кутансѣ берутъ на улицѣ подъ ручки средь бѣла дня людей, сажаютъ ихъ на глазахъ у всѣхъ въ фаэтонъ и везутъ «въ плѣнъ». Многія громкія похищенія бога-

Ущелье Очарованья.

тыхъ обывателей связаны съ абасъ-туманскими горами. Въ нихъ, на примѣръ, еще недавно разбойники скрывали милліонера Ананова, похищеннаго около селенія Багдады въ 60 верстахъ отъ Абасъ-Тумана.

Поэтому о разбойникахъ въ Абасъ-Туманѣ часто слышно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ публика ихъ не боится.

Въ то же лѣто 1912 года вблизи Абасъ-Тумана произошелъ слѣдующій случай

Шайка разбойниковъ, прослышавъ о томъ, что изъ Абасъ-Тумана въ Кутансѣ долженъ проѣхать какой-то виноторговецъ съ «цѣлой» тысячей рублей денегъ въ карманѣ, верстахъ въ 12-ти отъ мѣстечка, на шоссе, кружащемся по лѣсу, устроило засаду. Виноторговецъ почему-то съ отъѣздомъ не торопился, и изъ города значи-

«истор. вѣстн.», юнь 1916 г., т. сxliv.

13

тельно раньше его выѣхало по той же дорогѣ, на Закавказскій переваль, нѣсколько фаэтоновъ съ дачниками. Увидѣвъ эти фаэтоны, разбойники, не то хорошенько не зная торговца въ глаза, не то боясь, что посторонніе люди, будучи на свободѣ, могутъ имъ помѣшать, не то просто рѣшивъ, что семь бѣдъ одинъ отвѣтъ,—навели винтовки на кучеровъ и остановили экипажи. Послѣ этого, переведя дула ружей по направленію сидѣвшихъ въ фаэтонахъ, они предложили имъ слѣзть, отобрали у мужчинъ деньги и оружіе и, извинившись за беспокойство передъ дамами, попросили всѣхъ прослѣдовать въ лѣсъ, на ближайшую къ дорогѣ полянку, замаскированную деревьями со стороны шоссе, объявивъ какъ дачникамъ, такъ и фаэтонщикамъ, что временно они арестованы... ненадолго, пока пройдетъ замѣшканный виноторговецъ... При этомъ съ дамами разбойники были положительно галантны, и когда одна изъ нихъ попросила ихъ предводителя вложить въ ножны кинжалъ, пугавшій бывшаго при ней ребенка, тотъ успѣшилъ исполнить ея просьбу. Это такъ растрогало даму, что она сняла со своей шеи золотой медальонъ на золотой же цѣпочкѣ и предложила его разбойнику «на память». Тотъ оказался весьма смущеннымъ и отказался было отъ «подарка», уступивъ лишь настоянію дамы.

Когда солнце освѣтило ту часть полянки, гдѣ расположились плѣнники, разбойники любезно предложили имъ перейти въ другое мѣсто, въ тѣнь... Въ этотъ моментъ послышался бѣшеный топотъ лошадиныхъ копытъ,—разбойники схватились за оружіе,—и на полянку вылетѣлъ на взмыленномъ конѣ дворцовый служитель. Нѣсколько винтовокъ направились въ его сторону, и верховой, не понимая, что такое происходитъ вокругъ него, съ удивленіемъ осадилъ лошадь.

Разбойники потребовали, чтобы онъ спѣшился и объяснилъ свое внезапное появленіе въ этомъ мѣстѣ, и тотчасъ все выяснилось: оказалось, что онъ гнался за конемъ, ускакавшимъ изъ дворцовой конюшни. Увидѣвъ сквозь листву одну изъ извозчичьихъ лошадей, онъ и влетѣлъ на полянку, думая, что это бѣжавшій конь.

Поповшаго въ разбойничьи лапы служителя тоже посадили въ тѣнь и стали ждать виноторговца.

Когда онъ наконецъ появился, разбойники его остановили, отобрали у него деньги и, любезно раскланявшись со своими плѣнниками, исчезли въ лѣсу.

Освободившіеся изъ плѣна дачники успѣли сѣсть въ фаэтоны и направились въ Абасъ-Туманъ. Но въ городкѣ о нападеніи на нихъ узнали ранѣе, чѣмъ они вернулись. Дѣло въ томъ, что разбойники захватили нѣсколько позже ихъ и одного изъ лѣсныхъ объѣздчиковъ. Но, поплатившись винтовкой и кинжаломъ, послѣдній какъ-то ухитрился бѣжать. Добравшись до Абасъ-Тумана, бѣглець направился къ приставу, но тотъ, думая, что онъ пьянъ, прогналъ его и не придавъ его словамъ никакого значенія.

Когда же прибыли ограбленные, на мѣсто происшествія былъ высланъ казачій отрядъ, но, конечно, онъ никого не нашелъ, ибо что можно сдѣлать въ этихъ горныхъ дебряхъ. Черезъ нѣсколько дней въ Абасъ-Туманъ прибылъ тифлисскій губернаторъ, ѣздившій на автомобилѣ съ чисто провинціальной помпой осматривать мѣсто происшествія...

А черезъ мѣсяцъ послѣ этого разбойники напали на почту по другую сторону Абасъ-Тумана, у ст. Страшный Окопъ, на пути изъ Боржома...

Описанные эпизоды лишаютъ, конечно, не только больныхъ, но и

Преддверіе Абасъ-Тумана. Видъ съ одной изъ горъ со стороны Ахалцихской равнины.

здоровыхъ спокойствія, столь необходимаго для леченія и отдыха, и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ минусовъ въ Абасъ-Туманѣ.

Въ Давосѣ ничего подобнаго, разумѣется, не случится...

Но въ абасъ-туманской жизни, помимо всего перечисленнаго, есть и еще минусъ,—это ежегодные лѣсные пожары.

Въ силу какихъ-то, вѣроятно, случайныхъ причинъ пожаровъ этихъ вблизи самаго мѣстечка, кругомъ обложеннаго лѣсами, не бываетъ, и потому прямой опасности для населенія они не представляютъ, но дымъ отъ нихъ распространяется на огромное пространство и, при обычно безвѣтренной погодѣ, окутываетъ городокъ и его окрестности иногда на нѣсколько недѣль.

Дышать этимъ дымомъ непріятно для здоровыхъ и, конечно, вредно для больныхъ. Лѣсные пожары—это своего рода сезонное явленіе для Закавказья. Какъ только наступаетъ іюль съ его жарамъ и сушью, такъ сейчасъ же въ лѣсахъ возникаютъ пожары, продолжающіеся цѣлый мѣсяцъ и болѣе, до августовскихъ дождей и опустошающіе огромныя площади, ибо часто борются съ ними некому да и невозможно по мѣстнымъ условіямъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Абасъ-Тумана, по дорогѣ на Зекарскій переваль, на самой границѣ альпійскихъ луговъ, до сихъ поръ можно наблюдать слѣды огромнаго пожара, бывшаго лѣтъ 30 тому назадъ. Въ этомъ мѣстѣ взоры туриста приковываетъ къ себѣ не совсѣмъ обычная картина: весь оголенный склонъ хребта на огромное пространство покрытъ продолговатыми выпуклостями, точно узкими длинными могильными насыпями. Оказывается, это лѣсное кладбище; выпуклости это стволы лѣсныхъ гигантовъ, поваленныхъ топоромъ во время тушенія пожара или подгнившихъ и упавшихъ затѣмъ безъ помощи человѣка. Отъ времени они прогнили, осѣли и покрылись тонкимъ слоемъ почвы, поросшей травами и мхомъ, и приняли видъ могильныхъ насыпей.

Трупы лѣсныхъ гигантовъ, упавшихъ отъ старости, вы можете видѣть въ абасъ-туманскихъ лѣсахъ на каждомъ шагѣ; ихъ стволы толщиной до полутора аршина въ діаметрѣ мирно гниютъ, давая пріютъ и обильную пищу всевозможнымъ лѣснымъ вредителямъ, распространяющимся съ нихъ и на здоровыя деревья.

Да что эти отжившія свой вѣкъ деревья! Такая же участь постигаетъ нерѣдко и лѣсъ, срубленный рукой человѣка....

Если послѣ рубки участка горныя рѣчки вдругъ разливаются и уничтожаютъ и тѣ первобытныя дороги, по которымъ лѣсъ можно вывозить или вытаскивать цѣлями при помощи все переносащихся буйволовъ, сотни, а то и тысячи бревенъ приходится бросать на произволъ судьбы за невозможностью ихъ вывезти.

Но я возвращусь къ мѣстнымъ лѣснымъ пожарамъ, или, вѣрнѣе, къ способамъ ихъ тушенія.

Когда возникаетъ пожаръ, полиція стоняетъ для тушенія его все мужское населеніе ближайшихъ къ Абасъ-Туману селеній, въ чемъ не было бы ничего удивительнаго, но при этомъ, во-первыхъ, многихъ берутъ прямо съ работъ въ полѣ, причемъ людямъ не даютъ даже возможности захватить съ собой хлѣба, а, во-вторыхъ, гонятъ неизвѣстно для чего и 70—80-лѣтнихъ стариковъ, которые не только работать, а двигаться безъ посторонней помощи не могутъ. Согнанная такимъ образомъ голодная толпа, конечно, обыкновенно безсильна бороться съ пожаромъ, и въ концѣ концовъ для тушенія огня вызываютъ воинскія команды изъ Ахалциха (въ 25 верстахъ отъ Абасъ-Тумана), которыя въ нѣсколько дней и ликвидируютъ пожаръ.

Точно такимъ способомъ тушили пожаръ и лѣтомъ 1912 года. При этомъ жители Абасъ-Тумана могли наблюдать, какъ 80-лѣтнихъ стариковъ вели подъ руки на пожаръ и съ пожара (вереть 20 въ конецъ) туда ихъ сыновья и внуки, а обратно и солдатики, которые на пожарѣ кормили ихъ изъ своего котла.

Къ чему была продѣлана эта совершенно безцѣльная жестокость — неизвѣстно, я только помню, что она произвела на всѣхъ прїѣзжихъ, не знакомыхъ съ мѣстными правами и административными приемами, крайне удручающее впечатлѣніе, каковое еще болѣе усиливалось безропотной покорностью этихъ простыхъ, бѣдныхъ людей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что виновникомъ этой совершенно ненужной жестокости явился какой-нибудь перестаравшійся урядникъ, но, на наше несчастье, эти урядники могутъ проявлять всю полноту власти даже въ мѣстахъ, гдѣ высшая администрація такъ доброжелательно настроена къ населенію, какъ на Кавказѣ.

Отсутствіе всякаго хозяйства и пожары губятъ абасъ-туманскіе лѣса, именно губятъ, ибо въ силу почвенныхъ условій эти лѣса могутъ возстановиться лишь вѣками. Абасъ-туманскій лѣсъ растетъ часто на голой скалѣ, прикрытой растительной землей на толщину двухъ-трехъ вершковъ. Корни деревьевъ внѣдряются въ камень и оттуда черпаютъ жизненные соки. Лѣсъ этотъ очень высокихъ техническихъ качествъ, но растетъ крайне медленно, и, если лѣсное хозяйство на Кавказѣ не будетъ реорганизовано, черезъ 50 лѣтъ отъ дремучихъ кавказскихъ лѣсовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ не знающихъ топора, останется только воспоминанье.

Да и какое хозяйство можетъ быть при существующихъ на Кавказѣ лѣсныхъ штатахъ. Личный составъ абасъ-туманскаго лѣсничества, напримѣръ, насчитывающаго 24.000 десятинъ, состоитъ изъ лѣсничаго, его помощника и 12-ти объѣздчиковъ. А штатъ соединяго ахалцихскаго лѣсничества, охватывающаго 90.000 десятинъ— лѣсничій, помощникъ и 20—30 объѣздчиковъ. При этомъ лѣсничіе являются простыми приказчиками казны по продажѣ лѣса и годами, а, можетъ быть, и никогда не бывають да и не могутъ бывать во многихъ участкахъ своего района.

При такихъ условіяхъ нѣтъ ни надзора за лѣсомъ, ни хозяйства. А какіе доходы даютъ казнѣ кавказскіе лѣса... Абасъ-туманское, напр., лѣсничество отпускаетъ лѣса на 10—12 тысячъ р. ежегодно, т. е. дохода даетъ по 50к. съ десятины. Но такой доходъ оно стало давать недавно. Ранѣе оно отпускало лѣса на 1000—1200 р. въ годъ... Это въ то время, когда наши европейскіе лѣса даютъ ежегодно дохода по 6 рублей, а германскіе по 10 р. съ десятины.

Я извиняюсь передъ читателемъ за то, что неволью вышелъ изъ рамокъ этого очерка, коснувшись темы, не имѣющей прямого от-

ношенія къ Абасъ-Туману, какъ климатической станціи, но изъ пѣсни слова не выкинешь. Скорбѣя объ Абасъ-Туманѣ, нельзя не скорбѣть о судьбѣ его природныхъ богатствъ. Да и, наконецъ, вѣдь неизвѣстно, какова будетъ судьба благословеннаго уголка, когда вѣковые лѣса его будутъ уничтожены: можетъ быть, его климатическія условія тогда совершенно измѣнятся...

Говоря объ Абасъ-Туманѣ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о Зекарскомъ перевалѣ, дарящемъ туриста красивѣйшими и грандіознѣйшими видами.

Зекарскій перевалъ лежитъ на пути изъ Абасъ-Тумана въ Кутаисъ, въ 18 в. отъ перваго, при концѣ абасъ-туманскаго шоссе, которое далѣе переходитъ въ весьма неважную грунтовую дорогу. Высота Зекарскаго перевала 8000 фут.; онъ лишь на 732 ф. ниже высшей точки Военно-Грузинской дороги Крестовой горы и выше Абасъ-Тумана на версту слишкомъ. Путешествіе на Зекарскій перевалъ изъ Абасъ-Тумана совершается въ фэтонѣ, запряженномъ тройкой лошадей, продолжается туда часа три, а обратно часа полтора. Первые пять верстъ дорога идетъ почти безъ подъема, а затѣмъ шоссе круто забираетъ въ гору, ложась короткими петлями среди сплошнаго лѣса, временами выбѣгая на обрывы, съ которыхъ открываются грандіозныя и очаровательныя панорамы на бездонныя пропасти и горныя дали, подернутыя синеватой дымкой. Какъ вертится шоссе въ этомъ участкѣ пути, видно изъ того, что обыкновенно конюхъ фэтонщика, котораго послѣдній беретъ съ собой, чтобы свезти назадъ пристяжку, на обратномъ пути только мѣшающую править, при началѣ подъема слѣзаетъ и пѣшкомъ, прямокомъ добирается до перевала въ два раза скорѣе ѣдущихъ. Версты за три до перевала лѣсъ кончается, и начинаются альпійскіе луга, бирюзовые отъ сплошнаго ковра незабудокъ, цвѣты которыхъ достигаютъ въ этихъ мѣстахъ величины въ гривенникъ. Открывающимся отсюда видамъ въ ясную погоду нѣтъ предѣловъ, воздухъ свѣжъ и прозраченъ.

По этимъ лугамъ кое-гдѣ виднѣются незамысловатыя постройки жителей, на лѣто перекочевывающихъ сюда снизу, для пастбы скота, и по изумрудной зелени горныхъ склоновъ пасутся буйволы, быки, крупныя козы съ огромными отвисшими ушами, стада барановъ. Снѣгъ въ этихъ мѣстахъ таетъ только въ маѣ, и все лѣто кругомъ бѣгутъ и звенятъ ручьи.

Еще немного—и вы на перевалѣ. Тамъ всегда холодно, непріятно и сурово, всегда дуютъ вѣтры, вершины перевала покрыты травой уже безъ цвѣтовъ. Но если погода ясная, передъ вами загораются въ синемъ небѣ бѣлыя вершины снѣговыхъ горъ, и даже иногда бываетъ видно Черное море, до котораго по почтовому тракту 150 верстъ. Тогда вы, не обращая вниманія на холодъ и вѣтеръ, стоите и смотрите на эту картину, не будучи въ силахъ оторвать глазъ. За

переваломъ начинается цвѣтущая Имеретія съ ея сказочной, чисто тропической растительностью... Если хотите, то можете по этой дорогѣ къ ночи добраться до Кутаиса, лежащаго почти на уровнѣ моря, спустившись съ высоты болѣе 2-хъ верстѣ въ долину Ріона, прокативъ среди рододендровъ, азалий; лианъ, лавровишень, винограда, гранатъ, буковъ и дуба.

Если же вы не собираетесь предпринять это чисто сказочное путешествіе отъ заоблачныхъ высей въ область субтропической флоры, то спускаетесь до линіи лѣса, выбираете лѣсную полянку и проводите на ней весь день, а къ вечеру со стремительной быстротой спускаетесь, пренесенный величественныхъ и освѣжающихъ впечатлѣній.

Воздухъ Зекарскихъ высотъ еще цѣлительнѣе воздуха Абасъ-Тумана. И въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться.

На пути изъ Абасъ-Тумана въ Петербургъ я встрѣтилъ въ Ахалцихѣ молодого цвѣтущаго офицера-грузина. Онъ ѣхалъ до Ріона, и въ пути мы разговорились объ Абасъ-Туманѣ.

— Мнѣ незачѣмъ далеко ходить, чтобы доказать вамъ цѣлительныя свойства нашего Абасъ-Тумана, — сказалъ онъ. — Въ моемъ лицѣ передъ вами живое доказательство этихъ свойствъ... Я участвовалъ въ русско-японской войнѣ, гдѣ мнѣ прострѣлили грудь въ четырехъ мѣстахъ. Правда, японскія пули очень гуманны, но все же въ концѣ концовъ, уже возвратившись на Кавказъ, я заболѣлъ туберкулезомъ. Едва живого, врачи послали меня въ Абасъ-Туманъ. Мнѣ сразу стало легче, но выздоровленіе шло не такъ быстро, какъ мнѣ хотѣлось, ибо долѣе болѣть я уже не могъ, и вотъ съ цѣлью ускорить курсъ своего леченія я отправился на Зекарскій переваль и поселился у кочевниковъ, гдѣ все лѣто питался козьимъ молокомъ. Къ осени я спустился вмѣстѣ съ ними внизъ вполнѣ здоровымъ... Всего я прожилъ въ Абасъ-Туманѣ годъ. Посмотрите на мою грудь, — теперь на ней можно бить камни...

Я взглянулъ... Дѣйствительно, его выпуклая, широко развороченная грудь, упруго выпиравшая изъ-подъ офицерскаго кителя, совсѣмъ не напоминала груди человѣка, который нѣсколько лѣтъ назадъ умиралъ отъ чахотки, какъ не напоминалъ и его общій великолѣпный видъ мужчины въ полномъ расцвѣтѣ силъ.

Но, къ сожалѣнію, не всѣ могутъ жить въ кочевкѣ и питаться козьимъ молокомъ да овечьимъ сыромъ, и поэтому Абасъ-Туманъ, несмотря на всѣ свои цѣлительныя свойства, не можетъ конкурировать съ благоустроеннымъ, хоть и дорогимъ, Давосомъ и будетъ хирѣть въ то время, какъ тотъ будетъ процвѣтать. И это безконечно обидно, ибо онъ могъ бы по своимъ даннымъ затмить швейцарскій Давось. Но онъ не только не благоустроенъ и неудобенъ для жизни, онъ никому не извѣстенъ; о немъ многіе даже и не слы-

шали, а изъ тѣхъ, что слышали, многіе даже не знаютъ хорошо, гдѣ онъ находится, говоря:

— Ахъ, Абасъ-Туманъ? Какъ же. Превосходное мѣсто. Тамъ море и зрѣютъ мандарины...

Въ Давосѣ издается даже русскій курортный листокъ, изъ котораго, еще невыѣзжая изъ предѣловъ Россіи, вы можете узнать все, что вамъ нужно, а объ Абасъ-Туманѣ вы ничего не узнаете, не побывавъ на мѣстѣ.

Но виновать ли въ этомъ одинъ Абасъ-Туманъ? Я думаю, что нѣтъ. Мы болтаемся по всему міру, съ восторгомъ описываемъ каждую швейцарскую деревушку, каждый французскій кабачекъ, каждую гостиницу, а о томъ, что у насъ есть, даже и не знаемъ и не интересуемся узнать, пока о нашихъ богатствахъ не станутъ писать иностранцы.

Особенно утѣшительнаго вывода изъ моего очерка сдѣлать нельзя, но тѣмъ не менѣе, если бы кто-нибудь спросилъ у меня совѣта, стоитъ ли ѣхать въ Абасъ-Туманъ, я горячо рекомендовалъ бы такую поѣздку какъ больнымъ, такъ и здоровымъ, ибо природныя достоинства Абасъ-Тумана въ концѣ концовъ все-таки берутъ верхъ надъ всѣми его курортными неудобствами..

Живя въ Абасъ-Туманѣ, вы чувствуете, порою и очень остро, его неустройства, но все-таки онъ дѣлаетъ свое дѣло, и, уѣзжая, вы неотъемлемо увозите съ собой физическое и духовное возрожденіе, пріобрѣтенное въ его горахъ и лѣсахъ.

Особенно хорошъ Абасъ-Туманъ для дѣтей, тѣхъ слабогрудыхъ, страдающихъ вѣчными бронхитами дѣтей столицы, которыхъ нужно каждую весну и осень увозить куда-нибудь на югъ. Въ Абасъ-Туманѣ подъ наблюденіемъ прекрасныхъ опытныхъ врачей они выправляются въ одно лѣто и больше не нуждаются ни въ какихъ поѣздкахъ, свободно и стойко перенося затѣмъ петербургскую слякоть.

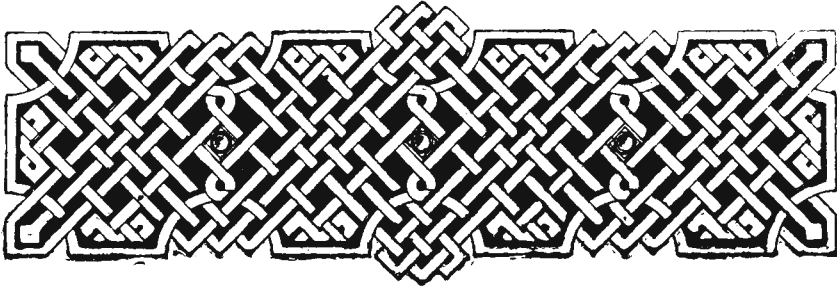
Вотъ все, что я хотѣлъ сказать о русскомъ Давосѣ.

Цѣль моего очерка обратить вниманіе общества и печати на этотъ замѣчательный уголокъ, которому надо, въ сущности, такъ немного, чтобы стать первокласснѣйшей климатической станціей въ мірѣ.

Если бы я достигъ этой цѣли, то пересталъ бы считать себя въ долгу передъ Абасъ-Туманомъ за то, что онъ далъ лично мнѣ.

П. Зайкинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Церковь Іліи Пророка въ Ярославлѣ. Текстъ Н. Первухина. Фотографіи И. Лазарева. Рисунокъ обложки А. Красотина. Издательство К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. 67. 4°. Цѣна 16 руб.

ВТОРЪ этой интересной книги, Н. Г. Первухинъ, далеко не новичекъ въ избранной имъ специальности. Еще въ 1903 г. онъ прочелъ на тверскомъ археологическомъ съѣздѣ любопытный докладъ: «Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ города Ярославля и Борисоглѣбскаго собора». Затѣмъ не такъ давно онъ издалъ описаніе церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ, по заключенію проф. Н. В. Покровскаго, первой во всемъ христіанскомъ мірѣ по богатству своей стѣнной росписи. И вотъ теперь предъ нами новый трудъ г. Первухина. При описаніи памятниковъ искусства недостаточно быть только специалистомъ и глубокимъ знакомомъ своего дѣла, надо, кромѣ того, изложить свой предметъ такъ, чтобы его по заслугамъ оцѣнили и полюбили читатели. И этого г. Первухинъ достигаетъ вполне. Изложеніе его не только общепонятно, но изящно, а мѣстами и художественно, даже поэтично. Авторъ, видимо, не только глубоко знаетъ родную старину, но и проникся ея складомъ и духомъ.

Книга начинается съ общихъ соображеній о причинахъ, почему Ярославль такъ богатъ былъ храмами въ XVII вѣкѣ. Этотъ городъ въ XVI столѣтіи служилъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для иностранныхъ товаровъ; отсюда въ эпоху **лихолѣтья** онъ попалъ въ водоворотъ тогдашней политической жизни и сталъ

однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ славной борьбы за освобожденіе Руси. Это освобожденіе тогдашніе благочестивые люди приписывали исключительно могуществу вѣры православной. И вотъ въ теченіе послѣдующихъ 75 лѣтъ богатые граждане воздвигаютъ до сорока каменныхъ храмовъ «въ воспоминаніе вѣчныхъ благъ и въ вѣчный поминокъ рода своего». Описываемая авторомъ Ильинская церковь была построена именитыми купцами гостинной сотни братьями Скрипиными, которые не только пригласили лучшихъ изографовъ для росписи храма, но и щедро украсили его самоцвѣтными камнями и жемчугомъ. Внѣшняя форма церкви (гл. 2) отражаетъ, по мнѣнію автора, «не личные вкусы своихъ зодчихъ, а народное безхитростное творчество», «здоровое ясное безыскусственное искусство старой Руси».

Третья глава («Стѣнная роспись галлерей Ильинскаго храма») наиболѣе обширна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе содержательна и интересна. Авторъ довольно умѣло группируетъ эту роспись, поражающую и подавляющую видащаго ее въ первый разъ посѣтителя своей нарядной пестротой, на четыре отдѣла: фрески ветхозавѣтныя, эсхатологическія, литературно-демонологическія и сложныя художественныя композиціи. Первые два рода росписи помѣщаются на паперти потому, что это входъ въ церковь и исходъ изъ нея; отсюда вполне естественны здѣсь, съ одной стороны, изображенія изъ Ветхаго Завѣта, какъ введенія въ Евангеліе и прообраза свѣтлаго царства Искупленія, а съ другой—художественныя указанія на грядущія судьбы церкви Христовой, открытыя мудрому въ таинственныхъ аллегоріяхъ Апокалипсиса. Г. Первухинъ разъясняетъ при этомъ влияніе на нашихъ художниковъ Лицевой библии 1650 г. голландскаго гравера Фишера, болѣе извѣстнаго по латинскому переводу своей фамиліи (Пискарь), обозначая вмѣстѣ съ тѣмъ и коренное различіе между холоднымъ реализмомъ протестанта и постояннымъ стремленіемъ къ благочестивому благолѣпію его русскихъ подражателей. Особенно любопытны и наивны здѣсь бытовыя подробности русской жизни XVII вѣка: одежды изъ узорчатой набойки на іудейскихъ воинахъ, Каинъ, понукающій кнутомъ бѣлую лошадку, которая тащитъ соху, берестяныя кошелки въ рукахъ израильтянокъ въ моментъ исхода изъ Египта, витые калачи и зеленоватый штофъ на пиру званыхъ и избранныхъ. Въ фрескахъ третьяго рода усердно разрабатывалась модная тема тогдашней духовно-поучительной беллетристики—демонологіи и тѣсно связанная съ ней кара за грѣхи. Особенно любопытны здѣсь фрески: «Казнь жены грѣхъ свой не исповѣдавшей», «Легенды о женѣ убиенной чада», «Инокъ Теофилъ у бѣсовскаго князя». Для нѣкоторыхъ изъ этихъ сюжетовъ автору удалось подыскать источникъ въ мало извѣстномъ (кажется, доселѣ еще не напечатанномъ) сборникѣ «Звѣзда пресвѣтлая». Изъ фресокъ четвертаго типа, съ одной стороны, большихъ композицій, а съ другой—не подходящихъ ни къ одному изъ предшествующихъ отдѣловъ, обращаетъ вниманіе «Родословное древо» царствующаго дома, символомъ корня котораго является св. князь Владимиръ, а мощнымъ стволемъ—св. Александръ Невскій.

Послѣ описанія росписи паперти авторъ переходитъ къ главному храму пророка Божія Іліи. Какъ свидѣтельствуется старинная надпись, надъ фресками

его трудились «о Бозѣ изографы града Костромы: Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, да ярославецъ Димитрій Семеновъ» и еще 12 именъ. Огромная и сложная работа была закончена въ годъ съ небольшимъ. Художники эти, повидимому, составляли артель или братство. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо извѣстны, каковы, напримѣръ, Гурій Никитинъ, о которомъ самъ царскій «жалованный» мастеръ Симонъ Ушаковъ отзывался такъ: «Гурій иконное письмо пишетъ самое доброе мастерство»; Сила Савинъ Савельевъ также былъ «у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ съ московскими иконописцами». Г. Первухинъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что два наиболѣе отвѣтственныхъ цикла стѣнописи главнаго храма (житіе пророка Іліи и чудеса пророка Елисея) принадлежать истиннымъ «художникамъ милостью Божіею», т. е. названнымъ на первомъ мѣстѣ въ упомянутой надписи Никитину и Савину. Изъ обширнаго матеріала иконъ пророка Іліи съ главными моментами его житія, гравюръ популярной голландской библіи, польскихъ и нѣмецкихъ «кунштовъ», лицевыхъ рукописей, вродѣ «Царственнаго лѣтописца», Никитинъ умѣлъ выбрать себѣ подходящее и создать строго выдержанный обликъ Божія пророка для разныхъ положеній: покоя и движенія, казни и состраданія. Столь же удачны и фрески изъ жизни пророка Елисея, относимыя къ кисти Савина. Объ одной изъ этихъ росписей (сцена жатвы въ связи съ эпизодомъ о женѣ Соманитянкѣ) историкъ искусства г. Грабаръ отзывался такъ: «Въ этой необыкновенно колоритной и цвѣтистой фрескѣ найденъ неподобный по звучности золотисто-желтый тонъ спѣлой ржи, съ которымъ чудесно гармонируютъ голубыя, розовыя и красныя рубахи жнецовъ. У Пискагора въ его композиціи нѣтъ и намека на красоту, ожидающую посетителя Ильинской церкви».

Остальная часть книги изложена менѣе интересно. Авторъ какъ будто торопится кончить свое описаніе и алтарю главнаго храма и обоямъ придѣламъ удѣляетъ всего двѣ да и то неполныхъ страницы.

Книга богато иллюстрирована. Однѣхъ только фототипическихъ таблицъ 75, а, кромѣ того, много фотографій помѣщено въ самомъ текстѣ. Къ сожалѣнію, ни таблицы, ни фотографіи не перенумерованы; введеніе этой нумерации и ссылки на нее въ текстѣ значительно облегчили бы изложеніе, такъ какъ далеко не всегда изображеніе помѣщается рядомъ съ его описаніемъ.

Въ заключеніе авторъ указываетъ на пробудившійся съ половины прошлаго вѣка интересъ къ изученію нашего древняго искусства, или, какъ поэтически выражается г. Первухинъ, начавшееся «вновь радостное признаніе нетлѣнной прелести древняго храма». Конечно, этотъ интересъ долженъ быть намъ особенно дорогъ именно теперь, когда приходится вести тяжелую борьбу за все особенно дорогое и близкое русскому сердцу.

Поэтому нельзя не привѣтствовать автора настоящей книги, своимъ изложеніемъ заставляющаго насъ уразумѣть красоты родного искусства, а также издателя, не пожалѣвшаго средствъ для достойнаго оборудованія внѣшности книги.

Л. Л.

Е. Н. Щепкинъ. Варяжская вира. Одесса. 1915 г. Стр. 153.

Новая работа профессора Е. Н. Щепкина примыкаетъ къ его изслѣдованіямъ: «Порядокъ престолонаслѣдія у древне-норвежскихъ конунговъ» (въ сборникѣ въ честь В. О. Ключевскаго) и «Das Erbfolgerecht bei den altslavischen Fürstenthümern» (Archiv für Slavische Philologie, В. 34) и посвящена интереснѣйшей проблемѣ культурныхъ и правовыхъ взаимныхъ отношеній древней Руси и Скандинавіи. Въ первой части авторъ оперируетъ съ данными нумизматики и даетъ любительскій этюдъ по исторіи денежныхъ знаковъ въ раннемъ средневѣковьи, вставляя въ широкую сравнительно-историческую оправу наши древнѣйшіе денежные знаки. Вполнѣ можно согласиться съ утвержденіемъ автора, что вопросы денежнаго обращенія въ Кіево-Новгородской Руси, при наличности вліяній византийскихъ, арабскихъ и скандинаво-англо-саксонскихъ, ускользаютъ отъ кругозора русскаго историка, а входятъ въ область исторіи всеобщей. Не входя въ детали крайне тщательной аналитической работы надъ нумизматическимъ матеріаломъ, укажемъ на опредѣленіе трехъ различныхъ гривенъ по I, II и III редакціямъ «Русской Правды». Данныя, приводимыя авторомъ, подкрѣплены сравнительнымъ экскурсомъ. Но главный интересъ для историка представляетъ правовая часть изслѣдованія Е. Н. Щепкина. Уже въ своемъ предшествующемъ трудѣ о порядкѣ наслѣдованія у древне-норвежскихъ конунговъ Е. Н. Щепкинъ отмѣтилъ любопытныя русско-норвежскія параллели и скандинавскими данными освѣтилъ спорные вопросы такъ называемаго «очередного порядка княжескаго владѣнія», установившагося по смерти Ярослава Мудраго. Въ настоящемъ изслѣдованіи авторъ ставитъ своей задачей «путемъ сравненія «Русской Правды» съ славянскимъ и скандинавскимъ правомъ выдѣлить въ ней варяжскія вліянія на нормы виръ изъ исконной славянской основы ея уголовныхъ законоположеній». Профессоръ Щепкинъ ставитъ вопросъ о происхожденіи загадочной виры въ 40 гривенъ и доказываетъ ея варяжское происхожденіе. Подробный анализъ уголовного права различныхъ славянскихъ народовъ не даетъ такихъ аналогій; зато въ скандинавскомъ правѣ въ его шведскихъ и норвежскихъ проявленіяхъ можно найти весьма характерныя параллели. Страницы настоящаго изслѣдованія, посвященныя уголовному праву скандинавскихъ правдъ, представляютъ и самостоятельный интересъ, давая интересные комментаріи къ этимъ сравнительно еще мало изученнымъ памятникамъ права.

Переходя къ вопросу о происхожденіи виры въ 40 марокъ, Е. Н. Щепкинъ доказываетъ, что возникла она у англо-саксовъ, отъ нихъ перешла къ находившимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Британією скандинавамъ, а уже отъ послѣднихъ и къ намъ въ Русь. 40 марокъ—переводъ 25 фунтовъ или 1200 шиллинговъ. Перенесеніе виры въ 40 на русскую почву относится ко времени оживленныхъ сношеній Кіевской Руси и Скандинавіи (въ эпоху Владимира Святого и Ярослава, Олафа Триггвасона и Олафа Святого). Заканчивая, свое изслѣдованіе, Е. Н. Щепкинъ говоритъ: «Такъ какъ Новгородская и Кіевская Русь была вовлечена въ среду вліяній культуры викинговъ главнымъ образомъ скандинавскимъ происхожденіемъ своей первой династіи князей

а варяжская дружина «русских» князей являлась одно время устойчивым проводником типичных признаков этой единообразной культуры, то есть основаніе назвать пеню въ 40 гривенъ за убійство подданнаго «варяга-русскаго» князя варяжской вирою. Съ нѣкоторой категоричностью общихъ утверждений автора, быть можетъ, и не придется вполне согласиться, но нельзя не признать выдающагося интереса и большого методологическаго значенія его спеціального изысканія.

И. Воровдинъ.

Собраніе сочиненій Виктора Ивановича Григоровича (1864—1876 г.) Изданіе историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ подъ редакціей М. Г. Попруженна. Одесса. 1916. Стр. XXXIII+450.

Умершій сорокъ лѣтъ назадъ знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ, первый профессоръ славяновѣднія въ новороссійскомъ университетѣ, въ теченіе тринадцати лѣтъ своей жизни на югѣ Россіи, куда онъ издавна стремился, напечаталъ сравнительно мало ученыхъ трудовъ, но и то, что было имъ написано въ это время, заслуживаетъ вниманія и почтенія. Хотя первыя впечатлѣнія отъ жизни города Одессы не были для Григоровича вполне благоприятными, но сознаніе близости южнаго края къ мѣстамъ, связаннымъ съ ранней исторической жизнью славянскихъ народовъ, направляло его интересъ именно сюда. Выступая въ Одессѣ первоначально съ работами изъ области раннихъ славяно-греческихъ отношеній, знаменитый ученый вскорѣ сталъ заниматься другой темой—жизнью черноморскаго побережья во времена христіанскія, въ частности, напримѣръ, судьбами и исторической ролью Херсонеса. Публичные выступленія съ изысканіями общаго характера по вопросамъ славяно-византійскихъ и славяно-русскихъ отношеній имѣютъ, въ сущности, историческое значеніе, характеризуя состояніе славяновѣднія въ 60-хъ годахъ XIX вѣка и научныя воззрѣнія Григоровича; ихъ основныя темы подвергались позднѣе болѣе широкой обработкѣ на основаніи иныхъ матеріаловъ и при примѣненіи новой ихъ критической обработки. Иначе дѣло обстоитъ съ сообщеніями Григоровича по исторіи Новороссійскаго края; эти работы и до настоящаго момента сохраняютъ извѣстную долю своего значенія. Въ запискахъ о днѣстровскомъ лиманѣ, о поѣздкѣ на Калку и Калміусь, о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1875 году и о пособіяхъ, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, историкъ Новороссіи и сейчасъ находитъ много цѣнныхъ указаній и толкованій по вопросамъ топографіи края и другимъ. Кое-что, конечно, теперь отпадаетъ, получивъ болѣе подробное и точное обследованіе, но только широкое обследованіе исторіи края могло бы заслонить разысканія знаменитаго слависта. Предположеніе В. И. Григоровича объ учрежденіи южно-русскаго архива и донинѣ еще не осуществилось и время отъ времени безрезультатно повторяется въ стѣнахъ новороссійскаго университета.

Историко-филологическое общество при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ заслуживаетъ глубокой благодарности за названное выше изданіе. Его редакторъ профессоръ М. Г. Попруженко приложилъ много труда для того, чтобы придать изданію возможную полноту и ясность. Особенности

изложенія В. И. Григоровича, неясность ссылокъ, своеобразность орфографіи ставили особыя требованія редактору, который съ успѣхомъ преодолѣлъ эти трудности. Въ изданіи даны работы Григоровича, выполненныя и выпущенныя имъ въ одесскій переходъ его жизни (1864—1876 г. г.). Помимо печатныхъ работъ въ изданіе вошли двѣ непечатанныя ранѣе—представленія В. И. факультету и совѣту по вопросамъ, относящимся къ дѣятельному его участию въ работахъ первыхъ археологическихъ съѣздовъ, и по вопросу объ архивѣ южно-русскомъ (стр. 304 и 362).

Каждая статья предваряется въ изданіи краткими примѣчаніями редактора, а всему изданію предпослана статья М. Г. Попруженко—«Викторъ Ивановичъ Григоровичъ въ Одессѣ», дающая общія свѣдѣнія о дѣятельности знаменитаго ученаго въ Одессѣ и сообщающая краткую оцѣнку издаваемыхъ нынѣ его сочиненій.

А. Ф.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Съ Высочайшаго соизволенія. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Выпускъ XV. Пгр. 1915. Стр. IV+263. Цѣна не обозначена.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи 1812—1813 гг. Изданъ онъ съ внѣшней стороны хорошо, проредактированъ старательно, но интересныхъ матеріаловъ въ немъ мало. Первый отдѣлъ выпуска весь занятъ сухимъ и малосодержательнымъ «Исходящимъ журналомъ запискамъ генераль-отъ-артиллеріи графа Аракчсва, въ коихъ объявлены Высочайшія повелѣнія» съ 1-го іюля 1812 года до конца его. Редакторъ полагаетъ, что «при чтеніи этого журнала можно видѣть, какъ въ калейдоскопѣ, всѣ событія того бурнаго, но славнаго времени». Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Этотъ документъ можетъ лишь послужить для справокъ, не болѣе.

Второй отдѣлъ болѣе интересенъ, хотя и онъ не блещетъ особенной содержательностью. Здѣсь для характеристики общественныхъ настроеній даютъ интересный матеріалъ донесенія и письма П. Н. Каверина о смоленскомъ ополченіи, о русскихъ, служившихъ непріятелю, о поведеніи жителей Смоленской губерніи и пр. Любопытны также доклады кн. А. И. Горчакова и С. К. Вязмитинова о состояніи госпиталей въ С.-Петербургѣ.

Правописаніе документовъ строго соблюдено, причемъ авторъ мотивируетъ это слѣдующимъ образомъ. «У издателей историческихъ памятниконъ замѣчается стремленіе сохранить правописаніе только въ резолюціяхъ выдающихся историческихъ лицъ; вслѣдствіе этого составляется очень невыгодное понятіе о знакомствѣ послѣднихъ съ роднымъ языкомъ. Такъ, напримѣръ, нашъ маститый историкъ В. О. Ключевскій утверждалъ на основаніи автографовъ императора Петра Великаго, что онъ былъ плохо обученъ русской грамотѣ; между тѣмъ, сравнивая правописаніе императора Петра Великаго и его современниковъ, нельзя признать великаго государя менѣе ихъ грамотнымъ. Поэтому орфографія документовъ, писанныхъ даже рядовыми людьми, есть уже матеріалъ для культурной исторіи даннаго времени».

К. Кудряшевъ.

Описание документов и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.—Томъ IX (1729 г.). Петроградъ 1912 г. Стр. VI, 814, 106 и 166. Цѣна 3 р.—Томъ XVIII (1738 г.). Петроградъ 1915 г. Стран. VI и 2628. Ц. Цѣна 7 р.—Томъ XIX (1739 г.). Петроградъ. 1913 г. Стран. VII и 998. Цѣна 3 р. 25 к.—Томъ XXI (1741 г.). Петроградъ. 1913 г. Стран. VIII и 1488. Ц.—5 р.—Томъ XXII (1742 г.). Москва 1914 г. Стран. IX и 1300. Ц. 4 р. 50 к.—Томъ XXIX (1749 г.). Пгр. 1913 г. Стр. XI и 1036. Ц. 3 р. 25 к.—Томъ XXXII (1752 г.). Пгр. 1915 г. Стр. VII и 1312. Ц. 4 р. 50 к.—Томъ XXXIV (1754 г.). Пгр. 1912 г. Стр. VIII и 944. Ц. 3 р. и томъ L (1770 г.). Пгр. 1914 г. Стр. VII и 1150. Ц. 3 р. 25 к.

Последняя библиографическая замѣтка объ этомъ изданіи Высочайше учрежденной комиссіи по описанію архива Св. Синода была помѣщена въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1912 годъ. Съ тѣхъ поръ вышло въ свѣтъ 9 новыхъ томовъ «Описанія документовъ и дѣлъ» за выше перечисленные годы.

Изданіе это даетъ въ своихъ томахъ всесторонній обзоръ и освѣщеніе дѣятельности Святѣйшаго Правительствующаго Синода, какъ высшаго административнаго учрежденія въ духовномъ вѣдомствѣ, а равно и всѣхъ выдающихся событій въ жизни какъ всего Россійскаго государства, такъ и въ особенности въ жизни епархій, монастырей, соборовъ, церквей, учебныхъ заведеній и различныхъ духовно-просвѣтительныхъ и административныхъ столичныхъ и провинціальныхъ учреждений; содержитъ весьма много драгоцѣнныхъ и часто единственныхъ сохранившихся свѣдѣній о жизни и дѣятельности выдающихся духовныхъ администраторовъ, святителей, іерарховъ, миссіонеровъ, учителей и проч.; даетъ указанія о выходѣ въ свѣтъ различныхъ духовнаго содержанія книгъ, о миссіонерской дѣятельности духовенства среди инородцевъ, на окраинахъ Россіи, о борьбѣ съ расколomъ, сектантствомъ, уніей, католичествомъ и др. инославными исповѣданіями, о сношеніяхъ съ восточными патріархами, о внѣшней миссіи и мн. др. Содержаніе почти 5000 описанныхъ въ означенныхъ томахъ дѣлъ и около 200 приложений къ нимъ переноситъ читателя то къ днѣямъ кратковременнаго царствованія юнаго императора Петра II, когда Св. Синодъ и всѣ правительственныя учрежденія находились въ Москвѣ въ ожиданіи царской свадьбы и коронаціи, то къ тяжелымъ для церкви и духовенства послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Анны Іоанновны и бироновщины, то къ свѣтлому и радостному царствованію императрицы Елизаветы Петровны, то, наконецъ, къ продолжительному царствованію императрицы Екатерины Великой, ко времени наибольшаго проявленія государственной власти въ дѣлахъ церковныхъ. Во всемъ своемъ объемѣ это изданіе комиссіи имѣетъ въ настоящее время 28 томовъ, къ коихъ помѣщено описаніе 15453 дѣлъ и болѣе 700 приложений, относящихся къ 1721—1759 и 1770 годамъ, съ незначительными пропусками нѣкоторыхъ годовъ, описанія которыхъ нынѣ печатаются.

Съ каждымъ новымъ томомъ изданіе это получаетъ большее и большее значеніе, такъ какъ захватываетъ болѣе болѣе періодъ времени. Ни одно церковно-

историческое изслѣдованіе не обходится безъ ссылки на это изданіе. Нельзя, однако, не отмѣтить еще и того, что при неравномѣрности числа печатанныхъ въ разное время экземпляровъ этого изданія нѣкоторые томы его представляютъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость, а иные, какъ напримѣръ, II—VIII томы, сохранились въ такомъ количествѣ, что продаются съ уступкою 75 % съ общей ихъ стоимости.

М.—ловт.

Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. Томъ I. Стр. XLIX+336+VIII. Съ портретомъ и автографомъ. Томъ II. Стр. 436+II. Москва. Кн-во К. Ф. Некрасова. 1915. Цѣна за 2 тома. 5 р.

Каролина Карловна Яшишъ, жена извѣстнаго въ свое время литератора 1830—1850 гг. Н. Ф. Павлова, нареченная когда-то невѣста Мицкевича москвичка, далеко незаурядная поэтическая величина. Стихи ея никогда, вѣроятно, не будутъ имѣть успѣха въ такъ называемой широкой публикѣ: ничего яркаго, ничего эффектнаго въ нихъ нѣтъ, даже русскій языкъ иной разъ кажется не русскимъ, а взятымъ въ какомъ-то ограниченномъ аспектъ: за поэтическимъ словомъ чувствуется его магическая тайна, но тайна чужого, не русскаго, не родного сердца. Тѣмъ не менѣе въ холодныхъ и ясныхъ, умныхъ стихахъ Павловой есть неотъемлемая прелесть: прелесть тонкой женской души, нѣсколько печальной и усталой «въ борьбахъ пустыхъ», сильной лирической мысли и глубоко индивидуальнаго въ смыслѣ ритмическомъ стиха.

К. Павлова это—прихоть русской поэзіи, стихи на любителей и цѣнителей. Взявъ въ руки изданіе К. Ф. Некрасова, любители и цѣнители, думается, не поблагодарятъ редактора за то, въ какомъ видѣ онъ рѣшился преподнести имъ поэтессу, которая нуждается въ сугубо внимательномъ къ себѣ отношеніи. Ихъ поразитъ въ сердце и рядъ не исполненныхъ редакторомъ обѣщаній, и невѣроятное изобиліе опечатокъ, и хаосъ, царящій въ текстахъ, и неполнота, и случайность, и комизмъ примѣчаній, предисловія и послѣсловія. Такъ будутъ скорбѣть знатоки и гурманы. Читатель попроще будетъ судить нѣсколько иначе. Онъ скажетъ: какъ жалъ! вѣдь К. Павлова врядъ ли скоро найдетъ еще разъ такого благодѣтеля, который издастъ ее; зачѣмъ же было не подумать прежде всего объ этомъ—о серьезной и совѣстливой отвѣтственности и такомъ же уваженіи къ русской публикѣ настоящаго и будущаго. Но дѣло сдѣлано.

Когда-то въ одной книгѣ г. Брюсовъ писалъ, что въ эту свою работу («Далекіе и близкіе») онъ не включаетъ «изслѣдованія чисто біографическаго» о К. Павловой. Тогда мы съ уваженіемъ отнесли къ этому заявленію. Мы никакъ не предполагали, что изслѣдованіемъ названы матеріалы, напечатанные въ 1903 году въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» и перепечатанные снова съ дополненіями въ первомъ томѣ сочиненій поэтессы. Каково это «изслѣдованіе» или матеріалы, достаточно двухъ примѣровъ. Осенью 1852 года у Павлова произошелъ разрывъ съ женой, а въ мартѣ 1852 (1853?) его выслали въ Пермь. Во время обыска оказалось, что «вся его бібліотека была наполнена

запрещенными книгами: тутъ была и «Полярная Звѣзда», и Герценъ, и князь Долгорукій, и разные иностранные «зажигатели» (стр. XXXVI, т. I). «Полярная Звѣзда», первая книга, вышла въ 1855 году, Герценъ издалъ на иностранныхъ языкахъ всего три книжки къ 1852 году, а князь П. В. Долгоруковъ сталъ извѣстенъ лишь въ шестидесятыхъ годахъ. Недурно даже для «матеріаловъ»! Въ 1864 году умеръ Н. Ф. Павловъ. Въ 1879 (? 1875 г.) умеръ другъ Павловой графъ А. К. Толстой. Въ 1882 году—сынъ. «Каролина осталась одна»—такъ патетически пишетъ г. Брюсовъ. Но она осталась у г. Брюсова одна нѣсколько раньше: на 1864 году останавливается подробная біографія Павловой. Между тѣмъ старуха прожила еще 29 лѣтъ. Объ этомъ въ «матеріалахъ» никакихъ отголосковъ.

Мы не пытались производить разысканій по части пропущенныхъ стихотвореній (пропущенныя строфы благородно пріютились на задворкахъ—въ примѣчаніяхъ), но все же можемъ сказать: напрасно г. Брюсовъ думаетъ, что пропущенное слѣдуетъ искать «въ какомъ-нибудь журналѣ 40-хъ, 50-хъ или 60-хъ годовъ». Увы! Это «Русскій Архивъ» 1912 г., Фитингофъ-Шель («Міровыя знаменитости», Спб. 1899), «Новое Время» 1911 г., напримѣръ. Примѣчанія... но лучше бы не было примѣчаній! Обѣщанная же библиографія написаннаго о Павловой такъ и осталась только обѣщанной.

Влад. Княжнинъ.

Г. Прохоровъ. М. Ю. Лермонтовъ и его значеніе въ исторіи русской литературы. (Историко-литературный очеркъ). Петроградъ. 1915. Стр. 172.

Недавнее празднованіе Лермонтовскаго юбилея прошло довольно скромно и на русской литературѣ отразилось сравнительно въ слабой степени. Правда, появилось довольно значительное количество отдѣльныхъ книгъ, статей и замѣтокъ о нашемъ великомъ поэтѣ, но большинство ихъ не возвышается надъ обычнымъ уровнемъ юбилейныхъ историко-литературныхъ обзоровъ и очерковъ. Впрочемъ, нѣсколько большую цѣнность въ этой юбилейной литературѣ составляютъ такъ называемыя «большія» изслѣдованія о творествѣ нашего великаго художника. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно замѣтно выдѣляются изъ общей суммы юбилейныхъ сочиненій сравнительною оригинальностью своей темы и обстоятельностью выполненія. Изъ числа такихъ работъ можно назвать книги—барона Д. Гиндбурга, Э. Дюшена, А. Закржевскаго, И. И. Замотина, Б. В. Неймана, С. И. Родзевича, Л. Семенова и др. Сюда же, къ разряду «большихъ» изслѣдованій слѣдуетъ отнести и книгу г. Прохорова, названіе которой выписано въ заголовкѣ. Первоначально она печаталась въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» за 1915 годъ и лишь недавно появилась на свѣтъ въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Содержаніе книги составляетъ изъ краткаго предисловія и четырехъ главъ. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ начальный періодъ жизни и литературной дѣятельности Лермонтова, доходящій до 1837 года. Во второй—онъ даетъ обзоръ біографіи поэта и его художественнаго творчества за остальные годы его жизни, начиная со времени его первой ссылки на Кавказъ. Третья глава посвящена опредѣленію наиболее характерныхъ чертъ того художественнаго типа, «истор. вѣстн.», июнь 1916 г., т. сXLV.

который был создан в литературѣ Западной Европѣ и извѣстенъ подъ именемъ индивидуалиста-скорбника. Здѣсь же обрисовывается и общественно-литературная обстановка, среди которой появился и развивался этотъ литературный герой. Наконецъ четвертая отведена выясненію преемственности и взаимной связи между художественными типами Лермонтова и героями западно-европейской романтической литературы, въ особенности образами Байрона. Въмѣстѣ съ этимъ указывается и отличие между этими сравниваемыми типами. Въ концѣ главы авторъ говоритъ объ отношеніи Лермонтовской поэзіи къ творчеству Пушкина и Гоголя и намѣчаетъ главные этапы развитія идейнаго достоянія Лермонтова въ русской литературѣ. Онъ выясняетъ родство поэта съ Л. Толстымъ, Достоевскимъ и съ современными явлениями русской художественной литературы, главнымъ образомъ съ творчествомъ Л. Андреева.

Общій обликъ настоящей работы, намъ думается, можно обрисовать слѣдующимъ образомъ. Исслѣдованіе г. Прохорова представляетъ собою трудъ компилятивнаго характера. Онъ составленъ на основаніи общихъ и специальныхъ пособій. Изъ источниковъ г. Прохоровъ имѣлъ подъ руками только произведенія поэта. Составленная на основаніи общеизвѣстнаго литературнаго матеріала, эта книга не даетъ ничего новаго. Даже въ той части ея, которая представляетъ сравнительно наибольшую цѣнность, именно въ послѣдней главѣ, авторъ въ сущности пересказываетъ то, что намѣчено уже другими историками литературы.

Отдѣльныя части книги г. Прохорова также вызываютъ нѣкоторыя замѣчанія. Данная авторомъ біографія поэта написана по обычному плану общихъ пособій по исторіи русской литературы и мало чѣмъ отличается отъ установившагося шаблона школьныхъ руководствъ. Представленная же г. Прохоровымъ характеристика творчества Лермонтова поражаетъ своею хаотичностью. Авторъ не обнаруживаетъ глубокаго пониманія сущности Лермонтовской поэзіи и не устанавливаетъ ясныхъ схематическихъ подраздѣленій. Выясняя основные мотивы въ творествѣ Лермонтова, г. Прохоровъ допускаетъ не совсѣмъ удачный приѣмъ. Какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ книги, авторъ стремится установить извѣстную хронологическую послѣдовательность въ развитіи отдѣльныхъ моментовъ поэтическаго міросозерцанія Лермонтова. Между прочимъ, такъ можно заключить изъ одного заявленія автора, въ которомъ онъ говоритъ, что «постепенно Лермонтовъ отъ вопроса о своемъ назначеніи, о смыслѣ своей жизни переходитъ къ болѣе общему вопросу о смыслѣ жизни вообще, объ ея идеальныхъ цѣнностяхъ и далѣе—къ совсѣмъ метафизическому вопросу о добрѣ и злѣ» (30). Между тѣмъ, тотъ стихотворный матеріалъ, которымъ оперируетъ авторъ и при помощи котораго онъ обосновываетъ свои выводы, имѣетъ разновременный характеръ и въ хронологическомъ отношеніи отличается большимъ разнообразіемъ.

Далѣе, очеркъ развитія типа мірового скорбника въ западно-европейской литературѣ, хотя и составленъ на основаніи солидныхъ специальныхъ исслѣдованій, однако въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ отличается несомнѣнною шаблонностью утвержденій. Таковы, напр., разсужденія автора о ложно-классицизмѣ и сентиментализмѣ въ русской литературѣ.

Наконецъ, довольно противорѣчиво звучитъ и еще одно заявленіе г. Прохорова, находящееся въ послѣдней главѣ. Авторъ указываетъ, что Лермонтовъ «шелъ въ руслѣ утвержденного Пушкинымъ и Гоголемъ реалистическаго направленія, хотя въ своей лирикѣ онъ часто еще романтикъ, не совсѣмъ близкій къ дѣйствительности» (150). Такое мнѣніе автора по меньшей мѣрѣ не вѣрно, а главное—не обосновано. Развѣ Лермонтовъ не былъ романтикомъ въ области эпическаго и драматическаго творчества? Вѣдь самъ же авторъ призналъ его выразителемъ «протестующаго и непримиримаго романтизма» (125). Странно также и утвержденіе г. Прохорова, что Лермонтовъ былъ «зачинателемъ» новаго идейнаго теченія въ русской литературѣ, основнымъ тономъ котораго является индивидуализмъ. Вѣроятно, автору извѣстно, что это литературное настроеніе проявилось въ Россіи еще раньше и въ творествѣ такихъ писателей, которые потомъ оказали вліяніе на самого Лермонтова.

Не перечисляя другихъ недочетовъ въ книгѣ г. Прохорова, въ заключеніе мы должны сказать, что его очеркъ, несмотря на то, что заключаетъ въ себѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ своихъ частяхъ, много слабыхъ сторонъ, въ общемъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ опытъ систематизаціи разрозненныхъ историко-литературныхъ мнѣній. Особенно въ этомъ отношеніи интересна четвертая глава.

А. Вознесенскій.

Владимиръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе 6-е, значительно дополненное, съ вариантами, библиографическими примѣчаніями, біографіей, факсимиле и 2 портретами. Изданіе Сергѣя Соловьева. Москва. 1915. Стр. 359. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ послѣднее время появился рядъ работъ, посвященныхъ личности Вл. Соловьева; назовемъ статьи С. М. Лукьянова въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ приведены указанія на другія многочисленныя статьи, посвященныя покойному философу, С. М. Соловьева въ «Богословскомъ Вѣстникѣ, и т. д.

Собраніе его сочиненій вышло вторымъ изданіемъ; готовится выйти 4-ый томъ его «Писемъ», а въ прошломъ году появилось 6-е изданіе его стихотвореній, исполненное его племянникомъ, С. М. Соловьевымъ. О послѣднемъ изданіи мы и позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ.

Съ внѣшней стороны изданіе очень изящно, можно отмѣтить лишь немного легка исправляемыхъ опечатокъ, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ издателемъ по поводу распредѣленія матеріала. Онъ указываетъ, что въ противоположность 4-му и 5-му изданіямъ, сдѣланнымъ М. С. Соловьевымъ, онъ вновь выдѣлилъ въ особый отдѣлъ «Переводы и подражанія» и прибавилъ отдѣлъ «Посмертныя стихотворенія», въ который вошли стихотворенія, появившіяся въ печати послѣ смерти автора, напечатанныя имъ при жизни, но не включенныя въ изданныя имъ самимъ собранія своихъ стихотвореній, и стихотворенія, печатаемыя впервые. Не включены въ изданіе шуточные стихотворенія Вл. С., которыя онъ печаталъ подъ псевдонимомъ графа Эспера Геліотропова (нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ письмахъ). Число этихъ стихотворе-

ній, по словамъ издателя, столь велико, что изъ нихъ со включеніемъ нѣсколькихъ комическихъ пьесъ можно составить цѣлый томъ.

Изъ предисловія, однако, не видно, думаетъ ли издатель выпустить этотъ томъ, или онъ ограничивается лишь констатированіемъ факта, а между тѣмъ для «будущаго критика и біографа», о которомъ упоминаетъ издатель, эти стихотворенія не менѣе важны для выясненія взглядовъ и настроеній такой сложной психологической личности, какой былъ Вл. Соловьевъ. Въ стихотвореніяхъ, серьезныхъ ли, шуточныхъ ли, равно какъ и въ письмахъ, отразились интимные и характерные моменты изъ жизни автора; вотъ почему мы желали бы видѣть все это включеннымъ въ послѣдующее изданіе собранія сочиненій и расположеннымъ въ возможно хронологическомъ порядкѣ, ибо только такимъ образомъ передъ читателемъ ясно предстанетъ та смѣна взглядовъ и настроеній философа, о которой говорить С. М. Соловьевъ въ приложенной къ книгѣ біографіи и которая сдѣлала возможность то, что

«...когда надорванный угасъ ты
Надъ подвигомъ своимъ,
Разнообразныя, безмысленныя касты
Причли тебя къ своимъ».

Правда, не отмѣчая при каждомъ стихотвореніи дату его написанія, издатель помѣщаетъ эти даты въ примѣчаніяхъ; правда и то, что въ первомъ отдѣлѣ стихотворенія, какъ видно изъ этихъ примѣчаній, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ: но переводы помѣщены безъ хронологіи, а по подбору переведенныхъ авторовъ, въ такомъ порядкѣ (выписываю однѣ даты): 1874, 1887, 1886, стихотворенія безъ даты, 1883, 1883, стихотворенія безъ даты, 1893, 1885, 1886, 1887, 1886, 1875, 1878, два стихотворенія безъ датъ, 1885. Но вѣдь изъ одного и того же автора можно переводить въ разные моменты разное и подборъ переводовъ характеренъ для даннаго момента не менѣе, чѣмъ оригинальныя стихотворенія. Вотъ почему, смѣемъ думать, справедливо наше пожеланіе хронологическаго размѣщенія стихотвореній, принятаго теперь едва ли не во всѣхъ научныхъ изданіяхъ писателей. Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько мелкихъ замѣчаній. Стихотвореніе LXXIV, «Эти грозныя силы, что въ полдень гремѣли», напечатано впервые не въ 3-емъ изданіи стихотвореній, а въ «Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ» къ журналу «Нива» 1896 г. январь, страница 30. Возможно, что и нѣкоторыя другія стихотворенія, относительно которыхъ въ примѣчаніяхъ отмѣчено «впервые напечатано въ 3 изданіи стихотвореній», были ранѣе напечатаны въ какихъ-нибудь журналахъ. Другое замѣчаніе состоитъ въ томъ, что напрасно не указаны года, къ какимъ относятся оба приложенные къ книгѣ портрета, и къмъ исполненъ второй изъ нихъ, снимокъ съ рисунка перомъ или карандашомъ. Наконецъ, въ примѣчаніи къ стихотворенію XXXV «Пусть осень ранняя смѣется надо мною», лучше было бы или не приводить первой строфы, «имѣющей автобіографическое значеніе», или же объяснить, кто разумѣется подъ «японцемъ» въ первомъ стихѣ, «непонятномъ безъ знанія біографіи поэта».

А. Захаровъ.

Памятники мировой литературы. Народная словесность. Калевала. Издание 2-е. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. XXX+426. Ц. 3 р.

Переводчикъ «Калевалы» г. Бѣльскій самъ заявляетъ, что первое изданіе его труда «было встрѣчено благосклонно и критикой и научными дѣятелями. Академіей наукъ оно было удостоено Пушкинской преміи».

Намъ припоминается, что отрывки изъ этого перевода попали уже и въ хрестоматіи.

Во второмъ изданіи «Калевала» названа не «финской народной эпопеей», а «финскимъ народнымъ эпосомъ». Позднѣйшія изученія выяснили, что извѣстный изслѣдователь финской поэзіи Ленротъ (жившій въ 1802—1884 г.г.) «искусственно связалъ въ эпопею рядъ отдѣльныхъ былинъ и другихъ видовъ народной поэзіи, какъ, на примѣръ, свадебныхъ пѣсень и заговоровъ».

Такъ или иначе, чтеніе книги г. Бѣльскаго производитъ такое впечатлѣніе, что, при видимой художественной невоздѣланности «Калевалы» и будто странно-смѣшанномъ міроощущеніи ея создателей, она и тамъ и сямъ напоена удивительно свѣжей красотой.

Въ «Калевалѣ» явны примѣты поэзіи народной, т. е. соборной, крѣпкой своими постоянными излюбленными приѣмами. Но она, дѣйствительно, переполнена заклинаніями, чародѣйствомъ, превращеніями. Весьма выдвинутъ въ ней описательный элементъ, представляющій силы природы, животныхъ и длинный рядъ подробностей человѣческаго житья-бытья. Словно привычной печалью нерѣдко обвѣяны многіе изображенія и мотивы «Калевалы». Отъ игры «старого вѣрнаго» Вейнемейнена, «вѣковѣчнаго заклинателя», плѣчутъ всѣ отъ мала до велика. Собранныя слезы самого Вейнемейнена «прекрасно измѣнились: заблестѣли, точно жемчугъ, голубымъ сверкали блескомъ».

А. Налимовъ.

Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Составили Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерлиговъ. Востокъ. Часть 1-я. Съ рисунками. Изданіе 1-е «Міръ». М. 1915. Стр. VIII+160. Ц. 1 р. 30 к.

Въ послѣднее время въ преподаваніи исторіи въ нашей школѣ замѣчается стремленіе расширить самостоятельность учащихся путемъ хотя бы и небольшихъ самостоятельныхъ работъ, для чего необходимо знакомство въ извлеченіяхъ съ источниками. До послѣдняго времени пользованіе источниками даже для преподавателей, особенно въ провинціи, было сопряжено съ громадными затрудненіями. Помочь въ этомъ могли хрестоматіи, заключающія въ себѣ отрывки наиболее важные и характерные. Одну изъ подобныхъ хрестоматій представляетъ собою и разсматриваемая нами книга, которая при прохожденіи курса древней исторіи окажетъ несомнѣнную пользу. Названная хрестоматія состоитъ изъ трехъ частей, связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ редакціи и общей идеей ея содержанія. При составленіи ея имѣлось, между прочимъ, въ виду, что курсъ древняго Востока въ средней школѣ проходитъ эпизодически, вслѣдствіе чего часть, посвященная Востоку, составлена нѣсколь-

ко по иному плану, чѣмъ части, посвященныя Греціи и Риму. Нѣкоторые отрывки взяты изъ существующихъ переводовъ, иные же переведены составителями заново, причемъ многіе изъ нихъ появляются въ русскомъ переводѣ впервые въ названной хрестоматіи. Во вступительныхъ и подстрочныхъ примѣчаніяхъ даются необходимѣйшія къ тексту разъясненія; для наилучшаго уясненія и иллюстраціи нѣкоторыхъ отрывковъ книжка снабжена планами и картами въ текстѣ, специально для нея составленными, а также рисунками на отдѣльныхъ листахъ. Разсматриваемая нами первая часть хрестоматіи, посвященная Востоку, раздѣляется на три большихъ отдѣла, по тремъ великимъ державамъ древняго Востока: 1) Египеть, 2) Сennaаръ, Вавилонъ и Ассирія и 3) Персія; въ названныхъ отдѣлахъ разбираются общество, государство, вѣрованія и религиозный бытъ, сказанія, литература, право и судъ. Что же касается промежуточныхъ финикійско-сирійскихъ областей, то имъ не отведено въ хрестоматіи особаго отдѣла по тѣмъ соображеніямъ, что и въ современной исторической наукѣ, и въ школьномъ преподаваніи эти области все болѣе и болѣе отодвигаются на второй планъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи такую хрестоматію, преподаватель сможетъ заинтересовать учащихся и сообщить имъ немало полезныхъ и занимательныхъ свѣдѣній, которыхъ нельзя найти въ рядовомъ учебникѣ и которыя окажутъ крупное вліяніе на общее культурное развитіе учащейся молодежи. Замѣтимъ кстати, что тѣмъ же книгоиздательствомъ «Міръ» изданы весьма полезныя хрестоматіи такого же образца по русской и средневѣковой исторіи.

О. Л.—нъ.

Е. А. Рыхликъ. Поэтическая дѣятельность Франца Ладислава Челяковскаго. Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія. Кіевъ. 1915. Стр. 330. Ц. 2 р.

Славянскія возрожденія—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій минувшаго вѣка. Нигдѣ, можетъ быть, съ такой яркостью не проявилась мощь мысли человеческой, сила идеи. Къ концу XVIII вѣка положеніе многихъ славянскихъ народовъ было, казалось, безнадежно. Вырвали у нихъ изъ устъ родной славянскій языкъ, вырыли глубокую яму, похоронили въ ней народъ, а могилу завалили мусоромъ. Съ чужою рѣчью въ устахъ, отучившись даже думать на родномъ языкѣ, чехи, лужичане, словинцы сохраняли въ себѣ еще одинъ только внѣшній славянскій обликъ. Во всемъ остальномъ они превратились въ нѣмцевъ, и Добровскій, патріархъ славистики, изучая славянскіе языки, и не думалъ, что его теоретическія ученія изысканія приведутъ къ возрожденію народа. Но тлѣла еще подъ пепломъ искра, таилось подъ нанесеннымъ нѣмцами мусоромъ сѣмя жизни, и легкаго дуновенія свѣжаго вѣтра было довольно, чтобы проросъ ростокъ и мнимо умершее воскресло для новой жизни.

Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ слѣдить за начинающимся пробужденіемъ жизни. Кто же не любить весны. А славянское возрожденіе было весной народовъ, одинаково увлекательною и для историка, и для философа, и для

поэта, и для общественнаго дѣятеля, ибо въ немъ раскрылась для наблюдающаго ума сила и могущество жизни и оплодотворенной ею идеи. Когда-нибудь явится историкъ-художникъ, который дасть намъ во всей полнотѣ картину этого увлекательнаго времени. Пока для этого зданія обтесываются камни. Книга, заглавіе которой выписано выше, послужитъ полезнымъ матеріаломъ для будущей постройки.

Чехи были во главѣ славянскаго возрожденія, а среди нихъ первыми будителями народа были Добровскій, Шафарикъ, Юнгманъ, Колларъ, Ганка и Челяковскій.

Какъ Пушкинъ и Мицкевичъ, Челяковскій родился въ самомъ концѣ XVIII вѣка, въ 1799 г., а умеръ въ 1852 году. Такимъ образомъ, жизнь его охватила самые главные этапы возрожденія. Сынъ столяра изъ южной Чехи, онъ, какъ и всѣ чехи того времени, учился, писалъ и, значить, думалъ по-нѣмецки, а къ тому времени, когда онъ заканчивалъ свой жизненный и литературный подвигъ, чешское просвѣщеніе стояло уже прочно на ногахъ и чешская литература была наканунѣ своего расцвѣта, причѣмъ львиная доля въ этомъ успѣхѣ выпала какъ разъ на труды Челяковскаго. Для насъ, русскихъ, чешское возрожденіе, а въ частности дѣятельность Челяковскаго, имѣютъ особый интересъ: въ нихъ отразилась сила русской культуры и воздѣйствіе ея на братскіе народы.

Шло это воздѣйствіе двоякимъ путемъ. Обаяніе русскаго имени питала прежде всего сила русскихъ побѣдъ, войны 12-го, 13-го и 14-го годовъ и созданное ими внѣшнее могущество Россіи. Юнгманъ еще въ 1810 году писалъ Мареку: «Я твердо вѣрю, что государство русское переживетъ французское. Русскіе зрѣютъ—оттуда потомкамъ спасеніе», и Марекъ вторилъ ему: «съ востока вѣетъ духъ Славіи, тамъ расцвѣтаютъ надежды». И Челяковскій не уберется отъ обаянія внѣшняго русскаго могущества, государственной силы Россіи. «Вчера,—писалъ онъ въ 1828 году Камариту,—мы съ однимъ знакомымъ пили за здоровье—отгадай, за чье—русскихъ; по поводу взятія ими Варны; даже въ Россіи не могутъ праздновать это событіе радостіе. Каждое извѣстіе газетъ о ихъ побѣдахъ такъ волнуетъ мое сердце, какъ если бы я былъ однимъ изъ ихъ числа. Только русскіе будутъ нашими мстителеми и, можетъ быть, нашей опорой. Чѣмъ были бы прочіе славяне безъ нихъ? Не осталась бы отъ насъ ни куска славянскаго кафтана и славянская рѣчь совершенно замолкла бы. Пламя Москвы освѣтило всю Россію и все славянство».

Не внѣшній моментъ былъ, однако, главнымъ въ симпатіяхъ Челяковскаго къ Россіи. Поэтъ этотъ особенно намъ дорогъ тѣмъ, что на немъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь другомъ, обнаружилась притягательная сила русской духовной культуры. Онъ не былъ здѣсь, конечно, начинателемъ. Первой чешской школой русскаго языка былъ ученый кабинетъ Добровскаго, который послѣ своего путешествія по Россіи въ 1792 году сталъ собирать у себя молодыхъ людей, желавшихъ познакомиться со славянствомъ. Но никто изъ западныхъ славянъ такъ глубоко не проникъ въ тайны русскаго духа, какъ Челяковскій. Еще въ 1820 году, получивъ «Энеиду на изнанку» Котляревскаго.

онъ съ сожалѣніемъ восклицаетъ: «Ахъ, если бы я зналъ по-русски.» А уже въ 1822 году этотъ ученикъ Клопштока, Гете и Шиллера ведетъ переписку на русскомъ языкѣ не только по необходимости съ Шишковымъ, но и для собственнаго удовольствія со своимъ другомъ Камаритомъ. И характерно для Челяковского, что первой работой, на которой зиждется слава его, какъ поэта, былъ «Отголосокъ пѣсень русскихъ» («Оноас пісні рускыхъ»). Г. Рыхликъ обстоятельно и съ мелочной точностью выяснилъ въ своей книгѣ, съ какимъ дарованіемъ, знаніемъ дѣла и художественнымъ чутьемъ подражалъ здѣсь чешскій поэтъ нашимъ былинамъ и пѣснямъ. Въ этомъ сборникѣ помѣщено и то оригинальное стихотвореніе Челяковского, которымъ онъ извѣстенъ у насъ. Это—написанное въ духѣ нашихъ былинъ воспоминаніе о 1812 годѣ, «Великая панихида», переведенная на русскій языкъ Евецкимъ, Бергомъ, Петровскимъ и Щербиной.

Сочувствія Челяковского Россіи тѣмъ болѣе знаменательны, что въ личной судьбѣ своей онъ имѣлъ всѣ права быть недовольнымъ Россіей. Когда въ 1835 году онъ въ своемъ журналѣ помѣстилъ искреннюю, хотя и нѣсколько рѣзкую, замѣтку о рѣчи императора Николая польской делегаціи въ Варшавѣ, вѣнское правительство, по требованію русскаго посла Татищева (не «князя», какъ пишетъ г. Рыхликъ), лишило его профессорскаго мѣста, и для Челяковского настали долгіе годы нужды и униженія. Этотъ эпизодъ въ нашей литературѣ до сихъ поръ еще не рассказанъ, и замѣтка Челяковского не перепечатана. А жаль: статьей своей Челяковский обнаружилъ независимый и полный достоинства характеръ, неліцемерную любовь свою къ Россіи и защиту столько же славянскихъ, сколько русскихъ интересовъ.

Какъ поэтъ, Челяковский не обладалъ ярко выраженной индивидуальностью, но тѣмъ не менѣе именно съ него и съ его старшаго современника Коллара начинается чешская поэзія. Отъ упражненій въ ложноклассическомъ и сентиментальномъ духѣ—вліянія, подъ которыми выросъ Челяковский и которымъ въ свое время отдалъ дань,—онъ вывелъ ее на прямой путь, приблизилъ къ жизни и здоровому народному творчеству. А здѣсь сыграло главную роль изученіе имъ народной поэзіи, между прочимъ, русскою. Въ Челяковскомъ, какъ справедливо замѣтилъ Махаръ, заключается вся дальнѣйшая чешская поэзія. Здѣсь корни всеобъемлющаго космополитизма Врхлицкаго; здѣсь же и начало того родника народнаго чувства, которое бьетъ въ стихахъ Святополка Чеха.

Г. Рыхликъ всесторонне освѣтилъ поэтическую дѣятельность Челяковского. Въ планѣ работы чувствуется нѣкоторая схематичность, влекущая за собой иногда ненужныя повторенія. Работа написана «по-ученому», т.-е. скучновато. Мѣстами видно перо еще молодое и неокрѣпшее. Попадаютъ иногда неловкія выраженія и такія слова, какъ «искусность». Для широкой публики она не годится, но она для нея и не предназначалась. Во всякомъ случаѣ она представляетъ весьма полезный вкладъ въ наше славяновѣдѣніе и дѣлаетъ честь и добросовѣстности молодого автора и кіевской школь Т. Д. Флоринскаго, изъ которой онъ вышелъ.

Андрей Сикротиннъ.

Проф. И. И. Соколовъ. Вселенскіе судьи въ Византіи. Стр. 55. Казань. 1915. Ц. 50 к.

Указанный историко-правовой очеркъ проф. И. И. Соколова представляет большой интерес. Ученый византологъ сообщает здѣсь свѣдѣнія о малоизвѣстномъ институтѣ вселенскихъ судей, существовавшемъ въ средневѣковой Византіи. Институтъ представлялъ органъ верховнаго императорскаго суда, юрисдикція котораго распространялась на всѣхъ гражданъ по дѣламъ какъ гражданскимъ и уголовнымъ, такъ и духовнымъ. Судьи избирались изъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ и производили свой судъ по Евангелію, Номоканону и Василикамъ. Учрежденія суда вселенскихъ судей существовали въ Константинополѣ, Фессалоникѣ, Серрахъ, Лариссѣ и другихъ городахъ. Блестящаго развитія этотъ институтъ достигъ и въ Трапезундѣ, когда городъ служилъ столицею знаменитаго Трапезундскаго царства подъ властью императоровъ Великихъ Комниновъ.

Очеркъ профессора Соколова, посвященный институту вселенскихъ судей написанъ по разносторонне изученнымъ первоисточникамъ, оправдывается документальными данными и представляет одну изъ превосходныхъ иллюстрацій изъ исторіи блестящаго развитія византійской культуры. Не только въ русской, но и въ иностранной византійской литературѣ нѣтъ равнаго—по научной цѣнности—этому этюду разысканія по вопросу о вселенскихъ судьяхъ.

Т.

Бар. Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика. Историческіе очерки. Пгр. 1915. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Книга барона Нольде составила изъ девяти статей, которыя имъ были напечатаны съ 1907 по 1915 гг. въ разныхъ журналахъ, по преимуществу въ «Русской Мысли». По характеру своему статьи эти представляют собою: 1) самостоятельныя изслѣдованія, въ родѣ статьи «Начало великой войны»—самой большой въ сборникѣ, занимающей 63 стр., 2) статьи, опирающіяся своимъ содержаніемъ на литературныя новинки, русскія и иностранныя. Такова статья «Босфоръ и Дарданеллы», написанная на основаніи книги г. Горяинова подъ тѣмъ же заглавіемъ. Или статья: «Корона и внѣшняя политика Англій при королевѣ Викторіи», построенная на изданной Эдуардомъ VII перепискѣ его матери. Наконецъ 3) статьи, представляющія собою распространенныя рецензіи въ родѣ замѣтокъ «Изъ прошлаго франко-русскихъ отношеній», разбирающихъ изданное проф. Мартенсомъ собраніе трактатовъ и договоровъ, или статьи «Римъ и Наполеонъ III», рецензирующей французскую работу Буржуа подъ тѣмъ же заглавіемъ. Издать всѣ эти статьи отдѣльной книжкой побудилъ автора «проявляемый теперь многими интересъ къ дѣламъ внѣшней политики».

Статьи написаны легко и живо и дѣйствительно способны поддержать этотъ интересъ и уяснить читателю многое, что русское общество знаетъ лишь по наслышкѣ. Чтобы оцѣнить общее возрѣніе автора на характеръ русской дипломатіи, приведемъ выдержку, гдѣ авторъ характеризуетъ одного изъ

типичныхъ русскихъ дипломатовъ школы Нессельроде, бар. Брунова, бывшаго въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка нашимъ посломъ въ Лондонѣ. Защищая этого барона отъ обвиненія въ предательствѣ интересовъ Россіи, авторъ утверждаетъ, что это не была государственная измѣна, а «безсознательное ослабленіе живого государственнаго чувства» (стр. 82). «Съ отечествомъ ихъ (т.-е. такихъ дипломатовъ-нѣмцевъ) связывала одна лишь служебная ниточка, прикрѣпленная къ министерству иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ. То, что проходить черезъ эту ниточку, ими воспринимается и стойко отстаивается передъ чужими. Но служебная ниточка питаетъ довольно бѣдно, а отсутствіе другихъ связей съ родиной не даетъ возможности восполнить этотъ скудный притокъ». Если принять во вниманіе, что эту «ниточку» въ Петроградѣ держали въ своихъ рукахъ тѣ же нѣмцы, такіе же Бруновы, ничего общаго съ русскимъ народомъ не имѣющие, то станетъ понятно, къ чему эти дипломаты могли мало-по-малу привести нашу страну. Да и въ наши дни даетъ ли эта «ниточка» болѣе питанія, чѣмъ во дни Бруновыхъ и Нессельроде? **А. В.**

Георгій Чулковъ. Вчера и сегодня. Очерки. Книгоиздательство «Сѣверные Дни». Москва. 1916. Стр. 166. Ц. 1 р. 25 к.

Въ настоящей книгѣ собраны критическіе, публицистическіе и психологическіе очерки, частью напечатанные въ разныхъ изданіяхъ: «Рѣчь», «Голосъ Жизни», «Аполлонъ» и др. Авторъ весьма основательно изучилъ новѣйшія теченія западно-европейской, особенно же французской литературы, живописи, искусства и въ своихъ очеркахъ знакомитъ русскую читающую публику съ наиболѣе выдающимися и яркими представителями послѣдней. Съ большимъ интересомъ читаются статьи о Метерлинкѣ, Верхарнѣ, Верлэнѣ, Соважѣ и пр. Много вниманія удѣляетъ авторъ послѣднимъ теченіямъ въ западно-европейскомъ искусствѣ—кубизму и футуризму, родоначальнику и главѣ котораго итальянцу Маринетти г. Чулковъ посвятилъ очень любопытный очеркъ. Характерна статья «Демоны и современность» (мысли о французской живописи). На жгучій вопросъ: какъ должны отнестись къ западной культурѣ мы, русскіе, пойти ли намъ влѣдъ за Европою, или строить башню искусства и жизни на свой ладъ,—авторъ заявляетъ: «Нельзя итти за культурою Запада слѣпо и покорно. Намъ пора переоцѣнить иныя цѣнности, казавшіяся недавно столь цѣнными: надо переоцѣнить аналитизмъ въ живописи, метаморфизмъ въ поэзіи и нигилизмъ въ бытѣ... Есть культура живая и есть культура мертвая. Мы не забудемъ, какія сокровища подарила міру западно-европейская культура, но мы не станемъ мертвое называть живымъ. А между тѣмъ мы уже отравлены ядомъ западно-европейскаго нигилизма и демонизма. По счастью, начинается, повидимому, новое движеніе. Уже ищутъ иные художники монументальнаго искусства и прилежно и пристально вглядываются въ образцы византийской культуры и древне-восточныхъ культуръ. Это показательно и значительно. У насъ были Ивановъ и Врубель. Ихъ гении завѣщали намъ правду искусства всенароднаго. И стыдно отрекаться отъ ихъ завѣтовъ»... Характеристика Вру-

бея и воспоминанія о немъ—одна изъ лучшихъ статей въ сборникѣ Г. Чулкова. Изъ новѣйшихъ русскихъ писателей обратили на себя вниманіе автора графъ А. Н. Толстой, Леонидъ Андреевъ, Вячеславъ Ивановъ, Иннокентій Анненскій, которымъ посвящены весьма цѣнные критическія статьи. Изъ остальныхъ статей заслуживаютъ особаго вниманія психологическій очеркъ «Самоубійцы» и «Оправданіе символизма». Заканчивается сборникъ путевыми замѣтками «Отъ Женевы до Софіи» и «Болгары». Вся книга Георгія Чулкова, проникнутая желаніемъ осмыслить и разъяснить рѣзкіе и странные для широкой публики новѣйшіе теченія и пути въ западно-европейскомъ и русскомъ искусствѣ и литературѣ, читается съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ.

Д. М—ко.

Д. А. Лутохинъ. Графъ С. Ю. Витте какъ министръ финансовъ. Пгр. 1915.
Стр. 40. Цѣна 50 коп.

Графъ С. Ю. Витте, несомнѣнно, весьма значительная личность, и интеллигентный читатель, конечно, съ интересомъ отнесется ко всякому добросовѣстному труду, задавшемуся освѣтить фанансовую и экономическую дѣятельность покойнаго. Книжка г. Лутохина тѣмъ цѣннѣе, что имѣетъ также цѣлью дать сжатую оцѣнку уже имѣющагося матеріала и, надо прибавить, весьма обширнаго, какъ это видно изъ 89 примѣчаній въ концѣ книги, въ большинствѣ указывающихъ на уже существующую литературу предмета. Дѣятельность Витте въ финансовой и экономической области разобрана авторомъ весьма разносторонне и съ вполне компетентною основательностью; въ конечномъ же результатѣ г. Лутохинъ, видимо, раздѣляетъ приводимое имъ мнѣніе о преобладаніи въ Витте дѣльца надъ политикомъ, или, точнѣе, государственнымъ человѣкомъ. Роль же бывшаго премьера какъ чисто политическаго дѣятеля и какъ инициатора русскаго конституціонализма, а равно и ея оцѣнка оставлены авторомъ въ сторонѣ, какъ не входящія въ рамки взятой имъ на себя задачи. Жаль одно, что при вполне литературномъ изложеніи авторъ не достаточно позаботился о болѣе внимательной корректурѣ: въ текстѣ иногда подлежащее со сказуемымъ оказываются въ ссорѣ и иное иностранное слово оставлено въ искаженно-набранномъ видѣ.

И. В.

Библиографія русской періодической печати 1703—1900 гг. (Матеріалы для исторіи русской журналистики). Составилъ и издалъ Н. М. Лисовскій. Пгр. 1915.
Стр. XVI+1067. Цѣна 7 руб. 50 коп.

Въ нашемъ журналѣ было своевременно отмѣчено появленіе отдѣльныхъ выпусковъ этой монументальной работы, которая сряду же послѣ выхода въ свѣтъ первой ея части удостоилась на выставкѣ печатнаго дѣла такой же почетной награды, какъ и всѣ изданія императорскаго общества любителей древней письменности. Параллельно съ большимъ изданіемъ своего труда in 4° Н. М. Лисовскій печаталъ «Библиографію» въ форматѣ малаго октава. По

нѣкоторымъ техническимъ затрудненіямъ это второе изданіе нѣсколько замедлило выходомъ въ свѣтъ, и появленіе его теперь особенно умѣстно, такъ какъ большое изданіе было напечатано въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, значительная часть которыхъ разошлась по предварительной подпискѣ. Малое изданіе является вполне параллельнымъ большому, давая совершенно тождественный съ нимъ текстъ. Но оно лишено графическихъ таблицъ, составляющихъ второй отдѣлъ большого изданія. Книга Н. М. Лисовскаго, конечно, прежде всего справочная, поэтому въ настоящемъ портативномъ изданіи, предлагаемомъ публикѣ за сравнительно весьма умѣренную цѣну, она особенно удобна при работѣ. Для лицъ, которымъ почему-либо остался неизвѣстнымъ характеръ труда Н. М. Лисовскаго, излагаемъ краткое содержаніе книги: 1) хронологическіе списки русской періодической печати (основной за время 1703—1894 гг. и два дополнительные за гг. 1895—1900), 2) алфавитный списокъ русскихъ періодическихъ изданій, расположенный по двойной системѣ: а) по первому слову и б) по главному существительному въ названіяхъ изданій; 3) систематическій списокъ русскихъ періодическихъ изданій 1703—1900— гг., группирующій изданія по содержанію и по мѣсту выхода ихъ въ свѣтъ; 4) алфавитъ личныхъ именъ: издателей и редакторовъ русскихъ періодическихъ изданій 1703—1900 гг.

Огромная польза этой книги очевидна сама собою. Поэтому намъ остается только горячо привѣтствовать трудолюбие и выдержку автора, который, не щадя ни времени, ни издержекъ, единолично осуществилъ и самъ, безъ всякихъ субсидій, издалъ предпринятую имъ столь же тяжелую, какъ и обширную работу.

А. М—въ.

Федоръ Коммиссаржевскій. Театральныя прелюдіи. Съ иллюстраціями. Москва. 1916. Стр. 169+III. Ц. 1 р. 60 к.

Среди многихъ книгъ, посвященныхъ нашему театру, особенное вниманіе обращаетъ на себя интересная книга Федора Коммиссаржевскаго, образованнаго, вдумчиваго и весьма извѣстнаго московскаго режиссера. Большимъ достоинствомъ его книги является то обстоятельство, что это не обычное теоретизированіе и отвлеченное философствованіе по поводу сценическаго искусства, какихъ въ послѣднее время вышло немало, а сводка тѣхъ чисто практическихъ результатовъ, замѣтокъ и умозаключеній, которыя явились плодомъ самостоятельной работы автора. Всѣ шесть статей, составляющихъ «Театральныя прелюдіи», переработаны изъ вступительныхъ рѣчей артистамъ передъ началомъ репетицій.

Въ своей вступительной статьѣ г. Коммиссаржевскій выясняетъ свой общій взглядъ на сценическое искусство. «Театръ раскрываетъ жизнь черезъ индивидуальное міровоспріятіе того автора, чье произведеніе онъ исполняетъ», но часто, особенно въ старыхъ классическихъ произведеніяхъ, «глубины духовнаго содержанія скрываются отъ взоровъ толкователей, не способныхъ къ проникновенности, скрываются подъ плѣсенью традиционныхъ, вошедшихъ въ обычай истолкованій. И произведеніе кажется мертвымъ. И необходимо

новое непосредственное проникновение и новое раскрытие внутреннего содержания произведения, чтобы это произведение стало опять живым и волнующим». И вот художник театра—режиссер, актер, декоратор, дирижер,—раскрывая через себя художника-автора, «основывает свое понимание этого автора и его сценически воплощаемого произведения прежде всего на своем чувствовании, потому что познать, изучить художника и художественное произведение можно только, сначала почувствовав его, так как художественное произведение действует прежде всего на чувство. И, лишь почувствовав, сжившись с произведением, художник театра может приступить к анализу, руководствуясь теми направлениями, которые ему подсказывает чувствование», причем художник театра должен раскрыть внутреннее содержание драматического произведения только в тех для него формах, которые будут психологически и философски соответствовать индивидуальности автора, чье произведение ставится. Следовательно, на сцене необходимо такое же разнообразие форм, сколько существует разнообразия в содержании. «Нельзя обезличивать драматическое произведение, подводя его под какое-то свое, раз принятое мировосприятие». И далее автор показывает всю несостоятельность теорий «условной техники» В. Э. Мейерхольда и реальных, «жизненно-психологических» постановок московского Художественного театра. Таким образом, лишь почувствовав и определив стиль, тон произведения, можно поставить его в тех или иных формах. И автор в дальнейшем подтверждает эти теоретические воззрения своего рода объяснительными записками о своих постановках.

Первая статья «Власть быта» подходит с новой стороны к Островскому, которого обычные сцены «реальные» постановки совершенно затемнили, если не исказили. Островский открывает нам власть быта над человеком и его душой; «быть» этот доведен у Островского до символа, и задача сценической постановки Островского—вышнее сценическое выражение власти этого быта над человеком, а не историческая реставрация, не натурализм, сцены и унылый в своей обыденной повседневности. Эти мысли автора совершенно верны, и мы с ними вполне согласны, хотя должны добавить, что особенно нового в них ничего нет. Именно так воспроизвели Островского на сцене московского Малаго театра великие артисты прошлого. Скажем автору спасибо за то, что напомнил нашим нынешним умникам традиции корнеев образцовой московской сцены в дни ее расцвета.

Чрезвычайно интересна была постановка Коммиссаржевского на сцене Незлобинского театра трагедии Гёте «Фауста». Как говорит автор, постановка эта по разным вышним обстоятельствам не выразила всех замыслов его, а потому тем более становится интересною статья, где г. Коммиссаржевский дает тщательный, глубоко продуманный, проникновенный анализ первой части «Фауста». Эта статья должна привлечь внимание не одних лишь завязавших театралов, но и всех интересующихся литературой. Столь же ценна и статья о Мольере.

Особенный интерес в наши дни возбуждает его статья о постановке им трагедии Озерова «Дмитрий Донской». Здесь автор пытается разрешить чрез-

вычайно острый злободневный вопрос: можно ли играть, ставить спектакли, когда на войнѣ убиваютъ нашихъ близкихъ, когда вся Россія должна быть охваченной однимъ общимъ внутреннимъ пожаромъ военного подъема? Отстраняя всякія оправданія «полезности» въ такіе дни театра, авторъ говоритъ: «Такія оправданія и объясненія—недостойны людей-художниковъ. Художникъ долженъ или просто вѣрить въ свое дѣло безъ всякихъ казуистикъ, или бросать это дѣло, брать ружье и идти безъ всякаго зова и очереди на войну. А если онъ оправдывается,—значить, сомнѣвается. А если сомнѣвается, надо бросать искусство. Кто усомнится, тотъ уже не вѣруетъ. А кто хочетъ оправдать искусство «полезностью», тотъ не художникъ». Во всякомъ же случаѣ теперь какъ нельзя, кажется, кстати было вспомнить о томъ, что должно было «питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, служащихъ образцомъ для потомства». Это было сказано о трагедіи Озерова, которую г. Коммиссаржевскій и поставилъ вмѣсто скороспѣлой тенденціозной и грубой стряпни современныхъ драматурговъ. При этомъ постановка была выдержана въ стилѣ героически-романтическомъ, декорации и костюмы актеровъ—это Россія XIV вѣка въ пониманіи людей и театра Александровской эпохи. Но эта постановка не привлекла вниманія современныхъ зрителей. «Нынѣшніе люди—не романтики,—говоритъ г. Коммиссаржевскій.—Но все же я думалъ, что представленіе дойдетъ. Но его душа лишь дошла до кучки зрителей. А это значить, что для возрожденія театра возвышающаго искренняго паѳоса не достаточно возвышенъ современный зритель»...

Заканчивается книга статьёй «Странникъ любви»—о постановкѣ на сценѣ императорскаго московскаго Большаго театра оперы Моцарта «Донъ-Жуанъ».

Въ общемъ книга Ө. Коммиссаржевскаго даже не театралы прочтется съ интересомъ, а театралы найдутъ въ ней много такого, надъ чѣмъ нужно серьезно подумать. Въ авторѣ чрезвычайно привлекаетъ его любовь къ театру, его постоянное стремленіе впередъ, его громадная начитанность и всякое отсутствіе желанія нарочитаго оригинальничанья и тонкое чутье истиннаго художника.

Книга украшена любопытными иллюстраціями—эскизами и снимками постановокъ.

Дж. М.—во.

Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. I. Египетъ. Переводъ Е. Григоровичъ. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Цѣна 1 р. 25 к.

Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Вып. II Ассирія. Перев. Е. Григоровичъ. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. 287 Цѣна 1 р. 25 к.

Названная книга представляетъ первую половину популярной работы извѣстнаго французскаго египтолога, которая уже неоднократно выходила въ русскомъ переводѣ и хорошо извѣстна читателямъ, но такъ какъ прежнія изданія, если не ошибаемся, уже вышли изъ продажи, то появленіе новаго исполнѣ свое-временно. Написанная извѣстнымъ специалистомъ и заключающая въ себѣ живо набросанныя картинки древне-египетской жизни и быта въ разныхъ ихъ про-

явленіяхъ, она не требуетъ особой рекомендаціи и является прекраснымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи древняго Востока, что доказывается нѣсколькими изданіями ее на русскомъ языкѣ. Многочисленные рисунки способствуютъ болѣе легкому и наглядному усвоенію текста. Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ.

Вторая часть извѣстной книги Масперо составлена авторомъ по точно такому же плану, что и первая. Въ рядѣ живыхъ очерковъ она знакомитъ съ бытомъ ассирійцевъ (эпохи Ассурбанипала), съ ихъ религіей, міеологіей, литературой, обрядами, придворной и царской жизнью, военными и мирными занятіями и т. д. Думаемъ, что обѣ части и въ новомъ изданіи встрѣтятъ такой же хорошій пріемъ со стороны русской публики, какъ и ранѣе.

А. Захаровъ.

Извѣстія общества изученія Олонецкой губерніи № 2—3. Стр. 101—212, 1—6. — № 4. Стр. 213—276. — № 5—6. Стр. 1—80. Петрозаводскъ 1914. Цѣна каждой книжки 50 к.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ продолженіе этого симпатичнаго изданія, о первомъ выпускѣ котораго былъ данъ отчетъ въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Содержаніе «Извѣстій» довольно разнообразно. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить горячія статьи г. Журавскаго, указывающія, сколько богатствъ таитъ въ себѣ нашъ Сѣверъ, и какъ надо подступать къ этимъ богатствамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ г. В. В. У. указываетъ (въ № 5—6), что въ Олонецкой губерніи свыше 2.000 озеръ, среди которыхъ разбросано восемнадцать крупныхъ водопадовъ, не считая огромнаго количества мелкихъ, такъ называемыхъ «падуновъ». Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, на рѣкѣ Водлѣ, авторъ описываетъ и даетъ его изображенія. Водопадъ, дѣйствительно, очень красивъ и могучъ; конечно, въ Западной Европѣ къ нему давнымъ-давно были бы проложены и удобные пути сообщенія, а у насъ дорогой до него служить «когда тарантасъ, когда сѣдло, когда лодка, когда ноги»... Священникъ отецъ Д. Островскій печатаетъ во всѣхъ перечисленныхъ выпускахъ еще не законченное обширное и обстоятельное, со многими подстрочными ссылками, изслѣдованіе о Выговской пустыни и ея значеніи въ исторіи старообрядческаго раскола, снабженное любопытными рисунками. Г. С. Дурылинъ въ статьѣ «Древне-русская иконопись и Олонецкій край» (№5—6) напоминаетъ въ краткихъ чертахъ развитіе нашей древней иконописи и даетъ указаніе, какого рода любопытныя старинныя иконы могутъ оказаться въ Олонецкомъ краю. Г. П. Николаевскій (въ № 2—3) пробуетъ объяснить происхожденіе и значеніе названія «Олоонецъ». Предложенное имъ производство этого имени отъ финскихъ словъ *alanne* и *alanko* («низина, низкое мѣсто»), измѣнившихся подъ вліяніемъ «оканья», не кажется особо убѣдительнымъ. Въ заключеніе выражаемъ искреннее пожеланіе, чтобы «Извѣстія» получили возможно широкое распространеніе и заставили обратить вниманіе на разностороннія богатства Олонецкаго края.

М.

Съ 15 апрѣля по 15 мая 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

М. Е. Стожъ. Словарь сибирскихъ писателей, поэтовъ и ченыхъ. Кн-во «Ирисы». 7-е изданіе. Иркутскъ. Годъ не обозначенъ. Стр. 70. Ц. 40 к.

Мысль объ изданіи такого словаря нужно только привѣтствовать; къ сожалѣнію, исполненіе ниже критики. Біографіи полны неточностей и пропусковъ; характеристики и оцѣнки не обоснованы; выборъ дѣятелей случаенъ; въ словарѣ помѣщены біографіи совершенно ничтожныхъ дѣятелей (В. Капуста, Мымринъ и др.); то же можно сказать и о портретахъ. Для «седьмого» изданія, какъ значитса на обложкѣ, такіе промахи и опинки совершенно не простительны.

Дз Стожъ. Сердце и невѣжество. Стихотворенія. Изданіе 4-е, кн-во «Ирисы». Иркутскъ. 1916. Стр. XVI 68. Ц. 30 к.

Единственно, что можно сказать о книжкѣ г-жи Стожъ: «бумага все терпѣть, но стыдно тратить ее на такія книги, когда изданіе хорошихъ серьезныхъ произведеній такъ сильно затруднено въ виду бумажнаго голода...»

С. Стрибожинъ. Рябины гроздья. Стихи. Вологда. 1916. Стр. 63. Ц. не обозн.

Бождаръ. Бубень. Стихи. 2-е изданіе. Кн-во «Лирень». М. 1916. Стр. 42. Ц. 85 к.

Н. Поповъ. Жизнь идетъ. Пгр. Стр. 38. Ц. 25 к., съ пересылкой 40 к.

Авторъ брошюры «Жизнь идетъ», извѣстный летчикъ Н. Поповъ, весною 1910 г. разбился при полетахъ въ

Гатчинѣ и въ теченіе 5 лѣтъ не могъ поправиться; помогло ему леченіе природой, съ которымъ онъ и знакомить читателей. Находя большое сходство въ своей болѣзни съ послѣдствіями отъ раненій, получаемыхъ на войнѣ, авторъ стремится къ тому, чтобы то спасительное леченіе природой, которое помогло ему, примѣнялось и къ нашимъ раненымъ. Брошюра г. Попова представляетъ несомнѣнный интересъ.

Памятники мировой литературы. Творенія Востока. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта со вступительнымъ очеркомъ С. Ольденбурга. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. XXIV 341. Ц. 2 р. 75 к.

Къ 10-лѣтію 1-ой Государственной Думы. Сборникъ статей первоудмцевъ: Н. А. Бородинъ, Л. М. Брамсона, Л. Н. Букейханова, А. В. Васильева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, В. И. Долженкова, И. Н. Ефремова, Я. К. Имшенецкаго, Н. И. Карѣва, крестьянина И. Л., О. Д. Крюкова, В. Д. Кузьмина-Караваява, М. М. Ковалевскаго, В. П. Обинскаго, кн. В. А. Оболенскаго, Н. А. Огородникова, Д. Д. Протопопова, И. И. Рамиивили, О. И. Родичева, кн. Д. И. Шаховскаго, бар. О. Р. Штейнгеля. Изд-во «Огни». Пгр. 1916. Стр. IV 230. Ц. 2 р. 25 к.

Н. В. Рухловъ. Обзоръ рѣчныхъ долинъ горной части Крыма. М. 3-отдѣлъ

земельныхъ улучшеній. Пгр. 1915. Стр. 491. Ц. не обозначена.

Ежегодникъ отбѣла земельныхъ улучшеній. 1914. Годъ шестой. Изд. министерство земледѣлія. Пгр. 1915. Ч. I. Стр. LXIV+345. Ч. II. VII+496. Ц. не об.

Въ составъ первой части Ежегодника вошли: общій обзоръ вѣдомства, законодательство въ области земельныхъ улучшеній, отчетъ о различныхъ работахъ въ Европейской Россіи; вторая часть содержитъ отчеты о подобныхъ же земельныхъ работахъ въ остальной Россіи. Редактированъ сборникъ кн. В. И. Масальскимъ при ближайшемъ участіи Д. С. Флексора. Изданіе снабжено многочисленными иллюстраціями.

Андрей Бѣлый. Петербургъ. Романъ въ 8 главахъ съ прологомъ и эпилогомъ. Пгр. 1916. Стр. 485. Ц. 2 р.

Борисъ Садовской. Ледоходъ. Статьи и замѣтки. Пгр. 1915. Стр. 206. Ц. 2 р. 50 к.

Россія и ея союзники въ борьбѣ за цивилизацію. Изданіе Д. Я. Маковского. М. 1916. Стр. 116. Ц. 2 р. 50 к.

И. Б. Розенфельдъ. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793). Историко-юридическій очеркъ. Изданіе Пгр. Политехническаго Института имп. Петра Великаго. Пгр. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ стремится освѣтить съ историко-юридической стороны мало разработанный въ нашей наукѣ вопросъ о соединеніи Малороссіи съ Россіей. Съ этой точки зрѣнія попытка г. Розенфельда заслуживаетъ вниманія, т. к. послѣ бар. Нольде, отчасти коспувшагося вопроса о присоединеніи Украйны, въ нашей исторической наукѣ никто специально не работалъ надъ такой задачей.

В. И. Ламанскій. Три міра Азіяско-Европейскаго материка. Посмертное (второе) изданіе учениковъ автора, съ портретомъ его, подъ ред. и съ предисл. Г. М. Князева. Пгр. 1916. Стр. XX, 152. Ц. не обозначена.

Нельзя не привѣтствовать вполнѣ своевременную перепечатку изъ «Славянскаго Обзорнія» (1892 г.) настоящей статьи, принадлежащей неумолимому защитнику нашей національной самобытности и національнаго славянскаго самосознанія. Почившій въ началѣ великой войны (19 ноября 1914 г.) ученый уже давно, съ середины 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, настойчиво твердилъ про вѣковѣчную угрозу славянству со стороны европейскаго Запада, особенно германизма, а въ пе-

чатасмой нынѣ работѣ прямо указывалъ на опасность наступательной войны Германіи и Австро-Венгріи съ Россією.

Книга издана весьма опротно и снабжена цѣнной вступительной статьей г. Князева, содержащей, между прочимъ, перечень и другихъ аналогичныхъ настоящей работъ В. И. Ламанскаго, изданіе которыхъ, хотя бы въ выдержкахъ, было бы весьма желательно.

Памятники мировой литературы. Персидскіе лирики X—XV вв. Съ персидскаго языка перевелъ акад. Э. Коршъ, послѣ его смерти проредактировалъ и вступительную статью снабдилъ проф. А. Крымскій, М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. XXXIX+126. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. А. М. Евлаховъ. Кто получаетъ пощечины въ новой драмѣ Л. Андреева. Ростовъ на Дону. 1916. Стр. 23. Ц. 30 к.

П. Митрофановъ. Леопольдъ II Австрійскій. Вѣшняя политика. Т. I. Ч. I. Пгр. 1916. Стр. 464. Ц. не обознач.

Записки декабриста И. П. Горбачевскаго. Съ приложеніемъ и со вступительной статьей Б. Е. Сырофьковскаго. Библиотека мемуаровъ. Вып. II. Кн-во «За друга». М. 1916. Стр. XXXIV+323. Ц. 2 р.

Пряникъ осиротѣвшимъ дѣтямъ. Сборникъ въ пользу убѣжища «Дѣтская помощь». Ред.-изд. А. Д. Барановская. Пгр. 1916. Стр. 153. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій Виктора Ивановича григоровича (1864—1866 г.). Изданіе историко-филологическаго о-ва при Имп. Новороссійскомъ университетѣ подъ ред. М. Г. Попруженко. Одесса. 1916. Стр. XXXIII+450. Ц. не обознач.

Н. Ефимовъ. Вѣчный рыцарь. Памяти Сервантеса. 1616—1916. (отгискъ изъ №№ 90 и 91 «Рижскаго Вѣстника» за 1916 г.). Стр. 12. Ц. не обозначена.

Вышедшая по поводу 300-лѣтія со дня смерти Сервантеса брошюра г. Ефимова въ легкой общепонятной формѣ напоминаетъ личность и твореніе великаго испанскаго писателя, знакомитъ со взглядами выдающихся критиковъ на Донъ-Кихота и проводитъ весьма мѣткую литературную параллель между Ламанскимъ рыцаремъ и нѣкоторыми героями нашей литературы.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—своему основателю. Пгр. 1916. Стр. 241. Цѣна 2 р. Складъ въ кн-вѣ П. П. Сойкина.

Л. Бертенсонъ и Д. Никольскій. Краткое руководство по подаии первой помощи при несчастных случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Изданіе К. Л. Рикера. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. 75 к.

Настоящая книга содержитъ такіа основныя свѣдѣнія, при усвоеніи которой всякій грамотный человекъ получаетъ возможность оказать первую помощь при несчастномъ случаѣ или внезапно заболѣваніи. На достоинство этой полезной небольшой книжки указываетъ Горный ученый Комитетъ, одобрившій ее для пользованія на горныхъ промыслахъ и заводахъ.

Л. Бертенсонъ. Необходимъ ли Петрограду медицинскій факультетъ и ощущается ли въ Россіи нужда во врачахъ. Пгр. 1916. Стр. 25. Ц. 30 к.

Основная мысль, которую проводитъ въ данной брошюрѣ Л. Б. Бертенсонъ, такова: наше государство безусловно нуждается въ медицинскомъ факультетѣ—и не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ. Ихъ необходимо создать въ возможно ближайшій срокъ. На первую же очередь слѣдуетъ поставить учрежденіе медицинскаго факультета въ Петроградѣ при здѣшнемъ университетѣ.

Д. А. Марковъ. Родная исторія. Учебникъ для высш. начал. училища и млад. классовъ средн. учебн. заведеній. М. 1916. Стр. XVI 212. Ц. 90 к.

Д. А. Марковъ. Тетрадь для самостоятельныхъ работъ по изученію исторіи мѣстнаго класса (для учащихся старш. классовъ, учителей начал. училищъ и любителей старины). Съ рис. и картами въ текстѣ. М. 1916. Стр. 52. Ц. 40 к.

Надежда Броницкая. Отголоски войны. Стихотворенія. Пгр. 1916. Стр. 128. Цѣна 80 к.

Отчетъ по устройству состоявшей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Принца А. П. Ольденбургскаго Всероссийской Гигіенической выставки въ Петроградѣ въ 1913 г. Составленъ М. С. Оницканскія и П. М. Алексѣевымъ подъ ред. П. Н. Булатова. Пгр. 1915. Стр. 248+253. Ц. не обозначена.

П. Струве. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Ч. II. Вып. II. Изданіе В. П. Рябушинскаго. М. 1916. Стр. 108. Ц. 2 р.

Д. С. Шилкинъ. Искусство и мистика. (Друзьямъ А. Н. Скрябина). Пгр. 1916. Стр. 15. Ц. 40 к.

Въ обширной литературѣ о Скрябинѣ брошюра г. Шилкина должна быть отмѣчена, какъ любопытная попытка освѣтить значеніе дѣятельности этого композитора, отбросивъ въ сторону ненужный диоирамбическій балластъ, который затемняетъ писанія неумѣренныхъ и неустовыхъ друзей покойнаго Н. А.

А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о немъ. Пгр. 1916. Стр. LIV+118. Ц. 2 р.

И. Бороздинъ. Московскій профессоръ-гуманистъ Николай Ильичъ Стороженко. (Къ 10-лѣтію со дня смерти). М. 1916. 16. Стр. 26. Цѣна 40 к.

Изящно изданная небольшая брошюра г. Бороздина напоминаетъ (а это необходимо, такъ какъ забывать мы умѣемъ особенно скоро) симпатичную личность знаменитаго шекспиролога и историка всеобщей литературы Н. И. Стороженко. Онъ учился и дѣйствовалъ въ блестящую пору московскаго университета: учителями Стороженка были Грановскій, Кудрявцевъ, Буслаевъ, товарищами-студентами братья Веселовскіе, Герье и Котляревскій, товарищами-профессорами Ключевскій, Тихомировъ, Коршъ, Герье, Миллеръ, кн. Трубецкой. Много потрудился также Стороженко для Румянцовскаго музея, гдѣ онъ былъ бібліотекаремъ.

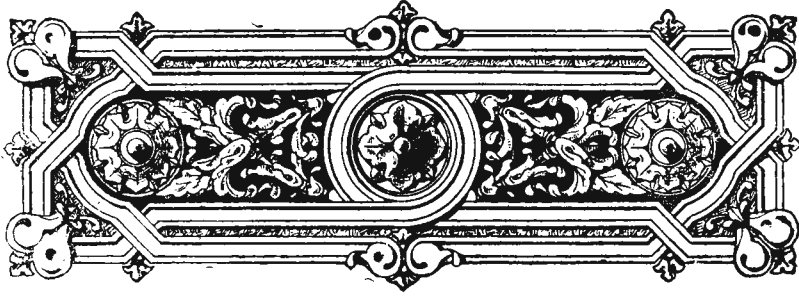
А. Л. Иконникова. Кіевъ, какъ мать городовъ русскихъ. Историческій путеводитель по Кіеву съ приложеніемъ плана древняго Кіева. Изданіе Кіевскаго общества распространенія русскаго печатнаго слова. Кіевъ. 1916. Стр. 55. Цѣна 30 к.

Въ небольшой брошюрѣ г-жа Иконникова удачно сумѣла воспроизвести главнѣйшія историческія свѣдѣнія о кіевской старинѣ. Русскіе туристы не избалованы подробными путеводителями, почему съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту хорошую и полезную книгу.

Г. Е. Натанавъ. Историческая справка о томъ, какъ и когда основанъ городъ Омскъ. (Къ 200-лѣтнему юбилею города). Омскъ. 1916. Стр. 15. Ц. не обознач.

Савва Чукаловъ. Сумерки. Пѣсни сердца. Пгр. 1916. Стр. 48. Ц. 60 к.

И. Б. Смольяниновъ. Защитный пѣтъ. Военные разказы. Изданіе М. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 296. Ц. 2 р.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

(Архієпископъ Никаноръ по вопросу о свѣтскихъ наградахъ духовенству. — Скобелевъ и Н. О. Розенбахъ.—Расколь въ Заволжскомъ краѣ).

Служебно-государственный характеръ русскаго православнаго духовенства, умалявшій его церковно-нравственный авторитетъ, уже въ царствованіе императора Александра III былъ предметомъ обсуждения въ перепискѣ, печатающейся въ «Р. Архивѣ», такихъ представителей церковной власти, какъ знаменитый оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ и не менѣе извѣстный архієпископъ херсонскій Никаноръ. «Если бы въ желаніи возвысить нравственный авторитетъ русскаго православнаго духовенства, въ видахъ сдѣлать его менѣе искательнымъ предъ свѣтскими, болѣе независимымъ нравственно и энергичнымъ,—писалъ Побѣдоносцеву архієпископъ Никаноръ:—если бы въ этихъ видахъ освободить его болѣе или менѣе, или же совсѣмъ, отъ государственныхъ прерогативъ и религіи, титуловъ, орденовъ и т. п., то можно ли надѣяться, что оно станетъ походить по энергии на римско-католическое или даже на англійское епископальное духовенство, а не на нынѣшнее греческое или же австрійское-православное?.. Другая исторія, другая судьба, другой духъ, другія возможности церкви. Кто въ русскомъ православномъ духовенствѣ откажется пожелать взять на свои плечи судьбу Аѳанасія или Василія Великихъ, Григорія Богослова или Іоанна Златоустаго, или же русскихъ патріарховъ Никона и Адріана, или же злосчастныхъ Теофилакта Лопатинскаго, Арсенія Маціевича? Не благонадежныѣ ли слѣдовать по стопамъ Стефана Яворскаго, Платона и

Филарета Московскаго, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора и предмѣстниковъ его? Можно ли надѣяться устраненіемъ «царскихъ» наградъ,—до сихъ поръ всякій, даже камчатскій іерей, даже въ скуфѣ, дорожить именно «царскою» наградой и горячо молить Бога за Царя, какъ за личнаго своего благодѣтеля, и ложится въ гробъ съ «царскою» наградой, какъ украшеніемъ своей жизни,—для духовенства устраненіемъ личной признательности его царю (я поминаю Александра II между личными моими благодѣтелями) крѣпче привязать его на царскому престолу? Одна историческая опора престола дворянство—рухнула, теперь усиливается ее поднять. Нужно ли пособить тому, чтобы и другая историческая же опора престола—духовенство—рухнула же? Если государство почти ничего больше уже не можетъ дать, то полезно ли теперь для самого государства отнять и то немногое, что осталось? Было, да сплыло; давали, да отняли, скажетъ будущее. Устраненіе греческаго духовенства отъ свѣтскихъ украшеній: «крестъ Христовъ—свѣтское украшеніе». А если не болѣе, какъ свѣтское украшеніе, то мѣсто ли на немъ Христову кресту? Мѣсто ли Христову Кресту подъ фалдами фрака у свѣтскихъ? Не умѣстиѣ ли, не священнолѣннѣ ли орденскому кресту украшать собою перси архіерея Божія, вѣрнѣйшаго царскаго слуги и богомольца? Здѣсь орденскій крестъ—не свѣтское украшеніе, а священнѣйшее знаменіе высочайшаго благоволенія помазанника Божія благоговѣйнѣйшему чителю и носителю креста Христова. Такъ, устраненіе греческаго духовенства отъ всякихъ орденскихъ украшеній возвысило ли его въ глазахъ своихъ и чужихъ? Удобенъ ли греческій митрополитъ, который являлся въ Одессѣ, собирая милостыню, въ черной суконной рясѣ, въ черной греческой камилавкѣ, даже безъ креста и панагии на груди? Какъ отнесся бы къ своему русскому митрополиту въ подобномъ же видѣ православный русскій народъ, какъ отнесется всякій становой, какъ отнесется г-нъ Роопъ (одесскій генераль-губернаторъ реформатскаго вѣроисповѣданія)? Не это ли и направило человѣческую немощь греческаго духовенства къ выдающейся жадной погонѣ за «хримата» (по-русски за деньгой)?

Этотъ отзывъ преосвященнаго Никанора, яркаго выразителя государственной идеи въ русской церковной жизни и противника отдѣленія церкви отъ государства, вызванъ былъ распоряженіемъ Синода о ношеніи духовными лицами орденскихъ знаковъ во время богослуженія. Неизвѣстно, что отвѣчалъ Никанору Побѣдоносцевъ, заботившійся именно о этомъ, чтобы сдѣлать православную іерархію безгласнымъ орудіемъ въ рукахъ оберъ-прокурора Синода. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ съ удовольствіемъ видѣть, что такой просвѣщенный и крѣпкій умъ, какъ умъ архіепископа Никанора, проникся уваженіемъ къ бюрократической оцѣнкѣ церковныхъ заслугъ, противъ которой возставалъ съ самаго начала знаменитый митрополитъ московскій Платонъ, мужественно отказывавшійся, изъ уваженія къ духовному сану своему, принять орденъ св. Андрея Первозваннаго изъ рукъ самого грознаго императора Павла. А между тѣмъ архіепископъ Никаноръ даже Платона обвиняетъ въ угодничествѣ предъ властью... Указывая постоянно власти на ея не всегда попечительное отношеніе къ интересамъ и достоинству церкви, архіепископъ Никаноръ, между тѣмъ, именно въ ней видѣлъ источникъ ея обновленія. Странно читать даже

въ письмахъ его къ К. П. Побѣдоносцеву его жалобу на отношеніе русскаго правительства къ протесту нѣмецкихъ пасторовъ Миттендорфа, Меттсгера, Навиля и др. по поводу остзейскихъ дѣлъ, обращенную къ русскому императору и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. «Вотъ кн. Бисмаркъ,—пишетъ Никаноръ Побѣдоносцеву,—довольно-таки притѣсняетъ познанскихъ поляковъ по части даже вѣры. А Т. И. Филипповъ да Н. В. Елагинъ да архіепископъ херсонскій написали бы и подписали бы, и напечатали, и послали бы почтительный протестъ по поводу познанскихъ дѣлъ его величеству императору Вильгельму и его свѣтлости князю Бисмарку,—что сдѣлалъ бы сей послѣдній? Правъ ли я, думая, что много чести оказалъ бы онъ намъ, если бы, кидая въ корзину отбросныхъ бумагъ наше бумагомараніе, сказалъ бы: «Чудаки какіе-то тамъ!..» И если бы это узнано было въ Россіи, что сказалъ бы по поводу этой выходки оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ частности архіепископу херсонскому? А у насъ по поводу остзейскихъ дѣлъ не писалъ ли самооправдательную ноту господину Навилю и К^о самъ министръ иностранныхъ дѣлъ господинъ Гирсъ?» Нѣтъ сомнѣнія, что Побѣдоносцевъ лишь улыбался наивности и государственной неопытности херсонскаго владыки, мало понимавшаго значеніе нѣмецкаго элемента въ Россіи и русскомъ правительствѣ.

Съ какимъ уваженіемъ и осторожностью относились въ то время къ нѣмцамъ въ Россіи, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и печатаемыя въ «Р. Старинѣ» записки начальника штаба петѣрбургскаго военнаго округа, впоследствии туркестанскаго генераль-губернатора, Николая Оттовича Розенбаха. «Въ началѣ 1882 года,—пишетъ онъ,—чуть-чуть не разразился въ войскахъ гвардейскаго корпуса эпизодъ, который могъ имѣть весьма серьезныя политическія послѣдствія. Въ Петербургъ пріѣхалъ генераль-адъютантъ М. Д. Скобелевъ, послѣ воинственныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Парижѣ. Пользуясь знакомствомъ съ прапорщикомъ л-гв. Конно-Гренадерскаго полка Ушаковымъ, состоявшимъ при немъ ординарцемъ во время Ахаль-Текинской экспедиціи, онъ напросился (sic) на обѣдъ въ военное собраніе Конно-Гренадерскаго полка. Командиръ полка, генераль-майоръ Тевяшевъ, предвидя намѣреніе М. Д. Скобелева произнести въ собраніи воинственную рѣчь, подобную сказанной въ Парижѣ, взялъ съ генерала слово, что во время обѣда политическихъ рѣчей не будетъ произнесено. Михаилъ Дмитріевичъ, хотя неохотно, подчинился этому требованію. Такимъ образомъ все обошлось благополучно во время обѣда.

«По окончаніи обѣда генераль Тевяшевъ отправился домой, генераль же Скобелевъ остался въ военномъ собраніи и пригласилъ тутъ офицеровъ полка на другой день къ себѣ обѣдать въ гостиницу Дононь, при чемъ предполагалось всѣмъ офицерамъ, имѣя во главѣ генерала Скобелева, слѣдовать верхами изъ Петергофа въ Петербургъ прямо въ гостиницу Дононь, *причемъ путь лежалъ по Большой Морской, мимо дома германскаго посольства*. Обѣдъ долженъ былъ состояться 10 марта, т. е. въ день рожденія императора Вильгельма, причемъ генераль Скобелевъ, какъ хозяинъ, никѣмъ не стѣсненный, *не преминулъ бы*, конечно, сказать политическую рѣчь; и въ тотъ день, когда русскій императоръ,

пригласившій на обѣдъ въ Гатчину германское посольство, чествовалъ императора Вильгельма, генераль-адъютантъ его, въ средѣ офицеровъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, *произносилъ бы* воинственную рѣчь противъ Германіи.

«Офицеры л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка, конечно, не понимали значенія предполагаемой демонстраціи и, находясь подъ обаяніемъ генерала Скобелева, умѣющаго, какъ никто, наэлектризовать молодежь, были въ восторгѣ отъ сдѣланнаго приглашенія, но заявили, что безъ разрѣшенія командира полка они его принять не могутъ. Немедленно старшій въ полку штабъ-офицеръ отправился для доклада къ генералу Тевяшеву. Генераль Тевяшевъ, вполнѣ понимая, какія могли быть послѣдствія, если бы приглашеніе было принято, но, съ другой стороны, не желая оскорбить заслуженнаго генерала отказомъ, принялъ весьма остроумное рѣшеніе. Онъ поручилъ штабъ-офицеру передать генералу Скобелеву и офицерамъ, что онъ, Тевяшевъ, уѣхалъ въ Петербургъ, причѣмъ штабъ-офицеръ этотъ долженъ былъ отъ себя прибавить, что, не имѣя разрѣшенія командира полка, приглашеніе на обѣдъ не можетъ быть принято. Получивъ этотъ отвѣтъ, генераль Скобелевъ отправился немедленно на квартиру генерала Тевяшева, и когда прислугою ему было доложено, что генераль уѣхалъ въ Петербургъ, просилъ доложить о себѣ супругѣ генерала Тевяшева съ тѣмъ, чтобы просить ее телеграфировать въ Петербургъ мужу о сдѣланномъ имъ, Скобелевымъ, приглашеніи на обѣдъ. Генеральша Тевяшева, наученная мужемъ, поручила передать Михаилу Дмитріевичу, что въ отсутствіе мужа она лишена возможности принять незнакомое ей лицо.

«Такимъ образомъ задуманная затѣя не состоялась, и генераль Скобелевъ возвратился въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

«На другой день пріѣхалъ ко мнѣ генераль Тевяшевъ съ докладомъ о случившемся наканунѣ. Я выразилъ ему полное одобреніе, но въ виду возможности событія поѣхалъ немедленно въ Царское Село для доклада великому князю Владимиру Александровичу о случившемся. Его высочество долженъ былъ выѣхать въ этотъ день съ великой княгиней за границу, и, когда онъ сѣлся въ вагонъ, я остановилъ его, прося выслушать меня. Великій князь, раздѣляя вполнѣ мое мнѣніе, разрѣшилъ мнѣ выразить генералу Тевяшеву открытой телеграммой полнѣйшее одобреніе его высочества. Въ этотъ же день былъ вечеръ у графа Шувалова (командира гвардейскаго корпуса), гдѣ присутствовали начальники отдѣльныхъ гвардейскихъ частей. Предполагая, что генераль Скобелевъ попытается сдѣлать въ какой-либо другой части нѣчто подобное, сдѣланное имъ (?) въ Конно-Гренадерскомъ полку, я поѣхалъ на вечеръ къ графу Шувалову, гдѣ рассказалъ ему и начальникамъ частей бывший наканунѣ эпизодъ (т. е. приглашеніе обѣдать?) и что дѣйствія генерала Тевяшева были вполнѣ одобрены великимъ княземъ, командующимъ войсками.

«Получившій такой отпоръ генераль Скобелевъ не рѣшился посѣтить какую-либо другую гвардейскую часть, но поѣхалъ къ военному министру генераль-адъютанту Ванновскому съ жалобой на генерала Тевяшева. Генераль-адъютантъ Ванновскій, не сообразивъ, какія бы были послѣдствія, если бы предложенныя Скобелевымъ (?) демонстраціи осуществились, потребовалъ къ себѣ генерала Тевяшева и выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу случившагося.

Узнавъ объ этомъ отъ генерала Тевяшева и желая его выгородить, я при первой встрѣчѣ съ военнымъ министромъ довелъ до его свѣдѣнія, что великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ дѣйствія генерала Тевяшева одобрены вполне. Этимъ дѣло и кончилось».

Надо прибавить, что въ Парижѣ Скобелевымъ произнесена была сербскимъ студентамъ знаменитая рѣчь на тему, что «общій врагъ нашъ—нѣмецъ», при этомъ онъ прибавилъ, что и въ самой Россіи «мы, русскіе, не хозяева у себя дома» также вслѣдствіе вліянія нѣмцевъ. Такая рѣчь, произнесенная русскимъ народнымъ героемъ, не могла прійтись по душѣ петербургскимъ нѣмцамъ, и они подняли тревогу. Естественно было имъ бояться сношеній, хотя бы самыхъ невинныхъ, популярнаго генерала съ гвардейскими частями, гдѣ были на службѣ въ небольшомъ, правда, количествѣ, даже германскіе подданные, и въ простомъ желаніи Скобелева отплатить обѣдомъ конно-гренадерамъ они увидѣли покушеніе его устроить нѣмцефобскую демонстрацію. Не разрѣшить офицерамъ быть на обѣдѣ у Скобелева, что не могло остаться тайной, значило нанести заслуженному генералу тяжкое оскорбленіе, являвшееся якобы достойнымъ возмездіемъ за его парижскую рѣчь. Случай этотъ, рассказанный самимъ Н. О. Розенбахомъ, разъясняется другимъ случаемъ, изложеннымъ покойнымъ генераломъ П. Д. Паренсовымъ въ его книгѣ «Изъ прошлаго». П. Д. Паренсовъ, бывший подъ Плевной начальникомъ штаба у Скобелева, а затѣмъ болгарскимъ военнымъ министромъ, какъ разъ въ 1882 году долженъ былъ искать себѣ мѣста послѣ ухода изъ Болгаріи, послѣ разлада съ кн. Александромъ Баттенбергомъ, и былъ направленъ къ Розенбаху, какъ начальнику штаба петербургскаго военного округа. Имя Паренсова, какъ сподвижникъ Скобелева, было уже извѣстно всей Россіи. Розенбахъ, однако, принялъ его высокомерно и, выслушавъ его просьбу, отвѣтилъ лишь слѣдующими словами: «мы вашей службы не знаемъ». Паренсовъ успѣлъ достигнуть своей цѣли лишь благодаря заступничеству того же «не соображавшаго» Ванновскаго.

Въ статьѣ «Разсадники раскола на Уралѣ» («Р. Архивъ») документально устанавливается, что всѣ полицейскія мѣропріятія противъ раскола были безсильны прежде всего потому, что покрывала раскольниковъ сама полиція за соотвѣтственную мзду. Съ точки зрѣнія провинціальныхъ администраторовъ, даже самыхъ высшихъ ранговъ, цѣнность этихъ мѣропріятій опредѣлялась большей или меньшей возможностью брать за послабленія противъ нихъ взятки въ томъ или другомъ количествѣ. Въ особенности поборамъ администраціи подвергались въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка старовѣры въ Заволжскомъ краѣ, гдѣ само правительство запрещало, съ цѣлью привлечь насельниковъ въ эти пустынные мѣста, преслѣдовать ихъ за религіозныя убѣжденія, поставивъ лишь въ обязанность мѣстнымъ властямъ наблюдать за тѣмъ, чтобы они не совращали въ расколъ православныхъ. Несмотря на то, старовѣры явились самой доходной статьей не только полиціи, но и высшихъ чиновъ губерніи. «Сами губернаторы иногда не брезговали прикрывать ихъ незаконные поступки и покровительствовали распространенію раскола. Въ лѣтописяхъ Заволжскаго края сохранилось нѣсколько свѣ-

дѣній о такихъ ихъ зазорныхъ дѣйствіяхъ. По словамъ подполковника Кузьмина-Караваева, начальникъ Саратовской губерніи, д. с. с. Игнатьевъ, чинилъ ему въ 1857 году всякія препятствія къ поимкѣ лжеепископа Аванасія и способствовалъ его укрывательству. Самарскій губернаторъ, т. сов. Волховской, покровительственно относился къ мѣстнымъ богатымъ расколникамъ Абачину, Силантьеву и Кузнецову и дѣлалъ все въ ихъ пользу, позволяя открыто проповѣдывать въ Самарѣ старообрядчество; онъ даже разрѣшилъ открыть ихъ часовню, запечатанную командированнымъ изъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ чиновникомъ. Но больше различныхъ грѣшковъ числилось за оренбургскимъ (въ Уфѣ) гражданскимъ губернаторомъ Іосифомъ Львовичемъ Дебу, на котораго не разъ поступали жалобы и доносы высшему начальству. При немъ полиція, не стѣняясь, брала взятки. Этимъ особенно отличался бузулукскій исправникъ Марычевъ, у котораго для этой цѣли имѣлись особенные агенты. О дѣйствіяхъ Марычева было донесено въ Петербургъ и, по распоряженію шефа жандармовъ графа Бенкендорфа, было наряжено слѣдствіе. Но оно велось изъ рукъ очень плохо. Оно кончилось тѣмъ, что сами слѣдователи взяли съ Марычева за прекращеніе дѣла 20 тысячъ рублей, и онъ остался обѣзненнымъ.

У крестьянъ была одна надежда на гр. Бенкендорфа. «А гражданскому (губернатору) и не ниши,—говорили они между собой.—Онъ самъ первый грабитель, по 50 руб. беретъ, а жена его то же дѣлаетъ и сильно всѣхъ грабителей защищаетъ». По губерніи носились слухи, что исправники состояли у него на арендѣ и были обложены: «одни по 2 т. руб. въ годъ, а въ хорошихъ уѣздахъ 3—4 т. руб. ему платятъ». Рассказывали, будто Дебу хотѣлъ собрать, «покаместъ губернаторомъ», 100 тыс. руб., чтобы «заплатить долгъ». Слухи эти не отрицалъ и полковникъ Масловъ въ своемъ представленіи гр. Бенкендорфу.

Однако, когда отъ него были потребованы объясненія по этому поводу, онъ, ссылаясь на свою 35-лѣтнюю службу, счелъ для себя унижительнымъ оправдываться «противъ гнусной лжи неизвѣстнаго клеветника», обвинивъ полк. Маслова въ незаконномъ представленіи этого «пасквиля» графу, минуя его, губернатора. Возмущенный «новымъ» на него доносомъ, онъ издалъ курьезное объявленіе, предлагая награду тому, кто разыщетъ автора «онаго», чтобы, видимо, расправиться съ нимъ «по-свойски», и предписалъ совѣтнику губернскаго правленія Иконникову произвести строжайшее о томъ разслѣдованіе, окончившееся, конечно, безъ положительныхъ результатовъ.

Губернаторскія угрозы стереть съ лица земли клеветниковъ и доносчиковъ ничуть не уменьшили обывательскихъ разговоровъ о его зазорныхъ дѣяніяхъ. Уфимцы говорили о нихъ открыто и дома, и на улицахъ, и даже въ присутственныхъ мѣстахъ.

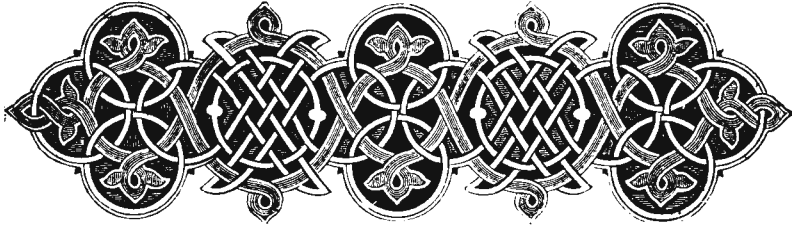
Въ концѣ концовъ жалобы уфимцевъ достигли своей цѣли, и Дебу, несмотря на свои происки и уловки, все-таки попался и въ 1835 г. былъ уволенъ отъ службы за неблаговидные поступки.

Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ и отсутствіи всякой разумной

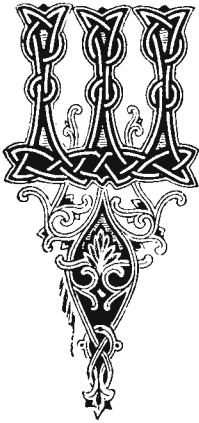
со стороны православныхъ архипастырей инициативы для религіозно-правственнаго подъема народа явилось полное отчужденіе отъ православія не только раскольниковъ, но и многихъ родившихся въ православіи, но увлеченныхъ невозбранной проповѣдью расколоучителей. Церквей въ Заволжскомъ краѣ было такъ мало, что къ нѣкоторымъ приходамъ приписано было по 16 тысячъ душъ, и прихожане жили за 40 и болѣе верстъ отъ церкви, и священники посѣщали ихъ очень рѣдко. Оттого случалось, что за исправленіемъ церковныхъ требъ православные обращались къ расколичьимъ попамъ и такимъ образомъ невольно совращались въ расколъ.

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕКСПИРОВСКІЙ вопросъ въ новой фазѣ. — Исполнившееся въ апрѣлѣ трехсотлѣтіе со дня смерти Шекспира заставило шекспирологовъ пересмотрѣть темные вопросы въ біографіи великаго поэта. Сводку этого пересмотра въ новой литературѣ даетъ статья Фирмена Роза во второй апрѣльской книжкѣ «Revue de deux Mondes».

Какъ извѣстно, біографія Шекспира явилась въ 1709 г., т. е. спустя почти сто лѣтъ со дня его смерти. Авторомъ ея былъ Николай Роу. За отсутствіемъ подробныхъ и проверенныхъ свѣдѣній о Шекспирѣ, какъ Роу, такъ и другіе первые его біографы пользовались сохранившимися и дошедшими до нихъ разсказами и преданіями, а иногда не стѣснялись прибавлять и свои собственныя измышленія.

Такъ, напримѣръ, въ 1763 г. была сфабрикована біографія Шекспира нѣкимъ Джоржемъ Стивенсомъ. Поддѣлки и произвольныя дополненія продолжались и въ XIX вѣкѣ и въ сороковыхъ годахъ достигли своего апогея въ писаніяхъ англійскаго историка литературы Колльера.

Рядомъ съ измышленными подробностями изъ жизни поэта зарождалось и сомнѣніе въ томъ, кого слѣдуетъ считать авторомъ произведеній, носящихъ имя Шекспира. Уже въ концѣ XVIII вѣка въ «Эдинбургскомъ Журналѣ» появилась статья, доказывавшая, что авторомъ этихъ произведеній ни въ коемъ случаѣ не могъ быть Шекспиръ. Мысль эта была подхвачена въ Америкѣ, гдѣ съ 30 годовъ прошлаго вѣка развивалась на эту тему цѣлая литература, особенно оживившаяся, когда въ 1855 году нѣкая миссъ Дэлія Бэконъ выступила съ гипотезой, что авторомъ произведеній, приписываемыхъ Шекспиру, былъ

на самомъ дѣлѣ не этотъ темный актеръ, а извѣстный ученый и государственный дѣятель, современникъ Шекспира, Бэконъ Веруламскій.

«Бэконіанцы» напирали главнымъ образомъ на несоответствіе между скромной личностью Шекспира, какъ они его знали по документамъ, и той широкой образованностью, какая проявляется въ приписываемыхъ ему твореніяхъ. Историческій Шекспиръ—это невѣжественный, полуграмотный мѣщанинъ изъ Стратфорда, игравшій въ труппѣ Барбиджа и подъ конецъ жизни вернувшійся на родину, гдѣ торговалъ мукой, солодомъ, молокомъ и давалъ деньги подъ проценты. Актеры того времени не занимали въ обществѣ того положенія, которое они имѣютъ теперь. Тогда это были паріи, считавшіеся общественными отбросами, кочевавшіе изъ одного трактира въ другой. Какое же можетъ быть міросозерцаніе у человѣка, всю жизнь вращавшагося въ такой средѣ?

А между тѣмъ изъ твореній Шекспира мы видимъ, что ихъ авторъ—настоящій государственный человѣкъ, тонко знающій дворъ, юристъ, которому прекрасно извѣстенъ современный юридическій языкъ. Такія вещи могъ написать только человѣкъ, много читавшій, много путешествовавшій, много издавшій на своемъ вѣку и во всякомъ случаѣ знакомый съ классической древностью и новыми языками. Возможно ли предполагать такія обширныя знанія у Шекспира? А между тѣмъ Бэконъ какъ разъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ. Этотъ великій философъ отличался огромной эрудиціей, много путешествовалъ, стоялъ близко къ двору. Его краснорѣчіе было таково, что, слушая его, люди опасались только одного: что онъ скоро кончитъ свою рѣчь. Изъ всѣхъ современниковъ Шекспира только онъ одинъ могъ обладать такимъ обширнымъ лексикономъ словъ. Проф. Максъ Мюллеръ сдѣлалъ подсчетъ, что простой фермеръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 500 словъ, у Теккерея ихъ 5000, у Мильтона 7000, у Шекспира 15000.

Не довольствуясь такими общими соображеніями, «бэконіанцы» выдвигаютъ цѣлый рядъ конкретныхъ указаній, которыя, по ихъ мнѣнію, выдаютъ въ произведеніяхъ Шекспира руку Бэкона. И тотъ и другой не особенно сочувствуютъ народоправству и являются сторонниками королевскихъ прерогативъ («Генрихъ IV», «Коріоланъ» и др.) Ни тотъ, ни другой, занимаясь королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, даже не упоминаютъ о важнѣйшемъ событіи его царствованія—дарованіи баронамъ Великой хартіи вольностей.

Или вотъ еще соображеніе: Въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви» ясно видно прекрасное знакомство автора этой комедіи съ французскимъ дворомъ Генриха IV. Какъ разъ въ восьмидесятихъ годахъ XVI вѣка, когда вышло это произведеніе, Бэконъ и былъ во Франціи, гдѣ его братъ Антоній Бэконъ жилъ въ качествѣ дипломатическаго представителя Англій.

Далѣе, въ «Генрихѣ IV» въ діалогѣ Плантагенета и Суффолька есть мѣста, прямо свидѣтельствующія, что автору хроники были прекрасно извѣстны внутренніе порядки *Innec Temple*, т. е. весьма замкнутой корпораціи англійскихъ юристовъ. Подробности эти никоимъ образомъ не могли быть извѣстны публикѣ, а тѣмъ болѣе какому-то актеру. Наоборотъ, Бэконъ, несомнѣнно, зналъ внутренній строй этой корпораціи, такъ какъ принадлежалъ къ другой такой же кор-

пораціи Grey Inn, въ стѣнахъ которой онъ провелъ большую часть своей жизни.

Домысли «бэконіанцевъ» получили новое подкрѣпленіе въ 1883 году, когда мистриссъ Поттъ опубликовала записную книжку Бэкона, хранившуюся въ Британскомъ музеѣ. Въ эту книжку Бэконъ заносилъ нѣкоторыя мысли, приходившія ему въ голову, пословицы, удачныя словца, наконецъ цѣлыя латинскія и французскія фразы и отдѣльныя греческія слова. Г-жа Поттъ доказываетъ, что эти записи служили литературнымъ матеріаломъ для мнимаго Шекспира и, притягивая за волосы различныя мѣста изъ его твореній, пытается доказать, что Шекспиръ—это псевдонимъ Бэкона, что великій канцлеръ, не желая себя компрометтировать своей драматургіей и опасаясь взята на себя отвѣтственность передъ королевой и сильными міра сего, если его пьесы не понравятся, вошелъ въ соглашеніе съ этимъ мелкимъ актеромъ, въ силу котораго тотъ и выдавалъ себя за автора этихъ произведеній.

Пущенная въ этомъ направленіи мысль съ особенной силой продолжала работать въ Америкѣ. Въ 1887 г. появилась книга нѣкоего Игнатія Донелли, который повѣдалъ міру, что ему удалось открыть въ шекспировскихъ твореніяхъ шифръ, которымъ пользовался Бэконъ. На это открытіе навело Донелли опубликованіе нѣкоторыхъ бумагъ Бэкона, въ которыхъ между прочимъ найдены два заглавія шекспировскихъ пьесъ «Ричардъ II» и «Ричардъ III», нѣкоторые стихи изъ поэмы «Лукреція» и, что особенно важно, средневѣковое латинское слово *honorificabilitudo*. Вотъ это-то слово и послужило ключомъ къ раскрытію бэконіанскаго шифра. Выдѣливъ слова, напечатанныя у Шекспира курсивомъ или въ тире, Донелли получилъ слѣдующій стихъ, рѣшающій, по его мнѣнію, весь вопросъ:

Hi ludi, F. Baconis nati, tuiti orbi, т. е. этимъ пьесы, дѣти Ф. Бэкона, сохранены для міра.

Нечего и говорить, что расшифровка Донелли — а произвола. Пользуясь его приемами и ключомъ, одинъ англійскій критикъ доказывалъ не менѣе убѣдительно, что романы Теккерея написаны не кѣмъ инымъ, какъ Гладстономъ.

Гораздо серьезнѣе является сомнѣніе бэконіанцевъ въ томъ, откуда у простого актера могли явиться такія юридическія познанія, какія обнаруживаетъ Шекспиръ. Это сомнѣніе привело къ образованію особой группы писателей, т. н. «юристовъ-скептиковъ» (*the legal sceptics*), во главѣ съ судьей Уэббомъ, которые отказываются допустить авторство Шекспира, но не пытаются въ то же время рѣшать вопросъ о томъ, кѣмъ же его произведенія въ дѣйствительности написаны.

За послѣднее время «гипотеза о Бэконѣ» начинаетъ терять силу, и на смѣну ей въ 1912 г. бельгійскимъ писателемъ Денблономъ была воздвигнута другая. По Денблону, произведенія, приписываемыя Шекспиру, на самомъ дѣлѣ написаны не имъ и не Бэкономъ, а лордомъ Рутландомъ. Роджеръ Маннеръ лордъ Рутландъ родился въ 1576 г. въ своемъ родовомъ замкѣ Бельуаръ и умеръ въ Кембриджѣ въ 1612 г. въ возрастѣ тридцати пяти лѣтъ.

Денблонъ обращаетъ вниманіе читателя прежде всего на тотъ фактъ, что поэма «Венера и Адонисъ» появилась въ 1593 г., т. е. когда Шекспиру было уже

двадцать девять лѣтъ и отъ него трудно было ожидать такого чисто юношескаго произведенія. Рутланду же въ это время едва исполнилось 16 лѣтъ, и нѣтъ нечего естественнѣе приписать это произведеніе перу юнаго кембриджскаго студента, точно такъ же, какъ и послѣдовавшія за нимъ поэму «Лукреція» и комедію «Безплодныя усилія любви».

Лордъ Рутландъ также былъ при французскомъ дворѣ и много путешествовалъ: Денблонъ указываетъ между прочимъ, что дѣйствіе шекспировскихъ пьесъ происходитъ какъ разъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ бывалъ Рутландъ.

По возвращеніи въ Англію лордъ Рутландъ былъ назначенъ главнымъ смотрителемъ Шервудскаго лѣса, и какъ разъ послѣ этого появляется «Сонъ въ лѣтнюю ночь», гдѣ поэзія лѣса на первомъ планѣ. Въ 1603 г. Рутланду было дано дипломатическое порученіе въ Данію, гдѣ онъ между прочимъ былъ принятъ въ Эльсинорскомъ замкѣ, и въ этомъ же году появляется «Гамлетъ», въ которомъ чувствуется специфически датскій колоритъ. При восшествіи на престолъ Іакова I Рутланду, замѣшанному въ заговоръ, надо было вернуть³ себѣ королевскую милость, и онъ пишетъ «Макбета», гдѣ однимъ изъ героевъ является Банко, родоначальникъ шотландской династіи.

Особенно сильнымъ доказательствомъ авторства Рутланда Денблонъ считаетъ расходную записку, найденную въ архивѣ замка Белльвюаръ и опубликованную среди другихъ бумагъ особой исторической комиссіей. Вотъ что гласитъ эта записка: «31 марта мистеру Шекспиру золотомъ за виньетку для лорда 44 шиллинга. Ричарду Барбиджу за исполненіе и раскраску ея 44 шиллинга, а всего 4 фунта 8 шиллинговъ». Изъ этой записки Денблонъ дѣлаетъ выводъ, что у Рутланда и Шекспира были тѣсныя литературныя связи. Между тѣмъ изъ нея слѣдуетъ только, что Шекспиръ вовсе не былъ такимъ невѣжественнымъ, какимъ хочетъ его представить Денблонъ, что наименованіе его «мистеромъ» (чего не дѣлается въ записки относительно Барбиджа) указываетъ на нѣкоторое почтеніе, которымъ онъ пользовался въ великосвѣтскомъ обществѣ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что другъ Шекспира Барбиджъ пользовался славою искуснаго рисовальщика и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что именно ему и Шекспиру была заказана виньетка, вошедшая въ то время въ моду.

Съ другой стороны, не понятно, почему Шекспиру не могла быть извѣстна придворная жизнь, если онъ неоднократно приглашался играть въ королевскіе замки? Денблонъ въ этомъ отношеніи доходитъ до смѣшнаго, утверждая, что представленіе шекспировскихъ пьесъ въ Лондонѣ передъ дворомъ совпадаетъ всегда съ пребываніемъ въ Лондонѣ лорда Рутланда. Онъ не замѣчаетъ того, что, если бы Рутландъ прикрывался именемъ Шекспира, этотъ секретъ былъ бы скоро разоблаченъ и въ актерской средѣ, и въ публикѣ.

Наконечъ, трудно предположить, что подъ именемъ Шекспира скрывался Рутландъ, еще и потому, что въ родовомъ архивѣ такого выдающагося въ Англіи рода, какъ Рутланды, получившіе впоследствии титулъ герцоговъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ литературной дѣятельности Роджера Рутланда.

Какъ извѣстно, послѣ Шекспира не осталось никакихъ рукописей, и это очень понятно. Шекспиръ писалъ для своей братіи актеровъ. Рукописи были на рукахъ у его сотоварищей по театру, и прежде, чѣмъ издавать собраніе сочи-

ней Шекспира, вышедшее только через семь лѣтъ послѣ его смерти, надо было еще собрать всѣ эти ходившіе по рукамъ списки. Но такое исчезновеніе подлинныхъ рукописей и промедленіе въ изданіи будетъ совершенно непонятно, если предположить, что все то, что приписывается Шекспиру, написано Рутландомъ. Вѣдь у него былъ братъ Фрэнсисъ Маннерзъ, который могъ бы позаботиться о сохранности рукописей написанныхъ покойнымъ произведеній, которыя имѣли такой успѣхъ на сценѣ лондонскихъ театровъ «Глобусъ» и Блэкфрайерскаго!

Нельзя ли, однако, объяснить факты, столь смущающіе новѣйшихъ писателей о Шекспирѣ, изъ его собственной біографіи, не прибѣгая ни къ Бэкону, ни къ Рутланду, ни вообще къ кому бы то не было?

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы уже имѣли случай отмѣтить опубликованные въ газетѣ «Times» вновь найденные документы, изъ которыхъ видно, что Шекспировъ около Стратфорда было нѣсколько: были Шекспиры-горожане, были Шекспиры-фермеры, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что біографы путаютъ одного изъ Шекспировъ-фермеровъ съ Шекспиромъ-поэтомъ, и, вѣроятно, всѣ свѣдѣнія о безграмотности, о торговлѣ солодомъ и мукой и отдачѣ денегъ въ ростъ относятся къ первому Шекспиру, а не къ творцу «Гамлета».

Къ трехсотлѣтію со дня смерти поэта лучшей его знатокъ въ Англіи Сидней Ли выпустилъ вновь переработанную его біографію, написанную чрезвычайно осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обстоятельно. Изъ этого труда ясно, что отецъ Шекспира, поселившійся въ Стратфордъ около 1551 г., пользовался въ городѣ уваженіемъ и послѣдовательно занималъ разныя выборныя должности по мѣстному самоуправленію. Городской сѣвътъ именуеъ его «мистеръ Шекспиръ». Уже изъ одного этого видно, что семья, гдѣ выросъ будущій поэтъ, вовсе не была той грубой средой, откуда только и могъ выйти неграмотный невѣжда, какимъ стараются представить Шекспира бэконіанцы и Денблонъ.

Точно также и школа въ Стратфордѣ, гдѣ учился Шекспиръ, не была какой-то жалкой деревенской школой. Напротивъ, это была такъ называемая «грамматическая школа», т. е. нѣчто въ родѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. При Генрихѣ VII такихъ школъ въ Англіи было всего шестнадцать, къ концу царствованія Елизаветы уже сто тридцать восемь. Въ 1553 г. стратфордская школа была реорганизована, и въ нее поступали дѣти лѣтъ восьми, причемъ преподаваніе латинскаго языка было чуть не на первомъ планѣ и учениковъ какъ можно скорѣй приучали читать Цицерона, Вергилія, Плавта, Теренція и другихъ классиковъ. Шекспиръ вышелъ изъ школы лѣтъ тринадцати, слѣдовательно, пробывъ въ ней года четыре, — срокъ, вполне достаточный для приобрѣтенія тѣхъ знаній латинскаго языка и классической древности, какія обнаруживаются въ его твореніяхъ. Учили тамъ, повидимому, и французскому языку. По крайней мѣрѣ относительно одного изъ школьныхъ товарищей Шекспира извѣстно, что онъ въ послѣдствіи даже кропалъ французскіе стихи.

Да и самъ Стратфордъ вовсе не былъ какимъ-то захолустьемъ, гдѣ нельзя было достать никакихъ книгъ. Напротивъ, мы знаемъ, что у нѣкоторыхъ его

обитателей были даже небольшія библіотечки. Такъ, въ описи имущества умершаго мѣстнаго священника Джона Маршала значится, что послѣ него осталось 170 книгъ.

Трудный пунктъ въ біографіи Шекспира представляютъ годы между его отъѣздомъ изъ Стратфорда и появленіемъ его въ актерской труппѣ. Сидней Ли полагаетъ, что эти годы онъ провелъ въ Лондонѣ, гдѣ учился въ типографіи нѣкоего Вотролье, французскаго гугенота, переселившагося въ Англію. Типографіей управлялъ нѣкій Ричардъ Фильдъ, женившійся послѣ смерти Вотролье на его вдовѣ. Отецъ этого Фильда и отецъ Шекспира были старинными друзьями. Тутъ въ этой полуфранцузской средѣ Шекспиръ могъ познакомиться съ французскимъ языкомъ. Тутъ же онъ могъ прочесть тогдашнюю литературную новинку—біографіи Плутарха, переведенныя на англійскій языкъ Томасомъ Норсомъ и напечатанныя именно въ типографіи Вотролье. Въ этой же типографіи увидѣло свѣтъ и первое произведеніе самого Шекспира «Венера и Адонисъ».

Въ 1592 г. мы видимъ Шекспира уже въ труппѣ актеровъ, которая имѣетъ громаднѣйшій успѣхъ въ «Генрихѣ VI». Эта труппа была сначала подъ покровительствомъ графа Лейстера, а потомъ слилась съ труппой лорда Чемберлена. Она дважды играла передъ дворомъ въ Гриничѣ, и Шекспиръ, по официальнымъ документамъ, числился однимъ изъ выдающихся ея членовъ.

Послѣ различныхъ скитаній труппа основалась наконецъ въ театрѣ «Глобусъ». Шекспиръ игралъ здѣсь главныя роли и, по словамъ одного изъ современниковъ, «былъ превосходенъ въ своей профессіи». На афишахъ его имя печатается рядомъ съ именемъ его друга Барбиджа въ заголовкѣ афиши, такъ что старое мнѣніе о томъ, будто Шекспиръ былъ плохой актеръ, теперь приходится оставить. Съ 1610 г. онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ другого лондонскаго театра—Блэкфрайерскаго.

Критики часто задавались вопросомъ, откуда у Шекспира могло взяться значительное благосостояніе, о которомъ по свѣжимъ слѣдамъ свидѣлствуетъ стратфордскій священникъ Джонъ Уордъ, жившій въ XVII в. Онъ утверждаетъ, что Шекспиръ жилъ очень хорошо и проживалъ не менѣе тысячи фунтовъ въ годъ, т.е. по теперешнему курсу; тысячь семнадцать рублей. Бэконіанцы и Денблонъ рѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Шекспиръ наживалъ деньги, отдавая свое имя напрокатъ Бэкону или Рутланду. Однако Сидней Ли приходитъ къ другому выводу. Изучивъ документы о тогдашнемъ положеніи актеровъ и оплатѣ ихъ труда и пьесъ, изслѣдователь указываетъ, что Шекспиръ до 1599 г. зарабатывалъ въ годъ на наши деньги по меньшей мѣрѣ тысячь восемь рублей. Впослѣдствіи же, когда онъ сталъ однимъ изъ семи акціонеровъ театра «Глобусъ», дѣла пошли еще лучше, и его доходъ вмѣстѣ съ доходомъ отъ Блэкфрайерскаго театра и имѣнія въ Стратфордѣ возросъ уже до нѣсколькихъ десятковъ тысячь рублей въ годъ. Это давало ему возможность щедро приходить на помощь театру. Когда въ 1613 г. «Глобусъ» сгорѣлъ, Шекспиръ, уже удалившійся отъ дѣлъ въ Стратфордѣ, немедленно послалъ на возобновеніе театра около шести тысячь рублей.

Въ 1607 г. дочь Шекспира Сюзанна вышла замужъ за стратфордскаго врача Джона Голля. Это обстоятельство еще болѣе сблизило Шекспира съ высши-

ми слоями мѣстнаго общества. Мы знаемъ, что онъ водилъ знакомство не только съ городскими и, такъ сказать, земскими властями, но и съ такими людьми, какъ мировой судья Фулькъ Гревиль, нерѣдко пользовавшійся его гостеприимствомъ, поэтъ Дрейтонъ, лэди Рейнзфордъ, мѣстная крупная помѣщица. Въ числѣ душеприказчиковъ его были такія видныя въ то время въ городѣ лица, какъ Садлеръ или Джульенъ Шоу. Все это доказываетъ, вопреки мнѣнію бэконіанцевъ и Деблона, что Шекспиръ вовсе не былъ какимъ-то нелюдимымъ, грубымъ мѣщаниномъ, котораго невозможно заподозрѣть въ какой бы то ни было литературной дѣятельности. Наоборотъ, при свѣтѣ новыхъ данныхъ приходится вернуться къ прежней традиціи и признать, что Шекспиръ есть не кто иной, какъ Шекспиръ.

— Еще о германскомъ кронпринцѣ.—Жена одного изъ крупныхъ англійскихъ чиновниковъ въ Индіи, миссисъ Вильсонъ, рассказываетъ въ майской книжкѣ «Cognhill Magazine» о пребываніи въ этой странѣ германскаго кронпринца во время его путешествія на Востокъ.

«Первое мое впечатлѣніе отъ кронпринца,—пишетъ г-жа Вильсонъ,—было впечатлѣніе чего-то очень юнаго и незначительнаго. Онъ показался мнѣ до смѣшнаго худымъ и длиннымъ. Было что-то смѣшное и въ его непомѣрной высоты воротничкахъ. Бросалась въ глаза его необычайная подвижность, и въ тотъ вечеръ, когда насъ представили ему, ему, кажется, хотѣлось танцевать. Онъ бѣгло говорилъ по-англійски, съ едва замѣтнымъ акцентомъ.

Послѣдующія наши встрѣчи не улучшили перваго впечатлѣнія. Выражался онъ всегда какъ-то уклончиво, стараясь придать выразительность своимъ невзрачнымъ чертамъ. Общая, нельзя сказать, чтобы умная, внѣшность становилась еще смѣшнѣе отъ странной прически «кокомъ». Волосы его всегда были сильно напомажены и пригнуты щеткой назадъ, лобъ былъ чрезвычайно покатый, вмѣсто усовъ — одни намеки на нихъ. Въ его вѣчно бѣгающихъ, слегка раскосыхъ глазахъ нельзя было прочесть ничего, что происходило у него въ душѣ. Однажды, когда мы собирались ѣхать, одинъ изъ гражданскихъ чиновниковъ тихо прошепталъ мнѣ, мигнувъ на кронпринца:

«Вглядитесь хорошенько въ него: настоящій щенокъ пантеры».

Во время пребыванія въ Индіи кронпринцъ между прочимъ посѣтилъ пригородную резиденцію вице-короля—Барракорнъ. Чудное мѣсто, расположенное въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Калькутты. Днемъ его забавляли разными играми на открытомъ воздухѣ, но по вечерамъ съ нимъ было гораздо труднѣе: въ карты онъ не игралъ, на бильярдѣ очень плохо, такъ что англичане, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, украдкой подталкивали шаръ въ лузу, пока онъ натиралъ мѣломъ кій.

Кронпринца сопровождали фонъ-Трейтлеръ, графъ Цу-Дона, графъ Зольмъ и два офицера.

Фонъ-Трейтлеръ состоялъ при немъ въ качествѣ шпіона, доносившаго въ Берлинъ о каждомъ его шагѣ и, видимо, не пользовался его расположеніемъ. Цу-Дона былъ коренастый человѣкъ съ толстой апоплектической шейей, затянутый въ тугую синій мундиръ. Онъ не отличался особой воинственностью, и когда среди англичанъ прошелъ слухъ, что онъ особенно отличился во время

франко-прусской войны, онъ успѣшилъ вывести всѣхъ изъ этого заблужденія, отдѣлываясь тяжеловѣсной шуткой, что «лучше быть на три минуты трусомъ, чѣмъ на всю жизнь мертвымъ».

Говорилъ онъ только по-французски, да и то съ отвратительнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Графъ Зольмъ быстро сошелъ со сцены. Его постигъ не то солнечный ударъ, не то тифъ, и его никто больше не видалъ.

Изъ своихъ офицеровъ кронпринцъ особенно цѣнилъ лейтенанта фонъ-Цобельтица. Это былъ типъ настоящаго прусскаго юнкера съ неизбежнымъ моноклемъ въ глазу. Кронпринцъ расхваливалъ его, какъ великолѣпнаго ѣздока на скачкахъ и, подготовивъ этими похвалами почву, на другой день обратился къ Вильсону съ просьбой разрѣшить этому офицеру скакать на одной изъ лучшихъ его лошадей, которыя должны были принять участие въ устроенныхъ въ честь гостей скачкахъ. Оказалось потомъ, что несчастный лейтенантъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія удивлять англичанъ своими талантами и едва отдѣлался отъ навязанной ему кронпринцемъ роли, сославшись на отсутствіе у него подобающаго для скачекъ костюма.

Путешествіе кронпринца по Индіи прервалось довольно неожиданно. Кронпринцъ тайкомъ улизнулъ отъ своей свиты въ Лукновъ и пропалъ тамъ больше сутокъ, къ великому испугу и конфузу своихъ менторовъ. Англичане не любятъ рассказывать, что произошло съ принцемъ въ Лукновѣ, но послѣ этого отъ кайзера была получена телеграмма съ требованіемъ немедленнаго возвращенія въ Берлинъ:

Миссисъ Вильсонъ ѣхала съ кронпринцемъ до Египта на одномъ пароходѣ. Всѣ лучшія каюты были отведены для кронпринца, и автору воспоминаній досталось крохотное помѣщеніе гдѣ-то около самой машины, пыхтѣвшей и стучавшей всю ночь. На утро миссисъ Вильсонъ проснулась не особенно расположенной къ кронпринцу, но, встрѣтившись съ ней, онъ обезоружилъ ее совершенно неожиданнымъ вопросомъ:

— А вы знаете мою маму?

Во время путешествія онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы походить на англичанина, стараясь въ то же время не дать этого замѣтить. Онъ всѣмъ рассказывалъ между прочимъ, что съ дѣтства страдаетъ несвареніемъ желудка и очень любитъ спортъ, а въ особенности охоту на крупнаго звѣря.

На пароходѣ у германскаго наслѣдника опять завязался флиртъ съ какой-то темнокожей красавицей. Той *Sittlichkeit*, замѣчаетъ авторъ, которая, по словамъ германцевъ, составляетъ ихъ основную добродѣтель, у него вовсе не замѣчалось. Разговоры его свиты становились все болѣе и болѣе гортанными, всѣ пожимали плечами, и раза два послышалось слово: *unaustehlich!*

Въ Красномъ морѣ фонъ-Трейтлеръ и Цу-Дона устроили винтъ. Играть съ ними въ карты было сущимъ наказаніемъ. Они забывали объявленную масть, пугали взятки и вели между собой бесѣду на такомъ французскомъ языкѣ, что не всѣ ихъ и понимали.

Вспоминая дни, проведенные въ обществѣ кронпринца, миссисъ Вильсонъ отказывается вѣрять въ ту значительную роль, которую ему приписываютъ истор. вѣсти.», июнь 1916 г., т. схлv.

ваютъ въ разыгравшихся событіяхъ. Онъ представляется ей воплощеніемъ пошлости. «Въ его мелкой душѣ отражалось только тщеславіе и высокоуміе его отца, но онъ совершенно лишень того умѣнья привлекать къ себѣ людей и оказывать на нихъ вліяніе, которымъ такъ щедро надѣленъ его отецъ».

— Новая біографія Маріи-Антуанетты.—Продолжая печатать свои изысканія о Маріи-Антуанеттѣ, маркизь де-Сегюръ подходитъ въ «Revue hebdomadaire» къ тому періоду ея жизни, который онъ называетъ «*èpe des folies*» и который захватываетъ время съ 1775 по 1778 г. Поверхностная по своей натурѣ, молодая и неопытная въ жизни, лишенная твердаго нравственнаго руководства, окруженная пошлымъ обществомъ, отъ котораго нельзя было ждать ни совѣта, ни предостереженія, Марія-Антуанетта, ставъ королевой и не найдя счастья въ семейной жизни, бросилась очертя голову въ водоворотъ развлеченій и забавъ и не только разрушила то благопріятное впечатлѣніе, которое сначала сложилось было о ней въ народѣ, но и нажила себѣ репутацію, впоследствии погубившую ее окончательно.

Главнымъ ея врагомъ была скука, обычно царствующая во всѣхъ дворахъ, и она употребляла всѣ средства для того, чтобы отъ нея избавиться. На террасѣ Версальскаго дворца были устроены, по ея желанію, особые деревянные домики, въ которыхъ королева запросто устраивала небольшіе балы. На эти балы могли являться всѣ, кто былъ ей представленъ, но, конечно, на первомъ планѣ здѣсь были люди, умѣвшіе поразвлечь и позабавить королеву. «Столпы» двора, старыя дамы, чувствовали себя здѣсь неумѣстно.

«Не понимаю, какъ можно появляться при дворѣ послѣ тридцати лѣтъ», вырвалось какъ-то у королевы.

Замѣчаніе это было подхвачено и, конечно, возбудило не мало недоброежелательствъ.

Появлялся на этихъ празднествахъ иногда и король. Но его тяжелыя шутки, близорукость, мѣшавшая ему различать знакомыя лица, громкій, глупый смѣхъ—все это вносило смущеніе и всѣ бывали очень рады, когда онъ уходилъ. Если же онъ засиживался, то незамѣтно отъ него переводили стрѣлки часовъ. По уходѣ короля балъ продолжался далеко за полночь. Королева очень любила, что называется, «посудачить» насчетъ своихъ знакомыхъ, причѣмъ въ этихъ пересудахъ не щадили иной разъ самого короля.

Ставъ королевой, Марія-Антуанетта не сумѣла отказаться отъ кокетства, и успѣхи, которые она одерживала, доставляли ей громадное удовольствіе, вооружая постепенно противъ нея женскую половину двора.

Чтобы не стѣснять себѣ, королева стала мало-по-малу отмѣнять тотъ строгій этикетъ, въ которомъ прежде замыкался французскій дворъ. Прежде рядомъ съ королевой могли позволить себѣ сѣсть только принцы крови, теперь за столомъ можно было видѣть и разныхъ мелкихъ придворныхъ изъ тѣхъ, которые умѣли забавлять Марію-Антуанетту своимъ разговоромъ. Это привело къ тому, что прежняя придворная знать мало-по-малу была оттѣснена отъ королевы и наконецъ совсѣмъ перестала появляться при дворѣ. Мѣсто ея заняли разныя проходимцы и ловкіе дѣльцы, умѣвшіе втереться къ двору.

Однимъ изъ главныхъ средствъ разсѣять томительную скуку, царившую во дворцѣ, считалось посѣщеніе костюмированныхъ баловъ, дававшихся въ театрѣ Оперы. Сначала Марія-Антуанетта отправлялась на эти маскарады въ сопровожденіи короля, но затѣмъ Людовику наскучило ей сопутствовать, и она ѣздила въ театры одна. Она обыкновенно хранила строгое инкогнито и переносила всѣ неудобства толпы наравнѣ съ другими: ее толкали, фамильярно брали подъ руку, обращались съ черезчуръ вольными разговорами, хотя иной разъ прекрасно знали, кто скрывается подъ маской. Такъ, одинъ разъ какой-то замаскированный посѣтитель, подойдя къ ея ложѣ, вступилъ съ нею въ разговоръ на «ты», называя ее Антуанеттой, и сталъ упрекать ее, что она посѣщаетъ театръ вмѣсто того, чтобы находиться возлѣ своего «толстаго супруга, который захрапываетъ теперь въ одиночествѣ».

Эти фамильярности не отпугнули королеву, и за одинъ февраль мѣсяцъ 1777 г. она была на этихъ маскарадахъ шесть разъ. «Она разговариваетъ тамъ со всякимъ,—жалуется Мерси-Аржанто,—прогуливается въ сопровожденіи разныхъ молодыхъ людей, и все это дѣлается съ такой фамильярностью, къ которой во Франціи не привыкли».

Людовикъ относился къ такому поведенію своей супруги совершенно безразлично. Разъ только онъ вышелъ изъ себя и, когда королева поздно ночью вернулась во дворецъ въ сопровожденіи графа д'Артуа, ворота оказались запертыми, и часовой, ссылаясь на приказъ короля, отказался впустить запоздавшихъ обитателей во дворецъ. Пришлось проникнуть домой какимъ-то боковымъ ходомъ, а на другой день между супругами произошла жаркая сцена: Людовикъ требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, уважали хоть его покой.

Однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію придворныхъ сферъ и общества противъ королевы была ея безумная страсть къ нарядамъ. Это она именно ввела въ моду юбки невѣроятной ширины, разные панье и корсеты, громадныя шляпки съ пучками перьевъ. Заказавъ свой портретъ въ одномъ изъ такихъ модныхъ костюмовъ, Марія-Антуанетта отправила его матери, но императрица вернула его обратно, замѣтивъ, что тутъ, повидимому, произошла ошибка, ибо къ ней прислали портретъ какой-то актрисы.

Дорого стоило казначейству и содержаніе двора. Вмѣсто ста пятидесяти лошадей, полагавшихся королевѣ, Марія-Антуанетта завела триста. Содержаніе и украшеніе Трианона поглощало огромныя суммы. Болѣе двухсотъ тысячъ ливровъ шло на синекуры и пенсіи ея любимцамъ, не считая въ этомъ числѣ разныхъ подарковъ и арендъ. Въ народѣ открыто говорили о расхищеніи государственнаго казначейства и финансовомъ банкротствѣ государства. Въ этомъ отношеніи Марія-Антуанетта возбуждала къ себѣ тѣ же чувства, что и прежнія королевскія фаворитки. Когда ей случалось проѣзжать мимо народа, толпа встрѣчала ее ледянымъ молчаніемъ, а иногда и глухимъ ропотомъ. За королевой утвердилось убійственное для нея прозвище «мадамъ Дефицитъ».

Видя полную безуспѣшность своихъ предостереженій, Мерси-Аржанто и аббатъ Вермонъ отступились отъ королевы. Тогда Марія-Терезія рѣшилась

на послѣднее средство и просила своего сына съѣздить въ Парижъ воздѣйствовать на сестру.

Юсифъ пріѣхалъ въ столицу Франціи 18 апрѣля 1778 года съ однимъ адъютантомъ, промокши насквозь подъ проливнымъ дождемъ. На другой день рано утромъ онъ отправился въ Версаль и засталъ королеву еще въ спальнѣ. Встрѣча вышла довольно холодная, и только присутствіе добродушнаго и сердечнаго короля смягчало натянутость положенія.

Императоръ остановился въ Версалѣ въ гостиницѣ *Iuste*, содержателемъ которой былъ банщикъ Туше. Спалъ онъ на простомъ матрацѣ, подстилая подъ себя медвѣжью шкуру. Этимъ спартанскимъ образомъ жизни онъ хотѣлъ дать доброжелательный примѣръ своей сестрѣ.

Скоро между Маріей-Антуанеттой и имъ разразилась бурная ссора. Юсифъ заговорилъ рѣзко и повелительно, упрекалъ сестру въ томъ, что она окружила себя лакеями. Королева жаловалась потомъ на его грубость Мерси-Аржанто, но тѣмъ не менѣе пошла на нѣкоторыя уступки. Потомъ Юсифъ обратился противъ зятя, который попрежнему не обращалъ вниманія на жену и все свободное время проводилъ на охотѣ или же въ устроенной имъ мастерской, гдѣ подъ руководствомъ слесаря Гамэна усердно работалъ молотомъ, весь грязный и мокрый отъ пота.

Юсифъ началъ съ того, что устроилъ секретное совѣщаніе съ докторомъ Лассономъ, потомъ сталъ усовѣщевать зятя, указывая ему на ненормальность его отношенія къ женѣ. Эти разговоры возымѣли свое дѣйствіе, и мѣсяца черезъ три послѣ отъѣзда Юсифа въ Австрію Людовикъ писалъ своему *beau frèге*, что «онъ сдѣлалъ все, что было нужно». Вскорѣ при дворѣ стало извѣстно, что королева находится въ ожиданіи. Предстоящее материнство тѣшило королеву, и чуть не каждую недѣлю она измѣряла себя, желая знать, какъ идетъ беременность. Посѣщать балы и маскарады было невозможно, и теперь король старался перенести все это въ Версаль. Однажды былъ устроенъ костюмированный балъ, причѣмъ передъ королевой должны были пройти всѣ придворные въ разныхъ костюмахъ. Морепя, на примѣръ, изображалъ изъ себя Купидона, а его жена Венеру.

Другой страстью Маріи-Антуанетты были драгоценные камни. За одинъ январь 1776 года на покупку ихъ было истрачено шестьсотъ тысячъ франковъ, въ іюнѣ того же года пришлось заплатить ювелирамъ еще двѣсти пятьдесятъ тысячъ.

Примѣръ двора, разумѣется, не остался безъ подражанія, и среди французскихъ дамъ началась настоящая вакханалія роскоши, спустившаяся потомъ и въ буржуазную среду. Благоразумные люди виновницей этой эпидеміи считали королеву. «Королева, — писала одна газета, — причинила народу большое зло, о которомъ она и не догадывается. Изъ подражанія ей туалеты дамъ сдѣлались такъ роскошны, что мужья по большей части оказались не въ состояніи выдерживать это, и на помощь пришлось завести любовниковъ...»

Но ничто такъ не роняло королеву, какъ страсть къ карточной игрѣ. Игра, ипритомъ крупная, всегда велась въ Версальскомъ дворцѣ, она даже полагалась по придворному этикету. Но никогда она не принимала такого азарт-

наго характера, какъ въ царствованіе Людовика XVI. Герцогъ Шартрскій и графъ д'Артуа были настоящими игроками въ душѣ, они завели игру, несмотря на сопротивленіе короля, и втянули въ нее Марію-Антуанетту настолько, что черезъ два года по восшествіи Людовика на престолъ она уже не знала удержу въ картахъ. Бывали случаи, когда въ одну ночь королева проигрывала по нѣсколько сотъ и даже тысячъ ливровъ. Не довольствуясь игрой у себя, она посѣщала съ этой цѣлью своихъ придворныхъ дамъ, которыя сейчасъ же спѣшили приготовить зеленый столъ для игры. До чего крупна была игра, показываетъ случай съ графомъ де-Кастеллианомъ, который въ одинъ вечеръ проигралъ сто двадцать тысячъ ливровъ.

Король не зналъ объ этой игрѣ и, если разрѣшалъ иногда сыграть партію-другую въ ландскнехтъ или фараонъ, то его братья и жена не пропускали случая злоупотребить его разрѣшеніемъ. Такъ, однажды въ Фонтенбло онъ разрѣшилъ сыграть всего одну партію въ фараонъ, а на самомъ дѣлѣ игра продолжалась тридцать шесть часовъ безъ перерыва.

Азартъ, водворившійся около королевы, повлекъ за собой появленіе во дворцѣ разныхъ банкометовъ, профессиональных игроковъ, вообще людей съ темнымъ прошлымъ и сомнительной репутаціей. Старые вельможи, вроде герцога Фронсака, попробовали было изъ угожденія королевѣ сразиться на зеленомъ полѣ съ этими господами, но, проигравшись и боясь полного разоренія, должны были уступить мѣсто разнымъ авантюристамъ, безъ церемоніи возсѣдавшимъ тамъ рядомъ съ королевой, «Французскій дворъ,—говорилъ императоръ Юсифъ,—сталъ чѣмъ-то въ родѣ картежнаго притона».

Послѣдствіемъ игры было то, что королева очень скоро очутилась вся въ долгахъ и постоянно испытывала денежныя затрудненія. Въ 1776 году Мерси-Аржанто по ея просьбѣ занялся приведеніемъ ея дѣлъ въ порядокъ, причѣмъ выяснилось, что долгъ ея дошелъ до 487 тысячъ ливровъ. Чтобы выйти изъ тяжелаго положанія, обратились къ Неккеру, который будто бы и ссудилъ королевѣ эту сумму изъ своихъ личныхъ средствъ. Теперь, однако, извѣстно что этотъ долгъ былъ погашенъ не Неккеромъ, а королемъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

Къ вечеру 19-го декабря 1778 года начались родовыя боли, продолжавшіяся всю ночь. По тогдашнему нелѣпому обычаю, постель роженицы была окружена придворными. Въ 11 часовъ утра роды кончились. Весь дворецъ огласился рукоплесканіями, которыя, впрочемъ, сразу смолкли, когда узнали, что родилась дѣвочка. Узнавъ, что родилась дочь, а не сынъ, королева отъ огорченія впала въ обморочное состояніе.

Съ рожденіемъ ребенка король поселился въ спальнѣ свсей супруги и провелъ безотлучно около нея восемь сутокъ, забросивъ даже свои физическія упражненія.

Рожденіе ребенка произвело большую перемѣну въ его родителяхъ: Людовикъ вдругъ превратился въ нѣжнаго любящаго мужа, Марія-Антуанетта стала серьезнѣе, сдержаннѣе, скромнѣе въ туалетахъ. Импульсъ не замедлилъ передаться и двору, и во дворцѣ стали появляться простые скромные черные туалеты. Графъ д'Артуа потерялъ свое вліяніе на королеву, но это исправле-

ніе было неполнымъ и нетвердымъ: карточная игра продолжала свирѣпствовать во дворцѣ.

Кто въ эту эпоху пользовался особымъ влияніемъ на королеву?

Первой по времени фавориткой королевы была герцогиня де-Пекиньи, но ея влияніе, благодаря непостоянству королевы, длилось недолго, и она была замѣнена графиней Диллонъ. Но и эта фаворитка не удержалась, главнымъ образомъ по винѣ своей матери, которая, пользуясь фаворомъ своей дочери, принялась было обдѣлывать разныя выгодныя аферы.

Гораздо продолжительнѣе была дружба Маріи-Антуанетты съ принцессой Ламбалль, трагически погибшей потомъ во время революціи. Принцесса Ламбалль овдовѣла очень рано и жила въ Версалѣ у своего тестя герцога Пентьевра, человѣка весьма ограниченнаго и набожнаго. Первая встрѣча ея съ королевой произошла въ 1771 г., и съ того времени она становится неразлучной спутницей королевы: во время болѣзни Людовика XV и карантина, наложеннаго на семью дофина, ей одной было разрѣшено навѣщать будущую королеву. Чтобы имѣть свою подругу около себя, Марія-Антуанетта возстаповила вопреки сильнѣйшей оппозиціи Тюрго должность завѣдующей своимъ дворомъ и назначила на нее принцессу Ламбалль. Жалованія ей платили 150 тысячъ франковъ. Это было кульминаціоннымъ пунктомъ фавора принцессы Ламбалль. Съ этого момента начинается постепенно ея паденіе. Малообразованная и не умная, она безпрестанно вызывала при дворѣ разныя мелкія неприятели и столкновения, чѣмъ докучала королевѣ, уже обратившей свою благосклонность на новое лицо, графиню де-Полиньякъ.

Сближеніе это началось съ 1775 года. Юлантъ де-Полиньякъ было въ это время двадцать шесть лѣтъ. Ея мужъ Жюль де-Полиньякъ былъ разоренъ, и супруги жили большею частью въ Пикардіи, лишь изрѣдка появляясь въ Версалѣ. Познакомилась съ ней королева у ея родственницы, принцессы Ламбалль. Несмотря на свою молодость, графиня де-Полиньякъ обладала сильнымъ и твердымъ умомъ, въ ней не было ни страсти къ обогащенію, ни личнаго честолюбія. Большимъ недостаткомъ новой фаворитки была слабость характера, вслѣдствіе чего она скоро стала игрушкой въ рукахъ другихъ, въ особенности въ рукахъ нѣкоего графа Водрейля, съ которымъ она была близка. По ея просьбѣ этому типичному придворному донъ-Жуану была назначена изъ королевскаго казначейства пенсія въ тридцать тысячъ ливровъ. Другой придворный, графъ д'Адемаръ, выхлопоталъ себѣ черезъ нее мѣсто посла въ Лондонъ. Было не мало другихъ, которые сумѣли учсть влияніе фаворитки на королеву и обдѣлать свои дѣлишки.

Несмотря на возрастающую въ народѣ и обществѣ непопулярность графини де-Полиньякъ, влияніе ея продолжало итти въ гору. Королева держалась съ нею, какъ съ своей задушевной подругой, и посѣщала ее запросто, чтобы играть въ карты или въ жмурки. Надо было пристроить поближе и эту фаворитку и дать ей какое-нибудь мѣсто при дворѣ. Для этой цѣли рѣшено было удалить сначала воспитательницу «дѣтей Франціи» принцессу Роганъ-Геменэ. Эта Геменэ была въ разводѣ съ своимъ мужемъ и находилась въ открытомъ сожителствѣ съ герцогомъ де-Куаньи. Это была особа въ высшей степени стран-

ная, вѣчно окруженная собаками, которые служили ей, по ея словамъ, посредниками между нею и духами. Среди оживленнаго разговора она перѣдко впадала въ экстазъ и увѣрила, что ей были видѣнія. Вокругъ нея всегда группировались разные молодые люди, ищущіе «случая», женщины подозрительной репутаціи, аферисты. Ея помѣщеніе было настоящимъ игорнымъ домомъ, гдѣ велась крушая игра. Королева бывала тамъ три-четыре раза въ недѣлю, обыкновенно встрѣчалась здѣсь съ графиней де-Полиньякъ.

Въ 1782 г. принцъ де-Геменэ обанкротился, оставивъ послѣ себя тридцать три милліона долга. Произошелъ странный скандалъ, де-Геменэ долженъ былъ покинуть дворъ, а вмѣстѣ съ этимъ пришлось отказаться отъ своей должности и его разведенной жепѣ. Вмѣсто нея была назначена графиня де-Полиньякъ.

Мужъ ея Жюль де-Полиньякъ получилъ титулъ герцога, мѣсто главнаго директора почтъ и коннозаводства и имѣніе, приносявшее до 60 тысячъ ливровъ въ годъ. Кромѣ того, было уплачено 400 тысячъ его долговъ, и дано 800 тысячъ въ приданое за его дочерью. Не были забыты даже родственники этого мужа: такъ, его отецъ получилъ мѣсто французскаго посла въ Швейцаріи, теткѣ назначено было 6 тысячъ ливровъ пенсіи, двоюродный братъ былъ едѣланъ епископомъ.

Народъ громко ропталъ на такое расхищеніе государственнаго казначейства. Однажды во «Французскомъ театрѣ» шла пьеса, гдѣ выводилась Марія Медичи и ея придворныя дамы. Актеръ Дюгазонъ, произнося горячую тираду противъ фаворитки этой королевы, передѣлалъ ея имя въ Signora Polignachi, и весь партеръ задрожалъ отъ рукоплесканій. Въ другой разъ профѣзжавшая изъ Версаля придворная дама подверглась нападенію толпы, принявшей ее за графиню де-Полиньякъ. Наконецъ сама королева, появившись однажды въ театрѣ Оперы была встрѣчена глухимъ ропотомъ: «Вотъ и мадамъ Дефицитъ!»

Остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ лицѣ, нравственно близкомъ къ королевѣ—графѣ Ферзенѣ. Онъ былъ представленъ Маріи-Антуанеттѣ въ 1774 г. на одномъ изъ версальскихъ баловъ. Высокій, съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, изящный и скромный молодой шведъ произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе своей полной противоположностью привольной и скептической молодежи французскаго двора.

10-го мая умеръ Людовикъ XV, а 12-го Ферзенъ уѣхалъ изъ Франціи и поселился въ Лондонѣ, гдѣ возникъ проектъ его брака съ нѣкоей Екатериной Лейсель, дочерью богатыхъ родителей. Сватовство было, однако, неудачно, такъ какъ миссъ Лейсель отвергла предложеніе Ферзена, и въ августѣ 1778 г. онъ вернулся во Францію и поступилъ въ армію. Сначала онъ служилъ въ Нормандіи, потомъ перевелся въ Парижъ и сталъ часто посѣщать дворъ и появляться на интимныхъ собраніяхъ сначала у Ламбалль, затѣмъ у Полиньякъ. Нѣжныя чувства, которыя онъ питалъ въ это время къ королевѣ и обратно, не составляли уже секрета, и шведскій посланникъ гр. Крейцъ въ апрѣлѣ 1779 г. писалъ Густаву III: «Я долженъ сказать, что молодой графъ Ферзенъ встрѣчаетъ такой пріемъ у королевы, что на нѣкоторыя лица ложится тѣнь. Я не могу помѣшать распространенію слуховъ, что и она питаетъ къ нему из-

вѣстную склонность. Графъ ведетъ себя замѣчательно скромно и осторожно и даже принялъ рѣшеніе уѣхать въ Америку».

Ферзень дѣйствительно отправился съ Рошамбо въ американскую экспедицію. Отсутствіе его продолжалось три года. Когда миръ былъ заключенъ, Ферзень вернулся обратно въ Францію и получилъ шведскій королевскій полкъ.

Не легко далась Ферзену эта разлука. Онъ вернулся въ Парижъ постарѣвшимъ, осунувшимся, но возможность видѣть Марію-Антуанетту заставляла его забыть перенесенныя страданія. «Я опять дѣлаюсь счастливымъ,—пишетъ онъ своей сестрѣ Софіи Пиперъ.—Я имѣю теперь возможность видѣть ее, и это дастъ намъ большое утѣшеніе».

Между Маріей-Антуанеттой и Ферзеномъ завязалась переписка. Въ одномъ изъ писемъ послѣдняго періода своей жизни она пишетъ ему: «Я васъ люблю, но времени у меня едва достаточно, чтобы сказать вамъ это».

Когда вспыхнула война между Россіей и Швеціей, Ферзень уѣхалъ на родину и съ тѣхъ поръ бывалъ въ Парижѣ наѣздомъ. Извѣстна его попытка спасти королевскую семью, закончившаяся арестомъ въ Вареннѣ. Послѣдній разъ въ февралѣ 1792г. онъ подъ чужимъ именемъ и въ костюмѣ почтальона проскользнулъ въ Тюльерійскій дворецъ. Когда она была заключена въ тюрьму, Ферзень, не теряя надежды спасти ее, продолжалъ вести съ ней шифрованную переписку, передавая ей письма въ конфетахъ, въ подкладкѣ шляпы и т.п.

Въ свою очередь, королева черезъ Эстергази переслала ему перстень съ запиской такого содержанія: «передайте ему этотъ перстень и скажите, что это отъ меня».

Арестъ королевы и послѣдовавшій за этимъ процессъ повергли Ферзена въ полное отчаяніе. «Я не живу болѣе, ибо страдать такъ, какъ я страдаю, не значить жить»,—пишетъ онъ своей сестрѣ.—Я былъ бы счастливъ умереть около нея, но въ этомъ счастье мнѣ отказано». «Пожалѣйте меня, пожалѣйте,—пишетъ онъ послѣ казни королевы:—я потерялъ все. Боже мой!.. Сжался надо мной! Единственное мое утѣшеніе это думать и вспоминать о ней. Этого горя я не забуду всю жизнь».

Какъ извѣстно, графъ Ферзень пережилъ боготворимую имъ женщину на цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ: онъ погибъ во время народныхъ безпорядковъ въ Стокгольмѣ 20-го іюля 1810 г.

Таковъ былъ этотъ романъ, рыцарскій и чисто платоническій.

— Русская княжна — французская королева. Въ «La Revue» княгиня Шаховская-Стрѣшневa приводитъ любопытную страничку изъ исторіи русско-французскихъ отношеній. Относится она къ самому началу этихъ отношеній къ половинѣ XI вѣка, когда королевой Франціи сдѣлалась одна изъ дочерей кіевского великаго князя Ярослава.

Французскій король Генрихъ I овдовѣлъ уже въ пожиломъ возрастѣ. Его первая жена, дочь Конрада II Салическаго, Матильда, не оставила ему потомства, и во Франціи возникъ династическій вопросъ. Такъ какъ Матильда была въ родствѣ со всѣми тогдашними дворами, то Генриху нельзя было вторично искать себѣ жену въ Западной Европѣ, и французы рѣшили обратиться къ Кіеву.

Въ концѣ 1043 году въ столицу Руси прибыло французское посольство во главѣ съ епископомъ Мо Жеселэномъ и графомъ де'Салиньякомъ.

Давая согласіе на бракъ, Ярославъ Мудрый поставилъ условіемъ, чтобы дочь его могла сставаться православною. Условіе было принято, но не было особенно важно, ибо въ то время восточная и западная церковь не успѣли еще обособиться. Французы принуждены были пробыть въ Кіевѣ около года, такъ какъ вслѣдствіе суроваго климата нельзя было отпустить княжну Анну въ столь далекое путешествіе черезъ всю Европу, которое она совершила по тогдашнему обыкновению верхомъ.

Свадьба была отпразднована 14 мая 1044 года въ Реймсѣ.

У Анны было трое сыновей, Филиппъ, Гуго и Робертъ, умершій въ раннемъ дѣтствѣ. Замужество ея продолжалось одиннадцать лѣтъ. Король Генрихъ чувствовалъ давно приближеніе смерти и велѣлъ еще при жизни короновать королемъ своего старшаго сына Филиппа, несмотря на то, что ему было всего шесть лѣтъ.

Французская чопорная придворная жизнь была не по душѣ Аннѣ, и послѣ смерти своего мужа она хотѣла совершенно удалиться изъ Парижа. Отыскивая мѣсто для своего пребыванія, она остановилась на старинной резиденціи Валуа Санлисѣ. Это было красивое мѣсто окруженное лѣсами. Здѣсь Анна рѣшила воздвигнуть аббатство, которое и было заложено въ самый годъ смерти Генриха. Грамота объ основаніи монастыря подписана такъ: «*Philippus cum Reine matre sua*». Въ октябрѣ 1065 г. аббатство было уже готово. Оно было огромныхъ размѣровъ, съ высокой колокольней, украшенной изображеніемъ королевы Анны.

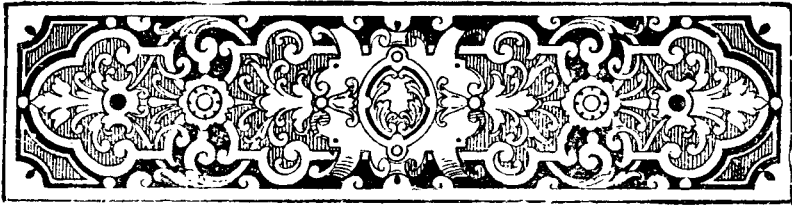
Этотъ монастырь просуществовалъ до революціи, и память его основательницы чтилась тамъ благоговѣйно. Каждый годъ въ день рожденія справлялась торжественная служба и устраивалась трапеза для тридцати бѣдныхъ вдовъ.

Королевѣ было всего 28 лѣтъ, когда она овдовѣла. Сынъ ея Филиппъ, достигнувъ 16 лѣтъ, вернулся въ Парижъ, и, по всей вѣроятности, королева-вдова окончила бы жизнь въ такой же безвѣстности, какъ и ея многія предшественницы, если бы у нея не разыгрался романъ съ однимъ изъ придворныхъ, Раулемъ де-Кресли. То былъ человѣкъ богатый, происходившій изъ семьи Капетинговъ. Не боясь ни паны, ни короля, онъ сдѣлалъ Аннѣ Ярославовнѣ предложеніе. Королева долго колебалась, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это сватовство, если бы Рауль въ одинъ темный осенній вечеръ не похитилъ ее и не умчалъ ее къ себѣ въ замокъ, гдѣ и произошло ихъ вѣнчаніе.

Французскій дворъ скоро примирился съ совершившимся фактомъ, папа издалъ протестъ противъ этого брака тогда, когда этотъ протестъ не могъ уже разрушить сложившейся жизни. Анна Ярославовна отказалась отъ официальной жизни и не появлялась больше при дворѣ. Всецѣло замкнувшись въ жизнь большой помѣщицы, она вся ушла въ хлопоты по украшенію своего исваго гнѣзда и очень много дѣлала добра окрестному населенію. Эта счастливая жизнь продолжалась всего восемь лѣтъ; графъ Рауль умеръ неожиданно. Говорили, что его отравилъ архіепископъ Жерве, мстившій за то, что супруги совершенно не считались съ интердиктомъ паны Александра II.

Анна Ярославна надолго пережила своего второго мужа. Она вернулась ко двору, но, повидимому, не пользовалась там какими-либо особыми правами. Годъ ея смерти неизвѣстенъ, неизвѣстно и мѣсто погребенія. Историкъ Мезерэ полагаетъ, что она вернулась въ Россію, гдѣ и скончалась. Въ 1682 г. одинъ іезуитъ, пѣкій Менестрие, заявилъ было, что ему удалось открыть гробницу Анны Ярославны въ монастырѣ Сито, но оказалось, что дѣло шло не о гробницѣ, а о памятникѣ, воздвигнутомъ Аннѣ Ярославнѣ монахами этого монастыря, которому она покровительствовала. Если бы она умерла во Франціи, то, по всей вѣроятности, ея прахъ былъ бы похороненъ въ основанномъ ею въ Сандиѣ аббатствѣ св. Викентія, но ни французская ни русская исторія не располагаетъ насчетъ мѣста послѣдняго успокоенія Анны Ярославны никакими данными.

МИНИНСКІЯ ТОРЖЕСТВА.

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ жизни Россіи уже четвертый разъ начало каждаго новаго столѣтія ознаменовывается тяжкими потрясеніями и испытаніями. Государственный организм Россіи, богатый здоровыми элементами, крѣпкій мощью народной, счастливо переживаетъ эти болѣзненные кризисы и каждый разъ выходитъ изъ политическихъ бурь и шкваловъ все болѣе и болѣе закаленнымъ, окрѣпшимъ, возмужавшимъ.

Страшное лихолѣтіе въ началѣ XVII вѣка какъ бы закончило подготовительный періодъ русской исторической жизни, періодъ собиранія русской земли подъ державою московскаго великаго государя, обнаружило давнюю застарѣлую болѣзнь государственнаго организма, явившуюся слѣдствіемъ удѣльныхъ порядковъ, умиротворило противогосударственные бродячіе элементы страны, привело къ торжеству осѣдлую служащую массу и путемъ тѣснаго союза «земли» и царя создало единое, цѣльное и могущественное русское государство. Начало XVIII вѣка заполнено было великой борьбой Царя-Преобразователя за право свободнаго приобщенія Россіи къ сокровищницѣ европейской культуры, за свободный выходъ въ просвѣщенную Европу, за приобрѣтеніе и укрѣпленіе естественныхъ границъ Россіи. Эта борьба требовала страшнаго напряженія силъ, вызвала множество жертвъ, плодомъ которыхъ явилась Россійская имперія, сбросившая одряхлѣвшій московскій укладъ жизни и выступившая на широкій путь всемірной цивилизации. Начало XIX вѣка принесло съ собой для Россіи страшное нашествіе Наполеона, а теперь начало текущаго XX столѣтія опять ознаменовано великимъ испытаніемъ. И въ эти дни всемірной разрухи, въ дни небывалаго лихолѣтія русской челоувѣкъ находитъ отрадное утѣшеніе въ прошлыхъ далекихъ судьбахъ родины, ко-

торыя выказываютъ великіе примѣры гражданской стойкости, мужества, самоотверженности и энергіи. Эти достойные примѣры должны ободрить унывающихъ и сомнѣвающихся, влить чувство твердости въ души ослабѣвшихъ въ нынѣшнихъ испытаніяхъ, поддержать въ нихъ лучъ неугасимой надежды и подтвердить ту громадную мощь, которой полонъ русскій народъ?

Исполнившеся нынѣ 300-лѣтіе со дня кончины Козьмы Минина напоминаетъ русскому обществу о томъ единомушномъ порывѣ, который невѣроятнымъ напряженіемъ энергіи народной и вѣрой въ свои силы сумѣлъ выпрямить погнувшійся парусъ государственнаго корабля и направить этотъ корабль въ спокойное политическое русло, счастливо избѣжавъ многочисленныхъ явныхъ и тайныхъ опасностей.

Итъ нужды возстановлять въ памяти читателей ходъ событій, выдвинувшихъ на свою поверхность яркую фигуру Козьмы Минина и явившихъ въ результатъ возстановленіе «всѣя Россіи». Еще со школьной скамьи всѣмъ знакома исторія его подвига, всѣмъ памятна страстная горячія рѣчи его, сила его несокрушимой энергіи, значеніе его огромнаго организаторскаго таланта.

Празднованіе въ честь Минина напомнило Россіи во дни настоящаго лихолѣтія, чѣмъ силенъ оказался русскій народъ въ дни такого же несчастья 30 лѣтъ тому назадъ. Можно было предполагать, что празднества въ Нижнемъ-Новгородѣ протекуть съ градіозной торжественностью, какъ празднества общегосударственныя, но дѣйствительность показала иное. Празднества вышли гораздо скромнѣе, во многомъ уступали имѣвшимъ передъ тѣмъ мѣсто торжествамъ Полтавскимъ или Бородинскимъ и носили на себѣ отпечатокъ скорѣе мѣстнаго характера, чѣмъ общегосударственнаго. Настоятельныя потребности боевой дѣйствительности отодвинули праздничную сторону на второй планъ, отмѣтивъ лишь ярко и единомушно громадное правственное и моральное значеніе высокопатріотическаго примѣра, который показалъ намъ 300 лѣтъ тому назадъ великій нижегородецъ.

Празднества въ честь Козьмы Минина, согласно описанію репортажа, протекли въ слѣдующемъ порядкѣ:

7-го мая въ Нижній-Новгородъ на торжества прибылъ его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ.

По выходѣ изъ вагона его высочество горячо привѣтствовала масса народа, собравшаяся у вокзала для встрѣчи представителя Его Величества Государя Императора на торжествахъ по случаю 300-лѣтія со дня кончины Минина. Поздоровавшись съ народомъ, великій князь въ сопровожденіи свиты прослѣдовалъ въ специально приготовленный поѣздъ, въ которомъ отбылъ для осмотра завода по изготовленію военныхъ заказовъ. На заводѣ депутація отъ рабочихъ поднесла высокому гостю хлѣбъ-соль. По возвращеніи на станцію великій князь въ автомобиль прослѣдовалъ по берегу Оки, оттуда пароходъ «Волгарь» прибылъ въ городъ. Во время слѣдованія парохода его высочество привѣтствовали криками «ура» отправлявшіеся на паромѣ «Ожарь» также въ городъ офицеры и нижніе чины, назначенные въ дѣйствующую армію. Въ городѣ великій князь въ числѣ другихъ учреждений посѣтилъ контору государственнаго банка и

городской исторической музей, гдѣ его высочеству была поднесена большая серебряная медаль въ память учрежденія музея. Около часу дня его высочество въ сопровожденіи свиты, губернатора и представителей общественныхъ учреждений совершилъ поѣздку по Волгѣ для осмотра рейда и на обратномъ пути проѣхалъ по Окѣ до мызы. Въ пути для его высочества былъ сервированъ завтракъ. Во время посѣщенія лазаретовъ великій князь изволилъ наградить больныхъ и раненыхъ воиновъ медалями. Въ мастерскихъ для увѣчныхъ воиновъ его высочеству былъ поднесенъ рѣзной шкапчикъ.

Въ четыре часа по полудни великій князь Георгій Михайловичъ изволилъ посѣтить лазаретъ въ Кремлевскомъ дворцѣ для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Въ пять часовъ дня въ залѣ Кремлевскаго дворца собрались депутаціи: 10-й пѣхотной дивизіи, дворянства, земства, города, биржевого, купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ, судопромышленниковъ, депутація города Суздаля, представители правительственныхъ и общественныхъ учреждений.

Его высочество великій князь Георгій Михайловичъ, прибывъ въ залъ, поздоровался съ собравшимися и изволилъ сказать слѣдующее:

«Его Величество повелѣлъ мнѣ передать привѣтъ нижегородцамъ и сожалѣніе, что, по обстоятельствамъ военного времени, не можетъ лично прибыть въ Нижній-Новгородъ, чтобы провести столь знаменательный день съ нижегородцами. Но душою Его Величество въ этотъ день будетъ съ ними».

Милостивыя слова были покрыты долго не смолкавшими кликами «ура».

Городской голова Сироткинъ и одинъ изъ волостныхъ старшинъ удостоились поднести хлѣбъ-соль: первый—отъ Нижняго-Новгорода, а второй отъ крестьянъ Нижегородской губерніи. Г. Сироткинъ произнесъ слѣдующую привѣтственную рѣчь:

«Ваше императорское высочество.

«По обычаю старины, въ знакъ гостепріимства и радушія, просимъ принять отъ города Нижняго-Новгорода хлѣбъ-соль. Нижній-Новгородъ глубоко тронутъ вниманіемъ Его Императорскаго Величества и участіемъ вашего императорскаго высочества въ чествованіи 300-лѣтія кончины нашего предка Козьмы Минина.

«Намъ радостно въ общеніи съ вашимъ императорскимъ высочествомъ переживать историческіе дни години высокаго патріотическаго подъема нижегородцевъ. Вѣрные завѣтамъ былого, мы съ первыхъ же дней войны отдаемъ достойное и напрягаемъ свой разумъ на защиту нашей родины.

«Вы, ваше императорское высочество, лично видѣли наши военные заводы. Трудно перечестъ все сдѣланное для славной нашей арміи. Мы живемъ войной и для войны.

«Почтительнѣйше просимъ ваше императорское высочество передать Его Величеству Государю Императору, что мы, какъ и встарь, готовы итти на всякія жертвы за честь, цѣлость и славу нашего отечества».

Его высочество благодарилъ Сироткина, сказавъ, что онъ будетъ счастливъ засвидѣтельствовать Его Величеству, что нижегородцы готовы такъ же служить престолу и отечеству, какъ ихъ предки.

Принимая депутацію 10-й пѣхотной дивизіи, въ составѣ шести офицеровъ,

прибывшихъ изъ дѣйствующей арміи на торжества по случаю 300-лѣтія со дня кончины Минина, его высочество удостоилъ офицеровъ разспросовъ о боевой жизни ихъ полковъ.

Въ 5 ч. 30 мин. дня, милостиво простившись съ представлявшимися, его высочество прослѣдовалъ во внутренніе покои дворца.

Въ 6 час. дня въ кафедральномъ сборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся, въ присутствіи представителя Государя Императора великаго князя Георгія Михайловича, архіепископомъ Іоакимомъ и епископомъ Макаріемъ, въ сослуженіи городского духовенства, совершена была торжественная панихида по великомъ нижегородскомъ гражданинѣ Козьмѣ Мининѣ. Во время пѣнія «вѣчная память» его высочество изволилъ опуститься на колѣни, горячо молясь объ упокоеніи народнаго героя. Въ сборѣ архіепископомъ Іоакимомъ поднесена великому князю икона.

По окончаніи панихиды состоялось торжество возложенія на гробницу Минина многочисленныхъ вѣнковъ отъ разныхъ обществъ и учреждений, среди нихъ видное мѣсто занимаютъ вѣнки: отъ петроградскаго купеческаго общества, города Москвы, ярославскаго общества хоругвеносцевъ, города Суздаля, нижегородскаго уѣзднаго земства, нижегородскаго губернскаго земства, города Нижняго-Новгорода, нижегородскаго биржевого общества и другіе. На панихидѣ присутствовали представители всѣхъ мѣстныхъ учреждений и обществъ и прибывшія депутаціи, въ томъ числѣ депутація отъ 10-й пѣхотной дивизіи, также возложившая на гробницу Минина роскошный вѣнокъ отъ имени частей и штаба дивизіи.

Архіепископъ владимирскій Алексій, въ епархіи котораго находится могила сподвижника Козьмы Минина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, привѣтствовалъ юбилейный мининскій комитетъ слѣдующею телеграммою:

«Великій воевода земли русской князь Пожарскій склоняется передъ могилой своего славнаго сподвижника великаго русскаго гражданина Козьмы Минина и въ духовномъ единеніи съ архипастырями, пастырями и пасомыми родной ему Владимиро-Суздальской области молитъ Всевышняго даровать православною російскою церквю миръ, Царю и всему Царствующему роду во вѣки нерушимое благоденствіе, всѣмъ русскимъ людямъ единеніе помысловъ и чувствъ. Да объединятся всѣ русскіе люди, какъ некогда въ дни Минина и Пожарскаго, вокругъ Царскаго престола, какъ тогда, всей землей во главѣ со своимъ Самодержавнымъ Царемъ, ударятъ на врага и снова докажутъ міру, что духъ Минина и Пожарскаго, духъ любви и преданности вѣрѣ православною, Царю и Родинѣ живъ и могучъ въ сердцахъ російскихъ сыновъ, и не сломитъ его нашимъ врагамъ. Не бывать тому, чтобы Волга-матушка потекла въ Пѣмецкое море; не бывать тому, чтобы русскій православный стягъ склонился передъ невѣрными!»

8-го мая съ ранняго утра къ кафедральному собору стали стекаться со всѣхъ концовъ города крестные ходы съ участіемъ многихъ тысячъ народа. Всѣ улицы и площади, примыкающія къ Кремлевскому дворцу, быстро покрылись войсками, учащимися, прибывшими изъ разныхъ городовъ имперіи депутаціями монархическихъ организацій и обществъ хоругвеносцевъ

и мѣстнымъ населеніемъ, а также прибывшими изъ губерніи крестьянами. Въ 8 съ половиной часовъ утра началась торжественная литургія. Въ соборѣ присутствовали: великій князь Георгій Михайловичъ, губернаторъ, губернский предводитель дворянства и всѣ высшіе представители учреждений и обществъ. По окончаніи литургіи въ полдень начался величественный крестный ходъ, возглавляемый архіепископомъ Іоакимомъ и епископомъ Макаріемъ въ сослуженіи всего городского духовенства. Вслѣдъ за высшимъ духовенствомъ изволилъ шествовать великій князь Георгій Михайловичъ со свитой и высшими военными и гражданскими чинами. За крестнымъ ходомъ слѣдовали десятки тысячъ народа. Крестный ходъ направился сначала къ памятнику Минину на Часовой горѣ, а оттуда къ Ивановскому съѣзду, къ Николь-на-торгу и затѣмъ къ Зеленскому съѣзду, на Благовѣщенскую площадь, къ памятнику Александру II, гдѣ были выстроены шпалерами войска и спортивныя и ученическія дружины. По обѣимъ сторонамъ крестнаго хода члены обществъ хоругвеносцевъ несли хоругви, а депутаціи монархическихъ организацій—знамена и стяги.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ крестный ходъ останавливался для совершенія молитвъ и возглашенія вѣчной памяти Минину и его сподвижникамъ.

На Благовѣщенской площади его высочество изволилъ принять парадъ. Здороваясь съ ротами и командами, великій князь изволилъ передать войскамъ милостивый привѣтъ отъ Государя Императора. Слова его высочества были покрыты бурными и радостными кликами «ура», эхомъ пронесшимися по всему городу.

Передъ прохожденіемъ войскъ церемоніальнымъ маршемъ хоромъ, въ которомъ участвовало свыше тысячи учащихся, исполнены патріотическія пѣсни въ память и честь Минина. Гимнъ «Боже, Царя храни», исполненный военными оркестрами и хоромъ учащихся, вызвалъ долго не смолкавшіе клики «ура».

По окончаніи парада въ разныхъ мѣстахъ города начались народныя развлечения съ участіемъ и ученическихъ хоровъ. Повсюду наблюдалось большое оживленіе и масса празднично настроенной публики, толпами собиравшейся къ мѣстамъ проѣзда и остановокъ Царскаго представителя.

Въ 4 часа пополудни въ зданіи думы состоялось торжественное соединенное засѣданіе думы и ученой архивной комиссіи, посвященное 300-лѣтію кончины Минина.

Въ 4 ч. 15 мин. въ переполненный собравшимися на чествованіе Минина представителями вѣдомствъ, депутаціями и гражданами города залъ засѣданій, декорированный живыми цвѣтами, вошелъ великій князь Георгій Михайловичъ, встрѣченный народнымъ гимномъ, трижды повтореннымъ по требованію публики.

Открывъ засѣданіе, городской голова Сироткинъ обратился къ великому князю съ просьбой выразить отъ имени собранія и города Нижняго-Новгорода Государю Императору безпредѣльныя чувства любви и преданности. Затѣмъ городской голова просилъ его высочества принять отъ лицъ собравшихся глубокую благодарность за особую честь, оказанную городу посѣщеніемъ его

въ день 300-лѣтія кончины Минина. Далѣе городской голова провозгласилъ здравицу Государю Императору съ Августѣйшей семьей, великому князю Георгію Михайловичу, его супругѣ, доблестной російской арміи и прибывшей въ Нижній-Новгородъ депутаціи 10-й пѣхотной дивизіи. Слова городского головы покрывались единодушными кликами «ура».

Его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ соизволилъ передать городу въ лицѣ присутствующихъ милостивый привѣтъ Его Императорскаго Величества, повелѣвшаго сказать Нижнему-Новгороду, что Его Величество душою въ этотъ день будетъ находиться съ нижегородцами. Слова высокаго гостя вызвали шумную манифестацію и были покрыты многократно исполненнымъ народнымъ гимномъ.

Засимъ начались рѣчи, посвященныя памяти Минина и переживаемой нынѣ эпохѣ. Первымъ говорилъ о вліяніи церкви на устройство и развитіе государства епископъ Іоакимъ.

Затѣмъ главноначальствующій Гирсъ сказалъ слѣдующее:

«300 лѣтъ покоится подъ могильными сводами прахъ нижегородскаго гражданина Козьмы Минина, но вѣка не изгладили священной памяти с великомъ героѣмъ, спасителѣмъ отечества. Среди насъ понинѣ живетъ его свѣтлый образъ, который укрѣпляетъ вѣру въ непокрушимую мощь Россіи, въ его дни испившей еще болѣе горькую чашу испытаній, но вышедшей изъ-подъ гнета бѣдствій побѣдоносной и сильной. Да послужитъ нынѣшній день днемъ утѣшенія славнымъ витязямъ-богатырямъ, съ беззавѣтной любовью къ отечеству проливающимъ кровь на поляхъ сраженій. Минуетъ новое лихолѣтіе. Россія встанетъ во всемъ побѣдоносномъ величій своемъ, но память о родныхъ герояхъ нашихъ не умретъ никогда. Пронесутся вѣка, и, какъ мы сплотились у священной гробницы безсмертнаго Минина съ августѣйшимъ посланцемъ Его Императорскаго Величества во главѣ, такъ и наши потомки въ порывѣ благодарности къ героямъ нашихъ дней воздадутъ честь и славу защитникамъ родины».

Говорили еще: городской голова, предсѣдатель архивной комиссіи Садовскій, профессора Платоновъ, Кизеветтеръ, Успенскій, членъ Государственнаго Совѣта Муратовъ. Профессоръ Успенскій въ своей рѣчи призывалъ всѣхъ къ единенію и созданію, по инициативѣ потомковъ Минина нижегородцевъ, всероссійскаго сбора на нужды войны. Муратовъ въ высокопатріотической рѣчи призывалъ всѣхъ къ единенію съ Царемъ для скорѣйшей побѣды надъ врагомъ и дальнѣйшаго устроенія внутренней жизни государства. Профессора Платоновъ и Кизеветтеръ говорили о значеніи Минина въ жизни государства, о переживаемомъ Россіей тяжкомъ лихолѣтіи, повторившемся черезъ 300 лѣтъ, о необходимости полного напряженія силъ духовныхъ и матеріальныхъ и доведенія до побѣдоноснаго конца переживаемой новой войны.

По окончаніи рѣчей состоялось чтеніе привѣтствій отъ разныхъ учебныхъ заведеній и общественныхъ организацій, въ томъ числѣ г. Москвы, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Привѣтствіе изъ арміи было покрыто громкими аплодисментами, кликами «ура». Во время засѣданія хоръ учащихся прекрасно исполнилъ нѣсколько

номеровъ, посвященныхъ Минину и основателю Нижняго-Новгорода князю Георгію Всеволодовичу.

Въ 6 ч. 30 м. зазданіе закрылось.

Въ 7 час. вечера въ Кремлевскомъ дворцѣ у губернатора Гирса состоялся въ честь великаго князя Георгія Михайловича парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали: командующій войсками московскаго округа генераль Прозоровскій, свита его императорскаго высочества, многіе высшіе военные и гражданскіе чины, представители города и земскихъ учреждений губерніи.

Вечеромъ въ городскомъ театрѣ, декорированномъ національными флагами и вензелями, въ присутствіи великаго князя Георгія Михайловича состоялся парадный спектакль. Исполнены были сцены изъ оперъ «Жизнь за Царя» и «Нижегородцы». Въ заключеніе поставленъ былъ апоѳеозъ изъ двухъ картинъ: «Призывъ Минина на Кремлевской площади къ пожертвованіямъ для спасенія Москвы» и изображеніе сооружаемаго въ Нижнемъ-Новгородѣ памятника Минину и князю Пожарскому. Въ антрактахъ оркестромъ и хоромъ былъ исполненъ многократно повторенный народный гимнъ и квартирующими въ Нижнемъ-Новгородѣ плѣнными эльзасцами французскій гимнъ-марсельеза.

Вечеромъ въѣ улицы, прилегающія къ зданію думы, театру, Кремлевскому дворцу, роскошно расцвѣченныя флагами, блестяще иллюминированныя, были усеяны публикой, собравшеюся привѣтствовать Царскаго представителя. Публика оставалась на улицахъ до поздней ночи. На многіхъ зданіяхъ и въ окнахъ магазиновъ выставлены плакаты съ надписями: «Гражданину Минину— благодарная Россія, 1616—1916». «Отдадимъ все за православную вѣру, за Святую Русь».

Въ военномъ манежѣ въ Кремлѣ 8 мая по окончаніи крестнаго хода и парада открылась выставка, посвященная памяти Минина, эпохѣ смутнаго времени и исторіи Нижняго-Новгорода. Демонстрировалась также панорама картины Горьлова «Выходъ нижегородскаго ополченія въ 1616 г.».

Въ манежѣ устроено было для народа литературно-музыкально-вокальное отдѣленіе изъ произведеній, соответствующихъ сюжету выставки. Въ концертномъ отдѣленіи участвовалъ хоръ, который исполнилъ патріотическія пѣсни, посвященныя Минину и основателю Нижняго-Новгорода князю Георгію Всеволодовичу.

7-го и 8-го мая въ городѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ губерніи состоялся сборъ пожертвовацій на сооруженіе памятника Минину и Пожарскому и на созданіе специальнаго фонда имени Минина на нужды войны. Сборъ прошелъ успѣшно.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ пожертвованія принимались организованнымъ супругой губернатора Гирса дамскимъ комитетомъ. Въ сборѣ приняли дѣятельное участіе ученики и ученицы учебныхъ заведеній, дамы, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, а также многія представительницы мѣстнаго общества, которыя съ утра до ночи съ перевитой черезъ плечо лентой національныхъ цвѣтовъ обходили улицы, приглашая населеніе къ пожертвованіямъ.

Утромъ 9-го мая великій князь Георгій Михайловичъ отбылъ изъ Нижняго-Новгорода.

Въ юбилейный комитетъ и на имя губернатора поступило много телеграммъ отъ разныхъ общественныхъ организацій губерніи съ просьбой повергнуть къ стопамъ Государя Императора ихъ горячія върноподданническія чувства любви и преданности и засвидѣтельствовать передъ Его Величествомъ готовность населенія, по примѣру великаго предка нижегородцевъ Козьмы Минина, пожертвовать всею достояніемъ и жизнью для побѣды надъ врагомъ, для счастья и благоденствія родины.

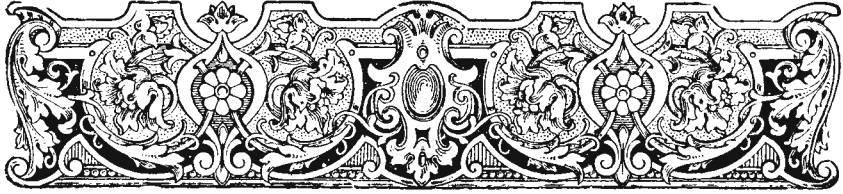
8-го мая въ Москвѣ по случаю 300-лѣтія со дня кончины нижегородскаго гражданина Козьмы Минина въ Чудовомъ монастырѣ совершена была заупокойная литургія, которую служилъ соборнѣ архіепископъ Михаилъ гродненскій. Послѣ литургіи изъ Успенскаго собора и другихъ кремлевскихъ соборовъ и церквей, а также изъ Казанскаго и Покровскаго соборовъ двинулся крестный ходъ, который приблизился къ памятнику Минина и Пожарскаго. Здѣсь преосвященный Модестъ, епископъ верейскій, въ присутствіи многочисленной толпы молящихся совершилъ торжественную панихиду. По окончаніи панихиды депутація отъ города въ лицѣ городского головы Челнокова и члена гор. управы Малинина возложила къ подножію памятника вѣнокъ отъ города Москвы. Затѣмъ были возложены вѣнки: отъ московскаго земства, отъ московскаго купческаго общества, отъ московскаго биржевого комитета, московской мясной биржи и др. На богослуженіи въ Чудовомъ монастырѣ и въ крестномъ ходѣ участвовали и присутствовали на панихидѣ всѣ высшія военныя и гражданскія должностныя лица, представители города, земства, дворянства и сословій.

Въ Петроградѣ въ церкви Русскаго собранія, по случаю 300-лѣтія со дня кончины Козьмы Минина, въ присутствіи членовъ собранія митрофорнымъ протоіереемъ членомъ Гос. Совѣта о. Буткевичемъ отслужена была панихида о бояринѣ Козьмѣ. Такая же панихида была совершена 8-го мая и архіерейскимъ служеніемъ по почину патріотической организаціи Петрограда.

Въ другихъ городахъ Россіи 8-го мая, въ день торжествъ по случаю 300-лѣтія кончины Козьмы Минина, также состоялись чествованія памяти великаго нижегородскаго гражданина. Повсюду были отслужены торжественныя панихиды въ присутствіи представителей власти, сословій и многочисленныхъ молящихся. Состоялись засѣданія разнчныхъ ученыхъ обществъ, посвященныя памяти покойнаго. Въ учебныхъ заведеніяхъ были устроены чтенія, на которыхъ раздавались брошюры съ описаніемъ жизни и дѣятельности Козьмы Минина. Всѣ газеты и журналы откликнулись на эту знаменательную годовщину, помѣстивъ на своихъ страницахъ рядъ статей, замѣтокъ, историческихъ справокъ и фельетоновъ, выяснявшихъ значеніе мининскаго подвига.

Таковы оказались поминки, которыя устроила Россія по Козьмѣ Мининѣ, давшемъ 300 лѣтъ тому назадъ потомству примѣръ гражданскаго самосознанія, политической энергіи и рѣзкой трудоспособности.

Да послужитъ этотъ историческій примѣръ въ назиданіе намъ. да волеетъ въ насъ въ эти многотрудные дни всемірной разрухи струю бодрой свѣжести и силъ, да укрѣпитъ онъ нашу энергію и ярче засвѣтитъ лучъ свѣтлой надежды на скорое освобожденіе и побѣду надъ Германіей и ея союзниками.

С М Ъ С Ъ.

ВСЕРОССІЙСКОЕ общество редакторовъ ежедневныхъ газетъ. 30-го апрѣля состоялось годовое общее собраніе всероссійскаго общества редакторовъ ежедневныхъ газетъ. Послѣ краткой прѣдѣлительной рѣчи предсѣдателя совѣта М. А. Суворина секретарь совѣта П. Е. Щеголевъ сдѣлалъ докладъ о дѣятельности общества за отчетный 1915 г. Въ этомъ году общество дѣйствовало еще, какъ общество редакторовъ ежедневныхъ газетъ Петрограда. Возникнувъ изъ частныхъ совѣщаній редакторовъ газетъ «Биржевыя Вѣдомости», «Вечернее Время», «День», «Новое Время», «Рѣчь», общество начало свою дѣятельность 1-го сентября 1915 г. По 1-ое января 1916 г. состоялось 22 засѣданія совѣта и 8 общихъ собраній. Въ обществѣ были представлены слѣдующія петроградскія газеты: «Биржевыя Вѣдомости», «Вечернее Время», «Газета-Копѣйка», «Голосъ» («Петроградскій Курьеръ»), «Голосъ Руси», «День», «Колоколь», «Новое Время», «Петроградская Газета», «Петроградскій Листокъ», «Петроградскія Вѣдомости», «Рѣчь», «Свѣтъ» и «Современное Слово». Выполняя основныя задачи, опредѣленныя уставомъ, общество прилагало всѣ мѣры къ защитѣ и охранѣ правъ печати. При первыхъ извѣстіяхъ о возможности введенія предварительной цензуры общество опубликовало принятую единогласно общимъ собраніемъ 16-го сентября резолюцію, въ которой заявляло, что «введеніе предварительной цензуры угрожаетъ самому существованію печати и является мѣрой противогосударственной, а въ настоящій моментъ, когда всѣ духовныя силы Россіи должны быть использованы для борьбы съ врагомъ, и опасною». Ввиду того, что «Голосъ Руси», печатая резолюцію общаго собранія, сдѣлалъ добавленіе, противоположающее эту резолюцію профессиональнымъ нуждамъ его членовъ, общество въ засѣданіи 26-го сентября высказалось по этому основному вопросу слѣдующимъ образомъ: «Независимо отъ государ-

ственной значенія свободы печати, придающаго борьбѣ за эту свободу политическій характеръ, общество считаетъ необходимымъ констатировать, что для всей независимой печати, безъ всякаго различія направленій, свобода печати составляетъ основную профессиональную нужду и коренное условіе правильной работы, то посему борьба за свободу печати и огражденіе ея составляетъ первѣйшую и важнѣйшую задачу общества и что не могутъ быть членами общества тѣ, кто этого основного начала не признаетъ». Разсмотрѣвъ въ подробностяхъ поступокъ «Голоса Руси», общее собраніе 26-го октября единогласно постановило примѣнить къ представителю «Голоса Руси» § 6 п. «а» устава и считать его выбывшимъ изъ состава дѣйствительныхъ членовъ общества. Въ соотвѣтствіи съ этимъ твердо установленнымъ основнымъ принципомъ находилась дѣятельность по защитѣ и охранѣ правъ печати. Усматривая въ доложенномъ на общемъ собраніи 21-го октября по порученію мин. вн. д. А. Н. Хвостова проектъ учрежденія бюро печати попытку воздѣйствія на независимую печать, общество высказало отрицательное отношеніе къ этому проекту и приняло ограждающее независимость печати постановленіе о невозможности какихъ-либо сношеній представителей редакцій съ означеннымъ бюро. Въ заботахъ объ охраненіи профессиональныхъ интересовъ печати общество входило съ соотвѣтствующими ходатайствами о разрѣшеніи полученія нѣкоторыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для газетнаго производства, о предоставленіи отсрочекъ военнообязаннымъ рабочимъ газетныхъ типографій. Эти ходатайства встрѣтили сочувственное отношеніе высшихъ представителей правительства. Съ особымъ вниманіемъ общество обсуждало вопросъ о мѣрахъ борьбы съ поднятіемъ цѣны на газетную бумагу. Въ настоящее время общество въ лицѣ своихъ представителей входитъ въ учреждаемый при мин. торг. и пром. комитетъ по бумажной промышленности. Особо отмѣченными должны быть выступленія общества по вопросамъ государственнымъ. Таково сдѣланное въ отчетѣ о бесѣдѣ членовъ совѣта общества съ мин. вн. дѣлъ заявленіе по вопросу о недопустимости и неприемлемости сепаратнаго мира для Россіи, а также принятое обществомъ и проведенное въ жизнь постановленіе о широкомъ участіи прессы въ дѣлѣ популяризаціи внутренняго займа. Послѣ доклада секретаря послѣдовали доклады казначея общества С. М. Проппера и докладъ ревизіонной комиссіи. Доклады приняты и утверждены. Засимъ были произведены выборы должностныхъ лицъ. Въ совѣтъ общества избраны: Б. А. Суворинъ («Вечернее Время»), М. А. Суворинъ («Новое Время»), І. В. Гессенъ («Рѣчь»), М. М. Горбѣловъ, С. М. Пропперъ («Биржевыя Вѣдомости»), С. Н. Худековъ («Петроградская Газета»), П. Е. Щеголевъ («День»), М. И. Эйшикинъ («Кіевская Мысль»), А. А. Юзефовичъ («Южный Край»). Кандидатами въ члены совѣта избраны: М. А. Ганфманъ («Современное Слово»), А. А. Измайловъ («Петрогр. Листокъ»), кн. Э. Э. Ухтомскій («Петрогр. Вѣдомости») А. П. Алексѣевскій («Утро Россіи»), С. Ф. Штернъ («Одесскій Листокъ») Въ ревизіонную комиссію избраны: В. А. Бонди («Бирж. Вѣдомости») Е. М. Ещинъ («Нижегородскій Листокъ»), Н. Л. Казецкій («Раннее Утро»), М. Н. Мазевъ («Новое Время»). Кандидатами: А. К. Гермоніусъ («Петр. Газета»), М. В. Городецкій («Газета-Копейка») и А. С. Худековъ («Петр. Газета»). По постановле-

нію общаго собранія, предсѣдателю Гбс. Думы М. В. Родзянко послана при вѣтственная телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Годовое общее собраніе всероссійскаго общества редакторовъ ежедневныхъ газетъ горячо привѣтствуетъ десятилѣтній юбилей историческаго дня 27 апрѣля 1906 г., твердо вѣруя, что свобода печати, составляющая лозунгъ общества, будетъ развиваться и укрѣпляться лишь по мѣрѣ того, какъ идея народнаго представительства получить свое полное выраженіе и осуществленіе».

Въ литературномъ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ С. А. Венгерова, 24-го апрѣля состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Предсѣдатель открылъ собраніе рѣчью, посвященной памяти М. М. Ковалевскаго. По предложенію г. Венгерова собраніе почтило память М. М. Ковалевскаго вставаніемъ. Затѣмъ секретарь комитета Е. П. Султанова доложила отчетъ о дѣятельности комитета за истекающее полугодіе съ 1-го ноября 1915 года по 23-е апрѣля 1916 г. За этотъ періодъ комитетомъ было разсмотрѣно 714 дѣлъ, касающихся денежной и иной помощи литераторамъ или ихъ семьямъ. Всего оказано разнаго вида денежной помощи 370 лицамъ на сумму 36.189 р. Отказано 24 лицамъ за отсутствіемъ литературныхъ правъ и по инымъ причинамъ. Изъ пожертвованій за отчетное время слѣдуетъ отмѣтить 1.000 р. Л. Ф. Пантелѣева на воспитаніе и образованіе дѣтей нуждающихся литераторовъ и 2.000 р. А. А. Юзевича по случаю 35-лѣтія издаваемой имъ газеты «Южный Край». Устроенный комитетомъ литературный вечеръ въ память Л. Н. Толстого далъ чистой прибыли 800 р. Изъ доложеннаго затѣмъ Н. С. Русановымъ отчета по казначейской части видно, что всего литературный фондъ имѣетъ 1.114.725 р. процентными бумагами и 87.994 р. 84 к. наличными. Израсходовано за отчетные 6 мѣсяцевъ всего 74.465 р., включая сюда расходы по изданіямъ, содержанію имущества и т. д. Заслушанные отчеты общимъ собраніемъ утверждены. По возбужденному вопросу относительно покупки облигацій военнаго займа было указано, что врядъ ли фондъ въ правѣ взять изъ Государственнаго банка процентныя бумаги и продать ихъ, тѣмъ болѣе при нынѣшнемъ низкомъ курсѣ и отсутствіи биржи, регулирующей курсовую стоимость процентныхъ бумагъ. При попыткѣ провести такую операцію черезъ одинъ крупный банкъ руководители банка указали на возможность потери общественныхъ денегъ при нынѣшнемъ положеніи. Собраніе согласилось съ этими объясненіями. Въ заключеніе были произведены выборы новыхъ членовъ. Избранными оказались: А. М. Кулишеръ, В. Е. Шацкій и П. И. Шестаковъ.

Портретная коллекція П. В. Гейцига. Коллекціонированіе, еще недавно сравнительно рѣдкое явленіе въ Россіи, въ настоящее время получаетъ широкое распространеніе среди любителей. У такихъ лицъ коллекціонированіе обращается въ излюбленное занятіе, которому отдается досугъ многихъ лѣтъ жизни, а сама коллекція становится святыней ихъ души. Къ сожалѣнію, коллекціонеры-любители, въ отличіе отъ коллекціонеровъ-профессіоналовъ, не любятъ себя рекламировать, благодаря чему очень цѣнныя коллекціи, весьма нужныя для людей науки, остаются въ неизвѣстности. Къ такимъ цѣннымъ коллекціямъ надо отнести собраніе портретовъ

Петра Владимировича Гейцга. По словам собирателя, он первоначально задался скромной, но трудной для выполнения задачей собирать портреты русских деятелей, заявивших о своей личности пером или кистью и оставивших больше или меньше заметный след в литературе и искусстве. При этом имело в виду не портрет как произведение живописи, фотографического или графического искусства, а лицо, деятель, отразившийся на полотне или бумаге. Руководством для отыскания таких деятелей первоначально служил энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Но со временем эта программа постепенно расширялась, в коллекцию вошли государственные, церковные, военные деятели, ученые разных специальностей, артисты, общественные деятели, которые сами что-нибудь создали, или о них что-нибудь написано. Кто занимался коллекционированием, тот знает, какое это интересное, захватывающее дело и сколько оно берет времени и денег. Постоянно следуя за энциклопедическим словарем, П. В. Гейцг с большим старанием узнавал адреса отмеченных там еще живых деятелей и обращался к каждому с просьбой прислать свой портрет. Еще большее внимание его было обращено на деятелей умерших, иногда забытых, которые, однако, в свое время писали, творили, действовали, о которых хоть немного известно было в печати. В этих случаях, не ограничиваясь словарем, П. В. Гейцг следил по газетам за умершими выдающимися столичными и провинциальными деятелями, узнавал их родственников и обращался к ним с просьбой выслать портрет умершего для пересылки. Конечно, иногда ради одного портрета приходилось писать к нескольким лицам и не один раз переснимать, и вообще дело было не легкое, так как русская публика не отличается аккуратностью в ответах на вопросы. Так дело велось в течение многих лет, и результатом его является очень ценная коллекция, включающая до 16-ти тысяч портретов, не считая дубликатов. В числе портретов есть масса очень редких, есть и уникалы. Известно, что некоторые лица (напр., из церковных иерархов) не любили сниматься, почему сложилось мнение, что от них не осталось портретов. Между тем в коллекции П. В. Гейцга такие портреты имеются. Оказывается, что эти лица случайно были захвачены объективом фотографического аппарата в какой-нибудь группе, откуда впоследствии были выделены родственниками, и получались отдельные портреты. Иногда это делал сам собиратель, благодаря чему в коллекции его встречаются редкие портреты, которых нет даже в изданных юбилейных альбомах и сборниках (напр., профессоров харьковского университета). Редкость и ценность коллекции г. Гейцга, несомненно, увеличивается с каждым годом, потому что портреты теряются, погибают в пожарах и во время таких грозных общественных бедствий, как текущая война, когда во время эвакуации Польши и Западного края погибли имущества десятков тысяч беженцев, а каждый из них непременно старался увести дорогие альбомы и отдельные портреты, есть сведения, что погибли коллекции портретов в музеях и у частных лиц; конечно, при этом погибли портреты достой-

ные сохранности и они могут оказаться въ коллекціи П. В. Гейцига. Кромѣ отдѣльныхъ портретовъ, въ этихъ коллекціяхъ есть цѣльныя группы или альбомы лицъ цѣлыхъ учреждений или отдѣльныхъ профессій. Нѣкоторые изъ нихъ были приобрѣтены по случаю, напр., предпринято было однимъ коллекціонеромъ изданіе альбома русскихъ гитаристовъ, изданіе не состоялось, а собранные портреты совсѣмъ было погибли у фотографа, если бы въ-время не были приобрѣтены П. В. Гейцигомъ. Большой цѣнностью разсматриваемой коллекціи является значительное число автографовъ, причѣмъ нѣкоторые ученые на своихъ портретахъ написали не только свои имена, но и свои выдающіеся афоризмы. Особенностью коллекціи является также и то, что въ нее входятъ не только личности историческія и обладатели крупныхъ талантовъ, но и дѣятели, такъ сказать, второстепенные, словомъ, тѣ, которые не потушили вложенной въ нихъ искры Божіей и свои, хотя небольшіе, таланты внесли въ міръ искусства и красоты. По способу исполненія портреты коллекціи въ большинствѣ фотографіи и фотографии хорошія, есть снимки съ портретовъ кисти Крамского, Тропинина, Кипренскаго и др., они снимались для коллекціи специалистами въ академіи художествъ, въ московской Третьяковской галлерей, въ императорской академіи наукъ, съ гравюръ собранія Эрмитажа, Румянцовскаго музея, въ императорской Публичной библиотекѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ музеяхъ, куда доступъ, обыкновенно, для фотографовъ довольно затруднителенъ. Кромѣ фотографій, въ коллекціи много произведеній графическаго искусства: литографіи, автотипичи, цинкографіи, фототипичи, гравюры. Между послѣдними есть произведенія такихъ извѣстныхъ за границей граверовъ и граверныхъ заведеній, какъ Набгольць, Шредеръ, Брокгаузъ, Целгеръ. Изъ граверныхъ заведеній въ Россіи, кромѣ извѣстныхъ иностранныхъ: Мюнстера, Шевалье, Брезе, въ большомъ количествѣ представлены работы русскихъ граверовъ и литографовъ съ начала XIX в.: Тюлева, Осипова, Розанова, Соколова, Аванасьева, Фролова, Мъркина и др. Эти произведенія даютъ богатый матеріалъ для исторіи развитія графическаго искусства въ Россіи. Портреты разсматриваемой коллекціи раздѣлены по отдѣламъ (родъ дѣятельности), тщательно прикрѣплены къ картонамъ. Картоны и портреты занумерованы, къ нимъ есть карточный алфавитный каталогъ, дающій полную возможность очень скоро найти желательное лицо и краткія указанія о его дѣятельности и времени жизни. Для всякаго историка (особенно отдѣльныхъ вѣдомствъ и учреждений) коллекція П. В. Гейцига истинный кладъ, гдѣ онъ иногда неожиданно для себя можетъ найти желательный портретъ или даже составить группу. Вообще, просматриваемая нами любительская коллекція, представляющая длинную галлерей портретовъ русскихъ дѣятелей XVIII, XIX, XX в. в., единственное въ своемъ родѣ явленіе, заслуживающее полного вниманія. Считаю нужнымъ добавить, П. В. Гейцигъ самъ преувеличенно скромныхъ понятій о своей коллекціи и не ищетъ ея рекламы, но онъ съ большою любезностью и готовностью предлагаетъ свой шкапъ съ картонами всякому интересующемуся, почему мы считаемъ полезнымъ указать его адресъ: Петроградъ, Ямская ул. д. № 30, кв. № 14.

НЕКРОЛОГИ.

БОГАЦКІЙ, Ф. Д. 4-го мая въ Одессѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ присяжныхъ повѣренныхъ округа одесской судебной палаты, предѣдатель совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Ф. Д. Богацкій. Покойный родился въ 1847 году. По окончаніи курса юридическихъ наукъ въ Новороссійскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ въ 1871 г., Ф. Д. былъ зачисленъ кандидатомъ на судебныя должности при одесской судебной палатѣ и въ теченіе свыше двухъ лѣтъ исполнялъ обязанности секретаря палаты. Однако служба по магистратурѣ его мало удовлетворяла, онъ оставилъ ее и перешелъ въ ряды адвокатуры, записавшись помощникомъ присяжнаго повѣреннаго къ выдающемуся тогда въ Одессѣ присяжному повѣренному Адаменку. По отбытіи 5-лѣтняго стажа Ф. Д. былъ принятъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ округа одесской судебной палаты и сразу выдвинулся, какъ выдающійся цивилистъ. Скоро Ф. Д. былъ приглашенъ городскимъ самоуправленіемъ на должность городского юрисконсульта, каковую должность покойный занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Ф. Д. Богацкій, помимо городскихъ дѣлъ, имѣлъ еще не малую юридическую практику, главнымъ образомъ по гражданскимъ дѣламъ. Онъ выступалъ въ нѣкоторыхъ громкихъ гражданскихъ процессахъ, обнаруживая всегда полное знакомство съ порученными ему дѣлами и тонкій юридическій анализъ правоотношеній. Покойный былъ почти единственнымъ въ Одессѣ представителемъ того поколѣнія варшавскихъ литераторовъ, которое въ эпоху 1877—1883 гг. обновило литературную жизнь Польши и положило начало новѣйшей литературѣ о публицистикѣ подъ знаменемъ «позитивизма». Богацкій помѣщалъ много статей научнаго характера въ «Еженедѣльномъ Обозрѣніи», въ «Нивѣ», издалъ брошюру «Мнемоника» (1874 г.), «Тайники духовной жизни» (1881 г.), «О сущности психическихъ явленій» (1883 г.). Фамилія Богацкаго часто встрѣ

чалась въ разныхъ журналахъ того времени на ряду съ именами Бодуэнъ-де-Куртенэ, Юліана Охоровича, Александра Свентоховскаго и др. Перебравъ въ Одессу, работая здѣсь безъ устали на юридическомъ поприщѣ, Бѣгацкій, однако, не забываетъ литературы. Нѣкоторое время вмѣстѣ съ покойнымъ Милятицкимъ онъ преподавалъ польскую литературу въ частныхъ семействахъ, въ 1900 году въ сборникъ «Правда», изданномъ въ честь Свентоховскаго, онъ помѣстилъ статью «Законъ ритма». Въ 1914 году онъ издалъ на польскомъ языкѣ философскіе очерки. Когда въ 1908 году были открыты польскіе клубы «Огниско» и «Домъ Польскій», Ф. Д. охотно присоединился къ начинаніямъ Каленкевича и все время до 1916 года интересовался жизнью «Польскаго Дома», ежегодно читая два-три реферата на литературныя темы. Эти его выступленія были очень интересны и охотно посѣщались публикой. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1916, № 121).

† **Голицынъ, Б. Б., академикъ.** 4-го мая скончался въ Петроградѣ извѣстный физикъ, ординарный членъ академіи наукъ, князь Б. Б. Голицынъ. Кн. Б. Б. родился въ 1862 г. и получилъ первоначальное образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго, въ 1880 г., поступилъ въ морскую академию. Уже въ морской академіи кн. Б. Б. обнаружилъ большую склонность къ физическимъ наукамъ и въ 1887 г. отправился за границу, гдѣ въ Страсбургѣ посвятилъ себя специально занятіямъ физикой. Въ 1892 г. кн. Б. Б. былъ избранъ прив.-доцент. московскаго университета, а черезъ годъ получилъ кафедру физики въ юрьевскомъ университетѣ. Въ Юрьевѣ кн. Б. Б. оставался недолго, такъ какъ въ томъ же году былъ избранъ адъюнктомъ академіи наукъ по физикѣ. Въ 1894 г. кн. Б. Б. былъ избранъ преподавателемъ Николаевской морской академіи. Въ 1896 г. кн. Б. Б. принималъ участіе въ экспедиціи на Новую Землю для наблюденія полного солнечнаго затмѣнія. Покойнымъ ученымъ было издано много трудовъ, изъ которыхъ особое вниманіе обратили его изслѣдованія по сейсмографіи. Подъ его руководствомъ и наблюденіемъ была устроена сейсмическая станція въ Пулковской обсерваторіи, причемъ въ Пулковѣ стали примѣнять специальное изобрѣтеніе кн. Б. Б. приборъ для измѣренія колебаній почвы. Въ послѣднее время кн. Б. Б. руководилъ также станціями для измѣренія движенія воздуха. Ординарнымъ академикомъ кн. Б. Б. былъ избранъ въ 1908 г. Въ дѣлахъ академіи наукъ кн. Б. Б. принималъ ближайшее участіе въ теченіе послѣдняго года, между прочимъ замѣнялъ непремѣннаго секретаря, когда академикъ С. Θ. Ольденбургъ былъ въ экспедиціи въ Туркестанѣ. Съ 1899 г. по 1905 г. кн. Б. Б. управлялъ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Одно время онъ состоялъ гласнымъ петроградской городской думы. Кн. Б. Б. состоялъ почетнымъ членомъ многихъ ученыхъ учрежденій въ Россіи и за границей. (Некрологъ его «День», 1916, № 122).

† **Гранкинъ, А. Л.** Въ Николаевѣ скончался редакторъ «Трудовой Газеты» Андрей Львовичъ Гранкинъ, популярный на югѣ Россіи журналистъ, имѣющій за собой долготѣтную литературную дѣятельность. Лишь въ прошломъ году А. Л. праздновалъ свой 35-лѣтній юбилей. Свою литературную дѣятельность покойный провелъ исключительно въ Николаевѣ, гдѣ въ те-

ченіе многихъ лѣтъ состоялъ сотрудникомъ, а потомъ редакторомъ цѣлаго ряда газетъ, издававшихся въ Николаевѣ. Не чужды были литературные труды усопшаго также и одесской публикѣ, которая читала его произведенія въ журналахъ, издававшихся въ Одессѣ въ періодъ 1905—10 годовъ. Въ день юбилея населеніе Николаева, черезъ своихъ уполномоченныхъ, въ достаточной мѣрѣ оцѣнило плодотворную работу Грапкина, путемъ поднесенія ему цѣнныхъ подарковъ и содержательнаго адреса. Въ лицѣ А. Л. литературная среда юга потеряла одного изъ честныхъ тружениковъ, а николаевская публика — защитника ея интересовъ. За свою 20-лѣтнюю дѣятельность въ должности редактора А. Л. отбывалъ въ общей сложности лѣтъ 8 административнаго наказанія въ тюрьмѣ. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1916, № 107).

† **Де-Волланъ, Г. А.** Въ Ялтѣ скончался 28-го апрѣля писатель-журналистъ Григорій Александровичъ де-Волланъ, бывший чрезвычайный посланникъ при Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Покойный въ концѣ 70-хъ годовъ былъ корреспондентомъ «Новаго Времени» изъ Вѣны, Далмаціи и Черногоріи. Въ послѣдующіе годы было напечатано нѣсколько его статей по разнымъ вопросамъ: «Австрійскій панславизмъ» и др. Г. А. родился въ Петроградѣ 20-го февраля 1847 г., образованіе получилъ за границей, слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, сдалъ экзаменъ на кандидата правъ въ новороссійскомъ университетѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ археологическомъ институтѣ. Его литературная дѣятельность началась въ концѣ 60-хъ годовъ, когда онъ напечаталъ свои впечатлѣнія о поѣздкѣ въ Грецію въ угро-русской газетѣ «Карпатъ». Въ этой же газетѣ подъ псевдонимомъ Тюра Джана былъ напечатанъ его юношескій романъ «Отто фонъ-Нейзацъ» изъ нѣмецкой жизни. Въ 1873 году онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вскорѣ былъ назначенъ секретаремъ генеральнаго консульства въ Пештѣ. Въ это время онъ посѣтилъ славянскія земли, хорватовъ, сербовъ, словаковъ и угро-русовъ. Результатомъ поѣздокъ и знакомствъ съ славянскими дѣятелями явились его книги: «Угорская Русь» и «Угро-русскія народныя пѣсни». Послѣдній трудъ изданъ географическимъ обществомъ и отмѣченъ серебряной медалью общества. Когда началось возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, Г. А. принялъ живѣйшее участіе въ дѣятельности славянскаго комитета. Уѣхавъ въ 1876 г. уполномоченнымъ комитета, онъ поступилъ добровольцемъ въ сербскую армію и во время боя у Копыта въ атмосферѣ боевого огня удачно выполнилъ ответственное порученіе гр. Келлера. Въ 1878 г. покойный былъ посланъ уполномоченнымъ отъ московскаго славянскаго комитета въ Черногорію для раздачи вещей несчастнымъ боснякамъ и герцеговинцамъ. Въ 1881 году состоялъ при директорѣ азіатскаго департамента Зиновьевѣ, въ 1886 году уѣхалъ консуломъ въ Хакодате, вскорѣ былъ назначенъ управляющимъ консульствомъ въ Нагасакахъ и въ Йокогамѣ. Въ Японію поѣхалъ кружнымъ путемъ черезъ Испанію, Индію, Бирму, Китай; на обратномъ пути побывалъ въ Сіамѣ, Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ. Плодомъ этихъ странствованій явились его статьи, напечатанныя въ «Русскомъ Обзорѣніи» и вышедшія затѣмъ отдѣльной книгой «По бѣлу свѣту». Затѣмъ покойный былъ первымъ

секретаремъ нашей миссiи сперва въ Токио, потомъ въ Вашингтонѣ. Въ 1898 г. вернулся въ Россiю и напечаталъ книгу «Въ странѣ Восходящаго Солнца». Съ 1902 года Г. А. жилъ въ Мексикѣ, будучи повѣреннымъ въ дѣлахъ и съ 1906 г. по 1910 г. нашимъ посланникомъ при Мексиканскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ это время имъ издана книга «Въ странѣ миллиардеровъ и демократiи». Последнее время покойный работалъ надъ составленiемъ двухтомной «Исторiи общественныхъ и революціонныхъ движенiй въ связи съ культурнымъ развитiемъ Русскаго государства». Первый томъ вышелъ въ 1913 г. (Некрологъ: «Новое Время», 1916 г. № 14425).

† **Никитинъ, П. В.** Въ Петроградѣ 5-го мая скончался вице-президентъ императорской академiи наукъ, д. т. с. Петръ Васильевичъ Никитинъ. Происходя изъ духовнаго званiя, покойный родился въ 1849 году, въ Устюжнѣ, уѣздномъ городѣ Новгородской губерни, по воспитывался въ петроградской духовной семинарiи, изъ которой съ 1867 года поступилъ въ императорскiй петроградскiй историко-филологическiй институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1871 году. Съ той поры, тотчасъ же по выпускѣ изъ института, началась учено-педагогическая дѣятельность П. В. и продолжалаеь въ теченiе сорока пяти лѣтъ. Сначала онъ былъ преподавателемъ латинскаго и русскаго языковъ во второй петроградской гимназiи (съ 1871 г.), по послѣ заграничной командировки былъ назначенъ съ 1875 года исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ классическихъ языковъ въ нѣжинскiй историко-филологическiй институтъ, откуда, послѣ приобрѣтенiя степени магистра греческой словесности за сочиненiе «Объ основахъ критики текста эолическихъ стихотворенiй Феокрита» (Кiевъ 1876 г.) перешелъ съ 1879 года въ доценты петроградскаго университета. Здѣсь, вслѣдъ за защитою своей докторской диссертации «Къ исторiи аѳинскихъ драматическихъ состязанiй» (Спб. 1882 г.), П. В. состоялъ профессоромъ греческаго языка и словесности, деканомъ историко-филологическаго факультета и ректоромъ петроградскаго университета (1890—1896 гг.), а также профессоромъ древнихъ языковъ въ родномъ институтѣ. Университетское преподаванiе и учено-литературные труды П. В. обратили на себя вниманiе и были высоко оцѣнены императорскою академiей наукъ. Она избрала его адъюнктомъ по классической филологiи и археологiи (со 2 апрѣля 1888 года), затѣмъ экстраординарнымъ (съ 22 августа 1892 г.) и ординарнымъ академикомъ (съ 18 апрѣля 1898 г.), наконецъ своимъ вице-президентомъ (съ 12 iюля 1900 года). Въ этомъ послѣднемъ звании покойный ученый до своей смерти и послѣ недавней кончины президента академiи великаго князя Константина Константиновича исправлялъ его обязанности. Изъ важныхъ ученыхъ трудовъ П. В., кромѣ вышеназванныхъ диссертаций, особенно извѣстны филологическiя изслѣдованiя произведенiй Эсхила (1876 г.), «Медеи» Эврипида (1880 г.), «Царя Эдипа» и «Эдипа Колонскаго» Софокла (1886 г.), «Замѣтки» къ Аристофану, Платону, Ксенофону и Плутарху, а также къ текстамъ греческихъ житiй святыхъ. Эти труды большею частiю печатались въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя» и въ «Запискахъ Императорской Академiи Наукъ». (Некрологъ его: «Московскiя Вѣдомости», 1916 г. № 105).

† **Платоновъ, С. Ѡ.** 6-го мая въ своемъ имѣніи скончался членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ Степанъ Ѡedorовичъ Платоновъ. Покойный родился 24-го декабря 1844 года въ Старобѣльскомъ уѣздѣ и высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета. По окончаніи курса кандидатомъ правъ въ 1867 году, онъ долгое время провелъ на службѣ по судебному вѣдомству. Сначала ему пришлось быть практикантомъ при харьковскомъ уѣздномъ судѣ (1867г.), затѣмъ судебнымъ приставомъ и секретаремъ харьковскаго окружнаго суда (1868—1870 гг.), членомъ суда въ Закавказскомъ краѣ (1870—1873 гг.), товарищемъ прокурора петроградскаго окружнаго суда (1873—1877 гг.) и прокуроромъ одесской судебной палаты (1877—1879 гг.), наконецъ, товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента Сената. Находясь въ этой должности, покойный вмѣстѣ съ сенаторомъ И. И. Шамшинымъ въ 1880 году ревизовалъ Саратовскую и Самарскую губерніи для собиранія матеріаловъ, необходимыхъ при предполагавшейся тогда коренной реформѣ мѣстнаго управленія, а по возвращеніи изъ этой командировки былъ переведенъ на службу въ центральное управленіе министерства юстиціи, гдѣ послѣдовательно состоялъ старшимъ юрисконсультомъ, вице-директоромъ департамента, оберъ-прокуроромъ межвего департамента сената и директоромъ департамента министерства, послѣ чего, съ 20-го сентября 1893 года, былъ назначенъ сенаторомъ, а позже членомъ Государственнаго Совѣта. Въ первые годы службы С. Ѡ. помѣщалъ въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» свои фельетоны подъ заглавіемъ «Замѣтки дилеттанта по судебнымъ дѣламъ». Кромѣ того, онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Судебнаго Вѣстника», «Журнала гражданскаго и уголовнаго права», въ которыхъ помѣщены его статьи: «Русская адвокатура», «Понудительное исполненіе обязательствъ», «Основанія преобразованій судебныхъ учреждений въ Прибалтійскомъ краѣ» и др. (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости», 1916 г., № 107).

Праховъ, А. В. Въ Ялтѣ 1-го мая скончался извѣстный знатокъ исторіи искусствъ и христіанской археологіи, заслуженный профессоръ Адрианъ Викторовичъ Праховъ, бывший въ послѣдніе годы членомъ совѣта министра земледѣлія: Имя покойнаго, какъ знатока древней фресковой живописи и памятниковъ христіанскаго Востока, пользовалось почетомъ и авторитетомъ. Свою замѣчательную работоспособность и теоретическую подготовленность по оцѣнкѣ достоинствъ древней живописи онъ талантливо примѣнилъ въ своихъ археологическихъ разысканіяхъ. Въ результатъ онъ обогатилъ церковную живопись множествомъ лицевыхъ изображеній и фресками художниковъ-мастеровъ древне-кіевскаго и новгородскаго письма. На него было возложено въ 1884 г. руководство и наблюденіе по внутренней стѣлкѣ Владимірскаго собора въ Кіевѣ, имъ даны рисунки на всѣ важнѣйшія части этой отдѣлки и приглашены сотрудники, красиво примѣнены эмальированный фонъ и краски, наименѣе подверженныя измѣненіямъ, искусно использованъ мраморъ. Внутреннее убранство Владимірскаго собора лучшій памятникъ любовнаго отношенія покойнаго къ дѣлу. Покойный, сынъ археолога и лингвиста, родился 4-го марта 1846 г. Взрослымъ гим-

назистомъ третьей петроградской гимназіи онъ увлекался произведеніями живописи и скульптуры Императорскаго Эрмитажа, копировалъ ихъ и сблизился съ тогдашней талантливой молодежью Академіи Художествъ: Рѣшнимъ, Антокольскимъ, М. Васнецовымъ и др. По окончаніи курса въ петроградскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету онъ былъ командированъ за границу для подготовленія въ занятію кафедры исторіи искусствъ. Во время четырехлѣтняго командировки А. В. жилъ въ Мюнхенѣ, Парижѣ, Лондонѣ, въ нѣсколькихъ городахъ Италіи и др. мѣстахъ, вездѣ изучалъ музейныя сокровища и вернулся въ 1873 году въ Петроградъ. Послѣ защиты диссертациі «О реставраціи группы восточнаго фронтона Эгинскаго храма въ Афинахъ» на степенъ магистра онъ былъ избранъ доцентомъ петроградскаго университета по кафедрѣ исторіи и теоріи искусствъ и въ 1875 году приглашенъ въ качествѣ профессора читать исторію изящныхъ искусствъ въ императорской академіи художествъ. За диссертацию «Зодчество древняго Египта» получилъ степень доктора. Въ теченіе своей профессорской дѣятельности А. В. выступалъ неоднократно публичнымъ лекторомъ о новѣйшемъ искусствѣ и одновременно въ теченіе 1875—78 гг. былъ художественнымъ критикомъ въ художественномъ журналѣ «Пчела». Съ 1887 года онъ перенесъ свою профессуру въ кievскій университетъ. Съ Кіевомъ покойный сроднился съ начала 80-хъ годовъ, когда ежегодно лѣтомъ отправлялся туда для изученія и изслѣдованія древнихъ церквей. Въ Кіево-Кирилловской церкви имъ открыты фрески, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ открыты мозаики и фрески. Снятыя покойнымъ копии съ фресокъ и мозаикъ, фототипы и фотографіи съ нихъ заняли видное мѣсто на устроенной имъ выставкѣ въ Петроградѣ. Археологическія разысканія Прахова произведены во многихъ мѣстахъ юго-западной Волыни, въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ. Съ цѣлью ознакомленія съ христіанскими памятниками Востока А. В. путешествовалъ по Палестинѣ, Сиріи, Греціи, Турціи, Египту, Нубіи и Судану. Въ 1896 г. онъ устроилъ по собственному рисунку драгоценную раку для св. мощей Θεодосія Углицкаго въ Черниговѣ. Его перу принадлежитъ много печатныхъ работъ съ атласами и рисунками. Послѣдніе годы Прахова протекли на службѣ въ министерствѣ земледѣлія. Онъ былъ сперва консультантомъ по кустарному отдѣлу, устроилъ въ министерствѣ церковь въ стилѣ конца XVI вѣка, затѣмъ былъ членомъ совѣта министра. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14424).

† **Ячевскій, Л. А.** 20-го апрѣля послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни скончался на 56-мъ году жизни извѣстный геологъ, горный инженеръ, д. ст. сов. Леонардъ Антоновичъ Ячевскій. По окончаніи въ 1883 г. горнаго института Л. А. отправился на работы въ Сибирь и съ тѣхъ поръ въ продолженіе почти 30 лѣтъ оставался въ Сибири, работая сначала по порученію горнаго департамента, а затѣмъ геологическаго комитета. Съ 1892 г. Л. А. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ строившейся тогда Сибирской желѣзной дорогѣ. По окончаніи постройки дороги онъ состоялъ начальникомъ работъ енисейской партіи. Въ 1913 году онъ былъ выбранъ членомъ геологическаго комитета и переѣхалъ въ Петроградъ. Покойному Л. А. принадле-

жить рядъ трудовъ по изслѣдованію золотоносныхъ, платиновыхъ и другихъ залежей въ Сибири. Л. А. состоялъ также членомъ ученаго комитета. Имъ между прочимъ, былъ изслѣдованъ вопросъ о допномъ лѣдѣ на Невѣ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 110).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г. Н. Кравченку.

Въ газетѣ «Новое Время» отъ 29-го декабря прошлаго года г. Н. Кравченко, разбирая мою статью, напечатанную въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавіемъ: «Въ защиту славнаго прошлаго», приписываетъ мнѣ невѣрныя объясненія творчества покойнаго художника В. В. Верещагина и въ рѣзкой формѣ обвиняетъ меня въ наивномъ толкованіи и критикѣ этого творчества.

По не зависѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ до сихъ поръ возможности отвѣтить г. Н. Кравченку по содержанию его статьи въ «Новомъ Времени», но теперь считаю нужнымъ возразить ему слѣдующее.

Напечатанная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» статья «Въ защиту славнаго прошлаго» была написана мною въ отвѣтъ на статью «Памяти великаго баталиста», помѣщенную въ 1914 году на страницахъ «Петроградской Газеты» и принадлежащую перу г. Брешко-Брешковскаго, который, характеризуя въ своей статьѣ дѣятельность В. В. Верещагина въ періодъ 1877—1878 г.г., явно уклоняется отъ истины, изображаетъ покойнаго художника въ роли обличителя героя Шинки, генерала Радецкаго, и допускаетъ въ отношеніи этого послѣдняго несправедливыя и незаслуженныя имъ обвиненія.

Когда среди снѣжныхъ высотъ — такъ надо понимать повѣствованіе г. Брешко-Брешковскаго — тысячами замерзали солдаты, генералъ Радецкій неизмѣнно телеграфировалъ въ Петербургъ, что «на Шинкѣ все спокойно», т. е., иначе говоря, посылалъ донесенія, не соотвѣтствовавшія печальной дѣйствительности. Эти неправильныя донесенія, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ отрывка, и послужили поводомъ для покойнаго Верещагина къ изображенію имъ одного изъ замерзающихъ шипкинскихъ героев, съ исключительной цѣлью наглядно показать русскому обществу, въ чемъ именно заключалось то спокойствіе, о которомъ сообщалъ Радецкій, упорно яко-бы замалчивавшій неисчислимыя потери, понесенныя его отрядомъ не столько въ бояхъ съ турками, сколько въ борьбѣ съ суровой природой, леденящими морозами и горными вьюгами.

Столь произвольное толкованіе г. Брешко-Брешковскимъ истинныхъ причинъ, побудившихъ В. В. Верещагина написать извѣстную всѣмъ картину «На

Шипкѣ все спокойно», а равно и заявленіе его объ уничтоженіи названной картины генераломъ Радецкимъ вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, справедливые протесты среди находящихся еще въ живыхъ участниковъ Шипкинской обороны, которые и сообщили мнѣ, какъ свойственнику покойнаго героя и хранителю всѣхъ оставшихся послѣ него бумагъ и документовъ, достовѣрные факты, изложенные мною въ моей статьѣ «Въ защиту славнаго прошлаго».

Въ этой статьѣ, воздавая должное огромному таланту В. В. Верещагина и отнюдь не отрицая, а скорѣе подчеркивая его личную храбрость и активное его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1877—1878 г. г., я опровергъ лишь сообщеніе г. Брешко-Брешковского о томъ, что покойный художникъ «съ виштовкою дрался на Шипкинскихъ позиціяхъ», также какъ этого въ дѣйствительности не было, а затѣмъ, на основаніи рассказовъ тѣхъ же очевидцевъ шипкинцевъ, позволилъ себѣ указать, что картина «На Шипкѣ все спокойно» была создана Верещагинымъ подъ впечатлѣніемъ карандашнаго наброска одинокаго, занесеннаго снѣгомъ часового, найденнаго покойнымъ художникомъ въ бытность его на Шипкѣ въ альбомѣ одного изъ участниковъ Шипкинскаго сибѣнія, капитана генеральнаго штаба, нынѣ генерала-отъ-инфантеріи, В. Г. Глазова.

«Впослѣдствіи,—пишу я,—Верещагинъ воспользовался этимъ эскизомъ, какъ идею для большой картины, и, развивъ эту идею, добавилъ къ фигурѣ одинокаго часового, изображеннаго Глазовымъ, еще двѣ фигуры того же часового: замерзающую и замерзшую».

Изложенный мною фактъ приводитъ г. Н. Кравченка въ сильное негодованіе. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы такой «огромный» художникъ, какъ В. В. Верещагинъ, могъ воспользоваться чужой идеей, и заявляетъ во всеуслышаніе, что «В. В. Верещагину не было никакой надобности видѣть рисунокъ капитана Глазова, чтобы послѣ этого писать цѣлый триптихъ. Верещагинъ, пробывшій хотя бы и два дня на Шипкѣ, какъ опытный художникъ-специалистъ, навѣрное, подмѣтилъ гораздо больше, чѣмъ всѣ г. г. офицеры, имѣвшіе въ то время съ собой альбомы».

Однако, высказывая свое негодованіе по поводу моего сообщенія и обвиняя меня беспощадно въ абсолютномъ непониманіи мною художественнаго творчества вообще, г. Н. Кравченко, очевидно, умышленно обходитъ молчаніемъ и даже просто выпускаетъ въ дальнѣйшемъ слѣдующую непосредственно за тѣмъ мою фразу, которая говоритъ сама за себя и безусловно подтверждаетъ справедливость приведеннаго мною факта.

«Отсюда ясно, — говорю я: — что картина «На Шипкѣ все спокойно» написана Верещагинымъ совершенно случайно, подъ впечатлѣніемъ карандашнаго наброска, найденнаго имъ въ тетради одного изъ «шипкинцевъ», и что сюжетъ этой картины былъ заимствованъ покойнымъ художникомъ, въ чемъ онъ самъ признавался тому же В. Г. Глазову, встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ послѣ войны въ магазинѣ Фельтена».

Оказывается, что самъ В. В. Верещагинъ, не отрицалъ этого заимствованія. Это былъ фактъ, достовѣрный фактъ, сообщенный мнѣ лицами, не только заслуживающими полного довѣрія, но и живыми, а слѣдовательно и могущими въ

каждую данную минуту подтвердить мои слова тому же г. Н.Кравченку. Такъ зачѣмъ же г. Н.Кравченко, не провѣривъ правильность моихъ словъ путемъ обращенія къ этимъ живымъ свидѣтелямъ всей Шипкинской трагедіи, какъ бы протягиваешь руку г. Брешко-Брешковскому и съ дѣланнымъ негодованіемъ опровергаетъ мои строго обоснованные доводы о фантастическихъ вымыслахъ этого прославленнаго писателя.

Повторяю, что, выступивъ на защиту добраго и славнаго имени генерала Радецкаго, я былъ далекъ отъ мысли толковать и критиковать творчество В. В. Верещагина, а изложилъ только факты, переданные мнѣ очевидцами, съ цѣлью опровергнуть вымыслы г. Брешко-Брешковскаго въ статьѣ его «Памяти великаго баталиста».

А. Фрейгангъ.

II.

Къ статьѣ г. Измайлова о К. М. Фофановѣ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Принцъ и нищій», посвященной памяти поэта К. М. Фофанова, по досадной ошибкѣ памяти, мною сказано, что сумму въ 250 рублей на погребеніе поэта, согласно его послѣдней волѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря далъ А. С. Суворинъ. Близкіе покойному напоминаютъ мнѣ, что это не вѣрно. А. С. Суворинъ, всю жизнь поддерживавшій Фофанова нравственно и матеріально и участвовавшій и въ погребеніи его гораздо болѣе крупною суммою, къ покупкѣ мѣста непричастенъ. Сумма на приобрѣтеніе мѣста, гдѣ хотѣлъ умиравшій, дана сыну поэта редакторомъ-издателемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», княземъ Э. Э. Ухтомскимъ, читавшимъ въ покойномъ орудіе творчества, сосудѣ вдохновенія при рѣзкомъ контрастѣ чловѣка и поэта.

Очень досадую на забвеніе факта, на моихъ глазахъ происшедшаго, тѣмъ болѣе, что самъ былъ однимъ изъ тѣхъ первыхъ, кто горячо пожалъ руку жертвователя, лично даже не знавшаго покойнаго и только читавшаго его дѣсни.

Прошу дать мѣсто этой моей поправкѣ: она не нужна самому князю Э.Э. Ухтомскому, какъ въ свое время ему не пужно было никакихъ печатныхъ заявленій объ его дарѣ почившему собрату, вызванномъ только искреннимъ порывомъ, —но она пужна будущему біографу Фофанова и тому, кто хотѣлъ дать для нея соответствующія дѣйствительности страницы.

А. Измайловъ.

СТАНЛЕЙ ВЕЙМАНЪ.

КРАСНАЯ КОКАРДА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА

ПЕТРОГРАДЪ

1916

«ИСТОР. ВЪСТН.», ІЮНЬ 1916 Г., Т. СХЛІV.

1

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Зртелевъ, 13

I

Маркизь де-Сентъ-Алэ.

Когда мы дошли до террасы, которую мой отецъ построилъ незадолго до своей смерти и которая, извиваясь подъ окнами замка, отдѣляетъ домъ отъ новаго луга, маркизь де-Сентъ-Алэ окинулъ мѣстность презрительнымъ взглядомъ.

— Что же вы сдѣлали съ садомъ?—спросилъ онъ, скрививъ губы.

— Мой отецъ перенесъ его въ другую сторону,—отвѣчалъ я.

— Гдѣ его не видно.

— Да, его не видно изъ-за кустовъ розъ.

— Англійская мода,—отвѣчалъ онъ, вѣжливо пожимая плечами.—Вамъ больше нравится, чтобы у васъ передъ глазами была эта трава?

— Да.

— А эти посадки. Вѣдь онѣ совсѣмъ закрываютъ видъ на деревню

— Да, пожалуй.

Маркизь громко засмѣялся.

— Я замѣчаю, что это обычный способъ дѣйствій тѣхъ, кто распинается за народъ, за свободу и братство. Они любятъ народъ лишь издали. Въ Сентъ-Алэ я предпочитаю, чтобы мои крестьяне были всегда у меня на глазахъ и видѣли, въ случаѣ надобности, позорный столбъ. Кстати, что вы сдѣлали со своимъ, виконтъ? Онъ прежде стоялъ какъ разъ противъ подъѣзда?

— Я велѣлъ его сжечь,—отвѣчалъ я, чувствуя, что кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Это, вѣроятно, сдѣлалъ вашъ отецъ?—спросилъ онъ, глядя на меня съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—упрямо твердилъ я, презирая самого себя за то, что стыжусь маркиза, которымъ въ глубинѣ души всегда гордился.— Это я велѣлъ. Мнѣ кажется, что подобныя вещи отжили свой вѣкъ.

Маркизь былъ старше меня лѣтъ на пять. Но эти пять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ Парижѣ и Версалѣ, давали ему значительное преимущество передо мной.

Помолчавъ немного, онъ перемѣнилъ тему и заговорилъ о моемъ отцѣ. Онъ говорилъ о немъ съ такимъ уваженіемъ и любовью, что мое раздраженіе быстро улеглось.

— Когда я впервые убилъ птицу на охотѣ, я былъ тогда съ нимъ, — сказалъ онъ съ той обворожительностью, которой онъ отличался еще съ дѣтства.

— Это было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Совершенно вѣрно. Тогда за мной бѣгалъ по пятамъ и считалъ меня великимъ человѣкомъ нѣкій юноша съ голыми ногами. Я и тогда подозрѣвалъ, что когда-нибудь онъ станетъ разяснять мнѣ права человѣка. А, Боже мой! Я долженъ взять отъ васъ Луи, виконтъ, иначе вы сдѣлаете изъ него такого же реформатора, какъ и вы сами. Впрочемъ, — прервалъ онъ самого себя съ легкой улыбкой: — я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы говорить объ этомъ. У меня есть къ вамъ другое дѣло, въ высшей степени для васъ важное, виконтъ.

Я чувствовалъ, что кровь опять бросилась мнѣ въ лицо, хотя и по другой причинѣ.

— Мадемуазель вернулась домой? — спросилъ я.

— Вчера. Завтра она ѣдетъ съ моей матерью въ Кагоръ. Я надѣюсь, что самымъ интереснымъ, что она встрѣтитъ въ этой поѣздкѣ, будетъ виконтъ де-Со.

— Мадемуазель въ добромъ здоровьѣ? — довольно неловко спросилъ я.

— Вполнѣ, — вѣжливо отвѣчалъ онъ. — Завтра вечеромъ вы убѣдитесь въ этомъ сами. Надѣюсь, вы не откажете предоставить себя въ ея распоряженіе на недѣлку-другую?

Я поклонился. Я рассчитывалъ услышать эту новость еще на прошлой недѣлѣ, но отъ Луи, который замѣняетъ мнѣ брата, а не отъ маркиза.

— Отлично, въ такомъ случаѣ вы должны сказать это и Денизѣ, — весело сказалъ онъ. — Вы найдете въ ней отличную собесѣдницу. Сначала, конечно, она будетъ застѣнчива, — продолжалъ онъ, надѣвая перчатки. — Сестры въ монастырѣ, несомнѣнно, боятся каждаго мужчины какъ волка, но вѣдь женщины въ концѣ концовъ все-таки остаются женщинами, и черезъ недѣлю-двѣ все обойдется. Итакъ, смѣемъ надѣяться видѣть васъ у себя завтра вечеромъ?

— Я буду у васъ непременно, маркизь.

— Почему вы зовете меня маркизь, а не Викторъ, какъ встарину? — спросилъ онъ, дотронувшись рукой до моего плеча. — Мы

скоро породнимся. А пока проводите-ка меня до воротъ. Мнѣ что надо было сказать вамъ. Что это было такое?

Но потому ли, что онъ не могъ вспомнить объ этомъ, или же потому, что считалъ неумѣстнымъ заговорить объ этомъ теперь, но онъ смолкъ и заговорилъ опять, когда мы уже прошли половину аллеи.

— Слышали вы объ этомъ протестѣ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да,—неохотно отвѣчалъ я, смутно чувствуя какую-то тревогу.

— Вы, конечно, подпишете его?

Онъ, видимо, колебался, предлагать ли мнѣ этотъ вопросъ. Я колебался, давать ли ему отвѣтъ. Протестъ, о которомъ онъ говорилъ, предполагалось подать въ собраніе дворянства въ Кагорѣ. Цѣлью его было выразить неодобрение нашимъ представителямъ въ Версалѣ, которые согласились засѣдать вмѣстѣ съ третьимъ сословіемъ.

Я лично считалъ этотъ шагъ непоправимой ошибкой, хотя онъ и былъ одобренъ королемъ. Но я зналъ также, что лица, составившія этотъ протестъ, не хотѣли бы никакихъ реформъ, стояли за сохраненіе ихъ привилегій. Поэтому я колебался дать отвѣтъ; не желая насиловать своихъ убѣжденій.

— Итакъ, какъ же?—спросилъ опять маркизь, видя, что я молчу.

— Думаю, что нѣтъ,—отвѣтилъ я, вспыхнувъ.

— Вы не считаете возможнымъ поддержать протестъ?

— Не могу.

— А я-то думалъ, что вы это сдѣлаете,—воскликнулъ онъ, громко разсмѣявшись. — Но вѣдь это пустяки, а намъ необходимо дѣйствовать единодушно. Это только и нужно.

Я покачалъ головой. Мы дошли уже до воротъ, до того мѣста, гдѣ приѣзжавшіе въ замокъ оставляли своихъ лошадей. Его слуга уже велъ ихъ къ намъ.

— Послушайте,—настойчиво продолжалъ онъ:—неужели вы думаете, что изъ этихъ генеральныхъ штатовъ, которые его величество такъ неразумно разрѣшилъ собрать, могло выйти что-нибудь хорошее? Они собрались 4 мая, а теперь уже 17 іюля, и до сего времени они не сдѣлали ничего путнаго. Ровно ничего. Теперь ихъ распустятъ, и всему будетъ положенъ конецъ.

— Для чего же въ такомъ случаѣ подавать протестъ?—тихо спросилъ я.

— Это я вамъ сейчасъ объясню,—съ какой-то снисходительностью промолвилъ онъ, ударяя хлыстомъ по носкамъ своихъ башмаковъ.—Развѣ вы не слышали послѣдней новости?

— Какой новости?—осторожно освѣдомился я.

— Король уволилъ Неккера.

— Первый разъ слышу!—воскликнулъ я, не имѣя силы скрыть свое удивленіе.

— Да, да, банкиръ уволенъ, а черезъ недѣлю будутъ распущены и генеральные штаты, національное собраніе или какъ тамъ имъ угодно называть это собраніе. Чтобы укрѣпить короля въ его мудромъ рѣшеніи, мы должны показать, что мы еще живы. Мы должны показать ему свое сочувствіе, должны дѣйствовать, должны протестовать.

— Увѣрены ли вы, однако, маркизь,—спросилъ я, разгоряченный этой новостью:—что народъ отнесется къ этому совершенно спокойно и будетъ терпѣть свою участь? Никогда еще не было такой холодной зимы, никогда еще не было такого неурожая, какъ прошлый годъ. Кромѣ того, теперь ихъ надежды ожили, умы возбуждены выборами...

— Не беспокойтесь, виконтъ, все обойдется благополучно,—сказалъ онъ со странной улыбкой.—Я знаю Парижь и могу васъ увѣрить, что тамъ уже нѣтъ фронды, хотя Мирабо и пытается играть роль Ретца. Теперь этотъ мирный Парижь не возстанетъ. Будутъ два-три голодныхъ бунта, но съ ними управятся двѣ роты швейцарцевъ. Повѣрьте, что съ этой стороны опасности нѣтъ никакой.

Но эта новость возбудила во мнѣ оппозиціонный духъ.

— Не знаю,—холодно произнесъ я.—Не думаю, чтобы дѣло было такъ просто, какъ оно вамъ представляется. Королю надо добыть денегъ, или ему грозитъ банкротство. А у народа нѣтъ средствъ дать ему эти деньги. Вотъ почему я не вижу, какъ дѣло можетъ пойти по-старому.

Маркизь быстро взглянулъ на меня довольно злыми глазами.

— Вы хотите сказать, виконтъ, что вы не желаете, чтобы оно шло по-старому?

— Я думаю, что прежнее положеніе вещей невозможно,—рѣзко сказалъ я.—Такъ долго продолжаться не можетъ.

Минуты двѣ онъ ничего не отвѣчалъ, и мы молча стояли другъ противъ друга: я по сю сторону воротъ, онъ по ту. Надъ нами простиралась холодная листва, а сзади тянулася пыльная дорога, раскаленная июльскимъ солнышкомъ. Его лицо было красно и носило рѣшительное выраженіе. Но вдругъ это выраженіе перемѣнилось: онъ засмѣялся тихимъ вѣжливымъ смѣхомъ и съ легкимъ пренебреженіемъ пожалъ плечами.

— Не будемъ спорить,—промолвилъ онъ.—Надѣюсь, что и вы подпишете протестъ. Подумайте объ этомъ, виконтъ. Подумайте, ибо,—прибавилъ онъ, весело взглядывая на меня,—мы даже не знаемъ, что можетъ зависѣть отъ этого.

— Конечно, необходимо сначала хорошенько обдумать это дѣло,—спокойно сказалъ я.

— Именно, хорошенько подумать прежде, чѣмъ отказываться,—подхватилъ онъ, отвѣшивая мнѣ поклонъ и на этотъ разъ не улыбаясь.

Потомъ онъ повернулся къ своей лошади и съ помощью слуги сѣлъ въ сѣдло. Подобравъ узду, онъ низко наклонился ко мнѣ,

— Конечно,—тихо сказалъ онъ, глядя на меня испытующимъ взглядомъ:—договоръ есть договоръ. Монтекки и Капулетти, какъ и вашъ позорный столбъ, уже вышли изъ моды. Однако мы всѣ должны итти или одной дорогой, или разными. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

И, пріятно кивнувъ головой, какъ будто онъ высказалъ какой-нибудь комплиментъ, а не угрозу, онъ тронулъ лошадь, оставивъ меня стоять.

Мысли неслись въ моей головѣ вихремъ, одинъ планъ сталкивался съ другимъ, пока я наконецъ не побрелъ обратно подъ тѣнь деревьевъ.

Я не могъ ошибаться въ значеніи словъ маркиза: несмотря на всю свою вѣжливость, онъ въ сущности предлагалъ мнѣ выбирать между родствомъ съ его семьей, о чемъ такъ усердно хлопоталъ мой отецъ, и политическими взглядами, въ которыхъ воспиталъ меня мой отецъ и которые еще болѣе укрѣпились во мнѣ послѣ того, какъ я прожилъ годъ въ Англіи. Послѣ смерти отца я остался одинъ въ моемъ замкѣ и жилъ, мечтая о Денисѣ Сентъ-Алѣ, которая должна была стать моей женой и которой я со времени ея возвращенія изъ монастыря еще не видѣлъ. Въ словахъ Сентъ-Алѣ, очевидно, заключалась угроза съ этой стороны. Раздраженіе, которое не трудно понять, заставило меня разсмѣяться. Мнѣ было двадцать два года, ему двадцать семь—и онъ диктовалъ мнѣ условія. Мы были деревенскіе увальни, а онъ явился къ намъ изъ Парижа и Версаля учить насъ

Немудрено; что черезъ полчаса послѣ того, какъ мы разстались, у меня уже былъ готовъ планъ сопротивленія. Остальную часть дня я провелъ, обдумывая тотъ путь, на который я хотѣлъ ступить. Я то перечитывалъ посланіе де-Ліаккура, въ которомъ онъ развивалъ свой планъ реформъ, то раздумывалъ насчетъ обмѣна мнѣній, которымъ удостоилъ меня Рошфуко во время его послѣдняго пріѣзда въ Лушонъ. вмѣстѣ со мной раздумывала о новомъ курсѣ, вѣроятно, не одна тысяча народа. Управляющій маркиза Сентъ-Алѣ Гаргуфъ, до котораго въ этотъ день, очевидно, дошла вѣсть о паденіи Неккера, и не подозрѣвалъ, къ чему это можетъ привести.

Нашъ юре, аббатъ Бенедиктъ, который вчера ужиналъ со мной, также не видѣлъ ничего дальше своего носа.

Слышелъ эту новость, конечно, и сынъ содержателя гостиницы въ Кагорѣ, но и онъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что скипетръ скоро упадетъ на дорогу. Въ іюлѣ 1789 года никто еще не видѣлъ, что старая Франція, старый міръ умираетъ.

Однако были признаки, которые можно было видѣть простымъ

глазомъ. Проѣзжая въ Кагоръ, я видѣлъ самъ опустошенія, произведенныя лютой зимой, — почернѣвшія каштановыя деревья, побитыя виноградники, вымерзшія рисовыя поля, общую, привычную для меня бѣдность, грязныя хижины, тусклыя стекла, согбленныхъ женщинъ, собирающихъ какую-то траву. Но бросалось въ глаза и многое другое, еще болѣе страшное — толпы людей около мостовъ и на перекресткахъ, гдѣ они ждали неизвѣстно чего. Въ ихъ безмолвіи чувствовалось какое-то ожиданіе, ихъ потупленные глаза и впавшія щеки таили угрозу. Голодъ совсѣмъ измучилъ ихъ. Выборы принесли съ собою возбужденіе.

Подѣзжая къ Кагору, я не встрѣчалъ такихъ зловѣщихъ признаковъ, но только нѣкоторое время. Они опять явились въ другой формѣ. Опоясанный блестящей Лотой, защищенный валами и башнями, городъ производитъ сначала впечатлѣніе какого-то гнѣзда подъ крупными скалами. Безподобный мостъ, извѣденный временемъ соборъ, огромный дворецъ — все это сильно дѣйствуетъ на зрителя, хотя бы онъ уже видалъ ихъ нѣсколько разъ. Но въ этотъ день не это бросалось въ глаза. Когда я спустился къ рыночной площади, тамъ продавали хлѣбъ подъ охраной солдатъ съ примкнутыми штыками. Жадныя взгляды толпы, заполнившей всю площадь, полуголыя фигуры, сморщенные лица, глухой ропотъ — все это такъ захватило меня, что я почти не замѣчалъ ничего другого.

Меня поражало то равнодушіе, съ которымъ относились къ этому зрѣлищу всѣ тѣ, кого привело на площадь любопытство, дѣло или привычка. Гостиницы были переполнены провинціальнымъ дворянствомъ, которое съѣхалось на мѣстное дворянское собраніе. Они выглядывали изъ оконъ и вели спокойные разговоры, словно у себя въ замкахъ. Передъ соборомъ прохаживалась группа мужчинъ и женщинъ, равнодушно посматривая на все происходившее. Мнѣ случалось слышать, что у насъ во Франціи образовались два міра, такъ же далекіе другъ отъ друга, какъ адъ и рай. Все, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ, подтверждало вѣрность этого замѣчанія.

Въ маленькомъ скверѣ была лавочка, гдѣ продавались газеты и брошюры. Она была набита народомъ. Всѣ другія лавки, изъ опасенія погрома, были закрыты. Въ послѣднихъ рядахъ толпы я замѣтилъ управляющаго маркиза Сентъ-Алэ Гаргуфа. Онъ о чемъ-то бесѣдовалъ съ крестьянами. Проходя мимо, я слышалъ, какъ онъ сказалъ имъ:

— Ну, что же, накормило васъ ваше національное собраніе?

— Пока еще нѣтъ, — рѣзко отвѣчалъ одинъ изъ крестьянъ: — но я слышалъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ будутъ сыты.

— Не они васъ накормятъ. Для чего имъ кормить васъ? — рѣзко замѣтилъ управляющій.

— Пожалуй, что и такъ...Говорять...

Въ это время Гаргуфъ замѣтилъ меня. Онъ поклонился мнѣ и замолкъ. Черезъ минуту я замѣтилъ въ срединѣ громко бесѣдовавшей группы моего кузнеца Бютона. Сообразивъ, что я его успѣлъ замѣтить, онъ угрюмо взглянулъ на меня и такъ же угрюмо пошелъ домой.

Бывая въ городѣ, я всегда останавливался въ гостиницѣ «Трехъ Королей». Содержатель ея Дюри подаетъ ужинъ для дворянства въ восемь часовъ.

У Сентъ-Алэ въ Кагорѣ былъ собственный домъ, гдѣ у него, какъ предупреждалъ меня маркизь, въ этотъ вечеръ собралось нѣсколько гостей. Я нарочно опоздалъ приходомъ, чтобы избѣжать частныхъ разговоровъ съ маркизомъ. Комнаты были уже ярко освѣщены, на лѣстницѣ стояли лакеи, изъ оконъ неслись звуки музыки. М-те де-Сентъ-Алэ считалась гостепримнѣйшей хозяйкой во всей провинціи. Она обыкновенно устраивала такъ, что ея гости разбивались на живописныя, оживленныя группы, и модные въ то время кружева, брильянты, напудренные парики, красные каблуки— все это придавало ея салону очень элегантный видъ.

Едва войдя въ гостиную, я уже понялъ, что передо мной политическое собраніе. Здѣсь были всѣ, кто потомъ долженъ былъ засѣдать въ собраніи. И, однако, пробираясь между гостями, я почти не слышалъ серьезнаго разговора: всѣ спорили о достоинствахъ итальянской и французской оперы, о Гритри и Бьянки и т. п. Казалось, что хозяйка дома, собравъ у себя въ салонѣ все, что было лучшаго въ провинціи, думала только объ однихъ развлеченияхъ.

Этого она до извѣстной степени достигла. Трудно было не подпасть подъ обаяніе этой атмосферы—духовъ и музыки, болтовни и быстрыхъ взглядовъ.

Въ дверяхъ я встрѣтился со стариннымъ другомъ моего отца Гонто, разговаривавшимъ съ двумя Гаринкурами.

Онъ улыбнулся мнѣ и рукой сдѣлалъ мнѣ знакъ итти дальше.

— Въ самую крайнюю комнату. Глядя на васъ, я хотѣлъ бы опять помолодѣть.

Я постарался быстро проскочить мимо него. Потомъ мнѣ пришлось столкнуться съ тремя дамами, которыя задержали меня такими же безсодержательными разговорами. Наконецъ навстрѣчу попался еще Луи: онъ схватилъ мою руку, и мы нѣкоторое время простояли вмѣстѣ. Въ его глазахъ была какая-то тревога. Онъ спросилъ меня, не видалъ ли я Виктора.

— Я видѣлъ его вчера,—отвѣчалъ я, отлично понимая, зачѣмъ онъ меня спрашиваетъ объ этомъ.

— А Денизу?

— Пока нѣтъ. Я еще не имѣлъ удовольствія ее видѣть.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ же. Моя мать разсчитывала, что вы придете пораньше. Что вы думаете насчетъ Виктора?

— Онъ уѣхалъ въ Парижъ Викторомъ, а вернулся сюда важной персоной,—смѣясь, отвѣчалъ я.

Луи слабо улынулся и съ видомъ страданія поднялъ брови.

— Боюсь, что это правда. Онъ какъ будто не совсѣмъ доволенъ вами. Но развѣ мы обязаны исполнять всѣ его желанія? Идемъ же, однако. Мать и Дениза въ самой дальней комнатѣ.

Съ этими словами онъ повелъ меня впередъ. Сначала надо было пройти черезъ карточную комнату. Около дверей послѣдней комнаты столпилось столько народу, что войти туда удалось не сразу. По срединѣ этой небольшой комнаты стояла сама маркиза, разговаривавшая съ аббатомъ Менилемъ, тутъ же находились двѣ-три дамы и Дениза де-Сентъ-Алэ.

Она сидѣла на кушеткѣ возлѣ одной изъ дамъ. Мой взглядъ, естественно, устремился на нее. Одѣта она была во все бѣлое, и я невольно былъ пораженъ ея дѣтскимъ видомъ. Высокій напудренный парикъ и жесткое вышитое золотомъ платье придавали ей нѣкоторую величавость, но все же она была слишкомъ миниатюрна, и я почувствовалъ даже легкое разочарованіе. Увидѣвъ меня, сидѣвшая около нея дама что-то сказала ей, и дѣвочка вдругъ вспыхнула, какъ кумачъ. Наши взоры встрѣтились,—слава Богу, глаза у ней такіе же, какъ у Луи. Она быстро потупила взоръ и опять мучительно покраснѣла.

Я подошелъ къ маркизѣ поздороваться и поцѣловалъ ея руку, которую она, не прерывая разговора, мнѣ протянула.

— Однако такая власть,—продолжалъ аббатъ, пользовавшійся репутаціей философа.—Безъ всякихъ ограниченій! Если употребить ее во зло...

— Но король слишкомъ добръ для этого,—улыбаясь, отвѣчала маркиза.

— Когда около него хорошіе совѣтники, конечно. А дефицитъ? Маркиза пожала плечами.

— Его величество долженъ получить деньги.

— Но откуда?—спросилъ аббатъ, въ свою очередь, пожимая плечами.

— Король былъ слишкомъ добръ съ самаго начала,—продолжала маркиза съ отгѣнкомъ суровости.—Онъ долженъ былъ заставить ихъ внести указъ о налогахъ въ реестръ. Впрочемъ, парламентъ вѣдь всегда уступалъ. И теперь то же будетъ.

— Парламентъ—да,—отвѣчалъ аббатъ со снисходительной улыбкой.—Но теперь вопросъ идетъ не о парламентѣ, а о генеральныхъ штатахъ.

— Генеральные штаты расходятся, а король остается.

— А если возникнутъ безпорядки?

— Этого не будетъ,—съ тѣмъ же самоувѣреннымъ видомъ отвѣтила маркиза.—Его величество предупредить ихъ.

И, сказавъ еще слова два-три съ аббатомъ, она повернулась ко мнѣ.

— А, вѣтрогонъ,—произнесла она, ударивъ меня вѣромъ по плечу и бросая на меня взглядъ, въ которомъ смѣшивались любезность и нѣкоторая строгость.—Судя по тому, что мнѣ передавалъ вчера Викторъ, я даже не была увѣрена, что вы явитесь сюда сегодня. Вы увѣрены, что это вы сами?

— Мнѣ свидѣтельствуешь объ этомъ сердце,—отвѣчалъ я, прикладывая руку къ груди.

— Въ такомъ случаѣ приведите его въ должный порядокъ, сударь.

И, повернувшись, она церемонно повела меня къ дочери.

— Дениза, это виконтъ де-Со, сынъ моего стараго друга. Виконтъ, моя дочь. Можетъ быть, вы постараетесь занять ее, пока я продолжу нашъ разговоръ съ аббатомъ.

Бѣдная дѣвочка, очевидно, жестоко страдала весь вечеръ въ ожиданіи этого момента. Она присѣла и остановилась, сконфуженная, забывъ даже сѣсть. Когда она наконецъ вспомнила объ этомъ, я сталъ передъ ней, держа въ рукахъ шляпу. Стараясь поймать сходство между ней и тѣмъ смуглымъ тринадцатилѣтнимъ ребенкомъ, какимъ я ее видѣлъ, я вдругъ неизвѣстно почему оробѣлъ самъ.

— Вы изволили вернуться домой на прошлой недѣлѣ, mademoiselle?—спросилъ я наконецъ.

— Да, monsieur,—шепотомъ отвѣчала она, не поднимая глазъ.

— Для васъ здѣсь все должно быть такъ ново.

— Да, monsieur.

— Сестры монастыря были, конечно, добры къ вамъ?—снова началъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, monsieur.

— А вамъ не жалко было разставаться съ ними?

— Нѣтъ, monsieur.

Почувствовавъ, вѣроятно, банальность своихъ отвѣтовъ, она вдругъ быстро взглянула на меня. Я замѣтилъ, что она готова расплакаться. Эта мысль привела меня въ ужасъ.

— Mademoiselle,—быстро сказалъ я:—не бойтесь меня. Что бы ни случилось, вамъ не надо бояться меня. Прошу васъ, смотрите на меня, какъ на друга, какъ на друга вашего брата. Луи—мой...

Не успѣлъ я докончить фразы, какъ вдругъ послышался какой-то трескъ, что-то ударило меня по спинѣ. Пошатнувшись, я почти упалъ ей на руки. Кругомъ звенѣли стекла, кричали перепуганные голоса. Минуты двѣ я не могъ сообразить, что такое

произошло, и очнулся только тогда, когда Дениза въ ужасѣ схватила меня за руку. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ, что окно сзади меня было выбито большимъ камнемъ, который лежалъ тутъ же на полу. Онъ-то и ударилъ меня въ спину.

II

Испытаніе.

Комната быстро наполнилась перепуганными лицами, и не успѣлъ я прийти въ себя, какъ вокругъ образовалась уже цѣлая толпа, засыпавшая меня вопросами, что случилось. Впереди всѣхъ былъ Сентъ-Алэ. Всѣ говорили разомъ, дамы, стоявшія сзади и не видѣвшія меня, кричали, и мнѣ было очень трудно рассказать все происшедшее. Впрочемъ, разбитое стекло и лежавшій на полу камень говорили сами за себя.

Въ одну минуту зрѣлище погрома раздуло въ цѣлую бурю страсти, глѣвшія подъ пепломъ.

— Долой каналій!—раздалось съ дюжину голосовъ.—

— Обнажайте шпаги, messieurs,—кричалъ кто-то сзади.

Нѣсколько гостей, предводительствуемыхъ Сентъ-Алэ, который горѣлъ желаніемъ отомстить за нанесенное его дому оскорбленіе, бросились, толкая другъ друга, къ дверямъ. Гонто и два-три чело-вѣка постарше пытались удержать ихъ, но всѣ ихъ доводы были тщетны. Черезъ минуту комната была почти пуста. Мужчины выбѣжали на улицу и бѣгали по ней съ обнаженными шпагами. Явилось съ дюжину услужливыхъ лакеевъ съ факелами. Вся улица наполнилась двигающимися тѣнями и огнями.

Негодяи, бросившіе камень въ окно, конечно, убѣжали за-благовременно, и гости скоро стали возвращаться обратно: одни сконфуженные вспышкой овладѣвшаго ими гнѣва, другіе со смѣхомъ, третьи съ тайнымъ сожалѣніемъ о своихъ выпачканныхъ башмакахъ. Многіе, отличавшіеся болѣе страстнымъ темпераментомъ, продолжали еще кричать объ оскорбленіи и угрожали мщеніемъ. Въ другое время все происшествіе показалось бы пу-стяками, но теперь, когда нервы у всѣхъ были въ высшей степени натянуты, оно получило крайне непріятный и угрожающій от-тѣнокъ.

Пока гости отыскивали на улицѣ виновниковъ этого про-исшествія, въ разбитое окно образовалась тяга. Отъ движенія вѣтра занавѣсъ приблизилась къ подсвѣчникамъ и разомъ вспыхнула. Ее удалось, однако, быстро сорвать. Тѣмъ не менѣе запахъ гари распространился по всѣмъ комнатамъ. Испуганные лица женщинъ, разбитое окно, запахъ гари—все это производило такое

впечатлѣніе, какъ будто комната подверглась настоящему разгрому.

Меня не удивило, что Сентъ-Алэ, вернувшись съ улицы, по-мрачнѣль еще болѣе.

— Гдѣ моя сестра?—спросилъ онъ рѣзко, почти грубо.

— Она здѣсь,— отвѣчала маркиза.

Дениза давно уже подбѣжала къ ней и крѣпко держалась за нее.

— Ее не ушибло?

— Нѣтъ, къ счастью,—отвѣчала маркиза, лаская дѣвушку.— Жаловаться можетъ только виконтъ де-Со.

— Спасите меня отъ друзей, не такъ ли, monsieur,—сказалъ де-Сентъ-Алэ съ нехорошей усмѣшкой.

Это меня взбѣсило. Смыслъ, который онъ придавалъ этимъ словамъ, былъ ясенъ.

— Если вы предполагаете,—рѣзко сказалъ я:—что я знаю о такихъ выходахъ...

— Что вы что-нибудь знали? Конечно, нѣтъ,—съ беззаботнымъ видомъ возразилъ онъ.—Мы еще до этого не дошли. Невозможно и предположить, чтобы кто-нибудь изъ присутствующихъ сдѣлался сообщникомъ этихъ негодяевъ. Однако это можетъ дать намъ хорошій урокъ, господа,—продолжалъ онъ, обращаясь къ окружавшимъ его гостямъ.—И этотъ урокъ говорить, что мы должны крѣпко держать свое, иначе мы все пропадемъ.

Гуль одобренія прошелъ по комнатѣ.

— Поддерживать наши привилегіи.

Человѣкъ двадцать заявили о томъ, что они вполне съ этимъ согласны.

— Выставить наше знамя,—продолжалъ ораторъ, поднимая руку,—теперь или никогда.

— Теперь! Теперь!

Кричали уже не одни мужчины, но и женщины. Вся комната съ энтузіазмомъ вторила ему въ тонъ. Глаза мужчинъ блестѣли, слышалось ихъ тяжелое дыханіе, щеки загорѣлись румянцемъ. Тутъ даже и самый слабый пріобрѣталъ вліяніе и кричалъ такъ же громко, какъ и другіе.

Я никогда потомъ не могъ дать себѣ полнаго отчета въ томъ, что произошло, никогда не могъ уяснить себѣ, было ли все это приготовлено ранѣе, или же вдругъ родилось само собой изъ охватившаго всѣхъ энтузіазма.

Пока отъ раздававшихся криковъ звенѣли окна и все вниманіе было сосредоточено на маркизѣ де-Сентъ-Алэ, онъ выступилъ впередъ и театральнымъ жестомъ обнажилъ свою шпагу.

— Господа —воскликнулъ онъ.—Мы все одного образа мыслей, у насъ у всѣхъ одни и тѣ же слова. Такъ пусть у насъ будетъ и одинъ и тотъ же образъ дѣйствій. Въ то время, какъ весь міръ сра-

жается для того, чтобы овладѣть чѣмъ-нибудь, мы одни думаемъ только о защитѣ. Соединимся, пока не поздно, и докажемъ, что мы еще въ состояннн бороться. Мы знаемъ о клятвѣ въ Jeu de paume 20 июня. Давайте поклянемся 22 июля. Мы не будемъ поднимать рукъ, какъ эти говоруны, которые чего только не обѣщаютъ. Мы поднимемъ наши шпаги. Какъ дворяне, дадимъ клятву стоять за права и привилегіи нашего сословія

Въ отвѣтъ раздался такой крикъ, что заколыхалось пламя. Его было слышно и на улицѣ и, вѣроятно, даже на рынкѣ, до котораго было довольно далеко. Многіе выхватили шпаги и размахивали ими надъ своими головами. Дамы махали платками и вѣерами.

— Въ большую залу! Въ большую залу!—раздались голоса.

И, какъ бы повинуваясь этому призыву, всѣ бросились, толкаясь и тѣсясь, въ сосѣдную комнату.

Между этими людьми были, конечно, такіе, которые не раздѣляли общаго энтузіазма, многіе только дѣлали видъ, что они увлечены, но не было, конечно, никого, кто пошелъ бы туда такъ неохотно, съ такимъ тяжелымъ сердцемъ, какъ я. Я ясно сознавалъ дилемму, которая вставала передо мной, но, разгоряченный и раздраженный, я не могъ найти выхода изъ нея.

Если бы я могъ незамѣтно ускользнуть изъ комнаты, я сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія. Но лѣстница была, какъ нарочно, на противоположномъ концѣ залы, и отъ нея меня отдѣляла густая толпа. Кромѣ того, я чувствовалъ, что Сентъ-Алэ не спускаетъ съ меня глазъ: въ немъ заговорила кровь, и онъ, видимо, рѣшилъ не дать мнѣ ускользнуть.

Не теряя надежды, я продолжалъ стоять у двери въ залу. Вдругъ маркизь, выдвинувъ на средину комнаты кресло, сталъ на него и обернулся лицомъ прямо ко мнѣ. Около него образовался кругъ. Наиболѣе неугомонная молодежь продолжала кричать: «Да здравствуетъ дворянство». Сзади образовался второй кругъ изъ присутствовавшихъ дамъ.

— Господа!—закричалъ маркизь.— Обнажите ваши шпаги.

Въ одну минуту приглашеніе было исполнено, и блескъ шпагъ быстро мелькнулъ въ зеркалахъ. Сентъ-Алэ медленно обвелъ всѣхъ глазами и устремилъ свой взоръ на меня.

— Виконтъ де-Со,—вѣжливо промолвилъ онъ:—мы ждемъ васъ.

Всѣ разомъ обернулись ко мнѣ. Я хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукой, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ. Я надѣялся, что во избѣжаніе скандала онъ пойдетъ на это.

Но онъ меньше всего думалъ объ осторожности.

— Не угодно ли вамъ послѣдовать нашему примѣру,—мягко продолжалъ онъ.

Уклоняться было уже нельзя. Сотни глазъ, нетерпѣливыхъ или прямо любопытныхъ, устремились на меня. Мое лицо пылало.

— Я не могу этого сдѣлать,—промолвилъ я наконецъ.

Въ комнатѣ вдругъ водворилось молчаніе.

— Почему же, позвольте спросить?—съ прежней мягкостью обратился ко мнѣ Сентъ-Алэ.

— Потому, что я не вполне раздѣляю ваши взгляды,—пробормоталъ я, храбро встрѣчая бросаемые на меня взгляды.—Мой образъ мыслей вамъ извѣстенъ, маркизь, и я твердо держусь его. Я не могу дать клятвы.

Движеніемъ руки онъ остановилъ съ полдюжины дворянчиковъ, которые готовы были закричать на меня.

— Тише, господа,—сказалъ онъ.—Тутъ не мѣсто для угрозы. Виконтъ де-Со мой гость, и я отношусь къ нему съ уваженіемъ, хотя не могу сказать того же про его убѣжденія. Я полагаю, что надо избрать другой способъ дѣйствій. Я не рѣшаюсь входить съ нимъ въ споръ самъ. Но если вы позволите,—обратился онъ къ матери:—чтобы Дениза сыграла на этотъ разъ роль сержанта, набирающаго рекрутовъ, то, можетъ быть, ей удастся предупредить разрывъ.

Это предложеніе вызвало громкое одобреніе. Кто-то захопалъ въ ладоши, женщины махали вѣерами. Маркиза продолжала стоять, улыбаясь, какъ сфинксъ, и молчала. Потомъ она повернулась къ дочѣри, которая, услышавъ свое имя, старалась съежиться такъ, чтобы ея не было и замѣтно.

— Подойди сюда, Дениза,—сказала она.—Попроси виконта де-Со сдѣлать тебѣ честь и стать твоимъ рекрутомъ.

Дѣвушка тихо вышла впередъ. Видно было, какъ она вся дрожала. Никогда не забуду этого момента, когда стыдъ и упрямство попеременно овладѣвали моей душой по мѣрѣ того, какъ она приближалась ко мнѣ. Быстрая, какъ молнія, мысль подсказала мнѣ, въ какую ловушку я попалъ. Но мучительнѣе всего былъ моментъ, когда бѣдная дѣвушка, мучительно преодолевая свою застѣнчивость, остановилась передъ мной и прошептала нѣсколько словъ, которыя едва можно было понять.

Отвѣтить ей отказомъ, по понятію всѣхъ этихъ господъ, было невозможно. Это было бы такой же грубостью, какъ и ударить ее. Я чувствовалъ это всѣми фибрами моей души. И въ то же время я чувствовалъ, что согласиться на ея просьбу значитъ признать себя одураченнымъ, признать жертвой ловкой ловушки, показать себя трусомъ. Одно мгновеніе я колебался между гнѣвомъ и жалостью. И, взглянувъ на всѣ эти лица, глядѣвшія на меня вопросительно или гнѣвно, я тихо сказалъ:

— Mademoiselle, я не могу.

— Monsieur!

Это крикнула сама маркиза, и голосъ ея какъ рѣзко и пронзительно раздался въ комнатѣ. Этотъ голосъ сразу разогналъ туманъ,

въ которомъ работалъ мой мозгъ. Я опять сталъ самимъ собой. И, повернувшись къ ней, поклонился.

— Не могу, маркиза,—продолжалъ я твердо, не испытывая болѣе никакихъ сомнѣній.—Мой образъ мыслей извѣстенъ всѣмъ, и я не могу лгать даже ради mademoiselle.

Едва я успѣлъ промолвить это слово, какъ чья-то перчатка, брошенная невидимой рукой, ударила меня въ грудь. Всѣ, находившіеся въ комнатѣ, казалось, вдругъ помѣшались. Крики: «Негодяй! Вонъ предателя!»—такъ и носились въ воздухѣ. Съ дюжину шпагъ мелькало передъ моими глазами, десятка два вызывовъ обрушилось на мою голову. Я тогда еще не зналъ, какъ безжалостна возбужденная толпа. Изумленный и оглушенный всѣмъ этимъ шумомъ, который еще болѣе усиливали своими криками дамы, я невольно отступилъ въ глубь комнаты.

Маркизь де-Сентъ-Алэ, соскочивъ съ кресла и отклоняя рукой устремленныя противъ меня шпаги, бросился прямо ко мнѣ.

— Господа, слушайте!—закричалъ онъ, заглушая гулъ голо-совъ.—Это мой гость. Онъ болѣе не принадлежитъ къ нашему кругу, но онъ долженъ уйти отсюда цѣль и невредимъ.

— Дайте дорогу виконту де-Со.

Хотя неохотно, но всѣ повиновались ему и, отхлынувъ въ обѣ стороны, образовали широкій проходъ до двери. Маркизь повернулся ко мнѣ и отвѣсилъ самый что ни есть церемонный поклонъ.

— Прошу васъ слѣдовать сюда, г. виконтъ,—сказалъ онъ.—Маркиза болѣе не задержитъ васъ.

Съ пылающимъ лицомъ я послѣдовалъ за нимъ по узкой блестящей полоскѣ, отражавшейся на паркетѣ отъ канделябровъ между двумя рядами насмѣшливыхъ лицъ. Никто не вступился за меня, и я прошелъ до двери среди мертвой тишины. Здѣсь маркизь остановился, мы раскланялись другъ съ другомъ, и я вышелъ изъ комнаты.

Пока я проходилъ черезъ вестибюль, любопытная толпа лакеевъ, наполнявшихъ ее, смотрѣла на меня во всѣ глаза. Но я не замѣчалъ ихъ дерзости, ни даже самаго ихъ присутствія. Я двигался, какъ человѣкъ оглушенный, потерявшій способность думать, и такъ длилось до тѣхъ поръ, пока я не вышелъ изъ дому. Холодный воздухъ привелъ меня въ чувство, и первымъ моимъ чувствомъ была злость. Я вошелъ въ домъ Сентъ-Алэ, обладая кое-чѣмъ, а вышелъ изъ него, лишенный всего—друзей, репутаціи, невѣсты. Я вошелъ сюда, полагаясь на старинную дружбу нашихъ семей, онъ же лишилъ меня всего хитростью.

Сначала мнѣ пришла въ голову мысль, что я сглупилъ, что я долженъ былъ уступить. Стоя на дорогѣ, я не могъ предвидѣть всего, что меня ожидало, не могъ быть увѣреннымъ, что старая Франція дѣйствительно отходитъ въ вѣчность. Мнѣ приходилось

считаться съ понятіями того круга, въ которомъ я жилъ. Шагая по дорогѣ, я раздумываль, какъ мнѣ поступить завтра—бѣжать отсюда или принять вызовъ. Ибо завтра...

Народное собраніе —неожиданно пришло мнѣ въ голову. Это слово сразу дало новый поворотъ моимъ мыслямъ. Вотъ гдѣ я могу отомстить.

Ночь я провелъ въ лихорадкѣ. Раздраженіе подстрекало честолюбіе, злость противъ касты, любовь къ народу. Передъ моими глазами проходили всѣ признаки нищеты и страданія, которые я видѣль еще вчера. Разсвѣтъ засталъ меня шагающимъ по комнатѣ изъ угла въ уголь. Когда старый Андрэ, служившій еще моему отцу, вошелъ въ комнату съ письмомъ, онъ увидѣль, что я не раздѣвался.

Несомнѣнно, до него уже дошли слухи о томъ, что вчера случилось. Не обращая вниманія на его мрачный видъ, я распечаталъ письмо. Подписи подъ нимъ не было, но я узналъ почеркъ Луи.

«Убѣжайте домой и не показывайтесь на собраніи. Они хотятъ вызывать васъ на поединокъ одинъ за другимъ. Убѣжайте изъ Кагора немедленно, иначе вы будете убиты.

Вотъ и все. Я горько улыбнулся при видѣ слабости человѣка, который только и могъ сдѣлать для своего друга.

— Кто принесъ письмо?—спросилъ я Андрэ.

— Какой-то слуга, сударь.

— Чей?

Въ отвѣтъ онъ пробормоталъ, что онъ этого не знаетъ. Я особенно его не разспрашиваль. Андрэ помогъ мнѣ переодѣться и, когда я выходилъ изъ комнаты, онъ вдругъ спросилъ меня, въ которомъ часу подавать лошадей.

— Для чего?—сказаль я, пристально взглянувъ на него.

— Для отъѣзда, сударь.

— Но я не намѣренъ убѣжать сегодня,—сказаль я тономъ холоднаго неудовольствія.—О чемъ ты говоришь? Мы поѣдемъ обратно завтра вечеромъ.

— Слушаю, сударь,—пробормоталь онъ, продолжая возиться съ моимъ платьемъ.—Но хорошо было бы ѣхать днемъ.

— Ты прочелъ это письмо?—съ гнѣвомъ закричалъ я.—Кто тебѣ сказаль..

— Объ этомъ знаетъ весь городъ,—отвѣчалъ онъ, холодно пожимая плечами.—Вездѣ только и кричатъ: «Андрэ, убирайтесь поскорѣ съ вашимъ бариномъ!.. Андрэ, на твоего барина скоро надѣнуть намордникъ!» Жилъ подрался съ однимъ изъ лакеевъ Гаринкура за то, что тотъ назваль васъ глупцомъ. Ему разбили лицо. Что касается меня, то я ужъ устарѣль для драки. Старъ я и для другого,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой.

— Для чего это другого?

— Для того, чтобы опять хоронить своего барина.

Помолчавъ съ минуту, я спросилъ его:

— Неужели ты думаешь, что меня убьютъ?

— Такъ говорятъ всѣ въ городѣ.

— Послушай, Андрэ, вѣдь ты служилъ еще моему отцу. Неужели же ты хочешь, чтобы я бѣжалъ отсюда?

Онъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Боже мой, я и самъ не знаю, чего я хочу. Эти каналы погубятъ насъ. Богъ создалъ ихъ только для того, чтобы они работали и ковыряли землю, иначе мы пропадемъ. И если вы за нихъ заступаетесь...

— Молчи,—строго сказалъ я.—Ты ничего не понимаешь въ этомъ. Ступай внизъ и другой разъ будь осторожнѣе. Ты разсуждаешь о каналахъ, а ты самъ кто такой?

— Я, сударь?—воскликнулъ онъ въ изумленіи.

— Да, ты.

Съ минуту онъ смотрѣлъ на меня въ полномъ остолбенѣніи, потомъ грустно покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты. Несомнѣнно, онъ убѣжденъ, что я сошелъ съ ума.

Когда онъ ушелъ, я не двигался съ мѣста. Я зналъ, что, показись я на улицѣ, я тотчасъ же получилъ бы вызовъ и принужденъ былъ бы драться. Поэтому я выжидалъ, когда начнется собраніе, ждалъ въ мрачной комнатѣ наверху, терзаемый чувствомъ одиночества. Не могу сказать, чтобы я не чувствовалъ искушенія прибѣгнуть къ тому способу, на который указывалъ Андрэ, но какое-то упорство, доставшееся мнѣ отъ отца, удерживало меня на томъ пути, на который я сталъ. Въ четверть одиннадцатаго, когда, по моему расчету, члены собранія уже явились на совѣщаніе, я сошелъ внизъ. Щеки мои горѣли, но глаза смотрѣли серьезно и строго. У двери стояли Андрэ и Жиль. Я приказалъ имъ слѣдовать за мной къ собору, гдѣ въ домѣ дворянства назначено было собраніе.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что, если бы я глядѣлъ внимательнѣе, я безъ труда замѣтилъ бы необычайное оживленіе на улицахъ. Густая толпа, безмолвная, стояла на площади и прилегающихъ улицахъ. Лавки были закрыты, всѣ дѣла прекращены, въ переулкахъ слышался сдержанный говоръ. Но я былъ такъ углубленъ въ самого себя, что опомнился только тогда, когда, пересѣкая площадь, услышалъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ крикнулъ: «Да благословить васъ Богъ», а другой: «Да здравствуетъ Со!» Съ полдюжины встрѣчныхъ почтительно сняли передо мной шапки. Все это я замѣтилъ, но чисто механически. Черезъ минуту я уже былъ на узкой улицѣ, которая ведетъ отъ собора къ дому дворянства. Она вся была наполнена лакеями, которые съ трудомъ давали мнѣ дорогу, поглядывая на меня съ любопытствомъ и удивленіемъ.

Проложивъ себѣ путь сквозь эту толпу, я вошелъ въ вестибюль. Переходъ отъ солнечнаго свѣта къ тѣни, отъ оживленія на улицахъ къ безмолвію этой комнаты со сводами поразилъ меня какъ-то особенно сильно. Въ тишинѣ и сѣромъ полумракѣ этой комнаты впервые предстала передо мной во всей ясности значительность шага, который я собирался сдѣлать; и я повернулъ бы назадъ, если бы какое-то упрямство не овладѣло моей душой. Мои шаги по каменнымъ плитамъ уже гулко отдались въ царившей здѣсь тишинѣ и отступать было поздно. Я слышалъ уже гулъ голосовъ за закрытыми дверями сосѣдней комнаты. Сжавъ губы и рѣшившись быть мужчиной, что бы меня ни ожидало, я направился къ этимъ дверямъ.

Я уже взялся за ручку двери, какъ вдругъ съ каменной скамейки, стоявшей у окна, кто-то быстро поднялся и остановилъ меня. То былъ Луи де-Сентъ-Алэ. Я еще не успѣлъ открыть двери, какъ онъ сталъ между порогомъ и мною.

— Остановитесь, ради Бога,—тихо и взволнованно вскричалъ онъ.—Что вы можете сдѣлать одинъ противъ двухсотъ. Вернитесь назадъ...а я....

— А вы,—отвѣчалъ я съ презрѣніемъ, но такъ же тихо,—швейцаръ смотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ.—А вы...а вы постушите такъ же, какъ вчера.

— Не вспоминайте объ этомъ!—серьезно сказалъ онъ.

Кровь бросилась ему въ голову.

— Уходите, Со! Уходите и...

— И исчезайте!

— Да, исчезайте. Если вы это сдѣлаете...

— Если я исчезну?—съ яростью повторилъ я.

— Да, тогда все обойдется.

— Благодарю васъ покорно,—медленно промолвилъ я, дрожа отъ злобы.—А сколько вамъ заплатятъ за то, графъ, что вы избавили собраніе отъ меня.

Онъ бросилъ на меня изумленный взглядъ.

— Адріанъ!

Но я былъ безпощаденъ.

— Я вамъ больше не Адріанъ, графъ. Я Адріанъ только для моихъ друзей.

— Стало быть, я уже не вашъ другъ.

Я презрительно поднялъ брови.

— Послѣ вчерашняго вечера? Неужели вы думаете, что вы вели себя, какъ подобаетъ другу. Я пришелъ въ вашъ домъ какъ гость, а вы устроили для меня ловушку, сдѣлали меня предметомъ ненависти и насмѣшекъ...

— Развѣ я это устроилъ?—воскликнулъ онъ.

— Можетъ быть, и не вы, но вы стояли здѣсь же и видѣли,

что происходитъ. И не сказали ни одного слова въ мою защиту.

Онъ остановилъ меня жестомъ, полнымъ достоинства.

— Вы забываете одно, виконтъ,—гордо промолвилъ онъ.

— Скажите: что?

— Что mademoiselle де-Сентъ-Алэ—моя сестра.

— А!

— Кто бы ни былъ виноватъ въ томъ, что произошло вчера, вы обошлись съ нею безъ должнаго почтенія, и это передъ двумя сотнями гостей.

— Я обошелся съ нею безъ должнаго почтенія?—возразилъ я въ новомъ припадкѣ ярости.

Незамѣтно для самихъ себя мы отодвинулись отъ двери и взглянули другъ другу прямо въ глаза.

— А кто въ этомъ виноватъ, сударь? Вы насильно заставили меня выбирать между оскорбленіемъ ея и отказомъ отъ моихъ убѣжденій, въ которыхъ я воспитанъ.

— Убѣжденія!—рѣзко промолвилъ онъ.—Что такое убѣжденія? Я не философъ, въ Англіи не былъ, и я не могу понять, какъ человѣкъ...

— Отказывается отъ чего-нибудь ради своихъ убѣжденій? Вамъ этого не понять, графъ. Человѣкъ, который не стоитъ за своихъ друзей, не можетъ постоять и за свои убѣжденія. Для того и другого нужно, чтобы человѣкъ не былъ трусомъ.

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и какъ-то странно взглянулъ на меня.

— Молчите!—какъ будто невольно крикнулъ онъ.

По его лицу прошла судорога, словно онъ вдругъ почувствовалъ мучительную боль.

Но я уже не владѣлъ собой.

— Да, трусомъ,—повторилъ я.—Вы понимаете, графъ, что я хочу сказать? Или вы хотите, чтобы я вошелъ и повторилъ это передъ всѣмъ собраніемъ?

— Въ этомъ нѣтъ надобности,—промолвилъ онъ, вдругъ сильно покраснѣвъ.

— Позвольте надѣяться, что послѣ собранія мы еще встрѣтимся съ вами.

Онъ молча поклонился. Въ его молчаніи и взглядѣ, который онъ бросилъ на меня, было что-то обезоруживающее. Мнѣ вдругъ стало холодно. Но было уже поздно. Я отвѣтилъ ему церемоннымъ поклономъ и опять рѣшительно направился къ дверямъ.

Но открыть ее не удалось и на этотъ разъ.

Едва я потянулъ ручку, какъ чья-то рука оттолкнула меня назадъ съ такой силою, что ручка двери отлетѣла и съ шумомъ упала на полъ. Къ удивленію моему, то былъ опять Луи. Его лицо выдавало сильное возбужденіе. Онъ крѣпко держалъ меня за плечо.

— Вы назвали меня трусомъ, виконтъ, и я не хочу откладывать этого дѣла ни на минуту,—сквозь губы проговорилъ онъ.— Не угодно ли вамъ драться со мной сейчасъ же. Здѣсь сзади дома есть садъ...

Но я былъ холоденъ, какъ ледь.

— Этого я не сдѣлаю,—коротко отрѣзалъ я.—Послѣ собранія...

Онъ поднялъ руку и намѣренно ударилъ меня перчаткой по лицу.

— Можетъ быть, это подѣйствуетъ на васъ. Послѣ этого, если вы дворянинъ, вы должны драться со мной. Здѣсь сзади дома есть садъ, и черезъ десять минутъ...

— Черезъ десять минутъ собраніе кончится...

— Я васъ не задержу такъ долго,—серьезно сказалъ онъ.— Идемте, сударь. Или я долженъ опять нанести вамъ ударъ.

— Я слѣдую за вами,—медленно отвѣчалъ я.

III.

Въ собраніи.

Ударъ и нанесенное мнѣ оскорбленіе заставили меня на минуту забыть свое раскаяніе. Но какъ ни мало было разстояніе, отдѣлявшее одну дверь отъ другой, все же у меня было время подумать, вспомнить, что это Луи. Какъ бы ни подозрѣвалъ я его, какъ бы ни сердился на то, что онъ сталъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, все же ни одинъ другъ не удержалъ бы меня отъ появленія въ залѣ собранія такимъ способомъ. Я чувствовалъ, что я плачу ему самой черной неблагодарностью. Раскаяніе охватило меня, и, когда швейцаръ отворилъ было передо мной дверь, я, къ величайшему изумленію Луи, повернулся и бросился назадъ. Не успѣлъ онъ вскрикнуть, какъ я былъ уже около двери въ залу собраніе, а черезъ секунду уже переступилъ ея порогъ.

Какъ теперь я вижу, съ какимъ изумленіемъ обратились ко мнѣ лица всѣхъ присутствующихъ. Я слышалъ гулъ голосовъ и смѣхъ. Я направился къ своему мѣсту и опустился на него въ какомъ-то оцѣпенѣннн, почти забывъ, зачѣмъ я сюда явился.

На скамейкахъ, гдѣ были устроены мѣста, сидѣло по трое. Мое мѣсто было между однимъ изъ Гаринкуровъ и д'Ольнуа. Не прошло пяти секундъ, какъ Гаринкуръ всталъ и, обмакивая шляпой, направился къ выходу. Черезъ минуту д'Ольнуа послѣдовалъ его примѣру.

Я не сумѣлъ скрыть своего смущенія. Насмѣшливые взгляды выводили меня изъ себя. Предсѣдатель наконецъ кончилъ что-то читать своимъ монотоннымъ голосомъ. Началась переключка. Голосовали наказъ депутатамъ.

— Графъ де-Конталь?—выкрикивалъ предсѣдатель.

— Согласенъ

— Виконтъ де-Мариньякъ?

— Согласенъ

Вдругъ, словно эхо въ пустомъ пространствѣ, раздалось мое имя:

— Виконтъ де-Со?

Я всталъ и заговорилъ. Мой голосъ звучалъ хрипло, словно это былъ голосъ другого человѣка.

— Я не согласенъ съ наказомъ

Я ожидалъ, что произойдетъ взрывъ ярости. Но этого не послѣдовало. Наоборотъ, раздался взрывъ смѣха, въ которомъ ясно слышался голосъ де-Сентъ-Алэ.

— Господа,—закричалъ я на весь залъ:—я не согласенъ съ этимъ наказомъ, потому что онъ ни къ чему. Прошло время, когда онъ могъ бы оказать какое-нибудь дѣйствіе. Вы ссылаетесь на ваши привилегіи. Ихъ время тоже прошло. Вы протестуете противъ единенія вашихъ представителей съ народомъ, но вѣдь они сидѣли вмѣстѣ. Дѣло сдѣлано. Вы дали голодной собакѣ кость. Неужели вы думаете, что ее можно отнять обратно? У Франціи нѣтъ денегъ, она наканунѣ банкротства. Неужели вы думаете обогатить ее, поддерживая свои привилегіи? Эти привилегіи были даны когда-то нашимъ предкамъ, потому что они были оплотомъ Франціи. Они на свои средства собирали людей, вооружали ихъ и вели въ бой. А теперь сражается народъ, деньги даетъ народъ, все дѣлаетъ народъ.

Здѣсь я перевелъ духъ, ожидая взрыва общаго гнѣва. Но этого не было. Зато съ площади, куда доносилось каждое мое слово, послышался громъ аплодисментовъ. Я былъ ошеломленъ и смолкъ.

Но еще большее дѣйствіе произвели эти аплодисменты на моихъ противниковъ: всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ. Потомъ всей залой овладѣлъ молчаливый гнѣвъ.

— Что это такое?—воскликнулъ наконецъ де-Сентъ-Алэ, вскакивая съ возбужденнымъ лицомъ.—Неужели король такъ унижилъ насъ, что приказалъ сидѣть намъ съ третьимъ сословіемъ? Неужели тутъ разговоръ между нѣкоторыми лицами изъ нашего сословія и этой сволочью?..

— Берегитесь, окна открыты,—прервалъ его предсѣдатель, слабый человѣкъ, вышедшій изъ чиновничьей семьи.

— Что же изъ этого?—продолжалъ Сентъ-Алэ, обводя глазами все собраніе.—Пусть народъ выслушаетъ обѣ стороны, а не только тѣхъ, которые, напѣвая ему о его правахъ, думаютъ сыграть роль Кромвеллей и Ретцевъ.

Половина собранія поднялась съ мѣсть.

— Если вы намекаете на меня, маркизъ,—закричалъ я горячо... Сентъ-Алэ гнѣвно разсмѣялся.

— Съ вашего позволенія, виконтъ,—бросиль онъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я возвращаю эти слова вамъ обратно. Вы назвали меня Ретцемъ, Кромвеллемъ...

— Роль Ретца я оставляю себѣ,—спокойно перебилъ онъ меня.

— Такой же измѣнникъ!—закричалъ я среди общаго смѣха, чувствуя, какъ кровь бросилась мнѣ въ голову.—Но измѣнникъ и тотъ, кто теперь толкаетъ короля на бѣду

— Не тотъ ли, кто является сюда въ сопровожденіи толпы?—спросилъ Сентъ-Алэ съ горячностью.—Не тотъ ли, кто хочетъ угрозами навязывать свою волю собранію?

— Неправда,—обрѣзалъ я его.— Я возвращаю вамъ это обвиненіе. Я не согласенъ съ наказомъ и протестую противъ него. Терпѣніе собранія уже истощилось.

— Вонъ его! Вонъ!—послышались дикіе крики.

Нѣсколько стариковъ оставались еще въ креслахъ, остальные повскакали со своихъ мѣстъ. Одни бросились запирать окна, другіе кинулись къ дверямъ, какъ бы намѣреваясь ихъ защищать. Напрасно предсѣдатель старался водворить молчаніе. Наконецъ Сентъ-Алэ поднялъ руку, и шумъ нѣсколько стихъ.

— Собраніе дворянъ изъ Керси,—закричалъ предсѣдатель, воспользовавшись временнымъ затишьемъ,—высказалось въ пользу этого наказа, протестовалъ одинъ только виконтъ де-Со. Наказъ будетъ переданъ депутатамъ. Вопросъ исчерпанъ.

И вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, зала приняла свой обычный видъ. Вскочившіе съ мѣстъ опять сѣли, стоявшіе у дверей вернулись на свои мѣста. Все пришло въ порядокъ.

Мнѣ хотѣлось уйти отсюда скорѣе, но насмѣшливые взгляды со всѣхъ сторонъ не давали мнѣ двинуться съ мѣста. Не могу сказать, долго ли я выдерживалъ эту пытку замаскированныхъ насмѣшекъ и язвительной учтивости. Только появленіе передо мной швейцара съ запиской привело меня въ себя. Я неуклюже развернулъ ее подъ перекрестнымъ огнемъ враждебныхъ взглядовъ и увидалъ, что она была отъ Луи.

«Если у васъ есть хоть какая-нибудь честь, то вы безъ промедленія должны встрѣтиться со мной въ саду сзади этого дома. Если вы отложите эту встрѣчу хоть на десять минутъ, то я публично буду называть васъ трусомъ».

Пока швейцаръ ждалъ отвѣта, я прочиталъ записку дважды и едва сдерживалъ слезы. Луи не удалось обмануть меня. Эта записка, столь на него не похожая, эта отчаянная попытка удалить меня изъ зала—все выдавало его намѣреніе. Я могъ опять поднять голову: около меня былъ другъ.

Между тѣмъ швейцаръ все еще ждалъ отвѣта. Я взялъ клочокъ бумаги и написалъ: «Адріанъ не будетъ драться съ Луи».—Сложивъ бумажку, я передалъ ее швейцару.

Посидѣвъ немного, я всталъ и спокойно двинулся къ выходу. Навстрѣчу мнѣ сейчасъ же двинулось еще человѣкъ десять съ очевиднымъ желаніемъ не дать мнѣ уйти. Поднялось такое волненіе, что предсѣдатель даже пересталъ читать, желая посмотреть, чѣмъ все это кончится. Я уже приближался къ порогу, и черезъ секунду мы должны были столкнуться, какъ вдругъ на улицѣ раздался такой ревъ голосовъ, что мы всѣ невольно остановились.

Остальные бросились къ окнамъ.

И опять раздался глухой раскатистый ревъ, отъ котораго задрожали стекла, ревъ триумфа, ревъ, котораго я никогда въ жизни еще не слыхалъ.

Изъ этого рева мало-по-малу стала выдѣляться одна явственная фраза: «Долой Бастилію! Долой Бастилію!»

Придя въ себя, собраніе заволновалось, гнѣвно бормоча угрозы противъ каналій. Одинъ говорилъ одно, другой другое: что надо очистить улицу, что необходимо вызвать полкъ солдатъ, что лучше всего принести жалобу интенданту. Всѣ еще кричали, какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ Луи де-Сентъ-Алэ. Его лицо горѣло отъ возбужденія. Обыкновенно то былъ очень тихій человѣкъ, но теперь, выступивъ впередъ, онъ поднялъ руку и повелительно потребовалъ, чтобы всѣ замолчали.

— Господа,—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Получено необыкновенное извѣстіе. Его сообщилъ на улицѣ курьеръ, привезшій письма моему брату. Бастилія пала!

Водворилось глубокое молчаніе.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ наконецъ предсѣдатель.

— Въ четвергъ она была взята приступомъ парижской толпой, губернаторъ ея де-Лоней убитъ,—отчетливо произнесъ Луи.

Всѣ въ изумленіи смотрѣли другъ на друга. А съ улицы несся все усиливавшійся шумъ безпорядковъ.

— А что же король?—спросилъ престарѣлый де-Гонто, выражая общую мысль.—Безъ сомнѣнія, его величество уже наказалъ этихъ негодяевъ?

Отвѣтъ ему былъ данъ оттуда, откуда его никто не ожидалъ. Держа раскрытое письмо, поднялся съ своего мѣста де-Сентъ-Алэ. Еслибъ онъ имѣлъ время обдумать, что онъ хочетъ дѣлать, то онъ, конечно, не сталъ бы говорить все, что зналъ. Но неожиданное извѣстіе совершенно выбило его изъ колеи.

— Я не знаю, что дѣлаетъ король въ Версалѣ,—заговорилъ онъ:—но я могу сообщить вамъ, какъ была употреблена вооруженная сила въ Парижѣ. Приказано было атаковать толпу гвардіи, но она была разсѣяна. Городъ очутился въ рукахъ толпы. Мэръ Флессель убитъ. Образована національная гвардія, генераломъ которой назначенъ Лафайеттъ.

— А что же дѣлалъ король?—въ испугѣ вскричалъ предсѣдатель.

— Ровно ничего.

— А генеральные штаты? Національное собраніе въ Версалѣ?—послышались голоса.

— Ровно ничего.

— Ну, наконецъ, Парижъ? — спросилъ, въ свою очередь, предсѣдатель!—Вѣдь столько лѣтъ онъ былъ совершенно спокоенъ!

Де-Сентъ-Алэ молча опустился на свое мѣсто. Собраніе было ошеломлено этимъ извѣстіемъ. Еще нѣсколько минутъ тому назадъ члены его мечтали о своихъ привилегіяхъ и правахъ. Теперь они увидѣли Парижъ въ пламени, а законъ и порядокъ въ величайшей опасности.

Но не таковъ былъ человекъ Сентъ-Алэ, чтобы отказываться отъ роли руководителя собранія; онъ опять вскочилъ и сталъ пламенно призывать присутствующихъ вспомнить фронтъ.

— И тогда, и теперь Парижъ все тотъ же,—кричалъ онъ.—Легкомысленный и мятежный. Его можно взять только голодомъ. Жирный буржуа не можетъ обойтись безъ блага хлѣба. Лишите его этого, и безумцы опомнятся, возставшіе смирятся. Неужели вы думаете, что вся эта національная гвардія съ ея генералами можетъ устоять противъ силъ порядка—дворянства и духовенства, противъ самой Франціи? Это невозможно, — продолжалъ онъ, обводя всѣхъ глазами.—Парижъ, правда, низложилъ великаго Генриха и изгналъ Мазарини. Но зато потомъ онъ лизалъ имъ ноги. То же будетъ и теперь. Мы должны только смотрѣть, чтобы эти беспорядки не распространялись далѣе.

Эти слова успокоили собраніе, всѣ нашли его слова совершенно убѣдительными. Люди вѣдь такъ склонны представлять себѣ будущее въ тѣхъ же самыхъ краскахъ, какими было окрашено ихъ прошлое. Рѣчь Сентъ-Алэ была встрѣчена громкими рукоплесканіями. Всѣ волнуясь вскакивали съ мѣстъ и толпами направлялись по узенькой улочкѣ.

Въ дверяхъ я нечаянно столкнулся съ однимъ изъ Гаринкуровъ. Онъ повернулъ голову и, увидѣвъ, кто его толкнулъ, хотѣлъ было остановиться. Но давка была такъ велика, что его увлекли впередъ. Я видѣлъ, что онъ что-то говорилъ, но я не могъ его слышать и только по насмѣшливымъ улыбкамъ шедшихъ рядомъ съ нимъ догадывался, что рѣчь шла обо мнѣ. Но едва мы вышли изъ узкаго переулочка на площадь, какъ представившееся нашимъ глазамъ заставило меня забыть о ихъ существованіи.

IV

Другъ народа.

Другіе тоже были поражены этимъ зрѣлищемъ. Мы во Франціи не привыкли видѣть толпы. Здѣсь въ теченіе столѣтій всегда стоялъ впереди одинъ какой-нибудь человѣкъ—король, кардиналь, епископъ, придворный, а толпа всегда ступшевыалась, изрѣдка проходила передъ нимъ, почтительно кланялась и исчезала.

Теперь начинался холодный расцвѣтъ новаго дня. Между нами было не мало людей, которые привыкли, чтобы крестьянинъ дрожалъ при видѣ ихъ нахмуреннаго лица. Но парижская новость сразу потрясла все до основанія. Толпа на площади уже не дрожала, а только молча смотрѣла на насъ, и это молчаніе было хуже всякаго воя. Она не разступилась передъ нами, и члены собранія среди общей толкотни едва добрались до гостиницы.

Представившееся нашимъ глазамъ зрѣлище на минуту отвлекло мои мысли отъ Гаринкура. Онъ тоже, повидимому, забылъ обо мнѣ и шелъ нахмурившись и бросая раздраженные взгляды.

Тонкой вереницей подвигались мы среди толпы. Они держали себя вызывающе, мы негодовали. Два слова: «Бастилія пала», объединили отдѣльныя группы и создали изъ нихъ народъ.

При такомъ положеніи дѣлъ достаточно было искры, чтобы произвести взрывъ. Искра эта явилась сама собой. Впереди меня шелъ высокій и худой Гонто. Онъ былъ хромъ и обыкновенно опирался на руку лакея. Въ это утро лакея не было, и онъ шелъ съ палкой. Вдругъ какой-то человѣкъ пробѣжалъ передъ нимъ и, можетъ быть, случайно задѣлъ ногой за его палку. Гонто вспыхнулъ, какъ порохъ, и ударилъ этого человѣка палкой.

— Пошелъ прочь!—кричалъ онъ, готовясь ударить его вторично.—Если бы ты былъ моимъ, я бы тебя...

Человѣкъ плюнулъ ему прямо въ лицо.

Гонто произнесъ ругательство и въ неудержимомъ гнѣвѣ нанесъ своему оскорбителю два или три удара. Тотъ хотѣлъ было скрыться, но стоявшіе сзади вытолкнули его впередъ. Дѣлать было нечего, и съ крикомъ: «долой дворянъ!» онъ бросился на Гонто, который моментально оказался на землѣ.

Все это случилось очень быстро. Мы всѣ—я, Сентъ-Алэ, Гаринкуры—видѣли, какъ упалъ Гонто. Толпа, очевидно, не потеряла еще окончательно почтительности и не желала убивать старика. Но, наэлектризованный рассказомъ о смерти де-Лоней, я выскочилъ впередъ, чтобы защитить старика.

Меня предупредилъ, впрочемъ, Сентъ-Алэ. Бросившись впередъ, онъ нанесъ оскорбителю такой ударъ, что тотъ упалъ на руки тѣхъ,

кто стоялъ сзади его. Поднявъ Гонто, онъ выхватилъ свою блестящую шпагу и, размахивая ею во все стороны, быстро проложилъ себѣ путь. Его провожали руганью и проклятіями.

Къ несчастью, Сентъ-Алэ задѣлъ кого-то своей шпагой. Хотя человекъ и не былъ раненъ, тѣмъ не менѣе онъ упалъ на землю и поднялъ крикъ, а за нимъ забурило и вся толпа. Кто-то пустилъ въ маркиза палкой, заставивъ его остановиться. Черезъ минуту онъ уже бросился на человекъ, бросившаго палку, и пронзилъ бы его насквозь, но тотъ успѣлъ убѣжать въ толпу, которая съ торжествующимъ смѣхомъ сомкнулась передъ маркизомъ.

Сентъ-Алэ презрительно вложилъ шпагу въ ножны. Но едва онъ успѣлъ обернуться, какъ получилъ ударъ камнемъ въ голову.

Запатавшись, онъ упалъ на землю. Толпа завывала и бросилась топтать его ногами. Люда совершенно обезумѣла: крикъ человекъ, который былъ раненъ, или, вѣрнѣе, только испуганъ, еще стоялъ въ ихъ рукахъ. Одинъ изъ Гаринкуровъ вздумалъ было вступить за маркиза, но это только подлило масла въ огонь. Въ одинъ моментъ онъ былъ сбитъ съ ногъ и покатился по мостовой. Толпа снова бросилась на свои жертвы.

— Какой позоръ!—закричала я и бросился впередъ.

Конечно, мое вмѣшательство должно было кончиться тѣмъ же, чѣмъ и вмѣшательство другихъ, но тутъ бросился ко мнѣ Бютонъ, кузнецъ изъ Со. Онъ громко выкрикнулъ мое имя и растолкалъ тѣхъ, которые его окружали. Бютонъ обладалъ огромной физической силой, и ему ничего не стоило остановить этотъ людской потокъ. Узналъ меня и еще кое-кто. Толпа отхлынула назадъ. Раздались крики: «Да здравствуетъ де-Со! Да здравствуетъ другъ народа!» Сначала крики эти раздались въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ, потомъ въ третьемъ, и наконецъ вся площадь загудѣла отъ нихъ.

Я не понималъ еще тогда легковѣсности толпы, у которой отъ «долой» до «да здравствуетъ» всего одинъ шагъ. Признаюсь, отъ этихъ криковъ у меня сильнѣе забилося сердце. Свои отвернулись отъ меня съ гнѣвомъ, зато народъ привѣтствовалъ меня кликами. Пока я махалъ руками, чтобы водворить какъ-нибудь молчаніе, у меня вдругъ пронеслась мысль, что все эти привѣтственные крики дѣлаютъ изъ меня трибуна и ведутъ къ власти.

Эти крики какъ бы поднимали меня, и я невольно чувствовалъ себя выше. Но взглядъ мой нечаянно упалъ на Сентъ-Алэ, и я сразу спустился на землю. Маркизь уже поднялся на ноги и въ безсильной ярости вытиралъ платкомъ пыль съ башмаковъ. Изъ небольшой раны на головѣ струилась кровь, но онъ не обращалъ на это вниманія и пристально смотрѣлъ на меня, какъ бы желая прочесть мои мысли.

— Можетъ быть, ваши друзья, г. де-Со, уже сдѣлали свое дѣло, и мы теперь можемъ пойти домой,—заговорилъ онъ, едва водворилась относительная тишина.

Я пробормоталъ что-то и хотѣлъ проводить его, хотя наши дороги шли въ разные стороны. Съ нами были только два Гаринкура и Гонто. Остальные члены собранія или разбѣжались, или смотрѣли на все происходившее изъ оконъ дома собранія. Я предложилъ было руку Гонто, но онъ холодно поклонился и отклонилъ мою помощь. А маркизь, повернувшись ко мнѣ, сухо сказалъ, что они не смѣютъ меня беспокоить.

— Мы будемъ, конечно, въ полной безопасности, если вамъ угодно будетъ дать соотвѣтствующій приказъ,—ехидно замѣтилъ.

Мы раскланялись и разошлись. Но толпа, очевидно, поняла, что между нами произошло что-то неладное, и снова подняла вой. Полетѣли камни, и толпа опять стала напирать на насъ. Безпомощность Гонто связывала всѣхъ и не давала возможности уйти. Я видѣлъ, какъ Сентъ-Алэ съ окровавленнымъ лицомъ храбро заслонилъ собою старика и повелъ его впередъ. Я послѣдовалъ за нимъ. И опять раздались привѣтственные крики, и залитая юльскимъ солнцемъ площадь волновалась, словно море.

— Очень жаль,—заговорилъ опять де-Сентъ-Алэ:—что мы васъ потревожили, г. де-Со. Баронъ уже не молодъ, а ваши люди ведутъ себя иногда довольно безцеремонно.

— Что я тутъ могу сдѣлать?—вдругъ сказалъ я.

Мнѣ не хотѣлось оставлять ихъ на произволь судьбы, но, съ другой стороны, не хотѣлось и брать на себя такую задачу.

— Вы можете довести насъ до дому,—съ преувеличенной любезностью отвѣтилъ онъ, вынимая табакерку.

Толпа молча отхлынула назадъ и внимательно наблюдала за нами.

— Вы думаете, мое присутствіе поможетъ?

— Несомнѣнно,—живо отвѣтилъ онъ.—Вѣдь одинъ король умираетъ, другой возрождается.

Меня передернуло отъ этого сарказма, но мнѣ ничего не оставалось, какъ согласиться на его просьбу и двинуться вмѣстѣ съ ними. Толпа разступилась передъ нами, и мы шли среди криковъ и возгласовъ.

Сначала я хотѣлъ только вывести ихъ изъ толпы, но она шла за нами, и мнѣ нельзя было вернуться назадъ. Такимъ образомъ, преслѣдуемые по пятамъ, мы дошли до дома, гдѣ жилъ Сентъ-Алэ.

Его мать и сестра сидѣли на балконѣ, глядя на площадь. У входа появилось нѣсколько перепуганныхъ слугъ. Пока я глядѣлъ на балконъ, маркиза де-Сентъ-Алэ быстро спустилась внизъ и съ удивленіемъ оглядѣла слѣдовавшую за нами толпу. Увидя кровь на лицѣ сына, она вскрикнула и спросила, не раненъ ли онъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1916 г ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

ХОСТИНСКІЙ, С. Послѣ смерти. Очеркъ изъ загробной жизни. Ц. 40 к.

Философія, психологія, логика.

ВУЛЬФИУСЪ, А. Вальденское движеніе въ развитіи религиознаго индивидуализма. Критич. изслѣд. Ц. 2 р.

КАНАНОВА, Э. Я и міръ. Ц. 1 р.

КРЕМЛЕВЪ, Ю. Что говоритъ разумъ о свободѣ воли. Ц. 80 к.

ПОКРОВСКІЙ, П. Бенгамъ и его время. Ц. 4 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ЗВѢРЕВЪ, Н. Гр. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Ц. 50 к.

ИВАНОВЪ, ВЯЧ. Борозды и Межи. Опыты эстетическіе и критическіе. М. 1916. Ц. 2 р. 75 к.

КАРЕНИНЪ, В. Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія. Томъ 2-й. Ц. 4 р.

НИКОЛЬСКІЙ, Н. Сочиненія соловецкаго инока Герасима Фирсова по неизданнымъ текстамъ. Ц. 3 р.

ОТЕЧЕСТВО. Пути и достиженія національныхъ литературъ Россіи. Национальный вопросъ. Т. I. Подъ ред. проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Гредескула, Гуревича и др. Ц. 3 р. 75 к.

АВЕРЧЕНКО, А. «Безъ суфлера». Пьесы, Монологи. Ц. 1 р. 50 к.

ПЕРСИДСКІЕ ЛИРИКИ X—XV вв. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

ПРИВАЛОВЪ, Н. Очеркъ славянской мифологіи по различнымъ источникамъ. Ц. 20 к.

СОБОЛЕВЪ, Ю. Антонъ Чеховъ, неизданныя страницы. М. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

ЯВОРСКІЙ, Ю. Карпато-русское житіе апостола Петра. Ц. 30 к.

ЕГО ЖЕ. Заговоры и апокрифическія молитвы, по карпато-русскимъ рукописямъ XVII и начала XIX вв. Ц. 40 коп.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АВЕРЧЕНКО, А. «Безъ суфлера». Пьесы. Монологи. Ц. 1 р. 50 к.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Армения и Римъ. Ц. 1 р. 75 к.

АНДРЕЕВЪ, Л. Полеги. Разказы и пьесы. Ц. 1 р. 40 к.

АРСЕНЬЕВЪ, Н. Голосъ любви. Нѣсколько аккордовъ изъ мистической поэзіи среднихъ вѣковъ. М. 1916 г. Ц. 40 к.

БЛОКЪ, А. Театръ. М. 1916 Ц. 2 р.

БРЭТЪ-ГАРТЪ. Собраніе сочиненій. 4 тома Ц. 3 р.

- БРУСЯНИНЪ, В. Въ странѣ озеръ. Очерки изъ финляндской жизни. Ц. 1 р. 25 к.
- ВЕРХОУСТИНСКІЙ, Б. Маленькая буря. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ВТОРОЙ сборникъ Центрофуги. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
- ВЪ ПОМОЩЬ плѣннымъ русскимъ воинамъ. Литературный сборникъ. М. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ГРОЗЕВСКІЙ, Б. Узоры. Рассказы. Ц. 1 р.
- КАРАТЫГИНА, Н. Кровь животворящая. Сборникъ. Ц. 1 р.
- КИПЕНЪ, А. Бирючий островъ. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- ЕГО ЖЕ. Господская жизнь. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- КРАЙНОВИЧЪ, М. Въ шупальцахъ жизни. Еврейскія рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- КРАШЕВСКІЙ, І. Графиня Козель. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- КУЗЬМИНА-КАРАБАЕВА, Е. Руевъ. Стихи. Ц. 1 р. 75 к.
- КУРБАТОВЪ, П. Журналистъ-сыщикъ. Романъ. Ц. 2 р.
- ЛЕНСКІЙ, В. Демонъ наготы. Романъ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКІЙ, А. Тротуаръ. Стихи. Цѣна 1 р.
- ЛОНДОНЪ, Д. Желтая пята. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.
- ВЛ. НЕВСКІЙ. Мессалина нашихъ дней. Романъ. Ц. 2 р.
- ОЗАРОВСКАЯ, О. Бабушкины старинны. Былины. Ц. 1 р. 20 к.
- ПРОСТЫЕ НАПѢВЫ. Стихотворенія. С. Ж. Ц. 30 к.
- ПРЯНИКЪ осиротѣвшимъ дѣтямъ. Сборникъ въ пользу убѣжища «Дѣтская Помощь». Ц. 3 р.
- ПЬЕРЪ ДЭ-КУЛЬВЭНЪ. Соперницы. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- РОМОЦКІЙ, Л. Собрание сочиненій. Т. 1. У Нѣмцевъ въ лапахъ. Романъ изъ польской жизни. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- РУНОВА, О. Мудрость жизни. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- СЕРАФИМОВИЧЪ, А. Лихорадка. Рассказы. Ц. 1 р. 40 к.
- «СЛОВО», сборникъ пятый. Ц. 1 р. 75 к. к., тоже шестой, ц. 2 р.
- СТРАДА, литературный сборникъ. Ц. 2 р. 75 коп.
- СЪВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Въ странѣ труда. Финляндскіе романы. Ц. 1 р. 25 к.
- СЪВЕРЯНИНЪ, И. Тостъ безотвѣтный. Поэзы. Ц. 1 р. 50 к.
- УСПЕНСКІЙ, П. Разговоры съ дяволомъ, оккультныя рассказы. Ц. 2 р.
- Ц. ЗИНАИДА. Лучи и тѣни. Стихи. Ц. 2 р.
- ШОУ, Б. Пигмалионъ. Комедія въ пяти актахъ. Ц. 75 к.
- ЮШКЕВИЧЪ, С. Наши сестры. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- БОГАЕВСКІЙ, Б. Земледѣльская религія Аонія. Т. 1. Ц. 1 р. 75 к.
- ЕГО ЖЕ. Очеркъ земледѣлія Аонія. Ц. 1 р. 25 к.
- ВЕСЕЛОВСКІЙ, Н. Современное состояние вопроса о «каменныхъ бабахъ или балбалахъ». Одесса. 1915. Ц. 1 р. 20 к.
- ГОРБАЧЕВСКІЙ, П. Записки декабриста. М. 1916. Ц. 2 р.
- КУЛИШЕРЪ, І. Лекціи по исторіи эконоическаго быта Западной Европы. Ц. 3 р. 25 к.
- ПОКРОВСКІЙ, Н. Церковная археологія въ связи съ исторіей христіанскаго искусства. 417 рисунковъ. Ц. 3 р.
- ПОСЕЛЯНИНЪ, Е. Братъ Панаевы. Краса русской конницы. Ц. 60 к.
- ПРОЛОГЪ по рукописи Императорской Публичной Библиотеки Погодинскаго древлехранилища, № 58. Вып. 1. Ц. 5 р.
- ПЫШИНЪ, А. РУССКОЕ масонство XVIII и первая четверть XIX в. Ц. 4 р. 75 к.
- Религіозныя движенія при Александрѣ I. Ц. 4 р.
- СИМОНОВЪ, И. Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога. Цѣна 50 коп.
- ФРИДРИХЪ ОЗАНАМЪ, Проф. Парижскаго университета. Его жизнь и дѣятельность. Съ портретомъ. М. 1916 г. Ц. 50 к.
- ХИЖНЯКОВЪ, В. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Ц. 2 р. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БЪЛАВЕНЕЦЪ, М. Борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Нѣмецъ во главѣ городскихъ предприятий по трудовой помощи въ гор. Петроградѣ. Ц. 50 к.
- ГОРОЩЕНКО, К. Несостоятельность казенной винной монополии и акцизное вѣдомство. Проектъ реформы. М. 1916. Ц. 1 р.
- КУДРЯВЦЕВЪ, П. Россія и Царьградъ. Три момента въ литературной исторіи вопроса. Кіевъ. 1916. Ц. 60 к.
- КЪ 10-ЛѢТІЮ 1-ой Государственной Думы. Сборникъ статей. Ц. 2 р. 25 к.
- ЛАМАНСКІЙ, В. Три царства Азіатско-Европейскаго материка. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛУППОВЪ, П. Нѣмцыя начальныя школы въ Россіи. Къ вопросу о нѣмецкихъ колоніяхъ на русской землѣ. Ц. 50 к.
- МАЙСКІЙ, В. Германія и война. М. 1916 г. Ц. 4 р. 50 к.
- МЕНЬШИКОВЪ, М. Письма къ ближнимъ. 1915. Ц. 2 р.
- МУСІЕНКО, І. Наназуемая неосторожность въ печати. Одесса. 1915. Ц. 3 р.
- ПОТРЕСОВЪ, А. Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія. Вып. 1-й. Цѣна 75 коп.
- ПУБЛИЦИСТЪ-ГРАЖДАНИНЪ. Литературный сборникъ, посвящ. памяти Г. К. Градовскаго. Съ портретомъ. Ц. 2 р.
- РУНИНЪ, С. Отклики. № 8. Война и дипломатія. Ц. 20 к.
- ЕГО ЖЕ. Тоже. Сборникъ съ № 1 по 6. Цѣна 1 рубль.
- СЛАВЯНСКІЙ, В. Вредныя крайности увлеченія части русскаго общества въ борьбѣ съ алкоголемъ. Ц. 1 р.
- СТРУВЕ, П. Хозяйство и цѣна. Ч. 2. Вып. 1. М. 1916. Ц. 2 р.
- СУХАНОВЪ, Н. Наши направленія. Марксизмъ и народничество. Ц. 90 к.

ТЕРЪ-ГУКАСОВЪ, Г. Политическіе и экономическіе интересы Россіи въ Персіи. Ц. 1 р. 25 к.

ФОИНИЦКІЙ, И. Курсуъ головного права, ч. особенная. Посягательства лич-

ныя и имущественныя. Изд. 7, доп. Ц. 4 р.

ХОЛЮКЪ, Д. Современное кооперативное движеніе. М. 1915 г. Ц. 1 р.

ЭНЗИСЪ. Война и германская социаль демократія. Ц. 75 к.

Искусство.

ЛЕОНАРДО-ДА-ВИНЧИ. Флорентійскія чтенія. М. Ц. 5 р.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Театръ для себя. Ч. 2-я. Прагматическая. Ц. 1 р. 50 коп.

САПУНОВЪ, Н. Н. Изданіе «Аполлона» Цѣна 4 рубля.

Естествознаніе и математика.

БУБНОВЪ, Н. Забытая ариометика классической древности. Древній абакъ—колыбель современной ариометики. Кіевъ. 1916. г. Ц. 1 р. 50 коп.

ЛЕБЕДЕВЪ, В. Очерки по исторіи

точныхъ наукъ. Вып. I. Кто изобрѣлъ алгебру? М. 1916. Ц. 1 р.

ЮБИЛЕЙНЫЙ сборникъ Крымско-Кавказскаго горнаго клуба. 1890—1914. Одесса. Ц. 2 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВЕЙДЕНГАММЕРЪ, Ю. Банкъ и его операціи. Общія основныя понятія. Ц. 1 р. 25 к.

ДМИТРИЕВЪ-МАМОНОВЪ, В. Тео-

рія и практика коммерческаго банка. Ц. 3 р.

ТЭЙЛОРЪ, Ф. Административно-техническая организація промышленныхъ предприятий. Ц. 2 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

КЛЮЧАРЕВЪ, Н. Какъ водить овецъ. М. 1915 г. Ц. 12 к.

ПИСАРЕВСКІЙ, Г. Хозяйство и форма землевладѣнія въ колоніяхъ Поволжья

въ 18 и въ первой четверти 19 вѣка. Ростовъ-на-Дону. 1916 г. Ц. 1 р.

РУССКОЕ виноградарство въ 1914 году. Статистико-экономич. свѣдѣнія. Одесса. 1915 Ц. 75 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БЕККЕРЪ, В. Геометрическое и инженерное черченіе. Руководство и школа для студентовъ, техникумовъ и чертежниковъ. Ц. съ черт. 2 р.

ВАГНЕРЪ, О. Сборникъ архитектурныхъ фасадовъ, мотивовъ и деталей въ новомъ стилѣ. Цѣна 3 р.

ГАНИЦКІЙ, И. Справочныя таблицы по тепловой техникѣ. Ч. I. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р. 60 коп.

ЖИДОЛОВИЧЪ, А. Элементарный курсъ подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ. Кіевъ. 1915. Ц. 2 р.

ІЕРУСАЛИМСКІЙ, А. Что долженъ знать мотоциклистъ. Практик. руков. по уходу и ремонту. Ц. 2 р. 75 к.

КАРПОВИЧЪ, В. Мотивы деревянной архитектуры. Ц. 3 р.

КИСЕЛЕВЪ, В. Приготовленіе олифы и сиккативовъ. М. 1915 г. Ц. 23 к.

ЛАМТЕВЪ, Н. Какъ дѣлать домашними средствами электрическіе авто-извѣстители. Ц. 30 к.

ЛЮСТЬ, Г. Примѣнимость двигателей внутренняго сгорания на электрическихъ станціяхъ. Ц. 1 р. 60 к.

НЕДЛЕРЪ, С. Технологія металловъ. Ц. 50 к.

ПЕРЕДЕРІЙ, Г. Курсъ мостовъ. Конструкція, проектированіе и расчетъ. Ч. I. Мосты малыхъ пролетовъ каменные, деревянные и желѣзные. Цѣна 9 рублей.

ПЕТРОВЪ, А. Приготовленіе маргарина и маргаринаго масла. Ц. 20 к.

УТАРОВЪ, А. Механическая обработка и пряденіе льна и очесовъ. Ц. 2 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АЛЛИНСОНЪ, Т. Гигиеническая медицина. Кіевъ. 1916. Ц. 50 к.

ВОРОНКОВЪ, Н. Какъ охранить себя и другихъ отъ зараженія черезъ воду. М. 1916 г. Ц. 18 к.

ДОКТОРСКІЕ совѣты воину. Одесса. 1916. Цѣна 15 к.

ЗЕНДЕРЪ, В. Первая помощь и уходъ за ранеными и больными. М. 1916. Ц. 1 р.

МЕЗЕРНИЦКІЙ, П. Физиотерапія. Руководство для врачей. Т. I. Фототерапія. Примѣненіе лучистой энергіи въ медицинѣ. Съ 285 рис., 9 картами. Ц. 6 р. 50 к.

ОСОКИНЪ, Н. Къ ученію о внутренней отдѣлительной дѣятельности щитовидной железы при нормальныхъ и пато-

логическихъ условіяхъ. Саратовъ. 1915. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ курсъ общей патологій. Сост. по учебн. Подвысоцкаго, Репрева, Тарасевича и др. Ц. 1 р. 25 к.

СНАРСКІЙ, А. Курсъ гигиены. Ц. 1 р. 20 к.

УСТРОЙСТВО и оборудованіе заразныхъ госпиталей. М. 1916. Ц. 2 р. 80 к.

ШИЛОВЪ, А. Предвзятыя теоріи и алкогольныя предрасудки. М. 1916 г. Ц. 40 к.

ШМИДТЪ, Н. Защита больничнаго персонала отъ зараженія сыпнымъ тифомъ. Ц. 40 к.

ЯЦУТА, К. Краткіи учебникъ анатоміи съ необходимыми данными изъ физиологій. Ц. 1 р. 80 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- ВУЛЬФЪ, Н. и ЦИНЗЕРЛИНГЪ, Д. Элементарная алгебра. Курсъ средн. учебн. завел. Ц. 1 р. 50 к.
- ГАВРИЛОВА, Н. и СТАХОРСКАЯ, М. Дневникъ матери. Записки о душевномъ развитіи ребенка отъ рожденія до семилѣтняго возраста. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
- ИНОРОДЧЕСКАЯ ШКОЛА, сборникъ статей и матеріаловъ по вопр. инород. школы. Ц. 1 р. 50 коп.
- КАРАСЕВЪ, П. Геометрія на подвижныхъ моделяхъ. М. 1916. Ц. 75 к.
- FRITCHARD, GUY. First English Book. Ц. 1 р. 75 к.
- ПРОХАСКО, О Нѣсколько мыслей о религіозномъ воспитаніи. Кіевъ. 1916. Ц. 25 к.
- РИДИГЕРЪ, Н. Новый типъ народной сельско-хозяйственной школы. Самара. 1916. Ц. 25 к.
- ТРУДЫ перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи. Т. I-й. Ц. 3 р.
- ЧЕБОТАРЕВА, Н. Практический курсъ русскаго правописанія съ прил. диктанта. Ч. I. Ц. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- БАДЕНЪ-ПАУЛЬ. Юный развѣдчикъ. Цѣна 1 р. 50 к.
- НАШЪ ЖУРНАЛЪ, дѣтская художественная книжка, составленная дѣтьми подъ ред. А. Арнштама, А. Бенуа.
- М. Добужинскаго и друг. Ц. 3 руб. 25 коп.
- САПОЖНИКОВА, Т. и ЗАНДБЕРГЪ, Д. Святая Клара. Историческій романъ для юношества. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Справочныя книги.

- БОГДАНОВЪ, В. Таможенные правила о вывозѣ товаровъ за границу изъ числа запрещенныхъ къ отпуску по обстоятельствамъ военнаго времени. Ц. 85 к. коп.
- ВСЕЪ САРАТОВЪ. Справочникъ-календарь на 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
- КОШКИНЪ, С. Карманныя таблицы для взаимнаго перевода мѣръ: метрическихъ, русскихъ, англійскихъ, американскихъ. Ц. 75 к.
- СПРАВОЧНИКЪ о пенсіяхъ и пособіяхъ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Ц. 10 к.
- СТРУНСКІЙ, В. Альманахъ-путеводитель по отечественнымъ курортамъ и лечебнымъ мѣстамъ. Ц. 1 р. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.**ПРЯНИКЪ****ОСИРОТЪВШИМЪ ДѢТЯМЪ**

Сборникъ въ пользу Убѣжища

Общества „ДѢТСКАЯ ПОМОЩЬ“.

Ред.-изд. А. Д. Барановская.

Цѣна 3 рубля.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя Бориса Борисовича Глинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

